

А.Н. РАДИЩЕВ

ПУТЕШЕСТВИЕ
ИЗ ПЕТЕРБУРГА
В МОСКВУ

ВОЛЬНОСТЬ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

А. Н. РАДИЩЕВ

ПУТЕШЕСТВИЕ
ИЗ ПЕТЕРБУРГА
В МОСКВУ

ВОЛЬНОСТЬ

Издание подготовил
В. А. ЗАПADOB

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1992

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*В. Е. Базно, Н. И. Балашов, В. Э. Вацуро, М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришунин,
Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова, Б. Ф. Егоров (председатель), Н. А. Жирмунская,
А. В. Лавров, Д. С. Лихачев (почетный председатель), А. Д. Михайлов,
И. Г. Птушкина (ученый секретарь), А. М. Самсонов (заместитель председателя),
И. М. Стеблин-Каменский, С. О. Шмидт*

Ответственный редактор
А. М. ПАНЧЕНКО

Р $\frac{4702010101-672}{042 (02)-92}$ Без объявл.

ISBN 5-02-027927-7

© В. А. Западов, 1992
Составление, редакции и варианты,
статьи, комментарии
© Издательство «Наука», 1992

**ПУТЕШЕСТВИЕ
ИЗ
ПЕТЕРБУРГА
В МОСКВУ**

«Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй».

Тилемахида, том II, кн. XVIII, стих 514.

Любезнейшему другу.

Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, о! сочувственник мой, посвящено да будет. Хотя мнения мои о многих вещах различествуют с твоими, но сердце твое бьет моему согласно — и ты мой друг.

Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои во внутренность мою — и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто оттого только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы. Ужели, вещал я сам себе, природа толико скупа была к своим чадам, что от блудящего невинно сокрыла истину навеки? Ужели сия грозная мачиха произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженство николи? Разум мой вострепетал от сей мысли, и сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло. Я человеку нашел утешителя в нем самом. «Отыми завесу с очей природного чувствования — и блажен буду». Сей глас природы раздавался громко в сложении моем. Воспрянул я от уныния моего, [II] в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и — веселие неизреченное! — я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благодетельности себе подобных. — Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но если, говорил я сам себе, я найду кого-либо, кто намерение мое одобрит, кто ради благой цели не опорочит неудачное изображение мысли, кто состраждет со мною над бедствиями собратии своей, кто в шествии моем меня подкрепит, — не сугубой ли плод произойдет от поднятого мною труда? . Почто, почто мне искать далеко кого-либо? Мой друг! ты близ моего сердца живешь — и имя твое да озарит сие начало.

ВЫЕЗД

1

Отужинав с моими друзьями, я лег в кибитку. Ямщик, по обыкновению своему, поскакал во всю лошадиную мочь, и в несколько минут я был уже за городом. Расставаться трудно, хотя на малое время, с тем, кто нам нужен стал на всякую минуту бытия нашего. Расставаться трудно; но блажен тот, кто расстаться может не улыбаясь; любовь или дружба стрегут его утешение. Ты плачешь, произнося «прости»; но вспомни о возвращении твоём, и да исчезнут слезы твои при сем воображении, яко роса пред лицом солнца. Блажен возрыдавший, надейся на утешителя; блажен живущий иногда в будущем; блажен живущий в мечтании. Существо его усугубляется, веселия множатся, и спокойствие упреждает нахмуренность грусти, распложая образы радости в зеркалах воображения. — Я лежу в кибитке. Звон почтового колокольчика, наскучив моим ушам, призвал наконец благодетельного Морфея. Горесть разлуки моя, преследуя за мною в смертоподобное мое состояние, представила меня воображению моему уединенна. Я зрел себя в пространной долине, потерявшей от солнечного зноя всю приятность и пестроту зелености; не было тут источника на прохладнение, не было древесных сени на умерение зноя. Един, оставлен, среди природы пустынный! Вострепетал. — Несчастной, — возопил я, — где ты? где девалось все, что тебя прельщало? где то, что жизнь делало тебе приятною? Неужели веселости, тобою вкушенные, были сон и мечта? — По счастью моему случившаяся на дороге рытвина, в которую кибитка моя толкнулась, меня разбудила. — Кибитка моя остановилась. Приподнял я голову. Вижу: на пустом месте стоит дом в три жилья. — Что такое? — спрашивал я у повозчика моего. — Почтовой двор. — Да где мы? — В Софии, — и между тем выпрягал лошадей.

СОФИЯ

4

Повсюду молчание. Погруженный в размышлениях, не приметил я, что кибитка моя давно уже без лошадей стояла. Привезший меня извозчик извлек меня из задумчивости. — Барин-батюшка, на водку! — Сбор сей хотя не законной, но охотно всякой его платит, дабы не ехать по указу. —

Двадцать копеек послужили мне в пользу. Кто ездил по почте, тот знает, что подорожная есть оберегательное письмо, без которого всякому кошельку, — генеральской, может быть, исключая, — будет накладно. Вынув ее из кармана, я шел с нею, как ходят иногда для защиты своей со крестом.

Почтового комиссара нашел я храпящего; легонько взял его за плечо. — Кого черт давит? Что за манер выезжать из города ночью. Лошадей нет; очень еще рано; взойди, пожалуй, в трактир, выпей чаю или урни. — Сказав сие, г. комиссар отворотился к стене и паки захрапел. Что делать? Потряс я комиссара опять за плечо. — Что за пропасть, я уже сказал, что нет лошадей, — и, обернув голову одеялом, г. комиссар от меня отворотился. — Если лошади все в разгоне, — размышлял я, — то несправедливо, что я мешаю комиссару спать. А если лошади в конюшне. . . — Я вознамерился узнать, правду ли г. комиссар говорил. Вышел на двор, сыскал конюшню и нашел в оной лошадей до двадцати; хотя, правду сказать, кости у них были видны, но меня бы дотащили до следующего стана. Из конюшни я опять возвратился к комиссару; потряс его гораздо покрепче. Казалось мне, что я к тому имел право, нашед, что комиссар солгал. Он второпях вскочил и, не продрав еще глаз, спрашивал: — Кто приехал? не. . . — но опомнившись, увидя меня, сказал мне: — Видно, молодец, ты обык так обходиться с прежними ямщиками. Их бивали палками; но ныне не прежняя пора. — Со гневом г. комиссар лег спать в постелю. Мне его так же хотелось попотчевать, как прежних ямщиков, когда они в обмане приличались; но щедрость моя, давая на водку городскому повозчику, побудила софийских ямщиков запречь мне поскорее лошадей, и в самое то время, когда я намерялся сделать преступление на спине комиссарской, зазвенел на дворе колокольчик. Я пребыл доброй гражданин. И так двадцать медных копеек избавили миролюбивого человека от следствия, детей моих — от примера невоздержания во гневе, и я узнал, что рассудок есть раб нетерпеливости.

Лошади меня мчат; извозчик мой затянул песню, по обыкновению заунывную. Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее. Все почти голоса таковых песен суть тону мягкого. — На сем музыкальном расположении народного уха умей учреждать бразды правления. В них найдешь образование души нашего народа. Посмотри на русского человека: найдешь его задумчива. Если захочет разгнать скуку или, как то он сам называет, если захочет повеселиться, то идет в кабак. В веселии своем порывист, отважен, сварлив. Если что-либо случится не по нем, то скоро начинает спор или битву. — Бурлак, идущий в кабак повеся голову и возвращающийся обогрениной кровию от оплеух, многое может решить доселе гадательное в истории российской.

Извозчик мой поет. — Третий час пополудни. Как прежде колокольчик, так теперь его песня произвела опять во мне сон. — О природа, объяв человека в пелены скорби при рождении его, влача его по строгим хребтам боязни, скуки и печали чрез весь его век, дала ты ему в отраду сон. —

Уснул, и все скончалось. — Несносно пробуждение несчастному. О, сколь смерть для него приятна. А есть ли она конец скорби. — Отче всеблагий, неужели отвратишь взоры свои от скончающегося бедственное житие свое мужественно. Тебе, источнику всех благ, приносится сия жертва. Ты един даешь крепость, когда естество трепещет, содрогается. Се глас отчий, взывающий к себе свое чадо. Ты жизнь мне дал, тебе ее и возвращаю, на земли она стала уже бесполезна.

ТОСНА

9

Поехавши из Петербурга, я воображал себе, что дорога была наилучшая. Таковою ее почитали все те, которые ездили по ней вслед государя. Такова она была действительно, но на малое время. Земля, насыпанная на дороге, сделав ее гладкою в сухое время, дождями разжиженная, произвела великую грязь среди лета и сделала ее непроходимую. . . Обеспокоен дурною дорогою, я, встав из кибитки, вошел в почтовую избу, в намерении отдохнуть. В избе нашел я проезжающего, которой, сидя за обыкновенным длинным крестьянским столом в переднем углу, разбирал бумаги и просил почтового комиссара, чтобы ему поскорее велел дать лошадей. На вопрос мой, кто он был? — узнал я, что то был старого по-¹⁰ крою стряпчий, едущий в Петербург с великим множеством изодранных бумаг, которые он тогда разбирал. Я немедля вступил с ним в разговор, и вот моя с ним беседа: — Милостивый государь! Я, нижайший ваш слуга, быв регистратором при разрядном архиве, имел случай употребить место мое себе в пользу. Посильными моими трудами я собрал родословную, на ясных доводах утвержденную, многих родов российских. Я докажу княжеское или благородное их происхождение за несколько сот лет. Я восстановлю нередкого в княжеское достоинство, показав от Владимира Мономаха или от самого Рюрика его происхождение. Милостивый государь! — продолжал он, указывая на свои бумаги, — все великороссийское дворянство долженствовало бы купить мой труд, заплатя за него¹¹ столько, сколько ни за какой товар не платят. Но, с дозволения вашего высокородия, благородия или высокоблагородия, не ведаю как честь ваша, они не знают, что им нужно. Известно вам, сколько блаженные памяти благоверный царь Федор Алексеевич российское дворянство обидел, уничтожив местничество. Сие строгое законоположение поставило многие честные княжеские и царские роды наравне с новгородским дворянством. Но благоверный же государь император Петр Великий совсем привел их в затмение своею табелью о рангах. Открыл он путь чрез службу военную и гражданскую всем к приобретению дворянского титула и древнее дворянство, так сказать, затоптал в грязь. Ныне всемилостивейше царствующая наша мать утвердила прежние указы высочайшим о дворянстве положением, которое было всех степенных наших востревожило, ибо древние роды поставлены в дворянской книге ниже всех. Но слух носится, что в до-¹² полнение вскоре издан будет указ, и тем родам, которые дворянское свое

происхождение докажут за 200 или 300 лет, приложится титул маркиза или другое знатное, и они пред другими родами будут иметь некоторую отличность. По сей причине, милостивейший государь! труд мой должен весьма быть приятен всему древнему благородному обществу; но всяк имеет своих злодеев.

В Москве завернулся я в компанию молодых господчиков и предложил им мой труд, дабы благосклонностию их возвратить хотя истраченную бумагу и чернила; но вместо благоприятства попал в посмеяние и, с горя оставив столичный сей град, вдался пути до Питера, где, известно, гораздо больше просвещения. — Сказав сие, поклонился мне об руку и, вытянувшись прямо, стоял передо мною с величайшим благоговением. Я понял его мысль, вынул из кошелька. . . и, дав ему, советовал, что, приехав в Петербург, он продал бы бумагу свою на вес разносчикам, для обертки; ибо мнимое маркизство скружить может многим голову, и он причиною будет возрождению истребленного в России зла — хвастовства древния породы.

14

ЛЮБАНИ

Зимую ли я ехал или летом, для вас, думаю, равно. Может быть, и зимую и летом. Нередко то бывает с путешественниками: поедут на санях, а возвращаются на телегах. — Летом. — Бревешками вымощенная дорога замучила мои бока; я вылез из кибитки и пошел пешком. Лежа в кибитке, мысли мои обращены были в неизмеримость мира. Отделяясь душевно от земли, казалось мне, что удары кибиточные были для меня легче. — Но упражнения духовные не всегда нас от телесности отвлекают; и для сохранения боков моих пошел я пешком. — В нескольких шагах от дороги увидел я папущего ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрел я на часы. — Первого сорок минут. — Я выехал в субботу. —

15 Сегодня праздник. — Папущий крестьянин принадлежит, конечно, помещику, которой оброку с него не берет. — Крестьянин пашет с великим тщанием. — Нива, конечно, не господская. — Соху поворачивает с удивительною легкостью. — Бог в помощь, — сказал я, подошед к пахарю, которой, не останавливаясь, доканчивал зачатую борозду. — Бог в помощь, — повторил я. — Спасибо, барин, — говорил мне пахарь, отряхая сошник и переноса соху на новую борозду. — Ты, конечно, раскольник, что папешь по воскресеньям. — Нет, барин, я прямым крестом крещусь, — сказал он, показывая мне сложенные три перста. — А бог милостив, с голоду умирать не велит, когда есть силы и семья. — Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще и в самой жар? — В неделе-то, барин, шесть дней, а мы

16 шесть раз в неделю ходим на барщину; да под вечерок возим оставшее в лесу сено на господской двор, коли погода хороша; а бабы и девки для прогулки ходят по праздникам в лес по грибы да по ягоды. Дай бог, — крестясь, — чтоб под вечер сегодня дождик пошел. Барин, коли есть

у тебя мужички, так они того же у господина молят. — У меня, мой друг, мужиков нет, и для того никто меня не клянет. Велика ли у тебя семья? — Три сына и три дочки. Первинькому-то десятой годок. — Как же ты успеваешь доставать хлеб, коли только праздник имеешь свободным? — Не одни праздники, и ночь наша. Не ленись наш брат, то с голоду не умрет. Видишь ли, одна лошадь отдыхает, а как эта устанет, возьмусь за другую; дело-то и споро. — Так ли ты работаешь на господина своего? — Нет, барин, грешно бы было так же работать. У него на пашне сто рук для одного рта, а у меня две для семи ртов, сам ты счет знаешь. Да хотя растянишься на барской работе, то спасибо не скажут. Барин подушных не заплатит; ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступит. То ли житье нашему брату, как где барин оброк берет с крестьянина, да еще без приказчика. Правда, что иногда и добрые господа берут более трех рублей с души; но все лучше барщины. Ныне еще поверье заводится — отдавать деревни, как то называется, на аренду. А мы называем это — отдавать головой. Голой наемник дерет с мужиков кожу; даже лучшей поры нам не оставляет. Зимой не пускает в извоз, ни в работу в город; все работай на него, для того что он подушные платит за нас. Самая дьявольская выдумка отдавать крестьян своих чужому в работу. На дурного приказчика хотя можно пожаловаться, а на наемника кому? — Друг мой, ты ошибаешься, мучить людей законы запрещают. — Мучить? Правда; но небось, барин, не захочешь в мою кожу. — Между тем пахарь запрят другую лошадь в соху и, начав новую борозду, со мною простился.

Разговор сего земледельца возбудил во мне множество мыслей. Первое представилось мне неравенство крестьянского состояния. Сравнил я крестьян казенных с крестьянами помещичьими. Те и другие живут в деревнях; но одни платят известное, а другие должны быть готовы платить то, что господин хочет. Одни судятся своими равными; а другие в законе мертвы, разве по делам уголовным. — Член общества становится только тогда известен правительству, его охраняющему, когда нарушает союз общественный, когда становится злодей! Сия мысль всю кровь во мне воспалила. — Страхись, помещик жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу твое осуждение. — Углубленный в сих размышлениях, я нечаянно обратил взор мой на моего слугу, которой, сидя в кибитке передо мной, качался из стороны в сторону. Вдруг почувствовал я быстрый мраз, протекающий кровь мою, и, прогоняя жар к вершинам, нудил его распространяться по лицу. Мне так стало во внутренности моей стыдно, что едва я не заплакал. — Ты во гневе твоём, говорил я сам себе, устремляешься на гордого господина, изнуряющего крестьянина своего на nive своей; а сам не то же ли или еще хуже того делаешь? Какое преступление сделал бедной твоей Петрушка, что ты ему воспрещаешь пользоваться усладителем наших бедствий, величайшим даром природы несчастному — сном? — Он получает плату, сыт, одет, никогда я его не секу ни плетью, ни батожем (о умеренной человек!), — и ты думаешь, что кусок хлеба и лоскут сукна тебе дают право поступать с подобным тебе существом, как с кубарем, и тем ты только хвастаешь, что не часто подсекаешь его в его вертении. Ведаешь ли, что в первенственном уложении, в сердце

каждого написано? Если я кого ударю, тот и меня ударить может. — Вспомни тот день, как Петрушка пьян был и не успел тебя одеть. Вспомни о его пощечине. О, если бы он тогда, хотя пьяной, опомнился и тебе отвечал бы соразмерно твоему вопросу! — А кто тебе дал власть над ним? — Закон. — Закон? И ты смеешь поносить сие священное имя? Несчастный. . . — Слезы потекли из глаз моих; и в таком положении почтовые клячи дотащили меня до следующего стана.

21

ЧУДОВО

Не успел я войти в почтовую избу, как услышал на улице звук почтового колокольчика, и чрез несколько минут вошел в избу приятель мой Ч. . . Я его оставил в Петербурге, и он намерения не имел отсюда выехать так скоро. Особливое происшествие побудило человека нраву крутого, как то был мой приятель, удалиться из Петербурга, и вот что он мне рассказал.

— Ты был уже готов к отъезду, как я отправился в Петергоф. Тут я препроводил праздники столь весело, сколько в шуму и чаду веселиться можно. Но, желая поездку мою обратить в пользу, вознамерился съездить в Кронштат и на Систербек, где, сказывали мне, в последнее время сделаны великие перемены. В Кронштате прожил я два дни с великим удовольствием, насыщаясь зрением множества иностранных кораблей, каменной одежды крепости Кронштатской и строений, стремительно возвышающихся. Любопытствовал посмотреть нового Кронштату плана и с удовольствием предусматривал красоту намереваемого строения; словом, второй день пребывания моего кончился весело и приятно. Ночь была тихая, светлая, и воздух благорастворенной вливал в чувства особую нежность, которую легче ощущать, нежели описать удобно. Я вознамерился в пользу употребить благость природы и насладиться еще один хотя раз в жизни великолепным зрелищем восхождения солнца, которого на гладком водяном горизонте мне еще видеть не удавалось. Я нанял морскую 12-ти-весельную шлюпку и отправился на С. . .

Версты с четыреплыли мы благополучно. Шум весел единозвучностию своею возбудил во мне дремоту, и томное зрение едва ли воспрядало от мгновенного блеска падающих капель воды с вершины весел. Стихотворческое воображение преселяло уже меня в прелестные луга Пафоса и Амафонта. Внезапу острый свист возникающего вдали ветра разгнал мой сон, и отягченным взором моим представлялися сгущенные облака, коих черная тяжесть, казалось, стремилась к нам на главу и падением устрасала. Зерцаловидная поверхность вод начинала рябеть, и тишина уступала место начинающемуся плесканию валов. Я рад был и сему зрелищу; соглядал величественные черты природы и не в чванство скажу: что других устрасать начинало, то меня веселило. Восклидал изредка, как Вернет: —

24 Ах, как хорошо! — Но ветер, усиливаясь постепенно, понуждал думать о достижении берега. Небо от густоты непрозрачных облаков совсем по-

меркло. Сильное стремление валов отнимало у кормила направление, и порывистый ветер, то вознося нас на мокрые хребты, то низвергая в утесистые рывтины водяных зыбей, отнимал у гребущих силу шественного движения. Следуя поневоле направлению ветра, мы носились наудачу. Тогда и берега начали бояться; тогда и то, что бы нас при благополучном плавании утешать могло, начинало приводить в отчаяние. Природа завистливою нам на сей час казалася, и мы на нее негодовали теперь за то, что не распространяла ужасного своего величества, сверкая в молнии и слух тревожа громовым треском. Но надежда, преследуя человека до крайности, нас укрепляла, и мы, елико нам возможно было, ободряли друг друга.

Носимое валами, внезапно судно наше остановилось недвижимо. Все ²⁵ наши силы, совокушно употребленные, не были в состоянии совратить его с того места, на котором оно стояло. Упражняясь в сведении нашего судна с мели, как то мы думали, мы не заметили, что ветер между тем почти совсем утих. Небо помалу очистилось от затмевавших синеву его облаков. Но восходящая заря вместо того, чтоб принести нам отраду, явила нам бедственное наше положение. Мы узрели ясно, что шлюпка наша не на мели находилась, но погрязла между двух больших камней, и что не было никаких сил для ее избавления оттуда невредимо. Вообрази, мой друг, наше положение, все, что я ни скажу, все слабо будет в отношении моего чувства. Да и если б я мог достаточные дать черты каждому души моей движению, то слабы еще были бы они для произведения в тебе ²⁶ подобного тем чувствованиям, какие в душе моей возникали и теснились тогда. Судно наше стояло на середине гряды каменной, замыкающей залив, до С. . . простирающийся. Мы находились от берега на полторы версты. Вода начинала проходить в судно наше со всех сторон и угрожала нам совершенным потоплением. В последний час, когда свет от нас преходить начинает и отверзается вечность, ниспадают тогда все степени, мнением между человекoв воздвигнутые. Человек тогда становится просто человек: так, видя приближающуюся кончину, забыли все мы, кто был какого состояния, и помышляли о спасении нашем, отливая воду, как кому споручно было. Но какая была в том польза? Колико воды союзными нашими силами было исчерпаемо, толико во мгновение паки накоплялося. К крайнему сердце наших сокрушению, ни вдаль, ни вблизи не видно было мимо- ²⁷ идущего судна. Да и то, которое бы подало нам отраду, явясь взорам нашим, усугубило бы отчаяние наше, удаляясь от нас и избегая равныя с нами участи. Наконец, судна нашего правитель, более нежели все другие к опасностям морских происшествий обыкший, взиравший поневоле, может быть, на смерть хладнокровно в разных морских сражениях в прошедшую турецкую войну в Архипелаге, решился или нас спасти, спасаяся сам, или погибнуть в сем благом намерении: ибо, стоя на одном месте, погибнуть бы нам должно было. Он, вышед из судна и перебираясь с камня на камень, направил шествие свое к берегу, сопровождаем чистосердечнейшими нашими молитвами. Сначала продолжал он шествие свое весьма бодро, прыгая с камня на камень, переходя воду, где она была мелка, ²⁸ переплывая ее, где она глубже становилась. Мы с глаз его не спускали.

Наконец увидели, что силы его начали ослабевать, ибо он переходил камни медлительнее, останавливаясь почасту и садясь на камень для отдохновения. Казалось нам, что он находился иногда в размышлении и нерешимости о продолжении пути своего. Сие побудило одного из его товарищей ему преследовать, дабы подать ему помощь, если он увидит его изнемогающая в достижении берега; или достигнуть одного, если первому в том будет неудача. Взоры наши стремились вослед то за тем, то за другим, и молитва наша о их сохранении была нелицемерна. Наконец, последний из сих подражателей Моисея в прохождении без чуда морския пучины своими стопами, остановился на камне недвижим, а первого совсем мы потеряли из виду.

- 29 Сокровенные доселе внутренние каждого движения, заклепанные, так сказать, ужасом, начали являться при исчезании надежды. Вода между тем в судне умножалась, и труд наш, возрастая в отливании оной, утомлял силы наши приметно. Человек ярого и нетерпеливого сложения рвал на себе волосы, кусал персты, проклинал час своего выезда. Человек робкия души и чувствовавший долго, может быть, тягость удручительных неволи, рыдал, орошая слезами своими скамью, на которой ниц распростерт лежал. Иной, вспоминая дом свой, детей и жену, сидел, яко окаменелый, помышляя не о своей, но о их гибели, ибо они питались его трудами. Каково было моей души положение, мой друг, сам отгадывай, ибо ты меня довольно знаешь. Скажу только тебе то, что я прилежно молился богу. Наконец,
- 30 начали мы все предаваться отчаянию, ибо судно наше более половины водою натекло, и мы стояли все в воде по колено. Нередко помышляли мы вытти из судна и шествовать по каменной гряде к берегу, но пребывание одного из наших сопутников на камне уже несколько часов и скрытие другого из виду представляло нам опасность перехода более, может быть, нежели она была в самом деле. Среди таковых горестных размышлений увидели мы близ противоположенного берега, в расстоянии от нас каком то было, точно определить не могу, два пятна черные на воде, которые, казалось, двигались. Зримое нами нечто черное и движущееся, казалось, по малу увеличивалось; наконец, приближаясь, представило ясно взорам нашим два малые судна, прямо идущие к тому месту, где мы находились среди отчаяния, во сто крат надежду превосходящего. Как в темной
- 31 храмине, свету совсем неприступной, вдруг отверзается дверь, и луч денный, влетев стремительно в среду мрака, разгоняет оный, распростираясь по всей храмине до дальнейших ее пределов, — тако, увидев суда, луч надежды ко спасению протек наши души. Отчаяние превратилось в восторг, горесть в восклицание, и опасно было, чтобы радостные телодвижения и плескания не навлекли нам гибели скорее, нежели мы будем исторгнуты из опасности. Но надежда жития, возвращаясь в сердца, возбудила паки мысли о различии состояний, в опасности уснувшие. Сие послужило на сей раз к общей пользе. Я укротил излишнее радование, во вред обратиться могущее. По несколькоком времени увидели мы две большие рыбачьи лодки, к нам приближающиеся, и, при настижении их до нас, увидели в одной из них нашего спасителя, которой, прошед каменною грядою
- 32 до берега, сыскал сии лодки для нашего извлечения из явной гибели.

Мы, не мешкая нимало, вышли из нашего судна и поплыли в приехавших судах к берегу, не забыв снять с камня сотоварища нашего, которой на оном около семи часов находился. Не прошло более получаса, как судно наше, стоявшее между камней, облегченное от тяжести, всплыло и развалилося совсем. Плывучи к берегу среди радости и восторга спасения, Павел, — так звали спасшего нас сопутника, — рассказал нам следующее.

— Я, оставя вас в предстоящей опасности, спешил по камням к берегу. Желание вас спасти дало мне силы чрезвычайные; но сажень за сто до берега силы мои стали ослабевать; и я начал отчаяваться в вашем спасении и моей жизни. Но, полежав с полчаса на камени, вспрянув с новою бодростию и не отдыхая более, дополз, так сказать, до берега. Тут я растянулся на траве и, отдохнув минут десять, встал и побежал вдоль берега к С. . . , что имел мочи. И хотя с немалым истощением сил, но, вспоминая о вас, добежал до места. Казалось, что небо хотело испытать вашу твердость и мое терпение, ибо, я не нашел ни вдоль берега, ни в самом С. . . никакого судна для вашего спасения. Находясь почти в отчаянии, я думал, что нигде не можно мне лучше искать помощи, как у тамошнего начальника. Я побежал в тот дом, где он жил. Уже был седьмой час. В передней комнате нашел я тамошней команды сержанта. Рассказав ему коротко, зачем я пришел и ваше положение, просил его, чтобы он разбудил г. . . , которой тогда еще почивал. Г. сержант мне сказал: — Друг мой, я не смею. — Как, ты не смеешь? Когда двадцать человек тонут, ты не смеешь разбудить того, кто их спасти может? Но ты, бездельник, лжешь, я сам пойду. . . — Г. сержант, взяв меня за плечо не очень учтиво, вытолкнул за дверь. С досады чуть я не лошнул. Но, помня более о вашей опасности, нежели о моей обиде и о жестокосердии начальника с его подчиненным, я побежал к караульной, которая была версты с две расстоянием от проклятого дома, из которого меня вытолкнули. Я знал, что живущие в ней солдаты содержали лодки, в которых, ездя по заливу, собирали булыжник на продажу для мостовых; я и не ошибся в моей надежде. Нашел сии две небольшие лодки, и радость теперь моя несказанна: вы все спасены. Если бы вы утонули, то и я бы бросился за вами в воду. — Говоря сие, Павел обливался слезами. Между тем достигли мы берега. Вышед из судна, я пал на колени, возвел руки на небо. — Отче всемогущий, — возопил я, — тебе угодно, да живем; ты нас водил на испытание, да будет воля твоя. — Се слабое, мой друг, изображение того, что я чувствовал. Ужас последнего часа прсбодал мою душу, я видел то мгновение, что я существовать перестану. Но что я буду? Не знаю. Страшная неизвестность. Теперь чувствую: час бьет; я мертв; движение, жизнь, чувство, мысль — все исчезнет мгновенно. Вообрази себя, мой друг, на краю гроба, не почувствуешь ли корчущий мраз, лиющйся в твоих жилах и завроменно жизнь пресекающий. О, мой друг! — Но я удалился от моего повествования.

Совершив мою молитву, ярость вступила в мое сердце. Возможно ли, говорил я сам себе, что в наш век, в Европе, подле столицы, в глазах ве-

³⁶ ликого государя совершалось такое бесчеловечие! Я вспомню о заключенных агличанах в темнице бенгальского субаба*.

³⁷ Воздохнул я во глубине души. — Между тем дошли мы до С. . . Я думал, что начальник, проснувшись, накажет своего сержанта и претерпевшим на воде даст хотя успокоение. С сею надеждою пошел я прямо к нему в дом. Но поступком его подчиненного столь был раздражен, что я не мог умерить моих слов. Увидев его, сказал: — Государь мой! Известили ли вас, что за несколько часов пред сим двадцать человек находились в опасности потерять живот свой на воде и требовали вашей помощи? — Он мне отвечал с наивеличайшею холодностию, курия табак: — Мне о том сказали недавно, а тогда я спал. — Тут я задрожал в ярости человечества. — Ты бы велел себя будить молотком по голове, буде крепко спишь, когда люди тонут и требуют от тебя помощи. — Отгадай, мой друг, какой его был ответ. Я думал, что мне сделается удар от того, что я слышал. Он мне сказал: — Не моя то должность. — Я вышел из терпения: — Должность ли твоя людей убивать, скардной человек; и ты носишь знаки отличности, ты начальствуешь над другими! . . . — Окончать не мог моя речь, плюнул почти ему в рожу и вышел вон. Я волосы драл с досады. Сто делал расположений, как отомстить сему зверскому начальнику не за себя, но за человечество. Но, опомнясь, убедился воспоминанием ³⁸ многих примеров, что мое мщение будет бесплодно, что я же могу прослыть или бешеным, или злым человеком; смирился.

Между тем люди мои сходили к священнику, которой нас принял с великою радостью, согрел нас, накормил, дал отдохновение. Мы пробыли у него целые сутки, пользуясь его гостеприимством и угощением. На другой день, нашед большую шлюпку, доехали мы до Ораниенбаума благополучно. В Петербурге я о сем рассказывал тому и другому. Все сочувствовали мою опасность, все хулили жестокосердие начальника, никто не захотел ему о сем напомнить. Если бы мы потонули, то бы он был нашим убийцею. — Но в должности ему не предписано вас спасать, — ⁴⁰ сказал некто. — Теперь я прощусь с городом навеки. Не введу николи в сие жилище тигров. Единое их веселие — грызть друг друга; отрада их — томить слабого до издыхания и раболепствовать власти. И ты хо-

* Агличане приняли в свое покровительство ушедшего к ним в Калкату чиновника бенгальского, подвергнувшего себя казни своим издодством. Справедливо раздраженный субаб, собрав войско, приступил к городу и оной взял. Аглинских военнопленных велел свергнуть в тесную темницу, в коей они в полсутки издохли. Осталось от них только двадцать три человека. Несчастные сии сулили страже великие деньги, да возвестит владельцу о их положении. Вопль их и стенание возвещало о том народу, о них соболезнующему; но никто не хотел возвестить о том властителю. «Почивает он», — ответствовано умирающим агличанам; и ни один человек в Бенгале не мнил, что для спасения жизни ста пятидесяти несчастных должно отъяти сон мучителя на мгновение.

Но что ж такое мучитель? Или паче, что ж такое народ, обикший к игу мучительства? Благоговение ль или боязнь тягчит его согбенна? Если боязнь, то мучитель ужаснее богов, к коим человек воссылает или молитву, или жалобу, во время ночи или в часы денные. Если благоговение, то возможно человека возбудить на почитание создателей его бедствий: чудо, возможное единому суеверию. Чему более удивляться, зверству ли спящего набаба или подлости не смеющего его разбудить? — Р е н а л ь .
История о Индиях. Том II.

тел, чтоб я поселился в городе. Нет, мой друг, — говорил мой повествователь, вскочив со стула, — заеду туда, куда люди не ходят, где не знают, что есть человек, где имя его неизвестно. Прости, — сел в кибитку и поскакал.

СПАССКАЯ ПОЛЕСТЬ

41

Я вслед за моим приятелем скакал так скоро, что настиг его еще на почтовом стану. Старался его уговорить, чтоб возвратился в Петербург, старался ему доказать, что малые и частные неурядицы в обществе связи его не разрушат, как дробинка, падая в пространство моря, не может возмутить поверхности воды. Но он мне сказал наотрез: — Когда бы я, малая дробинка, пошел на дно, то бы, конечно, на Финском заливе бури не сделалось, а я бы пошел жить с тюленями. — И, с видом негодования протсясь со мною, лег в свою кибитку и поехал поспешно.

Лошади были уже впряжены, я уже ногу занес, чтобы влезть в кибитку, как вдруг дождь пошел. — Беда невелика, — размышлял я, — закроюсь ⁴² ценковкою и буду сух. — Но едва мысль сия в мозге моем пролетела, то как будто меня окунули в пролубь. Небо, не спросясь со мною, разверзло облако, и дождь лил ведром. — С погодою не сладись; по пословице: тигше едешь — дале будешь, — вылез я из кибитки и убежал в первую избу. Хозяин уже ложился спать, и в избе было темно. Но я и в потемках выпросил позволение обсушиться. Снял с себя мокрое платье и, что было посуше положив под голову, на лавке скоро заснул. Но постеля моя была не пуховая, долго нежиться не позволила. Проснувшись, услышал я шепот. Два голоса различить я мог, которые между собою разговаривали. — Ну, муж, Расскажи-тка, — говорил женской голос. — Слушай, жена.

— Жил-был. . . — И подлинно на сказку похоже; да как же сказке верить, — сказала жена вполголоса, зевая ото сна, — поверю ли я, что ⁴³ были Полкан, Бова или Соловей-разбойник. — Да кто тебя толкает в шею, верь, коли хочешь. Но то правда, что в старину силы телесные были в уважении и что силачи оные употребляли во зло. Вот тебе Полкан. А о Соловье-разбойнике читай, мать моя, истолкователей русских древностей. Они тебе скажут, что он Соловьем назван красноречия своего ради. . . Не перебивай же моей речи. Итак, жил-был где-то государев наместник. В молодости своей таскался по чужим землям, выучился есть устерсы и был до них великой охотник. Пока деньжонок своих мало было, то он от охоты своей воздерживался, едал по десятку, и то когда бывал в Петербурге. Как скоро полез в чины, то и число устерсов на столе его начало прибавляться. А как попал в наместники и когда много стало у него денег ⁴⁴ своих, много и казенных в распоряжении, тогда стал он к устерсам как брюхатая баба. Спит и видит, чтобы устерсы кушать. Как пора их приходит, то нет никому покою. Все подчиненные становятся мучениками. Но во что бы то ни стало, а устерсы есть будет. — В правление посылает приказ, чтобы наряжен был немедленно курьер, которого он имеет в Петербурге отправить с важными донесениями. Все знают, что курьер поскачет

а устерсами, но куда ни вертись, а прогоны выдавай. На казенные денешки дыр много. Гонец, снабженный подорожною, прогонами, совсем готов, в куртке и чикчерах явился пред его высокопревосходительство. — Поспешай, мой друг, — вещает ему унизанной орденами, — поспешай, возьми сей пакет, отдай его в Большой Морской. — Кому прикажете? —
 45 Прочти адрес. — Его. . . Его. . . — Не так читаешь. — Государю моему гос. . . — Врешь. . . господину Корзинкину, почтенному лавошнику, в С. Петербурге в Большой Морской. — Знаю, ваше высокопревосходительство. — Ступай же, мой друг, и как скоро получишь, то возвращайся поспешно и нимало не медли; я тебе скажу спасибо не одно.

И ну-ну-ну, ну-ну-ну: по всем по трем, вплоть до Питера, к Корзинкину прямо на двор. — Добро пожаловать. Куды какой его высокопревосходительство затейник, из-за тысячи верст шлет за какою дрянью. Только барин доброй. Рад ему служить. Вот устерсы теперь лишь с биржи. Скажи, не меньше ста пятидесяти бочка, уступить нельзя, самим пришли дороги. Да мы с его милостию сочтемся. — Бочку взвалили в кибитку; поворотя
 46 оглобли, курьер уже опять скачет; успел лишь зайти в кабак и выпить два крючка сивухи.

Тинь-тинь. . . Едва у городских ворот услышали звон почтового колокольчика, караульной офицер бежит уже к наместнику (то ли дело, как где все в порядке) и рапортует ему, что вдали видна кибитка и слышен звон колокольчика. Не успев выговорить, как пасть курьер в двери: — Привез, ваше высокопревосходительство. — Очень кстати. (Оборотясь к предстоящим:) Право, человек достойной, исправен и не пьяница. Сколько уже лет по два раза в год ездит в Петербург; а в Москву сколько раз, упомянуть не могу. Секретарь, пиши представление. За многочисленные его в посылках труды и за точнейшее оных исправление удостоиваю его к повышению чином. . . —

В расходной книге у казначая записано: по предложению его высокопревосходительства дано курьеру Н. Н., отправленному в С. П. с
 47 нужнейшими донесениями, прогонных денег в оба пути на три лошади из экстраординарной суммы. . . Книга казначейская пошла на ревизию, но устерсами не пахнет.

По представлению господина генерала и проч. ПРИКАЗАЛИ: быть сержанту Н. Н. прапорщиком. . . — Вот, жена, — говорил мужской голос, — как добиваются в чины, а что мне прибыли, что я служу беспорочно, не подамся вперед ни на палец. По указам велено за добропорядочную службу награждать. Но царь жалует, а псарь не жалует. Так-то наш г. казначей; уже другой раз по его представлению меня отсылают в уголовную палату. Когда бы я с ним был заодно, то бы было не житье, а масленница. — И. . . полно, Клементыч, пустяки-то молоть. Знаешь ли, за что
 48 он тебя не любит? За то, что ты промен берешь со всех, а с ним не делишься. — Потихе, Кузьминична, потихе; неравно, кто подслушает. — Оба голоса умолкли, и я опять заснул.

Поутру узнал я, что в одной избе со мною ночевал присяжной с женою, которые до света отправились в Новгород.

Между тем как в моей повозке запрягали лошадей, приехала еще ки-

битка, тройкою запряженная. Из нее вышел человек, закутанной в большую япанчу, и шляпа с распущенными полями, глубоко надетая, препятствовала мне видеть его лице. Он требовал лошадей без подорожной; и как многие повозчики, окружив его, с ним торговались, то он, не дождавшись конца их торга, сказал одному из них с нетерпением: — Запрягай поскорей, я дам по четыре копейки на версту. — Ямщик побежал за лошадьми. Другие, видя, что договариваться уже было не о чем, все от него отошли.

Я находился от него не далее как в пяти саженьях. Он, подошел ко мне и не снимая шляпы, сказал: — Милостивый государь, снабдите чем ни есть человека несчастного. — Меня сие удивило чрезмерно, и я не мог вытерпеть, чтобы ему не сказать, что я удивляюсь просьбе его о вспоможении, когда он не хотел торговаться о прогонах и давал против других вдвое. — Я вижу, — сказал он мне, — что в жизнь вашу поперечного вам ничего не встречалось. — Столь твердой ответ мне очень понравился, и я, не медля нимало, вынул из кошелька. . . : — Не осудите, — сказал, — более теперь служить вам не могу; но если доедем до места, то, может быть, сделаю что-нибудь больше. — Намерение мое при сем было то, чтобы сделать его чистосердечным; я и не ошибся. — Я вижу, — сказал он мне, — что вы имеете еще чувствительность, что обращение света и снискание собственной пользы не затворили вход ее в ваше сердце. Позвольте мне сесть на вашей повозке, а служителю вашему прикажите сесть на моей. — Между тем лошади наши были впряжены, я исполнил его желание — и мы едем.

— Ах, государь мой, не могу себе представить, что я несчастлив. Не более недели тому назад я был весел, в удовольствии, недостатка не чувствовал, был любим или так казалось; ибо дом мой всякой день был полон людьми, заслужившими уже знаки почестей; стол мой был всегда как великолепное некое торжество. Но если тщеславие толикое имело удовлетворение, равно и душа наслаждалась истинным блаженством. По многих сперва бесплодных стараниях, предприятиях и неудачах наконец получил я в жену ту, которую желал. Взаимная наша горячность, услаждая и чувства и душу, все представляла нам в ясном виде. Не зрели мы облачного дня. Блаженства нашего достигали мы вершины. Супруга моя была беременна, и приближался час ее разрешения. Все сие блаженство определила судьба, да рушится одним мгновением.

У меня был обед, и множество так называемых друзей, собравшись, насыщали праздной свей голод на мой счет. Один из бывших тут, который внутренно меня не любил, начал говорить с сидевшим подле него, хотя вполголоса, но довольно громко, чтобы говоренное жене моей и многим другим слышно было. — Неужели вы не знаете, что дело нашего хозяина в уголовной палате уже решено. . . —

— Вам покажется мудрено, — говорил сопутник мой, обращая ко мне свое слово, — чтобы человек неслужащий и в положении, мною описанном, мог подвергнуть себя суду уголовному. И я так думал долго, да и тогда, когда мое дело, прошед нижние суды, достигло до высшего. Вот в чем оно состояло: я был в купечестве записан; пуская капитал мой в обращение,

- стал участником в частном откупу. Неосновательность моя причиною была, что я доверил лживому человеку, которой, лично попавшись в преступлении, был от откупу отрешен, и, по свидетельству будто его книг, сделался, по-видимому, на нем большой начет. Он скрылся, я остался в лицах, и начет положено взыскать с меня. Я, сделав выправки сколько мог, нашел, что начету на мне или совсем бы не было, или бы был очень малой, и для того просил, чтобы сделали расчет со мною, ибо я по нем был порукою. Но вместо того, чтобы сделать должное по моему прошению удовлетворение, велено недоимку взыскать с меня. Первое неправосудие. Но к сему присовокупили и другое. В то время как я сделался в откупу порукою, имения за мною никакого не было, но, по обыкновению, послано было запрещение на имение мое в гражданскую палату. Странная вещь — запрещать продавать то, чего не существует в имении! После того купил я дом и другие сделал приобретения. В то же самое время случай допустил меня перейти из купеческого звания в звание дворянское, получа чин. Наблюдая свою пользу, я нашел случай продать дом на выгодных кондициях, совершив купчую в самой той же палате, где существовало запрещение. Сие поставлено мне в преступление; ибо были люди, которых удо-
- ⁵³ вольствие помрачалось блаженством моего жития. Стряпчий казенных дел сделал на меня донос, что я, избегая платежа казенной недоимки, дом продал, обманул гражданскую палату, назвавшись тем званием, в коем я был, а не тем, в котором находился при покупке дома. Тщетно я говорил, что запрещение не может существовать на то, чего нет в имении, тщетно я говорил, что по крайней мере надлежало бы сперва продать оставшееся имение и выручить недоимку сей продажей, а потом предпринимать другие средства; что я звания своего не утаивал, ибо в дворянском уже купил дом. Все сие было отринуто, продажа дому уничтожена, меня осудили за ложной мой поступок лишить чинов, — и требуют теперь, — говорил повестователя, — хозяина здешнего в суд, дабы посадить под стражу до окончания дела.
- ⁵⁴ Сие последнее повествуя, рассказывающий возвысил свой голос. — Жена моя, едва сие услышала, обняв меня, вскричала: — Нет, мой друг, и я с тобою. — Более выговорить не могла. Члены ее все ослабели, и она упала бесчувственна в мои объятия. Я, подняв ее со стула, вынес в спальную комнату и не ведаю, как обед окончался.
- Пришед чрез несколько времени в себя, она почувствовала муки, близкое рождение плода горячности нашей возвещающие. Но, сколь ни жестоки они были, воображение, что я буду под стражею, столь ее тревожило, что она только и твердила: — И я пойду с тобою. — Сие несчастное приключение ускорило рождение младенца целым месяцем, и все способы бабки и доктора, для пособия призванных, были тщетны и не могли воспретить, чтобы жена моя не родила чрез сутки. Движения ее души не
- ⁵⁵ токмо с рождением младенца не успокоились, но, усилившись гораздо, сделали ей горячку. — Почто распространяться мне в повествовании? Жена моя на третий день после родов своих умерла. Видя ее страдание, можете поверить, что я ее не оставлял ни на минуту. Дело мое и осуждение в горести позабыл совершенно. За день до кончины моей любезной

недозрелой плод нашея горячности также умер. Болезнь матери его занимала меня совсем, и потеря сия была для меня тогда невелика. Вообрази, — говорил повествователь мой, взяв обеими руками себя за волосы, — вообрази мое положение, когда я видел, что возлюбленная моя со мною расставалась навсегда. — Навсегда! — вскричал он диким голосом. — Но зачем я бегу? Пускай меня посадят в темницу; я уже нечувствителен; пускай меня мучат, пускай лишают жизни. — О варвары, тигры, змеи ⁵⁷ лютые, грызите сие сердце, пускайте в него томной ваш яд. — Извините мое иступление, я думаю, что я лишусь скоро ума. Сколь скоро вообразу ту минуту, когда любезная моя со мною расставалась, то я все позабываю и свет в глазах меркнет. Но окончу мою повесть. В толико жестоком отчаянии, лежащу мне над бездыханным телом моей возлюбленной, один из искренних моих друзей прибежал ко мне: — Тебя пришли взять под стражу, команда на дворе. Беги отсель, кибитка у задних ворот готова, ступай в Москву или куда хочешь и живи там, доколе можно будет облегчить твою судьбу. — Я не внимал его речам, но он, усилясь надо мною и взяв меня с помощью своих людей, вынес и положил в кибитку; но вспомня, что надобны мне деньги, дал мне кошелек, в котором было только пятьдесят рублей. Сам пошел в мой кабинет, чтобы найти там денег и мне ⁵⁸ вынести; но, нашед уже офицера в моей спальне, успел только прислать ко мне сказать, чтобы я ехал. Не помню, как меня резли первую станцию. Слуга приятеля моего, рассказав все происшедшее, простился со мною, а я теперь еду, по пословице, — куда глаза глядят.

Повесть сопутника моего тронула меня несказанно. Возможно ли, говорил я сам себе, чтобы в толь мягкосердое правление, каково ныне у нас, толикие производились жестокости? Возможно ли, чтобы были столь безумные судии, что для насыщения казны (можно действительно так назвать всякое неправильное отнятие имения для удовлетворения казенного требования) отнимали у людей имение, честь, жизнь? Я размышлял, каким бы образом могло сие происшествие достигнуть до слуха верховных власти. Ибо справедливо думал, что в самодержавном правле- ⁵⁹ нии она одна в отношении других может быть беспристрастна. — Но не могу ли я принять на себя его защиту? Я напишу жалобницу в высшее правительство. Уподроблю все происшествие и представлю неправосудие судивших и невинность страждущего. — Но жалобницы от меня не примут. Спросят, какое я на то имею право; потребуют от меня верующего письма. — Какое имею право? Страждущее человечество. Человек, лишенный имения, чести, лишенный половины своей жизни, в самовольном изгнании, дабы избегнуть поносительного заточения. И на сие надобно верующее письмо? От кого? Ужели сего мало, что страждет мой согражданин? — Да и в том нет нужды. Он человек — вот мое право, вот верующее письмо. — О богочеловек! Почто писал ты закон твой для варваров. Они, ⁶⁰ крестясь во имя твое, кровавые приносят жертвы злобе. Почто ты для них мягкосерд был? Вместо обещания будущия казни, усугубил бы казнь настоящую и, совесть возжигая по мере злодеяния, не дал бы им покоя денноночно, доколь страданием своим не загладят все злое, еже сотво-

рили. — Таковые размышления толико утомили мое тело, что я уснул весьма крепко и не просыпался долго.

Возмущенные соки мыслию стремились, мне спящу, к голове и, тревожа нежный состав моего мозга, возбудили в нем воображение. Несчетные картины представлялись мне во сне, но исчезали, как легкие в воздухе пары. Наконец, как то бывает, некоторое мозговое волокно, тронутое сильно восходящими из внутренних сосудов тела парами, задрожало долее других на несколько времени, и вот что я грезил.

61 Мне представилось, что я царь, шах, хан, король, бей, набаб, султан или какое-то сих названий нечто, сидящее во власти на престоле.

Место моего восседения было из чистого золота и хитро искладенными драгами разного цвета каменьями блистало лучезарно. Ничто сравниться не могло со блеском моих одежд. Глава моя украшалась венцем лавровым. Вокруг меня лежали знаки, власть мою изъявляющие. Здесь меч лежал на столпе, из серебра изваянном, на коем изображались морские и сухопутные сражения, взятие городов и прочее сего рода; везде видно было вверху имя мое, носимое Гением славы, над всеми сими подвигами парящим. Тут виден был скипетр мой, возлежащий на снопах, обильными класами отягченных, изваянных из чистого золота и природе совершенно подражающих. На твердом коромысле возвешенные зрелися весы. В единой из чаш лежала книга с надписью «Закон милосердия»; в другой — книга же с надписью «Закон совести». Держава, из единого камня иссеченная, поддерживаема была грудю младенцев, из белого мрамора иссеченных. Венец мой возвышен был паче всего и возлежал на раменах сильного исполина, воскраие же его поддерживаемо было истиною. Огромной величины змия, из светлых стали искованная, облежала вокруг всего седилица при его подножии и, конец хвоста в зеве держаща, изображала вечность.

Но не единые бездыханные изображения возвещали власть мою и величество. С робким подобострашием и взоры мои ловящи, стояли вокруг престола моего чины государственные. В некотором отдалении от престола моего толпилось бесчисленное множество народа, коего разные одежды, 63 черты лица, осанка, вид и стан различие их племени возвещали. Трепетное их молчание уверяло меня, что они все воле моей подвластны. По сторонам, на несколько возвышенном месте, стояли женщины в великом множестве в прелестнейших и великолепнейших одеждах. Взоры их изъявляли удовольствие на меня смотреть, и желания их стремились на предупреждение моих, если бы они возродились.

Глубочайшее в собрании сем присутствовало молчание; казалось, что все в ожидании были важного какого происшествия, от коего спокойствие и блаженство всего общества зависели. Обращенный сам в себя и чувствуя глубоко вкоренившуюся скуку в душе моей, от насыщающего скоро единообразия происходящую, я долг отдал естеству и, рот разинув до ушей, 64 зевнул во всю мочь. Все вняли чувствованию души моей. Внезапу смятенные распростерло мрачной покров свой по чертам веселия, улыбка улетала со уст нежности и блеск радования с ланит удовольствия. Искаженные взгляды и озирание являли нечаянное нашествие ужаса и предстоящая

беды. Слышны были вздохи, колющие предтечи скорби; и уже начинало раздаваться задерживаемое присутствием страха стенание. Уже скорыми в сердцах всех стопами шествовало отчаяние и смертные содрогания, самые кончины мучительнее. — Тронутый до внутренности сердца толико печальным зрелищем, ланитные мышцы нечувствительно стянулись ко ушам моим и, растягивая губы, произвели в чертах лица моего кривление, улыбке подобное, за коим я чхнул весьма звонко. Подобно как в мрачную атмосферу, густым туманом отягченную, проникает полуденный солнца луч; летит от жизненной его жаркости сгущенная парами влага и, разделенная в составе своем, частью, улегчась, стремительно возносится в неизмеримое пространство эфира и частью, удержав в себе одну только тяжесть земных частиц, падает низу стремительно; мрак, присутствовавший повсюду в небытии светозарного шара, исчезает весь вдруг и, сложив поспешно непроницательной свой покров, улетает на крылех мгновенности, не оставляя по себе ниже знака своего присутствования, — тако при улыбке моей развеялся вид печали, на лицах всего собрания поселившийся; радость проникла сердца всех быстротечно, и не осталось косого вида неудовольствия нигде. Все начали восклицать: — Да здравствует наш великий государь, да здравствует навеки. — Подобно тихому полуденному ветру, помавающему листьям дерев и любострастное производящему в дубраве шумление, тако во всем собрании радостное шептание раздавалось. Иной вполголоса говорил: — Он усмирил внешних и внутренних врагов, расширил пределы отечества, покорил тысячи разных народов своей державе. — Другой восклицал: — Он обогатил государство, расширил внутреннюю и внешнюю торговлю, он любит науки и художества, поощряет земледелие и рукоделие. — Женщины с нежностью вещали: — Он не дал погибнуть тысячам полезных сограждан, избавя их до сосца еще гибельныя кончины. — Иной с важным видом возглашал: — Он умножил государственные доходы, народ облегчил от податей, доставил ему надежное пропитание. — Юношество, с восторгом руки на небо простирая, рекло: — Он милосерд, правдив, закон его для всех равен, он почитает себя первым его служителем. Он законодатель мудрый, судия правдивый, исполнитель ревностный, он паче всех царей велик, он вольность дарует всем.

Речи таковые, ударяя в тимпан моего уха, громко раздавались в душе моей. Похвалы сии истинными в разуме моем изображались, ибо сопутствуемы были искренности наружными чертами. Таковыми их приемля, душа моя возвышалась над обыкновенным зрением кругом; в существе своем расширялась и, вся объемля, касалась степеней божественной премудрости. Но ничто не сравнилось с удовольствием самоодобрения при раздавании моих приказаний. Первому военачальнику повелевал я идти с многочисленным войском на завоевание земли, целым небесным поясом от меня отделенной. — Государь, — ответствовал он мне, — слава единая имени твоего победит народы, оную землю населяющие. Страх предшествовать будет оружию твоему, и возвратясь, приносясь дәнъ царей сильных. — Учредителю плавания я рек: — Да корабли мои рассеются по всем морям, да узрят их неведомые народы; флаг мой да известен

будет на Севере, Востоке, Юге и Западе. — Исполню, государь. — И полетел на исполнение, яко ветр, определенный надувать ветрила корабельные. — Возвести до дальнейших пределов моя области, — рек я хранителю законов, — се день рождения моего, да ознаменится он в летописях навеки отпущением повсеместным. Да отверзутся темницы, да изыдут преступники и да возвратятся в дома свои, яко заблудшие от истинного пути. — Милосердие твое, государь! есть образ всещедрого существа. Бегу возвестити радость скорбящим отцам по чадах их, супругам по супругам их. — Да воздвигнутся, — рек я первому зодчию, — великолепнейшие здания для убежища мусс, да украсятся подражаниями природы разнообразными; и да будут они ненарушима, яко небесные жительницы, для них же они уготовляются. — О премудрый, — отвечал он мне, — егда велениям твоего гласа стихии повиновались и, совокупя силы свои, учреждали в пустынях и на дебрях обширные грады, превосходящие великолепием славнейшие в древности, — колико маловажен будет сей труд для ревностных исполнителей твоих велений. Ты рек, и грубые строения припасы уже гласу твоему внемлют. — Да отверзется ныне, — рек я, — рука щедроты, да излиются остатки избытка на немощствующих, сокровища неужные да возвратятся к их источнику. — О всещедрый владыко, всевышним нам дарованный, отец своих чад, обогатитель нищего, да будет твоя воля. — При всяком моем изречении все предстоящие восклицали радостно, и плескание рук не токмо сопровождало мое слово, но даже предупреждало мысль. Единая из всего собрания жена, облепшаяся твердо о столц, испускала вздохи скорби и являла вид презрения и негодования. Черты лица ее были суровы и платье простое. Глава ее покрыта была шляпою, когда все другие обнаженными стояли главами. — Кто сия? — вопрошал я близстоящего меня. — Сия есть странница, нам неизвестная, именует себя Прямовзорой и глазным врачом. Но есть волхв опаснейший, носяй яд и отраву, радуется скорби и сокрушению; всегда нахмуренна, всех презирает и поносит; даже не падит в ругании своем священные твоея главы. — Почто ж злодейка сия терпима в моей области? Но о ней завтра. Сей день есть день милости и веселия. Приидите, сотрудники мои в ношении тяжкого бремени правления, примите достойное за труды и подвиги ваши воздаяние. — Тогда, восстав от места моего, возлагал я различные знаки почестей на предстоящих; отсутствующие забыты не были, но те, кои приятным видом словам моим шли во сретение, имели большую во благодеяниях моих долю.

По сем продолжал я мое слово: — Пойдем, столпы моя державы, опоры моя власти, пойдем усладиться по труде. Достойно бо да вкусит трудившийся плода трудов своих. Достойно царю вкусити веселия, он же изливает многочисленные всем. Покажи нам путь к уготованному тобою празднеству, — рек я к учредителю веселий. — Мы тебе последуем. — Постой, — вещала мне странница от своего места, — постой и подойди ко мне. Я — врач, присланный к тебе и тебе подобным, да очисти зрение твое. — Какие бельма! — сказала она с восклицанием. — Некая невидимая сила нудила меня идти пред нее, хотя все меня окружавшие мне в том препятствовали, делая даже мне насилие.

— На обоих глазах бельма, — сказала странница, — а ты столь решительно судил о всем. — Потом коснулась обоих моих глаз и сняла с них толстую плену, подобну роговому раствору. — Ты видишь, — сказала она мне, — что ты был слеп и слеп совершенно. — Я есмь Истина. Всевышний, подвигнутый на жалость стенанием тебе подвластного народа, ниспослал меня с небесных кругов, да отжену темноту, проницанию взора твоего препятствующую. Я сие исполнила. Все вещи представляются днесь в естественном их виде взорам твоим. Ты проникнешь во внутренность сердец. Не утаится более от тебя змия, крышущаяся в излучинах душевных. Ты познаешь верных своих подданных, которые вдали от тебя не тебя любят, но любят отечество; которые готовы всегда на твое поражение, если оно отстоит порабощение человека. Но не возмутят они гражданского покроя безвременно и без пользы. Их призови себе в друзей. Изжени сию гордую черпь, тебе предстоящую и прикрывшую срамоту души с оей позлащенными одеждами. Они-то истинные твои злодеи, затмевающие очи твои и вход мне в твои чертоги воспрепятствующие. Един раз являюся я царям во все время их царствования, да познают меня в истинном моем виде; но я никогда не оставляю жилища смертных. Пребывание мое не есть в чертогах царских. Стража, обсевшая их вокруг и бдящая денноночно столпу, то, подняв бич гонения, все тебя окружающие тщатся меня изгнать из обиталища твоего; бди убо, да паки не удалюся от тебя. Тогда словеса ласкательства, ядовитые пары издыхающие, бельма твои паки возродят, и кора, светом непроницаемая, покрывает твои очи. Тогда ослепление твое будет сугубо; едва на шаг один взоры твои досязат будут. Все в веселом являться тебе будет виде. Уши твои не возмутятся стенанием, но усладится слух сладкопением ежечасно. Жертвенные курения обыдут на лещь отверстую душу. Осязанию твоему подлежать будет всегда гладкость. Никогда не раздерет благотворная шероховатость в тебе нервов осязательности. Вострепечи теперь за таковое состояние. Туча вознесется над главою твоею, и стрелы карающего грома готовы будут на твое поражение. Но я, вещаю тебе, поживу в пределах твоего обладания. Егда восхощешь меня видети, егда осажденная кознями ласкательства душа твоя взалкает моего взора, воззови меня из твоея отдаленности; где слышен будет твердый мой глас, там меня и обрящешь. Не убойся гласа моего николи. Если из среды народныя возникнет муж, порицающий дела твоя, ведай, что той есть твой друг искренний. Чуждый надежды мзды, чуждый рабского трепета, он твердым гласом возвестит меня тебе. Блюдишь и не дерзай его казнити, яко общего возмутителя. Призови его, угости его, яко странника. Ибо всяк, порицающий царя в самовластии его, есть странник земли, где все пред ним трепещет. Угости его, вещаю, почти его, да возвратившись возможен он паче и паче глаголати нельстиво. Но таковые твердые сердца бывают редки; едва един в целом столетии явится на светском ристалище. А дабы бдетельность твоя не усыплялася негою власти, се кольцо дарую тебе, да возвестит оно тебе твою неправду, когда на нее дерзат будешь. Ибо ведай, что ты первейший в обществе можешь быть убийца, первейший разбойник, первейший предатель, первейший нарушитель общия тишины,

враг лютейший, устремляющий злость свою на внутренность слабого. Ты виною будешь, если мать восплачет о сыне своем, убиенном на ратном поле, и жена о муже своем; ибо опасность плена едва оправдать может убийство, войною называемое. Ты виною будешь, если зачует нива, если птенцы земледельца лишатся жизни у тощего без здравья пища сосца матерня. Но обрати теперь взоры свои на себя и на предстоящих тебе, воззри на исполнение твоих велений, и если душа твоя не содрогнется от ужаса при взоре таковом, то отыду от тебя и чертог твой загладится навсегда в памяти моей.

- ⁷⁷ Изрекши странницы лице казалось веселым и вещественным сияющее блеском. Воззрение на нее вливало в душу мою радость. Уже не чувствовал я в ней зыбей тщеславия и надутлости высокомерия. Я ощущал в ней тишину; волнение любочестия и обуревание властолюбия ее не касались. Одежды мои, столь блестящие, казались замараны кровию и омочены слезами. На перстах моих виделись мне остатки мозга человеческого; ноги мои стояли в тине. Вокруг меня стоящие являлись того скареднее. Вся внутренность их казалась черною и стораемою тусклым огнем ненасытности. Они метали на меня и друг на друга искаженные взоры, в коих господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть. Военачальник мой, посланный на завоевание, утопал в роскоши и веселии. В войсках ⁷⁸ подчиненности не было; воины мои почитались хуже скота. Не радели ни о их здравии, ни прокормлении; жизнь их ни во что вменялася; лишались они установленной платы, которая употреблялася на ненужное им украшение. Большая половина новых воинов умирали от небрежения начальников или ненужных и безвременных строгости. Казна, определенная на содержание всеополчения, была в руках учредителя веселостей. Знаки военного достоинства не храбрости были уделом, но подлого раболепия. Я зрел пред собою единого знаменитого по словесам военачальника, коего я отличными почтил знаками моего благоволения; я зрел ныне ясно, что все его отличное достоинство состояло в том только, что он пособием был в насыщении сладострастия своего начальника, и на оказание мужества не было ему даже случая, ибо он издали не видал неприятеля. От ⁷⁹ таких-то воинов я ждал себе новых венцов. Отвратил я взор мой от тысячи бедств, представившихся очам моим.

Корабли мои, назначенные да прейдут дальнейшие моря, видел я плавающими при устье пристанища. Начальник, полетевший для исполнения моих велений на крылех ветра, простерши на мягкой постеле свои члены, упоялся негою и любовию в объятиях наемной возбудительницы его сладострастия. На изготованном велением его чертеже совершенного в мечтании плаванья уже видны были во всех частях мира новые острова, климату их свойственными плодами изобилующие. Обширные земли и многочисленные народы израждалися из кисти новых сил путешественников. Уже при блеске ночных светильников начерталось величественное описание сего ⁸⁰ путешествия и сделанных приобретений слогом цветущим и великолепным. Уже золотые дски уготовлялися на одежду столь важного сочинения. О Кук! почто ты жизнь свою провел в трудах и лишениях? Почто скончал ее плачевным образом? Если бы воссел на сии корабли, то, в веселиях

начав путешествие и в веселиях его скончая, столь же бы много сделал открытий, сидя на одном месте (и в моем государстве), толико же бы прославился; ибо ты бы почтен был твоим государем.

Подвиг мой, коим в ослеплении моем душа моя наиболее гордилася, — отпущение казни и прощение преступников едва видны были в обширности гражданских деяний. Веление мое или было совсем нарушено, обращаясь не в ту сторону, или не имело желаемого действия превратным оною толкованием и медлительным исполнением. Милосердие мое сделалось тор-⁸¹говлею, и тому, кто давал больше, стучал молот жалости и великодушия. Вместо того чтобы в народе моем чрез отпущение вины прослыть милосердым, я прослыл обманщиком, ханжею и пагубным комедиантом. — Удержи свое милосердие, — вешали тысячи голосов, — не возвещай нам его великолепным словом, если не хочешь его исполнить. Не соплощай с обидою насмешку, с тяжестью ее ощущение. Мы спали и были покойны, ты возмутил наш сон; мы бдеть не желали, ибо не над чем. — В созидании городов видел я одно расточение государственных казны, нередко омытой кровию и слезами моих подданных. В воздвижении великолепных зданий к расточению нередко присовокуплялося и непонятие о истинном искусстве. Я зрел расположение их внутреннее и внешнее без малейшего вкуса. Види-⁸² оных принадлежали веку готфов и вандалов. В жилище, для мусс уготованном, не зрел я люющихся благотворно струев Касталии и Ипокрены; едва пресмыкающееся искусство дерзало возводить свои взоры выше очерченной обычаем округи. Зодчие, согбенные над чертежом здания, не о красоте оною помышляли, но как приобретут ею себе стяжание. Возгнушался я моего пышного тщеславия и отвратил очи мои. — Но паче всего уязвило душу мою изливание моих щедрот. Я мнил в ослеплении моем, что ненужная казна общественная на государственные надобности не может лучше употребиться, как на вспоможение нищего, на одяение нагого, на прокормление алчущего, или на поддержание погибающего противным случаем, или на мзду не радящему о стяжании достоинству и заслуге. Но сколь прискорбно было видеть, что щедроты мои изливались на богатого, на льстеца, на вероломного друга, на убийцу иногда тайного, на предателя и⁸³ нарушителя общественной доверенности, на уловившего мое пристрастие, на снисходящего моим слабостям, на жену, кичащуюся своим бесстыдством. Едва-едва досязали слабые источники моего щедроты застенчивого достоинства и стыдливыя заслуги. Слезы пролились из очей моих и сокрыли от меня толь бедственные представления безрассудной моей щедроты. — Теперь ясно я видел, что знаки почестей, мною раздаваемые, всегда доставались в удел недостойным. Достоинство неопытное, пораженное первым блеском сих мнимых блаженств, вступало в единый путь с ласкательством и подлостью духа, на снискание почестей, вожделенной смертных мечты; но, влача косвенно стопы свои, всегда на первых степенях изнемогало и довольствоваться было осуждаемо собственным своим одобрением, во уверении, что почести мирские суть пепл и дым. Видя во всем толикую⁸⁴ превратность, от слабости моей и коварства министров моих проистекшую, видя, что нежность моя обращалася на жену, ищущую в любви моей удовлетворения своего только тщеславия и внешность только свою на

услаждение мое устрояющую, когда сердце ее ощущало ко мне отвращение, — возревел я яростию гнева: — Недостойные преступники, злодеи! вещайте, почто во зло употребили доверенность господа вашего? предстаньте ныне пред судию вашего. Вострепещите в окаменелости злодеяния вашего. Чем можете оправдать дела ваши? Что скажете во извинение ваше? Се он, его же призову из хижины уничижения. — Прииди, — вещал я старцу, коего созерцал в крае обширных моя области кроющегося под заросшею мхом хижиную, — прииди облегчить мое бремя; прииди и возврати покой томящемуся сердцу и востревоженному уму. — Изрекши сие, обратил я взор мой на мой сан, познал обширность моя обязанности, познал, откуда проистекает мое право и власть. Вострепетал во внутренних моих, убоялся служения моего. Кровь моя пришла в жестокое волнение, и я пробудился. — Еще не опомнившись, схватил я себя за палец, но тернового кольца на нем не было. О, если бы оно пребывало хотя на мизинце царей!

Властитель мира, если, читая сон мой, ты улыбешься с насмешкою или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною странница отлетела от тебя далеко и чертогов твоих гнушается.

86

ПОДБЕРЕЗЬЕ

Насилу очнуться я мог от богатырского сна, в котором я столько сгрел. — Голова моя была свинцовой тяжелее, хуже, нежели бывает с похмелья у пьяниц, которые по неделе пьют запоем. Не в состоянии я был продолжать пути и трястися на деревянных дорогах (пружин у кибитки моей не было). Я вынул домашний лечебник; искал, нет ли в нем рецепта от головной дурноты, происходящей от бреда во сне и наяву. Лекарство со мною хотя всегда ездило в запасе, но, по пословице: на всякого мудреца довольно простоты, — против бреда я себя не предостерег, и оттого голова моя, приехав на почтовый стан, была хуже болвана.

87 Вспомнил я, что некогда блаженной памяти нянюшка моя Клементьевна, по имени Прасковья, нареченная Пятница, охотница была до кофею и говаривала, что помогает он от головной боли. — Как чашек пять выпью, — говаривала она, — так и свет вижу, а без того умерла бы в три дни.

Я взялся за нянюшкино лекарство, но, не привыкнув пить вдруг по пяти чашек, попотчевал излишне для меня сваренным молодым человеком, которой сидел на одной со мной лавке, но в другом углу у окна. — Благодарю усердно, — сказал он, взяв чашку с кофеем. — Приветливый вид, взгляд неробкой, вежливая осанка, казалось, не к стати были к длинному полукафтаныю и к примазаным квасом волосам. Извини меня, читатель, в моем заключении, я родился и вырос в столице, и, если кто не кудряв и не напудрен, того я ни во что не чту. Если и ты деревенщина и волос не 88 пудришь, то не осуди, буде я на тебя не взгляну и пройду мимо.

Слово за слово я с новым моим знакомцем поладил. Узнал, что он был из Новгородской семинарии и шел пешком в Петербург повидаться с дядею,

которой был секретарем в губернском штате. Но главное его намерение было, чтоб сыскать случай для приобретения науки. — Сколь великой недостаток еще у нас в пособиях просвещения, — говорил он мне. — Одно сведение латинского языка не может удовлетворить разума, алчущего науки. *Виргилия, Горация, Тита Ливия, даже Тацита почти знаю наизусть, но когда сравню знания семинаристов с тем, что я имел случай, по счастью моему, узнать, то почитаю училище наше принадлежащим к прошедшим столетиям. Классические авторы нам все известны, но мы лучше знаем критические объяснения текстов, нежели то, что их донднесь делает прият-* 89
ными, что вечность для них уготовало. Нас учат философии, проходим мы логику, метафизику, ифику, богословию, но, по словам Кутейкина в «Недоросле», дойдя до конца философского учения и возвратимся вспять. Чему удивиться: Аристотель и схоластика донныне царствуют в семинариях. Я, по счастью моему, знаком стал в доме одного из губернских членов в Новгороде, имел случай приобрести в оном малое знание во французском и немецком языках и пользовался книгами хозяина того дома. Какая разница в просвещении времен, когда один латинской язык был в училищах употребителей, с нынешним временем! Какое пособие к учению, когда науки не суть таинства, для сведущих латинской язык токмо отверстые, но преподаются на языке народном! — Но для чего, — прервав он свою 90
речь, продолжал: — для чего не заведут у нас высших училищ, в которых бы преподавались науки на языке общественном, на языке российскийском? Учение всем бы было внятнее; просвещение доходило бы до всех поспешнее и одним поколением позже за одного латинщика нашлось бы двести человек просвещенных; по крайней мере в каждом суде был бы хотя один член, понимающий, что есть юриспруденция или законоучение. — Боже мой! — продолжал он с восклицанием, — если бы привести примеры из размышлений и разглагольствований судей наших о делах! Что бы сказали Гроций, Монтескью, Блекстон? — Ты читал Блекстона? — Читал первые две части, на российской язык переведенные. Не худо бы было заставлять судей наших иметь сию книгу вместо свяtcов, заставляя их чаще в нее заглядывать, нежели в календарь. Как не потужить, — 91
повторил он, — что у нас нет училищ, где бы науки преподавались на языке народном.

Вошедший почталион помешал продолжению нашей беседы. Я успел семинаристу сказать, что скоро желание его исполнится, что уже есть повеление о учреждении новых университетов, где науки будут преподаваться по его желанию. — Пора, государь мой, пора. . .

Между тем как я платил почталиону прогонные деньги, семинарист вышел вон. Выходя, выронил небольшой пук бумаги. Я поднял упавшее и не отдал ему. Не обличи меня, любезной читатель, в моем воровстве; с таким условием я и тебе сообщу, что я подтибрил. Когда же прочтешь, то знаю, что кражи моей наружу не выведешь: ибо не тот один вор, кто крал, но и тот, кто принимал, — так писано в законе русском. Признаюсь, я на руку нечист; где что немного похожее на рассудительное увижу, то 92
тотчас стяну; смотри, ты не клади мыслей плохо. — *Читай, что мой семинарист говорит:*

Кто мир нравственной уподобил колесу, тот, сказав великую истину, не иное что, может быть, сделал, как взглянул на круглой образ земли и других великих в пространстве носящихся тел, изрек только то, что зрел. Поступая в познании естества, откроют, может быть, смертные тайную связь веществ духовных или нравственных с веществами телесными или естественными; что причина всех перемен, превращений, превратностей мира нравственного или духовного зависит, может быть, от кругообразного вида нашего обиталища и других к солнечной системе принадлежащих тел, равно, как и оно, кругообразных и коловращающихся. . . —
 83 На мартиниста похоже; на ученика Шведенборга. . . Нет, мой друг! я пью и ем не для того только, чтоб быть живу, но для того, что в том нахожу немалое услаждение чувств. И покаюся тебе, как отцу духовному: я лучше ночь просижу с пригоженькою девочкою и усну упоенный сладострастием в объятиях ее, нежели, зарывшись в еврейские или арабские буквы, в цифири или египетские иероглифы, потщуся отделить дух мой от тела и рыскать в пространных полях бредоумствований, подобен древним и новым духовным витязям. Когда умру, будет время довольно на неосязательность, и душенька моя набродится досыта.

Оглянись назад, кажется, еще время то за плечами близко, в которое царствовало суеверие и весь его причет: невежество, рабство, инквизиция
 94 и многое кое-что. Давно ли то было, как Вольтер кричал против суеверия до безголосицы; давно ли Фридрих неутолимой его был враг не токмо словом своим и деяниями, но, что для него страшнее, державным своим примером. Но в мире сем все приходит на прежнюю степень, ибо все в разрушении свое имеет начало. Животное, прозябаемое рождается, растет, дабы произвести себе подобных, потом умереть и уступить им свое место. Бродящие народы собираются во грады, основывают царства, мужают, славятся, слабеют, изнемогают, разрушаются. Места пребывания их не видно; даже имена их погибнут. Христианское общество вначале было смиренно, кротко, скрывалось в пустынях и вертепах, потом усилилось, вознесло главу, устранилось своего пути, вдалось суеверию; в иступлении шло стезею,
 95 народам обыкновенною; воздвигло начальника, расширило его власть, и папа стал всесильный из царей. Лутер начал преобразование, воздвиг раскол, изъялся из-под власти его и много имел последователей. Здание предубеждения о власти папской рушиться стало, стало исчезать и суеверие; истина нашла любителей, поправа огромной оплот предрассуждений, но недолго пребыла в сей стезе. Вольность мыслей вдалась необузданности. Не было ничего святого, на все посягали. Дошед до краев возможности, вольномыслие возвратится вспять. Сия перемена в образе мыслей предстоит нашему времени. Не дошли еще до последнего края беспрепятственного вольномыслия, но многие уже начинают обращаться к суеверию. Разверни новейшие таинственные творения, возмнишь быти во времена схоластики и словопрений, когда о речениях заботился разум человеческий, не мысля о том, был ли в речении смысл; когда задачею любомудрия
 96 почиталось и на решение исследователей истины отдавали вопрос, сколько на игольном острii может уместиться душ.

Если потомкам нашим предлежит заблуждение, если, оставя естествен-

ность, гоняться будут за мечтаниями, то весьма полезной бы был труд писателя, показавшего нам из прежних деяний шествие разума человеческого, когда, сотрясший мглу предубеждений, он начал преследовать истину до выпренности ее и когда, утомленный, так сказать, своим бодрованием, растлевать начинал паки свои силы, томиться и ниспускаться в туманы предрассудков и суеверия. Труд сего писателя бесполезен не будет, ибо, обнажая шествие наших мыслей к истине и заблуждению, устранит хотя некоторых от пагубных стези и заградит полет невежества; блажен писатель, если творением своим мог просветить хотя единого, 97 блажен, если в едином хотя сердце посеял добродетель.

Счастливыми назваться мы можем: ибо не будем свидетели крайнего посрамления разумных твари. Ближние наши потомки счастливей нас еще быть могут. Но пары, в грязи омерзения почившие, уже воздымаются и предопределяются объяти зрения круг. Блаженны, если не узрим нового Магомета; час заблуждения еще отдалится. Внемли, когда в умствованиях, когда в суждениях о вещах нравственных и духовных начинается ферментация и восстает муж твердый и предприимчивый на истину или на прельщение, тогда последует премена царств, тогда премена в исповеданиях.

На лестнице, по которой разум человеческий нисходит долженствует во тьму заблуждений, если покажем что-либо смешное и улыбкою соделаем 98 добро, блаженны наречемся.

Бродя из умствования в умствование, о возлюбленные, блюдитесь, да не вступите на путь следующих исследований.

Вещал Акиба: вошел по стезе равви Йозуа в сокровенное место, я познал тройственное. Познал 1-е: не на восток и не на запад, но на север и юг обратиться довлеет. Познал 2-е: не на ногах стоящему, но восседая надлежит испражняться. Познал 3-е: не десницею, но шуйцею отирать надлежит задняя. На сие возразил Бен Газас: дотоле обесстыдил еси чело свое на учителя, да извергающего присматривал? Ответствовал он: сии суть таинства закона; и нужно было, да сотворю сотворенное и их познаю.

Смотри Белев словарь, статью Акиба.

НОВГОРОД

99

Гордитесь, тщеславные созидатели градов, гордитесь, основатели государств; мечтайте, что слава имени вашего будет вечна; столпите камень на камень до самых облаков; отсекайте изображения ваших подвигов и надписи, дела ваши возвещающие. Полагайте твердые основания правления законом непрременным. Время с острым рядом зубов смеется вашему кичению. Где мудрые Солоновы и Ликурговы законы, вольность Афин и Спарты утверждавшие? — В книгах. — А на месте их пребывания пасутся рабы жезлом самовластия. — Где пышная Троя, где Карфага? — Едва ли видно место, где гордо они стояли. — Курится ли таинственно единому существу нетленная жертва во славных храмах Древнего Египта?

¹⁰⁰ Великолепные оных остатки служат убежищем блеющему скоту во время срединного зноя. Не радостными слезами благодарения всевышнему отцу они орошаемы, но смрадными извержениями скотского тела. — О! гордость, о! надменность человеческая, воззри на сие и познай, колико ты ползуща!

В таковых размышлениях подъезжал я к Новугороду, смотря на множество монастырей, вокруг одного лежащих.

Сказывают, что все сии монастыри, даже и на пятнадцать верст расстоянием от города находящиеся, заключались в оном; что из стен его могло выходить до ста тысяч войска. Известно по летописям, что Новгород имел народное правление. Хотя у их были князья, но мало имели власти. Вся сила правления заключалась в посадниках и тысяцких. Народ в собрании своем на вече был истинный государь. Область Новгородская простира-
¹⁰¹ лась на севере даже за Волгу. Сие вольное государство стояло в Ганзейском союзе. Старинная речь: кто может стать против бога и великого Новогорода — служить может доказательством его могущества. Торговля была причиною его возвышения. Внутренние несогласия и хищной сосед совершили его падение.

На мосту вышел я из кибитки моей, дабы насладиться зрелищем течения Волхова. Не можно было, чтобы не пришел мне на память поступок царя Ивана Васильевича по взятии Новогорода. Узвленный сопротивлением сея республики, сей гордый, зверский, но умный властитель хотел ее разорить до основания. Мне зрится он с долбнею на мосту стоящ, так иные повествуют, приносяй на жертву ярости своей старейших и начальников новгородских. Но какое он имел право свирепствовать против них,
¹⁰² какое он имел право присвоить Новгород? То ли, что первые великие князья российские жили в сем городе? Или что он писался царем всея Руси? Или что новгородцы были славенского племени? Но на что право, когда действует сила? Может ли оно существовать, когда решение запечатлеется кровию народов? Может ли существовать право, когда нет силы на приведение его в действительность? Много было писано о праве народов, нередко имеют на него ссылку; но законоучители не помышляли, может ли быть между народами судия. Когда возникают между ими вражды, когда ненависть или корысть устремляет их друг на друга, судия их есть меч. Кто пгл мертв или обезоружен, тот и виновен; повинуется непрекословно сему решению, и апелляции на оное нет. — Вот почему Новгород при-
¹⁰³ надлежал царю Ивану Васильевичу. Вот для чего он его разорил и дымящиеся его остатки себе присвоил. — Нужда, желание безопасности и сохранности созидают царства; разрушают их несогласие, ухищрение и сила. — Что ж есть право народное? — Народы, говорят законоучители, находятся один в рассуждении другого в таком же положении, как человек находится в отношении другого в естественном состоянии. — Вопрос: в естественном состоянии человека какие суть его права? Ответ: взгляни на него. Он наг, алчущ, жаждущ. Все, что взять может на удовлетворение своих нужд, все присвоает. Если бы что тому воспрепятствовать захотело, он препятствие удалит, разрушит и приобретет желаемое. Вопрос: если на пути удовлетворения нуждам своим он обрящет подоб-

ного себе, если, например, двое, чувствуя голод, восхотят насытиться одним куском, — кто из двух большее к приобретению имеет право? ¹⁰⁴ Ответ: тот, кто кусок возьмет. Вопрос: кто же возьмет кусок? Ответ: кто сильнее. — Неужели сие есть право естественное, неужели се основание права народного! — Примеры всех времен свидетельствуют, что право без силы было всегда в исполнении почитаемо пустым словом. — Вопрос: что есть право гражданское? Ответ: кто едет на почте, тот пустяками не занимается и думает, как бы лошадей поскорее промыслить.

ИЗ ЛЕТОПИСИ НОВОГОРОДСКОЙ

Новгородцы с великим князем Ярославом Ярославичем вели войну и заключили письменное примирение. —

Новгородцы сочинили письмо для защищения своих вольностей и утвердили оное пятидесятью осьмью печатями. —

Новгородцы запретили у себя обращение чеканной монеты, введенной татарами в обращение. —

Новгород в 1420 году начал бить свою монету. — ¹⁰⁵

Новгород стоял в Ганзейском союзе. —

В Новгороде был колокол, по звону которого народ собирался на вече для рассуждения о вещах общественных. —

Царь Иван письмо и колокол у новгородцев отнял. —

— Потом в 1500 году — в 1600 году — в 1700 году — году — году Новгород стоял на прежнем месте. —

Но не все думать о старине, не все думать о завтрашнем дне. Если беспрестанно буду глядеть на небо, не смотря на то, что под ногами, то скоро споткнусь и упаду в грязь. . . — размышлял я. Как ни тужи, а Новгорода по-прежнему не населишь. Что бог даст вперед. — Теперь пора ужинать. Пойду к Карпу Дементьичу.

— Ба! ба! ба! добро пожаловать, откуда бог принес, — говорил мне приятель мой Карп Дементьич, прежде сего купец третьей гильдии, а ныне именитой гражданин. — По пословице, счастливой к обеду. Милости ¹⁰⁶ просим садиться. — Да что за пир у тебя? — Благодетель мой, я женил вчера парня своего. — Благодетель твой, — подумал я, — не без причины он меня так величает. Я ему, как и другие, пособил записаться в именитые граждане. Дед мой будто должен был по векселю 1000 рублей, кому, того не знаю, с 1737 году. Карп Дементьич в 1780 вексель где-то купил и какой-то приладил к нему протест. Явился он ко мне с искусным стряпчим, и в то время взяли они с меня милостиво одни только проценты за 50 лет, а занятой капитал мне весь подарили. — Карп Дементьич человек признательной. — Невестка, водки нечаянному гостю. — Я водки не пью. — Да хотя прикушай. Здоровья молодых. . . — и сели ужинать.

По одну сторону меня сел сын хозяйской, а по другую посадил Карп Дементьич свою молодую невестку. . . Прервем речь, читатель. Дай мне ¹⁰⁷ карандаш и листочек бумажки. Я тебе во удовольствие нарисую всю честную компанию и тем тебя причастным сделаю свадебной пирушке, хотя бы ты на Алеутских островах бобров ловил. Если точных не спешу портретов, то доволен буду их силуетами. Лаватер и по них учит узнавать, кто умен и кто глуп.

Карп Дементьич — седая борода в восемь вершков от нижней губы. Нос кляпом, глаза серые, ввалились, брови как смоль, кланяется об руку, бороду гладит, всех величает: благодетель мой. — Аксинья Парфентьевна, любезная его супруга. В шестьдесят лет бела, как снег, и красна, как маков цвет, губки всегда сжимает кольцом, ренского выпьет перед обедом полчарочки при гостях, да в чулане стаканчик водки. Приказчик мужнин ¹⁰⁸ хозяину на счете показывает. . . По приказанию Аксиньи Парфентьевны куплено годового запаса 3 пуда белил ржевских и 30 фунтов румян миртовых. . . Приказчики мужнины — Аксиньины камердинеры. — Алексей Карпович, сосед мой застойной. Ни уса, ни бороды, а нос уже багровой, бровями моргает, в кружок острижен, кланяется гусем, отряхая голову и поправляя волосы. В Петербурге был сидельцем. На аршин когда меряет, то спускает на вершок; за то его отец любит как сам себя; на пятнадцатом году матери дал оплеуху. — Парасковья Денисовна, ево новобрачная супруга, бела и румяна. Зубы как уголь. Брови в нитку, чернее сажи. В компании сидит, потупя глаза, но во весь день от окошка не отходит и ¹⁰⁹ пялит глаза на всякого мужчину. Под вечерок стоит у калитки. — Глаз один подбит. Подарок ее любезнова муженька для первого дни, — а у кого догадка есть, тот знает, за что.

Но, любезный читатель, ты уже зеваешь. Полно, видно, мне снимать силуеты. Твоя правда; другова не будет, как нос да нос, губы да губы. Я и того не понимаю, как ты на силуете белилы и румяна распознаешь.

— Карп Дементьич, чем ты ныне торгуешь? В Петербург не едешь, льну не привозишь, ни сахару, ни кофе, ни красок не покупаешь. Мне кажется, что торг твой тебе был не в убыток. — От него-то было я и разорился. Но насилиу бог спас. Получив одним годом изрядной барышок, я жене построил здесь дом. На следующий год был льну неурожай, и я не мог поставить, что законтрактовал. Вот отчего я торговать перестал. — Помню, Карп Дементьич, что за тридцать тысяч рублей, забранных вперед, ты тысячу пуд льну прислал должникам на раздел. — Ей, больше ¹¹⁰ не можно было, поверь моей совести. — Конечно, и на заморские товары был в том году неурожай. Ты забрал тысяч на двадцать. . . Да, помню: на них пришла головная боль. — Подлинно, благодетель, у меня голова так болела, что чуть не треснула. Да чем могут заимодавцы мои на меня жаловаться? Я им отдал все мое имение. — По три копейки на рубль. — Никак нет-ста, по пятнадцати. — А женин дом? — Как мне до него коснуться: он не мой. — Скажи же, чем ты торгуешь? — Ничем, ей, ничем. С тех пор как я пришел в несостояние, парень мой торгует. Нынешним летом, слава богу, поставил льну на двадцать тысяч. — На будущее, конечно, законтрактует на пятьдесят, возьмет половину денег вперед и молодой жене построит дом. . . — Алексей Карпович только что улыба- ¹¹¹ ется. — Старинной шутник, благодетель мой. Полно молоть пустяки; возьмемся за дело. — Я не пью, ты знаешь. — Да хоть прикушай.

Прикушай, прикушай, — я почувствовал, что у меня щеки начали рдеть, и под конец пира я бы, как и другие, напился пьян. Но, по счастью, век за столом сидеть нельзя, так, как всегда быть умным невозможно.

И по той самой причине, по которой я иногда дурачусь и брежу, на свадебном пиру я был трезв.

Вышед от приятеля моего Карпа Дементьича, я впал в размышление. Введенное повсюду вексельное право, то есть строгое и скорое по торговым обязательствам взыскание, почитал я доселе охраняющим доверие законоположением; почитал счастливым новых времен изобретением для усугубления быстрого в торговле обращения, чего древним народам на ум не приходило. Но отчего же, буде нет честности в дающем вексельное 112
обязательство, отчего оно тщетная только бумажка? Если бы строгого взыскания по векселям не существовало, ужели бы торговля исчезла? Не заимодавец ли должен знать, кому он доверяет? О ком законоположение более пецися долженствует, о заимодавце ли или о должнике? Кто более в глазах человечества заслуживает уважения, заимодавец ли, теряющий свой капитал, для того что не знал кому доверил, или должник в оковах и в темнице? С одной стороны — легковёрность, с другой — почти воровство. Тот поверил, надеясь на строгое законоположение, а сей. . . А если бы взыскание по векселям не было столь строгое? Не было бы места легковерию, не было бы, может быть, плутовства в вексельных делах. . . Я начал опять думать, прежняя система пошла к черту, и я лег спать с пустою головою.

БРОННИЦЫ

113

Между тем как в кибитке моей лошадей переменяли, я захотел посетить высокую гору, близ Бронниц находящуюся, на которой, сказывают, в древние времена, до пришествия, думаю, славян, стоял храм, славившийся тогда издаваемыми в оном прорицаниями, для слышания коих многие северные владельцы прихаживали. На том месте, повествуют, где ныне стоит село Бронницы, стоял известный в северной древней истории город Холмоград. Ныне же на месте славного древнего капища построена малая церковь.

Восходя на гору, я вообразил себя преселенного в древность и пришедшего, да познаю от державного божества грядущее и обрящу спокойствие моей нерешимости. Божественный ужас объемлет мои члены, грудь моя 114
начинает воздыматься, взоры мои тупеют, и свет в них меркнет. Мне слышится глас, грому подобный, вещаяй: — Безумный! почто желаешь познати тайну, которую я сокрыл от смертных непроницаемым покровом неизвестности? Почто, о дерзновенный! познати жаждешь то, что едина мысль предвечная постигать может? Ведай, что неизвестность будущего соразмерна брениности твоего сложения. Ведай, что предузнанное блаженство теряет свою сладость долговременным ожиданием, что прелесть настоящего веселия, нашед утомленные силы, немощна произвести в душе столь приятного дрожания, какое веселие получает от нечаянности. Ведай, что предузнанная гибель отнимает безвременно спокойствие, отвращает утеху, ими же наслаждался бы, если бы скончания их не предузнал. Чего ищешь, чадо безрассудное? Премудрость моя все нужное насадила 115

в разуме твоём и сердце. Вопросы их во дни печали и обрящешь утешителей. Вопросы их во дни радости и найдешь обуздателей наглого счастья. Возвратись в дом свой, возвратись к семье своей; успокой встревоженные мысли; вниди во внутренность свою, там обрящешь мое божество, там услышишь мое вещание. — И треск сильного удара гремящего во власти Перуна раздался в долинах далеко. — Я опомнился. — Достиг вершины горы и, узрев церковь, возвел я руки на небо. — Господи, — возопил я, — се храм твой, се храм, вещают, истинного, единого бога. На месте сем, на месте твоего ныне пребывания, повествуют, стоял храм заблуждения. Но не могу поверить, о всемогущий! чтобы человек мольбу сердца своего воссылал ко другому какому-либо существу, а не к тебе.

¹¹⁶ Мощная десница твоя, невидимо всюду простертая, и самого отрицателя всемогущия воли твоя нудит признавати природы строителя и содержателя. Если смертный в заблуждении своем странными, непристойными и зверскими нарицает тебя именованиями, почитание его, однако же, стремится к тебе, предвечному, и он трепещет пред твоим могуществом. Егова, Юпитер, Брама; бог Авраама, бог Моисея, бог Конфуция, бог Зороастра, бог Сократа, бог Марка Аврелия, бог христиан, о бог мой! ты един повсюду. Если в заблуждении своем смертные, казалось, не тебя чтити единого, но боготворили они твои несравненные силы, твои неугодобляемые дела. Могущество твое, везде и во всем ощущаемое, было везде и во всем покланяемо. Безбожник, тебя отрицающий, признавая природы закон непреломный, тебе же приносит тем хвалу, хваля тебя паче нашего песнопения.

¹¹⁷ Ибо, проникнутый до глубины своею изящностию твоего творения, ему предстоит трепетан. — Ты ищешь, отец всецелый, искреннего сердца и души непорочной; они отверсты везде на твое пришествие. Сиди, господи, и воцарися в них. — И пребыл я несколько мгновений отринув окрестных мне предметов, нисшед во внутренность мою глубоко. — Возвед потом очи мои, обратив взоры на близ стоящие селения: — Се хижины уничижения, — вещал я, — на месте, где некогда град великий гордые возносил свои стены. Ни малейшего даже признака оных не осталось. Рассудок претит имети веру и самой повести: столь жаждущ он убедительных и чувственных доводов. — И все, что зрим, преидет; все рушится, все будет прах. Но некий тайный глас вещает мне: пребудет нечто вовеки живо.

118

С течением времен все звезды помрачатся, померкнет солнца блеск; природа, обветшав лет дряхлостью, падет. Но ты во юности бессмертной процветешь, невыблемый среди сражения стихиев, развалин вещества, миров всех разрушенья*.

* «Смерть Катанова», трагедия Едессонова. Дейс. V. Явлен. 1.

ЗАЙЦОВО

119

В Зайцове на почтовом дворе нашел я давнишнего моего приятеля г. Крестьянкина. Я с ним знаком был с ребячества. Редко мы бывали в одном городе; но беседы наши, хотя не часты, были, однако же, откровенны. Г. Крестьянкин долго находился в военной службе и, наскучив жестокостями оной, а особливо во время войны, где великие насилия именем права войны прикрываются, перешел в статскую. По несчастию его, и в статской службе не избежал того, от чего, оставляя военную, удалиться хотел. Душу он имел очень чувствительную и сердце человеколюбивое. Дознанные его столь превосходные качества доставили ему место председателя уголовной палаты. Сперва не хотел он на себя принять сего звания, но, помыслив несколько, сказал он мне: — Мой друг, какое обширное поле отверзается мне на удовлетворение любезнейшей склонности моей души! какое упражнение для мягкосердия! Сокрушим скипетр жестокости, которой столь часто тягчит рамена невинности; да опустеют темницы, и да не узрит их оплоштивная слабость, нерадивая неопытность, и случай во злодеяние да не вменится николи. О мой друг! исполнением моей должности источу слезы родителей о чадах, воздыхания супругов; но слезы сии будут слезы обновления во благо. Но иссякнут слезы страждущей невинности и простодушия. Колико мысль сия меня восхищает. Пойдем, ускорим отъезд мой. Может быть, скорое прибытие мое там нужно. Замедля, могу быть убийцею, не предупреждая заключения или обвинения прощением или разрешением от уз.

С такими мыслями поехал приятель мой к своему месту. Сколь же много удивился я, узнав от него, что он оставил службу и намерен жить всегда в отставке.

— Я думал, мой друг, — говорил мне г. Крестьянкин, — что услаждающую рассудок и обильную найду жатву в исполнении моей должности. Но вместо того нашел я в оной желчь и терние. Теперь, наскучив оною, не в силах будучи делать добро, оставил место истинному хищному зверю. В короткое время он заслужил похвалу скорым решением залежавшихся дел; а я прослыл копотким. Иные почитали меня иногда мздоимцем за то, что не спешил отягчить жребия несчастных, впадающих в преступление нередко поневоле. До вступления моего в статскую службу приобрел я лестное для меня название человеколюбивого начальника. Теперь самое то же качество, коим сердце мое толико гордилось, теперь почитают ослаблением или непозволительною поноворкою. Видел я решения мои осмеянными в том самом, что их изящными делало; видел их осуществляемыми без действия. С презрением взирал, что для освобождения действительного злодея и вредного обществу члена или дабы наказать мнимые преступления лишением имения, чести, жизни, начальник мой, будучи не в силах меня преклонить на незаконное очищение злодейства или на обвинение невинности, преклонял к тому моих сочленов, и нередко я видел благие мои расположения исчезающими, яко дым в пространстве воздуха. Они же, во мзду своего гнусного послушания, получали почести, кои в глазах моих столь же были тусклы, сколь их прельщали своим блеском. Нередко

¹²³ в затруднительных случаях, когда уверение в невинности названного преступником меня побуждало на мягкосердие, я прибегал к закону, дабы искали в нем подпору моей нерешимости; но часто в нем находил вместо человеколюбия жестокость, которая начало свое имела не в самом законе, но в его обветшалости. Несоразмерность наказания преступлению часто извлекала у меня слезы. Я видел (да и может ли быть иначе), что закон судит о деяниях, не касаясь причин, оные производивших. И последний случай, к таковым деяниям относящийся, понудил меня оставить службу. Ибо, не возмогши спасти виновных, мощною судьбы рукою в преступление вовлеченных, я не хотел быть участником в их казни. Не возмогши облегчить их жребия, омыл руки мои в моей невинности и удалился жестокосердия.

¹²⁴ В губернии нашей жил один дворянин, которой за несколько уже лет оставил службу. Вот его послужной список. Начал службу свою при дворе истопником, произведен лакеем, камер-лакеем, потом мундшенком; какие достоинства надобны для прехождения сих степеней придворныя службы, мне неизвестно. Но знаю то, что он вино любил до последнего издыхания. Пробыв в мундшенках лет 15, отослан был в Герольдию, для определения по его чину. Но он, чувствуя свою неспособность к делам, выпросился в отставку и награжден чином коллежского асессора, с которым он приехал в то место, где родился, то есть в нашу губернию, лет шесть тому назад. Отличная привязанность к своей отчизне нередко основание имеет в тщеславии. Человек низкого состояния, добившийся в знатность, или бедняк, приобретший богатство, сотрясаши всю стыдливости застенчивость, последний и слабейший корень добродетели, предпочитает место своего рождения на распростертые своея пышности и гордыни. Там скоро асессор нашел случай купить деревню, в которой поселился с немалою своею семьею. Если бы у нас родился Гогард, то бы обильное нашел поле на карикатуры в семействе г. асессора. Но я худой живописец; или если бы я мог в чертах лица читать внутренности человека с Лаватеровою пронипцательностию, то бы и тогда картина асессоровой семьи была примечания достойна. Не имея сих свойств, заставляю вещать их деяния, кои всегда истинные суть черты душевного образования.

¹²⁵ Г. асессор, произошед из самого низкого состояния, зрел себя повелителем нескольких сотен себе подобных. Сие вскружило ему голову. Не один он жаловаться может, что употребление власти вскружает голову. Он себя почел высшего чина, крестьян почитал скотами, данными ему (едва не думал ли он, что власть его над ними от бога проистекает), да употребляет их в работу по произволению. Он был корыстолюбив, копил деньги, жесток от природы, вспылчив, подл, а потому над слабейшими его надменен. Из сего судить можешь, как он обходился с крестьянами. Они у прежнего помещика были на оброке, он их посадил на пашню; отнял у них всю землю, скотину всю у них купил по цене, какую сам определил, заставил работать всю неделю на себя, а дабы они не умирали с голоду, то кормил их на господском дворе, и то по одному разу в день, а иным давал из милости мясечину. Если которой казался ему ленив, то сек розгами, плетью, батожьем или кошками, смотря по мере лености; за дей-

ствительные преступления, как-то кражу не у него, но у посторонних, не говорил ни слова. Казалось, будто хотел в деревне своей возобновить нравы древнего Лакедемона или Запорожской сечи. Случилось, что мужики его для пропитания на дороге ограбили проезжего, другого потом убили. Он их в суд за то не отдал, но скрыл их у себя, объявля правительству, что они бежали; говоря, что ему прибыли не будет, если крестьянина его высекут кнутом и сошлют в работу за злодеяние. Если кто из крестьян что-нибудь украл у него, то он сек как за леность или за дерзкой или остроумной ответ, но сверх того надевал на ноги колодки, кандалы, а на шею рогатку. Много бы мог я тебе рассказать его мудрых распоряжений; но сего довольно для познания моего ироя. Сожительница его полную власть имела над бабами. Помошниками в исполнении ее велений были ее сыновья и дочери, как то и у ее мужа. Ибо сделали они себе правилом, чтобы ни для какой нужды крестьян от работы не отвлекать. Во дворе людей было один мальчик, купленной им в Москве, парикмахер дочернин, да повариха старуха. Кучера у них не было, ни лошадей; разъезжал всегда на пахотных лошадях. Плетями или кошками секли крестьян сами сыновья. По щекам били или за волосы таскали баб и девок дочери. Сыновья в свободное время ходили по деревне или в поле играть и бесчинничать с девками и бабами, и никакая не избегала их насилия. Дочери, не имея женихов, вымещали свою скуку над прядильницами, из которых они многих изувечили. Суди сам, мой друг, какой конец мог быть таковым поступкам. Я заметил из многочисленных примеров, что русской народ очень терпелив и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничто не может его удержать, чтобы не преклонился на жестокость. Сие самое и случилось с ассессором. Случай к тому подал неистовой и беспутной или, лучше сказать, зверской поступок одного из его сыновей.

В деревне его была крестьянская девка, недурна собою, сговоренная за молодого крестьянина той же деревни. Она понравилась среднему сыну ассессора, которой употребил все возможное, чтобы ее привлечь к себе в любовь; но крестьянка верна пребывала в данном жениху ее обещании, что хотя редко в крестьянстве случается, но возможно. В воскресенье должно было быть свадьбе. Отец жениха, по введенному у многих помещиков обычаю, пошел с сыном на господской двор и понес повенечные два пуда меду к своему господину. Сию-то последнюю минуту дворянчик и хотел употребить на удовлетворение своей страсти. Взял с собою обоих своих братьев и, вызвав невесту чрез постороннего мальчика на двор, потащил ее в клеть, зажав ей рот. Не будучи в силах кричать, она сопротивлялась всеми силами зверскому намерению своего молодого господина. Наконец, превозможенная всеми тремя, принуждена была уступить силе; и уже сие скарденное чудовище начал исполнением умышленное, как жених, возвратившись из господского дома, вошел на двор и, увидя одного из господчиков у клетки, усумнился о их злом намерении. Кликнув отца своего к себе на помощь, он быстрее молнии полетел ко клетки. Какое зрелище представилося ему! При его приближении затворилась клеть; но совокупные силы двух братьев немощны были удержать стремления разъяренного жениха. Он схватил близлежащий кол и, вскоча в клеть,

ударил вдоль спины хищника своя невесты. Они было хотели его схватить, но, видя отца женихова, бегущего с колом же на помощь, оставили свою добычу, выскочили из клетки и побежали. Но жених, догнав одного из них, ударил его колом по голове и ее проломил. Сип злодеи, желая отомстить свою обиду, пошли прямо к отцу и сказали ему, что, ходя по деревне, они встретились с невестою, с ней пошутили; что увидя жених ее начал их бить, будучи вспомогаем своим отцом. В доказательство показывали проломленную у одного из братьев голову. Раздраженный до внутренности сердца болезнию своего рождения, отец воскипел гневом ярости. Немедля велел привести пред себя всех трех злодеев — так он называл жениха, невесту и отца женихова. Представшим им пред него, первой ¹³² вопрос его был о том, кто проломил голову его сыну. Жених в сделанном не отперся, рассказав все происшествие. — Как ты дерзнул, — говорил старой ассессор, — поднять руку на твоего господина? А хотя бы он с твоею невестою и ночь переспал накануне твоя свадьба, то ты ему за то должен быть благодарен. Ты на ней не женишься; она у меня останется в доме, а вы будете наказаны. — По таком решении, жениха велел он сечь кошками немилосердо, отлав его в волю своих сыновей. Побои вытерпел он мужественно; неробким духом смотрел, как начали над отцем его то же производить истязание. Но не мог вытерпеть, как он увидел, что невесту господские люди хотели вести в дом. Наказание происходило на дворе. В одно мгновение выхватил он ее из рук похищающих, и освобожденные побежали оба со двора. Сие видя, барские сыновья перестали сечь старика и побежали за ними в погоню. Жених, видя, что они его настигать начали, выхватил заборину и стал защищаться. Между тем шум привлек других крестьян ко двору господскому. Они, соблезнуя о участи молодого крестьянина и имея сердце озлобленное против своих господ, его заступили. Видя сие, ассессор, подбжевав сам, начал их бранить и первого, кто встретился, ударил своею тростию столь сильно, что упал бесчувствен на землю. Сие было сигналом к общему наступлению. Они окружили всех четверых господ и, коротко сказать, убили их до смерти на том же месте. Толико ненавидели они их, что ни один не хотел миновать, чтобы не быть участником в сем убийстве, как то они сами после признались. В самое то время случилось ехать тут исправнику той округи, с командою. Он был частью очевидным свидетелем сему происшествию. ¹³⁴ Взяв виновных под стражу, а виновных было половина деревни, произвел следствие, которое постепенно дошло до уголовной палаты. Дело было выведено очень ясно, и виновные во всем признавались, в оправдание свое приводя только мучительские поступки своих господ, о которых уже вся губерния была известна. Таковому делу я обязан был по долгу моего звания положить окончательное решение, приговорить виновных к смерти и вместо оной к торговой казни и вечной работе.

Рассматривая сие дело, я не находил достаточной и убедительной причины к обвинению преступников. Крестьяне, убившие господина своего, были смертоубийцы. Но смертоубийство сие не было ли принужденно? Не причиною ли оногo сам убитой ассессор? Если в арифметике из двух ¹³⁵ данных числ третье следует непрекословно, то и в сем происшествии

следствие было необходимо. Невинность убийц, для меня по крайней мере, была математическая ясность. Если, идущу мне, нападет на меня злодей и, вознесши над главою моею кинжал, восхочет меня им пронзить, — убийцею ли я почтуса, если предупрежду его в его злодеянии и бездыханного его к ногам моим повергну? Если нынешнего века скосырь, привлекший должное на себя презрение, восхочет оное на мне отомстить и, встретясь со мною в уединенном месте, вынув шпагу, сделает на меня нападение, да лишит меня жизни или, по крайней мере, да уязвит меня, — виновен ли я буду, если, извлеки мой меч на защищение мое, я избавлю общество от тревожащего спокойствие его члена? Можно ли почесть деяние оскорбляющим сохранность члена общественного, если я исполню его для моего спасения, если оно предупредит мою пагубу, если без того благосостояние мое будет плачевно навеки? ¹³⁶

Исполнен таковыми мыслями, можешь сам вообразить терзание души моей при рассмотрении сего дела. С обыкновенною откровенностию сообщил я мои мысли моим сочленам. Все возопили против меня единым голосом. Мягкосердие и человеколюбие почитали они виновным защищением злодеяний; называли меня поощрителем убийства; называли меня сообщником убийцев. По их мнению, при распространении моих вредных мнений исчезнет домашняя сохранность. Может ли дворянин, говорили они, отныне жить в деревне покоен? Может ли видеть веления его исполняемы? Если ослушники воли господина своего, а паче его убийцы, невинными признаваемы будут, то повиновение прервется, связь домашняя рушится, будет паки хаос, в начальных обществах обитающий. Земледелие умрет, ¹³⁷ орудия его сокрушатся, нива запустеет и бесплодным порастет злаком; поселяне, не имея над собою власти, скитаться будут в лености, тунеядстве и разыдутся. Города почувствуют властнодержавную десницу разрушения. Чуждо будет гражданам ремесло, рукоделие скончает свое прилежание и рачительность, торговля иссякнет в источнике своем, богатство уступит место скаредной нищете, великолепнейшие здания обветшают, законы затмятся и порастут недействительностию. Тогда огромное сложение общества начнет валиться на части и издыхати в отдаленности от целого; тогда престол царский, где ныне опора, крепость и сопряжение общества зиждутся, обветшает и сокрушится; тогда владыка народов почтется простым гражданином, и общество узрит свою кончину. Сию до- ¹³⁸ стойную адския кисти картину тщилися мои сотоварищи предлагать взорам всех, до кого слух о сем деле доходил. — Председателю нашему, — вещали они, — сродно защищать убийство крестьян. Спросите, какого он происхождения? Если не ошибаемся, он сам в молодости своей изволил ходить за сохою. Всегда новостатейные сии дворянчики странные имеют понятия о природном над крестьянами дворянском праве. Если бы от него зависело, он бы, думаем, всех нас поверстал в однодворцы, дабы тем уравниять с нами свое происхождение. — Такими-то словами мнили сотоварищи мои оскорбить меня и ненавистным сделать всему обществу. Но сим не удовольствовались. Говорили, что я приял мзду от жены убитого асессора, да не лишится она крестьян своих отсылкою их в работу, и что сия-то истинная была причина странным и вредным моим мнениям, право всего ¹³⁹

дворянства вообще оскорбляющим. Немысленные думали, что посмеяние их меня уязвит, что клевета поругает, что лживое представление доброго намерения от оногo меня отвлечет! Сердце мое им было неизвестно. Не знали они, что нетрепетен всегда предстою собственному моему суду, что ланиты мои не рдели багровым румянцем совести.

Мздоимство мое основали они на том, что ассессорша за мужнину смерть мстить не желала, а, сопровождаема своею корыстию и следуя правилам своего мужа, желала крестьян избавить от наказания, дабы не лишиться своего имени, как то она говорила. С таковою просьбою она приезжала и ко мне. На прощение за убиение ее мужа я с ней был согласен, но различно
140 ствовали мы в побуждениях. Она уверяла меня, что сама довольно их накажет, а я уверял ее, что, оправдывая убийцев ее мужа, не надлежало их подвергать более той же крайности, дабы паки не были злодеями, как то их называли несвойственно.

Скоро наместник известен стал о моем по сему делу мнении, известен, что я старался преклонить сотоварищей моих на мои мысли и что они начинали колебаться в своих рассуждениях, — к чему, однако же, не твердость и убедительность моих доводов способствовали, но деньги ассессорши. Будучи сам воспитан в правилах неоспоримой над крестьянами власти, с моими рассуждениями он не мог быть согласен и вознегодовал, усмотрев, что они начинали в суждении сего дела преимуществовать, хотя ради различных причин. Посылает он за моими сочленами, увещевает их, представ-
141 ляет гнусность таких мнений, что они оскорбительны для дворянского общества, что оскорбительны для верховной власти, нарушая ее законоположения; обещает награждение исполняющим закон, претя мщением неповинующимся оному; и скоро сих слабых судей, не имеющих ни правил в размышлениях, ни крепости духа, преклоняет на прежние их мнения. Не удивился я, увидев в них перемену, ибо не дивился и прежде в них воследовавшей. Сродно хвилым, робким и подлым душам содрогаться от угрозы власти и радоваться ее приветствию.

Наместник наш, превратив мнения моих сотоварищей, вознамерился и ласкал себя, может быть, превратить и мое. Для сего намерения позвал меня к себе поутру в случившийся тогда праздник. Он принужден был меня позвать, ибо я не хаживал никогда на сии безрассудные поклонения, которые
142 гордость почитает в подчиненных должностно, лесть нужными, а мудрец мерзительными и человечеству поносными. Он избрал нарочно день торжественной, когда у него много людей было в собрании; избрал нарочно для слова своего публичное собрание, надеясь, что тем разительнее убедит меня. Он надеялся найти во мне или боязнь души, или слабость мыслей. Против того и другого устремил он свое слово. Но я за нужное не нахожу пересказывать тебе все то, чем надменность, ощущение власти и предубеждение к своему проницанию и учености одушевляло его витийство. Надменности его ответственвал я равнодушием и спокойствием, власти — непоколебимостию, доводам — доводами и долго говорил хладнокровно. Но, наконец, содрогшееся сердце разлило свое избыточество. Чем больше видел я угождения в предстоящих, тем порывистее
143 становился мой язык. Незыблемым гласом и звонким произношением

возошил я наконец сице: — Человек рождается в мир равен во всем другому. Все одинаковые имеем члены, все имеем разум и волю. Следственно, человек без отношения к обществу есть существо, ни от кого не зависящее в своих деяниях. Но он кладет оным преграду, согласуется не во всем своей единой повиноваться воле, становится послушен велениям себе подобного, словом — становится гражданином. Какая же ради вины обуздывает он свои хотения? почто поставляет над собою власть? почто, беспределен в исполнении своей воли, послушания чертою оную ограничивает? Для своей пользы, — скажет рассудок; для своей пользы, — скажет внутреннее чувство; для своей пользы, — скажет мудрое законоположение. Следственно, где нет его пользы быть гражданином, там он и не гражданин. Следственно, тот, кто восхощет его лишить пользы гражданского звания, есть его враг. Против врага своего он защиты и мщения ищет в законе. Если закон или не в силах его заступить, или того не хочет, или власть его не может мгновенное в предстоящей беде дать вспомоществование, тогда пользуется гражданин природным правом защищения, сохранности, благосостояния. Ибо гражданин, стаявся гражданином, не перестает быть человеком, коего первая обязанность, из сложения его происходящая, есть собственная сохранность, защита, благосостояние. Убиенной крестьянами ассессор нарушил в них право гражданина своим зверством. В то мгновение, когда он потакал насилию своих сыновей, когда он к болезни сердечной супругов присовокуплял поругание, когда на казнь подвигался, видя сопротивление своему адскому властвованию, — тогда закон, стрегущий гражданина, был в отдаленности, и власть его тогда была неощутительна; тогда возрождался закон природы, и власть обиженного гражданина, неотъемлемая законом положительным в обиде его, приходила в действительность; и крестьяне, убившие зверского ассессора, в законе обвинения не имеют. Сердце мое их оправдает, опираясь на доводах рассудка, и смерть ассессора, хотя насильственная, есть правильна. Да не возмнит кто-либо искать в благоразумии политики, в общественной тишине довода к осуждению на казнь убийцев в злобе дух испутившего ассессора. Гражданин, в каком бы состоянии небо родиться ему ни судило, есть и пребудет всегда человек; а доколе он человек, право природы, яко обильный источник благ, в нем не иссякнет никогда; и тот, кто дерзнет его уязвить в его природной и ненарушимой собственности, тот есть преступник. Горе ему, если закон гражданский его не накажет. Он замечен будет чертою мерзения в своих согражданах, и всяк, имея довольно сил, да отмстит на нем обиду, им соделанную. — Умолк. Наместник не говорил мне ни слова; изредка подымал на меня поникшие взоры, где господствовала ярость бессилия и мести злоба. Все молчали в ожидании, что, оскорбитель всех прав, я взят буду под стражу. Изредка из уст раболепия слышалось журчание негодования. Все отвращали от меня свои очи. Казалось, что близстоящих меня объял ужас. Неприметно удалилися они, как от зараженного смертоносною язвою. Наскучив зрелищем толикого смешения гордыни с низжайшею подлостью, я удалился из сего собрания льстецов.

Не нашед способов спасти невинных убийц, в сердце моем оправданных, я не хотел быть ни сообщником в их казни, ниже оной свиде-

телем; подал прошение об отставке и, получив ее, еду теперь оплакивать плачевную судьбу крестьянского состояния и услаждать мою скуку обхождением с друзьями. — Сказав сие, мы расстались и поехали всяк в свою сторону. —

Сей день путешествие мое было неудачно; лошади были худы, выпрягались поминутно; наконец, спускаясь с небольшой горы, ось у кибитки переломилась, и я далее ехать не мог. — Пешком ходить мне в привычку. Взяв посошок, отправился я вперед к почтовому стану. Но прогулка по большой дороге не очень приятна для петербургского жителя, не похожа на гулянье в Летнем саду или в Баба, скоро она меня утомила, и я принужден был сесть.

148 Между тем как я, сидя на камне, чертил на песке фигуры кой-какие, нередко кривобокие и кривоугольные, думал я и то и сё, скачет мимо меня коляска. Сидящий в ней, увидев меня, велел остановиться, — и я в нем узнал моего знакомого. — Что ты делаешь? — сказал он мне. — Думаю думаю. Времени довольно мне на размышление: ось переломилась. Что нового? — Старая дрянь. Погода по ветру, то слякоть, то ведро. А! . . . Вот новенькое, Дурындин женился. — Неправда, Ему уже лет с восьмидесят. — Точно так. Да вот к тебе письмо. . . . Читай на досуге; а мне нужно поспешать. Прости, — и расстались.

Письмо было от моего приятеля. Охотник до всяких новостей, он обещал меня в отсутствии снабжать оными и сдержал слово. Между тем к кибитке моей подделали новую ось, которая, по счастью, была в запасе. Едучи, я читал:

149

П е т е р б у р г .

Любезный мой!

На сих днях совершился здесь брак между 78-летним молодцом и 62-летней молодкою. Причину толь престарелому спарению отгадать тебе трудненько, если оной не скажу. Распусти уши, мой друг, и услышишь. — Госпожа Ш. . . — витязь в своем роде не последний, 62 лет, вдова с 25-летнего своего возраста. Была замужем за купцом, неудачно торговавшим; лицом смазлива; оставшись после мужа бедною сиротою и ведая о жестокосердции собратий своего мужа, не захотела прибегнуть к прошению надменной милостыни, но за благо рассудила кормиться своими трудами. Доколе красота юности водилась на ее лице, во всегдашней была работе и щедрую получала от охотников плату. Но сколь скоро заметила, что 150 красота ее начинала увядать и любовные заботы уступили место скучливому одиночеству, то взялась она за ум и, не находя больше покушников на обветшалые свои прелести, начала торговать чужими, которые если не всегда имели достоинство красоты, имели хотя достоинство новости. Сим способом нажив себе несколько тысяч, она с честью изъясалась из презрительного общества сводень и начала в рост отдавать деньги, своим и чужим бесстыдством нажитые. По времени забыто прежнее ее ремесло, и бывшая сводня стала нужная в обществе мотов тварь. Прожив покойно до 62 лет, нелегкое надоумило ее собраться замуж. Все ее знакомые тому дивятся. Приятельница ее ближняя Н. . . приехала к ней. — Слух носится,

душа моя, — говорит она поседелой невесте, — что ты собралась замуж. Мне кажется, солгано. Какой-нибудь насмешник выдумал сию басню.

Ш. Правда, совершенная. Завтра сговор, приезжай пировать с нами. ¹⁵¹

Н. Ты с ума сошла. Неужели старая кровь разыгралась? неужели какой молокосос подбил к тебе под крылошко?

Ш. Ах, матка моя! не кстати ты меня наравне с молодыми считаешь ветреницами. Я мужа беру по себе. . .

Н. Да то я знаю, что придет по тебе. Но вспомни, что уже нас любить нельзя и не для чего, разве для денег.

Ш. Я такого не возьму, которой бы мне мог изменить. Жених мой меня старше 16 годами.

Н. Ты шутишь!

Ш. По чести правда: барон Дурындин.

Н. Нельзя этому статься.

Ш. Приезжай завтра ввечеру: ты увидишь, что лгать не люблю.

Н. А хотя и так, веть он не на тебе женится, но на твоих деньгах. ¹⁵²

Ш. А кто ему их даст? Я в первую ночь так не обезумею, чтобы ему отдать все мое имение: уже то время давно прошло. Табакерочка золотая, пряжки серебряные и другая дрянь, оставшаяся у меня в закладе, которой с рук нельзя сбыть. Вот весь барыш любезного моего женишка. А если он неугомонно спит, то сгону с постели.

Н. Ему хоть табакерочка перепадет, а тебе в нем что проку?

Ш. Как, матка? Сверх того, что в нынешние времена не худо иметь хороший чин, что меня называть будут: ваше высокородие, а кто поглубее — ваше превосходительство, но будет-таки кто-нибудь, с кем в долгие зимние вечера можно хоть поиграть в бирюльки. А ныне сиди, сиди, все одна; да и того удовольствия не имею, когда чхну, чтоб кто говорил: ¹⁵³ здравствуй. А как муж будет свой, то какой бы насморк ни был, все слышать буду: здравствуй, мой свет, здравствуй, моя душенька. . .

Н. Прости, матушка.

Ш. Завтра сговор, а через неделю свадьба.

Н. (*Уходит*).

Ш. (*Чхает*). Небось не воротится. То ли дело, как муж свой будет!

Не дивись, мой друг! на свете все колесом вертится. Сегодня умное, завтра глупое в моде. Надеюсь, что и ты много увидишь дурындиных. Если не женитьбою всегда они отличаются, то другим чем-либо. А без дурындиных свет не простоял бы трех дней.

КРЕСТЬЦЫ

154

В Крестьяцах был я свидетелем расставания у отца с детьми, которое меня тем чувствительнее тронуло, что я сам отец, и скоро, может быть, с детьми расставаться буду. Несчастной предрассудок дворянского звания велит им идти в службу. Одно название сие приводит всю кровь в необычайное движение! Тысячу против одного держать можно, что изо ста

- дворянчиков, вступающих в службу, 98 становятся повесами, а два под старость или, правильнее сказать, два в дряхлые их, хотя нестарые лета становятся добрыми людьми. Прочие происходят в чины, расточают или наживают имение и проч. . . — Смотря иногда на большого моего сына
- ¹⁵⁵ и размышляя, что он скоро войдет в службу, или, другими сказать словами, что птичка вылетит из клетки, у меня волосы дыбом становятся. Не для того, чтобы служба сама по себе развращала нравы; но для того, что бы зрелыми нравами надлежало начинать службу. — Иной скажет: а кто таких молокососов толкает в шею? — Кто? Пример общий. Штаб-офицер семнадцати лет; полковник двадцатилетний; генерал двадцатилетний; камергер, сенатор, наместник, начальник войск. И какому отцу не захочется, чтобы дети его, хотя в малолетстве, были в знатных чинах, за которыми идут вслед богатство, честь и разум. — Смотря на сына моего, представляется мне: он начал служить, познакомился с вертопрахами, распутными, игроками, щеголями. Выучился чистенько наряжаться, играть в карты, картами доставать прокормление, говорить обо всем ничего не
- ¹⁵⁶ мысля, таскаясь по девкам или врать чепуху барыням. Каким-то образом фортуна, вертясь на курьей ножке, приголубила его; и сынок мой, не брея еще бороды, стал знатным боярином. Возмечтал он о себе, что умнее всех на свете. Чего доброго ожидать от такого полководца или градоначальника? — Скажи по истине, отец чадолюбивый, скажи, о истинный гражданин! не захочется ли тебе сынка твоего лучше удавить, нежели отпустить в службу? Не больно ли сердцу твоему, что сынок твой, знатной боярин, презирает заслуги и достоинства, для того, что их участь пресмыкаться в стезе чинов, пронырства гнушаяся? Не возрыдаешь ли ты, что сынок твой любезной с приятно улыбкою отнимать будет имение, честь; отравлять и резать людей, не своими всегда боярскими руками, но посредством лап своих любимцев.
- ¹⁵⁷ Крестикой дворянин, казалось мне, был лет пятидесяти. Редкие седины едва пробивались сквозь светло-русые власы главы его. Правильные черты лица его знаменовали души его спокойствие, страстям неприступное. Нежная улыбка безмятежного удовольствия, незлобием рождаемого, изрыла ланиты его ямками, в женщинах столь прельщающими; взоры его, когда я вошел в ту комнату, где он сидел, были устремлены на двух его сыновей. Очи его, очи благорастворенного рассудка, казались подернутыми легкою пленкою печали; но искры твердости и упования пролетали оную быстротечно. Пред ним стояли два юноши, возраста почти равного, единым годом во времени рождения, но не в шествии разума и сердца они разнствовали между собою. Ибо горячность родителя ускоряла во младшем развержение ума, а любовь братня умеряла успех в науках во старшем. Понятия о вещах были в них равные, правила жизни знали они равно, но остроту разума и движения сердца природа в них насадила различно. В старшем взоры были тверды, черты лица незыбки, являли начатки души неробкой и непоколебимости в предприятиях. Взоры младшего были остры, черты лица шатки и непостоянны. Но плавное движение оных необманчивый был знак благих советов отчих. — На отца своего взирали они с несвойственною им робостию, от горести предстоящей разлуки происходя-
- ¹⁵⁸

щею, а не от чувствования над собою власти или начальства. — Редкие капли слез точилися из их очей. — Друзья мои, — сказал отец, — сегодня мы расстанемся, — и, обняв их, прижал возрыдавших к перси своей. — Я уже несколько минут был свидетелем сего зрелища, стоя у дверей неподвижен, как отец, обратясь ко мне: — Будь свидетелем, чувствитель-¹⁵⁹ ный путешественник, будь свидетелем мне пред светом, сколь тяжко сердцу моему исполнять державную волю обычая. Я, отлучая детей моих от бдящего родительского ока, единственное к тому имею побуждение, да приобретут опытности, да познают человека из его деяний и, наскучив гремлением мирского жития, да оставят его с радостью; но да имут отишие в гонении и хлеб насущный в скудости. А для сего-то остаюсь я на ниве моей. Не даждь, владыко всецедрый, не даждь им скитатися за милостынею вельмож и обретати в них утешителя! Да будет соболезуяй о них их сердце; да будет им творяй благостыню их рассудок. — Воссядите и внемлите моему слову, еже пребывати во внутренности душ ваших долженствует. — Еще повторю вам, сегодня мы разлучимся. — С неизреченным услаждением зрю слезы ваши, орошающие ланиты вашего лица. Да отнесет¹⁶⁰ сие души вашей зыбление совет мой во святая ея, да восколеблется она при моем воспоминовении и да буду отсутствен оградю вам от зол и печалей.

Привя вас даже от чрева материя в объятиях мои, не восхотел николи, чтобы кто-либо был рачителем в исполнениях, до вас касающихся. Никогда наемная рачительница не касалася телеси вашего и никогда наемный наставник не коснулся вашего сердца и разума. Неусыпное око моя горячности бдело над вами денноночно, да не приблизится вас оскорбление; и блажен нарицаюся, доведши вас до разлучения со мною. Но не воображайте себе, чтобы я хотел исторгнуть из уст ваших благодарность за мое о вас попечение или же признание, хотя слабое, ради вас мною соделанного. Вождаем собственныя корысти побуждением, предприемлемое¹⁶¹ на вашу пользу имело всегда в виду собственное мое услаждение. И так изжените из мыслей ваших, что вы есте под властью моею. Вы мне ничем не обязаны. Не в рассудке, а меньше еще в законе, хощу искати твердости союза нашего. Он оснуется на вашем сердце. Горе вам, если его в забвении оставите! Образ мой, преследуя нарушителю союза нашея дружбы, поженет его в сокровенности его и устроит ему казнь несносную, дондеже не возвратится к союзу. Еще вещаю вам: вы мне ничем не должны. Воззрите на меня, яко на странника и пришельца, и если сердце ваше ко мне ощутит некую нежную наклонность, то поживем в дружбе, в сем наивеличайшем на земли благоденствии. — Если же оно без ощущения пребудет — да забвени будем друг друга, яко же нам не родитися. Даждь, всецедрый, сего да не узрю, отошед в недра твоя сие предваряй! Не должны вы мне¹⁶² ни за воскормление, ни за наставление, а меньше всего за рождение. — За рождение? — Участники были ли вы в нем? Вопрошаемы были ли, да рождени будете? На пользу ли вашу родитися имели или во вред? Известен ли отец и мать, рождая сына своего, блажен будет в житии или злополучен? Кто скажет, что, вступая в супружество, помышлял о наследии и потомках; а если имел сие намерение, то блаженства ли их ради произвести их желал, или же на сохранение своего имени? Как желать добра тому,

кого не знаю, и что сие? Добром назваться может ли желание неопределенное, помаваемое неизвестностию? — Побуждение к супружеству покажет и вину рождения. Прельщенный душевною паче добротой матери вашей, нежели лепотою лица, я употребил способ верный на взаимную горячность — любовь искреннюю. Я получил мать вышу себе в супруги. Но какое было побуждение наша любовь? Взаимное услаждение; услаждение плоти и духа. Вкушая веселие, природой повеленное, о вас мы не мыслили. Рождение ваше нам было приятно, но не для вас. Произведение самого себя льстило тщеславию, рождение ваше было новый и чувственный, так сказать, союз, союз сердец подтверждающий. Он есть источник начальной горячности родителей к сынам своим; подкрепляется он привычкою, ощущением своей власти, отражением похвал сыновних к отцу. — Мать ваша равного со мною была мнения о ничтожности должностей ваших, от рождения проистекающих. Не гордилась она пред вами, что носила вас во чреве своем, не требовала признательности, питая вас своею кровию; не хотела почтения за болезни рождения, ни за скуку вскармливания сосцами своими. Она тщилась благою вам дать душу, яко же и сама имела, и в ней хотела насадить дружбу, но не обязанность, не должность или рабское повиновение. Не допустил ее рок зрети плодов ее насаждений. Она нас оставила, с твердостью хотя духа, но кончины еще не желала, зря ваше младенчество и мою горячность. Уподобляясь ей, мы совсем ее не потеряем. Она проживет с нами, доколе к ней не отыдем. Ведаете, что любезнейшая моя с вами беседа есть беседовать о родшей вас. Тогда, мнится, душа ее беседует с нами, тогда становится она нам присутственна, тогда в нас она является, тогда она еще жива. — И отирал вещающий капли задержанных в душе слез. —

Сколь мало обязаны вы мне за рождение, толико же обязаны и за вскармливание. Когда я угощаю пришельца, когда питаю птенцов пернатых, когда даю пищу псу, лижущему мою десницу, — их ли ради сие делаю? — Отраду, увеселение или пользу в том нахожу мою собственную. С таковым же побуждением производят вскармливание детей. Родившись в свет, вы стали гражданами общества, в коем живете. Мой был долг вас воскормить; ибо, если бы допустил до вас кончину безвременную, был бы убийца. Если я рачительнее был в вскармлении вашем, нежели бывают многие, то следовал чувствованию моего сердца. Власть моя — да пекуся о вскармлении вашем или небрегу о нем; да сохраню дни ваши или расточителем в них буду; оставлю вас живых или дам умереть завременно, — есть ясное доказательство, что вы мне не обязаны в том, что живы. Если бы умерли от моего о вас небрежения, как то многие умирают, мщение закона меня бы не преследовало. — Но, скажут, обязаны вы мне за учение и наставление. — Не моей ли я в том искал пользы, да благи будете. Похвалы, воздаваемые доброму вашему поведению, рассудку, знаниям, искусству вашему, распростираясь на вас, отражаются на меня, яко лучи солнечны от зеркала. Хваля вас, меня хвалят. Что успел бы я, если бы вы вдались пороку, чужды были учения, тупы в рассуждениях, злобны, подлы, чувствительности не имея? Не только сострадатель был бы я в вашем косвенном хождении, но жертва, может быть, вашего неистовства. Но ныне спокоен остаюсь, отлучая вас от себя; разум прям, сердце ваше крепко, и я живу

в нем. О друзья мои, сыны моего сердца! родив вас, многие имел я обязанности в отношении к вам, но вы мне ничем не должны; я ищу вашей дружбы и любви; если вы мне ее дадите, блажен отыду к началу жизни и не возмущуся при кончине, оставляя вас навеки, ибо проживу на памяти вашей. ¹⁶⁷

Но, если я исполнил должность мою в воспитании вашем, обязан сказать ныне вам вину, почто вас так, а не иначе воспитывал и для чего сему, а не другому вас научил; и для того услышите повесть о воспитании вашем и познайте вину всех моих над вами деяний.

Со младенчества вашего принуждения вы не чувствовали. Хотя в деяниях ваших вождаемы были рукою моею, не ощущали, однако же, николи ее направления. Деяния ваши были предузнаны и предваряемы; не хотел я, чтобы робость или послушание повиновения малейшею чертою ознаменовала на вас тяжесть своего перста. И для того дух ваш, нетерпящ веления безрассудного, кроток к совету дружества. Но если, младенцам вам сущим, находил я, что уклонялись от пути, мною назначенного, устремляемы случайным ударением, тогда останавливал я ваше шествие или, лучше сказать, неприметно вводил в прежний путь, яко поток, оплоты прорывающий, искусною рукою обращается в свои берега. ¹⁶⁸

Робкая нежность не присутствовала во мне, когда, казалось, не рачил об охранении вас от неприязненности стихий и погоды. Желал лучше, чтобы на мгновение тело ваше оскорбилось преходящею болью, нежели дебелы пребудете в возрасте совершенном. И для того почасту ходили вы босы, непокровенную имея главу; в пыли, в грязи возлежали на отдохновение на скамьи или на камени. Не меньше старался я удалить вас от убийственной пищи и пития. Труды наши лучшая была приправа в обеде нашем. Воспомните, с каким удовольствием обедали мы в деревне, нам неизвестной, не нашед дороги к дому. Сколь вкусен нам казался тогда хлеб ржаной и квас деревенской! ¹⁶⁹

Не ропщите на меня, если будете иногда осмеяны, что не имеете казистого восшествия, что стоите, как телу вашему покойнее, а не как обычай или мода велит; что одеваетесь не со вкусом, что волосы ваши кудрятся рукою природы, а не чесателя. Не ропщите, если будете небрежены в собраниях, а сособливо от женщин, для того что не умеете хвалить их красоту; но вспомните, что вы бегаєте быстро, что плаваєте не утомляясь, что подымаете тяжести без натуги, что умеете водить соху, вскопать гряду, владеете косою и топором, стругом и долотом; умеете ездить верхом, стрелять. Не опечальтесь, что вы скакать не умеете как скоморохи. Ведайте, что лучшее плясание ничего не представляет величественного; и если некогда тронуты будете зрением оного, то любострастие будет тому корень, все же другое ¹⁷⁰ оному постороннее. — Но вы умеете изображать животных и неодушевленных, изображать черты царя природы, человека. В живописи найдете вы истинное услаждение не токмо чувств, но и разума. — Я вас научил музыке, дабы дрожащая струна согласно вашим нервам возбуждала дремлющее сердце; ибо музыка, приводя внутренность в движение, делает мягкосердие в нас привычкою. — Научил я вас и варварскому искусству сражаться мечем. Но сие искусство да пребудет в вас мертво, доколе собственная сохранность того не востребует. Оно, уповаю, не сделает вас наг-

лыми; ибо вы твердой имеете дух и обидою не сочтете, если осел вас улягнет или свинья смрадным до вас коснется рылом. — Не бойтесь сказать никому, что вы корову доить умеете, что шти и кашу сварите или зажаренной вами кусок мяса будет вкусен. Тот, кто сам умеет что сделать, умеет заставить сделать и будет на погрешности снисходителен, зная все в исполнении трудности.

Во младенчестве и отрочестве не отягощал я рассудка вашего готовыми размышлениями или мыслями чуждыми, не отягощал памяти вашей излишними предметами. Но, предложив вам пути к познаниям, с тех пор как начали разума своего ощущати силы, сами шествуете к отверстой вам стезе. Познания ваши тем основательнее, что вы их приобрели не твердя, как то говорят по пословице, как сорока Якова. Следую сему правилу, доколе силы разума не были в вас действующи, не предлагал я вам понятия о всевышнем существе и еще менее об откровении. Ибо то, что бы вы познали прежде, нежели были разумны, было бы в вас предрассудок и рассуждению бы мешало. Когда же я узрел, что вы в суждениях ваших вождаетесь рассудком, то предложил вам связь понятий, ведущих к познанию бога; уверен во внутренности сердца моего, что всецелому отцу приятнее зрети две непорочные души, в коих светильник познаний не предрассудком возжигается, но что они сами возносятся к начальному огню на возгорение. Предложил я вам тогда и о законе откровенном, не сокрывая от вас все то, что в опровержение оного сказано многими. Ибо желал, чтобы вы могли сами избирать между млеком и желчью, и с радостью видел, что восприяли вы сосуд утешения неробко.

Преподавая вам сведения о науках, не оставил я ознакомить вас с различными народами, изучив вас языкам иностранным. Но прежде всего печение мое было, да познаете ваш собственной, да умеете на оном изъяснять ваши мысли словесно и письменно, чтобы изъяснение сие было в вас непринужденно и поту на лице не производило. Аглинской язык, а потом латинской, старался я вам известнее сделать других. Ибо упругость духа вольности, переходя в изображение речи, приучит и разум к твердым понятиям, столь во всяких правлениях нужным.

Но, если рассудку вашему предоставлял я направлять стопы ваши в стезях науки, тем бдительнее тщился быть во нравственности вашей. Старался умерять в вас гнев мгновения, подвергая рассудку гнев продолжительный, мщение производящий. Мщение! . . . душа ваша мерзит его. Вы из природного сего чувствительныя твари движения оставили только берегательность своего сложения, поправ желание возвращать уязвления.

Ныне настало то время, что чувства ваши, дошед до совершенства возбуждения, но не до совершенства еще понятия о возбуждаемом, начинают тревожиться всякою внешностию и опасную производить зыбь во внутренности вашей. Ныне достигли времени, в которое, как то говорят, рассудок становится определителем делания и неделания; а лучше сказать, когда чувства, доселе одержимые плавностию младенчества, начинают ощущать дрожание, или когда жизненные соки, исполнив сосуд юности, превышать начинают его воскраяя, ища стезю свойственным для них стремлениям.

Я сохранил вас неприступными доселе превратным чувств потрясениям, но не сокрыл от вас неведения покровом пагубных следствий совращения от пути умеренности в чувственном услаждении. Вы свидетели были, сколь гнусно избыточество чувственного насыщения, и возгнушались; свидетели ¹⁷⁵ были страшного волнения страстей, превысивших берега своего естественного течения, познали гибельные их опустошения и ужаснулись. Опытность моя, носяся над вами, яко новый Егид, охраняла вас от неправильных уязвлений. Ныне будете сами себе вожди, и хотя советы мои будут всегда светильником ваших начинаний, ибо сердце и душа ваша мне отверсты, но яко свет, отдаляясь от предмета, менее его освещает, тако и вы, отринувенны моего присутствия, слабое ощутите согрение моего дружбы. И для того преподаю вам правила единожития и общежития, дабы по усмирении страстей не возгнушались деяний, во оных свершенных, и не познали, что есть раскаяние.

Правила единожития, елико то касаться может до вас самих, должны относиться к телесности вашей и нравственности. Не забывайте никогда ¹⁷⁶ употреблять ваших телесных сил и чувств. Упражнение оных умеренное укрепит их не истощеая и послужит ко здравию вашему и долгой жизни. И для того упражняйтесь в искусствах, художествах и ремеслах, вам известных, Совершенствование в оных иногда может быть нужно. Неизвестно нам грядущее. Если неприязненное счастье отымет у вас все, что оно вам дало, — богаты пребудете во умеренности желаний, кормясь делом рук ваших. Но если во дни блаженства все небрежете, поздно о том думать во дни печали. Нега, излечение и неумеренное чувств услаждение губят и тело и дух. Ибо изнуряя тело невоздержностию изнуряет и крепость духа. Употребление же сил укрепит тело, а с ним и дух. Если почувствуешь отвращение к яствам и болезнь постучится у дверей, воспрями тогда ¹⁷⁷ отдра твоего, на нем же лелеешь чувства твои, приведи уснувшие члены твои в действие упражнением и почувствуешь мгновенное сил обновление; воздержки себя от пищи, нужной во здравии, и глад сделает пищу твою сладкою, огорчавшую от сытости. Помните всегда, что на утоление глада нужен только кусок хлеба и корш роды. Если благодетельное лишение внешних чувствований, сон, удалится от твоего возглавия и не возможешь возобновить сил разумных и телесных, — беги из чертогов твоих и, утомив члены до усталости, возляги на одре твоем и почиешь во здравие.

Будьте опрятны в одежде вашей; тело содержите в чистоте, ибо чистота служит ко здравию, а неопрятность и смрадность тела нередко отверзает неприметную стезю к гнусным порокам. Но не будьте и в сем неумеренны. Не гнушайтесь пособить, поднимая погрязшую во рве телегу и тем облегчить ¹⁷⁸ упавшего; вымараете руки, ноги и тело, но просветите сердце. Ходите в хижины уничижения; утешайте томящегося нищетою; вкусите его брашна, и сердце ваше усладится, дав отраду скорбящему.

Ныне достигли вы, повторю, того страшного времени и часа, когда страсти пробуждаться начинают, но рассудок слаб еще на их обуздание. Ибо чаша рассудка без опытности на весах воли воздымется, а чаша страстей опустится мгновенно долу. И так к равновесию не иначе приблизиться можно, как трудолюбием. Трудитесь телом; страсти ваши не столь сильно

будут иметь волнение; трудитесь сердцем, упражняясь в мягкосердии, чувствительности, соборезновании, щедроте, отпущении, и страсти ваши ¹⁷⁹ направятся ко благому концу. Трудитесь разумом, упражняясь в чтении, размышлении, разыскании истины или происшествий, и разум управлять будет вашею волею и страстями. Но не возмните в восторге рассудка, что можете сокрушить корени страстей, что нужно быть совсем бесстрастну. Корень страстей благ и основан на нашей чувствительности самую природою. Когда чувства наши, внешние и внутренние, ослабевают и притупляются, тогда ослабевают и страсти. Они благую в человеке производят тревогу, без нее же уснул бы он в бездействии. Совершенно бесстрастный человек есть глупец и истукан нелепый, невозможаяй ни благого, ни злого. Не достоинство есть воздержатися от худых помыслов, не могши их сотворить. Безрукой не может уязвить никого; но не может подать помощи утопающему, ни удержати на бреге падающего в пучину моря. — И так ¹⁸⁰ умеренность во страсти есть благо; шествие во стезе средою есть надежно. Чрезвычайность во страсти есть гибель; бесстрастие есть нравственная смерть. Яко же шественик, отдаляясь среды стези, вдается опасности ввергнуться в тот или другой ров, таково бывает шествие во нравственности. Но, буде страсти ваши опытностию, рассудком и сердцем направлены к концу благому, скинь с них бразды томного благоразумия, не сокращай их полета; мета их будет всегда величие; на нем едином остановиться они умеют.

Но, если я вас побуждаю не быть бесстрастными, паче всего потребно в юности вашей умеренность любовныя страсти. Она природою насажена в сердце нашем ко блаженству нашему. И так в возрождении своем никогда ошибиться не может, но в своем предмете и неумеренности. И так блюди- ¹⁸¹ тесь, да не ошибетесь в предмете любви вашей и да не почтете взаимною горячностию оныя образ. С благим предметом любви неумеренность страсти сея будет вам неизвестна. Говоря о любви, естественно бы было говорить и о супружестве, о сем священном союзе общества, коего правила не природа в сердце начертала, но святость коего из начального обществ положения проистекает. Разуму вашему, едва шествие свое начинающему, сие бы было непонятно, а сердцу вашему, не испытавшему самолюбивую в обществе страсть любви, повесть о сем была бы вам неощутительна, а потому и бесполезна. Если желаете о супружестве иметь понятие, вспомните о родшей вас. Представьте меня с нею и с вами, возобновите слуху вашему глаголы наши и взаимные лобызания и приложите картину сию к сердцу ¹⁸² вашему. Тогда почувствуете в нем приятное некое содрогание. Что оно есть? Познаете со временем; а днесь довольны будьте оногo ощущением.

Приступим ныне вкратце к правилам общежития. Предписать их не можно с точностию, ибо располагаются они часто по обстоятельствам мгновения. Но, дабы, колико возможно, менее ошибиться, при всяком начинании вопросите ваше сердце; оно есть благо и николи обмануть вас не может. Что вещает оно, то и творите. Следуя сердцу в юности, не ошибетесь, если сердце имеете благое. Но следовати возмнвивый рассудку, не имея на браде власов, опытность возвещающих, есть безумец.

Правила общежития относятся ко исполнению обычаев и нравов народных, или ко исполнению закона, или ко исполнению добродетели. Если в обществе нравы и обычаи не противны закону, если закон не полагает добродетели преткновений в ее шествии, то исполнение правил общежития есть легко. Но где таковое общество существует? Все известные нам многими наполнены во нравах и обычаях, законах и добродетелях противоречиями. И оттого трудно становится исполнение должности человека и гражданина, ибо нередко они находятся в совершенной противоположности. ¹⁸³

Понеже добродетель есть вершина деяний человеческих, то исполнение ее ничем не долженствует быть препинаемо. Небреги обычаев и нравов, небреги закона гражданского и священного, столь святыя в обществе вещи, буде исполнение оных отлучает тебя от добродетели. Не дерзай николи нарушения ее прикрывать робостию благоразумия. Благоденствен без нее будешь во внешности, но блажен николи.

Последуя тому, что налагают на нас обычаи и нравы, мы приобретем благоприятство тех, с кем живем. Исполняя предписание закона, можем приобрести название честного человека. Исполняя же добродетель, приобретем общую доверенность, почтение и удивление, даже и в тех, кто бы не желал их ощущать в душе своей. Коварный афинский сенат, подавая чашу с отравою Сократу, трепетал во внутренности своей пред его добродетелию. ¹⁸⁴

Не дерзай никогда исполнять обычая в предосуждение закона. Закон, каков ни худ, есть связь общества. И, если бы сам государь велел тебе нарушить закон, не повинуйся ему, ибо он заблуждает себе и обществу во вред. Да уничтожит закон, яко же нарушение оного повелевает; тогда повинуйся, ибо в России государь есть источник законов.

Но, если бы закон, или государь, или бы какая-либо на земли власть подвизала тебя на неправду и нарушение добродетели, пребудь в оной неколебим. Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ни заточения, ниже самой смерти. Пребудь незыблем в душе твоей, яко камень среди бунтующих, но немощных валов. Ярость мучителей твоих раздробится о твердь твою; и, если предадут тебя смерти, осмеяны будут, а ты поживешь на памяти благородных душ до скончания веков. Убойся заранее именовать благоразумием слабость в деяниях, сего первого добродетели врага. Сегодня нарушишь ее уважения ради какового, завтра нарушение ее казаться будет самою добродетелию; и так порок воцарится в сердце твоем и исказит черты непорочности в душе и на лице твоем. ¹⁸⁵

Добродетели суть или частные, или общественные. Побуждения к первым суть всегда мягкосердие, кротость, соблезнование, и корень всегда их благ. Побуждения к добродетелям общественным нередко имеют начало свое в тщеславии и любочестии. Но для того не надлежит останавливаться в исполнении их. Предлог, над ним же вращаются, придает им важности. В спасшем Курции отечество свое от пагубоносных язвы никто не зрит ни тщеславного, ни отчаянного или наскучившего жизнью, но ироя. Если же побуждения наши к общественным добродетелям начало свое имеют в че- ¹⁸⁶

ловеколюбивой твердости души, тогда блеск их будет гораздо больший. Упражняйтесь всегда в частных добродетелях, дабы могли удостоиться исполнения общественных.

Еще преподам вам некоторые исполнительные правила жизни. — Старайтесь паче всего во всех деяниях ваших заслужить собственное свое почтение, дабы, обращая во уединении взоры свои вовнутрь себя, не токмо
187 не могли бы вы раскаяться о сделанном, но взирали бы на себя со благоговением.

Следуя сему правилу, удаляйтесь, елико то возможно, даже вида раболепствования. Вошед в свет, узнаете скоро, что в обществе существует обычай. Посещать в праздничные дни по утрам знатных особ — обычай скарденной, ничего не значащий, показующий в посетителях дух робости, а в посещаемом дух надменности и слабой рассудок. У римлян было похожее сему обыкновение, которое они называли амбицию, то есть снискание или обхождение; а оттуда и любочестие названо амбицию, ибо посещениями именитых людей юноши снискивали себе путь к чинам и достоинствам. То же делается и ныне. Но если у римлян обычай сей введен был для того, чтобы молодые люди обхождением с испытанными научались, то сомне-
188 ваюсь, чтобы цель в обычае сем всегда непорочно сохранилась. В наши же времена, посещая знатных господ, учения целию своею никто не имеет, но снискание их благоприятства. Итак, да не преступит нога ваша порога, отдающего раболепство от исполнения должности. Не посещай николи передней знатного боярина, разве по долгу звания своего. Тогда среди толпы презренной и тот, на кого она взирает с подобострастием, в душе своей тебя, хотя с негодованием, но от нее отличит.

Если случится, что смерть пресечет дни мои прежде, нежели в благом пути отвердеете, и, юны еще, восхитят вас страсти из стези рассудка, — то не отчаивайтесь, соглядая иногда превратное ваше шествие. В заблуждении вашем, в забвении самих себя, возлюбите добро. Распутное житие, безмерное любочестие, наглость и все пороки юности оставляют надежду
189 исправления, ибо скользят по поверхности сердца, его не уязвляя. Я лучше желаю, чтобы во младых летах ваших вы были распутны, расточительны, наглы, нежели сребролюбивы или же чрезмерно бережливы, щеголеваты, занимаясь более убранством, нежели чем другим. Систематическое, так сказать, расположение в щегольстве означает всегда сжатой рассудок. Если повествуют, что Юлий Кесарь был щеголь, но щегольство его имело цель. Страсть к женщинам в юности его была к сему побуждением. Но он из щеголя облекся бы мгновенно во смраднейшее рубище, если бы то способствовало к достижению его желаний.

Во младом человеке не токмо щегольство преходящее простительно, но и всякое почти дурачество. Если же наикраснейшими деяниями жизни прикрывать будете коварство, ложь, вероломство, сребролюбие, гордость,
190 любомщение, зверство, — то хотя ослепите современников ваших блеском ясной наружности, хотя не найдете никого столь любящего вас, да представит вам зеркало истины, не мните, однако же, затмить взоры прозорливости. — Проникнет она светозарную ризу коварства, и добродетель черноту души вашей обнажит. Возненавидит ее сердце твое, и яко чув-

стенница увядать станет прикосновением твоим, не мгновенно, но стрелы ее издалека язвить тебя станут и терзать.

Простите, возлюбленные мои, простите, друзья души моей; днесь при сопутном ветре отчальте от берега чуждья опытности ладью вашу; стремитесь по валам жития человеческого, да научитесь управлять сами собою. Блажени, не претерпев крушения, если достигнете пристанища, его же жаждем. Будьте счастливы во плавании вашем. Се искреннее мое желание. Естественные силы мои, истошав движением и жизнью, изнемогут и угаснут; оставляю вас навеки: но се мое вам завещание. Если ненавистное счастье истощит над тобою все стрелы свои, если добродетели твоей убожища на земли не останется, если, доведенну до крайности, не будет тебе покрова от угнетения, — тогда вспомни, что ты человек, вспомняи величество твое, восхити венец блаженства, его же отъяти у тебя тщатся. — Умри. — В наследие вам оставляю слово умирающего Катона. — Но если во добродетели умрети возможешь, умей умереть и в пороке, и будь, так сказать, добродетелен в самом зле. — Если, забыв мои наставления, поспешать будешь на злые дела, обыкшая душа добродетели востревожится; явлюся тебе в мечте. — Воспряни от ложа твоего, преследуй душевно моему видению. — Если тогда источится слеза из очей твоих, то усни паки; пробудись на исправление. Но если среди злых твоих начинаний, вспоминая обо мне, душа твоя не зыбнется и око пребудет сухо. . . Се сталь, се отрава. — Избавь меня скорби; избавь землю поносных тяжести. — Будь мой еще сын. — Умри на добродетель.

Вещавшу сие старцу, юношеский румянец покрыл сморщенные ланиты его; взоры его испускали лучи надежного радования, черты лица сияли сверхъестественным веществом. — Он обლობызал детей своих и, проводив их до повозки, пребыл тверд до последнего расставания. Но едва звон почтового колокольчика возвестил ему, что они начали от него удаляться, упругая сия душа смягчилась. Слезы проникли сквозь очей его, грудь его воздымалася; он руки свои простирал вслед за отъезжающими; казалось, будто желает остановить стремление коней. Юноши, узрев издали родшего их в такой печали, возрыдали столь громко, что ветер доносил жалостной их стон до слуха нашего. Они простирали так же руки к отцу своему; и казалось, будто его к себе звали. Не мог старец снести сего зрелища; силы его ослабели, и он упал в мои объятия. Между тем пригорок скрыл отъехавших юношей от взоров наших; пришед в себя, старец стал на колени и возвел руки и взоры на небо. — Господи, — возопил он, — молю тебя, да укрепишь их в стезях добродетели, молю, блажени да будут. Веси, николи не утруждал тебя, отец всещедрый, бесполезною молитвою. Уверен в душе моей, яко благ еси и правосуден. Любезнейшее тебе в нас есть добродетель; деяния чистого сердца суть наилучшая для тебя жертва. . . Отлучил я ныне от себя сынов моих. . . Господи, да будет на них воля твоя. — Смущен, но тверд в надеянии своем, отъехал он в свое жилище.

Слово крестипцкого дворянина не выходило у меня из головы. Доказательства его о ничтожестве власти родителей над детьми казались мне неоспоримы. Но если в благоустроенном обществе нужно, чтобы юноши почитали старцев и неопытность — совершенство, то нет, кажется, нужды

власть родительскую делать беспредельною. Если союз между отцом и сыном не на нежных чувствованиях сердца основан, то он, конечно, не тверд; и будет не тверд, вопреки всех законоположений. Если отец в сыне своем видит своего раба и власть свою ищет в законоположении, если сын почитает отца наследия ради, то какое благо из того обществу? Или еще один невольник в прибавок ко многим другим, или змия за пазухой. . . Отец обязан сына вскормить и научить и должен наказан быть за его проступки, доколе он не войдет в совершеннолетие; а сын должности свои да обрящет в своем сердце. Если он ничего не ощущает, то виновен отец, почто ничего не насадил. Сын же вправе требовати от отца вспомоществования, доколе пребывает немощен и малолетен; но в совершеннолети естественная сия и природная связь рушится. Птенец пернатых не ищет помощи от произведших его, когда сам начнет находить пищу. Самец и самка забывают о птенцах своих, когда сии возмужают. Сие есть закон природы. Если гражданские законы от него удалятся, то производят всегда урода. Ребенок любит отца своего, мать или наставника, доколе любление его не обратится ко другому предмету. Да не оскорбится сим сердце твое, отец чадолюбивый; естество того требует. Единое в том тебе утешение да будет, вспоминая, что и сын сына твоего возлюбит отца до совершенного только возраста. Тогда же от тебя зависеть будет обратить его горячность к тебе. Если ты в том успеешь, блажен и почтения достоин. — В таковых размышлениях доехал я до почтового стана,

197

ЯЖЕЛБИЦЫ

Сей день определен мне был судьбою на испытание. Я отец, имею нежное сердце к моим детям. Для того-то слово крестичкого дворянина меня столь тронуло. Но потрясши меня до внутренности, излило некое усладительное чувствование надежды, что блаженство наше в отношении детей наших зависит много от нас самих. Но в Яжелбицах определено мне было быть зрителем позорища, которое глубокий корень печали оставило в душе моей, и нет надежды на его истребление. О юность! услыши мою повесть; познай свое заблуждение; воздержись от произвольных гибели и пресеки путь к будущему раскаянию.

Я проезжал мимо кладбища. Необыкновенной вопль терзающего на себе власы человека понудил меня остановиться. Приблизясь, увидел я, что там совершалось погребение. Надлежало уже гроб опускать в могилу, но тот, которого я издали зрел терзающего на себе власы, повергся на гроб и, ухватясь за оной весьма крепко, не дозволяя оной опускаться в землю. С великим трудом отвлекли его от гроба, и, опуствя оной в могилу, зарыли ее поспешно. Тут страждущий вещал к предстоящим: — Почто вы меня его лишили, почто меня с ним не погребли живого и не скончали моей скорби и раскаяния? Ведайте, ведайте, что я есмь убийца возлюбленного моего сына, его же мертвца предали земле. Не дивитесь сему. Я не прекратил жизни его ни мечем, ни отравою. Нет, я более сего

198

сделал. Я смерть его уготовал до рождения его, дав жизнь ему отравленную. Я есмь убийца, каковых много, но есмь убийца лютейший других. Убийца сына моего до рождения его. Я, я один прекратил дни его, излив¹⁹⁹ томный яд в начало его. Он воспретил укрепиться силам тела его. Во все время жития своего не наслаждался он здравием ни дня единого; и томящегося в силах своих разверстие яда пресекло течение жизни. Никто, никто меня не накажет за мое злодеяние! — Отчаяние ознаменовалось на лице его, и бездыханна почти отнесли его с сего места. —

Нечаянный хлад разлился в моих жилах. Я оцепенел. Казалось мне, я слышал мое осуждение. Воспомянул дни распутныя моея юности. Привел на память все случаи, когда востревоженная чувствами душа гонялася за их услаждением, почитая мздоимную участницу любовныя утехы истинным предметом горячности. Воспомянул, что невоздержание в любострастии навлекло телу моему смрадную болезнь. О, если бы не далее она корень свой испускала! О, если бы она с утолением любострастия прерывалась!²⁰⁰ Прияв отраву сию в веселии, не токмо согреваем ее в недрах наших, но даем ее в наследие нашему потомству. — О друзья мои возлюбленные, о чада души моея! Не ведаете вы, колико согреших пред вами. Бледное ваше чело есть мое осуждение. Страшусь возвестить вам о болезни, иногда вами ощущаемой. Возненавидите, может быть, меня и в ненависти вашей будете справедливы. Кто уверит вас и меня, что вы не носите в крови вашей сокровенного жала, определенного, да скончает дни ваши безвременно? Прияв сей смрадный яд в тело мое в совершенном возрасте, затверделость моих членов противилася его распространению и борется с его смертоносностию. Но вы, прияв его от рождения вашего, нося его в себе, как нужную часть сложения, — как воспротивитесь разрушительному его сожжению?²⁰¹ Все ваши болезни суть следствия сея отравы. О возлюбленные мои! плачьте о заблуждении моего юношества, призвите на помощь врачебное искусство и, если можете, не ненавидьте меня.

Но теперь отвергается очам моим все пространство сего любострастного злодеяния. Согрешил предо мною, навлекши себе безвременную старость и дряхлость в юношеских еще летах. Согрешил пред вами, отравив жизненные ваши соки до рождения вашего, и тем уготовил вам томное здравие и безвременную, может быть, смерть. Согрешил, и сие да будет мне в казнь, согрешил в горячности моея, взяв в супружество мать вашу. Кто мне порукою в том, что не я был причиною ее кончины? Смертоносный яд, источаяся в веселии, преселился в чистое ее тело и отравил непорочные ее члены. Тем смертоноснее он был, чем был сокровеннее. Ложная стыдливость воспретила мне ее в том предостеречь; она же не остерегалась отравителя своего в горячности своей к нему. Воспаление, ей приключившееся, есть плод, может быть, уделенной ей мною отравы. . . О возлюбленные мои, колико должны вы меня ненавидеть!²⁰²

Но кто причиною, что сия смрадная болезнь во всех государствах делает столь великие опустошения, не токмо пожиная много настоящего поколенья, но сокращая дни грядущих? Кто причиною, разве не правительство? Оно, дозволяя распутство мздоимное, отверзает не токмо путь ко многим порокам, но отравляет жизнь граждан. Публичные женщины находят за-

щитников и в некоторых государствах состоят под покровительством начальства. Если бы, говорят некоторые, запрещено было наемное удовлетворение любовной страсти, то бы нередко были чувствуемы сильные в обществе потрясения. Увозы, насилия, убийство нередко бы источник свой имели в любовной страсти. Могли бы они потрясти и самые основания обществ. — И вы желаете лучше тишину и с нею томление и скорбь, нежели тревогу и с нею здравие и мужество. Молчите, скаредные учителя, вы есте наемники мучительства; оно, проповедуя всегда мир и тишину, заключает засыпляемых лестию в оковы. Боится оно даже посторонния тревоги. Желало бы, чтоб везде одинако с ним мыслили, дабы надежно: лелеяться в величестве и утопать в любострастии. . . Я не удивляюся глаголам вашим. Сродно рабам желати всех зреть в оковах. Одинаковая участь облегчает их жребий, а превосходство чье-либо тягчит их разум и дух.

204

ВАЛДАИ

Новой сей городок, сказывают, населен при царе Алексее Михайловиче взятыми в плен поляками. Сей городок достопамятен в рассуждении любовного расположения его жителей, а особливо женщин незамужних.

Кто не бывал в Валдаях, кто не знает валдайских баранок и валдайских разурмяненных девок? Всякого проезжающего наглые валдайские и стыд сотрясшие девки останавливают и стараются возжигать в путешественнике любострастие, воспользоваться его щедростью на счет своего целомудрия. Сравнивая нравы жителей сея в города произведенныя деревни со нравами других российских городов, подумаешь, что она есть наидревнейшая и что развратные нравы суть единые токмо остатки ее древнего построения. Но как немного более ста лет, как она населена, то можно судить, сколь развратны были и первые ее жители.

Бани бывали и ныне бывают местом любовных торжествований. Путешественник, условясь о пребывании своем с услужливою старушкою или парнем, становится на двор, где намерен приносить жертву всеобожжаемой Ладе. Настала ночь. Баня для него уже готова. Путешественник раздевается, идет в баню, где его встречает или хозяйка, если молода, или ее дочь, или свойственницы ее, или соседки. Отирают его утомленные члены; омывают его грязь. Сие производят, совлекши с себя одежды, возжигают в нем любострастный огонь, и он препровождает тут ночь, теряя деньги, здравие и драгоценное на путешествие время. Бывало, сказывают, что оплошного и отягченного любовными подвигами и вином путешественника сии любострастные чудовища предавали смерти, дабы воспользоваться его именем. Не ведаю, правда ли сие, но то правда, что наглость валдайских девок сократилася. И хотя они не откажутся и ныне удовлетворить желаниям путешественника, но прежней наглости в них не видно.

Валдайское озеро, над которым построен сей город, достопамятно останется в повествованиях жертвовавшего монаха жизнь свою ради своей любовницы. В полуторе версте от города, среди озера, на острове

находится Иверской монастырь, славным Никоном-патриархом построенный. Один из монахов сего монастыря, посещая Валдай, влюбился в дочь одного валдайского жителя. Скоро любовь их стала взаимною, скоро стремились они к совершению ее. Единожды насладившись ее веселием, не в силах они были противиться ее стремлению. Но состояние их полагало 207
оному преграду. Любовнику нельзя было отлучаться часто из монастыря своего; любовнице нельзя было посещать кельи своего любовника. Но горячность их все преодолела; из любострастного монаха она сделала неустрашимого мужа и дала ему силы почти чрезвычайные. Сей новый Леандр, дабы наслаждаться веселием ежедневно в объятиях своей любовницы, едва ночь покрывала черным покровом все зримое, выходил тихо из своей кельи и, совлекая свои ризы, преплывал озеро до противустоящего берега, где воспримлем был в объятия своей любезной. Баня и в ней утехи любовные для него были готовы, и он забывал в них опасность и трудность преплывания, и боязнь, если бы отлучка его стала известна. За несколько часов до рассвета возвращался он в свою келью. Тако пре- 208
проводил он долгое время в сих опасных преплывтиях, награждая веселием ночным скуку дневного заключения. Но судьба положила конец его любовным подвигам. В одну из ночей, когда сей неустрашимый любовник отправился чрез валы на зрение своей любезной, внезапно восстал ветер, ему противной, будущу ему на среде пути его. Все силы его немощны были на преодоление разъяренных род. Тщетно от утомлялся, напрягая свои мышцы; тщетно возвышал глас свой, да услышан будет в опасности. Видя невозможность достигнуть берега, вознамерился он возвратиться к монастырю своему, дабы, имея попутной ветер, тем легче оного достигнуть. Но едва обратил он шествие свое, как валы, осилив его утомленные мышцы, затопили его в пучине. На утрие тело его найдено на отдаленном берегу. Если бы я писал поэму на сие, то бы читателю моему представил любов- 209
ницу его в отчаянии. Но сие было бы здесь излишнее. Всяк знает, что любовнице, хотя на первое мгновение, скорбно узнать о кончине любезного. Не ведаю и того, бросилась ли сия новая Геро в озеро или же в следующую ночь паки топила баню для путешественника. Любовная летопись гласит, что валдайские красавицы от любви не умирали. . . разве в больнице.

Правы валдайские переселились и в близлежащий почтовой стан, Зимногорье. Тут для путешественника такая же бывает встреча, как и в Валдаях. Прежде всего представляются взорам разурмяненные девки с баранками. Но как молодые мои лета уже прошли, то я поспешно расстался с мазаными валдайскими и зимногорскими сиренами.

ЕДРОВО

210

Доехав до жилья, я вышел из кибитки. Неподалеку от дороги над водою стояло много баб и девок. Страсть, господствовавшая во всю жизнь надо мною, но уже угасшая, по обыкшему ее стремлению направила стопы мои к толпе сельских сих красавиц. Толпа сия состояла более нежели из тридцати женщин. Все они были в праздничной одежде, шеи

- голые, ноги босые, локти наруже, платье заткнутое спереди за пояс, рубахи белые, взоры веселые, здоровье на щеках начертанное. Приятности, загрубевшие хотя от зноя и холода, но прелестны без покрова хитрости; красота юности в полном блеске, в устах улыбка или смех сердечной; а от него виден становился ряд зубов, белее чистейшей слоновой кости.
- ²¹¹ Зубы, которые бы щеголих с ума свели. Приезжайте сюда, любезные наши боярыньки московские и петербургские, посмотрите на их зубы, учитесь у них, как их содержать в чистоте. Зубного врача у них нет. Не сдирают они каждой день лоску с зубов своих ни щетками, ни порошками. Станьте с которою из них вы хотите рот со ртом; дыхание ни одной из них не заразит вашего легкого. А ваше, ваше, может быть, положит в них начало. . . болезни. . . боюсь сказать какой: хотя не покраснеетесь, но рассердитесь. — Разве я говорю неправду? — Муж одной из вас таскается по всем скверным девкам; получив болезнь, пьет, ест и спит с тобою же; другая же сама изволит иметь годовых, месячных, недельных или, боже спаси, ежедневных любовников. Познакомься сегодня и совершив свое желание, завтра
- ²¹² его не знает; да и того иногда не знает, что уже она одним его поцелуем заразилась. — А ты, голубушка моя, пятнадцатилетняя девушка, ты еще непорочна, может быть; но на лбу твоём я вижу, что кровь твоя вся отравлена. Блаженной памяти твой батюшка из докторских рук не выхаживал, а государыня матушка твоя, направляя тебя на свой благочестивый путь, нашла уже тебе женишка, заслуженного старика генерала, и спешит тебя выдать замуж для того только, чтобы не сделать с тобой визита воспитательному дому. А за стариком-то жить нехудо, своя воля; только бы быть замужем, дети все его. Ревнив он будет, тем лучше: более удовольствия в украденных утехах; с первой ночи приучить его можно не следовать глупой старой моде с женою спать вместе. —
- ²¹³ И не заметил, как вы, мои любезные городские сватьяшки, тетушки, сестрицы, племянницы и проч., меня долго задержали. Вы, право, того не стоите. У вас на щеках румяна, на сердце румяна, на совесть румяна, на искренности. . . сажа. Все равно, румяна или сажа. Я побегу от вас во всю конскую рысь к моим деревенским красавицам. Правда, есть между ими на вас похожие, но есть такие, каковых в городах слухом не слыхано и видом не видано. Посмотрите, как все члены у моих красавиц круглы, рослы, не искривлены, не испорчены. Вам смешно, что у них ступни в пять вершков, а может быть, и в шесть. Ну, любезная моя племянница, с трехвершковой твоею ножкою, стань с ними рядом и бегите взапуски; кто скорее достигнет высокой березы, по конец луга стоящей? А-а — это не твое дело. — А ты, сестрица моя голубушка, с трехчетвертным своим станом
- ²¹⁴ в охвате, ты изволишь издеваться, что у сельской моей русалки брюшко на воле выросло. Постой, моя голубушка, посмеюсь и я над тобою. Ты уже десятой месяц замужем, и уж трехчетвертной твой стан изуродовался. А как то дойдет до родов, запоешь другим голосом. Но дай бог, чтобы обошлось все смехом. Дорогой мой зятюшка ходит повеся нос. Уже все твои шнурованья бросил в огонь. Кости из всех твоих платьев повытаскал, но уже поздно. Сросшихся твоих накриво составов тем не спрямит. — Плачь, мой любезной зять, плачь. Мать наша, следуя плачевной и смер-

тию разрешающихся от бремени жен ознаменованной моде, уготовала за многие лета тебе печаль, а дочери своей болезнь, детям твоим слабое телосложение. Она теперь возносит над главою ее смертоносное острие; и, если оно не коснется дней твоея супруги, благодари случай; а если веришь, что провидение божие о том заботилось, то благодари и его, коли хочешь. — Но я еще с городскими боярыньками. — Вот что привычка делает; отвязаться от них не хочется. И, право, с вами бы не расстался, если бы мог довести вас до того, чтобы вы липа своего и искренности не румянили. Теперь прощайте. — ²¹⁵

Покуда я глядел на моющих платье деревенских нимф, кибитка моя от меня уехала. Я намерялся идти за нею вслед, как одна девка, по виду лет двадцати, а, конечно, не более семнадцати, положила мокрое свое платье на коромысло, пошла одною со мной дорогою. Поравнявшись с ней, начал я с нею разговор. — Не трудно ли тебе нести такую тяжелую ношу, любезная моя, как назвать не знаю. — Меня зовут Анною, а ноша моя не тяжела. Хотя бы и тяжела была, я бы тебя, барин, не попросила мне пособить. — К чему такая суровость, Аннушка, душа моя, я тебе худова не желаю. — Спасибо, спасибо: часто мы видим таких щелкунов, как ты; пожалуй, проходи своею дорогою. — Анюгушка, я, право, не таков, как я тебе кажуся, и не таков, как те, о которых ты говоришь. Те, думаю, так не начинают разговора с деревенскими девками, а всегда поцелуем; но я хотя бы тебя поцеловал, то, конечно бы, так, как сестру мою родную. — Не подъезжай, пожалуй; рассказы таковые я слыхала; а коли ты худова не мыслишь, чего же ты от меня хочешь? — Душа моя Аннушка, я хотел знать, есть ли у тебя отец и мать, как ты живешь, богато ли или убого, весело ли, есть ли у тебя жених? — А на что это тебе, барин? Отроду в первой раз такие слышу речи. — Из сего судить можешь, Анюта, что я не негодяй, не хочу тебя обругать или обесчестить. Я люблю женщин для того, что они ответственное имеют сложение моея нежности; а более люблю сельских женщин, или крестьянок, для того, что они не знают еще притворства, не налагают на себя личины притворной любви, а когда любят, то любят от всего сердца и искренно. . . — Девка в сие время смотрела на меня, выпяля глаза с удивлением. Да и так быть должно; ибо кто не знает, с какою наглостию дворянская дерзкая рука поползается на непристойные и оскорбительные целомудрию шутки с деревенскими девками. Они в глазах дворян старых и малых суть твари, созданные на их угождение. Так они и поступают; а особливо с несчастными, подвластными их велениям. В бывшее Пугачевское возмущение, когда все служители вооружились на своих господ, некакие крестьяне (повесть сия нелжива), связав своего господина, везли его на неизбежную казнь. Какая тому была причина? Он во всем был господин доброй и человеколюбивой, но муж не был безопасен в своей жене, отец в дочери. Каждую ночь посланные его приводили к нему на жертву бесчестия ту, которую он того дня назначил. Известно в деревне было, что он омерзил 60 девиц, лишив их непорочности. Наехавшая команда выручила сего варвара из рук на него злобствовавших. Глупые крестьяне, вы искали правосудия в самозванце! но почто не поведали вы сего законным судиям вашим? Они бы предали его граждан- ²¹⁶ ²¹⁷ ²¹⁸

ской смерти, и вы бы невинны остались. А теперь злодей сей спасен. Блажен, если близкой взор смерти образ мыслей его переменял и дал жизненным его сокам другое течение. — Но крестьянин в законе мертв, сказали мы. . . Нет, нет, он жив, он жив будет, если того восхочет. . .

- ²¹⁹ — Если, барин, ты не шутишь, — сказала мне Анюта, — то вот что я тебе скажу: у меня отца нет, он умер уже года с два; есть матушка да маленькая сестра. Батюшка нам оставил пять лошадей и три коровы. Есть и мелкого скота и птиц довольно; но нет в дому работника. Меня было сватали в богатой дом за парня десятилетнего, но я не захотела. Что мне в таком ребенке: я его любить не буду. А как он придет в пору, то я состареюсь, и он будет таскаться с чужими. Да сказывают, что свекор сам с молодыми невестками спит, покуда сыновья вырастают. Мне для того-то не захотелось идти к нему в семью. Я хочу себе ровню. Мужа буду любить, да и он меня любить будет, в том не сомневаюсь. Гулять с молодцами не люблю, а замуж, барин, хочется. Да знаешь для чего? — говорила
- ²²⁰ Анюта, потупя глаза. — Скажи, душа моя, Анютушка, не стыдись; все слова в устах невинности непорочны. — Вот что я тебе скажу. Прошлым летом, год тому назад, у соседа нашего женился сын на моей подруге, с которой я хаживала всегда в посиделки. Муж ее любит, а она его столько любит, что на десятом месяце после венчанья родила ему сына. Всякой вечер она выходит пестовать его за ворота. Она на него не наглядится. Кажется, будто и паренек-то матушку свою уж любит. Как она скажет ему: агу, агу — он и засмеется. Мне то до слез всякой день; мне бы уж хотелось самой иметь такова же паренька. . . — Я не мог тут вытерпеть и, обняв Анюту, поцеловал ее от всего моего сердца. — Смотри, барин, какой ты обманщик, ты уж играешь со мною. Поди, сударь, прочь от меня, оставь
- ²²¹ бедную сироту, — сказала Анюта, заплакав. — Кабы батюшка жив был и это видел, то бы даром, что ты господин, нагрел бы тебе шею. — Не оскорбляйся, моя любезная Анютушка, не оскорбляйся, поцелуй мой не осквернит твоей непорочности. Она в глазах моих священна. Поцелуй мой есть знак моего к тебе почтения и был исторгнут восхищением глубоко тронуты души. Не бойся меня, любезная Анюта, не подобен я хищному зверю, как наши молодые господчики, которые отъятие непорочности ни во что вменяют. Если бы я знал, что поцелуй мой тебя оскорбит, то клянусь тебе богом, что бы не дерзнул на него. — Рассуди сам, барин, как не осердиться за поцелуй, когда все они уже посулены другому. Они заранее все уже отданы, и я в них не властна. — Ты меня восхищаешь. Ты уже любить умеешь. Ты нашла сердцу своему другое, ему соответствующее.
- ²²² Ты будешь блаженна. Ничто не развратит союза вашего. Не будешь ты окружена соглядатаями, в сети пагубы уловить тебя стрегущими. Не будет слух сердечного друга твоего уязвлен прельщающим гласом, на нарушение его к тебе верности призывающим. Но почто же, моя любезная Анюта, ты лишена удовольствия наслаждаться счастьем в объятиях твоего милого друга? — Ах, барин, для того, что его не отдадут к нам в дом. Просят ста рублей. А матушка меня не отдает: я у ней одна работница. — Да любит ли он тебя? — Как же не так. Он приходит по вечерам к нашему дому, и мы вместе смотрим на паренька моей подруги. . . Ему хочется такова же

паренька. Грустно мне будет; но быть терпеть. Ванюха мой хочет идти на барках в Питер в работу и не воротится, покада не выработает ста рублей для своего выкупа. — Не пускай его, любезная Анютушка, не пускай его; он идет на свою гибель. Там он научится пьянствовать, мотать, лакомиться, не любить пашню, а больше всего он и тебя любить перестанет. — Ах, барин, не страшай меня, — сказала Аня, почти заплакав. — А тем скорее, Аня, если ему случится служить в дворянском доме. Господской пример заражает верхних служителей, нижние заражаются от верхних, а от них язва разврата достигает и до деревень. Пример есть истинная чума; кто что видит, тот то и делает. — Да, как же быть? Так мне и век за ним не бывать замужем. Ему пора уже жениться; по чужим он не гуляет; меня не отдадут к нему в дом; то высватают за него другую, а я, бедная, умру с горя. . . — Сие говорила она, проливая горькие слезы. — Нет, моя любезная Анютушка, ты завтра же будешь за ним. Поведи меня к своей матери. — Да вот наш двор, — сказала она, остановясь. — Проходи мимо, матушка меня увидит и худое подумает. А хотя она меня и не бьет, но одно ее слово мне тяжелее всяких побоев. — Нет, моя Аня, я пойду с тобою. . . — и, не дожидаясь ее ответа, вошел в ворота и прямо пошел на лестницу в избу. Аня мне кричала вслед: — Постой, барин, постой. — Но я ей не внимал. В избе я нашел Анютину мать, которая квашню месила; подле нее на лавке сидел ее будущий зять. Я без дальних околичностей ей сказал, что я желаю, чтобы дочь ее была замужем за Иваном, и для того принес ей то, что надобно для отвлечения препятствия в сем деле. — Спасибо, барин, — сказала старуха, — в этом теперь уж нет нужды. Ванюха теперь пришед сказывал, что отец уж отпускает его ко мне в дом. И у нас в воскресенье будет свадьба. — Пускай же посуленное от меня будет Аняте в приданое. — И на том спасибо. Приданова бояре девкам даром не дают. Если ты над моей Анютой что сделал и за то даешь ей приданое, то бог тебя накажет за твое беспутство; а денег я не возьму. Если же ты доброй человек и не ругаешься над бедными, то, взяв я от тебя деньги, лихие люди мало ли что подумают. — Я не мог надивиться, нашед толико благородства в образе мыслей у сельских жителей. Аня между тем вошла в избу и матери своей меня расхвалила. Я было еще попытался дать им денег, отдавая их Ивану на заведение дому; но он мне сказал: — У меня, барин, есть две руки, я ими дом и заведу. — Приметив, что им мое присутствие было не очень приятно, я их оставил и возвратился к моей кибитке.

Едушу мне из Едрова, Анята из мысли моей не выходила. Невинная ее открытость мне нравилась безмерно. Благородной поступок ее матери меня пленил. Я сию почтенную мать с засученными рукавами за квашнею или с подойником подле коровы сравнивал с городскими матерями. Крестьянка не хотела у меня взять непорочных, благоумышленных ста рублей, которые в соразмерности состояний должны быть для полковницы, советницы, майорши, генеральши пять, десять, пятнадцать тысяч или более; если же госпоже полковнице, майорше, советнице или генеральше. . . (в соразмерности моего посула едровской ямщицихе), у которой дочка лицом недурна, или только что непорочна, и того уже до-

вольно, знатной боярин, семидесятой или, чего боже сохрани, семьдесят второй пробы, посулит пять, десять, пятнадцать тысяч, или глухо знатное приданое, или сыщет чиновного жениха, или выпросит в почетные девицы, — то я вас вопрошаю, городские матушки, не ёкнет ли у вас сердечко? не захочется ли видеть дочку в позлащенной карете, в бриллиантах, едущую четвернею, если она ходит пешком, или едущую цугом, вместо двух заморенных кляч, которые ее таскают? Я согласен в том с вами, что бы вы обряд и благочиние сохранили и не так легко сдалися, как феатральные девки. Нет, мои голубушки, я вам даю срок на месяц или на два, но не более. А если доле заставите вздыхать первостатейного бесплодно, то он, будучи занят делами государственными, вас оставит, дабы не терять с вами драгоценнейшего времени, которое он лучше употребить может на пользу общественную. — Тысяча голосов на меня поднимаются; ругают меня всякими мерзкими названиями: мошенник, плут, кан. . . бес. . . и пр., и пр. —

Голубушки мои, успокойтесь, я вашей чести не поношу. Ужели все так оковы? Поглядитесь в сие зеркало; кто из вас себя в нем узнает, та брани меня без всякого милосердия. Жалобницы и на ту я не подам, суда по форме говорить с ней не стану. —

Анюта, Анюта, ты мне голову скружила! Для чего я тебя не узнал лет 15 тому назад. Твоя откровенная невинность, любострастному дерзновению неприступная, научила бы меня ходить во стезях целомудрия. Для чего первой мой в жизни поцелуй не был тот, которой я на щеке твоей прилепил в душевном восхищении? Отражение твоея жизненности проникнуло бы во глубину моего сердца, и я бы избегнул скаредностей, житие мое исполнивших. Я бы удалился от смрадных наемниц любострастия, почтил бы ложе супружества, не нарушил бы союза родства моею плотскою несытостью; девственность была бы для меня святая святых, и ее коснуться не дерзнул бы. О моя Анютушка! сиди всегда у околицы и давай наставления твоею незастенчивою невинностью. Уверен, что обратишь на путь добродетели начинающего с одного совращатися и укрепить в нем к совращению наклонного. Не встревожся, если закоренелый в развратности, поседевший в объятиях бесстыдства, мимо тебя пройдет и тебя презрит; не тщишься воспретить его шествию услаждением твоего разговора. Сердце его уже камень; душа его покрылася алмазною корою. Не может благодетельное жало невинных добродетели положить на нем глубокия черты. Конец ее скользнет по поверхности гладко затверделого порока. Блюди, да о нее острие твое не притупится. Но не пропусти юношу, опасными лепоты прелестями облеченного; улови его в твои сети. Он горд, надменен, порывист, нагл, дерзновенен, обидящ, уязвляющ кажется. Но сердце его уступит твоему впечатлению и отвернется на восприятие твоего благотворного примера. — Анюта, я с тобой не могу расстаться, хотя уже вижу двадцатой столп от тебя. —

Но что такое за обыкновение, о котором мне Анюта сказывала? Ее хотели отдать за десятилетнего ребенка. Кто мог такой союз дозволить? Почто не ополчится рука, законы хранящая, на искоренение толикого злоупотребления? В христианском законе брак есть таинство, в гражданском — соглашение или договор. Какой священнослужитель может не-

равной брак благословить или какой судия может его вписать в свой дневник? Где нет соразмерности в летах, там и брака быть не может. Сие запрещают правила естественности, яко вещь, бесполезную для человека; сие ²³¹ запрещать долженствовал бы закон гражданский, яко вредное для общества. Муж и жена в обществе суть два гражданина, делающие договор, в законе утвержденной, которым обещаются прежде всего на взаимное чувств услаждение (да не дерзнет здесь никто оспорить первейшего закона сожития и основания брачного союза, начало любви непорочнейшия и твердый камень основания супружнего согласия), обещаются жить вместе, общее иметь стяжание, возвращать плоды своего горячания и, дабы жить мирно, друг друга не уязвлять. При неравенстве лет можно ли сохранить условие сего соглашения? Если муж десяти лет, а жена двадцати пяти, как то бывает часто во крестьянстве; или если муж пятидесяти, а жена пятнадцати или двадцати лет, как то бывает во дворянстве, — может ли быть взаимное чувств услаждение? Скажите вы мне, мужья-старички, но скажите по совести, стоите ли вы названия мужа? Вы можете только возжечь огонь любовной, не в состоянии его утушить. Неравенством лет нарушается единый из первейших законов природы; то может ли положительный закон быть тверд, если основания не имеет в естественности? Скажем яснее: он и не существует. — Возвращать плоды взаимной горячности. — Но может ли тут быть взаимность, где с одной стороны пламя, а с другой нечувствительность? Может ли быть тут плод, если насажденное древо лишается благодетельного дождя и питающих росы? А если плод когда и будет, но будет он тощ, невзрачен и скорому подвержен тлению. — Не уязвлять друг друга. — Се правило предвечное, верное; буде счастливою в супругах симпатиею чувства их равномерно услаждаются, то союз брачный будет благополучен; малые домашние волнения ²³³ скоро утихают при нашествии веселия. И, когда мраз старости подернет чувственное веселие непроницаемою корою, тогда напоминовение прежних утех успокоит брюзгливую древность лет. — Одно условие брачного договора может и в неравенстве быть исполняемо: жить вместе. — Но будет ли в том взаимность? Один будет начальник самовластный, имея в руках силу, другой будет слабый подданнык и раб совершенный, веление господина своего исполнять только могущий. — Вот, Анюта, благие мысли, тобою мне внушенные. Прости, любезная моя Анютушка, поучения твои вечно пребудут в сердце моем впечатленны, и сыны сынов моих наследят в них.

Хотиловской ям был уже в виду, а я еще размышлял о едровской девке и в восторге души моей воскликнул громко: — О Анюта! Анюта! — ²³⁴ Дорога была негладка, лошади шли шагом; повозчик мой вслушался в мою речь, оглянувшись на меня. — Видно, барин, — говорил он мне, улыбаясь и поправляя шляпу, — что ты на Анютку нашу позарился. Да уж и девка! Не одному тебе она нос утерла. . . Всем взяла. . . На нашем яму много смазливых, но перед ней все плюнь. Какая мастерица плясать! всех за пояс заткнет, хоть бы кого. . . А как пойдет в поле жать. . . загляденье. Ну. . . брат Ванька счастлив. — Иван брат тебе? — Брат двоюродной. Да веть и царень! Трое вдруг молодцов стали около Анютки свататься;

но Иван всех отбоярил. Они и тем и сем, но не тут-та. А Ванюха тотчас и подцепил. . . (Мы уже въезжали в околицу. . .) То-то, барин! Всяк пляшет, да не как скоморох. — И к почтовому двору подъехал.

235 — Всяк пляшет, да не как скоморох, — твердил я, вылезая из кибитки. . . — Всяк пляшет, да не как скоморох, — повторил я, наклоняясь и, подняв, развертывая. . .

ХОТИЛОВ

236

Проект в будущем

Доведя постепенно любезное отечество наше до цветущего состояния, в котором оно ныне находится; видя науки, художества и рукоделия, возведенные до высочайшия совершенства степени, до коей человеку достигнута дозволяется; видя в областях наших, что разум человеческий, вольно распростирая свое крылие, беспрепятственно и незаблужденно возносится везде к величию и надежным ныне стал стражею общественных законоположений. Под державным его покровом свободно и сердце наше в молитвах, ко всевышнему творцу воссылаемых, с неизреченным радованием сказать можем, что отечество наше есть приятное божеству обиталище; ибо сложение его не на предрассудках и суевериях основано, но на внутреннем нашем чувствовании щедрот отца всех. Неизвестны нам вражды, столь часто людей разделявшие за их исповедание, неизвестно нам в оном и принуждение. Родившись среди свободы сей, мы истинно братьями друг друга почитаем, единому принадлежа семейству, единого имея отца, бога.

Светильник науки, носяся над законоположением нашим, отличает ныне его от многих земных законоположений. Равновесие во властях, равенство в имуществвах отъемлют корень даже гражданских несогласий. Умеренность в наказаниях, заставляя почитать законы верховныя власти, яко веления нежных родителей к своим чадам, предупреждает даже и бесхитростные злодения. Ясность в положениях о приобретении и сохранении имений не позволяет возродиться семейным распрям. Межа, отделяющая гражданина в его владении от другого, глубока и всеми зрима, и всеми свято почитаема. Оскорбления частные между нами редки и дружелюбно примиряются. Воспитание народное пеклося о том, да кротки будем, да будем граждане миролюбивые, но прежде всего да будем человеки.

Наслаждаяся внутреннею тишиною, внешних врагов не имея, доведя общество до высшего блаженства гражданского сожития, — неужели толико чужды будем ощущению человечества, чужды движениям жалости, чужды нежности благородных сердец, любви чужды братния и оставим в глазах наших на всегдашнюю нам укоризну, на поношение дальнейшего потомства треть целую общников наших, сограждан нам равных, братий возлюбленных в естестве, в тяжких узах рабства и неволи? Зверской обы-
239 чай поработать себе подобного человека, возродившийся в знойных полосах Асси, обычай, диким народам приличный, обычай, знаменующий сердце окаменелое и души отсутствие совершенное, простерся на лице

земли быстротечно, широко и далеко. И мы, сыны славы, мы, именем и делами словуты в коленах земнородных, пораженные невежества мраком, восприяли обычай сей; и ко стыду нашему, ко стыду прошедших веков, ко стыду сего разумного времяточия сохранили его нерушимо даже до сего дня.

Известно вам из деяний отцев ваших, известно всем из наших летописей, что мудрые правители нашего народа, истинным подвизаемы человеколюбием, дознав естественную связь общественного союза, старались положить предел стоголовому сему злу. Но державные их подвиги утщелися известным тогда гордыми своими преимуществами в государстве нашем чиновостоянием, но ныне обветшалым и в презрение впадшим, дворянством наследственным. Державные предки наши среди могущества сил скипетра своего немощны были на разрушение оков гражданския неволи. Не токмо они не могли исполнити своих благих намерений, но ухищрением помянутого в государстве чиновостояния подвигнуты стали на противные рассудку их и сердцу правила. Отцы наши зрели губителей сих, со слезами, может быть, сердечными, сожимающих узы и отягчающих оковы наиболее в обществе сочленов. Земледельцы и доднесь между нами рабы; мы в них не познаем сограждан нам равных, забыли в них человека. О возлюбленные наши сограждане! о истинные сыны отечества! воззрите окрест вас и познайте заблуждение ваше. Служители божества предвечного, подвизаемые ко благу общества и ко блаженству человека, единомыслием с нами изъясняли вам в поучениях своих во имя ²⁴⁰ всещедрого бога, ими проповедуемого, колико мудрости его и любви противно властвовать над ближним своим самопроизвольно. Старались они доводами, в природе и сердце нашем почерпнутыми, доказать вам жестокость вашу, неправду и грех. Еще глас их торжественно во храмах живого бога вопиет громко: опомнитесь, заблудшие, смягчитесь, жестокосердые; разрушите оковы братии вашей, отверзите темницу неволи и дайте подобным вам вкусити сладости общежития, к нему же всещедрым уготованы, яко же и вы. Они благодетельными лучами солнца равно с вами наслаждаются, одинаковые с вами у них члены и чувства, и право в употреблении оных должно быть одинаково.

Но если служители божества представили взорам вашим неправоту порабощения в отношении человека, за долг наш вменяем мы показать ²⁴¹ вам вред оной в обществе и неправильность оногo в отношении гражданина. Излишне, казалось бы, при возникшем столь уже давно духе любомудрия изыскивать или поновлять доводы о существовании человека, а потому и граждан, равенстве. Возросшему под покровом свободы, исполненному чувствами благородства, а не предрассуждениями, доказательствa о первенственном равенстве суть движения его сердца обыкновенные. Но се несчастье смертного на земли: заблуждати среди света и не зрети того, что прямо взорам его предстоит.

В училищах, юным вам сущим, преподали вам основания права естественного и права гражданского. Право естественное показало вам человекoв, мысленно вне общества, приивших одинаковое от природы сложение ²⁴³ и потому имеющих одинаковые права, следственно, равных во всем между

собою и единые другим не подвластных. Право гражданское показало вам человек, променявших беспредельную свободу на мирное оныя употребление. Но если все они положили свободе своей предел и правило деяниям своим, то все равны от чрева материя в природной свободе, равны должны быть и в ограничении оной. Следственно, и тут один другому не подвластен. Властитель первый в обществе есть закон; ибо он для всех один. Но какое было побуждение вступить в общество и полагати произвольныя пределы деяниям? Рассудок скажет: собственное благо; сердце скажет: собственное благо; нерастленный закон гражданский скажет: собственное благо. Мы в обществе живем, уже многие степени усовершенствования протекшем, и потому запамятовали мы начальное оного положение. Но воззрите на все новые народы и на все общества естества, если так сказать можно. Во-первых, порабощение есть преступление; во-вторых, един злодей или неприятель испытует тягость неволи. Соблюдая сии понятия, познаем мы, колико удалилися мы от цели общественной, колико отстоим еще вершины блаженства общественного далеко. Все сказанное нами вам есть обычно, и правила таковые иссопали вы со млеком матерним. Един предрассудок мгновения, единая корысть (да не уязвитесь нашими изречениями), единая корысть отъемлет у нас взор и в темноте беснующим нас уподобляет.

Но кто между нами оковы носит, кто ощущает тяготу неволи? Земледелец! кормилец наша тощеты, насытител наш глота, тот, кто дает нам здравие, кто житие наше продолжает, не имея права распоряжати ни тем, что обрабатывает, ни тем, что производит. Кто же к ниве ближайшее имеет право, буде не делатель ее? Представим себе мысленно мужей, пришедших в пустыню для сооружения общества. Помышляя о прокормлении своем, они делят поросшую златом землю. Кто жребий на уделе получает? Не тот ли, кто ее вспахать возмощет, не тот ли, кто силы и желание к тому имеет достаточные? Младенцу или старцу, расслабленному, немощному и нерадивому удел в ниве будет бесполезен. Она пребудет в запустении, и ветр класов на ней не возвеет. Если она бесполезна делателю ее, то бесполезна и обществу; ибо избытка своего делатель обществу не отдаст, не имея нужного. Следственно, в начале общества тот, кто ниву обработать может, тот имел на владение ею право, и обрабатывающий ее пользуется ею исключительно. Но колико удалилися мы от первоначального общественного положения относительно владения! У нас тот, кто естественное имеет к оному право, не токмо от того исключен совершенно, но, работая ниву чуждую, зрит пропитание свое, зависящее от власти другого! Просвещенным вашим разумам истины сии не могут быть непонятны, но деяния ваши в исполнении сих истин препинаемы, сказали уже мы, предрассуждением и корыстию. Неужели сердца ваши, любовь человечества полные, предпочтут корысть чувствованиям, сердце услаждающим? Но какая в том корысть ваша? Может ли государство, где две трети граждан лишены гражданского звания и частию в законе мертвы, назваться блаженным? Можно ли назвать блаженным гражданское положение крестьянина в России? Ненасытец кровей один скажет, что он блажен, ибо не имеет понятия о лучшем состоянии.

Мы постараемся опровергнуть теперь сии зверские властителей правила, яко же их опровергали некогда предшественники наши деяниями своими неуспешно.

Блаженство гражданское в различных видах представиться может. Блаженно государство, говорят, если в нем царствует тишина и устройство. Блаженно кажется, когда нивы в нем не пустеют и во градах гордые воздымаются здании. Блаженно, называют его, когда далеко простирает власть оружия своего и властвует оно вне себя не токмо силою своею, но и словом своим над мнениями других. Но все сии блаженства можно назвать внешними, мгновенными, преходящими, частными и мысленными.

Возврим на предлежащую взорам нашим долину. Что видим мы? Пространный воинский стан. Царствует в нем тишина повсюду. Все ратники стоят в своем месте. Наивеличайший строй зрится в рядах их. Единое веление, единое руки мановение начальника движет весь стан и движет его стройно. Но можем ли назвать воинов блаженными? Превращенные точною воинского повиновения в куклы, отъемлется у них даже движения воля, толико живым веществам свойственная. Они знают только веление начальника, мыслят, что он хочет, и стремятся, куда направляет. Толико всесилен жезл над могущественнейшею силою государства. Совокупны, возмогут вся, но разделенны и на едине, пасутся, яко скоты, амо же пастырь пожелает. Устройство на счет свободы столь же противно блаженству нашему, как и самые узы. — Сто невольников, пригвожденных ко скамьям корабля, веслами двигаемого в пути своем, живут в тишине и устройстве; но загляни в их сердце и душу. Терзание, скорбь, отчаяние. Желали бы они нередко променять жизнь на кончину; но и ту им оспаривают. Конец страдания их есть блаженство; а блаженство неволе не сродно, и потому они живы. И так да и не ослепимся внешним спокойствием государства и его устройством и для сих только причин да не почтем оное блаженным. Смотри всегда на сердца сограждан. Если в них найдешь спокойствие и мир, тогда сказать можешь воистину: се блаженны.

Европейцы, опустошив Америку, утучнив нивы ее кровию природных ее жителей, положили конец убийствам своим новою корыстию. Загустелые нивы сего обновленного сильными природы потрясениями полукружия почувствовали соху, недра их раздирающую. Злак, на тучных лугах выраставший и иссыхавший бесплодно, почувствовал былие свое, острием косы подсекаемо. Валяются на горах гордые деревья, издревле вершины их осенявшие. Леса бесплодные и горькие дебри претворяются в нивы плодоносные и покрываются стовидными произраращениями, единой Америке свойственными или удачно в оную преселенными. Тучные луга потаптываются многочисленным скотом, на яству и работу человеком определяемым. Везде видна строящая рука делателя, везде кажется вид благосостояния и внешний знак устройства. Но кто же столь мощною рукою нудит скупую, ленивую природу давать плоды свои в толиком обилии? Заклав индийцев единовременно, злобствующие европейцы, проповедники миролюбия во имя бога истины, учителя кротости и человеколюбия, к корени яростного убийства завоевателей прививают хладнокровное убийство порабощения приобретением невольников куплею.

Сии-то несчастные жертвы знойных берегов Нигера и Сенегала, отринутые своих домов и семейств, преселенные в неведомые им страны, под тяжким жезлом благоустройства вздирают обильные нивы Америки, трудов их гнушающей. И мы страну опустошения назовем блаженною для того, что поля ее не поросли тернием и нивы их обилуют произражениями разнообразными. Назовем блаженною страну, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова. О, дабы опустети паки обильным сим странам! дабы терние и волчец, простирая корень свой глубоко, истребил все драгие Америки произведения! Вострепещите, о возлюбленные мои, да не скажут о вас: «прмени имя, повесть о тебе вещает».

252 Мы дивимся и ныне еще огромности египетских зданий. Неуподобительные пирамиды чрез долгое время доказывать будут смелое в созидании египтян зодчество. Но для чего сии столь нелепые кучи камней были уготованы? На погребение надменных фараонов. Кичливые сии властители, жадая бессмертия, и по кончине хотели отличествовати внешностию своею от народа своего. И так огромность зданий, бесполезных обществу, суть явные доказательства его порабощения. В остатках погибших градов, где общее блаженство некогда водворялось, обрящем развалины училищ, больниц, гостиниц, водоводов, позорищ и тому подобных зданий; во градах же, где известнее было «я», а не «мы», находим остатки великолепных царских чертогов, пространных конюшен, жилища зверей. Сравните то и другое: выбор наш не будет затруднителен.

253 Но что обретаем в самой славе завоеваний? Звук, гремящее, надутость и истощение. Я таковую славу применю к шарам, в 18-м столетии изобретенным: из шелковой ткани сложенные, наполняются они мгновенно горючим воздухом и взлетают с быстротою звука до выспренних пределов эфира. Но то, что их составляло силу, исходит из среды тончайшими скважинами непрестанно: тяжесть, горе вращавшаяся, приемлет естественный путь падения долу; и то, что месяцы целые сооружалось со трудом, тщанием и иждивением, едва часов несколько может веселить взоры зрителей.

264 Но вопросы, чего жаждет завоеватель, чего он ищет, опустошая страны населенные или покоряя пустыни своей державе? Ответ получим мы от яростнейшего из всех, от Александра, Великим названного, — но велик поистине не в делах своих, но в силах душевных и разорениях. «О афиняне! — вещал он, — колико стоит мне быть хвалиму вами». Несмысленной! возри на шествие твое. Крутой вихрь твоего полета, преносся чрез твою область, затаскивает в вертение свое жителей ее и, влача силу государства во свое стремлении, за собою оставляет пустыню и мертвое пространство. Не рассуждаешь ты, о ярый вепрь, что, опустошая землю свою победою, в завоеванной ничего не обрящешь, тебя услаждающего. Если приобрел пустыню, то она соделается могилою для твоих сограждан, в коей они сокрываться будут; населяя новую пустыню, превратишь страну обильную в бесплодную. Какая же прибыль, что из пустыни соделал селитьбы, если другие населения тем сделал пустыми? Если же приобрел населенную страну, то исчисли убийства твои и ужаснися.

Искоренить долженствуешь ты все сердца, тебя в громоносности твоей возненавидевшие; не мни убо, что любити можно, его же бояться нудятся. По истреблении мужественных граждан останутся и будут подвластны тебе робкие души, рабства иго воспрियाи готовые; но и в них ненависть к подавляющей твоей победе укоренится глубоко. Плод твоего завоевания будет, — не лъсти себе, — убийство и ненависть. Мучитель пребудешь на памяти потомков; казниться будешь, ведая, что мерзят тебя новые рабы твои и от тебя кончины твоя просят.

Но, нисходя к ближайшим о состоянии земледельцев понятиям, колико вредным его находим мы для общества. Вредно оно в размножении произрастений и народа, вредно примером своим и опасно в беспокойствии своем. Человек, в начинаниях своихдвигаемый корыстию, пред-²⁵⁶приемлет то, что ему служить может на пользу, ближайшую или дальнюю, и удаляется того, в чем он не обретает пользы, ближайшей или дальновидной. Следуя сему естественному побуждению, все начинаемое для себя, все, что делаем без принуждения, делаем с прилежанием, рачением, хорошо. Напротив того, все то, на что несвободно подвизаемся, все то, что не для своей совершаем пользы, делаем оплошно, лениво, косо и криво. Таковых находим мы земледельцев в государстве нашем. Нива у них чуждая, плод оныя им не принадлежит. И для того обрабатывают ее лениво, и не радуют о том, не запустеет ли среди делания. Сравни сию ниву с данною надменным владельцем на тощее прокормление делателя. Не жалеет сей о трудах своих, ее ради предпринимаемых. Ничто не отвлекает его от делания. Жестокость времени он одолевает бодрственно; часы, на упокоение²⁵⁷ определенные, проводит в трудах; во дни, на веселие определенные, оногочуждается. Зане рачит о себе, работает для себя, делает для себя. И так нива его даст ему плод сугубый; и так все плоды трудов земледельцев мертвеют или паче не возрождаются, они же родились бы и были живы на насыщение граждан, если бы делание нив было рачительно, если бы было свободно.

Но если принужденная работа дает меньше плода, то не достигающие своя цели земные произведения толико же препятствуют размножению народа. Где есть нечего, там, хотя бы и было кому есть, не будет; умрут от истощения. Тако нива рабства, неполный давая плод, мертвит граждан, им же определены были природою избытки ее. Но сим ли одним препятствуется в рабстве многоплодие? К недостатку прокормления и одежд²⁵⁸ присовокупили работу до изнеможения. Умножь оскорбления надменности и уязвления силы, даже в любезнейших человека чувствованиях; тогда с ужасом узришь возникшее губительство неволи, которое тем только различествует от побед и завоеваний, что не даст тому родиться, что победа посекает. Но от нее вреда больше. Легко всяк усмотрит, что одна опустошает случайно, мгновенно; другая губит долговременно и всегда; одна, когда прейдет полет ее, скончивает свое свирепство; другая там только начнется, где сия кончится, и прмениться не может, разве опасным всегда потрясением всея внутренности.

Но нет ничего вреднее, как всегдашнее на предметы рабства воззрение. С одной стороны родится надменность, а с другой — робость. Тут

259 никакой не может быть связи, разве насилие. И сие, собираясь в малую среду, властодержавное свое действие простирает всюду тяжко. Но не только поборники неволи суть власть и острое в руках имеющие, — сами ключимые во узах наияростнейшие оныя бывают проповедники. Кажется, что дух свободы толико в рабах иссякает, что не токмо не желают скончать своего страдания, но тягостно им зрети, что другие свободствуют. Оковы свои возлюбляют, если возможно человеку любить свою пагубу. Мне мнится в них зрети змию, совершившую падение первого человека. — Примеры властвования суть заразительны. Мы сами, признаться должно, мы, ополченные палицею мужества и природы на сокрушение стоглавного чудовища, иссасающего пищу общественную, уготованную на прокормление граждан, мы поползнулися, может быть, на действия самовластия, 260 и хотя намерения наши были всегда благи и к блаженству целого стремились, но поступок наш державный полезности своею оправдаться не может. И так ныне молим вас отпущения нашего неумышленного дерзновения.

Но ведаете ли, любезные наши сограждане, коликая нам предстоит гибель, в коликой мы вращаемся опасности. Загрубелые все чувства рабов, и благим свободы мановением в движение не приходящие, тем укрепят и усовершенствуют внутреннее чувствование. Поток, загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противустояние. Прорвав оплот единожды, ничто уже в разлитии его противиться ему не возможет. Таковы суть братия наши, во узах нами содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет. И се пагуба зверства разливается быстротечно. Мы узрим окрест нас меч и светочу. Смерть и пожигание нам будет посул за нашу суровость и бесчеловечие. И чем медлительнее и упорнее мы были в разрешении их уз, тем стремительнее они будут во мщении своем. Приведите себе на память прежние повествования. Даже обольщение колико яростных сотворило рабов на погубление господ своих! Прельщенные грубым самозванцем, текут ему вослед и ничего толико не желают, как освободиться от ига своих властителей; в невежестве своем другого средства к тому не умыслили, как их умерщвление. Не щадили они ни пола, ни возраста. Они искали паче веселие мщениа, нежели пользу сотрясения уз.

Вот что нам предстоит, вот чего нам ожидать должно. Гибель возносится горé постепенно, и опасность уже вращается над главами нашими. Уже время, вознесши косу, ждет часа удобности, и первый льстец или 262 любитель человечества, возникши на пробуждение несчастных, ускорит его мах. Блюдитесь.

Но если ужас гибели и опасность потрясения стяжаний подвигнуть может слабого из вас, неужели не будем мы толико мужественны в победении наших предрассуждений, в поспрании нашего корыстолюбия и не освободим братию нашу из оков рабства и не восстановим природное всех равенство? Ведая сердец ваших расположение, приятнее им убедиться доводами, в человеческом сердце почерпнутыми, нежели в исчислениях корыстолюбивого благоразумия, а менее еще в опасности. Идите, возлюбленные мои, идите в жилища братии вашей, возвестите о премене

их жребия. Вещайте с ощущением сердечным: подвигнутые на жалость вашу участию, соболезнуя о подобных нам, дознав ваше равенство с нами и убежденные общею пользою, пришли мы, да лобзаем братию нашу. Оставили мы гордое различие, нас толико времени от вас отделившее, забыли мы существовавшее между нами неравенство, восторжествуем ныне о победе нашей, и сей день, в он же сокрушаются оковы сограждан нам любезных, да будет знаменитейший в летописях наших. Забудьте наше прежнее злодейство на вас, и да возлюбим друг друга искренно. ²⁶³

Се будет глагол ваш; се слышится он уже во внутренности сердец ваших. Не медлите, возлюбленные мои. Время летит; дни наши переходят в недействии. Да не скончаем жизни нашей, возымев только мысль благую и не возмогли ее исполнить. Да не воспользуется тем потомство наше, да не пожнет венца нашего и с презрением о нас да не скажет: они были.

Вот что я прочел в замазанной грязью бумаге, которую поднял я перед почтовою избою, вылезая из кибитки моей. ²⁶⁴

Вошед в избу, я спрашивал, кто были проезжие незадолго передо мною. — Последний из проезжающих, — говорил мне почталион, — был человек лет пятидесяти; едет по подорожной в Петербург. Он у нас забыл связку бумаг, которую я теперь за ним вслед посылаю. — Я попросил почталиона, чтобы он дал мне сии бумаги посмотреть, и, развернув их, узнал, что найденная мною к ним же принадлежала. Уговорил я его, чтобы он бумаги сии отдал мне, дав ему за то награждение. Рассматривая их, узнал, что они принадлежали искреннему моему другу, а потому не почел я их приобретение кражею. Он их от меня доселе не требовал, а оставил мне на волю, что я из них сделать захочу.

Между тем как лошадей моих перепрягали, я любопытствовал, рассматривая доставшиеся мне бумаги. Множество нашел я подобных той, которую читал. Везде я обретал расположения человеколюбивого сердца, везде видел гражданина будущих времен. Более всего видно было, что друг мой поражен был несоразмерности гражданских чинов состояний. Целая связка бумаг и начертаний законоположений относилась к уничтожению рабства в России. Но друг мой, ведая, что высшая власть недостаточна в силах своих на претворение мнений мгновенно, начертал путь повременным законоположениям к постепенному освобождению земледельцов в России. Я здесь покажу шествие его мыслей. Первое положение относится к разделению сельского рабства и рабства домашнего. Сие последнее уничтожается прежде всего, и запрещается поселян и всех, по деревням в ревизии написанных, брать в дома. Буде помещик возьмет земледельца в дом свой для услуг или работы, то земледелец становится свободен. Дозволить крестьянам вступать в супружество, не требуя на то согласия своего господина. Запретить брать выводные деньги. Второе положение относится к собственности и защите земледельцов. Удел в земле, ими обрабатываемой, должны они иметь собственностью; ибо платят сами подушную подать. Приобретенное крестьянином имение ему принадлежать долженствует; никто его одного да не лишит самопроизвольно. Восстановление земледельца во звание гражданина. Надлежит ²⁶⁵ ²⁶⁶

ему судиму быть ему равными, то есть в расправах, в кои выбирать и из помещичьих крестьян. Дозволить крестьянину приобретать недвижимое имение, то есть покупать землю. Дозволить невозбранное приобретение
 267 вольности, платя господину за отпускную известную сумму. Запретить произвольное наказание без суда. — Исчезни варварское обыкновение, разрушья власть тигров! — вещает наш законодатель. . . За сим следует совершенное уничтожение рабства.

Между многими постановлениями, относящимися к восстановлению по возможности равенства во гражданах, нашел я табель о рангах. Сколь она была нехстати нынешним временам и оным несоразмерна, всяк сам может вообразить. Но теперь дуга коренной лошади звенит уже в колокольчик и зовет меня к отъезду; и для того я за благо положил лучше рассуждать о том, что выгоднее для едущего на почте, чтобы лошади шли рысью или иноходью, или что выгоднее для почтовой клячи, быть иноходцем или скакуном, — нежели заниматься тем, что не существует.

268

ВЫШНИЙ ВОЛОЧОК

Никогда не проезжал я сего нового города, чтобы не посмотреть здешних шлюзов. Первой, которому на мысль пришло уподобиться природе в ее благоденствиях и сделать реку рукодельную, дабы все концы единыя области в вящее привести сообщение, достоин памятника для дальнейшего потомства. Когда нынешние державы от естественных и нравственных причин распадутся, позлащенные нивы их порастут тернием и в развалинах великолепных чертогов гордых их правителей скрываться будут ужи, змеи и жабы, — любопытный путешественник обрящет глаголющие остатки величия их в торговле. Римляне строили большие дороги, водоводы, коих прочности и ныне по справедливости удивляются; но о водяных
 269 сообщениях, каковые есть в Европе, они не имели понятия. Дороги, каковые у римлян бывали, наши не будут никогда; препятствует тому наша долгая зима и сильные морозы, а каналы и без обделки нескоро заравняются.

Немало увеселительным было для меня зрелищем вышневолоцкой канал, наполненный барками, хлебом и другим товаром нагруженными и приуготовляющимися к прохождению сквозь шлюз для дальнейшего плавания до Петербурга. Тут видно было истинное земле изобилие и избытки земледельца: тут явен был во всем своем блеске мощный побудитель человеческих деяний — корыстолюбие. Но если при первом взгляде разум мой услаждался видом благосостояния, при раздроблении мыслей скоро увяло мое радование. Ибо вспомню, что в России многие
 270 земледельцы не для себя работают; и так изобилие земли во многих краях России доказывает отягченный жребий ее жителей. Удовольствие мое переменялось в равное негодование с тем, какое ощущаю, ходя в летнее время по таможенной пристани, взирая на корабли, привозящие к нам избытки Америки и драгие ее произращения, как-то: сахар, кофе, краски

и другие, не осушившиеся еще от пота, слез и крови, их омывших при их возделании.

— Вообрази себе, — говорил мне некогда мой друг, — что кофе, налитой в твоей чашке, и сахар, распущенной в оном, лишали покоя тебе подобного человека, что они были причиною превосходящих его силы трудов, причиною его слез, стонаний, казни и поругания; дерзай, жестокосердой, усладить гортань твою. — Вид прещения, сопутствовавший сему изречению, поколебнул меня до внутренности. Рука моя задрожала, и кофе пролился.

А вы, о жители Петербурга, питающиеся избытками изобильных краев ²⁷¹ отечества вашего, при великолепных пиршествах, или на дружеском пиру, или наедине, когда рука ваша вознесет первой кусок хлеба, определенной на ваше насыщение, остановитесь и помyslите. Не то же ли я вам могу сказать о нем, что друг мой говорил мне о произведениях Америки. Не потом ли, не слезами ли и стенанием утучнялися нивы, на которых оной возрос. Блаженны, если кусок хлеба, вами алкаемый, извлечен из класов, родившихся на ниве, казенною называемой, или по крайней мере на ниве, оброк помещику своему платящей. Но горе вам, если раствор его составлен из зерна, лежавшего в житнице дворянской. На нем почил скорбь и отчаяние; на нем знаменовалось проклятие всевышнего, егда во гневе своем рек: проклята земля в делах своих. Блудитесь, да не отравлены будете ²⁷² вождельною вами пищею. Горькая слеза нищего тяжко на ней возлагает. Отрините ее от уст ваших; поститесь, се истинное и полезное может быть пощение.

Повествование о некотором помещике докажет, что человек корысти ради своей забывает человечество в подобных ему и что за примером жестокосердия не имеем нужды ходить в дальние страны, ни чудес искать за тридевять земель; в нашем царстве они в очью совершаются.

Некто, не нашед в службе, как то по просторечию называют, счастья или не желая оного в ней снискать, удалился из столицы, приобрел небольшую деревню, например во сто или в двести душ, определил себя искать прибытка в земледелии. Не сам он себя определял к сохе, но вознамерился ²⁷³ наидействительнейшим образом всевозможное сделать употребление естественных сил своих крестьян, прилагая оные к обработыванию земли. Способом к сему надежнейшим почел он уподобить крестьян своих орудиям, ни воли, ни побуждения не имеющим; и уподобил их действительно в некотором отношении нынешнего века воинам, управляемым грудю, устремляющимся на бою грудю, а в единственности ничего не значущим. Для достижения своей цели он отнял у них малой удел пашни и сенных покосов, которые им на необходимое пропитание дают обыкновенно дворяне, яко в воздаяние за все принужденные работы, которые они от крестьян требуют. Словом, сей дворянин некто всех крестьян, жен их и детей заставил во все дни года работать на себя. А дабы они не умирали с голоду, то выдавал он им определенное количество хлеба, под именем ²⁷⁴ месячины известное. Те, которые не имели семейств, месячины не получали, а, по обыкновению лакедемонян, пиروвали вместе на господском дворе, употребляя, для соблюдения желудка, в мясоед пустые шти, а в посты

и постные дни хлеб с квасом. Истинные розговины бывали разве на святой неделе.

Таковым урядникам производилася также приличная и соразмерная их состоянию одежда. Обувь для зимы, то есть лапти, делали они сами; онучи получали от господина своего; а летом ходили босы. Следственно, у таковых узников не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволение держать их господин у них не отымал, но способы к тому. Кто был позажиточнее, кто был умереннее в пище, тот держал несколько ²⁷⁵ птиц, которых господин иногда бирал себе, платя за них цену по своей воле.

При таком заведении неудивительно, что земледелие в деревне г. некто было в цветущем состоянии. Когда у всех худой был урожай, у него родился хлеб сам-четверть; когда у других хороший был урожай, то у него приходил хлеб сам-десять и более. В недолгом времени к двумстам душам он еще купил двести жертв своему корыстолюбию; и, поступая с ними равно как и с первыми, год от году умножал свое имение, усугубляя число стенищих на его нивах. Теперь он считает их уже тысячами и славится как знаменитый земледelec.

Варвар! недостойн ты носить имя гражданина. Какая польза государству, что несколько тысяч четвертей в год более родится хлеба, если те, ²⁷⁶ кои его производят, считаются наравне с волком, определенным тяжкую вздирати борозду? Или блаженство граждан в том почитаем, чтоб полны были хлеба наши житницы, а желудки пусты? чтобы один благословлял правительство, а не тысячи? Богатство сего кровопийца ему не принадлежит. Оно нажито грабежем и заслуживает строгого в законе наказания. И суть люди, которые, взирая на утученные нивы сего палача, ставят его в пример усовершенствования в земледелии. И вы хотите называться мягкосердыми и вы носите имена попечителей о благе общем. Вместо вашего поощрения к такому насилию, которое вы источником государственного богатства почитаете, прострите на сего общественного злодея ваше человеколюбивое мщение. Сокрушите орудия его земледелия, сожгите его риги, овины, житницы и развейте пепл по нивам, на них же совер- ²⁷⁷ шалось его мучительство, ознаменуйте его яко общественного татя, дабы всяк, его видя, не только его гнушался, но убегал бы его приближения, дабы не заразиться его примером.

278

ВЫДРОПУСК

Здесь я опять принялся за бумаги моего друга. В руки мне попало начертание положения о уничтожении придворных чинов.

Проект в будущем

Вводя нарушенное в обществе естественное и гражданское равенство постепенно паки, предки наши не последним способом почли к тому умаление прав дворянства. Полезно государству в начале своем личными

своими заслугами, ослабело оно в подвигах своих наследственностью, и сладкий при насаждении, его корень произнес наконец плод горький. На месте мужества водворилася надменность и самолюбие, на месте благо-родства души и щедроты посеялись раболепие и самонедоверение, истин-ные скряги на великое. Жительствова среди столь тесных душ и подвигае-²⁷⁹мые на малости ласкательством наследственных достоинств и заслуг, многие государи возмнили, что они суть боги и вся, его же коснутся, блаженно сотворят и пресветло. Тако и быть долженствует в деяниях на-ших, но токмо на пользу общую. В таковой дремоте величания власти возмечтали цари, что рабы их и прислужники, ежечасно предстоя взорам их, заимствуют их светозарности; что блеск царский, преломляясь, так сказать, в сих новых отсветках, многочисленнее является и с силь-нейшим отражением. На таковой блуждения мысли воздвигли цари при-дворных истуканов, кои, истинные феатральные божки, повинуются свистку или трещотке. Пройдем степени придворных чинов и с улыбкою сожа-ления отвратим взоры наши от кичащихся служением своим, но возры-даем, видя их предпочитаемых заслуге. Дворецкой мой, конюший и даже²⁸⁰ конюх и кучер, повар, крайчий, птицелов с подчиненными ему охотниками, горничные мои прислужники, тот, кто меня бреет, тот, кто чешет волосы главы моя, тот, кто пыль и грязь отирает с обуви моей, о многих других не упоминая, равняются или превосходят служащим отечеству силами своими душевными и телесными, не падая ради отечества ни здоровья своего, ни крови, возлюбляя даже смерть ради славы государства. Какая вам в том польза, что в доме моем господствуют чистота и опрятность? Сытее ли вы накормитесь, буде кушанье мое лучше вашего приготовлено и в со-судах моих лиется вино изо всех концов вселенныя? Укроетесь ли в шест-вии вашем от неприязненности погоды, буде колесница моя позлащенна и кони мои тучны? Лучший ли даст нива вам плод, луга ваши больше ли²⁸¹ позеленеют, буде потопчутся на ловитве зверей, в мое увеселение? Вы улыбнетесь с чувствованием жалости. Но нередкой в справедливом негодо-вании скажет нам: тот, кто рачит о устройстве твоих чертогов, тот, кто их нагревает, тот, кто огненную прыность полуденных растений сочетает с хладною вязкостью северных туков для услаждения расслабленного твоего желудка и оцепенелого твоего вкуса; тот, кто воспеяет в сосуде твоем сладкий сок африканского винограда; тот, кто умащает окружие твоей колесницы, кормит и напоет коней твоих; тот, кто во имя твое кровавую битву ведет со зверями дубравными и птицами небесными, — все сии тунеядцы, все сии лелеятели, как и многие другие, твоея надмен-ности, высаятся надо мною: над источившим потоки кровей на ратном поле,²⁸² над потерявшим нужнейшие члены тела моего, защищая грады твои и чер-тоги, в них же сокрытая твоя робость завесою величавости мужеством каза-лася; над провождающим дни веселий, юности и утех во сбережении малей-ших полушки, да облегчится, елико то возможно, общее бремя налогов; над нерачившим о имении своем, трудяся деннонощно в снискании средств к достижению блаженств общественных; над попирающим родство, при-язнь, союз сердца и крови, вещая правду на суде во имя твое, да возлюб-лен будешь. Волсы белеют в подвигах наших, силы истощеваются в подъ-

емлемых нами трудах, и при воскраии гроба едва возмогаем удостоиться твоего благоволения; а сии упитанные тельцы сосцами нежности и пороков, сии незаконные сыны отечества наследят в стяжании нашем.

283 Тако и более еще по справедливости возглаголют от вас многие. Что дадим мы, владыки сил, в ответ? Прикроем бесчувствием уничижение наше, и видится воспаленна ярость в очах наших на вещающих сице. Таковы бывают нередко отреты наши вещаниям истины. И никто да не дивится сему, когда наилучший между нами дерзает таковая: он живет с ласкателями, беседует с ласкателями, спит в лести, хождает в лести. И лесть и ласкательство соделают его глуха, слепа и неосязательна.

Но да не падет на нас таковая укоризна. С младенчества нашего возненавидев ласкательство, мы соблюли сердце наше от ядовитой его сладости, даже до сего дня; и ныне новый опыт в любви нашей к вам и преданности явен да будет. Мы уничтожаем ныне сравнение царедворского служения с военным и гражданским. Истребися на памяти обыкновение, 284 во стыд наш толико лет существовавшее. Истинные заслуги и достоинства, рачение о пользе общей да получают награду в трудах своих и едины да отличаются.

Сложив с сердца нашего столь несносное бремя, долговременно нас теснившее, мы явим вам наши побуждения на уничтожение толь оскорбительных для заслуги и достоинства чинов. — Вещают вам, и предки наши тех же были мыслей, что царский престол, коего сила во мнении граждан коренится, отличествовати долженствует внешним блеском, дабы мнение о его величестве было всегда всецело и ненаруσιμο. Оттуда пышная внешность властителей народов, оттуда стадо рабов, их окружающих. Согласиться всяк должен, что тесные умы и малые души внешность поражать 285 может. Но чем народ просвещеннее, то есть чем более особенников в просвещении, тем внешность менее действовать может. Нума мог грубых еще римлян уверить, что нимфа Егерия наставляла его в его законоположениях. Слабые перуанцы охотно верили Манко Капаку, что он сын солнца и что закон его с небеси истекает. Магомет мог прельстить скитающихся аравитян своими бреднями. Все они употребляли внешность, даже Моисей принял скрывали заповедей на горе среди блеску молнии. Но ныне, буде кто прельстити восхоцет, не блистательная нужна ему внешность, но внешность доводов, если так сказать можно, внешность убеждений. Кто бы восхотел ныне послание свое утвердить свыше, тот употребит более наружность полезности, и тою все тронутся. Мы же, устремляя все силы наши на пользу всех и каждого, почто нам блеск внешности? не полезностию ли 286 наших постановлений, ко благу государства текущею, облистает наше лице? Всяк, взирающий на нас, узрит наше благомыслие, узрит в подвиге нашем свою пользу и того ради нам поклонится, не яко во ужасе шествующему, но сидящему во благости. Если бы древние персы управлялися всегда щедротою, не бы возмечтали быти Ариману, или ненавистному началу зла. Но если пышная внешность нам бесполезна, колико вредны в государстве быть могут ее оберегатели. Единственною должностию во служении своем имея угождение нам, колико изыскательны будут они во всем том, что нам нравиться может. Желание наше будет предупреждено; но не токмо

желанию не допустят возродиться в нас, но даже и мысли, зане готово уже ей удовлетворение. Воззрите со ужасом на действие таковых угождений. Найдите же душа во правилах своих позабнется, приклонит ухо ласкательному сладкопению, уснет. И се сладостные чары обыдут разум и сердце. Горесть и обида чуждые едва покажутся нам преходящими недугами; скорбети о них почтем или неприличным, или же противным и воспретим даже жаловатися о них. Язвительнейшие скорби и раны, и самая смерть покажутся нам необходимыми действиями течения вещей и, являясь нам позади непрозрачных завесы, едва возмогут ли в нас произвести то мгновенное движение, какое производят в нас феатральные представления. Зане стрела болезни и жало зла не в нас дрожит вонзенное.

Се слабая картина всех пагубных следствий пышного царей действия. Не блаженны ли мы, если возмогли укрыться от змущения благонамерений наших? Не блаженны ли, если и заразе примера положили преграду? Надежны в благосердии нашем, надежны не в разврате со вне, надежны во умеренности наших желаний, возблагоденствуем снова и будем примером позднешему потомству, како власть со свободою сочетать должно на взаимную пользу.

ТОРЖОК

Здесь, на почтовом дворе, встречен я был человеком, отправляющимся в Петербург на скитание прошения. Сие состояло в снискании дозволения завести в сем городе свободное книгопечатание. Я ему говорил, что на сие дозволения не нужно, ибо свобода на то дана всем. Но он хотел свободы в ценсуре, и вот его о том размышлении.

Типографии у нас всем иметь дозволено, и время то прошло, в которое боялися поступаться оным дозволением частным людям; и для того, что в вольных типографиях ложные могут печатаны быть пропуски, удерживались от общего добра и полезного установления. Теперь свободно иметь всякому орудия печатания, но то, что печатать можно, состоит под опекою. Ценсура сделана нянькою рассудка, остроумия, воображения, всего великого и изящного. Но где есть няньки, то следует, что есть ребята, ходят на помочах, отчего нередко бывают кривые ноги; где есть опекуны, следует, что есть малолетные, незрелые разумы, которые собою править не могут. Если же всегда пребудут няньки и опекуны, то ребенок долго ходить будет на помочах и совершенный на возрасте будет каляка. Недоросль будет всегда Митрофанушка, без дядьки не ступит, без опекуна не может править своим наследием. Таковы бывают везде следствия обыкновенной ценсуры, и чем она строже, тем следствия ее пагубнее. Послушаем Гердера.

«Наилучший способ поощрять доброе есть препятствие, дозволение, свобода в помышлениях. Розыск вреден в царстве науки: он сгущает воздух и запирает дыхание. Книга, проходящая десять ценсур прежде, нежели достигнет света, не есть книга, но поделка святой инквизиции; часто изуродованной, сеченной батожем с кляпом во рту узник, а раб всегда. . .

В областях истины, в царстве мысли и духа не может никакая земная власть давать решений и не должна; не может того правительство, менее еще его ценсор, в клубке ли он или с темляком. В царстве истины он не судия, но ответчик, как и сочинитель. Исправление может только совершиться просвещением; без главы и мозга не шевельнется ни рука, ни нога. . . Чем государство основательнее в своих правилах, чем стройнее, светлее и тверже оно само в себе, тем менее может оно позыбнуться и страстися ²⁹² от дуновения каждого мнения, от каждой насмешки разъяренного писателя; тем более благоволит оно в свободе мыслей и в свободе писаний, а от нее под конец прибыль, конечно, будет истине. Губители бывают подозрительны; тайные злодеи робки. Явной муж, творяй правду и твердый в правилах своих, допустит о себе глагол всякий. Хождает он во дни и на пользу себе строит клевету своих злодеев. Откупы в помышлениях вредны. . . Правитель государства да будет беспристрастен во мнениях, дабы мог объяти мнения всех и оные в государстве своем дозволять, просвещать и наклонять к общему добру: оттого-то истинно великие государи столь редки».

Правительство, дознав полезность книгопечатания, оное дозволило всем; но, паче еще дознав, что запрещение в мыслях утщетит благое на- ²⁹³ мерение вольности книгопечатания, поручило ценсуру или присмотр за изданиями управе благочиния. Долг же ее в отношении сего может быть только тот, чтобы воспрещать продажу язвительных сочинений. Но и сия ценсура есть лишняя. Один несмысленный урядник благочиния может величайший в просвещении сделать вред и на многие лета остановку в шествии разума: запретит полезное изобретение, новую мысль и всех лишит великого. Пример в малости. В управу благочиния принесен для утверждения перевод романа. Переводчик, следуя автору, говоря о любви, назвал ее лукавым богом. Мундирной ценсор, исполненный духа благоговения, сие выражение почернил, говоря: «неприлично божество называть лукавым». Кто чего не разумеет, тот в то да не мешается. Если хочешь ²⁹⁴ благорастворенного воздуха, удали от себя копильню; если хочешь света, удали затмение; если хочешь, чтобы дитя не было застенчиво, то выгони лозу из училища. В доме, где плети и батожье в моде, там служители пьяницы, воры и того еще хуже*.

Пускай печатают все, кому что на ум ни взойдет. Кто себя найдет в печати обиженным, тому да дастся суд по форме. Я говорю не смехом. Слова не всегда суть деяния, размышлении же не преступлении. Се ²⁹⁵ правила Наказа о новом уложении. Но брань на словах и в печати всегда брань. В законе никого бранить не велено, и всякому свобода есть жаловаться. Но если кто про кого скажет правду, бранью ли то почитать, того в законе нет. Какой вред может быть, если книги в печати будут

* Такого же роду ценсор не позволял, сказывают, печатать те сочинения, где упоминалось о боге, говоря: я с ним дела никакого не имею. Если в каком-либо сочинении порочили народные нравы того или другого государства, он недозволенным сие почитал, говоря: Россия имеет трактат дружбы с ним. Если упоминалось где о князе или графе, того не позволял он печатать, говоря: сие есть личность, ибо у нас есть князь и графы между знатными особами.

без клейма полицейского? Не токмо не может быть вреда, но польза; польза от первого до последнего, от малого до великого, от царя до последнего гражданина.

Обыкновенные правила цензуры суть: почеркивать, марать, не дозволять, драть, жечь все то, что противно естественной религии и откровению, все то, что противно правлению, всякая личность, противное благонравию, устройству и тишине общей. Рассмотрим сие подробно. Если безумец в мечтании своем, не токмо в сердце, но громким гласом речет: «несть бога», в устах всех безумных раздается громкое и поспешное эхо: «несть бога, несть бога». Но что ж из того? Эхо — звук; ударит в воздух, позабынет его и исчезнет. На разуме редко оставит черту, и то слабую; на сердце же никогда. Бог всегда пребудет бог, ощущаем и неверующим в него. Но если думаешь, что хулением всевышний оскорбится, — урядник ли благочиния может быть за него истец? Всесильный звонящему в трещотку или биющему в набат доверия не даст. Возгнушается метатель грома и молнии, ему же все стихии повинуются, возгнушается колеблящий сердца из-за пределов вселенныя дать мстити за себя и самому царю, мечтающему быти его на земли преемником. — Кто ж может быть судьей в обиде отца предвечного? — Тот его обижает, кто мнит: возможет судити о его обиде. Тот даст ответ пред ним.

Отступники откровенной религии более доселе в России делали вреда, нежели непризнаватели бытия божия, афеисты. Таковых у нас мало, ибо мало у нас еще думают о метафизике. Афеист заблуждает в метафизике, а раскольник в трех пальцах. Раскольниками называем мы всех россиян, отступающих в чем-либо от общего учения греческия церкви. Их в России много, и для того служение им дозволяется. Но для чего не позволять всякому заблуждению быти явному? Явнее оно будет — скорее сокрушится. Гонения делали мучеников; жестокость была подпорою самого христианского закона. Действия расколов суть иногда вредны. Воспрети их. Проповедаются они примером. Уничтожь пример. От печатной книги раскольник не бросится в огонь, но от ухищренного примера. Запрещать дурачество есть то же, что его поощрять. Дай ему волю; всяк увидит, что глупо и что умно. Что запрещено, того и хочется. Мы все Евины дети.

Но, запрещая вольное книгопечатание, робкие правительства не богохуления боятся, но боятся сами иметь порицателей. Кто в часы безумия не падит бога, тот в часы памяти и рассудка не пощадит незаконной власти. Не бояйся громов всеильного смеется виселище. Для того-то вольность мыслей правительствам страшна. До внутренности потрясенный вольнодумец прострет дерзкую, но мощную и незыбкую руку к истукану власти, сорвет ее личину и покров и обнажит ее состав. Всяк узрит бранные его ноги, всяк возвратит к себе данную им ему подпору, сила возвратится к источнику, истукан падет. Но если власть не на тумане мнений восседает, если престол ее на искренности любви общего блага возник, — не утвердится ли паче, когда основание его будет явно, не возлюбится ли любящий искренно? Взаимность есть чувство природы, и стремление сие почило в естестве. Прочному и твердому зданию довольно его собственного основания: в опорах и контрфорсах ему нужды нет. Если по-

зыбнется оно от ветхости, тогда только побочные тверди ему нужны. Правительство да будет истинно, вожди его нелицемерны; тогда все плевелы, тогда все изблевания смрадность свою возвратят на извергателя их; а истина пребудет всегда чиста и беловидна. Кто возмущает словом (да назовем так в угодность власти все твердые размышления, на истине основанные, власти противные), есть такой же безумец, как и хулу глаголяй на бога. Буде власть шествует стезею, ей назначенной, то не возмутится от пустого звука клеветы, яко же господь сил не тревожится хулением. Но горе ей, если в жадности своей ломит правду. Тогда и едина мысль твердости ее тревожит; глагол истины ее сокрушит, деяние мужества ее развеет.

Личность, но язвительная личность, есть обида. Личность в истине столь же дозволительна, как и самая истина. Если ослепленный судия судит в неправду и защитник невинности издаст в свет его коварный приговор, если он покажет его ухищрение и неправду, то будет сие личность, но дозволенная; если он его назовет судиею наемным, ложным, глупым, — есть личность, но дозволить можно. Если же называть его станет наименованиями смрадными и бранными словами поносить, как то на рынках употребительно, то сие есть личность, но язвительная и не-
301 дозволенная. Но не правительства дело вступаться за судию, хотя бы он поносился и в правом деле. Не судия да будет в том истец, но оскорбленное лице. Судия же пред светом и пред поставившим его судиею да оправдится едиными делами *. Тако долженствует судить о личности. Она на-
302 казания достойна, но в печатании более пользы устроит, а вреда мало. Когда все будет в порядке, когда решения будут в законе, когда закон основан будет на истине и заклеплется удручение, тогда разве, тогда личность может сделать разврат. Скажем нечто о благодравии и сколько слова ему вредят.

Сочинения любострастные, исполненные похотливыми начертаниями, дышущие развратом, коего все листы и строки стрекательною наготою зияют, вредны для юношей и незрелых чувств. Распламеняя воспаленное воображение, тревожа спящие чувства и возбуждая покоящееся сердце, безвременную наводят возмужалость, обманывая юные чувства в твердости их и заготовляя им дряхлость. Таковые сочинения могут быть вредны; но не они разврату корень. Если, читая их, юноши пристрастятся к край-
303 нему услаждению любовной страсти, то не могли бы того произвести в действие, не бы были торгующие своею красотою. В России таковых сочинений в печати еще нет, а на каждой улице в обеих столицах видим раскрашенных любовниц. Действие более развратит, нежели слово,

* Г. Дикинсон, имевший участие в бывшей в Америке перемене и тем прославившийся, будучи после в Пенсильвании президентом, не возгнушался сражаться с наступавшими на него. Изданы были против него наихлосточайшие листы. Первейший градоначальник области нисшел в ристалище, издал в печать свое защщшение, оправдался, опроверг доводы своих противников и их устыдил. . . Се пример для последования, как мстить должно, когда кто кого обвиняет пред светом печатным сочинением. Если кто свирепствует против печатных строки, тот заставляет мыслить, что печатанное истинно, а мстящий таков, как о нем напечатано.

и пример паче всего. Скитающиеся любовницы, отдающие сердца свои с публичного торгова наддателю, тысячу юношей заразят язвою и все будущее потомство тысячи сея; но книга не давала еще болезни. И так цензура да останется на торговых девок, до произведений же, развратного хотя разума, ей дела нет.

Заключу сим: цензура печатаемого принадлежит обществу, оно даст сочинителю венец или употребит листы на обертки. Равно как ободрение феатральному сочинению дает публика, а не директор феатра, так и выпускаемому в мир сочинению ценсор ни славы не даст, ни бесславия. Завеса поднялась, взоры всех устремились к действованию; нравятся — плещут, ³⁰⁴ не нравятся — стучат и свищут. Оставь глупое на волю суждения общего: оно тысящу найдет ценсоров. Настрожайшая полиция не возможет так запретить дряни мыслей, как негодующая на нее публика. Один раз им воньмут, потом умрут они и не воскреснут вовеки. Но если мы признали бесполезность цензуры или паче ее вред в царстве науки, то познаем обширную и беспредельную пользу вольности печатания.

Доказательства сему, кажется, не нужны. Если свободно всякому мыслить и мысли свои объявлять всем беспрекословно, то естественно, что все, что будет придумано, изобретено, то будет известно; великое будет велико, истина не затмится. Не дерзнут правители народов удалиться от стези правды и убоятся, ибо пути их, злость и ухищрение обнажатся. ³⁰⁵ Вострепещет судия, подписывая неправедный приговор, и его раздерет. Устыдится власть имеющий употреблять ее на удовлетворение только своих прихотей. Тайный грабеж назовется грабежом, прикрытое убийство — убийством. Убоятся все злые строгого взора истины. Спокойствие будет действительное, ибо заквасу в нем не будет. Ныне поверхность только гладка, но ил, на дне лежащий, мутится и тмит прозрачность вод.

Прощаясь со мною, порицатель цензуры дал мне небольшую тетрадку. Если, читатель, ты нескучлив, то читай, что перед тобою лежит. Если же бы случилось, что ты сам принадлежишь к ценсурному комитету, то загни лист и скачи мимо.

Краткое повествование о происхождении цензуры

306

Если мы скажем и утвердим ясными доводами, что цензура с инквизициею принадлежат к одному корню; что учредители инквизиции изобрели цензуру, то есть рассмотрение приказное книг до издания их в свет, то мы хотя ничего не скажем нового, но из мрака протекших времен извлечем, вдобавок многим другим, ясное доказательство, что священнослужители были всегда изобретатели оков, которыми отягчался в разные времена разум человеческий, что они подстригали ему крылья, да не обратит полет свой к величию и свободе.

Проходя протекшие времена и столетия, мы везде обретаем терзающие черты власти, везде зрим силу, возникающую на истину, иногда суеверие, ополчающееся на суеверие. Народ афинский, священнослужителями воз- ³⁰⁷бужденный, писания Протагоры запретил, велел все списки оных со-

братъ и сжечь. Не он ли, в безумии своем, предал смерти, на незагладимое вовеки себе поношение, вочеловеченную истину — Сократа. В Риме находим мы больше примеров такого свирепствования. Тит Ливий повествует, что найденные во гробе Нумы писания были сожжены повелением сената. В разные времена случалось, что книги гадательные велено было относить к претору. Светоний повествует, что кесарь Август таких книг велел сжечь до двух тысяч. Еще пример несообразности человеческого разума! Неужели, запрещая суеверные писания, властители сии думали, что суеверие истребится? Каждому в особенности своей воспрещали прибегнуть к гаданию, совершаемому нередко на обуздание токмо
308 мгновенное грызущей скорби; оставляли явные и государственные гадания авгуров и аруспициев. Но если бы во дни просвещения возмнили книги, учащие гаданию или суеверие проповедующие, запрещать или жечь, не смешно ли бы было, чтобы истина приняла жезл гонения на суеверие? чтоб истина искала на поражение заблуждения опоры власти и меча, когда вид ее один есть наижесточайший бич на заблуждение?

Но кесарь Август не на гадания одни простер свои гонения: он велел сжечь книги Тита Лабиеция. «Злодеи его, — говорит Сенека ритор, — изобрели для него сие нового рода наказание. Неслыханное дело и необычайное — казнь извлекать из учения. Но, по счастью государства, сие разумное свирепствование изобретено после Цицерона. Что быть бы могло, если бы троеначалники за благо положили осудить разум Ци-
309 церона?» Но мучитель скоро отмстил за Лабиеция тому, кто исходатайствовал сожжение его сочинений. При жизни своей видел он, что и его сочинения преданы были огню *. «Не злomu какому примеру тут следовано, — говорит Сенека, — его собственному» **. Дажь небо, чтобы зло всегда обращалося на изобретателя его и чтобы воздвигший гонение на мысль зрел всегда свои осмеянными, в поругании и на истребление осужденными! Если мщенье когда-либо извинительно быть может, то разве сие.

310 Во времена народного правления в Риме гонение такого рода обращалося только на суеверие, но при императорах простерлось оно на все твердые мысли. Кремуций Корд в истории своей назвал Кассия, дерзнувшего осмеять мучительство Августово на Лабиеиевы сочинения, последним римлянином. Римский сенат, ползая пред Тиверием, велел во угождение ему Кремуциеву книгу сжечь. Но многие с оной остались списки. «Тем паче, — говорит Тацит, — смеяться можно над попечением тех, кои мечтают, что всемогуществом своим могут истребить воспоминание следующего поколения. Хотя власть бешенствует на казнь рассудка, но свирепствованием своим себе устроила стыд и посрамление, им славу».

* Сочинения Ария Монтана, издавшего в Нидерландах первой реестр запрещенным книгам, вмещены были в тот же реестр.

** Кассий Север, друг Лабиеция, видя писания его в огне, сказал: «Теперь меня сжечь надлежит, ибо я их наизусть знаю». Сие подало случай при Августе к законоположению о повосительных сочинениях, которое по природному человеку обезьянству принято в Англии и в других государствах.

Не избавились сожжения книги иудейские при Антиохе Елифане, царе Сирском. Равной с ними подвержены были участи сочинения христиан. Император Диоклитиан книги священного писания велел предать сожжению. Но христианский закон, одержав победу над мучительством, покорил самих мучителей и ныне остается во свидетельство неложное, что гонение на мысли и мнения не токмо не в силах оные истребить, но укрепляет их и распространяет. Арнобий справедливо восстает противу такого гонения и мучительства. «Иные вещают, — говорит он, — полезно для государства, чтобы сенат истребить велел писания, в доказательство христианского исповедания служащие, которые важность опровергают древняя религия. Но запрещать писания и обнародованное хотеть истребить не есть защищать богов, но бояться истины свидетельствования». Но по распространении христианского исповедания священнослужители оного толико же стали злобны против писаний, которые были им противны и не в пользу. Недавно порицали строгость сию в язычниках, недавно почитали ее знаком недоверения к тому, что защищали, но скоро сами ополчились всемогуществом. Греческие императоры, занимаясь более церковными прениями, нежели делами государственными, а потому управляемые священниками, воздвигали гонение на всех тех, кто деяния и учения Иисусовы понимал с ними различно. Такое гонение распростерлося и на произведение рассудка и разума. Уже мучитель Константин, Великим названный, следуя решению Никейского собора, предавшего Ариево учение проклятию, запретил его книги, осудил их на сожжение, а того, кто оные книги иметь будет, — на смерть. Император Феодосий II проклятые книги Нестория велел все собрать и предать огню. На Халкидонском соборе то же положено о писаниях Евтихия. В Пандектах Юстиниановых сохранены некоторые такие решения. Несмысленные! не ведали, что, истребляя превратное или глупое истолкование христианского учения и запрещая разуму трудиться в исследовании каких-либо мнений, они останавливали его шествие; у истины отнимали сильную опору, различие мнений, прения и невозбранное мыслей своих изречение. Кто может за то поручиться, что Несторий, Арий, Евтихий и другие еретики быть бы могли предшественниками Лутера и, если бы вселенские соборы не были созваны, что бы Декарт родиться мог десять столетий прежде? Какой шаг вспять сделан ко тьме и невежеству!

По разрушении Римския империи монахи в Европе были хранители учености и науки. Но никто у них не оспаривал свободы писать, что они желали. В 768 году Амвросий Оперт, монах бенедиктинской, посылая толкование свое на Апокалипсис к папе Стефану III и прося дозволения о продолжении своего труда и о издании его в свет, говорит, что он первой из писателей просит такого дозволения. «Но да не исчезнет, — продолжает он, — свобода в писании для того, что уничтожение поклонилось не принужденно». Собор Санский в 1140 году осудил мнения Абелардовы, а папа сочинения его велел сжечь.

Но ни в Греции, ни в Риме, нигде примера не находим, чтобы избран был судия мысли, чтобы кто дерзнул сказать: у меня просите дозволения,

если уста ваши отверзать хотите на велеречие; у нас клеймится разум, науки и просвещение, и все, что без нашего клейма явится в свет, объявляем заранее глупым, мерзким, негодным. Таковое постыдное изобретение предоставлено было христианскому священству, и ценсура была современна инквизиции.

315 Нередко, проходя историю, находим разум суеверию, изобретения наиболее полезнейшие современниками грубейшему невежеству. В то время как боязливое недоверие к вещи утверждаемой побудило монахов учредить ценсуру и мысль истреблять в ее рождении, в то самое время дерзал Колумб в неизвестность морей на искание Америки; Кеплер предузнавал бытие притяжательной в природе силы, Ньютоном доказанной; в то же время родился начертавший в пространстве путь небесным телесам Коперник. Но к вящему сожалению о жребии человеческого умствования скажем, что мысль великая рождала иногда невежество. Книгопечатание родило ценсуру; разум философский в XVIII столетии произвел иллюминатов.

316 В 1479 году находим древнейшее доселе известное дозволение на печатание книги. На конце книги под заглавием: «Знай сам себя», печатанной в 1480 году, присоединено следующее: «Мы, Матфей Жирардо, божием милосердием патриарх Венецианский, первенствующий в Далматии, по прочтении вышеписанных господ, свидетельствующих о вышеписанном творении, и по таковому же оного заключению и присоединенному доверению так же свидетельствуем, что книга сия православна и богобоязлива». Древнейший монумент цензуры, но не древнейший безумия!

317 Древнейшее о ценсуре узаконение, доселе известное, находим в 1486 году, изданное в самом том городе, где изобретено книгопечатание. Предузнавали монашеские правления, что оно будет орудием сокрушения их власти, что оно ускорит развержение общего рассудка, и могущество, на мнении, а не на пользе общей основанное, в книгопечатании обрящет свою кончину. Да позволят нам здесь присовокупить памятник, ныне еще существующий на пагубу мысли и на посрамление просвещения.

Указ о неиздании книг греческих, латинских и пр. на народном языке без предварительного ученых удостоения 1486 года*.

«Бертольд, божиею милостию святыя Майнцкия епархии архиепископ, в Германи архиканцлер и курфирст. Хотя для приобретения человеческого учения чрез божественное печатание искусство возможно с избытком и свободнее получать книги, до разных наук касающиеся, но до сведения нашего дошло, что некоторые люди, побуждаемые суетными славы или богатства желанием, искусство сие употребляют во зло и данное для научения в житии человеческого обращают на пагубу и злоречие.

318 Мы видели книги, до священных должностей и обрядов исповедания нашего касающиеся, переведенные с латинского на немецкой язык и неблагопристойно для святого закона в руках простого народа обращающиеся; что ж сказать наконец о предписаниях святых правил и законопо-

* Кодекс дипломатический, изданный Гуденом. Том IV.

ложений; хотя они людьми искусными в законоучении, людьми мудрейшими и красноречивейшими писаны разумно и тщательно, но наука сама по себе толико затруднительна, что красноречивейшего и ученейшего человека едва на одну достаточною целая жизнь.

Некоторые глупые, дерзновенные и невежды попускаются переводить на общий язык таковые книги. Многие ученые люди, читая переводы сии, признаются, что ради великой несвойственности и худого употребления слов они непонятнее подлинников. Что же скажем о сочинениях, до других наук касающихся, в которые часто вмешивают ложное, надписывают ложными названиями и тем паче славнейшим писателям приписывают свои вымыслы, чем более находится покупателей.

Да вещают таковые переводчики, если возлюбляют истину, с каким бы намерением то ни делали, с добрым или худым, до того нет нужды; да вещают, немецкий язык удобен ли к предложению на оной того, что греческие и латинские изящные писатели о вышних размышлениях христианского исповедания и о науках писали точнее и разумнее? Признаться надлежит, скудости ради своей, язык наш на сказанное недостаточен весьма, и нужно для того, чтобы они неизвестные имена вещам в мозгу своем сооружали; или, если употребят древние, то испортят истинный смысл, чего наипаче опасаемся в писаниях священных в рассуждении их важности. Ибо грубым и неученым людям и женскому полу, в руки которых попадутся книги священные, кто покажет истинный смысл? Рассмотря три святого Евангелия строки или Послания апостола Павла, всяк разумный признается, что много в них прибавлений и исправлений писцовых.

Сказанное нами довольно известно. Что же помыслим о том, что в писаниях католическия церкви находится зависящее от строжайшего рассмотрения? Многое в пример поставить можем, но для сего намерения довольно уже нами сказанного.

Понеже начало сего искусства в славном нашем граде Майнце, скажем истинным словом, божественно явилось и ныне в оном исправленно и обогащено пребывает, то справедливо, чтобы мы в защиту нашу приняли важность сего искусства. Ибо должность наша есть сохранить святыя писания в нерастленной непорочности. Сказав таким образом о заблуждениях и о продерзостях людей наглых и злодеев, желая, елико нам возможно, пособием господним, о котором дело здесь, предупредить и наложить узду всем и каждому, церковным и светским нашей области подданным и вне пределов оныя торгующим, какого бы они звания и состояния ни были, — сим каждому повелеваем, чтобы никакое сочинение в какой бы науке, художестве или знании ни было, с греческого, латинского или другого языка переводимо не было на немецкой язык или уже переведенное, с переменою токмо заглавия или чего другого, не было раздаваемо или продаваемо явно или скрытно, прямо или посторонним образом, если до печатания или после печати до издания в свет не будет иметь отверстого дозволения на печатание или издание в свет от любезных нам светлейших и благородных докторов и магистров университетских, а именно: во граде нашем Майнце — от Иоганна Бертрама де Наумбурха в касающемся до богословии, от Александра Дидриха в законоучении, от Феодорика де Мешедя

во врачебной науке, от Андрея Елера во словесности, избранных для сего в городе нашем Эрфурте докторов и магистров. В городе же Франкфурте, если таковые на продажу изданные книги не будут просмотрены и утверждены почтенным и нам любезным одним богословии магистром и одним или двумя докторами и лиценциатами, которые от думы одного города на годовом жалованье содержимы быть имеют.

Если кто сие наше попечительное постановление презрит или против такового нашего указа подаст совет, помощь или благоприятство своим
323 лицом или посторонним, — тем самым подвергает себя осуждению на проклятие, да сверх того лишен быть имеет тех книг и заплатит сто золотых гульденов пени в казну нашу. И сего решения никто без особого повеления да нарушить не дерзает. Дано в замке С. Мартына, во граде нашем Майнце, с приложением печати нашей. Месяца января, в четвертый день 1486 года».

Его же о предыдущем, каким образом отправлять цензуру: «Лета 1486 Бертольд и пр. Почтеннейшим, ученейшим и любезнейшим нам во Христе И. Бертраму богословии, А. Дидриху законоучения, Ф. де Мешпеде врачевания докторам и А. Елеру словесности магистру здравие и к нижеписанному прилежание.

Известившись о соблазнах и подлогах, от некоторых в науках переводчиков и книгопечатников происшедших, и желая оным предварить и заградить путь по возможности, повелеваем, да никто в епархии и области нашей не дерзает переводить книги на немецкой язык, печатать или печатные раздавать, доколе таковые сочинения или книги в городе нашем Майнце не будут рассмотрены вами и, касательно до самой вещи, доколе не будут в переводе и для продажи вами утверждены, согласно с вышеобъявленным указом.

Надеясь твердо на ваше благоразумие и осторожность, мы вам поручаем: когда назначаемые к переводу, печатанию или продаже сочинения или книги к вам принесены будут, то вы рассмотрите их содержание и, если нелегко можно дать им истинной смысл, или могут возродить заблуждения и соблазны, или оскорбить целомудрие, то оные отвергните; те,
325 которые вы отпустите свободными, имеете вы подписать своеручно и именно на конце двое от вас, дабы тем виднее было, что те книги вами просмотрены и утверждены. Богу нашему и государству любезную и полезную должность отправляйте. Дан в замке С. Мартына. 10 января 1486 года».

Рассматривая сие новое по тогдашнему времени законоположение, находим, что оно клонилось более на запрещение, чтобы мало было книг печатано на немецком языке или, другими словами, чтобы народ пребывал всегда в невежестве. На сочинения, на латинском языке писанные, цензура, кажется, не распространялася. Ибо те, которые были сведущи в языке латинском, казалось, были уже ограждены от заблуждения, ему неприступны и, что читали, понимали ясно и некриво*. И так священники хотели,
326 чтобы одни участники их власти были просвещенны, чтобы народ науку

* Сравнить с ним можно дозволение иметь книги иностранные всякого рода и запрещение таковых же на языке народном.

почитал божественного происхождения, превыше его понятия, и не смел бы онья коснуться. И так изобретенное на заключение истины и просвещения в теснейшие пределы, изобретенное недоверяющею властью ко своему могуществу, изобретенное на продолжение невежества и мрака, ныне во дни наук и любомудрия, когда разум отряс несродные ему путы суеверия, когда истина блистает столично паче и паче, когда источник учения протекает до дальнейших отраслей общества, когда старания правительств стремятся на истребление заблуждений и на отверствие беспреткновенных путей рассудку к истине, — постыдное монашеское изобретение трепещущей власти принято ныне повсеместно, укоренено и благою приемлется преградою блуждению. Неистовые! осмотритесь, вы стяжаете превратности 327 дать истине опору, вы заблуждением хотите просвещать народы. Блюдитесь убо, да не возродится тьма. Какая вам польза, что властвовать будете над невеждами, тем паче загрубелыми, что не от недостатка пособий к просвещению невежды пребыли в невежестве природы или паче в естественной простоте, но, сделав уже шаг к просвещению, остановлены в шествии и обращены вспять, во тьму гонимы? Какая в том вам польза бороться самим с собою и исторгать шуйцею, что десницею насадили? Воззрите на веселящееся о сем священство. Вы заранее уже ему служите. Прострите тьму и почувствуйте на себе оковы, — если не всегда оковы священного суеверия, то суеверия политического, не столь хотя смешного, но столь же пагубного.

По счастью, однако же, общества, что не изгнали из областей ваших 328 книгопечатание. Яко древо, во всегдашней весне насажденное, не теряет своей зелени, так орудия книгопечатания остановлены могут быть в действии, но не разрушены.

Папы, уразумев опасность их власти, от свободы печатания родиться могущей, не укоснили законоположить о цензуре, и сие положение пришло силу общего закона на бывшем вскоре потом соборе в Риме. Священный Тиверий, папа Александр VI, первый из пап законоположил о цензуре в 1501 году. Сам согбенный под всеми злодеяниями, не устыдился пещися о непорочности исповедания христианского. Но власть когда краснела! Буллу свою начинает он жалобю на диавола, которой куколь сеет на пшенице, и говорит: «Узнав, что посредством сказанного искусства многие книги и сочинения в разных частях света, наипаче в Кельне, 329 Майнце, Триере, Магдебурге напечатанные, содержат в себе разные заблуждения, учения пагубные, христианскому закону враждебные, и ныне еще в некоторых местах печатаются, желая без отлагательства предварить сей ненавистой язве, всем и каждому сказанного искусства печатникам и к ним принадлежащим и всем, кто в печатном деле обращается в помянутых областях, под наказанием проклятия и денежных пени, определяемой и взыскиваемой почтенными братьями нашими, Кельнским, Майнцким, Триерским и Магдебургским архиепископами или их наместниками в областях их, в пользу апостольской камеры, апостольскою властью наистрожайше запрещаем, чтобы не дерзали книг, сочинений или писаний печатать или отдавать в печать без доклада вышесказанным архиепископам или наместникам и без их особенного и точного безденежно испрошенного дозво- 330

ления; их же совесть обременяем, да прежде, нежели дадут таковое дозволение, назначенное к печатанию прилежно рассмотрят или чрез ученых и православных велят рассмотреть и да прилежно пекутся, чтобы не было печатано противного вере православной, безбожное и соблазн производящего». А дабы прежние книги не соделали более несчастий, то велено было рассмотреть все о книгах реестры и все печатные книги, а которые что-либо содержали противное католическому исповеданию, те сжечь.

О! вы, цензуру учреждающие, вспомните, что можете сравниться с папою Александром VI, и устыдитесь.

В 1515 году Латеранский собор о цензуре положил, чтобы никакая книга не была печатана без утверждения священства.

³³¹ Из предыдущего видели мы, что цензура изобретена священством и ему была единственно присвоена. Сопровождаемая проклятием и денежным взысканием, справедливо в тогдашнее время казаться могла ужасною нарушителю изданных о ней законоположений. Но опровержение Лутером власти папской, отделение разных исповеданий от римския церкви, прения различных властей в продолжение Тридесятилетней войны произвели много книг, которые явились в свет без обыкновенного клейма цензуры. Везде, однако же, духовенство присвоило себе право производить цензуру над изданиями; и когда в 1650 году учреждена была во Франции цензура гражданская, то богословский факультет Парижского университета новому установлению противуречил, ссылаясь, что двести лет он пользовался сим правом.

³³² Скоро по введении* книгопечатания в Англии учреждена цензура. Звездная палата, не меньше ужасная в свое время в Англии, как в Испании инквизиция или в России Тайная канцелярия, определила число печатников и печатных станов; учредила освободителя, без дозволения которого ничего печатать не смели. Жестокости ее против писавших о правительстве несчетны, и история ее оными наполнена. Итак, если в Англии суеверие духовное не в силах было наложить на разум тяжкую узду цензуры, возложена она суеверием политическим. Но то и другое пеклися, да ³³³ власть будет всецела, да очи просвещения покрыты всегда пребудут туманом обаяния и да насилие царствует на счет рассудка.

Со смертью графа Страфорда рушилась Звездная палата; но ни уничтожение сего, ни судебная казнь Карла I не могли утвердить в Англии вольности книгопечатания. Долгой парламент возобновил прежние положения, против ее сделанные. При Карле II и при Якове II они паки возобновлены. Даже по совершении премены в 1692 году узаконение сие подтверждено, но на два только года. Скончавшись в 1694 году, вольность печатания утверждена в Англии совершенно, и цензура, зевнув в последний раз, издохла**.

* Виллиам Какстон, лондонской купец, завел в Англии книгопечатницу при Эдуарде IV в 1474 году. Первая книга, печатанная на аглинском языке, была Рассуждение о шашечной игре, переведенное с французского языка. Вторая — Собрание речений и слов философов, переведенное лордом Риверсом.

** В Дании вольное книгопечатание было мгновенно. Стихи Вольтеровы на сей случай к датскому королю во свидетельство остались, что похвалою даже мудрому законоположению спешить не надлежит.

Американские правительства приняли свободу печатания между пер- 334
вейшими законоположениями, вольность гражданскую утверждающими. Пенсильванская область в основательном своем законоположении, в главе 1, в предложительном объявлении прав жителей пенсильванских, в 12 статье говорит: «народ имеет право говорить, писать и обнародовать свои мнения; следовательно, свобода печатания никогда не долженствует быть затрудняема». В главе 2, о образе правления, в отделении 35: «печатание да будет свободно для всех, кто хочет исследовать положения законодательного собрания или другой отрасли правления». В проекте о образе правления в Пенсильванском государстве, напечатанном, дабы жители оно могли сообщать свои примечания, в 1776 году в июле, отделение 35: «Свобода печатания отверста да будет всем, желающим исследо- 335
вать законодательное правительство, и общее собрание да не коснется оныя никаким положением. Никакой книгопечатник да не потребует к суду за то, что издал в свет примечания, ценения, наблюдения о поступках общего собрания, о разных частях правления, о делах общих или о поведении служащих, поколику оное касается до исполнения их должностей». Делаварское государство в объявлении изъяснительном прав, в 23 статье, говорит: «Свобода печатания да сохраняется будет ненарушимо». Мари-ландское государство в 38 статье теми же словами объясняется. Виргинское в 14 статье говорит сими словами: «Свобода печатания есть наивеличайшая защита свободы государственной».

Книгопечатание до премены 1789 года, во Франции последовавшей, 336
нигде толико стесняемо не было, как в сем государстве. Стоглазый Арг, сторучный Бриарей, парижская полиция свирепствовала против писаний и писателей. В Вастильских темницах томилися несчастные, дерзнувшие оуждать хищность министров и их распутство. Если бы язык французский не был толико употребителен в Европе, не был бы всеобщим, то Франция, стняя под бичем ценсуры, не достигла бы до того величия в мыслях, какое явили многие ее писатели. Но общее употребление французского языка побудило завести в Голландии, Англии, Швейцарии и Немецкой земле книгопечатницы, и все, что явиться не дерзало во Франции, свободно обнародовано было в других местах. Тако сила, кичаяя своими мышцами, осмелена была и не ужасна; тако свирепства пенящиеся челюсти праздно оставилия, и слово твердое ускользало от них непоглощено.

Но дивись несообразности разума человеческого. Ныне, когда во Фран- 337
ции все твердят о вольности, когда необузданность и безначалие дошли до края возможного, ценсура во Франции не уничтожена. И хотя все там печатается ныне невозбранно, но тайным образом. Мы недавно читали, — да восплачут французы о участи своей и с ними человечество! — мы читали недавно, что народное собрание, толико же поступаая самодержавно, как доселе их государь, насильственно взяли печатную книгу и сочинителя оной отдали под суд за то, что дерзнул писать против народного собрания. Лафает был исполнителем сего приговора. О Франция! ты еще хождашь близ Вастильских пропастей.

Размножение книгопечатниц в Немецкой земле, сокрывая от власти орудия оных, отъемлет у нее возможность свирепствовать против рассудка 338

и просвещения. Малые немецкие правления хотя вольности книгопечатания стараются положить преграду, но безуспешно. Векерлин хотя мстящею властью посажен был под стражу, но «Седое чудовище» осталось у всех в руках. Покойной Фридрих II, король прусской, в землях своих печатание сделал почти свободным, — не каким-либо законоположением, но дозволением токмо и образом своих мыслей. Чему дивиться, что он не уничтожил цензуры; он был самодержец, коего любезнейшая страсть была всесилие. Но воздержись от смеха. — Он узнал, что указы, им изданные, некто намерен был, собрав, напечатать. Он и к оным приставил двух цензоров или, правильнее сказать, браковщиков. О властвование! о всесилие! ты мышца своим не доверяешь. Ты боишься собственного своего обвинения, боишься, чтобы язык твой тебя не посрамил, чтобы рука твоя ³³⁹ тебя не заушила! — Но какое добро сии насильствованные цензоры произвести могли? Не добро, а вред. Скрыли они от глаз потомства нелепое какое-либо законоположение, которое на суд будущий власть оставить стыдилась, которое, оставшись явным, было бы, может быть, уздою власти, да не дерзает на уродливое. Император Иосиф II рушил отчасти преграду просвещения, которая в Австрийских наследных владениях, в царствование Марии-Терезии, тяготила рассудок; но не мог он стрясти с себя бремени предрассуждений и предлинное издал о цензуре наставление. Если должно его хвалить за то, что не возбранял опорочивать свои решения, находить в поведении его недостатки и таковые порицания издавать в печати, но похулим его за то, что на свободе в изъяснении мыслей он оставил ³⁴⁰ узду. Сколь легко употребить можно оную во зло! . . * Чему дивиться, скажем и теперь, как прежде: он был царь. Скажи же, в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в царской?

В России. . . Что в России с цензурою происходило, узнаете в другое время. В теперь, не производя цензуры над почтовыми лошадьми, я поспешно отправился в путь.

341

МЕДНОЕ

«Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла, ой люли, люли, люли, люли». . . Хоровод молодых баб и девок — пляшут — подойдем поближе, — говорил я сам себе, развертывая найденные бумаги моего приятеля. — Но я читал следующее. Не мог дойти до хоровода. Уши мои задернулись печалию, и радостный глас нехитростного веселия до сердца моего не проник. О мой друг! где бы ты ни был, внемли и суди.

Каждую неделю два раза вся Российская империя извещается, что Н. Н. или Б. Б. в несостоянии или не хочет платить того, что занял, или взял, или чего от него требуют. Занятое либо проиграно, проезжено, прожито, проедено, пропито, про. . . или раздарено, потеряно в огне или воде,

* В новейших известиях читаем, что наследник Иосифа II намерен возобновить ценсурную комиссию, предместником его уничтоженную.

или Н. Н., или Б. Б. другими какими-либо случаями вошел в долг или под взыскание. То и другое наравне в ведомостях приемлется. — Публикуется: «Сего. . . дня по полуночи в 10 часов, по определению уездного суда или городского магистрата, продаваться будет с публичного торга отставного капитана Г. . . недвижимое имение, дом, состоящий в. . . части, под №. . . и при нем шесть душ мужеского и женского полу; продажа будет при оном доме. Желаящие могут осмотреть заблаговременно».

На дешевое охотников всегда много. Наступил день и час продажи. Покупщики съезжаются. В зале, где она производится, стоят неподвижны на продажу осужденные. Старик лет в 75, опершись на вязовой дубинке, жаждет угадать, кому судьба его отдаст в руки, кто закроет его глаза. С отцем господина своего он был в Крымском походе при фельдмаршале Минихе; в Франкфуртскую баталию он раненого своего господина унес на плечах из строя. Возвратясь домой, был дядькою своего молодого барина. Во младенчестве он спас его от утопления, бросясь за ним в реку, куда сей упал, переезжая на пароме, и с опасностью своей жизни спас его. В юности выкупил его из тюрьмы, куда посажен был за долги в беглость свою в гвардии унтер-офицером. — Старуха 80 лет, жена его, была кормилицею матери своего молодого барина; его была нянькою и имела налзирание за домом до самого того часа, как выведена на сие торжище. Во все время службы своей ничего у господ своих не утратила, ничем не покорывалась, никогда не лгала, а если иногда им досадила, то разве своим праводушием. — Женщина лет в 40, вдова, кормилица молодого своего барина. И доднес чувствует она еще к нему некоторую нежность. В жилах его льется ее кровь. Она ему вторая мать, и ей он более животом своим обязан, нежели своей природной матери. Сия зачала его в веселии, о младенчестве его не радела. Кормилица и нянька его были его воспитательницы. Они с ним расстаются, как с сыном. — Молодица 18 лет, дочь ее и внучка стариков. Зверь лютый, чудовище, изверг! Посмотри на нее, посмотри на румяные ее ланиты, на слезы, лиющияся из ее прелестных очей. Не ты ли, не возмощи прельщением и обещаниями уловить ее невинности, ни устрашить ее непоколебимости угрозами и казнию, наконец употребил обман, обвенчав ее за спутника твоих мерзостей и в виде его наслаждался веселием, которого она делить с тобой гнушалася. Она узнала обман твой. Венчанной с нею не коснулся более ее ложа, и ты, лишен став твоя утехы, употребил насилие. Четыре злодея, исполнители твоея воли, держа руки ее и ноги. . . но сего не окончаем. На челе ее скорбь, в глазах отчаяние. Она держит младенца, плачевный плод обмана или насилия, но живой слепок прелюбодейного его отца. Родив его, позабыла отцево зверство, и сердце начало чувствовать к нему нежность. Она боится, чтобы не попасть в руки ему подобного, — Младенец. . . Твой сын, варвар, твоя кровь. Или думаешь, что где не было обряда церковного, тут нет и обязанности? Иль думаешь, что данное по приказанию твоему благословение наемным извещателем слова божия сочтование их утвердило, иль думаешь, что насильственное венчание во храме божием может назваться союзом? Всесильный мерзит принуждением, он услаждается желаниями сердечными. Они одни непорочны. О! колико между нами прелюбодейств и растле-

³⁴⁶ ний совершается во имя отца радостей и утешителя скорбей при его свидетелях, недостойных своего сана. — Дитина лет в 25, венчанной ее муж, слутник и наперсник своего господина. Зверство и мщение в его глазах. Раскаявается о своих к господину своему угождениях. В кармане его нож; он его схватил крепко; мысль его отгадать нетрудно. . . Бесплодное рвение. Достанешься другому. Рука господина твоего, носящаяся над главою раба непрестанно, согнет выю твою на всякое угождение. Глад, стужа, зной, казнь — все будет против тебя. Твой разум чужд благородных мыслей. Ты умереть не умеешь. Ты склонись и будешь раб духом, как и состоянием. А если бы восхотел противиться, умрешь в оковах томною смертью. Судии между вами нет. Не захочет мучитель твой сам тебя наказывать.

³⁴⁷ Он будет твой обвинитель. Отдаст тебя градскому правосудию. — Правосудие! — где обвиняемый не имеет почти власти оправдаться. — Пройдем мимо других несчастных, выведенных на торжище.

Едва ужасоносный молот испустил тупой свой звук и четверо несчастных узнали свою участь, — слезы, рыдание, стон пронзили уши всего собрания. Наитвердейшие были тронуты. Окаменелые сердца! почто бесплодное соблезнование! О квакеры! если бы мы имели вашу душу, мы бы сложились и, купив сих несчастных, даровали бы им свободу. — Жив многие лета в объятиях один другого, несчастные сии к поносной продаже восчувствуют тоску разлуки. Но если закон, иль, лучше сказать, обычай варварской, ибо в законе того не писано, дозволяет толикое человечеству посмеяние, какое право имеете продавать сего младенца? Он незаконно-

³⁴⁸ рожденной. Закон его освобождает. Пойдите, я буду доноситель; я избавлю его. Если бы с ним мог спасти и других! О счастье! почто ты так обидело меня в твоём разделе? Днесь жажду вкусити прелестного твоего взора, впервые ощущать начинаю страсть с богатству. — Сердце мое столь было стеснено, что, выскочив из среды собрания и отдав несчастным последнюю гривну из кошелька, побежал вон. На лестнице встретился мне один чужестранец, мой друг. — Что тебе сделалось? ты плачешь! — Возвратись, — сказал я ему, — не будь свидетелем срамного позорища. Ты проклинал некогда обычай варварской в продаже черных невольников в отдаленных селениях твоего отечества; возвратись, — повторил я, — не будь свидетелем нашего затмения и да не возвестиши стыда нашего твоим согражданам, беседуя с ними о наших нравах. — Не могу сему я верить, —

³⁴⁹ сказал мне мой друг, — невозможно, чтобы там, где мыслить и верить дозволяется всякому кто как хочет, столь постыдное существовало обыкновенное. — Не дивись, — сказал я ему, — установление свободы в исповедании обидит одних попов и чернецов, да и те скорее пожелаю приобрести себе овцу, нежели овцу во Христово стадо. Но свобода сельских жителей обидит, как то говорят, право собственности. А все те, кто бы мог свободе поборствовать, все великие отчинники, и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения.

ТВЕРЬ

350

— Стихотворство у нас, — говорил товарищ мой трактирного обеда, — в разных смыслах как оно приемлется, далеко еще отстоит величия. Поэзия было пробудилась, но ныне паки дремлет, а стихосложение шагнуло один раз и стало в пень.

Ломоносов, уразумев смешное в польском одеянии наших стихов, снял с них несродное им полукафтанье. Подав хорошие примеры новых стихов, надел на последователей своих узду великого примера, и никто доселе отшатнуться от него не дерзнул. По несчастию, случилось, что Сумароков в то же время был; и был отменной стихотворец. Он употреблял стихи по примеру Ломоносова, и ныне все вслед за ними не воображают, чтобы другие стихи быть могли, как ямбы, как такие, какими писали сии³⁵¹ оба знаменитые мужи. Хотя оба сии стихотворцы преподавали правила других стихосложений, а Сумароков и во всех родах оставил примеры, но они столь маловажны, что ни от кого подражания не заслужили. Если бы Ломоносов предложил Иова или псалмопевца дактилями или если бы Сумароков «Семиру» или «Димитрия» написал хорейми, то и Херасков вздумал бы, что можно писать другими стихами опрочь ямбов, и более бы славы в осмилетнем своем приобрел труде, описав взятие Казани свойственным эпопее стихосложением. Не дивлюсь, что древний треух на Вергилия надет ломоносовским покроем; но желал бы я, чтобы Омир между нами не в ямбах явился, но в стихах, подобных его, ексаметрах, и Костров, хотя не стихотворец, а переводчик, сделал бы эпоху в нашем стихосложении, ускорив шествие самой поэзии целым поколением.

352

Но не одни Ломоносов и Сумароков остановили российское стихосложение. Неутомимой возовик Тредиаковский немало к тому способствовал своею «Телемахидою». Теперь дать пример нового стихосложения очень трудно, ибо примеры в добром и худом стихосложении глубокий пустили корень. Парнас окружен ямбами, и рифмы стоят везде на карауле. Кто бы ни задумал писать дактилями, тому тотчас Тредиаковского приставят дядькою, и прекраснейшее дитя долго казаться будет уродом, доколе не родится Мильтона, Шекеспира или Вольтера. Тогда и Тредиаковского выроют из поросшей мхом забвения могилы, в «Телемахиде» найдутся добрые стихи и будут в пример поставляемы.

Долго благой перемене в стихосложении препятствовать будет привык-³⁵³шее ухо ко краесловию. Слышав долгое время единоголасное в стихах окончание, безрифмие покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будет, доколе французской язык будет в России больше других языков в употреблении. Чувства наши, как гибкое и молодое дерево, можно вырастить прямо и криво, по произволению. Сверх же того в стихотворении так, как и во всех вещах, может господствовать мода, и если она хотя несколько имеет в себе естественного, то принята будет без прекословия. Но все модное мгновенно, а особливо в стихотворстве. Блеск наружный может заржаветь, но истинная красота не поблекнет никогда. Омир, Вергилий, Мильтон, Расин, Вольтер, Шекеспир, Тассо и многие другие чины будут, доколе не истребится род человеческий.

354 Излишним почитаю я беседовать с вами о разных стихах, российскому языку свойственных. Что такое ямб, хорей, дактиль или анапест, всяк знает, если немного кто разумеет правила стихосложения. Но то бы было не излишнее, если бы я мог дать примеры в разных родах достаточные. Но силы мои и разумение коротки. Если совет мой может что-либо сделать, то я бы сказал, что российское стихотворство, да и сам российской язык, гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворных сочинений делали не всегда ямбами. Гораздо бы эпической поэме свойственнее было, если бы перевод «Генриады» не был в ямбах, а ямбы некраесловные хуже прозы.

Все вышесказанное изрек пирной мой товарищ одним духом и с толикою поворотливостью языка, что я не успел ничего ему сказать на возражение, хотя много кой-чего имел на защищение ямбов и всех тех, которые ими писали.

355 — Я и сам, — продолжал он, — заразительно последовал примеру и сочинял стихи ямбами, но то были оды. Вот остаток одной из них, все прочие сгорели в огне; да и оставшуюся та же ожидает участь, как и сестра ее постигшая. В Москве не хотели ее напечатать по двум причинам: первая, что смысл в стихах неясен и много стихов топорной работы, другая, что предмет стихов несвойствен нашей земле. Я еду теперь в Петербург просить о издании ее в свет, ласкаясь, яко нежной отец своего дитяти, что ради последней причины, для коей ее в Москве печатать не хотели, снисходительно воззрят на первую. Если вам не в тягость будет прочесть некоторые строфы, — сказал он мне, подавая бумагу. — Я ее развернул и читал следующее: — Вольность. . . Ода. . . — За одно название отка-

356 зали мне издание сих стихов. Но я очень помню, что в Наказе о сочинении нового уложения, говоря о вольности, сказано: «вольностию называть должно то, что все одинаковым повинуются законам». Следственно, о вольности у нас говорить вместно.

1

О! дар небес благословенный,
 Источник всех великих дел;
 О вольность, вольность, дар бесценный!
 Позволь, чтоб раб тебя воспел.
 Исполни сердце твоим жаром,
 В нем сильных мышц твоих ударом
 Во свет рабства тьму претвори,
 Да Брут и Телль еще проснутся,
 Седей во власти да смятутся
 От гласа твоего цари.

357 Сию строфу обвинили для двух причин; за стих «во свет рабства тьму претвори». Он очень туг и труден на изречение ради частого повторения буквы Т и ради соития частого согласных букв, «бства тьму претв.», — на десять согласных три гласных, а на российском языке толико же можно писать сладостно, как и на итальянском. . . Согласен. . . хотя иные почитали стих сей удачным, находя в негладкости стиха изобразительное вы-

ражение трудности самого действия. Но вот другой: «да смятутся от гласа твоего царя». Желать смятения царю есть то же, что желать ему зла; следовательно. . . Но я не хочу вам наскучить всеми примечаниями, на стихи мои сделанными. Многие, признаюсь, из них были справедливы. Позвольте, чтобы я вашим был чтецом.

2

Я в свет ишел, и ты со мною. . .

Сию строфу пройдем мимо. Вот ее содержание: Человек во всем от рождения свободен. . .

3

358

Но что ж претит моей свободе?
Желаньям зрю везде предел;
Возникла обща власть в народе,
Соборной всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единомудрно;
Для пользы общей нет препон.
Во власти всех своей зрю долю,
Свою творю, творя всех волю, —
Вот что есть в обществе закон.

4

В середине злачныя долины,
Среди тягченных жатвой нив,
Где нежны процветают крины,
Средь мирных под сеньми олив,
Пароска мрамора белее,
Яснейша дня лучей светлее,
Стоит прозрачный всюду храм;
Там жертва лжива не курится,
Там надпись пламенная зрится:
«Конец невинности бедам».

5

359

Оливной ветвию венчанно,
На твердом камени седяй,
Безжалостно и хладноравно,
Глухое божество

и пр.; изображается закон в виде божества во храме, коего стражи суть истина и правосудие.

6

Возводит строгие зеницы,
Льет радость, трепет вкруг себя;
Равно на все взирает лица,

Ни ненависть, ни любя.
Он лести чужд, лицепрятства,
Породы, знатности, богатства,
Гнушаясь жертвенных тли;
Родства не знает, ни приязни,
Равно делит и мзду, и казни;
Он образ божий на земли.

7

360

И се чудовище ужасно,
Как гидра, сто имея глав,
Умильно и в слезах всечасно,
Но полны челюсти отрав.
Земные власти попирает,
Главою неба достязает.
Его отчизна там, — гласит;
Призраки, тьму повсюду сеет,
Обманывать и льстить умеет
И слепо верить всем велит.

8

Покрывши разум темнотою,
И всюду вея ползкий яд. . .

Изображение священного суеверия, отъемлющего у человека чувствительность, влекущее его в ярем порабощения и заблуждения, во броню его облекшее:

Бояться истины велел. . .

Власть называет оное изветом божества; рассудок — обманом.

9

Возрیم мы в области обширны,
Где тусклой трон стоит рабства. . . .

361

В мире и тишине суеверие священное и политическое, подкрепляя друг друга,

Союзно общество гнетут;
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится;
На пользу общую, — рекут.

10

Покоя рабского под сенью
Плодов златых не возрастет;
Где все ума претит стремленью,
Великость там не прозябет.

И все злые следствия рабства, как-то: беспечность, леность, коварство, голод и пр.

11

Чело надменное вознеси,
Схватив железный скипетр, царь,
На громном троне властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея:
«По воле, — рек, — щажу злодея;
Я властью могу дарить;
Где я смеюсь, там все смеется;
Нахмурюсь грозно — все смятется;
Живешь тогда, велю коль жить».

362

12

И мы внимаем хладнокровно. . .

как алчной змий, ругаяся всем, отравляет дни веселия и утех. Но, хотя
вокруг твоего престола все стоят преклонше колена, — трепещи, се мсти-
тель грядет, прорица я вольность. . .

13

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, веаде сверкает,
В различных видах смерть летает,
Над гордою главою паря.
Ликуйте, склепанны народы:
Се право мщенье природы
На плаху возвело царя.

363

14

И ноци се завесу лживой
Со треском мощно разодрав,
Кичливой власти и строптивой
Огромной истукан поправ,
Сковав сторучна исполина,
Влечет его, как гражданина,
К ир столу, гд' народ воссел:
«Преступник власти, мною данной!
Вещай, злодей, мною венчанной,
Против меня восстать как смел?»

15

Тебя облек я во порфиру
Равенство в обществе блюсти,
Вдовицу призирать и сиру,
От бед невинность чтоб спасти,
Отцем ей быть чадолюбивым,
Но мстителем непримиримым
Пороку, лже и клевете;
Заслуги честью награждати,
Устройством зло предупреждати,
Хранити нравы в чистоте.

364

16

Покрыв я море кораблями. . .

Дал способ к приобретению богатств и благоденствия. Желал я, чтобы земледелец не был пленник на своей ниве и тебя бы благословлял. . .

17

Своих кровей я без пощады
Гремящую воздвигнул рать;
Я медны изваял громады,
Злодеев внешних чтоб карать.
Тебе велел повиноваться,
С тобою к славе устремляться.
Для пользы всех мне можно все.
Земные недра раздираю,
Металл блестящий извлекаю
На украшение твое.

18

365

Но ты, забыв мне клятву данну,
Забыв, что я избрал тебя,
Себе в утеху быть венчанну,
Возмнил, что ты господь, не я,
Мечем мои расторг уставы;
Безгласными поверг все правы,
Стыдиться истине велел;
Расчистил мерзостям дорогу,
Взывать стал не ко мне, но к богу,
А мной гнущаться восхотел.

19

Кровавым потом доставая
Плод, кой я в пищу насадил,
С тобою крохи разделяя,
Своей натуги не щадил.
Тебе сокровищей всех мало!
На что ж, скажи, их недостало,
Что рубище с меня сорвал?
Дарить любимца, полна лести!
Жену, чуждающуюся чести!
Иль злато богом ты признал?

20

366

В отличность знак изобретенный
Ты начая наглости дарить;
В злодея меч мой изощренный
Ты стал невинности сулить.
Сгруженные полки в защиту
На брань ведешь ли знамениту
За человечество карать?
В кровавых борешься долинах,
Дабы, упившись в Афинах:
Ирею! — зевая, могли сказать.

21

Злодей, злодеев всех лютейший. . .

Ты все совокупил злодеяния и жало свое в меня устремил. . .

Умри! умри же ты стократ!» —

Народ вещал. . .

22

Великий муж, коварства полный,
 Ханжа, и льстец, и святотать,
 Един ты в свет столь благотворный
 Пример великий мог подать.
 Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
 Что, власть в руке своей имея,
 Ты твердь свободы сокрушил;
 Но научил ты в род и роды,
 Как могут мстить себя народы:
 Ты Карла на суде казнил.

23

367

И се глас вольности раздается во все концы. . .

На вече весь течет народ,
 Престол чугунный разрушает,
 Самсон как древле сотрясает
 Исполненный коварств чертог;
 Законом строит твердь природы;
 Велик, велик ты, дух свободы,
 Зиждителен, как сам есть бог!

24

В следующих одиннадцати строфах заключается описание царства
 свободы и действия ее; то есть сохранность, спокойствие, благоденствие,
 величие. . .

34

Но страсти, изощряя злѳбу. . .

превращают спокойствие граждан в пагубу. . .

Отца на сына воздвигают,
 Союзы брачны раздирают,

и все следствия безмерного желанья властвовать. . .

35, 36, 37

368

Описание пагубных следствий роскоши. Междоусобии. Гражданская
 брань. Марий, Сулла, Август. . .

Тревожну вольность усыпил.
 Чугунный скиптр обвил цветами. . .

Следствие того — порабощение. . .

38, 39

Таков есть закон природы: из мучительства рождается вольность, из вольности рабство. . .

40

На что сему дивиться, — и человек рождается на то, чтобы умереть. . .
Следующие 8 строф содержат прорицания о будущем жребии отечества, которое разделится на части, и тем скорее, чем будет пространнее. Но ³⁶⁹ время еще не пришло. Когда же оно наступит, тогда

Встрещат заклепы тяжкой ночи.

Упругая власть при издыхании приставит стражу к слову и соберет все свои силы, дабы последним махом раздавить возникающую вольность. . .

49

Но человечество возревет в оковах и, направляемое надеждою свободы и неистребимым природы правом, двинется. . . И власть приведена будет в трепет. Тогда всех сил сложение, тогда тяжелая власть

Развеется в одно мгновенье.
О день, избраннейший всех дней!

50

Мне слышится уж глас природы,
Начальный глас, глас божества.

Мрачная твердь позыбнулась, и вольность воссияла.

— Вот и конец, — сказал мне новомодной стихотворец.

Я очень тому порадовался и хотел было ему сказать, может быть, неприятное на стихи его возражение, но колокольчик возвестил мне, что в дороге складнее поспешать на почтовых клячах, нежели карабкаться на Пегаса, когда он с норвом.

370

ГОРОДНЯ

Въезжая в сию деревню, не стихотворческим пением слух мой был уда-ряем, но пронзающим сердца воплем жен, детей и старцев. Встав из моей кибитки, отпустил я ее к почтовому двору, любопытствуя узнать причину приметного на улице смятения.

Подошел к одной куче, узнал я, что рекрутской набор был причиною рыдания и слез многих толпящихся. Из многих селений казенных и помещичьих сошлись отправляемые на отдачу рекруты.

В одной толпе старуха лет пятидесяти, держа за голову двадцатилетнего парня, вопила: — Любезное мое дитетко, на кого ты меня покидаешь?

Кому ты поручаешь дом родительской? Поля наши порастут травой, мохом — наша хижина. Я, бедная престарелая мать твоя, скитаться должна по миру. Кто согреет мою дряхлость от холода, кто укроет ее от зноя? Кто напоит меня и накормит? Да все то не столь сердцу тягостно: кто закроет мои очи при издыхании? Кто примет мое родительское благословение? Кто тело предаст общей нашей матери, сырой земле? Кто придет вспомнить меня над могилою? Не канет на нее твоя горячая слеза; не будет мне отрады той.

Подле старухи стояла девка уже взрослая. Она так же вопила: — Прости, мой друг сердечной, прости, мое красное солнушко. Мне, твоей невесте нареченной, не будет больше утехи, ни веселья. Не позавидуют мне подруги мои. Не взойдет надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь ни вдовою, ни мужнею женою. Хотя бы бесчеловечные наши старосты хоть дали бы нам обвенчаться; хотя бы ты, мой милой друг, хотя бы одну уснул ноченьку, уснул бы на белой моей груди. Авось ли бы бог меня помиловал и дал бы мне паренька на утешение.

Парень им говорил: — Перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зовет нас государь на службу. На меня пал жеребей. Воля божия. Кому не умирать, тот жив будет. Авось-либо я с полком к вам приду. Авось-либо дослужуся до чина. Не крушися, моя матушка родимая. Береги для меня Прасковьюшку. — Рекрута сего отдавали из экономического селения.

Совсем другого рода слова вял слух мой в близстоящей толпе. Среди оной я увидел человека лет тридцати, посредственного роста, стоящего бодро и весело на окрест стоящих взирающего.

— Услышал господь молитву мою, — вещал он. — Достигли слезы несчастного до утешителя всех. Теперь буду хотя знать, что жребий мой зависеть может от доброго или худого моего поведения. Доселе зависел он от своенравия женского. Одна мысль утешает, что без суда батожьем наказан не буду!

Узнав из речей его, что он господской был человек, любопытствовал от него узнать причину необыкновенного удовольствия. На вопрос мой о сем он отвечал: — Если бы, государь мой, с одной стороны поставлена была виселица, а с другой глубокая река и, стоя между двух гибелей, неминуемо бы должно было идти направо или налево, в петлю или в воду, что избрали бы вы, чего бы заставил желать рассудок и чувствительность? Я думаю, да и всякой другой избрал бы броситься в реку, в надежде, что, преплыв на другой берег, опасность уже минется. Никто не согласился бы испытать, тверда ли петля, своей шеею. Таков мой был случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы тем и конец был, но умирать томною смертию, под батожьем, под кошками, в кандалах, в погребе, нагу, босу, алчущу, жаждущу, при всегдашнем поругании; государь мой, хотя холопей считаете вы своим именем, нередко хуже скотов, но, к несчастью их горчайшему, они чувствительности не лишены. Вам удивительно, вижу я, слышать таковые слова в устах крестьянина; но, слышав их, для чего не удивляетесь жестокосердию своей собратии, дворян.

И поистине не ожидал я сказанного от одетого в смурой кафтан с брытым лбом. Но, желая удовлетворить моему любопытству, я просил его, чтобы он уведомил меня, как, будучи толь низкого состояния, он достиг 375 понятий, недостающих нередко в людях, несвойственно называемых благородными.

— Если вы не поскучаете слышать моей повести, то я вам скажу, что я родился в рабстве: сын дядьки моего бывшего господина. Сколь восхищаюсь я, что не назовут уже меня Ванькою, ни поносительным именованием, ни позыва не сделают свистом. Старой мой барин, человек добросердечной, разумной и добродетельной, нередко рыдавший над участию своих рабов, хотел за долговременные заслуги отца моего отличить и меня, дав мне воспитание наравне с своим сыном. Различия между нами почти не было, разве только то, что он на кафтане носил сукно моего потоне. Чему учили молодого боярина, тому учили и меня; наставления нам во всем были одинаковы, и без хвастовства скажу, что во многом я лучше успел своего молодого господина.

376 — Ванюша, — говорил мне старой барин, — счастье твое зависит совсем от тебя. Ты более к учености и нравственности имеешь побуждений, нежели мой сын. Он по мне будет богат и нужды не узнает, а ты с рождения с нею познакомился. Итак, старайся быть достоин моего о тебе попечения. — На семнадцатом году возраста молодого моего барина отправлен был он и я в чужие края с надзирателем, коему предписано было меня почитать сопутником, а не слугою. Отправляя меня, старой мой барин сказал: мне: — Надеюсь, что ты возвратишься к утешению моему и своих родителей. Раб ты в пределах сего государства, но вне оных ты свободен. Возвратясь же в оное, уз, рождением твоим на тебя наложенных, ты не обрящешь. — Мы отсутственны были пять лет и возвращались в Россию; 377 молодой мой барин в радости видеть своего родителя, а я, признаюсь, ласкаясь пользоваться сделанным мне обещанием. Сердце трепетало, вступая опять в пределы моего отечества. И поистине предчувствие его было не ложно. В Риге молодой мой господин получил известие о смерти своего отца. Он был оною тронут, я приведен в отчаяние. Ибо все мои старания приобрести дружбу и доверенность молодого моего барина всегда были тщетны. Он не только меня не любил, из зависти, может быть, тесным душам свойственной, но ненавидел.

Приметив мое смятение, известием о смерти его отца произведенное, он мне сказал, что сделанное мне обещание не позабудет, если я того буду достоин. В первый раз он осмелился мне сие сказать, ибо, получив свободу смерти своего отца, он в Риге же отпустил своего надзирателя, заплатив ему за труды его щедро. Справедливость надлежит отдать бывшему 378 моему господину, что он много имеет хороших качеств, но робость духа и легкомыслие оные помрачают.

Через неделю после нашего в Москву приезда бывший мой господин влюбился в изрядную лицом девицу, но которая с красотою телесною соединяла скарднейшую душу и сердце жестокое и суровое. Воспитанная в надменности своего происхождения, отличию почитала только внешность, знатность, богатство. Через два месяца она стала супруга моего барина и

моя повелительница. До того времени я не чувствовал перемены в моем состоянии, жил в доме господина моего как его сотоварищ. Хотя он мне ничего не приказывал, но я предупреждал его иногда желанием, чувствуя его власть и мою участь. Едва молодая госпожа переступила порог дому, в котором она определялася начальствовать, как я почувствовал тягость моего жребия. Первой вечер по свадьбе и следующий день, в которой я ей представлен был супругом ее как его сотоварищ, она занята была обыкновенными заботами нового супружества; но ввечеру, когда при довольно многолюдном собрании пришли все к столу и сели за первый ужин у новобрачных, и я, по обыкновению моему, сел на моем месте на нижнем конце, то новая госпожа сказала довольно громко своему мужу: если он хочет, чтоб она сидела за столом с гостями, то бы холопей за оной не сажал. Он, взглянув на меня и движим уже ею, прислал ко мне сказать, чтобы я из-за стола вышел и ужинал бы в своей горнице. Вообразите, koliko чувствительно мне было сие уничижение. Я, скрыв, однако же, испускающие из глаз моих слезы, удалился. На другой день не смел я показаться. Не наведываясь обо мне, принесли мне обед мой и ужин. То же было и в следующие дни. Чрез неделю после свадьбы, в один день, после обеда, новая госпожа, осматривая дом и распределяя всем служителям должности и жилище, зашла в мои комнаты. Они для меня уготованы были старым моим барином. Меня не было дома. Не повторю того, что она говорила, будучи в оных, мне в посмеяние, но, возвратясь домой, мне сказала ее приказ, что мне отведен угол в нижнем этаже, с холостыми официантами, где моя постеля, сундук с платьем и бельем уже поставлены; все прочее она оставила в прежних моих комнатах, в коих поместила своих девок.

Что в душе моей происходило, слыша сие, удобнее чувствовать, если кто может, нежели описать. Но дабы не занимать вас излишним, может быть, повествованием, госпожа моя, вступив в управление дома и не находя во мне способности к услуге, поверстала меня в лакеи и надела па меня ливрею. Малейшее мнимое упущение сея должности влекло за собою пощечины, батожье, кошки. О государь мой, лучше бы мне не родиться! Колико крат негодовал я на умершего моего благодетеля, что дал мне душу на чувствование. Лучше бы мне было возрасти в невежестве, не думав никогда, что есмь человек, всем другим равный. Давно бы, давно бы избавил себя ненавистной мне жизни, если бы не удерживало прещение вышнего над всеми судии. Я определил себя сносить жребий мой терпеливо. И сносил не токмо уязвления телесные, но и те, коими она уязвляла мою душу. Но едва не преступил я своего обета и не отъял у себя томные остатки плачевного жития при случившемся новом души уязвлении.

Племянник моей барыни, молодец осмнадцати лет, сержант гвардии, воспитанный во вкусе московских щегольков, влюбился в горнишную девку своей тетушки и, скоро овладев опытною ее горячностью, сделал ее матерью. Сколь он ни решителен был в своих любовных делах, но при сем происшествии несколько смутился. Ибо тетушка его, узнав о сем, запретила вход к себе своей горнишной, а племянника побранила слегка. По обыкновению милосердых господ, она намерилась наказать ту, которую жаловала прежде, выдав ее за конюха замуж. Но как все они бжили

уже женаты, а беременной для славы дома надобен был муж, то хуже меня из всех служителей не нашла. И о сем госпожа моя в присутствии своего
383 супруга мне возвестила яко отменную мне милость. Не мог я более терпеть поругания. — Бесчеловечная женщина! во власти твоей состоит меня мучить и уязвлять мое тело; говорите вы, что законы дают вам над нами сие право. Я и сему мало верю; но то твердо знаю, что вступать в брак никто принужден быть не может. — Слова мои произвели в ней зверское молчание. Обратясь потом к супругу ее: — Неблагодарный сын человеколюбивого родителя, забыл ты его завещание, забыл и свое изречение; но не доводи до отчаяния души, твоя благороднейшей, страшись! — Более сказать я не мог, ибо по повелению госпожи моей отведен был на конюшню и сечен нещадно кошками. На другой день едва я мог встать от побоев с постели; и паки приведен был пред госпожу мою. — Я тебе прощу, — говорила она, — твою вчерашнюю дерзость; женись на моей Маврушке,
384 она тебя просит, и я, любя ее в самом ее преступлении, хочу это для нее сделать. — Мой ответ, — сказал я ей, — все слышали вчера, другого не имею. Присовокуплю только то, что просить на вас буду начальство в принуждении меня к тому, к чему не имеете права. — Ну, так пора в солдаты, — вскричала яростно моя госпожа. . . — Потерявший путешественник в страшной пустыне свою стезю меньше обрадуется, сыскав опять оную, нежели обрадован был я, услышав сии слова. — В солдаты, — повторила она, и на другой день то было исполнено. — Несмысленная! она думала, что так, как и поселянам, поступление в солдаты есть наказание. Мне было то отрада, и как скоро мне выбрили лоб, то я почувствовал, что я переродился. Силы мои обновились. Разум и дух паки начали действовать. О! надежда, сладостное несчастному чувство, пребуди
385 во мне. — Слеза тяжкая, но не слеза горести и отчаяния иссушила из очей его. — Я прижал его к сердцу моему. Лице его новым озарилось веселием. — Не все еще исчезло, ты вооружаешь душу мою, — вещал он мне, — против скорби, дав чувствовать мне, что бедствие мое не бесконечно. . .

От сего несчастного я подошел к толпе, среди которой увидел трех скотанных человек крепчайшими железамы. — Удивления достойно, — сказал я сам себе, взирая на сих узников, — теперь унылы, томны, робки, не токмо не желают быть воинами, но нужна даже величайшая жестокость, дабы вместить их в сие состояние; но, обывнув в сем тяжком во исполнении звании, становятся бодры, предприимчивы, гнушаяся даже прежнего своего состояния. — Я спросил у одного близстоящего, которой по одежде
386 своей приказным служителем быть казался: — Конечно, бояся их побегу, заключили их в толь тяжкие оковы? — Вы отгадали. Они принадлежали одному помещику, которому занадобились деньги на новую карету, и для получения оной он продал их для отдачи в рекруты казенным крестьянам.

Я. Мой друг, ты ошибаешься, казенные крестьяне покупать не могут своей братии.

Он. Не продажею оно и делается. Господин сих несчастных, взяв по договору деньги, отпускает их на волю; они, будто по желанию, приписываются в государственные крестьяне к той волости, которая за них платила

деньги, а волюсь по общему приговору отдает их в солдаты. Их везут теперь с отпускными для приписания в нашу волюсь.

Вольные люди, ничего не преступившие, в оковах, продаются как скоты! О законы! премудрость ваша часто бывает только в вашем слоге! ³⁸⁷ Не явное ли се вам посмеяние? Но паче еще того посмеяние священного имени вольности. О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ и кровию нашею обагрили нивы свои! что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулись великие мужи для заступления избитого племени, но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены. — Не мечта сие, но взор пронизает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие. — С негодованием отошел я от толпы.

Но склепанные узники теперь вольны. Если бы хотя немного имели твердости, утщетили бы удручительные помыслы своих тиранов. . . Возвратимся. . . — Друзья мои, — сказал я пленникам в отечестве ³⁸⁸ своем, — ведаете ли вы, что, если вы сами не желаете вступить в воинское звание, никто к тому вас теперь принудить не может. — Перестань, барин, шутить над горькими людьми. И без твоей шутки больно было расставаться одному с дряхлым отцом, другому с малолетними сестрами, третьему с молодою женою. Мы знаем, что господин нас продал для отдачи в рекруты за тысячу рублей. — Если вы до сего времени не ведали, то ведайте, что в рекруты продавать людей запрещается; что крестьяне людей покупать не могут; что вам от барина дана отпускная; и что вас покушники ваши хотят приписать в свою волюсь, будто по вашей воле. — О, если так, барин, то спасибо тебе; когда нас поставят в меру, то все скажем, что мы в солдаты не хотим и что мы вольные люди. — Прибавьте к тому, что ³⁸⁹ вас продал ваш господин не в указное время и что отдают вас насильным образом *. — Легко себе вообразить можно радость, распростершуюся на лица сих несчастных. Вспрынув от своего места и бодро потрясая свои оковы, казалось, что испытывают свои силы, как бы их свергнуть. Но разговор сей ввел было меня в великие хлопоты; отдатчики рекрутские, вразумев моей речи, воспаленные гневом, прискочив ко мне, говорили: — Барин, не в свое мешаешься дело, отойди пока сух, — и сопротивляющегося начали меня толкать столь сильно, что я с поспешностию принужден был удалиться от сея толпы.

Подходя к почтовому двору, нашел я еще собрание поселян, окружающего человека в разодранном сюртуке, несколько, казалось, пьяного, крив- ³⁹⁰ воющего на предстоящих, которые, глядя на него, хохотали до слез. — Что тут за чудо, — спросил я у одного мальчика, — чему вы смеетесь? — А вот рекрут иноземец, по-русски не умеет пикнуть. — Из редких слов, им изреченных, узнал я, что он был француз. Любопытство мое паче возбудилось, и желал узнать, как иностранец мог отдаваем быть в рекруты крестьянами? Я спросил его на сродном ему языке: — Мой друг, какими судьбами ты здесь находишься?

* Во время рекрутского набора запрещается в продаже крестьян совершать купчи.

Француз. Судьбе так захотелось: где хорошо, тут и жить должно.

Я. Да как ты попался в рекруты?

Фран(цуз). Я люблю воинскую жизнь, мне она уже известна, я сам захотел.

391 Я. Но как то случилось, что тебя отдают из деревни в рекруты? Из деревень берут в солдаты обыкновенно одних крестьян, и русских, а ты, я вижу, не мужик и не русской.

Фран(цуз). А вот как. Я в Париже с ребячества учился перукмахерству. Выехал в Россию с одним господином. Чесал ему волосы в Петербурге целой год. Ему мне заплатить было нечем. Я, оставав его, не нашед места, чуть не умер с голоду. По счастью, мог попасть в матрозы на корабль, идущий под российским флагом. Прежде отправления в море приведен я к присяге как российской подданной и отправился в Любек. На море часто корабельщик бил меня линьком за то, что был ленив. По неосторожности моей упал с вантов на палубу и выломил себе три пальца, что **392** меня навсегда сделало неспособным управлять гребнем. Приехав в Любек, попался прусским наборщикам и служил в разных полках. Нередко за лень и пьянство бит был палками. Заколов, будучи пьяной, своего товарища, ушел из Мемеля, где я находился в гарнизоне. Вспомнил, что я обязан в России присягнуть; и, яко верной сын отечества, отправился в Ригу с двумя талерами в кармане. Дорогою питался милостынею. В Риге счастье и искусство мое мне послужили; выиграл в шинке рублей с двадцать и, купив себе за десять изрядной кафтан, отправился лакеем с казанским купцом в Казань. Но, проезжая Москву, встретился на улице с двумя моими земляками, которые советовали мне оставить хозяина и искать в Москве учительского места. Я им сказал, что худо читать умею. Но они **393** мне отвечали: — Ты говоришь по-французски, то и того довольно. — Хозяин мой не видал, как я на улице от него удалился, он подолжал путь свой, а я остался в Москве. Скоро мне земляки мои нашли учительское место за сто пятьдесят рублей, пуд сахара, пуд кофе, десять фунтов чаю в год, стол, слуга и карета. Но жить надлежало в деревне. Тем лучше. Там целой год не знали, что я писать не умею. Но какой-то сват того господина, у которого я жил, открыл ему мою тайну, и меня свезли в Москву обратно. Не нашед другого подобного сему дурака, не могли отправлять мое ремесло с изломанными пальцами и боясь умереть с голоду, я продал себя за двести рублей. Меня записали в крестьяне и отдают в рекруты. Надеюсь, — говорил он важным видом, — что сколь скоро будет война, то дослужуся до генеральского чина; а не будет войны, то набью карман **394** (коли можно) и, увенчан лаврами, отъеду на покой в мое отечество.

Пожал я плечами не один раз, слушав сего бродягу, и с уязвленным сердцем лег в кибитку, отправился в путь.

ЗАВИДОВО

Лошади были уже впряжены в кибитку, и я приготавливался к отъезду, как вдруг сделался на улице великой шум. Люди начали бегать из края в край по деревне. На улице видел я воина в гранодерской шапке, гордо

расхаживающего и, держа поднятую плеть, кричащего: — Лошадей скорее; где староста? его превосходительство будет здесь чрез минуту; подай мне старосту. . . — Сняв шляпу за сто шагов, староста бежал во всю прыть на сделанной ему позыв. — Лошадей скорее. — Тотчас, батюшка: пожалуйста подорожную. — На. Да скорее же, а то я тебя. . . — говорил он, подняв плеть над головой дрожащего старосты. Недоконченная сия речь столь же была выражения исполнена, как у Виргилия в «Энеиде» речь Эола к ветрам: — «Я вас! . .» — и, сокращенной видом плети властно-³⁹⁶ велительного гранодера, староста столь же живо ощущал мощь десницы грозящего воина, как бунтующие ветры ощущали над собою власть сильной Эоловой остроги. Возвращая новому Полкану подорожную, староста говорил: — Его превосходительству с честной его фамилией потребно пятьдесят лошадей, а у нас только тридцать налицо, другие в разгоне. — Роди, старой черт. А не будет лошадей, то тебя изуродую. — Да где же их взять, коли взять негде. — Разговорился еще. . . А вот лошади у меня будут. . . — и, схватя старика за бороду, начал его бить по плечам плетью нещадно. — Полно ли с тебя? Да вот три свежие, — говорил строгий судья ямского стана, указывая на впряженных в мою повозку. — Выпряги их для нас. — Коли барин-та их отдаст. — Как бы он не отдал. У меня и ему.³⁹⁷ то же достанется. Да кто он таков? — Невесть какой-то. . . — как он меня величал, того не знаю.

Между тем я, вышед на улицу, воспретил храброму предтече его превосходительства исполнить его намерение и, выпрягая из повозки моей лошадей, меня заставить ночевать в почтовой избе.

Спор мой с гвардейским Полканом прерван был приездом его превосходительства. Еще издали слышен был крик повозчиков и топот лошадей, скачущих во всю мочь. Частое биение копыт и зрению уже неприметное обращение колес подымающеюся пылью толико сгустили воздух, что колесница его превосходительства закрыта была непроницаемым облаком от взоров ожидающих его, аки громовой тучи, ямщиков. Дон Кишот, конечно, нечто чудесное бы тут увидел; ибо несущееся пыльное облако под знатною³⁹⁸ его превосходительства особою, вдруг остановясь, разверзлося, и он предстал нам от пыли серовиден, отродию черных подобным.

От приезде моего на почтовой стан до того времени, как лошади вновь впряжены были в мою повозку, прошло по крайней мере целой час. Но повозки его превосходительства запряжены были не более как в четверть часа. . . и поскакали они на крылах ветра. А мои клячи, хотя лучше казались тех, кои удостоились везти превосходительную особу, но, не бояся гранодерского кнута, бежали посредственною рысью.

Блаженны в единовластных правлениях вельможи. Блаженны украшенные чинами и лентами. Вся природа им повинуется. Даже несмысленные скоты угождают их желаниям и, дабы им в путешествии зевая не наскучилось, скачут они, не жалея ни ног, ни легкого, и нередко³⁹⁹ от натуги околевают. Блаженны, повторю я, имеющие внешность, к благоговению всех влекущую. Кто ведает из трепещущих от плети, им грозящей, что тот, во имя коего ему грозят, безгласным в придворной грамматике называется; что ему ни А. . . ни О. . . во всю жизнь свою сказать не уда-

лося*; что он одолжен, и сказать стыдно кому, своим возвышением; что в душе своей он скареднейшее есть существо; что обман, вероломство, предательство, блуд, отравление, татьство, грабеж, убийство не больше ему стоят, как выпить стакан воды; что ланиты его никогда от стыда не краснели, разве от гнева или пощечины; что он друг всякого придворного истопника и раб едва-едва при дворе нечто значащего. Но властелин и презирающ не ведающих его низкости и ползущества. Знатность без истинного достоинства подобна колдунам в наших деревнях. Все крестьяне их почитают и боятся, думая, что они чрезуестественные повелители. Над ними сии обманщики властвуют по своей воле. А коль скоро в толпу, их боготворящую, завернется мало кто грубейшего невежества отчуждившийся, то обман их обнаруживается, и таковых дальновидцов они не терпят в том месте, где они творят чудеса. Равно берегись и тот, кто посмеет обнаружить колдовство вельмож.

Но где мне гнаться за его превосходительством. Он поднял пыль столбом, которая по пролете его исчезла, и я, приехав в Клин, нашел даже память его погибшую с шумом.

401

КЛИН

— Как было во городе во Риме, там жил да был Евфимиам князь. . . — Поющий сию народную песнь, называемую Алексеем Божиим человеком, был слепой старик, сидящий у ворот почтового двора, окруженной толпою по большей части ребят и юношей. Сребровидная его глава, замкнутые очи, вид спокойствия, в лице его зримо, заставляли взирающих на певца предстоять ему со благоговением. Неискусной хотя его напев, но нежностью изречения сопровождаемый, проникал в сердца его слушателей, лучше природе внемлющих, нежели возвращенные во благогласии уши жителей Москвы и Петербурга внемлют кудрявому напеву Габриелли, Маркези или Тоди. Никто из предстоящих не остался без зыбления внутри

402 глубокого, когда клинской певец, дошед до разлуки своего ироя, едва прерывающимся ежемгновенно гласом изрекал свое повествование. Место, на коем были его очи, исполнилось иступающих из чувствительной от бед души слез, и потоки оных пролилися по ланитам воспевающего. О природа, колико ты властительна! Взирая на плачущего старца, жены възрыдали; со уст юности отлетела сопутница ее, улыбка; на лице отрочества явилась робость, неложной знак болезненного, но неизвестного чувствования; даже мужественной возраст, к жестокости толико привыкший, вид восприял важности. — О! природа, — возопил я паки. . .

Сколь сладко неязвительное чувство скорби! Колико сердце оно обновляет и оно чувствительность. Я рыдал вслед за ямским собранием, и слезы мои были столь же для меня сладостны, как исторгнутые из сердца

* См. рукописную Придворную Грамматику Фонвизина.

Вертером. . . О мой друг, мой друг! почто и ты не зрел сея картины? ⁴⁰³ ты бы прослезился со мною, и сладость взаимного чувствования была бы гораздо усладительнее.

По окончании песнословия все предстоящие давали старику как будто бы награду за его труд. Он принимал все денешки и полушки, все куски и краюхи хлеба довольно равнодушно; но всегда сопровождая благодарность свою поклоном, крестясь и говоря к подающему: «Дай бог тебе здоровья». Я не хотел отъехать, не быв сопровождаем молитвою сего, конечно, приятного небу старца. Желал его благословения на совершение пути и желания моего. Казалось мне, да и всегда сие мечтаю, как будто соблагословение чувствительных душ облегчает стезю в шествии и отъемлет терние сомнительности. Подошед к нему, я в дрожащую его руку толико же дрожащую от боязни, не тщеславия ли ради то делаю, ⁴⁰⁴ положил ему рубль. Перекрестясь, не успел он изречи обыкновенного своего благословения подающему, отвлечен от того необыкновенностию ощущения лежащего в его горсти. И сие уязвило мое сердце. — Колико приятнее ему, — вещал я сам себе, — подаваемая ему полушка! Он чувствует в ней обыкновенное к бедствиям соболезнование человечества, в моем рубле ощущает, может быть, мою гордость. Он не сопровождает его своим благословением. — О! колико мал я сам себе тогда казался, колико завидовал давшим полушку и краюшку хлеба певшему старцу! — Не пятак ли? — сказал он, обращаая речь свою неопределенно, как и всякое свое слово. — Нет, дедушка, рублевик, — сказал близстоящий его мальчик. — Почто такая милостыня? — сказал слепой, опуская места своих очей и ища, казалось, мысленно вообразить себе то, что в горсти ⁴⁰⁵ его лежало. — Почто она не могущему ею пользоваться. Если бы я не лишен был зрения, сколь бы велика моя была за него благодарность. Не имея в нем нужды, я мог бы снабдить им неимущего. Ах! если бы он был у меня после бывшего здесь пожара, умолк бы хотя на одни сутки вопль алчущих птенцов моего соседа. Но на что он мне теперь? не вижу, куда его и положить; подаст же, может быть, случай к преступлению. Полушку немного прибыли украсть, но за рублем охотно многие потянут руку. Возьми его назад, доброй господин, и ты и я с твоим рублем можем сделать вора. — О истина! колико ты тяжка чувствительному сердцу, когда ты бываешь в укоризну. — Возьми его назад, мне, право, он не надобен, да и я уже его не стою; ибо не служил изображенному на нем государю. Угодно было создателю, чтобы еще в бодрых моих летах лишен был я вождей моих. ⁴⁰⁶ Терпеливо сношу его прещение. За грехи мои он меня посетил. . . Я был воин, на многих бывал битвах с неприятелями отечества; сражался всегда неробко. Но воину всегда должно быть по нужде. Ярость исполняла всегда мое сердце при начатии сражения; я не щадил никогда у ног моих лежащего неприятеля и просящего безоруженному помилования не дарил. Вознесенный победою оружия нашего, когда устремлялся на карание и добычу, пал я ниц, лишенный зрения и чувств пролетевшим мимо очей в силе своей пушечным ядром. О! вы, последующие мне, будьте мужественны, но помните человечество. — Возвратил он мне мой рубль и сел опять на место свое покойно.

— Прими свой праздничной пирог, дедушка, — говорила слепому 407 подошедшая женщина лет пятидесяти. — С каким восторгом он принял его обеими руками. — Вот истинное благодеяние, вот истинная милостыня. Тридцать лет сряду ем я сей пирог по праздникам и по воскресеньям. Не забыла ты своего обещания, что ты сделала во младенчестве своем. И стоит ли то, что я сделал для покойного твоего отца, чтобы ты до гроба моего меня не забывала? Я, друзья мои, избавил отца ее от обыкновенных нередко побой крестьянам от проходящих солдат. Солдаты хотели что-то у него отнять; он с ними заспорил. Дело было за гумнами. Солдаты начали мужика бить; я был сержантом той роты, которой были солдаты, прилучился тут; прибежал на крик мужика и его избавил от побой; может быть, чего и больше, но вперед отгадывать нельзя. Вот что вспомнила кормилица 408 моя нынешняя, когда увидела меня здесь в нищенском состоянии. Вот чего не позабывает она каждой день и каждой праздник. Дело мое было невеликое, но доброе. А доброе приятно господу; за ним никогда ничто не пропадает.

— Неужели ты меня столько пред всеми обидишь, старичок, — сказал я ему, — и одно мое отвергнешь подаяние? Неужели моя милостыня есть милостыня грешника? Да и та бывает ему на пользу, если служит к умягчению его ожесточенного сердца. — Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце естественною казнию, — говорил старец, — не ведал я, что мог тебя обидеть, не приемля на вред послужить могущего подаяния; прости мне мой грех, но дай мне, коли хочешь мне что дать, дай, что может мне быть полезно. . . Холодная у нас была весна, у меня болело горло, — платчишка не было чем повязать шеи — бог помиловал, болезнь миновалась. . . Нет ли старенького у тебя платка? Когда у меня заболит горло, я его повяжу; он мою согреет шею, горло болеть перестанет; я тебя вспоминать буду, если тебе нужно воспоминание нищего. — Я снял платок с моей шеи, повязал на шею слепого. . . И расстался с ним. 409

Возвращаясь чрез Клин, я уже не нашел слепого певца. Он за три дни моего приезда умер. Но платок мой, сказывала мне та, которая ему приносила пирог по праздникам, надел, заболел перед смертью, на шею, и с ним положили его во гроб. О! если кто чувствует цену сего платка, тот чувствует и то, что во мне происходило, слушав сие.

ПЕШКИ

Сколь мне ни хотелось поспешать в окончании моего путешествия, но, по пословице, голод — не свой брат, — принудил меня зайти в избу и, доколе не доберуся опять до рагу, фрикасе, паштетов и прочего французского кушанья, на отраву изобретенного, принудил меня пообедать старым куском жареной говядины, которая со мною ехала в запасе. Пообедав сей раз гораздо хуже, нежели иногда обедают многие полковники (не говорю о генералах) в дальних походах, я, по похвальному общему обыкновению, налил в чашку приготовленного для меня кофею и услаж-

дал прихотливость мою плодами пота несчастных африканских невольников.

Увидев предо мною сахар, месившая квашню хозяйка подслала ко мне маленькова мальчика попросить кусочек сего боярского кушанья. — Почему боярское? — сказал я ей, давая ребенку остаток моего сахара, — неужели и ты его употребляешь не можешь? — Потому и боярское, что нам купить его не на что, а бояре его употребляют для того, что не сами достают деньги. Правда, что и бурмистр наш, когда ездит к Москве, то его покупает, но также на наши слезы. — Разве ты думаешь, что тот, кто употребляет сахар, заставляет вас плакать? — Не все, но все господа дворяне. Не слезы ли ты крестьян своих пьешь, когда они едят такой же хлеб, как и мы? — Говоря сие, показывала она мне состав своего хлеба. Он состоял из трех четвертей мякины и одной части несеяной муки. — Да и то слава богу при нынешних неурожаях. У многих соседей наших и того хуже. Что ж вам, бояре, в том прибыли, что вы едите сахар, а мы голодны? Ребята мрут, мрут и взрослые. Но как быть, потужишь, потужишь, а делай то, что господин велит. — И начала сажать хлебы в печь.

Сия укоризна, произнесенная не гневом или негодованием, но глубоким ощущением душевныя скорби, исполнила сердце мое грустию. Я обозрел в первый раз внимательно всю утварь крестьянской избы. Первой раз обратил сердце к тому, что доселе на нем скользило. — Четыре стены, до половины покрытые, так как и весь потолок, сажею; пол в щелях, на вершок по крайней мере поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом наполняющий избу; окончины, в коих натянутой пузыря смеркающийся в полдень пропускал свет; горшка два или три (счастлива изба, коли в одном из них всякой день есть пустые шт!). Деревянная чашка и крушки, тарелками называемые; стол, топором срубленной, которой скоблят скребком по праздникам. Кормить свиней или телят, буде есть, спят с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется. К счастью кадка с квасом, на уксус похожим, и на дворе баня, в коей коли не парятся, то спит скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природою, онучки с лаптями для выхода. — Вот в чем почитается по справедливости источник государственного избытка, силы, могущества; но тут же видны слабость, недостатки и злоупотребления законов и их шароховатая, так сказать, сторона. Тут видна алчность дворянства, грабеж, мучительство наше и беззащитное нищеты состояние. — Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? то, чего отнять не можем, — воздух. Да, один воздух. Отъемлем нередко у него не токмо дар земли, хлеб и воду, но и самый свет. — Закон запрещает отъяти у него жизнь. — Но разве мгновенно. Сколько способов отъяти ее у него постепенно! С одной стороны — почти всеилие, с другой — немощь беззащитная. Ибо помещик в отношении крестьянина есть законодатель, судия, исполнитель своего решения и, по желанию своему, истец, против которого ответчик ничего сказать не смеет. Се жребии заклепанного во узы, се жребии заключенного в смрадной темнице, се жребии вола во ярме. . .

Жестокосердый помещик, посмотри на детей крестьян, тебе подвластных. Они почти наги. Отчего? не ты ли родших их в болезни и горести
 415 обложил сверх всех полевых работ оброком? Не ты ли несотканное еще
 полотно определяешь себе в пользу? На что тебе смрадное рубище, которое
 к неге привыкшая твоя рука подъяти гнушается? едва послужит оно на оти-
 рание служащего тебе скота. Ты собираешь и то, что тебе не надобно,
 несмотря на то, что неприкрытая нагота твоих крестьян тебе в обвинение
 будет. Если здесь нет на тебя суда, — но пред судию, не ведающим лице-
 приятия, давшим некогда и тебе путеводителя благого, совесть, но коего
 развратной твой рассудок давно изгнал из своего жилища, из сердца твоего.
 Но не ласкайся безвозмездием. Неусыпной сей деяний твоих страж уловит
 тебя наедине, и ты почувствуешь его кары. О! если бы они были тебе
 и подвластным тебе на пользу. . . О! если бы человек, входя почасту во
 внутренность свою, исповедал бы неукротимому судии своему, совести,
 416 свои деяния. Претворенный в столп неподвижный громopodobным ее гла-
 сом, не пускался бы он на тайные злодеяния; редки бы тогда стали губи-
 тельствы, опустошения. . . и пр. и пр. и пр.

417

ЧЕРНАЯ ГРЯЗЬ

Здесь я видел также изрядной опыт самовластия дворянского над
 крестьянами. Проезжала тут свадьба. Но вместо радостного поезда и слез
 боязливой невесты, скоро в радость претвориться определенных, зрелись
 на челе определенных вступать в супружество печаль и уныние. Они
 друг друга ненавидят и властью господина своего влекутся на казнь —
 к олтарию отца всех благ, подателя нежных чувствований и веселий,
 зиждителя истинного блаженства, творца вселенныя. И служитель его
 примет исторгнутую властью клятву и утвердит брак! И сие назовется
 союзом божественным! И богохуление сие останется на пример другим!
 И неустройство сие в законе останется ненаказанным! . . . Почто удивляться
 418 сему? Благословляет брак наемник; градодержатель, для охранения за-
 кона определенный, — дворянин. Тот и другой имеют в сем свою пользу.
 Первой ради получения мзды; другой, дабы, истребляя поносительное
 человечеству насилие, не лишиться самому лестного преимущества управ-
 лять себе подобным самовластно. — О! горестная участь многих миллио-
 нов! конец твой сокрыт еще от взора и внучат моих. . .

Я тебе, читатель, позабыл сказать, что парнасской судья, с которым
 я в Твери обещал в трактире, мне сделал подарок. Голова его над многим
 чем испытывала свои силы. Сколь опыты его были удачны, коли хочешь,
 суди сам, а мне скажи на ушко, каково тебе покажется. Если, читая,
 тебе захочется спать, то сложи книгу и усни. Береги ее для бессонницы.

Слово о Ломоносове

419

Приятность вечера после жаркого летнего дня выгнала меня из моей кельи. Стопы мои направил я за Невской монастырь и долго гулял в роще, позади его лежащей *. Солнце лице свое уже сокрыло, но легкая завеса ночи едва-едва ли на синем своде была чувствительна **. Возвращаясь домой, я шел мимо Невского кладбища. Ворота были отверсты. Я вошел. . . На сем месте вечного молчания, где наитвердейшее чело поморщится несомненно, помыслив, что тут долженствует быть конец всех блестящих подвигов, на месте незыблемого спокойствия и равнодушия непоколебимого, могло ли бы, казалось, совместно быть кичение, тщеславие и надменность. Но гробницы великолепны? Суть знаки несомненные человеческого гордыни, но знаки желания его жити вечно. Но се ли вечность, которая человек толико жаждущ? . . . Не столп, воздвигнутый над тлением твоим, сохранит память твою в дальнейшее потомство. Не камень со иссечением имени твоего пренесет славу твою в будущие столетия. Слово твое, живущее присно и вовеки в творениях твоих, слово российского племени, тобою в языке нашем обновленное, прелетит во устах народных за необозримый горизонт столетий. Пускай стихии, свирепствуя сложенно, разверзнут земную хлябь и поглотят великолепный сей град, откуда громкое твое пение раздавалось во все концы обширных России; пускай яростный некий завоеватель истребит даже имя любезного твоего отечества, — но доколе слово российское ударять будет слух, ты жив будешь и не умрешь. Если умолкнет оно, то и слава твоя угаснет. Лестно, лестно так ⁴²¹ умрети. Но если кто умеет исчислить меру сего продолжения, если перст гадания назначит предел твоему имени, то не се ли вечность? . . . Сие изрек я в восторге, остановясь пред столпом, над тлением Ломоносова воздвигнутым. — Нет, не хладный камень сей повествует, что ты жил на славу имени российского, не может он сказать, что ты был. Творения твои да повествуют нам о том, житие твое да скажет, почто ты славен.

Где ты, о! возлюбленный мой! где ты? Прииди беседовати со мною о великом муже. Прииди, да соплетем венец насадителю российского слова. Пускай другие, раболепствуя власти, превозносят хвалою силу и могущество. Мы воспоем песнь заслуге к обществу.

Михайло Васильевич Ломоносов родился в Холмогорах. . . Рожденный ⁴²² от человека, которой не мог дать ему воспитания, дабы посредством одного понятие его изострилося и украсилося полезными и приятными знаниями; определенный по состоянию своему препровождать дни свои между людей, коих окружность мысленных области не далее их ремесла простирается; сужденный делить время свое между рыбным промыслом и старанием получить мзду своего труда, — разум молодого Ломоносова не мог бы достигнуть той обширности, которую он приобрел, трудясь в испытании природы, ни глас его — той сладости, которую он имел от обхождения

* Озерки.

** Июнь.

чистых мусс. От воспитания в родительском доме он принял маловажное, но ключ учения — знание читать и писать, а от природы — любопытство. И се, природа, твое торжество. Алчное любопытство, вселенное тобою ⁴²³ в души наши, стремится к познанию вещей; а кипящее сердце славолубием не может терпеть пут, его стесняющих. Ревет оно, клокочет, стонет и, махом прерывая узы, летит стремглав (нет преткновения) к предлогу своему. Забыто все, один предлог в уме; им дышим, им живем.

Не выпуская из очей своих вожделенного предмета, юноша собирает познание вещей в слабейших ручьях протекшего наук источника до нижайших степеней общества. Чуждый руководства, столь нужного для ускорения в познаниях, он первую силу разума своего, память, острит и украшает тем, что бо рассудок его острить долженствовало. Сия тесная округа сведений, кои он мог приобрести на месте рождения своего, не могла усладить жаждущего духа, но паче возжгла в юноше непреодолимое к учению стремление. Блажен! что в возрасте, когда волнение страстей изводит нас впервые из нечувствительности, когда приближаемся степени возмужалости, стремление его обратилось к познанию вещей. ⁴²⁴

Подстрекаем науки алчною, Ломоносов оставляет родительский дом; течет в престольный град, приходит в обитель иноческих мусс и вмещается в число юношей, посвятивших себя учению свободных наук и слову божию.

Преддверие учености есть познание языков; но представляется яко поле, тернием насажденное, и яко гора, строгим камнем усеянная. Глаз не находит тут приятности расположения, стопы путешественника — покойныя гладости на отдохновение, ни зеленеющего убежища утомленному тут нет. Тако учащийся, приступив к неизвестному языку, поражается разными звуками. Гортань его необыкновенным журчанием ⁴²⁵ исходящего из нее воздуха утомляется, и язык, новообразно извиваться принужденный, изнемогает. Разум тут цепенеет, рассудок без действия ослабеваает, воображение теряет свое крылие; единая память бдит и острится и все излучины и отверстия свои наполняет образами неизвестных доселе звуков. При учении языков все отвратительно и тягостно. Если бы не подкрепляла надежда, что, приучив слух свой к необыкновенности звуков и усвоив чуждые произношения, не откроются потом приятнейшие предметы, то неуповательно, восхотел ли бы кто вступить в столь строгий путь. Но, превозшед сии трудности, коликократно награждается постоянство в понесенных трудах. Новые представляются тогда естества виды, новая цепь воображений. Познанием чуждого языка становимся мы гражданами тоя области, где он употребляется, собеседуем с жившими за ⁴²⁶ многие тысячи веков, усвоаем их понятия; и всех народов, и всех веков избречения и мысли сочetoваем и приводим в единую связь.

Упорное прилежание в учении языков сделало Ломоносова согражданином Афин и Рима. И се наградилося его постоянство. Яко слепец, от чрева материя света не зревший, когда искусною глазорачевателя рукою воссияет для него величество дневного светила, — быстрым взором протекает он все красоты природы, дивится ее разновидности и простоте. Все его пленяет, все поражает. Он живет обькших всегда во зрении очей

чувствует ее изящности, восхищается и приходит в восторг. Тако Ломоносов, получивши сведение латинского и греческого языков, пожирал красоты древних витий и стихотворцев. С ними научался он чувствовать изящности природы; с ними научался познавать все уловки искусства, крыющегося всегда в одушевленных стихотворством видах, с ними научался изъяслять чувства свои, давать тело мысли и душу бездыханному.⁴²⁷

Если бы силы мои достаточны были, представил бы я, как постепенно великий муж водворял в понятие свое понятия чуждые, кои, преобразовавшись в душе его и разуме, в новом виде явились в его творениях или родили совсем другие, уму человеческому доселе неведомые. Представил бы его, ищущего знания в древних рукописях своего училища и гонящегося за видом учения везде, где казалось быть его хранилище. Часто обманут бывал в ожидании своем, но частым чтением церковных книг он основание положил к изящности своего слога; какое чтение он предлагает всем желающим приобрести искусство российского слова.

Скоро любопытство его щедрое получило удовлетворение. Он ученик⁴²⁸ стал славного Вольфа. Отрясая правила схоластики или паче заблуждения, преподанные ему в монашеских училищах, он твердые и ясные полагал степени к восхождению во храм любомудрия. Логика научила его рассуждать; математика — верные делать заключения и убеждаться единою очевидностию; метафизика преподала ему гадательные истины, ведущие часто к заблуждению; физика и химия, к коим, может быть ради изящности силы воображения, прилежал отлично, ввели его в жертвенник природы и открыли ему ее таинства; металлургия и минералогия, яко последственницы предыдущих, привлекли на себя его внимание; и деятельно хотел Ломоносов познать правила, в оных науках руководствующие.

Изобилие плодов и произведений понудило людей менять их на такие⁴²⁹, в коих был недостаток. Сие произвело торговлю. Великие в меновном торгу затруднения побудили мыслить о знаках, всякое богатство и всякое имущество представляющих. Изобретены деньги. Злато и серебро, яко драгоценнейшие по совершенству своему металлы и доселе украшением служившие, преобразены стали в знаки, всякое стяжание представляющие. И тогда только поистине, тогда возгорелась в сердце человеческом ненасытная сия и мерзительная страсть к богатствам, которая, яко пламень, вся пожирающий, усиливается, получая пищу. Тогда, оставив первобытную свою простоту и природное свое упражнение — земледелие, человек предал живот свой свирепым волнам или, презрев глад и зной пустынный, претекал чрез оные в неведомые страны для снискания богатств и сокровищ. Тогда, презрев свет солнечный, живой нисходил в могилу и,⁴³⁰ расторгнув недра земная, прорывал себе нору, подобен земному гаду, ищущему в ночи свою пищу. Тако человек, сокрываясь в пропастях земных, искал блестящих металлов и сокращал пределы своей жизни наполовину, питаясь ядовитым дыханием паров, из земли исходящих. Но как и самая отравя, став иногда привычкою, бывает необходимою человеку в употреблении, так и добывание металлов, сокращая дни ископателей, не от-

вергнуто ради своей смертоносности; а паче изысканы способы добывать легчайшим образом большее число металлов по возможности.

Сего-то хотел познать Ломоносов деятельно и для исполнения своего намерения отправился в Фрейберх. Мне мнится, зрю его пришедшего ⁴³¹ к отверстию, чрез которое истекает исторгнутый из недр земных металл. Приемлет томное светило, определенное освещать его в ущелинах, куда солнечные лучи досязать не могут николи. Исполнил первый шаг; — что делаешь? — вопиет ему рассудок. — Неужели отличила тебя природа своими дарованиями для того только, чтобы ты употреблял их на пагубу своей собратии. Что мыслишь, нисходя в сию пропасть? Желает ли снискать вящее искусство извлекати серебро и золото? Или не ведаешь, какое в мире сотворили они зло? Или забыл завоевание Америки? . . Но нет, нисходи, познай подземные ухищрения человека и, возвратясь в отечество, имей довольно крепости духа подать совет зарыть и заровнять сии могилы, где тысячи в животе сущии погребаются.

Трепещущ нисходит в отверстие и скоро теряет из виду живоносное ⁴³² светило. Желал бы я последовать ему в подземном его путешествии, собрать его размышления и представить их в той связи и тем порядком, какими они в разуме его возрождались. Картина его мыслей была бы для нас увеселительною и учебною. Проходя первой слой земли, источник всякого прозябения, подземный путешественник обрел его несходственным с последующими, отличающимся от других паче всего своею плодородною силою. Заключал, может быть, из того, что поверхность сия земная не из чего иного составлена, как из тления животных и прозябений; что плодородие ее, сила питательная и возобновительная, начало свое имеет в неразрушимых и первенственных частях всяческого бытия, которые, не переменяя своего существа, переменяют вид только свой, из сложения случайного рождающийся. Проходя далее, подземный путешественник ⁴³³ зрел землю всегда расположенную слоями. В слоях находил иногда остатки животных, в морях живущих, находил остатки растений и заключать мог, что слоистое расположение земли начало свое имеет в наплаванном положении вод и что воды, переселяясь из одного края земного шара к другому, давали земле тот вид, какой она в недрах своих представляет. Сие единовидное слоев расположение, теряясь из его зрака, представляло иногда ему смешение многих разнородных слоев. Заключал из того, что свирепая стихия, огонь, проникнув в недра земные и встретив противоборствующую себе влагу, ярься, мутила, трясла, валила и метала все, что ей упорствовать тщилось своим противодействием. Смутив и смешав разнородные, знойным своим дохновением возбудила и в первобытных металлов силу притяжательную и их соединила. Там узрел Ломоносов ⁴³⁴ сии мертвые по себе сокровища в природном их виде, вспомнял алчбу и бедствие человеков и с сокрушенным сердцем оставил сие мрачное обиталище людской ненасытности.

Упражняясь в познании природы, он не оставил возлюбленного своего учения стихотворства. Еще в отечестве своем случай показал ему, что природа назначила его к величию; что в обыкновенной стезе шествия человеческого он скитаться не будет. Псалтирь, Симеонм Полоцким в стихи

предложенная, ему открыла о нем таинство природы, показала, что и он стихотворец. Беседуя с Горацием, Виргилием и другими древними писателями, он давно уже удостоверился, что стихотворение российское весьма было несродно благогласию и важности языка нашего. Читая немецких стихотворцев, он находил, что слог их был плавнее российского, что стопы в стихах были расположены по свойству языка их. И так он ⁴³⁵ вознамерился сделать опыт сочинения новообразными стихами, поставив сперва российскому стихотворению правила, на благогласии нашего языка основанные. Сие исполнил он, написав оду на победу, одержанную российскими войсками над турками и татарами, и на взятие Хотина, которую из Марбурга он прислал в Академию наук. Необыкновенность слога, сила выражения, изображения, едва не дышущие, изумили читающих сие новое произведение. И сие первородное чадо стремящегося воображения по непроложенному пути в доказательство с другими купно послужило, что, когда народ направлен единожды к усовершенствованию, он ко славе идет не одной тропинкою, но многими стезями вдруг.

Сила воображения и живое чувство не отвергают разыскания ⁴³⁶ подробностей. Ломоносов, давая примеры благогласия, знал, что изящность слога основана на правилах, языку свойственных. Восхотел их извлечь из самого слова, не забывая, однако же, что обычай первой всегда подает в сочетании слов пример, и речении, из правила исходящие, обычаем становятся правильными. Раздробляя все части речи и сообразуя их с употреблением их, Ломоносов составил свою грамматику. Но не довольствуясь преподавать правила российского слова, он дает понятие о человеческом слове вообще яко благороднейшем по разуму даровании, данном человеку для сообщения своих мыслей. Се сокращение общей его грамматики: слово представляет мысли; орудие слова есть голос; голос изменяется образованием или выговором; различное изменение голоса изображает различие мыслей; итак, слово есть изображение наших мыслей, ⁴³⁷ посредством образования голоса чрез органы, на то устроенные. Поступая далее от сего основания, Ломоносов определяет неразделимые части слова, коих изображения называют буквами. Сложение нераздельных частей слова производит склады, кои опричь образовательного различия голоса различаются еще так называемыми ударениями, на чем основывается стихосложение. Сопряжение складов производит речения, или знаменательные части слова. Сии изображают или вещь, или ее деяние. Изображение словесное вещи называется и м я; изображение деяния — г л а г о л. Для изображения же сношения вещей между собою и для сокращения их в речи служат другие части слова. Но первые суть необходимы и называться могут главными частями слова, а прочие служебными. Говоря о разных частях слова, Ломоносов находит, что некоторые из них ⁴³⁸ имеют в себе отмены. Вещь может находиться в разных в рассуждении других вещей положениях. Изображение таковых положений и отношений именуется падежами. Деяние всякое располагается по времени; оттула и глаголы расположены по временам, для изображения деяния, в какое время оное происходит. Наконец Ломоносов говорит о сложении знаменательных частей слова, что производит речи.

Предпослав такое философическое рассуждение о слове вообще, на самом естестве телесного нашего сложения основанном, Ломоносов преподает прайва русского слова. И могут ли быть они посредственны, когда начертавший их разум водим был в грамматических терниях светильником остроумия? Не гнушайся, великой муж, сея хвалы. Между согражданами твоими не грамматика твоя одна соорудила тебе славу. Заслуги твои о русском слове суть многообразны; и ты считаешься в малоприятельном сем своем труде яко первым основателем истинных правил языка нашего и яко разыскателем естественного расположения всяческого слова. Твоя грамматика есть преддверие чтения твоея риторики, а та и другая — руководительницы для осязания красот изречения творений твоих. Поступая в преподавании правил, Ломоносов вознамерился руководствовать согражданам своим в стезях тернистых Геликона, показав им путь к красноречию, начертывая правила риторики и поэзии. Но краткость его жизни допустила его из подъятого труда совершить одну только половину.

Человек, рожденный с нежными чувствами, одаренный сильным воображением, побуждаемый любочестием, исторгается из среды народных. Восходит на лобное место. Все взоры на него стремятся, все ожидают с нетерпением его произречения. Его же ожидает плескание рук или посмеяние, горшее самая смерти. Как можно быть ему посредственным? Таков был Демосфен, таков был Цицерон; таков был Пит; таковы ныне Бурк, Фокс, Мирабо и другие. Правила их речи почерпаемы в обстоятельствах, сладость изречения — в их чувствах, сила доводов — в их остроумии. Удивляясь толико отменным в слове мужам и раздробляя их речи, хладнокровные критики думали, что можно начертать правила остроумию и воображению, думали, что путь к прелестям проложить можно томными предписаниями. Сие есть начало риторики. Ломоносов, следуя, не замечая того, своему воображению, исправившемуся беседою с древними писателями, думал также, что может сообщить согражданам своим жар, душу его исполнявший. И хотя он тщетный в сем предприял труд, но примеры, приводимые им для подкрепления и объяснения его правил, могут несомненно руководствовать пускающемуся вслед славы, словесными науками стяжаемой.

Но если тщетной его был труд в преподавании правил тому, что более чувствовать должно, нежели твердить, — Ломоносов надежнейшие любящим русское слово оставил примеры в своих творениях. В них сосавшие уста сладости Цицероновы и Демосфеновы растворяются на велеречие. В них на каждой строке, на каждом препинании, на каждом слоге, — почто не могу сказать при каждой букве, — слышен стройной и согласной звон столь редкого, столь малого подражаемого, столь свойственного ему благогласия речи.

Прияв от природы право неоцененное действовать на своих современников, прияв от нее силу творения, поверженный в среду народных толщи, великий муж действует на оную, но и не в одинаком всегда направлении. Подобен силам естественным, действующим от средоточия, которые, простирая действие свое во все точки окружности, деятельность свою присну

езде соделовают. Тако и Ломоносов, действуя на сограждан своих разнообразно, разнообразные отверзал общему уму стези на познании. Повлекши его за собою вослед, расплетая запутанный язык на велеречие и благогласие, не оставил его при тощем без мыслей источнике словесности. Воображению вещал: лети в беспредельность мечтаний и возможности, собери яркие цветы одушевленного и, вождаяся вкусом, украшай оными самую неосязательность. И се паки гремевшая на Олимпийских играх Пиндарова труба возгласила хвалу всевышнего вослед псалмопевца. На ней ⁴⁴³ возвестил Ломоносов величие предвечного, восседающего на крыле ветренней, предшествуемого громом и молниею и в солнце являя смертным свою существенность, жизнь. Умеряя глас трубы Пиндаровой, на ней же он воспея брэнность человека и близкой предел его понятий. В бездне миров беспредельной, как в морских волнах малейшая песчинка, как во льде, не тающем николи, искра едва блестящая, в свирепейшем вихре как прах тончайший, что есть разум человеческий? — Се ты, о Ломоносов, одежда моя тебя не сокроет.

Не завидую тебе, что, следуя общему обычаю ласкати царям, нередко недостойным не токмо похвалы, стройным гласом воспетой, но ниже гудочного бряцания, ты льстил похвалою в стихах Елисавете. И если бы можно было без уязвления истины и потомства, простил бы я то тебе ради ⁴⁴⁴ признательных твоея души ко благодеяниям. Но позавидует не могущий вослед тебе идти писатель оды, позавидует прелестной картине народного спокойствия и тишины, сей сильной ограды градов и сел, царств и царей утешения; позавидует бесчисленным красотам твоего слова; и если удастся когда-либо достигнуть непрерывного твоего в стихах благогласия, но дозвеле не удалось еще никому. И пускай удастся всякому превзойти тебя своим сладкопением, пускай потомкам нашим покажешься ты нестроен в мыслях, неизбыточен в существенности твоих стихов!.. Но воззри: в пространном ристалище, коего конца око не досязает, среди толпящейся многочисленности, на возглавии, впереди всех, се врата отверзающ к ристалищу, — се ты. Прославиться всяк может подвигами, но ты был первый. Самому всеильному нельзя отъять у тебя того, что дал. Родил он ⁴⁴⁵ тебя прежде других, родил тебя в вожди, и слава твоя есть слава вождя. О! вы, доселе бесплодно трудившиеся над познанием существенности души и как сия действует на телесность нашу, се трудная вам предлежит задача на испытание. Вещайте, как душа действует на душу, какая есть связь между умами? Если знаем, как тело действует на тело прикосновением, поведайте, как неосязаемое действует на неосязаемое, производя вещественность; или какое между безвещественностей есть прикосновение. Что оно существует, то знаете. Но если ведаете, какое действие разум великого мужа имеет над общим разумом, то ведайте еще, что великий муж может родить великого мужа, — и се венец твой победоносный. О! Ломоносов, ты произвел Сумарокова.

Но если действие стихов Ломоносова могло размашистой сделать шаг ⁴⁴⁶ в образовании стихотворческого понятия его современников, красноречие его чувствительного или явного ударения не сделало. Цветы, собранные им в Афинах и в Риме и столь удачно в словах его пресажденные, сила вы-

ражения Демосфенова, сладкоречие Цицероново, бесплодно употребленные, повержены еще во мраке будущего. И кто? он же, пресытившись обильным велеречием похвальных твоих слов, возгремит не твоим хотя слогом, но будет твой воспитанник. Далеко ли время сие или близко, блудящий взор, скитаяся в неизвестности грядущего, не находит подножия остановиться. Но если мы непосредственного от витийства Ломоносова не находим отродия, действие его благогласия и звонкого препинания ⁴⁴⁷ бесстопной речи было, однако же, всеобщее. Если не было ему последователя в витийстве гражданском, но на общий образ письма оно распространилось. Сравни то, что писано до Ломоносова, и то, что писано после его, — действие его прозы будет всем внятно.

Но не заблуждаем ли мы в нашем заключении? Задолго до Ломоносова находим в России красноречивых пастырей церкви, которые, возвещая слово божие пастве своей, ее учили и сами словом своим славились. Правда, они были; но слог их не был слог российской. Они писали, как можно было писать до нашествия татар, до сообщения россиян с народами европейскими. Они писали языком славенским. Но ты, зревший самого Ломоносова и в творениях его поучаяся, может быть, велеречию, забвен мною не будешь. Когда российское воинство, поражая гордых оттоманов, ⁴⁴⁸ превысило чаяние всех, на подвиги его взирающих оком равнодушным или завистливым, ты, призванный на торжественное благодарение богу браней, богу сил, о! ты, в восторге души твоей к Петру вызывавший над гробницею его, да приидет зрети плода своего насаждения: «В о с с т а н и, П е т р, в о с с т а н и»; когда очарованное тобою ухо очаровало по чреде око, когда казалось всем, что, приспевый ко гробу Петрову, воздвигнути его желаешь, силою высшей одаренный, — тогда бы и я вещал к Ломоносову: зри, зри и здесь твое насаждение. Но если он слову мог тебя научить. . . В Платоне душа Платона, и да восхитит и увидит нас, тому учило его сердце.

Чужды раболепствования не токмо в том, что благоговение наше возбуждать может, но даже и в люблении нашем, мы, отдавая справедливость великому мужу, не возмним быти ему богом всезиждущим, не посвятим ⁴⁴⁹ его истуканом на поклонение обществу и не будем пособниками в укоренении какого-либо предрассуждения или ложного заключения. Истина есть высшее для нас божество, и, если бы всеильный восхотел изменить ее образ, являясь не в ней, лице наше будет от него отвращенно.

Следуя истине, не будем в Ломоносове искать великого деписателя, не сравним его с Тацитом, Реналем или Робертсоном; не поставим его на степени Маркграфа или Ридигера, зане упражнялся в химии. Если сия наука была ему любезна, если многие дни жития своего провел он в исследовании истин естественности, но шествие его было шествие последователя. Он скитался путями проложенными и в нечисленном богатстве природы не нашел он ни малейшая былинки, которой бы не зрели лучшие ⁴⁵⁰ его очи, не соглядал он ниже грубейшия пружины в вещественности, которую бы не обнаружили его предшественники.

Ужели поставим его близ удостоившегося наилестнейшия надписи, которую человек низ изображения своего зреть может? Надпись, начер-

танная не ласкательством, но истинною, дерзающею на силу: «С е и с т о р г н у в ш и й г р о м с н е б е с и и с к и п т р и з р у к и ц а р е й». За то ли Ломоносова близ его поставим, что преследовал электрической силе в ее действиях; что не отвращен был от исследования о ней, видя силою ее учителя своего пораженного смертно. Ломоносов умел производить электрическую силу, умел отвращать удары грома, но Франклин в сей науке есть зодчий, а Ломоносов рукодел.

Но если Ломоносов не достиг великости в испытаниях природы, он действия ее великолепные описал нам слогом чистым и внятнм. И, хотя ⁴⁵¹ мы не находим в творениях его, до естественныя науки касающихся, изящного учителя естественности, найдем, однако же, учителя в слове и всегда достойный пример на последование.

И так, отдавая справедливость великому мужу, поставляя имя Ломоносова в достойную его лучезарность, мы не ищем здесь вменить ему и то в достоинство, чего он не сделал или на что не действовал: или только, распложая неистовое слово, вождаемся исступлением и пристрастием. Цель наша не сия. Мы желаем показать, что в отношении российской словесности тот, кто путь ко храму славы проложил, есть первой виновник в приобретении славы, хотя бы он войти во храм не мог. Бакон Веруламский не достоин разве наименования, что мог токмо сказать, как можно ⁴⁵² размножать науки? Не достойны разве признательности мужественные писатели, восстающие на губительства и всесилие, для того, что не могли избавить человечества из оков и пленения? И мы не почтем Ломоносова для того, что не разумел правил позорищного стихотворения и томился в эпопее, что чужд был в стихах чувствительности, что не всегда пронипателен в суждениях и что в самых одах своих вмещал иногда более слов, нежели мыслей. Но внемли: прежде начатия времен, когда не было бытию опоры и вся терялося в вечности и неизмеримости, все источнику сил возможно было, вся красота вселенныя существовала в его мысли, но действия не было, не было начала. И се рука всемогшая, толкнув вещественность в пространство, дала ей движение. Солнце воссияло, луна прияла свет, и тела крутящиеся горе образовалися. Первый мах в творении ⁴⁵³ всемогущ был; вся чудесность мира, вся его красота суть только следствия. Вот как понимаю я действие великия души над душами современников или потомков; вот как понимаю действие разума над разумом. В стезе российской словесности Ломоносов есть первый. Беги, толпа завистливая, се потомство о нем судит, оно нелицемерно.

Но, любезной читатель, я с тобою закалякался. . . Вот уже Всесвятское. . . Если я тебе не наскучил, то подожди меня у околицы, мы поведемся на возвратном пути. Теперь прости. — Ямщик, погоняй.

МОСКВА! МОСКВА!!! . . .

ВОЛЬНОСТЬ

О да

1

О! дар небес благословенный,
Источник всех великих дел,
О вольность, вольность, дар бесценный!
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Исполни сердце твоим жаром,
В нем сильных мышц твоих ударом
Во свет рабства тьму претвори,
Да Брут и Телль еще проснутся,
Седяй во власти да смятутся
От гласа твоего цари.

2

Я в свет исшел, и ты со мною;
На мышцах нет твоих заклеп;
Свободною могу рукою
Прияти данный в пищу хлеб.
Стопы несу, где мне приятно;
Тому внимаю, что понятно;
Вещаю то, что мыслю я;
Любить могу и быть любимым;
Творю добро, могу быть чтимым;
Закон мой — воля есть моя.

3

Но что ж претит моей свободе?
Желаньям зрю везде предел;

Возникла обща власть в народе,
Соборный всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единокорно;
Для пользы общей нет препон.
Во власти всех своей зрю долю,
Свою творю, творя всех волю, —
Вот что есть в обществе закон.

4

В середине злачныя долины,
Среди тягченных жатвой нив,
Где нежны процветают крины,
Средь мирных под сеньми олив,
Паросска мрамора белее,
Яснейша дня лучей светлее,
Стоит прозрачный всюду храм:
Там жертва лжива не курится,
Там надпись пламенная зрится:
«Конец невинности бедам».

5

Оливной ветвию венчанно,
На твердом камени седяй,
Безжалостно и хладнокорно,
Глухое божество судяй.
Белее снега во хламиде,
И в неизменном всегда виде,
Зерцало, меч, весы пред ним.
Тут истина стрежет десную,
Тут правосудие ошую, —
Се храм Закона ясно зрим.

6

Возводит строгие зеницы,
Льет радость, трепет вокруг себя,
Равно на все взирает лица,
Ни ненавдя, ни любя.
Он лести чужд, лицепрятства,
Породы, знатности, богатства,
Гнушаясь жертвенныя тли;
Родства не знает, ни приязни;
Равно делит и мзду и казни;
Он образ божий на земли.

7

И се чудовище ужасно,
Как гидра, сто имея глав,
Умильно и в слезах всечасно,
Но полны челюсти отрав,
Земные власти попирает,
Главою неба досязает,
Его отчизна там, — гласит;
Призраки, тьму повсюду сеет,
Обманывать и льстить умеет
И слепо верить всем велит.

8

Покрывши разум темнотою
И всюду вея ползкий яд,
Троякою обнес стеною
Чувствительность природы чад,
Повлек в ярмо порабощенья,
Облек их в броню заблужденья,
Бояться истины велел.
«Закон се божий», — царь вещает;
«Обман святой, — мудрец взывает, —
Народ давить что ты обрел».

9

Сей был, и есть, и будет вечный
Источник лютой рабства оков:
От зол всех жизни скоротечной
Пребудет смерть един покров.
Всесильный боже, благ податель,
Естественных ты благ создатель,
Закон свой в сердце основал;
Возможно ль, ты чтоб изменился,
Чтоб ты, бог сил, столь уподлился,
Чужим чтоб гласом нам вещал?

10

Воззрим мы в области обширны,
Где тусклый трон стоит рабства.
Градские власти там все мирны,
В царе зря образ божества.
Власть царска веру охраняет,
Власть царску вера утверждает;

Союзно общество гнетут;
Одна сковать рассудок тщится,
Другая волю стерть стремится;
На пользу общую, — рекут.

11

Покоя рабского под сенью
Плодов златых не возрастет;
Где все ума претит стремленью,
Великость там не прозябет.
Там нивы запустеют тучны,
Коса и серп там неспоручны,
В сохе уснет ленивый вол,
Блестящий меч померкнет славы,
Минервин храм стал обветшавый,
Коварства сеть простерлась в дол.

12

Чело надменное вознесши,
Схватив железный скипетр, царь,
На громном троне властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея:
«По воле, — рек, — щажу злодея:
Я властью могу дарить;
Где я смеюсь, там все смеется;
Нахмурюсь грозно — все смятется;
Живешь тогда, велю коль жить».

13

И мы внимаем хладнокровно,
Как крови нашей алчный гад,
Ругаяся всегда бесспорно,
В веселы дни нам сеет яд.
Вокруг престола все надменна
Стоят колена преклоненна.
Но мститель, трепещи, грядет.
Он молвит, вольность прорекая, —
И се молва от край до края,
Глася свободу, протечет.

14

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;

В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает,
Над гордою главою паря.
Ликуйте, склепанны народы:
Се право мщенье природы
На плаху возвело царя!

15

И нощи се завесу лживой
Со треском мощно разодрав,
Кичливой власти и строптивой
Огромный истукан поправ,
Сковав сторучна исполина,
Влечет его как гражданина
К престолу, где народ воссел.
«Преступник власти, мною данной!
Вещай, злодей, мною венчаный,
Против меня восстать как смел?»

16

Тебя облек я во порфиру
Равенство в обществе блюсти,
Вдовицу призирать и сиру,
От бед невинность чтоб спасти,
Отцем ей быть чадолюбивым,
Но мстителем непримиримым
Пороку, лже и клевете;
Заслуги честью награждати,
Устройством зло предупреждати,
Хранити нравы в чистоте.

17

Покрыл я море кораблями,
Устроил пристань в берегах,
Дабы сокровища торгами
Текли с избытком в городах;
Златая жатва чтоб бесслезна
Была оратаю полезна;
Он мог вещать бы за сохой:
«Бразды своей я не наемник,
На пажитях своих не пленник,
Я благоденствую тобой».

18

Своих кровей я без пощады
Гремящую воздвигнул рать;
Я медны изваял громады,
Злодеев внешних чтоб карать.
Тебе велел повиноваться,
С тобою к славе устремляться.
Для пользы всех мне можно все.
Земные недра раздираю,
Металл блестящий извлекаю
На украшение твое.

19

Но ты, забыв мне клятву данну,
Забыв, что я избрал тебя
Себе в утеху быть венчанну,
Возмнил, что ты господь, не я.
Мечем мои расторг уставы,
Безгласными поверг все права,
Стыдиться истине велел;
Расчистил мерзостям дорогу,
Взывать стал не ко мне, но к богу,
А мной гнушаться восхотел.

20

Кровавым потом доставая
Плод, кой я в пищу насадил,
С тобою крохи разделяя,
Своей натуги не щадил.
Тебе сокровищей всех мало!
На что ж, скажи, их недостало,
Что рубище с меня сорвал?
Дарить любимца, полна лести,
Жену, чуждающую чести!
Иль злато богом ты признал?

21

В отличность знак изобретенный
Ты начал наглости дарить;
В злодея меч мой изощренный
Ты стал невинности сулить.
Сгруженные полки в защиту
На брань ведешь ли знамениту

За человечество карать?
В кровавых борешься долинах,
Дабы, упившись, в Афинах:
«Ирой!» — зевав, могли сказать.

22

Злодей, злодеев всех лютейший,
Превзыде зло твою главу,
Преступник, изо всех первейший,
Предстань, на суд тебя зову!
Злодействы все скопил в едино,
Да ни едина прейдет мимо
Тебя из казней, супостат.
В меня дерзнул острить ты жало.
Единой смерти за то мало,
Умри, умри же ты стократ!»

23

Великий муж, коварства полный,
Ханжа, и льстец, и святотать,
Един ты в свет столь благотворный
Пример великий мог подать.
Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
Что, власть в руке своей имея,
Ты твердь свободы сокрушил;
Но научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы:
Ты Карла на суде казнил.

24

Ниспал призра́к, и тьму густую
Светильник истины попрал;
Личину, что зовут святою,
Рассудок с пагубы сорвал.
Уж бог не зрится в чуждом виде,
Не мстит уж он своей обиде,
Но в действе распростерт своем;
Не спасшему от бед нас мнимых, —
Отцу предвечному всех зримых
Победную мы песнь поем.

25

Внезапу вихри восшумели,
Прервав спокойство тихих вод, —

Свободы гласы так взгремели,
На вече весь течет народ,
Престол чугунный разрушает,
Самсон как древле сотрясает
Исполненный коварств чертог;
Законом строит твердь природы;
Велик, велик ты, дух свободы,
Зиждителин, как сам есть бог!

26

Сломив опор духовной власти
И твердой мщения рукой
Владычество расторг на части,
Что лжей воздвигнуто святой;
Венец трегубый затмевая
И жезл священный преломляя,
Проклятий молний угушил,
Смеясь мнимого прощенья,
Подъял луч Лютер просвещенья,
С землею небо помирил.

27

Как сый всегда в начале века
На вся простерту мочь явил,
Себе подобна человека
Создати с миром положил,
Пространства из пустыней мрачных
Исторг — и твердых и прозрачных
Первейши семена всех тел;
Разруша, древню смесь покоил;
Стихиями он все устроил
И солнцу жизнь давать велел.

28

И дал превыспренно стремленье
Скривленному рассудку лжей;
Внезапу мощно потрясенье
Поверх земли уж зрится всей;
В неведомы страны отважно
Летит Колумб чрез поле влажно;
Но чудо Галилей творит:
Возмог, протекши пустою,
Зиждительной своей рукою
Светило дневно утвердить.

29

Так дух свободы, разоряя
Вознесшейся неволи гнет,
В градах и селах пролетая,
К величию он всех зовет,
Живит, родит и создает,
Препоны на пути не знает,
Вождаем мужеством в стезях;
Нетрепетно с ним разум мыслит
И слово собственностью числит,
Невежства что развеет прах.

30

Под дровом, зноем упоенный,
Господне стадо пастырь пас;
Вдруг новым светом озаренный,
Вспрянув, свободы слышит глас;
На стадо зверь, он видит, мчится,
На бой с ним ревностно стремится;
Нечуждый вождь брежет свое, —
О стаде сердце не радело,
Как чуждо было, не жалело;
Но ныне, ныне ты мое.

31

Господню волю исполняя,
До востока солнца на полях
Скупую ниву раздирая,
Волы томилась на браздах;
Как мачеха к чуждоутробным
Исходит с видом всегда злобным,
Рабам так нива мзду дает.
Но дух свободы ниву греет,
Бесслезно поле вмиг тучнеет:
Себе всяк сеет, себе жнет.

32

Исполнив круг дневной работы,
Свободный муж домой спешит;
Невинно сердце, без заботы,
В объятиях супружних спит;
Не господя рукой надменна
Ему для казни подаренна,

Невинных жертв чтоб размножал, —
Любовию вождаем нежной,
На сердце брак воздвиг надежный,
Помощницу себе избрал.

33

Он любит, и любим он ею;
Труды — веселье, пот — роса,
Что жизненностию своею
Плодит луга, поля, леса;
Вершин блаженства достигают;
Горячность их плодом стягчают
Всецедры боги в простоте.
Безбедны дбйдут до кончины,
Не зная алчной десятины,
Птенцов что корчит в наготе.

34

Воззри на беспредельно поле,
Где стерша зверство рать стоит:
Не скот тут согнан поневоле,
Не жребий мужество дарит,
Не гряда правильно стремится, —
Вождем тут воин каждый зрится,
Кончины славной ищет он.
О воин непоколебимый,
Ты есть и был непобедимый,
Твой вождь — свобода, Вашингтон.

35

Двулична бога храм закрылся,
Свирепство всяк с себя сложил,
Се бог торжеств меж нас явился
И в рог веселий вострубил.
Стекаются тут громки лики,
Не видят грозного владыки,
Закон веселью кой дает,
Свободы зрится тут держава, —
Награда тут — едина слава,
Во храм бессмертья что ведет.

36

Сплетясь веселым хороводом,
Различности надменность сняв,

Се паки под лазурным сводом
Естественный встает устав;
Погрязла в тине властна скверность,
Единая личная отменность
Венец возможет восхитить;
Но не пристрастия державну,
Опытностью лишь старцу славну
Его довлеет подарить.

37

Венец, Пиндару возложенный,
Художества соткан рукой;
Венец, наукой соплетенный,
Носим Невтоновой главой.
Таков, себе всегда мечтая,
На крыльях разума взлетая,
Дух бодр и тверд возможет вся;
Миров до края вознесется
И славой новой облечется:
Предмет его суть мы, не я.

38

Но страсти, изощряя злобу,
Враждебный пламенник трясут,
Кинжал вонзить себе в утробу
Народы пагубно влекут;
Отца на сына воздвигают,
Союзы брачны раздирают,
В сердца граждан лиют боязнь;
Рождается несытна власти
Алчба, зиждущая напасти,
Что обществу устроит казнь.

39

Крутясь вихрем громоносным,
Обвившись облаком густым,
Светилом озарясь поносным,
Сияньем яд прикрыт святым.
Разя, прельщая, угрожая,
Иль казнь, иль мзду ниспосылая —
Се меч, се золото; избирай —
И сев на камени ехидны,
Лестей облек в взор миловидный,
Шлет молнию из края в край.

40

Так Марий, Сулла, возмутивши
Спокойство шаткое римлян,
В сердцах пороки возродивши,
В наемну рать вместил граждан,
Ругаясь всем, что есть свято,
И то, что не было отнято,
У римлян откупить возмог;
Весы златые мзды позорной,
Предательству, убивству сродной,
Воздвиг нечестья средь чертог.

41

И се, скончав граждански брани
И свет коварством обольстив,
На небо простирая длани,
Тревожну вольность усыпив,
Чугунный скиптр обвил цветами;
Народы мнили — правят сами,
Но Август выю их давил;
Прикрыл хоть зверство добротой,
Вождаем мягкою душою, —
Но царь когда бесстрастен был!

42

Сей был и есть закон природы,
Неизменяемый никогда,
Ему подвластны все народы,
Незримо правит он всегда;
Мучительство, стряся пределы,
Отравы полны свои стрелы
В себя, не ведая, вонзят;
Равенство казнию восставит;
Едину власть, валясь, раздавит;
Обидой право обновит.

43

Дойдешь до меты совершенства,
В стезях препоны прескочив,
В сожитии найдешь блаженство,
Несчастных жребий облегчив,
И паче солнца возблистаешь,

О вольность, вольность, да скончаешь
Се вечностью ты свой полет:
Но корень благ твой истощится,
Свобода в наглость превратится
И власти под ярмом падет.

44

Да не дивимся превращенью,
Которое мы в свете зрим;
Всеобщему вослед стремленью
Некосненно стремглав бежим.
Огонь в связи со влагой спорит,
Стихия в нас стихию борет,
Начало тленьем тщится дать;
Прекраснейше в миру творенье
В веселии начнет рожденье
На то, чтоб только умирать.

45

О! вы, счастливые народы,
Где случай вольность даровал!
Блюдите дар благой природы,
В сердцах что вечный начертал.
Се хлябь разверстая, цветами
Усыпанная, под ногами
У вас, готова вас сглотить.
Не забывай ни на минуту,
Что крепость сил в немощность люту,
Что свет во тьму лязя претворить.

46

К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится, гнетом где согбенна
Лежала вольность поправа;
Ликуешь ты! а мы здесь страждем! . .
Того ж, того ж и мы все жаждем;
Пример твой мету обнажил;
Твоей я славе непричастен —
Позволь, коль дух мой неподвластен,
Чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл.

47

Но нет! где рок судил родиться,
Да будет там и дням предел;
Да хладный прах мой осенится
Величеством, что днесь я пел;
Да юноша, взалкавый славы,
Пришед на гроб мой обветшавый,
Дабы со чувствием вещал:
«Под игом власти, сей, рожденный,
Нося оковы позлащенны,
Нам вольность первый прорицал».

48

И будет, вслед гремящей славы
Направля бодрственно полет,
На запад, юг и восток державы
Своей ширить предел, но нет
Тебе предела ниотколе,
В счастливой ты ликуя доле,
Где ты явишься, там твой трон;
Отечество мое, отечество драгое,
На чреслах пояс сил, в покое,
В окрестность ты даешь закон.

49

Но дале чем источник власти,
Слабее членов тем союз,
Между собой все чужды части,
Всяк тяжесть ощущает уз.
Лучу, истекшу от светила,
Сопутствует и блеск и сила;
В пространстве он теряет мощь,
В ключе хотя не угасает,
Но бег его ослабеваает,
Ползущего глотает ночь.

50

В тебе, когда союз прервется,
Стончает мнений крепка власть;
Когда закона твердь патнется,
Блюсти всяк будет свою часть;
Тогда растерзанно мгновенно,
Тогда сложенье твое бренно,

Сдрогаясь внутренно, падет,
Но праха вихри не коснутся,
Животны семена проснутся,
Затускло солнце нов даст свет.

51

Из недр развалины огромной,
Среди огней кровавых рек,
Средь глады, зверства, язвы томной,
Что лютый дух властей возжег, —
Возникнут малые светила;
Незыблемы свои кормила
Украсят дружества венцом,
На пользу всех ладью направят
И волка хищного задавят,
Что чгит слепец своим отцом.

52

Но не приспе еще година,
Не совершились судьбы;
Вдали, вдали еще кончина,
Когда иссякнут все беды!
Встрещат заклеты тяжкой ночи;
Упруга власть, собрав все мочи,
Вскатясь горе, потщится пасть,
Да грузным махом вся раздавит,
И стражу к словеси приставит,
Да будет горшая напасть.

53

Влача оков несносно бремя,
В вертепе плача возревет.
Приидет вожделенно время,
На небо смертность воззовет;
Направлена в стезю свободой,
Десную ополча природой,
Качнется в дол — и страх пред ней;
Тогда всех сил властей сложенье
Развеется в одно мгновенье.
О день! избраннейший всех дней!

54

Мне слышится уж глас природы,
Начальный глас, глас божества;
Трясутся вечно мрака своды,
Се миг рожденью вещества.
Се медленно и в стройном чине
Грядет зиждитель наедине —
Рекл. . . яркий свет пустил свой луч
И, ложный плена скиптр поправши,
Сгущенную мглу разогнавши,
Блестящий день родил из туч.

ДОПОЛНЕНИЯ

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В РАЗДЕЛАХ «ДОПОЛНЕНИЯ» И «ПРИЛОЖЕНИЯ»

Г — список начальной редакции «Путешествия» (бумага 1780-х, 1790-х и 1791—1807 гг.) — ОПИ ГИМ, ф. 83, № 85-а; в главе «Тверь» — полный текст «Вольности» и «Творение мира».

Е — список, содержащий 4 главы начальной редакции (изготовлен примерно в 1840-х гг.), — ОР ГПБ, ф. 624, № 7.

Ж — список, содержащий 4 главы начальной редакции (изготовлен примерно в 1840-х гг.), — ОР ИРЛИ, р. 1, оп. 24, № 451.

А — цензурная рукопись, состоящая из цензурной редакции (*Ан*) и позднейших дополнений (бумага 1788—1789 гг.), — ЦГАДА, Госархив, разряд VII, оп. 4, № 2760, ч. II.

Б — список сводной редакции (бумага 1794 и 1796 гг.) — ОР ИРЛИ, архив М. Н. Лонгинова, № 23470/CLVIII, б. 21; в главе «Тверь» — полный текст «Вольности» и «Творение мира».

В — список сводной редакции (бумага примерно 1795—1805 гг.) — ЦГАЛИ, ф. 1719, оп. 1, № 3; в главе «Тверь» — полный текст «Вольности» и «Творение мира».

Д — принадлежавший М. Н. Анучину список четвертой, пятой или шестой наборной редакции, выправленный по сводной редакции (бумага 1828 г.), — библиотека Государственного музея Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде.

Ув — список первой наборной редакции (бумага 1814—1815 гг.) — ОПИ ГИМ, ф. 17, Уваровы, оп. 2, № 420.

Гш — список первой наборной редакции (бумага 1812—1813 гг.) — ОР ГБЛ, ф. 68, собрание Генерального штаба, № 414.

Кл — список первой наборной редакции (бумага 1825 г.) — ЦГАЛИ, ф. 1719, оп. 1, № 6; принадлежал М. Келлеру.

Ми — список первой наборной редакции (бумага 1824 г.) — ЦГАДА, ф. 181, № 882; принадлежал библиотеке Московского главного архива Министерства иностранных дел.

Вр — список второй наборной редакции (бумага 1815—1817 гг.) — ОР БАН СССР в Ленинграде, Тек. пост., № 137; принадлежал М. С. Воронцову.

Чк — список третьей наборной редакции (бумага 1811—1818 гг.) — ОПИ ГИМ, ф. 445, Чертков, № 67 Б (или № 67, ч. 92).

Тх — список третьей наборной редакции (бумага 1817—1820 гг.) — ОР ГПБ, собрание П. Н. Тиханова, № 114.

Еф — список четвертой наборной редакции (изготовлен в середине XIX в.) — ЦГАЛИ, ф. 1296, оп. 2, № 20; принадлежал П. А. Ефремову.

Кб — список четвертой наборной редакции (бумага 1804—1805 гг.) — ОР ГПБ, собрание Колобова, № 407.

Эй — список 2-й части (от главы «Валдаи») четвертой наборной редакции (бумага 1800-х гг., на заднем форзаце — водяной знак «1809»); приобретен ОР ГПБ у А. Э. Эйхенбаума в 1987 г.

Ол — список 1-й части (до главы «Яжелбшцы») пятой наборной редакции (бумага 1792 г.) — ОР ГПБ, 0.XV.22 («Оленинская система»).

Рз — неполный список (нет «Слова о Ломоносове») шестой наборной редакции (бумага форзаца — 1821 г.) — Государственная библиотека им. Виллса Ладиса в Риге (шпфр — Р.Х. 120, 3, 1).

Пд — список шестой наборной редакции (бумага 1801—1806 гг., изготовлен 21 XII 1805 — 27 III 1806 г.) — ОР ИРЛИ (Пушкинский дом) АН СССР, р. II, оп. 1, № 331.

Нга — список с 11 прибавлениями (бумага 1826 г.) — ОР ГПБ, Собр. А. А. Титова, № 1312; на первом титульном листе — «Мой альбом. Книга 7. Н. Г.».

Муз — список редакции Сос, предназначавшейся для включения в «Собрание оставшихся сочинений» Радищева (бумага 1803 г.), — ОР ГПБ, ф. 178, Музейное собр., № 10705.

Бес — список редакции Сос (бумага 1819 г.) — ОР ГБЛ, ф. 138, № 324 (старый шпфр — М. 10320); принадлежал А. Бессонову; в приложении — «Вольность».

Бод — список, исправленный по тексту редакции Сос (середины XIX в.) — ОР ГПБ, Собр. А. А. Титова, № 389; принадлежал О. М. Бодянскому; в приложении — «Вольность».

Май — неполный список редакции Сос (середины XIX в.) — ОР ГПБ, ф. 452, Майковы, оп. 1, № 605; изготовлен А. А. Майковым, возможно, в 1855 г.; «Вольность» хранится отдельно — ф. 452, оп. 1, № 610.

Мги, Гим — два списка «Вольности», подготовленные для включения оды в «Собрание оставшихся сочинений» в виде приложения к «Путешествию» (бумага 1804 и 1806 гг.), — ОПИ ГИМ, ф. 342, № 71. Б. 13.

Пог — неполный список «Вольности» редакции Сос — ОР ГБЛ, Пог/Ш. 10. 2 (изготовлен в 1-й половине XIX в.).

Пра — список «Вольности» П. А. Радищева, переданный им П. А. Ефремову, — ОР ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 2162.

Сир — публикация «Вольности» по списку П. А. Радищева: Вольность. Ода. СПб., 1906 (изд-во «Сирнус»).

Лон — Путешествие из Петербурга в Москву А. Радищева. — В конволюте: Князь М. Щербатов и А. Радищев. Лондон, 1858 (издание А. И. Герцена).

Печ. — Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1790 (то же — фотолитографское воспроизведение в изд-ве «Academia». М.; Л., 1935).

Соч. — Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 1—3, 1938—1952.

При подаче под строкой вариантов к тексту ранней редакции сразу после цифры сноски указаны списки, содержащие тот же вариант, что и основной текст; после точки с запятой после соответствующего перечня списков приведены иные варианты. В случаях, когда разночтения содержатся в небольшой части списков, приводятся только эти, отличающиеся от основного текста варианты.

В вариантах и разночтениях к дополнительным фрагментам «Путешествия» после двух пар цифр (первая пара означает страницу и строку настоящего издания, вторая — страницу и строку Печ.) сначала дано слово или словосочетание основного текста с указанием списков лишь в случае небольшого числа их; после точки с запятой за соответствующими перечнями списков приводятся варианты и разночтения.

При подаче вариантов указания на списки даются в вышеприведенной последовательности (Г, Е, Ж, Ан, Б и т. д. вплоть до Пд). В целях экономии места в перечнях большая группа списков, следующих подряд и содержащих один и тот же вариант, дается сокращенно — с указанием первого и последнего списка последовательного ряда. Если какой-то из списков содержит иное разночтение, он указывается отдельно. Так, например, сокращенное указание к варианту «Ув. . .Тх» означает, что текст одинаков в списках Ув, Гш, Кл, Ми, Вр, Чк, Тх. Пример сложного сокращения — в главе «Хотиллов» к слову «нудится» под строкой напечатано: ⁷⁰АнМиЧк. . .Пд; Б. . . Вр — нудится. Это значит, что данное в основном тексте слово «нудится» имеется в списках Ан, Ми, Чк, Тх, Еф, Кб, Эй, Рг и Пд, тогда как в списках Б, В, Д, Ув, Гш, Кл, Вр — «нудится».

В вариантах и разночтениях к «Вольности» первая цифра означает номер строфы, вторая — стиха. Здесь приводятся только варианты, основной текст не повторяется.

Словесные сокращения, применяемые при подаче вариантов: *испр.* — «исправлено»; *зач.* — «зачеркнуто»; *доб.* — «добавлено»; *доп.* — «дополнено» (или «дополненный»); *Рад.* — «Радищевым»; *Цар.* — «Царевским»; *пер.* — «переписчиком»; *ред.* — «редактором» (или владельцем списка).

В разделе «Приложения» при ссылках на варианты к тексту, вошедшему в раннюю редакцию «Путешествия», приводятся сокращенные названия глав (например, «Соф.» — «София», «Спол.» — «Спаская Полесь», «Кр.» — «Крестыцы» и т. п.) с прибавлением номера варианта. Ссылки на варианты к тексту, вошедшему в «Путешествие» при позднейшей доработке («дополнительные фрагменты»), равно как и ссылки в статье, посвященной текстологическим принципам издания, даются по Печ., с указанием страницы и строки сверху.

Для лучшей ориентации в соотношении с Печ. на полях основного текста настоящего издания указаны страницы по книге 1790 г.

ПАГИНАЦИИ И СОСТОЯНИЕ РУКОПИСИ А. БЕ СОСТАВ ПО ПОЧЕРКАМ И СОДЕРЖАНИЮ

Условные обозначения

арх. — современная архивная пагинация (в скобках — старая архивная пагинация, приведенная Барсковым);

перв. — первоначальная радищевская пагинация (в этом и следующих столбцах взяты в скобки номера листов, отсутствующих в рукописи);

доп. — первоначальная пагинация вставок в рукопись Ан;

изм. — измененная Радищевым пагинация;

четв. — четверичная пагинация.

В примечании указано расположение глав (пометка «об.» означает, что данная глава начинается на обороте листа), содержание вставок, и их почерк (не оговаривается основной, 1-й почерк рукописи Ан, принадлежащий А. А. Царевскому), дополнительные пояснения о состоянии листов. Кроме того, при номерах утраченных листов указан отсутствующий в рукописи текст по изданию 1790 г., причем первая цифра (курсив) означает страницу по этому изданию, вторая — строку, следующее далее слово — начало утраченного текста, последнее слово — конец его; цифры между ними означают страницы печатного текста, не имеющиеся в рукописи.

<i>арх.</i>	<i>перв.</i>	<i>доп.</i>	<i>изм.</i>	<i>четв.</i>	<i>Примечание</i>
1	1			1	«Выезд». На поле: «С позволения Управы Благочиния».
	(2)				(«София») 2, 24 моя толкнулась 3, 4, 5,
	(3)				6, 7, 14—15 в кабак.
2	4				об. — «Тосна»
	(5)			(2)	9, 12 Обеспокоен 10, 17 достоинство
3	6				
4	7				об. — «Любани»
5	8				
6	9			3	
	(10)				18, 15 быть 19, 20, («Чудово») 21, 22,
	(11)				10 кончился
7	12				
8	13			4	

Продолжение

арх.	перв.	доп.	изм.	четв.	Примечание
9	14				
10	15				
11	16				
12	17				(5) Цифра 5 почти неразличима: угол реставрирован.
13	18				
14	19				
	(20)				35, 12 все исчезнет 36 (и примечание), 37, 38, 12 что я слышал.
15	21				(6) Цифра не видна: карандаш стерся.
	(22)		(26)		(«Спасская Полесь») 41, 1 Спасская Полесь 41, 17—18 поспешно.
16 (17)		1	22		доп. 1, 2, 3, (4) — вставка об устерсах,
17 (18)		2	23		2-й почерк
18 (19)		(3)	(24)		Угол реставрирован.
	(23)	(4)	(25)		47, 1 дано курьеру 48, 49, 50, 51, 11 мгновением.
19 (20)	24		(27)		
	(25)		(28)		(7) 53, 5 неправосудие. 54, 23 под стражу
20 (21)	26		29		
21 (22)	27		30		
22 (23)	(28)		(31)		Цифр нет: верх листа обрезан. Загл. «Подберезье» (сон).
23 (24)	29		32	8	Здесь и далее четверичные цифры сделаны чернилами.
24 (25)	30		33		
25 (26)	31		34		
26 (27)	32		35		
27 (28)	33		36	9	68, 16—17 и да возвратятся 69, 70, 13 глазным врачом.
	(34)				
28 (29)	35		(б/№)		
29 (30)	36		37		
30 (31)	37		38	10	
31 (32)	38		39		
32 (33)	39				
33 (34)	40				
34 (35)	41			11	82, 21—22 было видеть 83, 84, 20 старцу, коего об. — «Новгород»
	(42)				(«Подберезье»); доп. (1) — (9) — вставка нового текста «Подберезья», 3-й почерк. 86, 1 Подберезье, 87, 88, 89, 90, 8 позже, за
35 (16)	43	(1)			
		(2)			
		(3)			

Продолжение

арх.	перв.	доп.	изм.	четв.	Примечание
36		4	49		
37		5	45		
38		6	(6/№2)		
39		(7)			94, 10 растет, дабы 95, 20 Разверни
		8	48		
	(44)	(9)			97, 1 творением 98, 22 статью Акиба.
	(45)		(12)		100, 2 зноя. 101, 102, 103, 104, 105, (об. — «Бронницы») 106, 107, 108, 9— 10 кланяется гусем
40		33			Вставка о семействе Карпа Дементыча,
41		34			2-й почерк.
42		35			
43	46	(?)	56		112, 22 прежняя 113, 114, 2 начинает
	(47)				
	(48)				115, 23—24 существу 116, 117, 118, (об. — «Зайцово») 119, 120, 121, 122,
44	50		(13)		13 на безза ^а конное>
	(51)				
	(52)				124, 16 <он при>ехал 125, 126, 127, 128, 9 разъезжал всегда
45	53			14	
46	54				
47	55				
48	56				
49	57			15	
50	58				
51	59				
52	60				
53	61			16	
54	62				
55	63				«Крестыцы»
		(?)			147, 12 Сей_день 148, 149, 150, 18 за-
		(?)			муж. Все
56		67			Вставка о женитьбе Дурындина, 3-й
57		57			почерк.
		(?)			153, 17 не женитьбою 153, 20 дней.
	(64)				155, 7 <мо>локосов 156, 23 любимцев.
58	(65)		(17)		Цифр нет: верх листа оборван.
59	66				
60	67				
61	68				
62	69			18	
63	90				Радищев ошибся на 20 номеров.
64	91				

					<i>Продолжение</i>
<i>арх.</i>	<i>перв.</i>	<i>доп.</i>	<i>изм.</i>	<i>четв.</i>	<i>Примечание</i>
65	92				
66	93			19	
67	94				
	(95)				175, 16—17 преподам 176, 177, 178,
	(96)				19 будут
68	97			20	
69	98				
70	99				
71	100				
72	101			21	
73	102				
74	103				
75	104				
76	105			22	
	(106)				193, 18 <Уве>рен 194, 195, 196, (об.—
	(107)				«Яжелбицы») 197, 19 раскаянию.
77	108				
78	109			23	
79	110				
80	111				об. — «Валдаи»
	(112)				204, 9 Кто не бывал 205, 24 оплошного
81	113			24	
82	114				
83	115				об. — «Едрово»
	(116)				210, 14 здоровье 211, 212, 5 быть
84	117			25	
85	118				
86	119				
87	120				
88	121			26	
89	122				
90	123				
	(124)				222, 13 <ма>тушка 223, 224, 2 остано
					вьясь
91	125			27	
	(126)				225, 15 попытался 226, 227, 228,
	(127)				13 во стезях
92	128				
93	129			28	
94	130				
95 (96)	131				об. — «Хотилов»
96 (95)		(б/№)			Вставка — конец «Едрова», 3-й почерк.
97	132				
98	133			29	

Продолжение

<i>арх.</i>	<i>перв.</i>	<i>доп.</i>	<i>изм.</i>	<i>четв.</i>	<i>Примечание</i>
99	134				
100	135				
101	136				
102	137			30	
103	138				
104	139				
105	(140)				
	(141)			(31)	Цифр нет: верх листа оборван. 249, 5 на кончину 250, 16 Но кто же
106	(142)				(142)—(149), (33) — цифр нет: углы или
107	(143)				верхние части листов срезаны.
108	(144)				
109	(145)			32	
110	(146)				
111	(147)				
112	(148)				
113	(149)			(33)	
	(150)				262, 12 <ва>ших расположение 263, 22 они были
114	151		153	34	
	(152)				265, 8 гражданских 266, 267
		(153)			(«Вышний Волочок») 268, 269, 270, 1 России
115	154				Вставка — «Вышний Волочок», 1-й по- черк (Царевского).
116	155				
117	156				
118	157				
	(158)				276, 22 овины 277, 4 примером.
	(159)				(«Выдропуск») 278, 1 Выдропуск 279, 4 что они
119	160				
120	161			35	
121	162				
122	163				
123	164				
124	165			36	
125	166				«Торжок»
126	167				
127	168				
	(169)			(37)	292, 20 Правительство 293, 294, 3 учи- лица. (и примечание 294, 13 *Та- кого же, 294, 25 особами.)
128	170				
129	171				
130	172				

<i>арх.</i>	<i>перв.</i>	<i>доп.</i>	<i>изм.</i>	<i>четв.</i>	<i>Примечание</i>	<i>Продолжение</i>
131	173 (174)			38		
					300, 10 ослепленный 301, 302, 15 спящие (и примечание о Дикинсоне)	
132	175					
133	176				(нет 305, 14 Прощаясь 305, 20 мимо)	
134		1	177		Вставка — «Краткое повествование о цензуре», 3-й почерк.	
		(2)			307, 20 думали 308, 309, 11 осужденными! Если (и примечания об Арии Монтане и Кассии Севере)	
135		3	178			
136		4	179			
137		5	180			
138		6	181			
		(7)			315, 19—20 разум 316, 317, 7 года (и ссылка на Кодекс)	
139		8	181 (bis)			
		(9)			319, 5 находится 320, 19 в оном	
140		10	182			
141		11	183			
142		12	184			
		(13)			325, 7 Рассматривая 326, 21—22 изобретение (и примечание)	
143		14	185			
144		15	186			
145		16	187			
146		17	187 (bis)			
		(18)	(188)		332, 14 было наложить 333, 334, 13 быть	
147		19	189			
148		20	190			
		(?)			336, 20 осмеяна 337, 338, 339, 340, 10 в путь. (и примечание об австрийской цензуре)	
		(?)			(«Медное») 341, 1 Медное 342, 343, 2 баталию он	
	(177)			(39)		
149	178					
150	179					
151	180					
152	181			40		
153	182				«Тверь»	
	(183)				351, 8 (прело)жил 352, 18 Вольтера.	
154	184					
155	185			41		
156	186				«Вольность», строфа 1, прозаическая связка.	

Продолжение

арх.	перв.	доп.	изм.	четв.	Примечание
157	186	(bis)			Строфы 2, 3, 4, 5, 6 (нумерация строф по первоначальному тексту цензурной редакции, — см. раннюю редакцию «Путешествия»).
158 (159)	187				Строфы 7, 8, 9, 10, 11, 12 (ст. 1—4).
159 (158)	188				42 Строфы 12 (ст. 5—10), 13, 14, 15, 16, 17 (концы ст. 1—2, далее лист оборван), Нет строф 18—28, прозаической связки, «Творения мира», концовки «Твери» в ранней редакции; в печатной редакции это заменено текстом 367, 1—2 23. И се глас вольности 368, 369, 25 с норовом.
	(189)				(43)
	(190)				
	(191)				
	(192)				
	(193)				
	(194)				
	(195)				
	(196)				(44) («Городня») 370, 1 Городня 371, 3 от зноя?
160	197				
161	198				
162	199				
163	200				45
164	201				
165	202				
166	203				
167	204				46
168	205				
169	206				
170	207				
171	208				47
	(209)				389, 10 в великие (п примечание), 390, 391, 7 вот как. Я
172	210				
173	211				
174	212				48 «Завидово» (см. раннюю редакцию).
	(213)				395, 2 Лошади 396, 397, 398, 5 подобным
	(214)				Низ листа оборван.
175	215				(49) 399, 13 обман 400, (об. — «Клин») 401, 3 князь. . .
	(216)				
176	217				
	(218)				402, 14 <чувство>вания 403, 24 бояз<ни>
177	219				
178	220				50

Продолжение

арх.	перв.	доп.	изм.	четв.	Примечание
179	221				
180	222				об. — «Пешки»
181	(6/№ ²)				
182	223			51	
183	224				
184	(6/№ ²)				об. — «Черная грязь»
185	225				нет 418, 13 Я тебе 418, 23 бессонницы
186	226			52	
	(227)				нет центральной части рассказа самоубийцы (см. раннюю редакцию)
	(228)				нет 453, 10 Но любезной 453, 15 погонай. Об. на поле: «Печатать позволено 22 июля 1789 года. Никита Рылеев. Обложка «Слова о Ломоносове».
187	(229)				Вставка — «Слово о Ломоносове», 2-й почерк.
188					
189		(6/№ ²)			
190		(6/№ ²)			
191		1			
192		2			
		(3)			424, 19 <утомлен>ному 425, 426, 6 Рима
193		4			
194		5			
195		6			
196		7			
		(8)			431, 21 Трещущ 432, 433, 434, 435, 21 вдруг
		(9)			
		(10)			
197		11			
198		12			
		(13)			438, 23—24 Заслуги 439, 440, 18 томными пред<писаниями>.
199		14			
		(15)			442, 10 Ломоносов 443, 444, 445, 9 задача
		(16)			
200		17			
201		18			
		(19)			448, 11 воздвигнути 449, 450, 451, 1 тво<рениях>
		(20)			Цифр нет: угол листа оторван.
202		(21)			Цифры почти не видны. На об. после текста: «Печатать позволено 25 сентября 1789 года. Никита Рылеев».
203		22			
(206)					Конец рукописи, не имеющей отноше-
204					

*Окончание**Примечание*

205

ния к «Путешествию»: «А теперь увы!
Плачевные перемены! с Нероном ты
сравнился. . .» После текста: «Печата-
ть позволено от Управы Благодичиния
в С. Петербурге марта 10 1790 года.
Андрей Жандр».

ПУТЕШЕСТВИЕ^а

(Реконструкция ранней редакции)

ВЫЕЗД

Отужинав¹ с моими друзьями, я лег² в кибитку. Ямщик по обыкновению своему поскакал во всю лошадиную мочь³, и в несколько минут я был уже за городом. — Расставаться трудно, хотя и⁴ на малое время, с тем, кто нам нужен стал на всякую минуту бытия нашего. Расставаться трудно; но блажен тот, кто и⁵ расстаться⁶ может не улыбаясь⁷. Любовь или дружба стрегут его утешение. Ты плачешь, произнося «прости». — Но вспомни⁸ о возвращении твоём, и⁹ да исчезнут слезы твои при сем воображении, яко роса пред лицом солнца. Блажен¹⁰ возрыдавший¹¹, надейся¹² на утешителя; ¹³блажен живущий иногда в будущем¹⁰; блажен живущий в мечтании¹³. Существо его усугубится¹⁴, ¹⁵веселии множатся¹⁵, и спокойствие упреждает¹⁶ нахмуренность грусти, распложая¹⁷ образы радости в зеркалах¹⁸ воображения. — Я лежу в кибитке. Звон почтового колокольчика, наскучив¹⁹ моим ушам, призвал наконец благодетельного Морфея. ²⁰Я заснул²⁰. Горесть²¹ разлуки моя, преследуя за мною в смертоподобное мое состояние, представила меня воображению моему уединенного²². Я зрел себя в пространной долине, потерявшей²³ от солнечного

^а *Ан*; *БВКлУвГшВрЧкТх* — Путешествие из Петербурга в Москву; *ГМи* — Путешествие из Санкт-Петербурга в Москву; *ДЕФКБОл* — Проницающий гражданин, или (*Д* — гражданин.) Путешествие из С. Петербурга (*КБОл* — Санкт-Петербурга) в Москву; *Рг* — (строка точек) или Проницающий гражданин, проваждавший жизнь свою в печали и смятении от (две строки точек); *Пд* — Путешествие из С. Петербурга в Москву (титульные листы в *Г* и *Б* позднейшего происхождения)

¹ *АнРг*; *Г. . . Пд* — Отъ ужинав ² *Г* — лег (спать) (зач. в рук.) ³ *Д* — скачь *испр.* мочь ⁴ *ГАНБ*; *В. . . Пд* нет ⁵ *ГБ*; *Д* доб. и и зач.; *Ан. . . Пд* нет ⁶ *Ан* — расстатися *испр.* расстаться; *БУвКлВрЧкЕФКб* — расставаться; *Ми* — расставатися ⁷ *Ан* — усомняся *испр.* улыбаяся; *ТхЕФКБОл* — улыбаясь; *Д* — улыбаясь *испр.* улыбаяся ⁸ *КлДЕФКбРгПд* — вспомни ⁹ *УвКлМиВрЧк* нет ¹⁰⁻¹⁰ *ЕФКб* — живущий иногда в будущем; возрыдавши надейся на утешителя ¹¹ *ГАНБ*; *В. . . Пд* — возрыдавший ¹² *В* — надейся; *Ми* — надейся; *Д* — надеющийся *испр.* надеяться ¹³⁻¹³ *УвКлМиВрЧк* — блажен в мечтании ¹⁴ *Г*; *Ан. . . Пд* — усугубляется ¹⁵⁻¹⁵ *Г*; *Б* — веселие множится; *Ан. . . Пд* — веселия множатся ¹⁶ *КлМиВрЧк* — утверждает; *Рг* — предупреждает ¹⁷ *Ув. . . Тх* — располагая ¹⁸ *ВЕФКб* — сердцах ¹⁹ *БД* — наскучил; *ЕФКб* — наскучав ²⁰⁻²⁰ *ГБВ*; *Д* доб. Я заснул и стерт; *Ан* зач. Я заснул; *Ув. . . Пд* нет ²¹ *ВрЧк* — И час ²² *ГБ*; *Ан* *испр.* уединенна; *В. . . Пд* — уединенна ²³ *УвКлВрЧкТх* — потерявший

зняя всю приятность и пестроту зелени: не было тут ²⁴ни одного ²⁴ источника на прохлаждение, не было древесные сени на умерение ²⁵ зноя. Един, оставлен, среди природы пустынный ²⁶. Вострепетал. — Несчастный, — возопил я, — где ты? где девалось ²⁷ все ²⁸, что тебя ²⁹ прельщало? где то, что жизнь твою делало тебе сносною ³⁰? Неужели приятности ³¹, тобою вкушенные, были ³²единое воображение ³²? — По счастью моему, ³³рытвина, случившаяся на дороге ³³, в которую кибитка моя толкнулась ³⁴, меня разбудила. — Кибитка моя остановилась ³⁵. Приподнял я голову. Вижу: на пустом месте стоит дом в три жилья. — Что такое? — спросил ³⁶ я у повозчика ³⁷ моего. — Почтовый двор. — Да где мы? — В Софии, — и между тем выпрыгал лошадей.

СОФИЯ

Повсюду молчание. Погруженный в размышлениях, не заметил я, что кибитка моя давно уже без лошадей стояла. Привезший меня извозчик извлек меня из моей ¹ задумчивости. — Барин, батюшка ², на водку. — Сбор сей хотя и ³ не законной, но охотно всякой его платит ⁴, дабы не ехать по указу. — Двадцать копеек послужили мне в пользу. Кто ездил ⁵ по дорогам ⁵, тот знает, что подорожная есть оберегательное письмо (salv-guardia) ⁶, без которого всякому кошельку, генеральские ⁷, может быть, исключая, будет накладно. Вынув ее из кармана, я шел с нею, как ходят иногда для защиты своей со крестом. ⁸Комиссара почтового ⁸ я нашел ⁹ храпящего; ¹⁰легонько ¹¹его взял ¹¹, ¹⁰ за плечо ¹². — Ково ¹³ черт давит? Что за манер выезжать из города ночью? Лошадей нет; очень еще рано; взойди ¹⁴ в трактир и ¹⁵ выпей чаю или усни. — Сказав сие, г. комиссар отворотился к стене и паки захрапел. Что делать, потряс я ¹⁶ опять г. комиссара ¹⁶ за плечо. — Что за пропасть, я уже сказал, что нет лошадей, — и, обернув ¹⁷ голову одеялом, г. комиссар от меня отворотился ¹⁸. Я захо-

²⁴⁻²⁴ ГБ; Д доб. ни одного и стерто; Ан. . . Пд нет ²⁵ Б — утоление; Ми Ол — умерения ²⁶ Б — путник; Д испр. путник испр. пустынный ²⁷ ЕфКбОл — девалось ²⁸ КлМиВрЧк — все то ²⁹ испр. по Ан; Г — меня ³⁰ ГБ; Ан испр. приятно; Д — приятно испр. сносно; В. . . Пд — приятно ³¹ ГБ; Ан испр. веселости; В. . . Пд — веселости ³²⁻³² ГБ; Ан испр. сон и мечта; В. . . Пд — сон и мечта ³³⁻³³ ГБ; Ан. испр. случившаяся на дороге рытвина; В. . . Пд — случившаяся на дороге рытвина (Рг — рытвина) ³⁴ ГБ; В. . . Пд — толкнулась ³⁵ ГБ; В. . . Пд — остановилась ³⁶ ГБ; В. . . Пд — спрашивал ³⁷ БДЕфКб — извозчика

¹ ГБ; Д доб. моей и стерто; В. . . Пд нет ² Пд — батюшко ³ ГБ; Д доб. и; В. . . Пд нет ⁴ Ув. . . Тх — платил ⁵⁻⁵ ГБ; В. . . Пд — на почте ⁶ ГБ; В. . . Пд нет ⁷ ГБ; УвКлМиВрЧк — генеральной; В. . . Пд — генеральской ⁸⁻⁸ ГБ; В. . . Пд — Почтового комиссара ⁹⁻⁹ Г; В. . . Пд — нашел я ¹⁰⁻¹⁰ ЕфКб — взял легонько его ¹¹⁻¹¹ ГБ; В. . . Пд — взял его ¹² КлМи — шею ¹³ Рг — Кой ¹⁴ ГБ; В. . . Пд — взойди (ЕфКб — зайди), пожалуй ¹⁵ ГБ; В. . . Пд нет ¹⁶⁻¹⁶ ГБ; В. . . Пд — комиссара опять ¹⁷ В. . . Пд; Г — обертыв; Б — обертыв ¹⁸ ГБ; В. . . Пд — отворотился. Если лошади все в разгоне, — размышлял я, — то несправедливо, что я мешаю (ВрЧк — мешал) комиссару спать. А если лошади в конюшне. . .

тел¹⁹ узнать, правду ли г. комиссар говорил. Вышел²⁰ на двор, сыскал²¹ конюшню и нашел в²² оной²³ лошадей до двадцати. Хотя, правду сказать, кости у них были видны, но меня бы²⁴ дотащили до ²⁵следующей почты²⁵. Из конюшни ²⁶я возвратясь опять²⁶ к комиссару, потряс его гораздо покрепче. Казалось²⁷ мне, что я ²⁸имел к тому²⁸ право, нашед, что комиссар солгал. Он второпях вскочил и, не продрав еще глаз, спрашивал: — Кто приехал? не. . . — но опомнившись и²⁹ увидя³⁰ меня, сказал мне: — Видно, ³¹ты, молодец³¹, обык так обходиться с прежними ямщиками. Их бивали и³² палками. Но ныне не прежняя пора. — ³³Лег ³⁴опять³³ в постелю³⁴. — ³⁵Мне очень хотелось господина³⁶ комиссара так же³⁵ попотчевать, как и³⁷ прежних ямщиков, когда они ³⁸невежливо бывали³⁸; но щедрость моя, давая на водку городскому повозчику³⁹, побудила и⁴⁰ софийских ямщиков запречь мне поскорее лошадей, и в самое то время, когда я намерялся⁴¹ сделать преступление на спине комиссарской, зазвенел на дворе колокольчик. Я пребыл ⁴²доброй гражданин⁴². И так двадцать медных⁴³ копеек избавили миролюбивого человека от следствия, детей моих⁴⁴ от примера невоздержности⁴⁵ во гневе, и я узнал, что рассудок есть раб нетерпеливости.

Лошади меня мчат, извозчик мой затынул песню, по обыкновению заунывную. Кто знает голоса русских⁴⁶ песен⁴⁷, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную ⁴⁸изъявляющее. В голосах наших простых песен⁴⁸ найдешь образование души нашего народа. Посмотри на русского человека, найдешь его задумчива. Если хочет⁴⁹ разогнать⁵⁰ скуку или, как то он сам называет, если захочет повеселиться, то идет в кабак. В веселии своем порывист, отважен, бурлив⁵¹. Если что-либо случится не по нем, то скоро начнет⁵² спор или битву. — Бурлак, идущий в кабак повеся голову и⁵³ возвращающийся ⁵⁴обгабренной в крови⁵⁴ ⁵⁵от оплеух⁵⁵, многое⁵⁶ ⁵⁷мне отверзает⁵⁸ доселе сокровенное⁵⁷. — ⁵⁸Извозчик мой поет.

¹⁹ ГБ; В. . . Пд — вознамерился ²⁰ ВрЧкТх — Вышел; Кл — Вышел я
²¹ Ув. . . Чк — сыскать ²² ВМи — во ²³ ЕфКБол — ней ²⁴ ВУвГшКлВрЧк
Тх — б ²⁵⁻²⁶ Г; Б — следующей перемены; В. . . Пд — следующего стана
²⁶⁻²⁸ Г; Б — возвратился я опять; В. . . Пд — я опять возвратился (Еф — воро-
тился)²⁷ ТхЕфКб — Казалось ²⁸⁻²⁸ ГБКл; В. . . Пд — к тому имел ²⁹ ГБ;
В. . . Пд нет ³⁰ В — увидев; Ув. . . Тх — увидел ³¹⁻³¹ Г; В. . . Пд — молодец,
ты ³² ГБ; Д доб. и и стерто; В. . . Пд нет ³³⁻³³ ГБ; В. . . Пд — Со гневом
г. комиссар лег спать ³⁴⁻³⁴ ЕфКб — в постелю спать ³⁵⁻³⁵ ГБ; В. . . Пд — Мне
его так же хотелось ³⁶ Б — г. ³⁷ ГБ; В. . . Пд нет ³⁸⁻³⁸ ГБ; ВУвГшКлВр
ЧкТхЕф — в обмане приличились; МиДКБолРзПд — в обмане приличились (Рз —
прилыгались) ³⁹ ЕфКб — извозчику ⁴⁰ ГБ; В. . . Пд нет ⁴¹ УвМиВрЧкТх
Рз — намерился; КлЕфКб — намеревался ⁴²⁻⁴² ЕфКб — добрым; гражданином
⁴³ УвКлМиВрЧк нет ⁴⁴ В. . . Пд; Г — своих ⁴⁵ ГБ; В. . . Пд — невоздержания
⁴⁶ ГБМи; В. . . Пд — русских народных ⁴⁷ Ми нет ⁴⁸⁻⁴⁸ Г; В. . . Пд — озна-
чающее. Все почти голоса таких песен суть тону мягкого. — На сем музыкаль-
ном расположении народного уха умеи учреждать бразд (ЕфКБолРзПд — бразды)
правления. В них ⁴⁹ Г; В. . . Пд — захочет ⁵⁰ УвГшВрЧкТхОлРзПд — раз-
гнать ⁵¹ ГАН; Б — и бурлив; В. . . Пд — сварлив ⁵² ГБ; АН. . . Пд — на-
чинает ⁵³ Б нет ⁵⁴⁻⁵⁴ ГАН; Б — обгабрен кровию; В. . . Пд — обгабренной
кровию ⁵⁵⁻⁵⁵ Б нет ⁵⁶ ЕфКБРз — много ⁵⁷⁻⁵⁷ ГАНБ; В. . . Пд — может ре-
шить доселе гадательное в истории российской (Кл — в российской истории;
Гш — в истории российской) ⁵⁸ ГБ; АН — открывает

Третий был час пополуночи. — Как прежде колокольчик, так теперь⁵⁹ песня произвела⁶⁰ опять во мне⁶⁰ сон. — О! природа, объяв человека в пелены⁶¹ скорби при рождении его, влача его по строгим хребтам боязни, скуки и печали чрез⁶² его век, дала ты ему в отраду сон. — Уснул, и все скончалось. — Несносно пробуждение несчастному. ⁶³О, сколь⁶³ смерть для его⁶⁴ приятна. А⁶⁵ есть ли она конец скорби, отче всеблагий, неужели отворишь очи⁶⁶ от окончающего⁶⁷ бедственное ⁶⁸свое житие⁶⁸ мужественно. Тебе, источнику всех благ, тебе⁶⁹ приносится сия жертва. Ты един даешь крепость, когда естество трепещет, содрогается. Се глас отчий, взывающий к себе⁷⁰ свое чадо⁷¹. Ты жизнь мне дал, тебе ее и возвращаю, на земли ⁷²уже она стала⁷² бесполезна.

ТОСНА

Поехавши из Петербурга, ¹я воображал¹ себе, что дорога была наилучшая. Таковую² ее почитали все те, которые ездили по ней вслед государя. Такова она была действительно³, но на малое время. Земля, насыпанная по⁴ дороге, сделав ее гладкою в сухое время, дождями разжиженная, произвела великую грязь среди лета и сделала дорогу⁵ непроходимую⁶. . . ⁷Если бы г. наместники товар⁸ не лицом только продавать⁹ хотели и для всякого гражданина, по большой дороге проезжающего, поступали бы с исправниками земскими по-капральски, как то они ¹⁰с нами¹⁰ поступают, то дороги наши в рассуждении короткого времени, в которое они портятся, были бы наилучшие в свете. Но в самодержавном правлении государь подобен солнцу в естестве. Где оно греет, там есть и жизнь; где его нет, там все умирает. Самодержавный государь один в государстве своем имеет право следовать ¹¹рассудку, все другие обязаны следовать повелениям¹², всегда следовать¹¹ тому, как другой мыслит, а не так, как самому хочется. Скучно, и от того дорога, по которой я ехал, была дурна. . . Но ¹³клячи почтовые¹³, с помощью всеильного кнута, до почтового стану меня¹⁴ дотащили⁷.

⁵⁹ ГБ; Ан. . . Пд — теперь его ¹ ⁶⁰⁻⁶⁰ ЕфКБОлРг — во мне опять ⁶¹ Б — плен; В — пеленах; УвГшКлВрЧк — плен; ЕфКб — пелена ⁶² Г; Ан. . . Пд — чрез весь ⁶³⁻⁶³ В УвГшМуВрЧк — Сколь; Кл — Столь ⁶⁴ ГМи; Ан. . . Пд — него ⁶⁵ ЕфКБОл нет ⁶⁶ ГАн; В. . . Чк — взор свой; ТхЕфКБОлРгПд — взоры свои ⁶⁷ Г; Ан. . . Пд — скончающего ⁶⁸⁻⁶⁸ ГБ; Ан — житие доб. свое; В. . . Пд — житие свое ⁶⁹ ГАНБ; В. . . Пд нет ⁷⁰ Ан — тебе испр. себе ⁷¹ ЕфКБОл — стадо ⁷²⁻⁷² Г; В — она уже стала; Ан. . . Пд — она стала уже

¹⁻¹ В — воображал я ² Ан. . . Пд; Г — Таковую; ³ ВрЧк — действительна ⁴ ГБВ; Ан. . . Пд — на ⁵ ГАН; В. . . Пд — ее ⁶ ГУвВрЧкТх; Ан. . . Пд — непроходимо ⁷⁻⁷ ГБВ; Ан до слов по большой дороге (далее нет листа); Д доб. Если бы г. наместники. . . дотащили и стерто; Ув. . . Пд нет ⁸ ГАН; БВ нет ⁹ ГБВ; Ан — продать ¹⁰⁻¹⁰ Г; БВ — сами ¹¹⁻¹¹ В нет ¹² Г; В — повелению ¹³⁻¹³ ГБ; В — почтовые клячи ¹⁴ БВ; Г нет

Обеспокоен дурною дорогою, я, встав¹⁵ из кибитки, вошел в почтовую избу в намерении отдохнуть¹⁶ и вышить чаю. Нашел тут¹⁶ проезжающего, которой, сидя за обыкновенным длинным крестьянским столом в переднем углу, разбирал бумаги и просил почтового комиссара, чтобы¹⁷ ему поскорее¹⁸ велел дать лошадей. На¹⁹ вопрос мой, кто он был? — узнал я, что то был старого покроя²⁰ стряпчий, едущий в Петербург с великим множеством изодранных бумаг, которые он тогда разбирал. Я скоро²¹ ²²с ним вступил²² в разговор, и вот моя с ним беседа: — Милостивый государь! Я, ²³нижайший ваш²³ слуга, быв регистратором при разрядном²⁴ архиве, имел случай ²⁵употребить место мое²⁵ себе в пользу. Посильными моими трудами я собрал родословную, на ясных доводах утвержденную²⁶, многих родов российских. Я докажу княжеское или благородное их происхождение за несколько сот лет. Я²⁷ восстановлю²⁸ нередкого²⁹ в княжеское достоинство, показав от Владимира Мономаха или от самого Рюрика его происхождение. Милостивейший³⁰ государь! — продолжал он, ³¹указывая на свои бумаги³¹, — все великороссийское почтенное³² дворянство должно ствовало б³³ купить мой труд, заплатя за него столько, сколько ни за какой товар не платят. Но с дозволения вашего высокородия³⁴ или высокоблагородия, не ведаю³⁵, как честь ваша, они не знают, что им нужно. Известно ³⁶вашему высокородию³⁶, сколько³⁷ блаженныя памяти благоверный царь Федор³⁸ Алексеевич российское дворянство обидел, уничтожив местничество. Сие строгое законоположение поставило многие честные³⁹ княжеские и царские роды наравне с новгородским⁴⁰ дворянством. Но благоверный же государь император Петр Великий совсем привел их в затмение своею табелью о рангах. Открыл он путь ⁴¹достоинствам и заслугам⁴¹ к приобретению важного⁴² дворянского титула; ⁴³но и⁴³ древнее дворянство, так сказать, затоптал в грязь. Ныне всемилостивейше⁴⁴ царствующая милосердая⁴⁵ наша мать утвердила прежние указы высочайшим о дворянстве положением, которое было всех степенных наших встревожило⁴⁶, ибо древние роды поставлены в дворянской книге ниже всех. Но слух носится, что в дополнение вскоре⁴⁷ издан будет указ, ⁴⁸и тем⁴⁸ родам, которые⁴⁹ свое происхождение докажут за 200 или 300 лет, тем⁵⁰ приложится титуло маркиза или другое знатное, и они пред другими

¹⁵ ГВВТхРг; Ув. . . Пд — встал ¹⁶⁻¹⁶ ГВВ; Д доб. по БВ и стерто, осталось
 Нашел тут; Ув. . . Пд — В избе нашел я ¹⁷ Ув. . . Тх — чтоб ¹⁸ ЕфОл — поскорее
¹⁹ УвГшВрЧкТх — Но ²⁰ ГБ; В . . . Пд — покрою ²¹ Г; Б . . . Пд — немедля
²²⁻²² ГВВ; Ув. . . Пд — вступил с ним ²³⁻²³ ЕфКб — ваш всенижайший
²⁴ ЕфКбОл — разрядной ²⁵⁻²⁵ ЕфКбОл — место мое употребить ²⁶ Ув
 ГшКлМиВрЧк — учрежденную ²⁷ ВрЧк — И ²⁸ ЕфКбОл — восстанавлию
²⁹ МиЕф — нередко ³⁰ Г; Ан. . . Пд — Милостивый ³¹⁻³¹ УвГшКлТх — (указывая на свои бумаги); Ми — (указывая на свою бумагу) ³² ГВВ; Д доб. почтенное и стерто; Ан. . . Пд нет ³³ Ан. . . Пд — бы ³⁴ ГАНБВ; Ув. . . Пд — высокородия, благородия ³⁵ Б . . . Пд; ГАН — ведаю ³⁶⁻³⁶ ГАНБВ; Ув. . . Пд — вам
³⁷ ВВ — сколь ³⁸ ВВДКлМиВрТхРгПд — Феодор ³⁹ ЕфОлРг — частные
⁴⁰ ГшЕфРг — новгородским ⁴¹⁻⁴¹ ГАНБ; В . . . Рг — чрез службу военную (ЕфКб — воинскую) и гражданскую всем; Д испр. достоинствам и заслугам и стерто
⁴² ГАНБ; В . . . Пд нет ⁴³⁻⁴³ Г; Ан зач. но; Б — но; В . . . Пд — и ⁴⁴ ВУв
 ГшКлМиВрЧк — всемилостивейшая ⁴⁵ ГАНБ; В . . . Пд нет ⁴⁶ КлМиЕфКб — встревожило ⁴⁷ В . . . Тх — скоро ⁴⁸⁻⁴⁸ Г — иметь ⁴⁹ УвКлВрЧкТх — которое
⁵⁰ ГАНБ; Д доб. тем и стерто; В . . . Пд нет

родами будут иметь некоторую отличность. ⁵¹И по той⁵¹ причине, милостивейший государь! труд мой должен весьма быть приятен всему древнему благородному обществу; но всяк имеет своих злодеев.

В Москве завернулся я в компанию молодых господчиков и предложил им мой⁵² труд, дабы благосклонностию их возвратить хотя истраченную бумагу и чернила; но вместо благоприятия попал в посмеяние и с горя оставил⁵³ столичный сей град⁵⁴, вдался пути до Питера, где, известно, гораздо больше просвещения. — Сказав сие, поклонился мне об руку и, вытянувшись очень⁵⁵ прямо, стоял предо⁵⁶ мною с величайшим благоговением. Я, поняв⁵⁷ его мысль, вынул⁵⁸ из кошелька ⁵⁹два рубля⁵⁹ и, дав ему, посоветовал⁶⁰, что⁶¹, приехав в Петербург, он продал бы⁶² бумагу свою на вес разносчикам, для обертки⁶³, ибо мнимо маркизство скружить⁶⁴ может ⁶⁵голову многим⁶⁵, и он причину будет⁶⁶ истребленного в России зла, хвастовства древняя породы⁶⁷.

ЛЮБАНИ

Зимую ли я ехал или летом, для вас думаю, все¹ равно. Может быть, зимой² и летом. Нередко то бывает с путешественниками: поедут на санях, а возвращаются на колесах³. — Летом. — Древянками⁴ вымощенная дорога замучила мои бока; я вылез из кибитки и пошел пешком. Лежа в кибитке, мысли мои обращены были в неизмеримость мира. Отделяясь⁵ душевно от земли, казалось⁶ мне, что и⁷ удары кибиточные были для меня легче. — Но упражнения духовные⁸ не всегда нас от телесности отвлекают. — Для⁹ сохранения ¹⁰моих боков¹⁰ пошел я пешком. — В нескольких шагах от дороги увидел я пашущего ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрел я на часы. — Первого сорок минут. — Я выехал в субботу. — Сегодня праздник. — Пашущий крестьянин принадлежит, конечно¹¹, помещику, которой оброку с него¹² не берет. — Крестьянин пашет с великим тщанием. — Нива, ¹³конечно, — сказал я¹³, — не господская. — Соху поворачивает с удивительною легкостью. — Бог в помощь¹⁴, — сказал я, подошед к пахарю, которой, не останавливаясь, до-

⁵¹⁻⁵¹ ГАНБ; В. . . Пд — По^Усей ⁵² УвКлМиВрЧк нет ⁵³ ГВЕФКБол; Ан . . . Пд — оставив ⁵⁴ КЛЕФ — город ⁵⁵ ГБ; Ан. . . Пд нет; Д доб. очень и стерто ⁵⁶ БДОлПд — передо ⁵⁷ ГАН; Б. . . Пд — понял ⁵⁸ Еф — вынул ⁵⁹⁻⁵⁹ Г; Ан — два рубля испр. — — — — —; Б — 2 рубля; В. . . Рг — ; Д доб. два рубля и стерто ⁶⁰ ГБ; Ан — посоветовал испр. советовал; В. . . Пд — советовал ⁶¹ БВМург — чтоб; Д испр. и стерто ⁶² ВДРг нет ⁶³ ГВЕФКБ; Ан. . . Пд — обертки ⁶⁴ Ув. . . ТхРг — вскружить; ЕфКБ — вскружить ⁶⁵⁻⁶⁵ ГБ; Ан. . . Пд — многим голову ⁶⁶ Г; Ан — будет доб. возрождению; Б. . . Рг — будет возрождению ⁶⁷ Ан. . . Пд; Г — природы

¹ ГВВ; Ан зач.; Д доб. все и стерто; Ув. . . Пд нет ² Г; Б — зимую; Ан. . . Пд — и зимую ³ Г; Ан — телегах испр. колесах и зач.; Б. . . Пд — телегах ⁴ Г; Б — бревенками; Ан. . . Пд — Бревешками ⁵ ЕфКБ — Отдаляся ⁶ В. . . Тх — казалось ⁷ ГАНБ; В. . . Пд нет ⁸ Б — душевные; Д — душевные (?) испр. душевные ⁹ ГБ; Ан — Для испр. и для; В. . . Пд — и для ¹⁰⁻¹⁰ ГБ; Ан — моих боков испр. боков моих; В. . . Пд — боков моих ¹¹ Ан. доб. конечно ¹² Ан доб. с него ¹³⁻¹³ ГБ; Ан — сказал я, — конечно испр. конечно; Д доб. сказал я и стерто; В. . . Пд — конечно ¹⁴ Г; Ан. . . Пд — помощь

канчивал¹⁵ борозду¹⁶. — Бог в помочь¹⁷, повторил я. — Спасибо¹⁸, барин, — говорил мне пахарь, отряхая¹⁹ сошник и переноса соху на новую борозду²⁰. — Ты, конечно²¹, раскольник, что пашешь по воскресеньям? — Нет, барин, я прямым крестом крещуся²², — сказал он, показывая мне сложенные три перста. — А бог милостив, с голоду умереть²³ не велит, когда есть силы и семья. — Разве тебе во всю неделю нет времени²⁴ работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще и в самой жар? — В недели-то²⁵, барин, шесть²⁶ дней, а мы шесть²⁷ раз в неделю²⁷ ходим на барщину; да под вечерок²⁸ ²⁹по воскресеньям²⁹ возим³⁰ сено³¹ на господский двор, когда³² погода хороша, а бабы и³³ девки для прогулки ходят по праздникам в лес по грибы да по ягоды. Дай бог³⁴, чтобы³⁵ под вечерок³⁶ сегодня дожжик³⁷ пошел. Барин, коли³⁸ есть у тебя свои мужички³⁹, так⁴⁰ они того же у господина молят. — У меня, мой друг, мужиков⁴¹ нет, и для того никто меня не проклянет⁴². Велика ли у тебя семья? — Три сынка⁴³ и три дочки⁴⁴. Первильному-та⁴⁵ десятой годок⁴⁶. — Как же ты успеваешь доставать хлеб, коли только праздник имеешь свободным? — Не одни праздники, и ночь наша: не ленись наш брат, то с голоду не умрешь⁴⁷. Видишь ли, одна лошадь отдыхает; как⁴⁸ эта устанет, возьмусь за другую: дело-то и споро. — ⁴⁹Так ли⁴⁹ ты работаешь на господина своего? — Нет, барин, грешно ⁵⁰было⁵⁰. У него на пашне-то⁵¹ сто рук для одного рта, а у меня две для семи ртов, сам ты счет знаешь. Да вить хоть⁵² растянься на барской работе, то спасибо не скажут. Барин подушных не заплатит⁵³, ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не купит⁵⁴. То ли житье нашему брату, как где барин оброк только⁵⁵ берет⁵⁶, да еще без

¹⁵ *ЕфКл* — доканчивает ¹⁶ *ГКл*; *АнБПд* — зачатую бразду; *В. . . Рг* — зачатую борозду; *ЕфКб* — начатую борозду; *Д* — зачатую борозду *испр.* зачатую бразду
¹⁷ *Г*; *Ан. . . Пд* — помощь ¹⁸ *ВУвГш* — Спасибо ¹⁹ *ВКл* — отряхая; *ВрЧк* — отряхая; *ЕфКб* — отряхая ²⁰ *Г. . . Пд*; *АнБ* — бразду; *Д* — борозду *испр.* бразду
²¹ *Кл* — конешно ²² *ГБ*; *Ан. . . Пд* — крещусь ²³ *ГАнБ*; *В. . . Пд* — умирать
²⁴ *В. . . Тх* — время ²⁵ *ГБЕфКб*; *В. . . Тх* — недели-та; *АнМиОлРгПд* — неделе-то
²⁶ *БВ* — семь; *Д* — семь *испр.* шесть ²⁷⁻²⁷ *Тх* — раз в недели; *В. . . Чк* — в неделю раз ²⁸ *Ув. . . Тх* — вечер; *Ол* — вечером ²⁹⁻²⁹ *ГБ*; *Ан. . . Пд* нет; *Д* *доб.* по воскресеньям и *стерто* ³⁰ *Ан* — ходим *испр.* возим ³¹ *ГБ*; *Ан* — сено *испр.* оставшее в лесу сено; *В. . . Пд* — оставшее в лесу сено; *Кл* — оставшее в лесу сено; *Ан* ³² *ГБ*; *Ан* — когда *испр.* коли; *В. . . Пд* — коли ³³ *Ан* — да *испр.* и ³⁴ *Г*; *Ан* *доб.* в скобках (крестьясь); *В. . . Чк* — бог, крестьясь; *Ув* — бог (крестьясь); *ЕфКб* — бог, крестьясь; *ТхОлРгПд* — бог, крестьясь ³⁵ *Г*; *Ан. . . Пд* — чтоб ³⁶ *Г*; *Ан. . . Пд* — вечер ³⁷ *БВРг* — дождик ³⁸ *В. . . Чк* — когда; *Д* — коли *испр.* когда и *стерто* ³⁹ *БВКлВрЧкЕфКбПд* — мужики ⁴⁰ *В. . . Тх* — так и ⁴¹ *АнД* — мужичков *испр.* мужиков; *ОлРг* — мужичков ⁴² *ГБ*; *В. . . Тх* — клянет ⁴³ *ГД*; *В* — сыны; *Ан. . . Пд* — сына ⁴⁴ *КлМи* — дочери ⁴⁵ *ГДПд*; *БВУвГшМиВрЧкТх* — Первильному-та; *Ан* — Первильному *доб.* -то; *КлОлРг* — Первильному-то; *ЕфКб* — Первому ⁴⁶ *В. . . Чк* — год ⁴⁷ *ГБМиЕфКб*; *АнД* — умрешь *испр.* умрет; *В. . . Пд* — умрет ⁴⁸ *Г*; *Ан* — как как *испр.* а как; *В. . . Пд* — а как ⁴⁹⁻⁴⁹ *Г. . . Пд*; *Ан* — Так это *испр.* Так ли; *Б* — Так и ⁵⁰⁻⁵⁰ *ГБ*; *Ан* — бы было *доб.* так же работать; *В. . . Чк* — б было так работать; *Тх* — бы было так работать; *ЕфКбОлРгПд* — бы было так же работать ⁵¹ *ГБ*; *Ан* — пашне-то *испр.* пашне; *В. . . Пд* — пашне ⁵² *ГБ*; *Ан* — вить хоть *испр.* веть хоть; *В. . . Пд* — хотя; *Д* — хотя *испр.* вить хоть и *стерто* вить ⁵³ *Ан* — платит *испр.* заплатит ⁵⁴ *Г*; *Ан* — спустит; *В. . . Пд* — уступит ⁵⁵ *ГБ*; *Ан* *зач.* только; *В. . . Пд* нет; *Д* *доб.* только и *стерто* ⁵⁶ *ГБ*; *Ан* — берет *доб.* с крестьянина; *В. . . Пд* — берет с крестьянина

приказчика. Правда, что иногда и добрые господа дерут⁵⁷ более трех рублей с души, но все лучше барщины. Ныне еще поверье заводится: отдавать⁵⁸, как то называют⁵⁹, на аренду. А мы зовем⁶⁰ ⁶¹это отдать головой⁶¹. Голой наемник дерет с мужиков кожу; даже лучшей поры нам не достает⁶². Зимой не пускает⁶³ в извоз или на⁶⁴ работу в город, а⁶⁵ все работай на него, ⁶⁶а подушные плати⁶⁶. Самая дьявольская выдумка отдавать крестьян своих чужому в работу. На ⁶⁷приказчика злова⁶⁷ хоть⁶⁸ можно пожаловаться, а на этого⁶⁹ кому? — Друг мой, ты ошибаешься, мучить людей ⁷⁰законы не велят⁷⁰. — Мучить? правда⁷¹; но⁷² небось, барин⁷³, не захочешь в мою кожу. — Между тем ⁷⁴пахарь запряг⁷⁴ другую лошадь в соху и, начав⁷⁵ борозду⁷⁶, со мною простился.

Разговор сего земледельца возбудил во мне множество мыслей. Первое представилось мне неравенство крестьянского ⁷⁷состояния между крестьянами казенными и помещичьими⁷⁷. Те и другие живут в деревнях и селах⁷⁸. Но одни платят известное, а другие должны быть готовы платить то, что господин велит⁷⁹. Одни судятся своими⁸⁰ равными, другие⁸¹ в законе мертвы, ⁸²так сказать⁸², разве по делам уголовным. Член общества ⁸³известен⁸³ правительству, его охраняющему, ⁸⁴только, может быть, когда⁸⁴ нарушает союз общественный, ⁸⁵то есть⁸⁵ когда становится злодей. Сия мысль всю кровь во мне воспалила. — Страшись, помещик жестокосердый, я⁸⁶ на челе каждого из твоих крестьян вижу твое осуждение. — Углубленный в сих размышлениях, я нечаянно ⁸⁷взоры мои обратил⁸⁷ на моего слугу, которой сидел⁸⁸ на кибитке ⁸⁹передо мною⁸⁹ и ⁹⁰качался из стороны в сторону. Вдруг почувствовал я сильный⁹¹ мраз, протекающий

⁵⁷ ГБ; В. . . Пд — берут ⁵⁸ ГАНБ; В. . . Пд — отдавать деревни ⁵⁹ Г; Б — называется; Ан. . . Пд — называется ⁶⁰ ГАНБ; В. . . Пд — называем ⁶¹⁻⁶¹ ГБ; В — отдать это головою; Ув. . . Чк — отдавать это головою; Ми — стоголовою; ТхЕфКБолРгПд — это отдавать головой ⁶² Г; Ан. . . Пд — не оставляет ⁶³ В. . . Чк — не пускает нас; Еф — не отпускает ⁶⁴ ГБ; Ан — или на испр. ни в; В. . . Пд — ни в ⁶⁵ ГБ; Ан — и зач.; В. . . Пд нет ⁶⁶⁻⁶⁶ Г; Ан — а подушные плати испр. для того что он подушные платит за нас; Ув. . . Чк — что он подушные платит за нас; ВВГшТхЕфКБолРгПд — для того что он подушные платит за нас ⁶⁷⁻⁶⁷ ГАН; Б. . . Пд — дурного приказчика ⁶⁸ ГБ; Ан. . . Пд — хотя ⁶⁹ ГАНБ; В. . . Пд — наемника ⁷⁰⁻⁷⁰ ГАН; Б — закон запрещает; В. . . Пд — законы запрещают ⁷¹ ВУеКлМиВр Чк — в правде; ВГш — в правды; Д испр. и стерто ⁷² УвКлВрЧкОл нет ⁷³ УвКлМиВрЧк нет ⁷⁴⁻⁷⁴ В. . . Чк — запряг пахарь ⁷⁵ Ув. . . Чк — начал; В — начал испр. начав ⁷⁶ Г; АНБ — бразду; В. . . Пд — новую борозду; Д — новую борозду испр. бразду ⁷⁷⁻⁷⁷ Г; Ан — состояния между крестьянами казенными и помещичьими испр. состояния. Сравнил я крестьян казенных с крестьянами помещичьими; В. . . Пд — состояния. Сравнил я крестьян казенных с крестьянами помещичьими ⁷⁸ ГБ; Ан — и селах зач.; В. . . Пд нет; Д доб. и селах и стерто ⁷⁹ ГБ; Д — велит испр. хочет; В. . . Пд — хочет ⁸⁰ ВВУеКлМиЕфКБ — с своими ⁸¹ ГБ; В. . . Пд — а другие ⁸²⁻⁸² ГБ; В. . . Пд — мертвы; Д доб. так сказать и стерто ⁸³⁻⁸³ Г; УвКлМиВрЧк — становится только известен; ВВГшТхЕфКБолРгПд — становится только тогда известен ⁸⁴⁻⁸⁴ Г; В. . . Пд — когда ⁸⁵⁻⁸⁵ ГБ; Д доб. то есть и стерто; В. . . Пд нет ⁸⁶ ГБ; В. . . Пд нет ⁸⁷⁻⁸⁷ Г; Б — взор мой обратил; В. . . Пд — обратил взор мой ⁸⁸ ГБ; В. . . Пд — сидя ⁸⁹⁻⁸⁹ ГБ; В. . . Рг — предо мною; Тх — предо мной; ЕфКБ — передо мною; ОлПд — передо мной ⁹⁰ ГБ; В. . . Пд нет ⁹¹ Г; В. . . Пд — быстрый

кровь мою и прогоняя⁹² жар к вершинам, ⁹³распростертия его нудил⁹⁴ по лицу моему⁹⁵. Мне так стало во внутренности моей стыдно, что едва ли⁹⁵ я не заплакал. Ты во гневе⁹⁶ устремляешься на гордого господина, изнуряющего крестьянина своего на ниве своей; а сам не то же ли или⁹⁷ хуже того делаешь? Какое преступление сделал ⁹⁸твой бедной⁹⁸ Петрушка, что ты ему воспрещаешь ⁹⁹спать, воспрещаешь⁹⁹ пользоваться усладителем наших бедствий, величайшим даром природы!¹⁰⁰ Он получает плату, сыт, одет, никогда я ¹⁰¹не дерусь¹ (о умеренной человек!), — и ты думаешь, что кусок хлеба и ²лоскут сукна тебе ³право дали³ поступать с подобным тебе существом, как с кубарем, и тем ты только хвастаешь, что не часто подсекаешь его в его вертепии. Ведаешь ли, что в первенственном уложении, в сердце каждого написано: если я кого ударю, ⁴то и меня ударят⁴. Вспомни тот день, как Петрушка пьян был и не послел тебя одеть. Вспомни о его пощечине. О! если бы он тогда, хотя пьяной, опомнился и ⁵тебе отвечал⁶ соразмерно твоему вопросу! А кто тебе ⁷власть дал⁷ над ним? — ⁸Закон. — Закон? — Закон?⁸ И ты смеешь поносить ⁹священное толь⁹ имя! Несчастный!. — Слезы потекли из глаз моих¹⁰ и в ¹¹таком состоянии¹¹ почтовые клячи дотащили меня до почтового¹² стана.

ЧУДОВО

Не успел я войти в почтовую избу, как услышал на улице звук¹ почтового колокольчика, и чрез несколько минут взошел² ³ко мне³ приятель мой Ч. . . . Я его оставил в Петербурге, и он намерения не имел оттуда выехать так скоро. Особливое происшествие понудило⁴ человека ⁵нраву крутого⁵, как то был мой приятель, удалиться из Петербурга, и вот что он мне рассказал:

— Ты был уже готов к⁶ отъезду, как я отправился в Петергоф⁷. Тут я препроводил праздники столь весело, сколько⁸ в шуму и чаду веселиться можно. Но, желая поездку мою обратить в пользу, вознамерился съездить в Кронштат и ⁹на¹⁰ Сестербек¹¹, где, сказывали мне, в последнее

⁹² Б — прогоняя; Д — прогоняя испр. прогоняя ⁹³⁻⁹³ Г; Б. . . Пд — нудил его распростираться (ЕфКб — распростиратися; МиРз — распространиться) по лицу ⁹⁴ Г — судил ⁹⁵ ГБ; В. . . Пд нет; Д доб. ли ⁹⁶ Г; Б. . . Пд — гневе твоём (Ми — моем), говорил я сам себе ⁹⁷ Г; Б. . . Пд — или еще ⁹⁸⁻⁹⁸ ГБМи; В. . . Пд — бедной твой ⁹⁹⁻⁹⁹ ГБ; В. . . Пд нет ¹⁰⁰ ГБ; В. . . Пд — природы несчастному, сном?

¹⁰¹⁻¹ Г; Б — не деруся; В. . . Пд — его не секу ни плетью, ни батожем ² Б — или ³⁻³ ГБ; В. . . Пд — дают право ⁴⁻⁴ ГБ; В. . . Пд — тот и меня ударить может ⁵ КЛМи — а ⁶ ГБ; В. . . Пд — отвечал бы ⁷⁻⁷ ГБ; В. . . Пд — дал власть ⁸⁻⁸ ГБ; В. . . Пд — Закон. — Закон?; Д — Закон доб. Закон, Закон? и последнее слово стерто ⁹⁻⁹ Г; Б — священное столь; В. . . Пд — сие священное ¹⁰ ВГш — твоих; Ув — твоих испр. моих ¹¹⁻¹¹ Г; Б. . . Ол — таком положении; РзПд — таковом положении ¹² ГБ; В. . . Пд — следующего

¹ Еф — звон ² Г; Б. . . Пд — вошел ³⁻³ ГБ; В. . . Пд — в избу; Д доб. ко мне и стерто ⁴ Г; Б. . . Пд — побудило ⁵⁻⁵ В — кроткого; Ув. . . Чк — нраву кроткого ⁶ ВрЧкТх — ко ⁷ МиЕфКб — Петергов ⁸ ГБТхПд; В. . . Чк — сколь ⁹ ВрЧк нет ¹⁰ ЕфКб — в ¹¹ Г — Сестербек испр. Сестререк; ВВДКЛВрЧкЕфКбОл — Сестребек; УвГшТхПд — Сестербек; Рз — Систербек

время сделаны великие перемены. В Кронштате прожил я два дни с великим удовольствием, насыщался¹² зрением множества иностранных кораблей, ¹³каменной крепости Кронштатской одеждою и строениями¹⁴, стремительно возвышающимися¹⁵; любопытствовал посмотреть нового Кронштату плана и с удовольствием предусматривал красоту ¹⁶намереваемых строений¹⁵. Словом, второй¹⁶ день пребывания моего скончал¹⁷ весело и приятно. Ночь была тихая, светлая, и воздух благорастворенный вливал в чувства¹⁸ особую нежность, которую ¹⁹более чувствовал¹⁹, не жели описать удобно. Я вознамерился в пользу употребить красоту природы и насладиться еще один²⁰ раз в жизни великолепным зрелищем восхождения солнца, которого на гладком водяном горизонте мне еще видать²¹ не удавалось. Я нанял морскую 12-весельную²² шлюбку и отправился на Систербек ²³. Версты с четыре плыли мы благополучно. Шум весел²⁴ единозвучностию своею возбудил во мне сон²⁵, и томное зрение ²⁶едва ли²⁶ воспрещало²⁷ от мгновенного блеска падающих капель воды с вершины весел. Стихотворческое напряжение²⁸ преселяло²⁹ ³⁰уже меня³⁰ в прелестные луга Пафоса и Амафонта. Внезапу острый свист возникающего в дали ветра разгнал³¹ ³²сон мой³², ³³представило отягощенным взорам³³ сгруженные³⁴ облака, коих черная тяжесть, казалась, стремила их ³⁵к нам на главу³⁵ и падением устрашала. Зеркаловидная³⁶ поверхность вод начинала рябеть³⁷, и тишина уступала³⁸ место начинающемуся плесканию валов³⁹. Я рад был и сему зрелищу; соглядал величественные черты природы и не в чванство скажу, ⁴⁰что то⁴⁰, что других устрашать начинало, то меня веселило. Воскликнул изредка⁴¹: ах! как хорошо. Но ветер усиливался⁴² постепенно, понуждал думать о достижении берега. Небо от густоты⁴³ непрозрачных облаков совсем померкло. Сильное⁴⁴ стремле-

¹² ГБ; В. . . Пд — насыщающаяся; ЕфКбОлРг — насыщающаяся ¹³⁻¹⁵ ГБ; В. . . Пд — каменной одежды крепости Кронштатской и строений, стремительно возвышающихся (Рг — строения. . . возвышающегося) ¹⁴ Г — строения ¹⁵⁻¹⁶ ГБ; В. . . Пд — намереваемого строения ¹⁶ Г; В. . . Пд — второй ¹⁷ Г; Б — окончил; В. . . Пд — кончился ¹⁸ Г; В. . . Пд — чувства ¹⁹⁻¹⁹ ГБ; А н — больше чувствовал *испр.* больше чувствовать; В. . . Пд — лучше ощущать ²⁰ Г; А н — один *доб.* хотя; В. . . Пд — хотя один; Еф — хотя; Рг — один хотя ²¹ ГБ; А н — видать *испр.* видеть; В. . . Пд — видеть ²² Г; ВВГшКлМиТхЕфКл — двенадцати весельную; А н УвВрЧкОл; РгПд — 12-ти весельную ²³ Г; ВД — Сестребек; А н — Систербек *испр.* С. . . ; В. . . Пд — С. . . ; ЕфКб — С. ²⁴ ЕфКб *нет* ²⁵ ГАн; В. . . Пд — дремоту ²⁶⁻²⁶ Б. . . Чк — в дали ²⁷ ГБ; А н — воспрещало *испр.* воспрещало; В. . . Пд — воспрещало; Ув. . . Чк — воспрещало ²⁸ Г; А н — выражение (?) *испр.* воображение; В. . . Пд — воображение ²⁹ ГАнТхОлРгПд; В. . . Кб — преселило ³⁰⁻³⁰ Еф — меня уже ³¹ А н — разгнав; КлМиЕф — разогнал; ВрЧк — разсезал ³²⁻³² Г; А н — сон мой *испр.* мой сон; В. . . Пд — мой сон ³³⁻³³ Г; А н — представило отягощенным взорам моим; В. . . Пд — и отягченными взорами (ГшТхЕфКб — взором) моим представлялся (Еф — представился) ³⁴ Г; А н. . . Пд — сгущенные ³⁵⁻³⁵ Г; А н. . . Пд — нам на главу; ВВ — нам на голову ³⁶ ГБ; А н. . . Пд — Зеркаловидная; Д — Зеркаловидная *испр.* Зеркаловидная ³⁷ В. . . Пд; Г — реветь; Б — реветь; А н — реветь *испр.* рябеть ³⁸ ГАнБМиРг; В. . . Пд — уступила ³⁹ Ув. . . Чк — волнов; Тх — волнов *испр.* волн ⁴⁰⁻⁴⁰ ГБ; А н — что то *зач.* что; В. . . Пд *нет* ⁴¹ Г; А н — изредка, как (*пробел*) *доб.*, Вернет; В. . . Пд — изредка, как Вернет ⁴² ГБВДМиОлРг; А н — усиливался *испр.* усиливаясь; КлТхКб — усиливаясь; УвГшВрЧк — усиливаясь; Пд — усилился ⁴³ Б — густоты и ⁴⁴ А н — Сильно *испр.* Сильное

ние валов⁴⁵ отнимало⁴⁶ у кормила направление, и порывистый ветер, то вознося нас на мокрые хребты, то низвергая в утесистые рытвины⁴⁷ водяных выбей, отнимало⁴⁸ у гребущих силу шестивенного движения. ⁴⁹Мы носились наудачу, следуя поневоле направлению ветра⁴⁹. Тогда и берега⁵⁰ начали бояться, и⁵¹ то, что бы нас при благополучном плавании утешать могло, начинало ⁵²нас приводить⁵² в отчаяние. Природа завистливою нам на сей час казалась⁵³, и мы на нее негодовали теперь за то⁵⁴, что не распростирала ⁵⁵ужасное свое величество⁵⁵, сверкая в молнии и слух тревожа громовым треском. Но надежда, преследуя человека до крайности, нас укрепляла, и мы, елико нам возможно было, ободряли друг друга. Носимые⁵⁶ валами⁵⁷, внезапно судно наше, затрещав⁵⁸, остановилось недвижимо⁵⁹. Все наши силы, совокупно употребленные, не были в состоянии совратить его с того места, на котором оно стояло. Упражняясь⁶⁰ в сведении нашего судна с мели, как то мы думали, мы не заметили, что ветер между тем ⁶¹совсем почти⁶¹ утих. Небо помалу очищалось⁶² от затмевавших ⁶³синеву его облаков. Но восходящая заря вместо того, чтоб принести нам отраду, явила⁶⁴ нам бедственное наше положение. Мы узрели ясно, что шлюбка наша не на мели находилась, но погрязла между двух больших камней и что не было никаких сил ⁶⁵извлечения⁶⁵ оттуда невредимо. Вообрази, мой друг, наше положение; все, что я ни скажу, все слабо будет в отношении моего чувства. Да и если б я ⁶⁶мог достаточные⁶⁶ дать черты каждому души моея⁶⁷ движению, ⁶⁸то слабы еще были⁶⁸ для произведения в тебе подобного тем чувствованиям, какие в душе моей возникали и теснились тогда. Судно наше стояло на середине гряды каменной, замыкающей залив, до Систербека⁶⁹ простирающейся⁷⁰. Мы находились от берега на полторы версты. Вода начинала⁷¹ проходить в судно наше со всех сторон и угрожала нам совершенным затоплением⁷². В последний час, когда свет от нас проходит начинает и отверзаться⁷³ вечность, ниспадают⁷⁴ все сте-

⁴⁵ УвГшМиВрЧк — волов ⁴⁶ Ан — отъ имало *испр.* отнимало ⁴⁷ ЕфКб — равнины ⁴⁸ Рг; Г. . . Пд — отнимало ⁴⁹⁻⁴⁹ ГАНБ; В. . . Пд — Следуя поневоле направлению ветра, мы носились наудачу ⁵⁰ ГАН; Б. . . Пд — берега ⁵¹ Г; Анд — и *испр.* тогда и; Б. . . Пд — тогда и ⁵²⁻⁵² ГБ; Ан — приводить нас; В. . . Пд — приводить; Д — приводить *испр.* нас приводить и *стерто* «нас» ⁵³ ГБ; Ан — казалась *испр.* казалася; В. . . Пд — казалася; Ол — показалася; Рг — показалось ⁵⁴ В — все то; Д — все то *испр.* за то ⁵⁵⁻⁵⁵ ГБД; Ан — ужасное свое величество *испр.* ужасного своего величества; В. . . Пд — ужасного своего величества ⁵⁶ БДЕФКБОлРг — Носимое ⁵⁷ Уе. . . Чк — волами; ТхЕф — волнами ⁵⁸ ГБ; Ан. . . Пд *нет*; Д *доб.* затрещав и *стерто* ⁵⁹ ЕфКБОлРг — недвижно ⁶⁰ ГВЕфОл; Ан. . . Пд — Упражняясь; Д — Упражняясь *испр.* Упражняясь ⁶¹⁻⁶¹ ГБ; Ан. . . Пд — почти совсем ⁶² ГБД; Ан — очищалось *испр.* очистилося; В. . . Пд — очистилося ⁶³ МиЕфКб — затмивших ⁶⁴ ВКлМиВрЧк — явило ⁶⁵⁻⁶⁵ Г; Б — для ее извлечения; Ан. . . Пд — для ее избавления; Д — для ее извлечения *испр.* для ее избавления ⁶⁶⁻⁶⁶ В — достаточный был; Кл — мог достаточными; Ми — мог достаточно ⁶⁷ Б. . . Тх — моей ⁶⁸⁻⁶⁸ Г; Б — то б слабы еще были они; Ан. . . Пд — то слабы еще были бы они ⁶⁹ Г; Ан — Систербека *испр.* С.; ВЕфКб — Сестребека; В. . . Пд — С.; Тх — Систербека ⁷⁰ ГБД; Ан. . . Пд — простирающийся ⁷¹ Еф Рг — начала ⁷² ГБ; Ан. . . Пд — затоплением ⁷³ Г; Ан. . . Пд — отверзается ⁷⁴ ГАН; Б. . . Пд — ниспадают тогда

пени, мнением⁷⁵ между человеков⁷⁶ воздвигнутые. Человек тогда становится просто человек⁷⁷; так, видя приближающуюся кончину, забыли все мы, кто был какого состояния, и помышляли о спасении нашем, отливая⁷⁸ воды⁷⁹, как кому⁸⁰ было споручно⁸⁰. Но какая⁸¹ в том была⁸¹ польза? Колико воды было⁸² союзными нашими силами⁸³ исчерпано⁸³, толико в⁸⁴ мгновение⁸⁵ паки наполнялося⁸⁶, к крайнему сердец наших сокращению. Ни вдали, ни вблизи⁸⁷ не видно было мимоидущего⁸⁸ судна. Да и то, которое бы⁸⁹ подало нам отраду, явясь взорам нашим, усугубило бы⁹⁰ отчаяние наше, удаляясь⁹¹ от нас⁹², избегая равных с нами участи. Наконец судна нашего правитель, более, нежели все другие, к опасностям⁹³ морского жития⁹³ обыкший⁹⁴, взиравший⁹⁵ поневоле, может быть, на смерть хладнокровно в разных морских сражениях⁹⁶, в прошедшую турецкую войну в Архипелаге, решился или нас спасти, спастись⁹⁷ сам, или же⁹⁸ погибнуть в сем благом намерении, ибо, стоя на одном месте, погибнуть бы нам должно было. Он, вышед из судна и перебираясь с камня на камень, направил шествие свое к берегу⁹⁹, сопровождаемое¹⁰⁰ наичистосердечнейшими¹⁰¹ молитвами. Сначала продолжал он шествие свое весьма бодро, прыгая с камня на камень или² переходя воду, где она была мелка, преплывая³ ее, где она глубже становилась⁴. Мы с глаз его не спускали⁵. Наконец⁶ увидели, что силы его начали ослабевать, ибо он переходил с камня на камень гораздо⁷ медлительнее, останавливаясь⁸ по часту, садясь⁹ на камень для отдохновения. Казалось¹⁰ нам, что он находился иногда в размышлении и в¹¹ нерешимости о продолжении пути своего. Сие побудило одного из его¹² товарищей ему преследовать, дабы подать ему помощь, если он увидит его изнемогающа¹³ в достижении берега¹⁴, или достигнуть оно, если первому¹⁵ в том¹⁶ будет¹⁵ неудача¹⁶.

⁷⁵ ВрЧк — мнениям ⁷⁶ Б...Чк — человеком ⁷⁷ Б — человеком ⁷⁸ Ув... Чк — отливали ⁷⁹ Г; Ан... Пд — воду ⁸⁰⁻⁸⁰ Г; АнКБолРгПд — споручно было; Б... Еф — споручно было; Д испр. — споручно было испр. споручно было ⁸¹⁻⁸¹ АнТхДЕфКБолРгПд — была в том ⁸² Г; Ан... Пд нет ⁸³⁻⁸³ Г; АнБ — было исчерпано; В... Пд — было исчерпано ⁸⁴ Г... КБ — в; ОлРгПд — во ⁸⁵ УвЧкТх — мгновении ⁸⁶ Г... Тх; АнЕфКБПд — накоплялося ⁸⁷ Ан — взади испр. вблизи ⁸⁸ ЕфКБ — мимоидущего ⁸⁹ В... Чк — б ⁹⁰ В... Тх — б ⁹¹ ГДЕфКБ; Ан — удаляясь испр. удалилось бы; Б... Пд — удаляясь; Ми — удаляся ⁹² ЕфКБолРг Пд — нас и ⁹³⁻⁹³ ГАн; Б... Пд — морских происшествий ⁹⁴ Б... Чк нет; Рг — приобкшший ⁹⁵ В — взиравшей; Б... Чк — взиравше; Кл — взиравши; Тх — взирая; Ол — взирал ⁹⁶ Ми — сражениях и ⁹⁷ Г; АнБД — спасаюсь; В... Пд — спасаюсь ⁹⁸ Г; Ан... Пд нет ⁹⁹ ВУвГшВрЧкТх — берегу ¹⁰⁰ Г; Ан — сопровождаемое испр. сопровождаем; Б... Пд — сопровождаем; Кл — сопровождаемый

¹⁰¹ Г; Ан — наичистосердечнейшими испр. чистосердечнейшими нашими; Б... Пд — чистосердечнейшими нашими ² Г; Ан — или зач.; Б... Пд нет ³ Г; Ан... Пд — преплывая ⁴ Г; Ан... Пд — становились ⁵ ВУвГшМиВрЧк — спущами ⁶ Б — Но наконец ⁷⁻⁷ ГБ; Ан — с камня на камень гораздо испр. камни; В... Пд — камни; Д испр. — с камня на камень гораздо и стерто «на камень» ⁸ В... Тх — останавливаясь ⁹ Г; Б — садился; Ан — садясь испр. и садясь; В... Пд — и садясь; Д — садился испр. и садясь ¹⁰ Г; Ан... Пд — Казалось ¹¹ Г; Ан... Пд нет ¹² УвГшВрТх — ево; Ми нет ¹³ КлЕф — изнемогающего ¹⁴ ГБВ; Ан... Пд — берега ¹⁵⁻¹⁵ ЕфКБ — будет в том ¹⁶⁻¹⁶ Ан — неудача испр. будет неудача; УвКлМиВрЧк — неудача будет

Взоры наши стремились¹⁷ вслед¹⁸ то за тем, то за другим, и ¹⁹молитва наша¹⁹ о их сохранении ²⁰была нелицемерна²⁰. Наконец, последний из сих подражателей Моисея в прохождении ²¹(но без чуда)²¹ морския пучины своими стопами остановился на камне недвижим²², а первого совсем мы потеряли из виду. Сокровенные дотоле²³ внутренние каждого движения, заклепанные, так сказать, ужасом, начали являться при исчезании надежды. ²⁴(Вода между тем в судне умножилась²⁵, и труд наш, возрастая в²⁶ отлитии²⁷ оной, утомлял ²⁸наши силы²⁸ приметно²⁹.)²⁴ Человек ярого и нетерпеливого сложения рвал на себе волосы, кусал свои³⁰ персты, проклинал час своего выезда. Человек ³¹робкого душестроения³¹ и чувствовавший³² долго, может быть, тягость удручительных неволи рыдал, орошая слезами своими скамью³³, на которой ниц распростерт лежал. Иной, воспомяная³⁴ дом свой, детей и жену, сидел яко окаменелый³⁵, помышляя не о своей, но о их погибели³⁶, ибо они питались его трудами. Каково было моею души положение, мой друг, сам угадывай³⁷, ибо ты меня довольно знаешь. Скажу ³⁸только тебе то³⁸, что я ³⁹прилежно ⁴⁰молился³⁹ богу⁴⁰. Наконец начали мы все предаваться отчаянию, ибо судно наше более половины водою натекло и мы стояли ⁴¹все⁴² в оной^{43,41} по колено⁴⁴. Нередко помышляли мы вытти из судна и шествовать по каменной гряде к берегу, но пребывание одного из наших сопутников на камне⁴⁵ уже несколько часов и скрытие другого из виду представляло⁴⁶ нам опасность перехода более, может быть, нежели ⁴⁷она была⁴⁷ в самом деле. Среди таковых горестных размышлений увидели мы близ противоположного⁴⁸ берега, в расстоянии от нас каком⁴⁹ определить не могу, два пятна⁵⁰ черные на воде, которые, казалось⁵¹, двигались⁵². ⁵³Надежда человека не покидает до самой⁵⁴ крайности⁵³. Зримое нами нечто черное и движущееся, казалось, помалу увеличивалось⁵⁵; наконец, приближаясь ⁵⁶к нам⁵⁶,

¹⁷ Ми — стремились ¹⁸ ГБЕФКБ; Ан. . . Пд — вслед ¹⁹⁻¹⁹ Еф Рг — молитвы наши ²⁰⁻²⁰ Еф Рг — были нелицемерны ²¹⁻²¹ ГБВ; Ан — (но без чуда) *испр.* без чуда; Ув. . . Пд — без чуда; Д *испр.* — (но без чуда) *испр.* без чуда ²² Еф — неподвижен; Кб — неподвижим ²³ Г; Ан. . . Пд — доселе ²⁴⁻²⁴ ГАНБВ; Ув. . . Пд *нет* скобок ²⁵ ГБДЕФКБ; Ан. . . Пд — умножалась ²⁶ БВЕФКБ — во ²⁷ Г; Ан — отлитии *испр.* отливании; Б. . . Пд — отливании; ЕФКБ — уливания ²⁸⁻²⁸ ГБВ; Ан. . . Пд — силы наши ²⁹ УвКлМиВрЧк — неприметно: ³⁰ ГБВ; Ан — свои *зач.*; Д *доб.* свои и *стерто*; Ув. . . Пд *нет* ³¹⁻³¹ ГБ; Ан — робкого душестроения *испр.* робкия души; В. . . Пд — робкия души; Д *испр.* робкия души сложения ³² МиЕф — чувствований ³³ Г; Ан. . . Пд — скамью ³⁴ Ув ГшКлВрЧкЕФКБ — вспомяная ³⁵ Ув. . . Чк — окамененной ³⁶ ГМиПд; Ан — погибели *испр.* гибели; Б. . . Рг — гибели ³⁷ ГАНБВ; Д. . . Пд — отгадывай ³⁸⁻³⁸ Кл — только тебе только то; ЕФКБРгПд — тебе только то ³⁹⁻³⁹ Ув. . . Тх — молился прилежно ⁴⁰⁻⁴⁰ Ан — богу молился *испр.* молился богу ⁴¹⁻⁴¹ ЕФКБ — в воде все ⁴² МиТх *нет* ⁴³ Г; Ан — оной *испр.* воде; Б. . . Пд — воде ⁴⁴ В — колени; Кл — колены ⁴⁵ Г; Ан. . . Пд — камне ⁴⁶ Б — представило ⁴⁷⁻⁴⁷ УвВрЧк — они были; ЕФКБРг — он был ⁴⁸ ГБЕФКБ; АнМиПд — противоположенного; В. . . Рг — противоположенного ⁴⁹ Г; Ан — точно *испр.* каком то было точно; Б. . . Пд — каком то было точно ⁵⁰ УвГшМиВрЧк — петна ⁵¹ Ми — казалось; ВрЧк *нет* ⁵² ГВ; Ан. . . Пд — двигались ⁵³⁻⁵³ ГАНБВ; Ув. . . Пд *нет* ⁵⁴ Ан *доб.* самой ⁵⁵ УвГшКлВрЧкЕФКБ — увеличивалось ⁵⁶⁻⁵⁶ ГБВ; Ан — к нам *зач.*; Ув. . . Пд *нет*

представило ясно глазам⁵⁷ нашим два малые судна, прямо идущие к тому месту, где мы находились⁵⁸ среди отчаяния, во сто крат надежду превосходящего. Как в темной храмине, свету⁵⁹ совсем неприступной, вдруг отверзается дверь, и луч светлый⁶⁰, влетев⁶¹ стремительно⁶² в среду⁶² мраку⁶³, разгоняет оный, распростираясь по⁶⁴ всей храмине до дальнейших ее пределов, — так⁶⁵, увидев суда, луч надежды ко спасению протек наши души. Отчаяние превратилось⁶⁶ в восторг, горсть в восклицание, и опасно было, чтобы радостные телодвижения и плескания не навлекли нам гибели скорее, нежели мы⁶⁷ исторжены будем⁶⁷ опасности. Но надежда жития, возвращаясь⁶⁸ в сердца, возбудила⁶⁹ и различие мнения, уснувшее⁷⁰ во опасности⁷⁰ и с происхождением ее возбуждающееся. И⁷¹ оно⁶⁹ послужило на сей час⁷² к общей пользе: я укротил излишнее радование, во вред обратиться могущее. По несколькою времени увидели мы две большие рыбацьи лодки, к нам приближающиеся, и, при настижении⁷³ их до нас, увидели в одной из них нашего спасителя, которой, прешед⁷⁴ каменной⁷⁵ грядю до берега⁷⁶, сыскал сии лодки для нашего извлечения из явной гибели⁷⁷. Мы, не мешкав нисколько, вышли из нашего судна и поплыли в приехавших судах к берегу, не забыв снять с камня сотоварища нашего, которой на оном⁷⁸ около семи часов находился. Не прошло более получаса, как судно наше, стоявшее между камней, облегченное от тяжести⁷⁹, всплыло⁸⁰ и развалилось совсем. Плывучи к берегу среди радости⁸¹ и восторга спасения, ⁸²Павел, — так звали спасшего нас спутника⁸², — рассказал нам следующее:

— Я оставил⁸³ вас в предстоящей опасности, спешил по камням к берегу. Желание вас спасти дало мне силы чрезвычайные; но сажень за сто от⁸⁴ берега силы мои стали ослабевать, и⁸⁵ я начал отчаяваться в вашем спасении и в⁸⁶ моей жизни. Но, полежав с полчаса на камне⁸⁷, вспрынул⁸⁸ с новою бодростью и, не отдыхая⁸⁹ более, доплыл, так сказать, до берега. Тут я растянулся на траве и, отдохнув минут с⁹⁰ десять, встал

⁵⁷ Г; Ан — глазам *испр.* взорам; Б. . . Пд — взорам ⁵⁸ ГВВДЕФКБРг; Ан. . . Пд — находились ⁵⁹ ЕФКБ *нет* ⁶⁰ ГВВ; Ан — светлый *испр.* денный; Ув. . . Пд — депный; МиЕФКБРг — дневный ⁶¹ ВВ — влетел; ЕФКБ — слетев ⁶²⁻⁶² ВВД — в средшу; ЕФКБ — среди ⁶³ ГБ; Ан. . . Пд — мрака ⁶⁴ УвКлМиВрЧкЕфКБ — во ⁶⁵ ГАНВВД; Ув. . . Пд — тако ⁶⁶ Г. . . КБ; АнРгПд — превратилось ⁶⁷⁻⁶⁷ ГВВ; Ан — будем исторгнуты будем *испр.* будем исторгнуты из; Ув. . . Пд — будем исторгнуты из ⁶⁸ Ув. . . Тх — возвращаясь ⁶⁹⁻⁶⁹ ГАНВВ; Ув. . . Пд — паки мысли о различии состояния (ДЕФКБОЛРг — состояний), в опасности уснувшие. Сне ⁷⁰⁻⁷⁰ Г; АнВВ — с опасностью ⁷¹ Ан — Но ⁷² Г; Ан. . . Пд — раз ⁷³ ВВД — достижении ⁷⁴ ГАНВВД; Ув. . . Тх — прошел; ЕФКБОЛРгПд — прошел ⁷⁵ Г; Ан. . . Пд — каменною ⁷⁶ Гш — берега ⁷⁷ ГВВ; Ан — погибли *испр.* гибели; Ув. . . Пд — гибели ⁷⁸ ГшКлВрЧк — одном; Ув — одном *доб. позднее* (?) месте ⁷⁹ ГМи; Ан. . . Пд — тяжести; Кл — тяжести ⁸⁰ Б — всплыло; Ув. . . Чк — выплыло; ЕФКБ — сплыло ⁸¹ КлМиРг — радостей ⁸²⁻⁸² Ми — наш спутник; Пд — Павел, так звали нашего спутника ⁸³ ГВВ; Ан — оставив *испр.* оставя; Ув. . . Пд — оставя ⁸⁴ Г; Ан. . . Пд — до ⁸⁵ Ув — а ⁸⁶ ГВВ; Ан. . . Пд *нет*; Д *доб.* в ⁸⁷ ГАНВВТхПд; Ув. . . Рг — камне ⁸⁸ ГВВГшКлЕФОл; УвМиВрЧк — воспрынул; АнТхКБПд — вспрынул; Д — вспрынул *испр.* вспрынув ⁸⁹ ВВ — отдыхав ⁹⁰ Г. . . Тх; АнЕФКБОЛРгПд *нет*; Д *доб.* с и *стерто*

и побежал вдоль берега к Систербеку⁹¹ что имел мочи. И хотя с немалым истощанием⁹² сил, но, вспоминая⁹³ о⁹⁴ вас, добежал⁹⁵ до Систербека⁹⁶. Казалось⁹⁷, что небо хотело испытать вашу твердость и мое терпение, ибо я не нашел ни вдоль берега, ни в самом Систербеке⁹⁸ никакого судна для вашего спасения. Находясь почти в отчаянии, я думал, что ⁹⁹где лучше мне было ⁹⁹искать помощи, как у тамошнего начальника. Я побежал в тот дом, где он жил, уже был седьмой час. В передней комнате нашел я тамошней команды сержанта, ²⁰⁰я ему рассказал²⁰⁰ коротко, зачем я пришел и ваше положение, ²⁰¹просил его, чтобы он¹ разбудил г. . . ., которой тогда еще² почивал. Г. сержант мне сказал: — Друг мой, я не смею. — Как ты не смеешь? Когда пятнадцать³ человек тонут, то⁴ ты не смеешь разбудить того, кто их спасти может? Но ты, бездельник, лжешь⁵, я сам пойду. . . — Г. сержант, взяв⁶ меня за плечи⁷, вытолкнул за дверь. С досады чуть я не лопнул. Но, помня более о вашей опасности, нежели о моей обиде и о жестокосердии начальника с его подчиненным, я побежал к караульной, которая была версты с две расстоянием от проклятого дома⁸, из которого меня вытолкнули⁹. Я знал, что живущие в ней солдаты содержали лодки, ¹⁰в которых¹⁰, едзя по Систербецкому¹¹ заливу, собирали камень¹² булыжник на продажу для мостовых; я и не ошибся в моей надежде¹³. Нашел¹⁴ тут¹⁵ сии ¹⁶две небольшие¹⁶ лодки, и радость ¹⁷моя теперь ¹⁷несказанна, вы все спасены. Если бы¹⁸ вы потопли¹⁹, то и я бы²⁰ бросился²¹ за вами в воду. — Говоря сие, Павел обливался слезами. . .

Между тем мы достигли берега. Вышед из судна, я пал на колени²², воздел²³ руки на небо. — ²⁴О ты²⁴, всесильный, — возопил я, — тебе угодно да живем; ты нас водил на испытание, да будет воля твоя. — Се²⁵ слабое, ²⁶мой друг²⁶, изображение того, что я чувствовал. Ужас последнего часа прородал мою²⁷ душу, я видел то мгновение²⁷, что я существовать²⁸

⁹¹ Г; Аи — Систербеку *испр.* С. . . .; В — Сестребеку; В — Систребеку; Д *испр.* Сестребеку; Тх — Сестребеку; Ув. . . Пд — С. . . ⁹² ГАи; В. . . Пд — истощением ⁹³ ГАиБВМи; Ув. . . Пд — вспоминая ⁹⁴ Аи — до *испр.* о ⁹⁵ ЕфКб — дошел ⁹⁶ Г; Аи — Систербека *испр.* места; В. . . Пд — места ⁹⁷ ГВВ; Аи. . . Пд — Казалось ⁹⁸ Г; Аи — Систербеке *испр.* С.; В — Сестребеке; В — Систребеке; Тх — Сестребеке; Ув. . . Пд — С. . . ⁹⁹⁻⁹⁹ ГАи; В — нигде невозможно мне было лучше; В. . . Пд — нигде невозможно мне лучше ²⁰⁰⁻²⁰⁰ ГВВ; Аи — Я ему рассказав; Ув. . . Пд — Рассказав ему; МиЕфКбРз — Рассказал ему ²⁰¹⁻¹ Ми — и требовал, чтоб ² УвКлМиВрЧк *нет* ³ ГВВ; Аи — пятнадцать *испр.* двадцать; Ув. . . Пд — двадцать ⁴ ГВВ; Аи — то *зач.*; Ув. . . Пд *нет* ⁵ Кл — лежишь; Ми — можешь ⁶ ЕфКб — взял ⁷ Г; Аи — плечи *доб.* не очень учтиво; ВВ — плеча и очень учтиво; ГшКлМи — плечо и очень учтиво; УвВрЧк — плечо и не очень учтиво; Тх. . . Пд — плечо не очень учтиво ⁸ ЕфКб — дому ⁹ Ми — вытолкнул ¹⁰⁻¹⁰ УвКлМиВрЧк — которые ¹¹ *испр.*; Г — Сестрорецкому; Аи — Систербецкому *зач.*; ВВ — Сестрорецкому; Ув. . . Пд *нет* ¹² Г; ВВ — камень; Аи — камень *зач.*; Ув. . . Пд *нет*; Д *доб.* и *стерто* ¹³ ЕфКб — нужде ¹⁴ В — Нашед ¹⁵ ГВВ; Аи. . . Пд *нет*; Д *доб.* тут и *стерто* ¹⁶⁻¹⁶ ЕфКб — небольшие две ¹⁷⁻¹⁷ ГВВ; Аи. . . Пд — теперь моя ¹⁸ Ув. . . Чк — б ¹⁹ Г; Аи потопли *испр.* потонули; В. . . Пд — утонули ²⁰ УвКлМиВрЧк *нет* ²¹ Ми — бросился б ²² УвГшМиВрЧк — колена ²³ Г; Аи. . . Пд — возвел ²⁴⁻²⁴ Г; Аи. . . Пд — Отче ²⁵ ВВ — Сие ²⁶⁻²⁰ ГВВКлМи; Аи *доб.* мой друг!; Ув. . . Пд — мое друг; Д — мой друг *испр.* мое друг; Рз — моз, друг мой ²⁷ Г; Аи. . . Пд — мгновение ²⁸ В. . . Пд; Г — существовал; Аи — существовал *испр.* существовать

престану²⁹. Но что я буду? Не знаю. — Странная³⁰ неизвестность. — Теперь чувствую: час бьет, я мертв; движение, жизнь, чувство, мысль — все исчезло³¹ мгновенно. Вообрази себе³², мой друг, на краю гроба: не почувствуешь ли корчущий мраз, ликующий в твоих жилах и завременно³³ жизнь пресекающий. О, мой друг! — Но я удалился от моего повествования. — Совершив мою молитву, ярость вступила в мое сердце. Возможно ли, говорил я сам себе, что в наш век, в Европе, подле столицы, в глазах великого государя совершается³⁴ толикое³⁵ бесчеловечие! Я вспомнил о заключенных агличанах³⁶ в темнице³⁷.

³⁸ Чем же мы можем преимуществовать пред непросвещенными азийскими ³⁹ правлениями?³⁸ . . . Между ⁴⁰ тем дошли мы до Систербека⁴¹. Я думал, что начальник, проснувшись, накажет своего сержанта и претерпевшим крушение⁴² на воде даст хотя успокоение. ⁴³В сей надежде⁴³ пошел ⁴⁴к нему прямо⁴⁴ в дом. Но поступком его подчиненного столь был раздражен, что я не мог умерить моих слов. Увидел⁴⁵ его⁴⁶, сказал ему⁴⁷: — Государь мой, известили ли вас, что за несколько ⁴⁸часов пред сим⁴⁸

²⁹ Г; Аи — престану *испр.* престану; Б. . . Пд — перестану ³⁰ Г. . . Чк; Аи. . . Пд — Страшная ³¹ ГВВ; Ув. . . Пд — исчезнет ³² ГВВКТхОл; Ув. . . Пд — себя ³³ ВВ — довроменно; Д — довроменно *испр.* завременно ³⁴ Г; ВВ ДМиОл — совершился; Ув. . . Пд — совершался; ЕфКб — свершался ³⁵ Г; Б. . . Пд — такое ³⁶ КЛМиЕфКб — англичанах ³⁷ Г; Б. . . Чк — темницу бенгальского субба*; Тх. . . Пд — темнице бенгальского субба* (Рг — набаба). *Ниже в Б. . . Пд следует примечание:*

* Англичане (КЛМиЕфКбОл — Англичане) приняли в свое покровительство ушедшего к ним в Калкуту (БРг — Каликуту) чиновника бенгальского, подвергнувшего себя казни своим мздоимством. Справедливо раздраженный субаб (УвКЛМи — суббаб; Рг — набаб), собрав войско, приступил к городу и оный взял. Аглинских (КЛМиЧк ЕфКбОл — Аглинских) военнопленных велел ввергнуть в темную (Тх. . . Пд — тесную) темницу, в коей они в полсутки издохли. Осталось от них только двадцать три человека. Несчастные сии сулили страже (Гш *нет*) великие деньги, да возвестят (В — возвестят) владельцу о их положении. Вопль их и стонание возвещало о том народу, о них (УвКЛМиВрЧк — их) соболезнующему; но никто не хотел возвестить о том властелю. — Почивает он, — ответствовано умирающим агличанам (КЛМи — англичанам); и ни один человек в Бенгале не мнил, что для спасения жизни ста пятидесяти несчастных должно отнять сон мучителя на мгновение. Но что ж такое мучитель? Или паче, что ж такое народ, обикший к игу мучительства? Благоговение ль (ТхПд; ВМи — Благоговение; БУвГшВр — Благоговением; Чк — Благословением) или боязнь тягчит его согбенна? (Кл *нет* — Или паче. . . согбенна?) Если боязнь (Чк *нет* — тягчит. . . боязнь), то мучитель ужаснее богов, к коим человек или воссылает (Тх — воссылает или; РПд *нет* или) молитву, или жалобу во время ночи или в часы денные. Если благоговение, то возможно (Ми — возможно ли) человека возбудить на почитание соделателей его бедствий: чудо, возможное (В — возложенное) единственному суверию. Чему более удивляться, зверству ли спящего набаба или подлости (Ми *нет* — ли. . . подлости) несмеющего (ЕфКб — не смевшего) его разбудить? — Реналь. История о Индиях (В — индиях; Ми — индиях; ЕфКб — индиях), том II. — В Ми текст примечания дан вперемешку с текстом следующего далее эпизода. ³⁸⁻³⁸ ГВВ; Ув. . . Пд *нет*; Д *доб.* Чем же. . . правлениями? и стерто ³⁹ Г; Б — асийскимп; В — асийскими ⁴⁰ Г; ВВУвГшКЛМиЕфКбОл — Вдохнул я во глубине души. . . Между; МиВрЧкТхРгПд — Вдохнул я во глубине души. . . Между ⁴¹ Г; ВВ — Сестребека; Тх — Сестребека; Ув. . . Пд — С. . . ⁴² ГВВ; Пд *нет*; Д *доб.* крушение и стерто ⁴³⁻⁴³ Г; Б. . . Пд — С сею надеждою ⁴⁴⁻⁴⁴ Г; Б. . . Пд — я прямо к нему ⁴⁵ Г. . . Тх; ВВПд — Увидев ⁴⁶ Ми — его и ⁴⁷ ГВВ; Ув. . . Пд *нет* ⁴⁸⁻⁴⁸ В — пред сим часов

49¹⁵50 человек⁴⁹ находились в опасности потерять живот⁵¹ 52 на воде⁵² и требовали вашей⁵³ помощи? — Он мне отвечал с наивеличайшею холодно-
 стию, кура табак: — Мне⁵⁴ об этом сказывали⁵⁴ недавно, а тогда я спал. —
 Тут я задрожал⁵⁵: — ⁵⁶Вы бы велели⁵⁶ себя будить ⁵⁷хотя бы⁵⁷ молотком
 по голове, буде крепко спите⁵⁸, когда люди тонут и требуют⁵⁹ помощи⁶⁰. —
 Отгадай, мой друг, какой ево был ответ. Я думал, что мне сделается удар
 от того, что я слышал⁶¹. Он мне сказал: — Не моя⁶² это⁶³ должность. —
 Тут⁶⁴ я вышел из терпения⁶⁵: — Должность⁶⁶ твоя людей убивать⁶⁷,
 скаредной человек; и ты носишь знаки отличности, ты начальствуешь над
 другими. . . ⁶⁸Но и⁶⁸ окончатъ не мог моя⁶⁹ речи, плюнул⁷⁰ почти ему
 в рожу и пошел⁷¹ вон. Я волосы драл с досады. Сто⁷² делал расположе-
 ний⁷³, как отомстить сему зверскому начальнику не за себя, но за челове-
 чество. Но, опомнясь, убедился воспоминанием многих примеров, что мое
 мщение⁷⁴ будет бесплодно, что я же могу прослыть или бешеным, или злым
 человеком. Успокоился⁷⁵. Между тем люди мои ходили⁷⁶ к священнику,
 которой нас принял с великою радостью. Согрел нас, накормил, успо-
 коил⁷⁷. Мы пробыли у него целые сутки, пользуясь его гостеприимством и
 угощением. На другой день, нашед большую шлюпку, доехали ⁷⁸в Орани-
 енбаум⁷⁸ благополучно. В Петербурге я о сем⁷⁹ рассказывал тому и дру-
 гому. Все сочувствовали⁸⁰ мою опасность, все хулили жестокосердие
 сестребецкого⁸¹ начальника, никто⁸² не захотел ему⁸³ напомнить⁸⁴,
 если бы мы потонули, ⁸⁵что б он был⁸⁵ ⁸⁶нашим убийцею⁸⁶. — ⁸⁷Но в за-
 коне сего не написано⁸⁷, — сказал ⁸⁸один шалун⁸⁸. — Теперь я прошусь

⁴⁹⁻⁴⁹ Ми нет ⁵⁰ Г; БВВрЧкЕфКБол — 20; УвГшКлТхРзПд — двадцать
⁵¹Г; Б. . . Пд — живот свой ⁵²⁻⁵² Ми — на воде двадцать человек ⁵³ ГВВ
 ТхОлРг; Ув. . . Пд — вашей ⁵⁴⁻⁵⁴ Г; Б. . . Пд — о том сказали ⁵⁵ Г; Б. . .
 Пд — задрожал в ярости человечества ⁵⁶⁻⁵⁶ ГВВ; Ув. . . Пд — Ты бы велел
⁵⁷⁻⁵⁷ ГВВ; Ув. . . Пд нет ⁵⁸ ГВВ; Ув. . . Пд — спишь ⁵⁹ ГВВ; Ув. . . Чк —
 требуют об себе; Тх. . . Пд — требуют от тебя ⁶⁰ КлМи нет ⁶¹ В —
 услышал; Б — услыша (оставлен пробел для букв) ⁶² УвВрЧк — твоя
⁶³ ГАНБВ; Ув. . . Пд — то ⁶⁴ ГВВ; Ан — Тут зач.; Ув. . . Пд нет
⁶⁵ УвГшВрЧк — терпенья ⁶⁶ ГВВ; Ан — Должность доб. ли; Ув. . . Пд — Долж-
 ность ли; Д испр. Должность снова доб. ли ⁶⁷ ВВ — убивает ⁶⁸⁻⁶⁸ Г; Ан —
 Но и зач.; Б. . . Пд нет ⁶⁹ МиЕфКБ — моей ⁷⁰ ВВ — плюнув ⁷¹ ГВВ;
 Ан — пошел испр. вышел; Ув. . . Пд — вышел ⁷² ВВ — и сто; Д испр. и сто
 сто ⁷³ МиЕф. . . Рг — распоряжений ⁷⁴ Б — мучение ⁷⁵ ГВВ; Ан — ус-
 покоился испр. смирился (?); Ув. . . Пд — смирился; Д — успокоился испр. сми-
 рился ⁷⁶ Г; Ан — ходили испр. сходили; Б. . . Пд — сходили ⁷⁷ ГВВ; Ан —
 успокоил испр. спокоил; Ув. . . Пд — дал отдохновение; Д испр. упокоил испр.
 дал отдохновение ⁷⁸⁻⁷⁸ ГВВ; Ан — в Ораниенбаум; УвКлМиТх — мы до Араниен-
 баума; ГшКБолРг — мы до Ораниенбаума; ВрЧкПд — мы до Ораниенбаума; Еф —
 до Ораниенбаума ⁷⁹ Ан доб. о сем ⁸⁰ ЕфКБ — соучаствовали ⁸¹ Г; Ан —
 сестребецкого зач.; ВВ — сестребецкого; Д доб. сестребецкого; Ув. . . Пд нет
⁸² ВМиЕфРг — но никто; Д — а никто ⁸³ Г; Ан. . . Пд — ему о сем
⁸⁴ КлМиРг — напоминать; Еф — напомнать ⁸⁵⁻⁸⁵ Г; ВВ — что он был бы;
 Ан. . . Пд — то бы он был ⁸⁶⁻⁸⁶ ОлРг; ГАНБВЕфКБ — нашим убийцею; Ув. . . Тх —
 нашей убийцею; Пд — нашею убийцею ⁸⁷⁻⁸⁷ ГВВ; Ан — Но в законе сего не
 написано испр. Но в должности ему не предписано вас спасать (?); Ув. . . Пд — Но
 в должности ему не предписано вас спасать; Д — Но в законе сего не написано доб.
 в виде примечания Но в должности ему не предписано вас спасать ⁸⁸⁻⁸⁸ ГАНБВ;
 Ув. . . Пд — некто; Д — один шалун доб в примечании сказал некто

с городом навеки. Не поеду⁸⁹ в сие жилище тигров⁹⁰. Единое их веселие — грызть друг друга, отрада их — томить слабого до издыхания и раболепствовать власти. И ты хотел, чтобы⁹¹ я⁹² в городе поселился⁹². Нет, мой друг, — говорил мой повестователь, вскочив⁹³ со стула, — заеду туда, куда люди не ходят, ⁹⁴где имени не знают человека⁹⁴. Прости! — сел в кибитку и поскакал⁹⁵.

СПАССКАЯ ПОЛЕСТЬ¹

Я вслед за моим приятелем скакал так скоро, что настиг² еще его² на почтовом стану. Я³ старался его уговорить, чтоб возвратился⁴ в Петербург⁴, старался ему доказать, ⁵что дробинка⁵, падая в пространство моря, не может возмутить поверхности воды. ⁶Но он⁶ мне⁷ сказал наотрез: — Когда бы я ⁸малой дробинкой⁸ пошел на дно, то бы, конечно, на Финском заливе бури не сделалось, а ⁹я бы стал¹⁰ жить с тюленями. — ¹¹И, с¹¹ видом негодования простясь со мною, лег в свою кибитку и ¹²скоро потом поехал¹².

Между тем как в моей повозке переменяли¹³ лошадей, приехала еще кибитка, тройкой запряженная. Из¹⁴ нее вышел человек, закутанный в ¹⁵большой епанче¹⁵, и шляпа с распущенными полями, глубоко надетая, препятствовала мне видеть его ¹⁶в лицо¹⁶. ¹⁷Сей человек¹⁷ требовал лошадей без дорожной, и как многие мужики¹⁸ окружили¹⁹ его и²⁰ с ним торговались²¹, то он, не дожидаясь конца их торга, сказал одному из них с нетерпением: — Запрягай поскорее²², я дам по четыре копейки за версту. — Ямщик побежал за лошадьми. Другие, видя, что ²³уже договариваться²³ было не о чем, все от него отошли. ²⁴Я находился от него не далее²⁴ как в пяти сажнях. Он, подошед ко мне и не снимая шляпы, сказал

⁸⁹ ГВВ; Ан — не поеду *испр.* не въеду николи; Ув. . . Пд — не въеду николи
⁹⁰ ГшВрЧк — тигроф ⁹¹ ГВ; Ан. . . Пд — чтоб ⁹²⁻⁹² ГАНБВ; Ув. . . Пд — поселился в городе ⁹³ В — вскоча; Ми — скочив ⁹⁴⁻⁹⁴ ГАН; Б. . . Пд — где (БВД — и где) не знают, что есть человек, где имя его неизвестно ⁹⁵ ЕфКБол — поехал

¹ ЕфКб — Полюсть ²⁻² ГВ; Б — его; Ув. . . Тх — еще; Д — его *доб.* еще; ЕфКБолРгПд — его еще ³ ГВВ; Ув. . . Пд *нет* ⁴⁻⁴ ЕфКб *нет* ⁵⁻⁵ Г; Б. . . Пд — что малые и частные (БУвГшКлТх — частые) нестройства в обществе связи (Рг — связи никогда) его не разрушат (ЕфКб — нарушают; ВРгПд — разрушают), как дробинка ⁶⁻⁶ Ми — Но он *испр.* *Он, а на поле *доб.* *Так<не?> слова мой мало действовали на моего приятеля. — ⁷ ЕфКБол *нет* ⁸⁻⁸ ГВВ; Ув. . . Пд — малая дробинка ⁹ КлМиВрЧк — и ¹⁰ ГВВ; Ув. . . Пд — пошел; | ЕфКб — только пошел ¹¹⁻¹¹ ВрЧк — Из ¹²⁻¹² Г; Б. . . Пд — поехал поспешно ¹³ Г; Б. . . Пд — запрягали ¹⁴ БВ — и из ¹⁵⁻¹⁵ ГВВ; Ув. . . Пд — большую (Ол — полную; Рг — польскую большую) епанчу; Д — большую епанче *испр.* большую епанчу ¹⁶⁻¹⁶ ГВВ; Ув. . . Пд — лице ¹⁷⁻¹⁷ ГВВ; Ув. . . Пд — Он; Д — Он *испр.* Сей человек и *стерто* ¹⁸ ГВВ; Ув. . . Пд — повозчики; Д — мужики *испр.* повозчики ¹⁹ ГВВ; Ув. . . Пд — окружив ²⁰ ГВВ; Ув. . . Пд *нет*; Д *доб.* и и *стерто* ²¹ БВ — торговались ²² ГВ; Ув. . . Ол — поскорее; ГшРгПд — поскорей ²³⁻²³ ГВ ВМи; Ув. . . Пд — договариваться уже; ЕфКб — договариваться ²⁴⁻²⁴ Б — Не далее я находился от него

мне²⁵: — Милостивой государь, снабдите чем ни есть²⁶ человека несчастливо²⁷: — Меня сие удивило чрезмерно²⁸, и я не мог вытерпеть, чтоб²⁹ ему не сказать, что я удивляюсь³⁰ в³¹ просьбе его о вспоможении³², когда он не хотел торговаться³³ даже и³³ о прогонах и давал против³⁴ других вдвое. — Я вижу, ³⁵государь мой³⁵, — сказал он мне, — что в ³⁶век ваш³⁶ поперечной³⁷ вам ничего не встречалось³⁸. — Столь благородной³⁹ ответ мне очень понравился, и я, не медля нимало, вынул⁴⁰ из кошелька империял⁴¹, ⁴²сказал: — Не прогневайтесь⁴², более теперь ⁴³вам служить⁴³ не могу; но если доедем до места, то, может быть, сделаю что-нибудь более⁴⁴. — Намерение мое ⁴⁵при сем⁴⁵ было то, чтобы сделать⁴⁶ чистосердечным — и⁴⁷ не ошибся. Я вижу, ⁴⁸государь мой⁴⁸, — сказал он мне, — что вы ⁴⁹еще имеете⁴⁹ чувствительность и⁵⁰ что обращение⁵¹ света и снискавшие собственные⁵² пользы не затворили вход ее⁵³ в ваше сердце. Позвольте мне сесть на⁵⁴ вашей повозке, а человеку⁵⁵ вашему ⁵⁶прикажите сесть⁵⁶ на моей. — Между тем ⁵⁷наши лошади⁵⁷ были впряжены⁵⁸, я исполнил его желание — и мы едем.

— Ах, государь мой, я⁵⁹ не могу себе представить, что я несчастлив. Не более⁶⁰ недели тому назад я был весел, во⁶¹ удовольствии, недостатка не чувствовал, был любим или так казалось⁶², ибо дом мой всякой день был полон людьми, заслужившими уже знаки почести⁶³; стол мой был⁶⁴ как великолепное некое⁶⁵ торжество. Но если тщеславие⁶⁶ толикое имело⁶⁶ удовольствие⁶⁷, ⁶⁸душа действительно⁶⁸ наслаждалась истинным блаженством. По многих сперва бесплодных стараниях и⁶⁹ предпрятиях неудачных⁷⁰ ⁷¹я наконец получил⁷¹ себе в жену ту, которую желал. Взаимная наша горячность, услаждая чувства⁷² и душу, все представляла⁷³

²⁵ ГВВ; Ув. . . Пд нет ²⁶ ЕфКБ ОлРг — чем-нибудь ²⁷ Г; Б. . . Пд — несчастного ²⁸ ЕфКБ Ол — чрезвычайно ²⁹ ЕфКБ — чтобы ³⁰ ВВ — удивляюся ³¹ ГВВ; Ув. . . Пд нет ³² ГВВ МиЕфКБ ОлРг Пд; Ув. . . Тх — вспоможении ³³⁻³³ ГВВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. даже и и стерто ³⁴ ЕфКБ — противу ³⁵⁻³⁵ ГВВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. государь мой и стерто ³⁶⁻³⁶ ГВВ; Ув. . . Пд — жизнь вашу ³⁷ ГВВ; Кл. . . Пд — поперечного; Гш — поперечного; Ув — поперечного (?) испр. поперечного ³⁸ ГВВ Ол; Ув. . . Пд — встречалось; ЕфКБ — встретилось; Ми — случилось; Рг — случилось ³⁹ ГВВ; Ув. . . Пд — твердой ⁴⁰ ВВ Ми Пд — вынул ⁴¹ Г; ВВ — . . . империял; Ув. . . Пд — . . . ; Д — . . . доб. империял и стерто ⁴²⁻⁴² Г; Б. . . Пд — Не осудите, — сказал ⁴³⁻⁴³ ЕфКБ — служить вам ⁴⁴ Г; Б. . . Пд — больше ⁴⁵⁻⁴⁵ ЕфКБ нет ⁴⁶ ГВВ; Ув. . . Пд — сделать его ⁴⁷ Г; Ув Гш Вр Чк Тх — я; Б. . . Пд — я и ⁴⁸⁻⁴⁸ Г; Б. . . Пд нет ⁴⁹⁻⁴⁹ Г; Б. . . Пд — имеете еще ⁵⁰ ГВВ; Ув. . . Пд нет ⁵¹ ЕфКБ — обращения ⁵² ГВВ; Ув. . . Пд — собственной ⁵³ ЕфКБ нет ⁵⁴ ЕфКБ — в ⁵⁵ ГВВ; Ув. . . Пд — служителю ⁵⁶⁻⁵⁶ ЕфКБ нет; Ол — сесть ⁵⁷⁻⁵⁷ ГВВ; Ув. . . Пд — лошади наши ⁵⁸ Ув. . . Чк Ол Рг — впряжены, и ⁵⁹ ГВВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. я и стерто ⁶⁰ ЕфКБ Ол — больше ⁶¹ ГЕфКБ; Б. . . Пд — в ⁶² ГВВ Кл ЕфКБ; Ув. . . Пд — казалось; Д — казалось испр. казалось ⁶³ ГВВ; Ув. . . Пд — почестей ⁶⁴ ГВВ; Ув. . . Пд — был всегда ⁶⁵ ЕфКБ Ол Рг нет ⁶⁶⁻⁶⁶ ЕфКБ — имела толикое ⁶⁷ Г; Б. . . Пд — удовлетворение; Д испр. удовлетворение ⁶⁸⁻⁶⁸ Г; Б — равно душа; В. . . Пд — равно и душа ⁶⁹ ГВВ; Ув. . . Пд нет; Д — и стерто ⁷⁰ ГВВ; Ув. . . Пд — и неудачах; Д — неудачных испр. и неудачах ⁷¹⁻⁷¹ ГВВ; Ув. . . Пд — наконец получил я (ЕфКБ нет) ⁷² ГВВ; Ув. . . Пд — и чувства; Ми Ол Рг — и чувство ⁷³ Ув. . . Пд; ГВВ Кл — представляло; Д — представляла испр. представляло и стерто

нам в ясном виде. Не ведали⁷⁴ мы облачного дни⁷⁵. Блаженства нашего⁷⁶мы достигали⁷⁶ вершины. Супруга моя была беременна, и приближался час ее разрешения. Все сие блаженство определила судьба, да рухнет одним мгновением.

У меня был обед, и множество так называемых друзей, собравшись, насыщали праздной свой голод на мой счет. Один из бывших тут, которой внутренно меня не любил, начал говорить с сидевшим подле его⁷⁷, хотя вполголос⁷⁸, но довольно громко, что⁷⁹говоренное жене моей и многим другим⁸⁰слышно было⁸⁰: — Неужели вы не⁸¹знаете, что дело нашего хозяина в уголовной палате уже решено. — Вам, ⁸²государь мой⁸², покажется мудроно, — говорил сопутник⁸³ мой, обращая ко мне ⁸⁴свои слова⁸⁴, — чтобы⁸⁵человек неслужащий и в положении, мною описанном, находящийся⁸⁶ мог подвергнуть себя суду уголовному. И я так думал долго, да и тогда, когда уже⁸⁷ мое дело, прошед нижние суды, достигло до высшего⁸⁸. Вот в чем оно состояло: я, быв⁸⁹ в купечестве записан и⁹⁰ пуская капитал свой⁹¹ в⁹² обращение, стал участник⁹³ в частном откупу. Неосновательность моя ⁹⁴причиною была⁹⁴, что я доверил лживому человеку, которой, лично попавшись в преступлении, был⁹⁵ отрешен и по свидетельстве⁹⁶ его книг сделался, по-видимому, ⁹⁷на нем⁹⁷ большой начет. Он скрылся, я остался в лицах, и начет положено взыскать с меня. Я, сделав выправки сколько мог, нашел, что начету на мне или совсем бы⁹⁸ не было или ⁹⁹бы был⁹⁹ очень малой, и для того просил, чтобы сделали расчет со мною, ибо я по нем был порукою. Но вместо того чтобы сделать должное по моему прошению удовлетворение, велено ¹⁰⁰с меня доимку сыскать¹⁰⁰. Первое неправосудие. Но к сему присовокупили и другое. В то время, как я сделался в откупу порукою, имущества за мною никакого не было, но, по обыкновению, послано было запрещение на имение мое в гражданскую палату. Странная вещь — запрещать продавать то, чего не существует в имении. После того ¹⁰¹я купил¹ дом, мызу² и другие сделал приобретении. В то же самое время случай допустил меня перейти из купеческого

⁷⁴ Г; Б. . . Пд — зрели ⁷⁵ ГВВРз; Ув. . . Пд — дня ⁷⁶⁻⁷⁶ Г; БВ — мы достигли; ДРз — достигли мы; Ув. . . Пд — достигали мы ⁷⁷ ГВ; Ан. . . Пд — него; Д — его испр. него ⁷⁸ Г; Ан. . . Пд — вполголоса ⁷⁹ ГВВ; Ан — что испр. чтобы; Ув. . . Пд — чтобы ⁸⁰⁻⁸⁰ МиРз — было слышно ⁸¹ УвГш нет ⁸²⁻⁸² ГВВ; Ан — государь мой зач.; Ув. . . Пд нет; Д доб. государь мой и стерто ⁸³ ЕфКб — соперник ⁸⁴⁻⁸⁴ Г; АнБВМиДЕфКбОлРзПд — свое слово; Ув. . . Тх — мое слово ⁸⁵ Ув. . . Чк; ЕфКб — чтоб ⁸⁶ ГВВ; Ан — находящийся зач.; Д доб. находящийся и стерто; Ув. . . Пд нет ⁸⁷ ГВВ; Ан. . . Пд нет; Д доб. уже и зач. ⁸⁸ АнБВД ТхРзПд — высшего ⁸⁹ Г; Ан. . . Пд — был ⁹⁰ ГАНБВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. и ⁹¹ ГВВ; Ан — свой испр. мой; Ув. . . Пд — мой; Д испр. свой испр. мой ⁹² Гш КЛМиТх — во ⁹³ ГВВ; Ан — участник испр. участником; Ув. . . Пд — участником ⁹⁴⁻⁹⁴ МиЕфКбОлРз — была причиною ⁹⁵ ГАНБВ; Ув. . . Пд — был от откупу ⁹⁶ Г; Ан — свидетельстве испр. свидетельству будто; БВ — свидетельству; Ув. . . Пд — свидетельству будто ⁹⁷⁻⁹⁷ УвКЛМиВрЧкЕфКбОл нет ⁹⁸ Б. . . Чк нет ⁹⁹⁻⁹⁹ Б — бы и было; В — и был; ЕфКб — бы был да ¹⁰⁰⁻¹⁰⁰ Г; АнБВ — с меня недоимку взыскать; Ув. . . Пд — недоимку взыскать с меня ¹⁰¹⁻¹ ГВВ; Ув. . . Пд — купил я ² ГВВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. мызу и стерто

звания в звание дворянское, получа чин. Наблюдая свою пользу, я ³улучил способ ³ продать дом свой ⁴ на выгодных ⁵ для меня ⁵ кондициях, совершил ⁶ купчую в самой той же палате, где существовало запрещение. Сие поставлено мне в преступление, ибо были люди, которых удовольствие ⁷ блаженною моею жизнью, может быть, помрачалось ⁷. Стряпчий казенных дел сделал на меня донос, что ⁸ избегал ⁹ платежа казенной недоимки, дом продал, обманул гражданскую палату, назвавшись тем званием, в коем я был, а не тем, в котором ¹⁰ находился при покупке дома. Тщетно я говорил, что запрещение не может ¹¹ на то существовать ¹¹, чего нет в имении, тщетно я говорил, что ¹² надлежало бы сперва продать оставшее ¹³ имение и выручить ¹⁴ недоимку ¹⁵, а потом предпринимать другие средства; что я звания моего ¹⁶ не утаивал, ибо в дворянском уже купил дом. Все сие ¹⁷ не было внято ¹⁷, продажа дому уничтожена, меня осудили за ложной мой поступок лишить чинов и ¹⁸ требовано моя присылка ¹⁸, дабы посадить меня ¹⁹ под стражу до окончания дела.

Сие последнее повествуя, рассказывающий возвысил свой голос. Жена моя, едва сие услышала, обняв меня, вскричала: — Нет, мой друг, ²⁰ и я ²⁰ с тобою. — Более ²¹ выговорить не могла. Члены ее все ослабели, и она упала без чувства ²² в мои объятия ²³. Я поднял ²⁴ ее со стула, вынес в спальную комнату и не ведаю, как обед окончился ²⁵.

Пришед чрез несколько времени в себя, она почувствовала муки, близкое рождение плода ²⁶ горячности нашей ²⁶ возвещающей ²⁷. Но, сколь ни жестоки они были, воображение, что я буду под стражею, столь ее тревожило, что она только и твердила: и ²⁸ я пойду с тобою. Сие несчастное приключение ускорило рождение младенца целым месяцем, и все способы бабки и доктора, для пособия призванных, были тщетны и не могли воспретить, чтобы жена моя не родила чрез сутки. Движения ²⁹ ее души не токмо ³⁰ с рождением младенца не успокоились ³¹, но ³² гораздо усилились

³⁻³ Г; БВ — упустил способ; Ув. . . Пд — нашел случай ⁴ ГВВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. свой и стерто ⁵⁻⁵ ГВВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. для меня и стерто ⁶ ГЕФКБ; Б. . . Пд — совершив ⁷⁻⁷ ГВВ; Ув. . . Пд — помрачалось (МиЕфКБ — помрачилось) блаженством моего жития; Д испр. и стерто ⁸ Г; Б. . . Пд — что я ⁹ ГВВ; Ув. . . Пд — избегая ¹⁰ УвГшКлВрЧк — которым я; ЕфКБ — коем я ¹¹⁻¹¹ ГВВ; Ув. . . Пд — существовать на то ¹² ГВВ; Ув. . . Пд — что по крайней мере ¹³ ГВВЕФКБ; Ув. . . Пд — оставшееся ¹⁴ БВ — выручать ¹⁵ ГВВ; Ув. . . Чк — недоимку сей продажей; ТхОлРгПд — недоимку сей (ОлРг — сею) продажей; ЕфКБ — сию недоимку продажей ¹⁶ ГВВ; Ув. . . Пд — своего; Д испр. моего испр. своего ¹⁷⁻¹⁷ Г; Б. . . Пд — было отринуту ¹⁸⁻¹⁸ Г; Б. . . Пд — требуют теперь (ЕфКБ — теперь требуют), говорил (Рг — говорил застольный) повествователь, хозяйна здешнего в суд (Б — к суду, Д — в суд испр. к суду) ¹⁹ Г; Б. . . Пд нет ²⁰⁻²⁰ УвКлВрЧкТх — и я пойду; Ми — я пойду ²¹ УвГшВрЧк — Боле ²² ГВВ; Ан — без чувства испр. безчувственна; Ув. . . Пд — безчувственна; Ми — без чувств; Д — без чувств испр. безчувственна ²³ ВрЧкТхКБ — объятии ²⁴ Г; Ан. . . Пд — подняв ²⁵ Г. . . Рг; АнВКлОлПд — окончался; МиЕф — кончился ²⁶⁻²⁶ ЕфКл — нашей горячности ²⁷ Ув. . . Тх — возвещающая ²⁸ Ан — что и испр. и ²⁹ ГЕФ — Движение ³⁰ МиЕфОл — только; КБ — толико ³¹ В — успокоилось ³²⁻³² ГВВ (В — усилилось); Ан — гораздо усилились и испр. усилившихся гораздо Ув. . . Пд — усилившихся гораздо

я³², сделав³³ ей горячку. . . Но³⁴ почто распространяться в³⁵ повествовании? Жена моя на третий день³⁶ родов³⁶ своих умерла. Видя ее страдание, можете поверить, что я ее не оставлял³⁷ ни на³⁷ минуту³⁸ и дело мое, и мое³⁸ осуждение в горести позабыл совершенно. За день до кончины моея³⁹ любезной незрелый плод нашея⁴⁰ горячности также умер. Болезнь матери его занимала меня совсем, и потеря сия была для меня тогда невелика. ⁴¹Вообрази, государь мой⁴¹, — говорил повествователь мой, взяв обеими руками себя за власы⁴², — вообрази мое положение, когда я видел, что возлюбленная моя⁴³ со мною расставалася⁴³ навсегда. — Навсегда! — вскричал он⁴⁴ диким голосом. — Но зачем я бегу? Пускай меня посадят в темницу; я уже нечувствителен буду⁴⁵, пускай меня мучат, пускай лишают жизни. — О варвары, тигры, змеи лютые, грызите сие сердце, пускайте⁴⁶ томной ваш в него яд⁴⁶. — Извините, ⁴⁷государь мой⁴⁷, мое исступление⁴⁸, я думаю, что я лишусь скоро ума, ибо⁴⁹ сколь скоро воображу ту минуту, когда любезная моя со мною расставалася, то я все позабываю и свет в глазах меркнет. Но окончу мою повесть. ⁵⁰Как я находился в таком⁵⁰ жестоком отчаянии, лежа⁵¹ над бездушным⁵² телом моей возлюбленной, один из искренних моих друзей, прибежав ко мне: — Тебя пришли взять под стражу, команда на дворе. Беги отсель, кибитка у задних ворот готова. Ступай в Москву или куда⁵³ еще далее⁵³ и живи там, доколе можно будет⁵⁴ облегчить твою судьбу. — Я не внимал его речам, но он, усилясь надо мною и взяв⁵⁵ меня с помощью⁵⁶ своих людей⁵⁶, вынес и положил в кибитку; но вспомня, что надобны мне были⁵⁷ деньги, дал мне кошелек, в котором было только пятьдесят рублей. А⁵⁸ сам пошел в мой кабинет, чтобы найти там денег и мне вынести; но, нашед⁵⁹ уже офицера в моей спальне⁶⁰, успел только прислать ко мне сказать, чтобы⁶¹ я ехал. Не помню, как меня везли первую станцию. Слуга приятеля моего рассказал⁶² ⁶³мне все⁶³ происшедшее и⁶⁴ простился со мною, а я теперь еду, по пословице, — куда глаза глядят.

³³ ГВВ; Ан. . . Пд — сделали ³⁴ Г; Ан — Но зач.; Б. . . Пд нет ³⁵ Г; Ан — в моем; Б. . . Пд — мне в ³⁶⁻³⁶ ГВВ; Ан. . . Пд — после родов ³⁷⁻³⁷ ВрЧк — нана ³⁸⁻³⁸ ГВВ; Ан — и дело мое, и испр. Дело мое и; Ув. . . Пд — Дело мое и; Д испр. и дело мое и ³⁹ ГВВ; Ан. . . Пд — моей ⁴⁰ ГАНВВ; Ув. . . Пд — нашей ⁴¹⁻⁴¹ ГВВ; Ан — Вообрази, вообрази, государь мой испр. Вообрази, государь мой; Ув. . . Рг — Вообрази; ЕфКБолПд — Вообрази, вообрази; Д — Вообрази, вообрази доб. государь мой и стерто ⁴² Г; Ан. . . Пд — волосы ⁴³⁻⁴³ ВВ — расставалася со мною ⁴⁴ Ан доб. он ⁴⁵ ГВВ; Ан — буду зач.; Ув. . . Пд нет ⁴⁶⁻⁴⁶ ГАН; ВВ — томной ваш яд; Ув. . . Пд — в него томной ваш яд ⁴⁷⁻⁴⁷ ГВВ; Ан — государь мой зач.; Ув. . . Пд нет ⁴⁸ ВВ — преступление ⁴⁹ ГАНВВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. ибо и стерто ⁵⁰⁻⁵⁰ Г; Ан — Как я находился в таком испр. В толико; ВВ — Как я находился в толико; Ув. . . Пд — В толико; Д доб. Как я находился и стерто ⁵¹ ГВВ; Ан — лежа испр. лежачу мне; Ув. . . Пд — лежачу мне ⁵² Г; ВВ нет; Ан. . . Пд — бездыханным ⁵³⁻⁵³ ГВВ; Ан — еще далее испр. хочешь; Ув. . . Пд — хочешь ⁵⁴ Ув. . . Тх нет ⁵⁵ испр.; Г — взял ⁵⁶⁻⁵⁶ МиЕфКБ — людей своих ⁵⁷ ГВ; Ан. . . Пд нет; Д доб. были и стерто ⁵⁸ ГАНВВРг; Ув. . . Пд нет; Д доб. а и стерто ⁵⁹ ЕфКБ — нашел ⁶⁰ ГВВ; Ан — спальней испр. спальне; Ув. . . Пд — спальне ⁶¹ ЕфКБол — чтоб ⁶² ГАНВВЕфКБ; Ув. . . Пд — рассказав ⁶³⁻⁶³ ГАН; ВВ — мне; Ув. . . Пд — все; Д — все доб. мне и стерто ⁶⁴ ГАНВВ; Ув. . . Пд нет

ПОДБЕРЕЗЬЕ¹

Повесть сопутника моего тронула меня несказанно. Возможно ли, говорил я сам себе, чтобы в толь мягкосердое правление, каково² ныне у нас, толикие происходили³ жестокости. Возможно ли⁴, чтобы⁵ были столь безумные⁶ судьи⁷, что для насыщения казны — ⁸можно действительно так назвать всякое неправильное отнятие имущества для удовлетворения казенного требования⁸ — отнимали у людей имущество, честь, жизнь. Я размышлял, каким бы образом мог⁹ сие происшествие доставить¹⁰ до слуха верховная власти. Ибо справедливо думал, что в самодержавном правлении ¹¹она одна¹¹ в отношении других может быть беспристрастна¹². — Но не могу ль¹³ я принять на себя его защиту, я напишу жалобницу¹⁴ в высшее¹⁵ правительство; употреблю¹⁶ все происшествие и представлю неправосудие¹⁷ судивших и невинность страждущу¹⁸. — Но жалобницы¹⁹ от меня не примут. Спросят, какое я ²⁰на то имею²⁰ право; потребуют от меня верующего письма. ²¹Страждущее человечество. — Какое имею право?²¹ Человек, лишенный имущества, чести, лишенный половины своей жизни, в ²²изгнании самовольном²², дабы избегнуть поносительного заточения. И на сие надобно верующее письмо? От кого? Ужели сего мало, что страдает мой согражданин? — Да и в том нет нужды. Он человек — вот мое право, вот верующее письмо. — О богочеловек! Почто писал ты закон твой для варваров. Они, крестьян²³ во имя твое, кровавые приносят жертвы злобе. Почто ты и²⁴ для них мягкосерд был? Вместо обещания будущая казнь²⁵ усугубил²⁶ бы²⁷ казнь настоящую и, ²⁸совесть²⁹ возжигая²⁸ по мере злодеяния, не дал бы им покоя денноночно³⁰, доколь страданием своим не загладили бы³¹ все злое, еже сотворили³². — Таковые размышления ³³утомили столь³³ мое³⁴ тело, что я уснул³⁵ ³⁶и не просыпался³⁶, ³⁷когда лошадей переменили³⁷.

¹ ГАНБ; В — оставлен пробел; Д вписано заглавие Подберезье и стерто; Ув. . . Пд нет ² испр.; Г — каковы ³ ГБВ; Ан — производили испр. производились; Ув. . . Пд — производились; Еф — производятся ⁴ Ми — ли, говорил ⁵ Ан — что испр. чтобы; Ми — чтоб ⁶ УвВрЧкТх — безумный; ГшМи — безумный ⁷ ГАНБВ; Ув. . . Пд — судии; Д — судии испр. судьи ⁸⁻⁸ Г. . . Тх; Ан доб. скобки; Еф. . . Пд — (можно. . . требования) ⁹ ГАН; Б. . . Пд — могло ¹⁰ ГАН; Б. . . Пд — достигнуть ¹¹⁻¹¹ Ув. . . Тх — они одни ¹² Кл — беспристрастны ¹³ ГАНБВРг; Ув. . . Пд — ли ¹⁴ Ан — жалобницу ¹⁵ Г. . . Рг; АнБВПд — высшее ¹⁶ Г. . . Рг; АнОлПд — Уподроблю; ЕфКб — Изображу ¹⁷ УвГшКл ВрЧкТх — на правосудие ¹⁸ ГБВ; Ан — страждущего; Д испр. страждущу испр. страждущего; Ув. . . Пд — страждущего ¹⁹ БВ — жалобницу ²⁰⁻²⁰ ЕфКбРг — имею на то ²¹⁻²¹ Г; Ан. . . Пд — Какое имею право (Чк нет имею право)? Страждущее человечество ²²⁻²² ГБВ; Ан. . . Пд — самовольном изгнании ²³ ЕфКб — крестьян ²⁴ ГБВ; Ан. . . Пд нет; Д доб. и и стерто ²⁵ Еф — жизни ²⁶ Ув. . . Тх — изгубил ²⁷ БВ нет ²⁸⁻²⁸ ЕфКб — возжигая совесть ²⁹ Кл — совсем; Ми — совет ³⁰ ГАНОлРг; БВКл — денно и ночью; УвГшВрЧкТх — денноночно; Ми — и денно и ночью; ЕфКб — ни денно, ни ночью ³¹ ГАНБВ; Ув. . . Пд — загладят ³² Б — сотворили ³³⁻³³ ГАН; Б. . . Пд — толико утомили ³⁴ Рг — мое сердце и ³⁵ ГАНБВ; Ув. . . Пд — уснул весьма крепко ³⁶⁻³⁶ БВ — и не проснулся; Гш — просыпался ³⁷⁻³⁷ ГАНБВ; Ув. . . Пд — долго; Д — долго доб. когда лошадей переменили и стерто

Возмущенные соки мыслею³⁸ стремились мне спящу к³⁹ голове⁴⁰ и⁴¹, тревожа нежный состав моего мозга, возбудили⁴² воображения⁴³. Несчастные⁴⁴ картины представились⁴⁵ мне во сне, но исчезали⁴⁶, как легкие в воздухе пары. Наконец, как то бывает, ⁴⁷мозговое⁴⁷ волокно, тронутое сильно⁴⁸ восходящими из внутренних⁴⁹ сосудов тела парами, задрожало более⁵⁰ других на несколько времени, и вот что я сгресил⁵¹.

Мне представилось, что я⁵² царь, шах, хан, король, бей, набоб⁵³, князь⁵⁴ султан, ичка⁵⁵ или какое-то⁵⁶ сих названий нечто, ⁵⁷не знаю что⁵⁷, сидящее⁵⁸ во власти на престоле.

Место моего восседения⁵⁹ было из чистого золота⁶⁰ и хитро искладенными драгими⁶¹ разного цвета камнями⁶² блистало лучезарно. Ничто сравниться не могло с⁶³ блеском моих одежд. Глава моя украшалась венцем лавровым. Вокруг меня лежали знаки, власть мою изъявляющие. Здесь меч лежал на столпе⁶⁴, из серебра⁶⁵ изваянном, на коем⁶⁶ изображались морские и сухопутные сражения, взятие⁶⁷ городов и проч.⁶⁸; везде видно было вверху имя мое, носимое Гением славы, над всеми громкими⁶⁹ сими подвигами парящим. Тут виден был скиптр⁷⁰ мой, на⁷¹ снопах, обильными класами⁷² отягченных, возложенный⁷³, изваянных из чистого золота и природе совершенно подражающих⁷⁴. На твердом коромысле возвышенные⁷⁵ зрелися весы. В единой из чаш лежала книга с надписью «Закон милосердия», другой⁷⁶ — книга же⁷⁷ с надписью «Закон новости». Держава моя⁷⁸, из единого камня иссеченная, поддерживаема была грудю младенцев, из белого мрамора⁷⁹ иссеченных. Венец мой возвышен был паче всего и возлежал на раменах мощного⁸⁰ исполина, воскраие⁸¹ же его

³⁸ ГВВД; Ан. . . Пд — мыслею ³⁹ КЛМиВрЧкТх — в ⁴⁰ Ми — голову
⁴¹ Ув. . . Тх нет ⁴² Г; Ан — возбудили доб. в нем; Б. . . Пд — возбудили в нем ⁴³ Г; Ан — воображения испр. воображение; Б. . . Пд — воображение
⁴⁴ Г. . . Ол; АнРгПд — Несчетные ⁴⁵ ГАн; Б. . . Пд — представлялись; ОлРг — представлялись ⁴⁶ Ан — исчезли испр. исчезали; Б. . . Тх — исчезли ⁴⁷⁻⁴⁷ ГАн; Б. . . Пд — некоторое мозговое ⁴⁸ Ан — сильно испр. сильнее и на поле доб. других и зач. ⁴⁹ Б — внутренних ⁵⁰ КЛМиВрЧкТхКб — более ⁵¹ ГАНБВ; Ув. . . Пд — гресил; Д — гресил испр. сгресил ⁵² ВВ нет ⁵³ ГВВ; Ан — набоб испр. набаб; Ув. . . Пд — набаб ⁵⁴ ГАНБВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. князь и стерто ⁵⁵ ГВВ; Ан — инка зач.; Ув. . . Пд нет; Д доб. инка и стерто ⁵⁶ ЕфКб — какое-то из ⁵⁷⁻⁵⁷ ГВВ; Ан — не знаю что зач.; Ув. . . Пд нет; Д доб. не знаю что и стерто ⁵⁸ ЕфКб — сидящее ⁵⁹ КЛЕфКБолРг — восседания ⁶⁰ испр.; Г — золота ⁶¹ МиЧк — другими; Тх — дорогими ⁶² Г; Б — камнями; Ан. . . Пд — камнями ⁶³ ГВВДЕф; Ан — с испр. со; Ув. . . Пд — со ⁶⁴ Ан — столе испр. столпе; Ув. . . Тх — столбе ⁶⁵ ВВКлОл — серебра ⁶⁶ Ув. . . Тх — нем ⁶⁷ УвГш — взятия ⁶⁸ Г; Ан — проч. испр. прочее сего рода; Б — прочая всего рода; В — проч. всего рода; Ув. . . Тх — прочее всего рода; Еф. . . Пд — прочее сего рода ⁶⁹ ГВВ; Ан. . . Пд нет; Д доб. громкими и стерто ⁷⁰ ГАНБВ; Ув. . . Пд — скипетр ⁷¹ ГАн; Б. . . Пд — возлежащий на ⁷² ГВВ ГшКБолРг; Ан. . . Пд — класами ⁷³ Г; Ан — возложенный испр. возлежащий; Б. . . Пд нет ⁷⁴ УвКЛМиВрЧкТх — подражающим ⁷⁵ ГМиЕфКБолРгПд; Ан. . . Тх — возвешенные ⁷⁶ Г; Ан — другой испр. в другой; Б. . . Пд — в другой ⁷⁷ ЕфКБол — ж ⁷⁸ ГВВ; Ан — моя зач.; Ув. . . Пд нет; Д доб. моя и стерто ⁷⁹ Тх — мрамора ⁸⁰ ГВВ; Ан — мочно испр. мощного; Ув. . . Пд — сильного; Д испр. мощного испр. сильного ⁸¹ Ув. . . Кб — воскрай

поддержимо⁸² было истиною⁸³ с ее зеркалом⁸³. Огромной величины змия⁸⁴, из светлых⁸⁵ стали искованная, облежала вокруг⁸⁶ всего седалища при его подножии и, конец хвоста в зеве держаща, изображала вечность⁸⁷.

Но не⁸⁸ единые бездыханные изображения⁸⁹ возвещали власть мою и величество. С робким подобострастием и взоры мои ловящи⁹⁰, стояли вокруг престола моего чины государственные. В⁹¹ некоторой отдаленности⁹¹ от престола моего толпилось неисчисленное⁹² множество народа, коего разные одежды, черты лица, осанка, вид и стан различия⁹³ их поколения⁹⁴ возвещали. Трепетное их молчание уверяло⁹⁵ меня, что они все воле моей подвластны. По сторонам на несколько возвышенном месте стояли женщины в великом множестве в прелестнейших и великолепнейших одеждах. Взоры их изъявляли удовольствие на меня смотреть, и⁹⁶ желаний⁹⁷ их стремились⁹⁸, казалось⁹⁹, ¹⁰⁰предупреждать мои¹⁰⁰, если бы они возродились¹⁰¹.

Глубочайшее в собрании сем царствовало² молчание; казалось, что все в³ ожидании были важного какого происшествия, от коего спокойствие и блаженство всего общества зависели. Угубленный⁴ сам в себе⁵ и чувствуя⁶ глубоко вкоренившуюся скуку в душе моей, от насыщающего скоро единообразия⁷ происходящую, я долг отплатил⁸ естеству и рот разинул⁹ до ушей, зевнул во¹⁰ весь голос¹⁰. Все вняли чувствования¹¹ души моей. Внезапу смещение распостерло мрачной покров свой по чертам веселия, улыбка улетела¹² со¹³ уст нежности и блеск радования с ланит удовольствия, искаженные взгляды и озиране являли нечаянное нашествие ужаса и предстоящей¹⁴ беды. Слышны были вздохи, колющие¹⁵ предтечи скорби, и уже начинало¹⁶ раздаваться задерживаемое присутствием страха стенание¹⁷. Уже скорыми в сердца всех стопами шествовало отчаяние и смертные содрогания, самые кончины мучительнее. . .

⁸² Г; Ан. . . Пд — поддерживаемо ⁸³⁻⁸³ ГБВ; Ан — с ее зеркалом *зач.*; Ув. . . Пд *нет*; Д *доб.* с ее зеркалом и *стерто* ⁸⁴ ЕфКб — змея ⁸⁵ Ув. . . Кб — светлой ⁸⁶⁻⁸⁶ Кл — стали окованная; Ми — и скованная стали ⁸⁶ Г; Ан. . . Пд — вокруг ⁸⁷ Ан — верность *испр.* вечность ⁸⁸ УвГшКлВрЧкТх — ни ⁸⁹ Гш *нет* ⁹⁰ ЕфКб — ловящие ⁹¹⁻⁹¹ ГБВ; Ан. . . Пд — некотором отдалении; Д *испр.* некоторой отдаленности *испр.* некотором отдалении ⁹² Ган; БВ — неисчислимое; Ув. . . Пд — бесчисленное ⁹³ ГВ; Ан. . . Пд — различие ⁹⁴ Г; Ан — поколений; Б. . . Пд — племени ⁹⁵ БВ — уверило ⁹⁶ БВ *нет*; Д *стерто* и *доб.* и ⁹⁷ ГБВ; УвМиВрЧкТх — желание; ГшКлЕф. . . Пд — желания ⁹⁸ Ми — стремились ⁹⁹ ГБВ; Ан. . . Пд *нет*; Д *доб.* казалось и *стерто* ¹⁰⁰⁻¹⁰⁰ ГБВ; Ан — предупреждать мои *испр.* на предупреждение моих; Ув. . . Тх — на предупреждения моих; ГшОлПд — на предупреждении моих; Д *испр.* предупреждать мои *испр.* на предупреждение моих; ЕфКбРг — на предупреждение моих

¹⁰¹ В — возродились; Тх — возгордились ² Г; Ан — царствовало *испр.* присутствовало; Б. . . Пд — присутствовало ³ МиЕфКбРг — во ⁴ Г; Ан — Углубленный *испр.* Обращенный; Б. . . Пд — Обращенный ⁵ Г; Ан — себе *испр.* себя; Б. . . Пд — себя ⁶ *испр.*; Г — чувствую ⁷ ВрЧк — единообразию ⁸ ГанБВ; Ув. . . Пд — отдал ⁹ Г; Ан. . . Пд — разинув ¹⁰⁻¹⁰ ГБВ; Ан — весь рот *испр.* всю мочь; Ув. . . Пд — всю мочь ¹¹ ГБВ; Ан. . . Пд — чувствования ¹² Г. . . Пд; АнБВ — улетала ¹³ КлМиТхЕфРгПд — с; Ол — от ¹⁴ ГанБВ; Ув. . . Пд — предстоящая ¹⁵ УвГшКлТх — колющее ¹⁶ *испр.*; Г — начиналось; ОлРг — начало ¹⁷ *испр.*; Г — стенания

Тронутый до внутренности сердца толико печальным зрелищем, ланитные мышцы нечувствительно стянулись к¹⁸ ушам моим и, растягивая губы мои¹⁹, произвели²⁰ в чертах лица²¹ кривление²², улыбке подобное, за коим я чхнул²³ весьма звонко²⁴. Подобно как в²⁵ середине мрачной атмосферы²⁵, густым туманом отягченной²⁶, проникает²⁷ полуденный солнца луч, летит от жизненной его жаркости сгущенная парами влага и, разделенная в составе своем, частью, улегчась, стремительно возносится в неизмеримое пространство эфира и²⁸ частью, удержав в себе одну только тяжесть земных частиц, падает низу медленно²⁹. Мрак, присутствовавший повсюду в небиты светозарного шара, исчезает весь вдруг и, сложив поспешно непроницабельной сей³⁰ покров, улетел³¹ на крылех³² мгновенности и³³ не оставляя по себе ниже знака³⁴ своего присутствования. — Тако при улыбке моей развеялся вид печали, на лицах всего собрания поселившейся³⁵; радость проникла³⁶ сердца всех быстротечно, ³⁷и ниже³⁷ не осталось косога вида неудовольствия нигде. Все начали восклицать: да здравствует наш великий государь, да здравствует навеки. Подобно тихому полуденному ветру, помавающему³⁸ листовие³⁹ древес⁴⁰ и любострастное производящему в дуброве⁴¹ шумление⁴², во⁴³ всем собрании радостное⁴⁴ раздавалось шептание⁴⁴. Иной вполголоса говорил: он усмирил внешних и внутренних врагов, расширил пределы отечества, покори́л тысячи⁴⁵ разных народов своей державе. Другой восклицал: он обогатил государство, расширил ⁴⁶торговлю внутреннюю и внешнюю⁴⁶, он любит науки и художества⁴⁷, поощряет⁴⁸ земледелие и рукоделие. Женщины с нежностью вещали: он не дал погибнуть тысячам⁴⁹ многих⁵⁰ полезных сограждан, избавя их до сосца⁵¹ еще гибельныя кончины. Иной с важным видом ⁵²возглашал⁵²: он умножил государственные доходы, народ облегчил от

¹⁸ ГАНБВ; Ув. . . Пд — ко; Д — ко испр. к ¹⁹ ГВВ; Ан — мой зач.; Ув. . . Пд нет; Д доб. мой и стерто ²⁰ БВ — произвело ²¹ Г; Ан. . . Пд — лица моего ²² ЕфКБРг — кривляние ²³ Б. . . Тх — чхнул ²⁴ МиРг — громко ²⁵⁻²⁵ ГВВ; Ан — среднцу мрачной атмосферы; Ув. . . Пд — мрачную атмосферу; Д испр. середине мрачной атмосферы испр. мрачную атмосферу ²⁶ ГАНБВ; Ув. . . Пд — отягченную; Д — отягченную испр. отягченной ²⁷ Ан — проникает испр. проникает ²⁸ Рг — а ²⁹ ГВВ; Ан. . . Пд — стремительно; Д испр. медленно испр. стремительно ³⁰ ГВВ; Ан. . . Пд — свой ³¹ Г; Ан — улетел испр. улетаёт; Б. . . Пд — улетаёт ³² ГАНОлРгПд; Б. . . Чк — крыльях; Тх — крыльях; ЕфКб — крылах ³³ Г; Ан. . . Пд нет ³⁴ Б — знаки ³⁵ ГАНОл; Б — Поселившиеся; ВКлМи — Поселившаяся; УвГшВрЧкТх — поселившаяся; ЕфКБРгПд — поселившийся ³⁶ БВ — проникла ³⁷⁻³⁷ ГАН; БВ — ниже; Ув. . . Пд — и; Д испр. ниже испр. и ³⁸ ГшВрЧк — повивающему; ЕфКб — повевающему ³⁹ ГЕф; АнБВКбОлРгПд — листовия; Ув. . . Тх — листья ⁴⁰ Г; Ан. . . Пд — дерев ⁴¹ Г. . . Кб; АнБВТхОлРгПд — дубраве ⁴² испр.; Г — шумению; БВ — шумлению ⁴³ Г; Ан — во испр. тако во; Б. . . Пд — тако во ⁴⁴⁻⁴⁴ ГВВ; Ан — раздавалось шептание; Ув. . . Пд — шептание раздавалось; Кл — шептание раздавалось ⁴⁵ Ан — тысяча; БВ — тысячу ⁴⁶⁻⁴⁶ Г; Б — торговлю внутреннюю и внешнюю; В — торговлю внутреннюю и внешнюю; АнГшВрЕф. . . Пд — внутреннюю и внешнюю торговлю; УвКлТх — внутреннюю и внешнюю (Кл — внешнею; Тх — внешнею) торговлю; Ми — внутреннюю и внешнею торговлю; Чк — внутреннюю и внешнею торговлю ⁴⁷ ГВВ; Ан. . . Пд — художества ⁴⁸ испр.; Г — поощрял ⁴⁹ ГРг; Ан. . . Пд — тысячам ⁵⁰ ГВВ; Ан — многих зач.; Ув. . . Пд нет; Д доб. многих и стерто ⁵¹ БВ — солнца ⁵²⁻⁵² УвГшКлВрЧк — взглядывал и возглашал; Ми — взглядывая, возглашал; Рг — восклицал

податей, доставил ему надежное пропитание. Юноши⁵³, с восторгом⁵⁴ руки на небо⁵⁴ простирая, рекли⁵⁵: милосерд⁵⁶, правдив, закон его для всех равен, он почитает себя первым⁵⁷ служителем его⁵⁷. Он законодатель мудрый, судия правдивый, исполнитель ревностный, он паче всех царей велик, он вольность дарует всем.

Речи таковые, ударяя⁵⁸ тимпан⁵⁹ моего уха, ⁶⁰ раздавались громко⁶⁰ в душе моей. Похвалы сии истинными в разуме моем изображались, ибо сопутствуемы были искренности наружными чертами. Таковыми их приемля, душа моя возвышалась⁶¹ над обыкновенным зрением кругом, в существе своем расширялась⁶² и, ⁶³объемля все⁶³, касалась⁶⁴ степеней⁶⁵ божественной премудрости. Но⁶⁶ ничто не сравнится⁶⁷ с удивительным самоодобрением⁶⁸ при раздавании моих приказаний. Первому военачальнику повелевал⁶⁹ я идти с многочисленным войском на завоевание⁷⁰ земли, целым небесным поясом от меня отделенной. — Государь, — отвечал он мне, — слава единая имени твоего победит⁷¹ народы, оную землю населяющие. Страх предшествовать будет оружию твоему, и возвращусь⁷², принося⁷³ дань царей сильных. — Учредителю⁷⁴ плавания я рек: — ⁷⁵Да корабли мои рассеются⁷⁶ по всем морям, да узрят ⁷⁷неведомые еще⁷⁷ народы⁷⁵ флаг мой, ⁷⁸имя мое⁷⁸ да известно⁷⁹ будет на севере, востоке, юге и западе. — Исполню, государь. — И полетел на исполнение, яко ветр, определенный надувать ветрила корабельные. — Известно⁸⁰ до дальнейших пределов моя область, — рек я ⁸¹к первому⁸¹ хранителю законов: — се день ⁸²моего рождения⁸², да ознаменится он в летописях навеки отпущением повсеместным. Да отверзнутся⁸³ темницы, да изыдут преступники и да ⁸⁴восприимутся паки в дому своем⁸⁴, яко заблудившие⁸⁵ от истинного пути. — Милосердие твое, государь, есть образ всещедрого существа. Бегу возвестить⁸⁶ радость скорбящим — отцам по чадах их,

⁵³ ГВВ; Ан — Юношество *испр.* Юноши (но не *зач.* «ство»); Ув. . . Пд — Юношество
⁵⁴⁻⁵⁴ ЕфКБРе — на небо руки ⁵⁵ ГВВ; Ан. . . Пд — рекло ⁵⁶ Г; Ан — милосерд
испр. он милосерд; Б. . . Пд — он милосерд ⁵⁷⁻⁵⁷ ГВВ; Ан — служителем его *испр.* его
 служителем; Ув. . . Пд — его служителем ⁵⁸ ГВВ; Ан — ударяя *доб.* в; Ув. . . Пд —
 ударяя в ⁵⁹ Ув. . . Тх — тимпане ⁶⁰⁻⁶⁰ ГАНБВ; Ув. . . Пд — громко раздавались
⁶¹ УвГшВрЧжТх — возвышилась ⁶² ГВ; АнЕф. . . Пд — расширялась; Ув. . .
 Тх — расширилась ⁶³⁻⁶³ Г; ВВ — объемля всю; Ан — объемля все *испр.* объемля
 вся; Ув. . . Пд — вся объемля; МитхЕфКБ — все объемля ⁶⁴ Ув. . . Пд; Ан — касалась
испр. касалась; ГВВ — казалось; Ми — казалось ⁶⁵ ВВД — степени ⁶⁶ ЕфКБ
 нет ⁶⁷ ГВВ; Ан — сравниться *испр.* сравнилось; Ув. . . Пд — сравнилось;
 ЕфКБ — сравнилось ⁶⁸ Г; Ан. . . Пд — самоодобрения ⁶⁹ ГКл; Ан. . . Пд — по-
 велевал ⁷⁰ Ан — завоевания *испр.* завоевание ⁷¹ *испр.*; ГМи — победить;
 Анд — победить *испр.* победит ⁷² ГВВ; Ан. . . Пд — возвращуся ⁷³ Г. . . Кб;
 ТхОлРпд — приносая; Д — приносая *испр.* приносая ⁷⁴ В. . . Чж — Учредитель
⁷⁵⁻⁷⁵ Ан — Да корабли мои, рассеянные по всем морям, узрят неведомые народы
испр. и *переставлено* цифрами Да узрятся неведомыми народами корабли мои, рассеян-
 ные по всем морям — *правка снята* ⁷⁶ ГВВ; Ув. . . Пд — рассеются ⁷⁷⁻⁷⁷ Г;
 ВВ — их неведомые еще; Ув. . . Пд — их неведомые *доб.* еще и
 стерто ⁷⁸⁻⁷⁸ Г; ВВ — и имя мое; Ан — имя мое *зач.*; Ув. . . Пд нет; Д *доб.* и
 имя мое и стерто ⁷⁹ ГВВ; Ан — известно *испр.* известен; Ув. . . Пд — известен
⁸⁰ ГАНБВ; Ув. . . Пд — Возвести ⁸¹⁻⁸¹ ГАНБВ; Ув. . . Пд нет; Д *доб.* к первому
 и стерто ⁸²⁻⁸² ГАНБВ; Ув. . . Пд — рождения моего ⁸³ *испр.*; Г — отвер-
 гутся ⁸⁴⁻⁸⁴ ГВВ; Ув. . . Пд — возвратятся в дома свои ⁸⁵ ГВВ; Ув. . . Пд —
 заблудшие; Гш — заблудшие ⁸⁶ ГАНБВТхОлРпд; Ув. . . Кб — возвестить

супругам по супругом⁸⁷ их. — Да воздвигнутся, — рек⁸⁸ я к⁸⁹ первому зодчию, — ⁹⁰да воздвигнутся⁹⁰ великолепнейшие здания для убежища муз⁹¹, да украсятся⁹² подражаниями природы разнovidными⁹³; и да ⁹⁴будет оно ненарушимо⁹⁴, ⁹⁵якоже и⁹⁵ небесные жительницы, для них же ⁹⁶уготовляется⁹⁶. — О премудрый, — отвечал⁹⁷ он мне, — егда велениям⁹⁸ твоего гласа стихии повиновались и, совокупя силы свои, изрождали⁹⁹ в пустынях и на дебрях²⁰⁰ обширные грады, ²⁰¹великолепием славнейшие в древности превосходящие¹, колико ²маловажной сей будет² труд для ревности³ исполнителей твоих велений. Ты рек, и грубые строения припасы⁴ уже⁵ внемлют. — Да отверзется⁶ ныне, — рек я ⁷к хранителю государственной казны⁷, — рука щедроты, ⁸да излиются⁸ остатки избытка на немощствующих⁹ и¹⁰ сокровища ненужные да возвратятся к их источнику. — О всещедрый владыко, всевышним нам дарованный, отец своих чад, обогатитель нищего, да будет ¹¹твоя воля¹¹. — При всяком моем изречении все предстоящие восклицали радостно¹², и плескание рук не токмо¹⁸ сопровождало мое слово, но даже предупреждало мысль. Единая из всего собрания жена, облекаясь¹⁴ твердо о столп¹⁵, испускала вздохи скорби и являла вид презрения и негодования. Черты лица ее были суровы и платье простое. Глава ее покрыта шляпою, когда все другие¹⁶ ¹⁷обнаженными стояли¹⁷ главами. — Кто сия? — спросил¹⁸ я близстоящего меня. — Сия есть странница¹⁹, ²⁰нам неизвестная²⁰, именует себя Прямовзорой и глазным врачом. Но есть волхв опаснейший, нося²¹ яд и отраву; радуется скорби и сокрушению, всегда нахмуренна, всех презирает и поносит, даже не щадит в ругании своем священныя твоея главы. — Почто ж злодейка сия терпима в моей области? Но о ней завтра²². Сей день есть день милости и веселия. Приидите, сотрудники мои в ношении тяжкого бремени управления²³, примите достойное за труды и под-

⁸⁷ ГВВ; Ув. . . Пд — супругах ⁸⁸ Кл — рекл ⁸⁹ ГВВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. к и стерто ⁹⁰⁻⁹⁰ ГВВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. да воздвигнутся и стерто ⁹¹ Г. . . Кб; ОлПд — мусс; Д — муз испр. мусс; Рг — наук ⁹² Ув. . . Тх — украсится ⁹³ УвГшВрЧкТх — разно видными; Кл — разновидими ⁹⁴⁻⁹⁴ ГВВ; Ув. . . Пд — будут они ненарушима; Д испр. будет оно ненарушимо испр. будут они ненарушима ⁹⁵⁻⁹⁵ ГВВ; Ув. . . Пд — яко; Д испр. якоже и испр. яко ⁹⁶⁻⁹⁶ Г; Б. . . Пд — они уготовляются ⁹⁷ ГВВ; Ув. . . Пд — отвечал ⁹⁸ ГАНБВОЛРг; Ув. . . Пд — велением ⁹⁹ Г; БВ — рождали; Ув. . . Пд — учреждали ²⁰⁰ Еф — брегах ²⁰¹⁻¹ ГВВ; Ув. . . Пд — превосходящие великолепием славнейшие в древности ²⁻² ГВВ; Ув. . . Пд — маловажен будет сей ³ Г; Б. . . Пд — ревностных ⁴ испр.; Г — припася; БВ — припася; Д испр. припася испр. припася ⁵ Г; Б. . . Пд — уже гласу твоему ⁶ испр.; Г — отвергнутся; УвВрЧкТх — отверзается ⁷⁻⁷ ГВВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. к хранителю государственной казны и стерто ⁸⁻⁸ Кл — и излиются; Ув. . . Тх — излиются ⁹ ЕфКБРг — немощствующих ¹⁰ ГВВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. и и стерто ¹¹⁻¹¹ Б. . . Тх — воля твоя ¹² Ув. . . Тх — радостно ¹³ БВ — только ¹⁴ Ув. . . Чк — облекающая ¹⁵ БВ — стол ¹⁶ Д — другие со испр. другие ¹⁷⁻¹⁷ БВ — стояли обнаженными ¹⁸ ГРг; Б. . . Пд — вопрошал ¹⁹ Ми — страдалца ²⁰⁻²⁰ Ув. . . Чк — неизвестная нам ²¹ ГВВКл; Ув. . . Пд — нося; Д — нося испр. нося; ЕфКБ — нося и ²² УвГшВрЧк — завтра; КлЕфКБ — завтра ²³ ГВВ; Ан. . . Пд — правления; Д испр. управления испр. правления

виги ваши²⁴ воздаяние. — Тогда, ²⁵восстав с²⁵ места моего, возлагал²⁶ различные знаки почестей²⁷ на предстоящих; отсутствующие забыты не были, но те, кои приятным видом словам²⁸ моим шли во сретение, имели большую в²⁹ благодеяниях моих долю.

По сем, продолжая³⁰ мое слово: — Пойдем, столпы моя державы, опоры³¹ моя³² власти, пойдем усладиться ³³по труде³³. Достоин бо да вкусит³⁴ трудивыйся³⁵ плода трудов своих. Достоин царю вкусити веселия, он же изливает многочисленные всем. Покажи нам путь к уготованному тобою празднеству, — рек³⁶ я к учредителю веселий. — Мы ³⁷за тобой³⁷ последуем. — Постой, — вещала мне странница от своего места, — постой и подойди ко мне. Я врач, присланный к тебе и к³⁸ тебе подобным, да очисти зрение твое. — Какие бельма! — сказала она с восклицанием. — Некая невидимая сила нудила меня идти пред нее, хотя все меня окружавшие мне в том препятствовали, делая даже мне насиле. — На обоих³⁹ глазах бельма⁴⁰, — сказала странница, — а ты столь решительно судил о всем. — Потом коснулась обоих моих глаз и сняла с них толстую плену, подобну⁴¹ роговому раствору. — Ты видишь, — сказала она мне, — что ты был слеп и слеп всесовершенно. — Я есмь Истина. Всевечный⁴², подвигнутый на жалость стенанием тебе подвластного народа, ниспослал меня с небесных⁴³ кругов, да отжену темноту, пронизанию взора твоего препятствующую. Я сие исполнила⁴⁴. Все вещи представляются днесь в естественном виде взорам твоим. Ты проникнешь во внутренность сердец. Не утается ⁴⁵более от тебя⁴⁵ змия, крыющаяся в излучинах душевных. Ты познаешь верных твоих⁴⁶ подданных, которые вдали от тебя не тебя любят, но любят отечество, которые ⁴⁷готовы всегда⁴⁷ на ⁴⁸твою казнь, если она⁴⁸ отместит порабощение человека. Но не возмутят они гражданского покоя без временно и без пользы; их призови себе в друзья. Изжени сию гордую чернь, тебе предстоящую и прикрывшую срамоту души своея⁴⁹ позлащенными одеждами. Они-то⁵⁰ истинные твои злодеи, затмевающие очи твои и⁵¹ вход мне ⁵²воспрепятствующие в твои чертоги⁵². Един раз ⁵³я явлюся⁵³ царям во все время их царствования, да познают меня в истинном моем виде; но я никогда не оставляю жилища смертных. Но⁵⁴ в пребывание мое не есть в чертогах царских. Стража, обсевшая их вокруг и бдящая денно-

²⁴ *ЕфКб* нет ²⁵⁻²⁵ *ГБВ*; *Ан* — встав с *испр.* встав от; *Ув.* . . *Пд* — восстав от; *Д* — восстав от *испр.* востав с ²⁶ *ГБВ*; *Ан* — возлагал *доб.* я; *Ув.* . . *Пд* — возлагал я ²⁷ *БКлМи* — почести ²⁸ *УвКлМиВрЧкТх* — по словам ²⁹ *ГАНБВЕфКБ*; *Ув.* . . *Пд* — во ³⁰ *ГАНБВ*; *Ув.* . . *Пд* — продолжал я; *Д* *испр.* продолжая *испр.* продолжал я ³¹ *Б.* . . *Тх* — опора ³² *БВ* — моей ³³⁻³³ *Ув.* . . *Тх* — потребе ³⁴ *Ув.* . . *Тх* — вкусят; *Гш* — вкусить ³⁵ *ГАН*; *БВ* — трудолюбивый; *Ув.* . . *Тх* — трудившийся; *Еф.* . . *Пд* — трудившийся; *Д* *испр.* трудолюбивый *испр.* трудившийся ³⁶ *Кл* — рекл ³⁷⁻³⁷ *ГАНБВ*; *Ув.* . . *Пд* — тебе ³⁸ *ГБВ*; *Ан.* . . *Пд* нет ³⁹ *АНВВрЧкТхРг*; *Г.* . . *Пд* — обоих ⁴⁰ *Кл* — бельмы ⁴¹ *ГАНЧкТхОлРг*; *Б.* . . *Пд* — подобно ⁴² *ГБВ*; *Ан.* . . *Пд* — Всевышний; *Д* *испр.* Всевечный *испр.* Всевышний ⁴³ *Ми* — небесных своих ⁴⁴ *испр.*; *Г* — исполнил; *Кл* — и исполнила ⁴⁵⁻⁴⁵ *Еф* — от тебя более ⁴⁶ *ГЕф*; *Ан.* . . *Пд* — своих ⁴⁷⁻⁴⁷ *БВ* — всегда готовы ⁴⁸⁻⁴⁸ *ГАН*; *Б.* . . *Пд* — твоё поражение, если оно ⁴⁹ *ГРг*; *Ан.* . . *Пд* — своей ⁵⁰ *БВ* — Они; *Д* — Они-то *испр.* Они ⁵¹ *УвГшКлМиВрТх* нет ⁵²⁻⁵² *ГБВ*; *Ан.* . . *Пд* — в твои чертоги воспрепятствующие ⁵³⁻⁵³ *Г*; *Ан.* . . *Пд* — явлюся (*Ми* — явлюся; *Вр* — евлюся) я ⁵⁴ *ГБВ*; *Ан* — Но *зач.*; *Ув.* . . *Пд* нет

ночно⁵⁵ стоглазно⁵⁶, воспрещает мне вход в⁵⁷ оные⁵⁸. Если когда проникну сию сплоченную толпу, то, подняв бич гонения, все тебя окружающие тщатся меня изженуть⁵⁹ из обиталища твоего; стреги⁶⁰, да паки не удаюсь тебя⁶¹. Тогда словеса ласкательства, ядовитые пары издыхающие, бельма твои⁶² паки возродят⁶³, и кора, светом не проникаемая⁶⁴, покроет⁶⁵ ⁶⁶очи твои⁶⁶. Тогда ослепление твое будет сугубо, едва на шаг един⁶⁷ взоры твои пронизать⁶⁸ будут. Все в веселом являться тебе будет виде. Уши твои не возмутятся стенанием, но усладится слух⁶⁹ сладкопением ежечасно⁷⁰. Жертвенные курения обыдут лести⁷¹ отверстую душу. Осязанию твоему подлежать будет всегда⁷² гладкость⁷³. Никогда не раздерет⁷⁴ благотворная⁷⁵ шероховатость в тебе нервов осязательности⁷⁶. Вострепещи теперь за таковое состояние. Туча вознесется над главой твоей, и стрелы карающего грома готовы будут на твое поражение. Но я, вещаю тебе, поживу в пределах твоея⁷⁷ области⁷⁸. Егда восхощешь меня видети, егда осажденная кознями ласкательства душа твоя взалкает истины⁷⁹, воззови⁸⁰ меня из твоея отдаленности; где слышен будет твердый мой глас, там меня и обрящешь. Не убойся гласа моего никогда⁸¹. Если из среды народных возникнет муж, порицающий⁸² дела твоя, ведай, что той⁸³ и⁸⁴ есть твой друг истинный⁸⁵. Чуждый надежды мзды, чуждый рабского трепета, он твердым гласом возвестит⁸⁶ меня⁸⁷ тебе. Блюдишь и не дерзай его казнить⁸⁸, яко общего возмутителя. Призови его, яко странника, ибо всяк, порицающий царя в самовластии его, есть странник земли, где все пред ним трепещет. Угости его, вещаю, почти его, ⁸⁹и да возвратившуся ему⁸⁹ возможет он паче и паче глаголати нельство. Но таковые твердые сердца бывают редки; едва един⁹⁰ в целом столетии явится в⁹¹ светском ристалище. А дабы бдетельность⁹² твоя не усыпьялася⁹³ негою власти, се кольцо дарую⁹⁴ тебе, ⁹⁵да возвестит оно тебе твою неправду, когда на нее дерзать будешь⁹⁵. Ибо ведай, что ты ⁹⁶первейший в обществе

⁵⁵ ГВВЕФКБ; Ан. . Пд — денноночно; Ми — денно ии ночью ⁵⁶ Ан — стоглазно *испр.* стоглазно; ГшМи — стоглазно ⁵⁷ ГшМи — во ⁵⁸ Ми — оный ⁵⁹ ГАНБВ; Ув. . Пд — изгнать ⁶⁰ Г; Ан — стреги *испр.* бди убо; Б. . Пд — бди убо ⁶¹ ГАН; Б. . Пд — от тебя ⁶² Ан *доб.* твои ⁶³ *испр.*; Г — возродят ⁶⁴ БВ — непроницаемым ⁶⁵ ГВВГшЕФКБОЛРг; Ан. . Пд — покроет ⁶⁶⁻⁶⁶ ГВВ; Ан — очи твои *испр.* твои очи; Ув. . Пд — твои очи; Д — твои очи *испр.* очи твои ⁶⁷ Г; Ан. . Пд — один ⁶⁸ ГВВ; Ан — пронизать *испр.* досязать; Ув. . Вр — осязать; ЕФКБ — досягать; ЧкТхОЛРгПд — досягать; Д *испр.* пронизать *испр.* досягать ⁶⁹ Г — слух (твой); Ув. . Вр — дух ⁷⁰ АнМиЕФКБПд — ежечасно ⁷¹ *испр.*; Г — лезть; Ан — лести *испр.* на лезть; Б. . Пд — на лезть ⁷² Ан *доб.* всегда ⁷³ Кл — сладкость ⁷⁴ Ан — разорвет *испр.* раздерет ⁷⁵ *испр.*; Г — благотворения ⁷⁶ УвКЛВр — осязательность ⁷⁷ Ан; Г — тося; Б. . Пд — твоего ⁷⁸ Г; Ан — власти *испр.* обладания; Б. . Пд — обладания ⁷⁹ Г; Ан — истины *испр.* взора моего; Б. . Пд — моего взора ⁸⁰ ЕФКБ — зови ⁸¹ ГАН; Б. . Пд — николи; Д — никогда *испр.* николи ⁸² БВ — порицающий; Д — порицающий *испр.* пронизающий ⁸³ ГАНБВЧкОЛПд; Ув. . Рг — то ⁸⁴ ГАНБВ; Ув. . Пд *нет*; Д *доб.* и ⁸⁵ Г; Ан. . Пд — искренний ⁸⁶ УвГшКЛВрТх — возвестил ⁸⁷ ЕФКБ — меня к ⁸⁸ ГВВ; Ан. . Пд — казнити ⁸⁹⁻⁸⁹ ГВВ; Ан — и да возвратившуся ему *испр.* да возвратившися *испр.* да возвратившуся и *зач.*; Ув. . Пд — да возвратившися ⁹⁰ БВГшВрЕФКБ — один ⁹¹ ГВВ; Ан — в *испр.* на; Ув. . Пд — на ⁹² МиЕФКБРгПд — бдительность ⁹³ В — усыпьялася ⁹⁴ АнМи — дарю ⁹⁵⁻⁹⁵ БВ — твою неправду, когда на нее дерзать будешь, да известит оно тебе ⁹⁶⁻⁹⁶ ЕФКБ *нет*

можешь быть убийца⁹⁶, первейший разбойник, ⁹⁷первейший предатель⁹⁷, первейший нарушитель общия тишины, враг лютейший, устремляющий⁹⁸ злость свою на внутренность слабого. Ты виною будешь, если мать восплачет о сыне своем, убиенном на ратном поле, и⁹⁹ жена о муже своем; ибо опасность плена едва оправдать может толикое³⁰⁰ убийство³⁰¹, войною называемое. Ты виною будешь, если запустеет нива, если птенцы земледельца лишатся жизни у тощего, без здравья пищи, сосца матерня. Но обрати теперь ²взоры свои² на себя и на предстоящих тебе, воззри на исполнение твоих велений, и³ если душа твоя не содрогнется от ужаса при возрении⁴ таковом, то отыду от тебя, и чертог твой загладится навсегда в памяти моей. — ⁵Изрекшей страннице, казалось, что лице ее⁵ веселым и вещественным сияло⁶ блеском. Воззрение на нее⁷ вливало в душу мою радость. Уже не чувствовал я⁸ в ней зыбей тщеславия и надутости⁹ высокомерия. Я ощущал в ней тишину; волнение любочестия и обуревание¹⁰ властолюбия ее не касались. Одежды мои, столь блестящие ¹¹мои одежды¹¹ казались замараны кровию и омочены слезами. На перстах моих виделись мне остатки мозга человеческого, ноги мои стояли¹² в тине. Вокруг меня стоящие ¹³казались мне меня еще¹³ скарее. Вся внутренность их казалась черною и сгораемою тусклым огнем ненасытности¹⁴. Они метали на меня и друг на друга искаженные взоры, в коих господствовали¹⁵ хищность, зависть, коварство и ненависть. Военачальник¹⁶ мой, посланный на завоевание, утопал в роскоши и веселии. В войсках подчиненности не было; воины мои ¹⁷почитаемы были¹⁷ хуже скота. Не радели ни о их здравии¹⁸, ни¹⁹ прокормлении; жизнь их ни во что вменялась²⁰. Лишились²¹ они установленной платы, которая употреблялась²² на ненужное²³ им украшение. Большая половина новых воинов умирала²⁴ от небрежения начальников или²⁵ ненужных и безвременных строгости. Казна, определенная на содержание всеополчения²⁶, была в руках²⁷ учредителя веселостей. Знаки военного достоинства не храбрости были делом, но подлого раболепия. Я зрел пред собою единого знаменитого²⁸ по

⁹⁷⁻⁹⁷ Г нет, испр. по Ан. . . Пд ⁹⁸ УвГш — устремляющая ⁹⁹ ЕфКб нет
³⁰⁰ ГВВ; Ан — толикое зач.; Ув. . . Пд нет; Д доб. толикое и стерто
³⁰¹ Г; Ан. . . Пд — убийство ²⁻² Ми — взор свой ³ Кл — а; ЕфКб нет
⁴ Г; Ан. . . Пд — взоре ⁵⁻⁵ ГАНБВ; Ув. . . Пд — Изрекшия странницы лице ка-
залося ⁶ ГАНБВ; Ув. . . Пд — сияющее ⁷ БВЧж — ее ⁸ УвКлМиВрТх нет
⁹ ГРг; АНБВДЧжПд — надутлости; УвВрТх — надутловости; ГшКлМиЕфКб — на-
дутливости ¹⁰ ЕфКб — обуревания ¹¹⁻¹¹ ГВВ; Ан. . . Пд нет; Д доб. мои
одежды и стерто ¹² БВ — стояли погрязшие; Д — стояли доб. погрязшие и
стерто ¹³⁻¹³ Г; АНБВ — казались мне еще; Ув. . . Пд — являлись того (ЕфКб —
тогда); Д испр. казались мне еще испр. являлись того ¹⁴ ГБ; В — ненасытн-
стью; Ан — ненасытности испр. ненасытности; Ув. . . Пд — ненасытности
¹⁵ УвКлМиВрТхРг — господствовала ¹⁶ МиЕфКб — военначальник ¹⁷⁻¹⁷ ГАНБВ;
Ув. . . Пд — почитались ¹⁸ ЕфКб — здоровья ¹⁹ БВУвКлМиВрЕфКбРг —
ни о; Д — ни доб. о и стерто ²⁰ УвГшКлМиВр — вменялась; Рг — не вменя-
лась ²¹ Г; Тх — лишились; Б. . . Чж — лишились; АНДЕфКбОлРгПд — Лиша-
лись ²² ГВВРг; Ан. . . Пд — употреблялась ²³ Рг — наружное ²⁴ ГВКл;
Ан. . . Пд — умирали ²⁵ Еф — или от ²⁶ КлЕфКб — всего ополчения ²⁷ БВ —
руках у; Д — руках доб. у и стерто ²⁸ ЕфКбОл — знаменитейшего

словесам²⁹ ³⁰начальника военного³⁰, коего я отличными почтил знаками моего благоволения; я зрел ныне ясно, что все его отличное достоинство состояло в том только, что он пособник³¹ был в насыщении сладострастия³² своего начальника; и³³ на оказание мужества не было ему даже случая, ибо он ³⁴не видал³⁴ неприятеля ³⁵ниже издали³⁵. От таких-то³⁶ воинов я ждал себе новых венцов. Отвратил я взор мой³⁷ от тысячи³⁸ бедств, представившихся еще³⁹ очам моим.

Корабли мои, назначенные да прейдут дальнейшие моря, видел⁴⁰ плавающих⁴¹ при устье пристанища. Начальник, полетевый⁴² ⁴³на исполнение⁴³ моих повелений⁴⁴ на крылех⁴⁵ ветра, простерши⁴⁶ на мягкой постеле свои члены, упоаяся неугою и любовью в объятиях наемной возбудительницы его сладострастия. ⁴⁷Но велением его изготовлялся чертеж⁴⁷ совершенного в мечтании плавания. Уже видны были во всех частях мира новые острова, всякими⁴⁸ климату их свойственными⁴⁹ плодами изобилующие. Обширные земли и многочисленные народы изрождались⁵⁰ из кисти новых сил землеописателей⁵¹. Уже при блеске ночных⁵² светильников начертывалось⁵³ величественное описание сего путешествия и⁵⁴ сделанных приобретений слогом цветущим и великолепным. Уже золотые дски уготовлялись на одежду столь важного сочинения. О Кук, почто⁵⁵ жизнь свою провел в трудах и лишениях, почто скончал ⁵⁶жизнь плачевным⁵⁶ образом? Если бы воссел на сии корабли, то, в веселиях начав⁵⁷ путешествие и в веселиях его скончая⁵⁸, столь же ⁵⁹много бы⁵⁹ сделал открытий⁶⁰ ⁶¹сном на едином месте, и слава твоя (в⁶¹ моем государстве) толико же бы возгремела⁶², ибо ты бы почтен был твоим государем.

²⁹ *Ми* — словом ³⁰⁻³⁰ *Г*; *Ан* — начальника военного *испр.* военного начальника; *Б. . . Пд* — военачальника; *МиЕф* — военачальника ³¹ *ГВВ*; *Ан* — пособник *испр.* пособием; *Ув. . . Пд* — пособием; *Д* *испр.* пособник *испр.* пособием ³² *Ан* — сладострастием *испр.* сладострастия ³³ *Ув* — а ³⁴⁻³⁴ *ГВВ*; *Ан* — не видал *испр.* издали не видал; *Ув. . . Пд* — издали не видал; *Кл* — не видал издали; *МиРг* — и издали не видал ³⁵⁻³⁵ *ГВВ*; *Ан* — ниже издали зач.; *Ув. . . Пд* нет; *Д* *доб.* ниже издали и стерто ³⁶ *ЕфКб* — таковых-то ³⁷ *Ми* — свой ³⁸ *КлМи* — тысячи ³⁹ *ГВВ*; *Ан. . . Пд* нет; *Д* *доб.* еще и стерто ⁴⁰ *ГАНВВ*; *Ув. . . Пд* — видел я ⁴¹ *Г*; *Ан. . . Пд* — плавающими ⁴² *Г*; *Ан* — полетевый *испр.* полетевший; *Б. . . Пд* — полетевший ⁴³⁻⁴³ *Г*; *Ан* — на исполнение *испр.* для исполнения; *Б. . . Пд* — для исполнения ⁴⁴ *Г*; *Ан. . . Пд* — велений ⁴⁵ *КлМи* — крылех; *ЕфКб* — крылах ⁴⁶ *УвГшМиВрГх* — простерше ⁴⁷⁻⁴⁷ *ГВВ*; *Ан* — На велением его изготованном чертеже *испр.* На изготованном велением его чертеже; *Ув. . . Пд* — На изготованном (*ЕфРг* — изготовленном) велением его чертеже ⁴⁸ *ГАНВВ*; *Ув. . . Пд* нет; *Д* *доб.* всякими и стерто ⁴⁹ *ВВУвГшКлМиТх* — несвойственными; *Д* *испр.* несвойственными *испр.* свойственными ⁵⁰ *ЕфКл* — изрождались ⁵¹ *ГАНВВ*; *Ув. . . Пд* — путешествователей; *Д* *испр.* землеописателей *испр.* путешествователей ⁵² *ГВВМиЕфКбРг*; *Ан. . . Пд* — нощных; *Д* *испр.* ночных *испр.* нощных ⁵³ *ГБ*; *АнВ* — начертывалось; *Ув. . . Пд* — начерталось; *Д* *испр.* начертывалось *испр.* начерталось ⁵⁴ *ЕфКб* — из ⁵⁵ *ГАНВВ*; *Ув. . . Пд* — почто ты ⁵⁶⁻⁵⁶ *Г*; *Ан* — жизнь плачевным; *Б. . . Пд* — ее плачевным ⁵⁷ *ВВ* — начал ⁵⁸ *Кл* — окончал ⁵⁹⁻⁵⁹ *ГВВ*; *Ан. . . Пд* — бы много ⁶⁰ *ГАНВВТхОлРгПд*; *Ув. . . Рб* — открытия ⁶¹⁻⁶¹ *Г*; *Ан* — сном на одном месте и слава твоя (в *испр.* сидя на одном месте и слава твоя) в; *ВВ* — сидя на одном месте, и слава твоя (в; *Ув. . . Пд* — сидя на одном месте и в) ⁶² *ГАНВВ*; *Ув. . . Пд* — прославился; *Д* *испр.* возгремела *испр.* прославился

Подвиг мой, коим⁶³ в⁶⁴ ослеплении душа моя наиболее гордилася, отпущение казни⁶⁵ и прощение преступлений⁶⁶ едва ли⁶⁷ видны были в обширности гражданских деяний.

Веление мое или было совсем нарушено, обращалось не в ту сторону, или не имело желанного⁶⁸ действия превратным оною толкованием и медлительным исполнением. Милосердие мое сделалось⁶⁹ торговлею, и тому, кто ⁷⁰давал больше⁷⁰, стучал молоток⁷¹ жалости и великодушия. Вместо того чтобы в народе моем чрез отпущение⁷² вины прослыть милосердным, я прослыл обманщиком, ханжею и пагубным комедиантом. — Удержи свое милосердие, — вещали тысячи⁷³ гласов⁷⁴, — ⁷⁵и не возвещай⁷⁵ нам его великолепным словом, если не хочешь⁷⁶ его исполнить⁷⁷. Не соплетай⁷⁸ ⁷⁹ко обиде⁷⁹ насмешку, ⁸⁰к тяжести⁸⁰ ее ощущения⁸¹. Мы спали и были покойны⁸², ты возмудил наш сон; мы бдети⁸³ не желали, ибо не над чем. — В созидании городов⁸⁴ видел я одно расточение государственных⁸⁵ казны, нередко омытой кровию и слезами моих подданных. В воздвижении великолепных зданий⁸⁶ к расточению нередко присовокуплялось⁸⁷ и непонятие о истинном искусстве⁸⁸. Я зрел расположение их внутреннее и внешнее без малейшего вкуса. Виды⁸⁹ ⁹⁰их равнялись векам⁹⁰ готфов и вандалов. В жилище, для муз⁹¹ уготованном, не зрел я ликущихся благотворно струев Касталии⁹² ⁹³и Ипокрены⁹³; едва пресмыкающееся искусство дерзало возводить⁹⁴ свои взоры выше очерченной обычаем округи. ⁹⁵Зодчие, согбенные над чертежом ⁹⁶своего дела⁹⁶, не о красоте вещи⁹⁷ помышляли, но как приобретут⁹⁵ ею⁹⁸ себе стяжание. Возмущался⁹⁹ я моего пышного тщеславия и отвратил очи свои⁴⁰⁰. — Но паче всего уязвило⁴⁰¹ душу мою ²излияние² моих щедрот. Я мнил в ослеплении моем, что ненужная казна ³на общественные³, государственные надобности не может лучше употребиться, как на вспоможение нищего, на одеяние на-

⁶³ *БВ* — коим я ⁶⁴ *МиЧкТх* — во ⁶⁵ *ЕфРг* — казны ⁶⁶ *Г*; *Ан* — преступлений *испр.* преступников; *Б* . . . *Пд* — преступников ⁶⁷ *ГАНБВ*; *Ув* . . . *Пд* нет; *Д* доб. ли и стерто ⁶⁸ *Г*; *Ан* . . . *Пд* — желаемого ⁶⁹ *БВ* — делалось ⁷⁰⁻⁷⁰ *Б* — даст больше; *В* — больше даст ⁷¹ *ГМи*; *Б* . . . *Тх* — молотом; *Ан ЧкЕфКБолРгПд* — молот ⁷² *испр.*; *Г* — упущение ⁷³ *Б* — тысяча; *КлМи* — тысячи ⁷⁴ *КлМиВрТхОл* — голосов ⁷⁵⁻⁷⁵ *ГБВ*; *Ан* — не вещай *испр.* не возвещай; *Ув* . . . *Пд* — не возвещай; *Д* *испр.* и не возвещай *испр.* не возвещай ⁷⁶ *Ув* *ГшКлВрТх* — хотим ⁷⁷ *Г*; *Ан* . . . *Пд* — исполнить; *Д* — исполнить *испр.* исполнить ⁷⁸ *Г*; *Ан* . . . *Пд* — соплотай ⁷⁹⁻⁷⁹ *Г*; *АНБВ* — к обиде; *Ув* . . . *Пд* — с обидою; *Д* *испр.* к обиде *испр.* с обидою ⁸⁰⁻⁸⁰ *ГАНБВ*; *Ув* . . . *Пд* — с тяжестью; *Д* *испр.* к тяжести *испр.* с тяжестью ⁸¹ *ГДЕфКБ*; *АНБВЧкОлРгПд* — ощущение; *УвГшВр* — ощущение; *КлМиТх* — ощущение ⁸² *УвГшКлМиВрРг* — покойны ⁸³ *ГБВ*; *Ан* . . . *Пд* — бдеть ⁸⁴ *ЕфКБРг* — градов ⁸⁵ *БВЕф* — государственной ⁸⁶ *БВМиВрЧкОл* — здании; *Тх* — слани; *Пд* — здания ⁸⁷ *испр.*; *Г* — присовокуплялся ⁸⁸ *БВ* — изяществе; *Д* — искусстве *испр.* изяществе ⁸⁹ *Ан* — Видя *испр.* Видя ⁹⁰⁻⁹⁰ *ГАНБВ*; *Ув* . . . *Пд* — оных принадлежали веку ⁹¹ *Г* . . . *Рг*; *Ан* — мук *испр.* мусс; *ОлПд* — мусс ⁹² *Ан* . . . *Рг*; *ГБВКлЕфКБолПд* — Кастилии ⁹³⁻⁹³ *ГшПд* — и покрены; *Вр* — и Покрены ⁹⁴ *Ми* — возвысить ⁹⁵⁻⁹⁵ *испр.*; *Г* — Зодчия, согбенныя . . . псмышлял . . . приобретет ⁹⁶⁻⁹⁶ *ГАНБВ*; *Ув* . . . *Пд* — здания; *Д* *испр.* своего дела *испр.* здания ⁹⁷ *ГАНБВ*; *Ув* . . . *Пд* — одного; *Д* *испр.* вещи *испр.* одного ⁹⁸ *БВ* — его ⁹⁹ *испр.*; *Г* — Возмущался ⁴⁰⁰ *ГАНБВ*; *Ув* . . . *Пд* — мои; *Д* *испр.* свои *испр.* мои ⁴⁰¹ *БВ* — уязвляло ²⁻² *Б* — и влияние; *Вр* — и излияние ³⁻³ *ГБВ*; *Ан* . . . *Пд* — общественная на; *Д* *испр.* на общественные *испр.* общественная на

того, на прокормление алчущего, или на погибающего противным случаем, или на мзду не радящему о стяжании ⁴достоинству и заслуге⁴. Но сколь прискорбно было видеть, что щедроты мои изливались на богатого⁵, на льстеца, на вероломного друга, на убийцу иногда тайного, на предателя и нарушителя общественной доверенности, на уловившего⁶ мое пристрастие, на снисхождающего⁷ моим слабостям, на жену, кичащуюся⁸ своим бесстыдством. Едва-едва досылали слабые источники моего милости⁹ застенчивого достоинства и стыдливые заслуги. Слезы проливались¹⁰ из очей моих и сокрыли от меня толь бесстыдные¹¹ представления безрассудной моей щедроты. — Теперь ясно видел я¹², что знаки почести¹³, мною раздаваемые, всегда доставались¹⁴ в удел недостойным. Достоинство неопытное, пораженное¹⁵ первым блеском сих¹⁶ мнимых блаженств, вступило¹⁷ в единый путь с ласкательством и подлостью духа, на снискание почестей¹⁸, ¹⁹возлюбленной смертными¹⁹ мечты; но, влача косвенно стопы свои, всегда на первых степенях изнемогало и довольствоваться было осуждено²⁰ собственным своим ободрением²¹, во уверении, что почести мирские²² суть пепл²³ и дым. Видя во всем толикую превратность, от слабости моей и коварства министров моих проистекшую²⁴, видя, что нежность моя обращалась²⁵ на жену, ищущую²⁶ ²⁷удовлетворения своего тщеславия в моей любви²⁷, внешность²⁸ только свою на услаждение мое устремляющую²⁹, когда сердце ее ощущало ко мне отвращение, — возревел я³⁰ яростию гнева: — Недостойные преступники, злодеи! ведайте³¹, почто во зло употребили³² доверенность господя³³ вашего? предстаньте³⁴ пред судию вашего. ³⁵Се он, его же воззову³⁶ из хижины уничижения. Вострепещите в окаменелости злодеяния вашего. Чем можете оправдать дела ваши? Что скажете во извинение³⁷?³⁵ — Прииди, — вещал я старцу, коего созерцал в крае обширных моя области кроющегося³⁸ под зарос-

4-4 Ми — достоинств и заслуг ⁵ Пд — на бога, того, ⁶ КлЕф — увидевшего ⁷ ГВ; В. . . Пд — снисходящего; Д испр. снисхождающего испр. снисходящего ⁸ УвГшМиВрТх — мучущуюся; Кл — мущущуюся; Чк — кичущуюся ⁹ ГВВ; Ув. . . Пд — щедроты; Д испр. милости испр. щедроты ¹⁰ Г; ВВДГшЧкПд — пролились; ОлРг — пролились; УвКлМиВрТхЕфКб — полились ¹¹ Г; В. . . Пд — бедственные ¹² ГВВ; Ув. . . Пд — я видел ¹³ ГВВ; Ув. . . Пд — почестей ¹⁴ В — доставались; ЕфКб — доставались ¹⁵ ВВ — пораженное сим ¹⁶ ВВ нет; Д стерто и доб. сих ¹⁷ ГВВ; Ув. . . Пд — вступало ¹⁸ ВВ — почести ¹⁹⁻¹⁹ Г; В. . . Пд — вожделенной (Кл — вожделенный; ЕфКб — вожделенных) смертных ²⁰ Г; В. . . Пд — осуждаемо ²¹ Г; В. . . Пд — одобрением ²² испр.; Г — смирения ²³ ВЧк — пепел ²⁴ испр.; Г — проистекшей ²⁵ ВВ Ми — обращалась ²⁶ КлМи — ищущую ²⁷⁻²⁷ Г; В. . . Пд — в любви моей удовлетворения своего только тщеславия, и ²⁸ ЕфКб — в неленость; Пд — внутренность ²⁹ испр.; Г устремленную; В. . . Пд — устрояющую ³⁰ ГЧкТх ЕфКбОлРгПд; В. . . Вр — я с; Д доб. с и стерто ³¹ ГВВ; Ув. . . Пд — вещайте ³² ЕфКбОл — употребляли ³³ Еф — господина ³⁴ ГВВ; Ув. . . Пд — предстаньте ныне ³⁵⁻³⁵ ГВВ; Ув. . . Пд — Вострепещите в окаменелости злодеяния вашего (Пд нет фразы). Чем можете оправдать дела ваши? Что скажете во извинение ваше? (Рг нет трех фраз) Се он, его же призову из хижины уничижения. ³⁶ ГВВ; Ув. . . Пд — призову ³⁷ Г; В. . . Пд — извинение ваше? ³⁸ ЕфКб — кроющего

шею мхом хижиною, — прииди, ³⁹да облегчишь³⁹ мое бремя; прииди возврати⁴⁰ покой томящемуся⁴¹ сердцу⁴² и встревоженному уму. — Изрекши сие, во-первых⁴³, обратил я взор мой⁴⁴ на мой сан, познал обширность моя⁴⁵ обязанности, познал, откуда⁴⁶ истекает⁴⁷ мое право и власть, вострепетал во внутренности моей, убоялся служения моего. Кровь моя пришла в жестокое волнение, и я пробудился. — Еще не опомнившись, схватил я⁴⁸ себя за палец, но тернового кольца на нем не было. О⁴⁹, если бы оно ⁵⁰хотя пребывало⁵⁰ на мизинце⁵¹ царей!

Властитель мира, если, читая сон мой, ты улыбнешься с насмешкою или нахмуришь чело, то⁵² ведай, что виденная мною странница отлетела от тебя далеко и чертогов твоих гнушается.

НОВГОРОД

Гордитесь¹, тщеславные созидатели городов², гордитесь³, основатели государств; мечтайте, что слава имени вашего будет вечна; столпите⁴ камень на камень до самых облаков; иссекайте изображения⁵ ваших подвигов и надписи, дела ваши возвещающие. Полагайте твердые основания⁶ правления⁷ законом⁸ непререваемым. Время с острым рядом зубов смеется вашему кичению. Где мудрые Солоновы⁹ и Ликурговы законы, вольность Афин и Спарты утверждавшие? — В книгах. — А на месте их пребывания пасутся рабы жезлом самовластия. — Где пышная Троя, ¹⁰где Тир, где Карфаген¹⁰? — Едва ли видно место, где гордо они стояли. — Курится ли таинственно единому существу нетленная жертва в¹¹ славных храмах Древнего Египта? Великолепные оных ¹²остатки служат¹² убежищем блеющему скоту во время средиденного¹³ зноя. ¹⁴И полы¹⁵ их не¹⁴ радостными слезами благодарения всевышнему отцу ¹⁶орошатся¹⁶, но смрадными извержениями скотского тела¹⁷. О гордость, о надменность человеческая, возри на сие и познай, колико ты ползуща!

В таковых размышлениях подъезжал я к Новгороду¹⁸, взирая¹⁹ на множество монастырей, вокруг одного²⁰ лежащих.

³⁹⁻³⁹ АнБВ; Г — да облегчи; Ув. . . Пд — облегчить; Д испр. да облегчишь испр. облегчить; ЕфКБол — облегчи ⁴⁰ ГВВ; Ан. . . Пд — и возврати ⁴¹ Ув. ГшМиВрТх — томящему ея; КлЧк — томящемуся ея; Рг — томящемуся и огорченному ⁴² Рг нет ⁴³ ГАНБВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. во-первых и стерто ⁴⁴ КлМиПд нет ⁴⁵ Ми — моей ⁴⁶ ГАНБЧкЕфКБолРг; ВД. . . Пд — откуда ⁴⁷ Г; Ан. . . Пд — происходит ⁴⁸ ВВ нет; Д стерто я и доб. ⁴⁹ Ми — Ах! ⁵⁰⁻⁵⁰ Г; Ан. . . Пд — пребывало хотя ⁵¹ УвКлВрТх — мезинце ⁵² ГВВ; Ан. . . Пд нет; Д доб. то и стерто

¹ Ан — Гордитесь испр. Гордитесь ² Г; Ан. . . Пд — градов ³ Г; Ан. . . Пд — гордитесь ⁴ Ув. . . Тх — становите ⁵ Г; Ан. . . Пд — изображения; Кл ЕфКб — изображение ⁶ ГМиЕфКБолРг; Б. . . Тх — основании; УвПд — оснований ⁷ Еф — правлений ⁸ КлОл — законам ⁹ Еф — Соломоновы ¹⁰⁻¹⁰ ГВВ; АнГшОлПд — где Карфага; МиРг — где Карфагена; КлЕфКб — где Карфаген; УвВрЧкТх — где Карфаг. . . ; Д испр. где Тир, где Карфагена испр. где Карфага ¹¹ ГАН; Б. . . Пд — во ¹²⁻¹² Ми — служат остатки ¹³ Ан — средиденного испр. средиденного ¹⁴⁻¹⁴ Г; Б. . . Пд — Не ¹⁵ испр.; Г — поль ¹⁶⁻¹⁶ Г; Б. . . Пд — они орошаемы ¹⁷ ГТх. . . Пд; Б. . . Чк — дела ¹⁸ ЕфКБРг — Новгороду ¹⁹ Г; Б. . . Пд — смотря ²⁰ ЕфКб — его

Сказывают, что все ²¹вокруг Новагорода даже и на пятнадцать верст расстоянием от оного находящиеся монастыри²¹ заключались в оном; что из стен его могло выходить до ста тысяч войска. Известно по летописям, что Новгород имел народное правление. Хотя ²²были у них иногда²² князья, но ²³их можно было почитать только полководцами, мало власти имеющими²³. Вся сила правления заключалась в посадниках²⁴ и ²⁵ ²⁶тысяцких. Народ в²⁶ собрании своем на вече²⁷ был истинный государь. Область Новгородская²⁸ простиралась²⁹ даже за Волгу. Сие вольное государство стояло³⁰ в Ганзейском³¹ союзе. Старинная речь: кто может быть³² против бога и великого Новагорода — служить может доказательством его ³³на Севере³³ могущества. Торговля была причиною его возвышения. Внутренние несогласия и хищной сосед совершили его падение.

На мосту ³⁴я вышел³⁴ из кибитки моей, дабы насладиться зрением³⁵ течения Волхова. Не можно было, чтобы³⁶ не пришел мне на ум³⁷ поступок царя Ивана Васильевича по взятии Новагорода³⁸. Уязвленный сопротивлением сея республики, сей гордый, зверский, но умный властитель хотел ³⁹разорить ее даже³⁹ до основания. Мне зрится он с долбнею на мосту стояц, ⁴⁰так сказывают⁴⁰, приносяй⁴¹ на жертву ярости своей старейших⁴² и ⁴³начальников новгородских⁴⁴. ⁴⁵Были и⁴⁶ есть люди, которые его гнев почитали и почитают справедливым, новгородцы⁴⁷ в их мнении были бунтовщики. Но какое оному доказательство⁴⁵? ⁴⁸То ли, что первые вели-

²¹⁻²¹ Г; *Б. . . Пд* — сии монастыри, даже и на пятнадцать (*ЧкПд*; *ВУвКлВр* → 15; *ВГшМиТх* — 15^{Тл}) верст расстоянием от города находящиеся ²²⁻²² Г; *ВВ* — у них были многие; *Ув. . . Рг* — у них были; *ТхЕфКБПдД испр.* — у их были ²³⁻²³ Г; *ВВ* — их можно было почитать полководцами только, мало власти имеющими; *Ув. . . Пд* — мало имели власти; *Д испр. по ВВ, испр.* мало имели власти ²⁴ *ГТх. . . Пд*; *БЧк* — посадских; *ГшВр* — посацких; *ВУвКлМи* — посадских; *Д испр.* посадских *испр.* посадниках ²⁵ *ЕфКБ* — в ²⁶⁻²⁶ *Ув. . . Чк* — тысяцких народах (*Кл* — народов). В ²⁷ *Ув. . . Пд*; *Г* — вине; *ВВ* — виче ²⁸ *КлМиКБПд* — Новгородская ²⁹ *ГБ*; *В* — простиралась; *Ув. . . Пд* — простиралась на Севере ³⁰ *Г. . . Пд*; *ВВД* — состояло ³¹ *В* — Гайзейском; *Ол* — Ганзейском; *Пд* — Гайзейском ³² Г; *Б. . . Пд* — статья ³³⁻³³ *ГВВ*; *Ув. . . Пд нет*; *Д доб.* на Севере и *стерто* ³⁴⁻³⁴ Г; *Б. . . Пд* — вышел я ³⁵ Г; *Б. . . Пд* — зрелищем ³⁶ *ЕфКБ* — чтоб ³⁷ Г; *Б. . . Пд* — память ³⁸ *ГшВрТх* — Новаграда; ²⁸ *УвЕфРг* — Новгорода ³⁹⁻³⁹ Г; *Б. . . Пд* — ее разорить ⁴⁰⁻⁴⁰ Г; *Б. . . Пд* — так иные (*ЕфКБ* — как и ныне) повествуют; *Ми* — так некие повествуют ⁴¹ *Кл* — приносящий ⁴² *ВВРг* — старейши; *Д испр.* старейши *испр.* старейших ⁴³ *ГшМи нет* ⁴⁴ *КлМиКБ Пд* — новгородских ⁴⁵⁻⁴⁵ *ГВВ*; *Ув. . . Пд нет*; *Д доб.* и *зач.* ⁴⁶ *испр.*; *Г нет* ⁴⁷ Г; *ВВД* — новгородцы ⁴⁸⁻⁴⁸ Г; *Б. . . Пд* — Но какое (*ВВД* — Какое) он имел право свирепствовать против них (*ВВДЕфКБ* — их); какое он (*ВВД* — Какое) имел право присвоить Новгород? То ли, что первые великие князья Российские жили в сем городе? Или что он писался царем всея России? (*ЧкТх* — России; *Пд* — Россией) Или что новгородцы (*КлМиЧкТхПд* — новгородцы) были славянского (*ЧкТхРгПд* — славянского; *Ол* — словенского) племени? Но на что право, когда действует сила? Может ли оно существовать, когда решение запечатлеется кровию народов? Может ли существовать право, когда нет силы на приведение его в действительность? Много было писано о праве народов; нередко имеют на него (*ЕфКБРг* — на него имеют) ссылку; но законоучители не помышляли, может ли быть между народами судия. Когда возникают между ими вражды, когда ненависть или корысть устремляют их друг на друга, судия их есть меч. Кто пал мертв или обезоружен (*Кл* — безоружен), тот и виновен, повинуется непрекословно сему решению, и апелляции (*ВГш*; *Б* — апелляции; *Ув. . . Ол* — апелляции; *Рг* — апелляции; *Пд* — апелляция) на оное нет. . .

кие князья жили в Новгороде? — Нет, они были россияне, а царь Иван Васильевич писался царем всея России, или Руси⁴⁸. — ⁴⁹Сей государь ⁵⁰столь однако же⁵⁰ успел в своем предприятии, что ниже⁵¹ в новгородцах⁵² не осталось малейшей искры духа свободы, за которую они с толким сражались жаром. С вечевым⁵³ колоколом рушилось⁵⁴ в них даже⁵⁵ и зыбление, так сказать, вольности, нередко по усмирении бури остающееся. И действительно, не видно, чтобы после того новгородцы⁵⁶ делали какое покушение на возвращение своея⁵⁷ свободы^{49, 58}

БРОННИЦЫ

Между тем как в кибитке моей лошадей переменили, я захотел¹ посетить высокую гору, близ Бронниц находящуюся, на которой, сказывают, в древние времена, до пришествия, думаю, славян, стоял храм, славившийся² тогда издаваемыми ³из него³ оракулами⁴, для слышания коих многие северные владельцы прихаживали. На том месте, повествуют⁵, где ныне стоит⁶ село Бронницы, стоял известной в северной ⁷древней истории⁷ город Холмогоры⁸. Ныне же на месте славного древнего капища построена малая церковь.

Восходя на гору, я вообразил себя⁹ преселенного в древность и пришедшего, да познаю от державного божества грядущее и обрящу спокойствие моей нерешимости. Божественный ужас объемлет мои члены, грудь моя начинает воздыматься, ¹⁰глаза становятся неподвижными, власы главы моя воздымаются¹⁰, взоры мои тупеют¹¹, и свет в них меркнет. Мне слышится глас, грому подобный, вещаяй¹²: безумный¹³, почто желаешь познати¹⁴ тайну, ¹⁵еже скрыл¹⁵ от смертных непроницаемым покровом неизвестности? Почто, о дерзновенный, познати¹⁶ жаждешь то, что едина мысль предвечного¹⁷ постигати¹⁸ может? Ведай, что неизвестность будущего соразмерна бренности твоего сложения. Ведай, что предузнанное благополучие¹⁹ теряет свою сладость долговременным ожиданием и ²⁰прелестность настоящего веселия, нашед утомленные силы, немощна.

⁴⁹⁻⁴⁹ ГВВД (доб.); Ув. . . Пд нет ⁵⁰⁻⁵⁰ Г; ВВД (доб.) — столько ⁵¹ Г; БВД (доб.) нет ⁵² Г; ВВД (доб.) — новгородцах ⁵³ испр.; Г — вечевым; ВВД (доб.) — вечевым ⁵⁴ Г; ВВД (доб.) — рушилось ⁵⁵ Д (доб.) нет ⁵⁶ Г; ВВД (доб.) — новгородцы ⁵⁷ ГД (доб.); ВВ — своей ⁵⁸ Б. . . Пд далее следует: — Вот почему Новгород принадлежал царю Ивану Васильевичу. Вот для чего и т. д. — см. печатную редакцию и Варианты

¹ Ми — хотел ² УвГиВр — славившийся ³⁻³ Г; ВВГиМи — во оном; Ув. . . Пд — в оном; ЕфКБол нет ⁴ Г; Б. . . Пд — прорицаниями ⁵ ЕфКБ — повествует ⁶ ГВВЧкЕф. . . Пд; Ув. . . Тх нет ⁷⁻⁷ ВВ — истории древней ⁸ Г; В — Холмогор; Б — Колмоград; Ув. . . Пд — Холмоград ⁹ ГЧк. . . Пд; Б. . . Вр — себе ¹⁰⁻¹⁰ ГВВ; Ан. . . Пд нет; Д доб. глаза становятся неподвижными, власы главы моя воздымаются и стерто ¹¹ Ув. . . Вр — тускнеют ¹² ВВ — вещай; Д — вещай испр. вещаяй ¹³ ЕфКБ — безумный ¹⁴ ВВЕфКБ — познать; Д — познать испр. познати ¹⁵⁻¹⁵ Г; Ан — еже сокрыл испр. которую я сокрыл; Б. . . Пд — которую я сокрыл ¹⁶ ВВ — познать; Д — познать испр. познати ¹⁷ Г; Ан. . . Пд — предвечная ¹⁸ ГАНЕфКБРг; Б. . . Пд — постигати ¹⁹ ГАН; Б. . . Пд — блаженство ²⁰ ГАН; Б. . . Пд — что

произвести в душе столь²¹ приятного дрожания, какое веселие получает от нечаянности. Ведай еще²², что предузнанная гибель отъемлет²³ безвременное спокойствие, отравляет утехы, ими же наслаждался²⁴ бы, егда²⁵ бы скончания²⁶ их не предузнал. Чего ищешь, дитя²⁷ безрассудное? Премудрость моя все нужное насадила в разуме твоём и сердце. Вопросы их²⁸ во дни²⁸ печали и обрящешь²⁹ утешителя³⁰. Вопросы их³¹ во дни радости и³² найдешь обуздателей³³ наглого счастья. Возвратись в дом свой, возвратись к семье своей³⁴; успокой встревоженные мысли. Вниди во внутренность свою, там обрящешь мое божество, там услышишь мое извещение³⁵. — И треск сильного удара³⁶ гремящего во власти Перуна раздался³⁷ в окрестных³⁸ долинах далеко. — Я опомнился. Достиг вершины горы и узрел³⁹ церковь, возвел⁴⁰ руки на небо. — Господи⁴¹, се храм твой, ⁴² се храм⁴², вещают⁴³, истинного, единого бога. На месте сем, на месте твоего ныне пребывания, повествуют, стоял храм⁴⁴ и заблуждения⁴⁴. Но не могу поверить, о всемогущий, чтобы человек⁴⁵ в восторге своем⁴⁵ мольбу сердца своего воссылал к другому⁴⁶ существу, а не⁴⁷ тебе. Мощная десница твоя невидимо⁴⁸ всюду простерта⁴⁹ и самого отрицателя всемогущей⁵⁰ воли твоей⁵¹ нудит признавать⁵² природы строителя и содержателя. Если смертный в заблуждении своем странными, непристойными и зверскими нарицает тебя наименованиями⁵³, почитание⁵⁴ его, однако же, стремится⁵⁵ к тебе, предвечному, и он трепещет пред твоим могуществом. Егова, Фоги⁵⁶, Юпитер, Брама⁵⁷, ты един повсюду. Если в заблуждении своем смертные⁵⁸, казалось, не тебя боготворили⁵⁹ единого, но боготворили⁶⁰

²¹ *БВ* — твоей; *Д* испр. твоей испр. столь ²² *ГАНБВ*; *Ув.* . . *Пд* нет; *Д* доб. еще и зач. ²³ *ГБВ*; *Ан.* . . *Пд* — отнимает ²⁴ *БВ* — насладился ²⁵ *ГАНБВ*; *Ув.* . . *Пд* — если ²⁶ *МиВр* — скончание ²⁷ *ГБВ*; *Ан* — дитя испр. чадо (?); *Ув.* . . *Пд* — чадо ²⁸⁻²⁸ *Ан* — въ одни испр. во дни ²⁹ *Г*; *Ан.* . . *Пд* — обрящешь ³⁰ *ГАНБВ*; *Ув.* . . *Пд* — утешитель; *Д* испр. утешителя испр. утешителей ³¹ *Ан* нет ³² *Б* — и не; *Ув.* . . *ВрТх* нет ³³ *Ан* — обуздателя ³⁴ *Гш* нет ³⁵ *Г*; *Ан* — увещание испр. вещание; *БВ* — извещение; *Ув.* . . *Пд* — вещание; *Д* испр. извещение испр. вещание ³⁶ *ГАНЧКЕФ.* . . *Пд*; *Б.* . . *Тх* — грома; *Д* испр. грома испр. удара ³⁷ *Ан* — раздавался испр. раздался; *Ув.* *МиВрТх* — раздавался ³⁸ *ГБВ*; *Ан.* . . *Пд* нет; *Д* доб. окрестных и стерто ³⁹ *МиРг* — узрел ⁴⁰ *Г*; *Ан* — возвел доб. я; *Б.* . . *Пд* — возвел я ⁴¹ *ГАН*; *Б.* . . *Пд* — Господи, — возопил я ⁴²⁻⁴² *Гш* нет ⁴³ *ГКЧКОЛПд*; *Ан* — вещающ испр. вещают; *БВЕФКБ* — вещает; *Ув.* *ГшМиВрТхРг* — вещающ; *Д* испр. вещает испр. вещают ⁴⁴⁻⁴⁴ *Г*; *Ан.* . . *Пд* — заблуждения; *БВ* — идолослужения; *Д* испр. идолослужения испр. заблуждения ⁴⁵⁻⁴⁵ *ГАНБВ*; *Ув.* . . *Пд* нет; *Д* доб. в восторге своем и стерто ⁴⁶ *ГБВ*; *Ан* — другому доб. какому-либо; *Ув.* . . *Пд* — другому какому-либо ⁴⁷ *ГБВ*; *Ув.* . . *Пд* — не к ⁴⁸ *Ув.* *ГшКЛВр* — невидима ⁴⁹ *ГБВ*; *Ув.* . . *Пд* — простертая; *Д* испр. простерта испр. простертая ⁵⁰ *ГБВ*; *Ув.* . . *Пд* — всемогущий; *Д* испр. всемогущей испр. всемогущия ⁵¹ *ГБВ*; *Ув.* . . *Пд* — твоя; *Д* испр. твоей испр. твоея ⁵² испр.; *Г* — примавати; *Ми* — признавать ⁵³ *ГРг*; *Б.* . . *Пд* — именованиями; *Д* — наименованиями испр. именованиями ⁵⁴ *ЕФКБ* — почитания ⁵⁵ *ЕФКБ* — стремятся ⁵⁶ *ГБВ*; *Ув.* . . *Пд* нет; *Д* доб. Фоги и стерто ⁵⁷ *Г*; *Б.* . . *Пд* — Брама; бог (*Ми* нет — Брама; бог) Авраама, бог Моисея (*Гш* нет — бог Моисея), бог Конфуция (*В* — Конфуция), бог Зороастра (*Ув.* *ГшКЛМиЕФОЛ* — Зороастра), бог Сократа, бог Марка Аврелия, бог христиан, о бог мой! ⁵⁸ *Ми* нет ⁵⁹ *ГБВ*; *Ув.* . . *Пд* — чтили ⁶⁰ *ГБВ*; *Ув.* . . *Пд* — боготворили они; *Д* испр. боготворили испр. боготворили они

твои несравненные силы или⁶¹ твои неуподобляемые⁶² дела. Могущество твое, везде⁶³ и во всем⁶⁴ ощущаемо⁶⁵, было везде и во всем⁶⁴ поклоняемо⁶⁶. — Безбожник, тебя отрицающий, признавая природы закон непременный, тебе же приносит⁶⁷ тем хвалы⁶⁸, хваля⁶⁹ паче нашего песнопения, ибо проникнут⁷⁰ до глубины⁷¹ своей изящности⁷¹ твоего творения⁷². Ты ищешь, отец всещедрый, искреннего сердца и души непорочной; они отверсты везде на твое пришествие. Сиди, господи, и воцарися в них. — И пребыл я несколько минут⁷³ отриновен⁷⁴ окрестных мне предметов, нисшед во внутренность⁷ мою глубоко. — Возвед потом очи мои⁷⁵ ⁷⁶окрест меня⁷⁶, обратив взоры на близстоящие селении: — Се хижины уничтожения, — вещал я, — на месте, где некогда град великий гордые возносил свои стены. Ни малейшего даже признака оных⁷⁷ не осталось. Рассудок претит имети веру и самой повести, столь жаждущ он убедительных и чувствительных⁷⁸ доводов. — И все, что зрим, преидет; все разрушится⁷⁹, все будет прах. — Но некий тайный глас вещает мне: пребудет нечто во веки живо.

С течением времен все звезды помрачатся,
Померкнет солнца блеск. Природа, обветшав
Лет дряхлостью⁸⁰, падет.
Но ты во юности, бессмертный, процветешь,
Незыблемый⁸¹ среди сражения стихиев,
Развалин вещества, миров всех разрушенья⁸².

⁸³Но что ты, где ты, что ты в нас и что мы в тебе?

— Не ведаю, всесильный, не ведаю и, смиренный в неведении моем, не дерзаю поднять тяжкую завесу, от бранных моих взоров тебя скрывающую⁸⁴, ⁸³.

⁶¹ ГВВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. или и стерто ⁶² Ми — неупотребляемые
⁸³ испр.; Г нет ⁶⁴⁻⁶⁴ ВВМи нет ⁶⁵ ГКлЕфКб; Ув. . . Пд — ощущаемое
⁶⁶ ВВ — поклоняемое ⁶⁷ УвКлВрТх — приносим ⁶⁸ ГВВ; Ув. . . Пд — хвалу;
Д испр. хвалы испр. хвалу ⁶⁹ ГВВ; Ув. . . Пд — хваля тебя; Д испр. хваля испр.
хваля тебя ⁷⁰ Г; Ув. . . Пд — проникнутый; ЕфКб — проникнутой; ВВол — про-
никнуты; Д — проникнуты испр. проникнутый ⁷¹⁻⁷¹ Г; ВВ — своей изящности;
УвКлМиВрТх — своя изящности; ГшЧкЕф. . . Пд — своя изящности ⁷² Г;
В. . . Пд — творения, ему (Ми нет) предстоит трепетен ⁷³ Г; ВВДГшМиЧкЕф. . .
Пд — мгновений; УвКлВрТх — в мгновении ⁷⁴ Гш — отриновен; Чк — отрино-
венен; ЕфКб — отринен ⁷⁵ В — свои; В — свои испр. мои ⁷⁶⁻⁷⁶ ГВВ; Ув. . .
Пд нет; Д доб. окрест меня и стерто ⁷⁷ ЕфКб нет ⁷⁸ Г; В. . . Пд — чувствен-
ных ⁷⁹ Г; В. . . Пд — рушится ⁸⁰ ГВВРзПд; Ув. . . Ол — дряхлостью ⁸¹ испр.
по Ув. . . Пд; ГВВ — Незыблем ⁸² Г; В. . . Пд — разрушенья¹²¹ — и сноски¹²¹
Смерть (ДПд — Стерть) Катонова (Пд — Кантонова), трагедия Еддесонова (МиД —
Ендесонова; Пд — Еддесонова; Гш — Еддесонова; ЕфКб — Десонова; Рз — Адис-
сонова). Действие V. (В — действие V²; ЧкТх — Дейст. V.; ОлРз — Дей. V.; Пд —
Дейс. V.) Явление 1 (ВГшМиЕфКбОл — Явление 1²; Чк — Явлен. 1; Тх — Явлен.
1²; Рз — яв. 1; Пд — явл. 1) ⁸³⁻⁸³ ГВВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. Но что ты. . .
тебя сокрывающую, при исправлении помечено: «В подлиннике нет», но не стерто
⁸⁴ Г; ВВД — сокрывающую

ЗАЙЦОВО

В Зайцове на почтовом дворе нашел я давнишнего моего ¹знакомца и ¹приятеля г. ²Крестьянкина. Я с ним ³познакомился еще ³с ребячества ⁴. ⁵После того редко ⁵ бывали в одном городе, но беседы наши, хотя редки ⁶, были ⁷откровенны ⁸. Г. Крестьянкин ⁹служил долго ⁹ в военной службе и, наскучив жестокостями оной, а ¹⁰особливо во время войны, где всякие ¹¹насилия именем права ¹² войны прикрываются, перешел в статскую ¹³. По несчастию его, и в статской ¹⁴ службе не избежал того, от чего, оставляя военную, удалиться хотел. Душу он имел очень чувствительную и сердце человеколюбивое. Дознанные его столь высокие превосходные качества доставили ему место председателя уголовной палаты. Сперва ¹⁵он не хотел ¹⁵ ¹⁶принять на себя ¹⁶ сего звания, но, помыслив несколько, сказал он ¹⁷: — Мой друг, какое обширное поле ¹⁸отверзается мне ¹⁸ на удовлетворение любезнейших ¹⁹ склонности моя ²⁰ души, какое упражнение для мягкосердия. Сокрушим скипетр жестокости, которой столь часто ²¹тягчится на раменах ²¹ невинности; да опустеют темницы и да не узрит их оплошная слабость, нерадивая неопытность, и случай ²² во злодеяние да не вменится ²³ николи ²⁴. О мой друг, исполнением моя ²⁵ должности источу слезы родителей о чадах ²⁶, воздыхании супругов ²⁷, — но слезы сии будут слезы обновления во благо ²⁸. Но иссякнут слезы страждущей невинности и протодушия. ²⁹Сколь много ²⁹ мысль сия меня восхищает. Пойдем, ускорим отъезд мой. Может быть, ³⁰скорое прибытие ³⁰ мое там нужно. Замедля, могу быть убийцею, не предупреждая ³¹ заключения или обвинения ³¹ прощением ³² или разрешением от уз. — С таковыми мыслями поехал ³³ г. Крестьянкин ³³ к своему месту. Сколь ³⁴ же много ³⁵ удивился я, узнав от него, что он оставил ³⁶ должность свою ³⁶ и намеревается ³⁷ жить всегда ³⁸ в отставке. — Я думал, мой друг, — говорил мне г. Крестьянкин, — что услаждающую рассудок и обильную найду жатву в исполнении моя ³⁹ должности. Но вместо того нашел ⁴⁰ я в ⁴⁰ оной желчь и терние.

¹⁻¹ ГВВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. знакома и стерто ² МуЕфКб — г-на
³⁻³ ГВВ; Ув. . . Пд — знаком был; Д испр. познакомился еще испр. знаком был
⁴ ВВ — ребячества ⁵⁻⁵ Г; ВВ — После того мы редко; Ув. . . Пд — Редко мы;
Д испр. После того редко мы испр. Редко мы ⁶ Г; Б . . . Пд — нечасты ⁷ Г;
Б . . . Пд — были, однако же ⁸ УвКлВр — откровенный; ГшМи — откровенный
⁹⁻⁹ ГВВ; Ув. . . Пд — долго находился ¹⁰ ГшЕф нет ¹¹ ГВВ; Ув. . . Пд —
великие ¹² испр.; Г — крови ¹³ ЕфКб — штатскую ¹⁴ ЕфКб — штат-
ской ¹⁵⁻¹⁵ ГВВ; Ув. . . Пд — не хотел он ¹⁶⁻¹⁶ ГВВЕфКбРе; Ув. . . Пд —
на себя принять ¹⁷ ГВВ; Ув. . . Пд — он мне ¹⁸⁻¹⁸ УвКлМиВр нет ¹⁹ Г;
Б . . . Пд — любезнейший ²⁰ ТхРг — моей ²¹⁻²¹ Г; Б . . . Пд — тягчит рамена
²² ЕфКб — случаи ²³ ЕфКб — вменяется ²⁴ ВВ —; никогда; Д испр. ни-
когда испр. николи ²⁵ ЕфКбПд — моей ²⁶ ВВ — чадах ²⁷ УвКлМиВр —
супругам ²⁸ ВВ — благое; Д испр. благое испр. благо ²⁹⁻²⁹ Г; Б . . . Пд — Ко-
лико ³⁰⁻³⁰ ВВ — присутствие ³¹⁻³¹ Б — заключение или обвинение ³² ЕфКб —
прощанием ³³⁻³³ ГВВ; Ув. . . Пд — приятель мой ³⁴ ЕфКб — Сколь-
ко ³⁵ ВВ нет ³⁶⁻³⁶ ГВВ; Ув. . . Пд — службу ³⁷ ГВВ; Ув. . . Пд — намерен.
³⁸ ВВ нет ³⁹ Ув. . . Пд; Г — моя; ВВЕфКбОл — моей ⁴⁰⁻⁴⁰ ВВ — во; Д Гш —
я во

Теперь, наскучив оною, не в силах будучи делать добро, оставил оную⁴¹ истинному хищному зверю. В короткое время он заслужил себе⁴² похвалу скорым решением залежавшихся дел. А я прослыл копотким, а⁴³ иные почитали меня иногда мздоимцем за то, что не спешил тягчить⁴⁴ жребия⁴⁵ несчастных, впадающих ⁴⁶нередко в преступление⁴⁶ поневоле. До вступления⁴⁷ в статскую службу ⁴⁸я приобрел⁴⁸ лестное для меня название человеколюбивого начальника. Теперь самое то же качество⁴⁹, коим сердце мое толико гордилось, теперь почитают послаблением или непозволительною поноровкою. Видел я решения мои осмеянными в том самом, что их изящными соделывало⁵⁰; видел их оставляемыми без действия и⁵¹ с презрением взирал, что для освобождения⁵² действительного злодея и вредного обществу человека⁵³ или дабы наказать мнимые преступления лишением имения, чести⁵⁴, жизни, начальника мой, ⁵⁵не в силах будучи⁵⁵ меня преклонить на незаконное очищение злодейства или на обвинение невинности, преклонял⁵⁶ к тому моих сочленов, и нередко я видел благие мои расположения исчезнувшими⁵⁷ яко дым в пространстве воздуха. Они же, во мзду своего гнусного послушания, получали⁵⁸ почести, кои в глазах моих столь же были тусклы, сколь их прельщали своим блеском. Нередко в затруднительных случаях, когда уверение⁵⁹ в невинности названного преступником меня побуждало на мягкосердие, я прибегал к закону, дабы искати⁶⁰ в нем подпору в⁶¹ моей нерешимости; но часто в нем находил вместо человеколюбия жестокость, которая начало свое ⁶²не в самом имела⁶² законе, но в его обетшалости⁶³. Несоразмерность наказания преступлению часто извлекала⁶⁴ у меня слезы. Я видел (да и⁶⁵ может ли быть иначе), что закон судит о деяниях, не касаясь причин, оные производивших⁶⁶. И последний случай, к таковым деяниям относящийся, понудил меня оставить службу. Ибо, не могши⁶⁷ спасти виновных⁶⁸, мощною судьбы рукою в преступление впадших⁶⁹, я не хотел быть участником в их казни. Не могши⁷⁰ облегчить⁷¹ жребия, омыл⁷² рuce свои⁷³ в моей невинности и удалился жестокосердия.

В губернии нашей жил один дворянин, который за несколько ⁷⁴лет

⁴¹ ГВВ; Ув. . . Пд — место нет; Д доб. а и стерто
⁴² ГВВ; Ув. . . Пд — отягчать
⁴³ ГВВ; Ув. . . Пд — жребию
⁴⁴ ГВВ; Ув. . . Пд — в преступление нередко; Д испр. нередко в преступление
⁴⁵ ГВВ; Ув. . . Пд — вступление моего
⁴⁶ ГВВ; Ув. . . Пд — приобрел я
⁴⁷ Г; Б. . . Пд — вступление моего
⁴⁸ ГВВ; Ув. . . Пд — делало;
⁴⁹ ГВВ; Ув. . . Пд — делало;
⁵⁰ ГВВ; Ув. . . Пд — делало;
⁵¹ Г; Б. . . Пд нет
⁵² ЕфКб — освобождения
⁵³ Г; Б. . . Пд — члена
⁵⁴ БВ — чести и; Д — чести доб. и и стерто
⁵⁵ ГВВ; Ув. . . Пд — будучи не в силах
⁵⁶ КЛМи — преклонить; Вр — преклоняя
⁵⁷ ГВВ; Ан. . . Пд — исчезающими
⁵⁸ ГАНБВЕФКб; Ув. . . Пд — получили
⁵⁹ БВ — уверения; Д испр. уверения
⁶⁰ ЕфКб — сыскать
⁶¹ Г; Ан. . . Пд нет
⁶² ГВВ; Ан. . . Пд — имела не в самом
⁶³ Ан — обетшалости испр. обетшалости; Б — обетшалости
⁶⁴ БВВрТхЕфКб — извлекали
⁶⁵ УвКЛМиВрТх
⁶⁶ Б — производившим
⁶⁷ ГВВ; Ан — могши испр. возможны; Ув. . . Пд —
⁶⁸ УвКЛМиВрТх — невинных
⁶⁹ ГАНБВ; Ув. . . Пд — вовлеченных
⁷⁰ Г; Ан — могши испр. возможны; Б. . . Пд — возможны
⁷¹ Г; Ан. . . Пд —
⁷² БВЕф — омыл
⁷³ ГВВ; Ан — рuce свои испр. руки мои;
⁷⁴ Ув. . . Пд — руки мои; ЕфКб — руки моя
⁷⁴ ГАНБВ; Ув. . . Пд — уже лет

уже⁷⁴ оставил службу⁷⁵. Вот его послужной список. Начал службу свою при дворе истопником, произведен лакеем, камер-лакеем, потом мундшенком; какие достоинства надобны для прехождения⁷⁶ ⁷⁷сии степени⁷⁷ придворной⁷⁸ службы, мне неизвестно⁷⁹. Но знаю то, что он вино любил до последнего издыхания. Пробыл⁸⁰ в мундшенках лет 15. Отослан был в Герольдию для определения по его чину; но он, ⁸¹видно лучше сам⁸¹ чувствуя свою неспособность⁸², выпросился во⁸³ отставку и награжден чином коллежского⁸⁴ асессора, с которым он приехал ⁸⁵в то место⁸⁵, где родился, то есть в нашу губернию ⁸⁶лет⁸⁶ тому назад. Отличная привязанность к своей отчизне⁸⁷ нередко основание имеет в тщеславии. Человек низкого состояния, добившийся в ⁸⁸знатность, или⁸⁸ бедняк, приобретший⁸⁹ богатство, сотряси⁹⁰ всю⁹¹ стыдливость⁹², застенчивость, последний и слабейший корень добродетели, предпочтет⁹³ место⁹⁴ своего рождения на распростертые⁹⁵ своея⁹⁶ пышности и гордыни⁹⁷. Там скоро ⁹⁸нашел он⁹⁸ случай купить⁹⁹ деревню, в которой и¹⁰⁰ поселился с немалою¹⁰¹ своею семьею. Если бы² у нас ³был какой-либо³ Гогард, то бы обильное нашел поле на характеры⁴ в семействе г. коллежского⁵ асессора. Но я худой живописец; или если бы⁶ я мог ⁷в чертах лица⁷ читать внутренности⁸ человека с Лаватеровою⁹ пронизательностию, то ¹⁰и тогда бы¹⁰ картина ¹¹семьи г. асессора¹¹ была примечания достойна. Не имея сих свойств, заставлю вещать их деяния¹².

Г. асессор¹³, произошед¹⁴ из самого низкого состояния, зрел себя повелителем нескольких сотен себе подобных людей¹⁵. Сие скружило¹⁶ ему голову. Не один он жаловаться может, что употребление власти скружит¹⁷ голову. Он себя почел высшего чина, крестьян почитал скотами, данными

⁷⁵ *Ан* — свою службу *испр.* службу ⁷⁶ *ВВ* — прохождения ⁷⁷⁻⁷⁷ *ГАН*; *ВВ* — сей степени; *Ув.* . . *Пд* — сих степеней ⁷⁸ *ГВВ*; *Ан.* . . *Пд* — придворная; *Д* *испр.* придворной *испр.* придворных ⁷⁹ *УвКлМиВр* — неизвестны ⁸⁰ *ГМи*; *Ан.* . . *Пд* — Пробыл ⁸¹⁻⁸¹ *ГАНВВ*; *Ув.* . . *Пд* *нет*; *Д* *доб.* видно лучше сам *и стерто* ⁸² *ГАН*; *Б.* . . *Пд* — неспособность к делам ⁸³ *Г*; *Ан.* . . *Пд* — в ⁸⁴ *ВОл* — коллежского ⁸⁵⁻⁸⁵ *ВВ* *нет* ⁸⁶⁻⁸⁶ *ГБ*; *В* — шесть лет; *Ув.* . . *Пд* — лет шесть ⁸⁷ *ЕфКб* — отчине ⁸⁸⁻⁸⁸ *ВВ* — знатность чина ⁸⁹ *Ув.* . . *Вр* — приобретши ⁹⁰ *ВВ* — сотрясший; *Д* *испр.* сотрясший *испр.* сотряси ⁹¹ *ЕфКб* — свою ⁹² *Г.* . . *Кб*; *ЧкТхОлРзПд* — стыдливости; *Д* *испр.* стыдливость *испр.* стыдливости ⁹³ *Г*; *Б.* . . *Пд* — предпочтает ⁹⁴ *УвГшКлВрТх* — вместо ⁹⁵ *ЕфКбОл* — пространство ⁹⁶ *ЕфКб* — своей ⁹⁷ *ВВ* — гордости ⁹⁸⁻⁹⁸ *ГВВ*; *Ув.* . . *Пд* — асессор *нашел* ⁹⁹ *Ми* — купил ¹⁰⁰ *ГВВ*; *Ув.* . . *Пд* *нет*; *Д* *доб.* и *и стерто* ¹⁰¹ *УвКлМиВрТх* — малою ² *УвГшКлВр* — б ³⁻³ *ГВВ*; *Ув.* . . *Пд* — родился; *Д* — родился *доб.* какой-либо *и стерто* ⁴ *ГВВ*; *УвГшВрТх* — карикатуре; *Кл* — карикатура; *Ми* — карикатуру; *ЧкЕфКбОлРзПд* — карикатуры; *Д* *испр.* карикатуры *испр.* карикатуры ⁵ *ГВВ*; *Ув.* . . *Пд* *нет* ⁶ *МиЕфКб* — б ⁷⁻⁷ *ВВ* — в лицах ⁸ *ВВЕфКб* — внутренности; *Д* *испр.* внутренности *испр.* внутренности ⁹ *ВВ* — Лаватеровою; *ЕфКбРз* — Лафатеровою ¹⁰⁻¹⁰ *ГВВ*; *Ув.* . . *Пд* — бы и тогда ¹¹⁻¹¹ *Г*; *Б* — г. асессора; *В* — г. а.; *Ув.* . . *Пд* — асессоровой семьи ¹² *ГВВ*; *Ув.* . . *Пд* — деяния, кои всегда истинные суть черты душевного образования ¹³ *Б* — Г. асессора; *В* — Г. а. ¹⁴ *ГБЧкОлПд*; *В.* . . *ТхРз* — происшед; *ЕфКб* — произошел ¹⁵ *ГВВ*; *Ув.* . . *Пд* *нет*; *Д* *доб.* людей *и стерто* ¹⁶ *ГВВ*; *Ув.* . . *Пд* — вскружило ¹⁷ *Г*; *ВВ* — скружает; *Ув.* . . *Пд* — вскружает; *Еф* — вскружило ему

1⁸ему (едва¹⁸ 1⁹не думал¹⁹ ли²⁰, что власть его над ними не²¹ от бога простекает), да употребляет²² в работу по произволению. Он был корыстолюбив, копил деньги, жесток²³ от природы, вспыльчив, подл, а потому над слабейшими его надменен. Из сего судить можешь, как он обходился с крестьянами. Они у прежнего помещика были на оброке; он их посадил на пашню, отнял у них всю землю; скотину всю у них купил по²⁴ определенной им цене²⁴; заставил работать всю неделю на себя; а дабы они не умирали с голоду, то кормил их на господском дворе, и то по одному разу в день, а иным²⁵ давал из милости²⁵ месячину. Если который²⁶ казался ему²⁶ ленив, то сек розгами, плетью, батожем или кошками, смотря по мере лености. За действительные преступления, как-то кражу не у него, но у посторонних, не говорил ни слова. Кажется²⁷, будто хотел в деревне своей возобновить нравы²⁸ древнего Лакедемона²⁹. Случилось³⁰, что мужики³¹ для пропитания на дороге ограбили одного³² проезжего³³, другого потом убили. Он³⁴ в суд³⁴ не отдал, но скрыл³⁵ у себя, объявляя правительству, что они³⁶ у него³⁶ бежали; говоря, что ему прибыли не будет, если³⁷ крестьянина у него³⁷ высекут кнутом и сошлют в работу за злодеяние. Если кто из крестьян³⁸ у него что-нибудь украл³⁸, того³⁹ он сек как и⁴⁰ за леность или за дерзкой или за⁴¹ остроумной ответ, но сверх того надевал на ноги⁴² тяжелые оковы⁴², а на шею рогатку. Много бы⁴³ мог⁴³ тебе рассказать⁴⁴ его мудрых⁴⁴ распоряжений, но сего довольно для познания моего героя⁴⁵. Сожительница его полную власть имела над бабами. Помощники⁴⁶ 4⁷ в исполнении⁴⁷ ее служения⁴⁸ были ее сыновья и дочери, как то и у ее мужа. Ибо делали⁴⁹ они себе правилом, чтобы⁵⁰ ни для какой нужды крестьян от работы не отвлекать⁵¹. 5²Дворовых людей у него⁵² было 5³один мальчик⁵³, купленной им в Москве парикмахер дочернин, 5⁴кухарка⁵⁴ старуха. Кучера у него⁵⁵ не было, ни лошадей, развезжал всегда⁵⁶ на пахотных лошадях. Плетью или кошками секли 5⁷всегда его⁵⁷

18-18 Ув. . . Вр — ему и едва 19-19 ЕфКб нет 20 ГВВ; Ув. . . Пд — ли он 21 Г; Б. . . Пд нет 22 ГВВ; Ув. . . Пд — употребляет их 23 Ув. . . Вр — жестоко 24-24 ГВВ; Ув. . . Пд — цене, какую сам определил 25-25 БВ — из милости давал; Еф — из милости 26-26 БВ — ему казался 27 Г; Б. . . Пд — Казалось; МиВрОлРг — Казалось 28 БВ — нрав 29 Г; Б. . . Пд — Лакедемона или Запорожской сечи 30 ГВВЧкЕф. . . Пд; Ув. . . Тх — Случилось 31 ГВВ; Ув. . . Пд — мужики его 32 ГВВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. одного и стерто 33 УвКлМиВрТх — проезжающего 34-34 Г; Б. . . Пд — их в суд за то 35 ГВВ; Ув. . . Пд — скрыл их; Д испр. скрыл доб. их 36-36 ГВВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. у него и стерто 37-37 Г; БВ — у него крестьянина; Ув. . . Пд — крестьянина его 38-38 ГВВ; Ув. . . Пд — что-нибудь украл у него; Д испр. у него что-нибудь украл испр. украл у него 39 ГВВЧкОлРг; Ув. . . Пд — то 40 ГВВ; Ув. . . Пд нет 41 Г; Б. . . Пд нет 42-42 ГВВ; Ув. . . Пд — колодки, кандалы 43-43 Г; Б. . . Пд — мог я 44-44 ВРг — мудрых его 45 ГВВКл; Ув. . . Пд — ироя; Д испр. героя испр. ироя 46 ГВВ; Ув. . . Пд — Помощниками 47-47 ЕфКб — во исполнение 48 ГВВ; Ув. . . Пд — велений; Ми — веления 49 ГВВ; Ув. . . Пд — сделали; Д испр. делали испр. сделали 50 Ув. . . Вр — чтоб 51 КлЕфКб — отнимать 52-52 Г; БВ — Дворовых людей у него не; Ув. . . Пд — во дворе людей 53-53 БВ нет 54-54 ГВВ; Ув. . . Пд — да повариха 55 ГВВ; Ув. . . Пд — них 56 БВ — везде 57-57 ГВВ; Ан — всегда его испр. крестьян сами; Ув. . . Пд — крестьян сами

сыновья. По щекам били или за волосы таскали баб и девок дочери, ^{58а} парней сыновья⁵⁸. Сыновья⁵⁹ в свободное время ходили по деревне или в поле ⁶⁰играть и бесчинничать⁶⁰ с девками и бабами, и никакая не ⁶¹избегала их⁶¹ насилия. Дочери, не имея женихов, вымещали свою скуку над прядильщицами⁶², из которых ⁶³многим веретенами выкололи глаза⁶³. Суди сам, мой друг, какой конец мог быть таковым поступкам. Я заметил ⁶⁴в многочисленных примерах⁶⁴, что русский народ очень терпелив и терпит до самой крайности; но⁶⁵ когда ⁶⁶один раз⁶⁶ конец положит⁶⁷ ⁶⁸своей терпеливости⁶⁸, то ничто ⁶⁹на свете⁶⁹ ⁷⁰не может его⁷⁰ удержать, чтобы ⁷¹не преклонить⁷¹ на жестокость⁷². Сие самое и ⁷³случилось с г.⁷⁴ асессором. Случай к тому подал неистойой и беспутной, или, лучше сказать, зверской поступок одного из его сыновей.

В деревне его была крестьянская⁷⁵ девка, недурна собою, ⁷⁶которая была створена⁷⁶ за молодого крестьянина той же деревни. Она понравилась среднему⁷⁷ сыну г.⁷⁸ асессора, которой употребил ⁷⁹все на свете⁷⁹, чтобы ее привлечь к себе в любовь, но крестьянка верна пребывала ⁸⁰в данном жениху своему⁸¹, ⁸⁰обещании, что хотя и⁸² редко⁸³ случается, ⁸⁴но не невозможно⁸⁴. В воскресенье должно было быть свадьбе. Отец женихов⁸⁵, по введенному у многих помещиков обычаю, пошел с женихом⁸⁶ на господской двор и понес повенчаные⁸⁷ два пуда меду к ⁸⁸своему барину⁸⁸. Сию последнюю минуту дворянчик и хотел употребить на удовлетворение своей страсти. Взяв⁸⁹ с собою обоих⁹⁰ своих братьев и вызвав невесту чрез постороннего мальчика на двор, потащил ее в клеть, зажав ей рот.

⁵⁸⁻⁵⁸ ГВВ; Ан — а парней сыновья зач.; Ув. . . Пд нет; Д доб. а парней сыновья и стерто ⁵⁹ ВВ нет; Еф — И сыновья ⁶⁰⁻⁶⁰ ГГшКлПд — играть и бесчинничать; В — играть бесчинничать; В — играли и бесчинничали ⁶¹⁻⁶¹ ВВ — избегла ⁶² ГЕф; Б. . . Чк — предильницами; АнТхКБРПд — прядильницами; Ол — прядильщицами ⁶³⁻⁶³ Г; АнВВ — многим выкололи глаза; Ув. . . Пд — они многих изувечили (ЧкТх — изувечали; Пд — изувечали) ⁶⁴⁻⁶⁴ Г; ВВ — во . . . примерах; Ан — в . . . примерах испр. из . . . примеров; Ув. . . Пд — из . . . примеров ⁶⁵ ВВ — и ⁶⁶⁻⁶⁶ ГАНВВ; Ув. . . Пд нет ⁶⁷ ВВ — послужит ⁶⁸⁻⁶⁸ ГВВ; Ан — своей терпеливости испр. своему терпению; Ув. . . Пд — своему терпению ⁶⁹⁻⁶⁹ ГАНВВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. на свете и стерто ⁷⁰⁻⁷⁰ ГАНВВЧкПд; Ув. . . Рг — его не может; Гш — его не ⁷¹⁻⁷¹ Г; Ан — не преклонится испр. не преклонился; Б. . . Пд — не преклонился; В — он преклонился; Д испр. он не преклонился испр. не преклонился ⁷² ВВ — жалость ⁷³ ЕфКБ нет ⁷⁴ ГАНВВ; Ув. . . Пд нет ⁷⁵ ВВ нет ⁷⁶⁻⁷⁶ ГВВ; Ан — которая была створена испр. створенная; Ув. . . Пд — створенная; Д испр. которая была створена испр. створенная; ⁷⁷ Г. . . Рг; АнПд — середнему ⁷⁸ ГАНВВ; Ув. . . Пд нет ⁷⁹⁻⁷⁹ ГАНВВ; Ув. . . Тх — все возможное (Гш — всевозможное) старание; ЧкЕф. . . Пд — все возможное ⁸⁰⁻⁸⁰ ЕфКБ — ее жениху в данном ⁸¹ ГВВ; Ан. . . Пд — ее; Д испр. своему испр. ее ⁸² ГАНВВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. и и стерто ⁸³ ГВВ; Ан — редко доб.*; а на поле* между и зач.; Ув. . . Пд — редко в крестьянстве ⁸⁴⁻⁸⁴ ГВВ; Ан — но не невозможно испр. но возможно; Ув. . . Тх — невозможно; Еф. . . Пд — но возможно; Д испр. но не невозможно испр. но возможно ⁸⁵ ГВВ; Ан — женихов испр. жениха; Ув. . . Пд — жениха ⁸⁶ ГВВ; Ан — женихом испр. сыном; Ув. . . Пд — сыном ⁸⁷ ВВ — подвенечные; Д испр. подвенечные испр. повенчаные; МиЕфКБ — повенчаные ⁸⁸⁻⁸⁸ ГВВ; Ан — барину своему; Ув. . . Пд — своему господину ⁸⁹ ГЕф; Ан. . . Пд — Взял ⁹⁰ испр.; ГВВ — обещ

Не будучи в силах кричать, она сопротивлялась⁹¹ всеми силами зверскому намерению своего молодого господина. Наконец, превозможенная⁹² всеми тремя, принуждена была уступить силе; и уже сие скaredное чудовище начинал исполнением умышленное, как жених, возвратившись из господского дома, вошел⁹³ на двор и, увидев⁹⁴ одного из господчиков у клетки, ⁹⁵усумнился⁹⁵ о их ⁹⁶злом намерении⁹⁶. Кликнул⁹⁷ отца своего к себе на помощь⁹⁸, быстрее молнии полетел ко клету. Какое зрелище представилось⁹⁹ ему! При его приближении ²⁰⁰они затворили²⁰⁰ клету, но совокупные силы двух братьев немощны были удержать²⁰¹ стремление² разъяренного жениха. Он схватил близлежащий березовой³ кол и, вскоча в клету, ударил вдоль спины хищника своей⁴ невесты. Они было хотели его схватить, но, видя отца женихова, бегущего с колом же на помощь, оставили свою добычу, выскочили из клетки и побежали, но жених, догнав одного из них, ударил его колом по голове и ему⁵ ее проломил. Сии злодеи, желая отместить⁶ свою обиду, пошли прямо к отцу и сказали ему, что ⁷они ходили⁷ по деревне ⁸и встретились⁸ с невестою, ⁹с ней⁹ пошутили, что увидя¹⁰ жених ее начал их бить, будучи вспомоган своим отцем, чему¹¹ в доказательство показывали проломленную у одного из братьев голову. Раздраженный до внутренности сердца болезнию своего рождения, отец воскипел¹² гневом ярости. Немедля велел привести пред себя всех трех злодеев, — ¹³так он называл жениха, невесту и отца женихова¹³. Представшим им пред него, первой вопрос его был о¹⁴ том, кто проломил голову его сыну. Жених в сделанном не отперся¹⁵, рассказав все происшествие¹⁶. — Как ты дерзнул, — говорил старой асессор, — поднять руку на своего¹⁷ господина? А хотя бы он с твоею невестою¹⁸ и¹⁹ ночь переспал накануне твоей²⁰ свадьбы, то ты ²¹бы за то был бы²¹ благодарен. ²²Ты на ней не женился²²; она ²³останется у меня²³ в доме, а вы будете наказаны. — По таком решении жениха велел он сечь кошками немилосердно²⁴, отдав²⁵ его в волю своих сыновей. Побои вытерпел он мужественно и²⁶ неробким духом смотрел, как начали над отцем его то же производить истязание.

⁹¹ *БВЕФКб* — сопротивлялась ⁹² *ЕФКб* — превозможенная силами ⁹³ *ЕфКб* — вышел ⁹⁴ *Ан. . . Пд* — увидя; *Ми* — увидел ⁹⁵⁻⁹⁶ *Ув. . . Вр* — и усумнился ⁹⁶⁻⁹⁶ *Б* — намерении; *В* — злонамерении; *Д испр.* злонамерении *испр.* злом намерении ⁹⁷ *ГКлМи*; *Ан. . . Пд* — Кликнул ⁹⁸ *ГБВ*; *Ан* — помощь *доб* он; *Ув. . . Пд* — помощь, он ⁹⁹ *Г*; *Ан. . . Пд* — представило; *Д* — представилось *испр.* представило ²⁰⁰⁻²⁰⁰ *ГАНБВ*; *Ув. . . Пд* — затворилась; *МиЕФКбРг* — затворилась; *Д* — затворилась *испр.* они затворили ²⁰¹ *ЕФКб* — одержать ² *ГАНКлМиЕф*; *Б. . . Пд* — стремления ³ *ГАНБВ*; *Ув. . . Пд нет*; *Д доб.* березовой и стерто ⁴ *БВМи* — своей ⁵ *ГБВ*; *Ан* — ему зач.; *Ув. . . Пд нет*; *Д доб.* ему и стерто ⁶ *Б* — отместить ⁷⁻⁷ *ГАНБВ*; *Ув. . . Пд* — ходя ⁸⁻⁸ *Г*; *АНБВ* — и встретясь; *Ув. . . Пд* — они встретились ⁹⁻⁹ *ЕФКб* — и с нею ¹⁰ *БВ нет* *ГАНБВ*; *Ув. . . Пд нет*; *Д доб.* чему и стерто ¹² *ЕФКб* — вскипел ¹³⁻¹³ *ВМи* — (так . . . женихова). ¹⁴ *ЕФКб* — в ¹⁵ *Ув. . . Чк* — отрезка; *Тх* — отрезка (?) *испр.* отперся ¹⁶ *ГВ* — все происшествии ¹⁷ *ГАНБВ*; *Ув. . . Пд* — твоего ¹⁸ *Б* — невестой ¹⁹ *ЕФКб нет* ²⁰ *БВЕФКбОл* — твоей; *Д испр.* твоей *испр.* твоея ²¹⁻²¹ *Г*; *Ан* — бы за то был; *БВ* — бы и за то был; *Ув. . . Пд* — ему за то должен быть ²²⁻²² *Г. . . Вр* (*Кл* — женился); *БВ* — что на ней женился; *ЧкТх. . . Пд* — Ты на ней не женишься ²³⁻²³ *ГБВ*; *Ан. . . Пд* — у меня останется ²⁴ *ЕФКб* — немилосердно ²⁵ *УвКл МиВр* — отдал; *Гш* — отдать ²⁶ *ГАНБВ*; *Ув. . . Пд нет*

Но не мог вытерпеть, как он увидел, что невесту господские люди²⁷ хотели вести в ²⁸покой его господина²⁸. Наказание происходило на дворе. В одно мгновение ²⁹он выхватил²⁹ ее из рук ее³⁰ похищающих, и освобожденные побежали оба ³¹двора. Сие видя, барские сыновья перестали сечь старика³², побежали за ними³³. Жених, видя, что они его достигали³⁴, выхватил заборину и стал защищаться. Между тем шум³⁵ привлек других крестьян ко двору господскому. Они, соболезнуя ³⁶о участи³⁶ молодого крестьянина и имея сердце огорченное³⁷ против своих господ, его заступили. Видя сие, г.³⁸ ассессор подбежал³⁹ сам ⁴⁰и начал⁴⁰ их бранить, ⁴¹ударив первого⁴¹ своею тростию⁴² столь сильно ⁴³по голове⁴³, что ⁴⁴упал⁴⁴ бесчувствен⁴⁵ на землю. Сие было сигналом к общему наступлению. Они окружили всех четверых⁴⁶ своих⁴⁷ господ и, коротко ⁴⁸заключу повесть⁴⁸, убили их до смерти на том же месте. ⁴⁹Они столько⁴⁹ ненавидели их⁵⁰, что ⁵¹ни один⁵¹ не захотел миновать, чтобы не быть участником в сем убийстве, как то они сами после признались⁵². В самое то время случилось⁵³ ехать тут исправнику той округи с командою. Он был отчасти⁵⁴ ⁵⁵очевидной свидетель⁵⁵ сему происшествию и⁵⁶, взяв виноватых⁵⁷ под стражу, а виноватых⁵⁸ было⁵⁹ половина деревни, произвел следствие, которое постепенно дошло до уголовной палаты. Дело ⁶⁰выведено было⁶⁰ очень ясно, и виновные во всем признавались⁶¹, в⁶² оправдание свое приводя только мучительские⁶³ поступки своих господ, о которых ⁶⁴вся уже⁶⁴ губерния была известна. Таковому делу я обязан был по долгу моего звания положить окончательное решение — приговорить виновных к смерти и⁶⁵ вместо оной к торговой казни и вечной работе.

²⁷ Г; Ан — дети *испр.* люди; Б. . . Пд — дети; Ми — дочери ²⁸⁻²⁸ Г; Ан — покой его господина *испр.* покой; Б — покой сего господина; В — покой сего господина; Ув. . . Пд — дом; Д — дом *доб.* его . . . и *стерто* ²⁹⁻²⁹ Г Ан БВ; Ув. . . Пд — выхватил он ³⁰ Ув. . . Вр *нет* ³¹ Г. . . Вр; Ан Чк. . . Пд — со ³² Г Ан БВ; Ув. . . Пд — старика и; Д *испр.* старика *доб.* и ³³ Г Ан БВ; Ув. . . Пд — ними (ЕфКБ — ним) в погоню ³⁴ Г; Ан БВ — настигали; Ми — настигают; Ув. . . Пд — настигать начали ³⁵ БВ *нет* ³⁶⁻³⁶ К Ам Ми Вр Тх — об участи; Ув Гш — об участии ³⁷ Г Ан БВ; Ув. . . Пд — озлобленное ³⁸ Г Ан; Б. . . Пд *нет* ³⁹ Гол; Ан. . . Пд — подбежав; ЕфКБ — побежал ⁴⁰⁻⁴⁰ Г; Ан БВ — и начав; Ув. . . Пд — начал ⁴¹⁻⁴¹ Г; Ан БВ — ударил первого; Ув. . . Пд — и первого, кто встретился, ударил ⁴² Г Ан БВ Чк Тх Ол Пд; Ув. . . Рг — тростью ⁴³⁻⁴³ Г Ан БВ; Ув. . . Пд *нет*; Д *доб.* по голове и *стерто* ⁴⁴⁻⁴⁴ Г. . . Пд; Ан — он упал; В — тот упал; Д *испр.* тот (?) упал *испр.* упал ⁴⁵ В — без чувств ⁴⁶ В. . . Вр Тх ЕфКБ — четырех ⁴⁷ Г БВ; Ан. . . Пд *нет*; Д *доб.* своих и *стерто* ⁴⁸⁻⁴⁸ Г Ан; Б. . . Пд — сказать ⁴⁹⁻⁴⁹ Г БВ; Ан — Они столько *испр.* Столько; Ув. . . Пд — Толико ⁵⁰ Г БВ; Ан — их *испр.* они их; Ув. . . Пд — они их ⁵¹⁻⁵¹ Г Ан В; Б — наедине; Ув. . . Пд — ни один ⁵² Г Ан БВ; Ув. . . Пд — признался; Рг — признавался ⁵³ Г В В Е ф К Б; Ан. . . Пд — случилось ⁵⁴ Г Ан БВ; Ув. . . Пд — частью ⁵⁵⁻⁵⁵ Г Ан БВ; Ув. . . Пд — очевидным свидетелем ⁵⁶ Г Ан БВ; Ув. . . Пд *нет*; Д *доб.* и *стерто* ⁵⁷ Г БВ; Ан — виноватых *испр.* виновных; Ув. . . Пд — виновных ⁵⁸ Г БВ; Ан — виноватых *испр.* виновных; Ув. . . Пд — виновных ⁵⁹ Ув. . . Вр — была ⁶⁰⁻⁶⁰ Г БВ; Ан. . . Пд — было выведено ⁶¹ Б В Ми Е ф К Б О л Р г — признался; Д — признался *испр.* признавался ⁶² Б В Ми — во ⁶³ Е ф К Б — мучительные ⁶⁴⁻⁶⁴ Г; Ан. . . Пд — уже ⁶⁵ вся Е ф К Б — а

Рассматривая сие⁶⁶ дело, я не находил⁶⁷ достаточныя и убедительныя⁶⁷ причины к⁶⁸ обвинению преступников. Крестьяне, убившие господина своего, были смертоубийцы. Но смертоубийство сие⁶⁹ не⁷⁰ было⁷⁰ принужденно⁷¹? Не причиною ли ему⁷² сам⁷³ убитой ассессор? Если в арифметике⁷⁴ из двух данных чисел⁷⁵ третье следует непрекословно⁷⁶, то и в сем происшествии следствие было необходимо, и⁷⁷ невинность убийц, для меня по крайней мере, была математическая ясность. Если, идущу мне, нападет⁷⁸ на меня злодей и, вознесши⁷⁹ над главою⁸⁰ мою кинжал, восхочет⁸¹ ⁸²меня им⁸² пронзить⁸³, убийцею ли⁸⁴ почестся я могу⁸⁴, если я⁸⁵ предупреджу его в его злодеянии и без дыхания⁸⁶ его к ногам моим повергну? Если нынешнего веку⁸⁷ скосырь, привлекший⁸⁸ должное на себя презрение, восхочет⁸⁹ его⁹⁰ мне отомстить⁹¹ и, встретя со мною в уединенном месте, вынудя шпагу, сделает на меня нападение, да лишит меня жизни или, по крайней мере, да уязвит⁹² меня, виновен ли я буду, если, извлеки мой меч на защищение⁹³, я избавлю общество от тревожащего спокойствие его⁹⁴ члена? Можно ли почесть деяние оскорбляющим сохранность члена общественного, если я исполню его для моего спасения, если оно⁹⁵ предупредит мою пагубу, если без того благосостояние мое будет плачевно навеки?

Исполнен таковыми мыслями, можешь сам вообразить терзание души моея⁹⁶ при рассмотревании⁹⁷ сего дела. С⁹⁸ обыкновенною откровенностию⁹⁸ сообщил я мои мысли моим сочленам. Все возопили против меня единым гласом. Мягкосердие и человеколюбие почитали они виновным⁹⁹ защищением злодеяний³⁰⁰; называли меня поощрителем убивства; называли меня сообщником губителей³⁰¹. По их мнению, при распространении моих вредных мнений исчезает² домашняя сохранность. Может ли дворянин, говорили они, отныне жить в деревне покойно³? Может ли он видеть веления его исполненными⁴? Если⁵ послушники воли⁵ господина своего, а паче его⁶ убийцы, невинными⁷ признаваемы⁸ будут, то повинование прервется,

⁶⁶ Ув. . . Вр нет ⁶⁷⁻⁶⁷ ГАНБВ; УвКлМи — достаточно убедительной; Гш. . . Пд — достаточной и убедительной ⁶⁸ БВ — ко ⁶⁹ БВ нет
⁷⁰⁻⁷⁰ Г; Ан. . . Пд — было ли; В — было ли сии; В — было ли сие ⁷¹ ЕфКб —
 принужденное ⁷² ГАН; Б. . . Пд — одного ⁷³⁻⁷³ Б — кем сам; УвГшКлВр —
 кем; Ми — кем испр. сам ⁷⁴ испр.; Г — арифметике ⁷⁵ ГВВЕфКБОлРз;
 Ан — чисел испр. числ; Ув. . . Пд — числ ⁷⁶ Б — непрекословенно ⁷⁷ ГАНБВ;
 Ув. . . Пд нет ⁷⁸ Еф — нападет ⁷⁹ ЕфКб — вознесший ⁸⁰ УвГшКлВрТх
 Еф — головою ⁸¹ ГАНЧкОл; Б. . . Пд — восхочет ⁸²⁻⁸² ГАНБВЧкРз; Ув. . .
 Пд — им меня ⁸³ Еф — поразить ⁸⁴⁻⁸⁴ ГВВ; Ан — я почестся могу; Ув. . .
 Пд — я почтуса ⁸⁵ Ув. . . ВрТх нет ⁸⁶ ГВВ; Ан. . . Пд — бездыханного;
 ЕфКбРз — бездыханна ⁸⁷ ГВВ; Ан. . . Пд — века ⁸⁸ ЕфКб — привлещи
⁸⁹ БВМиЕфКбРзПд — восхочет ⁹⁰ ГВВ; Ан — его испр. оное на; Ув. . . Пд —
 оное на ⁹¹ Ув. . . ВрТхЕфКб — отомстить ⁹² испр.; Г — узвит ⁹³ ГАНБВ;
 Ув. . . Пд — защищение мое; Д — защищение доб. мое ⁹⁴ БВ — сего ⁹⁵ ЕфКб —
 он ⁹⁶ Г; Ан. . . Пд — моей ⁹⁷ Г; Ан. . . Пд — рассмотрении ⁹⁸⁻⁹⁸ УвКл
 МиВр — обыкновенностию ⁹⁹ В — виновных ³⁰⁰ БВ — в злодеянии; МиТх
 ОлПд — злодеянии; ЕфКб — злодеяния; Д испр. в злодеянии испр. злодеяний
³⁰¹ ГАН; Б. . . Пд — убийцев ² ГАНБ; В — исчезат; Ув. . . Пд — исчезнет
³ ГАНБВ; Ув. . . Пд — покоен; ЕфКБОл — спокоен ⁴ Г; Ан. . . Пд — исполняемы
⁵⁻⁵ ЕфКб — служники (Кб — слушники) в поле ⁶ БВ нет ⁷ БВ — невинны
⁸ испр.; Г — признаемы

связь домашняя рушится⁹, будет паки хаос, в начальных обществах обитающий. Земледелие умрет,¹⁰ орудия его¹⁰ сокрушатся, земля¹¹ запустеет¹²; бесплодным¹³ ¹⁴злаком порастут нивы¹⁴, поселяне, не имея над¹⁵ собою власти, скитаться будут в лености, тунеядстве и раздутся. Города почувствуют властнодержавную десницу разрушения. ¹⁶Ремесло гражданам будет чуждо¹⁶, рукоделие скончает свое прилежание и рачительность, торговля иссякнет в источнике своем, богатство уступит место¹⁷ смрадной¹⁸ нищете, великолепнейшие здания обветшают, законы затмятся и порастут недействительностию. Тогда¹⁹ огромное сложение общества начнет²⁰ валиться на части и²¹ издыхати во²² отдаленности²³ от целого; тогда престол царский, где ныне опора, крепость и сопряжение общества жиднется²⁴, ²⁵обветшает и сокрушится²⁵; тогда владыка²⁶ народов почтется простым гражданином, и общество узрит свою кончину. Сию достойную адския²⁷ кисти картину тчилися мои сотоварищи²⁸ предлагать взорам²⁹ всех, до кого слух о сем деле доходил. — Председателю нашему, — вещали³⁰, — сродно защищать убивство крестьян ³¹против их господина³¹. Спросите, какого он происхождения, если не ошибаемся, он сам в молодости своей изволил ходить³² за сохой³³. Всегда новостатейные сии дворянчики странные имеют³⁴ о природном над крестьянами дворянском праве понятия³⁵. Если бы от него зависело, он бы, думаем³⁶, всех нас поверстал³⁷ в однодворцы, дабы тем уравнять с нами свое происхождение. — Такими-то словами мнили сотоварищи мои оскорблять³⁸ меня и ненавистным сделать всему обществу. Но сим не довольствовались³⁹. Говорили, что я приял⁴⁰ мзду от жены убитого асессора, да не лишится она крестьян своих⁴¹ ⁴²отсылкою их⁴² в работу, и что сия-то истинная ⁴³причина была⁴³ странным и вредным моим мнениям⁴⁴, право ⁴⁵дворянства всего⁴⁵ вообще оскорбляющим. — Несмысленные, думали, что посмеяние их меня уязвит,

⁹ В — рушится и; ЕфКб — решится ¹⁰⁻¹⁰ Ан — орудия доб. одного ¹¹ Ган; ВВ — нивы; Ув. . . Пд — нива; Д испр. нивы испр. нива ¹² Г. . . Пд; Б — запустеют; В — опустеют; Д испр. запустеют испр. запустеет ¹³ Ган; Б. . . Пд — и бесплодным ¹⁴⁻¹⁴ Ган; В — порастут злаком; Б. . . Пд — порастет злаком; Д испр. порастут злаком испр. порастет злаком ¹⁵ Ув. . . ВрТх — за ¹⁶⁻¹⁶ Г; Ан — Ремесло будет гражданам чуждо испр. Чуждо будет гражданам ремесло; ВВ — Ремесло будет гражданам (В — гражданином) чуждо; Ув. . . Пд — Чуждо будет гражданам ремесло ¹⁷ ЕфКб нет ¹⁸ Г; Ан. . . Пд — скаредной; ВВ нет ¹⁹ ВВ — Тогда-то; Д — Тогда доб. -то и стерто ²⁰ испр.; Г — начнется ²¹ ЕфКбОл нет ²² Г; Ан. . . Пд — в ²³ УвГшКлВрТх — отдаленности ²⁴ ГанВВ; Ув. . . Пд — жиднутся ²⁵⁻²⁵ испр.; Г — обветшают и сокрушатся; ЕфКб — обветшают и сокрушатся ²⁶ ГанВЧкЕф. . . Пд; Б. . . Тх — Владыка ²⁷ КлЕфКБОл — адской ²⁸ Еф — товарищи ²⁹ УвГшВрТх — взором ³⁰ Г; Ан — вещали доб. они; Б. . . Пд — вещали они ³¹⁻³¹ ГанВВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. против их господина и стерто ³² Гш — ходити ³³ ГанВВ; Ув. . . Пд — сохую ³⁴ Г; Ан — имеют доб. понятия; Б. . . Пд — имеют понятия ³⁵ Г; Ан — понятия зач.; Б. . . Пд нет ³⁶ ЕфКб — думал ³⁷ ЕфКб — поверстать ³⁸ Ган; Б. . . Пд — оскорбить ³⁹ Г; Ан — довольствовались испр. удовольствовались; Б. . . Пд — удовольствовались; ЕфКб — удовольствовались ⁴⁰ ЕфКбРг — приял ⁴¹ ВВ — его; Д испр. его испр. ⁴²⁻⁴² ВВ — их отсылкою ⁴³⁻⁴³ ГанВВ; Ув. . . Пд — была причина ⁴⁴ ВВ — мнением ⁴⁵⁻⁴⁵ ГВВ; Ан — дворянства всего испр. всего дворянства; Ув. . . Пд — всего дворянства; Д испр. дворянства всего испр. всего дворянства

что клевета поругает, что лживое представление доброго намерения от него меня отвлечет. Сердце мое им⁴⁶ было неизвестно, и⁴⁷ не знали они, что нетрепетен всегда предстоял⁴⁸ собственному своему⁴⁹ суду, что ланить⁵⁰ мои⁵¹ не рдели багровым румянцем от⁵² совести. Мздоимство мое основывали⁵³ они на том, что ассессорша за мужнину смерть мстить не желала, а, сопровождаема своею корыстию⁵⁴, следуя правилам своего мужа, желала крестьян избавить⁵⁵ наказания, дабы не лишиться своего имения, как то она говорила. С таковою просьбою она приезжала и ко мне, ⁵⁶и я с ней⁵⁶ на прощение убийства⁵⁷ ее мужа⁵⁸ был согласен, но разнствовали⁵⁹ мы в побуждениях. Она уверяла⁶⁰, что сама довольно их накажет, а я уверял⁶¹ ее⁶², что, оправдывая убийц⁶³ ее мужа, ⁶⁴надлежало их не⁶⁴ подвергать более толикой⁶⁵ крайности, ⁶⁶чтобы впредь быть⁶⁶ злодеями, как то их называли несвойственно.⁶⁷ — Скоро наместник ⁶⁸известен стал⁶⁸ по сему делу мнению, ⁶⁹известен стал⁶⁹, что я старался преклонить сотоварищей⁷⁰ моих на мои мысли и что они начинали⁷¹ колебаться в своих рассуждениях; к чему, однако же⁷², не твердость и убедительность моих доводов способствовала⁷³, но деньги госпожи⁷⁴ ассессорши. Будучи сам воспитан в правилах неоспоримой над крестьянами власти, с моими рассуждениями он не мог быть согласен и вознегодовал, усмотрев⁷⁵, что они начинали⁷⁶ в рассуждении⁷⁷ сего дела преимуществовать, ⁷⁸различных ради хотя⁷⁸ причин. Посылает он за моими сочленами, увещевает их, представляет грешность таких мнений, что они оскорбительны для верховной власти, нарушают ее законоположения⁷⁹; обещает⁸⁰ награждение исполняющим закон, претя мучением⁸¹ ⁸²оному неповинующимся⁸²; и скоро ⁸³слабых сих⁸³ судей, не имеющих ни правил в размышлениях, ⁸⁴ни твердости в решениях⁸⁴, ни крепости⁸⁵ духа, преклоняет на прежние

⁴⁶ БВ — мне ⁴⁷ ГАНБВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. и и стерто ⁴⁸ ГАНБВ; Ув. . . Пд — предстою ⁴⁹ ГВВ; Ан — своему испр. моему; Ув. . . Пд — моему; Д испр. своему испр. моему ⁵⁰ Ол — ланиды ⁵¹ ЕфКБ нет ⁵² Г; Ан — от зач.; БВ — в; Ув. . . Пд нет ⁵³ ГВВ; Ан. . . Пд — основали ⁵⁴ ГАН; Б. . . Пд — корыстию и ⁵⁵ ГАН; Б. . . Пд — избавить от ⁵⁶⁻⁵⁶ Г; БВ — и я с нею; Ан — и с ней испр. я с ней; Ув. . . Пд нет; Д доб. и я с нею и стерто ⁵⁷ АНБВ; Г — убийство; Ув. . . Пд — за убийство; Ми — крестьян за убийство ⁵⁸ ГАНБВ; Ув. . . Пд — мужа я с ней; Д испр. мужа я с ней ⁵⁹ В — разнствовали ⁶⁰ ГАНБВ; УвКлВрТх — уверила меня; ГшМиЧк. . . Пд — уверяла меня ⁶¹ Ув — уверил ⁶² Ув. . . ВрТх нет ⁶³ Г; Ан. . . Пд — убийцев ⁶⁴⁻⁶⁴ ГВВ; Ан. . . Пд — не надлежало их ⁶⁵ Г; Ан — толикой испр. той же; Б. . . Пд — той же; ЕфКБ — этой же ⁶⁶⁻⁶⁶ ГАНБВ; Ув. . . Пд — дабы паки не были ⁶⁷ ЕфКБ — невинственно ⁶⁸⁻⁶⁸ Еф — стал известен ⁶⁹⁻⁶⁹ ГВВРг; АнЧкТх Пд — известен; Ув. . . Вр нет ⁷⁰ Ан — товарищей испр. сотоварищей; Б — товарищей ⁷¹ БД — начали ⁷² ЕфКБ — ж ⁷³ ГВВКл; Ан. . . Пд — способствовали ⁷⁴ Г; Ан — г.; БВ — гж.; Ув. . . Пд нет; Д доб. гж. и стерто ⁷⁵ В — усмотрел; ЕфКБ — осмотрев ⁷⁶ ЕфКБРг — начали ⁷⁷ Г. . . Рг; АнЧкТхПд — суждени; Д — рассуждени испр. суждени ⁷⁸⁻⁷⁸ ГАНБВ; Ув. . . Пд — хотя ради различных ⁷⁹ БВ — законоположении; УвТхЕфКБРг — законоположение ⁸⁰ ГАН; БВГш — обещает; Ув. . . Пд — обещает ⁸¹ Г; Ан — мучением испр. мщением; Б. . . Пд — мщением ⁸²⁻⁸² ГВВ (В — неповинующихся); Ан — оному неповинующимся испр. неповинующимся оному; Ув. . . Пд — неповинующимся (ЕфКБ — неповинующемуся) оному ⁸³⁻⁸³ ГВВ; Ан. . . Пд — сих слабых ⁸⁴⁻⁸⁴ ГВВ; Ан. . . Пд нет; Д доб. ни твердости в решениях и стерто ⁸⁵ БВ — кротости; Д — крепости испр. кротости

их мнении. Не удивился я, увидев в них перемену, ибо не удивился⁸⁶ и прежде в них воспоследовавшей. Сродно хвилым⁸⁷, робким и подлым душам содрогаться от угрозы власти и радоваться ее⁸⁸ приветствию.

Наместник наш, превратив⁸⁹ мнение⁹⁰ моих сотоварищей, вознамерился и ласкал себя, может быть, превратить и мое. Для сего намерения позвал меня к себе поутру в случившийся тогда праздник. Он принужден был меня позвать, ибо я не хаживал никогда на сии безрассудные покло-нения⁹¹, которые гордость почитает в подчиненных должностию, леств⁹² нужными, а мудрец мерзительными и человечеству поносными. Он избрал нарочно день торжественной, когда⁹³ у него много⁹³ людей было в собра-нии; избрал⁹⁴ нарочно для слова своего публичное собрание, надеялся⁹⁵, что тем рачительнее⁹⁶ убедит меня. Он надеялся⁹⁷ найти во мне или боязнь души, или слабость мыслей. Против того и другого устремил он свое слово. Но я за нужное не нахожу пересказывать здесь все то, чем надменность, ощущение власти и предубеждение⁹⁸ к своему проницанию и учености одушевляло его витийство. Надменности его ответственал⁹⁹ равнодушием и спокойствием, власти — непоколебимостию⁴⁰⁰, ⁴⁰¹доводами доводам¹ и долго говорил хладнокровно. Но², наконец, содрогшееся сердце³ разлило свое избыточество. Чем больше видел я угождение⁴ в предстоящих, тем порывистее становился мой язык. Незыблемым гласом⁵ и звонким произношением возопил⁶ сице: — Человек родится в мир⁷ равен во всем дру-гому. ⁸Все одинаковые имеют⁹ члены⁸, все имеют¹⁰ разум и волю. Следо-вательно¹¹, человек без отношения к обществу есть существо, ни от кого не зависящее в своих деяниях. Но он кладет оным преграду, согласуется не¹² во всем¹² своей единой повиноваться воле, становится послушным¹³ велениям¹⁴ себе подобного, — словом, становится гражданином. ¹⁵Но ка-кая¹⁵ ради вины обуздывает он свои хотении, почто поставляет над собою власть, почто, беспределен в исполнении своей воли, послушания чертою оную¹⁶ ограничивает? ¹⁷Для своей пользы, — скажет рассудок¹⁷; для своей пользы, — скажет внутреннее чувствование; для своей пользы, —

⁸⁶ Г; Ан. . . Пд — дивился; ⁸⁷ АнТхОлПд; Г — хвалить; Б. . . Чк — хилым; Д — хилым испр. хвилым; ЕфКб — слабым; Рг — хилым (злым) ⁸⁸ В нет
⁸⁹ ЕфКбРг — превратил ⁹⁰ Г; Ан. . . Пд — мнения ⁹¹ УвГшКлВр — поколе-
ния ⁹² ЕфКб — лстить ⁹³⁻⁹³ ЕфКб — много у него ⁹⁴ ЕфКб — и собрал
⁹⁵ Г; Ан. . . Пд — надеяся; ЕфКбОл — надеяся ⁹⁶ ГВВ; Ан — рачительнее испр.
разительнее; Ув. . . Пд — разительнее ⁹⁷ УвГшВрЧкТх — надеяся ⁹⁸ ЕфКб —
предупреждение ⁹⁹ ГВВ; Ан — ответственал доб. я; Ув. . . Пд — ответственал я
⁴⁰⁰⁻⁴⁰⁰ испр.; Г — непоколебимость
⁴⁰¹⁻¹ Г; Ан. . . Пд — доводам доводами; МиЕфКб — доводами ² Ув. . . Вр
нет ³ Ан — сердце мое испр. сердце ⁴ ГВ; Вол — угождени; Ан. . . Вр —
угождени; ЧкТх — угожений; ЕфКбРгПд — угождени ⁵ ЕфКб — го-
лосом ⁶ Г; Ан — возопил доб. я наконец; Б. . . Пд — возопил я наконец
⁷ ЕфКб — мире ⁸⁻⁸ ВВ нет ⁹ ГДЕфКб; Ан. . . Пд — имеем ¹⁰ ГВВЕфКб;
Ан. . . Пд — имеем; Д испр. имеют испр. имеем ¹¹ ГРг; Ан. . . Пд — Следственно
¹²⁻¹² испр.; Г — совсем ¹³ ГАНЕфКбОлРг; Б. . . Пд — послушен ¹⁴В — пове-
лениям ¹⁵⁻¹⁵ ГВВ; Ан — Но какая испр. Какая же; Ув. . . Пд — Какая же;
Д испр. Но какая испр. Какая же ¹⁶ Ан. . . Пд; ГВВД — оную ¹⁷⁻¹⁷ ВВМиЕф
нет; Д испр. по ВВ и вновь вписано Для своей пользы, — скажет рассудок

скажет мудрое законоположение. ¹⁸Следственно, где ¹⁸нет его пользы быть гражданином, там он и не гражданин. Следовательно ¹⁹, тот, кто восхочет его лишит пользы гражданского звания ²⁰, есть его враг. Против врага своего он ²¹защиту и мщение ²¹ ²²просит у власти закона ²². Если закон или не в силах его защитить ²³, или того ²⁴не хочет ²⁴, или власть его не может мгновенное в ²⁵предстоящей беде дать вспоможение ²⁶, тогда пользуется гражданин природным правом защищения ²⁷, сохранности, благосостояния, ²⁸вверенным ²⁹ от него общественной власти ²⁸. Ибо гражданин, становясь ³⁰ гражданином, не престаёт ³¹ быть человеком, коего ³²первой закон ³² есть собственная его ³³ сохранность, ³⁴защита ³⁵, благосостояние ³⁴. Убиенной крестьянами своими ³⁶ асессор нарушил ³⁷ в них право гражданина своим зверством. В то мгновение, когда он потакал насилию своих сыновей, когда он к болезни сердечной супругов присовокуплял поругание, когда на казнь подвигался, видя сопротивление его ³⁸ адскому ³⁹ властвованию, — тогда ⁴⁰ закон, стрегущий гражданина, был в отдаленности, и власть его ⁴¹была ⁴¹ неощутительна; тогда возрождался закон природы, и власть обиженного гражданина, ⁴²неотъемлемая законом положительным ⁴² в ⁴³его обиде ⁴³, приходила ⁴⁴ в действительность; ⁴⁵и крестьяне ⁴⁵, убившие зверского асессора, в законе обвинения не имеют. Сердце мое их ⁴⁶оправдает, опираясь ⁴⁶ на доводах рассудка, и смерть асессора ⁴⁷, хотя насильственная ⁴⁸, есть правильна. Да не возмнит ⁴⁹ кто-либо искать в благоразумии политики, в общественной тишине довода ⁵⁰ к осуждению ⁵¹ на казнь убийц ⁵² в ⁵³ злобе дух испутившего асессора. Гражданин, в каком бы состоянии небо родиться ⁵⁴ ему ни судило, есть и пребудет всегда человек; и ⁵⁵ доколе он человек, право природы ⁵⁶яко обильный ⁵⁶ источник благ ⁵⁷, в нем не иссякнет никогда. И тот, кто дерзнет его уязвить в его природной и ненарушимой собственности, тот есть

¹⁸⁻¹⁸ *ЕфКБ* — Следовательно ¹⁹ *ГБВЕфКБ*; *Ан. . . Пд* — Следственно ²⁰ *Ан* — права *зач. и доб.* звания ²¹⁻²¹ *ГБВ*; *АнЧкТх. . . Пд* — защиты и мщения; *Ув. . . Вр* — защиты и лишения; *Д испр.* защиты и мщения ²²⁻²² *ГБВ*; *Ан* — просит у власти закона *испр.* ищет в (не завершено); *Ув. . . Пд* — ищет в законе; *Д испр* ищет в законе ²³ *ГБВДРг*; *Ан. . . Пд* — заступит ²⁴⁻²⁴ *Г*; *Ан. . . Пд* — не хочет; *БВ* — захочет ²⁵ *Ув. . . Вр* нет; *Рг* — к ²⁶ *Г*; *Ан. . . Пд* — вспоможение ²⁷ *Ув. . . Вр* — защищается ²⁸⁻²⁸ *ГАНБВ*; *Ув. . . Пд* нет; *Д доб.* вверенном (?) от него общественной власти и *стерто* ²⁹ *Ан*; *ГБВ* — вверенном ³⁰ *ЕфКБОл* — становясь ³¹ *Г. . . Ол*; *АнЧкТхРгПд* — перестает ³²⁻³² *ГАНБВ*; *Ув. . . Пд* — первая обязанность, из сложения его происходящая; *Д испр.* первой закон *испр.* первая обязанность, из сложения его происходящая ³³ *ГБВ*; *Ан. . . Пд* нет ³⁴⁻³⁴ *Ув. . . ВрЕфКБ* — защита благосостояния ³⁵ *БВ* — защита и; *Д* — защита *доб. и и стерто* ³⁶ *ГБВ*; *Ан. . . Пд* нет; *Д доб.* своими и *стерто* ³⁷ *Б* — нарушал ³⁸ *ГАНБВ*; *Ув. . . Пд* — своему ³⁹ *МиЕф* нет ⁴⁰ *БВ* — когда ⁴¹⁻⁴¹ *ГБВ*; *Ан. . . Пд* — тогда была; *УвГшКлВр* — была тогда ⁴²⁻⁴² *испр.*; *Г* — неотъемленного законом положенным ⁴³⁻⁴³ *ГБВ*; *Ан. . . Пд* — обиде его ⁴⁴ *испр.*; *ГУвКлВр* — приходили ⁴⁵⁻⁴⁵ *Ув. . . Вр* нет ⁴⁶⁻⁴⁶ *Г. . . Пд*; *Ан* — оправдывает, опираясь; *Б* — оправдает, опиралось; *В* — оправдает, но опиралось; *Д* — оправдывает, опираясь ⁴⁷ *ГБВ*; *Ан. . . Пд* — асессора ⁴⁸ *ЕфКБ* — насильственна ⁴⁹ *Ув. . . Вр* — возмнут; *Ми* — возмут ⁵⁰ *Ан* — искать довода *испр.* довода ⁵¹ *ВЕфКБ* — суждению ⁵² *ГБВ*; *Ан. . . Пд* — убийцев ⁵³ *ЕФКБ* — во ⁵⁴ *Б* — родиться ⁵⁵ *ГБВМи*; *Ан. . . Пд* — а ⁵⁶⁻⁵⁶ *ЕфКБ* — изобильный ⁵⁷ *Б* — биар; *В* — (биар)

преступник. Горе ему, если закон гражданский⁵⁸ не накажет. Он замечен будет чертою мерзкою⁵⁹ ⁶⁰в⁶¹ своих согражданах⁶⁰, и всяк,⁶² довольно имеяй⁶² сил, да отмстит на нем обиду, ⁶³им соделанную⁶³. — Умолк. Наместник не отве чал⁶⁴ мне ни слова; изредка подымал⁶⁵ на меня поникшие⁶⁶ свои⁶⁷ взоры, где⁶⁸ ярость бессилия и ⁶⁹мести злоба⁶⁹ господствовали⁷⁰. Все молчали во⁷¹ ожидании, что, яко⁷² оскорбитель всех прав, я⁷³ взят буду под стражу. Изредка из уст раболепия слышалось журчание негодования. Все ⁷⁴от меня отвращали⁷⁴ очи⁷⁵. Казалось, что близстоящих меня объял ужас. Неприметно удалялись⁷⁶ ⁷⁷от меня⁷⁷, как от зараженного смертоносною язвою. Наскучив зрелищем толикого смещения гордыни⁷⁸ с нижайшею подлостью, удалился⁷⁹ сего собрания льстецов⁸⁰.

Не нашед способ⁸¹ спасти невинных убийц, в сердце моем оправданных, я не хотел быть ни сообщником в⁸² их казни, ниже оной свидетелем. Подал прошение ⁸³о моей⁸³ отставке и, получив ее, еду теперь оплакивать плачевную⁸⁴ судьбу крестьянского состояния и услаждать мою скуку обхождением с друзьями⁸⁵. — Сказав сие, мы расстались⁸⁶ и поехали⁸⁷ всяк во⁸⁸ свою сторону.

КРЕСТЦЫ ¹

В Крестцах² ³был я³ свидетелем расставанья⁴ у⁵ отца с детьми, которое меня тем чувствительнее тронуло, что я и⁶ сам отец и скоро, может быть, ⁷сам с детьми своими⁷ расставаться буду. Несчастной предрассудок дворянского звания велит им⁸ идти в службу. — ⁹В службу⁹. Одно название сие приводит всю кровь в необычайное движение. Сто¹⁰ против одного держать можно, что изо¹¹ ста дворянчиков, вступающих в службу, ⁹⁸станоятся повесами, а два под старость¹² или, правильнее¹² сказать, два

⁵⁸ Г; Ан. . . Пд — гражданский его ⁵⁹ Г; БВ — мерзости; Ан. . . Пд — мерзения ⁶⁰⁻⁶⁰ Ми — своих сограждан; ЕфКб — во своих гражданах ⁶¹ БВЕфКб — во ⁶²⁻⁶² Г; Ан. . . Пд — имеяй довольно; ЕфКб — имеет довольно ⁶³⁻⁶³ БВ — сделанную; ЕфКб — им сделанную ⁶⁴ ГВВ; Ан. . . Пд — говорил ⁶⁵ Еф — поднимал ⁶⁶ Ув. . . Вр — проникшие ⁶⁷ ГВВ; Ан. . . Пд нет ⁶⁸ ГАНБВ; Ув. . . Пд — где господствовала ⁶⁹⁻⁶⁹ Б — мести злобы; В — мечь злобы; Ми — мести злобы испр. мечь злобы ⁷⁰ ГАНБВ; Ув. . . Пд нет ⁷¹ ГВВГшМиЕфКб; Ан. . . Пд — в; Д — во испр. в ⁷² ГАНБВ; Ув. . . Пд нет ⁷³ Ан нет ⁷⁴⁻⁷⁴ ГВВ; Ан — Все от меня отвращали от меня испр. Все отвращали; Ув. . . Пд — Все отвращали от меня ⁷⁵ Г; Ан. . . Пд — свои очи ⁷⁶ АНБВ; Г — удалялся; Ув. . . Пд — удалился; Еф — удалялся; Кб — удаляя ⁷⁷⁻⁷⁷ БВ; Г — он меня; Ан — от меня зач.; Ув. . . Пд — они ⁷⁸ Еф Кб — гордыне ⁷⁹ ГАН; БВ — я удалился; Ув. . . Пд — я удалился из ⁸⁰ Ми — льстецов, — я вышел. ⁸¹ Кл — способ ⁸² ЕфКб нет ⁸³⁻⁸³ ГАНБВ; Ув. . . Пд — об ⁸⁴ БВ нет ⁸⁵ ЕфКб — другими ⁸⁶ ГАНБВ; Ув. . . Пд — расстались ⁸⁷ Еф — поехал ⁸⁸ ГБ; Ан. . . Пд — в ¹ Е. . . Рг; ТхОлПд — Крестьяцы ² Е. . . Пд; ТхОл — Крестьяцах ³⁻³ Ж — я был ⁴ ЕЖБ; АнВЕфРг — расставания; Ув. . . Пд — расстания ⁵ Е нет ⁶ ЕЖАНБВ; Ув. . . Пд нет ⁷⁻⁷ ЕЖБВ; Ан — сам с детьми испр. с детьми; Ув. . . Пд — с детьми; Д испр. сам с детьми своими испр. с детьми ⁸ ЕфКб нет ⁹⁻⁹ ЕЖАНБВ; Ув. . . Пд нет ¹⁰ ЕЖБВ; Ан — Сто испр. Тысячу; Ув. . . Пд — Тысячу ¹¹ Еф Рг — из ¹² Ми — лучше

в¹³ дряхлые их, ¹⁵хотя в¹⁶ нестарые лета^{15, 14} становятся добрыми людьми. Прочие происходят в чины, расточают или наживают имяне ¹⁷и проч. и проч.¹⁷ — Смотря иногда на ¹⁸моего большого¹⁸ сына и размышляя, что он скоро взойдет¹⁹ в службу, или, другими сказать словами, что²⁰ птичка вылетит из клетки, то²¹ у меня волосы дыбом становятся. Не для того, чтобы служба сама по себе, ²²то есть²³ исполнение возложенного²², развращала нравы; но для того, что²⁴ со зрелыми²⁵ нравами²⁶ надлежало начинать службу. — Иной скажет: а кто таких²⁷ молокососов толкает в шею? — Кто?²⁸ Штаб-офицер 17 лет, полковник 20-летний, генерал 20-летний²⁹, камергер³⁰, сенатор, наместник, начальник войск. . . И какому отцу не захочется, чтобы ³¹на его милом дитятке не было повешано³² шелковых лоскутков³¹? — Смотря на сына моего, представляется мне: он начал служить, познакомился с вертопрахами, распутными игроками, щеголями, ³³забыл он меня и букварь свой³³, выучился³⁴ чистенько наряжаться, играть в карты ³⁵на чужие деньги и³⁶ картами доставать свое³⁶ прокормление³⁷, говорить обо всем³⁸ или³⁹ врать чепуху барыням, ⁴⁰а букварь свой, повторяю⁴¹, забыл⁴⁰. Каким-то⁴² образом фортуна, вертятся⁴³ на курьей⁴⁴ ножке⁴⁵, приголубила его, и сынок мой, не брея еще бороды, ⁴⁶через гвардейскую службу, или адъютантство, или бог весть как, начал ездить в шесть лошадей, уже ⁴⁶возмечтал, ⁴⁷что знатной он барин⁴⁷, что умнее всех на свете. Чего доброго ждать⁴⁸ от такого полководца ⁴⁹или градоначальника⁴⁹? — Скажи⁵⁰ ⁵¹по истине⁵¹,

¹³ *МиЕфКБ* *Ол* нет ¹⁴ *ЕфКб* — дряхлее их, хотя нестарых лет ^{15–15} *Е* — лета, хотя нестарые ¹⁶ *ЖБВ*; *Ан* — и *зач.*; *Ув.* . . *Пд* нет; *Д* *доб.* в ^{17–17} *Ан*; *Ж* — и проч. и проч.; *Е* — и прочие и пр. и пр.; *ВВ* — и прочая и про. и про.; *УвГшКлВр* — и прочее. . . ; *МиЧкТх.* . . *Пд* — и проч. . . ; *Кб* — и пр. — ^{18–18} *ЕЖБВ*; *Ан.* . . *Пд* — большого моего ¹⁹ *ЕУвГшКлМиВр*; *Ж.* . . *Пд* — войдет ²⁰ *ЕфКб* — что как ²¹ *ЕЖБВ*; *Ан* — то *зач.*; *Ув.* . . *Пд* нет; *Д* *доб.* то и *стерто* ^{22–22} *ЕЖБВ*; *Ан* — то есть исполнение возложенного *зач.*; *Ув.* . . *Пд* нет; *Д* *доб.* то есть исполнение возложенного и *стерто* ²³ *Ж* — т. е. ²⁴ *ЖАнБВ*; *Е.* . . *Пд* — что бы; *Д* *испр.* что *испр.* что бы ²⁵ *АнБВ* — зрелыми бы; *Д* *доб.* бы и *стерто* ²⁶ *Ми* — летами и нравами ²⁷ *Е* — таки ²⁸ *ЕЖ*; *Б.* . . *Пд* — Кто? Пример общий ²⁹ *ВВ* — 25 летний; *ЕфКб* — 25-ти летний; *Д* *испр.* двадцатипятилетний *испр.* двадцати летний ³⁰ *Ув.* . . *Вр* — камеркс; *Кл* — камерс ^{31–31} *ЕЖБВ*; *Ув.* . . *Пд* — дети его, хотя в малолетстве, были в знатных чинах, за которыми идут вслед богатство, честь и разум; *Д* *испр.* на его милом дитятке . . . лоскутков *испр.* дети его . . . разум ³² *Ж*; *Е* — обвешано; *ВВ* — ове- шенных ^{33–33} *ЕЖБВ*; *Ув.* . . *Пд* нет; *Д* *доб.* забыл он меня и букварь свой и *стерто* ³⁴ *Ж* нет ^{35–35} *ЕЖБВ*; *Ув.* . . *Пд* нет; *Д* *доб.* на чужие деньги и и *стерто* ³⁶ *ЕЖБВ*; *Ув.* . . *Пд* нет; *Д* *доб.* свое и *зач.* ³⁷ *ВВ* — пропитание ³⁸ *ЕЖ*; *ВВД* — всем и ничего не стыдятся (*В* — смысла), таскаться по девкам; *Ув.* . . *Пд* — всем ничего не смысла (*ГшЧкТхОлПд* — мысль), таскаться по девкам ³⁹ *ВВ* — иль ^{40–40} *ЕЖБВ*; *Ув.* . . *Пд* нет; *Д* *доб.* а букварь свой, повторяю, забыл и *стерто* ⁴¹ *ВВ*; *Ж* — повторяю; *Е* нет ⁴² *УвКлМиВрЧкТх* — Таким-то ⁴³ *ЖБВ*; *Е* — вертится; *Ув.* . . *Пд* — вертятся ⁴⁴ *ЕфКб* — куриной ⁴⁵ *ВВ* — ношке; *Д* *испр.* ношке *испр.* ношке ^{46–46} *ЕЖБВ*; *Ув.* . . *Пд* — стал знатным боярином; *Д* *испр.* чрез гвардейскую . . . уже и *испр.* стал знатным боярином ^{47–47} *ЕЖБВ*; *Ув.* . . *Пд* — он о себе; *Д* *испр.* что знатной он барин *испр.* он о себе ⁴⁸ *ЕЖБВ*; *Ув.* . . *Жд* — ожидать ^{49–49} *В* нет ⁵⁰ *Е* — Скажи, о человек? Скажи ^{51–51} *ВВ* нет

отец чадолюбивый! Скажи, о истинной гражданин! ⁵²Скажи, о человек!⁵² Не захочется ль⁵³ тебе сына⁵⁴ твоего ⁵⁵удавить, не пуская⁵⁵ в службу? Не больно ль⁵⁶ сердцу твоему, что сынок твой, знатной барин⁵⁷, презирает заслуги и достоинство⁵⁸, для того что их участь пресмыкаться⁵⁹ в стезе чинов, пронырства гнущаться⁶⁰? Не возрыдаешь ли ты, что сынок твой любезной с приятно улыбкою отымать⁶¹ будет имение, честь⁶², отравлять⁶³ и резать людей не своими всегда барскими⁶⁴ ручками⁶⁵, но посредством⁶⁶ лап своих раболепцов^{67 68}и, отходя от века сего, даст в наследие внукам твоим село, зовомое село Крови. . . Но послушаем крестичкого⁶⁹ дворянина⁶⁸.

Крестичкой⁷⁰ дворянин, ⁷¹казалось мне, был⁷¹ лет пятидесяти, редкие седины едва пробивались сквозь светло-русые власы⁷² главы его. ⁷³Правильные черты лица его⁷³ знаменовали⁷⁴ души его спокойствие, страстям неприступное. Нежная улыбка безмятежного удовольствия, незлобием рождаемого, изрыла⁷⁵ ланиты его ямками⁷⁶, в женщинах⁷⁷ столь прельщающими; взоры его, когда я вошел в ту комнату, где он сидел, были устремлены на двух его сыновей. Очи его, очи благорастворенного рассудка, ⁷⁸казалось, подернуты были⁷⁸ легкою пленною печали; но искры⁷⁹ твердости и упования пролетали оную быстротечно. Пред ним стояли два юноша⁸⁰, ⁸¹его сыны⁸¹, возраста почти равного, единым годом во времени⁸² рождения, но не в шестии разума и сердца они разнились⁸³ между собою. Ибо горячность родителя ускоряла⁸⁴ ⁸⁵в⁸⁶ младшем развержение⁸⁷ ума, а любовь братня умеряла⁸⁵ ⁸⁸успех в науках⁸⁸ во ⁸⁹старшем. ⁹⁰Понятия о вещах были в них равные⁹⁰, правила жизни знали они равно, но остроту⁹¹ разума и движения⁹² сердца природа ⁹³насадила в них⁹³ различно. В⁹⁴ старшем взоры были тверды, черты лица незыбки, являли

⁵²⁻⁵³ ЖБВ; Е. . . Пд нет ⁵³ ЖБВ; Ув. . . Пд — ли; Е нет ⁵⁴ ЕЖЧк. . . Пд; Б. . . Вр — сына ⁵⁵⁻⁵⁶ ЕЖ; Б. . . Пд — лучше удавить, нежели отпустить (В — допустить) ⁵⁶ ЕЖ; Б. . . Пд — ли ⁵⁷ ЕЖБВМи; Ув. . . Пд — боярин ⁵⁸ ЖБВ; Е. . . Пд — достоинства ⁵⁹ БВДМиЕфКб — пресмыкается ⁶⁰ Ж; Е — гнушается испр. гнущается; БВ — гнушается; Ув. . . Пд — гнушаяся ⁶¹ ЕЖ; Б. . . Пд — отнимать ⁶² Б. . . Пд; ЕЖ — есть ⁶³ ЕфКб — отправлять ⁶⁴ ЕЖБВ; Ув. . . Пд — боярскими ⁶⁵ ЕЖ; Б. . . Пд — руками ⁶⁶ Е — прожорством ⁶⁷ ЖБВ; Е — раболепных; Ув. . . Пд — любимцев ⁶⁸⁻⁶⁹ ЕЖБВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. и отходя от века . . . дворянина и стерто ⁶⁹ Ж; ЕВВ — крестецкого ⁷⁰ Ж. . . Пд; ЕВВМиЕфКб — Крестецкой ⁷¹⁻⁷² БВЕфКбОл — казался мне; Кд — казался мне был ⁷² ЕфКбОл — волосы ⁷³⁻⁷⁴ БВ нет ⁷⁴ ЕфКб — ознаменовывали ⁷⁵ Ув. . . Пд; ЖБВ — изрыли; Ан — изрыли испр. изрыла; Е — изрыла испр. изрыло ⁷⁶ Е — ямами ⁷⁷ Е — женщине ⁷⁸⁻⁷⁹ ЕЖБВ; Ан — казались подернуты были испр. казались подернуты; Ув. . . Пд — казались (Ми — казались) подернуты ⁷⁹ ЕфКб — искра ⁸⁰ ЖУвКлМиВр; Е. . . Пд — юноши ⁸¹⁻⁸² ЕЖБВ; Ан — его сыны зач.; Ув. . . Пд нет; Д доб. его сыны и стерто ⁸² БВ — время ⁸³ Б — разнились; В — разинствовали; УвВр — ранствовали ⁸⁴ УвКлМиВр — укоряла; Гш — укорила; Ол — ускорила ⁸⁵⁻⁸⁶ БВ нет; Д стерто во младшем. . . умеряла и снова написано ⁸⁶ ЕЖЕф; Ан. . . Пд — во ⁸⁷ Ж — развержения ⁸⁸⁻⁸⁹ Еф — в науках успех ⁸⁹ Ув. . . ВрТх — в ⁹⁰⁻⁹⁰ БВ — Понятие о вещах было в них равное ⁹¹ Ж; Е. . . Пд — острота ⁹² БВРг — движение; Д испр. движение испр. движения ⁹³⁻⁹³ ЕЖБВ; Ан. . . Пд — в них насадила ⁹⁴ Ж — во

качества⁹⁵ души неробкой и непоколебимости⁹⁶ в предприятиях. Взоры младшего были остры, черты лица шатки⁹⁷ и непостоянны. Но плавное движение⁹⁸ ⁹⁹необманчивый был⁹⁹ знак благих¹⁰⁰ советов отчих. — На отца своего взирали они с несвойственной им¹⁰¹ робостью, от горести ²предстоящей разлуки происходящею, а не от чувствования над собою власти или начальства². — Редкие³ капли слез точились из их очей. — Друзья мои, — сказал отец, — сегодня мы расстанемся. — и, обняв⁴ их, ⁵прижал возрыдавших⁶ ⁷к⁵ перси своей⁷. . . . Я уже несколько минут был свидетелем сего зрелища, стоя у дверей⁸ неподвижен⁹, как отец, обратясь ко мне¹⁰: — Будь свидетелем, чувствительный путешественник, будь¹¹ свидетелем мне пред светом, сколь тяжко сердцу моему¹² исполнять державную¹³ волю обычая. Я отлучаю¹⁴ детей моих от бдящего родительского ока, единственное ¹⁵мое к тому побуждение есть¹⁵, да приобретет опытность¹⁶, да познают свет¹⁷ и ¹⁸да наскучит им его гремление, и, да оставляя¹⁸ его с радостью, да¹⁹ имут отишие²⁰ в гонении и хлеб насущный в скудости²¹; для²² сего-то остаюся²³ я²⁴ на²⁵ ниве моей. ²⁶Не даждь²⁶, владыко всещедрый, не даждь им скитаться²⁷ за милостынею²⁸ вельмож и обретати²⁹ в них утешителей³⁰. ³¹Да будет³¹ соболезнуя о них их³² сердце; да будет им творяй³³ благостыню³⁴ их рассудок. — Воссядите и внемлите моему слову, если³⁵ пребывати во внутренности душ³⁶ ваших долженствует. — Еще повторю³⁷ вам: сегодня мы разлучимся³⁸. — С неизреченным услаждением зрю слезы ваши, орошающие ланиты вашего лица. Да отнесет сие³⁹ души вашей зыбление⁴⁰ совет⁴¹ мой во святая ея⁴², да восколеблется

⁹⁵ ЕЖБВ; Ан нет, доб. начатки; Ув. . . Пд — начатки; Д испр. качества испр. начатки ⁹⁶ Ан. . . Пд; Е — неколебимости; ЖРг — непоколебимой; БВ — непоколебимость; Д испр. непоколебимость испр. непоколебимости ⁹⁷ Ж — жестки ⁹⁸ ЕЖАн; Б. . . Пд — движение оных ⁹⁹⁻⁹⁹ Е. . . Вр; Ан при переносе не дописано чивый был; ЧкТхОлРгПд — необманчивый были; ЕфПд — необманчивых был ¹⁰⁰ Еф нет

¹⁰¹ Ув. . . ВрЕфКб — их ²⁻² Е — предстоящей им разлуки, а неотсутствованию над собою власти или начальника ³ ЕфКб — Редки ⁴ УвГшКл — обнял ⁵⁻⁵ Ж — принял возрыдавших в ⁶ ЕфКб — возрыдавши ⁷⁻⁷ Е — на перси свои ⁸ Е — двери ⁹ Е. . . Пд; БВ — неподвижим; Ан — неподвижим испр. неподвижен ¹⁰ ВМи — мне, сказал ¹¹ Е — ад ¹² ОлРг нет ¹³ ЕфКб — державу ¹⁴ Е. . . Вр; Ан — отлучая испр. отлучаю; БЧк. . . Пд — отлучая ¹⁵⁻¹⁵ ЕЖАн; БВ — мое побуждение есть к тому; Ув. . . Пд — к тому имею побуждение ¹⁶ ЕЖЕф; Ан. . . Пд — опытности ¹⁷ ЕЖАнБВ; Ув. . . Пд — человека из его деяний (КлМи — деяния) ¹⁸⁻¹⁸ ЕЖБВ; Ан — да наскучит им его гремление, и, да оставляя испр. наскучив его гремлением, да оставят; Ув. . . Пд — наскучив гремлением (Ми — стремлением) мирского жития, да оставят ¹⁹ ЕЖБВ; Ан — да испр. но испр. но да; Ув. . . Пд — но да ²⁰ ЕЖ — отгнине; ЕфКб — отгнине; Рг — спасение ²¹ Ж — скудости ²² ЕЖБВ; Ан — для испр. а для; Ув. . . Пд — а для; Д испр. для испр. а для ²³ Е — остаюся ²⁴ Еф нет ²⁵ Ж — в ²⁶⁻²⁶ Ув. . . Вр — надежды ²⁷ ВРг — скитаться ²⁸ Е — милостыней ²⁹ Ж — обрети; ЕфКбОл — обрета ³⁰ ЕЖБВ; Ан. . . Пд — утешителя; Д — утешителей испр. утешителя ³¹⁻³¹ ЕфКб — дабы ³² Е нет ³³ УвГш — творяй ³⁴ Е — благостыней ³⁵ ЕЖ; Б. . . Вр — уже; АнЧк. . . Пд — еже ³⁶ Ж — дум ³⁷ ЕКлДЕфКбОлРг — повторяю ³⁸ Ан — расстанемся разлучимся испр. разлучимся; ЕфКб — разлучились ³⁹ Еф — сия ⁴⁰ ЕфКб — озыбление ⁴¹ Ж — свет ⁴² Е — его

она при моем воспоминовении⁴³ и да буду⁴⁴ отсутствен вас⁴⁴ ограда⁴⁵ от⁴⁶ зол и печалей⁴⁷.

Прияв⁴⁸ вас даже от чрева матерня⁴⁹ в⁵⁰ объятии⁵¹ мои, не восхотел николи, чтобы кто-либо был⁵² рачителем⁵³ в исполнениях⁵⁴, до вас⁵⁵ касающихся. Никогда наемная рачительница не касалась телеси⁵⁶ вашего⁵⁷, никогда иноземный⁵⁸ наставник не коснулся вашего сердца и разума. Неусыпное око моего горячности бдело⁵⁹ над вами⁶⁰ денно и ночью⁶⁰, да не приблизится вас⁶¹ оскорбление⁶²; и блажен нарицаюся, доведый⁶³ вас до разлучения со мною. Но⁶⁴ не воображайте себе, чтобы я хотел исторгнуть⁶⁵ ⁶⁶от вас⁶⁶ благодарность за мое⁶⁷ попечение или же признание⁶⁸, хотя слабое, ради вас мною соделанного⁶⁹. Возждаем⁷⁰ собственные корысти побуждением, предприемлемое на вашу пользу имел⁷¹ ⁷²всегда в виду⁷² собственное мое услаждение. ⁷³И так⁷³ изжените из мыслей ваших, что вы есть⁷⁴ под властью моею. Вы мне ничем не обязаны. Не⁷⁵ в рассудке, а меньше еще в законе хочу искати⁷⁶ твердости союза ⁷⁷между нами⁷⁷. Он оснуется на вашем сердце. Горе вам⁷⁸, егда⁷⁹ его⁸⁰ в забвении оставите. Образ мой, преследуя нарушителя⁸¹ союза нашего⁸² дружбы, поженет⁸³ его в сокровенности его и устроит ему казнь несносную, дондеже не возвратится к союзу. Еще вещаю вам: вы мне ничем не должны. Воззрите на меня, яко на странника и пришельца, и⁸⁴ если сердце ваше ⁸⁵ко мне ощутит⁸⁵ некую нежную наклонность, то поживем в дружбе, в сем наивеличайшем на земли⁸⁶ благоденствии. — Если⁸⁷ же оно без ощущения пребудет — да забвени⁸⁸ будем друг другу⁸⁹, яко же нам не родитися⁹⁰. Дажь, все-

⁴³ УвКлВрЕфКб — воспоминании ⁴⁴⁻⁴⁴ ЕЖБВ; Ан — отсутствуем вас испр. отсутствен; Ув. . . Пд — отсутствен ⁴⁵ Ж; Е — ограда; БВ — О, града; Ан — оград (не дописано) испр. оградкою; Ув. . . Пд — оградкою ⁴⁶ ЕЖ; БВ нет; Ан — от испр. вам от; Ув. . . Пд — вам от ⁴⁷ Ув. . . Вр — печали ⁴⁸ БВ Ув. . . Вр — Прияв ⁴⁹ Е — матери ⁵⁰ УвМиВрЧк — во ⁵¹ ЕБКлВрЕфКбРг — объятии ⁵² Ув. . . Вр нет ⁵³ ЕЕфКбРг — рачителен ⁵⁴ ЕЕфКбРг — исполнении ⁵⁵ Ув. . . Вр — всех ⁵⁶ Е — телеса ⁵⁷ ЕЖБВ; Ан. . . Пд — вашего и ⁵⁸ ЕЖ; Ан. . . Пд — наемный ⁵⁹ Е — бдели испр. бдело ⁶⁰⁻⁶⁰ ЕЖКлВр; Ан. . . Пд — денноночно; БВ — денно ночью; УвГшМи — денно и ночью ⁶¹ УвКлМиВрТх — о вас ⁶² Ж — оскорбления ⁶³ ЕЖ; Ан — доведый испр. доведши; БВ — доведший; Ув. . . Пд — доведши ⁶⁴ ОлРг нет ⁶⁵ Е — отвергнуть ⁶⁶⁻⁶⁶ ЕЖБВ; Ан — от вас зач.; Ув. . . Пд — из уст ваших; Д испр. от вас испр. из уст ваших ⁶⁷ ЕЖАн; Б. . . Вр — мое об вас; Чк. . . Пд — мое о вас; Д испр. мое об вас испр. мое о вас ⁶⁸ Ж — признания ⁶⁹ ЕфКб — сделанного ⁷⁰ БВ — Возбуждаем; Д испр. Возбуждаем испр. Возждаем; ОлРг — Воздем ⁷¹ ЕЖБВ; Ан — имел испр. имело; Ув. . . Вр — имею; Чк. . . Пд — имело; Д испр. имел испр. имело ⁷²⁻⁷² БВ — в виду всегда ⁷³⁻⁷³ Ж нет ⁷⁴ ЕЖВЕфКб; Ан. . . Пд — есте ⁷⁵ АнЧк. . . Пд; Е. . . Вр — Ни ⁷⁶ БВ — искать; Д — искать испр. искати ⁷⁷⁻⁷⁷ ЕЖАнБВ; Ув. . . Пд — нашего; ОлРг — нашего; Д испр. между нами испр. нашего ⁷⁸ Ж — ваше ⁷⁹ ЕЖАнБВ; Ув. . . Пд — если; Д испр. егда ⁸⁰ Е — вы ⁸¹ Ж. . . Ол; БВМи ЕфКбРгПд — нарушителя; Е — нарушителю испр. нарушителя; Д испр. нарушителя испр. нарушитель ⁸² БВ — нашей; Д испр. нашей испр. нашей ⁸³ Е — поженят ⁸⁴ Ув. . . ВрОл нет ⁸⁵⁻⁸⁵ БВ — ощутит ко мне ⁸⁶ ЕфКбРг — земле ⁸⁷ Е — Да если ⁸⁸ ЖАнЧкТхПд; БВЦОл — забвении; ЕУвГшМнЕфКб — забвении; КлВр — в забвении; Рг — забвении ⁸⁹ ЕЖРг; Б. . . ВрЕфКб — от друга; АнЧкТхОлПд — друга; Д испр. от друга испр. друга ⁹⁰ ЖКл — родитися

щедрый, сего да не узрю, отошед⁹¹ в недра твоя, сия⁹² предваряй⁹³. Не должны вы мне ни за вскармливание, ни за наставление⁹⁴, а менее⁹⁵ всего за рождение. — ⁹⁶За рождение^{96?} — Участники были ли вы в нем? Вопросаемы были ли, да рождени⁹⁷ будете? На пользу ли⁹⁸ вашу родиться⁹⁹ имели ²⁰⁰или во вред^{200?} Известен ли отец и мать, рождая сына своего, блажен будет в житии или злополучен? Кто скажет, что, вступая в супружество, помышлял о наследии и потомках; а²⁰¹ если ²не наделенное² имел сие намерение, то блаженства ли ³ради его производить его³ желал, или же на сохранение своего имени^{4?} Како⁵ желати⁶ добра тому, чего⁷ не знаю, и что сие^{8?} Добром назваться может ли желание неопределенное, ⁹помаваемое¹⁰ неизвестности^{9?} — Побуждение ¹¹к супружеству¹¹ покажет и вину рождения. Прельщенный душевною паче доброту матери вашей, нежели лепотою лица, я употребил способ верный на взаимную¹² горячность, любовь искреннюю¹³. Я получил мать вашу к¹⁴ себе¹⁵ в супруги¹⁶. Но какое было побуждение нашея¹⁷ любви^{18?} Взаимное ¹⁹услаждение²⁰. Услаждение¹⁹ плоти и духа. Вкушая веселие, природой повеленное, ²¹не мыслили мы об вас²¹. Рождение ваше нам было приятно, но не для вас. Произведение самого себя льстило тщеславию²², и²³ рождение ваше было ²⁴новый и чувствительный²⁵, так сказать, союз²⁶, союз сердец подтверждающий²⁷, и²⁸, ²⁴ есть источник начальная²⁹ горячности родителей к сынам своим; ³⁰подкрепляется он³⁰ привычкою³¹, ощущением³² власти, отражением похвал сыновних³³ к³⁴ отцу. — Мать ваша равного со мною³⁵ о ничтожности должностей ваших, от рождения ³⁶происходящих, была мнения³⁶. Не гордилася она пред вами, ³⁷обремененная³⁸

⁹¹ ЕфКб — отшед ⁹² ЕЖАнБВЕфКб; Ув. . . Пд — сие ⁹³ УвГшКлВр — предваряй; Ми — предваряй; ЕфКб — предваряй ⁹⁴ Е — наставления ⁹⁵ ЕЖАнБВ; Ув. . . Пд — меньше; Д испр. менее испр. меньше ⁹⁶⁻⁹⁶ МиРг нет ⁹⁷ ЖАнЧкТхОлПд; Е. . . Рг — рождены; Д испр. рождены испр. рождени ⁹⁸ БВ нет ⁹⁹ ЖУвКлВр — родитесь; ЕЕфКбРг — родится ²⁰⁰⁻²⁰⁰ Ми — во вред ли ²⁰¹ МиЕфКб нет ²⁻² ЕЖ; БВ — не наделенное; Ан доб. в пробел наименьшее и зач.; Ув. . . Пд нет ³⁻³ ЕЖ; АнБ — ради его производить их; В — ради производить их; Ув. . . Пд — их ради произвести их; Д испр. их ради произвести их ⁴ Е — имения ⁵ ЕЖАн; Б. . . Пд — Как ⁶ ЕАнБВ; Ж. . . Пд — желать ⁷ ЕЖБВ; Ан — чего испр. кого; Ув. . . Пд — кого ⁸ Ж — сия ⁹⁻⁹ Е нет ¹⁰ Ув. . . Вр — помогаемое; Ми — полагаемое ¹¹⁻¹¹ Е — в супружество ¹² ДЕф — взаимную испр. взаимно ¹³ УвКлВрЧкТх — искреннею; ОлРг — искреннюю; Ми — истинную ¹⁴ Ж. . . Вр; БВЧкТхПд нет ¹⁵ Пд нет ¹⁶ Ув. . . Вр — в супругу ¹⁷ ЕЖ — на меня ¹⁸ ЕЖАн; Б. . . Пд — любви ¹⁹⁻¹⁹ Б. . . Вр — услаждение; Д — услаждение доб. услаждение ²⁰ Ж — наслаждение ²¹⁻²¹ ЕЖАнБВ; Ув. . . Пд — о вас мы не мыслили ²² Ув. . . Вр — тщеславию ²³ ЕЖБВД; Ан — и зач.; Ув. . . Пд нет ²⁴⁻²⁴ Ж — новая и чувствительная, так сказать, связь, союз сердец подтверждающая, она ²⁵ Е. . . Чк; Ан — чувствительный испр. чувственный; ТхПд — чувственный ²⁶ АнБВТхОлРг; Ув. . . Пд нет ²⁷ УвГшКлВр — подтверждающим ²⁸ Ан; Е нет; Б. . . Пд — он ²⁹ БВ — начальный ³⁰⁻³⁰ Ж — и подкрепляется она; БВ — подкрепляется оно ³¹ Е — привычками ³² ЕЖБВ; Ан — ощущением доб. своей; Ув. . . Пд — ощущением своей ³³ Б — сыновских ³⁴ Гш — ко ³⁵ ЖАнБВ; Е — мною мнения; Ув. . . Пд — мною была мнения; ЕфКб — мною мнения была ³⁶⁻³⁶ ЕЖБВ; ЕАн — происходящей, была мнения; Ув. . . Пд — протекающих; Д испр. происходящих испр. протекающих ³⁷⁻³⁷ ЕЖАнБВ; Ув. . . Пд — что носила вас (Гш нет) во чреве своем ³⁸ ЕЖ; АнБВ — обременена

быв³⁹ тяжестью вашего тела³⁷, не требовала признательности, питая вас своею кровию; не хотела почтения за болезни рождения, ни за скуку вскармления⁴⁰ сосцами своими. Она тщила⁴¹ благу дати вам⁴¹ душу, яко же и сама имела, и в ней хотела⁴² найти вашу⁴² дружбу, но не обязанность, не должность или рабское повиновение. Не допустил⁴³ ее рок⁴³ зрети⁴⁴ плоды⁴⁵ ее посадений⁴⁶. Она вас оставила с твердостью хотя духа, но кончины еще не желала, зря ваше младенчество и мою⁴⁷ горячность. Уподобляясь⁴⁸ ей, мы совсем ее не потеряем. Она поживет с нами, доколе к ней не отыдем сами⁴⁹. ⁵⁰Ведаете сами⁵⁰, что любезнейшая⁵¹ моя ⁵²беседа с вами⁵² есть беседование⁵³ о родшей⁵⁴ вас. Тогда, мнится, душа ее беседует с нами, тогда становится она нам присутственна, тогда в нас⁵⁵ она является, тогда она еще жива. — И отирал ведающий капли задерживаемых⁵⁶ в душе слез. — Сколь мало обязаны вы мне за рождение, толико же обязаны⁵⁷ и за вскармление. Когда⁵⁸ я угощаю пришельца⁵⁹, когда питаю птенцов пернатых, когда даю пищу псу⁶⁰, лижущему⁶¹ мою десницу, — их ли ради сие делаю? — Отраду, увеселение⁶² или пользу в том нахожу свою⁶³ собственную. С таковым же побуждением производят вскармление⁶⁴ детей. Родившись⁶⁵ в свет, вы стали граждане общества, в коем живете. Мой был долг вас вскармить⁶⁶; ибо, если бы допустил⁶⁷ до вас кончину безвременную, был бы убийца. Если я рачительнее был в вскармлении вашем, нежели бываю многие, то следовал чувствованию моего сердца. Власть моя, да пекуся о вскармлении вашем или небрегу о нем; да сохраню дни ваши или расточителен⁶⁸ в них буду; оставлю вас живых или дам умереть⁶⁹ завременно⁷⁰, — есть ясное доказательство, что вы мне не обязаны⁷¹, что вы⁷² живы. Если бы умерли от моего о вас небрежения, как то многие умирают, мщение⁷³ закона меня бы не преследовало. —

³⁹ ЕЖБВ; Ан — быв испр. будучи ⁴⁰ ЖКЛЕФКБПД — вскармления ⁴¹⁻⁴¹ ЖБВ; Е — благодетствовать; Ан — благу вам дати; Ув. . ПД — благу вам дать ⁴²⁻⁴² ЕЖ АнБВ; Ув. . ПД — насадить ⁴³⁻⁴³ УвГшКлВр — срок; Ми — рок ⁴⁴ ЕФКБ Ол — зреть ⁴⁵ ЕЖАнБВ; Ув. . ПД — плодов; Д испр. плоды испр. плодов ⁴⁶ ЕЖБВ; Ан — посадений испр. насаждений; Ув. . ПД — насаждений; ЕФКБ — насаждения ⁴⁷ БВ — моя; Д — моя испр. мою ⁴⁸ В — уподоблялся ⁴⁹ ЕЖ АнБВ (в Б и В написано крупно САМИ и подчеркнуто); Ув. . ПД нет; Д доб. сами и стерто ⁵⁰⁻⁵⁰ Ж; Ан — ведайте сами испр. ведайте; ЕБ — Ведайте сами; В нет; Ув. . Ол — Ведаете; МиЕФКБРгПД — Ведайте ⁵¹ БВ — любезная ⁵²⁻⁵² ЕЖ; Ан. . ПД — с вами беседа ⁵³ Ж; Е — беседования; ВМи нет; Ан. . ПД — беседовати ⁵⁴ БВЕФ — рождении; Д испр. рождении испр. родшей; УвГшКлВрКБРг — рождшей ⁵⁵ ЖБВ; Е — задерживаемые; Ан. . ПД — задержанных ⁵⁷ БВ — мало; Д испр. мало испр. обязаны ⁵⁸ УвГшКлВр — Тогда; Ми — Тогда испр. Когда ⁵⁹ ЕМи — пришельца ⁶⁰ Ув. . Вр — ту ⁶¹ Е — лижущему; ЖРг — лижущему ⁶² Ж — увеселения ⁶³ ЕЖАнБВ; Ув. . ПД — мою; Д испр. свою испр. мою ⁶⁴ ЖЕФКБ — вскармление; Е — вскармления; БВ нет ⁶⁵ ЖАнЧнЕф. . ПД; Е. . Тх — родившихся ⁶⁶ Е — выкормить; ЖКЛЕФКБ — вскармить; Д — вскармить испр. вскармить ⁶⁷ Ж — допустить ⁶⁸ ЕЖБВРг; Ан. . ПД — расточителем; Д расточителен испр. расточителем ⁶⁹ Ж — умерети; Кл — умереть ⁷⁰ БВ — безвременно; Д испр. безвременно испр. завременно ⁷¹ ЕЖАн; Б. . ПД — обязаны в том ⁷² ЕЖАнБВ; Ув. . ПД нет; Д доб. вы и зач. ⁷³ Б. . ПД; ЕЖ — мучение; Ан — мучение испр. мщение

Но, скажут⁷⁴, обязаны вы мне за учение и наставление. — Не мой ли⁷⁵ искал я в том⁷⁵ пользы, да благи⁷⁶ будете. Похвалы, воздаваемые⁷⁷ доброму вашему поведению, рассудку, знаниям⁷⁸, искусству вашему, распростираясь⁷⁹ на вас, отражаются на меня, яко лучи солнечные⁸⁰ от зеркала. Хваляй⁸¹ вас, меня хвалит⁸². Что успел бы я, если бы⁸³ ⁸⁴вы вдалились⁸⁴ пороку, чужды были учения⁸⁵, тупы в рассуждениях⁸⁶, злобны, подлы, чувствительности не имея? Не токмо⁸⁷ сострадатель⁸⁸ бы я был⁸⁸ в вашем⁸⁹ косвенном⁹⁰ хождении, но жертва, может быть, вашего неистовства⁹¹. Но ныне спокоен⁹² остаюся, отлучая вас от себя: разум прям, сердце ваше крепко, и я живу в нем. О друзья мои, сыны моего сердца,⁹³ родив⁹³ вас⁹⁴, имел⁹⁵ должности в отношении к вам, но вы мне ничем не должны; я ищю вашей дружбы и любви⁹⁶; если вы мне ее дадите, блажен отыду к началу жизни и не возмущуся⁹⁷ при кончине, оставляя вас навеки, ибо поживу в⁹⁸ памяти вашей.

Но, если я исполнил должность мою в воспитании вашем, обязан сказать⁹⁹ ³⁰⁰ныне вам вину³⁰⁰, почто вас так, а не иначе воспитывал и для чего сему, а не другому вас научил³⁰¹; и для того услышите повесть о воспитании вашем и ²познайте² вину³ всех моих над вами деяний.

^С⁴ младенчества вашего ^бвы принуждения^б не чувствовали, хотя в деяниях ваших ^{во} всем вождаемы, направляемы^б рукою моею, не ощущали⁷ николи ее ^бвождения направления^б. Деяния ваши были предузнаны⁹ и предваряемы. ¹⁰И тако¹¹ достигли времени, во¹² оное же, как то¹³ говорят¹⁴, рассудок становится определителем¹⁵ делания¹⁶ или¹⁷ неделания¹⁸,

⁷⁴ ЕЖ — скажу; Ув. . . Вр — скажите; Чк — скажите *испр.* скажете ⁷⁵⁻⁷⁶ ЕЖБВ; Ан. . . Пд — я в том искал; ЕфКб — я искал в том ⁷⁸ Ан — благие вы *испр.* благи
⁷⁷ Е — воздаемы ⁷⁸ БВ — знаниям и; Д — знаниям *доб.* и; УвГшКлВр — знания; Ми — знание ⁷⁹ Е — распростирившиеся; БВ — распространяясь
⁸⁰ ЖБВЕфКБРг; Е — солнца; Ан. . . Пд — солнечны; Д — солнечные *испр.* солнечны
⁸¹ ЕЖАнБВ; Ув. . . Пд — Хваля ⁸² ЕЖАнБВ; Ув. . . Пд — хвалят ⁸³ ЖМи — б ⁸⁴⁻⁸⁴ Е — вдалились вы ⁸⁵ ЕКлПд — учению ⁸⁶ Е — рассуждени; Ж — размышлениях ⁸⁷ ЕЖБВ; Ан — Не только // Не токмо (*ошибочный повтор на переносе с листа на лист*) *испр.* Не только; Ув. . . Пд — Не только ⁸⁸⁻⁸⁸ ЖАн БВ; Е — я был *доб.* ред. бы; Ув. . . Пд — был бы я ⁸⁹ Ж — нашем ⁹⁰ ЕфКб — косновенном ⁹¹ Кл — несвойства ⁹² Ж — покоен ⁹³⁻⁹³ ЕЖ; Ан — я, родив *испр.* родив; БВ — я родил; Ув. . . Пд — родив ⁹⁴ ЕЖ; Ан — вас *доб.* в пробел многие; Б. . . Пд — вас, многие ⁹⁵ ЕЖБВ; Ан — имел *доб.* я; Ув. . . Пд — имел я; Ми — я имел ⁹⁶ Ж. . . Пд; ЕАнЧкТх — любви ⁹⁷ Ан — возмущуся *испр.* возмущуся ⁹⁸ ЕЖ; БВ — и в; Ан — и в *испр.* на; Ув. . . Пд — на; Д *испр.* и в *испр.* на ⁹⁹ ЕБВ — сказать; Д — сказать *испр.* сказать ³⁰⁰⁻³⁰⁰ БВ — вину ныне вам; ЕфКб — ныне сам вину
³⁰¹ Ан — учил *испр.* научил ²⁻² Ув. . . Вр — что знаете; ЧкОлРг — и познаете
³ Ув. . . Вр — силу ⁴ ЕЖАнБВ; Ув. . . Пд — Со ⁵⁻⁵ ЕЖ; Ан. . . Пд — принуждения вы; Б — понуждения вы ⁶⁻⁶ Ж; Е — во всем вождени, направляемы; БВ — во всем вождаемы и направляемы; Ан — вождаемы и направляемы *испр.* вождаемы были; Ув. . . Пд — вождаемы были ⁷ ЕЖ; Ан — ощущали *доб.* однако же; БВ — ощущали, однако ж; Ув. . . Пд — ощущали, однако же ⁸⁻⁸ Ж; ЕАнБ — направление; В. . . Пд — направления ⁹ БВДЕф — предузнаны ¹⁰⁻¹⁰ ЕЖ; АнБВ в скобках (И тако . . . стремлением); Ув. . . Пд *нет*; Д *доб.* в низу листов (И тако . . . стремлением) и *стерто* ¹¹ ЕЖБВ; Ан — И тако *испр.* Ныне ¹² ЕБВ; ЖАн — в ¹³ В *нет* ¹⁴ Е — говоря ¹⁵ Ан; ЕЖБ — определителен; В — определителен *испр.* определителем¹⁶ Е — делание ¹⁷ Ан — или *испр.* и; Ж — и не; ЕБВ — и ¹⁸ Е — неделание

а лучше сказать, когда¹⁹ чувства, доселе держимые²⁰ плавностью²¹ младенчества, начинают ощущать дрожание или когда жизненные соки, исполнив сосуд юности, превышать начинают его воскраия²², ища стезю²³ собственным стремлениям²⁴, ¹⁰. Не хотел я, чтобы робость или послушание повиновения ²⁵малейшего черту²⁵ ознаменовала²⁶ на вас²⁷ своего перста. И для того дух ваш, ²⁸и ныне²⁸ нетерпящ веления безрассудного, кроток²⁹ к совету дружества. Но если, младенцам³⁰ вам сущим, находил³¹, что уклонились³² от пути, мною назначенного, устремляемы случайным ударением, тогда, останавливая³³ ваше шествие, или, лучше сказать, неприметно ³⁴вводил в³⁴ прежний путь, яко поток, ³⁵прорвавший оплоты³⁵, искусною рукою обращается в свои берега³⁶.

Робкая нежность не присутствовала во мне, когда, казалось, не рачил ³⁷об охранении³⁷ вас от неприязненности стихий³⁸ и погоды³⁹. Желал лучше, чтобы на мгновение тело ваше оскорбилось⁴⁰ преходящею болью⁴¹, нежели дебели пребудете⁴² в возрасте совершенном. И для того почасту ⁴³ходили вы⁴³ босы, непокровенную имея главу; в пыли, в⁴⁴ грязи возлежали на отдохновение⁴⁵ на скамьи⁴⁶ или⁴⁷ камни⁴⁸. Не меньше старался я удалить вас от убийственной⁴⁹ пищи и⁵⁰ питания. Труды⁵¹ ⁵²лучшая была приправа⁵² в обеде нашем⁵³. Вспомните⁵⁴, с каким удовольствием обедали мы в деревне, нам неизвестной, не нашед⁵⁵ настоящей⁵⁶ дороги к дому. Сколь вкусен нам казался тогда хлеб ржаной и квас деревенский!

Не рощите на меня, если будете иногда осмеяны, что не имеете казистого восшествия, что стоите, как телу вашему покойнее, а не как обы-

¹⁹ Е — иногда ²⁰ ЕЖ; А_н. . . Пд — одержимые ²¹ Е — плавность ²² Ж — воскраия ²³ Е — стези ²⁴ ЕЖ; А_нБВ — стремлением ²⁵⁻²⁵ Е; Ж — малейшею черту; А_н — малейшего черту *испр.* малейшею чертою; БВ — малейшего чертою; Ув. . . Пд — малейшею чертою ²⁶ БВ — ознаменовала; Д *испр.* ознаменовало *испр.* ознаменовала; ЕФКБ — ознаменовали ²⁷ ЕЖ; А_н — вас тяжкого *испр.* вас тяжесть; Б. . . Пд — вас тяжесть ²⁸⁻²⁸ ЖА_нБВ; Е — и поныне; Ув. . . Пд *нет*; Д *доб.* и ныне и стерто ²⁹ Е. . . Пд; БВ — короток; А_н — короток *испр.* кроток ³⁰ Ж. . . Пд; А_нБВ — младенцем ³¹ ЕЖА_нБВ; Ув. . . Вр — находил; Чк. . . Пд — находил я ³² БЕФКБ; Е — уклонися; Ж — уклонится; А_н — уклонится *испр.* уклонялися; В. . . Пд — уклонялися ³³ ЕЖБВ; А_н — останавлива *испр.* останавливля я; Ув. . . Пд — останавливля я; Д *испр.* останавливля *испр.* останавливля я ³⁴⁻³⁴ Ж — входил в; Рг — выводил на ³⁵⁻³⁵ ЕЖВ; А_н — прорывающий оплоты; Б — прорывавший оплоты; Ув. . . Пд — оплоты прорывающий ³⁶ ЕЖ; А_н. . . Пд — берега; Д — берега *испр.* берега ³⁷⁻³⁷ ГшОл — об храненияи ³⁸ БКлМиВрЧкТхОлРг — стихии ³⁹ Е — погод ⁴⁰ Ж — оскорбила; БВ — оскорблялося ⁴¹ А_н *подч. в тексте, черта зач.*; БВ *подч. в тексте* ⁴² Ж — пребудут ⁴³⁻⁴³ ЕФКБ — вы ходили ⁴⁴ А_н *нет* ⁴⁵ ЕБВ — отдохновении; Д — отдохновении *испр.* отдохновении ⁴⁶ ЖА_нУвГшВрЧкОл; ЕБВДКлМиЕФКБРг — скамье; ТхПд — скамии ⁴⁷ ЕЖБВ; А_н. . . Пд — или на ⁴⁸ КлРг — камне; Ол — камни; Ми — полене ⁴⁹ А_н — убийственной; ЕФКБ — убивственной ⁵⁰ БВ — или ⁵¹ ЕЖА_н; Б. . . Пд — Труды наши ⁵²⁻⁵² Ж. . . Пд; А_н — лучшая была приправа *испр.* лучшею была приправою; Е — лучше были в приправе ⁵³ А_н — нашем *испр.* нашем ⁵⁴ ЕЖА_нБВДКл; Ув. . . Пд — Вспомните; ЕФКБ ОлРг — вспомняйте ⁵⁵ УвГшВр — нашел ⁵⁶ ЕЖА_нБВ; Ув. . . Пд *нет*; Д *доб.* настоящей и стерто

чай или мода⁵⁷ велит⁵⁸; что⁵⁹ одеваетесь⁶⁰ не со вкусом, что волосы ваши кудрявы⁶¹ рукою природы, а не чесателя. Если⁶² будете небрежны⁶³ в собраниях, а особенно от женщин⁶⁴, что⁶⁵ худо умеете плясать⁶⁶, но вспомните, что вы бегаеете быстро, что плаваеете⁶⁶ не утомляемы⁶⁶, что подымаеете⁶⁷ тягость⁶⁸ без натуги, что умеете водить соху, вскопать⁶⁹ гряды, владеете косою и топором, стругом и долотом; умеете ездить верхом, стрелять. Не опечальтесь, что вы скакать⁷⁰ как скоморохи не умеете⁷⁰. Ведайте, что⁷¹ пляска⁷² ничего не представляет величественного; ⁷³и если⁷³ некогда⁷⁴ тронуты будете зрением⁷⁵ плясания⁷⁶, то любострастие ⁷⁷оного будет⁷⁷ корень, все же другое оному будет⁷⁸ постороннее. — Но вы умеете ⁷⁹черты вещей, животных и⁸⁰ человека изображать на бумаге или полотно⁷⁹. В живописи найдете вы истинное услаждение⁸¹ не токмо чувств, но и разума. Я вас научил музыке, дабы дрожащая струна согласно⁸² вашим нервам возбуждала⁸³ дремлющее сердце; ибо музыка, приводя⁸⁴ внутренность в движение⁸⁵, ⁸⁶мягкосердие делает⁸⁶ в нас⁸⁷ привычкою. Изучил⁸⁸ я вас и варварскому искусству ⁸⁹мечем сражаться⁸⁹. Но сие искусство да пребудет в вас мертво, доколе собственная сохранность⁹⁰ того не востребует⁹¹. ⁹²Но сие⁹², уповаю, не сделает вас подлыми⁹³, ибо вы твердый ⁹⁴дух имеете⁹⁴ и обиду не сочтете, если осел вас улягнет или свинья смрадным до вас коснется рылом. — Не бойтесь⁹⁵ сказать никому⁹⁶, что вы корову доить умеете, что шти⁹⁷ и кашу⁹⁸ сварите или зажарите⁹⁹

⁵⁷ *Ан* доб. в пробел — мода; *Ж* — мзда; *ЕфКБ*Ол — люди ⁵⁸ *ЕфКБ* — велит
⁵⁹ *ВВ* — или что; *Д* испр. или что испр. что ⁶⁰ *ЕЖКлМиРз*; *Ан* — одевается
 испр. одеваетесь; *Б*. . . *Пд* — одеваетесь ⁶¹ *ЕЖ*; *Ан* — кудрявые испр. кудрявятся;
ВВ — кудрявою; *Ув*. . . *Пд* — кудрявятся ⁶² *ЕЖАн*; *Б*. . . *Пд* — Не ропщите
 (*ВрЧкТхПд* — ропщите), если ⁶³ *Ан*. . . *Пд*; *ЕЖ* — небрежны; *ВВ*Ол — пренебре-
 жены ⁶⁴ *ЕЖБВ*; *Ан* — женщин доб. для того; *Ув*. . . *Пд* — женщин, для того
⁶⁵⁻⁶⁶ *ЕЖАнВВ*; *Ув*. . . *Пд* — не умеете хвалить их красоту ⁶⁶⁻⁶⁸ *Ж*; *Ан* — не утом-
 ляемы испр. не утомляясь; *ЕВ* — неумоимо; *Б* — неумоимы; *Ув*. . . *Пд* — не утом-
 ляясь ⁶⁷ *ВВ* — поднимаете ⁶⁸ *Ж*; *Ан* — тягость испр. тяжесть; *ЕВВ* — тя-
 жость; *Ув*. . . *Пд* — тяжести ⁶⁹ *Е* — выкопать ⁷⁰⁻⁷⁰ *ЕЖАнВВ*; *Ув*. . . *Пд* — не
 умеете как скоморохи ⁷¹ *ЕЖ*; *Ан* — что доб. в пробел — лучшее (согласовано с
 правлением слова); *Б*. . . *Пд* — что лучшее ⁷² *ЕЖ*; *Ан* — пляска испр. пля-
 сание; *Б*. . . *Пд* — плясание ⁷³⁻⁷³ *Ж*. . . *Пд*; *Е* — а если; *ВВ* — и ежели ⁷⁴ *Ж*. . .
Пд; *Е* нет; *ВВ* — когда ⁷⁵ *ВВ* — зрелищем ⁷⁶ *ЕЖБВ*; *Ан* — плясания испр.
 оного; *Ув*. . . *Пд* — оного ⁷⁷⁻⁷⁷ *ЕЖБВ*; *Ан* — будет доб. тому; *Ув*. . . *Пд* — будет
 тому ⁷⁸ *ЕЖБВ*; *Ан*. . . *Пд* нет ⁷⁹⁻⁷⁹ *ЕЖАнВВ*; *Ув*. . . *Пд* — изображать жи-
 вотных и неодушевленных, изображать черты царя природы, человека (*Ув*. . . *Вр* нет);
Д — изображать . . . человека доб. на бумаге или на полотне и стерто ⁸⁰ *Ан* нет
⁸¹ *Ж* — наслаждение ⁸² *ЕВР**ЕфКБ* — согласна ⁸³ *Ж*. . . *Пд*; *ЕВ* — возбуж-
 дало; *Ан* — возбуждало испр. возбуждала ⁸⁴ *ЕЖ* — производя ⁸⁵ *Ан* — дви-
 жения испр. движение ⁸⁶⁻⁸⁶ *ЕЖБВ*; *Ан* — мягкосердие делает испр. делает мягко-
 сердие; *Ув*. . . *Пд* — делает мягкосердие ⁸⁷ *Б* — вас ⁸⁸ *ЕЖАнВВ*; *Ув*. . . *Пд* —
 Научил ⁸⁹⁻⁸⁹ *ЕЖАн*; *ВВ* — мечем сражаться; *Ув*. . . *Пд* — сражаться мечем
⁹⁰ *ВВ* — совратность ⁹¹ *ВВ* — потребует ⁹²⁻⁹² *ЕЖАнВВ*; *Ув*. . . *Пд* — Оно
⁹³ *ЕЖАнВВ*; *Ув*. . . *Пд* — наглými ⁹⁴⁻⁹⁴ *ЕЖБВ*; *Ан* — дух имеете испр. имеете
 дух; *Ув*. . . *Пд* — имеете дух ⁹⁵ *ЕЖБ*; *Ан**МиОлРз* — боитесь; *В* — убойтесь;
Ув. . . *Пд* — бойтесь ⁹⁶ *Ув*. . . *Тх* — нискому ⁹⁷ *Е*. . . *Пд*; *Ан* — штей испр.
 шти; *БКлМиРз* — щи; *В* — щчи ⁹⁸ *Ан* — каши испр. кашу ⁹⁹ *ЕЖБВ*; *Ан* —
 зажарите испр. зажаренный вами; *Ув*. . . *Пд* — зажаренный вами

кусоч мяса, ⁴⁰⁰будут вкусны⁴⁰⁰. Тот, кто ⁴⁰¹сам умеет¹ что сделать, умеет² заставить сделать³ и будет на погрешности снисходителен, ⁴зная все⁴ в исполнении трудности⁵.

Во младенчестве и отрочестве не отягощал я рассудка вашего готовыми размышлениями или мыслями чуждыми, не отягощал памяти вашей⁶ излишними предметами. Но, предложив вам пути⁷ к познаниям, с тех пор, как начали разума своего ощущать⁸ силы, сами шествуете к⁹ отверстой вам стезе, и¹⁰ познания ваши тем основательнее, что вы их приобрели не твердя¹¹, как то говорят¹² по ¹³слову и¹³ сорока Якова. Следуя сему правилу, доколе силы разума не были в вас действующи¹⁴, не предлагал я ему¹⁵ понятия¹⁶ о всевышнем существе и еще менее об откровении. Ибо то, что ¹⁷вы бы¹⁷ познали прежде, нежели¹⁸ были разумны, было¹⁹ бы в вас пред-рассудок и рассуждению бы мешало. Когда же ²⁰узрел я²⁰, что вы в суждениях²¹ руководились²² рассудком²³, то предложил вам связь²⁴ понятий²⁵, ведущих к познанию бога; уверен во внутренности сердца моего, что всещедрому отцу приятнее зрети две непорочные души, в коих светильник²⁶ науки²⁷ не предрассудком возжигаемый²⁸, но что они сами возносятся к начальному²⁹ огню на возгорение. Предложил я вам тогда и о законе откровенном, не сокрыв³⁰ от вас все то, что в опровержение одного сказано многими. Ибо желал, чтобы³¹ могли сами избирати³² между млеком и желчию, и с радостью видел, что восприяли бы сосуд утешения неробко.

Преподавая вам сведения³³ о науке³⁴, не оставил я ³⁵ознакомить вас³⁵ с различными³⁶ народами, изучил³⁷ вас языкам иностранным. Но прежде всего попечение мое было, да познаете ваш собственной, да умеете ³⁸на оном изъяснить³⁹ ваши³⁸ мысли словесно и письменно и⁴⁰ чтобы изъясне-

⁴⁰⁰⁻⁴⁰⁰ Е; Ж — будет вкусны <й — ?>; А н — будут доб. в пробел вкусен; Б В — и будет вкусен; У в. . . П д — будет вкусен
⁴⁰¹⁻¹ Б В — умеет сам ²⁻² Е ф К б — умеет и ³ М и — сделать и другого
⁴⁻⁴ Б В — знав ⁵ Б В — трудность ⁶ Р г — ваша ⁷ Е ф К б О л Р г — путь
⁸ Е В В — ощущать ⁹ Б В — ко ¹⁰ Е Ж В В; А н. . . П д нет ¹¹ У в. . . П д;
¹² Е Ж В В — не тверды; А н — не тверды испр. не твердя ¹² Е — говорится
¹³⁻¹³ Е Ж; А н — слову и испр. пословице как (подч. в тексте); Б. . . П д — пословице как (Б В подч. в тексте) ¹⁴ Б В — действующие ¹⁵ Е Ж А н Б В; У в. . . П д — вам ¹⁶ Ж. . . П д; Е — понятие; А н — понятие испр. понятия ¹⁷⁻¹⁷ Е Ж В В; А н — вы бы испр. бы вы; У в. . . П д — бы вы ¹⁸ Б В нет ¹⁹ У в. . . Т х — был ²⁰⁻²⁰ Е Ж А н Б В; У в. . . П д — я узрел ²¹ А н — рассуждениях испр. суждениях; О л — рассуждениях ²² Е Ж; Б В — пробел; А н доб. в пробел ваших вождаетесь; У в. . . П д — ваших вождаетесь (О л Р г — вождаетесь) ²³ Б — рассудкам; Р г — разумом ²⁴ Е ф К б — взять ²⁵ Е Ж А н Р г П д; Б В М и — понятия; У в. . . О л — понятии ²⁶ Б В — светильники ²⁷ А н Б В; Е Ж — нощи; У в. . . О л — познания; К л Е ф К б — познания; Т х Р г П д — познаний ²⁸ Е Ж; Б В — возжигаемы; А н — возжигаемый испр. возжигается; У в. . . П д — возжигается ²⁹ Е ф — начальнику ³⁰ Ж; Е — скрыв; А н. . . П д — сокрывая; Е ф К б О л — скрывая ³¹ Е Ж А н Е ф К б О л; Б. . . П д — чтобы вы; Д — чтобы доб. вы ³² Ж; А н. . . П д — избирать ³³ Б В Ч ж — сведение; У в. . . В р Р г — сведения ³⁴ Е Ж А н Б В; У в. . . П д — науках ³⁵⁻³⁵ Б В — вас ознакомить ³⁶ Б В — разумными ³⁷ Е Ж В В; А н — изучил испр. изучив; У в. . . П д — изучив ³⁸⁻³⁸ Б В — изъяснить на оном свои ³⁹ К л О л — изъяснить ⁴⁰ Е Ж А н Б В; У в. . . П д нет

ние сие было в вас непринужденно и поту⁴¹ на лице не производило. Аглинской⁴² язык, а потом латинской старался⁴³ я⁴⁴ вам известнее сделать⁴⁵ других, ибо упругость⁴⁶ духа вольности, переходя⁴⁷ в изображение⁴⁸ речи, приучит⁴⁹ и разум к твердым понятиям, столь во⁵⁰ всяких правлениях⁵⁰ нужным⁵¹.

Но, если рассудку вашему предоставлял⁵² направлять стопы ваши⁵³ в стезях⁵³ науки, тем бдительнее⁵⁴ тщился быть в⁵⁵ нравственности вашей. Старался умеряти⁵⁶ в вас⁵⁷ гнев⁵⁸ мгновения⁵⁹, подвергая рассудку гнев продолжительный, мщение⁶¹ производящий. Мщение⁶² . . .⁶⁰ душа ваша мерзят его. Вы из природного сего чувствительныя твари движения оставили⁶³ оберегательность своего сложения, поправ желание⁶⁴ возвращение⁶⁵ уязвления⁶⁵.

Ныне настало то время, как⁶⁶ чувства⁶⁷ ваши, дошед до совершенства возбуждения, но не до совершенства еще понятия о возбуждаемом, начинают тревожиться всякою⁶⁸ внешностью и опасную производити⁶⁹ зыбь во⁷⁰ внутренности вашей⁷¹. Я сохранил вас неприступными доселе превратным⁷² чувств потрясениям⁷³. Но не сокрыл от вас неведения покровом⁷⁴ пагубных следствий совращения от пути умеренности в чувственном услаждении. Вы свидетели были, сколь гнусно избыточество чувственного насыщения, и возгнушались; свидетели были страшного⁷⁵ волнения страстей, превысивших⁷⁶ бреги⁷⁷ своего естественного течения, познали гибельные их опустошения и ужаснулись⁷⁸. Но⁷⁹ опытность моя⁸⁰ охраняла вас от неправильных уязвлений⁸¹. Ныне будете сами себе вожди,

⁴¹ УвГшКлВр — потому ⁴² ЖКлМи — Аглинской ⁴³ ЕЖ нет ⁴⁴ ОлРг нет ⁴⁵ Е — сделал ⁴⁶ ВВ — упругости ⁴⁷ ЕЖ — переходы ⁴⁸ Ж — изображении ⁴⁹ АнМиЕфКбРзПд; ЕЖ — приучат; Б. . . Ол — приучить ⁵⁰⁻⁵⁰ Е — всяком правлении; Ж — всяких направлениях ⁵¹ Ол — нужных ⁵² ЕЖАн; ВВ — представлял я; Ув. . . Пд — предоставлял я ⁵³⁻⁵³ Ж — к стезям ⁵⁴ ЕЖВВМиВрЕфКбРзПд; Ан. . . Ол — бдетельнее ⁵⁵ ЕЖВВ; Ан. . . Пд — во; Д — в испр. во ⁵⁶ ЕЖ; Ан — умеряти испр. умерять; Б. . . Пд — умерять ⁵⁷⁻⁵⁷ ЕфКбОл — ваш ⁵⁸ Ж — гнева ⁵⁹ ВВ — мгновенный; Д испр. мгновенный испр. мгновения ⁶⁰⁻⁶⁰ Ж — производящий мучения ⁶¹ Е — мучение; Ан — мучение испр. мщение ⁶² Б. . . Пд; Е — Мучения; Ан — Мучения испр. мщения ⁶³ ЕЖ; Ан — оставили доб. только; Б. . . Пд — оставили только ⁶⁴ ЕфКб — желания ⁶⁵⁻⁶⁵ Ж; Ан — возвращения уязвления испр. возвращать уязвление; Е — возвращение уязвления; Б. . . Пд — возвращать уязвления (КлМи ЧкРз — уязвление) ⁶⁶ ЕЖ; Ан — как испр. что; Б. . . Пд — что ⁶⁷ Е. . . Рг; АнЧкТхПд — чувства ⁶⁸ Ж — всякой ⁶⁹ ЖАн; ЕУвКлВрЧкОл — производит; ГшЕфКбРз — производят; ВВМиТхПд — производить ⁷⁰ Ж — в ⁷¹ ЕЖ; Ан — вашей доб.+, на поле повторен знак вставки+ с пометкой NB (что означает перенос сюда текста, выше взятого в скобки, см. с. 210, 10—10); Б. . . Пд — вашей. Ныне достигли (ЕфКб — достигши) времени, в которое, как то (В — как) говорят, рассудок становится определителем (ЕфКб — определением) делания и неделания, а лучше сказать, когда чувства, доселе одержимые плавности младенчества, начинают ощущать дрожание или когда жизненные соки, исполнив (Чк — исполняя) сосуд юности, превышать начинают его воскраия, ища стезю свойственным для них стремлениям (КлМиЧк. . . Рз — стремлением) ⁷² Ув. . . Вр — превратных ⁷³ Ж. . . Пд; Ан — потрясеннем испр. потрясениям; ЕКлМиОл — потрясением ⁷⁴ ЕфКб — по роковом ⁷⁵ В — страстного ⁷⁶ В — превышавших; Рз — прервавших ⁷⁷ Ж; Ан. . . Пд — берега ⁷⁸ Ж — ужасались ⁷⁹ ЕЖ; Ан — Но зач.; Б. . . Пд нет ⁸⁰ ЕЖ; Ан. . . Пд — моя, носяся над вами, яко новый Егид ⁸¹ Ан — уязвлений испр. уязвлений

и хотя советы мои будут всегда светильником ваших начинаний, ибо сердце и душа ваша мне отверсты, но яко свет, отдаляйся⁸² от предмета, менее его освещает, тако⁸³ и вы, отринувенны моего присутствия, слабое ощутите⁸⁴ согрение⁸⁵ моего дружбы. И⁸⁶ тако да⁸⁶ преподам вам правила единожития и общежития, дабы по усмирении страстей не возгнушались деяний, в⁸⁷ оных совершенных⁸⁸.

Правила⁸⁹ единожития, ⁹⁰поведения вашего в отношении⁹⁰ вас самих, должны⁹¹ относиться к телесности вашей и нравственности. Не забывайте никогда употребления⁹² ваших телесных сил и чувств. Упражнение оных умеренной укрепит их, не истощая, и послужит к⁹³ здравию вашему и долгой жизни. И для того упражняйтесь⁹⁴ в искусствах, художествах⁹⁵ и ремеслах, вам известных. Совершенствование в оных ⁹⁶может быть иногда⁹⁶ нужно. Неизвестно нам⁹⁷ грядущее. Если неприязненное счастье отымет у вас все, что оно вам дало, — богаты⁹⁸ пребудете⁹⁹ в⁵⁰⁰ умеренности желаний, кормясь⁵⁰¹ делом рук ваших. Но если во дни блаженства все небрежете², поздно³ о том думать во дни печали. Нега, излечение и неумеренное чувств услаждение губят и тело и дух. Ибо изнураяй⁴ тело невоздержностию ⁵изнуряет и ⁵крепость духа. ⁶Но употребление⁶ сил укрепит и⁷ тело, а за ним и⁸ дух. Если почувствуешь ⁹отвращение к яствам⁹ и болезнь постучится у дверей, восприими тогда¹⁰ от одра твоего, на нем же лелешь чувства твои, приведи уснувшие члены¹¹ твои ¹²упражнением в действие¹² и почувствуешь мгновенно¹³ сил обновление; удержи себя от¹⁴ пищи, нужной¹⁵ во здравии, и глад сделает¹⁶ пищу твою сладкою, огорчавшую¹⁷ от сытости. Помните всегда, что на утоление¹⁸ глада нужен только кусок хлеба и ковш воды. Если благодетельное лишение внешних чувствований, сон, ¹⁹побежит от тебя, оставит²⁰ подушку (камень же — возлежало главы твоя на возобновление сил разумных

⁸² Ж; Е — отдаляется; Ан. . . Пд — отдалялся ⁸³ КлЕф — так ⁸⁴ УвКлМиВр — ощутительное ⁸⁵ ЕОл — созрение ⁸⁶⁻⁸⁸ ЕЖАн; Б. . . Пд — для того ⁸⁷ Ж. . . Чк; БВТхПд — во ⁸⁸ ЕЖ; Б. . . Пд — совершенных (ТхПд — свершенных), и не познали, что есть раскаяние ⁸⁹ ЕЕфКБОл — Правило ⁹⁰⁻⁹⁰ ЕЖ; Б. . . Пд — елико то (Еф нет) касаться может до ⁹¹ ЕфКб — должно ⁹² Е; Ж — употребление; Б. . . Пд — употреблять ⁹³ ЕЖЕфКБОл; Б. . . Пд — ко ⁹⁴ ЕфКБРе — упражняйтесь ⁹⁵ В. . . Вр нет ⁹⁶⁻⁹⁶ ЕЖ; Б. . . Пд — иногда может быть нужно ⁹⁷ БРе — вам ⁹⁸ ЕЖ; Б. . . Пд — богаты ⁹⁹ ЖКлЧкТх; ЕВУвГшМиВрЕф. . . Пд — пребудете; В — пребудете *испр.* пребудете ⁵⁰⁰ Ж. . . Кб; БВУвТхОлРг Пд — во

⁵⁰¹ Ж — кормясь ² Еф — пренебрежете ³ ЕЖКл — поздно ⁴ ЕЖМи — изнурия ⁵⁻⁵ Ж — изнуряете; ЕфКб — и изнуряет ⁶⁻⁶ ЕЖ; Б. . . Пд — Употребление же ⁷ ЕЖ; Б. . . Пд нет ⁸ ЕКл нет ⁹⁻⁹ ЕфКб — к яствам отвращение ¹⁰ КлЧк нет ¹¹ Е. . . Пд; БВ — чувства; Д *испр.* чувства *испр.* члены ¹²⁻¹² ЕЖ; Б. . . Пд — в действие упражнением ¹³ ЕЖ; Б. . . Пд — мгновенное ¹⁴ ЕЖЧкТхПд; Б. . . Вр нет ¹⁵ ЕфКб нет ¹⁶ БВ — соделает ¹⁷ Е — огорчавшей; Ж — огорчавшею ¹⁸ МиОл — утомление ¹⁹⁻¹⁹ ЕЖ; Б. . . Пд — удалится от твоего возглавия и не сможешь (ЧкТхОлРг; БВУвГшКлВрПдД — сможет; Ми — может; ЕфКб — можешь) возобновить сил разумных и телесных ²⁰ Ж — оставишь

и телесных)¹⁹, — беги из чертогов твоих ²¹и, утомив²¹ члены до усталости, ²²возляги на одре²² и почиешь во здравии²³.

Будьте опрятны в одежде вашей; тело содержит в чистоте, ибо чистота служит ко²⁴ здравью, а неопрятность и смрадность тела нередко отвергает неприметную стезю к гнусным порокам. Но не будьте и в сем неумеренны. Не гнушайтесь пособить, поднимая погрязшую во рву²⁵ телегу, и тем облегчить²⁶ упавшего; вымараете²⁷ ваши²⁸ руки ²⁹и тело и ноги²⁹, но просветите³⁰ сердце. Ходите в хижины уничижения; утешите³¹ томящегося³² нищетою; вкусите³³ его брашна, и сердце ваше усладится, дав отраду скорбящему.

Ныне достигли вы, повторяю³⁴, того³⁵ часа, когда ³⁶чувства, одержимые доселе плавностью малолетства, начинают ощущать дрожание³⁷; се время, когда жизненные соки, исполнив сосуд юности, превышати начинают его воскраия, ища стезю собственным стремлениям; но время се такожде, в оное же рассудок становится определителем делания и неделания. Сего страшного достигли вы времени и часа³⁶. Ибо чаша рассудка без опытности на весах воли воздымется³⁸, а чаша страстей опустится мгновенно долу³⁹. И так к равновесию не иначе приблизиться можно, как трудолюбием. Трудитесь⁴⁰ телом; страсти ваши не столь сильное будут иметь волнение⁴¹; трудитесь⁴² сердцем, упражняясь в мягкосердии, чувственности⁴³ соблезнований⁴⁴ ⁴⁵щедроте, отпущении⁴⁵, и страсти ваши направятся к⁴⁶ благому концу. Трудитесь⁴⁷ разумом, упражняясь в чтении, размышлении, разыскании⁴⁸ истины⁴⁹ или происшествий⁵⁰, и разум управлять будет вашею волею и страстьми⁵¹. Но не возмните⁵² в восторге рассудка, что можете сокрушить⁵³ корень⁵⁴ страстей, что нужно ⁵⁵быть⁵⁶ совсем⁵⁷ бесстрастну⁵⁵. Корень страстей благ и основан на нашей чувствительности самой⁵⁸ природою. Когда чувства⁵⁹ наши внешние и внутренние ослабевают и⁶⁰ притупляются, тогда ослабевают и страсти. Они благу в человеке производят тревогу, без нее же уснул бы⁶¹ в бездействии.

²¹⁻²¹ Ж — и, утолив; ЕфКб — утомив ²²⁻²² ЕЖ; Б. . . Пд — возляги на одре твоём ²³ ЕЖ; Б. . . Пд — здравие ²⁴ ЕфКбОл — к ²⁵ ЕЖ; Б. . . Пд — рве ²⁶ ЕфКб — облегчите ²⁷ Е — вымоете испр. вымараете; Ж — вымоете; ЕфКбОлРг — вымарайте ²⁸ Ж; Б. . . Пд нет ²⁹⁻²⁹ Ж; Б. . . Пд — ноги и тело ³⁰ Б. . . Вр — просветите ³¹ ЕЖ; В. . . Пд — утешайте ³² Е — молящегося ³³ Ми — вкушайте ³⁴ ЕЖРгПд; Б. . . Вр — повторяю я; ЧкТхЕфКбОл — повторяю; Д — повторяю доб. я и зач. ³⁵ ЕЖ; Б. . . Пд — того (В нет) страшного времени и ³⁶⁻³⁶ ЕЖ; Б. . . Пд — страсти пробуждаться начинают, но рассудок слаб еще на их обуздании ³⁷ Ж — движение ³⁸ ЖТхОлПд; Е — воздымается; Б. . . Рг — воздымается; Ми — вздымается ³⁹ ЕЖ — дале ⁴⁰ БуЕклМиВр — Трудится; ВГи — Трудится ⁴¹ ВУвГи нет ⁴² Б. . . Вр — трудится ⁴³ ЕЖ; Ан — чувственности испр. чувствительности; Б. . . Пд — чувствительности ⁴⁴ ЕЖАнПд; БКлГи — соблезнования; В. . . Рг — соблезнования ⁴⁵⁻⁴⁵ ЖПд — щедроте отпущений; БКлМи — щедроте отпущения ⁴⁶ ЕЖРг; Ан. . . Пд — ко ⁴⁷ Б. . . Вр — Трудится; В — Трудится ⁴⁸ ЕфКбОлРг — разыскании ⁴⁹ Б. . . Вр нет ⁵⁰ Б. . . ТхЕфКбОл — происшествии ⁵¹ БВ — страстью; Ги — страстью; ЕфРг — страстями ⁵² Ан — мните испр. возмните ⁵³ Ж — разрушить ⁵⁴ ЕЖАн; Б. . . ЧкОл — корни; ТхЕфКбРгПд — корени ⁵⁵⁻⁵⁵ Ги — совсем бесстрастну быть ⁵⁶ В нет; Ув доб. быть ⁵⁷ БЕфКб — во всем ⁵⁸ ЕЖАн; Б. . . Пд — самую ⁵⁹ ЕЖАнКлМиРг; Б. . . Пд — чувства ⁶⁰ ЕфКбОл нет ⁶¹ ЕЖАн; Б. . . Пд — бы он

⁶²Бесстрастный человек совершенно⁶² есть глупец и истукан нелепый⁶³, не возмогаемый⁶⁴ благого⁶⁵ ни злого. Не достоинство есть воздержаться⁶⁶ от худых помыслов, не могши их сотворить. Безрукой не может уязвити⁶⁷ никого, не⁶⁸ может подать помощи и⁶⁹ утопающему, ни удержати⁷⁰ на бреге падающего в пучину моря. — Итак, умеренность в⁷¹ страсти есть благо; шествие во стезе средою есть надежно. Чрезвычайность⁷² в страсти есть⁷² гибель; бесстрастие есть нравственная смерть. Яко же шественик, отдаляясь⁷³ среди⁷⁴ стези⁷⁵, вдается опасности ввергнуться⁷⁶ в тот или другой ров⁷⁷. Но буде страсти наши⁷⁸ опытностию, рассудком и сердцем направлены к концу благому, скинь с них бразды томного благоразумия, не сокращай их полета; мета⁷⁹ их будет всегда величие; на нем едином остановиться они умеют.

Но, если я вас побуждаю не быть⁸⁰ бесстрастными⁸¹, паче всего потребно⁸² в юности вашей умеренность любовныя⁸³ страсти. Она природою насаждена в сердце нашем к⁸⁴ блаженству нашему. И так в возрождении⁸⁵ своем никогда ошибиться не может⁸⁶, но в своем предмете и неумеренности. И так блюдитесь, да не ошибетесь в предмете любви вашей⁸⁷ и⁸⁸ не почтите⁸⁹ взаимною горячностью оныя представления⁹⁰. С благим же предметом любви неумеренность⁹¹ страсти сея будет вам неизвестна. Говоря о любви, естественно бы⁹² было говорить и о супружестве, о сем священном союзе общества, коего правила не природа в сердце начертала, но святость коего из начального обществ положения проистекает⁹³. Но⁹⁴ разуму вашему, едва шествие⁹⁵ свое начинающему, сие бы было непонятно, а сердцу вашему, не испытывшему самолюбивую в обществе страсть любви, повесть о сем была бы вам неощутительна, а потому и бесполезна. Если желаете о супружестве иметь понятие, вспомните⁹⁶ о родшей⁹⁷ вас. Представьте меня с нею и с вами, возобновите слуху вашему⁹⁸ глаголы наши⁹⁹ и очам⁶⁰⁰

⁶²⁻⁶³ ЕЖ; Ан. . . Пд — Совершенно бесстрастный человек ⁶³ Е — нелепый
⁶⁴ ЖАн; Е — возлагаемый; В — возлагая; В. . . Пд — возмогаый; ЕфКб — возмогаый сделать ⁶⁵ ЕЖ; Ан. . . Пд — ни благого ⁶⁶ МиЕфКбОл — воздержаться
⁶⁷ ЖАн; Е. . . Пд — уязвить ⁶⁸ ЕЖАн; Б. . . Пд — но не; Еф — но и не
⁶⁹ ЕЖАн; В. . . Пд нет ⁷⁰ ЕЕфКб — удержать; ВУвГшКлВр — удержани; Ми — удержания ⁷¹ ЖВЕфКб; Ан. . . Пд — во; Д — в испр. во ⁷²⁻⁷² ЖВ; Ан. . . Пд — во страсти есть; Д — в страсти испр. во страсти есть; Ми — возраста есть; Рз — возрастает ⁷³ В — отдаляя ⁷⁴ УвМи — среди ⁷⁵ Рз — стези и ⁷⁶ ВРз; ЕЖКлМиЕф. . . Пд — ввергнутся; Ан. . . Тх — ввергнутися ⁷⁷ ЕЖАн; Б. . . Пд — ров. Таково (ОлПд — Такого) бывает шествие во нравственности ⁷⁸ ЕЖАн; Б. . . Пд — ваши ⁷⁹ ВРЧкТх. . . Пд; АнРз — места испр. мета; БВ — места; Гш — места испр. мечта; УвКлМи — мечта; Ж — мета *, сноска: *цель. Примеч. А. П. Радицева. ⁸⁰ Ан — быть испр. не быть ⁸¹ ЕЖ — бесстрастным; Б — бесстрастному ⁸² Б. . . ВрРз — потребна; Д — потребна испр. потребно ⁸³ ЕфКб — любовной ⁸⁴ ЕЖАнРзПд; Б. . . Ол — ко; Ми — по; Д — к испр. ко ⁸⁵ Б. . . Чк — воздержани; ЕфКб — рассуждени; Д испр. возз-жани ⁸⁶ В — можете; УвКл — можем ⁸⁷ БВ — вашей; Д испр. вашей испр. ваша ⁸⁸ ЕЖАн; Б. . . Пд — и да ⁸⁹ ЖЕфКб — почтите ⁹⁰ ЕЖ; Ан — представление; Б. . . Пд — образ ⁹¹ ЕфКб — неумеренности ⁹² ЕфКб нет ⁹³ Ж — проистекают; Ан — проистекают испр. проистекает ⁹⁴ ЕЖ; Ан — Но зач.; Б. . . Пд нет ⁹⁵ Е — шествия ⁹⁶ БГшКлМиВрОл — вспомните; В — вспомните ⁹⁷ БГшВр — рождающей ⁹⁸ В — нашему ⁹⁹ Ан — наша испр. наши; ЕфКб — наша ⁶⁰⁰ ЕЖ; Ан — о сем испр. взаимные; Б. . . Пд — взаимные

лобызания⁶⁰¹ ваши² и приложите картину сию к сердцу вашему. Тогда почувствуете в нем приятное некое содрогание. Что³ оно есть? Познаете³ со временем; а днесь довольны⁴ будьте⁵ его⁶ ощущением⁷.

Приступим ныне вкратце к правилам общежития. Предписать их не можно с точностию, ибо располагаются⁸ часто по обстоятельствам⁹ мгновения. Но, дабы, колико возможно, менее ошибаться¹⁰, при всяком начинании спросите¹¹ ваше сердце; оно есть благо и николи¹² вас обмануть¹² не может. Что вещает оно, то и творите¹³. Следуя¹⁴ сердцу в юности, не ошибется¹⁵, если сердце имеет¹⁶ благое. Но следовати возмнвивый рас-судку, не имея¹⁷ на браде власов¹⁸, опытность возвещающих¹⁹, есть безумец.

Правила²⁰ общежития относятся²¹ к²² исполнению²³ предписываемого²⁴ обычаями²⁵ и нравами²⁶ народными²⁷ или к²⁸ исполнению закона²⁹ благого, на что нет ни обычая, ни закона, то есть²⁹ к³⁰ исполнению³¹ добродетели. Если в обществе нравы³² и обычаи³² не противны закону, если закон не полагает³³ добродетели преткновений³⁴,³³ в ее шествии, то исполнение³⁵ правил общежития есть легко. Но где таковое общество существует? Все известные нам многими наполнены во нравах³⁶, обычаях³⁷, законах³⁸ и добродетели³⁹ противоречиями⁴⁰. И от того трудно становится исполнение должности человека и гражданина, ибо нередко они находятся⁴¹ между собою⁴¹ в⁴² противоположности совершенной⁴².

⁶⁰¹ *АнЕфРг* — лобызания ² *Ж*; *Ан* — ваши *зач.*; *Е* — наши; *Б. . . Пд* нет
³⁻³ *Ж* — он познает ⁴ *ЕАн*; *Ж. . . Пд* — довольны ⁵ *АнКлЕфКБол* — будете;
Д — будите *испр.* будьте ⁶ *Ан* — его *испр.* одного; *ЕЖ* — ее; *Б. . . Пд* — одного
⁷ *Ан* — ощущением ⁸ *ЕЖАн*; *Б. . . Пд* — располагаются они ⁹ *Е* — обстоятель-
¹⁰ *Ж. . . Пд*; *ЕМиЕфКб* — ошибится; *ОлРг* — ошибится; *Ан* — ошибатися
¹¹ *ЖМи* — спросите ¹²⁻¹² *ЕБВ*; *Ан* — вас обманути *испр.* обмануть вас; *Ж. . . Пд* —
 обмануть вас ¹³ *ЖАнТх. . . Пд*; *Е* — творится; *БВ* — творим; *Гш* — творим *испр.*
 творит; *УвВрЧк* — творит; *КлМи* — творить ¹⁴ *ЕЖ*; *Ан. . . Пд* — Следуя ¹⁵ *ЕБ*
ВЕфКб; *Ж. . . Пд* — ошибется ¹⁶ *ЕЖАн*; *Б. . . Пд* — имеете ¹⁷ *ЕЖАнВрЧкТхПд*;
УвГшКл — имей; *Ми* — имей ¹⁸ *БВУвГшКл* — волосов; *Ми* — волос ¹⁹ *Е* —
 возвещаючи ²⁰ *ЖАнМиТх. . . Пд*; *Е* — Правило *испр.* Правила; *Б. . . Чк* — Прави-
²¹ *Ж. . . Пд*; *Е* — относится *испр.* относятся; *БВКлМиВр* — относится
²² *Ж. . . ТхЕфКб*; *БВУвВрОлРгПд* — ко; *Д* — к *испр.* ко ²³ *Е* — испытанию
испр. воспитанию ²⁴ *Ж*; *Е* — предписываемы; *Ан* — представляемы (*пробел*) *зач.*;
Б. . . Пд нет ²⁵ *Ж*; *Е* — обычаем; *Ан* — обычаям *испр.* обычаев; *Б. . . Пд* —
 обычаев ²⁶ *Ж*; *Е* — нравам; *Ан* — нравам *испр.* нравов; *Б. . . Пд* — нравов
²⁷ *Ж*; *Е* — народным; *Ан* — народны *испр.* народных; *Б. . . Пд* — народных
²⁸ *ЕЖАн*; *Б. . . Пд* — ко; *Д* — к *испр.* ко ²⁹⁻²⁹ *ЕЖ*; *Ан* — благого, на что нет
 ни обычая, ни закона, то есть *испр.* или; *Б. . . Пд* — или ³⁰ *ЕЖАнЕф*; *Б. . . Пд* —
 ко; *Д* — к *испр.* ко ³¹ *Ж* — исполнениям ³²⁻³² *Е* — к обычаю ³³⁻³³ *ЕфКб* —
 преткновений добродетели ³⁴ *ЖАнПд*; *ЕУвЧкОл* — преткновения; *БВГшКлМи*
ВрРг — преткновения; *Тх* — преткновению ³⁵ *ЕЖ* — исполнения ³⁶ *Ж*; *Е* —
 праве; *Ан. . . Пд* — нравах и ³⁷ *Е* — обычая *испр.* обычае ³⁸ *Е* — закона
испр. законе ³⁹ *ЕЖ*; *Ан* — добродетели *испр.* добродетелях; *Б. . . Пд* — доброе-
 делях ⁴⁰ *Ан. . . Пд*; *Е* — противоречиях *испр.* противоречиями; *Ж* — противоречий
⁴¹⁻⁴¹ *Ж*; *Ан. . . Пд* нет ⁴²⁻⁴² *Е*; *Ж* — противоположности совершенной; *Ан. . . Пд* —
 совершенной противоположности (*АнВрЧкТхРг* — противоположности)

Понеже добродетель есть вершина деяний человеческих, то исполнение ее ничем ⁴³препинаемо⁴⁴ быть не долженствует⁴³. Не бреги⁴⁵ обычаи и ⁴⁶ нравы, не бреги⁴⁷ ⁴⁸закон гражданский и священный⁴⁸, столь святых⁴⁹ в обществе вещи⁵⁰, буде⁵¹ исполнение⁵² оных отлучает⁵³ тебя от добродетели. Не дерзай николи нарушения⁵⁴ ея прикрывати робостию благоразумия. Благоденствен без нее будет⁵⁵ во внешности, но блажен николи.

Последуя⁵⁶ тому, что налагают⁵⁷ на нас обычаи⁵⁸ и нравы, мы⁵⁹ приобретем благоприятство тех, с кем живем⁶⁰. Исполняя предписание⁶¹ закона, можем приобрести название⁶² честного человека. Исполнение⁶³ же добродетели⁶⁴ приобретет⁶⁵ нам⁶⁶ общую доверенность, почтение и удивление,⁶⁷ и в том самом⁶⁷, кто бы и⁶⁸ не желал их ощущать⁶⁹ в душе своей. Коварный афинский сенат, подавая чашу с отравкою Сократу, трепетал во внутренности своей пред ⁷⁰добродетелью его⁷⁰.

Не дерзай никогда исполнять обычаи⁷¹ в предосуждение⁷² закона. Закон, каков ни худ, есть связь общества. ⁷³И, если бы сам государь велел тебе нарушить закон, не повинуйся ему, ибо он заблуждается⁷⁴, себе и обществу во вред. Да уничтожит закон, яко же нарушение⁷⁵ повелевает⁷⁶; тогда повинуйся, ибо в России государь есть источник законов⁷⁷, ⁷³.

Но, если бы⁷⁸ закон, или государь, ⁷⁹или бы какая-либо⁷⁹ на земли⁸⁰ власть подвизала тебя на неправду и нарушение добродетели, пребудь в оной неколебим⁸¹. Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ни заточения, ниже самой смерти. Пребудь незыблем в душе твоей, яко камень среди бунтующих, но немощных⁸² валов. Ярость мучителей твоих раздробится о твердь⁸³ твою. И, если предадут тебя смерти, посмеяни⁸⁴ будут, а ты поживешь на памяти благородных⁸⁵ душ до скончания веков.

⁴³⁻⁴³ ЕЖ; Ан — препинаемо быть не долженствует *испр.* не долженствует быть препинаемо; Б. . . Пд — не долженствует (Рг — должно) быть препинаемо ⁴⁴ Е — признаваемо ⁴⁵ Ан — брегий ⁴⁶ Ж нет ⁴⁷ Ан — брегий ⁴⁸⁻⁴⁸ ЕЖ; Ан — закон гражданский и священный *испр.* закона гражданского и священного; Б. . . Пд — закона гражданского и священного ⁴⁹ Ан — святую *испр.* святых ⁵⁰ Ан — вещь *испр.* вещи ⁵¹ Ан доб. буде; Е доб. (если?) ⁵² Ж — исполнения; Е — исполнения *испр.* исполнение ⁵³ Ж — отлучают ⁵⁴ Ан — нарушении *испр.* нарушения ⁵⁵ ЕЖМи; Ан — будет *испр.* будешь; Б. . . Пд — будешь ⁵⁶ Ж — Преследуя ⁵⁷ Е — не слагают ⁵⁸ ВКлМиЕфКбПд — обычай ⁵⁹ В нет ⁶⁰ Е — живешь ⁶¹ ЖЕфКб — предписания ⁶² ЕВ — названия ⁶³ ЕЖ; Ан. . . Пд — Исполняя ⁶⁴ ЕЖ; Ан — добродетели *испр.* добродетель; Б. . . Пд — добродетель; Д — правила добродетели *испр.* правила добродетель ⁶⁵ ЕЖ; Ан. . . Пд — приобретем; ЕфКб — приобретаем ⁶⁶ ЕЖАн; Б. . . Пд нет ⁶⁷⁻⁶⁷ ЕЖ; Ан — и в том самом *испр.* даже и в тех; Б. . . Пд — даже и в тех ⁶⁸ ЕЖ; Ан. . . Пд нет ⁶⁹ Е — ощущати ⁷⁰⁻⁷⁰ ЕЖ; Ан — добродетели его *испр.* его добродетелию; Б. . . Пд — его добродетелию ⁷¹ ЕАнЕфКб; Ж — обычаи; Б. . . Пд — обычая; Чк — обычаев; Д — обычай *испр.* обычая ⁷² ЕфКб — предсуждения ⁷³⁻⁷³ Е нет ⁷⁴ ЖАн; Б. . . Пд — заблуждает ⁷⁵ Ж; Ан — нарушение *доб.* оно; Б. . . Пд — нарушение оною ⁷⁶ ЧкТх — повелит ⁷⁷ ЕфКб — законов неистекаемый ⁷⁸ Ан — бы и; ЕфКбОл нет ⁷⁹⁻⁷⁹ ЖАнЧкТхОлРг; Б. . . ВрЕфКб — или бо какая; В — либо какая; Пд — или бы какая; Е — или <го> (*зач. пер.*) какая бы *доб. ред.* ни была ⁸⁰ ЕфКб — земле ⁸¹ БВКлЕфКбОлРг — непоколебим ⁸² Ж. . . Пд; Ан — немощных; Е — немощных *испр.* немощных ⁸³ В — твердость; ЕфКб — дверь ⁸⁴ Е; Ан — посмеяни *испр.* посмеяны; Ж — посмеяны; Б. . . Пд — осмеяны ⁸⁵ Ан — благодарных *испр.* благородных

Убойся заранее именовать благоразумием слабость в деяниях, сего ⁸⁶первого добродетели ⁸⁶ врага. Сегодня ⁸⁷ нарушишь ее уважения ради ⁸⁸ какового, но ⁸⁹ завтра ⁹⁰ нарушение ⁹¹ ее казаться будет самою добродетелью ⁹². И тако ⁹³ порок воцарится в сердце твоём и ⁹⁴ исказит черты непорочности в душе и на лице твоём.

Добродетели суть или частные, или общественные. Побуждения ⁹⁵ к первым суть всегда мягкосердие ⁹⁶, кротость, соболезнование, и корень их всегда благ. Побуждения ⁹⁷ ⁹⁸ добродетелей общественных ⁹⁸ нередко имеют ⁹⁹ начало свое в тщеславии и любочестии. Но для того не подлежит ⁷⁰⁰ останавливаться в исполнении их. Предлог ⁷⁰¹, над ним ² же вращается ³, придает ⁴ им вещества ⁵. В спасшем Курции отечество свое от пагубных ⁶ язвы никто не зрит ни тщеславного ⁷, ни отчаянного или ⁸ наскученного ⁹ жизнию, но ¹⁰ ироя ¹¹. Если же побуждения наши к общественным добродетелям начало свое имеют в человеколюбивой твердости души, тогда блеск их будет гораздо больший ¹². Упражняйся ¹³ всегда в ¹⁴ частных добродетелях ¹⁴, дабы мог ¹⁵ удостоиться исполнения общественных ¹⁶.

Еще преподам ¹⁷ вам некоторые исполнительные правила жизни. — Старайтесь ¹⁸ паче всего во всех деяниях ваших заслужить собственное свое почтение ¹⁹, дабы, обращая во ²⁰ уединении ²¹ взоры свои вовнутрь себя, не токмо не могли бы вы раскаяться ²² в ²³ сделанном ²⁴, но взирали бы на себя с ²⁵ благоговением.

Следуя сему правилу, удаляйтесь, елико то возможно, даже вида раболепствования. Вошед в свет, узнаете ²⁶ скоро, что в обществе существует обычай посещать ²⁷ в праздничные дни по утрам знатных особ. Обычай скаредный, ничего не значущий, означающий ²⁸ в посетителях дух робости, а в посещенном ²⁹ дух надменности и слабой рассудок. У римлян

⁸⁶⁻⁸⁸ ЕфКБОл — добродетели правого ⁸⁷ ЕЖ — Сего для ⁸⁸ БВУвГшКлМи нет ⁸⁹ ЕЖАн; Б. . . Пд нет ⁹⁰ Е. . . Пд; АнДОл — завтра ⁹¹ Е — нарушения испр. нарушение; ВМиЕфКб — нарушения ⁹² ЕЖ; Ан. . . Пд — добродетелию ⁹³ ЕАн; Ж. . . Пд — так ⁹⁴ ЕРг нет; Д доб. и ⁹⁵ БВ — Побуждению; УвГшЕфКБОлРг — Побуждение; Д испр. Побуждению испр. Побуждения ⁹⁶ В — мягко сердце ⁹⁷ ЕКЛОл — Побуждение ⁹⁸⁻⁹⁸ ЖАн; Е — добродетели общественной; Б. . . Пд — к добродетелям общественным ⁹⁹ ЖБВЕфКб — имеет ⁷⁰⁰ ЕЖАн; Б. . . Пд — подлежит

⁷⁰¹ В — предлогов ² ЕфКБОл — ними ³ ЕЖУвГшКлМиРг; Ан — вращается испр. вращаются; БВВр. . . Пд — вращаются ⁴ ЕфКб — предают ⁵ ЕЖ; Ан — вещества испр. важности; Б. . . Пд — важности ⁶ Е. . . ВрРг; АнЧкТхПд — пагубносныя ⁷ ЕфКб — тщеславия ⁸ Б. . . Вр — ни; Д — или испр. ни ⁹ ЕЖАн; Б. . . Пд — наскучившего; Ми — скучившего ¹⁰ БВ — ни; Е — ни испр. но ¹¹ Ж — героя ¹² Е — больше; Д — больше испр. больший ¹³ ЕЖАн; Б. . . Пд — Упражняйтесь ¹⁴⁻¹⁴ Е — частныя добродетели ¹⁵ ЕЖАн; Б. . . Вр нет; Чк. . . Пд — могли ¹⁶ Е — общественныя ¹⁷ Ж — преподал; Ми — преподав ¹⁸ ЕфКБОл — Старайтесь ¹⁹ ЕфКб — попечение ²⁰ УвКлВрТхЕфКб Пд — в ²¹ ЖКл — уединение ²² Е; ЖМи — раскаяться; Б. . . ЧкКБРг — раскаяться; АнТхПд — раскаяваться; Еф — раскаяваться ²³ ЕЖАн; Б. . . Пд — о ²⁴ ЕфКБОлРг — соделанном ²⁵ ЕЖАн; Б. . . Пд — со ²⁶ Б — узнает ²⁷ Е — посещайте испр. посещать ²⁸ ЕЖ; Ан — означающий испр. показующий; Б — п оказующий; В. . . Пд — показующий ²⁹ ЕЖАн; БВ — посещаемых; Ув. . . Пд — посещаемом

было похожее сему обыкновение³⁰, которое они называли ambitio³¹. ³²то есть³³ снискание³⁴; а оттуда и любочестие называлось ambitio³⁵. ³² ибо посещениями именитых людей юноши снискивали себе путь к чинам и достоинствам. То же делается и ныне. Но если у римлян обычай сей введен был для того, чтобы молодые люди обхождением с испытанными научились³⁶, то сомневаюсь³⁷, чтобы цель в обычае сем всегда непорочна³⁸ сохранилась³⁹. В ⁴⁰наше же время⁴⁰, посещая знатных господ, учения пелию своею никто не имеет, но снискание⁴¹ их благоприятства. И так да не преступит нога ваша порога, отделяющего⁴² раболепство⁴³ от исполнения должности. Не посещай николи передней ⁴⁴знатной барыни⁴⁴, разве по долгу звания твоего. ⁴⁵Тогда среди толпы презренной и тот, на кого она взирает с подобострашием, ⁴⁶с негодованием хотя, тебя в душе своей⁴⁶ от нее отличит⁴⁷. ⁴⁵.

Если случится, что смерть пресечет дни мои прежде, нежели в благом пути отвердеете⁴⁸. ⁴⁹и, юные⁴⁹ еще, восхитят ⁵⁰ вас страсти⁵¹ из⁵² стези⁵³ рассудка, — ⁵⁴то не отчаявайтесь⁵⁴, соглядая иногда превратное⁵⁵ ваше шествие. В заблуждении вашем, в забвении самого⁵⁶ себя, возлюбите добро. Распутное житие, безмерное любочестие, наглости⁵⁷ и все пороки юности оставляют надежду исправления, ибо скользят по поверхности сердца, его⁵⁸ уязвляя. Я лучше желаю, чтобы во⁵⁹ ⁶⁰младых летах ваших⁶⁰ были распутны⁶¹, нежели сребролюбивы или же чрезмерно бережливы, щеголеваты, занимаясь⁶² более⁶³ убранством, нежели чем другим. Систематическое, так сказать, расположение в щегольстве означает всегда сжатый рассудок. Если⁶⁴ повествуют, что Юлий Кесарь⁶⁵ был щеголь, но щегольство его⁶⁶ имело цель. Страсть к женщинам в юности его была⁶⁷ к сему побуждением. Но он из щеголя облекся бы ⁶⁸в мгновение⁶⁸ во⁶⁹ смраднейшее рубище, если бы то способствовало к достижению его желаний.

³⁰ Ж — обыкновению ³¹ ЖРг; Ан — ambitio доб. сверху амбицио; Е — амбицнею; Б. . . Пд — амбицио ³²⁻³² Рг нет ³³ ЖМиВр — т. е.; Тх — то е. ³⁴ ЕЖАн; Б. . . Пд — снискание или обхождение ³⁵⁻³⁵ ЕЖ; Ан — называлось ambitio доб. сверху амбицио; Б. . . Пд — названо амбицио ³⁶ Ан — научился испр. научились; ВКБол — научились; Еф — научился ³⁷ ЖКб — сомневаюсь; Еф — сомневаются ³⁸ ЖМиЕфКб — непорочно; Рг — непорочною ³⁹ БВДЕфКб — сохранялась; Рг — сохранилась ⁴⁰⁻⁴⁰ ЕЖ; Ан. . . Пд — наши же времена ⁴¹ ЕЖВ — снискания ⁴² Б. . . Вр — отделяющего ⁴³ Б — раболепства ⁴⁴⁻⁴⁴ ЕЖ; Ан — знатной барыни испр. знатного барина; Б. . . Пд — знатного боярина ⁴⁵⁻⁴⁵ Е нет ⁴⁶⁻⁴⁶ Ж; Ан — с негодованием хотя, тебя в душе своей испр. в душе своей тебя хотя с негодованием, но; Б. . . Пд — в душе своей тебя хотя с негодованием, но ⁴⁷ Ж — откичет; Ан — отличит испр. отличит ⁴⁸ БВ — отвердеют ⁴⁹⁻⁴⁹ Ан — и юные испр. и юны; Е — ныне; Ж — и оны; Б. . . Пд — и юны; Рг — и юных; Ми — и ныне ⁵⁰ Е — исхитят; Ж — восхитят ⁵¹ Е — страстию ⁵² ЕфКб — и ⁵³ Ж — стезы; Рг — среды ⁵⁴⁻⁵⁴ Е — но не отчаяваться ⁵⁵ ЕфКб — прекратно ⁵⁶ ЕЖАн; Б. . . Пд — самх ⁵⁷ ЕЖ; Ан. . . Пд — наглость ⁵⁸ ЕЖ; Ан — его доб. не; Б. . . Пд — его не ⁵⁹ Еф — в ⁶⁰⁻⁶⁰ ЖАн; Е — молодые лета ваша; Б. . . Пд — молодых летах ваших (Рг нет) вы ⁶¹ Ж; Е — распутливы; Ан. . . Пд — распутны, расточительны, нагли ⁶² Е — занимаясь ⁶³ ЧкТх — боле ⁶⁴ Е нет ⁶⁵ Б. . . Вр — Цесарь; Д испр. Цесарь испр. Кесарь ⁶⁶ Ан — его бы испр. его ⁶⁷ Ж — были; Ми — было ⁶⁸⁻⁶⁸ Ж; Е — во мгновение; Ан — в мгновение испр. во мгновение; Б. . . Пд — мгновенно ⁶⁹ УвМиВрЧкТхЕфКбРг — в

Во младом человеке не токмо⁷⁰ щегольство преходящее простительно, но и всякое⁷¹ дурачество. Если же наикраснейшими⁷² деяниями жизни сокрывать⁷³ будете коварство, ложь, вероломство, сребролюбие, гордость, ⁷⁴любочестие, мщение⁷⁴, зверство, — то, если⁷⁵ ослепите современников ваших ⁷⁶на время⁷⁶ блеском ясной наружности, если⁷⁷ не найдете никого⁷⁸ столь любящего вас, да представит⁷⁹ вам зеркало⁸⁰ истины, не мните, однако же, затмить взоры прозорливости. — Проникнет⁸¹ она светозарную ⁸²ризу твоего⁸² ⁸³коварства, и добродетель⁸³ черноту души твоея⁸⁴ обнажит. Возненавидит ее⁸⁵ сердце твое, и яко чувственница (sensitive)⁸⁶ увидать⁸⁷ станет прикосновением твоим, не⁸⁸ мгновенно, но стрелы ее издалека язвить тебя станут и терзать.

Простите, возлюбленные мои, простите, друзья души моя⁸⁹; днесь при сопутном ветре отчалите⁹⁰ от берега⁹¹ чуждыя⁹² опытности⁹³ ладью вашу; стремитесь по валам жития человеческого, да научитесь управлять⁹⁴ сами собою. Блажени⁹⁵, не претерпев⁹⁶ крушения⁹⁷, достигнете⁹⁸ пристанища, его же жаждете⁹⁹. Будьте счастливы в⁸⁰⁰ плавании вашем. Се искреннее⁸⁰¹ мое желание². Естественные силы мои, истощився³ движением и жизнью, изнемогут и угаснут; оставлю⁴ вас навеки; но се мое вам завещание. Если ненавистное счастье истощит над тобою все стрелы свои, если добродетели твоей убежища⁵ ⁶на земли⁶ не останется, если, доведену⁷ до крайности, не будет тебе покрова от угнетения, — тогда воспомни⁸, ⁹то ты человек, воспомни¹⁰, ⁹величество твое, восхити венец¹¹ блаженства, его же отъяти у тебя тщася. — Умри. — В наследие оставлю¹² слово умирающего Катона. — Но если во¹³ добродетели умрети

⁷⁰ Ж — только ⁷¹ ЕЖ; Ан — всякое доб. почти; Б. . . Пд — всякое почти
⁷² Е — наипрекраснейшими ⁷³ ЕЖАн; Б. . . Пд — прикрывать ⁷⁴⁻⁷⁴ ЕЖ;
 Ан. . . Пд — любощение; ЕфКб — любощение ⁷⁵ ЕЖ; Ан — если испр. хотя;
 Б. . . Пд — хотя ⁷⁶⁻⁷⁶ ЕЖ; Ан — на время ⁷⁷ ЕЖАн;
 Б. . . Пд — хотя ⁷⁸ Еф — никогда; Рг — вы ⁷⁹ БВ — представят
⁸⁰ Б — зеркало ⁸¹ Б. . . ВрОл — проникает ⁸² Ж; Е — твоею; Ан — твоего зач.;
 Б. . . Пд нет ⁸³⁻⁸³ Е — коварство и добродетели ⁸⁴ ЕЖ; Ан — твоей; Б. . . Пд —
 вашей ⁸⁵ Ж — она ⁸⁶ Ж; Ан — (sensitive) зач.; Е. . . Пд нет ⁸⁷ ВрОлПд —
 увидать ⁸⁸ ЖВ; Е. . . Пд — но ⁸⁹ ЕЖ; Ан. . . Пд — моей ⁹⁰ Е — отчалите
⁹¹ Ан — берега испр. берега; ЕфКб — берега ⁹² БВУвГшКлВр — чуждые; Ми —
 чуждую ⁹³ Ан — опасности испр. опытности ⁹⁴ ЖАнЧкЕфКбОл; Е. . . Пд —
 управлять; Тх — управлять испр. управлять ⁹⁵ ЖАнЧкТхОлПд; ЕЕфКб —
 Блажени; БВГшКлМиРг — Блажени; УвВр — Блаженный ⁹⁶ Е — претерпева
⁹⁷ ЕЖ; Ан — крушения доб. если; Б. . . Пд — крушения, если ⁹⁸ ЕЖВМиЕф
 КбОлПд — достигните ⁹⁹ Ж; Е — жаждях; Ан. . . Пд — жаждем] ⁸⁰⁰ ЕЖАн;
 Б. . . Пд — во

⁸⁰¹ ЕфКб — искреннейшее ² Е — желание мое ³ Е; Ж — истощившись;
 Ан. . . Пд — истощав; ГшТх — истощив ⁴ Е — оставляя ⁵ Ж — убежище
⁶⁻⁶ Е нет; КлЕфКб — на земле ⁷ БВ; Ан — доведену испр. доведену; ЕЖ —
 доведено; УвГшКлМи — доведены; ВрЧкТхЕфКбПд — доведену; Ол — доведену;
 Рг — доведены испр. доведену ⁸ Е. . . Пд — воспомни; ЖМиЕфКб — воспомни;
 Ан — да воспомни испр. воспомни ⁹⁻⁹ Ан. . . Пд; ЕЖ нет ¹⁰ БВОлРг —
 воспомни; Еф — воспомни ¹¹ ЕЖ — ветер; Ан — ветер испр. венец ¹² ЕЖ;
 Ан — оставлю испр. оставляю; Б. . . Пд — оставляю ¹³ ЕЖАнЧкОлПд; Б. . . Рг — в

возможешь¹⁴, умеи умерети¹⁵ и в пороке и будь, так сказать, добродетелен и¹⁶ в самом зле. — Если, забыв мои наставления, поспешать будешь¹⁷ на злые дела, обыкшая душа¹⁸ добродетели востревожится, явлюся¹⁹ тебе в мечте. — Восприяи от ложа твоего, преследуй душевно моему видению. Если тогда источится слеза из очей твоих, то усни паки: пробудись на исправление. Но если среди ²⁰злых твоих начинаний²⁰, вспоминая обо мне, душа твоя не зыбнется²¹ и око²² пребудет сухо. . . Се сталь, се отрава — избавь²³ меня скорби, избавь землю поносных тяжести. — Будь мой еще сын. — Умри ²⁴на добродетель²⁴.

Вещающу²⁵ сие старцу, юношеский румянец покрыл²⁶ сморщенные ланиты его; взоры его испускали лучи надежного радования, черты лица сияли сверхъестественным веществом. Он облобызал детей своих и, проводив²⁷ их до повозки, пребыл тверд до последнего расставания²⁸. Но едва звон почтового колокольчика возвестил ему, что они начали от него удаляться, упругая ²⁹душа сия²⁹ смутилася³⁰. Слезы проникли³¹ сквозь очей его, ³²грудь его³² воздымалася³³, он руки свои простирал вслед³⁴ отъезжающим³⁵; казалось, будто желает³⁶ остановить стремление коней. Юноши узрели³⁷ издали родившего³⁸ их в такой печали, возрыдали столь громко, что ветр³⁹ ⁴⁰жалостной стон их доносил⁴⁰ до слуха нашего. Они простирали ⁴¹так же руки⁴¹ к отцу своему, и казалось, будто его к себе звали. Не мог старец снести сего зрелища; силы его ослабели, и он упал в мои объятия⁴². Между тем пригорок скрыл отъехавших юношей от взоров наших; пришед в себя, старец стал на колени⁴³ и, воздев⁴⁴ руки ⁴⁵и взоры⁴⁵ на небо: — Господи, — возопил он, — молю тебя, да укрепишь⁴⁶ их в стезях⁴⁷ добродетели⁴⁸, молю, блаженны⁴⁹ да будут⁵⁰. Веси, никогда не утруждал тебя, отец всещедрый, бесполезною молитвою. Уверен в душе моей, яко⁵¹ благи еси и правосуден. Любезнейшее⁵² тебе ⁵³нас⁵³ есть добродетель, деяния

¹⁴ *Е* — возможно ¹⁵ *ЖАнМиЧк*; *Е* — умерети; *Б. . . Рг* — умереть; *ЕфКб*
ОлПд — умереть ¹⁶ *Е. . . Вр*; *Чк. . . Пд* нет ¹⁷ *Ж*; *Ан. . . Пд* — будешь
¹⁸ *Ан* — душа *доб.* в ¹⁹ *Е* — явлюсь; *Ж* — явлюся ²⁰⁻²⁰ *Е* — злые твои начинания
²¹ *ЕфКб* — зыблется ²² *БКлВр* — оно; *УвГш* — яко ²³ *Ан* — Избавь
доб. немедля ²⁴⁻²⁴ *Е* — но добродетелен; *Ж* — но добродетель!!; *Еф* — на добродетели
²⁵ *ЖБВУвГшКлМи*; *Е* — Вещающему; *АнВр. . . Пд* — Вещавшу
²⁶ *ЕфКб* — покрыл ²⁷ *ЕЖДЕфКб* — проводил ²⁸ *ЕЖ*; *Ан* — расставания *испр.*
расставания; *Б. . . Пд* — расставания ²⁹⁻²⁹ *ЕЖАн*; *Б. . . Пд* — сия душа ³⁰ *ЕЖ*;
Ан — смущалася *испр.* смягчилася; *Б. . . Пд* — смягчилася; *В* — смягчилася
³¹ *БВДУвГшКлМи* — проникали ³²⁻³² *ЖАнЧкТхПд*; *Б. . . Вр* нет; *Е* — грудь еще
³³ *Б. . . Вр* — воздымал ³⁴ *ЕЖАн*; *Б. . . Пд* — вслед за ³⁵ *ЕАн*; *Ж* — отъезжающим;
Б. . . Пд — отъезжающими ³⁶ *ЖАнЧкТхПд*; *Е* — хочет; *Б. . . ВрЕф* — желал
³⁷ *ЕЖЕфКб*; *Ан* — узрели *испр.* узрев; *Б. . . Пд* — узрев ³⁸ *ЕЖ*; *Ан* —
родившего *испр.* родшего; *Б. . . Пд* — родшего; *ЕфКб* — рождшего ³⁹ *Е* — ветер
⁴⁰⁻⁴⁰ *Ан* — жалостной стон их доносил *испр.* жалостной их стон доносил; *Е* — жалостный
стон их донес; *Ж* — их жалостный стон доносил; *Б. . . Пд* — доносил жалостной
их стон ⁴¹⁻⁴¹ *БВУв. . . Вр* — руки так же ⁴² *БВ* — объятии ⁴³ *АнМи* —
колена ⁴⁴ *ЕЖАн*; *Б. . . Пд* — возвел; *БЕфКбРг* — возвед ⁴⁵⁻⁴⁵ *ЖЕф* нет
⁴⁶ *Ж* — укрепит ⁴⁷ *Е* — стезе ⁴⁸ *БВУвГшКл* — добродетелей; *Вр* — добродетели
испр. добродетелей; *Д* *испр.* добродетелей *испр.* добродетели ⁴⁹ *МиВр* — блаженный;
ЧкТхЕфКб — блаженни; *АнОлПд* — блажени ⁵⁰ *Б* — будет ⁵¹ *Б. . . Вр* — что;
Д *испр.* что *испр.* яко ⁵² *Ж* — Любезнейшее в; *УвКлМиЧк* — Любезнейшая
⁵³⁻⁵³ *Ж* нет

чистого сердца⁵⁴ суть наилучшая для тебя жертва. . . Отлучил я ныне от себя сынов моих. — Господи, да будет на них воля твоя. — Смущен, но тверд в надеянии своем⁵⁵, отъехал он⁵⁶ в ⁵⁷жилище свое⁵⁷.

Слово⁵⁸ крестического⁵⁹ дворянина не выходило⁶⁰ у меня из головы. Доказательства его о ничтожестве власти родителей над детьми казались мне неоспоримы. Но если в благоустроенном обществе нужно, чтобы юноши почитали старцев и неопытность — совершенство⁶¹, то нет, кажется, нужды власть родительскую делать⁶² беспредельною⁶³. Если совет⁶⁴ между ⁶⁵отца и сына⁶⁵ не на ⁶⁶нежных чувствованиях сердца основан⁶⁶, то он, конечно, не тверд и будет не тверд вопреки всех законоположений. Если отец в сыне видит своего слугу⁶⁷ и власть свою ищет в законоположении⁶⁸, если сын почитает отца ⁶⁹ради наследия⁶⁹, то какое благо из того обществу? ⁷⁰В первом случае закон дает повод к суровости⁷¹, в другом есть пример разврата⁷⁰. Отец обязан сына воскормить и научить и должен ⁷²наказан быть⁷² за его проступки⁷³, доколе ⁷⁴не совершеннолетний (emancipatio)⁷⁴, а сын должности ⁷⁵свои да ⁷⁵обрящет в своем сердце. Если оно⁷⁶ ничего не ощущает, то виновен отец, почто⁷⁷ ничего не насадил. Сын же вправе требовать⁷⁸ ⁷⁹от отца что-либо⁷⁹, ⁸⁰доколе немощен⁸⁰. Птенец пернатых⁸¹ не ищет помощи от произведших его, когда сам начнет находить⁸² пищу. Самец и самка забывают о птенцах своих, егда⁸³ возмужают. Се есть закон природы. Если гражданские законы от него удаляются⁸⁴, то рождают⁸⁵ всегда чудовище⁸⁶. Ребенок⁸⁷ любит своего отца, матеря⁸⁸ или наставника, доколе любление⁸⁹ его не обратится к⁹⁰ другому предмету. Да не оскорбится сим сердце твое, отец чадолюбивый. Естество того требует. Единое⁹¹ ⁹²тебе в том⁹² утешение да будет, вспоминая, что и ⁹³сын его⁹³ возлюбил его⁹⁴ до совершенного⁹⁵ возраста. ⁹⁶Тогда же⁹⁶ от тебя за-

⁵⁴ Е — сердца, оне ⁵⁵ ВВУвГшКлМи — совсем ⁵⁶ Ж нет ⁵⁷⁻⁵⁷ ЕЖ; Б. . . Пд — свое жилище ⁵⁸ ЕфКб — Слова ⁵⁹ ЕБДМиЕфКб — крестического ⁶⁰ ЕфКб — выходили ⁶¹ ГшЕфКб — совершенства ⁶² В — делить ⁶³ МиЕфКб — беспредельную ⁶⁴ ЕЖ; Б. . . Пд — союз ⁶⁵⁻⁶⁵ Ж; Б. . . Пд — отцом и сыном ⁶⁶⁻⁶⁶ Б. . . Пд; Е — нежны чувствования сердца; Ж — нежных чувствования сердца ⁶⁷ ЕЖ; Б. . . Пд — раба ⁶⁸ ЕфКбОл — законоположениях ⁶⁹⁻⁶⁹ ЕЖ; Б. . . Пд — наследия ради ⁷⁰⁻⁷⁰ ЕЖ; Б. . . Пд — Или еще один невольник в прибавок ко (ЧкТх — к) многим другим, или змия за пазухой (ЧкТхЕфКбРгПд — пазухой) . . . ⁷¹ Ж; Е — здравости ⁷²⁻⁷² Ми — наказывать ⁷³ ЖМиЧк. . . Пд; Е. . . ВрОл — проступки; Д — проступки *испр.* проступки ⁷⁴⁻⁷⁴ Е — не (emancipatio) *доб. сверху* совершеннолетний; Ж — не (emancipatio); Б. . . Пд — он не выйдет (ДЕфКб — взойдет; Рг — выйдет) в совершеннолетие ⁷⁵⁻⁷⁵ Е — своей не ⁷⁶ ЕЕфКб; Ж — тот; Б. . . Пд — он ⁷⁷ ЕЖЧк. . . Пд; ВВУвГшКлМи — что; Вр — что *испр.* почто; Д *испр.* почто ⁷⁸ Е. . . Пд; ВВДКлМи — требовать; Чк — требовании ⁷⁹⁻⁷⁹ ЕЖ; ВВУвГшКлМи — вспомоществования от отца; ВрЧкТхПд — от отца вспомоществования ⁸⁰⁻⁸⁰ ЕЖ; Б. . . Пд — доколе пребывает (Еф — бывает) немощен и малолетен (ЕфКб — малолетен); но в совершеннолетию естественная сия и природная связь рушится, и (ВВ; Ув. . . Пд — рушится; ЕфКб — решится) ⁸¹ Е — пернатый ⁸² ЕЕфКб — находить ⁸³ ЕЖ; Б. . . Пд — когда сии ⁸⁴ ЕЖ; Б. . . Пд — удаляются ⁸⁵ ЕЖ; Б. . . Пд — производят ⁸⁶ Ж; Е — чудовищ; Б. . . Пд — урода ⁸⁷ Рг — Ребенок ⁸⁸ ЕЖ; Б. . . Пд — мать ⁸⁹ Ж — любление ⁹⁰ ЕЖДЕфОлРг; Б. . . Пд — ко ⁹¹ ВГш — Едина; Ув — Едина (?) *испр.* Едино; ВКлМи — Едино ⁹²⁻⁹² ЕЖРг; Б. . . Пд — в том тебе; ЕфКбОл — тебе ⁹³⁻⁹³ Ж; Е — его сын; Б. . . Пд — сын сына твоего ⁹⁴ ЕЖ; Б. . . Пд — отца ⁹⁵ ЕЖ; Б. . . Пд — совершенного только ⁹⁶⁻⁹⁶ ЕфКб — того даже

висеть будет обратить его горячность к тебе. Если ты в том успеешь, блажен еси⁹⁷ и почтения достоин. — В таковых размышлениях доехал я до почтового стана.

ЯЖЕЛБИЦЫ¹

Сей день определен мне был судьбою на испытание. Я отец, имею² нежное сердце к³ моим детям. Для того-то слово крестецкого⁴ дворянина меня столь тронуло. Но, потрясши меня до внутренности, излило некое усладительное чувство⁵ надеяния, что⁶ блаженство наше в отношении детей наших зависит много от нас самих. Но в Яжелбицах⁷ определено мне было быть зрителем позорища, которое⁸ глубокий корень печали оставило в душе моей, и нет надежды на его истребление. О⁹ юность! услыши мою повесть. Познай свое заблуждение, воздержись от произвольных гибели и пресеки путь¹⁰ будущему раскаянию.

Я проезжал¹¹ мимо кладбища. Необыкновенный вопль терзающего на себе волосы¹² человека понудил меня остановиться. Приблизясь, увидел я, что там совершалось¹³ погребение. Надлежало уже гроб¹⁴ опустить в землю¹⁴, но тот, которого я издали зрел терзающего на себе власы, повергся¹⁵ на гроб и, ухватясь за оный весьма крепко, не позволял оный опускаться в землю. С великим трудом отвлекли его от гроба и, опустя оный в могилу, зарыли оную¹⁶ поспешно. Тут страждущий вещает¹⁷ к предостыщим: — Почто вы меня его лишили, прчто меня с ним не погребли живого и не скончали моей скорби и раскаяния? Ведайте, ведайте¹⁸, что я есть¹⁹ убийца возлюбленного моего сына, его же мертвца предали²⁰ земле. Не дивитесь сему. Я не прекратил жизни его ни мечем, ни отравою. Нет, я более сего сделал. Я смерть его²¹ уготовал до рождения его, дав жизнь ему отравленную²². Я есмь убийца, каковых²³ много, но есмь²⁴ убийца²⁵ лютейший других²⁵. Убийца сына моего до рождения его. — Я, я один²⁶ прекратил дни²⁷ его, изливав томный яд в начало²⁸ его. Он воспретил укрепиться²⁹ силам тела его. Во все время жития своего не наслаждался он здравием ни³⁰ дня единого; и, томящегося³⁰ в силах своих, разверстие³¹ яда пресекло³² течение жизни. Никто, никто меня не накажет за мое злодеяние! —

⁹⁷ Ж; Е — если; Б. . . Пд нет

¹ Ж — Яжелбицы; МиЧк — Яжелбицы; Рг — Яжелбицы ² БВМи — имея
³ Ж — ко ⁴ Е. . . Пд; БДМиЕфКб — крестецкого ⁵ Ж — чувствования;
 ЕфКбОл — чувство ⁶⁻⁶ Ж; Е — надеяние; — это; Б. . . Пд — надежды, что
⁷ ЕЖ — Яжелбицах; МиЧк — Яжелбицах; Рг — Яжелбицах ⁸ В — которую
⁹ ЕфКб нет ¹⁰ ЕЖ; Б. . . Пд — путь к ¹¹ ЕЖ — пробежал ¹² ЕЖМи;
 Б. . . Пд — власы ¹³ Ж — совершалось ¹⁴⁻¹⁴ ЕЖ; Ан. . . Пд — опускать в мо-
 гилу ¹⁵ Б — повергая; ВУвКлМи — повергаясь ¹⁶ ЕЖАн; Б. . . Пд — ее;
 УвГшКлМиЕфКбОлРг — его ¹⁷ ЕЖ; Ан. . . Пд — вещал ¹⁸ Еф нет ¹⁹ ЕЖ;
 Ан. . . Пд — есмь ²⁰ Е — предаю ²¹ УвКлМи — ему ²² Ан — отравленную;
 ЕфКб — отравную ²³ Ж — таковых ²⁴ Ж — есть ²⁵⁻²⁵ Е — лютейший, други
²⁶ ЕЖ; Ан. . . Пд — один ²⁷ Б — дня ²⁸ Е — начала; УвМи — начале
²⁹ Е — укрепится; Ж — укрепить ³⁰ ЕфКб — единого дня; утомящего ³¹ ЕЖ —
 разверстие ³² БУвМи — преспело; ГшКл — приспело

Отчаяние ознаменовалось на лице его, и бездыханна ³³ночи ³⁴отнесли³³ его³⁴ с сего места.

Нечаянный хлад разлился³⁵ в моих жилах. Я весь³⁶ оцепенел. Казалось мне, я слышал мое осуждение. Воспомянул³⁷ дни распутныя³⁸ моя юности. Привел на память все случаи, когда востревоженная³⁹ чувствами душа гонялася за их услаждением, почитая мздоимную участницу любовныя утехи истинным предметом горячности. Воспомянул, что невоздержанье⁴⁰ в любострастии навлекло телу моему смрадную болезнь, ⁴¹ее же вида все гнушаются, ею же все юноши отравляются⁴¹. О, если бы⁴² не далее она корень свой испускала! ⁴³Если бы⁴³ он⁴⁴ с утолением⁴⁵ любострастия прерывался⁴⁶! Прияв отраву⁴⁷ сию в веселии, не токмо согреваем ее в недрах наших, но даем ее в наследие нашему потомству. — О друзья мои возлюбленные, о! чада души моей, не ведаете вы, колико⁴⁸ согрешил⁴⁹ пред вами. Бледное ваше чело есть мое осуждение. Страшусь возвестить вам о болезни, иногда вами ощущаемой. Возненавидите, может быть, меня и в ненависти вашей будете справедливы. Кто уверит вас и меня, что вы⁶⁰ не носите в крови вашей ⁵¹сокровенное жало, определенное⁵¹ да скончат дни ваши безвременно. Прияв сей смрадный яд в тело мое в совершенном возрасте, затверделость моих членов противится⁵² его распространению и борется с его смертоносностию⁵³. Но вы, прияв его от рождения вашего, нося его в себе ⁵⁴как нужную часть сложения⁵⁴, ⁵⁵как оным⁵⁶ воспротивитесь разрушительному его сожжению⁵⁵! Все ваши болезни суть следствия сея отравы. О возлюбленные мои! плачьте о заблуждении моего юношества, призовите на помощь врачебное искусство и, если можете, ⁵⁷меня ненавидите⁵⁷.

Но теперь отверзается очам моим все пространство сего любострастного злодеяния. Согрешил⁵⁸ ⁵⁹предо мною⁵⁹, навлекши⁶⁰ безвременную старость и дряхлость в ⁶¹юношеских еще летах⁶¹. Согреших⁶² пред вами, отравив жизненные ваши соки до рождения вашего и тем уготовив⁶³ вам⁶⁴ томное

³³⁻³³ В — потащили ³⁴⁻³⁴ УвКлМи — его отвели; Гш — свелл его
³⁵ ЖРг — разлился ³⁶ ЕЖ; Ан — весь зач.; Б. . . Пд нет ³⁷ ВВУвГшКлМи
нет; ВрЧкТх — Воспомянув ³⁸ Е — распутства ³⁹ Ж — востревоженная; Ан —
вотревоженная испр. востревоженная ⁴⁰ Ж — невоздержания ⁴¹⁻⁴¹ ЕЖ; Ан —
ее же все гнушаются; ею же все юноши отравляются зач.; Б. . . Пд нет ⁴² Е — б
⁴³⁻⁴³ Ж; Е — Если б; Ан. . . Пд — О, если бы ⁴⁴ ЕЖАн; Б. . . Пд — она
⁴⁵ Б. . . ВрЕфКб — утолением; Д испр. утолением испр. утолением ⁴⁶ ЕЖАн;
БВ — прерывалась; Ув. . . Пд — прерывалась ⁴⁷ ЖГш — отраву ⁴⁸ В — ко-
лико я ⁴⁹ ЕЖ; Ан — согреших испр. согрешил; Б. . . Пд — согреших ⁵⁰ ЕфКб
нет ⁵¹⁻⁵¹ ЕЖАн; Б. . . Пд — сокровенного жала, определенного ⁵² ЕЖ;
Ан — противилась испр. противилась; В — противилась; Ув. . .
Пд — противилась; Ми — противилось ⁵³ Е — смертоносностью; Ж — смертоно-
стию; ЕфКб — смертностью ⁵⁴⁻⁵⁴ Е — как нужное частию сложение; Ж — нам
нужное частию сложения ⁵⁵⁻⁵⁵ ЕЖ нет ⁵⁶ Ан — оным зач.; Б. . . Пд нет
⁵⁷⁻⁵⁷ Ан — меня ненавид — доб. в пробел — ите и переставлено ненавидите меня;
Е — меня не ненавиждть; Ж — меня ненавиждть; Б. . . Кб — ненавиждте меня; ОлРгПд —
не ненавиждте меня ⁵⁸ ВВУвГшКлМи — Согреших ⁵⁹⁻⁵⁹ ЕфКб — пред собою
⁶⁰ ЕЖАн; Б. . . Пд — навлекши себе ⁶¹⁻⁶¹ Е — юношески еще года; Ми — юно-
шеские еще лета ⁶² ЖБВКл; Ан. . . Пд — Согрешил ⁶³ Ан; ЕЖ — угодив;
Б. . . Пд — уготовил; ВМиОлРг — уготовал; Д — уготовил испр. уготовал ⁶⁴ ЕфКб
нет

здравие и преждевременную⁶⁵, может быть, смерть. Согреших⁶⁶, и⁶⁷ сие да будет мне в казнь, согреших⁶⁸ в горячности моей, взяв в супружество мать вашу. Кто мне порукою в том, что не⁶⁹я был⁶⁹ причиною ее кончины? Смертоносный яд, источаясь⁷⁰ в веселии, преселился⁷¹ в чистое ее тело и отравил⁷² непорочные ее члены. Тем смертоноснее он был, чем был сокровеннее. Ложная стыдливость воспретила мне⁷³ее в том уведомить⁷³, она⁷⁴ не остерегалась⁷⁵ отравителя своего в горячности своей к нему. Воспаление, ⁷⁶после родов⁷⁶ ей⁷⁷ приключившееся, есть плод, может быть, уделенной ей мною отравы. О возлюбленные мои, колико должны вы меня ненавидеть!

Но кто причиною, что сия смрадная болезнь во всех государствах делает столь великие опустошения, не токмо пожиная много настоящего поколения, но сокращая дни грядущих? Кто причиною, разве не правительство? Оно, дозволяя распутство мздоимное, отвергает⁷⁸ ⁷⁹не токмо путь⁷⁹ ко⁸⁰ многим порокам, но отравляет жизнь граждан. Публичные женщины находят защитников, и в некоторых государствах состоят они⁸¹ под покровительством начальства. Если бы, ⁸²говорят некоторые⁸², ⁸³запрещено было наемное удовлетворение⁸³ любовной⁸⁴ страсти, то бы нередко были чувствуемы мощные⁸⁵ в обществе потрясения. Увозы, насилия, грабительство⁸⁶, убийство нередко бы⁸⁷ источник свой имели в любовной страсти, могли бы они потягати и самые основания обществ⁸⁸. — И вы желаете лучше тишину и с нею⁸⁹ томление и скорбь, нежели тревогу и с нею здравие и мужество. Молчите, скаредные учителя, вы есте⁹⁰ наемники мучительства; оно, проповедуя всегда мир и тишину, заключает усыпавших⁹¹ в оковы. Бойся оно даже посторонняя тревоги. ⁹²Желали б⁹², чтоб⁹³ всегда⁹⁴ ⁹⁵одинако с ним⁹⁶, ⁹⁵мыслили, дабы надежно⁹⁷ лелеяться⁹⁸ в величестве⁹⁹ и утопать в сладострастии¹⁰⁰. — Я не удивляюсь¹⁰¹ глаголам

⁶⁵ ЕЖ; Ан. . . Пд — безвременную ⁶⁶ ЖЕФКБ; Ан. . . Пд — Согрешил
⁶⁷ БВ — я ⁶⁸ Ж; Ан. . . Пд — согрешил; ЕФКБ — согрел ⁶⁹⁻⁶⁹ ЕФКБ —
был я ⁷⁰ Ж — испичаяся; АНЕФРг — источаяся ⁷¹ АНЧКТХРгПд; Е —
перелился; Ж — прияшеса; БВМИЕФКБОл — переселился; УГШКл — переселп-
лося; Вр — переселился ⁷² Е — отравив; Ж — отравит ⁷³⁻⁷³ ЖАН; Е —
в том ее уведомить; Б. . . Пд — ее в том предостеречь ⁷⁴ ЕЖАН; Б. . . Пд — она же
⁷⁵ Ж. . . Пд; АНВ — остереглася; Е — остереглася; ЕФКБ — остерегаяся
⁷⁶⁻⁷⁶ ЕЖ; АН — после родов зач.; Б. . . Пд нет ⁷⁷ БВ — ее ⁷⁸ ЕФКБ — от-
воряет ⁷⁹⁻⁷⁹ ЕФКБ — пусть не токмо ⁸⁰ Ж — к ⁸¹ ЕЖ; Ан. . . Пд нет
⁸²⁻⁸² БВВр — некоторые; УГШКлМи — некоторым ⁸³⁻⁸³ В — запрещены были на-
емные удовлетворения ⁸⁴ ЕЖ; Ан. . . Пд — любовныя ⁸⁵ ЕЖ; АН — мощные
испр. сильные; Б. . . Пд — сильные ⁸⁶ ЕЖ; АН — грабительство зач.; Б. . . Пд нет
⁸⁷ Ж — бы они ⁸⁸ ЖАНЧК. . . Пд; Е. . . Вр — общества ⁸⁹ Ж — тою ⁹⁰ Еф
КБ — есть ⁹¹ ЕЖ; АН — усыпляемых испр. засыпляемых лестию; БВУвКлМи
Вр — засыпляемых лестью; ГШЧк. . . Пд — засыпляемых лестию ⁹²⁻⁹² ЕЖАН;
Б. . . Чк — Жалобы; ВрТх — Жало бы; Пд — Желало бы ⁹³ БВУвГШКлМиЕф
КБ — чтобы ⁹⁴ Ж; АН. . . Пд — везде ⁹⁵⁻⁹⁵ ЕАНУвЕф. . . Пд; Ж. . . Тх — оди-
наково с ним; Кл — с ним одинаково; Д — одинако с ним испр. одинаково с ним
⁹⁶ АН — ним испр. ними ⁹⁷ Рг — надежнее ⁹⁸ Ж — лелеется ⁹⁹ Еф — ве-
личии; Рг — веселии ¹⁰⁰ ЕЖ; АН. . . Пд — любовстрастии
¹⁰¹ ЕЕФКБОл — удивляюсь; Ж — удивлялся

вашим. Сродно рабам желати² всех зрети³ в оковах. Одинаковая участь облегчает их жребий, а превосходство⁴ тягчит их⁵ разум и дух, ⁶не держающий угодиться⁷ тому, кого свыше⁸ себя почитают⁹, ⁶.

ВАЛДАЙ¹

Новый сей городок², сказывают, поселен³ при царе Алексее Михайловиче взятыми в плен поляками. Сей город⁴ достопамятен в рассуждении любовного расположения его жителей, а особливо женщин незамужних.

Кто не бывал в Валдае⁵, кто не знает валдайских⁶ баранок и валдайских⁷ разуряченных девок? ⁸И я в молодые⁹ мои лета парился у них в бане⁸. Всякого проезжающего наглые валдайские и стыд сотрясшие девки останавливают и стараются возжигать¹⁰ ¹¹в путешественнике любострасти¹¹, воспользоваться его щедростью¹² на счет своего целомудрия. Сравнивая нравы¹³ жителей ¹⁴сего города¹⁴ со¹⁵ нравами других российских городов, подумаешь, что ¹⁶он наидревнейший¹⁶ и что развратные нравы суть единые¹⁷ остатки его¹⁸ древнего построения. Но как немного более ста лет как¹⁹ ²⁰он поселен²⁰, то можно судить, сколь развратны²¹ были и первые его жители.

Бани бывали и ныне бывают²² местом любовных торжествований. Путешественник, условясь о пребывании своем с услужливою старушкою или парнем, становится на двор, где намерен был²³ приносить жертву всеобожаемой Ладе. Настала ночь. Баня для него уже уготована²⁴. Путешественник раздевается²⁵, идет в баню, где его встречает²⁶ или хозяйка, ²⁷если²⁷ молода²⁸, или ее дочь, или ²⁹свойственницы ее, или соседки²⁹. Оттирают³⁰ его утомленные члены, омывают его грязь. Сие производят совлекши с себя одежды, возжигают в нем любострастный огонь³¹, и он препроводит³² тут ночь³³, теряя деньги, здравие и драгоценное на путешествие время. Бывало, сказывают, что оплошного и отягченного³⁴ любовными подвигами и вином путешественника сии любострастные чудовища предавали

² Ж — желаний; Ми — желать ³ ЕЖАнБВ; Уе. . . Пд — зреть ⁴ ЕЖАн; Б. . . Пд — превосходство чье-либо ⁵ Е — и ⁶⁻⁶ ЕЖАн; Б. . . Пд нет ⁷ Ан; Е — уподобится; Ж — уподобится ⁸ ЕЖ; Ан — свыше испр. выше ⁹ Ж; Е — почитает; Ан — ощущает испр. ощущают

¹ ЕЖЧкТхДЕф; АнКБЭйРзПд — Валдай; БВ — Волдай; УеГшКлМи — Волдай; Вр — Волдай испр. Волдаи ² МиЕфКБЭй — город ³ ЕЖ; Ан — поселен испр. населен; Б. . . Пд — населен ⁴ ЕЖЕфКБЭй; Ан. . . Пд — городок ⁵ ЕЖ; Б — Валдаях и; В — Волдаях и; Уе. . . Вр — Волдаях; Чк. . . Пд — Валдаях ⁶ ВМи — волдайских ⁷ БВ нет; Ми — волдайских ⁸⁻⁸ ЕЖ; Б. . . Пд нет ⁹ Ж — молодые в ¹⁰ ЕфКБЭй — поджигать ¹¹⁻¹¹ Ми — путешественника ¹² ЕЖ ВМиЧкЕфКБЭйРз; Уе. . . Пд — щедростью ¹³ ЕКл нет ¹⁴⁻¹⁴ ЕЖ; Б. . . Пд — сея в города (ЧкТхЕфКБЭйРз — город; Д — город испр. города) произведенный (ЕфРз — произведенной) деревни ¹⁵ Ж — с ¹⁶⁻¹⁶ ЕЖ; Б. . . Пд — она есть наидревнейшая ¹⁷ ЕЖ; Б. . . Пд — единые токмо ¹⁸ ЕЖ; Б. . . Пд — ее ¹⁹ Е нет ²⁰⁻²⁰ Ж; Е — от поселения; Б. . . Пд — она населена ²¹ ЕфКБЭй — развратные ²² В — есть ²³ ЕЖ; Б. . . Пд нет ²⁴ ЕЖ; Б. . . Пд — готова ²⁵ Рз — раздевается и ²⁶ ЖЕф — встречают; Б. . . Вр нет ²⁷⁻²⁷ Е — его, если она ²⁸ Ж — молодая ²⁹⁻²⁹ БВРз — свойственница ее, или соседка ³⁰ ЕЖ; Б. . . Пд — оттирают; Д — оттирают испр. отирают; ЕфКБЭй — откроют ³¹ ЕЖ; Б. . . Пд — огонь ³² ЕЖ; Б. . . Пд — препровождает ³³ ЕЖ; Б. . . Пд — ночь ³⁴ Еф — отягощенной

смерти, дабы воспользоваться его именем. Не ведаю, правда ли сие. Но то правда, что наглость валдайских девок сократилась³⁶. И хотя они не откажутся³⁶ удовлетворить желаниям³⁷ путешественника, но прежней наглости в них не видно.

Валдайское озеро, над которым построен сей город, достопамятно останется³⁸ в повествованиях³⁹ жертвовавшего⁴⁰ монаха жизнью⁴¹ своею ради своей любовницы. ⁴²В полуторе версте⁴² от⁴³ города, среди озера, на острову⁴⁴ находился Иверской монастырь, славным⁴⁵ Никоном⁴⁶ патриархом построенный. Один из монахов сего монастыря, посещая Валдай⁴⁷, влюбился в дочь одного валдайского жителя. Скоро любовь их стала взаимная⁴⁸, скоро стремились⁴⁹ они к совершению⁵⁰ ее. ⁵¹Насладясь одиножды⁵¹ ее веселием, не в силах они были противиться ее стремлению. Но положение⁵² их полагало⁵³ оному⁵⁴ преграду. Любовнику нельзя было ⁵⁵отлучаться часто⁵⁵ из монастыря своего. Любовнице нельзя было посещать келии⁵⁶ своего любовника. Но⁵⁷ горячность их все преодолела: из любострастного монаха она сделала неустрашимого мужа и дала ему силы почти чрезвычайные⁵⁸. Сей новый Леандр, дабы наслаждаться⁵⁹ ежедневно в⁶⁰ объятиях своей любовницы, едва ночь покрывала⁶¹ черным покровом все зримое, ⁶²то выходил⁶² тихо из своей келии⁶³ и, совлекая⁶⁴ свои ризы, преплывал⁶⁵ озеро до противстоящего⁶⁶ берега⁶⁷, где восприемлем⁶⁸ был в объятия своей любезной. Бани и в ней утехи любовные для него были готовы, и он забывал в них⁶⁹ опасность и трудность преплывания и боязнь⁷⁰, егда⁷¹ отлучка его будет⁷² известна. За несколько часов ⁷³до рассвета⁷³ возвращался⁷⁴ в свою келью⁷⁵. Тако препроводил⁷⁶ долгое время в ⁷⁷сих опасных преплываниях⁷⁸, ⁷⁷награждая веселием ночным⁷⁹ скуку дневного⁸⁰ заключения. Но судьба положила ⁸¹уже на мере⁸¹ конец его любовным⁸² подвигам. В одну из ночей⁸³, когда сей неустрашимый любов-

³⁶ ЖАн; Е. . . Пд — сократилась ³⁶ ЕЖАн; Б. . . Пд — откажутся и ныне ³⁷ Ж — желание ³⁸ Е — остается ³⁹ Е — повествовании ⁴⁰ Ан — жертвовавшего ⁴¹ Ж — жизнью ⁴²⁻⁴² БУвГшКлМи — В полуторы версты; В — С полторы версты ⁴³ Ж — близь ⁴⁴ ЕЖ; Ан. . . Пд — острове ⁴⁵ Ан — славный *испр.* славным ⁴⁶ Ж — Иноком ⁴⁷ Е. . . Эй; УвГш — Волдай; АнРзПд — Валдай ⁴⁸ ЕЖ; Ан. . . Пд — взаимною ⁴⁹ Ж — стремились ⁵⁰ Е — согрешению ⁵¹⁻⁵¹ Ан — Насладясь одиножды *испр.* Единожды насладившись; Е — Насладясь одиножды; Ж — Насладясь одиножды; Б. . . Пд — Единожды насладившись ⁵² ЕЖАн; Б. . . Пд — состояние ⁵³ Ж — налагало ⁵⁴ Рз — тому ⁵⁵⁻⁵⁵ ЕПд — часто отлучаться ⁵⁶ ЕЖ; Ан. . . Пд — кельи; Рз — келью ⁵⁷ Б. . . Вр нет ⁵⁸ Е — сверхъестественных; Ан — чрезвычайные *испр.* чрезвычайные ⁵⁹ ЕЖАн; Б. . . Пд — наслаждаться веселием ⁶⁰ БВЭй — во ⁶¹ Ж — покрыла ⁶²⁻⁶² Ж; Ан — то выходил *испр.* выходил; Е — то выходя; Б. . . Пд — выходил ⁶³ ЕЖ; Ан. . . Пд — келии ⁶⁴ Е — совлекая ⁶⁵ БВКл — переплывал ⁶⁶ Е — противулежащего ⁶⁷ ЕАнМиКБРз; Ж. . . Пд — берега ⁶⁸ Ж — восприят ⁶⁹ Е — ней ⁷⁰ Б — болезнь; Д — боязни *испр.* боязнь ⁷¹ ЕЖ; Ан — егда *испр.* если бы; Б. . . Пд — если бы; Ми — если б ⁷² ЕЖ; Ан — будет *испр.* стала; Б. . . Пд — стала ⁷³⁻⁷³ Ж нет; Рз — до рассвету ⁷⁴ Е; Ж — возвращаться; Ан — возвращался *доб.* он; Б. . . Пд — возвращался он ⁷⁵ Е — келью ⁷⁶ Ан; Е — препроводя; Ж — препроводив; Б. . . Пд — препроводил он ⁷⁷⁻⁷⁷ Е — сии опасные предприятия ⁷⁸ Ми — преплываниях; ЕфКБЭй — переплываниях; Рз — предприятиях ⁷⁹ Е — ночным ⁸⁰ Е — дневного ⁸¹⁻⁸¹ ЕАн; Ж — уже по мере; Б. . . Пд нет ⁸² В нет ⁸³ ЕЖ; Ан. . . Пд — ночей

ник отправился чрез⁸⁴ валы на зрение своей любезной, внезапно восстал⁸⁵ ветер⁸⁶ ему противный. ⁸⁷Будучи ему⁸⁷ на среде⁸⁸ пути его⁸⁹, все силы его немощны были, ⁹⁰да достигнет берега⁹⁰. Тщетно он утомлялся, напрягая свои мышцы; тщетно возвышал глас⁹¹ свой, да услышан⁹² будет в опасности. Видя невозможность достигнуть⁹³ берега⁹⁴, вознамерился⁹⁵ возвратиться к монастырю своему, дабы, имея попутный ветер⁹⁶, тем легче⁹⁷ достигнуть берега⁹⁸. Но едва ⁹⁹обратил он⁹⁹ шествие свое, разъяренные¹⁰⁰ валы, осилив ¹⁰¹его утомленные¹ мышцы, затопили его в пучине. На утрие тело его найдено на отдаленном берегу². Если бы я писал поэму³ на сие, то бы⁴ читателю моему представил любовницу его⁵ в отчаянии. Но сие было бы⁶ здесь⁷ излишнее. Всяк знает, что любовнице, хотя на первое мгновение, скорбно⁸ узнать о кончине любезного. Не ведаю и того, бросилась⁹ ли сия новая героиня¹⁰ в озеро или же в следующую ночь ¹¹топила паки¹¹ баню для путешественника. Любовная летопись гласит, что валдайские красавицы от любви не умирали, разве в больнице¹².

Нравы валдайские переселились¹³ и в близлежащий почтовый стан Зимогорье¹⁴. Тут для путешественника такая же бывает встреча, как и в¹⁵ Валдае¹⁶: прежде всего представляются взорам¹⁷ разурмяненные девки с баранками. Но как молодые ¹⁸мой лета¹⁸ уже прошли, то я поспешно растался¹⁹ с мазанными²⁰ валдайскими и зимогорскими²¹ сиренами.

ЕДРОВО

Доехав¹ до жилья, я вышел из моей² кибитки. Неподалеку³ от дороги над водою стояло много баб и девок. Страсть, господствующая⁴ во всю жизнь надо мною, но уже почти⁵ угасшая, по обыкшему⁶ ее стремлению,

⁸⁴ Ж — через ⁸⁵ Ж — восстал ⁸⁶ ЕЖЕфКбЭйРг; Ан. . . Пд — ветр; Кл — ветр ветр ⁸⁷⁻⁸⁷ ЕЖЕфКбЭй; Ан — будущему испр. будущу ему; Б. . . Пд — будущу ему; Рг — ему будущу ⁸⁸ЕЖЧкТхПд; Ан. . . Эй — среди; Д — среди испр. среде; Рг — середине ⁸⁹Рг — своего ⁹⁰⁻⁹⁰ЕАн; Ж — достигнуть берега; Б. . . Пд — на преодоление разъяренных вод (Рг — волн) ⁹¹КлМи — голос ⁹²Ж — услышим ⁹³Ан — достигнути ⁹⁴ЕЖАнЕфРг; Б. . . Пд — берега ⁹⁵ЕЖ; Ан — вознамерился доб. он; Б. . . Пд — вознамерился он ⁹⁶ЕЖАнДРг; Б. . . Пд — ветр ⁹⁷ЕЖ; Ан — легче доб. оно; Б. . . Пд — легче оно ⁹⁸ЕЖ; Ан — берега зач.; Б. . . Пд нет ⁹⁸⁻⁹⁸ЖПд — он обратил ¹⁰⁰ЕЖАн; Б. . . Пд — как ¹⁰¹⁻¹Е — утомленные его ²ЕЖАн; Б. . . Пд — берегу ³Ж — коему ⁴Ми — бы я ⁵ЕфКбЭй нет ⁶В нет ⁷Рг — днешь ⁸УвГшКлМи — прискорбно ⁹БВД — бросалась ¹⁰Е. . . Пд; АнД — героиня испр. Геро ¹¹⁻¹¹ЕЖАн; Б. . . Пд — паки топила (ЕфЭй — топили) ¹²Б. . . Вр — больницах ¹³Ж — преселились; МиЕфКбЭй — переселились ¹⁴Е. . . Эй; ЧкТхРгПд — Зимогорье ¹⁵ЕфКб нет ¹⁶ЕЖ; Ан. . . Пд — Валдаях; ГшМи ЭйКб — Валдаях ¹⁷Ж нет ¹⁸⁻¹⁸Ж — лета мои ¹⁹Е — простился; Ж — расстаюся ²⁰Ми — с смазанными; Рг — мараными ²¹ЕЖАнВМиДЕф; Б — земогордскими; УвГшКлВр — земногорскими; ЭйКб — зимогордскими; ЧкТх РгПд — зимогорскими ¹ЕфКбЭй — Доехал ²ЕЖ; Ан — моей зач.; Б. . . Пд нет ³ЧкТх — Неподалеку ⁴ЕЖ; Ан — господствующая; Б. . . Пд — господствовавшая ⁵ЕЖ; Ан. . . Пд нет ⁶Ж — обыкновенному; Кл — обыкновению

направила⁷ стопы мои к толпе сельских сих красавиц. Она⁸ состояла⁹ более нежели из тридцати женщин. Все они были в¹⁰ праздничной одежде¹⁰, шеи голые, ноги босы¹¹, локти наруже, платые заткнутое спереди за пояс, рубахи белые¹², ¹³взоры веселые¹³, здоровье на щеках начертанное¹⁴. Приятности загрузевшие хотя от зноя и холода, но приятности¹⁵ без покрова хитрости; красота¹⁶ юности в полном блеске, в устах улыбка или ¹⁷сердечной смех¹⁷; а от него ¹⁸видны становятся ряды¹⁸ зубов блее чистойшей слоновой кости. Зубы, которые бы щеголих¹⁹ с ума свели. Приезжайте²⁰, любезные наши барыньки²¹ московские и петербургские, посмотрите на их зубы, учитесь у них, как их содержать²² в чистоте. Зубного врача у них нет. Не сдирают они каждый день лоску с зубов своих ни щетками, ни порошками. Станьте²³ с коротороу ²⁴вы из них хотите²⁴ рот со ртом; дыхание²⁵ ни одного из них не заразит вашего легкого, а ваше, ваше, может быть, положит²⁶ в них начало ²⁷цынги или. . . или. . .²⁷ — боюсь сказать²⁸: хотя не закраснеетесь, но рассердитесь, — ²⁹или. . . французской болезни²⁹. — Разве я говорю неправду? У³⁰ одной из вас муж³¹ таскается по всем скверным девкам; получив болезнь, пьет, ест и спит с тобою же; другая³² же сама изволит иметь³³ годовых, месячных, недельных или, чего боже спаси, ежедневных любовников, ³⁴которого увидя³⁴ сегодня и совершив свое³⁵ желание, завтра³⁶ его не знает. Да и того иногда не знает, что уже она одним его поцелуем³⁷ заразится³⁸. — А ты, матушка³⁹, пятнадцатилетняя девушка, ты еще непорочна (может быть), но на лбу твоём я вижу, что кровь твоя вся отравлена. Блаженной памяти⁴⁰ твой батюшка из докторских рук не выхаживал, а государыня ⁴¹твоя матушка⁴¹, направляя тебя на свой благочестивый путь, нашла уже тебе жениха⁴², заслуженного ⁴³генерала старика⁴³, и спешит тебя выдать замуж для того только, чтобы⁴⁴ не сделать с тобою⁴⁵ визита воспитательному дому. А за стариком-то⁴⁶ жить нехудо; своя воля; только бы быть замужем, а ⁴⁷дети все его. Ревнив он будет, тем лучше: более⁴⁸ удовольствия в украденных утехах; а ⁴⁸с первой ночи приучить его можно ⁴⁹не следовать⁴⁹ глупой старой⁵⁰

⁷ УвГшМи — направил; Кл — направил я ⁸ Е; Ж — Они; Ан — Она испр. Толпа сия; Б. . . Пд — Толпа сия ⁹ Ж — состояли ¹⁰⁻¹⁰ Е — праздничных одежд ¹¹ ЕЖАн; Б. . . Пд — босые ¹² Е — алые ¹³⁻¹³ Ж нет ¹⁴ Ж — начерченное ¹⁵ ЕЖ; Б. . . Пд — прелестны ¹⁶ БУвГшКлМи — красот ¹⁷⁻¹⁷ ЕЖ; Б. . . Пд — смех сердечной ¹⁸⁻¹⁸ ЕЖ; Б. . . Пд — виден становился (ЕфКБЭйРз — становился) ряд ¹⁹ Е — щеголя ²⁰ ЕЖ; Б. . . Пд — Приезжайте сюда ²¹ ЕЖ; Б. . . Пд — боярыньки ²² Ув. . . Вр — сохранять ²³ Е — Станьте вы ²⁴⁻²⁴ Ж; Е — из них; Б. . . Пд — из них вы хотите; Ми — их них, если вы хотите ²⁵ ЧкТх — дыханье ²⁶ Е — положило ²⁷⁻²⁷ ЕЖ; Б. . . Пд — . . . болезни . . . ²⁸ ЕЖ; Б. . . Пд — сказать какой ²⁹⁻²⁹ ЕЖ; Б. . . Пд нет ³⁰ ЕЖ; Б. . . Пд — Муж ³¹ ЕЖ; Б. . . Пд нет ³² УвГшКл — драгая ³³ ЕфКБЭй — иметь (своих) ³⁴⁻³⁴ ЕЖ; Б. . . Пд — Познакомься ³⁵ ЕфКБЭй нет ³⁶ Еф — завтра ³⁷ БУв МиВр — поцелуем ³⁸ ЕЖ; Б. . . Пд — заразилась ³⁹ ЕЖ; Б. . . Пд — голубушка моя ⁴⁰ Ж нет ⁴¹⁻⁴¹ ЕЖ; Ан. . . Пд — матушка твоя ⁴² ЕЖЕфКБЭйРз; АнД — жениха испр. женишка; Б. . . Пд — женишка ⁴³⁻⁴³ Ж; Е — генерала; Ан. . . Пд — старика генерала; МиРз — старого генерала ⁴⁴ Е — чтоб ⁴⁵ Е. . . Эй; АнЧкТхРзПд — тобой ⁴⁶ ЕфКБЭй — стариком-та ⁴⁷ ЕЖ; Ан — а зач.; Б. . . Пд нет ⁴⁸ ЕЖ; Ан — а испр. и; Б. . . Пд нет ⁴⁹⁻⁴⁹ ЕЖ — последовать ⁵⁰ ЕфКБЭй — старинной

моде⁵¹ и вместе не спать⁵¹. — И⁵² не заметил, как вы, мои любезные городские сватьяшки, тетушки, сестрицы, племянницы⁵³ и проч. и проч.⁵³, меня⁵⁴ долго задержали. Вы, право, того не стоите. У вас на щеках румяна, ⁵⁵на сердце румяна, на совести румяна⁵⁵, на искренности . . . сажа. Все равно, румяна или сажа ⁵⁶в глазах разума⁵⁶. Я побегу от вас во всю конскую рысь к моим деревенским красавицам. ⁵⁷Есть уж⁵⁷ между ими на вас похожие, но есть такие, каковых в городах слыхом не слыхано и видом не видано. . . ⁵⁸Но я ⁵⁹еще все⁵⁹ с вами болтаю⁵⁸. — ⁶⁰Посмотрите, как⁶⁰ все члены у моих красавиц круглы, рослы⁶¹, не искривлены, не испорчены. Вам смешно, что у них ступни⁶² в пять вершков, а может быть, и в шесть. Ну, любезная моя племянница, с трехвершковой⁶³ твоею ножкою⁶⁴, стань с нею⁶⁵ рядом⁶⁶ и бегие взапуски, кто скорее достигнет высокой березы, по конец поля стоящей? А-а. . . это не твое дело. . . А ты, сестрица, моя голубушка, с трехчетвертным своим⁶⁷ станом в охвате, ты изволишь издеваться, что у сельской моей русалки⁶⁸ брюшко на воле⁶⁹ выросло. Постой, моя голубушка, посмеюсь и я над тобою. Ты уж⁷⁰ десятой месяц замужем и ⁷¹уж трехчетвертной⁷¹ ⁷²твоей стан⁷² изуродовался. А как то⁷³ дойдет до родов, запоешь другим голосом. Но дай⁷⁴ бог, чтобы обошлось⁷⁵ все смехом. Дорогой мой⁷⁶ зятюшка ходит повеся нос. Уже все твои шнурованья бросил в огонь. Кости из всех твоих платьев повытаскал, но уже⁷⁷ поздно⁷⁸. Сросшихся твоих накриво⁷⁹ составов тем не спрямит⁸⁰. — Плачь, мой любезный зять, плачь⁸¹. Мать наша, последуя⁸² плачевной и смертию разрешающихся⁸³ от бремени жен⁸⁴ ознаменованной моде, уготовала⁸⁵ за многие лета⁸⁶ тебе печаль⁸⁷, а дочери своей — болезнь, детям твоим слабое телосложение⁸⁸. Она теперь возносит над главою⁸⁹ ее смертное⁹⁰ острие; и, если оно не коснется дней твоея⁹¹ супруги, благодари случай, а если веришь⁹², что и⁹³ провидение божие о том заботилось, то благодари и его⁹⁴. — Но я еще с городскими барынями⁹⁵, вот что ⁹⁶делает

⁵¹⁻⁵¹ ЕЖ; А н — и вместе не спать *испр.* с женою вместе спать; Б. . . Пд — с женою спать вместе ⁵² ВрЧкТх — Я ⁵³⁻⁵³ ЕЖАн; БВД УгШКл — и прочие; МиВрЧкТхЭйРгПд — и проч. ⁵⁴ БВУгШКлМи нет ⁵⁵⁻⁵⁵ ЕЖ нет ⁵⁶⁻⁵⁶ ЕЖАн; Б. . . Пд нет ⁵⁷⁻⁵⁷ Ж; Е — Есть уже; А н — Есть уж *испр.* Правда, есть; Б. . . Пд — Правда, есть ⁵⁸⁻⁵⁸ ЕЖ; А н — Но я еще все с вами болтаю *зач.*; Б. . . Пд нет ⁵⁹⁻⁵⁹ Е — все еще ⁶⁰⁻⁶⁰ ЕфКб — Посмотрите-ка; Эй — Посмотрите на ⁶¹ БВУгШКлМи нет ⁶² А н ЧкТх Пд; Е — ступи; Ж — ступни; Б. . . Рг — ступени; Д — ступени *испр.* ступни ⁶³ А н — трехвершковой *испр.* трехвершковой ⁶⁴ ЕЖКлЕфКбЭйРг; А н — ногою *испр.* ножкою; В. . . Пд — ножкою ⁶⁵ ЕАн; Ж — ней; БВД — нами; Уг. . . Пд — ними ⁶⁶ ЕфКбЭй — рядом ⁶⁷ Е — твоим ⁶⁸ Е — русачки ⁶⁹ Е — волю ⁷⁰ МиПд — уже ⁷¹⁻⁷¹ Е — уже ⁷²⁻⁷² ЕКл — стан твой ⁷³ Б. . . ВрРг нет; Д доб. то ⁷⁴ Ж — дай-то ⁷⁵ ЕфКбЭй — сбылось ⁷⁶ УгШ — твой ⁷⁷ А н — уж ⁷⁸ ЕЖЕфКбЭй; А н. . . Пд — поздно ⁷⁹ Ж — накривь ⁸⁰ Ж. . . Пд; Е — спрямишь; А н — поспрямит *испр.* спрямит; ЕфКбЭй — испрямит; Рг — распрямишь ⁸¹ БВУгШКлМи нет ⁸² ЖАн; Б. . . Пд — следуя ⁸³ Ж. . . Пд; Е — разрешаются; А н — разрешающих *испр.* разрешающихся; ЕфКбЭй — разрушающихся ⁸⁴ Е — жена ⁸⁵ БУгШКлМи — уготовало; Вр — уготовала *испр.* уготовало; Рг — уготовила ⁸⁶ БВУгШКл — леты; Вр — леты *испр.* лета ⁸⁷ Еф — плач ⁸⁸ Е — телодвижение ⁸⁹ ЕфКбЭй — головою ⁹⁰ ЕЖ; А н. . . Пд — смертоносное ⁹¹ А н — твоей *испр.* твоея ⁹² Ж — верить ⁹³ ЕЖАн; Б. . . Пд нет ⁹⁴ ЕЖ; А н — его доб. коли хочешь; Б. . . Пд — его, коли хочешь (Рг — захочешь) ⁹⁵ ЕЖ; А н ЕфКбЭй — барыньками; Б. . . Пд — боярыньками ⁹⁶⁻⁹⁶ ЕЖ; А н. . . Пд — привычка делает

привычка⁹⁶, и ⁹⁷ отвязаться ⁹⁸от них⁹⁹ не хочется⁹⁸. Право¹⁰⁰, с вами бы не расстался, если бы мог довести вас до того, чтобы¹⁰¹ лица своего и искренности не румянили. Теперь прощайте. —

Покуда я глядел на моющих платье² деревенских нимф, кибитка моя ³от меня уехала³. Я намерился⁴ идти за ней⁵ вслед, как одна девка, по виду лет двадцати, а конечно, не более семнадцати, положила⁶ мокрое свое⁷ платье на коромысло, пошла одною со мною⁸ дорогою. Я⁹, поравнявшись с ней¹⁰, начал¹¹ ¹²с ней¹³ разговор¹²: — Не трудно ли тебе нести такую тяжелую ношу, любезная моя, как назвать не знаю? — Меня зовут Анною, а ноша моя не тяжела¹⁴. ¹⁵Хотя бы и тяжело¹⁵ была, я бы тебя, барин, не попросила мне пособить¹⁶. К чему такая суровость, Аннушка, душа моя, я тебе худова¹⁷ не желаю. — Спасибо, спасибо, часто¹⁸ мы видим таких щелкунов, как ты; пожалуй, поди¹⁹ ²⁰своею дорогою²⁰. — Анютушка²¹, я, право, не таков, как я²² тебе кажусь²³, и не таков, как те, о которых ты говоришь. ²⁴Те, думаю²⁴, так²⁵ не начинают, а²⁶ с деревенскими девками начинают²⁷ поцелуем; но я хотя бы тебя и²⁸ поцеловал, то, конечно бы, так²⁹, как сестру мою³⁰ родную. — Не подбьезжай, пожалуй, рассказы таковые я слыхала; а коли ты худова³¹ не мыслишь, чего же ты от меня хочешь? — Душа моя Аннушка, я хотел³² знать, есть ли у тебя отец и мать, как ты живешь, богато ли³³ или убого³⁴, весело ли, есть ли у тебя жених³⁵? — А на ³⁶что только³⁶ это тебе, барин? Отроду в³⁷ первой раз³⁸ такие речи слышу³⁸. — Из сего судить можешь, Анюта³⁹, что я не негодной⁴⁰ и⁴¹ не хочу тебя обругать или обесчестить. Я люблю женщин для того, что они ⁴²соответственное имеют сложение⁴² моей нежности; а более люблю сельских женщин, или крестьянок, для того, что они не знают еще притворства, не налагают на себя личину⁴³ притворных любви, а если⁴⁴

⁹⁷ ЕЖ; Ан — и зач.; Б. . . Пд нет ⁹⁸⁻⁹⁸ Ж нет ⁹⁹ Е — нее ¹⁰⁰ ЕЖЕф; Ан — Право испр. Я, право; Б. . . Пд — И, право (ЕфКбЭй — права)

¹⁰¹ ЕЖ; Ан — чтоб; Б. . . Пд — чтобы вы ² Ж — платье ³⁻³ Ж — уехала от меня ⁴ ЖЕфКбЭйРг; Ан — намерился испр. намерялся; Б. . . Пд — намерялся; Е — намерен; Д — намеривался испр. намерелся ⁵ ЕЖ; Ан — ней испр. нею; Б. . . Пд — нею ⁶ Е — положила ⁷ БВ нет ⁸ Е. . . Эй; Ан — мною (?) испр. мною; ЧкТхРгПд — мной ⁹ ЕЖ; Ан — Я зач.; Б. . . Пд нет ¹⁰ БВУвГшКлМи ДЕфКбЭй — нею ¹¹ ЕЖ; Ан — начал доб. я; Б. . . Пд — начал я ¹²⁻¹² Е — разговаривать ¹³ Ж; Ан. . . Пд — нею ¹⁴ АнБВУвГшМиВр — тежела ¹⁵⁻¹⁵ Ж; Е — А хотя бы и; Ан. . . Пд — Хотя бы и тяжела (Ув. . . Вр — тежела) ¹⁶ Б — подсобить (сверху — пособить) ¹⁷ ЖАнВрЧкТхРгПд; Е. . . Эй — худого ¹⁸ ЕфКбЭй — что ¹⁹ ЕЖАн; Б. . . Пд — проходи ²⁰⁻²⁰ Ж — своей дорогой ²¹ Е — Анегушка; КлМи — Аннушка ²² Е нет ²³ ЕЖ; Ан. . . Пд — кажусь ²⁴⁻²⁴ Е — Ты думаешь; Ж — Те, думая ²⁵ ЕфКбЭй нет ²⁶ ЕЖ; Ан — а испр. разговора; Б. . . Пд — разговора (Еф — разговору) ²⁷ ЕЖ; Ан — начинают испр. а всегда; Б. . . Пд — а всегда ²⁸ ЕЖ; Ан. . . Пд нет ²⁹ Е нет ³⁰ Е — или ³¹ ЕАнЧк. . . Пд; Ж. . . Вр — худого ³² УвКлМи — хотел бы ³³ ЕфКбЭйРг нет ³⁴ ЕфКбЭй — убого и ³⁵ Е — женихи ³⁶⁻³⁶ Ж; Ан — что только испр. что; Е — что-тко; Б. . . Пд — что; Рг — што ³⁷ ЕфКбЭй нет ³⁸⁻³⁸ ЕЖ; МиПд — слышу такие речи; Ан. . . Рг — такие слышу речи ³⁹ Е — Аннега; Ж — Анета ⁴⁰ ЕЖ; Ан — негодной испр. негодяй; Б. . . Пд — негодяй ⁴¹ ЕЖАнБВ; Ув. . . Пд нет ⁴²⁻⁴² Е — соответственные имеют желания ⁴³ ЕАн; Ж — ласку; Б. . . Пд — личины ⁴⁴ ЕЖАн; Б. . . Пд — когда

любят, ⁴⁵то любят⁴⁵ от всего сердца и⁴⁶ искренно. . . — Девка в сие время смотрела на меня⁴⁷ с удивлением. Да и так ⁴⁸было бы⁴⁸ должно, ибо кто не знает, с⁴⁹ какою наглостью⁵⁰ дворянская дерзкая рука поползает на непристойные и оскорбительные целомудрию⁵¹ шутки с деревенскими девками. Они в глазах дворян старых и малых⁵² ⁵³твари⁵³, созданные ⁵⁴на их угождение⁵⁴. Так они и поступают, а особливо с несчастными, подвластными их велениям. В бывшее Пугачевское возмущение, когда все служители вооружились⁵⁵ на своих господ⁵⁶, крестьяне (повесть сия нежлива), связав ⁵⁷своего господина⁵⁷, везли⁵⁸ на неизбежную казнь. Какая ⁵⁹тому была⁵⁹ причина? Он во всем⁶⁰ был господин доброй и человеколюбивой, но муж не был безопасен⁶¹ в своей жене, отец в дочери⁶². Каждую ночь посланные его приводили к нему на жертву бесчестия ⁶³им того дня назначенную⁶³. Известно в деревне было, что он омерзил 60 девиц, лишив⁶⁴ их непорочности. Наехавшая команда⁶⁵ выручила сего варвара из рук на него злобствовавших⁶⁶. Глупые крестьяне, вы искали правосудия⁶⁷ в самозванце! почто⁶⁸ ⁶⁹не поведали вы⁶⁹ сего законным судиям⁷⁰ вашим? Они бы предали его гражданской смерти, и вы бы невинны остались⁷¹. А теперь злодей сей спасен. Блажен, если близкой⁷² взор смерти образ мыслей его ⁷³переменит и даст⁷³ жизненным⁷⁴ сокам другое течение. — Но крестьянин в законе мертв, ⁷⁵следовательно против господина своего, — возрыдав скажу, — судиться не может. Средство к сему, конечно, будет то, чтобы и помещицы крестьяне судимы были в расправах и выбираемы были в заседатели нижних судов⁷⁵.

— Если, барин, ты не шутишь, — сказала мне Анюта⁷⁶, — то вот что⁷⁷ я ⁷⁸тебе скажу⁷⁸: у меня отца нет, он умер уже⁷⁹ года с два; есть⁸⁰ матушка да маленькая сестра. Батюшка ⁸¹нам оставил⁸¹ пять лошадей⁸², три коровы. Есть и мелкого скота, и птиц довольно. Но нет в ⁸³дому работника⁸³. Меня было сватали в богатой дом за парня ⁸⁴десяти лет отроду⁸⁴. Но я не

⁴⁵⁻⁴⁶ ЕфКбЭй нет ⁴⁶ ЕфКбЭйРг нет ⁴⁷ ЕЖ; Ан — меня доб. выпяля глаза; Б. . . Пд — меня выпяля глаза ⁴⁸⁻⁴⁸ ЕЖ; Ан — было быть испр. быть; Б. . . Пд — быть ⁴⁹ ЕфКбЭй нет ⁵⁰ Ж — наглостью ⁵¹ Ж. . . Пд; ЕБВ — целомудрия; Ан — целомудрие испр. целомудрию ⁵² ЖДЕфКбЭйРг — молодых ⁵³⁻⁵³ ЕЖАн; Б. . . Пд — суть твари ⁵⁴⁻⁵⁴ Е — для их угождения ⁵⁵ Ж — вооружались ⁵⁶ ЕЖ; Ан — господ доб. некакии; Б. . . Пд — господ, некакие ⁵⁷⁻⁵⁷ Еф — господина своего ⁵⁸ ЕЖ; Ан — везли доб. его; Б. . . Пд — везли его ⁵⁹⁻⁵⁹ Е — была тому ⁶⁰ Е — во все ⁶¹ Е — безвинен ⁶² Е — дочерях; ЖЕфКбЭйРг — дочере ⁶³⁻⁶³ ЕЖАн; Б. . . Пд — ту, которую он того дня назначил ⁶⁴ ЕЖАнВТх. . . Пд; Б. . . Чк — лишил ⁶⁵ Ан — компания испр. команда ⁶⁶ ЕЕфКбЭй — злобствующих; Д — злобствующих испр. злобствовавших ⁶⁷ БЕфКбЭй — правосудие ⁶⁸ Е. . . Вр; ЧкТхПд — Но почто; Д — почто испр. Но почто ⁶⁹⁻⁶⁹ Е — вы не поведали ⁷⁰ Еф — судьям ⁷¹ Б. . . Вр — остались ⁷² БВД — близко и ⁷³⁻⁷³ ЕЖ; Ан — переменит и даст испр. не переменял и не дал; Б. . . Пд — переменял и дал ⁷⁴ ЕЖ; Ан — жиненным доб. его; Б. . . Пд — жизненным его ⁷⁵⁻⁷⁵ ЕЖ; Ан зач. фраза Средство к сему. . . нижних судов; Б. . . Пд — сказали мы: Нет, нет! (БВДМи — Нет!) он жив, он жив (МиЭй один раз «он жив») будет, если того восхочет. . . . (Пд — восхочет; Д — восхочет испр. восхочет) ⁷⁶ Е — Анета ⁷⁷ Рг — што ⁷⁸⁻⁷⁸ Ж — скажу тебе ⁷⁹ Ж нет ⁸⁰ ВЕф — а есть ⁸¹⁻⁸¹ Е — оставил нам ⁸² ЕЖ; Ан — лошадей да; Б. . . Пд — лошадей и ⁸³⁻⁸³ Ж — доме работников; Рг — доме работника ⁸⁴⁻⁸⁴ ЕЖАн; Б. . . Пд — десятилетнего

захотела. Что мне в таком ребенке⁸⁵? Я его любить не буду. А как он придет в пору, то я скоро⁸⁶ состарюсь⁸⁷, и он будет таскаться с чужими. Да сказывают, что⁸⁸ свекор⁸⁹ сам с молодыми невестками спит, покада сыновья вырастают. Мне для того-то⁹⁰ не захотелось идти⁹¹ в эту⁹¹ семью. Я хочу себе ровню⁹². Мужа буду любить, да и он меня любить будет, в том не сомневаюсь. Гулять я⁹³ с молодцами не люблю, а замуж, барин, хочется. Да знаешь ли, барин⁹⁴, для чего? — говорила Анюта⁹⁵, потупя глаза. — Скажи, душа моя Анюта⁹⁶, не стыдись⁹⁷, все слова в⁹⁸ устах невинности непорочны суть⁹⁹. — Вот что я тебе скажу. Прошлым летом, год тому назад, у соседа нашего женился сын на моей подруге, с которой²⁰⁰ я хаживала всегда в посиделки²⁰¹. Муж ее так² любит, и³ она его⁴ так⁵ любит, что на десятом месяце после венчанья⁶ она⁷ родила⁸ сына⁹. Всякой вечер она выходит пестовать его за ворота. Она на него не наглядится. Кажется, будто¹⁰ и паренек-то¹⁰ матушку свою уж¹¹ любит. Как она скажет ему: агу, агу — он¹² и засмеется¹³. Мне это¹⁴ до слез всякой день; мне бы уж¹⁵ хотелось самой¹⁶ иметь¹⁷ такого¹⁸ же паренька¹⁹. — Я не мог тут вытерпеть²⁰ и, обняв Анюту²¹, поцеловал ее от всего²² сердца моего.²² — Смотри, барин, какой ты обманщик, и²³ ты уж²⁴ играешь со мною. Поди, сударь, прочь от меня, оставь²⁵ бедную сироту, — сказала Анюта²⁶, заплакав. — Кабы батюшка жив был и это²⁷ видел, то бы, даром, что²⁸ господин, нагрел бы тебе шею. — Не оскорбляйся, моя любезная Анютушка²⁹, не оскорбляйся, поцелуй³⁰ мой не оскорвит твоей непорочности. Она в глазах моих священна. Поцелуй³¹ мой есть залог³² моего к тебе почтения и был исторгнут восхищением глубоко тронутыя³³ души. Не бойся меня, любезная Анюта³⁴, не подобен³⁵ хищному зверю, как наши молодые господчики, которые отъятие непорочности ни³⁶ во что вменяют. Если бы я знал, что³⁷ поцелуй³⁸ мой тебя оскорбит³⁷, то клянусь тебе богом, что³⁹ бы не дерзнул³⁹ на⁴⁰ него. — Рассуди сам, барин, как не осер-

⁸⁵ УвГшКлРг — робенке ⁸⁶ ЕЖАн; Б. . . Пд нет ⁸⁷ В — состарюсь ⁸⁸ Е нет
⁸⁹ Ж — свекр ⁹⁰ Ж — того-то и; МиЕфКбЭй — того ⁹¹⁻⁹¹ ЕЖ; Ан — в эту
испр. к нему в; Б. . . Пд — к нему в ⁹² В — ровню. Я ⁹³ ЕЖ; Ан. . . Пд нет
⁹⁴ ЕЖ; Ан — барин зач.; Б. . . Пд нет ⁹⁵ ЕЖ — Анета ⁹⁶ ЕАн; Ж — Анета;
Б. . . Пд — Анютушка; УвЕфКбЭй — Аннушка ⁹⁷ БВ — стыдись ⁹⁸ УвГшМи
Тх — во ⁹⁹ ЕЖ; Ан — суть зач.; Б. . . Пд нет ²⁰⁰ Ув. . . ВрРг — которую
²⁰¹ Ж — посиделки ² ЕЖ; Ан. . . Пд нет ³ ЕЖ; Ан — и испр. а; В — а и;
Б. . . Пд — а ⁴ Ан — ево ⁵ ЕЖ; Ан — так испр. столько; Б. . . Пд — столько
⁶ ЕфКбЭй — венчания ⁷ ЕЖ; Ан — она зач.; Б. . . Пд нет ⁸ ЕЖ; Ан — ро-
дила доб. ему; Б. . . Пд — родила ему ⁹ ЕБВГшМи — сына ¹⁰⁻¹⁰ Е — пар-
ничек-то ¹¹ ВДУв. . . Вр — уже; Еф нет ¹² ВЕфКбЭй — а он ¹³ Рг — ус-
мехается ¹⁴ ЕЖ; Ан — есто (еето?) испр. его; Б. . . Пд — то ¹⁵ Е — уже ¹⁶ Ж — бы
¹⁷ Б. . . Вр нет ¹⁸ ЕЖЕфКбЭй; Ан. . . Пд — такова ¹⁹ Е — парничка ²⁰ ЕЖ —
востерпеть ²¹ Ж — Анету ²²⁻²² ЕЖ; Ан. . . Пд — моего сердца ²³ ЕЖ; Ан. . .
Пд нет ²⁴ Б. . . Вр — уже; Ми — уже и ²⁵ В — оставь меня ²⁶ Ж — Анета
²⁷ Е — это бы ²⁸ ЕЖ; Ан. . . Пд — что ты ²⁹ ЕЖ — Анетушка; ЕфКбЭй —
Аннушка; Рг — Анюта ³⁰ УвГшКлВр — поцалуй ³¹ УвГшКлВр — поцалуй
³² ЕЖ; Ан. . . Пд — знак ³³ УвГшВр — тронутые; Кл — тронутый; Ми — тро-
нутый ³⁴ Ж — Анета ³⁵ ЕЖ; Ан — подобен доб. я; Б. . . Пд — подобен я
³⁶ Е. . . ВрЕфКбЭйРг; АнЧкТхПд — не ³⁷⁻³⁷ Б — поцелуй мой тебя оскорбят
³⁸ УвГшКлВр — поцалуй ³⁹⁻³⁹ МиРг — не дерзнул бы ⁴⁰ Ж — и до; Ан — в
с испр. на

даться за поцелуй⁴¹, когда^{42, 43}они все^{43 44}посулены уж^{44, 42} другому. Они заране⁴⁵ все уже⁴⁶ отданы, и я в них не власна. — Ты меня восхищаешь. Ты уже⁴⁷ любить умеешь. Ты нашла сердцу⁴⁸ своему другое⁴⁹, ему⁵⁰ соответствующее. Ты будешь блаженна. Ничто не развратит союза вашего. Не будешь ты окружена⁵¹ хищными соглядатаями⁵¹, в сети пагубы уловить тебя стрегущими. Не будет слух сердечного друга твоего уязвлен прельщающим гласом^{52, 53}на сокрушение⁵³ его к тебе верности призывающим. Но почто же, моя любезная⁵⁴ Анюта⁵⁵, ты лишена удовольствия наслаждаться^{56 57}счастьем⁵⁷ в объятиях твоего милого друга? — Ах, барин, для того, что его не отдают к нам в дом. Просят⁵⁸ сто⁵⁹ рублей. А матушка меня не отдает: я у нее⁶⁰ одна работница. — Да любит ли он тебя? — Как же не так. Он приходит по вечерам к нашему дому, и мы вместе смотрим на паренька моей подруги. Барин!⁶¹ ему хочется такого⁶² же паренька. Грусно мне будет; но быть⁶³ терпеть. Ванька⁶⁴ мой хочет идти на барках⁶⁵ в Питер в работу и не воротится, покуда не выработает ста рублей для своего выкупа. — Не пускай его, любезная Анютушка⁶⁶, не пускай его, он идет на свою⁶⁷погибель. Житье городское для крестьянина погубитель⁶⁷. Там он научится пьянствовать, мотать, лакомиться, не любить пашню, а больше⁶⁸ всего он⁶⁹тебя и⁶⁹ любить, ⁷⁰может быть, перестанет⁷⁰. А тем скорее⁷¹, если⁷² случится служить ⁷³в барском⁷³ доме. Господской пример заражает верхних служителей, нижние заражаются от верхних, а от них язва разврата достигает и до деревень. Худой⁷⁴ пример есть истинная чума; кто ⁷⁵его ни видит, всяк то же⁷⁵ делает. — Да как же быть? Так мне и ⁷⁶век за ним не бывать⁷⁷. Ему пора уже жениться; по чужим он изгуляется⁷⁸; меня не отдают к нему в дом; то высватают⁷⁹ другую, а я, бедная, умру с горя. . . — Сие говорила она, проливая горькие слезы. — Нет, моя любезная Анютушка⁸⁰, ты завтра⁸¹ же будешь замужем⁸². Поведи меня к своей матери⁸³. — Да вот наш двор⁸⁴, — сказала

⁴¹ УвГшВрТх — поцалуи; КЛЧк — поцалуи ⁴²⁻⁴² В — все уже они посулены
⁴³⁻⁴³ ЕЖЕфКБЭй; Ан. . . Пд — все они ⁴⁴⁻⁴⁴ ЖЕфКБЭй; Е — посулены уже; Ан. . .
Пд — уж посулены; Рг — уже посулены ⁴⁵ ЕЖ; Ан. . . Пд — заране ⁴⁶ ЕЖ
МиЧкТх; Ан. . . Пд — уж ⁴⁷ Е — уж ⁴⁸ Ж — сердце ⁴⁹ ЕфКБЭй нет ⁵⁰ Ув
ГшКл — ему, ему ⁵¹⁻⁵¹ ЕЖ; Ан. . . Пд — соглядателями ⁵² КБЭй — голосом; Рг нет
⁵³⁻⁵³ испр.; Ж — на сокрушения; Е — на согрешения; АнЧкТхРгПд — на нарушения;
Б. . . Вр — на разрушение; ДЕфКБЭй — нарушение ⁵⁴ Ж — любезная, моя ⁵⁵ Е —
Анетта; Ж — Анета ⁵⁶ Еф — насладиться ⁵⁷⁻⁵⁷ Ми — духом счастья ⁵⁸ БуУГш
КлМиВр — Просют ⁵⁹ Ж. . . Вр; АнЧкТхПд — ста; ЕфКБЭйРг — 100 ⁶⁰ ЕЖ;
Б. . . Пд — ней ⁶¹ ЕЖ; Б. . . Пд нет ⁶² ЕЖ; Б. . . Пд — такова ⁶³ Е —
видно ⁶⁴ ЕЖ; Б. . . Пд — Ванюха; Вр — Ванюха испр. Ванюшка; ЧкТх — Ва-
нюшка ⁶⁵ УвГшКлМи — барки ⁶⁶ ЕЖ — Анетушка; Ми — Аннушка
⁶⁷⁻⁶⁷ ЕЖ; Б. . . Пд — гибель ⁶⁸ ЕфКБЭй — более ⁶⁹⁻⁶⁹ ЕЖ; Б. . . Пд — и
тебя ⁷⁰⁻⁷⁰ Е; Ж — перестанет, может быть; Б. . . Пд — перестанет. — Ах, барин,
не страшай меня, — сказала Анюта, почти заплакав ⁷¹ ЕЖ; Б. . . Пд — скорее,
Анюта ⁷² ЕЖ; Б. . . Пд — если ему ⁷³⁻⁷³ Е; Ж — на барском; Б. . . Пд — в дво-
рянском ⁷⁴ ЕЖ; Б. . . Пд нет ⁷⁵⁻⁷⁵ Ж; Е — его завидит, всяк то же; Б. . . Пд —
что видит, тот то и ⁷⁶ ЕфКБЭй — и в ⁷⁷ ЕЖ; Б. . . Пд — бывать замужем
⁷⁸ ЕЖ; Б. . . Пд — не гуляет ⁷⁹ ЕЖ; Б. . . Пд — высватают за него ⁸⁰ ЕЖ —
Анетушка ⁸¹ ЕфКБЭй — завтра ⁸² ЕЖ; Б. . . Пд — за ним ⁸³ ЖМиЧк; Е. . .
Пд — матери; Тх — матери испр. матери ⁸⁴ В — дом

она, остановясь. — Проходите⁸⁵ мимо, матушка меня увидит и худое подумает. А хотя она меня и не бьет, но ⁸⁶слово одно ее ⁸⁶мне тяжелее⁸⁷ всяких побоев. — Нет, моя Анюта⁸⁸, я пойду с тобою, — и, не дожидаясь ее ответа, вошел⁸⁹ в ворота и прямо пошел⁹⁰ ⁹¹на лестницу⁹¹ и⁹² в избу. Анюта⁹³ мне кричала вслед: — Пстой, барин, пстой. — Но я ей⁹⁴ не отвечал⁹⁵. В избе нашел⁹⁶ Анютину мать, которая квашню месила; подле нее⁹⁷ на лавке сидел будущий ее зять. ⁹⁸Они удивились моему приходу⁹⁸. Я без дальних⁹⁹ околичностей ей сказал, что я желаю, чтобы дочь ее была замужем за Иваном, и для того принес ей то³⁰⁰, что надобно для отвлечения препятствия в сем деле. — Спасибо, барин, — сказала старуха, — в этом теперь уж нет нужды. Ванюха теперь ³⁰¹пришед сказывал¹, что отец ²уж³ отпускает его ко мне² в дом. И у нас в воскресенье будет свадьба. — Пускай же посланное от меня будет Анюте⁴ в приданое. — И на том спасибо. Приданое⁵ бояре⁶ девкам даром не дают. Если вы⁷ над ⁸моей Анютой⁸ что сделали⁹ и за то даете¹⁰ ей¹¹ приданое, то бог вас¹² накажет за ваше¹³ беспутство; а денег я не возьму. Если же ты доброй человек и не ругаешься над бедными, то, взяв¹⁴ от тебя деньги, лихие люди мало ли что подумают¹⁵. — Я не мог надивиться, нашед толико благородства в¹⁶ образе мыслей у ¹⁷сельских жителей¹⁷. Анюта¹⁸ между тем вошла в избу и матери своей меня расхвалила. Я было ¹⁹еще попытался дать им¹⁹ денег, отдавая их Ивану на заведение дому; но он мне сказал: — У меня, барин, есть две руки, ²⁰и ими я дом²⁰ заведу. — Приметив, что²¹ мое присутствие было²² им²³ не очень приятно, я их оставил и возвратился к моей кибитке.

Едущу²⁴ из Бронниц²⁵, Анюта²⁶ ²⁷из мысли моей²⁷ не выходила. ²⁸Откровенность ее невинности²⁸ мне понравилась²⁹ безмерно. Благородный поступок ее матери меня пленил³⁰. Я сию почтенную мать с засученными рукавами за квашню или с подойником подле³¹ коровы сравнивал³²

⁸⁵ ЕЖ; Ан — Проходите *испр.* Проходи; Б. . . Пд — Проходи ⁸⁶⁻⁸⁶ Е; Ж — слово ее одно; Ан — слово одно ее *испр.* одно ее слово; Б. . . Пд — одно ее слово
⁸⁷ Ан. . . ВрРг; Е — тяжче; ЖДПд — тяжелее; ЧкТх — тяжелея ⁸⁸ ЕЖ — Анета
⁸⁹ В — вошел ⁹⁰ Е нет ⁹¹⁻⁹¹ В — по леснице ⁹² ЕЖАн; Б. . . Пд нет
⁹³ ЕЖ — Анета ⁹⁴ БувГи — ея; КлМи — ее; В нет ⁹⁵ ЕЖ; Ан. . . Пд — внимал ⁹⁶ ЕЖ; Ан. . . Пд — нашел я ⁹⁷ ВЕфКбЭй — ее; Д — ее *испр.* нее
⁹⁸⁻⁹⁸ ЕЖАн; Б. . . Пд нет ⁹⁹ Е — больших ³⁰⁰ ЕфКбЭй нет
³⁰¹⁻¹ Е — пришел сказать ²⁻² ЕфКбЭй — его уж отпускает к нам ³ Е — уже
⁴ Ж — Анете ⁵ ЕЖ; Ан — Приданое *испр.* Приданова; Б. . . Вр — Приданого; Чк. . . Пд — Приданова ⁶ В — бояря ⁷ ЕЖАн; Б. . . Пд — ты
⁸⁻⁸ В. . . Вр — мою Анютою ⁹ ЕЖАн; Б. . . Пд — сделал ¹⁰ ЕЖАн; Б. . . Пд — даешь ¹¹ ЕфКбЭй нет ¹² ЕЖАн; Б. . . Пд — тебя ¹³ ЕЖАн; Б. . . Пд — твое ¹⁴ ЕЖ; Ан — взять *испр.* взяв я; Б. . . Пд — взяв я ¹⁵ Ж — подумать могут ¹⁶ В — во ¹⁷⁻¹⁷ Е — сельской жительницы ¹⁸ Ж — Анета
¹⁹⁻¹⁹ Ж — еще попытался еще им дать ²⁰⁻²⁰ ЕЖ; Б. . . Пд — я ими дом и ²¹ ЕЖ; Б. . . Пд — что им ²² Б. . . Вр нет ²³ ЕЖ; Б. . . Пд нет ²⁴ Е; Ж — Едучи; Б. . . Пд — Едучу мне; Д — Едучи *испр.* Едучу мне; Еф — Едучему ²⁵ Ж; Е — Броннц; Б. . . Пд — Едрова; Ми — Ядрова ²⁶ Ж — Анета ²⁷⁻²⁷ БувКл Ми — с мыслей моих; В — из мыслей моих; Ги — с мыслей моей; Вр — с мыслей моей *испр.* из мысли моей ²⁸⁻²⁸ ЕЖ; Б. . . Пд — Невинная ее откровенность ²⁹ Ж — понравилась; Б. . . Вр — понравилась ³⁰ ЕфКбЭй — пленял ³¹ Е — возле
³² В — сравнивал я

с городскими матерями. Крестьянка не хотела у меня взять непорочных, благоумышленных³³ ста рублей, которые в соразмерности состояний³⁴ должны³⁵ быть для полковницы, советницы³⁶, майорши, генеральши пятьдесят³⁷, пятнадцать тысяч или более; если же г.³⁸ полковнице, майорше, советнице или генеральше (в соразмерности моего ³⁹положения к бронницкой³⁹ ямщицихе⁴⁰), у которой дочка ⁴¹или дочери⁴¹ лицом не дурны⁴² или только что девы⁴³ — и того уже довольно, — знатный боярин⁴⁴, семидесятой⁴⁵ или, чего боже сохрани, семьдесят⁴⁶ второй пробы, посулит ⁴⁷пять, десять⁴⁷, пятнадцать тысяч или глухо⁴⁸ знатное приданое, или сыщет чиновного⁴⁹ жениха, или выпросит в почетные⁵⁰ девицы, то я вас спрашиваю⁵¹, городские матушки, не ёкнет⁵² ли у вас сердечко? не захочется ли видеть⁵³ дочку в позлащенной карете, в бриллиантах⁵⁴, едущую⁵⁵ четвернею, если ⁵⁶ты ходишь⁵⁶ пешком⁵⁷, едущую цугом, вместо двух заморенных кляч, которые тебя⁵⁸ таскают⁵⁹, ⁶⁰или едущую⁶¹ в придворной карете вместо собственной шестилошадной⁶⁰. Я согласен в том с вами, чтоб вы обряд и благочиние сохранили и не так легко сдались, как феатральные⁶² девки. Нет, мои голубушки, я ⁶³вам даю⁶³ сроку на месяц⁶⁴, на два, но не более. А ⁶⁵если доле⁶⁶ заставите вздыхать⁶⁷ первостатейного бесплодно, то он, будучи занят делами государственными, вас оставит, дабы не терять с вами драгоценного⁶⁸ времени, которое он лучше ⁶⁹употребить может⁶⁹ на пользу общественную. — Тысяча⁷⁰ голосов на меня подымаются⁷¹; ругают меня всякими⁷² мерзкими названиями⁷³. Голубушки мои, успокойтесь, я вашей чести не поношу⁷⁴. Поглядитесь в сие зеркало, и ⁷⁵кто из вас себя в нем узнает, то ⁷⁶брани меня без всякого милосердия. Жалобницы⁷⁷ на ту я не подам и ⁷⁸суда по форме говорить с ней⁷⁹ не стану.

³³ Е — благоумышленных ³⁴ ГшКлМиВрЕфКбЭй — состоянии; УвТх — состоянии
⁴⁵ ЖКл — долженствует ³⁶ Е нет ³⁷ Е...ЧкЕфКбЭй; ТхПд — пятьдесят; Д —
 пятьдесят *испр.* пять, десять; Рг — 5, 10 ³⁸ ЕЖ; Б...Пд — госпоже; ГшМиТхРг —
 где ³⁹⁻³⁹ ЕЖ; Б...Пд — посула едровской ⁴⁰ Е — ямщице; ЕфКбЭй — ямщице
⁴¹⁻⁴¹ ЕЖ; Б...Пд нет ⁴² Ж; Б...Пб — недурна ⁴³ ЕЖ; Б...Пд — непорочна
⁴⁴ ЕфКбЭй — барин ⁴⁵ ЕЖБВЕфКбЭй; Ув...Пд — семидесятой ⁴⁶ Е...
 ВрЕфКбЭй; ЧкТхПд — семьдесят ⁴⁷⁻⁴⁷ ЕЖЧк...Рг; Б...Пд — пятьдесят; Д —
 пятьдесят *испр.* пять, десять ⁴⁸ Е — глухое; Ж — глупое ⁴⁹ Ми — чинов-
 ника ⁵⁰ ВЕфКбЭй — почтенные; Д — почтенные *испр.* почетные; Рг — у почтен-
 ных ⁵¹ ЕЖ; Б...Пд — вопрошаю ⁵² Ж — юкнет; БВ — охнет ⁵³ В — ви-
 деть вам ⁵⁴ Б — бриллиантах; ВД — бралиантах; КбЭй — бриллиантах ⁵⁵ ЖЕф —
 едущую ⁵⁶⁻⁵⁶ ЕЖ; Б...Пд — она ходит ⁵⁷ ЕЖ; Б...Пд — пешком, или
⁵⁸ ЕЖ; Б...Пд — ее ⁵⁹ УвГшКлМи — спасают ⁶⁰⁻⁶⁰ ЕЖ; Б...Пд нет
⁶¹ Ж; Е — едущую ⁶² ЕМиРг — театральные ⁶³⁻⁶³ Еф Рг — даю вам ⁶⁴ ЕЖ;
 Б...Пд — месяц или ⁶⁵ Еф нет ⁶⁶ Е — дале; Ж нет; ВМиЕфКбЭйРг — долее
⁶⁷ МиРг — вадыать ⁶⁸ ЕЖ; Б...Пд — драгоценнейшего ⁶⁹⁻⁶⁹ Ж — употре-
 бит ⁷⁰ Е — Тысяща ⁷¹ Ж — подымится ⁷² Ж — самими ⁷³ ЕЖ; Б...
 Пд — названиями: мошеник, плут, кан... бес... (В — бест.) и пр. и пр. (БТхПдД;
 В — и про... и про...; УвГш — и пр. и прочая; Кл — и про. и пр.; МиВрЧк — и
 проч. и проч.; ЕфРг — и пр.; Кб — и пр.; Эй — и проч.) ⁷⁴ ЕЖ; Б...Пд —
 поношу. Ужели (ЕфКбЭй — Ежели) вы (Вр...Пд — все; Рг — вы все; Д — вы *испр.*
 все) таковы? ⁷⁵ ЕЖ; Б...Пд нет ⁷⁶ ЕЖ; Б...Пд — та ⁷⁷ ЕЖ; Б...Пд —
 Жалобницы и ⁷⁸ ЕЖ; Б...Пд нет ⁷⁹ БВУвГшКл — нею

⁸⁰Анюта, Анюта⁸⁰, ты мне голову скружила⁸¹! Для чего я тебя не узнал⁸² лет 15 тому назад. Твоя откровенная⁸³ невинность, ⁸⁴любострастному дерзновению⁸⁴ неприступная, научила бы меня ходить во⁸⁵ стезях целомудрия. Для чего первой мой в жизни поцелуй⁸⁶ не был тот, которой я на щеке твоей приметил⁸⁷ в душевном восхищении! Отражение твоея жизненности проникнуло⁸⁸ бы во⁸⁹ глубину моего сердца, и я ⁹⁰избегнул бы⁹⁰ скарденостей⁹¹, житие мое исполнивших⁹². Я бы удалился⁹³ от смрадных наемниц⁹⁴ любострастия, почтил бы ложе супружества, не нарушил бы союза родства моею⁹⁵ плотскою⁹⁶ несытостью⁹⁷; девственность была бы ⁹⁸для меня⁹⁸ святая святых, ⁹⁹ее же⁹⁹ коснуться⁴⁰⁰ не дерзнул бы. О моя Анютушка⁴⁰¹! сиди всегда у перевоза² и давай наставления твоею незастенчивою³ невинностию. Уверен⁴ в сердце моем, уверен⁴, что обратишь на путь добродетели начинающего с⁵ одного соврачания и укрепишь в нем⁶ в соврачание⁶ наклонного. Не востревожись⁷, если закоренелый⁸ в развратности, поседелый⁹ в¹⁰ объятиях бесстыдства¹¹ мимо тебя пройдет и тебя презрит; не тщишься воспретить его шествию¹² услаждением твоего разговора. Сердце его уже камень; душа его покрылася алмазною корою. Не может благодетельное¹³ жало невинных добродетели положить на нем глубокия черты. Конец ее¹⁴ скользнет по¹⁵ поверхности гладко¹⁶ затверделого порока. Блюди, да ¹⁷о нее¹⁷ острие твое не притупится. Но не ¹⁸пусти миновати взоров твоих¹⁸ юношу, опасными лешоты прелестями¹⁹ облегченного²⁰; улови его в свои²¹ сети. Он горд, надменен, порывист, нагл, дерзновенен, обидящ, ²²уязвляющ кажется²². Но сердце его уступит твоему впечатлению и отвернется на восприятие ²³благодетельного твоего²³ примера. — Анюта²⁴, я с тобой не могу расстаться, хотя

⁸⁰⁻⁸⁰ ЕЖ — Анета, Анета ⁸¹ ВДУвГшКлМиЕфКБЭйРг — вскружила ⁸² ЕУвКлМи — знал ⁸³ Ж — откровенная *испр.* откровенность; Ми — откровенность ⁸⁴⁻⁸⁴ Ми — любострастию ⁸⁵ ЕЕфКБЭй — в ⁸⁶ ГшКлМи — поцелуй ⁸⁷ ЕЖ; Ан. . . Пд — прилепил ⁸⁸ ЕЖ — проникнули; ЕфКБЭйРг — проникло; Д — проникло *испр.* проникнуло ⁸⁹ ВКл — в ⁹⁰⁻⁹⁰ ЕЖ; Ан. . . Пд — бы избегнул ⁹¹ УвГшКл — скарденности ⁹² ЧкЕфКБЭй — исполнявших; Рг — исполняющих ⁹³ Ж — удалися ⁹⁴ Ж — темниц ⁹⁵ Б. . . Вр — моего; Д *испр.* моего *испр.* моею ⁹⁶ Б — плотскую ⁹⁷ БВД — ненасытостью ⁹⁸⁻⁹⁸ Ан — мне ⁹⁹⁻⁹⁹ ЕЖ; Ан — ее же *испр.* и ее же; Б. . . Пд — и ее ⁴⁰⁰ КлЕфКБЭйРг — коснуться; Д — коснуться *испр.* коснуться ⁴⁰¹ ЕЖ — Анетушка ² ЕЖ; Ан — перевоза *испр.* околицы; Б. . . Пд — околицы ³ ЕВ — незастенчивостию; Ан — незастенчивостию *испр.* незастенчивою; Рг — незастенчивостию и ⁴⁻⁴ ЕЖ Ан; Б. . . Пд нет ⁵ ЕфКБЭй — со ⁶⁻⁶ Ан — в соврачание *испр.* к соврачанию; Е — в соврачанию; Ж — в соврачании; Б. . . Пд — к соврачанию ⁷ Ан — востревожися *испр.* востревожись ⁸ БВГш — закоренелые; Вр — закоренелые *испр.* закоренелый ⁹ ЕЖ; Ан — поседевший *испр.* поседевшей; БГш — поседевши; В. . . Рг — поседевший; Пд — поседевшей ¹⁰ УвГш ВрЧкТх — во ¹¹ ЕВ — бесстыдства; ЖКлЭй — беспудства; ЕфКБ — беспудства ¹² Е — шествие; Ж — шествия; БВ — шествию и ¹³ В — обладательное ¹⁴ Еф Рг — его ¹⁵ МиЕфКБЭй нет ¹⁶ Ж — сладко ¹⁷⁻¹⁷ Е — онное; Рг — оно ¹⁸⁻¹⁸ ЕЖ; Ан — пусти миновати прелестных (*испр.* прелестей) твоих на поле знак В, *испр.* пропусти; Б. . . Пд — пропусти ¹⁹ ЕЖ АнКлЕфКБЭйПд; Б. . . ТхРг — прелестями ²⁰ Б — облегченного ²¹ ЕЖ; Ан. . . Пд — твои ²²⁻²² Е — уязвляющ на житие ²³⁻²³ ЕЖ; Ан. . . Пд — твоего благодетельного ²⁴ ЕЖ — Анета

уже вижу двадцатой столп²⁵ от тебя. — Но что такое за обыкновение, о котором мне Анята²⁶ сказывала? Ее хотели отдать²⁷ за десятилетнего ребенка²⁸. Кто мог такой союз дозволить²⁹? Почто не ополчится рука, законы хранящая, на искоренение толикого³⁰ злоупотребления? В христианском законе брак есть таинство, в гражданском — соглашение или договор. ³¹Но таинство или договор³¹, какой священнослужитель может неравный³² брак благословить или какой судья³³ может его вписать в свой дневник? Где нет соразмерности в летах, там и брака³⁴ быть не может. Сие ³⁵, ³⁶запрещают правила³⁶ естественности³⁵, яко вещь, бесполезную для человека; сие запрещать долженствовал ³⁷бы закон³⁷ гражданский, яко вредную³⁸ для общества. Муж и жена в обществе суть два гражданина, делающие договор, в законе утвержденный, которым обещаются³⁹ прежде всего на взаимное чувств услаждение (да не⁴⁰ дерзнет здесь никто оспорить⁴¹ ⁴²первейший закон сожития, на коем основано общество⁴², начало⁴³ любви непорочнейшия и твердый камень основания супружеского⁴⁴ согласия), обещаются жить вместе, общее иметь стяжание⁴⁵, возвращать⁴⁶ плоды своей⁴⁷ горячности и, дабы жить мирно, друг друга не уязвлять. При неравенстве⁴⁸ лет можно ли сохранить условия⁴⁹ сего соглашения? Если муж десяти лет, а жена двадцати пяти, как то ⁵⁰бывает часто⁵⁰ в⁵¹ крестьянстве, или если муж пятидесяти, ⁵²а жена пятнадцати или двадцати⁵³ лет, как то бывает во⁵⁴ дворянстве⁵², — может ли быть взаимное чувств услаждение? Скажите вы мне, мужья старички⁵⁵, но скажите по совести, стоите ли вы названия мужа? Вы можете только возжечь огонь⁵⁶ любовной, не⁵⁷ в состоянии оной⁵⁸ утушить. ⁵⁹И так единый из первейших законов природы нарушается. А⁶⁰ мудрый законодатель утверждает только ⁶¹естественный закон⁶¹, а ⁶²тем и положительной бывает

²⁵ *МиЕфКбЭйРз* — столб ²⁶ *ЕЖ* — Анята ²⁷ *Еф* — отдать замуж ²⁸ *ЕЖАн* *КлПд*; *Б. . . Рз* — робенка; *Кб* — рабенка ²⁹ *ЕфКбЭй* — дозволить? Кто мог такой союз дозволить? ³⁰ *Е* — такового ³¹⁻³¹ *ЕЖ*; *Ан. . . Пд* нет ³² *Ан* — неровной ³³ *В. . . Вр* — судья ³⁴ *Ан* — брак (?) *испр.* брака ³⁵⁻³⁵ *Ми* — правило естественности запрещает ³⁶⁻³⁶ *Е. . . Пд*; *Ан* — запрещает правила *испр.* запрещают правила; *БуЕГшВр* — запрещает правила; *ВКл* — запрещает правило ³⁷⁻³⁷ *Е* — закон бы ³⁸ *ЕЖ*; *Ан. . . Рз* — вредное; *МиПд* — вредной ³⁹ *АнБ* *ГшЧкТхРз* — обещаются; *ЕфКбЭй* — обещаются ⁴⁰ *Ж* нет ⁴¹ *Ж* — спорить ⁴²⁻⁴² *ЕЖАн*; *Б. . . Пд* — первейшего закона сожития и основания брачного союза ⁴³ *ДЕф* — начала ⁴⁴ *ЕЖ*; *Ан. . . Пд* — супружнего ⁴⁵ *Ж* — стяжания ⁴⁶ *ЖАнЕф. . . Пд*; *Е. . . Тх* — возвращать; *В* — возрастать ⁴⁷ *ЖЧк. . . Пд*; *ЕД* — своей; *Ан* — своей *испр.* своей; *Б. . . Вр* нет ⁴⁸ *Ж* — неравенство ⁴⁹ *ЕЖ*; *Ан. . . Пд* — условие ⁵⁰⁻⁵⁰ *Ан* — часто бывает *испр.* бывает часто ⁵¹ *ЕЖВУеГшКлМиРз*; *АнЧк. . . Пд* — во; *Вр* — в *испр.* во ⁵²⁻⁵² *Е* — лет, как то бывает во дворянстве, а жена 15 или 20 лет ⁵³ *Б* — двенадцати; *В* — 12-ти; *Кл* — 25-ти ⁵⁴ *УеГшКлМи* — в ⁵⁵ *ЕфКбЭйРз* — старики ⁵⁶ *ЕЖ*; *Ан. . . Пд* — огонь ⁵⁷ *Е* — и не ⁵⁸ *ЕЖ*; *Ан* — той *испр.* его; *Б. . . Пд* — его ⁵⁹⁻⁵⁹ *ЕЖАн*; *Б. . . Пд* — Неравенством лет нарушается единый из первейших (*В* — древнейших) законов природы; то может ли положительной закон быть тверд (*Ми* — тверд быть; *Пд* — тверд), если основания (*Еф* — основание) не имеет в естественности? Скажем яснее (*ГшПд* — ясней; *ЧкТх* — ясней): он и не существует ⁶⁰ *ЕЖ*; *Ан* — *А* *зач.* ⁶¹⁻⁶¹ *Ан* — естественной закон *испр.* закон естественной ⁶² *ЕЖ*; *Ан* — *а* *зач.*

тверже⁵⁹. — Возвращать⁶³ плоды взаимной горячности. Но⁶⁴ может ли⁶⁵ быть тут⁶⁵ взаимность, где с одной стороны пламя⁶⁶, с другой — нечувствительность? Может ли быть тут плод, если насажденное древо лишается благодетельного дождя и питающей⁶⁷ росы? А если он⁶⁸ когда и будет, но⁶⁹ будет он тощ, невзрачен и скорому⁷⁰ подвержен тлению⁷⁰. — Не уязвлять⁷¹ друг друга⁷². Правило предвечное, верное; буде счастливою в супругах симпатиею⁷³ чувства их равномерно услаждаются, то союз брачный⁷⁴ будет⁷⁵ благополучен; малые домашние волнения скоро остывают⁷⁶ при нашествии веселия. И, когда мраз старости подернет⁷⁷ чувствительность к чувственному веселию⁷⁷ непроницаемую корою, тогда напоминание прежних утех успокоит брюзгливую⁷⁸ древность лет. — Одно условие брачного договора может и в неравенстве⁷⁹ быть исполняемо. Жить вместе. Но будет ли в том взаимность? Один будет начальник самовластный, имея в руках силу, другой будет слабый подданнык⁸⁰, веление⁸¹ господина⁸² своего⁸³ исполнять⁸⁴ только⁸⁵ могущий. — Вот, Анюта⁸⁶, благие мысли, тобою мне внушенные. Прости, любезная моя Анютушка⁸⁷, поучения⁸⁸ твои вечно пребудут в сердце моем впечатлены⁸⁹, и сыны сынов моих да⁹⁰ наследят⁹¹ в них⁹².

ХОТИЛОВ

Проект¹ в будущем

Доведя² постепенно любезное отечество наше до цветущего состояния, в котором оно³ ныне находится; видя науки, художества и рукоделия, возведенные до высочайших совершенства степени, до коей⁴ человеку достигнуть дозволяется; видя в областях наших, что разум человеческий,

⁶³ *ЖАнРгПд*; *Е. . . Тх* — Возвращать; *Д* — Возвращать ^{ср.} *испр.* Возвращать; *Еф* — Возвращает ⁶⁴ *Б* — Не ⁶⁵⁻⁶⁵ *Ж*; *Ан. . . Пд* — тут быть ⁶⁶ *ЕЖ*; *Ан* — пламя *доб.* а; *Б. . . Пд* — пламя, а ⁶⁷ *ЕЖ*; *Ан. . . Пд* — питающая; *Ми* — питающий ⁶⁸ *ЕЖ*; *Ан* — он *испр.* плод; *Б. . . Пд* — плод ⁶⁹ *Е* — не; *Ж* — то ⁷⁰⁻⁷⁰ *Ан* — тлению подвержен *испр.* подвержен тлению; *Е* — повреждению подобен ⁷¹ *ЕфКбЭй* — уязвляти ⁷² *ЕЖ*; *Ан* — друга *доб.* се; *Б. . . Пд* — друга, се ⁷³ *ВУвГшКлВрЧк* — симпатиею ⁷⁴ *Б. . . Вр* — избранный; *Ми* — изображенный ⁷⁵ *Ми* — будет не не ⁷ *ЕЖ*; *Ан* — остывают на поле *В*; *Б. . . Пд* — утихают ⁷⁷⁻⁷⁷ *ЕЖ*; *Ан* — чувствительность чувственному веселию *испр.* чувственное веселие; *Б. . . Пд* — чувственное (*ЕфКбЭй* — чувствительное) веселие ⁷⁸ *Е* — брюзгливую; *Ан* — бережливую *испр.* брюзгливую; *Ми* — брезгливую ⁷⁹ *Ан* — неровенстве ⁸⁰ *Ж*; *Ан* — подданнык *доб.* и раб^т, на поле^т и раб совершенный; *Б. . . Пд* — подданнык и раб совершенный; *Е* — поддойник ⁸¹ *МиЕф* — веления ⁸² *ЕРг*; *Ан. . . Пд* — господи; *Ж* — господи *испр.* господина ⁸³ *ЕфКбЭй* нет ⁸⁴ *Ми* — исполнить ⁸⁵ *Е* нет ⁸⁶ *ЕЖ* — Анета ⁸⁷ *ЕЖ* — Анегушка ⁸⁸ *Е* — поучении ⁸⁹ *Ж. . . ВрРг*; *МиЧк. . . Пд* — впечатленны; *Ан* — впечатленны *испр.* впечатленными (?) ⁹⁰ *ЕЖ*; *Ан* — да *зач.*; *Б. . . Пд* нет ⁹¹ *Ж* — наследят; *Еф* — наследуют ⁹² *ЕЖ*; *Ан* — них *знак //*, затем *вставка*; *Б. . . Пд* — далее следует Хотилковский ям был уже в виду и т. д. — *см. печатную редакцию и Варианты*

¹ *ВУвГшКлМи* — Просить; *ЕфКбЭй* — Проект ² *Еф* — Доводя ³ *ЕфКбЭй* — оно; *Ми* нет ⁴ *В* — коея

вольно распростирая свое крылие, беспрепятственно и незаблужденно возносится⁵ везде к величю и надежным ныне стал стражею общественных законоположений. Под державным его покровом свободно и сердце наше, в молитвах⁶, всевышнему творцу воссылаемых, с неизреченным радованием сказати можем⁷, что отечество наше есть приятное божеству обиталище, ибо сложение его не на предрассудках и суевериях основано, но на внутреннем нашем чувствовании щедрот отца всех. Неизвестны нам вражды, столь часто людей разделявшие за их исповедание, неизвестно нам в⁸ оном и принуждение. И⁹, родившись среди свободы сей, мы истинно братьями¹⁰ друг друга почитаем, единому¹¹ принадлежа семейству, единого имея отца — бога.

Светильник науки, носяся над законоположением нашим, отличает ныне и¹² его от многих земных законоположений. Равновесие во властях, равенство в имуществах отъемлют и¹³ корень даже гражданских несогласий. Умеренность¹⁴, заставляя почитать законы верховныя власти, яко веления нежных родителей к своим чадам, предупреждает даже и бесхитростные злодеяния. Ясность¹⁵ в положениях о приобретении и¹⁶ сохранении имений¹⁷ не дозволяет возродиться семейным распрям. Межа, отделяющая¹⁸ гражданина в его владении¹⁹ от другого¹⁹, глубока²⁰ и²¹ всеми зрима, и всеми свято почитаема. Оскорбления частные между нами редки и дружелюбно примираются. Воспитание народное пеклося о том, да кротки будем, да будем граждане миролюбивые²², но прежде всего²³ будем человеки.

Наслаждаяся внутреннею тишиною, внешних врагов не имея, доведя общество до высшего²⁴ блаженства гражданского сожития, неужели²⁵ толико чужды будем²⁶ ощущению человечества²⁶, чужды движениям²⁷ жалости, чужды нежности благородных сердец, любви чужды братния²⁸ и оставим в глазах наших на всегдашнюю²⁹ укоризну, на поношение дальнейшего потомства³⁰ треть целую³⁰ сообщников³¹ наших, сограждан нам равных, братий³² возлюбленных в естестве, в тяжких узах³³ неволи? Зверской обычай порабощать себе подобного человека, возродившийся в знойных³⁴ полосах³⁵ Асси³⁶, обычай, диким народам приличный, обы-

⁵ *КлМи* — возносится ⁶ *Ан*; *Б. . . Пд* — молитвах, ко (*Чк — к*) ⁷ *Ан* — может *испр.* можем; *ЕфКбЭйПд* — может ⁸ *БВМиЕфКбЭй* — во ⁹ *Ан*; *Б. . . Пд* нет ¹⁰ *БВЕфКбЭй* — братьями ¹¹ *БВ* — к единому ¹² *Ан*; *Б. . . Пд* нет ¹³ *АнБВ*; *Ув. . . Пд* нет ¹⁴ *АнБВ*; *Ув. . . Пд* — Умеренность в наказаниях ¹⁵ *БВ* — Ясности ¹⁶ *БВ* нет ¹⁷ *Ув. . . Вр* — имения ¹⁸ *Еф* — отдаляющая ¹⁹⁻¹⁹ *Рг* — вырыта ²⁰ *УвГшКлМиВрТхРг* — глубоко ²¹ *Ув. . . Вр* — и весьма зрима, и ²² *УвГшМиПд* — миролюбные; *Вр* — миролюбные *испр.* миролюбивые ²³ *БВ*; *Ан* — всего *доб.* да; *Ув. . . Пд* — всего да ²⁴ *УвГшКлМиЧкЕфКбЭйПд* — выше-ного ²⁵ *ЕфКбЭй* — нежели ²⁶⁻²⁶ *Ми* — ощущения человечеству ²⁷ *БВ* — движением ²⁸ *Ан* — братския *испр.* братния ²⁹ *Ан* — всегдашнюю *доб.* нам; *Б. . . Пд* — всегдашнюю нам ³⁰⁻³⁰ *Б* — пред целую; *В* — пред целым ³¹ *БУвГшКлМи*; *В* — сообществом; *Ан* — сообщников *испр.* общников; *Вр. . . Пд* — общников; *Эй* — обманчиков ³² *ЕфКбЭй* — братию ³³ *Ан* — узах *доб.* рабства и; *Ув. . . Пд* — узах рабства и; *БВ* — узах рабства ³⁴ *Ми* — знойной ³⁵ *БВУвГшЕфКбЭй* — полюсах; *Ми* — полосе; *Д* — полюсах *испр.* полосах ³⁶ *УвГшКлМвТх. . . Пд* — Азми

чай, знаменующий³⁷ сердце окаменелое³⁸ и души³⁹ отсутствие совершенное, простерся на лице⁴⁰ земли быстротечно, широко и далеко. И мы, сыны славы, мы, именем и делами словуты⁴¹ в коленах земнородных, пораженные невежества мраком, восприяли обычай сей; и ко стыду нашему, ко стыду прошедших веков, ко стыду сего разумаго времюточия сохранили его нерушимо⁴² даже до сего дня.

Известно вам из деяний отцев ваших⁴³, известно всем из наших летописей, что мудрые правители нашего народа, истинным подвигаемы⁴⁴ чело-веколюбием, дознав естественную связь общественного союза, старались положить предел стоглавному сему злу. Но вседержавные⁴⁵ их подвиги утщелились известным⁴⁶ тогда гордыми своими преимуществами в государстве нашем чиновостоянием⁴⁷, но ныне обветшалым и в презрение впадшим⁴⁸, дворянством⁴⁹ наследственным. Державные предки наши среди могущества сил скипетра своего немощны были на разрушение оков гражданския неволи. Не токмо они не могли исполнить⁵⁰ своих благих намерений, но ухищрением помянутого в государстве чиновостояния подвигнуты⁵¹ стали на противные рассудку их и сердцу правила. Отцы наши зрели губителей сих со слезами, может быть, сердечными, сожимающих узы и⁵² отягчающих⁵³ оковы наиболееших⁵⁴ в обществе сочленов. Земледельцы и доднесь между нами раби⁵⁵; мы в них не познаем сограждан нам равных, забыли в них человека. О возлюбленные наши сограждане! о истинные сыны отечества! воззрите окрест нас и⁵⁶ познайте⁵⁷ ваше заблуждение⁵⁷. Служители божества предвечного, подвигаемы⁵⁸ ко благу общества и⁵⁹ блаженству человека, ⁶⁰с нами единомыслием⁶⁰ изъясняли⁶¹ вам в поучениях своих во имя всещедрого бога, ими⁶² проповедуемого, колико мудрости его и любви противно властвовать над ближним своим самопроизвольно. Старались они доводами, в природе и сердце нашем⁶³ почерпнутыми, доказать вам жестокость вашу⁶⁴, неправду и грех. Еще глас их торжественно во храмах⁶⁵ живого бога вопиет громко: опомнитесь заблудшие, смягчитесь жестокосердые; разрушьте⁶⁶ оковы братии вашей⁶⁷, отверзите темницу неволи и дайте подобным вам вкусити⁶⁸ сладости общежития,

³⁷ Ми — знающий ³⁸ БВМи — окамененное ³⁹ Ув. . . Вр — душа
⁴⁰ ЕфКБЭй нет ⁴¹ Еф — словуты ⁴² Чк. . . Рг — ненарушимо ⁴³ БВ — наших; Д — наших *испр.* ваших ⁴⁴ БВ; Ан. . . Пд — подвигаемы; Д — подвигаемы *испр.* подвигаемы ⁴⁵ Ан — вседержавные *испр.* державные; Б. . . Пд — державные ⁴⁶ БВЕфКБЭй — известными; Д — известными *испр.* известным
⁴⁷ БВ — чиновостояниями; Д — чиновостояниями *испр.* чиновостоянием; ЕфКБЭй — чиновостоянием ⁴⁸ Ув. . . Вр — впадшем ⁴⁹ Б — дворянствам ⁵⁰ БВ — исполнить; Д — исполнить *испр.* исполнить ⁵¹ Ан — подвергнуты *испр.* подвигнуты
⁵² Ув. . . Вр нет ⁵³ Б — отягчающихся; В — отягчающие; Еф — отягчающих
⁵⁴ ЕфКБЭй — по наиболееших ⁵⁵ Ан — раби *испр.* рабы; Б. . . Пд — рабы
⁵⁶ ЕфКБЭй нет ⁵⁷⁻⁵⁷ Ан — ваше заблуждение *испр.* заблуждение ваше; Б. . . Пд — заблуждение ваше ⁵⁸ В; Ан — подвигаемы *испр.* подвигаемые; Б — поддвигаемые; Ув. . . Пд — подвигаемые ⁵⁹ АнБВ; Ув. . . Пд — и ко; Д — и доб. ко ⁶⁰⁻⁶⁰ Ан; БВ — с нами единомысленно; Ув. . . Пд — единомыслием с нами; Д — с нами единомысленно *испр.* единомыслием с нами ⁶¹ БВКлМиЕфКБ — изъяснили ⁶² КлМи — или ⁶³ БВ — наше ⁶⁴ ЕфКБЭй — вашу, и ⁶⁵ БВ ЕфКБЭй — храме ⁶⁶ АнБВГш; Ув. . . Пд — разрушите; Д — разрушьте *испр.* разрушите ⁶⁷ Чк — ваша ⁶⁸ БВЕфКБЭй — вкусити; Д — вкусити *испр.* вкусити; КлЧкТх — вкусите

к нему же всецелым уготованы, яко же и вы. Они благодетельными лучами солнца равно с вами наслаждаются, одинаковые с вами у них члены⁶⁹, и право в⁷⁰ употреблении оных⁷¹ должно быть одинаково⁷¹.

Но если служители божества представили взорам вашим⁷² неправоту порабощения в отношении человека, за⁷³ долг наш вмением мы показать вам вред оной в обществе и неправильность оного⁷⁴ в отношении гражданина. Излишне⁷⁵, казалось бы, при возникшем⁷⁶ столь уже давно духе любомудрия изыскивать или поновлять доводы о существенном⁷⁷ человек⁷⁸, а потому и граждан равенстве. Возросшему под покровом свободы, исполненному чувствами⁷⁹ благородства, а не предрассуждениями, доказательств⁸⁰ первенственного равенства⁸⁰ суть движения его сердца обыкновенные. Но се несчастие смертного на земли: заблудити среди света и не зрети того, что прямо взорам его предстоит.

В училищах, юным вам сущим, преподали⁸¹ основания⁸² права естественного и права гражданского. Право естественное показывало⁸³ вам человек⁸⁴, мысленно вне общества, приравнявших⁸⁴ ⁸⁵одинаковые члены от природы, а⁸⁵ потому имеющих одинаковые права, следственно⁸⁶, равных⁸⁷ ⁸⁸во всем⁸⁸ между собою и едины⁸⁹ другим не подвластных⁹⁰. Право гражданское показало вам человек⁸⁴, променявших беспредельную свободу на мирное оныя употребление. Но если⁹¹ все они⁹¹ положили свободе своей предел и дали⁹² правило деяния своим, то все равные⁹³ от чрева материя в природной свободе равны должны быть и в ограничении оной. Следственно, и тут один другому не подвластен. Властитель первый в обществе есть закон, ибо он для всех один. Но какое было побуждение⁹⁴ вступати в общество и полагати произвольные пределы деяниям? Рассудок скажет: собственное благо; сердце скажет: собственное благо; неповрежденный⁹⁵ закон гражданский скажет: собственное благо. Мы в обществе живем, уже многие степени усовершенствования протекшем, и потому запамятовали мы начальное оного положение. Но воззрите на все новые народы⁹⁶, на все общества⁹⁷ естества, если⁹⁸ так сказать⁹⁹ можно. Во-первых, порабощение есть преступление; во-вторых, един¹⁰⁰ злодей

⁶⁹ *Ан* — члены *доб.* п чувства; *Б. . . Пд* — члены и чувства ⁷⁰ *ЕфРг* — во 71–71 *В* — должны быть одинаковы ⁷² *Б* — нашим ⁷³ *В* — то за ⁷⁴ *КлМи* нет ⁷⁵ *Ув. . . Рг* — Излишнее ⁷⁶ *Б* — возникшем ⁷⁷ *КлМи* — сущестственности; *Вр* — сущестственном *испр.* сущестственности ⁷⁸ *Ув. . . Пд*; *Ан* — человеке *испр.* человек; *БВ* — человеке; *Д* *испр.* человеке *испр.* человек⁷⁹ *ВМи* — чувствами ^{80–80} *Ан*; *Б. . . Пд* — о первенственном равенстве ⁸¹ *АнРг*; *Б. . . Пд* — преподали вам ⁸² *УвГшКлВр* — основание ⁸³ *БВ*; *Ан* — показывало *испр.* показало; *Ув. . . Пд* — показало; *Д* — показало *испр.* показывало ⁸⁴ *БД* — приравнявших ^{85–85} *АнБВ*; *Ув. . . Пд* — одинаковое от природы (*Рг* — от природы одинаковое) сложение, и; *Д* *испр.* одинаковые от природы члены, а ⁸⁶ *ЕфКБЭй* — следовательно ⁸⁷ *УвГшКлМиВрТх* — равны ^{88–88} *ЕфКБЭй* — совсем ⁸⁹ *БВ*; *Ан* — едины *испр.* единые; *Ув. . . Пд* — единые; *Рг* — единых ⁹⁰ *Ув. . . Вр* — неподвластных ^{91–91} *БВ* — они все ⁹² *БВ*; *Ан* — дали *зач.*; *Ув. . . Пд* нет; *Д* *доб.* дали ⁹³ *БВД*; *Ан* — равные *испр.* равны; *Ув. . . Пд* — равны ⁹⁴ *ЧкТх* — побуждение ⁹⁵ *АнБВ*; *Ув. . . Пд* — нерастленный; *Д* *испр.* неповрежденный *испр.* нерастленный ⁹⁶ *АнБВ*; *Ув. . . Пд* — народы и ⁹⁷ *УвГшКлМи* — общества и ⁹⁸ *ЕфКБЭй* нет ⁹⁹ *В* — назвать; *Д* — назвать (?) *испр.* сказать ¹⁰⁰ *УвКлМиЕфКБЭй* — один

или неприятель испытует тягость неволи. Соблюдая сии понятия, познаем мы, колико удалился мы¹⁰¹ от цели общественной, ²колико отстоим еще вершины² блаженства общественного далеко. Все сказанное нами вам есть обычно, и правила таковые иссосали вы со млеком матерним. Един пред-рассудок мгновения, единая корысть, — да не уязвитесь³ нашими изречениями, — единая корысть отъемлет у нас взор и в темноте беснующим нас⁴ уподобляет.

Но кто между нами оковы носит, кто ощущает тяготу неволи? Земледелец, кормилец наша тощеты⁵, насытителъ нашего глада. Он⁶ дает нам здравие, он⁷ житие наше продолжает, не имея права распоряжати⁸ ни тем⁹, что обрабатывает, ни тем¹⁰, что производит. ¹¹Но кто¹¹ к ниве ближайшее имеет право, буде не делатель ее? Представим себе мысленно¹² мужей, пришедших в пустыню¹³ для сооружения общества. Помышляя о прокормлении своем, они делят поросшую¹⁴ злагом землю. Кто жребий на уделе¹⁵ получает? Не тот ли, кто ее вспахать может¹⁶, не тот ли, кто силы и желание к тому имеет достаточные? Младенцу или старцу, расслабленному¹⁷, немощному и нерадивому удел ¹⁸в ниве¹⁸ будет бесполезен. Она пребудет в задуствии, и ¹⁹ветр классов¹⁹ на ней не возвеет²⁰. Если она бесполезна делателю ее, то бесполезна и обществу, ибо избытка своего делатель обществу не отдаст²¹, не имея нужного. Следственно²², в начале общества тот, кто ниву обработать может, ²³един имел на владение ею²³ право, и обработавый²⁴ ее пользуется ею исключительно. Но колико удалились мы от первоначального общественного положения относительно владения²⁵. Тот²⁶, кто естественно²⁷ ²⁸имеет к тому²⁸ право, не токмо от того исключен совершенно, но, работая ниву чужую²⁹, зрит пропитание свое зависящее от власти другого. Просвещенным вашим разумам³⁰ истины³¹ сии не могут быть непонятны, но деяния³² ваши в исполнении сих истин препинаемы, сказали уже мы, предрассуждением³³ и корыстию. Неужели сердца ваши,

¹⁰¹ УвКлМиЕфКбЭй нет ²⁻² БВД — колико (Д — толико) отстоит еще
вершина ³ ВУвГшКлМиЕф — уязвитесь; Чк — уязвитесь испр.
⁴ БВ — вас; Д испр. вас ⁵ БВ — тщеты; Д испр. тщеты испр. тощеты ⁶ АнБВ;
Ув. . . Пд — Тот, кто ⁷ АнБВ; Ув. . . Пд — кто ⁸ БВДЕфКбЭй — распоря-
жать ⁹ Ан — ничем испр. ни тем ¹⁰ Ан — ничем испр. ни тем ¹¹⁻¹¹ Ан —
Но кто испр. Кто же; БВ — Но кто же; Ув. . . Пд — Кто же; Д — Кто же испр.
Но кто же ¹² Ан вписано в пробел мысленно ¹³ КбЭй — пустыни ¹⁴ В. . . Рг;
Б — поросшую; Ан — порозшею; МиПд — порозшею ¹⁵ ЕфКбРг — удел ¹⁶ Ан —
может испр. возможен; Б. . . Пд — возможен ¹⁷ КлМи — расслабленному, но
¹⁸⁻¹⁸ БВ; Ан. . . Пд нет; Д доб. в ниве и зач. ¹⁹⁻¹⁹ УвГшКлМи — ветер классов;
ЕфРг — ветер классов ²⁰ УвГшКлМи — возмет ²¹ МиТхЕфРг — отдает
²² ЕфКбЭйРг — Следовательно; Д — Следовательно испр. Следственно ²³⁻²³ Ан;
БВ — един на владение ее имел; Ув. . . Пд — тот имел на владение ею; Д испр. един
имеет на владение ею ²⁴ АнБВ; УвЧк — обрабатывающий; ГшВр — обрабатыва-
ющие; Ми — обрабатывающий; КлТх. . . ПдД — обрабатывающий ²⁵ Ан — владе-
нию испр. владения ²⁶ Ан; Б. . . Пд — У нас тот ²⁷ Ан; Б. . . Пд — естествен-
ное ²⁸⁻²⁸ АнБВ; Ув. . . Пд — имеет к оному; ДЕфКбЭйРг — к оному имеет
²⁹ Ан — чужую испр. чуждую; Б. . . Пд — чуждую ³⁰ БВ — разумом ³¹ УвВр —
истинный ³² БВМиЧк — деяний; Тх — деяний ³³ БВ — предрассуж-
дениям

любовию человечества полные, предпочтут корысть³⁴ услаждающим сердца чувствованиям³⁴? Но какая и³⁵ корысть ваша? Но³⁶ может ли³⁷ государство, где³⁷ ³⁸третья часть сограждан³⁸ лишены гражданского звания и часть³⁹ в законе мертвы, назваться блаженным⁴⁰? Можно ли назвать блаженным гражданское⁴¹ положение крестьянина в России? Ненасытитель⁴² кровей⁴³ один скажет, что он блажен⁴⁴ быть может⁴⁴, ибо⁴⁵ не имеет⁴⁵ понятия о лучшем состоянии.

Мы постараемся⁴⁶ опровергнуть теперь⁴⁶ сии зверские властителей правила, яко же их опровергали⁴⁷ некогда предшественники наши деяниями своими⁴⁸ неуспешно.

Блаженство гражданское в различных видах представиться может. Блаженно государство, говорят, если в нем царствует тишина и устройство. Блаженно кажется, когда нивы в нем не пустыют и во градах⁴⁹ гордые воздымаются⁴⁹ здани⁵⁰. Блаженно, называют его, когда далеко простирает⁵¹ власть оружия своего и властвует⁵² вне себя не токмо силою своею, но и словом своим над мнениями⁵³ других. Но⁵⁴ ⁵⁵все сии блаженства⁵⁵ можно назвать внешними, мгновенными⁵⁶, преходящими, частными и мысленными.

Воззрим на предлежащую взорам нашим долину. Что видим мы? Пространный воинский стан. Царствует в нем⁵⁷ повсюду тишина⁵⁷. Все ратники стоят в своем месте. Наивеличайший строй зрится в рядах их. Единое веление, единое⁵⁸ руки мановение⁵⁸ начальника движет весь стан и движет его стройно. Но можем мы⁵⁹ назвать воинов блаженными? Превращенные точностю воинского повиновения в куклы, тьмяются⁶⁰ у них даже⁶¹ движения воли⁶¹, толико живым веществам⁶² свойственной⁶³. Они знают только веление начальника, мыслят, что он хочет⁶⁴, и стремятся⁶⁵, куда направляет⁶⁶. Толико всесилен жезл над⁶⁷ могущественней-

³⁴⁻³⁴ *БВ*; *Ан* — услаждающим сердца чувствованиям *испр.* чувствованиям, сердца услаждающим; *Ув. . . Пд* — чувствованиям, сердце услаждающим
³⁵ *Ан* — и *испр.* в том; *Б. . . Пд* — в том ³⁶ *Ан* — Но *зач.*; *Б. . . Пд* *нет*
³⁷⁻³⁷ *Рг* — в государстве ³⁸⁻³⁸ *Ан*; *Б. . . Пд* — две трети граждан ³⁹ *БВ*;
Ан — часть на поле пометка *ВВ*, *испр.* частию; *Ув. . . Пд* — частию ⁴⁰ *ВВрЧкТх*
РгПд — блаженными; *Д* — блаженным *испр.* блаженными ⁴¹ *Ми* — гражданское название, или ⁴² *БВ*; *Ан* — Ненасыть (?) *испр.* Ненасытец; *Ув. . . Пд* — Ненасытец ⁴³ *Рг* — крови; *Д* — крови *испр.* кровей ⁴⁴⁻⁴⁴ *АнБВ*; *Ув. . . Пд* *нет*;
Д *доб.* быть может и *зач.* ⁴⁵⁻⁴⁵ *БВ* — имеют ⁴⁶⁻⁴⁶ *Кл* — теперь опровергнуть
⁴⁷ *В* — опровергли ⁴⁸ *Ув. . . Пд*; *БВ* — нашими; *Ан* — нашими на поле пометка *ВВ*, *испр.* своими (?) ⁴⁹⁻⁴⁹ *В* — воздымаются гордые ⁵⁰ *АнБЧкТх*; *В. . . Пд* — здани; *Д* — здани *испр.* здани ⁵¹ *БВ* — простирается; *Д* — простирают
⁵² *АнБВ*; *Ув. . . Пд* — властвует оно; *Д* *испр.* властвует *доб.* оно
⁵³ *ЕфКбЭй* — мнением ⁵⁴ *Б* *нет*; *Ан* — угол листа оборван ⁵⁵⁻⁵⁵ *Ув. . . ВрЕф* — все сие блаженство; *Тх* — все сии блаженство ⁵⁶ *БВМи* — мгновениями;
Д *испр.* мгновениями *испр.* мгновенными ⁵⁷⁻⁵⁷ *АнБВ*; *Ув. . . Пд* — тишина повсюду ⁵⁸⁻⁵⁸ *МиПд* — мановение руки ⁵⁹ *АнБ*; *ВРг* — ли мы; *Ув. . . Пд* — ли;
Д — ли *доб.* мы и *зач.* ⁶⁰ *Ан*; *Б. . . Пд* — отъемется ⁶¹⁻⁶¹ *УвГшКлМиТх*;
Ан — движения воли *испр.* движения воля; *БВ* — движение воли; *ВрЧкЕф. . . Пд* — движения воля; *Д* — движение воли *испр.* движение воля ⁶² *Рг* — существам
⁶³ *БВД*; *Ан* — свойственно *доб.* в пробел е — свойственное; *Ув. . . Пд* — свойственная; *Ми* — свойственные ⁶⁴ *БВУвГшКлМиРг* — хочет; *Д* *испр.* хочет *испр.* хочет ⁶⁵ *Ан* — стремится *испр.* стремятся ⁶⁶ *БВ* — направляет ⁶⁷ *БВ* — под; *Д* — над *испр.* под

шею⁶⁸ властью⁶⁹ государства. Совокупны возмогут вся, но разделенны⁷⁰ и на едине пасутся, яко скоты, амо же пастырь пожелает. Устройство⁷¹ на счет⁷¹ свободы столь же противно блаженству нашему, как и самые узы. — Сто невольников, пригвожденных⁷² ко⁷³ скамьям корабля, веслами двигаемо⁷⁴ в пути своем, живут в тишине и устройстве; но загляните⁷⁵ в их сердце и душу. Терзание, ⁷⁶скорбь⁷⁶, отчаяние. Желали бы они нередко променять жизнь на кончину; но и ту им оспаривают. Конец страдания их есть блаженство, а блаженство неволе не сродно, и потому они живы. И так да не ослепимся внешним спокойствием государства и его устройством и для сих только причин да не почтем оное блаженным. Смотри⁷⁷ ⁷⁸всегда на сердца⁷⁸ сограждан. Если в них найдешь⁷⁹ спокойствие и мир, тогда сказать можешь⁸⁰ воистину: се блаженны.

Европейцы, опустошив Америку, утучнив нивы ее кровию природных ее жителей, положили конец убийствам своим новою корыстию⁸¹. Запустелые нивы сего обновленного мощными⁸² природы потрясениями полукружия почувствовали соху, недра их раздирающую⁸³. Злак, на тучных лугах выроставший и⁸⁴ иссякавший⁸⁵ бесплодно, почувствовал былие⁸⁶ свое, острием косы подсекаемо. Валяются на горах гордые древеся⁸⁷, издревле вершины их осенявшие, ⁸⁸езде видима строящая рука делателя, везде внешности знак блаженства.⁸⁸ Леса бесплодные и горные⁸⁹ дубри претворяются⁹⁰ в нивы плодоносные и покрываются стовидными произращениями, единой Америке свойственными или удачно в оную преселенными⁹¹. Тучные луга потаптываются многочисленным скотом, на яству и работу человекам⁹² определенным⁹³. Везде видна⁹⁴ строящая рука делателя, везде кажется вид благосостояния и внешний знак⁹⁵ устройства. Но кто же столь мощною рукою нудит⁹⁶ скупую⁹⁷, ленивую природу давать плоды свои в толиком обилии? Заклав индийцев⁹⁸ единовременно, злобствующие европейцы, проповедники миролюбия во имя бога истинна⁹⁹, учителя²⁰⁰ кротости и человеколюбия, к²⁰¹ корню² яростного убийства за-

⁶⁸ *ЕфКБЭйРг* — могущественною ⁶⁹ *БВ*; *Ан* — властью *испр.* силою; *Ув.* . . *Пд* — силою; *Д* *испр.* властью *испр.* силою ⁷⁰ *БВ* — раздельны; *Д* — разделены ⁷¹⁻⁷¹ *Б* — найдет; *В* — найдете; *Д* — найдете *испр.* на щет ⁷² *БВ* — пригвожденные ⁷³ *УвГшВр* — по; *ЕфКБЭй* — к ⁷⁴ *В* — движимого ⁷⁵ *АнБВ*; *Ув.* . . *Пд* — загляни; *Д* — загляните *испр.* загляни ⁷⁶⁻⁷⁶ *Ми* — и скорбь и ⁷⁷ *БВ* — Смотри ⁷⁸⁻⁷⁸ *Б* — на сердца всегда; *В* — на сердца всех ⁷⁹ *В* — найдем ⁸⁰ *ВУвВрЧкТхКБЭй* — можем ⁸¹ *ЕфКБЭй* — корыстью ⁸² *БВ*; *Ув.* . . *Пд* — сильными; *Д* *испр.* мощными *испр.* сильными ⁸³ *БВ* — раздирающею ⁸⁴ *КлЕфКБЭй* *нет* ⁸⁵ *БВ*; *Ув.* . . *Пд* — иссыхавший; *Ми* — иссякавший ⁸⁶ *Еф* — бытие ⁸⁷ *УвГшКлМи* — дерева; *Вр* — древеся *испр.* дерева ⁸⁸⁻⁸⁸ *БВ*; *Ув.* . . *Пд* *нет*; *Д* *доб.* везде видима . . . знак блаженства и *зач.* ⁸⁹ *БВ*; *Ув.* . . *Пд* — горькие; *Д* — горные *испр.* гор кие; *Еф* — гордые ⁹⁰ *Д* — претворялися *испр.* претворяются ⁹¹ *УвГшКлМиЕфКБЭйПд* — переселенными ⁹² *БВДЕфКБЭй*; *Ув.* . . *Пд* — человеком; *Рг* — человеку ⁹³ *БВ*; *Ми* — употребляемым; *Ув.* . . *Пд* — определяемым ⁹⁴ *УвГшКлМи* *нет* ⁹⁵ *В* — закон ⁹⁶ *Еф Пд* — нудить ⁹⁷ *Ан* *доб.* скупую; *БВ* — скупую и; *Ув.* . . *Пд* — скупую; *Д* — скупую *доб.* и и *зач.* ⁹⁸ *БВЕфКБЭйРг* — индейцев ⁹⁹ *Ан* — истинна *испр.* истинны; *Ув.* . . *Пд* — истины ²⁰⁰ *УвГшКлМи* *нет* ²⁰¹ *МиЧкЕфКБЭйПд* — в; *Тх* — в *испр.* к ² *В*; *Б* — корни; *Ан* — корни *испр.* корни; *Ув.* . . *Пд* — корни

воевателей³ прививают хладнокровное⁴ убийство — порабощение⁵ приобретенных⁶ невольников куплею⁷. Сии-то несчастные жертвы знойных⁸ берегов⁹ Нигера и Сенегала¹⁰, отринутые¹¹ своих домов и семейств, преселенные¹² в неведомые им страны, под тяжким железом благоустройства вздирают обильные¹³ Америки нивы¹³, трудов их гнушающийся¹⁴. И мы страну опустошения назовем блаженною для того, что поля ее не¹⁵ поросли тернием и нивы их обилуют произращениями разнovidными. Назовем блаженною страну, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а¹⁶ тысячи¹⁷ не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова. О, дабы¹⁸ опустети¹⁹ паки обильным сим странам. Дабы терние и волчек, простирая корень свой глубоко, истребил все драгие Америки произведения. Вострепещите, о возлюбленные мои, да не скажут о вас: прмени имя, повесть о тебе вешает.

Мы дивимся и ныне еще огромности египетских зданий. Неупотребительные пирамиды чрез долгое время доказывать будут смелое в созидании египтян зодчество. Но для чего²⁰ сии столь²⁰ нелепые кучи камней были уготованы? На погребение надменных фараонов. Кичливые сии власти-тели, жадая²¹ бессмертия, и по кончине хотели²² отличествовать²³ внешностию своею от народа своего. И так огромность зданий, бесполезных обществу, суть явные доказательства его порабощения.²⁴ Охотно уподоблю их одеждам позлащенным, полумертвое тело расслабленного покрывающим²⁴. В остатках погибших градов, где общее блаженство некогда водворялось²⁵, обрящем развалины²⁶ больниц, гостиниц²⁷, позорищ и тому подобных зданий; во градах²⁸ же, где известнее было «я», а не «мы», находим остатки великолепных²⁹ царских чертогов, пространных конюшен, жилища зверей. Сравните то и другое: выбор³⁰ наш³¹ не будет затруднителен³⁰.

Но что обретаем в самой славе завоеваний³²? Звук, гремящее, надутливость³³ и³⁴ истощение. Я таковую³⁵ славу охотно³⁶ применю³⁷ к шарам,

³ В — завоеватели ⁴ ВВ — хладнокровие ⁵ ВВ; Ая — порабощение *испр.* порабощения; Ув. . . Пд — порабощения ⁶ Ая — приобретенных *испр.* приобретением; Б. . . Пд — приобретением ⁷ УвГшКлМи — куплено ⁸ ВВ — законных ⁹ АяВВ; Ув. . . Пд — берегов ¹⁰ Ая. . . Пд; Ми — Сенегала ¹¹ УвГшКлМи — отринуты; КбЭй — отринутые ¹² ЕфКбЭй — переселенные ¹³⁻¹³ ВВ; Ая — Америки нивы *испр.* нивы Америки; Ув. . . Пд — нивы Америки ¹⁴ ВВ; Ая — гнушающийся *испр.* гнушающейся; УвГш — гнушайся; Кл — гнушайся; Ми — гнушайся; Вр. . . Пд — гнушающейся ¹⁵ ВВ *нет* ¹⁶ Б — и ¹⁷ Б — 1000; В — тысячи *испр.* тысяча; КлМиЕфКбЭйРг — тысячи; Д — тысяча *испр.* тысячи ¹⁸ КлМи — дабы не ¹⁹ ЕфКбЭй — опустеть ²⁰⁻²⁰ ЕфКбЭй — столь сии ²¹ УвГшКлМиВрЕфКбЭйПд — жадающая ²² В *нет* ²³ ЕфКбЭй — отличествовать ²⁴⁻²⁴ ВВ; Ая — Охотно уподоблю . . . прикрывающим *зач.*; Ув. . . Пд *нет*; Д *доб.* Охотно уподоблю . . . прикрывающим ²⁵ ВВ — водворялся ²⁶ Ая; Б. . . Пд — развалины училищ ²⁷ Ая; ВВ — гостиниц, водометов; Ув. . . Вр — гостиниц (Кл — гостиниц), водометов; Чк. . . Пд — гостиниц, водометов; Д — гостиниц, водометов *испр.* гостиниц, водометов ²⁸ МиЕфКбЭй — градах ²⁹ ЕфКбЭй — великолепная ³⁰⁻³⁰ УвГшКлМи — незатруднителен ³¹ Вр — нам; Д — нам *испр.* вам *испр.* нам ³² УвКлМи — завоевания; ГшТх — завоевания ³³ Ая — надутливость *испр.* надутлость; Б. . . Пд — надутлость; ЕфКб — надутливость; Рг — надутость ³⁴ МиЕфКбЭй *нет* ³⁵ Еф — такую ³⁶ ВВ; Ая — охотно *зач.*; Ув. . . Пд *нет*; Д *доб.* охотно *и* *зач.* ³⁷ БД УвКлМиЕфКб — применю

в 18-м³⁸ столетии изобретенным. Они³⁹, из шелковой ткани сложенные, наполняются⁴⁰ мгновенно горячим воздухом и взлетают⁴¹ с быстротою звука до высших пределов эфира. Но то, что их составляло силу, истощается⁴² из среды тончайшими скважинами непрестанно; тяжесть, горе вращавшаяся, приемлет естественный путь падения долу; и то, что месяцы целые сооружалось⁴³ со⁴⁴ трудом, тщанием и⁴⁵ иждивением, едва часов несколько может веселить взоры⁴⁶ зрителей.

Но вопросы, чего жаждет⁴⁷ завоеватель, чего он ищет⁴⁸, опустошая страны населенные и⁴⁹ покоряя пустыни своей державе? Ответ получим мы от яростнейшего из⁵⁰ всех⁵¹, от Александра, Великим названного, но велик поистине не в делах своих, но в силах душевных и разорениях. — О афиняне! — вещал он, — колико стоит мне быть хвалиму вами. — Несмысленной, воззри на шествие твое. Крутой вихрь твоего полета, преносся⁵² чрез твою область, затаскивает в вертение свое жителей ее⁵³ и, влача силу государства в⁵⁴ своем стремлении, за собою оставляет пустыню и мертвое пространство. Не рассуждаешь ты, о ярый ветр⁵⁵, что, опустошая землю свою⁵⁶ победою, в завоеванной⁵⁷ ничего не обрящешь, тебя услаждающего. Если приобрел пустыню⁵⁸, то она соделается⁵⁹ могилою для твоих сограждан, в коей они сокрываются будут; и⁶⁰, населяя новую пустыню, ⁶¹страну обильную превратишь⁶¹ в бесплодную. Какая же прибыль, что из пустыни соделал⁶² селитьбы, ⁶³если⁶⁴ другие населения⁶⁵ тем сделал⁶⁶ пустыми⁶³? Если⁶⁷ приобрел населенную страну, то исчисли убийства твои и ужаснися. Искоренить долженствуешь ты все сердца, тебя в громоносности⁶⁸ твоей возненавидевшие; не мни убо, что любити можно, его же бояться⁶⁹ нудятся⁷⁰. По истреблении мужественных граждан останутся и будут подвластны тебе робкие⁷¹ души, рабства иго⁷² восприяти готовые; то⁷³ и в них ненависть к подавляющей твоей победе укоренится⁷⁴ далеко, и⁷⁴ плод твоего завоевания будет⁷⁵ — не льсти себе — убийство и ненависть. Мучитель пребудешь⁷⁶ ⁷⁷на памяти потомков; казниться бу-

³⁸ ВрЧк — осьмом на десять ³⁹ Ан — Они *зач.*; Б. . . Пд *нет* ⁴⁰ Ан; Б. . . Пд — наполняются они ⁴¹ ЕфКбЭй — взлетает ⁴² БВРг; Ан — истощается *испр.* истощается; Ув. . . Пд — истощается ⁴³ УвГшКл — сооружался; Ми — сооружалась ⁴⁴ МиРг — с ⁴⁵ КбЭй *нет* ⁴⁶ В — взор ⁴⁷ АнТх. . . Пд; Б. . . Чк — жаждает; В — жаждает ⁴⁸ В — хочет ⁴⁹ АнБВ; Ув. . . Пд — или ⁵⁰ В — изо ⁵¹ КбЭй — всех, а ⁵² Ан — преносся *испр.* преносся ⁵³ Ан *доб.* в пробел ее ⁵⁴ Ан. . . Еф; БВЧк. . . Пд — во ⁵⁵ БВ; Ан — ветр *испр.* вепрь; Ув. . . Пд — вепрь ⁵⁶ БВГш — своею; ЕфКбЭй *нет* ⁵⁷ БВ — завоеванни; Д *испр.* завоеванни *испр.* завоеванной ⁵⁸ УвВр — пустыне ⁵⁹ ЕфРг — соделается ⁶⁰ БВД; Ан — и *испр.* а; Ув. . . Пд *нет* ⁶¹⁻⁶¹ БВ; Ан — страну обильную превратишь *испр.* превратишь страну обильную; Ув. . . Пд — превратишь страну обильную ⁶² БДЕфРг — соделал ⁶³⁻⁶³ В *нет* ⁶⁴ ЕфКбЭй — А если ⁶⁵ Еф — селения ⁶⁶ Б. . . Вр — соделал ⁶⁷ БВ; Ан — Если *доб.* же; Ув. . . Пд — Если же ⁶⁸ Чк — огромности; ЕфКбЭй — огромности ⁶⁹ БВДРг; Ан — бояться *испр.* бояться; УвКлВрЧк — бояться; ГшМиТх. . . Пд — бояться ⁷⁰ АнМиЧк. . . Пд; Б. . . Вр — нудится ⁷¹ Еф — рабские ⁷² КлМи — его ⁷³ БВ; Ан — то *испр.* но; Ув. . . Пд — но ⁷⁴⁻⁷⁴ АнБВ; Ув. . . Пд — глубоко; Д — глубоко *доб.* п и *зач.* ⁷⁵ УвКлМи — будет бесполезен ⁷⁶ АнБВЕфКбЭй; Ув. . . ТхРг — пребудет; Пд — пребудеши ⁷⁷⁻⁷⁷ БВ *нет*

дешь⁷⁸, ⁷⁷, ведая, что мерзят тебя⁷⁹ новые рабы⁸⁰ твои и от тебя кончины твоея просят.

Но, нисходя к ближним⁸¹ о состоянии земледельцев⁸¹ понятиям⁸², колико вредным его находим мы для общества. Вредно оно в размножении⁸³ произрастений⁸⁴ и⁸⁵ народа, вредно примером своим и опасно в беспокойствии своем. Человек, в начинаниях своих двигаем⁸⁶ корыстию, предприимлет то, что ему⁸⁷ служить может на пользу, ближайшую⁸⁸ или дальнюю⁸⁹, и удаляется того, в чем он не обретает пользы, ближайшей или дальневидной. Следуя сему естественному побуждению, все начинаемое для себя, все, что делаем⁹⁰ без принуждения, делаем⁹¹ с прилежанием, раченнем, хорошо. Напротив того, все то, на⁹² что не свободно подвизаемся, все то, что не для своей совершаем пользы, делаем оплошно, лениво, косо и криво⁹³. Таковых находим мы земледельцев в государстве нашем. Нива у него⁹⁴ чуждая, плод оныя⁹⁵ ему⁹⁶ не принадлежит. И для того обрабатывает⁹⁷ ее лениво; и не⁹⁸ радит он⁹⁸, ⁹⁹да не запустеет⁹⁹ среди делания. Сравни сию ниву с данною надменным владельцем³⁰⁰ на тощее прокормление делателю³⁰¹! Не жалеет² он³ ⁴о трудах⁴, ⁵их предпринимает ее ради⁵. Ничто не отвлекает его от делания. Жестокость⁶ времени он одолевает бодрственно, часы, на упоение⁷ определенные, проводит в трудах; во дни на веселие определенные, оных⁸ чуждается. Зане рачит о себе, ⁹работает для себя⁹, делает про себя. И так нива его дает¹⁰ ему плод сугубый. И так все плоды трудов земледельцев¹¹ мертвуют или паче не возрождаются, они же родились¹² бы и были живы на насыщение граждан, егда¹³ бы делание нив¹⁴ было¹⁵ рачительно, егда¹⁶ бы было свободно.

Но если принужденная работа дает менее¹⁷ плода, то не достигающие¹⁸ земли¹⁹ произведения толико ж²⁰ вредны²¹ ²²и в размножении²² народа.

⁷⁸ Чк — будет ⁷⁹ Еф — тебе ⁸⁰ БВ; Ан — рабы *испр.* рабы; Ув. . . Пд — рабы ⁸¹⁻⁸¹ БВ — земледельцев о состоянии ⁸² МиЕфКбЭй — понятием ⁸³ Чк — расположении ⁸⁴ Ув. . . Тх — произрастении; ГшКл — произрастения; Рг — растений ⁸⁵ БВ нет; Ми доб. и; Д — и стерто и вновь доб. ⁸⁶ Ан; Б. . . Пд — двигаемый ⁸⁷ Ув. . . Вр нет ⁸⁸ КлМиЕфКбЭй — ближайшею ⁸⁹ Гш — дальнею *испр.* дальнюю; УвКлМиВрТх — дальнею ⁹⁰ Ув. . . Чк — делает ⁹¹ Ув. . . Чк — делает ⁹² ЕфКбЭй нет ⁹³ В — крыво ⁴⁹ Ан; Б. . . Пд — них ⁹⁵ Ув. . . Вр — оный; Ми — оной ⁹⁶ Ан; Б. . . Пд — им ⁹⁷ Ан; Б. . . Пд — обрабатывают ⁹⁸⁻⁹⁸ Ан; Б. . . Пд — радует о том ⁹⁹⁻⁹⁹ Ан БВ; Ув. . . Пд — не запустеет ли; ЕфКбЭй — запустеет ли; Д *испр.* да не запустеет *испр.* не запустеет ли ³⁰⁰ АнМиЧкЭйРгТх; Б. . . Пд — владельцем ³⁰¹ БВ — делателя ² Б — жалеть; УвКлМи — жалеют; Рг — жалеет ли ³ АнБВДЕфКбЭй; УвГшКлМи — сии; ВрЧкТхРгПд — сей ⁴⁻⁴ БВ — трудов; Д *испр.* — трудов ⁵⁻⁵ БВ; Ан — их предпринимает ее ради *испр.* своих, ее ради предпринимаемых; Ув. . . Пд — своих, ее ради предпринимаемых ⁶ БВ — Жестокости ⁷ Ан — упоение *испр.* упоение; УвГшКлМи — покоение; Еф — успокоение ⁸ Ан; БВ — оным; Ув. . . Пд — одного ⁹⁻⁹ БВ нет ¹⁰ АнЕфКбЭйРг; Б. . . Пд — даст ¹¹ МиЕфКбЭй — земледельца ¹² БВ — родились ¹³ Ан; Б. . . Пд — если ¹⁴ БВ — нивы; Д *испр.* нивы *испр.* пив ¹⁵ БВ — быв ¹⁶ Ан; Б. . . Пд — если ¹⁷ АнБВ; Ув. . . Пд — меньше ¹⁸ Ан — достигающие доб. своей цели; Ув. . . Пд — достигающие своя (ЕфКбЭй — своей) цели ¹⁹ Ан — земли *испр.* земные; Б. . . Пд — земные ²⁰ АнБВ; Ув. . . Пд — же ²¹ Ан; Б. . . Пд — препятствуют ²²⁻²² АнБВ; Ув. . . Пд — размножению

Где есть нечего, там, хотя бы и было кому есть, ²³то они не будут²³, умрут от истощения. Тако и²⁴ нива рабства, неполный давая плод, мертвит граждан, им же ²⁵определен был естеством избыток²⁵ ее. Но сим ли одним препятствуется в рабстве²⁶ многоплодие? К недостатку прокормления и²⁷ одеяния²⁸ присовокупили работу до изнеможения. Умножь²⁹ оскорбления³⁰ надменности³¹ и силы уязвления³¹ даже в любезнейших человека чувствованиях, и тогда ³²отверделым оком³² со³³ ужасом узришь³⁴ губительство³⁵ неволи, которая тем только различествует от побед и завоеваний, что не дает тому родиться, что победа посекает. Но от коей³⁶ вреда больше, легко всяк усмотрит³⁷. Одна опустошает случайно, мгновенно. Другая губит одновременно и всегда. Однако, когда придет³⁸ полет ее, скончает³⁹ свое свирепство; другая там только начнется⁴⁰, где сия кончится, и премениться⁴¹ не может, разве опасным всегда потрясением⁴² всея внутренности.

Но нет ничего вреднее, как всегдашнее на предметы рабства ⁴³и неволи⁴³ воззрение. С одной стороны родится надменность, а с другой — робость. Тут никакой не может⁴⁴ быть связи, разве насилие. И сие, собираясь⁴⁵ в малую⁴⁶ среду, властнодержавное свое действие простирает всюду тяжко. ⁴⁷Но не токмо⁴⁷ поборники⁴⁸ неволи суть⁴⁹ ⁵⁰власть⁵¹ в руках и мудрые⁵¹, ⁵⁰имеющие⁵², сами ключимые⁵³ во⁵⁴ ⁵⁴узах наияростнейшие⁵⁵ оныя будут поборники⁵⁵. Кажется, что дух свободы толико⁵⁶ в рабах иссякает, что не токмо не желаю⁵⁷ кончить⁵⁸ своего страдания, но тягостно им зрети, что другие свободствуют. Оковы свои возлюбляют, если возможно человеку любить⁵⁹ свою пагубу. Мне мнится в них зрети змию, совершившую падение первого человека. . . Пример⁶⁰ властвования суть заразительный⁶¹. Мы сами,

²³⁻²³ *БВ*; *Ан* — то они не будут *испр.* не будет; *Ув.* . . *Пд* — не будет; *Д* *испр.* то они не будут *испр.* не будет ²⁴ *АнБВ*; *Ув.* . . *Пд* нет; *Д* *доб.* и *и* *зач.* ²⁵⁻²⁵ *БВ*; *Ан* — определен был естеством избытка *испр.* определены были природою избытки (?); *Ув.* . . *Пд* — определены были природою избытка (*Д* *ЕфКбЭйРг* — избытки) ²⁶ *ЕфКбЭй* — работе ²⁷ *БВ* нет ²⁸ *АнБВ*; *Ув.* . . *Пд* — одежда; *Д* — одежды *испр.* одежда ²⁹ *БВ* — Умножа; *Д* — Умножа *испр.* Умножь ³⁰ *БВ* — оскорблениями; *Д* — оскорблениями *испр.* оскорбления ³¹⁻³¹ *Ан* (*на поле NB*); *БВ* — и силы и уязвления; *Ув.* . . *Пд* — и уязвления силы; *Д* *испр.* силы и уязвления *испр.* и уязвления силы ³²⁻³² *АнБВ*; *Ув.* . . *Пд* нет ³³ *Г.* . . *Пд*; *УвКлМиДРг* — с ³⁴ *Г* *АнБВ*; *Ув.* . . *Пд* — узришь возникшее ³⁵ *Еф* — грабительство ³⁶ *Г*; *Ан* — ней; *Б.* . . *Пд* — нее ³⁷ *Г*; *Ан.* . . *Пд* — усмотрит, что ³⁸ *Г.* . . *Вр*; *Ан* — придет (*на поле NB*); *Чк.* . . *Рг* — придет; *Пд* — пройдет; *Д* — придет *испр.* придет ³⁹ *Г*; *АнЧк* — скончает; *Б.* . . *ТхРг* — скончает; *ЕфКбЭйДПд* — скончивает ⁴⁰ *Рг* — начинается ⁴¹ *ВРг* — переменится ⁴² *Еф* — потеряннем ⁴³⁻⁴³ *ГБВ*; *Ан.* . . *Пд* нет; *Д* *доб.* и неволи и *зач.* ⁴⁴ *ГБВ* *ДЧкТх*; *Ан.* . . *Пд* — можно ⁴⁵ *Ан* — собираясь *испр.* собираясь ⁴⁶ *УвГш* — малую ⁴⁷⁻⁴⁷ *Г*; *В* — Но не только; *Ан.* . . *Пд* — Но; *Д* — Но *доб.* не только ⁴⁸ *БДЭй* — поборника; *КлМи* — борники; *Еф* — поборники и ⁴⁹ *ГБВД*; *Ан.* . . *Пд* нет ⁵⁰⁻⁵⁰ *Рг* — власти острие ⁵¹⁻⁵¹ *Г*; *Ан* — и мудрые в руках (*подчеркнуто «мудрие», на поле NB*) *испр.* и острие в руках; *БВД* — в руках; *Ув.* . . *Пд* — и острие в руках ⁵² *БВ* — имущие; *Г* нет ⁵³ *ЕфКбЭй* — ключимое ⁵⁴ *Ан* — в *испр.* во; *УвГш* — в ⁵⁵⁻⁵⁵ *Г*; *Ан* — оныя бывают поборники; *БВ* — бывают поборники оныя, проповедники; *Ув.* . . *Пд* — оныя (*Чк* — оный; *ЕфКбЭй* — оные) бывают проповедники; *Д* *испр.* таино *испр.* таино ⁵⁶ *БВ* — таино; *Д* *испр.* таино *испр.* таино ⁵⁷ *ЕфКбЭй* — желает ⁵⁸ *Г*; *Ан.* . . *Пд* — скончать ⁵⁹ *ГБВДЕфКбЭй*; *Ан.* . . *Пд* — любити ⁶⁰ *ГБВ*; *Ан* — Пример *испр.* Прпмеры; *Ув.* . . *Пд* — Примеры ⁶¹ *БВ*; *Г.* . . *Пд* — заразительны

признаться должно⁶², мы, ополчены⁶³ палицею⁶⁴ мужества и природы на сокрушение⁶⁵ стоглавною чудовища, иссасающего⁶⁶ млеко от общества, уготованное⁶⁶ на прокормление граждан, мы поползнулись⁶⁷, может быть, на действия⁶⁸ самовластия, и хотя намерения наши были всегда благи и к блаженству целого стремились⁶⁹, но поступок наш державный полезностью своею оправдаться не может. И тако⁷⁰ ныне молим вас⁷¹ вины нашей отпущения⁷¹.

Но⁷² ведаете ли, любезные⁷³ наши сограждане, коликая нам предстоит гибель⁷⁴, в которой мы возвращаемся опасности. Загрубелые все чувства рабов, и благим свободой мгновением⁷⁵ в движение не приходящие, тем утверждают⁷⁶ и усовершенствуют⁷⁷ внутреннее⁷⁸ чувство⁷⁹. Поток⁸⁰, загражденный в стремлении своем⁸¹ оплотом⁸², тем сильнее становится, тем⁸³ тверже его⁸⁴ противостояние⁸⁵. Прорвав оплот⁸⁶ единожды, ничто уже в разлитии его противиться ему не возможно. Таковы⁸⁷ братия наши⁸⁸, во⁸⁹ узах нами содержимые⁹⁰. Ждут случая и часа. Колокол ударяет⁹¹. И се пагуба зверства разливается быстротечно. Се⁹² узрим окрест нас меч и светочу⁹³. Смерть и пожигание⁹⁴ нам будет посул⁹⁵ за нашу суровость и бесчеловечие. И чем медлительнее и упорнее мы были в разрешении⁹⁶ их уз, тем стремительнее они будут⁹⁷ во мщени⁹⁷ своем. Приведите себе на память⁹⁸ плачевные повествования прошедшего столетия⁹⁸. Даже обольщение колико яростных⁹⁹ сотворило рабов на погубление господ своих! Прельщенные гробом самозванцем, текут ему вослед и ничего толико не желают, как освободиться от ига своих властителей, и⁴⁰⁰ в невежестве своем

⁶² БВЕф (?) — должны; Д — должны *испр.* должно ⁶³ ГВВ; Ан — ополчены *испр.* ополченные; Ув. . . Пд — ополченные ⁶⁴ КЛМиЕфКБЭй — полщицею ⁶⁵ ЕфКБЭй — сокращение ⁶⁶⁻⁶⁶ ГАНБВ; Ув. . . Пд — пищу общественную, уготованную; Д *испр.* млеко от общества, уготованное *испр.* пищу общественную, уготованную ⁶⁷ ЕфКБЭй — ползнулись ⁶⁸ УвГшВрТх — действия ⁶⁹ ГВВ; Ан. . . Пд — стремились ⁷⁰ ГАН; Б. . . Пд — так ⁷¹⁻⁷¹ Г; Ан — вины нашей отпущения *испр.* отпущения нашего проступка; ВВ — вины нашей отпущения неумышленного дерзновения; Ув. . . Пд — отпущения (ЕфКБЭй — отпущение) нашего неумышленного дерзновения ⁷² ВВУвГшКЛМи; Г. . . Пд — Не ⁷³ Рг — добрые ⁷⁴ Ми — погибель ⁷⁵ ГВВ; Ан. . . Пд — мановением; Д *испр.* мгновением *испр.* мановением ⁷⁶ ГАНБВ; Ув. . . Пд — укрепят; КЛМи — укрепим; Д — укрепят *испр.* утверждают ⁷⁷⁻⁷⁷ КЛ — и усовершенствуем; Ми — вершенствует (*ошибка на переносе*) ⁷⁸ ГЕФКБ; Ан — внутреннее *испр.* внутреннее; Рг — внутреннее наше; Б. . . Пд — внутреннее ⁷⁹ ГАНБВ; Ув. . . Пд — чувствование ⁸⁰ БВЕфКБ — Потом; Эй — Потом *испр.* Поток ⁸¹ ЕфКБЭй нет ⁸² Г; Ан. . . Пд нет ⁸³ Г; Ан — тем *испр.* чем; Б. . . Пд — чем ⁸⁴ Г; Ан — его *испр.* ему; Б. . . Пд — находит ⁸⁵ ЕфКБЭй — противостояние ⁸⁶ ВВ — оплоты ⁸⁷ ГАН; Б. . . Пд — Таковы суть ⁸⁸ ЕфКБЭй — наша ⁸⁹ ЕфКБЭй — в ⁹⁰ Г — одержимые ⁹¹ УвГшКЛМи — ударит ⁹² ГАН; Б. . . Пд — Мы ⁹³ Г; Ан по стертому отраву; Б. . . Пд — отраву ⁹⁴ УвГшКЛМи — пожигает; Рг — поругание ⁹⁵ ВВ — после ⁹⁶ Б — разрушении ⁹⁷⁻⁹⁷ Б — в отмщении; В — во отмщении; Еф — в мщени ⁹⁸⁻⁹⁸ ГВВ; Ан — плачевные повествования прошедшего столетия *испр.* плачевные повествования прошедших столетий; Ув. . . Пд — прежние повествования; Д *испр.* плачевные повествования прошедшего столетия *испр.* прежние повествования ⁹⁹ УвГшКЛ — яростным; Ми — яростными; ЕфКБЭй — яростно ⁴⁰⁰ ГАНБВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. п и зач.

другого средства к тому не умыслили, как их умерщвление⁴⁰¹. Не щадили они² в остервенении своем² ни пола, ни возраста. Они искали паче веселие³ мщения, нежели пользу сотрясения уз.

Вот что нам предстоит, вот чего⁴ ожидать нам⁴ должно. Гибель возно-сится⁵ горе постепенно⁵, и опасность⁶ вращается уже⁶ над главами нашими. Уже время, вознесши⁷ косу, ждет часа удобности, и первый льстец или любитель человечества, возникши⁸ на пробуждение несчастных, ускорит его⁹ мах¹⁰. Блюдитесь, ¹¹да опять посечены не будете¹¹.

Но если ужас гибели и опасность¹² потеряннй¹³ стяжаний¹⁴ подвигнуть может слабого из вас, неужели не будем мы толико мужественны¹⁵ в побеж-дении¹⁶ наших¹⁷ предрассуждений, в попрании нашего корыстолюбия и не освободим братию нашу из темниц¹⁸ рабства и¹⁹ восстановим²⁰ природное всех²¹ равенство? Ведаю сердце ваших расположение, приятнее²² они да убедятся²² доводами, в человеческом сердце почерпнутыми, нежели в ис-числениях корыстолюбивого благоразумия, а менее²³ еще в боязни²⁴. Идите, возлюбленные²⁵ мои, идите в жилище²⁶ 27 братии вашей²⁷, возвестите им²⁸ о перемене²⁹ их жребия. Вещайте с³⁰ ощущением сердечным: подвиг-нутье³¹ на жалость вашу участию, соболезнуя о подобных нам, дознав их³² равенство с нами и убежденные общею пользою, пришли мы, да ло-бызаем³³ братию нашу. Оставили мы гордое различие, нас толико³⁴ вре-мени³⁵ от вас отделявшее³⁶, зарыли³⁷ мы³⁸ между³⁹ неравенства⁴⁰, востор-жествуем ныне⁴¹ победу нашу⁴¹, и сей день, ⁴²в в онь⁴² же сокрушаются⁴³ оковы сограждан нам любезных, ⁴⁴да будет⁴⁴ знаменитейший⁴⁵ в летописях наших. Забудьте⁴⁶ наше прежнее злодейство на вас, и да возлюбим друг друга искренно.

⁴⁰¹ *ЕфКбЭй* — умерщвления ²⁻² *ГБВ*; *Ан. . . Пд нет*; *Д* доб. в остервенении своем ³ *УвКлМи* — веселия ⁴⁻⁴ *ГБВ*; *Ан. . . Пд* — нам ожидать ⁵⁻⁵ *БВ* — постепенно, горе; *Д* *испр.* постепенно, горе *испр.* горе постепенно ⁶⁻⁶ *ГБВ*; *Ан. . . Пд* — уже вращается ⁷ *Ув. . . Вр* — вознести ⁸ *Ми* — возникший ⁹ *КбЭй* — их ¹⁰ *КлМи* — шаг; *Ув* — шаг ¹¹⁻¹¹ *ГБВ Ан* (*на поле В*); *Ув. . . Пд нет*; *Д* доб. да опять посечены не будете и *зач.* ¹² *Ан* — опасность ¹³ *ГБВ*; *Ан. . . Пд* — потрясения; *Д* *испр.* потеряннй *испр.* потрясения ¹⁴ *Г. . . Пд*; *ВУвВр* — стяжания; *Ан* — стяжания *испр.* стяжаний (*на поле В*); *Д* — стяжания *испр.* стяжаний ¹⁵ *УвГшКл* — мужественные ¹⁶ *ЕфКбЭй* — побуждению ¹⁷ *Гш* — нашем; *Ми* — наших ¹⁸ *Г АнБВ*; *Ув. . . Пд* — оков ¹⁹ *ГБВ*; *Ан* доб. в *пробел* и; *Ув. . . Пд* — и не ²⁰ *УвГшКл* — восставим; *Чк* — восставим *испр.* восстановим ²¹ *БВ* — всем ²²⁻²² *ГБВ*; *Ув. . . Пд* — им убедитесь; *Д* *испр.* они да убедятся *испр.* им убедитесь ²³ *УвГшКлМи* — меньше ²⁴ *ГБВ*; *Ув. . . Пд* — опасности; *Д* — опасности *испр.* боязни ²⁵ *В* — возлюблении ²⁶ *ГБВУвГшКлМиЕфКбЭй*; *ВрЧкТхРзПд* — жилища; *Д* — жилища *испр.* жилища ²⁷⁻²⁷ *Рз* — ваших братьев ²⁸ *ГБВ*; *Ув. . . Пд нет*; *Д* — возвестите доб. * им ²⁹ *ГБВЕфКбЭйРз*; *Ув. . . Пд* — премене ³⁰ *ЧкТх* — со ³¹ *УвГшКлМи* — подвигнуты ³² *ГБВ*; *Ув. . . Пд* — ваше; *Д* — ваше *испр.* их ³³ *МиВрЧкЕфКбЭйРз* — лобызаем ³⁴ *УвКлМи* — столько; *Гш* — только ³⁵ *БВ* — вре-менно; *ЕфКбЭй* — время ³⁶ *ЕфКбЭй* — отделяющее ³⁷ *ГБВ*; *Ув. . . Пд* — за-были ³⁸ *ГБВ*; *Ув. . . Пд* — мы существовавшее ³⁹ *Г*; *Б. . . Пд* — между нами ⁴⁰ *Г*; *Б. . . Пд* — неравенство ⁴¹⁻⁴¹ *ГБВ*; *Ув. . . Пд* — о победе нашей; *Д* *испр.* победу нашу ⁴²⁻⁴² *ГБВУвКлЧкЕфКбЭй*; *Ми* — во онь; *Тх* — во он; *ГшВрРзПд* — в он ⁴³ *В* — сокрушатся ⁴⁴⁻⁴⁴ *УвКлВрЧкТх* — да будем; *Ми* — забудем ⁴⁵ *УвКл* — знаменитейшая; *Ми* — знаменитейшие; *Пд* — знаменитейший ⁴⁶ *УвГшКлМи* — забудем

Се будет глагол ваш: се слышится он уже во внутренности сердец ваших. Не медлите⁴⁷, возлюбленные⁴⁸ мои. Время летит. Дни наши проходят⁴⁹ в недействии. Да не скончаем⁵⁰ жизнь нашу⁵⁰, возымев⁵¹ едину⁵¹ только⁵² мысль благую и не возмогли ее исполнить. Да не воспользуется тем потомство наше, да не пожнет венца нашего и с презрением о нас да не скажет⁵³: они были⁵⁴

⁵⁵ Дано в . . . 18. года⁵⁵.

Вот что я прочел в ⁵⁶вымаранной в грязи⁵⁶ бумаге, которую поднял⁵⁷ я перед⁵⁸ почтовою избою, выходя⁵⁹ из кибитки моей.

Вошел в избу, я спрашивал, кто ⁶⁰был проезжий⁶⁰ незадолго передо⁶¹ мною. — Последний⁶², — говорил мне почталион, — был человек лет пятидесяти; ⁶³в подорожной написан он студентом⁶³, едет⁶⁴ в Петербург. Он у нас забыл связку бумаг, которые⁶⁵ я теперь за ним вслед посылаю. — Я попросил {почталиона, чтобы⁶⁶ ⁶⁷он дал⁶⁷ сии бумаги посмотреть, и⁶⁸ узнал, что и⁶⁹ найденная мною к ним же принадлежала⁷⁰. ⁷¹Я уговорил почталиона⁷¹, чтобы он бумаги сии отдал мне, дав ему за то награждение. ⁷²Я узнал, развернув их⁷², что они принадлежали искреннему моему другу, ⁷³а потому⁷³ не почел я их приобретение⁷⁴ кражею, ⁷⁵ибо я ⁷⁶о том его⁷⁶ уведомил. Но⁷⁵ от их он меня доселе не требовал, а оставил мне на волю, что я из них сделать хочу⁷⁷.

Между тем как лошадей моих перепрягали, я любопытствовал, рассматривая⁷⁸ доставшиеся мне бумаги. Множество нашел я подобных⁷⁹ той, которую я⁸⁰ читал. Везде я обретал расположение⁸¹ человеколюбивого⁸² сердца, но⁸³ везде видел гражданина⁸⁴ будущих времен. Более всего видно было, что ⁸⁵друг мой⁸⁵ поражен был несоразмерностью гражданских чиновположений⁸⁶. Целая связка⁸⁷ бумаг и начертаний⁸⁸ законоположений⁸⁹

⁴⁷ *испр.*; Г — слышите ⁴⁸ В — возлюбленнии ⁴⁹ ГЕФ Рг; Б. . . Пд — проходят ⁵⁰⁻⁵⁰ ГВВ; Ув. . . Пд — жизни нашей ⁵¹ ГВВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. едину ⁵² ЕФЭй — толико ⁵³ КЛМиРг — скажут ⁵⁴ ВрЧкТхПд — были. ⁵⁵⁻⁵⁵ ГВВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. Дано в . . . 18. года ⁵⁶⁻⁵⁶ Г; Ан — вымаранной в грязи *испр.* замаранной грязью; ВВ — замаранной в грязи; Ув. . . Пд — замаранной грязью (МиДЕФКБЭй Рг — грязью) ⁵⁷ Ан. . . Пд; ГВВ — подъяв ⁵⁸ ВВДЕФКБЭйРг — пред ⁵⁹ ГАНБВ; Ув. . . Пд — вылезая ⁶⁰⁻⁶⁰ *испр.*; Г — был приезжий; Ан. . . Пд — были проезжие ⁶¹ ЕФКБЭйРг — предо ⁶² ГВВ; Ан — Последний доб. из проезжающих; Ув. . . Пд — Последний из проезжающих (Ми — проезжающий) ⁶³⁻⁶³ ГАНБВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. и стерто ⁶⁴ ГАНБ; В — а едет; Ув. . . Пд — едет по подорожной ⁶⁵ Г; Ан. . . Пд — которую ⁶⁶ ВВ — чтоб ⁶⁷⁻⁶⁷ Г; Ан — он дал доб. мне; Б. . . Пд — он дал мне; ЕФКБЭй — дал он мне ⁶⁸ Г; Ан — и *испр.* а рассматривая; Б. . . Пд — и развернув их ⁶⁹ ГАНБВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. и и *зач.* ⁷⁰ ВВЕФКБ — принадлежит ⁷¹⁻⁷¹ ГВВ; Ан — Я уговорил почталиона *испр.* Я его уговорил; Ув. . . Пд — Уговорил я его ⁷²⁻⁷² ГАНБВ; Ув. . . Пд — Рассматривая их, узнал ⁷³⁻⁷³ Б — по том; В — а потом ⁷⁴ УвГш — приобретении; Ми — приобретения ⁷⁵⁻⁷⁵ ГАНБВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. и стерто ⁷⁶⁻⁷⁶ ГВВ; Ан — его о том ⁷⁷ ГВВ; Ан — хочу *испр.* захочу; Ув. . . Пд — захочу ⁷⁸ ЕФКБЭй — рассматривать ⁷⁹ ВВ — подобной ⁸⁰ ГАНБВ; Ув. . . Пд нет ⁸¹ Г. . . ВрЕФКБЭй; АНБВДЧкТхРгПд — расположения ⁸² В — человеческого ⁸³ ГВВД; Ан нет (незаполненный пробел); Ув. . . Пд нет ⁸⁴ Г. . . Пд; АНБВ — согражданина ⁸⁵⁻⁸⁵ Г. . . Пд; Ан — друг доб. мой; ВВ — мой друг ⁸⁶ Г; Б. . . Пд — чиновостояний ⁸⁷ ЕФПд — связка ⁸⁸ ВУвГшМиВрЧкПд — начертания; ЕФКБЭй — о начертаниях ⁸⁹ Ув ГшВр — законоположения; КЛ — законоположения; Ми нет

относились⁹⁰ к уничтожению рабства в России. Но друг мой, ведая, что высшая⁹¹ власть недостаточна в силах своих на претворение мнений⁹² мгновенно, начертал путь⁹³ временным, к предварительному освобождению земледельцов в России законоположениям⁹³. Я здесь покажу шестие его мыслей. Первое положение относится к разделению сельского рабства и рабства домового⁹⁴. Сие последнее уничтожается прежде всего⁹⁵, запрещается поселян⁹⁶ брать в дома. Буде помещик возьмет земледельца в дом свой⁹⁷ в город⁹⁷, то земледелец тем⁹⁸ становится свободен⁹⁹. Второе положение относится к собственности⁵⁰⁰ и защите⁵⁰⁰ земледельцов. Удел в земле, ими обрабатываемой, должны они иметь⁵⁰¹, ибо платят² подушную подать³. Восстановление земледельца во звание гражданина. Надлежит⁴ судиму ему⁴ быть ему равными, что есть⁵ в расправах, в кои и⁶ выбирать и⁷ из помещичьих крестьян⁸. Запрещать⁹ произвольное телесное¹⁰ наказание без суда. Исчезни варварское обыкновение, разрушися¹¹ власть тигров, — вещает наш¹² законодатель. . . За сим следует совершенное уничтожение рабства.

Между многими постановлениями, относящимися¹³ к восстановлению по возможности равенства во¹⁴ гражданах¹⁵, нашел я табель о рангах. Сколь она¹⁶ несоразмерна нашим временам, может всяк видеть¹⁶. Но теперь дуга коренной лошади звенит уже¹⁷ в колокольчик и зовет меня к отъезду¹⁸.

ВЫДРОПУСК

Здесь я опять принялся за бумаги моего друга. В руки мне попало начертание положения о уничтожении придворных чинов.

⁹⁰ ГВД; Ув. . . Пд — относилась; Ми — относилась; ЕфКбЭй — относилось
⁹¹ БВД — высшая ⁹² УвГшВрЧкПд — мнения; Кл — мнения; Ми — мнениям
⁹³⁻⁹³ Г; Б. . . Пд — путь повременным законоположениям, к постепенному освобождению земледельцов в России ⁹⁴ Г; Б. . . Пд — домашнего ⁹⁵ Г; Б. . . Пд — всего и; ЕфКбЭй — всего, а ⁹⁶ Г; Б. . . Пд — поселян и всех по деревьям в ревизии написанных ⁹⁷⁻⁹⁷ Г; Б. . . Пд — для услуг или работы (Ми — рабства)
⁹⁸ Г; Б. . . Пд нет ⁹⁹ Г; Б. . . Пд — свободен. Дозволить (БВУвГшКлМи — Дозвольте) крестьянам вступать в супружество, не требуя на то согласия своего господина. Запретить брать выводные деньги ⁵⁰⁰⁻⁵⁰⁰ БВ нет
⁵⁰¹ Г; Б. . . Пд — иметь собственностию ² Г; Б. . . Пд — платят сами ³ Г; Б. . . Пд — подать. Приобретенное крестьянином имение ему принадлежать долженствует; никто его оного да не лишит самопроизвольно ⁴⁻⁴ Г; Б. . . Пд — ему судиму ⁵⁻⁵ МиТх — т. е. ⁶ Г; Б. . . Пд нет ⁷ ЕфКбЭй нет ⁸ Г; Б. . . Пд — крестьян. Дозволить (БВ — Дозвольте) крестьянину приобретать (Гш — приобрести) недвижимое имение, то есть (МиЕф — т. е.) покупать землю. Дозволить (БВУвГшКлМи нет) невозбранное приобретение вольности, плата господину за отпускную известную сумму ⁹ Г; Б. . . Пд — Запретить ¹⁰ Г; Б. . . Пд нет ¹¹ Г; Б. . . Пд — разрушися; ЕфКбЭй — разрушится ¹² БВрЧкТх — нам; ЕфКбЭй — ваш ¹³ УвГшКл — относящимся; ЕфКбЭй — относящихся ¹⁴ КлЧк — в ¹⁵ Кл — согражданах ¹⁶⁻¹⁶ Г; Б. . . Пд — была некстати нынешним временам и оным несоразмерна, всяк сам может вообразить ¹⁷ ВрЧкТхРг — уж ¹⁸ Г; Б. . . Пд — отъезду, и для того я за благо положил лучше рассуждать о том, что выгоднее для едущего на почте, чтобы лошади шли рысью или иноходью, или что выгоднее для почтовой клячи, быть иноходцем или скакуном, нежели заниматься тем, что не существует

Проект¹ в будущем

Вводя² нарушенное в обществе естественное и гражданское равенство постепенно паки, предки наши не последним способом почли к тому умаление прав дворянства. Полезно³ государству в начале своем личными своими заслугами, но⁴ ослабело оно в подвигах своих наследственностью, и, сладкий при насаждении, его корень произнес⁵ плод горький. На месте⁶ мужества водворилась⁷ надменность и самолюбие, на месте⁸ благородства души и щедроты поселились⁹ раболепие и самонедоверие¹⁰, истинные скряги¹¹ на великое. Жительствуя среди столь тесных душ и подвизаемые¹² на милости¹³ ласкательством наследственных достоинств и заслуг, многие государи возмнили¹⁴ быти им богами¹⁴, и вся, его же коснутся, блаженно сотворят и пресветло¹⁵. Тако и быти¹⁶ долженствует в деяниях наших, но¹⁷ токмо на пользу общую. В таковой дремоте величания власти возмечтали цари, что¹⁸ и раби¹⁸ их, ¹⁹и прислужники¹⁹, ежечасно²⁰ предстоя взорам их, заимствуют²¹ ²²их светозарности²²; ²³и блеск их²³, преломляясь²⁴, так сказать, в сих новых отсветках, и²⁵ многочисленнее²⁶ является²⁷, и с сильнейшим отражением. На²⁸ таковой²⁹ блуждения мысли воздвигли³⁰ цари придворных истуканов, ³¹коих должность и изящность должности относятся³² к мимическому³³ действию³¹. Пройдем степени придворных чинов и с улыбочкою сожаления отвратим взоры наши от кичащихся служением своим, но возрыдаем, видя³⁴ их предпочитаемых заслуге. Дворецкой мой, ³⁶помощники его³⁵, конюший и даже конюх и кучер, повар, крайчий³⁶, птицелов с подчиненными ему охотниками, комнатные³⁷ прислужники, тот, кто

¹ Г — Проект; УвГшКлМиЕфКБЭй — Проект ² Г — Сводя; БВДМиВрЧк Тх — Въ вода ³ ЕфКБЭй — Полезно оно ⁴ Г; Б. . . Пд нет ⁵ Г; Б. . . Пд — произнес наконец; Еф — принес наконец ⁶ Ув. . . Вр — место ⁷ УвГшМиВр — водворялась ⁸ УвГшКлМи — место ⁹ ГВВ; Кл — поселялися; Ми — поселялося; Ув — поселялося; ГшВрЧкТхРгПд — поселялися; ЕфКБЭй — поселялися; Д — поселялись испр. поселялися ¹⁰ ГВВЧк; УвГшКл — самонедоверени; МиВрТхПд — самонедоверение; Д испр. самонедоверение ¹¹ УвГшКлМи — враги ¹² Г — подвизаемых ¹³ ГРг; Б. . . Пд — малости ¹⁴⁻¹⁴ ГВ; В — быть им богами; Ан — (нет листа) — им богам испр. (?) суть боги; Ув. . . Пд — что они суть боги ¹⁵ Ан — превечно испр. пресветло ¹⁶ ГАН; Б. . . Пд — быть ¹⁷ ЕфКБЭй — не ¹⁸⁻¹⁸ ГАН; ВВ — и рабы; Ув. . . Пд — рабы; Д испр. и рабы испр. рабы ¹⁹⁻¹⁹ Ув ГшКл — прислуживающие; Ми — прислуживающие ²⁰ ГшКлВр. . . Пд — ежечасно ²¹ УвГш — заимствуем; Кл — заимствует ²²⁻²² Г; Ан — светозарности испр. их светозарности; ЕфКБЭй — светозарности; Б. . . Пд — их светозарности ²³⁻²³ ГАН; Б — что блеск их царский; В. . . Пд — что блеск царский; Д испр. что блеск их царский испр. что блеск царский ²⁴ Рг — преломляется ²⁵ Г; Ан. . . Пд нет ²⁶ УвГшКлМи — многочисленные ²⁷ УвГшКл — являются; Ми нет ²⁸ КлМи — Но ²⁹ УвМи — таковыя; Кл — таковой ³⁰ ЧкТх — воздвигали ³¹⁻³¹ ГАНБВВ; Ув. . . Пд — кои истинные феатральные (МиРг — театральные) божки (КлМи — бошки), повинуются (Еф — повинуются) свистку (Ув. . . ЧкЕфКБ Эй — свисту) или трещетке; Д испр. кои должность . . . действию испр. кои истинные . . . или трещетке ³² Г нет ³³ АнБ; ГВ — химическому; Д испр. химическому испр. мимическому ³⁴ Г нет ³⁵⁻³⁵ ГВ; В — помощник его; Ан — помощники его зач.; Ув. . . Пд нет; Д доб. помощники его ³⁶ ГАНТх; Б. . . Пд — кравчий ³⁷ Г; Ан — комнатные испр. горничные мои; ВВ — комнате; Ув. . . Пд — горничные мои; ЕфКБЭй — горничные мои; Д испр. комнат

меня бреет, тот, кто чешет волосы главы моей³⁸, тот, кто пыль и грязь³⁹ отирает с обуви моей³⁹, о многих других не упоминаю⁴⁰, равняются или предают служащим отечеству силами своими душевными и телесными, не щадя⁴¹ не для нас, но⁴¹ ради общества⁴² ни здоровья своего ни крови, возлюбля даже смерть ради⁴³ государства. Какая⁴⁴ вам в том⁴⁴ польза, что в доме моем государствует⁴⁵ чистота и опрятность? Сытее ли⁴⁶ вы⁴⁷ накормитесь тем, что⁴⁷ кушанье мое лучше вашего наготовлено⁴⁸ и в сосудах моих⁴⁹ лиется вино⁴⁹ из⁵⁰ всех концов вселенная? Укроетесь⁵¹ ли в шествии вашем от неприязненности⁵² погоды⁵³, буде колесница моя позлащенна и кони мои тучны? Лучший⁵⁴ даст⁵⁵ нива вам⁵⁶ плод или⁵⁷ луга ваши вящше⁵⁸ позеленеют, буде потопчутся на ловитве зверей в мое увеселение? Вы улыбнетесь с чувствованием жалости. Но⁵⁹ нередкой в справедливом негодовании своем⁶⁰ скажет⁶¹ мне: и⁶¹ тот, кто рачит о устройстве твоих чертогов, тот, кто их нагревает, тот, кто огненную пряность полуденных растений сочетавает⁶² с хладною⁶³ вязкостью⁶⁴ северных туков⁶⁵ для услаждения расслабленного твоего желудка и оцепенелого твоего вкуса; тот, кто воспняет⁶⁶ в сосуде твоём сладкий сок африканского⁶⁷ винограда; ⁶⁸тот, кто⁶⁸ умащает⁶⁹ окружие⁷⁰ твоея⁷¹ колесницы, кормит и напояет коней твоих; тот, кто во имя твое кровавую⁷² битву ведет⁷² со⁷³ зверьями дубровными⁷³ и птицами небесными, — все сии тунеядцы, все сии лелеятели, как⁷⁴ многие другие, твоея надменности, высаятся надо мною, над источившим⁷⁵ токи⁷⁶ кровей⁷⁷ на ратном поле⁷⁸, над потерявшим нужнейшие члены тела моего, защищая грады твои и чертоги, в них же сокрыта⁷⁹ твоя робость завесою величавости⁸⁰, ⁸¹которою ты⁸¹ ⁸²мужествен казался⁸²;

³⁸ ГБВМи; Ан. . . Пд — моя; Д испр. моей испр. моя ³⁹ Еф — с обуви моей отирает ⁴⁰ Г; Ан — понимаю испр. упоминаю; Б. . . Пд — упоминаю ⁴¹⁻⁴¹ ГВВ; Ан — не для нас, но испр. не для них, но и зач.; Ув. . . Пд нет; Д доб. не для нас, но и зач. ⁴² ГВВ; Ан. . . Пд — отечества; Д испр. общества испр. отечества ⁴³ Г; Ан. . . Пд — ради славы ⁴⁴⁻⁴⁴ В — в том вам; УвГшКлМи — вам ⁴⁵ ГВ; АнВЧкДРг — господствуют; Ув. . . Пд — господствует ⁴⁶ УвГшКлМи нет ⁴⁷⁻⁴⁷ Г; ВВ — тем накормитесь, что; Ан — накормитесь, что испр. накормитесь, буде; УвГшКлМи — накормлены будете; Вр. . . Пд — накормитесь, буде; Д испр. тем накормитесь, что испр. накормитесь, что ⁴⁸ Г; ВВ — изготовлено; Ан. . . Пд — приготовлено ⁴⁹⁻⁴⁹ БВД — ликуют вина; Еф. . . Рг — льется вино ⁵⁰ ГАн БВЕф; Ув. . . Пд — изо ⁵¹ ГКлЕфКБЭй — Укроется ⁵² ВВ — неприятности ⁵³ Г — победы ⁵⁴ Г; Ан. . . Пд — Лучший ли ⁵⁵ ГшМиРг — дает ⁵⁶⁻⁵⁶ Еф — нива; МиРг — вам нива ⁵⁷ ГВВ; Ан — или испр. и; Ув. . . Пд нет; Д доб. или и зач. ⁵⁸ ГВВ; Ан — вящше доб. ли; Ув. . . Пд — больше ли ⁵⁹ Г — Не ⁶⁰ УвГшКлМи нет ⁶¹⁻⁶¹ ГАНВВ; Ув. . . Пд — нам; Д испр. мне: и испр. нам ⁶² Г; Ан. . . Пд — сочетает ⁶³ В — холодною; Еф — хладной ⁶⁴ Чк. . . Эй — вязкостью ⁶⁵ Г — пуков (?) ⁶⁶ УвГшКлМи — вменяет ⁶⁷ Г — африканского ⁶⁸⁻⁶⁸ Г — тот; Рг — кто ⁶⁹ УвГшКлМи — умащает ⁷⁰ УвГшКл Ми — оружие; ЕфКБЭй — окружение ⁷¹ ГРг; Ан. . . Пд — твоей ⁷²⁻⁷² Еф — ведет битву ⁷³⁻⁷³ ГДЕф. . . Рг; Ан. . . Пд — зверьями дубровными; ВВ — зверьями, дубравами ⁷⁴ ГВВЧкТх; Ан — как доб. и; Ув. . . Пд — как и ⁷⁵ ЧкТхПд — источившем ⁷⁶ Г; Ан. . . Пд — потоки ⁷⁷ В — крови (?) ⁷⁸ Еф — поле и ⁷⁹ Ан — сокрыта испр. сокрытая; ГВВ — сокрыты; Ув. . . Пд — сокрытая; Д испр. сокрыта испр. сокрытая ⁸⁰ ВрЧкТх — величавая ⁸¹⁻⁸¹ Ан — которою ты зач.; Г. . . Пд нет ⁸²⁻⁸² ГВВ; Ан — мужествен казался испр. мужеством казался; Ув. . . Вр — мужеством казался; Чк. . . Пд — мужеством казался; Д испр. мужествен казался испр. мужеством казался

над провождающим дни веселий⁸³, юности и утех⁸⁴ ⁸⁵во сбережении⁸⁵ малейших полушки, да облеγχится, елико возможно, общее бремя налогов; над нерачившим⁸⁶ о имени своем, трудясь деннонощно⁸⁷ в снискании средств к⁸⁸ достижению блаженств общественных; над попирающим⁸⁹ родство, приязнь, союз сердца и крови, вещая правду на суде во имя твое, да возлюблен будешь⁹⁰. Власы белеют в подвигах наших, **силы** ие-тощаваются в подъемлемых нами трудах, и при возрени⁹¹ гроба едва возмогаем⁹² удостоиться твоего благоволения; а сии ушитанные тельцы сосцами нежностей⁹³ и пороков, сии незаконные сыны отечества наследят в стяжании нашем.

Тако и более еще по справедливости возжаголют от⁹⁴ вас **многие**. Что дадим мы владыке⁹⁵ сил в ответ? Прикроем бесчувствием уничтожение наше, и ⁹⁶да воспалится⁹⁶ ярость в очах наших на ведающих сице. Таковы бывают нередко⁹⁷ ответы наши вещаниям истины. И никто да не дивится сему, егда⁹⁸ наилучший между нами дерзает⁹⁹ таковая; он живет с ласкателями, беседует с ласкателями, спит в лести, хождает в лести. И лесь и ласкательство соделывают¹⁰⁰ его глуха и¹⁰¹ слепа и неосязательна.

Но да не падет на нас таковая укоризна. С младенчества нашего возненавидев ласкательство, мы соблюдали² сердце наше от ядовитой его сладости даже до сего дня³; и ныне новый опыт в любви⁴ нашей к вам и⁵ преданности явен да пребудет⁶. И тако⁷ уничтожаем ныне сравнение царедворского служения с военным и гражданским. Истремися на памяти обыкновенение, во стыд наш⁸ толико лет существовавшее. Истинные заслуги⁹, рачение о пользе общей да получают награду в трудах своих и едины да отличаются.

Сложив с сердца нашего столь несносное бремя, долговременно нас теснившее, мы явим вам наши побуждения¹⁰ на уничтожение толь¹¹ оскорбительных для заслуги¹² чинов. — Вещают вам, и предки наши тех же были мыслей, что царский престол, коего сила во мнении граждан коре-

⁸³ *АнРгПд*; *Г* — весели; *БВВрДЕФКБЭй* — в веселии; *УвКлМи* — веселия; *Гш* — веселии; *ЧкТх* — в веселии ⁸⁴ *В* — утехе ⁸⁵⁻⁸⁵ *Ув* . . *Вр* — в аберезении; *ЕфКБЭй* — во сбережение ⁸⁶ *ВрЧкТх* — нерачившем ⁸⁷ *УвМи* — денно и ночью; *ГшКлРг* — денно ночью ⁸⁸ *ВрЧкТх* — и ⁸⁹ *Ан* — подпирающем *испр.* попирающим ⁹⁰ *Еф* — будешь ⁹¹ *Г*; *БВ* — озирании; *Кл* — возирании; *Вр* — воскраий; *Ан* . . *Пд* — воскраий; *Д* *испр.* озирании *испр.* воскраий; *ЕфКб* — воскресии ⁹² *БВ* — возможем; *Д* *испр.* возможем *испр.* возмогаем ⁹³ *Г*; *Ан* . . *Пд* — нежности ⁹⁴ *УвРг* — о ⁹⁵ *Ан* — владыке *испр.* владыки; *ВрЧкТхПд* — владыки ⁹⁶⁻⁹⁶ *ГБВ*; *Ан* — да воспалится *испр.* видится воспаленна; *Ув* . . *Пд* — видится воспаленна; *Д* *испр.* да воспалится ⁹⁷ *ЕфКБЭй* нет ⁹⁸ *ГАНБВ*; *Ув* . . *Пд* — когда ⁹⁹ *Г* . . *Пд*; *БУв* *ГшКлМи* — дерзнет; *В* — дерзнет изрещи ¹⁰⁰ *Г*; *Ан* — соделовают *испр.* соделают; *БВ* — соделовают; *Ув* . . *Пд* — соделают; *Д* *испр.* соделывают *испр.* соделают ¹⁰¹ *ГАН*; *Б* . . *Пд* нет ² *ГБВ*; *Ан* — соблюдали *испр.* соблюли; *Ув* . . *Пд* — соблюли ³ *В* — дне ⁴ *Ан* *испр.* по стертому любви ⁵ *ЕфКБЭй* нет ⁶ *Г*; *Ан* . . *Пд* — будет ⁷⁻⁷ *ГБВД*; *Ан* — И тако *испр.* Тако; *Ув* . . *Пд* — Мы ⁸ *Рг* — нам ⁹ *ГАН*; *Б* . . *Пд* — заслуги и достоинства ¹⁰ *ГУвЕфКБЭйРг*; *Ан* . . *Пд* — побуждени; *ВрЧк* — побуждений ¹¹ *КлРг* — столь ¹² *Г*; *Ан* — заслуги *доб.*⁺, на *поле*⁺ и достоинства; *Б* . . *Пд* — заслуги (*Д* — заслуг *испр.* заслуги) и достоинства

нится, отличествовати¹³ долженствует внешним блеском, дабы мнение о его величестве было всегда всецело и ненаруσιμο. Откуда¹⁴ ¹⁵пышная внешность¹⁵ властителей народов¹⁶, откуда¹⁷ стадо рабов, их окружающих? Согласиться всяк должен, что тесные¹⁸ умы и малые души внешность поражать может. ¹⁹Но чем народ просвещеннее, то есть чем более особенников в просвещении, тем ²⁰внешность меньше²⁰ действовать может¹⁹. Нума мог грубых ²¹еще римлян²¹ уверить, что нимфа Егерия наставляла его в его законоположениях. Слабые²² перуанцы охотно верили ²³Манко Копак²³, что он сын солнца и что закон его с²⁴ небеси истекает; и²⁵ Магомед²⁶ ²⁷прельстить мог²⁷ скитающихся аравитян своими бреднями. Все они употребили²⁸ внешность, даже и²⁹ Моисей приял³⁰ скрижали³¹ заповедей на горе среди блеску молнии. Но ныне, буде кто прельстити восхощет, не блистательная ³²ему нужна³² внешность, но внешность доводов, если так сказать можно, внешность убеждений³³. Кто бы восхотел ныне послание свое утвердить вяще³⁴, тот употребит более наружность полезности, и тою все тронутся. Мы же, устремляя все силы наши на пользу всех и каждого, почто нам блеск внешности; не полезностию ли наших постановлений, к³⁵ благу государства текущую, облистает³⁶ наше лице; всяк, взирающий на³⁷ нас, узрит наше благомыслие, узрит в подвиге нашем свою пользу, и того ради нам поклонятся³⁸ не яко во³⁹ ужасе шествуемому⁴⁰, но сидящему⁴¹ во благодати. Если бы древние персы управлялись всегда щедроту, не ⁴²бы возмечтали⁴² быти Ориману⁴³, или⁴⁴ ненавистному началу зла. Но если ⁴⁵пышная внешность⁴⁵ нам бесполезна, колико вредны в государстве быть могут ее оберегатели. Единственную должность в⁴⁶ служении⁴⁷ своем имея угождение нам, колико изыскательны будут они во всем том, что нам нравиться может. Желание наше будет предупреждено, но не токмо желанию⁴⁸ не допустят возродиться в нас, но даже и мысли, зане готово уже⁴⁹ ее⁵⁰ удовлетворение. Воззрите со⁵¹ ужасом на действие таковых угождений.

¹³ *Еф* — отличествовать ¹⁴ *ГАНБВ*; *Ув.* . . *Пд* — Оттуда; *ЕфКБЭй* — Отсюда; *Д испр.* Откуда *испр.* Оттуда ¹⁵⁻¹⁶ *Ми* — внешняя пышность ¹⁶ *Ан* — народа *испр.* народов ¹⁷ *ГАНБВ*; *Ув.* . . *Пд* — отсюда; *Д испр.* отсюда *испр.* отсюда ¹⁸ *Ми* — местные ¹⁹⁻¹⁹ *ЕфКБЭй* нет ²⁰⁻²⁰ *Г*; *БВ* — меньше внешность; *Ан.* . . *Пд* — внешность менее ²¹⁻²¹ *Еф* — римлян еще ²² *ВрЧк* — Если бы ²³⁻²³ *Г*; *Ан* — Манкокопаку; *БВ* — Пашакоману; *Ув.* . . *Пд* — Манко Капаку; *Еф Кб* — Манкопаку; *Д испр.* Пашакоману *испр.* Манкокопаку ²⁴ *Б* — в ²⁵ *ГАНБВ*; *Ув.* . . *Пд* нет; *Д доб.* и ²⁶ *ГшКлМи* — Магомед ²⁷⁻²⁷ *ГАНБВ*; *Ув.* . . *Пд* — мог прельстить ²⁸ *Г*; *Ан.* . . *Пд* — употребляли ²⁹ *ГАНБВ*; *Ув.* . . *Пд* нет; *Д доб.* и *и* *зач.* ³⁰ *ГАН*; *Б.* . . *Пд* — принял ³¹ *Г.* . . *Пд*; *БВ* — скрижале; *ДЕфКБЭй* — скрижали ³²⁻³² *ГЕф*; *Ан.* . . *Пд* — нужна ему ³³ *АНБВВрЕф.* . . *Пд*; *ГГшЧкТх* — убеждения; *УвКлМи* — убеждения ³⁴ *ГБВ*; *Ан* — вяще *испр.* выше; *Ув.* . . *Пд* — выше; *Д испр.* вяще *испр.* выше ³⁵ *ГАН*; *Б.* . . *Пд* — ко ³⁶ *УвГшКл* — облистает; *Ми* — облистает ³⁷ *Еф* нет ³⁸ *Г*; *Ан.* . . *Пд* — поклонится ³⁹ *КлЕфКБЭй* — в ⁴⁰ *Г*; *Ан.* . . *Пд* — шествуемому ⁴¹ *УвГшКлМи* — сидящему ⁴²⁻⁴² *Еф.* . . *Рг* — возмечтали бы ⁴³ *БВ*; *Г* — Ориману; *Ан* — Ориману *испр.* Ариману; *Ув.* . . *Пд* — Ариману ⁴⁴ *БВ* — и Али ⁴⁵⁻⁴⁵ *Ан* — внешняя пышность *испр.* пышная внешность ⁴⁶ *ГБВУвГшЕф*; *Ан.* . . *Пд* — во; *Д* — во *испр.* в ⁴⁷ *УвГшКлМиЕфКБЭйПд* — услужении ⁴⁸ *В* — желанья ⁴⁹ *ЕфКБЭй* нет; *Рг* — уже и ⁵⁰ *Г*; *Ан.* . . *Пд* — ей ⁵¹ *УвЧкЕф* — с

Наитвердейшая душа во правилах своих⁵² позаблется⁵³, приклонит ухо ласкательному сладкопению⁵⁴, уснет. И се сладостные хоры⁵⁵ обыдут⁵⁶ разум и сердце. Горесть⁵⁷, обида⁵⁸ чуждые⁵⁹ едва покажутся нам преходящими недугами; ⁶⁰скорбети о них почтем или⁶⁰ неприличным, или же противным и воспретим⁶¹ даже жаловаться⁶² о них. И⁶³ язвительнейшие скорби и раны, и самая смерть покажутся нам необходимыми действиями ⁶⁴течения вещей⁶⁴ и, являясь нам позади непрозрачных завесы, едва возмогут ли в нас произвести то мгновенное движение, какое производят⁶⁵ в нас ⁶⁶феатральные⁶⁷ представления⁶⁶. Зане стрела болезни и жало зла не в нас ⁶⁸дрожат вонзенные⁶⁸.

Вот⁶⁹ слабая картина всех пагубных следствий пышного царей действия. Не блаженны ли мы, егда⁷⁰ возмогли укрыться⁷¹ от возмущения благонамерений наших. Не блаженны ли⁷², егда⁷³ и заразе примера положили преграду. Надежны в благосердии нашем, надежны⁷⁴ ⁷⁵в неразврате⁷⁵ совне, надежны в ⁷⁶умеренности наших⁷⁷ желаний, возблагоденствуем⁷⁸ снова и будем примером позднешему потомству, како власть ⁷⁹свободу⁷⁹ сочетать⁸⁰ должно на взаимную пользу.

ТОРЖОК

Здесь на почтовом дворе встречен я был человеком, отправляющимся в Петербург ¹на скитание¹ ²прошения. Сие состояло в снискании² дозволения завести в сем городе вольное³ книгопечатание. Я ему говорил, что на сие дозволение⁴ не нужно, ибо свобода на то дана всем. Но он хотел свободы и⁵ в ценсуре⁶, и вот его в⁷ том размышлении.

Типографии у нас всем заводить⁸ дозволено, и время то прошло, в которое боялись ⁹поступаться оным¹⁰. ⁹ частным людям; для¹¹ того, что в воль-

⁵² *МиРг* нет ⁵³ *Г*; *Ан*. . . *Пд* — позаблется ⁵⁴ *УвРг* — сладкопению и ⁵⁵ *ГВВ*; *Ан* — хоры *испр.* чары; *Ув*. . . *Пд* — чары; *Кл* — чады; *Д* *испр.* хоры *испр.* чары ⁵⁶ *УвГшКлМи* — обымут; *ЕфКб* — обедут ⁵⁷ *ГАНБВ*; *Ув*. . . *Пд* — Горесть и; *Д* *испр.* Горесть *доб.* и; *Рг* — Горести и ⁵⁸ *Г*. . . *Пд*; *БВРг* — обиды; *Д* *испр.* обиды *испр.* обида ⁵⁹ *УвГшКлЧк* — чуждые ^{60–60} *Ми* нет; *ЕфКбЭй* — скорбети о них почтем ли ⁶¹ *Г* — воспретил ⁶² *Еф*. . . *Рг* — жаловаться ⁶³ *ГВВ*; *Ан* — *И* *зач.*; *Ув*. . . *Пд* нет ^{64–64} *Б* — вещей течения; *В* — вещи течения ⁶⁵ *БВ* — производит ^{66–66} *БВ* — феатральное представление; *Д* *испр.* феатральное представление *испр.* феатральные представления ⁶⁷ *МиРг* — театральные ^{68–68} *Г*; *Ан*. . . *Пд* — дрожит (*Ан* — дрожит) вонзенное ⁶⁹ *ГВВ*; *Ан* — Вот *испр.* Се; *Ув*. . . *Пд* — Се; *Д* — Се *испр.* Вот ⁷⁰ *ГАНБВ*; *Ув*. . . *Пд* — если ⁷¹ *АНБ* — укрылся ⁷² *Ан* — блаженны *доб.* ли ⁷³ *ГАНБВ*; *Ув*. . . *Пд* — если; *Ми* нет ⁷⁴ *БВ* — но нежны; *Д* *испр.* но нежны (?) *испр.* надежны ^{75–75} *ГВВ*; *Ан*. . . *Пд* — не в разврате ⁷⁶ *Г*. . . *Рг*; *АНТхПд* — во ⁷⁷ *Г*. . . *Чк*; *АНТхПд* — ваших ⁷⁸ *БВ* — возблагоденствуем ⁷⁹ *ГВВДМи*; *Ан*. . . *Пд* — со ⁸⁰ *Рг* — сочетати ^{1–1} *ГАНГшПд*; *Б*. . . *Рг* — на снискание; *ЧкТх* — на снискании; *Д* — для подачи *испр.* на скитание ^{2–2} *Ми* нет ³ *ГВВ*; *Ан* — вольное *испр.* свободное; *Ув*. . . *Пд* — свободное ⁴ *ГАНЕф*; *Б*. . . *Пд* — дозволения ⁵ *ГВВ*; *Ан* — и *зач.*; *Ув*. . . *Пд* нет; *Д* *доб.* и ⁶ *Ан* — ценсуре *испр.* ценсуре ⁷ *ГВВ*; *Ан*. . . *Пд* — о ⁸ *ГВВ*; *Ан* — *вписано в пробел* иметь; *Ув*. . . *Пд* — иметь; *Д* *испр.* заводить ^{9–9} *Рг* — дозволить пользоваться оными ¹⁰ *Г*; *Ан*. . . *Пд* — оным дозволением; *Кл* — оным дозволениям ¹¹ *ГАНБВМи*; *Ув*. . . *Пд* — и для; *Д* — и для *испр.* для

ных типографиях ложные могут ¹²печатаны быть¹² пропуски, ¹³и страха ради будущего¹⁴ зла, которое само по себе и несть¹⁵ зло¹³, удерживали¹⁶ от всеобщего добра и полезного установления. Теперь свободно иметь всякому орудии¹⁷ печатания, но¹⁸ то, что печатать¹⁹ можно, состоит²⁰ под опекою. Цензура сделана нянькою рассудка²¹, остроумия, воображения, всего великого и изящного. Но где есть няньки, то следует²², что есть ребята²³, ходят на помочах, отчего²⁴ нередко бывают кривые²⁵ ноги; где есть опекуны, следует, что есть малолетние, незрелые разумы, которые собою править не могут. Если же всегда пребудут няньки и опекуны, то ребенок²⁶ ²⁷долго ходить²⁷ будет на помочах и ²⁸совершенной на возрасте²⁸ будет калека²⁹. А ³⁰недоросль³¹ ³²всегда будет³² Митрофанушка³³, без дядьки не ступит, без опекуна не возможет³⁴ править своим наследием³⁵. Таковы бывают³⁶ следствия обыкновенной цензуры, и чем она строже, тем следствия ее пагубнее. Послушаем Гердера.

«Наилучший способ поощрять доброе есть ³⁷непрепятствие³⁸, дозволение³⁹, свобода³⁷ в помышлениях. Розыск вреден в царстве науки: он сгущает воздух и запирает дыхание. Книга, проходящая десять ценсур прежде, нежели достигнет⁴⁰ света ⁴¹в мире⁴¹, не есть книга, но поделка⁴² ⁴³святого розыска⁴³; часто⁴⁴ изуродованной, сеченной батожем, с кляпом во рту узник, а ⁴⁵раб всегда. . . В областях истины, в царстве мысли и духа не может никакая земная власть давать решение⁴⁶ и не должна; не может того правительство, менее ⁴⁷еще его⁴⁷ ценсор⁴⁸, в клобуке⁴⁹ ли он или с темляком⁵⁰. В царстве истины он не судия⁵¹, но⁵² ответчик, как и сочинитель. Исправление может только совершиться⁵³ просвещением; без главы⁵⁴ и мозга не шевельнется⁵⁵ ни рука ни нога. . . Чем государство основательнее в своих правилах, чем⁵⁶ строение⁵⁷, светлее и тверже оно само в себе,

12-12 *Еф.* . . *Рг* — быть печатаны 13-13 *ГБВ*; *Ан* — и страха ради . . . зло *зач.*; *Ув.* . . *Пд* нет; *Д* доб. и страха ради . . . зло ¹⁴ *ГБВ*; *Ан* — будущего *доб.* какого-либо ¹⁵ *Ан* — несть *испр.* не есть; *Г* — нести; *БВ* — не есть ¹⁶ *Г*; *БВ* — удерживались; *Ан.* . . *Пд* — удерживались ¹⁷ *Рг* — орудия ¹⁸ *МиЕф* — на ¹⁹ *БМи* — печать ²⁰ *БВ* нет ²¹ *Ми* — разума ²² *Г* — ледует ²³ *В* — ребята, которые; *ЧкТх* — ребята; *Д* — ребята *испр.* ребята ²⁴ *ВУвКлМиВр* — от сего ²⁵ *ВВЧк* — кривые ²⁶ *ВПд* — ребенок ²⁷⁻²⁷ *В* — ходить долго ²⁸⁻²⁸ *Еф* — совершенной возраст; *Рг* — на совершенном возрасте ²⁹ *Г.* . . *Рг*; *АнЧкТхПд* — каляка ³⁰ *ГБВ*; *Ан* — *А* *зач.*; *Ув.* . . *Пд* нет; *Д* доб. *А* ³¹ *Ув* — недоросел; *Гш* — недоросель ³²⁻³² *ГБВ*; *Ан.* . . *Пд* — будет всегда ³³ *БВ* — Митрофанушко ³⁴ *Г*; *Ан.* . . *Пд* — может ³⁵ *Ан* — именем *испр.* наследием ³⁶ *Г*; *Ан.* . . *Пд* — бывают везде ³⁷⁻³⁷ *Д* — непрепятственное дозволение свободы ³⁸ *ГБВ*; *Ан* — *подчеркнуто, затем черта зачеркнута*; *Ув.* . . *Пд* — непрепятствие; *Кл* — препятствие ³⁹ *ГшМиРг* — дозволения ⁴⁰ *АнВр.* . . *Пд*; *Г* — достанет; *БВУвГшКлМи* — достигает ⁴¹⁻⁴¹ *ГАНБВ*; *Ув.* . . *Пд* нет; *Д* доб. в мире ⁴² *ГРПд*; *АнД* — поделка *испр.* поделка; *БВВрЧкЕфКбЭй* — поделка; *УвГшМиТх* — поделка ⁴³⁻⁴³ *ГАНБВ*; *Ув.* . . *Пд* — святой инквизиции; *Д* *испр.* святого розыска *испр.* святой инквизиции ⁴⁴ *БВ* — часть ⁴⁵ *КлМи* — и ⁴⁶ *Г*; *АнБДУвГшВр* — решения; *ВЧк.* . . *Пд* — решений; *КлМи* — решения ⁴⁷⁻⁴⁷ *Еф* — его еще ⁴⁸ *БВ* — ценсур; *УвГшКлМи* — церковь ⁴⁹ *ГАНБВ*; *Ув.* . . *Пд* — клобуке ⁵⁰ *Ан* — тямляком *испр.* тямляком; *ВрЧкТх* — тямляком ⁵¹ *БВ* — судья; *Д* *испр.* судья *испр.* судья ⁵² *ГАНВрЧкТх*; *Б.* . . *Пд* — не; *Д* — и не ⁵³ *БВ* — совершаться ⁵⁴ *БВДЕфКбЭй* — головы ⁵⁵ *БВ* — шевелится; *Д* *испр.* шевелится ⁵⁶ *УеРг* — тем ⁵⁷ *ЕфКбЭй* — строение

то⁵⁸ менее может оно позыбнуться и страстися от дуновения каждого мнения, от каждой насмешки разъяренного писателя; тем более благоволит оно в свободе мыслей и в свободе писаний⁵⁹, а от нее под конец прибьль, конечно, будет истине⁶⁰. Губители бывают подозрительны; тайные злодеи робки. Являй⁶¹ муж, творяй⁶² правду и твердый в правилах своих, допустит о себе глагол всякий. Хождает⁶³ во дни и на пользу себе строит⁶⁴ клевету своих злодеев. Откупы в помышлениях вредны. . . Правитель государства да будет беспристрастен во мнениях, дабы мог объяти⁶⁵ мнения всех и оных⁶⁶ в государстве своем позволять⁶⁷, просвещать и наклонять⁶⁸ к общему добру: оттого-то⁶⁹ истинно великие государи столь⁷⁰ редки).

⁷¹Мудрый правитель (боюсь⁷² назвать великим, ибо, прилагая таковые именованья⁷³ государю живу, почтен буду или рабом, или льстецом, или ханжей⁷⁴, или корыстолюбцем; хвалитель будет скаредный подлец, а хвалимый в опасности будет замараться⁷⁵ в хвале мерзавца и пред светом⁷⁶ потеряет⁷⁷), мудрый правитель отечества нашего⁷¹, дознав полезность книгопечатанья⁷⁸, оное дозволил⁷⁹ всем; но, паче еще дознав, что запрещение в мыслях утщегит ⁸⁰благое намерение⁸⁰ вольности книгопечатанья, поручил⁸¹ цензуру, или присмотр за изданиями, управе благочиния. Долг же ее во⁸² отношении сего может быть только тот, чтобы воспрепятствовать продаже язвительных сочинений. Но и сия цензура есть лишняя. Один несмысленной урядник благочиния может величайший⁸³ в просвещении сделать вред и на многие лета остановку в шестий разума, запретит⁸⁴ полезное избрание, новую мысль и всех лишит⁸⁵ великого. Пример в малости. В управу благочиния принесен для утверждения перевод романа. Переводчик, следуя автору, говоря о любви, назвал ее «шутливым⁸⁶ богом»⁸⁷. Мундирной

⁵⁸ Г; А_н — то *испр.* тем; Б. . . П_д — тем ⁵⁹ Г_{Ан}БВВрЕф. . . П_д; УвКлМи — писания; ГшЧкТх — писании ⁶⁰ ЕфКбЭй — истиннее ⁶¹ Г; А_н — Являй *испр.* Явной; ВВ — Явнай; Ув. . . П_д — Явной ⁶² А_н — творяй ⁶³ Г_{Ан}БВ; УвГшКлМиЧк — Хождает оно; ВрТхД. . . П_д — Хождает он ⁶⁴ ЕфКбЭй — строить ⁶⁵ Чк — объяти ⁶⁶ Г; А_н. . . П_д — оные ⁶⁷ ЧкТх — позволить ⁶⁸ ВВ — наклонять их; Д *испр.* наклонять их *испр.* наклонять ⁶⁹ УвГшКлМиЕф — от того ⁷⁰ А_н — толь ⁷¹⁻⁷¹ ГБВ; А_н — Мудрый правитель (боюсь . . . в хвале мерзавца *листа нет*) *зач.*; Ув. . . П_д — Правительство; Д *испр.* Мудрый правитель (боюсь . . . отечества нашего *испр.* Правительство) ⁷² ВВ — боюсь ⁷³ В — именованья ⁷⁴ В — ханжею ⁷⁵ В — замараться ⁷⁶ Г; ВВД — светом всегда ⁷⁷ В — потерпят ⁷⁸ Кл — книгопечатанья ⁷⁹ ГБВКл; Ув. . . П_д — дозволило; Эй — дозволила; Д *испр.* дозволил *испр.* дозволило ⁸⁰⁻⁸⁰ ВВ — благонамерение ⁸¹ ГБВ; Ув. . . П_д — поручило; Кл — получило; Д *испр.* поручил *испр.* поручило ⁸² Г В; Ув. . . П_д — в ⁸³ Б — величайшее ⁸⁴ ГТхПд; Б. . . Р_г — запретить; Д *испр.* запретить *испр.* запретит ⁸⁵ ГЧкТхЭйПд; Б. . . Р_г — лишит; Д *испр.* лишит *испр.* лишит ⁸⁶ ГБВ; Ув. . . П_д — лукавым ⁸⁷ Г. . . П_д; ВВ — богом*, *визу примечание* * Такого же роду цензор не позволял, сказывают, печатать те сочинения (БВМиЕф. . . Р_г; Ув. . . П_д — сочинении), где упоминалось о боге, говоря: я с ними (БВУвГшКлКбЭй; МиВрЧкТхЕфР_гПд — ним) дела никакого не имею. Если в каком-либо сочинении порочили (УвГшКлМи — пророчили) народные нравы того или другого государства, он не дозволенным сие почитал, говоря: Россия имеет трактат (Пд — тракт) дружбы с ними (БВ; Ув. . . П_д — с ним). Если упоминалось где о князе или графе, того не позволял он (Ми *нет*) печатать, говоря: сие есть личность, ибо у нас есть (Р_г *нет*) князья и графы между знатными особами.

ценсор⁸⁸, исполненный духом⁸⁹ благоговения⁹⁰, сие выражение почернил⁹¹, говоря: неприлично божество называть шутливым⁹². Кто чего не разумеет, тот в то да⁹³ не мешается. Если хочешь благорастворенного воздуха, удали от него⁹⁴ коптильню⁹⁵; если хочешь света, удали⁹⁶ затмение⁹⁷. Если хочешь, чтобы дитя не было застенчиво, то выгони лозу из училища. В доме, где плети и батожье⁹⁸ в моде⁹⁹, там служители пьяницы, ¹⁰⁰воры и того еще хуже¹⁰⁰.

Пускай печатают все, ¹⁰¹что кому¹ на ум ни² взойдет. Кто себя в печати найдет обиженным, тому да дастся³ суд по форме. Я говорю не смехом. Слова же⁴ не всегда суть деянии⁵, размышлений⁶ не⁷ преступлений⁸. Се правила Наказа⁹ новым уложениям. Но брань¹⁰ на словах и в печати всегда брань. В законе ¹¹бранить никого¹¹ не велено. И всякому свобода есть жаловаться. Но если кто про кого скажет правду, бранью ли¹² то почитать, того в законе нет. Но¹³ какой вред может быть, если книга¹⁴ в печати будет¹⁵ без клейма полицейского? Не¹⁶ токмо не¹⁷ может быть вреда¹⁸, но польза, польза¹⁹ от первого до последнего, от малого до великого, от царя до низжайшего²⁰ последнего гражданина.

Обыкновенные правила цензуры суть: почеркивать²¹, марать, не дозволять, удручать²², драть, жечь все то, что ²³противно естественной религии и кровению, все то, что²³ противно правлению, всякая личность, противное²⁴ благонравию, устройству и тишине общей. Рассмотрим сие подробно. Если безумец в мечтании своем, не токмо в сердце своем²⁵, но²⁶ громким гласом²⁷ речет: «несть бога», в²⁸ устах всех безумных раздастся²⁹ громкое ³⁰и поспешное эхо³⁰: ³¹«несть бога, несть»³¹. Но что ж из того? Эхо — звук; ударит в воздух³², позыблет³³ его и³⁴ исчезнет. На разуме редко оставит черту, и то слабую; ³⁵на³⁶ сердце же³⁵ никогда. Бог всегда пребудет бог, ощущаем³⁷ и неверующим³⁸ в него. Но если думаешь, что хулением все-

⁸⁸ *БВ* — ценсур ⁸⁹ *ГБВ*; *ГшКл* — дух; *Ув. . . Пд* — духа; *Д* — духа {испр. духом ⁹⁰ *Ми* — благочестия ⁹¹ *Еф* — вычернил ⁹² *Г*; *БВ* — шумным; *Ув. . . Пд* — лукавым ⁹³ *ЕфКБЭй* нет ⁹⁴ *Г*; *Б. . . Пд* — себя ⁹⁵ *ЕфКБЭй* — коптильню ⁹⁶ *Еф* — отдала ⁹⁷ *МиЕфКБЭй* — затмение ⁹⁸ *В* — батожья ⁹⁹ *Г* — в моде зач. ¹⁰⁰ *Г*; *БВ* — и того еще хуже, воры!; *Ан* — воры и того еще хуже доб. ² (примечание, очевидно, было на отсутствующем листе); *Ув. . . Пд* — воры и того еще хуже.* ³ внизу примечание, см. выше. 87.

¹⁰¹⁻¹ *ГБВ*; *Ан* — что кому ¹испр. кому что; *Ув. . . Пд* — кому что ² *В* — не; *Д* доб. ни ³ *Чк* — дается ⁴ *испр.* дается; *Тх* — дается ⁴ *Г*; *Ан* — же зач.; *Б. . . Пд* нет ⁵ *ГБ*; *В* — деяний; *Ан. . . Пд* — деяния ⁶ *Г*; *Ан* — размышлений доб. же; *Б. . . Пд* — размышлении же ⁷ *Ан* доб. не ⁸ *В* — преступлений ⁹ *Г* — в ¹⁰ *ЕфКБЭй* — брани ¹¹⁻¹¹ *ГБВ*; *Ан. . . Пд* — никого бранить ¹² *ГшКлМи* нет ¹³ *ГБВ*; *Ан* — Но зач.; *Ув. . . Пд* нет; *Д* доб. Но и зач. ¹⁴ *ГЕф*; *Ан. . . Пд* — книги ¹⁵ *ГЕф*; *Ан. . . Пд* — будут ¹⁶ *Г* — Но ¹⁷ *Еф* нет ¹⁸ *Еф* — вредна ¹⁹ *ГАНБВ Тх. . . Пд*; *Ув. . . Чк* нет ²⁰ *ГБВ*; *Ан. . . Пд* нет ²¹ *БВЧк* — почеркивать ²² *ГБВ*; *Ан* — удручать зач.; *Ув. . . Пд* нет; *Д* доб. удручать и зач. ²³⁻²³ *УвГшКлМи* нет ²⁴ *ВРг* — противна; *ГшКл* — противная ²⁵ *ГАН*; *Б. . . Пд* нет ²⁶ *В* нет ²⁷ *УвГшКлМиРг* — голосом ²⁸ *УвГшКл Тх* — во ²⁹ *ЕфКБЭй* — рождается; *Рг* — раздастся ³⁰⁻³⁰ *Ми* — эхо, звук ³¹⁻³¹ *Г*; *АНБВМДЕф. . . Пд* — «несть бога, несть бога»; *Ув. . . Тх* — «нет бога». «Несть бога». ³² *Еф* — воздухе ³³ *Г*; *Ан. . . Пд* — позыбнет ³⁴ *Еф* нет ³⁵⁻³⁵ *Г. . . Пд*; *БВ* — а на сердце; *ЕфКБЭй* — на сердце; *Д* ³⁶ *испр.* а на сердце же ³⁷ *УвГшКлЧкТх* — но ³⁸ *Ан. . . Пд*; *ГБВ* — ощущает ³⁸ *УвГш* — неверующим

вышний оскорбляется³⁹, — ⁴⁰урядник ли⁴⁰ благочиния может быть за него истец? Всесильный звонящему⁴¹ в трещетку или биющему в набат доверия не даст. ⁴²Не даст и⁴² возгнушается⁴³ метатель ⁴⁴грома и молнии⁴⁴, ему же все стихии повинуются, ⁴⁵предшествует страх и трепет, он сердца колеблет из-за пределов вселенныя, возгнушается⁴⁵ дать⁴⁶ мстити⁴⁷ за себя и самому царю, мечтающему быти его на земли преемником. — Кто ж может быть судиею⁴⁸ в обиде отца предвечного? — Тот его обижает, кто мнит⁴⁹: возможен судити⁵⁰ о его обиде. ⁵¹Тот ответ даст⁵¹ пред ним.

Отступники откровенной религии более ⁵²в России⁵² делали вреда, нежели непризнаватели бытия божия, афеисты. Таковых ⁵³еще у нас⁵³ мало. Ибо мало⁵⁴ думают о метафизике. Афеист заблуждает в метафизике, а раскольник в ⁵⁵часовнике, часовник же читают все⁵⁵. Раскольниками называем мы всех россиян⁵⁶, отступающих от⁵⁷ учения греческия церкви. Их в России много⁵⁸, и для того ⁵⁹служение сим⁵⁹ дозволяется. Но для чего не позволять⁶⁰ всякому заблуждению быти⁶¹ явному. ⁶²Оно будет явнее, оно и упадет⁶². Гонении⁶³ делали мучеников⁶⁴. Жестокость была подпорою⁶⁵ самого христианского закона. Действия расколов суть иногда вредны. Воспрети их⁶⁶. Проповедаются⁶⁷ они примером. Уничтожь пример. От напечатанной⁶⁸ книги ⁶⁹не бросится раскольник⁶⁹ в огонь, но от ухищренного примера. — Запрещать дурачества⁷⁰ есть то же, что его⁷¹ поощрять⁷². Дай ему волю; всяк увидит⁷³, что глупо и что умно. — Что запрещено, того⁷⁴ и хочется. Мы все Еввины⁷⁵ дети.

³⁹ ГАНБВ; Ув. . . Пд — оскорбится; Д испр. — оскорбляется ⁴⁰⁻⁴⁰ Чк — урядники ⁴¹ УвГшКл — звонящий ⁴²⁻⁴² ГБВ; Ан — Не даст и зач.; Ув. . . Пд нет; Д доб. не даст и ⁴³ Г — вознушается ⁴⁴⁻⁴⁴ Рг — громов и молний ⁴⁵⁻⁴⁵ ГБВ; Ан — предшествует страх и трепет, он (доб. Рад. же) сердца колеблет из-за пределов вселенныя; возгнушается испр. возгнушается колеблящий сердца из-за пределов вселенныя; Ув. . . Пд — возгнушается колеблющий (МиВрЧк; УвПд — колеблющий; Тх — колеблящий; ГшКл — колеблящий) сердца из-за пределов вселенныя ⁴⁶ ЕфКбЭй — да ⁴⁷ В — мстить ⁴⁸ УвГшКлМи — судьбою ⁴⁹ ВД — мнит, что; УвГшКлВр — мнить ⁵⁰ В — судить ⁵¹⁻⁵¹ ГБВ; Ан — Тот ответ даст испр. Даст ответ; Ув. . . Пд — Тот даст ответ ⁵²⁻⁵² Г; Ан. . . Пд — доселе в России; БВ — в России доселе ⁵³⁻⁵³ Г; АнБВ — у нас еще; Ув. . . Пд — у нас; Д — у нас доб. еще ⁵⁴ ГАН; Б. . . Пд — мало у нас еще ⁵⁵⁻⁵⁵ ГБВ; Ан — часовнике — часовник же читают все испр. трех пальцах; Ув. . . Пд — трех пальцах; Д испр. часовнике, часовник же читают все испр. трех пальцах ⁵⁶ ВГшМиВр — россиян ⁵⁷ ГАН; Б. . . Вр — в чем-либо общего; Чк ТхПд — в чем-либо от общего ⁵⁸ УвГшКлМи нет ⁵⁹⁻⁵⁹ Г; Ан. . . Пд — служение им; БВД — им служение их ⁶⁰ БВКлЭй — дозволят ⁶¹ ГАНБВ; Ув. . . Пд — быть ⁶²⁻⁶² Г; Ан — Оно будет явнее, оно и упадет испр. Явнее будет, скорее сокрушится; Ув. . . Пд — Явнее оно будет, скорее сокрушится; БВ — Явнее оно будет и скорее сокрушится; Д — и когда явнее оно будет, то скорее сокрушится ⁶³ МиРг — Гонения ⁶⁴ УвКлМи — мученикам ⁶⁵ Ми — подпора ⁶⁶ УвКл Ми — им; Гш — их испр. им ⁶⁷ Ув. . . ЧкЕфКбЭй — проповедуются ⁶⁸ ГБВ; Ан — напечатанной испр. печатной; Ув. . . Пд — печатной; Д испр. напечатанной ⁶⁹⁻⁶⁹ Г; Ан. . . Пд — раскольник не бросится ⁷⁰ ГБВД; Ан. . . Пд — дурачество ⁷¹ Г — их испр. его; МиРг нет ⁷² Б — поощрять ⁷³ БВ — увидя ⁷⁴ Еф — то ⁷⁵ Г. . . Рг; Ан — Еввины испр. Еввины; ТхПд — Еввины

Но, запрещая вольное книгопечатание, ⁷⁶российские правительства⁷⁶ не богохуления бояться⁷⁷, но бояться сами иметь порицателей. Кто в часы безумия не шадит бога, тот в часы памяти и рассудка не пошадит⁷⁸ власти. Не бояйся⁷⁹ грома⁸⁰ смеется виселице. Для того-то вольность мыслей правительствам страшна. До внутренности потрясенный⁸¹ вольнодумец прострет дерзкую, ⁸²но мощную⁸² и незыблемую⁸³ руку к истукану власти, совет ее личину и покров и⁸⁴ обнажит ее состав. Всяк узрит⁸⁵ бранные ее⁸⁶ ноги, всяк возвратит к себе данную им ей⁸⁷ подпору, сила возвратится к источнику⁸⁸. Истукан падет. Но если власть не на тумане мнений⁸⁹ восседает, если престол ее на искренности и истинной любви⁹⁰ общего блага возник, — не утвердится ли паче, когда основание его будет явно⁹¹, не ⁹²возлюбится ли любящий⁹² искренно? Взаимность есть чувствие⁹³ природы, и стремление сие почило⁹⁴ в естестве. — Прочному и твердому зданию довольно его собственного основания; в опорах ⁹⁵(и контр-форсах)⁹⁵ ему нужды нет. Егда⁹⁶ позыблется⁹⁷ от⁹⁸ ветхости, тогда⁹⁹ побочные тверди ему нужны. — Правительство да будет истинно, вожди его нелицемерны — тогда²⁰⁰ плевели, тогда все²⁰¹ излевания² смрадность³ свою возвратят⁴ на извергателя их; а истина пребудет всегда чиста и беловидна⁵. Кто возмущает словом — ⁶да назовем⁷ в удобность власти все твердые размышления, на истине основанные, ⁸против истинной власти⁸. ⁶ — есть такой же безумец, как и хулу глаголяй⁹ на бога. Буде власть шествует стезею, ¹⁰ей назначенной¹⁰, то не возмутится от пустого звука клеветы, яко же господь сил¹¹ не тревожится хулением. Но горе ей, если в жадности свое й ломит¹

⁷⁶⁻⁷⁶ Г; *АнБВДВрЧк. . . Пд* — робкие правительства; *УвГшКлМи* — робкое правительство ⁷⁷ *УвГшКлМи* — боится ⁷⁸ Г; *Ан* — пошадит *доб.* незаконной; *Б. . . Пд* — пошадит незаконной; *УвКлМи* — пошадит ни законной; *В* — пошадит законной ⁷⁹ Г. . . *Пд*; *Ан* — бояйся *испр.* бояйся; *БВВрЧкТх* — бояся; *ЕфКбЭй* — бояся; *Д* *испр.* бояся ⁸⁰ ГБ; *В* — грому; *Ан* — грома *испр.* громов всеильного; *Ув. . . Пд* — громов всеильного; *Д* *испр.* грома всеильного ⁸¹ Г — потренны ⁸²⁻⁸² *УвГшМи* — немощную; *Пд* — мощную ⁸³ ГБВ; *Ан* — незыблемую *испр.* незыбкую; *Ув. . . Пд* — незыбкую ⁸⁴ *Еф* нет ⁸⁵ *БВ* — узрит состав, всяк узрит ⁸⁶ *ГБВКл*; *Ан* — ее *испр.* его; *Ув. . . Пд* — его ⁸⁷ *ГАНБВ*; *Ув. . . Пд* — ему ⁸⁸ *УвМиРг* — источнику и ⁸⁹ *УвМи* — мнения; *Кл* нет; *ГшВрЧкТх* — мнени ⁹⁰ *ГАН*; *Б. . . Пд* — любви ⁹¹ *Б* — явна ⁹²⁻⁹² *Рг* — возлюбятся ли любящие ⁹³ *ГАНБВ*; *Ув. . . Пд* — чувствование; *Д* *испр.* чувствование ⁹⁴ *Еф* — полагаю ⁹⁵⁻⁹⁵ *ГАН*; *Б. . . Пд* — и контрфорсах; *В* — (контр-форсах) ⁹⁶ *ГБВ*; *Ан* — Егда *испр.* Если; *Ув. . . Пд* — Если ⁹⁷ *ГБВМи*; *Ан. . . Пд* — позыбнется ⁹⁸ Г; *БВ* — он от; *Ан* — он от *испр.* оно от; *Ув. . . Пд* — оно от; *Д* *испр.* он от ⁹⁹ *ГБВ*; *Ан* — тогда *доб.* только; *УвГшКлМи* — то только; *Вр. . . Пд* — тогда только ²⁰⁰ Г; *Ан* — тогда *доб.* все; *Б. . . Пд* — тогда все ²⁰¹ *Еф* нет ² *МиРг* — излевания ³ *УвГшКл* — смрадности ⁴ *Ми* — обратят ⁵ *Ми* — благодидна ⁶⁻⁶ *ГГш*; *Ан* — да назовем . . . власти противные *доб.* *сбокки*; *Б. . . Пд* — (да назовем . . . власти противные) ⁷ Г; *Ан* — назовем *доб.* так; *Б. . . Пд* — назовем так; *Еф* — назовет так ⁸⁻⁸ Г; *Ан* — против истинной власти *испр.* власти противные; *Б. . . Пд* — власти противные; *Рг* — противные власти ⁹ *УвГшКлМиЧк* — глаголей ¹⁰⁻¹⁰ *Ув. . . Вр* — ей назначенного; *Рг* — назначенною ¹¹ *УвГшКлМи* — сих ¹² *Б* — любит

правду. Тогда и единая¹³ мысль твердости¹⁴ ее тревожит; глагол истинны¹⁵ ее сокрушает¹⁶, деяние¹⁷ мужественнейшее¹⁸ развеет.

Личность, но язвительная личность, есть обида. Личность и в истине столь же дозволительна¹⁹, как и самая истина. И²⁰ если ослепленный судья²¹ в неправду и защитник в²² невинности издаст в свет его коварный приговор, если он покажет его ухищрения²³ и неправду, то будет сие личность, ²⁴но дозволенная²⁴; если он его назовет судьейо наемным, ложным, глупым — есть личность, но дозволить можно. Если же называть его станет²⁵ наименованиями²⁶ и бранными словами поносить, как то на рынках употребительно, то ²⁷есть сие²⁷ личность, но язвительная и недозволенная²⁸. Но не правительств²⁹ дело вступаться за судию, хотя³⁰ он поносился и в правом деле. Не судия да будет³¹ истец, но оскорбленное³² лицо³³. Судия же пред светом и пред поставившим его судьейо да оправдится³⁴ единими делами³⁵. — Тако долженствует судить о личности. Она наказания достойна, но в печатании более пользы устоит³⁶, а вреда³⁷ мало. — Когда все будет в порядке, когда решения³⁸ всегда будут в законе, когда закон ³⁹будет основан³⁹ на истине и ⁴⁰заклеплется удручение⁴⁰, тогда разве, тогда личность может сделать разврат. Скажем нечто о благонаравии и сколько слова ему вредят.

Сочинения любострастные, наполненные похотливыми начертаниями, дышащие развратом, коего⁴¹ ⁴²листы все⁴² и строки стрекательною наготово зияют, вредны для юношей и незрелых чувств. Распламеняя возжен-

¹³ ГАНБВ; Ув. . . Пд — единая; Д испр. единая ¹⁴ БВД — твердость
¹⁵ БВ — истинный; Д испр. истинный ¹⁶ Г; Ан. . . Пд — сокрушит ¹⁷ ЕфКБЭй —
 деяния ¹⁸ Г; Ан — мужественнее испр. мужества ее; Б. . . Пд — мужества ее
¹⁹ Пд — доказательна ²⁰ Г; Ан — И зач.; Б. . . Пд нет ²¹ Г; Б. . . Пд —
 судит ²² Г; Б. . . Пд нет ²³ Г; Б. . . Пд — ухищрение ²⁴⁻²⁴ ВрТхЕфКБ —
 но дозволительная; Чк — не дозволительная ²⁵ ГшМиЭй — станем; Вр — ста-
 нешь ²⁶ Г; Б. . . Тх — именованиями смрадными; РгПд — наименованиями смрад-
 ными ²⁷⁻²⁷ Г; Б. . . Пд — сие есть ²⁸ ВрЧкТх — недозволительная ²⁹ Ув
 ГшКл — правительство ³⁰ Г; Б. . . Пд — хотя бы ³¹ Г; Б. . . Пд — будет в том
³² ВЕф. . . Рг — оскорбительное ³³ Г; Б. . . Пд — лице; Б — лице * и внизу
 примечание (см. далее) ³⁴ УвГшМи — оправдится; Кл — оправдится; Тх —
 оправится; Еф — оправдается ³⁵ ГБ; В. . . Пд — делами * и внизу примечание: *
 Г. Дикинсон (БВ — Экинсон; Ми — Дикансон), имевший участие в бывшей (БУв
 ГшКлМи — вышней) в Америке перемене и тем прославившийся, будучи после в Пен-
 сильвании президентом, не возгнушался сражаться с наступившими (БВКБ Эй; Ув. . .
 Рг — наступившими) на него. Изданы были против него (ВМиВрЧкТх — его) наижес-
 точайшие листы. Первейший градоначальник области нисшел в ристалище, издал
 в печать свое защитное, оправдался, опроверг доводы своих противников и их ус-
 тыдил. . . Се пример для последования, как мстить должно (УвГшКлМи — должен),
 когда кто кого обвиняет пред светом печатным сочинением. Если кто свирепствует
 против печатныя строки, тот (Ми — то) заставляет мыслить, что печатанное (Ми
 Еф. . . Рг — печатное) истинно, а (В — се) метящий таков, как о нем напечатано.;
 Пд — примечания нет; Ми — основной текст и примечание даны еперемешку и в тек-
 сте, и в примечании ³⁶ БВ — остроу; УвГшМи — отсрочить; Кл — отсрочить;
 ВрЕфКБ — устроить ³⁷ УвГшКлМи — всегда ³⁸ Г; Б. . . Пд — решения
³⁹⁻³⁹ ГЕф; Б. . . Пд — основан будет; Д — будет основан испр. основан будет
⁴⁰⁻⁴⁰ ЕфКБЭй — заклеплятся удручения ⁴¹ Рг — коих ⁴²⁻⁴² Г; Б. . . Пд — все
 листы

ное⁴³ воображение, тревожа⁴⁴ спящие чувства и возбуждая покоящееся⁴⁵ сердце, безвременную⁴⁶ наводят⁴⁷ возмужалость, обманывая юные чувства в твердости их и заготавливая их⁴⁸ дряхлость. Если ⁴⁹таковые сочинения могут быть вредны, но не они разврату корень. Если, читая их ⁵⁰юноша пристрастится⁵⁰ к крайнему⁵¹ услаждению любовной страсти, то не мог⁵² бы ⁵³произвести того⁵³ в действие, ⁵⁴не бы⁵⁴ были торгующие⁵⁵ своею⁵⁶ красотой. В России таковых сочинений в печати еще нет⁵⁷, на каждой улице в обеих столицах увидишь⁵⁸ раскрашенных любовниц. Действие более развратит, нежели слово, и⁵⁹ пример паче всего. Скитающиеся любовницы, отдающие ⁶⁰сердце свое⁶⁰ с публичного торга наддателю, тысящу⁶¹ юношей заразят язвою и все будущее потомство тысящи⁶² сея; но книга не давала еще болезни. И так ценсура ⁶³да останется⁶³ на торговых девок, до произведений⁶⁴ же развратного хотя разума ей дела нет.

Заключу сим: ценсура⁶⁵ печатаемого принадлежит обществу, оно ⁶⁶сочинителю даст⁶⁶ венец или употребит листы на обертки⁶⁷. Равно как⁶⁸ одобрение⁶⁹ феатральному⁷⁰ сочинению дает публика, а не директор феатра⁷¹, равно⁷² и выпускаемому в мир сочинению ценсор ни славы не даст⁷³, ни бесславия. Завеса поднялась, взоры всех устремились к действию; нравится — плещут, не нравится — стучат и свищут. Оставь глупое на волю суждения⁷⁴ общего; оно тысящу⁷⁵ найдет ценсоров⁷⁶, и⁷⁷ настраивающая публика не возможет так запретить дряни мыслей, как негодующая на нее публика. Один раз им⁷⁸ воньмут⁷⁹, потом умрут они и не воскреснут ⁸⁰для будущих времен⁸⁰. Но если мы признали бесполезность ценсуры или паче ее вред в царстве науки, то познаем обширную и беспредельную⁸¹ вольности в печатании пользу⁸¹.

Доказательства сему⁸², кажется, не нужны. Если свободно всякому мыслить и мысли свои объявить⁸³ всем беспрекословно, то естественно, что все, что будет придумано, изобретено, будет⁸⁴ известно; великое будет

⁴³ Г; Б. . . Пд — воспаленное; ЕфКбЭй — воспламененное ⁴⁴ Г — тревожаща
⁴⁵ Г — покоящаяся ⁴⁶ УеГшКл — безвременною ⁴⁷ БВ — наводит; Еф — находят
⁴⁸ Г; Ан — их *испр.* им; Б. . . Пд — им ⁴⁹ Г; Ан — Если *зач.*; Б. . . Пд *нет*
⁵⁰⁻⁵⁰ Г; Ан. . . Пд — юноши пристрастятся ⁵¹ Ан на поле NB; Г — краденному
⁵² Г; Ан. . . Пд — могли ⁵³⁻⁵³ Г; Ан. . . Пд — того произвести ⁵⁴⁻⁵⁴ ДЕф. . .
Рг — если бы не ⁵⁵ Г; Ан — торгующий (?) *испр.* торгующий; БВ — торгующий;
Ув. . . Тг — торгующий; Еф. . . Пд — торгующие ⁵⁶ Рг *нет* ⁵⁷ Г; Ан — *нет доб.*
а; Б. . . Пд — нет, а ⁵⁸ Г; Ан — увидим *испр.* видим; Б. . . Пд — видим ⁵⁹ Г. . .
Пд; Ан — и *испр.* а; БВРг — а ⁶⁰⁻⁶⁰ Г; Ан — сердца свое (?) *испр.* сердца свои;
Б. . . Пд — сердца свои ⁶¹ ГРг; Ан. . . Пд — тысячу ⁶² Г. . . Пд; Ан — тысячи
испр. тысячи; БВКлЕфКбЭй — тысячи ⁶³⁻⁶³ ЕфКбЭй — достанется ⁶⁴ Г; Ан.
ВрЧкТхПд — произведении ⁶⁵ Г — ценсур ⁶⁶⁻⁶⁶ Г; Ан. . . Пд — дает сочини-
телю ⁶⁷ ГМи; Ан. . . Пд — обертки ⁶⁸ Еф — как и ⁶⁹ ГРг; Ан. . . Пд —
одобрение ⁷⁰ МиРг — театральному ⁷¹ Рг — театра ⁷² ГАн; Б. . . Пд — так
⁷³ Чк. . . Рг — дает ⁷⁴ УеГшКл — суждение; ЕфКбЭй — осуждения ⁷⁵ Уе. . .
Рг — тысячу ⁷⁶ Б — ценсоров; МиЭй — цензуров; ЕфКб — цензур ⁷⁷ ГАн;
Б. . . Пд *нет* ⁷⁸ ЕфКбЭй *нет* ⁷⁹ Б. . . Пд; Г *пробел*; Ан *пробел*, на поле NB,
вписано воньмут ⁸⁰⁻⁸⁰ Г; Ан — для будущих времен *испр.* вовеки; Б. . . Пд — во-
веки ⁸¹⁻⁸¹ Г; Ан — вольности в печатании пользу *испр.* пользу вольности печата-
ния; Б. . . Пд — пользу вольности печатания ⁸² УеГшКл — ему ⁸³ Г; Ан. . .
Пд — объявлять ⁸⁴ ГАн; Б. . . Пд — то будет

велико, а⁸⁵ истина не затмится. Не дерзнут правители народов удалиться от стези правды⁸⁶, убоятся, ибо пути их, злость и ухищрение обнажатся. Вострепещет⁸⁷ судия, подписывая несправедный приговор, и его раздерет. Устыдитея власть имеющий употреблять ее на удовлетворение только⁸⁸ своих прххотей⁸⁹. Тайный грабеж назовется⁹⁰ грабежем, прикрытое убийство — убийством. Убоятся все злые строгого взора истины. Спокойствие будет действительное, ибо заквасу в нем не будет. Ныне поверхность только гладка, но ил⁹¹, ⁹²на дне лежащий⁹², мутится и тмит прозрачность вод⁹³.

МЕДНОЕ

Между бумагами моего приятеля нашел я следующее¹.

Каждую неделю два раза вся Российская империя извещается, что Н. Н. или Б. Б. в несостоянии или не хочет платить того, что занял или взял, или чего от него требуют. Занятое либо² проиграно, проезжено, прожито, проедено³, пропито, про. . . или раздарено⁴, прокляяно⁵, потеряно в огне или⁶ воде или Н. Н. или Б. Б. ⁷другими какими-либо случаями⁷ вошел в долг или под взыскание. То и другое наравне в ведомостях прие-млется⁸. — «Сего . . . дня по полуночи в 10 часов, по указу⁹ ¹⁰уездного суда¹¹ продаваться будет¹², ¹⁰ с публичного торга¹³ отставного капитана г.¹⁴. . . недвижимое имение, дом, состоящий в . . . части ¹⁵под №¹⁵ . . . , и при нем шесть душ ¹⁶мужеска и женска¹⁶ полу, продажа будет при оном доме. Желаящие¹⁷ могут осмотреть заблаговременно».

⁸⁵ Г; Ан — а *зач.*; БВ — и; Ув. . . Пд *нет*; Д *доб.* и ⁷и *зач.* ⁸⁶ Г; Ан — правды *доб.* и; Б. . . Пд — правды и ⁸⁷ УвГшВрЧк — Вострепещит; Ми — Затрепещет ⁸⁸ В *нет* ⁸⁹ ЕфКбЭй — похотей ⁹⁰ БВ УвГшКлМи — называется; Д *испр.* называется *испр.* назовется ⁹¹ Кл — им; Ми — иль ⁹²⁻⁹³ Кл — надлежащий; Ми — на дне лежащая; Пд — лежащий на дне ⁹³ Г; Ан — вод. Далее вставка «Краткое повествование о цензуре»; Б. . . Пд — далее следует Прощаясь со мною и т. д. — см. *печатную редакцию и Варианты*

¹ Г; Б. . . Пд — «Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла, ой люли, люли, люли, люли» . . . — Хоровод (УвМиВрЧкТхЕфКбЭй — Коровод) молодых баб и девок. . . пляшут. . . (КлМи — в скобках фраза (Хоровод . . . пляшут.)) пойдем (Ми — пойду; Д ЕфКбЭйРг — подойдем) поближе, — говорил я сам себе, развергывая найденные бумаги моего приятеля. — Но я, читав (БВ; Ув. . . Пд — читал; Д *испр.* читав *испр.* читал) следующее, не мог дойти до хоровода (УвГшМиВрЧкТхЕфКбЭй — хоровода). Уши мои задернулись (ЕфКбЭйРг — задернулись) печалию, и радостный глас нехитростного (Ми — хитростного) веселия до сердца моего не (ЕфКбЭй *нет*) проник. О мой друг! где бы ты ни был, внемли и суди. ² ЕфКбЭй — или ³ Кл ЕфКбЭй *нет* ⁴ ГВВДЕфКбЭйРг; Ув. . . Пд — раззорено ⁵ ГВВ; Ув. . . Пд *нет*; Д *доб.* прокляяно и *зач.* ⁶ ГРг; В. . . Пд — или в ⁷⁻⁷ Ми — в несостоянии другими какими ⁸ Г; Б. . . Пд — приемлется (Еф — принимается). — Публикуется ⁹ ГВВ; Ув. . . Пд — определению ¹⁰⁻¹⁰ УвГшКлМиТхПд *нет* ¹¹ ГВВ; ВрЧкДЕфКбЭйРг — суда или городского магистрата ¹² ЕфКбЭй — будут ¹³ БВ — торгу; Д *испр.* торгу *испр.* торга ¹⁴ ЕфКбЭй — господина ¹⁵⁻¹⁵ Ув ГшКлТхПд — Но; Ми — № ¹⁶⁻¹⁶ ГВВРг; Ув. . . Пд — мужеского и женского; Гш — мужского и женского; Д *испр.* мужеска и женска *испр.* мужеского и женского ¹⁷ БВ — Желаящие купить; Д — Желаящие *доб.* купить и *зач.*

На дешевое охотников всегда много. Наступил день и час продажи. Покупщики съезжаются¹⁸. В зале, где¹⁹ она производится¹⁹, стоят недвижимы²⁰ к продаже приговоренные²¹. Старик лет в 70²², опершись на вязовой дубине²³, жаждет угадать²⁴, кому судьба его отдаст в руки, кто закроет его глаза. С отцом господина своего он был в Крымском походе при фельдмаршале²⁵ Минихе; ²⁶ в Франкфуртскую²⁶ баталию он раненого своего господина унес на плечах из строю. Возвратясь домой, был дядькою своего молодого барина. В²⁷ младенчестве ²⁸ спас он²⁸ его от утопления, бросясь за ним в реку, куда он²⁹ упал, переезжая на пароме, и с опасностью своей жизни спас его. В юности³⁰ выкупил его из тюрьмы, куда³¹ посажен был за долги в бытность свою в гвардии унтер-офицером. — Стараха 80 лет, жена его. Была кормилицею матери своего молодого господина³². Ею была³³ нянькою и имела надзирание за домом до самого того часа, как выведена на сие торжище. Во все время службы своей³⁴ ничего у господ своих не утратила³⁵, ничем ³⁶ не покорыстовалась³⁶, никогда не лгала, а если ³⁷ когда им и³⁷ досадила, то разве своим праводушием³⁸. — Женщина лет в 40, вдова, кормилица ³⁹ молодого своего³⁹ барина. И донесет чувствует⁴⁰ она еще⁴⁰ к нему некоторую нежность. В жилах его летят ее кровь. Она ему вторая мать, и ей он более животом своим обязан, нежели своей природной матери. Сия зачала⁴¹ его в веселии, о младенчестве его не печалась⁴². Кормилица и нянька его были⁴³ воспитательницы⁴⁴. Они с ним расстаются, как с сыном. — Молодица 18 лет, дочь ее и внука⁴⁵ стариков. Зверь лютой, чудовище, изверг ⁴⁶ рода человеческого⁴⁶, смотри⁴⁷ на нее, смотри⁴⁸ на румяные ее ланиты, на слезы, лиющиеся из ее прелестных очей. Не ты ли, не возмогли прельщениями⁴⁹ и обещаниями⁵⁰ уловить ее невинности⁵¹, ни устрашить ее непоколебимости угрозами и казнию, наконец употребил обман, обвенчав ее за спутника твоих⁵² мерзостей и в виду⁵³ его наслаждался веселием, которого⁵⁴ она делить⁵⁵ с тобой⁵⁶ гнушалась. Она⁵⁷ узнала обман твой. Венчанный с нею не коснулся более

¹⁸ *Еф* — съезжались ¹⁹ *ЕфКБЭй* — оные производятся ²⁰ *ГБ*; *В* — недвижимые; *Ми* — недвижно; *Ув. . . Пд* — неподвижны ²¹⁻²¹ *ГБВ*; *Ув. . . Пд* — на продажу осужденные ²² *ГБ*; *В* — 70^т; *Ув. . . Пд* — 75 ²³ *ГБВЕф*; *Ув. . . Пд* — дубинке ²⁴ *В. . . Пд*; *ГЧк* — угодать; *Б* — угодить ²⁵ *ГБВ*; *Ув. . . Тх* — фельдмаршале; *Еф. . . Пд* — фельдмаршале ²⁶⁻²⁶ *УвГшВрТхКБРПд*; *Г* пробел; *В* — в Франкфуртскую; *КлМи* — в Франкфуртскую; *ЧкДЭй* — в Франкфуртскую; *Еф* — в французскую ²⁷ *ГАНБВ*; *Ув. . . Пд* — Во ²⁸⁻²⁸ *Г*; *АНБВ* — спас; *Ув. . . Пд* — он спас ²⁹ *ГАНБВ*; *Ув. . . Пд* — сей ³⁰ *БВ* — юности ³¹ *В* — куда он ³² *ГАНРг*; *БВ* — господина, а; *Ув. . . Пд* — барина; *Д* — барина *доб. а и зач.* ³³ *БВ* нет; *Д доб.* была ³⁴ *Еф* — своей ³⁵ *Еф* — утаила ³⁶⁻³⁶ *В* — не корыстовалась; *Б* — покорыстовалась ³⁷⁻³⁷ *ГБВ*; *Ан* — когда и; *Ув. . . Пд* — иногда им; *Д испр.* когда им и *испр.* иногда им ³⁸ *БВ* — простодушием; *Д испр.* простодушием ³⁹⁻³⁹ *ЕфКБЭй* — своего молодого ⁴⁰⁻⁴⁰ *ЕфКБЭй* — еще она ⁴¹ *ЕфКБЭй* — задача ⁴² *ГАНБВ*; *Ув. . . Пд* — радела ⁴³ *ГАНБВ*; *Ув. . . Пд* — были его ⁴⁴ *ГД*; *Ан. . . Пд* — воспитанницы ⁴⁵ *Рг* — внука ⁴⁶⁻⁴⁶ *ГАНБВ*; *Ув. . . Пд* нет; *Д доб.* рода человеческого и *зач.* ⁴⁷ *ГАН*; *Б. . . Пд* — посмотри ⁴⁸ *ГАН*; *Б. . . Пд* — посмотри ⁴⁹ *Г*; *Ан. . . Пд* — прельщением ⁵⁰ *Ан* — обеща(не написано на переносе); *Рг* — обещанием ⁵¹ *Рг* — непорочности ⁵² *УвГшКлМиТхЕфРгПд* — своих ⁵³ *Г*; *Ан. . . Пд* — в виде ⁵⁴ *БВД* — которое ⁵⁵ *Кл* — сделать; *Рг* — делать ⁵⁶ *Еф* — тобою ⁵⁷ *Г* — О

ее ложа, и ты, лишен став твоея утехи, употребил насилие. Четыре злодея, исполнители твоея воли, держа руки ее и ноги.⁵⁸ Но сего не окончаем. — На челе ее скорбь, в глазах отчаяние. Она держит младенца, плачевный плод обмана или насилия, но живой слепок⁵⁹ прелюбодейного⁶⁰ его отца. Родив его, позабыла его⁶¹ зверство, и сердце начало чувствовать к нему нежность. Она боится, чтобы⁶² не попасть в руки ⁶³другого мучителя, сему⁶³ подобного. — Младенец. — Твой сын, варвар, твоя кровь. Иль⁶⁴ думаешь, что, где не было ⁶⁵обрядя церковного⁶⁵, тут нет и обязанности⁶⁶? Иль⁶⁷ думаешь, что данное по приказанию твоему благословение наемным извещателем слова божия, но⁶⁸ сочетание⁶⁹ их утвердило, иль⁷⁰ думаешь, что⁷¹ насильное⁷² венчание во храме божием может назваться союзом? Всесильный мерзит принуждением, он услаждается желаниями сердечными. Они одни непорочны. О, колико между нами прелюбодейства⁷³ и растлений⁷⁴ совершается⁷⁵ во имя отца радостей и утешителя скорбей при его свидетелях, недостойных своего⁷⁶ сана. — Детина лет в 25, венчаный ее муж, спутник и наперсник своего господина. Зверство и мщение в его⁷⁷ глазах. Раскаивается⁷⁸ о своих к⁷⁹ господину своему⁸⁰ угождениях. В кармане его нож, он его схватил крепко! Мысль его угадать⁸¹ можно⁸². — Бесплодное рвение. Достанешься⁸³ другому. Рука господина твоего, носящаяся над главою раба непрестанно⁸⁴, согнет выю твою на всякое угождение. Глад, стужа, зной, казнь — все будет против тебя. Твой разум чужд благородных⁸⁵ мыслей. Ты умереть⁸⁶ не умеешь. Ты склонись и будешь раб духом⁸⁷, как и состоянием. А⁸⁸ если бы хотел⁸⁹ противиться, умрешь в оковах томною смертию. Судии меж вами нет. Не захочет мучитель твой сам тебя⁹⁰ наказывать⁹¹. Он⁹² будет твой обвинитель. Отдаст тебя градскому⁹³ правосудию. — Правосудие — где обвиненный⁹⁴ не имеет⁹⁵ власти оправдаться. — Пройдем⁹⁶ мимо других несчастных, выведенных на торжище.

Едва ужасноносный⁹⁷ молот испустил⁹⁸ тупой свой звук и четверо

⁵⁸ ГВВ; Аи — ноги. доб. . . . ; Ув. . . Пд — ноги. . . ⁵⁹ ЕфКБЭй — цвоток
⁶⁰ Аи — прелюбодейного ⁶¹ ГАНБВ; Ув. . . Пд — отцово ⁶² В — чтоб
⁶³⁻⁶³ ГАНБВ; Ув. . . Пд — ему; Д испр. другого мучителя, сему испр. сему
⁶⁴ БВМи — Или ⁶⁵⁻⁶⁵ ЕфКБЭй — церковного обряда ⁶⁶ БВ — обязательств; Д испр. обязательства испр. обязанности ⁶⁷ ВВДМи — Или ⁶⁸ Г; Аи. . . Пд нет ⁶⁹ Б — сочетание; Д испр. сочетание ⁷⁰ МиЕфКБЭй — или ⁷¹ ЕфКБЭй нет ⁷² Г; Аи. . . Пд — насильственное ⁷³ ГАНБВ; Ув. . . Пд — прелюбодейств ⁷⁴ АиЕфКБЭйРз; Г. . . Пд — растлении ⁷⁵ В — совершаются ⁷⁶ Рз нет ⁷⁷ Г. . . Пд; Вр — ево; Чк — его испр. ево ⁷⁸ БВДЕфКБЭй; Г — Раскаивается; Аи — Раскаиваться испр. Раскаивается; Ув. . . Пд — Раскаивается; ВрЧк — Раскаивается ⁷⁹ Еф нет ⁸⁰ ЕфКБЭй нет; Д доб. своему ⁸¹ Г; Аи. . . Пд — отгадать ⁸² Г; Аи — можно испр. нетрудно; Б. . . Пд — нетрудно ⁸³ УвГшТх — достанется ⁸⁴ БВ — непременно; Д испр. непременно испр. непрестанно ⁸⁵ ГАНБВЧкЕфКБЭйРз; Ув. . . Пд — благодарных ⁸⁶ Рз — умереть ⁸⁷ Аи. . . Пд; ГВВ — духов ⁸⁸ Еф нет ⁸⁹ ГАНБВ; Ув. . . Пд — восхотел ⁹⁰ ГАНБВВрЧкРз; Ув. . . Пд — себя ⁹¹ ВрЧк — наказывать ⁹² Г — Оны (Оный?) ⁹³ ВВрЧкЕфКБЭй — гражданскому ⁹⁴ Г; Аи. . . Пд — обвиняемый ⁹⁵ ГАН; Б. . . Пд — имеет почти ⁹⁶ Б — пройдет ⁹⁷ ГАНБВ; Ув. . . Пд — ужасный; ДЕфКБЭй — ужасноносный ⁹⁸ Аи — испустил испр. испустил

несчастных узнали ⁹⁹судьбу свою⁹⁹ — слезы, рыдание¹⁰⁰, стон пронзил¹⁰¹ уши всего собрания. Наитвердейшие были тронуты. Окаменелые² сердца! **ш**очто бесплодное соболзновение? О агличане³, если⁴ бы мы имели вашу душу, мы бы сложились, ⁵а купив⁵ сих несчастных, даровали бы им вольность⁶. — Жив многие лета в объятиях один другого, несчастные сии к⁷ поносной продаже восчувствуют тоску⁸ разлуки. Но если закон, ⁹иль, лучше сказать⁹, обычай варварской, ибо в законе того не писано, дозволяет¹⁰ толикое¹¹ человечеству посмеяние, какое право имеете¹² продавать сего младенца? Он незаконно рожденной. Закон его освобождает. — Постоите. Я буду доноситель. — Я избавлю его. О¹³, если бы с ним мог спасти и других! О счастье¹⁴! почто ты так обидело меня в твоём разделе. Днесь жажду нискиати¹⁵ прелестного твоего взора, впервые ¹⁶ощущать начинаю¹⁶ страсть к богатству. — Сердце мое ¹⁷столь было¹⁷ стесненно, что, выскочив из среды собрания и отдав несчастным ¹⁸последний рубль¹⁸, **ш**обежал вон. На лестнице встретился мне один чужестранец, мой друг. — Что тебе сделалось? ты плачешь. — Возвратись, — сказал я ему, — не будь свидетелем срамного¹⁹ позорища. Ты проклинал некогда обычай варварской в продаже черных невольников в отдаленных селениях²⁰ твоего отечества; возвратись, — повторил²¹, — не будь свидетель²² нашего затмения и да не возвестиши стыда нашего твоим согражданам, беседуя с ними о наших нравах. — Не могу сему я²³ верить, — сказал мне мой друг. — Невозможно, чтобы там, где мыслить и верить дозволяется всякому кто как хочет, столь постыдное существовало обыкновение. — Не дивись, — сказал я ему, — установление свободы в исповедании обижает²⁴ одних только²⁵ попов²⁶, да и те скорее пожелают²⁷ приобрести себе²⁸ овцу, нежели овцу во Христово стадо. Но свобода сельских жителей обидит, как то говорят²⁹, право собственности. А все те, кто бы мог свободе поборствовать, все великие вотчинники³⁰, и свободы не от их советов ожидать должно, но³¹ самой тяжести порабощения.

⁹⁹⁻⁹⁹ *БВ*; *Г* — свою; *Ан* — свою *доб.* участь; *Ув.* . . *Лд* — свою участь ¹⁰⁰ *В* —

рыдания

¹⁰¹ *ГБВ*; *Ан.* . . *Лд* — пронзили ² *Еф* — окамененные ³ *ГБВ*; *Ан* — агличане *испр.* квакеры; *Ув.* . . *Лд* — квакеры ⁴ *Г.* . . *Лд*; *БВ* — сами; *Ан* — сами *испр.* если ⁵⁻⁵ *Г*; *Ан* *БВВрЧкЕфКбЭйРг* — и, купив; *Ув.* . . *Лд* — искупив ⁶ *ГБВ*; *Ан* — вольность *испр.* свободу; *Ув.* . . *Лд* — свободу ⁷ *ЕфКбЭй* — по ⁸ *Г* *Ан* *БВВрЧк*; *Ув.* . . *Лд* — скуку ⁹⁻⁹ *БВ* — или; *ГшКлЕфКбЭйРг* — или, лучше сказать ¹⁰ *БВ* *нет*; *КлМи* — позволять ¹¹ *В* — коликое ¹² *В* — имеет ¹³ *ГБВ*; *Ан* — *О* *зач.*; *Ув.* . . *Лд* *нет*; *Д* *доб.* *О* и *зач.* ¹⁴ *В* — счастье ¹⁵ *Г*; *Ан.* . . *Лд* — вкусити ¹⁶⁻¹⁶ *ЕфКбЭй* — начинаю ощущать ¹⁷⁻¹⁷ *Еф* — было столь ¹⁸⁻¹⁸ *ГБВ*; *Ан* — последний рубль *испр.* последнюю гривну из кошелька; *Ув.* . . *Лд* — последнюю гривну из кошелька; *Д* *испр.* последний рубль (*испр.* гривну) из кошелька ¹⁹ *Рг* — смрадного ²⁰ *ЕфКбЭй* — странах ²¹ *Г*; *Ан* — повторив *испр.* повторил я; *Б.* . . *Лд* — повторил я ²² *Г* *Ан*; *Б.* . . *Лд* — свидетелем ²³ *Ан* *доб.* я ²⁴ *Г* *Ан* *БВ*; *Ув.* . . *Лд* — обидит; *Д* *испр.* обижает *испр.* обидит ²⁵ *ГБВ*; *Ан* — только *зач.*; *Ув.* . . *Лд* *нет*; *Д* *доб.* только и *зач.* ²⁶ *Г*; *Ан* — попов *доб.* и чернецов; *Б.* . . *Лд* — попов и чернецов ²⁷ *БВ* — желают ²⁸ *Еф* — себе одну ²⁹ *Г.* . . *Лд*; *БВ* — говорит; *Ан* — говорит *испр.* говорят ³⁰ *ГБВРг*; *Ан.* . . *Лд* — отчинники; *Д* *испр.* вотчинники *испр.* отчинники ³¹ *Г*; *Ан* — но *доб.* от; *Б.* . . *Лд* — но от

ТВЕРЬ

— Стихотворство у нас¹, — говорил товарищ мой² трактирного обеда, — в разных смыслах как оно приемлется, далеко³ еще отстоит⁴ величия. Поэзия было пробудилась, но ныне паки дремлет, а стихотворение⁵ шагнуло⁶ один раз и стало в пень.

Ломоносов, уразумев⁷ смешное в польском одеянии наших стихов, снял с них несродное им полукафтанье. Подав хорошие примеры новых стихов, надел на последователей своих узду великого примера, и никто доселе отшатнуться от него не дерзнул⁸. ⁹К несчастью общему⁹, случилось¹⁰, что Сумароков в то же время был; и был отменной стихотворец. Он употреблял стихи по примеру Ломоносова, и ныне все им¹¹ вслед¹² не воображают¹³, что¹⁴ другие стихи и¹⁵ ¹⁶быть могут^{17, 16}, как ямбы, как такие, какими писали ¹⁸оба сии¹⁸ знаменитые мужи. Хотя оба сии стихотворцы преподавали правила других стихосложений¹⁹, а Сумароков и во всех родах оставил примеры, но они столь маловажны, что ни от кого подражания не заслужили. Если бы Ломоносов переложил²⁰ Иова или псалмопевца дактилями или если бы Сумароков «Семиру» или «Димитрия» написал хорейми, то бы²¹ и Херасков²² более бы славы в осмилетнем своем приобрел²³ труде и²⁴ взятие Казани ²⁵описал бы²⁵ свойственным эпопее²⁶ стихосложением. Не дивлюся²⁷, что древний трух на Virгилия надет Ломоносовским покровом; но желал бы я, чтобы Омир между нами не в ямбах явился, но в ²⁸подобных его стихах²⁸, ексаметрах, и Костров²⁹, хотя не стихотворец, а переводчик, сделал бы эпоху³⁰ в нашем стихосложении³¹, ускорил³² шестивие³³ поэзии целым поколением³⁴.

Но не³⁵ один Ломоносов и Сумароков остановили³⁶ российское стихосложение³⁷. Неутомимой возовик Тредьяковский³⁸ немало к тому способ-

¹ УвГшКлМиПд — вас ² Г. . . Пд; БВ — мой за столом; Д — мой доб. за столом и зач. ³ Б — доколе; Д испр. доколе испр. далеко ⁴ Рг — отстоит от ⁵ ГАНБВРг; Ув. . . Пд — стихосложение ⁶ Б. . . Пд; Г — шагнуло; Ан — шагнуло испр. шагнуло ⁷ Ан — уразумел ⁸ Ми — дерзал ⁹⁻⁹ ГАНБВ; Ув. . . Пд — По несчастью; Д испр. К несчастью общему испр. По несчастью ¹⁰ Б — скучилоса ¹¹ Г; Ан — им зач.; Б. . . Пд нет ¹² Г; Ан — вслед идут испр. вслед за ними; БВ — следуют за ними; Ув. . . Пд — вслед за ними; Д испр. следуют за ними испр. вслед за ними ¹³ Г. . . Пд; Ан — воображая то испр. воображают; БВ — воображая ¹⁴ ГАН; Б. . . Пд — чтобы; Ми — чтоб ¹⁵ ГВВ; Ан — и зач.; Ув. . . Пд нет ¹⁶⁻¹⁶ ЕфКБЭй — могли быть ¹⁷ ГАН; Б — могут ли; В. . . Пд — могли ¹⁸⁻¹⁸ Г; Ан. . . Пд — сии оба ¹⁹ ГАНКлЕфКБЭй; БВМиРг — стихотворений; Ув. . . Пд — стихосложении ²⁰ Г; Ан — прело. (далее нет листа); Б. . . Пд — преложил ²¹ ГВВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. бы и зач. ²² Г; Б. . . Пд — Херасков вздумал бы, что можно писать другими стихами опричь ямбов, и ²³ ЕфКБЭй нет ²⁴ ГВВ; Ув. . . Пд — описав ²⁵⁻²⁵ ГВВ; Ув. . . Пд нет ²⁶ ГВДУаВр — эпопеи; Б — эпохеи; ГшКлЧкТхРг — эпопеи; МиПд — эпопеи; ЕфКБЭй — эпопей ²⁷ Г; Б. . . Пд — дивлюсь; ЕфКБЭй — дивись ²⁸⁻²⁸ ГВВ; Ув. . . Пд — стихах, подобных его ²⁹ БВ — Кастров ³⁰ Г — эпох ³¹ БВ — стихотворении ³² Г; Б — ускорим; В. . . Пд — ускорив ³³ Г. . . Пд; ВрЧкДЕфКБЭйРг — шестивие самой ³⁴ ГВрЧкЕфКБЭйРг; Б. . . Пд — столетием; Д испр. столетием ³⁵ Г — Не не ³⁶ Ув. . . Пд; ГРг — оставили; БВД — установили; ЕфКБЭй — составили ³⁷ БВ — стихотворение ³⁸ ГВВЕфКБЭйРг; УвКл — Тредьяковский; ГшМиВрЧк — Тредьяковский; Тх — Тредьяковский испр. Тредьяковский; ПдД — Тредьяковской

ствовал своею «Телемахидою». ³⁹Если бы он из Фенелонава романа извлек токмо⁴⁰, так сказать, эссенцию⁴¹, оставив все скучное и поэме неприличное⁴², то и он бы мог иметь подражателей³⁹. Теперь ⁴³сделать пример⁴³ очень трудно, ибо примеры в добром и худом стопосложении⁴⁴ глубокий пустили корень. Парнас⁴⁵ окружен ямбами, и рифмы стоят везде на карауле⁴⁶. Кто б⁴⁷ ни задумал писать дактилями, тому тотчас Тредьяковского⁴⁸ представят⁴⁹ дядькою, и прекраснейшее дитя ⁵⁰казаться будет долго⁵⁰ уродом, доколе не будет⁵¹ ⁵²Мильтоном или Шекеспиром⁵². Тогда и Тредьяковского⁵³ выруют из порослей⁵⁴ мхом забвения могилы, в «Телемахиде» найдутся добрые стихи и будут в пример поставляемы.

Долго благой перемене⁵⁵ в стихосложении прешаствовать будет⁵⁶ привыкшее ⁵⁷к рифмам⁵⁷ ухо⁵⁸. Слышав ⁵⁹несколько лет⁵⁹ единоголасное⁶⁰ ⁶¹окончание в стихах⁶¹, ⁶²без рифмы⁶² покажется грубо, негладко и нестройно. И⁶³ таково оно и⁶⁴ будет, доколе французской язык будет в России ⁶⁵господствующим языком⁶⁵. ⁶⁶Чувства наши⁶⁶, как⁶⁷ гибкое и молодое дерево, можно вырастить прямо и криво, по произволению⁶⁸. Сверх же того в стихотворении так, как и во всех вещах, может господствовать мода, и если она хотя несколько имеет⁶⁹ ⁷⁰в себе⁷⁰ естественного, то принята будет без прекословия. Но все модное мгновенно, а особливо в стихотворстве. Блеск наружный может заржаветь, но истинная красота не поблекнет никогда. Омир⁷¹, Virgiliy, Мильтон⁷²,

³⁹⁻³⁹ ГВВ; Ув. . . Пд нет; Д доб. Если бы он . . . подражателей и зач.
⁴⁰ ГВД; Б нет ⁴¹Д; Г — эссенцию; Б — эссенц; В — эсенц ⁴²испр.;
Д — неприличное; Г — приличное; БВ — не приметное ⁴³⁻⁴³ ГВВ; Ув. . .
Пд — дать пример нового (Чк нет) стихосложения (Рг — стихотворения);
Д испр. сделать пример испр. дать пример нового стихосложения ⁴⁴ ГВВ;
Ув. . . Пд — стихосложении; Д испр. стопосложении ⁴⁵ ГВВ Кл Еф Кб Эй;
Ув. . . Пд — Парнас ⁴⁶ Ув Пд — карауле ⁴⁷ Г; Б. . . Пд — бы ⁴⁸ ГВВ Еф
Кб Эй Рг; Ми Пд — Тредьяковского; Ув. . . Тх — Тредьяковского; Д — Тредьяков-
ского испр. Тредьяковского ⁴⁹ ГВВ Еф Кб Эй; Ув. . . Пд — приставят ⁵⁰⁻⁵⁰ ГВВ;
Ув. . . Пд — долго казаться будет ⁵¹ ГВВ; Ув. . . Пд — родится; Д испр. будет
испр. родится ⁵²⁻⁵² Г — Мильтоном или Шелеспиром; Б — Мильтоном, Шенеспи-
ром или Вольтером; В — Мильтоном, Шекеспером или Волтером; Ув. . . Пд — Миль-
тона (Пд — Милтона), Шакеспира (Кл — Шаспира; Еф — Шекспира; Рг — Шекес-
пира) или Волтера; Д испр. Мильтоном, Шекспиром или Вольтером испр. Мильтона,
Шекеспира или Вольтера ⁵³ ГВВ Еф Кб Эй Рг; Ан — Тредьяковского; Ув. . . Пд —
Тредьяковского; Д — Тредьяковского ⁵⁴ ГАН БВ Рг; Гш Еф Кб Эй — заросшей;
Ув. . . Тх — порозней; Пд — порозней ⁵⁵ Ан. . . Пд; ГВВ Д — перемены ⁵⁶ Г —
будут ⁵⁷⁻⁵⁷ ГВВ; Ан — к рифмам зач.; Ув. . . Пд нет; Д доб. к рифмам и зач.
⁵⁸ ГВВ; Ан — ухо доб. *, на поле * к краселовию; Ув. . . Пд — ухо ко краселовию;
Д испр. ухо доб. ко краселовию ⁵⁹⁻⁵⁹ ГАН БВ; Ув. . . Пд — долгое время
⁶⁰ Еф Кб Эй — единое ⁶¹⁻⁶¹ ГВВ; Ан — окончание в стихах испр. в стихах
окончание; Ув. . . Пд — в стихах окончание ⁶²⁻⁶² Г; БВ — без рифмы (подч.
в рукописи); Ан — без рифмы испр. безрифмие; Ув. . . Пд — безрифмие ⁶³ ГВВ;
Ан — И зач.; Ув. . . Пд нет; Д доб. и и зач. ⁶⁴ БВ Ми нет ⁶⁵⁻⁶⁵ ГАН; Б. . . Пд —
больше других языков в (БВ — во) употреблении ⁶⁶⁻⁶⁶ Г — Чувствовали ⁶⁷ Б
нет ⁶⁸ Ан — прозволению ⁶⁹ БВ — иметь будет; Д испр. иметь будет
⁷⁰⁻⁷⁰ БВ нет ⁷¹ Кл — О Мир ⁷² Г; Ан — Мильтон доб. Расин (?); БВ Кб Эй Рг —
Мильтон, Расин; Ув. . . Пд — Мильтон, Расин

Вольтер, Шекеспир⁷³ и многие⁷⁴ другие читаны будут, доколе ⁷⁵не истребится род человеческий⁷⁵.

Излишним почитаю я беседовать⁷⁶ ⁷⁷с вами⁷⁷ о разных стихах, российскому языку свойственных. Что такое ямб, хорей, дактиль или ⁷⁸анапест⁷⁸, всяк знает, если ⁸⁰немного кто разумеет⁸⁰ правила⁸¹ стихосложения⁸². Но то ⁸³излишнее бы было⁸³, если бы ⁸⁴мог я⁸⁴ дать⁸⁵ примеры в разных родах достаточные. Но силы мои и разумения⁸⁶ коротки. Если совет мой может что-либо сделать, то я бы сказал, что российское стиховорство, да и сам российской язык ⁸⁷гораздо обогатился бы⁸⁷, если бы, ⁸⁸переводя с иных языков⁸⁸, делали не всегда ямбами. Гораздо бы эпической поэме свойственнее было, если бы перевод «Генриады» не был в ямбах, а ямбы ⁸⁹без рифм⁸⁹ хуже прозы.

Все вышесказанное⁹⁰ изрек пирной⁹¹ мой товарищ одним духом и⁹² с толикою торопливостью⁹³ языка, что я не успел ⁹⁴ничего ему⁹⁴ сказать ⁹⁵на возражение⁹⁵, хотя много кой-чего имел на защищение ямбов и всех тех, кто ⁹⁶ими писали.

— Я и сам, — продолжал он, — заразительному последовал примеру и сочинял⁹⁷ стихи ямбами, но то были оды. Вот остаток один⁹⁸ из них, все прочие сгорели в⁹⁹ огне; да и оставшегося¹⁰⁰ та¹⁰¹ же ²ожидаёт участь², как и сосестр³ ее постигшее⁴, ⁵ибо ее в Москве не хотели⁵ напечатать⁶; ⁷по двум причинам: первая⁷, что смысл в стихах неясен и много стихов топорной работы, другая⁸, что предмет стихов несвойствен нашей земле.

⁷³Г; Ан — Шекестер *испр.* Шекеспир; Б — Шенеспир, тако; В — Шекеспер, тако; Ув. . . Пд — Шакеспир, тако; Вр — Шекеспир, тако; Ми — Шакеспир; Д — Шекспир *испр.* Шекеспир; Рг — Шекеспир, Тассо ⁷⁴Ми — многие тако ⁷⁵⁻⁷⁶Ан — род человеческий не истребится *испр.* не истребится род человеческий ⁷⁶БВ — беседовати ⁷⁷⁻⁷⁷ЕфКБЭй *нет* ⁷⁸Рг — и ⁷⁹Ан. . . Пд; ГВВ — анапест ⁸⁰⁻⁸⁰ЕфКБЭй — Кто немного знает ⁸¹БВ — правило ⁸²БВЕфКБЭйРг — стихотворения; Д — стихотворения *испр.* стихосложения ⁸³⁻⁸³Г; Ан — излишнее было бы *испр.* бы было не излишнее; Б — бы было не излишнее было; В. . . Пд — бы было не излишнее; ЕфКБЭй — бы было излишнее ⁸⁴⁻⁸⁴ГАНБВ; Ув. . . Пд — я мог; Гш — я ⁸⁵ГшКлМиТх — подать; Пд *нет* ⁸⁶Г; Ан. . . Пд — разумение ⁸⁷⁻⁸⁷ГЧж; АнБВДЕфКБЭйРг — гораздо обогатились бы; Вр — гораздо и богатился бы; УвГшКлМиТхПд — бы гораздо обогатились ⁸⁸⁻⁸⁸ГВВ; Ан — переводя с иных языков *испр.* переводы; Ув. . . Пд — переводы стихотворных сочинений; Д *испр.* переводы стихотворных сочинений с иных языков *испр.* переводы стихотворных сочинений ⁸⁹⁻⁸⁹ГВВ; Ан — без рифм *зач.*, в *тексте* *знак* †, на *поле* *доб.* некраесловные; Ув. . . Пд — некраесловные ⁹⁰Еф — вышесказанное ⁹¹БВ — мирной ⁹²БВ *нет*; Ми — а ⁹³РГг; Ан. . . Пд — поворотливостию ⁹⁴⁻⁹⁴Еф — ему ничего ⁹⁵⁻⁹⁵Ми — в возражения ⁹⁶ГВВ; Ан — кои; Ув. . . Пд — которые ⁹⁷В — сочинил ⁹⁸ГВВ; Ан. . . Пд — одной ⁹⁹Ан — на *испр.* в ¹⁰⁰ГВВ; Ан — оставшееся *испр.* оставшуюся; Ув. . . Тх — оставшейся; ЕфКБЭй — оставшаяся; Пд — оставшеюся; Рг — остающуюся; Д — оставшуюся ¹⁰¹АнДРг; ГВВ — ту; Ув. . . Тх — той; Вр — такой; Пд — то ²⁻²ГАНБВДЕфКБЭйРг; Ув. . . Тх — ожидать участи; Пд — ожидать участь ³ГАНБВД; Ув. . . Рг — сестер; КлМиПд — сестр ⁴Г; Ан — постигше (*пробел*) *испр.* постигшая; БВ — постигшие; Ув. . . Пд — постигшая; Рг — настигшая ⁵⁻⁵Г; АнБВ — ибо ее не хотели в Москве; Ув. . . Пд — в Москве не хотели ее ⁶ГАНБВЧКТхЕфКБЭйРг; Ув. . . Пд — печатать ⁷БВ — 1-я ⁸БВ — 2-я

Я еду теперь в Петербург⁹ просить¹⁰ о издании ее в свет, ласкаясь¹¹, яко-нежной отец своего¹² дитяти, что ради последней причины, для коей ее в Москве печатать не хотели, снисходительно возрят¹³ ¹⁴на первую¹⁴. Если¹⁵ вам не в тягость будет¹⁶ прочесть некоторые строфы. . . — сказал он, ¹⁷подавая мне¹⁷ бумаги.¹⁸ — Я ее развернул и чел¹⁹ следующее²⁰. ²¹Читал я вслух²¹: — «Вольность. — Ода». — За одно название отказали мне издание²² сих стихов. Но я очень помню, что в Наказе о сочинении нового уложения говорится²³ о вольности и²⁴ сказано: «вольность²⁵ называть²⁶ должно то, что все одинаковым повинуются законам». — Следовательно²⁷, о вольности у нас ²⁸говорить ²⁹вместно²⁸. —

1

О! дар небес благословенный,
Источник всех великих дел;
О! вольность, вольность, дар бесценный,
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Исполни сердце твоим жаром.
В нем сильных мышц твоих³⁰ ударом
Во свет рабства тьму претвори,
Да Брут и Телль еще проснутся,
Седяи³¹ во власти³² да смятутся³³
От гласа твоего цари.

— Сию²⁹ строфу обвинили³⁴ для двух причин; за стих «Во свет рабства тьму претвори». Он очень туп³⁵ и труден на изречение ради³⁶ частого повторения буквы Т и ради соития частого согласных ³⁷букв: «бства³⁷ тму³⁸ претв.»³⁹ — на десять согласных ⁴⁰три гласных⁴⁰, а на российском языке толико же можно писать сладостно, как и на латинском⁴¹. — Согласен. . . хотя иные почитали стих сей удачным⁴² находя в негладкости стиха изобразительное выражение трудности самого действия. — Но вот другой: «да смятутся⁴³ от гласа твоего цари». Желать смятения царю есть

⁹ В — Петербург ¹⁰ Ув. . . Пд — прости ¹¹ Еф — ласкаясь ¹² Ув. . . Пд нет ¹³ Ан. . . Пд; ЕфКб — воззряд; Г — воззреть испр. возрят; Б — возреть; В — прошу воззреть ¹⁴⁻¹⁴ Ан. . . Пд; ГВВ — наперед ¹⁵ В — а если ¹⁶ В — будет, то и ¹⁷⁻¹⁷ Г; Ан — мне, подавая мне; Б. . . Пд — мне подавая ¹⁸ ГВ; Ан. . . Пд — бумагу ¹⁹ ГАн; Б. . . Пд — читал ²⁰ Ан. . . Пд; Г — заглавие «Вольность» и текст 54 строк оды; ВВ — сразу (без заглавия) текст 54 строк оды. ²¹⁻²¹ ГВВ; Ан — Читал я вслух зач.; Ув. . . Пд нет ²² Ан — название испр. издание ²³ ГВВ; Ан. . . Пд — говоря ²⁴ ГВВ; Ан. . . Пд нет ²⁵ Г АнВВ; Ув. . . Пд — вольностью ²⁶ Г АнВВ ЕфКбЭйРг; Ув. . . Пд — назвать ²⁷ ГВВРг; Ан. . . Пд — Следственно ²⁸⁻²⁸ Г АнВВ; Ув. . . Пд — говорят вместо; ЕфКбЭй — говорят вместо; Рг — говорить можно ²⁹⁻²⁹ Ан. . . Пд; ГВВ — совместно. — Сию (стихотворного текста нет) ³⁰ Г АнВВ МиЕфКбЭйРг; Ув. . . Пд — твоим ³¹ Ув. . . ТхПд — Сидяи ³² БВРг — славе ³³ Г АнВВ МиЕфКбЭйРг; Ув. . . Пд — сметутся ³⁴ ВЧж — обвиняли ³⁵ ГВ; АнД ЕфКбЭйРг — тут; Б. . . Пд — тут ³⁶ Ув. . . ТхПд — рода ³⁷⁻³⁷ ГиМи — букв -ства; Ув. . . Пд — букв -ства; ЕфКбЭй — букв. «рабства» ³⁸ Г АнВВ; Ув. . . Пд — тьму ³⁹ ЕфКбЭй — претворить; ⁴⁰⁻⁴⁰ Б нет ⁴¹ ГВВ; Ан. . . Пд — итальянском; КЛРг — итальянском; МиЕф — итальянском ⁴² КЛМи — неудачным ⁴³ Г АнВВ МиРг; Ув. . . Пд — сметутся; ЕфКбЭй — мятутся

то же, что желать ему зла, ergo⁴⁴. . . Но ⁴⁵продолжайте беспрепятственно⁴⁶, я не⁴⁶ хочу вам наскучить всеми примечаниями, на стихи мои сделанными. Многие, ⁴⁷признаюсь, из них⁴⁷ справедливы⁴⁸. —

249

Но что ж претит моей свободе?
Желаньям зрю везде предел;
Возникла обща власть в народе,
Соборной всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единодушно;
Для пользы общей нет препон.
Во власти всех своей зрю долю,
Свою творю, творя всех волю,
— Родился в обществе закон.

350

В середине злачныя долины,
Среди тягченных жатвой нив,
Где нежны процветают крины,
Средь мирных под сеньми олив,
Паросска мрамора белее,
Яснейших дня лучей светлее
Стоит прозрачный всюду храм.
Там жертва лжива не курится,
Там надпись пламенная зрится:
«Конец невинности бедам».

451

Возводит строгие зеницы,
Льет радость, трепет вкруг себя;
Равно на все взирает лица,
Ни ненавядя, ни любя.
Он лести чужд лицеприятства,
Породы, знатности, богатства,
Гнушаясь жертвенныя тли;
Родства не знает, ни приязни,
Равно делит и мзду и казни;
Он образ божий на земли.

552

И се чудовище ужасно,
Как гидра, сто имеяй глав,
Умильно и в слезах всечасно,

⁴⁴ Г; А_н — ergo испр. следовательно; БВ — чудо; Ув. . . П_д — следовательно; Еф — следственно ⁴⁵⁻⁴⁶ ГАНБВ; Ув. . . П_д нет ⁴⁶ Ув. . . ТхП_д ⁴⁷⁻⁴⁷ ГВВ; А_н. . . П_д — признаюсь, из них были; Еф — из них, признаюсь, были ⁴⁸ ГАНБВ; Ув. . . П_д — справедливы. Позвольте, чтобы я вашим был чтением. ⁴⁹ А_н — 2 испр. 3; текст оды здесь и далее — по А_н и перечню ГВВ, варианты см. «Вольность». Варианты; в ГВВ на этом месте стихов нет; Ув. . . П_д совпадает с Печ. Варианты и разночтения оды и прозаического текста Ув. . . П_д, а также прозаического текста Б см. печатную редакцию и Варианты. ⁵⁰ А_н — 3 испр. 4 ⁵¹ А_н — 4 испр. 6 ⁵² А_н — 5 испр. 7

Но полны челюсти отрав,
Земные власти попирает,
Главою неба досязает,
Его отчизна там, — гласит;
Призраки, тьму повсюду сеет,
Обманывать и льстить умеет
И слепо верить нам велит.

653

Покоя рабского под сенью
Плодов златых не возрастет;
Где все ума претит стремленью,
Великость там не прозябет.
Там нивы запустеют тучны,
Коса и серп там неспоручны,
В сохе уснет ленивый вол,
Блестящий меч померкнет славы,
Минервин храм стал обветшавый,
Коварства сеть простерлась в дол.

754

Чело надменное вознесши,
Прияв железный скипетр, царь,
На громном троне властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея:
«По воле, — рек, — щажу злодея;
Я властью могу дарить;
Где я смеюсь, там все смеется;
Нахмурюсь грозно — все смятется;
Живешь тогда, велю коль жить».

855

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает;
В различных видах смерть летает,
Над гордою главою паря.
Ликуйте, склепанны народы:
Се право мщенье природы
На плаху возвело царя.

956

И нощи се завесу лживой
Со треском мощно разодрал,
Кичливой власти и строптивой
Огромный истукан поправ,
Сковав сторучна исполина,
Влечет его как гражданина

⁵³ Ан — 6 испр. 10
испр. 14

⁵⁴ Ан — 7 испр. 11

⁵⁵ Ан — 8 испр. 13

⁵⁶ Ан — 9

К престолу, где народ воссел.
«Преступник власти, мною данной,
Вещай, злодей, мною венчанной,
Против меня восстать как смел?»

10⁵⁷

Тебя облек я во порфиру
Равенство в обществе блюсти,
Вдовицу призирать и сиру,
От бед невинность чтоб спасти,
Отцем ей быть чадолюбивым,
Но мстителем непримиримым
Пороку, лжи и клевете;
Заслуги честью награждати,
Устройством зло предупреждати,
Хранити нравы в чистоте.

11⁵⁸

Покрыл я море кораблями,
Устроил пристани в брегах,
Дабы сокровища торгами
Текли с избытком в городах;
Златая жатва чтоб бесслезна
Была оратаю полезна;
Он мог вещать бы за сохой:
«Бразды своей я не наемник,
На пажитях своих не пленник,
Я благоденствую тобой».

12⁵⁹

Своих кровей я без пощады
Гремящую воздвигнул рать;
Я медны изваял громады,
Злодеев внешних чтоб карать;
Тебе велел повиноваться,
С тобою к славе устремляться;
Для пользы всех мне можно все;
Земные недра раздираю,
Металл блестящий извлекаю
На украшение твое.

13⁶⁰

Но ты, забыв мне клятву данну,
Забыв, что я избрал тебя
Себе в утеху быть венчанну,
Возмнил, что ты господь, не я.
Мечем мои расторг уставы,
Безгласными поверг все нравы,
Стыдиться истине велел;
Расчистил клевете дорогу,
Взывать стал не ко мне, но к богу,
А мной гнущаться восхотел.

⁵⁷ Ан — 10 испр. 15
12 испр. 17, строфа
⁶⁰ Ан — 13 испр. 18

⁵⁸ Ан — 11 испр. 16, строфа вычеркнута
вычеркнута, на поле пометка: NB. Вымарана

⁵⁹ Ан —
ошибкою

14⁶¹

Кровавым потом доставая
 Плод, кой я в пищу насадил,
 С тобою крохи разделяя,
 Своей натуги не щадил.
 Тебе сокровищей всех мало!
 На что ж, скажи, их не достало,
 Что рубище с меня сорвал?
 Дарить любимца, полна лести,
 Жену, чуждающуюся чести!
 Иль злато богом ты признал?

15⁶²

В отличность знак изобретенный
 Ты начал наглости дарить;
 Злодею меч мой изощренный
 Ты стал невинности сулить.
 Сгруженные полки в защиту
 На брань ведешь ли знамениту
 За человечество карать?
 В кровавых борешься долинах,
 Дабы, упившись, в Афинах:
 «Ирой!» — зевав, могли сказать.

16⁶³

Великий муж, коварства полный,
 Ханжа⁶⁴, и льстец, и святотать,
 Един ты в свет столь благотворный
 Пример великий мог подать.
 Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
 Что, власть в руке своей имея,
 Ты твердь свободы сокрушил.
 Но научил ты в род и роды,
 Как могут мстить себя народы:
 Ты Карла на суде казнил.

17⁶⁵

Внезапу вихри восшумели,
 Прервав спокойство синих вод, —
 Свободы гласы так взгремели;
 На вече весь течет народ;
 Престол чугунный разрушает,
 Сампсон как древле сотрясает
 Исполненный коварств чертог;
 Законом строит твердь природы.
 Велик, велик ты, дух свободы,
 Зиждителин, как сам есть бог!

⁶¹ А н — 14 испр. 19, низ листа (2—10-й стихи строфы) оборван ⁶² А н — 15 испр. 20 ⁶³ А н — 16 испр. 22 ⁶⁴ А н — Ханжа испр. Цар. (?) Ханьжа ⁶⁵ А н — 17 испр. 24; низ листа оборван, видны только последние слова (восшумели, вод) 1—2-го стиха и фрагменты черт, которыми строфа была вычеркнута

[18]⁶⁶

Как сый всегда в начале века
 На вся простерту мочь явил,
 Себе подобна человека
 Создати с миром положил,
 Пространства из пустыней мрачных
 Исторг — и твердых и прозрачных
 Первейши семена всех тел;
 Разруша, древню смесь спокоил;
 Стихиями он все устроил
 И солнцу жизнь давать велел,—

[19]

Так дух свободы, разоря
 Вознесшейся неволи гнет,
 В градах и селах пролетая,
 К величию он всех зовет,
 Живит, родит и создает,
 Препоны на пути не знает,
 Вождем мужеством в стезях;
 Нетрепетно с ним разум мыслит
 И слово собственностью числит
 Невежства что развеет прах.

[20]

Сей был и есть закон природы,
 Неизменяемый никогда;
 Ему подвластны все народы,
 Незримо правит он всегда.
 Мучительство, стряся пределы,
 Отравы полны свои стрелы
 В себя, не ведая, вонзит;
 Равенство казнию восставит;
 Едину власть, валясь, раздавит;
 Обидой право обновит.

[21]

Дойдешь до меты совершенства,
 В стезях препоны прескочив,
 В сожитии найдешь блаженство,
 Несчастных жребий облегчив,
 И паче солнца возблисташь.
 О! вольность, вольность, да скончаешь
 Со вечностью ты свой полет.
 Но корень благ твой истощится,
 Свобода в наглость превратится
 И власти под ярмом падет.

[22]

Да не дивимся превращенью,
 Которое мы в свете зрим;
 Всеобщему вослед стремленью

⁶⁶ Этот и следующий номера восстановлены по аналогии с предшествующими

Некосненно стремглав бежим.
Огонь в связи со влагой спорит,
Стихия в нас стихию борет,
Начало тленьем тщится дать;
Прекраснейше в миру творенье
В веселии начнет рожденье
На то, чтоб только умирать.

[23]

Но нет! где рои судил родиться,
Да будет там и дням предел;
Да хладный прах мой осенится
Величеством, что днесь я пел;
Да юноша, взалкавый славы,
Пришед на гроб мой обветшавый,
Дабы со чувством вещал:
«Под игом власти, сей, рожденный,
Нося оковы позлащенны,
Нам вольность первый прорицал».

[24]

В тебе, когда союз прервется,
Стончает мнений крепка власть;
Когда закона твердь шатнется,
Блюсти всяк будет свою часть;
Тогда, растерзанно мгновенно,
Тогда сложенье твое бренно,
Сдрогаясь внутренно, падет.
Но праха вихри не коснутся,
Животны семена проснутся,
Затускло солнце нов даст свет.

[25]

Из недр развалины огромной,
Среди огней, кровавых рек,
Средь глада, зверства, язвы томной,
Что лютый дух властей возжег,—
Возникнут малые светила;
Незыблемы свои кормила
Украсят дружества венцем.
На пользу всех ладью направят
И волка хищного задавят,
Что чтит слепец своим отцем.

[26]

Но не приспе еще година,
Не совершились судьбы,
Вдали, вдали еще кончина,
Когда иссякнут все беды.
Встрещат заклены тяжкой ночи;
Упруга власть, сбрав себе мочи,
Вкалясь горе, потщится пасть,
Да грузным махом вся раздавит,
И стражу к словесам приставит,
Да будет горшая напасть.

[27]

Влача оков несносно бремя,
 В вертепе плача возревет.
 Придет вожделенно время,
 На небо смертность воззовет;
 Направленна в стезю свободой,
 Десную ополча природой,
 Качнется в дол — и страж пред нею.
 Тогда всех сил властей сложенье
 Развеется в одно мгновенье.
 О день! избраннейший всех дней!

[28]

Мне слышится уж глас природы,
 Начальный глас, глас божества;
 Трясутся вечно мрака своды,
 Се миг рожденью вещества.
 Се медленно и в стройном чине
 Грядет зиждитель наедине.
 Рек. . . яркий свет пустил свой луч
 И, ложный плена скиптр поправши,
 Сгущенную мглу разогнавши,
 Блестящий день родил из туч.

Прочитав⁶⁷, я ему сказал: — Если вы, государь мой, не за чем другим едете в Петербург, как дабы истребовать дозволения⁶⁸ на напечатание ваших стихов, то возвратитесь в покое домой и потщитесь исправить их от двух погрешностей: от нелепости выражений и, сказать вам могут, от нелепости мыслей. — Он, поглядев на меня с презрением: — Прочтите сию бумагу и скажите мне, не посадят ли и за нее. . . Читайте. Сие должно было быть для великого поста⁶⁹, некоторым случаем не dokonчено. Да будет оно примером⁷⁰, как можно писать не одними ямбами. — Развернув, прочел следующее:

ТВОРЕНИЕ МИРА

Песнословие

Х о р

Тако предвечная мысль, осеняясь⁷¹ собою и проч.

— Вы уже улыбаться начинаете, вам кажется уже, что читаете «Телемахиду». Но смейтесь, как хотите. «Чудище⁷² обло, огромно, тризвенно⁷³ и лаяй⁷⁴» не столь дурной стих. Но о сем теперь нехстати. Продолжайте и смейтесь.

⁶⁸⁻⁶⁹ Ан (от строфы 17 — реконструкция по перечням и тексту ГВВ); ГВВ — справедливы. — Строфы 3, 4, 6, 7, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 30, 31, 32, 35, 38, 39, 40, 41, 42. Прочитав ⁶⁸ Г; ВВ — дозволение ⁶⁹ ГВ; В — поста, но ⁷⁰ Г; ВВ — пример ⁷¹ ГВ; В — осеняясь ⁷² ВВ; Г — Чудище ⁷³ Г; В — стризвенно; В — с тризвенно ⁷⁴ ГВ; В — лаяя

ТВОРЕНИЕ МИРА

Песнословие

Х о р

Тако предвечная мысль, осеняясь⁷⁵ собою
И своего всемогущества во глубине,
Тако вещала, егда все покрытые мглою
Первенственны⁷⁶ семена, опочив в тишине,
Действия чужды и жизни восторга лежали,
Времени⁷⁷ круга миры когда не измеряли.

Б о г

Един повсюду и предвечен,
Всесилен бог и бесконечен;
Всегда я буду, есмь⁷⁸ и был,
Един ведеде вся исполняя,
Себя в себе я заключая,
Днесь вся⁷⁹ во мне, во всем я жил.
Но неужель всегда пребуду
Всесилен мыслью, мыслью бог?
И в недрах божества забуду
То, что б начати я возмог?
Или любовь моя блаженна
Во мне пребудет невозжженна,
Безгласна, томна, лишь во мне
Всеечно жар ее пылая,
Ужель, бесплодно истлевая,
Пребудет божества⁸⁰ во дне?
Расширим себя⁸¹ пределы,
Тьмой умножим божество.
Совершим совета меры,
Да явится вещество.

Х о р

Вострепещи днесь, упругое древле ничто!
Ветхий⁸² се деньми грядет во⁸³ могуществе стройном,
Да сокрушит навсегда смерть⁸⁴ во царстве покойном⁸⁴,
Всюду да будут жизнь, радость, утехы⁸⁵.

Б о г

Но что

Начнем?

Речем:

Возлюбленное слово,
О, первенец меня,
Ты искони готово
Во мне. Я ты, ты я.
Тебе я навсегда вручаю
Владычество и власть мою,

⁷⁵ БВ; Г — осеняясь
⁷⁶ Г; БВ — Первенственные
⁷⁷ Г; БВ — Времена
⁷⁸ БВ; Г — есть
⁷⁹ Г; БВ — все
⁸⁰ Г; БВ — божество
⁸¹ Г; БВ — себе
⁸² испр.; ГВВ — Ветхи
⁸³ ГБ; В — в
⁸⁴⁻⁸⁴ Г; БВ — в покойном царстве
⁸⁵ ГБ; В — и утехы

В тебе любовь я заключаю,
Тобою мир да сотворю.
Исполнь божественны обеты,
Яви твореньем божество,
Исполнь премудрости советы,
Твори⁸⁶ жизнь, силу, вещество.
Тобою я прославлюсь,
Бездействия избавлюсь,
Ты то явишь, что я возмог,
А я в себе почию, бог.

Х о р

Мертвые днесь развеайтесь⁸⁷ сени,
Жизни начало зиждитель⁸⁸ дает;
В жизни всегдашней не будет **премены**,
Мрачна пустыня познает, что свет.

С л о в о

Начнем творить, — что медлю я?
Иль воля вечного бессильна?
Иль мысль его не избыльна?
Иль зрит препону власть **моя**?

Часть хора

Нежная любовь тревожит
Бесконечные судьбы,
И гаданье скорби множит,
Мира будуща⁸⁹ беды.

Часть хора

Отверзись, мрачная пучина,
Грядущего пади покров,
Явися, будуща судьбина,
Предел тебе положит бог.

Х о р

Се исчезает пред взором всезрящим⁹⁰
Века не суща еще⁹¹ темнота,
Се знаменуют рок словом горящим⁹²
Мира грядуща всевечны⁹³ уста.

Б о г

Единым взором все объемля,
Что было, есть и может быть,
Закону моему не внемля —
Во страхе господа ходить,
Я зрю, что тварь не⁹⁴ пожелает;
Кичася гордостью, **взмечтает**⁹⁵,

⁸⁶ Г; ВВ — Твори
⁸⁷ Г; ВВ — развеайтесь
⁸⁸ В; ГБ — зиждитель
⁸⁹ Г; ВВ — будущи
⁹⁰ Г; ВВ — все зрящим
⁹¹ Г; ВВ — есть
⁹² испр.; ГВВ — грядущим
⁹³ ГВ; Б — всевечный
⁹⁴ Г; ВВ — ни
⁹⁵ ВВ; Г — вомечтает

Что всей она природы царь.
 О бrenна и немощна тварь!
 Почто против отца дерзаешь?
 Или, ослушна, быти чаешь
 Блаженною⁹⁶ сама собой?
 Я мог бы днесь, предупреждая
 И мысль мою переменяя,
 Быть твари повелеть иной.
 Не ярый слабостей⁹⁷ я мститель,
 Отец всещедрый и жидитель:⁹⁸
 Любовию к тебе горю.
 Чуждаться будешь совершенства,
 Но корень твоего блаженства
 В тебе петленен сотворю.

Часть хора

О любовь несказанна,
 Прежде века⁹⁹ избранна,
 В тебе жизнь и начало
 В мире все восприяло.

Хор

Взора пространства²⁰⁰ пустыни все с трепетом вечна
 В стретенье радостным ликом грядут²⁰¹,
 Бездну безвещия зыблет днесь мочь бесконечна,
 Мертвые жизнь семена с нетерпением² ждут.

Часть хора

Божественна утроба рдеет,
 Клубя³ в рожденье⁴ вещество,
 Любовь начально семя греет,
 Твореньем узрим⁵ божество.

Слово

Мысль благая, совершайся,
 И превечно⁶ исполняйся
 Отца мудрости совет,
 Да окрепнет в твердь⁷ пучина,
 Неизмерима равнина,
 Где пространство днесь живет.
 Оживись, телесно семя,
 Приими начало, время,
 И движенье, вещество,
 Твердость телом,
 Жизнь движеньем, —
 Се вещает божество.

⁹⁶ В; ГБ — Блаженною ⁹⁷ ГБ; В — слабости ⁹⁸ БВ; Г — жидитель
⁹⁹ ГБ; В — век ²⁰⁰ испр.; ГБВ — пространство
²⁰¹ В; ГБ — грядет ² испр.; ГБВ — нетерпением ³ испр.; ГБВ — Клубы
⁴ БВ; Г — рождении ⁵ Г; БВ — узришь ⁶ БВ; Г — превечна ⁷ БВ; Г —
 тврь

— Конца нет. — Что ж вы скажете о употреблении в одном сочинении разного рода стихов? Но сие смешение не токмо⁸ прилично малому и для равной определенному стихотворению, то⁹ удачно будет и в эпосе. Не мой сей есть совет, но Мармонтелев. — Я, собрав¹⁰ мои мысли¹¹, хотел ему на его стихи сказать нечто, может быть, ему и не приятное. Но колокольчик на дуге возвестил мне, что в дороге складнее поспешать на почтовых клячах, оставляя Пегаса в парнасской конюшне, и для того я поспешно с новомодным моим стихосплетчиком¹² простился.

ГОРОДНЯ

Въезжая в сию деревню, не стихотворческим пением слух мой был ударен¹, но² воплем, пронзающим сердце², жен, детей и старцов. Востав³ из моей кибитки, отпустил⁴ ее к почтовому двору, любопытствуя узнать причину приметного⁵ на улице⁵ смятения.

Подошед к одной толпе⁶, узнал я, что⁷ рекрутской набор был причиною рыдания и слез многих толпящихся. Из многих⁸ селений⁹ казенных и помещичьих сошлись отправляемые¹⁰ на отдачу рекруты.

В одной толпе старуха лет пятидесяти, держа¹¹ за голову двадцатилетнего парня, вопила: — Любезное мое дитячко¹², на кого ты меня покидаешь? ¹³Кому ты¹³ поручаешь дом родительской? Поля наши порастут травой, мохом¹⁴ — наша хижина. Я, бедная, престарелая мать твоя, скитаться должна по миру. Кто согреет мою дряхлость от холода, кто укроет ее от зноя? Кто напоит¹⁵ и накормит? Да¹⁶ все то не столь сердцу тягостно, — кто закроет мои очи при издыхании?¹⁷ Кто тело мое¹⁸ предаст общей нашей матери¹⁹ земле? Кто придет²⁰ вспомнить²¹ меня над ²²моим гробом²²? Не канет на него²³ ²⁴горячая твоя²⁴ слеза; не будет мне отрады той²⁵. — Подле старухи стояла девка уже взрослая. Она так²⁶ же вопила²⁷: — Прости, мой друг сердечной, прости, мое красное солнышко²⁸. Мне, твоей невесте нареченной, не будет больше²⁹ утехи, ни веселья³⁰. Не позавидуют мне подруги мои³¹. Не взойдет надо мною солнце дня³² радости.

⁸ Г; ВВ — только ⁹ ГВ; В — оно ¹⁰ ГВ; В — собрал ¹¹ ГВ; В — мысли и ¹² Г; ВВ — стихосплетчиком
¹ Г; В. . . Пд — ударяем ²⁻² ГВВ; Ув. . . Пд — пронзающим сердца воплем
³ Г; В. . . Пд — Встав ⁴ ГВВ; Ув. . . Пд — отпустил я ⁵⁻⁵ Ув. . . Пд; ГВВ
КбЭй — на лице; Еф — в лице ⁶ ГВВ; Ув. . . Пд — куче ⁷ Ув. . . ТхПд нет
⁸ ЕфКбЭй нет ⁹ Ми — селениев; ЧкТхПд — селении ¹⁰ ВВ — отправленные
¹¹ ЕфКб — держала ¹² ГВВ МиЕф. . . Пд; Ув. . . Тх — дитетко ¹³⁻¹³ Кл — Кому;
Ми — На кого ты и кому ¹⁴ ГГшДРгПд; В. . . Эй — мхом ¹⁵ ГВВ; Ан — напоит
доб. меня; Ув. . . Пд — напоит меня ¹⁶ Ув. . . ТхПд — За ¹⁷ Г; Ан. . .
Пд — издыхании? Кто примет мое родительское благословение? ¹⁸ Г; Ан. . . Пд
нет ¹⁹ ГВВ; Ан — матери доб. сырой; Ув. . . Пд — матери сырой ²⁰ ЕфКбЭй —
придет; Рг — придет ²¹ ГАнВВ МиЕфКбЭйРг; Ув. . . Пд — вспомнить
²²⁻²² ГВВ; Ан — моим гробом испр. могилою; Ув. . . Пд — могилою ²³ ГВВ; Ан —
него испр. нее; Ув. . . Пд — нее ²⁴⁻²⁴ ГВВ; Ан. . . Пд — твоя горячая; Кл —
твоя горячая; Ми — твоя горькая ²⁵ Еф — твоей ²⁶ ЕфКбЭй — тако
²⁷ Г — попила ²⁸ Г. . . Пд; АнД — солнышко ²⁹ Рг — больше ни ³⁰ ГВВРг;
Ан. . . Пд — веселья ³¹ Гш нет ³² ГВВ; Ан. . . Пд — дня

Горевать ты меня покидаешь ни вдовою, ни мужною³³ женою. Хотя бы³⁴ бесчеловечные наши старосты хотя³⁴ дали бы нам обвенчаться³⁵; хотя бы³⁶ ты, мой милой друг, хотя бы³⁶ уснул одну³⁶ ночиньку³⁷, ³⁸ уснул бы³⁸ на белой моей груди. Авось ³⁹ли бы³⁹ бог меня помиловал ⁴⁰и дал⁴⁰ бы мне паренька во⁴¹ утешение. — Парень им говорил: — Перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зовет нас государь на службу. На меня пал жеребей⁴². ⁴³Кому⁴³ не умирать, тот жив будет. Авось-либо я с полком к вам приду. Авось-либо дослужуся⁴⁴ до чина. Не крушися, моя матушка родимая. Береги для меня Парасковьюшку⁴⁵. — Рекрута сего отдавали⁴⁶ из экономического селения.

Совсем другого рода стенания⁴⁷ внял слух мой в близстоящей толпе. Среди оной я увидел человека лет тридцати, посредственного роста⁴⁸, стоящего бодро и весело на окрест стоящих взирающего. — Услышал господь молитву мою, — вещал он. — Достигли слезы несчастного до утешителя всех. Теперь буду хотя знать, что жребий мой зависеть может от доброго или худого моего поведения. Доселе зависел он⁴⁹ от своенравия ⁵⁰господина моего⁵⁰. Одна мысль утешает, что без суда батожьем наказан не буду. — Узнав из речей его, что он господской был человек, любопытствовал от него узнать причину⁵¹ ⁵²не обыкновенного в отдаточном в солдаты удовольствия о своем состоянии⁵². На вопрос мой о сем он ответил⁵³: — Если бы, государь мой, с одной стороны поставлена была виселица, а с другой ⁵⁴была⁵⁴ глубокая река и, стоя между двух гибелей, неминуемо бы должно было⁵⁵ идти направо или налево, в петлю или в воду, что избрали бы вы, чего бы заставил желать рассудок и чувствительность? Я думаю⁵⁶, и всякой⁵⁷ другой ⁵⁸опричь меня⁵⁸ избрал бы броситься в реку, в надежде, что переплыв⁵⁹ на другой берег⁶⁰, опасность уже минется. Никто не согласился бы испытать, тверда ли петля, своею⁶¹ шею. Таков мой был случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда⁶² тем и конец был, но умирать томною смертью, под батожьем, под кошками, в кандалах, в погребе, нагу, босу, алчущу⁶³, жаждущу, при

³³ Г; Ан. . . Пд — мужнею ³⁴ ГКл; Ан. . . Пд — хоть; Ми — хоть бы ³⁵ Ув. . . Пд — обвенчаться ³⁶⁻³⁶ ЕФКбЭй; Ан. . . Пд — одну уснул ³⁷ ЕФКбЭй — ночью ³⁸⁻³⁸ БВ нет ³⁹⁻³⁹ КЛМи — либо; ЕФКбЭй — ли-бо ⁴⁰⁻⁴⁰ ГАНБВЕФКбЭйРг; Ув. . . Тх нет; Ми — дал; Пд доб. дал ⁴¹ ГАН; Б. . . Пд — на ⁴² ГАНБПд; В. . . Рг — жребий; ГшВр — жребей ⁴³⁻⁴³ Г; Ан. . . Пд — Воля божия. Кому ⁴⁴ БМиЕФКбЭй — дослужусь; В — дослужись ⁴⁵ Г. . . Пд; Ан — Парасковьюшку испр. Прасковьюшку; ВВД — Прасковьюшку ⁴⁶ МиЕФКбЭй — отдал ⁴⁷ ГАНБВ; Ув. . . Пд — слова; ЕФКбЭй — слово ⁴⁸ АНБВЕФКбЭйРг; Ув. . . Пд — росту; Г — рода ⁴⁹ Ув. . . ТхПд — я ⁵⁰⁻⁵⁰ ГБВ; Ан — госпожи моей; Ув. . . Пд — женского; Д испр. женского ⁵¹ ЕФКбЭй — причины ⁵²⁻⁵² Г; БВ — не обыкновенного в отдаточном в солдаты удовольствия о своем состоянии; Ан — не обыкновенного в отдаточном в солдаты удовольствия о своем состоянии испр. не обыкновенного удовольствия о своем состоянии в отдаваемом в солдаты; Ув. . . Пд — не обыкновенного удовольствия; Д испр. удовольствия необыкновенного ⁵³ Ми — отвечал ⁵⁴⁻⁵⁴ ГБВ; Ан. . . Пд нет ⁵⁵ ЕФКбЭй нет ⁵⁶ ГАНБВ; Ув. . . Пд — думаю, да ⁵⁷ ЕФКбЭй — всяк ни ⁵⁸⁻⁵⁸ ГАНБВ; Ув. . . Пд нет ⁵⁹ ГБВД ЕФКбЭй; Ан. . . Пд — переплыв ⁶⁰ Г. . . Пд; АНМиРг — берег ⁶¹ Г. . . Пд; АН БВМиД — своей ⁶² ГАНБ; В. . . Пд — когда бы ⁶³ ЕФКбЭй — алчущу

всегдашнем поругании. . . Государь мой, хотя холопей считаете⁶⁴ вы своим именем, нередко хуже скота⁶⁵, но, к несчастью их горчайшему, они чувствительности не лишены. Вам удивительно, вижу я, слышать таковые слова в устах крестьянина; но, слышав их, для чего не удивляетесь жестокосердию своей собратии, дворян.

И поистине не ожидал я сказанного от одетого в смурой кавтан⁶⁶ со⁶⁷ бритым⁶⁸ лбом⁶⁹. Но, желая удовлетворить моему любопытству, я просил его, чтобы он уведомил меня, как, будучи толь низкого состояния, он достиг понятий, недостающих нередко в людях, несвойственно называемых благородными.

— Если вы не поскучаете слышать⁷⁰ обо мне повесть⁷¹, то я вам скажу, что я родился в рабстве: сын дядьки моего бывшего господина. Сколь восхищаюсь я, что не назовут⁷² уже меня Ванькою⁷³, ⁷⁴не кликнут «малой»⁷⁴, ни позыва не сделают⁷⁵ свистом. Старой мой барин, человек добросердечной, разумной и добродетельной, нередко рыдавший⁷⁶ над участию своих рабов, хотел за долговременные заслуги отца моего отличить и меня, дав мне воспитание наравне с своим сыном. Различия между нами мало⁷⁷ было, разве только то, что он на кавтане⁷⁸ носил сукно моего потоне⁷⁹. Чему учили молодого боярина⁸⁰, тому учили и меня; наставлении⁸¹ нам во всем были одинаковы, и без хвастовства скажу⁸², что во многом я лучше успел⁸³ своего⁸⁴ молодого господина. — Ванюша, — говорил мне старой барин, — счастье твое зависит совсем⁸⁵ от тебя. Ты более к учености и нравственности имеешь побуждений⁸⁶, нежели мой сын. Он по мне будет ⁸⁷достаточен и ⁸⁷ нужды не узнает⁸⁸, а ты с⁸⁹ рождения с нею познакомился. И так старайся быть достоин моего ⁹⁰ тебе попечения⁹⁰. — На семнадцатом году возраста младого⁹¹ моего барина отправлен был он и я в чужие края с⁹² надзирателем, коему предписано было меня почитать спутником, а не слугою. Отправляя меня, старой мой барин сказал мне: — Надеемся⁹³, что ты возвратишься к утешению моему и своих родителей. Раб ты в пределах сего⁹⁴ государства, но вне оных⁹⁵ ты свободен. Возвратясь же в⁹⁶ оное, уз, рождением твоим на тебя возложенных⁹⁷, ты не обрящешь. — Мы отсутствуемы⁹⁸ были пять лет и возвращались в Россию: молодой

⁶⁴ Кл — почитаете ⁶⁵ ГВВ; Ан — скота *испр.* скотов; Ув. . . Пд — скотов; Д *испр.* скота *испр.* скотов ⁶⁶ Ан; Б. . . Пд — кафтан ⁶⁷ Ан; Б. . . Пд — с; Д — со *испр.* с ⁶⁸ Рг — обритым ⁶⁹ Ан — на поле рукой Цар. ВВ. Дворянин имеет по наследству право к благородным мыслям и зач. ⁷⁰ В — слышать ⁷¹⁻⁷¹ Ан; Б. . . Пд — моей повести; ГиВрЧк — мои повести ⁷² ЕфКбЭй — назовет ⁷³ АнДЕфКбЭйРг; ВВ — Ванькой; Ув. . . Пд — Ванько ⁷⁴⁻⁷⁴ Ан; Б. . . Пд — ни поносительным именованьем ⁷⁵ ЕфКбЭй — сделает ⁷⁶ ЕфКбЭй — выдавши ⁷⁷ Ан; Б. . . Пд — не; ДЕфКбЭйРг — почти не ⁷⁸ Ан; Б. . . Пд — кафтане ⁷⁹ В — потонее ⁸⁰ ВМиЕфКбЭй — барина ⁸¹ МиРг — наставления ⁸² ЕфКбЭй — сказать ⁸³ АнДЕфКбЭйРг; Б. . . Пд *нет* ⁸⁴ Ан — своего *испр.* моего ⁸⁵ Ми *нет* ⁸⁶ ВВДРгПд; Ан. . . Тх — побуждению; КЛМиЕфКбЭй — побуждения ⁸⁷⁻⁸⁷ Ан; Б. . . Пд — богат и; Еф — богат ⁸⁸ ЕфКбЭй — знает ⁸⁹ ЕфКбЭй — от ⁹⁰⁻⁹⁰ ЕфКбЭй — от тебя почтения ⁹¹ Ан; Б. . . Пд — молодого ⁹² УвГиВрЧкТх *нет*; Пд *доб.* с ⁹³ Ан; Б. . . Пд — Надеюся; Еф — Надеюсь ⁹⁴ Ми — своего ⁹⁵ В — оного; Д *испр.* оных ⁹⁶ МиЕфКбЭй — во ⁹⁷ АнРг; Б. . . Пд — наложенных ⁹⁸ Ан — отсутствуемы *испр.* отсутственны; Б. . . Пд — отсутственны

мой барин в радости увидеть⁹⁹ своего родителя, а я, признаюсь, ласкаюсь¹⁰⁰ пользоваться сделанным мне обещанием. Сердце трепетало, вступая опять в пределы¹⁰¹ отечества моего¹⁰¹. И поистине предчувствие его было не ложно. В Риге молодой мой господин получил известие о смерти своего отца. Он был оною тронут, я² приведен в отчаяние. Ибо все мои старания³ приобрести дружбу и доверенность молодого моего барина⁴ всегда были тщетны. ⁵Он толико⁵ меня не любил, из зависти, может быть, тесным душам свойственной⁶.

Приметив мое смятение, известием о⁷ смерти его отца произведенное, он мне сказал, что ⁸обещание отца своего в рассуждении меня⁸ не позабудет, если я того буду достоин. В первый раз он осмелился мне сие сказать, ибо, получив свободу смертию своего отца, он в Риге же⁹ отпустил своего надзирателя, заплатив ему за труды его щедро. Справедливость надлежит отдать бывшему моему господину, что он много имеет хороших качеств, но робость духа и легкомыслие¹⁰ оные помрачают.

Чрез неделю после нашего в Москву приезда бывший мой господин влюбился в изрядную лицом девицу, но которая с красотой телесною соединяла скарденнейшую душу и сердце жестокое и суровое. Воспитана¹¹ в надменности своего происхождения, отличности почитала только внешность природы¹², знатность¹³, богатство. Чрез два месяца она стала супруга моего барина и моя повелительница. До того времени я не чувствовал перемены в моем состоянии, жил в доме господина моего как его сотоварищ. Хотя он мне ничего не приказывал, но я предупреждал ¹⁴его иногда¹⁴ желанием¹⁵, чувствуя его власть и мою участь. Едва молодая госпожа преступила¹⁶ порог дому, в котором она определялась¹⁷ начальствовать, как я почувствовал тягость моего жребия. Первой вечер по свадьбе и¹⁸ следующий день, в которой я ей представлен был ¹⁹супругом ее как его сотоварищ¹⁹, она занята была обыкновенными заботами нового супружества; но ввечеру, когда при довольно многолюдном собрании пришли все к столу и сели за ²⁰ужин, первой²⁰ у новобрачных, и я, по обыкновению своему²¹, сел на моем месте на нижнем конце, то новая госпожа сказала довольно громко своему мужу: если он хочет, чтоб она сидела за столом с гостями, то бы холопей за оной не сажал. Он, взглянув²² на меня и движим²³ уже ею, прислал ко²⁴ мне сказать, чтобы²⁵ из-за стола вышел и ужи-

⁹⁹ Ан — увидев *испр.* увидеть; Б. . . Пд — видеть; КбЭй — видит ¹⁰⁰ Ан *ЕфКбЭйРг*; Б. . . Пд — ласкался

¹⁰¹⁻¹ *испр.*; Ан — общества моего; Б. . . Пд — моего отечества ² БВГш — и ³ КЛМуВрРг — старания ⁴ Рг — боярина ⁵⁻⁵ Ан; Б. . . Пд — Он не только ⁶ Ан; Б. . . Пд — свойственной, но (Рг — но и) ненавидел ⁷ АнДЕфКбЭйРг; Б. . . Пд *нет* ⁸⁻⁸ Ан; Б. . . Пд — сделанное мне обещание ⁹ *ЕфКбЭй* — ж ¹⁰ *ЕфКбЭй* — легкомыслия ¹¹ Ан — Воспитана *испр.* Воспитанная; Б. . . Пд — Воспитанная ¹² Ан; Б. . . Пд *нет* ¹³ *Еф* *нет* ¹⁴⁻¹⁴ АнДЕфКбЭй; Б. . . Пд — иногда его ¹⁵ КЛМуВрРг — желания ¹⁶ Ан; Б. . . Пд — преступила ¹⁷ АнДРг; Б. . . Пд — определялась; *ЕфКбЭй* — определилась; Гш — определялось ¹⁸ *ЕфКбЭй* — и в ¹⁹⁻¹⁹ Ми — как сотоварищ ее супруга ²⁰⁻²⁰ Ан — ужин, первой *испр.* первой ужин; Б. . . Пд — первой ужин ²¹ Ан — своему *испр.* моему; Б. . . Пд — моему ²² МиЕф. . . Пд — взглянул ²³ Ан — движим ²⁴ *ЕфКбЭй* *нет* ²⁵ Ан; Б. . . Пд — чтобы я

нал бы в своей горнице. Вообразите²⁶, колико²⁷ чувствительно мне²⁷ было сие уничтожение²⁸. Я, скрыв, однако же, пеступающие²⁹ из глаз моих слезы, удалился. На другой день³⁰ не смел³⁰ показаться. Не наведываясь обо мне, принесли мне обед мой³¹ и³² ужин. ³³То же было и в следующие дни³³. Чрез³⁴ неделю после свадьбы, в один день после обеда, новая госпожа, осматривая дом и распределяя³⁵ служителям должности³⁵ и жилище³⁶, зашла³⁷ в мои комнаты. Они еще³⁸ для меня уготованы³⁹ старым моим барином. — Меня не было дома. — Не повторю то⁴⁰, что она говорила, будучи в оных, мне в посмеяние, но, возвратясь домой, мне сказали ее приказ, что мне отведен угол⁴¹ в нижнем этаже, с холостыми официантами⁴², где моя постель⁴³, сундук с платьем и бельем⁴⁴ поставлены; все прочее она оставила в прежних моих комнатах, в коих поместила своих девок.

Что в душе моей происходило, слыша сие, удобнее чувствовать, если кто может, нежели описать. Но, дабы не занимать⁴⁵ вас⁴⁶ излишним, может быть, повествованием: госпожа моя, вступив в управление дома⁴⁷ и не находя во мне способности к услуге, поверстала меня в лакеи и надела⁴⁸ меня ливрею⁴⁹. Малейшее мнимое упущение⁵⁰ сея должности влекло за собою пощечины⁵¹, батожье⁵², кошки. О, государь мой, лучше, ⁵³если бы я не родился⁵³! Коликократно⁵⁴ негодовал я на умершего моего благодетеля, что дал мне душу на чувствование. Лучше бы мне⁵⁵ было возрасти⁵⁶ в невежестве, не думав никогда, что есмь⁵⁷ человек, всем другим равный. Давно бы, ⁵⁸давно бы⁵⁸ избавил себя ненавистной мне жизни, если бы не удерживало прещение высшего над всеми судии⁵⁹. Я определил себя сносить жребий мой терпеливо⁶⁰. И сносил не токмо⁶¹ уязвления телесные, но и те, ⁶²коиими она уязвляла⁶² ⁶³и душу мою⁶³. Но едва не преступил я своего обета и не отъял⁶⁴ у себя ⁶⁵томные остатки⁶⁵ плачевного жития при случившемся новом души уязвлении. Племянник моей барыни⁶⁶, молодец осмнадцати лет, сержант гвардии, воспитанный во вкусе московских щегольков⁶⁷, влюбился в горнишную девку своей тетушки и, скоро овладев опытною ее горячностью, сделал ее матерью. Сколь⁶⁸ он ни решителен был

²⁶ *ЕфКбЭй* — Вообрази ^{27–27} *ЕфКбЭй* — мне чувствительно ²⁸ *ЕфКбЭй* — уничтожение ²⁹ *ЕфКбЭй* — испускающие ^{30–30} *Ан* — я не смел *испр.* не смел я; *Б. . . Пд* — не смел я ³¹ *АнДЕфКбЭйРг*; *Б. . . Пд* *нет* ³² *ЕфКбЭй* *нет* ³³ *ЕфКбЭй* *нет* ³⁴ *В* — Через ^{35–35} *ЕфКбЭй* — служащим должности ³⁶ *Ан. . . Пд*; *БВД* — жилища ³⁷ *ЕфКбЭй* — взшла ³⁸ *Ан*; *Б. . . Пд* *нет* ³⁹ *Ан*; *Б. . . Пд* — уготованы были ⁴⁰ *АнПд*; *Б. . . Рг* — того ⁴¹ *ЕфКбЭй* *нет* ⁴² *БВ* — официантами; *Ми* — афициантами; *Рг* — официантами; *КбПд* — афициантами ⁴³ *МиЕфКбЭй* — постель ⁴⁴ *Ан*; *Б. . . Пд* — бельем уже ⁴⁵ *В* — занять ⁴⁶ *Б* — вам ⁴⁷ *ЕфКбЭй* — дому ⁴⁸ *Ан* — надела *доб. на*; *Б. . . Пд* — надела на ⁴⁹ *Ан*; *Б. . . Пд* — ливрею ⁵⁰ *УвВрЧкПд* — опущение ⁵¹ *Ан* — пощечины ⁵² *Ми* — батожье и; *ЕфКбЭй* — батожья и ^{53–53} *Ан* — если бы я не родился *испр.* бы мне не родиться; *Б. . . Пд* — бы мне не родиться ⁵⁴ *Ан* — Коликократно *испр.* Коликократно; *Б. . . Пд* — Колико крат ⁵⁵ *АнДЕфКбЭйРг*; *Б. . . Пд* *нет* ⁵⁶ *БВГш* — возрасты; *Рг* — возрасты ⁵⁷ *ВМиЕфКбЭй* — есть; *ГшТх* — есьм ^{58–58} *Ан*; *Б. . . Пд* *нет* ⁵⁹ *Б* — судия ⁶⁰ *БВГшПд* — терпеливно ⁶¹ *ЕфКбЭйРг* — только ^{62–62} *Ми* — кои уязвляли ^{63–63} *Ан*; *БВ* — душу; *Ув. . . Пд* — мою душу ⁶⁴ *МиЕфКбЭйРг* — отнял ^{65–65} *ВУвГш* — томные остатка ⁶⁶ *Б* — барани ⁶⁷ *ЕфКбЭй* — щеголих ⁶⁸ *БВРг* — Сколькo

в своих любовных делах, но при сем происшествии несколько смутился⁶⁹. Ибо тетюшка его, узнав о сем, запретила вход к себе своей горнишной, а племянника побранила слегка. По обыкновению милосердных господ, она намерилась наказать ту, которую жаловала прежде, выдав ее за конюха замуж. Но как все⁷⁰ они были уже⁷⁰ женаты, а беременной для славы дома⁷¹ надобен был муж, то хуже меня из всех служителей не нашли⁷². И о сем госпожа моя в присутствии своего супруга мне возвестила⁷³ яко отменную мне милость. Не мог я более терпеть поругания. — Бесчеловечная женщина! во власти твоей состоит меня мучить и уязвлять мое тело; говорите вы, что законы дают⁷⁴ вам над нами сие право. Я и сему мало верю; но то твердо знаю, что вступать в брак никто принужден быть не может. — Слова мои произвели в ней зверское молчание. Обратись⁷⁵ потом к супругу ее: — Неблагодарный сын твоего⁷⁶ человеколюбивого родителя, ⁷⁷забыл ты⁷⁷ его завещание, забыл⁷⁸ и⁷⁹ свое изречение; но не доводи до отчаяния души, твоя благороднейшей. . . Страшись. . . — Более сказать я не мог, ибо по повелению госпожи моей отведен был на конюшню и сечен нещадно кошками. На другой день, едва я мог встать от побоев с ⁸⁰одра⁸¹ моего, как⁸⁰ паки приведен был пред госпожу свою⁸². — Я тебе⁸³ прощу, — говорила она, — ⁸⁴твою вчерашнюю дерзость; женись⁸⁴ на моей Маврушке⁸⁵, она тебя просит, и я, любя⁸⁶ ее в самом ее преступлении, хочу ⁸⁷это для нее⁸⁷ сделать. — Мой ответ, — сказал я ей, — вы слышали⁸⁸ вчера, другого не имею. Присовокуплю только то, что просить на вас будут начальство в принуждении меня к тому, к чему не имеете права. — Ну, так пора в солдаты, — вскричала яростно⁸⁹ моя госпожа, — ⁹⁰сведите его опять на конюшню⁹⁰. — Потерявший путешественник ⁹¹в страшной пустыне⁹¹ свою стезю меньше⁹² обрадуется, сыскав опять оную, нежели обрадован был я, услышав⁹³ сии слова. — В солдаты, — повторила она, — и на другой день то было⁹⁴ исполнено. — Несмысленная! она думала, что так⁹⁵, как и поселянам, поступление в солдаты есть наказание. Мне ⁹⁶было то⁹⁶ отрада, и как скоро мне выбрили⁹⁷ лоб, то я почувствовал, что я переродился. Силы мои обновилась⁹⁸. Разум и дух паки начали действовать. О! надежда, сладостное несчастному чувство⁹⁹, пребуди во мне! — Слеза тяжкая, но не слеза горести и отчаяния иступила²⁰⁰ из очей его. — Я прижал его к сердцу своему²⁰¹. Лице его новым озарилось² веселием. — Не все еще исчезло; ты вооружаешь душу мою, —

⁶⁹ *Еф* — смутило ⁷⁰⁻⁷⁰ *ЕфК6Эй* — были они ⁷¹ *В* — даму; *ЕфК6Эй* нет ⁷² *АнРг*; *Б*. . . *Пд* — нашла ⁷³ *ЕфК6Эй* — известила ⁷⁴ *ЕфК6Эй* — делают ⁷⁵ *Рг* — оборотись ⁷⁶ *Ан*; *Б*. . . *Пд* нет ⁷⁷⁻⁷⁷ *ЕфК6Эй* — забыв то ⁷⁸ *ЕфК6Эй* — забыв ⁷⁹ *ВВ* нет; *Д* доб. и ⁸⁰⁻⁸⁰ *Ан*; *Б*. . . *Пд* — постели, и ⁸¹ *Ан* — ведра испр. одра ⁸² *Ан*; *Б*. . . *Пд* — мою ⁸³ *Ми* — тебя ⁸⁴⁻⁸⁴ *Ми* — если женился ⁸⁵ *Рг* — Мавруше ⁸⁶ *КлЕфК6Эй* — люблю ⁸⁷⁻⁸⁷ *ЕфК6Эй* — для нес это ⁸⁸ *ЕфК6Эй* — слушали ⁸⁹ *Ан* — яростная испр. яростно; *ЕфК6Эй* — яростная ⁹⁰⁻⁹⁰ *Ан*; *Б*. . . *Пд* нет ⁹¹⁻⁹¹ *ЕфК6Эй* — страшной пустыни ⁹² *ЕфК6Эй* — не так ⁹³ *ЕфК6Эй* — слышав ⁹⁴ *ВВДМиЕфК6ЭйРг*; *Ан*. . . *Пд* — бы ⁹⁵ *ЕфК6Эй* нет ⁹⁶⁻⁹⁶ *ЕфК6Эй* — была ⁹⁷ *ГшЧкТхПд* — выбрила ⁹⁸ *Б* — обновлялись ⁹⁹ *ЕфЭй* — чувствую; *Кб* — чувствованию ²⁰⁰ *ЕфК6Эй* — испустилась

²⁰¹ *Ан* — своему испр. моему; *Б*. . . *Пд* — моему ² *ЕфК6ЭйРг* — озарилосся

вещал он мне, — против скорби, дав чувствовать мне, что бедствие мое не бесконечно. . .

³В. Преподавать учение рабам, кажется, надлежит по человечеству. Но следствия того⁴ горьки^{5, 3}.

От сего несчастного я подошел к толпе, среди которой увидел трех скованных человек крепчайшими железами⁶. — Удивления достойно, — сказал я сам себе, взирая на сих узников, — теперь унылы, томны, робки, не токмо⁷ не⁸ желают быть воинами, но нужна⁹ даже наивеличайшая¹⁰ жестокость, дабы вместить их в сие состояние; но, обыкнув в сем тяжком во¹¹ исполнении звании¹², становятся бодр¹³, предприимчивы, гнушаяся¹⁴ даже прежнего своего состояния. ¹⁵Из сего можно познавать дух россиянина и чем он движим быть может. О правители! коликратно вы его не исполняете¹⁵. Я спросил у одного близстоящего, которой по одежде своей приказным служителем быть казался: — Конечно, боясь¹⁶ их побегу, заключили¹⁷ их в толь¹⁸ тяжкие оковы? — Вы отгадали, ¹⁹государь мой¹⁹. Они принадлежали здешнему²⁰ помещику, которому зандобилися деньги на новую карету, и для получения оной он²¹ продал их²² для отдачи в рекруты ²³казенным крестьянам²³.

— Мой²⁴ друг, ты ошибаешься, казенные крестьяне покупать не могут своей братии²⁵.

— Не²⁶ продажею оно и делается. Господин сих несчастных, взяв по договору деньги, отпускает их на волю; они²⁷ будто по желанию приписываются в государственные крестьяне ²⁸к той волости, которая за них платила деньги, а волость по общему приговору отдает их в солдаты. Их везут теперь с отпускными для приписания в нашу волость.

Вольные люди, ничего не преступившие²⁹, в оковах³⁰! О законы! премудрость ваша часто бывает только в вашем³¹ слоге! Не ³²явное ли се вам³² посмеяние? Но паче еще того посмеяние священного имени вольности. О, если бы рабы, тяжкими узами отягченные, ярясь³³ в отчаянии своем, разбив³⁴ железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих³⁵ господ и кровию нашею обагрив³⁶ нивы ³⁷своя, мозгом нашим³⁷, — что бы тем потеряло государство? Скоро бы из

³⁻³ Ан; Б. . . Пд нет ⁴ Ан — того испр. бывают ⁵ Ан — горки испр. горьки
⁶ Рг — узами ⁷ ЕфКбЭй — только ⁸ Ан — токмо доб. не ⁹ Ан — по доб. нужна ¹⁰ Ан; Б. . . Пд — величайшая ¹¹ В нет; УвЧкД — в ¹² Анд — звания испр. звания; Б УвГшЧкРпД — звания; ВКлМиВрТх — звания; ЕфКбЭй — знаке
¹³ УвГшКлМиТхПд — добры ¹⁴ АнРг; Б. . . Пд — гнушаются; ЕфКбЭй — гнушаясь ¹⁵⁻¹⁵ Ан — Из сего. . . исполняете зач.; Б. . . Пд нет ¹⁶ В — боясь
¹⁷ УвГшКлВрТхПд — заключали ¹⁸ АнВрЕфКбЭйРг; Б. . . Пд — столь
¹⁹⁻¹⁹ Ан — государь мой зач.; Б. . . Пд нет ²⁰ Ан — здешнему испр. одному; Б. . . Пд — одному ²¹ ЕфКбЭй нет ²² ЕфКбЭй нет ²³⁻²³ ЕфКбЭй — казенных крестьян ²⁴ Ан — Мой испр. Я.) Мой; Б. . . Пд — Я.) Мой ²⁵ Еф — братья ²⁶ Ан — Не испр. Он.) Не; Б. . . Пд — Он.) Не ²⁷ В — а они
²⁸ УвКлВрЧкТхПд — в ²⁹ ЕфКбЭй — проступившие ³⁰ Ан — оковах доб. в тексте знак +, на поле + продаются как скоты; Б. . . Пд — оковах, продаются как скоты!
³¹ ЕфКбЭй — нашем ³²⁻³² ЕфКбЭй — явно ли вам сие ³³ ВЕфКбЭй — ярясь ³⁴ Ан; Б. . . Пд — разбили ³⁵ Кл — ваших; ЕфКбЭй нет ³⁶ Ан; Б. . . Пд — обагривли ³⁷⁻³⁷ Ан; Б. . . Пд — свои

среды их исторгнулись великие мужи для заступления избитого племени, но были бы³⁸ других о себе мыслей и права угнетения лишены³⁹. — Не мечта сие, но взор пронизает густую запову⁴⁰ времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие. — С негодованием отошел и от толпы.

Но склепанные узники теперь вольны. Если бы хотя немного имели твердости, утщетили⁴¹ удручительные помыслы своих тиранов. . . Возвратимся⁴². . . — Друзья мои, — сказал я ⁴³пребывающим в отчаянии⁴³ пленникам в ⁴⁴отечестве своем⁴⁴, — ведаете ли вы, что, если вы сами не желаете вступить в воинское⁴⁵ звание, никто ⁴⁶к тому вас⁴⁶ принудить не может? — Перестань, барин, шутить над горькими людьми. И без твоей⁴⁷ шутки больно было расставаться одному с дряхлым отцем, другому с малолетними сестрами, третьему с молодою женою. Мы⁴⁸ знаем, что господин нас продал для отдачи в рекруты за тысячу рублей. — Если вы⁴⁹ до сего времени не ведали, то ведайте, что в рекруты продавать⁵⁰ людей запрещается; что крестьяне людей покупать не могут; что вам от барина дана отпуская; и что вас покушники ваши хотят приписать в свою волость, будто по вашей воле. — О, если так, барин, то спасибо тебе; когда нас поставят в меру, то все скажем, что мы в солдаты не хотим и что мы вольные люди. — Прибавьте к тому, что вас⁵¹ продал ваш⁵² господин⁵³ и что отдают вас насильным образом⁵⁴. — Легко себе⁵⁵ вообразить можно радость, распростершуюся на лицах сих несчастных. Вспрынув⁵⁶ от своего места и бодро потрясая свои оковы, казалось, что испытывают свои силы, как бы их свергнуть. Но разговор сей ввел было меня в великие хлопоты. Отдатчики рекрутские, выразумев⁵⁷ мои⁵⁸ речи⁵⁹, воспаленные гневом, прискочив ко мне, говорили: — Барин, не в свое мешаешься дело, отойди, пока сух, — и, сопротивляющегося⁶⁰, начали меня толкать столь сильно, что я с поспешностию принужден был удалиться от сея толпы.

Подходя к почтовому двору, нашел я еще собрание поселян, окружающих человека в раздранном⁶¹ сертуке, несколько, казалось⁶², пьяного⁶³, кривляющегося⁶⁴ на предстоящих, которые, глядя на него, хохотали до слез. — Что тут за чудо? — спросил я⁶⁵ одного мальчика, — чему вы смеетесь⁶⁶? — А вот рекрут иноземец, по-русски не умеет пикнуть. —

³⁸ АнКл; Б. . . Пд — бы они ³⁹ Б. . . Пд; Ан — лишены *испр.* лишены
⁴⁰ Ан — запову *испр.* завесу; Б. . . Пд — завесу ⁴¹ Ан — утщестили *доб.* бы; Б. . . Пд — утщестили бы; ЕфКБЭй — отщетили бы ⁴² Ми — Воротись ⁴³⁻⁴³ Ан; Б. . . Пд *нет* ⁴⁴⁻⁴⁴ БВЕфКБЭй — отчество свое; Д *испр.* отчество свое ⁴⁵ БВ — военное ⁴⁶⁻⁴⁶ Ан; БВ — вас теперь; ЕфКБЭй — теперь вас; Ув. . . Пд — к тому вас теперь ⁴⁷ Ми — твоея ⁴⁸ ЕфКБЭй — а мы ⁴⁹ ГшМи — бы; Кл *нет* ⁵⁰ АнБВЕфКБЭйРг; Ув. . . Пд — продать; Чк — продать *испр.* продавать ⁵¹ БВ *нет* ⁵² Рг *нет* ⁵³ Ан; Б. . . Пд — господин не в указанное время ⁵⁴ Ан; Б. . . Пд — образом *, *внизу примечание ** Во время рекрутского набора запрещается в продаже крестьян совершать купчие (БВДМиРг; Ув. . . Эй — купчий; КлПд — купчий) ⁵⁵ АнМиЕфКБЭйРг; Б. . . Пд *нет* ⁵⁶ Ан; Б. . . Пд — Воспрынув ⁵⁷ БВ; Кл. . . Пд — вразумев; Ув — вразумев в; Гш — в разуме в ⁵⁸ Б. . . Пд; ДЕфКБЭй — мой; Рг — мою ⁵⁹ Рг — речь ⁶⁰ ГшВр — сопротивляющегося ⁶¹ Б. . . Пд; ВДРг — раздранном ⁶² БВ; Ув. . . Пд — казался; Ми *нет*; Рг — казалась ⁶³ Чк — пьяного вида; Тх — пьяным; Рг *нет* ⁶⁴ Ув. . . Пд; БВ — кривляющегося ⁶⁵ Б. . . Пд; Гш *нет*; ДЕфКБЭйРг — я у ⁶⁶ ЕфКБЭйРг — смеетесь

Из редких⁶⁷ слов, им⁶⁸ изреченных, узнал я, что он был француз. Любопытство мое паче возбудилось⁶⁹, ⁷⁰и я⁷⁰ желал узнать, как иностранец мог отдаваем быть в рекруты крестьянами? Я спросил его на сродном ему языке: — Мой друг! какими судьбами ты здесь находишься?

— Судьбе⁷¹ так захотелось⁷²: где хорошо, тут и жить должно.

— Да как⁷³ ты попался в рекруты?

— Я люблю воинскую жизнь, мне она уже известна. Я сам захотел.

— Но как то случилось⁷⁴, что тебя отдают⁷⁵? — Из деревень берут в солдаты обыкновенно одних крестьян и русских, а ты⁷⁶ не мужик и не русский.

— А вот как. Я в Париже с ребячества учился парикмахерству⁷⁷, Выехал в Россию с одним знатым⁷⁸ господином. Чесал ему волосы в Петербурге целой год. Ему мне заплатить⁷⁹ было нечем. Я, оставив⁸⁰ его, не нашед⁸¹ места⁸², чуть не умер с голоду. По счастью, мог попасть в матросы⁸³ на корабль, идущий под российским флагом. Прежде отправления в море приведен я к присяге как российской подданной и отправился в Любек. На море часто корабельщик бил меня леньком⁸⁴ за то, что был ⁸⁵ленлив. По⁸⁵ неосторожности моей упал с вантов⁸⁶ на палубу и выломил себе три пальца, что меня навсегда, сделало неспособным управлять гребнем. Приехав в Любек, попался прусским наборщикам и служил в разных полках⁸⁷. Нередко за леность и пьянство бит был палками. Заколов, будучи пьяной⁸⁸, своего товарища, ушел из Мемеля, где я находился в гарнизоне. Вспомнил ⁸⁹я, что⁸⁹ обязан ⁹⁰в России присягою⁹⁰, и, яко верной сын отечества, отправился в Ригу с двумя талерами в кармане. Дорогою питался я⁹¹ милостынею. В Риге счастье ⁹²мое и искусство⁹² мне послужило⁹³; выиграл в шинке рублей с двадцать денег⁹⁴ ⁹⁵и, купив⁹⁵ себе за десять изрядной кафтап, отправился лакеем с казанским купцом в Казань. Но, проезжая Москву, ⁹⁶встретил я⁹⁶ на улице ⁹⁷двух своих земляков⁹⁷, которые советовали⁹⁸ мне оставить хозяина и искать в Москве учительского места. Я им сказал, что худо читать умею. Но они мне отвечали: — Ты говоришь по-французски, то и того довольноно. — Хозяин мой не

⁶⁷ *ВВ* — редких ⁶⁸ *ЕфКбЭй* нет ⁶⁹ *Б. . . Пд*; *ДЕфКбЭй* — возбудилось 70-70 *ВВРг*; *Ув. . . Пд* — и; *ЕфКбЭй* — я ⁷¹ *испр. по аналогии с вышеприведенным первичным текстом Ан (с. 292) начала пяти абзацев реплик; Б. . . Пд* — Француз.) Судьбе; Я.) Да как; Француз.) Я люблю; Я.) Но как то; Француз.) А вот ⁷² *ВВРг*; *Ув. . . Пд* — захотелось ⁷³ *Рг* — как же ⁷⁴ *Рг* — случилось ⁷⁵ *Б. . . Пд*; *ДЕфКбЭйРг* — отдают из деревни в рекруты? ⁷⁶ *ВВ*; *Ув. . . Пд* — ты, я вижу ⁷⁷ *ВУвГшПд* — парикмахерству; *Д* — парикмахерству *испр.* перукмахерству ⁷⁸ *Ан* — знатым *зач.*; *Б. . . Пд* нет ⁷⁹ *Ан* — заплатить ⁸⁰ *ЕфКбЭйРг* — оставил ⁸¹ *В* — нашел ⁸² *В* — места и ⁸³ *Ан. . . Пд*; *ДРг* — матросы ⁸⁴ *Ан* — леньком *испр.* линьком; *Б. . . Тх* — леньком; *ГшМиЕф. . . ПдД* — леньком ⁸⁵⁻⁸⁵ *В* — ленив. Однажды полез я на мачту и по ⁸⁶ *Ан* — *доб. в продел* вантов ⁸⁷ *В* — полках, где; *Еф* — почтах ⁸⁸ *Кл* — пьян ⁸⁹⁻⁸⁹ *Ан*; *Б. . . Пд* — что я ⁹⁰⁻⁹⁰ *ЕфКбЭй* — присягою в России ⁹¹ *Ан*; *Б. . . Пд* нет ⁹²⁻⁹² *Ан* — мое и искусство *испр.* и искусство мое; *Б. . . Пд* — и искусство мое; *КлРг* — и искусство ⁹³ *Ан* — послужило *испр.* послужили; *Б. . . Пд* — послужили ⁹⁴ *Ан*; *Б. . . Пд* нет ⁹⁵⁻⁹⁵ *Ан* — и купил *испр.* и купив; *Кл* — искупив; *ЕфКбЭй* — искупил ⁹⁶⁻⁹⁶ *Ан*; *Б. . . Пд* — встретился ⁹⁷⁻⁹⁷ *Ан*; *Б. . . Пд* — с двумя моими (*ЕфКбЭй* нет) земляками ⁹⁸ *Ан* — советовали

видал, как я на улице от него удалился; он продолжал путь свой, а я остался в Москве. Скоро мне земляки мои нашли учительское место за сто пятьдесят рублей, пуд сахару, пуд кафе⁹⁹, десять фунтов чаю в год, стол, слуга и карета.³⁰⁰ Но жить надлежало в деревне. Тем лучше³⁰⁰. Там целой год не знали, что я писать не умею. Но какой-то сват³⁰¹ моего хозяина¹, у которого я жил, открыл ему мою тайну, и меня свезли в Москву обратно. Не нашел другого подобного сему дурака², не могли отправлять мое ремесло³ с изломанными пальцами и⁴ боясь умереть с голоду, я продал себя за двести рублей. Меня записали в⁵ крестьяне и отдают в рекруты. Надеюсь, — говорил⁶ важным видом, — что сколь скоро будет война, то⁷ заслужу крест георгиевской⁷; а не будет войны⁸, набью карман⁹ (коли можно) и, увенчан лаврами, отъеду на покой в Лангедок¹⁰, мое отечество. Пожал¹¹ я плечами, ¹²слушав сего бродягу, не один раз¹² ¹³и с¹³ уязвленным сердцем лег в кибитку, ¹⁴которая с¹⁵ свежими лошадьми ко мне подъехала¹⁴, отправился¹⁶ в путь.

ЗАВИДОВО

Лошади мои¹ почти уже были¹ впряжены, и за сто верст хотя от Москвы, но² я помышлял уже³, где мне, приехав⁴ в нее⁴, пристать можно будет; рассматривая, что полезнее и почтительнее для меня быть может, въехать на почтовой двор в Ямской или во французской трактир; с которого конца начать в Москве мое пребывание: начать ли скакать по улицам сломя голову и, заезжая на каждой знакомой двор, оставлять изображенное на карте знамение моего имени; или объездить все соборы, церкви, часовни, где есть мощи и образа, поставить по свечке и отпеть по молебну; или явиться прежде всего в управу благочиния, дабы поскорее узнали в городе чрез газеты, что я прибыл в столичный город; ⁵в сем последнем я ошибся⁶, ибо по имени означену быть в газетах надлежит принадлежать к первым пяти классам; а я, будучи не пятиклассной, был бы означен просто цифирью, а как изображение⁷ их есть арабское, то арабской язык будучи мало в Москве известен, никто бы под цифирью не узнал, что газетчик араб-

⁹⁹ *Ан*; *Б*. . . *Лд* — кофейю; *Д Е ф К б Э й Р г* — кофе ³⁰⁰⁻³⁰⁰ *Р г* нет
³⁰¹⁻¹ *Ан*; *Б*. . . *Лд* — того господина ² *В* — дурака и ³ *Ан*; *Б*. . . *Лд* — ремесло ⁴ *В* — а ⁵ *В* нет ⁶ *Ан* — говорил *доб.* он; *Б*. . . *Лд* — говорил он
⁷⁻⁷ *Ан*; *Б*. . . *Лд* — дослужуся (*В Ми* — дослужусь) до генеральского чина ⁸ *Ан*;
Б. . . *Лд* — войны, то ⁹ *Е ф К б Э й* — карманы ¹⁰ *Ан* — Лангедок *зач.*; *Б*. . . *Лд* нет
¹¹ *Е ф Е б Э й* — Пожав ¹²⁻¹² *Ан* — слушав сего бродягу, не один раз *испр.*
не один раз, слушав сего бродягу; *Б*. . . *Лд* — не один раз, слушав сего бродягу
¹³⁻¹³ *В р Ч н Т х* — из; *Лд* — ис ¹⁴⁻¹⁴ *Ан* — которая . . . подъехала *зач.*; *Б*. . . *Лд* не
¹⁵ *Ан* — с *испр.* со ¹⁶ *Е ф К б Э й Р г* — и отправился
¹⁻¹ *Ан* — почти уже были *испр.* были уже почти ² *Ан* — но *зач.* ³ *Ан* — уже *зач.*
⁴⁻⁴ *Ан* — в нее *зач.* ⁵⁻⁵ *Ан* — в сем последнем . . . разумет *зач.*
⁶ *Ан* — ошибся *испр.* ошибался ⁷ *Ан* — изображение *доб.* цифирью и *зач.*

скою иероглифою меня разумеет⁵. Но из ⁸размышления моего⁸ (. . .)⁹
¹⁰(вывел меня сделавшийся вдруг)¹⁰ на улице великий шум. Люди начали
 бегать из края в край по деревне. На улице видел я воина в гранадерской¹¹
 шапке, гордо расхаживающего и, держа поднятую¹² плеть, кричащего¹³: —
 Лошадей скорее¹⁴. Где староста? Его сиятельство¹⁵ будет здесь через¹⁶
 минуту. Подай мне старосту. . . — Сняв шляпу¹⁷ за сто шагов, староста
 бежал во всю прыть на сделанной ему позыв. — Лошадей скорее¹⁸. —
 Тотчас, батюшка! пожалуйте подорожную. — На. Да скорее¹⁹ же, а то
 я тебя! . . . — говорил он, поднимая плеть над головою дрожащего старосты.
 Недоконченная сия речь столь же была выражения исполнена, как у²⁰
 Виргилия в «Энеиде»²¹ речь Эола²² к ветрам: «Я вас! . . .» — и, уstraшен-
 ной²³ видом плети властновелительного²⁴ гранадера²⁵, староста²⁶ столь же
 живо ощущал мощь²⁷ дёсны грозящего воина, как бунтующие ветры
 ощущали над собою власть сильной Эоловой строги²⁸. Возвращая новому
 Полкану подорожную, староста говорил: — Его сиятельству²⁹ с честною³⁰
 его фамилиею³¹ потребно пятьдесят лошадей, а у нас только тридцать на-
 лицо, другие в разгоне. — Роди, старой черт! А не будет лошадей, то тебя
 изуродую³². — Да где же³³ взять, коли взять негде? — Разговорился
 еще. . . А вот лошади у меня будут. . . — ³⁴и, схватя³⁴ старика за бороду,
 начал его бить по плечам плетью³⁵ нещадно. — Полно ли с тебя? Да вот
 три свежие, — говорил³⁶ строгий судья³⁷ ямского стана, указывая³⁸
 на впряженных в мою повозку. — Выпряги их для нас. — Коли барин-то³⁹
 их отдаст. . . — Как бы он не отдал, у меня и ему то же достанется. Да кто
 он таков? — Невесть⁴⁰ какой-то. . . — как он⁴¹ меня величал, того не знаю.

Между тем я, вышед⁴² на улицу, воспретил⁴³ храброму предтече его
 сиятельства⁴⁴ исполнить его намерение и, выпрягая из повозки моей
 лошадей, меня заставить⁴⁵ ночевать в почтовой избе,

⁸⁻⁸ Ан — размышления моего *испр.* размышлений моих ⁹ Ан — *зач. все от первого слова главы, далее листа нет; начало главы в Б. . . Пд* — Лошади были уже впряжены в кибитку, и я приготовился (*ДЕФКБЭЙРг* — приготовлялся) к (*ЧКТХПД* — ко) отъезду, как вдруг сделался ¹⁰⁻¹⁰ искусственный текст для соединения *ценаурной* редакции Ан с последующим текстом Б. . . Пд ¹¹ КЛМи — гранадерской ¹² В — подняту ¹³ ЕФКБЭЙ — кричавшего ¹⁴ Б. . . Пд; ВРЧКРг — скорей; Д — скорее *испр.* скорей ¹⁵ *испр.* в соответствии с текстом *уцелевшего* листа «Завидова» в Ан; Б. . . Пд — превосходительство ¹⁶ БВ; Ув. . . Пд — чрез ¹⁷ ГШЕФКБЭЙ — шапку ¹⁸ Б. . . Пд; Д — скорее *испр.* скорей; Рг — скорей ¹⁹ Б. . . Пд; Д — скорее *испр.* скорей; ЕФРг — скорей; КБЭЙ — скорей ²⁰ ГШЕФКБЭЙ — и ²¹ В — Генеиде ²² В — гола; Гш — голи ²³ БВД; Ув. . . Пд — сокращенной ²⁴ БВГШПд; Ув. . . Рг — властновелительного; Д — властительного (?) *испр.* властоповелительного ²⁵ КЛМи — гранадера ²⁶ Еф нет ²⁷ ЕФКБЭЙ — мышц ²⁸ БВ; Ув. . . Пд — остроги; ЕФКБЭЙ — остроге ²⁹ *испр.*; Б. . . Пд — превосходительству ³⁰ ЕФКБЭЙ — честию ³¹ Б. . . Пд; Рг — фамилией; Д *испр.* фамилиею *испр.* фамилией ³² КЛЧж — изуродую; ЭЙ — изуродаю ³³ ЕФКБЭЙ — ж ³⁴⁻³⁴ ВРТХПд — из хватя ³⁵ ЕФКБЭЙ — плетью и ³⁶ Ми — сказал ³⁷ КЛЕФКБЭЙРг — судия ³⁸ ЕФКБЭЙ — сказывая ³⁹ Б. . . Пд; ДЕФКБЭЙРг — барин-та ⁴⁰ В — не всть ⁴¹ ЕФКБЭЙ нет ⁴² МиРг — вышел ⁴³ ЕФКБЭЙ — встретил ⁴⁴ *испр.*; Б. . . Пд — превосходительства ⁴⁵ Ув — заставить *испр.* заставил; МиЕФКБЭЙ — заставил

Спор мой с гвардейским⁴⁶ Полканом прерван был приездом его сиятельства⁴⁴. Еще издали слышен был крик повозчиков и топот лошадей, скачущих во всю мочь. Частое биение копыт и зрению⁴⁷ уже неприметное обращение колес подымающеюся пылью толико сгустили воздух, что колесница его сиятельства⁴⁴ закрыта была непроницаемым облаком от ожидающих его, аки громовой тучи, ямщиков. Дон Кишот, конечно, нечто чудесное бы тут увидел; ибо несущееся пыльное облако под знатною⁴⁸ его сиятельства⁴⁴ особую, вдруг⁴⁹ остановясь, разверзлось⁴⁹, и он предстал нам от пыли серовиден, отродию⁵⁰ черноподобных лиц⁵⁰.

От приезде моего на почтовой стан до того времени, как лошади вновь впряжены были в мою повозку, прошло по крайней мере целой час. Но повозки его сиятельства⁵¹ запряжены были не более как в⁵² четверть часа. И посакали они на крыльях⁵³ ветра. А мои клячи, хотя лучше казались тех, кои удостоились⁵⁴ везти⁵⁵ сиятельную⁵⁶ особу, но, не боясь⁵⁷ гранодерского⁵⁸ кнута, бежали посредственную рысью.

Блаженны⁵⁹ в единовластных правлениях вельможи. Блаженны⁶⁰ украшенные чинами и лентами. Вся природа им повинуется. Даже бессмысленные скоты угождают⁶¹ их желаниям и, дабы им в путешествии зевая не наскучилось⁶², скачут⁶³, не жалея ни ног, ни легкого, и⁶⁴ нередко от натуги околевают. Блаженны⁶⁵, повторю⁶⁶ я⁶⁷, имея⁶⁸ внешность, к благоговению всех влекущую⁶⁹. Кто ведает из трепещущих⁷⁰ от плети, им грозящей, что тот, во имя коего ему грозят, безгласным в придворной грамматике называется⁷¹, что ему ни А ни О во всю жизнь свою⁷⁴ сказать не удалось?⁷⁵ Что он одолжен, и стыдно сказать кому, своим возвышением; что в душе своей⁷⁶ скарденнейшее есть⁷⁷ существо; ⁷⁸что обман, вероломство⁷⁸, предательство, блуд, отравление⁷⁹, татьство, грабеж, буйство⁸⁰ не больше ему стоят, как выпить стакан воды; что ланиты его никогда от стыда не краснели, разве от гнева или пощечины; что он друг всякого придворного

⁸Смотри⁷² рукописную Придворную грамматику Фон-Визина ⁷³.

⁴⁶ *Ми* — гренадерским; *Рг* — гранодерским ⁴⁷ *ГшМиВр* — зрение ⁴⁸ *ЕфКб* *Эй* — знатно ⁴⁹⁻⁴⁹ *Ми* — остановясь, разверзлось ⁵⁰⁻⁵⁰ *ВВ*; *УвВрЧкТх* — черных подобным; *ГшКл* — черных подобным; *Ми* — черных подобный; *Рг* — черных подобен; *Пд* — черных подобны; *Д* *испр.* черно подобны лиц *испр.* черных подобным ⁵¹ *Ан* — сиятельства *испр.* превосходительства; *Б. . . Пд* — превосходительства ⁵² *Рг* — в одну ⁵³ *АнД* — крыльях *испр.* крылех; *Б. . . Рг* — крылех; *Еф* — крылех; *КлПд* — крыльях ⁵⁴ *В* — удостоились ⁵⁵ *ГшКлТхРг*; *Чк* — вести *испр.* везти; *Ан. . . Пд* — вести ⁵⁶ *Ан*; *Б. . . Пд* — превосходительную ⁵⁷ *В* — боясь ⁵⁸ *Кл* — гренадерского ⁵⁹ *КлВрЕфКб* — Блаженный; *Ми* — Блаженны; *Эй* — Блаженные ⁶⁰ *Ув. . . Тх* нет; *ЕфКбЭй* — Блаженны ⁶¹ *УвГшКлВрЧкТхПд* — угрожают ⁶² *ЕфКбЭй* — наскучилось ⁶³ *Ан* — скачут *доб.* они; *Б. . . Пд* — скачут они ⁶⁴ *Еф* нет ⁶⁵ *КлВр* — блаженный; *Ми* — Блаженны ⁶⁶ *ВВ* — повторяю; *Д* *испр.* повторяю ⁶⁷ *Гш* — и; *ЕфКбЭй* нет ⁶⁸ *Ан* — имея *испр.* имеющие; *Б. . . Пд* — имеющие ⁶⁹ *В* — влекущей ⁷⁰ *Ан* — путешествующих *испр.* трепещущих ⁷¹ *Ан*; *Б. . . Пд* нет знака сноски ⁷² *Б. . . Пд*; *Д* *испр.* Смотри *испр.* См.; *ЕфКб* — смо.; *Эй* — см.; ⁷³ *ВВДЕфКбЭй*; *Ув. . . Пд* — Фон-Визина; *Рг* — г. Фон-Визина ⁷⁴ *ЕфКбЭйРг* — его ⁷⁵ *Ан*; *Б. . . Пд* — удалос * (знак сноски *здесь*) ⁷⁶ *Ан* — своей *доб.* он; *Б. . . Пд* — своей он ⁷⁷ *Б. . . Пд*; *Ан* — самое (? — видны только верхние штрихи букв, низ листа оборван) ⁷⁸⁻⁷⁸ *ЕфКбЭй* нет ⁷⁹ *ЕфКбЭй* — вероломство ⁸⁰ *Б. . . Пд*; *Д* — убийство *испр.* убуйство; *ЕфКбЭй* — и убийство, что обман; *Рг* — убийство

истопника и раб едва⁸¹ при дворе нечто⁸² значущего. Но властелин и презирающ не ведающих⁸³ его низкости и ползущества⁸⁴. Знатность без истинного достоинства подобна колдунам в наших деревнях. Все крестьяне их почитают и боятся, думая, что они чрезвычайные повелители. Над ними сии обманщики властвуют по своей воле. А сколь скоро⁸⁵ в толпу, их боготворящую⁸⁶ завернется⁸⁵ мало кто, грубейшего невежества отчуждившийся⁸⁷, то обман их обнаруживается, и таковых дальновидцов они не⁸⁸ терпят в том⁸⁹ месте, где они творят чудеса. Равно берегись и тот, кто поспеет обнаружить колдовство вельмож.

Но где мне гнаться за его сиятельством⁹⁰! Он поднял пыль столбом, которая по пролете его исчезла⁹¹, и я, приехав в Клин, нашел⁹² даже и⁹³ память его погибшую с шумом.

КЛИН

— Как было во городе во Риме, там жил да был Еффи́миан¹ князь. . . — Поющий² сию народную песнь, называемую³ Алексеем божим⁴ человеком, был слепой старик, сидящий⁵ у ворот почтового двора, окруженной толпою по большей⁶ части ребят⁷ и юношей. Сребровидная его глава⁸, замкнутые очи, вид спокойствия, в лице его зримого, заставляли⁹ предстоять взирающих на певца⁹ с¹⁰ благоговением. Неискусной¹¹ его хотя¹¹ напев, но нежностью изречения сопровождаемый, проникал в сердца¹² его слушателей¹³, лучше природе внемлющих, нежели взрощенные¹⁴ во¹⁵ благогласии уши жителей¹⁶ Москвы и Петербурга внемлют кудрявому напеву Габриелли¹⁷, Маркези¹⁸ или Тоди¹⁹. Никто из предстоящих не остался без зыбления внутрь глубокого, когда клинской певец, дошед до разлуки своего героя²⁰, прерывающимся ежемгновенно гласом едва²¹ изрекал²² свое повествование. Место, на коем были его очи, исполняя²³ исступаящих

⁸¹ Б. . . Пд; ДРг — едва, едва ⁸² ЕфКбЭй — ничто; Рг — что-нибудь
⁸³ Рг — ведающим ⁸⁴ Ми — поползущества ⁸⁵⁻⁸⁵ ЕфКбЭй нет ⁸⁶ В — благо-
творящую ⁸⁷ БКлМиРг; В — отчуждавшийся; УвГшВрЧкТхПд — отчуждив-
шийся; Еф — отсудившийся; КбЭй — отсудившийся ⁸⁸ ЕфКбЭй нет ⁸⁹ ЕфКб —
таковом; ЭйРг — таком ⁹⁰ испр.; Б. . . Пд — превосходительством ⁹¹ Ми —
изглаго ⁹² ЕфКбЭй — нашед ⁹³ ВВ; Ув. . . Пд нет

¹ Б. . . Пд; ВЕфКбЭй — Еффи́миан; УвВрТх — Евфи́миан; Д — Еффи́миан испр.
Еффи́миан; Рг — Еффи́миан ² ЕфКбЭй — поющею ³ ЕфКбЭй — называемую
⁴ В — божьим ⁵ Б. . . Пд; Ан — сидящий испр. сидящий; Д — сидящий
⁶ АнРг; Б. . . Пд — большой ⁷ Рг — ребят ⁸ КлЕфКбЭй — голова ⁹⁻⁹ Ан —
предстоять взирающих на певца испр. взирающих на певца предстоять ему; Б. . . Пд —
взирающих на певца (ВВУвГшВрЧкТх — предстоят) ему ¹⁰ Ан доб. в пробел с;
Б. . . Пд — со ¹¹⁻¹¹ Ан — его хотя испр. хотя его; Б. . . Пд — хотя его ¹² ВВ —
сердце ¹³ АнКлЕфКбЭйРг; Б. . . Пд — слышателей; Д испр. слушателей
¹⁴ АнДРг; Б. . . Пд — возрожденные; ЕфКбЭй — возрощенный; В — возросшие
¹⁵ АнДРг; Б. . . Пд — в ¹⁶ АнВВМиЕфРг; Ув. . . Пд — жители ¹⁷ АнДЕфКбЭй;
Б. . . Пд — Габриеллы; Рг — Габриелей ¹⁸ В — Маркезини; ЕфКбЭй — Марке-
зини; Рг — Маркеза ¹⁹⁻¹⁹ Ан доб. в пробел или Тоди; ЕфКбЭй — или Тодий
²⁰ Ан — героя испр. ироя, едва; Б. . . Пд — ироя, едва; ЕфКбЭй — края, едва
²¹ Ан — едва зач.; Б. . . Пд нет ²² ЕфКбЭйРг — изрек ²³ Ан; Б. . . Пд —
исполнился; Ми — исполнились; Рг — исполнились испр. исполнилось

из чувствительной²⁴ души от бед²⁵ слез, ²⁶пролили потоки оных²⁶ по ланитам воспевающего. О природа, колико ты властительна. Взирая на плачущего старца, жены възрыдали; со²⁷ уст юности отлетела²⁸ сопутница ее, улыбка, на лице отрочества явилась²⁹ робость, неложной³⁰ знак болезненного, но неизвестного чувствования; даже мужественной возраст, к жестокости толико привыкший, вид восприял важности. — О природа! — возопил³¹ я паки. . .

Сколь сладко неязвительное чувствование скорби! Колико сердце оно³² обновляет ³³и оно³³ чувствительность. Я рыдал вслед за ямским собранием, и слезы мои были столь же для меня сладостны, как исторгнутые из сердца Вертером³⁴. . . О мой друг, мой друг! почто и³⁵ ты не зрел сей³⁶ картины? ты бы прослезился со мною, и сладость взаимного чувствования была бы гораздо усладительнее.

По окончании песнословия все предстоящие давали старику как будто бы награду за его труд³⁷. Он принимал все денежки³⁸ и полушки, все куски и краюхи хлеба довольно равнодушно; но всегда сопровождал³⁹ благодарность свою поклоном, крестясь и ⁴⁰говоря⁴¹ подающему⁴⁰: «Дай бог тебе здоровья». Я⁴² не хотел отъехать, не быв сопровождаем молитвою сего, конечно, приятного небу⁴³ старца. Желал его⁴⁴ благословения на совершение пути и желания моего. Казалось мне, да и всегда сие мечтаю⁴⁵, как будто благословение⁴⁶ чувствительных душ облегчает стезю в шестви и отъемлет терние⁴⁷ сомнительности. Подошед к нему⁴⁸, в дрожащую его руку ⁴⁹толико же дрожащую от боязни⁵⁰, ⁴⁹не ⁵¹тщеславия ли⁵¹ ради то⁵² делаю, положил ему⁵³ ⁵⁴рубль. Перекрестясь, не успел он⁵⁴ изрещи обыкновенного своего ⁵⁵подающему его благословения⁵⁵, отвлечен⁵⁶ от того необыкновенностию ⁵⁷ощущения лежащего⁵⁷ в его горсти⁵⁸. И сие уязвило мое сердце. — Колико приятнее ему, — ⁵⁹вещал я сам себе, — подаваемая ему⁶⁰, ⁵⁹полушка. Он чувствует в ней обыкновенное к бедствиям соблазновение человечества, в моем рубле ощущает, может быть, мою гордость. Он не сопровождает его своим благословением. — О, колико мал

²⁴ *ЕфКбЭй* — чувствительных ²⁵⁻²⁶ *Ан* — души от бед *испр.* от бед души; *Б. . . Пд* — от бед души ²⁶⁻²⁶ *Ан* — пролили потоки оных *испр.* и потоки оных пролились; *Б. . . Пд* — и потоки оных пролились ²⁷ *УвКлВрЧк* — с; *Рг* — от ²⁸ *ВВ* — отлетала ²⁹ *Б. . . Пд*; *Ан* — явилась ³⁰ *Ан* — и сложной *испр.* неложной ³¹ *ЕфКбЭй* — возопил ³² *МиРг* — она; *ЕфКбЭй* *нет* ³³⁻³³ *ЕфКбЭй* *нет* ³⁴ *ДЕфКбЭйРг*; *Б. . . Пд* — ветром ³⁵ *МиЕфКбЭй* *нет* ³⁶ *Еф* — сей ³⁷ *ЕфКбЭй* — труды ³⁸ *УвКлВрПд* — денешки ³⁹ *ВВ*; *УвГшВрЧкТх* — сопровожда; *Пд* — сопровождает; *КлМиДЕфКбЭйРг* — сопровождая ⁴⁰⁻⁴⁰ *ЕфКбЭй* — подающему говоря ⁴¹ *ВВ*; *Ув. . . Пд* — говоря к ⁴² *Гш* — И ⁴³ *Ми* — богу ⁴⁴ *ЕфКбЭй* — я ⁴⁵ *Еф* — мысля ⁴⁶ *УвВр* — соблаговления; *ЕфКбЭй* — соблаговление ⁴⁷ *ДЕфКбЭйРг*; *Б. . . Пд* *нет* ⁴⁸ *ВВ*; *Ув. . . Пд* — нему, я; *Гш* — нему и ⁴⁹⁻⁴⁹ *Ми* *нет* ⁵⁰ *ДЕфКбЭйРг*; *Б. . . Пд* — болезни ⁵¹⁻⁵¹ *АнКл*; *ВВМиРг* — тщеславия; *Ув. . . Пд* — тщеславиями; *ЕфКбЭй* — отщеславия или; *Д* *испр.* тщеславия *доб.* ли ⁵² *ЕфКбЭй* — чего другого ⁵³ *ГшЕфКбЭй* *нет* ⁵⁴⁻⁵⁴ *ЕфКбЭй* *нет* ⁵⁵⁻⁵⁵ *Ан* — подающему ему благословения *испр.* благословения подающему; *Б. . . Пд* — благословения подающему ⁵⁶ *Рг* — отвлечен будучи ⁵⁷⁻⁵⁷ *ЕфКбЭй* — ощущением лежащего ⁵⁸ *ЕфКбЭй* — горсти ⁵⁹⁻⁵⁹ *ЕфКбЭй* *нет*

я сам себе тогда казался, колико завидовал ⁶¹полушку и краюшку хлеба давшим ⁶¹ ⁶²певшему старцу ⁶²! — Не петак ⁶³ ли? — сказал он, обра- щая ⁶⁴речь свою неопределенно ⁶⁴, как и всякое свое слово. — Нет, де- душка ⁶⁵, рублевик, — сказал близь стоящий его ⁶⁶ мальчик. — Почто та- кая милостыня? — сказал слепой, опуская места своих очей и ища, ка- залось, мысленно вообразить ⁶⁷ себе то, что в горсти ⁶⁸ его лежало. — Почто она не могущему ею пользоваться? Если бы я не лишен был зрения, сколь ⁶⁹ велика ⁷⁰ моя была ⁷¹за него ⁷¹ благодарность. Не имея в нем нужды, я мог бы снабдить им неимущего. Ах, если ⁷² он был у меня после бывшего здесь пожара. Умолк бы хотя на одни сутки ⁷³ вошь алчущих птенцов моего соседа. Но на что он мне ⁷⁴. Не вижу, куда ⁷⁵его и ⁷⁵ положить; подаст ⁷⁶, может быть, случай к преступлению. Полушку немного прибили украсть. Но за рублем ⁷⁷ охотно многие протянут руку. Возьми его назад, доброй господин, и ты и я с твоим рублем можем сделать вора. — О истина! ко- лико ты тяжка ⁷⁸ чувствительному сердцу, егда ⁷⁹ ты бываешь в укоризну. — Возьми его назад, мне, право, он не надобен, да и я ⁸⁰уже его ⁸⁰ не стою. Ибо не служил ⁸¹ изображенному на нем государю. Угодно было создателю, чтобы ⁸² еще в бодрых ⁸³ годах лишен ⁸⁴ был вождей ⁸⁵ своих ⁸⁶. Терпеливо сношу доднесь ⁸⁷ его прещение ⁸⁸. За грехи мои он ⁸⁹ меня посетил. Я был воин ⁹⁰ на многих ⁹¹ битвах с неприятелями отечества, сражаясь ⁹² всегда неробко. Но воину всегда должно быть по нужде. Ярость исполняла всегда мое сердце при начатии сражения, я не щадил никогда у ног моих лежащего неприятели и просящего безоруженному помилования ⁹³. Воз- несен ⁹⁴ победою оружия нашего, когда устремлялся на карание и добычу, пал ⁹⁵ ниц, лишен ⁹⁶ зрения и чувств пролетевшим мимо очей в силе своей пушечным ядром. О вы, последующие мне, будьте мужественны, но пом- ните человечество. — Возвратил ⁹⁷ мне мой рубль и сел опять на место свое покойно ⁹⁸.

⁶⁰ В нет ⁶¹⁻⁶¹ Ан — полушку и краюшку хлеба давшим *испр.* давшим полушку и краюшку хлеба; Б. . . Пд — давшим полушку и краюху (ДЕФКБЭЙРг — краюшку) хлеба ⁶²⁻⁶² ЕФКБЭЙ — певшему старику ⁶³ АнУвВРТх; Б. . . Пд — петак ⁶⁴⁻⁶⁴ ЕФКБЭЙ — чрез свою неопределенность ⁶⁵ ЕФКБЭЙ — дедушко ⁶⁶ Ми — ее; Рг нет ⁶⁷ В — вообразить ⁶⁸ АнБВМиЕФКБЭЙРг; Ув. . . Пд — горсте ⁶⁹ Ан; Б. . . Пд — сколько бы; Д — сколько бы *испр.* сколько бы; ЕФКБЭЙ — сколь бы; Рг — то бы ⁷⁰ ЕФКБЭЙ — великая ⁷¹⁻⁷¹ БВЕФКБЭЙ нет; Д доб. за него ⁷² Ан — если доб. бы; Б. . . Пд — если бы ⁷³ ЕФКБЭЙ — сутки хотя ⁷⁴ Ан — мне доб. теперь; Б. . . Пд — мне теперь ⁷⁵⁻⁷⁵ Кл — его я; Ми — я его; ЕФКБЭЙРг — его ⁷⁶ Ан — подаст доб. он; БВ — он подаст; МиЧкДЕФКБЭЙРг — подаст он; Ув. . . Пд — подаст он ⁷⁷ ЕФКБЭЙ — рублевик ⁷⁸ ВрЧк — ташка ⁷⁹ Ан; Б. . . Пд — когда ⁸⁰⁻⁸⁰ ЕФКБЭЙ — его уже ⁸¹ ЕФКБЭЙ — службу ⁸² ЕФКБЭЙ — что ⁸³ Ан — бодрых доб. моих; БВКл — добрых моих; Ув. . . Пд — бодрых моих ⁸⁴ Ан; Б. . . Пд — лишен я ⁸⁵ ЕФКБЭЙ — веждей ⁸⁶ Ан; Б. . . Пд — моих ⁸⁷ Ан; Б. . . Пд нет ⁸⁸ ЕФКБЭЙ — прощение ⁸⁹ УвГшКл ВрЧкТхПд — он, он ⁹⁰ Ан — вот *испр.* воин ⁹¹ Ан — многих доб. бывал; Б. . . Пд — многих бывал ⁹² Ан; Б. . . Пд — сражался ⁹³ Ан; Б. . . Пд — по- милования не дарил; УвКлМуВр — помилования не давал ⁹⁴ Ан — Вознесен *испр.* Вознесенный; Б. . . Пд — Вознесенной; В — Вознесенной; ДЕФКБЭЙРг — Вознесенный ⁹⁵ Ан — пал доб. я; Б. . . Пд — пал я ⁹⁶ Ан; Б. . . Пд — лишенный ⁹⁷ Ан — Возвратил доб. он; Б. . . Пд — Возвратил он ⁹⁸ БВ — спокойно

— Прими⁹⁹ свой праздничной пирог, дедушка, — говорила слепому подошедшая женщина лет пятидесяти. — С каким восторгом он принял его обеими руками. — Вот истинное благоденствие, вот истинная милостыня. Тридцать лет сряду ем я сей пирог по праздникам и по воскресеньям¹⁰⁰. Не забыла ты своего обещания, что ты сделала во¹⁰¹ младенчестве². И стоит ли то, что я сделал для покойного твоего отца, чтобы³ до гроба моего меня не позабывала⁴? Я, друзья мои, избавил отца ее от обыкновенных нередко побой⁵ от проходящих солдат крестьянам⁶. Солдаты⁷ хотели что-то у него отнять; он с ними заспорил. Дело было за гумнами. Солдаты начали мужика бить; я был сержантом⁸ той роты, которой были солдаты⁹, прилучился тут; прибежал на крик мужика и его избавил от побой¹⁰; может быть, чего и больше, но вперед¹¹ отгадывать нельзя. Вот что вспомнила кормилица моя нынешняя, когда увидела меня здесь в нищетском¹² состоянии. Вот чего не позабывает¹³ ¹⁴каждый день¹⁴ и каждой праздник. Дело мое было невелико¹⁵, но доброе. А доброе¹⁶ приятно господа; за ним никогда ничто¹⁷ не пропадает¹⁸.

— Неужели¹⁹ ты меня столько пред всеми обидишь, старичок, — сказал я ему, — и одно мое отвергнешь подавание? Неужели²⁰ моя милостыня есть милостыня грешника²¹? Да и то²² бывает ему на пользу, если служит к умягчению его ожесточенного сердца. — Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце²³ естественною казнию²³; не²⁴ ведал я²⁴, что мог тебя обидеть, не приемля на²⁵ вред послужить могущего подавания; прости мне мой грех, но дай мне, коли²⁶ мне хочешь что²⁶ дать, дай, что может²⁷ мне быть²⁷ полезно. Холодная у нас была весна, у меня болело горло, платчишка²⁸ не было, чем повязать шею²⁹. Бог помиловал, болезнь миновалась. . . Нет ли старинького у тебя платка. Когда у меня заболит горло, я его повяжу; он мою согреет шею, горло болеть перестанет. Я тебя вспоминать буду, если тебе нужно воспоминание³⁰ нищего. — Я снял³¹ с шеи своей

⁹⁹ *Гш* — Прими; *Рг* — Приими ¹⁰⁰ *КбЭй* — воскресеньям
¹⁰¹ *ЕфКбЭй* — в ² *Ан*; *Б. . . Пд* — младенчестве своем ³ *Ан*; *Б. . . Пд* — чтобы ты ⁴ *Ан*; *Б. . . Пд* — забывала ⁵ *АнД*; *Б. . . Пд* — побоев; *ЕфКбЭй* — подобных ⁶⁻⁸ *испр.*; *Ан* — от проходящихся солдат крестьянам *испр.* крестьянам от проходящих солдат; *Б. . . Пд* — крестьянам, от проходящих (*Рг* — приходящих) солдат ⁷ *АнДЕфКбЭйРг*; *БВ* — Они; *Ув. . . Пд нет* ⁸ *АнДЕфКбЭйРг*; *Б. . . Пд* — сержант ⁹ *Ми* — солдаты и ¹⁰ *АнЕфКбЭй*; *БВ* — побоев, а; *Ув. . . Пд* — побоев; *Д* — побой *доб. а и зач.* ¹¹ *Ми* — впрдь ¹² *БВУвГшРг*; *Ан* — нищетском *испр.* нищенском; *Кл. . . Пд* — нищенском ¹³ *Ан* — позабывает *доб.* она; *Б. . . Пд* — позабывает она ¹⁴⁻¹⁴ *Рг* — каждое воскресенье ¹⁵ *Ан* — невелико *испр.* не великое; *Б. . . Пд* — не великое ¹⁶ *Кл* — добро; *ЕфКбЭй* — доброе и ¹⁷ *ЕфКбЭй* — ничего ¹⁸ *Рг* — пропадет ¹⁹ *Рг* — Неужли ²⁰ *УвКлМиЧкТх* — Да неужли; *Гш* — Ужели ²¹ *ЕфКбЭй* — грешна ²² *АнЕфКбЭй*; *Б. . . Пд* — та ²³⁻²³ *Ан* — естественною казнию *испр.* говорил старец, — естественною казнию; *Б* — говорил старец, — естественною казнию; *Б. . . Пд* — естественною казнию, — говорил старец ²⁴⁻²⁴ *БВ* — ведая ²⁵ *Ми* — во ²⁶ *Ан*; *Б. . . Пд* — хочешь мне что; *ЕфКбЭй* — хочешь что мне ²⁷⁻²⁷ *ЕфКбЭйРг* — быть мне ²⁸ *ЕфКбЭй* — платка у меня ²⁹ *АнВ*; *Б. . . Рг* — шей; *Пд* — шей; *Ми* — шей *испр.* шею ³⁰ *КлМиРг* — воспоминание; *ЕфКбЭй* — воспоминание ³¹⁻³¹ *Ан*; *Б* — платок с шеи своей и; *Б. . . Пд* — платок с моей шеи

и³¹ повязал³² на шею слепого. . . — ³³Помни обо мне, вспомни, старичок, хотя один раз³³. — И³⁴ расстался с ним.

NB.³⁵ Возвращаясь³⁶ чрез Клин, я уже не нашел слепого певца. Он за три дни моего приезда умер. Но платок мой, сказывала мне та, которая ему приносила пирог по праздникам³⁷, ³⁸надел, заболел³⁸ перед³⁹ смертью, на шею, ⁴⁰и с ним положили его в могилу⁴⁰. О, если кто чувствует цену сего платка, тот чувствует⁴¹ и то, что ⁴²во мне, слышав сие, происходило⁴².

ПЕШКИ

Сколь мне ни¹ хотелось поспешать в окончании моего путешествия, но, по пословице², ³голод не свой брат³ принудил меня зайти в избу и, доколе не доберуся опять до рагу, фрикаса⁴, паштетов⁵ и прочего французского ⁶изобретения на отраву⁶, принудил меня пообедать старым⁷ куском жаркой⁸ говядины, которая со мною ехала⁹ в запасе. Пообедав сей¹⁰ раз гораздо хуже, нежели иногда обедают многие¹¹ полковники (не говорю¹² о генералах) в дальних походах, я¹³, по¹⁴ похвальному¹⁵ обыкновению, налил в чашку приготовленного для меня кофию¹⁶ ¹⁷и услаждал¹⁷ прихотливость свою¹⁸ потом¹⁹ несчастных африканских²⁰ невольников.

Увидев предо²¹ мною сахар, месившая квашню хозяйка подослала ко мне маленькова²² мальчика попросить кусочек сего боярского кушанья. — Почему боярское, — сказал я ей, давая ребенку остаток моего сахара, ²³ — неужели и ты ²⁴его употребить²⁴ не можешь? — Потому²⁵ и боярское, что нам купить его не на что, а²⁶ бояре его употребляют для того, что не сами достают деньги. Правда, что и бурмистр²⁷ наш, когда ездит ²⁸к Москве²⁸, его покупает, но также на наши слезы. — Разве ты думаешь, что тот, кто

³² Ми — повязав ³³⁻³³ Ан; Б. . . Пд нет ³⁴ Ги — Я; Ми нет ³⁵ Ан; Б. . . Пд — нет знака NB и пробела между абзацами ³⁶ АнМиДЕфКбЭй; Б. . . Пд — Возвращаяся ³⁷ Ан — признакам ³⁸⁻³⁸ ЕфКбЭй — заболел, надел ³⁹ Ув. . . Пд — пред ⁴⁰⁻⁴⁰ Ан; БВ нет; Ув. . . Пд — и с ним положили его в (Ми ДЕфКбЭйРг — во) гроб ⁴¹ Рг — почувствует ⁴²⁻⁴² Ан — во мне, слышав сие, происходило испр. слышав сие, во мне происходило; Б. . . Пд — во мне происходило, слушав сие

¹ КЛМиЕфКбЭй — не ² УвГиВрЧкТх — пословицы ³⁻³ Ан — подч. в тексте; Б. . . Пд без подч. ⁴ БВ — фрикаса ⁵ ВВрЧкТхЕфКб — пашкетов ⁶⁻⁶ Ан; Б. . . Пд — кушанья, на отраву ⁷ КбЭй — старик ⁸ Ан; Б. . . Пд — жареной ⁹ ЕфКбЭй — ежжала ¹⁰ Ми ЕфКбЭй — в сей ¹¹ БВ нет ¹² ЕфКбЭйРг — говоря; Д — говоря испр. говорю ¹³ АнЕфКбЭйРг; Б. . . Пд — а; Д — я испр. а ¹⁴ ЕфКб нет ¹⁵ Ан; БВ — похвальному общественному; Ув. . . Пд — похвальному обществу; Ми — похвальному в обществе; ДЕфКбЭйРг — похвальному общему ¹⁶ ТхЕфКбЭй — кофее ¹⁷⁻¹⁷ Б. . . Пд; Ан — и услаждал испр. услаждал; В — и услаждал ¹⁸ Ан; Б. . . Пд — мою ¹⁹ Ан — потом испр. плодами пота; Б. . . Пд — плодами пота ²⁰ ЕфКбЭй — американских ²¹ БВ — передо ²² Ан; Б. . . Пд — маленького ²³ АнЕфКбЭйРг; Б. . . Пд — сахару; Д — сахару испр. сахара ²⁴⁻²⁴ Еф — употребить его ²⁵ ЕфКбЭй — А потому ²⁶ ЕфКбЭй — и ²⁷ Вр — бурмистр; Рг — бургомистр ²⁸⁻²⁸ Ан; Б. . . Пд — к Москве, то; Рг — в Москву, то

употребляет сахар, заставляет вас плакать? — ²⁹Не все; ²⁹но все господа дворяне. Не слезы ли ты крестьян своих пьешь, когда они едят такой же хлеб, как и мы. — ³⁰Говоря сие, показала ³¹мне состав своего ³²хлеба ³⁰. Он состоял из трех четвертей мякины ³³и одной части несеяной муки ³³. — Да и то слава богу при нынешних неурожаях. У многих соседей наших и того хуже. Что ж вам, бояре ³⁴, прибыли ³⁵. Ребята ³⁶ мрут, мрут и взрослые. Но как быть, ³⁷потужишь, потужишь ³⁷, а делай то, что господин велит. — И начала сажать хлебы в печь.

Сия укоризна, произнесенная не ³⁸гневом или негодованием, но глубоком ощущением душевной скорби, исполнила сердце мое грустью. Я обозрел в первый раз, ³⁹может быть ³⁹, внимательно всю ⁴⁰утварь крестьянской избы. Первой раз, ⁴¹может быть ⁴¹, обратил сердце к тому, что ⁴²его доселе не могло тронуть ⁴². — Четыре стены, до половины покрытые, так как ⁴³и весь потолок, сажею; пол в щелях, на вершок, по крайней мере, поросший ⁴⁴грязью. Печь без трубы, но лучшая защита от холода ⁴⁵, и дым, всякое утро зимою и летом наполняющий избу. Окончины, в коих натянутой пузырь смеркающийся ⁴⁶ в полдень пропускал ⁴⁷свет. Горшка два или три (счастлива изба, коли ⁴⁸ в одном ⁴⁹ из них всякой день есть пустые штн ⁵⁰). Деревянная чашка ⁵¹ и кружки ⁵², тарелками называемые. Стол, топором срубленной, которой скоблят скребком по праздникам. ⁵³Посконная ⁵⁴ рубаха, обувь, данная природою, онучи ⁵⁵ с лаптями для выхода ⁵³. Коротко кормить свиней или телят, буде есть, ⁵⁶спать с ними вместе ⁵⁶, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется. К счастью кадка ⁵⁷ с квасом, на уксус похожим ⁵⁸, и на дворе баня, в коей коли не парятся, то спит скотина ⁵⁹. — Вот в чем почитается по справедливости источник государственного избытка, силы, могущества; но тут ⁶⁰видны ⁶¹слабость, недостатки и злоупотреблении ⁶²законов и ⁶³их шароховатая, так сказать, сторона. Тут видна ⁶⁴алчность дворянства, грабеж, мучительство наше и беззащитное нищеты состояние. — Звери алчные, пьяницы ⁶⁵ ненасытные, что крестьянину мы оставляем? то, чего отнять ⁶⁶

²⁹⁻²⁹ *ЕфКбЭй* нет ³⁰⁻³⁰ *УвКлМиВрЧкТх* — (Говоря . . . хлеба) в скоб-
кас. ³¹ *Ан*; *Б. . . Пд* — показывала она ³² *В* нет ³³⁻³³ *Рз* — да из
одной муки ³⁴ *Ан* — бояре *доб.* в том; *Б. . . Пд* — бояре, в том; *Ми* — бояра,
в том ³⁵ *Ан* — прибыли *доб.* +, на поле *доб.* что вы едите сахар, а мы голодны;
Б. . . Пд — прибыли, что вы едите сахар, а мы голодны? ³⁶ *ВГш* — Рябята; *Рз* —
Робята ³⁷⁻³⁷ *ЕфКбЭй* — потужив ³⁸ *БВРз* — не с ³⁹⁻³⁹ *Ан*; *Б. . . Пд* нет
⁴⁰ *ЕфКбЭй* — в сию ⁴¹⁻⁴¹ *Ан*; *Б. . . Пд* нет ⁴²⁻⁴² *Ан*; *Б. . . Пд* — доселе на нем
скользило ⁴³ *ЕфКбЭй* нет ⁴⁴ *испр.*; *Ан* — порозвей; *Рз* — покрытый
⁴⁵ *Ан* — голода *испр.* холода; *ЕфКбЭй* — холоду ⁴⁶ *Кл* — сверкающийся;
ЕфКбЭй — меркающийся ⁴⁷ *ВРз* — пропускает ⁴⁸ *БВ* — когда; *Д* — когда
испр. коли ⁴⁹ *Еф* — одной ⁵⁰ *КлМиЕф. . . Пд* — щн! ⁵¹ *ЕфКбЭй* — чаша
⁵² *АнВрЧкДЕфКбЭй*; *Б. . . Пд* — кружки ⁵³⁻⁵³ *Ан*; *Б. . . Пд* здесь нет ⁵⁴ *В* —
Поскойная ⁵⁵ *БВ* — онучи и; *ЕфКбЭйРз* — онучи ⁵⁶⁻⁵⁶ *ЕфКбЭй* — спят вместе
с ними ⁵⁷ *БВЕф* — когда; *Д* *испр.* когда *испр.* кадка ⁵⁸ *УвКлВрЧкТх* — по-
хожим; *ЕфКбЭйПд* — похожей ⁵⁹ *Ан*; *Б. . . Пд* здесь Посконная рубаха . . . для
выхода. ⁶⁰ *Ан* — тут *доб.* же; *Б. . . Пд* — тут же ⁶¹ *Вр* — видна ⁶² *Ан*;
Б. . . Пд — злоупотребление; *Д* — злоупотребление *испр.* злоупотреблении
⁶³ *Ув. . . ТхПд* нет ⁶⁴ *ГшТх* — видно; *Кл* — видны ⁶⁵ *Ан* — пьяницы *испр.*
пьяницы ⁶⁶ *ЕфКбЭй* — отнять уже

не можем, — воздух. Один⁶⁷ воздух. Отъемлем⁶⁸ нередко у него не токмо дар⁶⁹ земли, хлеб и воду, но и самый свет. — ⁷⁰Жизнь закон⁷⁰ отъяти⁷¹ у него запрещает⁷². — Но разве мгновенно. Сколько способов отъяти ⁷³ее⁷⁴ у него⁷⁵, ⁷³постепенно. ⁷⁶Обвинитель⁷⁷ и судия его — его господин⁷⁶. ⁷⁸Врач его — его господин, не лекарство в болезни предписующий, но умеренность в пище, оставляя ему на прокормление столько, чтобы он не в один день умер⁷⁸. — Жестокосердый помещик, посмотри на детей крестьян, тебе подвластных. Они почти наги. Отчего? не ты ли родших их в болезни и горести обложил сверх всех полевых работ⁷⁹ оброком. Не ты ли несотканное еще полотно определяешь⁸⁰ себе в пользу. На что тебе смрадное рубище, которое к неге привыкшая твоя рука поднять возмущается⁸¹? Едва послужит оно⁸² на очищение⁸³ служащего тебе скота⁸⁴. Ты собираешь и то, что тебе не надобно, не смотря на то, что неприкрытая нагота твоих крестьян ⁸⁵тебе в обвинение⁸⁵ будет ⁸⁶(здесь нет на тебя суда)⁸⁶ — но пред судию, не ведающим⁸⁷ лицепрятия, давшим некогда и тебе путеводаителя благого, совесть⁸⁸, но коего развратной твой рассудок давно⁸⁹ изгнал из твоего⁹⁰ жилища⁹¹, сердца твоего. Но⁹² не ласкайся⁹³ безвозмездием. Неусыпной сей деяний⁹⁴ твоих страж уловит тебя наедине, и ты почувствуешь его кары⁹⁵. О, если бы они были тебе и⁹⁶ подвластным тебе на пользу. . . О, если бы человек, входя почасту во внутренность свою⁹⁷, исповедал бы неукротимому судие⁹⁸ своему⁹⁹, совести, свои деяния. — Претворенный¹⁰⁰ в столп неподвижный¹⁰¹ громоподобным ее гла-

⁶⁷ Ан; Б. . . Пд — Да, один ⁶⁸ БУвКлВрЧкТх — Отъемлет; Д — Отъемлют
⁶⁹ ЕфКбЭй нет ⁷⁰⁻⁷⁰ Ан — Жизнь закон испр. Закон запрещает; Б. . . Пд — Закон запрещает ⁷¹ АнЕфКбЭйРг; Б. . . Пд — отнять; Д — отнять испр. отъяти ⁷² Ан — запрещает испр. жизнь; Б. . . Пд — жизнь ⁷³⁻⁷³ ЕфКбЭй — у него ее ⁷⁴ АнДРг; Б. . . Пд нет ⁷⁵ Вр — него доб. жизнь ⁷⁶⁻⁷⁶ Ан; Б. . . Пд нет ⁷⁷ Ан — Объявитель испр. Обвинитель ⁷⁸⁻⁷⁸ Ан — Врач его . . . умер зач.; Б. . . Пд — С одной стороны — почти всесилие (Д испр. Рг; Б. . . Пд — веселие), с другой — немощ беззащитная; ибо помещик в отношении крестьянина есть законодатель, судия, исполнитель своего решения и, по желанию (ЕфКбЭй — и положению) своему, истец (Кл — и отец), против которого ответчик ничего сказать не смест (Тх — может). Се жребий (ЧкПд — жребии) заклепанного во (ЧкЕфКбЭйРг — в) узы, се жребий (ЧкПд — жребии) заключенного (В — заклепанного) в смрадной темнице, се жребий (МиТхПд — жребии) вола во (МиРг — в) ярме (ЕфКбЭй — ярме). . . ⁷⁹ Ми — работ и ⁸⁰ Б. . . ТхПд — определил ⁸¹ Ан — возмущается испр. гнушается; Б. . . Пд — гнушается ⁸² ЕфКбЭй — оно тебе ⁸³ Ан; Б. . . Пд — отиранье ⁸⁴ ЕфКбЭй — Когда ⁸⁵⁻⁸⁵ Ан — доб. в пробола тебе в обвинение ⁸⁶⁻⁸⁶ Ан; Б. . . Пд без скобок — Если здесь нет на тебя суда ⁸⁷ Еф — ведущим; КбЭй — ведущим ⁸⁸ АнБВДЭйРг; Уг. . . Пд — совет; Ми — совет испр. совесть ⁸⁹ АнЕфКбЭйРг; Б. . . Пд — давно, давно; Д испр. давно, давно испр. давно ⁹⁰ Ан; Б. . . Пд — своего ⁹¹ Ан — жилища доб. из; Б. . . Пд — жилища, из (ЕфКбЭй — и из; Рг — и) ⁹² Еф нет ⁹³ УгШПд — ласкался ⁹⁴ АнГшКлЕфКбЭйРг; В. . . Пд — деяния ⁹⁵ Ми — укоры; ЕфКбЭй — коры ⁹⁶ ГшМи нет; ЕфКбЭй — и с ⁹⁷ ЕфКбЭй — свою и ⁹⁸ АнРг; Б. . . Пд — судии ⁹⁹ ЕфКбЭй — своей ¹⁰⁰ БВ — претворенными; ЕфКбЭй — претворенны
¹⁰¹ ЕфКбЭй — неподвижны

сом, не пускался бы он на тайные злодеяния; редки бы тогда стали ²на земли гибели и опустошения, коих причины сокрываются от нас в нощи неведения².

ЧЕРНАЯ¹ ГРЯЗЬ

Здесь я видел также изрядной² опыт самовластия дворянского над крестьянами. Проезжала³ тут свадьба. Но вместо радостного поезда и⁴ слез боязливой невесты, скоро в радость претвориться⁵ определенных⁶, зрелось⁷ ⁸на челе⁸ ⁹определенных вступить⁹ в супружество печаль и уныние. Они друг друга ненавидят¹⁰ и властью¹¹ господина своего влекутся на казнь, к олтарю отца всех благ, подателя¹² нежных чувств¹³ и веселий¹⁴, зиждителя истинного блаженства, творца вселенных. ¹⁵И служитель¹⁵ его примет¹⁶ исторгнутую властью клятву ¹⁷сохранять ложе брачное непорочно¹⁷. И богохуление¹⁸ сие останется на пример другим; и неустройство сие в законе останется ненаказанным. Почто удивляться сему? ¹⁹Наемник благословит брак¹⁹, градодержатель, для охранения закона определенный, — дворянин. Тот и другой имеют ²⁰в сем²⁰ свою пользу. Первой ради²¹ получения достойной²² мзды; другой, дабы, истребляя ²³беспорядок, не лишен был и сам²³ лестного²⁴ преимущества управляя²⁵ себе подобным самовластно. — О, горестная участь многих миллионов! конец твой сокрыт еще ²⁶и от²⁶ внучат моих²⁷.

Погруженный в сих мыслях, я, выехав с почтового стана, приближался уже к Москве. Проехал уже Всесвятское и сравнялся с краем прекрасной рощи, по конец его стоящей. Вдруг услышал выстрел и после того стенание болящего человека. На мысль пришло мне, что некто, может быть, неосторожностью какого-нибудь стрелка ранен. Трепещущ от сея мысли, я выскочил из кибитки и поспешал на помощь страждущего. Не сов-

²⁻² Ан; Б. . . Пд — губительствы (МиЕфКбЭйРг — губительства; Д — губительства *испр.* губительствы), опустошения (КлМиРг — опустошения; ВрЧк — опустошений) и пр. и пр. и пр. (Б. . . Пд; В — и про. и про. и про.; Д — и проч. и проч. и проч.; ЕфКбЭй — и проч.; Рг — и проч.; Рг — и проч. и проч. и проч. и проч. — — —)

¹ АнДЕфКбЭйРг; Б. . . Пд — Черная ² ВВ — изрядный ³ ЕфКбЭй — Проезжая ⁴ Ув. . . Пд; Ан — у; ВВ — из ⁵ КбЭй — скоро обратятся; Еф — скоро обратится ⁶ ВВ — имеющихся ⁷ АнЧк; Б. . . Пд — зрелись ⁸⁻⁸ ГшВрПд — начало; Чк — начало *испр.* на челе ⁹⁻⁹ Ан; Б. . . Пд — определенных вступить; Д — имеющих вступить *испр.* определенных вступить ¹⁰ Ан — ненавидели (?) *испр.* ненавидят ¹¹ ЕфКбЭй — властно ¹² Ан — подателю *испр.* подателя ¹³ Ан; ВГшКлЕфКбЭйРг — чувствований; Б. . . Пд — чувствовании; Чк — чувствования *испр.* чувствований ¹⁴ АнВВКлЕфКбЭйРг; ГшМиТхПд — веселии; УвВрЧк — веселия ¹⁵⁻¹⁵ Чк — Услужитель ¹⁶ АнДЕфКбЭйРг; Б. . . Пд — примет ¹⁷⁻¹⁷ Ан; Б. . . Пд — и утвердит (ГшЧкТх — утвердить) брак! И сие назовется союзом божественным! ¹⁸ БГш — богохулению ¹⁹⁻¹⁹ Ан; Б. . . Пд — Благословляет брак наемник ²⁰⁻²⁰ ЕфКбЭй — во всем ²¹ ЕфКбЭй — для ²² Ан; Б. . . Пд нет ²³⁻²³ Ан; Б. . . Пд — поносительное человечеству насилие, не (В нет) лишиться самому ²⁴ Рг — честного ²⁵ Ан; Б. . . Пд — управлять ²⁶⁻²⁶ Ан — и от доб. взора; Б. . . Пд — от взора и ²⁷ Следующий далее текст — только в Ан; Б. . . Пд см. основной текст и Варианты

сем я ошибся в моем заключении. При входе в рощу я обрел человека изрядно одетого, сидящего на земли; подле него к сосне привязана была оседланная лошадь. В правой руке держал он пистолет, коим произведен был выстрел, и сквозь его кавтан на разорванном рукаве видны были капли крови. — Какой несчастной случай допустил тебя уязвить самого себя, — говорил я сидящему в задумчивости. — Конечно, неосторожно пущенной курок был тому причиною. Позволь, я скину с тебя кавтан, я потщусь, если могу, подать тебе облегчение. — Благодарю тебя за предлагаемую услугу. Но пользоваться ею не желаю. Правда твоя, что несчастной случай причиною, что рука моя уязвлена²⁸, но заряд не ей был определен, а сюда (указывая лоб). Признаюсь, робость и не довольное, может, размышление о мужественности виною, что выстрел был неудачен. В пользу, ²⁹может быть²⁹, он послужит, ибо я не робею. — Я хотел было воспользоваться болезнью его и спасти его от отчаяния, выхватил у него из руки пистолет. — Сей отдам тебе непрекословно. Но³⁰ трудись тщетно обо мне. Вот другой³¹, и сам отойди подалее (устремляя на меня), если желаешь мне мешать. . . На что жизнь тому, кому она стала в тягость? На что она, коли нет в ней более приятностей? Я родился в избобилии, возрощен в неге, не ведал нужды николи, был почитаем, отличен и в уважении; касался, казалось, воскраия сосуда сладостей, любил и был любим. Но все сие исчезло яко прах и сон. — Нищ, презрен в горячности моей, уготован на поругание, что остается делать тому, кто лишен и надежды? Не шевелись, — потряс он с угрозою своим смертоносным орудием, — ежели не хочешь быть моим предтечею к смерти. — Отчаянному сему движение мое при последнем его изречении казалось, что я хочу его лишить последнего его убежища. — Конечно, злой дух тебя напра. . .³² и от того, что сердце его терзается мздою, а не добрым именем. К нареканью общему уху его привыкло; к общему к нему мерзению присовокупится только мерзение судии его. Но похититель³³ казны нередко бывает любим в обществе всеми, имея сам к себе не лестное почтение, казнится единою мыслию потерять общее уважение. Для сохранения его³⁴ ты меня здесь видишь. Ведаю, что Кесарь, похитив казну общественную, преступником не почитается ни от кого; ведаю, что Филипп Орлеанский, вводя бумагу на пособие деньгам, ограбил Францию, но не был наказан. Ведаю, что покойной³⁵ султан турецкий удавлял богачей³⁶, когда имел³⁷ нужду в деньгах, и преступником не почитается. Но что мне в примерах? Добро на сем свете не есть добро само по себе, но добро в отношении. Мое блаженство теперь еще в моих руках; и дабы и ты не был жесток, сохраняя еще мне жизнь. . . — С проворством несказанным вложив пистолет в рот, спустил взведенной курок и приник к земле, не произнося ни малейшего стона.

Я с поспешностию удалился от сего полоумного. И въезд мой в Москву был скорбен³⁸.

²⁸ *Ан* — уязвлена *испр.* уязвленна ²⁹⁻²⁹ *Ан* — может быть *испр.* мне
³⁰ *Ан* — Но *доб.* не ³¹ *Ан* — другой *доб.* да ³² *Ан* — нет *двух* (?) *листов*
³³ *испр.*; *Ан* — похититель ³⁴ *Ан* — его *испр.* сего ³⁵ *Ан* — покойной *зач.*
³⁶ *Ан* — богачей *доб.* в спокойствии духа ³⁷ *Ан* — имел *испр.* имеет
³⁸ *Ан* — с красной строки *крупно доб.* Москва! Москва!

ВАРИАНТЫ И РАЗНОЧТЕНИЯ К ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМ ФРАГМЕНТАМ

Наст. изд.	Печ.	А. М. К.
6, 3	(1), 3	Что бы — <i>Тх. . . Пд</i> ; <i>Б. . . Чк</i> — Что
6	10	уязвлена — <i>БУвГшКлОлПд</i> ; <i>В. . . Рг</i> — уязвлена
7	12	бедствии; <i>ВКлРг</i> — бедствия
9	17	к; <i>ЕфКб</i> нет
11	21	блаженство; <i>Б. . . Тх</i> — блаженства
12	22	сея; <i>ВД</i> — сей
13	26	буду; <i>Рг</i> — будешь; <i>Д</i> — будешь <i>испр.</i> буду
14	27	раздавался; <i>В</i> — раздался; <i>Тх</i> — раздаваясь
15	(2), 1	которое; <i>УвКлВрЧк</i> — котором
17	6	во благодетствии — <i>Рг</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — во (<i>ЕфПд</i> — в) благо-
19	10	детствии кто; <i>Б</i> — и то

СПАССКАЯ ПОЛЕСТЬ

17, 14	41, 19	я; <i>А</i> — и я <i>испр.</i> я
14	20	ногу занес; <i>Еф</i> — занес ногу
14	20	влезть — <i>РгПд</i> ; <i>А. . . Чк</i> — влезть; <i>Ув</i> — влес; <i>КлТхЕфКбОл</i> — взлезть
16	42, 2	мозге моем; <i>Б</i> — моем мозгу
19	7	дале; <i>Ми</i> — далее
19	8	убежал; <i>ЕфКб</i> — вбежал; <i>Рг</i> — побежал
20	9	ложился; <i>ЕфКб</i> — ложится
20	10	было темно; <i>А</i> — не было свету <i>испр.</i> было темно
21	11	разрешение — <i>АВТхЕфКбПд</i> ; <i>Б. . . Ол</i> — разрешения; <i>Рг</i> — разрешенья
22	13	положив — <i>ТхЕфКбРгПд</i> ; <i>А</i> — положил <i>испр.</i> положив; <i>Б. . . Чк</i> — положил; <i>Ол</i> — положил и
23	15—16	долго нежитья не позволила; <i>А</i> — <i>впис.</i> в продел долго нежитья не позволила; <i>ЕфКбОл</i> — . . . не позволяла
23	16	Проснувшись — <i>ВТхЕфКбРгПд</i> ; <i>А</i> — и долго спать. Проснувшись <i>испр.</i> Проснувшись; <i>Б. . . Чк</i> — Проснулся; <i>Ол</i> — Проснувшисья
23	17	услышал я; <i>АД</i> — услышал <i>доб.</i> я; <i>ЕфКб</i> — услышал
24	17—18	различить; <i>ОлРг</i> — различать
24	18	мог; <i>УвКлМиВрЧк</i> — не мог
27	24	ото — <i>АУвТхОлРгПд</i> ; <i>Б. . . Кб</i> — от; <i>Д</i> — от <i>испр.</i> ото
29	43, 5	в уважении; <i>МиКбОлРв</i> — во уважении
30	6	онные употребляли — <i>АЕфКбОлРгПд</i> ; <i>Б. . . Тх</i> — употреб- ляли онные (<i>Ми</i> — оную)

Наст. изд.	Печ.	
30	7	Полкан — <i>Б...Пд</i> ; <i>А</i> — Полкан, витязи <i>испр.</i> Полкан; <i>ВГш</i> — Палкан
31	9	русских; <i>ЕфКб</i> — российских
33	11—12	Не перебивай же моей речи — <i>Б...Пд</i> (<i>МиЕфКб</i> — ... мои речи); <i>А</i> — Перестань же перебивать мою речь <i>испр.</i> Не перебивай же моей речи
34	15—16	устерсы — <i>АОлРзПд</i> ; <i>Б...Кб</i> — устрицы
36	18	своей; <i>ЕфКб</i> <i>нет</i>
37	22	устерсов; <i>ЕфКб</i> — устриц
38	24	много стало у него — <i>АОлПд</i> ; <i>Б...Рз</i> — много у него стало; <i>Ми</i> — у его много стало
39	44, 3	к устерсам как — <i>АВВГшОлРзПд</i> ; <i>Кл...Тх</i> — к устерсам (<i>Тх</i> — устрисам) охотник как; <i>ЕфКб</i> — к устрицам как
41	7	мучениками; <i>А</i> — мученики
42	8	будет; <i>А</i> — буду; <i>ЕфКбОл</i> — станет
42—43	9	приказ; <i>А</i> — указ <i>испр.</i> приказ; <i>Чк</i> — указ; <i>Ми</i> — приказы; <i>Рз</i> — при указе
43	9—10	чтобы; <i>МиРз</i> — чтоб
18, 1—2	16	денешки — <i>АКлМиВр</i> ; <i>Б...Пд</i> — денешки; <i>ОлРз</i> — денши
3	18	куртке — <i>АМиТхЕфКбОлРзПд</i> ; <i>Б...Чк</i> — курке
3	18	чичкерах — <i>АВВТхПд</i> ; <i>Ув...Чк</i> — чичкерах; <i>ЕфКбОлРз</i> — чичкирах
6	24	его... его...; <i>Ми</i> — его... его высок...
6	45, 1	не так читаешь; <i>ЕфКб</i> — не так, не так
7	2	господину; <i>А</i> — гос... <i>испр.</i> господину
8	4	<i>С. Петербурге</i> ; <i>БВГшКлМи</i> — Санктпетербурге; <i>ЕфКбРз</i> — <i>С. П. бурге</i>
8—9	5—6	ваше высокопревосходительство; <i>А</i> — в. высокопревосход..
9—10	7—8	получишь, то возвращайся поспешно и нимало не медли; <i>А</i> — получишь, не медли ни мало <i>испр.</i> получишь+, ни мало не медли, <i>на поле доб.</i> возвращайся (?); <i>БЕфКбРз</i> — ... и нимало не медля
10	9	скажу спасибо не одно — <i>ВЕфКбОлРзПд</i> ; <i>А</i> — скажу спа- (<i>не дописано на переносе с листа на лист</i>); <i>Б...Тх</i> — ... ни одно
12	14	Куды; <i>КлМиЕфКб</i> — Куда
12—13	14—15	высокопревосходительство — <i>АЕфКбОлРзПд</i> ; <i>Б...Тх</i> — превосходительство
13	15—16	из-за тысячи — <i>АБКлОлРз</i> ; <i>В...Кб</i> — из затысячи; <i>Чк</i> — из тысячи
14	18	ему служить; <i>А</i> — служит ему
14	18	устерсы; <i>ЕфКб</i> — устрицы
14—15	19	не меньше — <i>АЕфКбОлРз</i> ; <i>Б...Тх</i> — не менее
15	19—20	ста пятидесяти; <i>А</i> — ста рублей <i>испр.</i> ста пятидесяти
16	22	милостью — <i>ЕфОлРзПд</i> ; <i>А</i> — милостью <i>испр.</i> милостью; <i>Б...Кб</i> — милостью
16—18	45, 23—46, 2	поворота... сивухи; <i>БВ</i> <i>в</i> <i>скобках</i> — (поворота... сивухи)
20	46, 6	бежит уже; <i>А</i> — бежит <i>доб.</i> уже; <i>В</i> — бежит уж; <i>Ми</i> — бежит; <i>Д</i> — бежал уже
20—21	6—7	наместнику (то ли дело, как где все в порядке); <i>А</i> — на- местнику <i>впис.</i> + , <i>но ничего не доб.</i> ; <i>ЕфКб</i> — наместнику
21	8	видна; <i>Чк</i> — видно
21	9	слышен; <i>А</i> <i>нет</i> ; <i>КбОлПд</i> — слышан
22	10	выговорить; <i>А</i> — лишь выговорить
22	11	курьер; <i>УвГш</i> — курьер; <i>Кб</i> — курьер
23	12	высокопревосходительство; <i>А</i> — превосходительство

Маст. изд.	Печ.	
23	13	кстати — <i>Б. . .Рг</i> ; <i>А ТхОлПд</i> — к статье
24	15	исправен; <i>Ми</i> — исправной; <i>ВрТх</i> — и справен; <i>Чк</i> — справен; <i>Ол</i> — и исправен
25	16	в год; <i>А</i> — на год; <i>Рг нет</i>
25	17	Петербург; <i>А</i> — один Петербург
26	17	раз — <i>ТхЕфКбОлРгПд</i> ; <i>А</i> — раз, и; <i>Б. . .Чк</i> — раз угодно, и
26	19	представление; <i>А</i> — в военную коллегию
27	21	удостоиваю; <i>А</i> — представляю
29—30	46, 24—47, 1	высокопревосходительства; <i>А</i> — превосходительства
30	47, 2	<i>С. П.</i> — <i>БВУвГшОлПд</i> ; <i>Д. . .Тх</i> — <i>С. Петербург</i> ; <i>КБРг</i> — <i>С. П. бург</i>
30—31	2—3	наинужнейшими; <i>БВЕфКб</i> — нужнейшими; <i>Д испр.</i> наи- нужнейшими
32	6	на ревизию; <i>ДЕфКбОл</i> — в ревизию
34	8	представлению; <i>БВ</i> — пре[] писанию
34	8	господина; <i>ТхЕфКбПд</i> — г-на; <i>Рг</i> — г.
34	9	проч. — <i>ЕфКбПд</i> ; <i>Б. . .Тх</i> — прочая; <i>ВрЧкОлРг</i> — пр. . .
35	11	мужской; <i>БВГш</i> — муской; <i>КбОл</i> — мужеской; <i>Рг</i> — му- жеский
36	12	добиваются; <i>ЕфКб</i> — добиватся
37	14	подамся — <i>ОлРгПд</i> ; <i>Б. . .Тх</i> — подаюся; <i>ЕфКб</i> — подашея
38	16	наградить — <i>БВЕфКбРрПд</i> ; <i>Ув. . .Ол</i> — наградить
38	17	а; <i>Д</i> — да <i>испр.</i> а
39	17—18	г. казначей — <i>РгПд</i> ; <i>Б. . .Ол</i> — господин казначей; <i>ЕфКб</i> — г-н казначей
39	18	уже другой; <i>ЕфКб</i> — уж другой; <i>Ол</i> — уже сколько
40	21	бы было; <i>ЕфКб</i> — было бы
41	22	Клементьич; <i>ЕфКб</i> — Клементьевич
41	22—23	пустяки-то; <i>КлРг</i> — пустяки; <i>Ол</i> — пустяки ты
41	23	молоть; <i>ЕфКбОл</i> — болтать; <i>Рг</i> — молотить
43	48, 2	Кузминична — <i>ТхОлРгПд</i> ; <i>Б. . .Кб</i> — Кузминична
44	4	и — <i>КлТхЕфКбОлРгПд</i> ; <i>Б. . .Чк</i> — а
46	8	которые; <i>БВ</i> — которые; <i>УвГшВрЧк</i> — которы
46	8—9	отправились; <i>Б</i> — отправилися

ПОДБЕРЕЗЬЕ

28, 20	86, 2	очнуться я; <i>БВ</i> — очнуться; <i>Д испр.</i> очнуться доб. я
20—21	4	сгрезил; <i>ЕфКбОлРг</i> — грезил
21	5	тяжелее; <i>МиРг</i> — тяжеле
23	10	пружин; <i>ЕфКб</i> — а пружин
24	11—12	искал, нет ли — <i>ЧкТхОлРгПд</i> ; <i>БВ</i> — и искал; <i>Ув. . .Кб</i> — искал
25	14	Лекарство; <i>Б</i> — Лекарству
25—26	14—15	со мною хотя всегда; <i>БВ</i> — со мною хотя; <i>Ми</i> — всегда со мною хотя и
29	21	Вспомнил; <i>ЕфКб</i> — Вспомнив
30	87, 1	Прасковья; <i>Еф</i> — Парасковья; <i>Кб</i> — Параскевья
30	2	Пятница; <i>Ми</i> — пьяница
31	3	говаривала — <i>ЕфКбОлПд</i> ; <i>Б. . .Рг</i> — говорила
31	4	головной боли; <i>Ми</i> — головы; <i>ЕфКб</i> — головной болезни
32	5	говаривала — <i>ЕфКбОлПд</i> ; <i>Б. . .Рг</i> — говорила; <i>Д испр.</i> говорила <i>испр.</i> говаривала
32	6	умерла бы; <i>ЕфКб</i> — бы умерла
35	10	излишне; <i>Кл</i> — излишнее; <i>Пд</i> — излишно
38	16	вежливая; <i>В</i> — важная

Наст, изд.	Печ.	
38	17	казалось; <i>ОлРз</i> — казалосся
39	19	Извини; <i>Рз</i> — Извините
40	21	вырос — <i>ЕфКбОлРзПд</i> ; <i>Б. . .Тх</i> — взрос
41	22	напудрен; <i>Гш</i> — напудрен; <i>Кл</i> — напудрин
42	88, 2	пройду; <i>Б</i> — пойду; <i>ВМи</i> — пройду
43	3	Слово за слово; <i>БВГш</i> — Слово, слово; <i>УвВрЧк</i> — Слово за словом
29, 2	10—11	науки; <i>БВУвГшЧк</i> — ночки; <i>КлВр</i> — ночьки; <i>Рз</i> — наук; <i>Д</i> — наук <i>испр.</i> науки
5	16	Тита Ливия; <i>БВУвГшКл</i> — Тита, Ливия; <i>Ми</i> — Тита Лавия
5	16—17	даже Тацита; <i>Кл</i> — Даже, Тацита
5	17	почти; <i>Еф</i> нет
6	18	знания — <i>ТхОлПд</i> ; <i>Б. . .Чк</i> — знаки; <i>МиРз</i> — знания; <i>ЕфКб</i> — знание; <i>Д</i> — звание
10	89, 3	уготовало; <i>Б. . .ТхРз</i> — уготовала; <i>КлПд</i> — уготована
11	5	ифику; <i>Б. . .Пд</i> — и физику; <i>Тх</i> — и физику и <i>испр.</i> физику и; <i>Рз</i> — физику и; <i>Д</i> <i>испр.</i> и физику <i>испр.</i> ифику и; <i>Ол</i> — и
11	5—6	Кутейкина — <i>ВУвВрЧкТхРз</i> ; <i>БГшКлМиЕфКбОлПд</i> — Кутейника; <i>Д</i> — Кутейника <i>испр.</i> Кутейкина
13	9	и схоластика; <i>Ми</i> — из холастика; <i>УвВрЧкЕф</i> — и схоластики; <i>Тх</i> — и зхоластики; <i>Ол</i> — и схоластина
16	16	дома; <i>В</i> — дому
19	23	отверстие — <i>БВГшЕфКбОлРзПд</i> ; <i>Ув. . .Тх</i> — отверстией; <i>Ми</i> — отверстиы
20	23	но преподаются; <i>Ми</i> — не продаются; <i>Рз</i> — не преподаются
20	24	прервав — <i>БВГшОлРзПд</i> ; <i>Ув. . .Кб</i> — прервал
21	90, 2	вышних; <i>ЧкРз</i> — вышних
23	6	доходило бы — <i>БВТх. . .Пд</i> ; <i>Ув. . .Чк</i> — доходило б
24	8	одного; <i>А</i> — одного тепершнего
24	8	лагинщика; <i>ОлРз</i> — латынщика
28	15—16	размышлений и разглагольствований — <i>испр.</i> по <i>АРз</i> ; <i>БУвВрЧкТхОл</i> — размышлении и разглагольствовании; <i>ВПдПеч.</i> — размышлений и разглагольствовании; <i>Гш</i> — размышлений и разгольствований; <i>Кл</i> — размышления и разглагольствования; <i>Ми</i> — и разглагольствии; <i>ЕфКб</i> — размышлений и разглагольствования
29	17—18	Гроций — <i>ОлПд</i> ; <i>Б. . .Рз</i> — Гораций; <i>УвЧк</i> — Горацци; <i>Кл</i> — Горация; <i>Д</i> <i>испр.</i> Гораций <i>испр.</i> Гроций
29	18	Монтескью — <i>ТхОлРзПд</i> ; <i>А</i> — Пуфендорф <i>испр.</i> Монтескью; <i>Б. . .Чк</i> — Монтескью; <i>В</i> — Монтескиои; <i>Ми</i> — Монтеское; <i>ЕфКб</i> — Монтескио
31	21	заставлять; <i>БВ</i> — заставить; <i>Д</i> <i>испр.</i> заставить
31	22	наших; <i>А</i> нет
132—33	91, 1	Как не потужить, — повторил он; <i>А</i> — И еще заставить потужить <i>испр.</i> Как не заставить потужить <i>испр.</i> Как не потужить +, на поле доб. + повторил он; <i>МиЕфКбРз</i> — Как не потужишь, — повторил он
33	3	преподавались; <i>ЕфКб</i> — преподавались
35	4	почталион; <i>БВГш</i> — почтолион; <i>МиЕф</i> — почтальон
39	12—13	почталиону; <i>Б</i> — почтолиону; <i>Ми</i> — почтальону
42	18	я и; <i>ЕфКб</i> — и
44	23—24	принимал, — так писано в законе русском; <i>А</i> — принимал доб.+; на поле + так писано в законе русском (?); <i>ЕфКб</i> — принимал, так написано в законе русском
45	92, 1	похоже; <i>ЕфКбРз</i> — похоже

Наст. изд.	Печ.	
46	3	ты; <i>A</i> — п ты <i>испр.</i> ты; <i>Еф</i> — и ты
47	5	говорит — <i>АМиТх. . . Пд</i> ; <i>Б. . . Чк</i> — говорил
30, 1	7	сказав; <i>БВ</i> — сказал; <i>Д</i> <i>испр.</i> сказал
4—5	14	тайную; <i>A</i> — тайную ныне
6	17	или; <i>КлМи</i> <i>нет</i>
6	17	что; <i>A</i> — что п
6	18	перемен; <i>АЕфКб</i> — премен; <i>Ми</i> — пределов
8	22	п; <i>A</i> — или п <i>испр.</i> п
8	22—23	системе; <i>A</i> — систнеме
9	24	оно; <i>Еф</i> <i>нет</i> ; <i>Ол</i> — он; <i>Рг</i> — оных
9	24	кругообразных; <i>БВГш</i> — круглообразных; <i>Еф</i> — накругообразных
9	92, 24—93, 1	коловоращающихся; <i>A</i> — коловратно вертящихся; <i>Кл</i> — околоворащающихся
10	93, 2	Шведенборга; <i>ВГш</i> — Швенденборга; <i>Ми</i> — Швиденборга; <i>Рг</i> — Шваденборга
11	4—5	чтоб быть живу, но для того — <i>АЕф. . . Пд</i> ; <i>Б. . . Тх</i> <i>нет</i>
12	7	покаюся; <i>Рг</i> — покаюсь; <i>Еф</i> — поклонюся
13	9	девочкою; <i>БВКлМиТхОл</i> — девочкою
14	11—12	арабские — <i>АВВМиПд</i> ; <i>Ув. . . Тх</i> — арапские; <i>Ол</i> <i>нет</i>
14—15	12	цифири — <i>Пд</i> ; <i>ЕфКб</i> — цифирп; <i>Б. . . Тх</i> — цифры; <i>Д</i> — цифры <i>испр.</i> цифири; <i>Ол</i> <i>нет</i> ; <i>Рг</i> — цифири
15	13	ероглифы; <i>ГшВрЧкТх</i> — и ероглифы; <i>Ув</i> — и ерогливы
16	15—16	бредоумствований; <i>Гш</i> — бредоумствований; <i>БМиВрЧкТхОлПд</i> — бредоумствований; <i>ЕфКб</i> — бредо-умствований
16	16	подобен; <i>МиЕфКб</i> — подобно
17	17	вitezям; <i>БВГшВрЧкТхОл</i> — вitezям
17—18	18	пеосязательность — <i>АЕфКбОлПд</i> ; <i>БВУвГшМи</i> — осязательность; <i>Кл</i> — осязанность; <i>ВрЧкТх</i> — осезательность; <i>Рг</i> — неосязаемость
19	21	близко; <i>A</i> — так близко
20	23	рабство; <i>БВ</i> — рабство и
20	24	пнквизция; <i>УвГшВрЧк</i> — п навпзция; <i>Ми</i> — инквинция
21	94, 1	то было; <i>A</i> — тому <i>испр.</i> то было
22	3	неутопимой — <i>АВВГшТх</i> ; <i>Ув. . . Пд</i> — неутомимой; <i>ДРг</i> — неутомимый
22	3	был; <i>В</i> <i>нет</i>
22	4	враг; <i>Рг</i> — враг; неутомимый
23	5	страшнее; <i>БВРг</i> — страннее
24	7—8	прежнюю — <i>АВВРгПд</i> ; <i>Ув. . . Тх</i> — прежнюю; <i>КлМиЕфКбОл</i> — прежнюю
25	9	свое пмеет — <i>АВВГшТхОлПд</i> ; <i>Ув. . . Чк</i> — своем пмеет; <i>ЕфКбРг</i> — имеет свое
27	14	царства — <i>АТхЕфКбРгПд</i> ; <i>Б. . . ЧкОл</i> — царство
28	15	пзнемогают; <i>Рг</i> — пзнемогают п
28	16	Места пребывания; <i>ВМи</i> — Место пребывания
29	17	даже; <i>В</i> — даже, п —
29	17	погибнут; <i>Д</i> — гибнут <i>испр.</i> погпбнут; <i>ЕфКб</i> — погибают
31	21	устранилось; <i>ОлРг</i> — устранилося
33	95, 1	папа; <i>Гш</i> — пака; <i>Ми</i> — паки
33	2	Лутер — <i>ОлПд</i> ; <i>Б. . . Рг</i> — Лютер
35	5—6	предубеждения — <i>Пд</i> ; <i>Б. . . Тх</i> — предупреждения; <i>Ми</i> — предупреждение; <i>Д</i> <i>испр.</i> предупреждения <i>испр.</i> предупреждения; <i>Рг</i> — или предрассуждения
35	6	папской; <i>Ол</i> — папшой; <i>Д</i> <i>испр.</i> папской
36	9	предрассуждений — <i>ВЕфКбРг</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — предрассуждения; <i>КлМи</i> — предрассуждения

Наст. изд,	Печ,	
37	11	вдалася; <i>В</i> — вдалась; <i>Д</i> — вдалась <i>испр.</i> вдалася
38	12—13	посагали; <i>УвВрЧкТх</i> — посагали
39	15	в образе; <i>БВУвГшЕфКбРз</i> — во образе
40	16	Не дошли; <i>Рз</i> — Не дошло
42	20	Разверни — <i>ВМиЕф. . . Пд</i> ; <i>Б. . . Тх</i> — Разверзни
43	22	словопрений — <i>АЕф. . . Пд</i> ; <i>Б. . . Тх</i> — словопрения
43	22	о речениях — <i>АЕф. . . Пд</i> ; <i>Б. . . Тх</i> — в речениях; <i>Д</i> <i>испр.</i> в речениях <i>испр.</i> о речениях
44	96, 1	смысл; <i>А</i> — истинный смысл <i>испр.</i> СМЫСЛ
44	1	Когда; <i>УвКлВрЧк</i> — и когда; <i>Ми</i> — иногда
46	5	может уместиться; <i>В</i> — уместиться может
47	6—7	предлежит; <i>Еф</i> — предложит
31, 1	9	полезной — <i>АТх. . . Пд</i> ; <i>Б. . . Чк</i> — полезен
2	11	деяний; <i>А</i> — происшествий <i>испр.</i> деяний
3	12	сотрясший — <i>АБВГшЕф. . . Пд</i> ; <i>Ув. . . Тх</i> — сотрязший
3	13	предубеждений — <i>АРз</i> ; <i>Б. . . Чк</i> — предупреждения; <i>ВЕфКб</i> — предупреждений; <i>Д</i> <i>испр.</i> предубежденный; <i>ТхОлПд</i> — предубеждении
3	13	он; <i>А</i> <i>нет</i>
4	14	выспренности; <i>Еф</i> — внутренностей
4	14—15	и когда — <i>АТх. . . Пд</i> ; <i>Б. . . Чк</i> — иногда <i>Кл</i> — и некогда; <i>Ми</i> — и никогда; <i>Д</i> <i>испр.</i> иногда <i>испр.</i> и когда
5	16—17	начинал; <i>А</i> — начинает; <i>ДЕфКб</i> — начал
5	17	силы; <i>А</i> — мысли
6	18—19	предрассудков; <i>Еф</i> — предрассудка
7	22	и заблуждению; <i>А</i> — и к заблуждению
8	22	устранит; <i>Рз</i> — устранил
8	24	заградит полет невежества; <i>Рз</i> — заградил полет невежеству
10	97, 4	посеял — <i>БВГшТх. . . Пд</i> ; <i>Ув. . . Чк</i> — посеял
11	5	Счастливыми — <i>Пд</i> ; <i>БВ</i> — Счастливые; <i>Ув. . . Тх</i> — Счастливы
11	5	назваться мы; <i>Еф</i> — мы назваться
14	10—11	предопределяются; <i>БВ</i> — представляются; <i>Д</i> <i>испр.</i> представляются <i>испр.</i> предопределяются
14	11	объяти — <i>ОлРзПд</i> ; <i>Б. . . КбД</i> — объятии; <i>ВГш</i> — объятый; <i>Ми</i> — объятие
14	12	нового; <i>Гш</i> <i>нет</i> ; <i>ЕфКб</i> — нашего
15	13	заблуждения — <i>КлЕф. . . Пд</i> ; <i>БМиЧкТх</i> — заблужденни;
16	15	<i>ВУвГшВр</i> — заблуждений
16—17	17	суждениях — <i>Еф. . . Пд</i> ; <i>Б. . . Тх</i> — осуждениях; <i>Кб</i> — усуждениях
16—17	17	ферментация — <i>ВрОлРзПд</i> ; <i>Б. . . Тх</i> — ферментация; <i>Ми</i> — фермопоуция; <i>ЕфКб</i> — ферментация; <i>Д</i> <i>испр.</i> ферментация <i>испр.</i> ферментация
18	20	премена . . . премена — <i>Пд</i> ; <i>Б. . . Рз</i> — перемена . . . перемена; <i>Д</i> <i>испр.</i> перемена . . . перемена <i>испр.</i> премена . . . премена
19	23	нисходить; <i>ЕфКбРз</i> — ниссходить
20	98, 2	соделаем; <i>ОлРз</i> — сделаем
21	2	добро, блаженны — <i>Тх. . . Пд</i> ; <i>БВол</i> — доброблаженныи; <i>ГшВр</i> — доброблаженный; <i>Кл</i> — доброблаженны;
		<i>УвЧк</i> — добро блаженны; <i>Ми</i> — доброжеланны
24	7	Акиба — <i>ТхОлРзПд</i> ; <i>Б. . . Кб</i> — Акиба *, <i>внизу сноски</i> : *Смотри Белев Словарь, статью (<i>Кл</i> — статья) Акиба; <i>Ми</i> — <i>сноска в тексте</i> — Акиба (смотри . . . Акиба)
24	7	вошед — <i>БВГшТхПд</i> ; <i>Ув. . . Чк</i> — пошед

Наст. изд.	Печ.	
24	8	равви — <i>ТхОлРгПд</i> ; <i>Б. . . Чк</i> — раввина; <i>ЕфКб</i> — равва;
25	10—11	<i>Д испр.</i> раввина <i>испр.</i> равви не на запад, но на север — <i>ТхПд</i> ; <i>Б. . . Чк</i> — не на Север, но на Запад
26	12	стоящему; <i>Кл</i> — стоящу
27	13	испражняться; <i>Еф. . . Рг</i> — испражнятися
28	16	Бен Газас — <i>ОлРгПд</i> ; <i>Б. . . Кб</i> — Бенгазас; <i>Кл</i> — Бенгадаг
28	16—17	обесстудил; <i>БВ</i> — обесстудил
29	18	извергающего; <i>Рг</i> — извергающа
31	22	Смотри . . . Акиба — <i>ТхОлРгПд</i> ; <i>Б. . . Кб</i> в виде сноски (см. выше)

НОВГОРОД

32, 37	103, 1	он его — <i>ЧкЕф. . . Пд</i> ; <i>Б. . . Тх</i> — он; <i>Д испр.</i> он доб. его
38	3	желание; <i>Еф</i> — желания
38	3	безопасности; <i>Рг</i> — безопасность
39	3—4	сохранности; <i>ОлРг</i> — сохранность
40	6	сила; <i>ЕфКб</i> — силу
40	6	Что ж; <i>ЕфКб</i> — Что же
44	14	него; <i>БВ</i> — небо
45	17	присвоет; <i>Б</i> — присвоит; <i>В</i> — присвоит; <i>Гш</i> — присвоет; <i>Кл</i> — присвоят
47	21	удовлетворения; <i>УвКлВрТх</i> — удовлетворение
47	21	нуждам своим; <i>Еф</i> — своим нуждам
47	22	он обращет — <i>ЧкЕф. . . Пд</i> ; <i>Б. . . Тх</i> — обращет
33, 1	23	двое — <i>УвВрЕфКбОлРг</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — двоя
2	104, 1	большее — <i>ЧкТхКбОлРгПд</i> ; <i>Б. . . ВрЕф</i> — больше
2	2	право; <i>БВ</i> — права
4—5	5—6	Неужели сие есть право естественное, неужели се основа- ние — <i>Чк. . . Пд</i> ; <i>Б. . . Вр</i> — Неужели се основание; <i>Д испр. по БВ</i>
6	9	было; <i>БВ</i> — было бы
7	12	на почте; <i>КлЕф</i> — по почте; <i>Чк</i> — папочте
8	13	и думает; <i>БВ</i> — а думает
8	14	поскорее; <i>В</i> — поскорая
9	15	Новгородской — <i>КлМиКбПд</i> ; <i>Б. . . Рг</i> — Новгородской;
9		<i>Чк</i> — Новгородской <i>испр.</i> Новгородской; <i>Д</i> — Новго- родской видно,—
10, 12, 14	16, 19, 22	Новгородцы — <i>КлМиПд</i> ; <i>Б. . . Рг</i> — Новгородцы
13	21	осьмью — <i>Пд</i> ; <i>Б. . . Вр</i> — осьмью; <i>Чк</i> — восьмью; <i>КлТхЕфКбРг</i> — 8; <i>Ол</i> — осьмью; <i>Д</i> — осьмью <i>испр.</i> осьмью
18	105, 5	Новгороде; <i>Еф. . . Рг</i> — Новгороде
18	6	вече; <i>В</i> — виче
19	7	вещах; <i>Еф</i> — делах
20	8—9	новгородцев — <i>БВКлПд</i> ; <i>Ув. . . Рг</i> — новгородцев
22	12	стоял; <i>Еф</i> — стоит
23	13	не все . . . не все — <i>Еф. . . Пд</i> ; <i>Б. . . Тх</i> — не всё . . . не всё; <i>Ми</i> — не все ли . . . не все ли
25	17	споткнушь — <i>ВМиЧкЕф. . . Пд</i> ; <i>Б. . . Тх</i> — спотыкнушь
25—26	18—19	Новгорода; <i>Еф. . . Рг</i> — Новгорода
26	20	вперед; <i>БВ</i> — впрעדь
26	20	Теперь пора; <i>В</i> — Пора
27	21	Дементьичу — <i>Б. . . Рг</i> ; <i>ВПеч.</i> — Дементьичу; <i>Ми</i> — Де- ментьичу; <i>ОлПд</i> — Дементьевичу; <i>ЕфКб</i> — Дементьевичу
28	22—23	откуды — <i>Пд</i> ; <i>Б. . . Рг</i> — откуда

Наст, изд.	Печ,	
29	24	Дементычъ; <i>ДЕФКБОл</i> — Дементьевичъ
29	25	сего купец — <i>БГшЧкЕф</i> . . . <i>Пд</i> ; <i>В</i> — сего онъ былъ купец; <i>Ув</i> . . . <i>Тх</i> — сего былъ купец
29	25	третьей — <i>БВРзПд</i> ; <i>Ув</i> . . . <i>ТхОл</i> — третей; <i>Кл</i> — третий; <i>МиЕфКб</i> — 3 ^я
32	106, 4	Благодетель твой — <i>БВТхЕфКБОл</i> ; <i>Ув</i> . . . <i>ВрРз</i> — благодетель мой; <i>Чк</i> — . . . твой <i>испр</i> . . . мой; <i>Пд</i> — . . . мой <i>испр</i> . . . твой
34	8	<i>Дед</i> ; <i>ВГш</i> — <i>Дет</i>
35	10	с 1737 году — <i>БВТхОлРз</i> ; с 1737 года — <i>Пд</i> ; <i>Ув</i> . . . <i>ЧкЕф</i> — в 1737 году (<i>Ми</i> — . . . 1737 ^м . . .); <i>Кб</i> — в 1737 ^{го} года
35	10	Дементычъ — <i>испр</i> . по <i>КлЧк</i> ; <i>Печ</i> . — Деменьтьпчъ; <i>БВДГш</i> — Дементьевичъ; <i>УвМи</i> — Деменьтьевичъ
35	11	в 1780 — <i>ЧкТхПд</i> ; <i>Б</i> . . . <i>Вр</i> — в 780; <i>Ми</i> — в 780 ^м ; <i>ЕфКб</i> — 1780 ^м ; <i>ОлРз</i> — в 1780 ^м
36	11—12	какой-то; <i>БВ</i> — какой-та
36	12	приладил; <i>ВЕф</i> — приходил
37	14	взяли они; <i>ЕфКб</i> — взял он
38	17	подарили; <i>ЕфКб</i> — подарил
40	20	Здоровья — <i>ТхОлРзПд</i> ; <i>БУвГш</i> — За здоровья; <i>ВКлМиВрЕфКб</i> — За здоровье; <i>Чк</i> — Здоровья <i>испр</i> . За здоровье; <i>Д</i> — За здоровье <i>испр</i> . Здоровья
41	22	меня; <i>Рз</i> — у меня
43	107, 2	бумашки — <i>ЧкКбПд</i> ; <i>ЕфОл</i> — бумажки; <i>Б</i> . . . <i>Рз</i> — бумаги
43	3	во удовольствие — <i>БВГшОлРзПд</i> ; <i>Ув</i> . . . <i>Кб</i> — в удовольствии
45	8	не спишу; <i>Рз</i> — не сниму
46	9	Лаватер; <i>ЕфКбРз</i> — Лафатер
46	10	узнавать; <i>БВ</i> — основать
34, 2	14	глаза серые — <i>Б</i> . . . <i>Тх</i> ; <i>ЧкЕф</i> . . . <i>Пд</i> . . . — глаза; <i>Д</i> — глаза <i>доб</i> . серые и <i>стерто</i>
5	20—21	сжимает кольцом; <i>Кл</i> — сжимает пальцом; <i>Ми</i> — выжимает кольцом
5	21	выпьет — <i>БВ</i> ; <i>Ув</i> . . . <i>Печ</i> . — непьет; <i>Д</i> <i>испр</i> . выпьет <i>испр</i> . непьет
6	22	полчарочки; <i>БЧкЕфКб</i> — полчарки
7	24	на счете; <i>БВМиЕфКб</i> — на счет
8	108, 2—3	запасу — <i>Чк</i> . . . <i>Пд</i> ; <i>Б</i> . . . <i>Вр</i> — запаса
8—9	4	миртовых — <i>Б</i> . . . <i>Вр</i> ; <i>Чк</i> . . . <i>Пд</i> — листовых; <i>Ми</i> — мар- товых
9	5	Аксиньины; <i>ЕфКб</i> — а Аксиньины
10	8	уже — <i>Чк</i> . . . <i>Пд</i> ; <i>Б</i> . . . <i>Вр</i> <i>нет</i>
12	11—12	сидельцем — <i>АКлЧкТхРзПд</i> ; <i>БВУвГшМиВрЕфКб</i> — си- дельцом; <i>Д</i> <i>испр</i> . сидельцем; <i>Ол</i> — сидельщиком
12	12	меряет — <i>АЧк</i> . . . <i>Пд</i> ; <i>Б</i> . . . <i>Вр</i> — мереет
14	16	Парасковья; <i>БКлМиРз</i> — Прасковья
14	16—17	его новобрачная — <i>АПд</i> ; <i>БВУвГшВр</i> — новобрачная его; <i>КлМи</i> — новобрачная его; <i>Чк</i> . . . <i>Рз</i> — его новобрачная
17	22	под вечерок; <i>ЕфКбРз</i> — под вечер
18	23—24	Подарок; <i>В</i> — это подарок
18	24	любезнова — <i>АЧкПд</i> ; <i>Б</i> . . . <i>Рз</i> — любезного
18	109, 1	дни; <i>Еф</i> — дня
21	5	силуеты; <i>Чк</i> — силуеты; <i>ЕфКб</i> — силуэты
22	7—8	силуете; <i>Чк</i> — силуэте; <i>ЕфКб</i> — силуэты
22	8	румяна; <i>ВКлЧкЕфКбРз</i> — румяны
25	11	кофе — <i>ЧкОлРзПд</i> ; <i>Б</i> . . . <i>ВрКб</i> — кофию; <i>МиТхЕф</i> — ко- фею; <i>Д</i> <i>испр</i> . кофию <i>испр</i> . кофе

Наст. изд.	Печ.	
26	14	от него-то — ЧкЕф. . . Пд; Б. . . Тх — от его-то
29	19—20	что законтрактовал; А — по контракту
31	23	ты; УвКлМиВрТх нет
33	110, 3	был в том году; А — был в тот год <i>испр.</i> был в том году; ЕфКб — в том году был
34	6	головная боль; БВУвГшКлМи — головная. . . Боль
34	6	благодетель; В — благодетель мой
35—36	9	на меня жаловаться; А — жаловаться на меня <i>испр.</i> на меня жаловаться
37	12	Как; А — Да как
37—38	13	коснуться; он не мой; А — коснуться <i>доб.</i> он не мой; Рз — дотронуться, он не мой
39	16	в несостояние; А — не в состоянии <i>испр.</i> в несостояние; Ми — не в состоянии
40	19	будущее; АВ — будущей
45	111, 4	Прикушай, прикушай, — я; Еф — Я и; Кб — Прикушай да прикушай, — я и
45	4	я почувствовал; А — я наконец почувствовал <i>испр.</i> я уже почувствовал
46	6	я бы; ЕфКб — я был
46	7—8	по счастью; Рз — по несчастью
35, 1	10	самой; В нет
3	14	размышление; А — недоумение
4	16	строгое и скорее; ВЕфКб — скорее и строгое
5	17	обязательствам; А — обстоятельствам
5	18	я доселе; А — я <i>доб.</i> доселе
6	20	новых времен изобретением; Еф нет
8	23—24	буде нет; А — буде
8	24	в дающем; БВГш — ведающем
9	112, 1	обязательство; А — обязательство нет
9	2	бумажка — А. . . Пд; БВУвКлМиЕфКбРз — бумажка
9	2—3	строгого; В — быстрого
10	3	взыскания; БВ — законовзыскания; Ув. . . Вр — закона взыскания; Д <i>испр.</i> законовзыскания <i>испр.</i> взыскания
10	4	ужели бы; А — и ежели бы <i>испр.</i> неужели бы; Ол — ежели бы
12	8	заимодавце ли или; МиРз — заимодавце или
13	11	заимодавец ли; ЕфКб — заимодавец или
14	12	не знал; В — знал
14	12	доверил; А — доверяет <i>испр. пер.</i> (?) доверил; КлРз — доверял
14—15	13	в оковах и в темнице; А — влекомый в темницу <i>испр.</i> в оковах в темнице; БВКл — в оковах и темнице
16	15	поверил; Рз — доверил
16	15—16	надеяся; КлЕфКб — надеялся
16	17	А если; МиОл — Если
18	19—20	не было бы, может быть — ЧкТхПд; А — не было бы <i>доб.</i> может быть; БУвГшКлВр — может быть; ВМи — может быть, и
18	21	Я; АЧк — И
19	21—22	думать; А — думать снова
19	23	и я; Ол — я; Пд — А я
ЗАЙЦОВО		
44, 6	147, 14—15	спускаясь; В — спускаясь
6	15	небольшой; КлМи — большой

Наст. изд.	Печ.	
9	22	не похожа; <i>ЕфКбОл</i> — непохоже
10	23	в Баба; <i>В</i> — в Баболово; <i>Рг</i> — в . . . баба
10	23	она; <i>БВ</i> — оно
13	148, 3	кривобокие и; <i>Рг</i> — кривобокие пли
14	5	увидев; <i>Ув. . . ВрЕфКб</i> — увидел
14	6	в нем; <i>КлМиЕфКб</i> — в ней; <i>Рг нет</i>
15	7	узнал; <i>ЕфКб</i> — увидел
16	9	Времени; <i>ЕфКб</i> — Время
19	15	тебе письмо; <i>ЕфКб</i> — тебе и письмо
20	17	и расстались; <i>ЕфКб</i> — и мы расстались
21	18—19	приятеля. Охотник; <i>ДЕф</i> — приятеля, охотника; <i>В</i> — приятеля. Я охотник
26	149, 2	Любезный — <i>ВЧкТхОлРгПд</i> ; <i>Б. . . ВрЕфКб</i> — Любезной
28	5	молодкой; <i>ЕфКб</i> — молодой
28	5	Причину — <i>БВЕф. . . Пд</i> ; <i>Ув. . . Тх</i> — Причина; <i>Чк</i> — Причина <i>испр. ред.</i> Причину
28	6	спарения; <i>ЕфКб</i> — старению
30	9	Госпожа; <i>ЕфКбРг</i> — г-жа
32	14	бедною; <i>Еф</i> — бедного
33	15	собратий — <i>ЕфКбРгПд</i> ; <i>Б. . . ТхОл</i> — собратии
34	17	милостыни; <i>МиРгПд</i> — милостыни
37	23	начинала — <i>Чк. . . Пд</i> ; <i>Б. . . ВрРг</i> — начала
38	150, 2	одиночеству; <i>КбОл</i> — одиночеству
38	3—4	больше; <i>ЕфКб</i> — более
40	6—7	достоинство красоты; <i>КлЕфКб</i> — достоинства красоты
41	10	изъялась из; <i>ЕфКб</i> — изъяснялась
43	13—14	забыто; <i>ЕфКб</i> — забыла
43	14	ее; <i>ЕфКб</i> — свое
44	15—16	мотов; <i>В нет</i>
46	19	<i>Н. . . ; А — Н (так же до конца эпизода)</i>
45, 2	23	солгано — <i>Чк. . . Пд</i> ; <i>А</i> — что солгано; <i>Б. . . Вр</i> — согласно
2	23—24	насмешник — <i>АВВЧк. . . Пд</i> ; <i>Ув. . . Вр</i> — насмешной
3	151, 1	Завтра; <i>БУвГш</i> — Завтра; <i>В</i> — Завтре
4	3	Неужели; <i>ЕфКб</i> — Неужли
4	4	разыгралась; <i>Еф</i> — разыгралася
5	6	крылошко — <i>ГшВр</i> ; <i>А. . . Пд</i> — крылышко
6	7	матка; <i>БВ</i> — мать; <i>Д испр.</i> мать <i>испр.</i> матка; <i>Рг</i> — матушка
6	8	наравне с молодыми; <i>ЕфКб</i> — с молодыми наравне
7	9	ветреницами. Я; <i>УвКлМиВр</i> — ветреница ли я
8	12	уже; <i>А</i> — уж
10	15	Я; <i>А</i> — Да я
10	15	не возьму; <i>А</i> — и не беру
11	17	меня старее; <i>Еф</i> — старее меня
13	19	По чести; <i>Рг</i> — Конечно
15	22	завтра — <i>АЧк. . . Пд</i> ; <i>Б. . . ВрОл</i> — завтре
15	23	ты; <i>А</i> — то
16	152, 1	<i>А</i> хотя; <i>БВ</i> — Хотя
16	2	но на; <i>Рг</i> — а на
17	5	обезумею; <i>Еф</i> — обезумлю
17—18	6	отдать; <i>А</i> — отдала <i>испр.</i> отдать
18	6	мое имение; <i>А</i> — свое имение
18	7	табакерочка; <i>Ол</i> — табатерочка
19	9	оставшаяся — <i>АЧк. . . Пд</i> ; <i>БВ нет</i> ; <i>Ув. . . Вр</i> — оставшая
20	11—12	женишка; <i>МиРг</i> — жениха; <i>Кб испр.</i> жениха
21	12	то; <i>А</i> — то и <i>испр.</i> то
21	13	сгоню с постели; <i>А</i> — с постели сгоню <i>испр.</i> сгоню с постели

Наст. изд.	Печ.	
22	14	табакерочка; <i>Ол</i> — табатерочка
23	17	нынешние; <i>БВ</i> — нынешний; <i>Гш</i> — нынешний
24—25	20	поглупее; <i>А</i> — поглупее, то и
25	21	будет; <i>Еф</i> — будут
27	24	одна — <i>АКлЧкЕф. . . Пд</i> ; <i>Б. . . Тх</i> — одно
27	153, 1	когда; <i>А</i> — что когда
27	1	чихну — <i>ЧкТхЕфКбПд</i> ; <i>А. . . ВрОлРг</i> — чихну; <i>Д</i> <i>испр.</i> чихну <i>испр.</i> чхну
29	4	буду; <i>А</i> — будешь
31	8	завтра; <i>БВУвГш</i> — завтра; <i>МиД</i> — завтра
31	8	через — <i>АВЧкТхПд</i> ; <i>Б. . . Рг</i> — чрез
33	11	(Чхает) — <i>АБВЧк. . . Пд</i> ; <i>Ув. . . ВрРг</i> — (Чихает)
33	11	воротится; <i>А</i> — воротиться
33	12	свой; <i>ЕфКб</i> <i>нет</i>
34	14	сегодня; <i>Еф</i> — сегодня; <i>Рг</i> — севодни
35	15	завтра — <i>АМиРгПд</i> ; <i>Б. . . Ол</i> — завтра; <i>В</i> — а завтра

ЕДРОВО

65, 37	233, 23	едровской; <i>ЕфКбЭй</i> — едровой
41	234, 6—7	Анютку; <i>БВГшЕфКбЭй</i> — Анюту
42	8	утерла — <i>АБВТхЕфЭйРгПд</i> ; <i>Ув. . . ЧкКб</i> — утёрла
43	10	перед ней — <i>АЧкТхЕфПд</i> ; <i>Б. . . ВрРг</i> — перед нею; <i>Д</i> — пред нею <i>испр.</i> пред ней; <i>КбЭй</i> — пред ней
44	12	хоть; <i>ЕфКбЭйРг</i> — хотя
44—45	12—14	<i>А</i> как пойдет в поле жать. . . загляденье; <i>Ми</i> <i>нет</i>
44—45	13—14	загляденье; <i>А</i> — Заглядится <i>испр.</i> Загляденье
45	14	Ванька; <i>Еф</i> — Ванюха
46	16	вечь; <i>АЕфКбЭй</i> — вить; <i>УвГшКлМиРг</i> — ведь
46	17	Анютки; <i>Рг</i> — Анюты
47	18	отбаярил; <i>КбПд</i> — отбаярил
47	19	Они и; <i>А</i> — Те и; <i>В</i> — Они
47	19	не тут-та; <i>Кл</i> — не тут-то; <i>Ми</i> — не тут-то было; <i>ЕфКб</i> — не туда; <i>Эй</i> — не тута
47	20	Ванюха; <i>В</i> — Ванюха-то; <i>ЕфКбЭй</i> — Ванька
66, 1	20—21	(Мы . . . в околицу); <i>АБВ</i> — Мы . . . в околицу <i>без скобок</i>
4	235, 4	повторил; <i>В</i> — повторял
4—5	4—5	я, наклоняясь и, подняв, развертывая. . . ; <i>А</i> — я <i>доб.</i> наклоняясь и подымая.

ВЫШНИЙ ВОЛОЧОК

74, 16	268, 1	Вышний — <i>Чк. . . Пд</i> ; <i>Б. . . Вр</i> — Вышней
17	3	города; <i>Рг</i> — городка
19	6—7	реку рукодельную — <i>ВрЧкТхЕфРг</i> ; <i>БВ</i> — руку рукодель- ную; <i>УвГшКлМи</i> — реку рукодельную; <i>Пд</i> — реку руко- дельною; <i>КбЭй</i> — руку рукодельную; <i>Д</i> — руку руко- дельную <i>испр.</i> реку рукодельную
23	15	их правителей; <i>В</i> — сих правителей; <i>Ми</i> — правителей их.
23	16	ужи; <i>БВ</i> <i>нет</i> ; <i>Д</i> — ужи <i>стерто и вновь доб.</i>
24	17	любопытный; <i>Рг</i> — любопытствовавший
24	18	обрящет; <i>БВУвГшКлМи</i> — обращает
25	19	в торговле; <i>В</i> — в торговлю
26	21	ныне по справедливости удивляются; <i>Рг</i> — поныне удив- ляться должно по справедливости
26	22	но о — <i>ВрЧкТхПд</i> ; <i>БВУвГшКлМи</i> — и о
27	269, 2	Дороги; <i>Кл</i> — о дороги; <i>Ми</i> — А дороги

<i>Наст. изд.</i>	<i>Печ.</i>	
29—30	6	без отделки нескоро заравняются; <i>Ми</i> — без отделки нескоро заравняются; <i>ЕфКб</i> — без отделки нескоро заравняются
32	9	барками, хлебом; <i>Б</i> — барками, хлебов; <i>ВМи</i> — барками с хлебом; <i>Д</i> — барками с хлебом <i>испр.</i> барками, хлебом
32	10	другим товаром; <i>ЕфКбЭй</i> — другими товарами
33	12	слиз; <i>УвКлМиЕф. . . Пд</i> — шлюз
34—35	14	и избытки — <i>РзПд</i> ; <i>Б. . . Эй</i> — избытки
35—36	16—17	побудитель; <i>Б</i> — победитель; <i>Д</i> — победитель <i>испр.</i> побудитель
38	21	увяло; <i>БВ</i> — увядало
39—40	269, 24—270, 1	многих краях России; <i>ЕфКбЭй</i> — многих в России
40	270, 2	Удовольствие; <i>А</i> — и удовольствие
41	3	переменилось; <i>ЕфКбЭй</i> — пременилось
42	5—6	взирая; <i>А</i> — и взирая <i>испр.</i> взирая
42	6	к нам; <i>ЕфКбЭйРз</i> — нам
43	7	драгие; <i>ВЕфКбЭй</i> — другие
43	7—8	произращения; <i>В</i> — произращении; <i>Ми</i> — произрастения
75, 1	9	другие; <i>А</i> — прочее <i>испр.</i> другие
4	14	и сахар; <i>УвГшКлМи нет</i>
4	15	лишали; <i>ВДВрЧкТх</i> — лишили; <i>БУвГшКлМи</i> — лишила
6	18	стенаний; <i>БВУвГшКл</i> — стенания; <i>МиЧкТхПд</i> — стенания
6—7	19—20	жестокосердой — <i>А</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — жестокосердый
7	21	прещения; <i>А</i> — прещения во благе
7	21	сопутствовавший — <i>БВУвЧкТхРз</i> ; <i>АЕфКбЭйПд</i> — сопутствовавшей; <i>ГшКлМи</i> — сопутствовавши
8	22	поколебнул; <i>В</i> — поколебал
8	23	Рука моя задрожала; <i>А</i> — Руки мои задрожали
8	24	кофе; <i>Рз</i> — кофей
10	271, 1	Петербурга; <i>А</i> — С. Петербурга
13	8	помыслите; <i>ЕфКбЭй</i> — помните
15	13	оной; <i>МиРзПд</i> — он
16	13	Блаженны; <i>А</i> — Блажен; <i>ЕфКбЭй</i> — блаженный
16	14	вами; <i>А</i> — тобою
16	15	классов; <i>ГшКлМиЕфРз</i> — классов
17	16	казенною; <i>А</i> — казенной <i>испр.</i> казенною
19	21	почили; <i>А</i> — почило <i>испр.</i> почили
19	21	скорбь; <i>КлМи</i> — скорби
21	24	делах; <i>БВУвКлМи</i> — делех; <i>Д</i> — делах <i>испр.</i> делех
21	272, 1	Блюдитесь; <i>А</i> — Блюда <i>испр.</i> Блюдися
21	1—2	не отравлены будете; <i>А</i> — не отравлен будешь
22	2	вами; <i>А</i> — тобою
23	4	Отрините — <i>ТхЕфКбЭйПд</i> ; <i>А</i> — Отрини; <i>Б. . . ВрРз</i> —
		Отриньте; <i>Чк</i> — Отрите; <i>Д</i> — Отриньте <i>испр.</i> Отрините
23	4—5	ваших; поститесь; <i>А</i> — твоих. Постися
25	7—8	некотором помещике; <i>А</i> — кротком человеке по имени, но не в деяниях
26	9	своей; <i>А нет</i>
26	10	подобных; <i>БВ</i> — подобном
27	11	не имеем; <i>БВУвГшВр</i> — не имеет
29	17	просторечию; <i>А</i> — простодушию <i>испр.</i> просторечию
29	17	по просторечию называют; <i>Рз</i> — по простонаречию называется
30	18—19	сискать; <i>ЕфКбЭй</i> — сыскать; <i>Рз</i> — искать
30	19—20	приобрел; <i>А</i> — и приобрета <i>испр.</i> и приобрев; <i>БВ</i> — и приобрел; <i>Д</i> — приобрел <i>испр.</i> и приобрел

Наст. изд.	Печ.	
31	21	в двести — <i>АВВПд</i> ; <i>УвГшКлМи</i> — с двести; <i>Вр. . . Рг</i> — двести
31	21—22	определил себя; <i>А</i> — определил <i>доб.</i> себя; <i>ГшКлРг</i> — определил себе
32	22	прибытка; <i>А</i> — прибытка упражняяся <i>испр.</i> прибытка
32	23	определял; <i>БВЕфКбЭйРг</i> — определил; <i>Д</i> — определил <i>испр.</i> определял
33	273, 2	употребление; <i>А</i> — употребление из
35	6	уподобить; <i>Еф</i> — употребить
35—36	6—7	орудиям; <i>Еф</i> — орудием
36	8	уподобил их; <i>ЕфКбЭй</i> — употребил; <i>Рг</i> — употребил их
38	11	устреmlяющимися; <i>А</i> — устреmlяющихся <i>испр.</i> устреmlя- ющимися
38	11—12	грудю; <i>ЕфКбЭй</i> — грудью
39	13	своея; <i>Рг</i> — своей
41	17	в воздаяние; <i>Еф</i> — воздаяние
42	21	их и детей; <i>БВ</i> — и их детей; <i>Ми</i> — их детей; <i>Д</i> <i>испр.</i> и детей их <i>испр.</i> их и детей
43	23	не умирали; <i>Б</i> — не умерли
44	24	выдавал; <i>БВУвГшКлЕфКбЭй</i> — выдал
45	274, 2	известное; <i>ЕфКбЭйРг</i> — известной
47	7	пустые; <i>Рг</i> — посные
47	7	шти; <i>КлМиРгПд</i> — щи
76, 1	9	розговины; <i>А</i> — разговины; <i>БВрЧкТхЕфКб</i> — розговены; <i>КбЭй</i> — розговены; <i>Д</i> — же розговенья <i>испр.</i> розговинь
1	9—10	бывали разве; <i>А</i> — были только разве; <i>Б</i> — бывали
7	19	Дозволение; <i>Еф</i> — Дозволения
7	20	не отымал; <i>БВДУвГшКлМиЕфКбЭйРг</i> — не отнимал
8	22	умереннее; <i>А</i> — умерен
9	275, 1	иногда брал — <i>АТх. . . Пд</i> ; <i>БВ</i> — иногда брал к; <i>Ув. . .</i> <i>Чк</i> — иногда брал; <i>Д</i> — брал иногда <i>доб.</i> к
11	3—4	заведении неудивительно; <i>БВ</i> — заведении — — — неуди- вительно
11	4	в деревне; <i>Еф</i> нет
12	6	худой был; <i>ЕфКбЭй</i> — был худой; <i>Д</i> — был худой <i>испр.</i> худой был
14	9—10	сам-десять; <i>А</i> — сам двадцат
14	11	душам; <i>БВДУвГшКлМи</i> — душ
15	12	своему; <i>ЕфКбЭй</i> — к своему
15	13	сими — <i>АВрЧкТх</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — ними
17	16	он считает их; <i>А</i> — считает <i>испр.</i> он считает их
17	17	тысячами; <i>Б</i> — тысячаму
21	24	наравне; <i>АВУвГшЧкЕфКбЭйРг</i> — наравне
22	276, 1	вздирати; <i>Еф</i> — взорати; <i>КбЭй</i> — взирати
22	1	борозду; <i>АРг</i> — брозду; <i>ВЕфКбЭй</i> — бразду
22	2—3	почитаем; <i>А</i> — считаешь <i>испр.</i> почитаем
22	3	чтоб — <i>АЧкТхКбЭйРг</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — чтобы; <i>Д</i> <i>испр.</i> чтобы <i>испр.</i> чтоб
23	4	а желудки пусты?; <i>Б</i> — О желудки пусты? <i>В</i> — О! же- лудки пустые!; <i>Вр</i> — аледутки пусты?
24	6	тысящи; <i>КлВрЧкТхРг</i> — тысячи
24	6—7	кровопийца; <i>Еф</i> — кровопийцы
26	11	ставят; <i>БВ</i> — оставлят
31	20	мщение; <i>А</i> — мучение <i>испр.</i> мщение
31	21	орудия — <i>АЧкТхПд</i> ; <i>БВУвГшКлМи</i> — орудие; <i>Вр</i> — ору- дии
32	22	овины; <i>ЕфКбЭй</i> — гумно

Наст. изд.	Печ.	
32	23	пепл; <i>КлМиРзПд</i> — пепел
32	23	на них же; <i>ЕфКбЭй</i> — по них же
32—33	23—24	совершалось; <i>ЕфКб</i> — свершилось; <i>Эй</i> — свершалось
ТОРЖОК		
83, 28—31	305, 14—20	Прощаясь со мною... и скажи мимо; <i>А</i> нет; <i>В</i> вписано мелкими буквами, отличными от предыдущего и последующего текста
22	15	тетрадку; <i>В</i> — тетратку
29	17	читай; <i>ЕфКбЭй</i> — почитай
29	17	перед тобою; <i>ВМиЧк...Пд</i> — пред тобою
30	19	ценсурному; <i>В</i> — ценсурскому; <i>КлМиЕфКбЭй</i> — цензурному; <i>ЧкТх</i> — ценсорскому
30	20	загни; <i>БВУвГшКлМи</i> — зачни; <i>Д</i> — зачни <i>испр.</i> загни
32	306, 1—2	происхождении цензуры; <i>А</i> — цензуре <i>испр.</i> происхождении цензуры; <i>КлД</i> — происхождении цензуры (<i>и далее так же</i>)
34	5	принадлежат; <i>БДУвГшКлЕфРз</i> — принадлежит
35	7	то есть; <i>МиТхЕф</i> — т. е.
35	8	приказное; <i>БВ</i> — приказных; <i>Д</i> <i>испр.</i> приказных <i>испр.</i> приказное
36	9	ничего; <i>Еф</i> — и ничего
37—38	13	священнослужители; <i>Пд</i> — священные служители
38	14—15	отягчался; <i>БВДУвГшКлМи</i> — отличался; <i>Пд</i> — тягчился
39	16	подстригали; <i>УвГшКлВр</i> — подстригли; <i>Ми</i> — подстригла
41	19	протекшие; <i>В</i> — протекши
42	22—23	иногда; <i>А</i> — или <i>испр.</i> иногда; <i>Вр</i> — иногда <i>испр.</i> и иногда; <i>Чк</i> — иногда и; <i>ЕфКб</i> — и когда
44	307, 2	Протагоровы; <i>БВ</i> — Пифагоровы; <i>ЕфКб</i> — приговоры; <i>Д</i> <i>испр.</i> Пифагоровы
84, 1	4	сжечь; <i>А</i> — сжечь ^(а) (<i>самой сноски нет</i>) <i>испр.</i> сжечь
1	5—6	на незагладимое; <i>Эй</i> — но не загладимое; <i>Рз</i> — на неизгладимое
2	7	вочеловеченную; <i>УвГшКл</i> — вочеловеченною
3	8	больше; <i>БВДУвГшКлМи</i> — более
3	9—10	Тит Ливий; <i>УвГшЧк</i> — Тит Ливии
4	12	повелением; <i>А</i> — по повелению <i>испр.</i> повелением
5	13	случалось; <i>Ми</i> — случалось; <i>Рз</i> — случалось
6	14	претору; <i>ЕфКбЭй</i> — Петрарку
7—8	18	человеческого разума; <i>Еф</i> — разума человеческого
8	18—19	Неужели; <i>Ми</i> нет; <i>Еф</i> — Но ужели
9	21	в; <i>Б</i> — во
10	23	совершаемому; <i>Еф</i> — совершенному
11	308, 1	оставляли; <i>ЕфКбЭй</i> — а оставляли
13	4	гаданию; <i>БВ</i> — гадания; <i>УвГшКлМиТх</i> — гадание
14	7	приняла; <i>БВ</i> — принесла; <i>Д</i> <i>испр.</i> принесла <i>испр.</i> приняла
15	8	чтоб; <i>В</i> — чтобы
18	15	говорит Сенека; <i>БВ</i> — говорят: «Сенека; <i>Д</i> <i>испр.</i> по <i>БВ</i>
20	18	извлекать; <i>Еф</i> — извлекает
24	309, 2	сочинений; <i>УвКлМи</i> — сочинения; <i>ГшВр</i> — сочинении
24	3	видел; <i>БВУвГшКлМи</i> — увидел; <i>Д</i> — видел <i>испр.</i> увидел
26	6—7	собственному» (**). Дажь; <i>БВ</i> — собственному даждь (<i>в цитату включен текст до конца абзаца</i>)
27	7—8	обращалось; <i>МиРз</i> — обращалось; <i>Чк</i> — обращало
27—28	9—11	гонение на мысль, зрел всегда свои осмеянными, в поругании и на истребление; <i>БВУвГшКлМи</i> — гонение и на истребление

Наст. изд.	Печ.	
41	14	издавшего; <i>Еф</i> — издававшего
42—43	17—18	реестр. (***) Кассий; <i>БВ</i> — реестр, какие; <i>УвГшКлМи</i> — реестр. (***) Какие (<i>Ми</i> — . . . Какия — основной текст и 2-е примечание перемешаны и перепутаны)
43	18	Лабиевия; <i>БВ</i> — Лабиниев
43	19	писания; <i>БВДУвГшКлМиРзПд</i> — писания; <i>ЕфКбЭй</i> — писание
46	25	и в других; <i>Еф. . . Рз</i> — и других
31	310, 2	гонение — <i>испр. по А. . . Рз</i> ; <i>МиВрЧкТхПд</i> — гонения
31—32	2—3	обращался; <i>МиРз</i> — обращалось
32	3	только; <i>А</i> — токмо
33	6	Кассия; <i>БВУвГшКлМи</i> — Нассия
34	8	Лабиевиевы; <i>А</i> — Лабиевены; <i>БВ</i> — Лабиниевы; <i>Еф</i> — Лобиевены; <i>Рз</i> — Лабиеновы
35	11	во; <i>КлМиЧкТхЕфКбЭй</i> — в
36	11	Кремуциеву книгу; <i>Рз</i> — Кремуциевы книги
36	12	с; <i>Б</i> — со
36	12—13	остались списки; <i>А</i> — списки остались <i>испр.</i> остались списки; <i>Еф</i> — остались списки
38	15	что; <i>УвГшКлМи</i> нет
38	17	воспоминование; <i>ЕфКб</i> — воспоминования
39	18	Хотя; <i>БВУвГшКлМи</i> нет
40	19	но; <i>ГшКлМиВр</i> — над; <i>Ув</i> — на <i>испр.</i> над
40	20	устроила; <i>Рз</i> — устроила
40	21	им; <i>БВ</i> — а им; <i>Д</i> <i>испр.</i> а им <i>испр.</i> им
40	21	славу.; <i>А</i> — славу ^{1а} . (<i>самого примечания нет</i>) <i>испр.</i> славу.
85, 2	24	Сирском.; <i>А</i> — Сирском ^{1б} . (<i>примечания нет</i>)
2	24	Равной; <i>УвГшКлМиТх</i> — Равно и
2—3	311, 1	христиан.; <i>А</i> — христиан ^{1в} . (<i>примечания нет</i>) <i>испр.</i> христиан; <i>Рз</i> — христиан.
3	2	Диоклитиян; <i>Рз</i> — Диоклитиян
4	3—4	сожжению.; <i>А</i> — сожжению ^{1г} . (<i>примечания нет</i>) <i>испр.</i> сожжению.
6	8	и мнения; <i>БВУвГшКлМиТх</i> — имения
6—7	10	укореняет их и распространяет — <i>испр. по А</i> <i>испр.</i> <i>Ми</i> ; <i>ЧкЕфКбЭйПдПеч.</i> — укоренят их (<i>ЕфКбЭй</i> нет) и распространяют; <i>А</i> — укоренят их и распространяют ^{1д} . (<i>примечания нет</i>) <i>испр.</i> укореняет их и распространяет; <i>БВУвГшКлВрТхРз</i> — укоренять их (<i>Рз</i> нет) и распространять; <i>Д</i> <i>испр.</i> — укоренят их и распространяют
7	11	Арнобий; <i>ЕфКбЭй</i> — Орнобий
7	11	восстает; <i>Рз</i> — восставал
10	17—18	важность опровергают; <i>Рз</i> — опровергают важность
13	22	Но по; <i>БВ</i> — И по; <i>Д</i> — Но по <i>испр.</i> И по
13	23	исповедания; <i>Рз</i> — закона
13	23—24	священнослужителей; <i>ГшТх</i> — священнослужителей; <i>Ув</i> — священнослужителей <i>испр.</i> <i>ред.</i> священнослужители
14	24	оного; <i>Рз</i> нет
14	312, 1	писаний — <i>АБВ</i> ; <i>КлМиРз</i> — писания; <i>Ув. . . Пд</i> — писании
15	3	порицали; <i>Еф</i> — прорицали
16	4	знаком; <i>Еф</i> — законом
16	5	недоверения; <i>ЕфКб</i> — недоверия
17	6	ополчились; <i>А</i> — ополчились против <i>испр.</i> ополчились
20	12	и учения; <i>БВ</i> нет
20	12	понимал; <i>УвГшКлМиВрТх</i> — понимали
20	13	с ними различно; <i>А</i> — различно с ними

Наст. изд.	Печ.	
20—21	13—14	распростерлося; <i>БВУвГшКлМиТх</i> — распростерлось; <i>Д</i> <i>испр.</i> распростерлось <i>испр.</i> распростерлося
23	18	запретил; <i>БВУвГшКлМиТх</i> <i>нет</i>
26	23	огню; <i>А</i> — огню ^(а) . <i>Примечание на поле:</i> ^(а) Смотри Baillet Jugemens des Savans. Т. I. <i>испр.</i> огню.
26	23—24	Халкидонском — <i>АВМиКбЭйПд</i> ; <i>БУвГшКлТхРз</i> — Хал- кедонском; <i>ВрЧк</i> — Халкидонском; <i>Еф</i> — Холкидонском
27	313, 3	таковые; <i>А</i> — их таковые <i>испр.</i> таковые
28	5	или; <i>БВУвГшКлМиТхРз</i> — и
29	6	разуму; <i>УвГшКл</i> — разумы; <i>Тх</i> — разума
29	6—7	трудится — <i>А</i> ; <i>БВРз</i> — трудиться; <i>Ув. . . Пд</i> — трудится
30	8	шествие; <i>БВ</i> — шествия
31	10	мнений; <i>А</i> — мнения; <i>УвГшКлМиЧк</i> — мнения; <i>Рз</i> — мыслей
33	14	Лутера; <i>А</i> — Лютера <i>испр.</i> Лутера; <i>БВДГшМиЕфКбЭй</i> <i>Рз</i> — Лютера
34	15	если бы; <i>А</i> — если <i>доб.</i> бы
40	314, 1	Апокалипсис; <i>ВМиЧкКб</i> — Апокалепис; <i>Вр</i> — Опокалип- сис; <i>Эй</i> — Апокалебис
41	4	его; <i>БВУвГшКлМиТх</i> — оно; <i>Д</i> <i>испр.</i> оно
42—43	6—7	продолжает; <i>А</i> — говорит
44	9	непринужденно; <i>А</i> — непривужденно ^(а) . (<i>примечания нет</i>) <i>испр.</i> непринужденно
46	13	примера; <i>А</i> — примеру
86, 1	17	у нас — <i>АЧкПд</i> ; <i>Б. . . Тх</i> — у вас
1	18	разум; <i>А</i> — разум и <i>испр.</i> разум
2	20	в свет; <i>Еф</i> — в свете
3	22	постыдное; <i>Еф</i> — бесстыдное
4	22—23	предоставлено; <i>МиЕфКбЭйПд</i> — представлено
4—5	24	современна; <i>А</i> — предтечу; <i>ВМиЕфКбЭй</i> — современна
8	315, 5	недоверие; <i>А</i> — недоверение
8	5—6	утверждаемой; <i>А</i> — нами утверждаемой
9	7	истреблять; <i>А</i> — истребить <i>испр.</i> истреблять
9	9	дерзал; <i>ЕфКбЭй</i> — дерзал
10	9—10	в неизвестность морей; <i>БВ</i> — в неизвестном мире; <i>Гш</i> — в неизвестность моря; <i>Д</i> <i>испр.</i> в неизвестном мире <i>испр.</i> в неизвестность морей; <i>ЕфКбЭй</i> — неизвестность морей; <i>Рз</i> — в неизвестности морей
10	10	искание; <i>ВрЧкТх</i> — изыскание
11	11	бытие; <i>БВДУвГшКлМи</i> — быть; <i>Тх</i> — быть <i>испр.</i> бытие
11	12	в природе силы; <i>Рз</i> — силы в природе
11	12	Ньютоном — <i>АТхЕфКбЭй</i> ; <i>БВ</i> — Иютоном; <i>Ув. . . Чк</i> — Не- тоном; <i>Кл</i> — <i>испр. ред.</i> Ньютоном; <i>Рз</i> — Ньютоном; <i>Пд</i> — Нютоном
11	12—13	доказанной; <i>А</i> — утвержденной <i>испр.</i> доказанной; <i>Еф</i> <i>КбЭй</i> — после доказанной
12	13—14	начертавший; <i>УвПд</i> — начертавшими; <i>ГшКл</i> — начертавши
12	15	телесам; <i>ЕфКбЭйРз</i> — телам
12—13	15	Коперник; <i>БВУвГшКлМиВр</i> <i>нет</i>
14	18	рождала иногда; <i>А</i> — рождала <i>доб.</i> иногда; <i>ВУвВрЧкТхРз</i> — раждала иногда; <i>Ми</i> — разсуждала иногда
15—16	21	иллюминатов; <i>В</i> — иллуменатов; <i>ЕфКбЭй</i> — иллюменатов
18	23—24	на печатание; <i>Рз</i> — на напечатание
18	316, 1—2	печатанной — <i>Еф. . . Пд</i> ; <i>Б. . . Тх</i> — напечатанной; <i>Д</i> <i>испр.</i> напечатанной <i>испр.</i> печатанной
19	3	божим — <i>Еф. . . Пд</i> ; <i>Б. . . Тх</i> — божием
20	5	Далматии; <i>ЕфКбЭйРз</i> — Далмации
22	8	таковому. <i>Еф</i> — такому

Наст. изд.	Печ.	
22—23	9—10	доверению; <i>ВУеТх</i> — доверию
30	24	свою; <i>Рз</i> нет
30	24	позволят; <i>Рз</i> — дозволят
31	317, 2—3	мысли; <i>Еф</i> — мыслей
32	5	и пр.; <i>В</i> — и про.; <i>ЕфКбЭй</i> — и проч.
34	8	Бертольд — <i>АМиРз</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — Бертолд; <i>ЕфКбЭй</i> — Бертолет
35	10	архиканцлер — <i>испр. по Б. . . Пд</i> ; <i>АПеч.</i> — архиканцлер
35	10—11	курфирст; <i>КлПд</i> — курфист; <i>Ми</i> — курфистр
36	13	печатания; <i>МиЕф</i> — печатание
40	21—22	злоречие; <i>УвГшВрТх</i> — злоречии; <i>Кл</i> — злоречий; <i>МиЧк</i> — злоречия
45	23	изданный; <i>В</i> — зданный
45	24	Гуденом; <i>В</i> — Гуйденом; <i>Пд</i> — Гудюном
42	318, 3	касающиеся; <i>А</i> нет
44	7	что ж сказать; <i>А</i> — что ж <i>доб.</i> сказать; <i>ЕфКбЭй</i> — что же сказать
86, 44—	8—9	законоположений; <i>МиВрЧкТхПд</i> — законоположении;
87, 1		<i>Уе</i> — законоположения
87, 1	9	искусными; <i>Ми</i> — искуснейшими
2	11	писаны; <i>А</i> — они писаны <i>испр.</i> писаны
3	14	ученейшего; <i>В</i> — ученого
4	15	достаточна; <i>Рз</i> — достаточна и
14	319, 11	предложению; <i>Ув. . . Тх</i> — приложению; <i>В</i> — приложению <i>испр.</i> предложению; <i>Рз</i> — переложению
16	14	исповедания; <i>Рз</i> — закона
16	15	точнейше и разумнейше; <i>ВРз</i> — точнейшее и разумнейшее
17	17	на сказанное; <i>МиРз</i> — несказанно; <i>Пд</i> — несказанное
18	18	весьма; <i>Рз</i> — и весьма
19	20	сооружали; <i>Рз</i> — не сооружали; <i>Пд</i> — сооружили
23	320, 4	Евангелия; <i>Рз</i> — писания
24	7	прибавлений — <i>ВВКлЕфКбЭйРз</i> ; <i>Ув. . . Пд</i> — прибавлении
24	7	исправлений — <i>ВВКлВрЕфКбЭй</i> ; <i>Ув. . . Пд</i> — исправлении
24	8	писцовых; <i>ЕфКбЭй</i> — писцов
25—26	11	писаниях — <i>испр. по Б. . . Тх</i> ; <i>ВрЧкЕф. . . Пд</i> — писателях
28	15	сказанного; <i>ВЕфКбЭй</i> — сказано
29	17	граде; <i>В</i> — городе
30	18—19	божественно; <i>Рз</i> — божественно
30	19	в оном; <i>ВМи</i> — во оном
30—31	19—20	исправленно и обогащено — <i>АПд</i> ; <i>Б. . . Рз</i> — исправлено и обогащено; <i>Вр</i> — исправлено и обогащено
31	22	нашу — <i>АВрЕф. . . Пд</i> ; <i>В. . . Тх</i> нет
32	22	важность; <i>А</i> — за важность <i>испр.</i> важность
34	321, 3—4	и злодеев; <i>А</i> — и злодеях; <i>ВВ</i> — злодеев
35	5—6	дело здесь; <i>А</i> — дело <i>доб.</i> здесь
37	10	они; <i>А</i> — сей
37	11	были; <i>А</i> — был
39	13	звании; <i>Еф</i> — звании
41	17	только; <i>ВВ</i> — только
43	21	печати; <i>Рз</i> — печатания
43—44	22—24	иметь отверстого дозволения на печатание или издание в свет от любезных; <i>А</i> — иметь от любезных
44—45	322, 1	и благородных; <i>Ми</i> нет; <i>УвГшТх</i> — и благородных
45	3	во граде; <i>Вр</i> — в граде; <i>ЧкЕфКбЭй</i> — в городе
46	4—5	де Наумбурха — <i>ВВГшВрЧкРз</i> ; <i>А</i> — де Нумбурха; <i>УвКлМиТх</i> — де Наумбурга; <i>ЕфКбЭй</i> — Денаумбурга; <i>Пд</i> — же Наумбурга

Наст. изд.	Печ.	
46	5	касающемся; <i>БВУвГшКлМиТх</i> — касающихся
47	6	Дидриха; <i>ЕфКбЭйРг</i> — Дидриха
47	7	де Мешедя; <i>ЕфКбЭй</i> — Демешедя
88, 1	7—8	во врачебной; <i>А</i> — в врачебной
1	8	Елера — <i>АБВРгПд</i> ; <i>УвГшКлМиТх</i> — Эллера; <i>ВрЧк</i> — Еллера; <i>ЕфКбЭй</i> — Эллера
1	8—9	во словесности; <i>АРг</i> — в словесности
2	10	Ерфурте; <i>Б</i> — Ерфуте; <i>УвГш</i> — Эрфурте
2	11	магистров; <i>А</i> — магистров, отверстого дозволения на печатание или издание в свет
4	15	одним богословии; <i>А</i> — богословии
4	16	и одним; <i>В</i> — одним
5	17	и лиценциатами — <i>АГш</i> ; <i>Б</i> — цеценциатами; <i>ВУвКлМи</i> — или ценциатами; <i>ВрЧк</i> — и лецинциатами; <i>ТхПд</i> — или ценциатами; <i>ЕфКбЭй</i> — илиценциантами; <i>Рг</i> — и лиценциатами; <i>Д</i> — или лиценциантами <i>испр.</i> или лиценциатами
6	18—19	жалованье содержимы; <i>ВрЧк</i> — жалованьи содержаны
10	323, 3	и; <i>А нет</i>
10	4	заплатит — <i>АЕфКбЭйРг</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — заплатит
12	7—8	С. Мартына — <i>АБВПд</i> ; <i>Ув. . . Рг</i> — Св. Мартына
12	8	во граде; <i>Еф</i> — в городе
13	10	януария; <i>АВ</i> — январия; <i>Ми</i> — аннуария
15—16	13—14	Лета 1486; <i>А</i> — 1486 года.
16	14	и пр.; <i>ВПд</i> — и про.; <i>ЧкЭйРг</i> — и проч.; <i>ЕфКб</i> — и прч.
17	17	Дидриху; <i>ЕфКбЭйРг</i> — Дидриху
17—18	17	де Мешедя; <i>ЕфКбЭй</i> — Демешедя
18	18	докторам; <i>ЕфЭй</i> — доктором
18	18	и А.; <i>ЕфЭй</i> — Я. А.; <i>Кб</i> — А. А.
18	18	Елеру — <i>АБВПд</i> ; <i>УвКлПд</i> ; <i>УвКлТх</i> — Эллеру;
19	19—20	<i>ГшМиВрЧк</i> — Еллеру
19	19—20	нижеписанному; <i>ЕфКбЭй</i> — нижеписанным
20	21	Известившись; <i>ЕфКбЭй</i> — Извествовавшись
20	22	в науках; <i>В нет</i>
23	324, 4—5	печатать; <i>В</i> — печать
25	8—9	до самой; <i>В</i> — до самыя
28	12	Надеяся; <i>ЕфКбЭй</i> — Надеясь
28	13	вам; <i>А</i> — на вас <i>испр.</i> вам
29	14	назначаемые; <i>БВ</i> — назначенные
29	15	печатанию; <i>БВ</i> — к печатанию
29	15	сочинении — <i>ЧкПд</i> ; <i>АВр</i> — сочинений; <i>БВУвГшКлТх</i> — сочинение; <i>МиЕфКбЭйРг</i> — сочинения
33—34	24	и именно; <i>ГшВр</i> — а именно
34	24	на конце — <i>АЕф. . . Пд</i> ; <i>Б. . . Тх</i> — наконец; <i>Д испр.</i>
36	325, 5	на конце
36	325, 5	С. Мартына — <i>АБВПд</i> ; <i>Ув. . . Рг</i> — Св. Мартына
38	9	более; <i>Еф нет</i>
40	13—14	сочинения — <i>ВМиЕф. . . Пд</i> ; <i>Б. . . Тх</i> — сочинение
41	15	не распространялася; <i>ВРг</i> — не распространялася
42—43	19	ему неприступны; <i>Рг нет</i>
45	21	с ним; <i>В</i> — с ними
44	326, 2	одни; <i>БВ</i> — одне
44	3	просвещенны — <i>ВрРгПд</i> ; <i>Б. . . ТхКб</i> — просвещены;
88, 44—	3—4	<i>Д испр.</i> просвещены <i>испр.</i> просвещенны
89, 1	3—4	науку почитал; <i>Рг</i> — почитал науку
89, 3—4	8—10	пределы, изобретенное недоверяющею властью ко (<i>Рг</i> — к)

Наст. изд.	Печ.	
		своему могуществу, изобретенное — <i>ВрТхРзПд</i> ; <i>Б. . .Чк</i> — пределы, изобретенное; <i>Д испр.</i> по <i>БВ</i> и <i>восстановлено по Печ.</i> ; <i>ЕфКбЭй</i> — пределы, изобретенная недоверяющей властью к своему могуществу
4	10—11	на продолжение — <i>БВВрТх. . .Пд</i> ; <i>Ув. . .Чк</i> — на предложение; <i>Ми</i> — на не заключение, но на предложение
5	13	пути — <i>Пд</i> ; <i>Б. . .Рз</i> — пути; <i>ЕфЕбЭй</i> — путь
6	14—15	столично; <i>БВ</i> — отлично; <i>Д испр.</i> отлично <i>испр.</i> столично
7	17	старания — <i>ВрЕф. . .Пд</i> ; <i>Б. . .Тх</i> — старание
8	19	зablуждений — <i>БВЕф. . .Рз</i> ; <i>УвГшКлМи</i> — zablуждения; <i>ВрЧкТхПд</i> — zablуждении
10	24	благо приемлется; <i>В</i> — благое приемлется; <i>Рз</i> — благо-приемлется
11	326, 24—327, 1	блуждению; <i>МиВр</i> — блуждения
13	327, 6	властвовать; <i>БВ</i> — властвовать; <i>Д испр.</i> властвовать <i>испр.</i> властвовать
14	7	загрубелыми — <i>АБВМиЕф. . .Пд</i> ; <i>Ув. . .Тх</i> — загрубелами
14	8	пособий — <i>АБВЕф. . .Рз</i> ; <i>Ув. . .Чк</i> — пособия; <i>ТхПд</i> — пособия
17	13—14	во тьму гонимы; <i>А</i> — гонимы во тьму <i>испр.</i> во тьму гонимы
17	14	в том вам; <i>Еф</i> — вам в том
17—18	15	самим с собою — <i>АПд</i> ; <i>Б. . .Тх</i> — с самим собою; <i>Д испр.</i> с самим собою <i>испр.</i> самим с собою
18	15	и; <i>Еф нет</i>
18	16	что; <i>В</i> — то, что
18—19	17	веселящея — <i>АБВМиЕф. . .Пд</i> ; <i>Ув. . .Тх</i> — вселящея
19	18	заранее уже; <i>А</i> — уже заранее
21	21	то суеверия; <i>Рз</i> — то
21—22	23	пагубного; <i>Ми</i> — глупого
23	328, 1	однако же; <i>БВ</i> — однако ж
23	2	не изгнали; <i>Рз</i> — не изгладили
23	2	областей ваших; <i>А</i> — области вашей; <i>Еф</i> — областей; <i>Рз</i> — областей своих
25	5	своя; <i>А</i> — своей
25	5—6	орудия книгопечатания; <i>А</i> — книгопечатания орудия
27	8	уразумев; <i>В</i> — разумев
28	10—11	законоположить; <i>УвГшВрЧкТхПд</i> — законо положить; <i>Кл</i> — закона положить; <i>ЕфКбЭй</i> — законно положить
30	14	Тиверий; <i>А</i> — Нерон; <i>В</i> — Тиверий и
30	15	законоположил; <i>А</i> — узаконил; <i>Гш</i> — законо положил; <i>Кл</i> — закон положил; <i>ЕфКбЭй</i> — законоположитель; <i>Рз</i> — законоположит
30—31	16	ценсуре в; <i>А</i> — ценсуре <i>доб.</i> в
31	16	1501 — <i>А</i> ; <i>Б. . .Пд</i> — 1507
33	21	дьявола; <i>КлРзПд</i> — дьявола; <i>ЕфКбЭй</i> — дьявола
33	21	куколь — <i>испр.</i> по <i>БВДМиЕф. . .Рз</i> ; <i>Печ.</i> — куколь; <i>А</i> — волчек; <i>Ув. . .Пд</i> — кукол
33	21—22	которой куколь сеет; <i>Рз</i> — сеющего куколь
35	329, 2	Кельне; <i>Кл</i> — Пельне
36	3	напечатанные — <i>АЕф. . .Рз</i> ; <i>Б</i> — печатные; <i>В. . .Пд</i> — печатанные
37	4	учения; <i>А</i> — и учения <i>испр.</i> учения
37	4—5	христианскому; <i>А</i> — и христианскому <i>испр.</i> христианскому; <i>Рз</i> — христианскому
38	6—7	печатаются; <i>ГшКлЧк</i> — печатаются; <i>Вр</i> — печатаются <i>испр.</i> печатаются
38	7	желая; <i>А</i> — желаю

Наст. изд.	Печ.	
39	8	сей ненавистой язве; А — сему ненавистному— (прочерк на месте не разобранного писцом слова)
41	13	проклятия и; А — проклятия и (пробел с многоточием)
41	13—14	денежныя — А МиВрЕф. . . Рг; В — денежной; Уе. . . Пд — денежные
42	16	Кельским — А В В МиЕф. . . Рг; УеВрЧкТх — Кельнцким; ГшПд — Кельциким; Кл — Пельницким
43	17	Магдебургским; КлМиЧкРгПд — Магдебургским; ЕфКбЭй— Магденбургским
43	17	архиепископами; Рг — епископами
43	18	наместниками в; А — наместниками в (пробел с многоточием)
44	19	в пользу апостольской камеры; А — и сию пеню определяем наистрожайше апостольской камере
45	21	чтобы не дерзали; А — дабы не могли; УеГш — чтобы не держали
45	21—22	сочинений; УеКлМи — сочинения; ГшПд — сочинении
45	22	писаний — А ЧкЕф. . . Рг; ВГшТхПд — писания; УеКлМиВр — писания
90, 1	330, 3	обременяем — А В УеВрЕф. . . Рг; Б. . . Пд — обременяет
2	6	рассмотрят; Ми — рассмотреть; Тх — рассмотрим
4	9	противного; А — противное
4	10	безбожное; Рг — безбожного
4—5	11	производящего; А — производящее. (пробел с многоточием)
5	12	несчастий — А Еф. . . Рг; Б. . . Пд — несчастия; Вр — несчастии
5	13	велено было; А — повелено
6	15	а которые; В — которые
7	15	содержали; А — содержат
7	15—16	противное кафолическому исповеданию; А — против кафолического исповедания
7	17	сжечь — А Еф. . . Рг; Б В Вр — съжечь; Уе. . . Пд — жечь
8	18—19	вспомните — А ВрЧкЕфКб; Б. . . Пд — вспомните
8—9	19—20	что можете сравниться с папою Александром VI, и устыдитесь; А — что папа Александр VI. о ней законоположил, и с ним сравниться устыдитесь <i>испр.</i> что можете сравниться с папою Александром VI., и устыдитесь
8	19	сравниться; В — сравняться
10	21	Лютеранский — А Б В Еф; Уе. . . Пд — Лютеранский
11	23	книга — А ВрЧкЕф. . . Рг; Б. . . Пд нет
13	331, 3—4	Сопровождаемая; ЕфКбЭй — Сопровождаема
14	5—6	в тогдашнее время; А нет
14	6	казаться могла — А Еф. . . Рг; Б В — показаться могло; Уе. . . Пд — казаться могло
15	7—8	законоположений — А Б В Еф. . . Пд; УеКлМиЧк — законоположения; ГшВрТх — законоположении
15	8	Но — А В В ГшРгПд; Уе. . . Эй — На
15—16	8—9	Лутером; В МиВрЧкЕф. . . Рг — Лютером
16	9	отделение; ЕфКбЭй — отдаление
17	12	Тридцатилетней; В — тридцати-летней; Ми — при десятилетней
18	14	явились; Еф. . . Рг — явились
18	14	в свет — А Еф. . . Рг; В. . . Пд — в свете
19	16	присвоило; А КлВр — присвоило

Наст. изд.	Печ.	
20—21	18—19	учреждена была во Франции; А — учреждена <i>доб.</i> была во Франции
22	22	противуречил; В — противоречил; Рг — противился
23	23—24	правом; А — правом. ^(а) (<i>примечания нет</i>)
24	332, 1	введении (*), <i>внизу сноски</i> ; (*) Виллиам Какстон . . . лордом Риверсом.— ВрЧкТх; А — введении ^(б) (<i>примечание полностью на поле</i>); БВУвГшКлМиПд — введении (*), <i>внизу сноски</i> ; (*) Виллиам Какстон, лондонской купец, завел в Англии книгопечатницу. (<i>см. далее 333, 10</i>)
25	3	не меньше; А — не менее
25	4	как; А Ми — как и
26	4—5	инквизиция; ЕфКб — инквизация
27	7—8	освободителя — АВрТхЕф. . . Рг; Б. . . Пд — <i>свободителя</i> ; Д <i>испр.</i> <i>свободителя испр.</i> <i>освободителя</i>
28	9	ничего; БВ <i>нет</i>
31	16—17	пеклся; КлЕф — <i>пеклося</i>
32	17	всецела — ЧкТхЕф. . . Рг; Б. . . Пд — <i>все цело</i>
42	18	Виллиам; ЕфРг — Вильям; Кб — Вилиям; Эй — Велиам
42	18	Какстон; ЕфКбЭй — Кантон
42—45	20—25	при Едуарде IV . . . лордом Риверсом; БВУвГшКлМиПд <i>нет</i> (<i>см. далее 333, 10</i>)
43	21	печатанная; В — <i>напечатанная</i> ; ЕфКбЭй — <i>печатная</i>
43	21	аглинском; КлЕф — <i>англинском</i>
44	24	Собрание; УвГшКлПд — <i>собрания</i> ; Эй — <i>собраний</i>
45	24	речений — АКлЕфКбЭй; БВГшМиПд — <i>речении</i> ; Ув — <i>речения</i> ; ВрЧкТхРг — <i>речей</i>
45	24—25	философов; ЕфКбЭй — <i>философов</i>
32	333, 1	просвещения; УвГшЧкПд — <i>посвещения</i>
32	1	пребудут; Еф — <i>будут</i>
33	2	обаяния; Еф — <i>обования</i>
34	4—5	рушилась; Б — <i>рушилось</i>
35	6	сего; ЕфКбЭй <i>нет</i>
37	10	Карле II — ВрЧкТх; БВ — Карле II (*), <i>внизу примечание</i> (<i>ошибочно отдельное продолжение примечания о Какстоне</i>): При Едуарде IV. . . лордом Риверсом; УвГшКлМи — Карле II. При Эдуарде IV. . . лордом Риверсом (<i>продолжение примечания ошибочно введено в текст</i>); Пд — Карле II ^М (**). <i>внизу сноски</i> . (**) При Едуарде IV. . . лордом Риверсом и при Якове I ^М они паки возобновлены . . . в последний раз издохла. (<i>продолжение примечания ошибочно слито в сноске с текстом</i>)
37	11	Якове; Ми — Иякове; ЕфКбЭй — Иякове
38	12	премены — УвВрЧкПд; ВГшКлМиТхЕф. . . Рг — <i>перемены</i>
40	16	утверждена; ЕфКбЭй — <i>учреждена</i>
41	18	издохла. (*); Пд — <i>издохла.</i> (<i>ошибочно в сноске; примечание отнесено к 334, 22</i>)
46	20	Стихи; ЕфКбЭй — <i>Истихи</i>
47	21	во; В. . . ТхПд — <i>в</i>
48	23	законоположению; БВ — <i>законоположение</i>
48	23—24	спешить; Б. . . ТхПд <i>нет</i>
48	24	не надлежит; Б. . . ТхПд — <i>не надобно</i> ; Д — <i>не надобно</i>
		<i>испр.</i> <i>не надлежит</i> ; Рг — <i>не должно</i>
91, 1	334, 1—2	приняли; БВ — <i>принесли</i>
5	10	обнародовать; БВКл — <i>обнародывать</i>
7	13	затрудняема; Кл — <i>трудняема</i> <i>испр.</i> <i>затрудняема</i> ; Ми — <i>трудняема</i>

Наст. изд.	Печ.	
9	17	или; А — и
9	18	В проекте; <i>БВ</i> — Проект
11	21—22	примечания, в 1776 году — <i>АЕф.</i> . . <i>Рз</i> (<i>Рз</i> — 1770); <i>БВЧкТх</i> — примечания. В 1776 ^М (<i>ЧкТх</i> — 1776) году; <i>ГшКлМи</i> — примечания. (<i>абзац</i>) В 1776 ^М (<i>Кл</i> — 1776) году; <i>Ув</i> — примечания. (<i>абзац</i>) В 1771 году; <i>Вр</i> — примечания. В 1771 году; <i>Пд</i> — примечания (*). (<i>абзац</i>) В 1776 ^М году, <i>внизу сноски</i> (*) В Дании вольное книгопечатание . . . законоположению не надобно. (<i>см.</i> 333, 18)
12	23	Свобода; А — Свободу
16—17	335, 9	о поведении, <i>ЕфКбЭй</i> — поведений
17	10	поколику; <i>В</i> — поелику
17	11	должностей., А — должностей; но да не распространится сия свобода на подавание наставлений неприятелю, в войне с нами находящемуся; на уведомления о силах наших, о слабостях, распоряжениях; или на другие сведения, научающие неприятеля ко вреду государства.
18—19	11—14	Делаварское. . . говорит; <i>Рз нет</i>
18	12	в; <i>УвГшВрЧкТх</i> — во
19—20	15—16	Мариладское — А (<i>испр.</i> из Мариладское?) <i>Еф.</i> . . <i>Рз</i> ; <i>Б.</i> . . <i>Пд</i> — Мариладское
20—21	17—19	объясняется. Виргинское в 14 статье говорит сими словами — <i>АЕф.</i> . . <i>Рз</i> ; <i>Б.</i> . . <i>Пд нет</i>
22	20—21	государственной; А — государственной и стесняема (<i>испр.</i> стесняется) токмо в самодержавных правлениях.
23	23	во Франции последовавшей; А — последовавшей во Франции
25	336, 2	парижская; А — французская
25	3	писаний — <i>БВ</i> ; А — писания <i>испр.</i> писаний; <i>КлМи</i> — писания; <i>Ув.</i> . . <i>Пд</i> — писании
26	5	томились — <i>АВрЕфКбЭй</i> ; <i>БУвГш</i> — томились; <i>В.</i> . . <i>Пд</i> — томились
27	6	министров; <i>БВУвГшЧкТх</i> — министеров
27	7	распутство — <i>АВМиЕф.</i> . . <i>Рз</i> ; <i>Б.</i> . . <i>Пд</i> — распутство
29	11	до того — <i>АЕф.</i> . . <i>Рз</i> ; <i>В.</i> . . <i>Пд</i> — того; <i>Вр</i> — того <i>испр.</i> до того
29—30	12	какое явили — <i>АВВрЕф.</i> . . <i>Рз</i> ; <i>Б</i> — какое явился; <i>УвГшКлТх</i> — каковы явились; <i>Ми</i> — Таковы явилпса; <i>ЧкПд</i> — какою явились
31	15	Англии, Швейцарии; А — Англии <i>доб.</i> Швейцарии
34	21	пенящиеся — <i>ВВрЕф.</i> . . <i>Рз</i> ; <i>Б.</i> . . <i>Пд</i> — пенящиеся
36	337, 1	Но; <i>БВ</i> — Но не
39	8	недавно читали; <i>В</i> — читали недавно; <i>ЕфКбЭй</i> — недовольно читали
41—42	12—13	самодержавно; <i>Рз</i> — самовластно
44	17	Лафает — <i>БВУвЕф.</i> . . <i>Рз</i> ; <i>Гш.</i> . . <i>Пд</i> — Лафет
92, 2	338, 4	Векерлин — <i>ВрЕф.</i> . . <i>Пд</i> ; <i>БВД</i> — Вемерлин; <i>УвГшМиЧкТх</i> — Венерлин; <i>Кл</i> — Веперлин
4	7—8	Фридрих II; <i>В</i> — Фридрих II-й; <i>Гш</i> — Фридрих II.; <i>Кл</i> — Фридрих II
8	15	Но воздержись — <i>ВрЕф.</i> . . <i>Рз</i> ; <i>ВГшКлМиПд</i> — Но воздержусь; <i>УвЧкТх</i> — Но воздержусь; <i>Д</i> — Не воздержусь
13	339, 2—3	насилъствованные; <i>ЕфКбЭй</i> — насилъственные
13	3	цензоры — <i>Рз</i> ; <i>В.</i> . . <i>Пд</i> — цензуры; <i>КлЕфКбЭй</i> — цензуры
14	4	вред; <i>В</i> — зло
17	9—10	не дерзает — <i>БВГшЕф.</i> . . <i>Рз</i> ; <i>Ув.</i> . . <i>Пд</i> — не дерзаем; <i>Вр</i> — не дерзаем <i>испр.</i> не дерзает

Наст. изд.	Печ.	
17	10	уродливое; <i>ЕфКбЭй</i> — уродливое
17	10—11	Иосиф II; <i>В</i> — Иосих II-й; <i>Ми</i> — Иосиф II-й
18	12	Австрийских; <i>ВВр</i> — астрийских
19	15	но; <i>Еф</i> нет
19—20	15—16	страсти с себя бремени — <i>Еф. . .Рг</i> ; <i>ВВ</i> — страсти с себя переменить; <i>Ув. . .Пд</i> — страсти с себя пременить
20	16	предрассуждений — <i>Еф. . .Рг</i> ; <i>ВВ</i> — предрассуждения; <i>Ув. . .Печ.</i> — предрассуждени; <i>Д</i> — предрассуждений
21	19	испр. предрассуждени решения — <i>УвВрЕф. . .Рг</i> ; <i>Б. . .Пд</i> — решения; <i>Чк</i> — решений
22	20	находить — <i>ВВДЕф. . .Рг</i> ; <i>Ув. . .Пд</i> — находим
32	21	таковые порицания; <i>Ми</i> — таковых порицаний; <i>Чк</i> — таковые порицания
22—23	22	в печати — <i>Еф. . .Рг</i> ; <i>Б. . .Пд</i> — в печать
24	340, 1	можно; <i>ЕфКб</i> нет
26	4	больше; <i>Еф</i> нет
26	4—5	несообразностей — <i>ЧкЕф. . .Рг</i> ; <i>Б. . .Пд</i> — несообразности; <i>Вр</i> — несообразности испр. несообразностей
27	7	цензурю; <i>ЕфКбЭй</i> — цензурой
41—42	11—14	В новейших известиях . . . его уничтоженную; <i>Еф</i> нет
42	13	цензурную; <i>В</i> — цензурскую
42	14	уничтоженную — испр. по <i>Б. . .Пд</i> ; <i>Печ.</i> — уничтоженною; <i>Д</i> — уничтоженную испр. уничтоженною

ТВЕРЬ

97, 8	357, 21—22	Сию строфу . . . ее содержание — <i>Ув. . .Пд</i> ; <i>Б</i> нет; прозаический пересказ «Вольности» полностью имеется в <i>Ув. . .Пд</i> и <i>Д</i> (где он совпадает с <i>Печ.</i>), его фрагменты даны под строкой в виде примечаний к строкам полного текста «Вольности» в <i>Б</i> ; в <i>Г</i> , <i>Ан</i> и <i>В</i> пересказа нет совсем (см. текст и варианты «Путешествия» ранней редакции); варианты полного текста оды <i>Г</i> , <i>Б</i> , <i>В</i> , а также <i>Ан</i> см. «Вольность», Варианты и разночтения
8	22	содержание; <i>Ув. . .Пд</i> — содержание
11	358, 2	Но что ж; <i>ЕфКбЭй</i> — Но что же
12	3	езде предел; <i>ЕфКбЭй</i> — везде в предел
16	7	с ней; <i>ЕфКбЭй</i> — в ней
18	9	своей; <i>ГшКлМиРг</i> — свою
23	14	тягченных жатвой; <i>Ув. . .ЧкПд</i> — тягченной жатвой; <i>Тх</i> — тягченной жатвы
26	17	мрамора; <i>МиЕф. . .Рг</i> — мрамора
26	17	белее; <i>КлВрЧкТх</i> — белея
27	18	Яснейша дня; <i>Ув</i> — Яснейша дня; <i>Ми</i> — Яснейше, для
27	18	светлее; <i>КлВрЧкТх</i> — светлея
28	19	прозрачный; <i>КбЭй</i> — прозрачной
34	359, 3	камни; <i>КбЭй</i> — камни
34	3	седяй; <i>УвГшКлЧкТх</i> — сидяй
35	4	хладноравно; <i>Ув. . .Пд</i> — хладнокровно
36	5	божество; <i>Ув. . .ТхПд</i> — блаженство
37	6	И пр. — <i>КлМиРг</i> ; <i>Б</i> — И прочая; <i>Ув. . .Пд</i> — И проч.
40	10	зеницы — <i>Еф. . .Пд</i> ; <i>Ув. . .Тх</i> — зеницы; <i>Вр</i> — зеницы испр. зеницы
41	11	радость, трепет; <i>ЕфКбЭй</i> — радость в трепет
98, 1	13	ни любя; <i>Ми</i> — ни не любя
2	14	Он лести чужд, лицепрятства — <i>Еф. . .Рг</i> ; <i>Ув. . .Пд</i> — Он лести, лицепрятства; <i>Ми</i> нет

Наст. изд.	Печ.	
3	15	Породы, знатности, богатства; <i>Ми нет</i>
6	18	Равно делит и маду и казни; <i>ЕфКбЭй нет</i>
11	360, 1	всечасно; <i>МиЕфРзПд</i> — всечасно
14	4	неба досязает — <i>Рз</i> ; <i>Ув. . .Тх</i> — небо досязает; <i>МиЕфКбЭйПд</i> — небо достигает
20	10	Покрывши; <i>Тх</i> — Покрывший
21	11	ползкий — <i>ТхЕф. . .Рз</i> ; <i>УвГшКл</i> — пользский; <i>Ми</i> — польский; <i>ВрЧк</i> — пользкий; <i>Пд</i> — ползкий
21	11	яд. . .; <i>Рз</i> — яд. . . и пр.
23	15	залуждения; <i>Ми</i> — заблуждение
24	16	его; <i>ГшКлМи нет</i>
24	16	облекшее; <i>ЕфКбЭй</i> — облекшая
26	18—19	Власть называет. . . рассудок обманом; <i>Еф нет</i>
28	21	мы в области; <i>ЕфКбЭй</i> — на области
28	21	обширны; <i>ВрЧк</i> — обширный
30—31	361, 1—3	В мире и тишине . . . друг друга — <i>Ув. . .Пд</i> ; <i>Б нет</i>
34	6	стерть — <i>Рз</i> ; <i>ГшКлМиПд</i> — стереть; <i>УвВрЧкТх</i> — стеречь; <i>ЕфКбЭй</i> — стреть
39	11	ума — <i>Еф. . .Пд</i> ; <i>Ув. . .Тх</i> — умы
42	15	и пр. — <i>КлМиРз</i> ; <i>Б. . .Пд</i> — и проч.
99, 4	19	на громном — <i>УвЕфКбПд</i> ; <i>Гш. . .Тх</i> — на огромном; <i>Эй</i> — на громком
7	22	щажу — <i>Еф. . .Рз</i> ; <i>Ув. . .Тх</i> — щажду; <i>ГшПд</i> — жажду
8	362, 1	властию; <i>Вр</i> — властию <i>доб. каранда.</i> смертию
9	2	смеется; <i>Ми</i> — смеются
10	3	Нахмурюсь грозно, все смятется; <i>Рз нет, оставлен пробел</i>
10	3	смятется — <i>ЕфКбЭйПд</i> ; <i>УвГш</i> — метется; <i>Кл</i> — сметется <i>испр.</i> метется; <i>Ми</i> — смятутся; <i>Вр</i> — метется <i>испр. каранда.</i> мятется; <i>ЧкТх</i> — мятется
14	7	алчной змий; <i>БЕф. . .Рз</i> — алчный змий; <i>УвГшЧк</i> — алчной змий; <i>Ми</i> — алчный змий
14	8	отравляет — <i>МиРз</i> ; <i>Ув. . .Пд</i> — отравлять; <i>Вр</i> — отравлять <i>испр. каранда.</i> отравляет; <i>ЕфКбЭй</i> — отправляет
15	10	все стоят; <i>Б нет</i>
16	11—12	прорицая; <i>ГшЕфКбЭйПд</i> — порицая
19	15	вооружит; <i>ГшВр</i> — вооружить; <i>Чк</i> — вооружить <i>испр.</i> вооружит
24	22	паря; <i>Кл</i> — царя
26	363, 1	право мщенное — <i>Еф. . .Рз</i> ; <i>Ув. . .Пд</i> — право лишенное; <i>Ми</i> — правъ (<i>испр. из право ?</i>) лишенное; <i>Вр</i> — право лишенное <i>сверху доб. каранда.</i> мщенное
30	5	мощно разодрав; <i>Чк</i> — мочно разодрав; <i>ЕфКбЭй</i> — можно разодрав
33	8	Сковав; <i>Еф</i> — Сковал
42	17	призирать — <i>Рз</i> ; <i>Ув. . .Пд</i> — презирать; <i>Ми</i> — презирать <i>испр.</i> призирать; <i>ЕфКбЭй</i> — призирати
42	17	и; <i>ЕфКбЭй нет</i>
47	22	честью — <i>Еф. . .Рз</i> ; <i>Ув. . .Пд</i> — частью
100, 18	364, 21	Забыв; <i>ЕфКб</i> — Забыл
21	365, 1	мой расторг; <i>Ув. . .Пд</i> — моим расторг; <i>ЕфКбЭй</i> — расторг мой
21	1	Мечем мой расторг уставы; <i>Рз</i> — Блюда одни страстей уставы
22	2	Безгласными поверг все правы; <i>ЕфКбЭй нет</i>
30	10	крохи; <i>ЕфКбЭй</i> — крови
34	14	сорвал — <i>ГшЕф. . .Пд</i> ; <i>Ув. . .Тх</i> — содрал
36	16	чуждающуюся; <i>ГшВрЧкЕфКбЭй</i> — чуждающуюся

Наст. изд.	Печ.	
39	19	знак — <i>Еф. . . Рг</i> ; <i>Ув. . . Пд</i> — знать
41	22	мой; <i>Еф. . . Рг</i> — свой
44	366, 2	На брань — <i>ЧкТхПд</i> ; <i>Ув. . . Вр</i> — Но брань
48	6	зевав; <i>ЕфКбЭй</i> — Зевес; <i>Рг</i> — зевнув
101, 3	9	злодеяния; <i>Гш. . . Пд</i> — злодеянии; <i>Ув</i> — злодеяний; <i>Еф. . . Рг</i> — злодеяние
3	10	в меня; <i>ЕфКбЭй</i> нет; <i>Рг</i> — на меня
5	12	вещал; <i>Еф</i> — вещает
9	16	в свет — <i>УвРгПд</i> ; <i>Гш. . . Эй</i> — в свете; <i>Вр</i> — в свет <i>испр.</i> в свете; <i>Чк</i> — в свете <i>испр.</i> в свет
12	20	в руке своей; <i>ЕфКбЭй</i> — в руках своих
15	23	мстить себя; <i>Ув. . . ТхПд</i> — льстить себя; <i>ЕфКбЭй</i> — мстить себе; <i>Рг</i> — мстить царям
18	367, 2—3	И се глас вольности раздается во все концы. . . ; <i>Б</i> — над <i>1-м стихом 25-й строфы</i> (« <i>Внезапу вихри восшумели. . .</i> »); <i>ЕфКб</i> — И сей глас . . . концы; <i>Рг</i> — И се глас . . . концы земли. . .
21	6	Самсон; <i>МиРг</i> — Сампсон
24	9	свободы; <i>ЕфКбЭй</i> — природы
25	10	Зиждителин; <i>ЕфКбЭй</i> — Зиждитель
28	14	действия; <i>Еф</i> — действие
28	14	то есть; <i>УвГшМи</i> — т. е.
28	15—16	благодеяние; <i>Б</i> — благодействие; <i>Д</i> — благодействие
34	22	раздирают; <i>Рг</i> — разрывают
35	23	следствия; <i>ЕфКбЭй</i> — следствие
35	24	властвовать; <i>ЕфКбЭй</i> — властвовать
36—37	368, 1—2	35. 36. 37. Описание; <i>Б</i> — К 35. 36 и 37. Описание на (<i>но</i> <i>под строкой на листе с 35—36-й строфами полного текста</i>)
37	2	следствий — <i>КлЕф. . . Рг</i> ; <i>Ув. . . ТхПд</i> — следствии
37	3	Междоусобии — <i>ВрЧкТхПд</i> ; <i>УвГшКлМиЕф. . . Рг</i> — Междоусобий
38	4	Марий — <i>ЕфЭйРг</i> ; <i>Ув. . . Пд</i> — Марии; <i>ВрЧк</i> — Мария
39	5	Тревожну; <i>ЕфКбЭй</i> — Тлетворну
40	6	скиптр — <i>Рг</i> ; <i>Ув. . . Пд</i> — скипетр
41	7	порабощение; <i>Ми</i> — порабощения
102, 1—2	8—9	38. 39. Таков есть закон природы; <i>Б</i> — К 38 и 39. Таков. (<i>но под строкой под 38—39-й строфами полного текста;</i> <i>далее в Б прозаического изложения нет</i>)
5	14	на то, чтобы; <i>Ми</i> — на то, чтоб; <i>Рг</i> — чтоб
8	19—20	же оно наступит, тогда; <i>Ми</i> нет
9	21	Встрещат; <i>МиЕфКбЭй</i> — Встрещат; <i>Рг</i> — Стрещат
10	23	стражу к слову; <i>Ми</i> — к слову стражу
13	369, 5	направляемое надеждою свободы и; <i>Рг</i> — направляемая надежда свободы
14	6—7	природы правом; <i>Еф</i> — права природы
16	10	Развется; <i>Рг</i> — разорвется
16	10	мгновенье; <i>Ув. . . Пд</i> — мгновение
18	12	50 — <i>Еф. . . Рг</i> ; <i>Ув. . . Пд</i> нет
19	13	уж; <i>ЕфКбЭй</i> — уже
24	21	стихи его; <i>Кл</i> — его стихи
25	22—23	складнее; <i>ВрЧк</i> — складнея
25	24	карабкаться — <i>МиРг</i> ; <i>Ув. . . Пд</i> — карапкаться
26	24	Пегаса; <i>УвКлЧкТхПд</i> — Пегаз

Наст. изд. Печ.

ЧЕРНАЯ ГРЯЗЬ

114, 35—39	418, 13—23	Я тебе, читатель, позабыл сказать . . . Береги ее для бессонницы; <i>А нет (текст и варианты Ан см. «Путешествие» ранней редакции); Рг нет</i>
35	14	судья; <i>Еф</i> — судия
38	20	на ушко — <i>Б. . . Пд</i> ; <i>Печ.</i> — на ушно
38	20	каково; <i>ЕфКбЭй</i> — каков
39	21	тебе захочется спать; <i>Ми</i> — спать тебе захочется
115, 1	419, 1	Слово о Ломоносове; <i>А</i> — <i>Обложка</i> Слово похвальное Ломоносову в 1780-м году <i>испр.</i> Слово похвальное Ломоносову. Начато в 1780-м году. Окончено в 1788 году <i>испр.</i> Слово похвальное Ломоносову. С позволения Управы Благочиния, на след. листе перед текстом <i>доб.</i> Слово о Ломоносове; <i>В</i> — Слово о Ломоносове отделено от предыдущего текста пробелом в $\frac{2}{3}$ лицевой части листа и $\frac{2}{3}$ оборотной; <i>Рг</i> нет
2	2	жаркого; <i>ЕфКбЭй</i> — жара
2	3	выгнала; <i>ЕфКбЭй</i> — выгнали
4	6	лежащей (*); <i>А</i> — лежащей (а), на поле (а) Озерки; <i>Ми</i> — лежащей (Озерки)
4	7	сокрыло — <i>АВД</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — скрыло; <i>ЕфКбЭй</i> — покрыло
5	8	едва-едва ли; <i>В</i> — едва; <i>Ми</i> — едва-едва; <i>Д</i> — едва-едва <i>доб.</i> ли
5	9	чувствительна (*); <i>А</i> — чувствительна ^(б) , на поле ^(б) Июнь; <i>Ми</i> — чувствительна (июнь)
5	9	Возвращаясь; <i>ЕфКбЭй</i> — Возвращаясь
6	10	кладбища; <i>А</i> — монастыря <i>испр.</i> кладбища
6	11	Ворота; <i>А</i> — Двери <i>испр.</i> Ворота; <i>МиКбЭй</i> — Ворота
9	16	на; <i>ВВ</i> — но на; <i>Гш</i> — но; <i>Д</i> <i>испр.</i> но на <i>испр.</i> на
10	19—20	тщеславие и надменность; <i>А</i> — тщеславие <i>испр.</i> и тщеславие <i>доб.</i> и надменность
43	21	(* Озерки; <i>А Ми нет (см. выше); В нет (в тексте знак сноски есть)</i>
44	22	(* Июнь; <i>А Ми нет (см. выше); ЕфКб</i> — Июня 23-го; <i>Эй</i> — июнь 23-е
11	419, 20—420, 1	Но гробницы великолепные? Суть знаки; <i>А</i> — Гробницы великолепные знаки; <i>Б. . . Пд</i> — Но гробницы великолепные (<i>ЕфКбЭй</i> — великолепные ль суть знаки); <i>Д</i> — Гробницы великолепные суть знаки
12	420, 2	знаки — <i>Б. . . Пд</i> ; <i>А</i> — но знаки; <i>Д</i> — знаки <i>испр.</i> но знаки
12	3	жити — <i>АЕфКбЭй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — жития; <i>Д</i> — жития <i>испр.</i> жити
12	3	Но се ли; <i>ЕфКбЭй</i> — поселили
13	4	человек толико; <i>А</i> — толико человек
13	5	Не столп, воздвигнутый; <i>ЕфКбЭй</i> — Не столпы (<i>Эй</i> — столбы), воздвигнутыи
14	6	сохранит; <i>ЕфКбЭй</i> — сохранят
14	7	дальнейшее потомство; <i>А</i> — дальние потомства
15	8	пренесет; <i>УвКлМиВрТхЕфКбЭй</i> — принесет
17	12—13	обновленное; <i>А</i> — насажденное
18	14—15	столетий; <i>УвКлМиЧкТхПд</i> — столетия; <i>ГшВр</i> — столетни
18	15	стихии; <i>КбЭй</i> — стихи
19	17	и; <i>А</i> — пускай
19	17	великолепный — <i>Б. . . Пд</i> ; <i>А</i> — великолепный <i>испр.</i> (?) великолепны (?!)

Наст, изд.	Печ.	
19	17	сей; <i>A</i> доб. сей
20	19	во все концы; <i>A</i> — во все (потеряно на переносе с листа на лист)
22	23	слух; <i>B</i> — в слух
23	421, 1	то и; <i>ЕфКбЭй</i> — и
23	1—2	Лестно, лестно; <i>ЕфКбЭй</i> — Лестно
24	2—3	кто умеет; <i>A</i> — умеешь
25	4	гадания; <i>A</i> — возможного
26	7	столпом; <i>ЕфКбЭй</i> — столбом
29	12—13	повествуют; <i>КбЭй</i> — повествует
30	16	Прииди; <i>ЕфКб</i> — приди
30	16	беседовати; <i>КлЕфКбЭй</i> — беседовать
33	21—22	заслуге к обществу — <i>АЕфКбЭй</i> (и далее пробел до конца листа); <i>B...Пд</i> — заслуге обществу; <i>КлМи</i> — заслуге и обществу
34	23—24	Михайло Васильевич Ломоносов родился в Холмогорах. . . .; <i>A</i> нет
34	421, 24—422, 1	Рожденный; <i>A</i> — ника природы на поле ристания, в смрадном рубище сияет его лице пред сынами богатства и власти; стопы его тверды и надежны. Он низлагает гадов, что зависть нищих духом в побеге ему преткновением противу ставить тцатся; и озаренный (два последних слова вписаны в пробел, оставленный переписчиком для неразобранных слов, и зач.) лучем славы, далеко всех за собою оставив, венчается. (между этим и след. абзацем рукой Рад. сделаны две горизонтальные черточки) Рожденный
35	422, 1	человека; <i>B</i> — такого человека
35	1	которой не мог — <i>ДЕфКбЭй</i> ; <i>A</i> — не могшего; <i>B...Пд</i> — который не мог
35	2—3	дабы посредством оного; <i>A</i> — посредством коего бы
37	6—7	дни свои; <i>A</i> — век свой испр. дни свои зач. и снова дни свои
38	8—9	ремесла; <i>A</i> — рукомесла
39	9	сужденный — <i>ЕфКбЭй</i> ; <i>A</i> — и; <i>B...Пд</i> — осужденный
39	10	время свое; <i>A</i> — дни свои испр. время свое
42	15	ни; <i>ЕфКбЭй</i> — и
42	16	той; <i>ЕфКбЭй</i> — о той
116, 1	17	мусс; <i>A</i> — мус испр. мусс; <i>B...Пд</i> — муз; <i>Д</i> — муз испр. мусс
2	20	знание; <i>B</i> — знания
2	20	а от; <i>ЕфКбЭй</i> — и от
3	21	се; <i>БВД</i> — сие
4	23	наши; <i>Ми</i> — наша
5	423, 2	терпеть; <i>A</i> — терпети
5	2	пут — <i>A</i> ; <i>B...Пд</i> — путь; <i>Д</i> — препон, путь испр. пут
7	6	один; <i>ЕфКбЭй</i> — он
7	7	дышим, им живем; <i>ДЕф</i> — дышит, им живет
9—10	12	нижайших степеней; <i>ЕфКбЭй</i> — низжайшей степени
10	12—13	Чуждый; <i>ГиЧкТхПд</i> — Чуждыя; <i>Ми</i> — Чужды
13	18	сведений — <i>АВВКл</i> ; <i>Ув...Пд</i> — сведении; <i>Ми</i> — сведения
14	21	возжгла; <i>Ми</i> — возжегала
14—15	22	к учению стремление; <i>Ми</i> — желание в стремление к учению
16—17	424, 2	возмужалости; <i>A</i> — человечества
17	3	обратился; <i>УвКлЧкТхПд</i> — обратился; <i>Ги</i> — обратился
18	4	Подстрекает; <i>УвКлМиВр</i> — Подстрекает
18	4—5	Ломоносов оставляет; <i>A</i> — оставляет испр. Ломоносов оставляет

Наст. изд.	Печ.	
18	6	дом; А — дом, презируя печаль, уходом его родителю нанесенную <i>испр.</i> дом
19	6	престольный; А — столичный
19	7	приходит в; <i>ЕфКбЭй</i> — во
19	8	мусс; А — мус; <i>Б. . . Пд</i> — муз; <i>Д</i> — муз <i>испр.</i> мусс; <i>ЕфКбЭй</i> — мук
19—20	8	и вмещается — <i>АБВКлТх</i> ; <i>Ув. . . Пд</i> — и мещается; <i>Еф</i> — вмещается
22	11	Преддверие — <i>МиЕфКбЭй</i> ; А — Предверие <i>испр.</i> Преддверие; <i>Б. . . Пд</i> — Предверие
23	14	строгим камнем; <i>БВ</i> — острым камением; <i>Ми</i> — камением; <i>Д</i> — острым камением <i>испр.</i> строгим камением; <i>ЕфКбЭй</i> — строгим камением
23	14	усеянная; <i>ЕфКбЭй</i> — убиенная
24	14	Глаз — <i>АКбЭй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — Глаз; <i>Д</i> — Глаз <i>испр.</i> Глаз
24	15	не находит; <i>Эй</i> — не ходит; <i>Кб</i> <i>испр.</i> не находит
24	16	стоны; А <i>доб. в пробл</i> стоны
25	17	гладости; <i>БВД</i> — гладкости
25	18	зеленеющего; <i>АУв</i> — зеленеющего
28	23	воздуха; <i>ЕфКбЭй</i> — звука
30	425, 4—5	бдит и; — <i>Д</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — и; <i>ЕфКбЭй</i> нет
32	8—9	и тягостно; <i>БВ</i> нет
34	11	и усвоив; <i>ЕфКб</i> — и о своих; <i>Эй</i> — и освоив
35	14	неуповательно — <i>БВМиЕф. . . Пд</i> ; <i>Ув. . . Тх</i> — неупователь. Но
35	15	строгий; <i>УвЧк</i> — строгий
36	16	сии; <i>Еф</i> — все
38	20	воображений — <i>КлЕфКбЭй</i> ; <i>В. . . Тх</i> — воображении; <i>ЧкПд</i> — воображения
39	22	тоя; <i>Еф</i> — той
40	24	усвоаем; <i>ЕфКбЭй</i> — усвоим
40—41	426, 2	изобретения и; <i>ЕфКбЭй</i> — изображения
41	3	сочетоваем; <i>БВ</i> — сочетаваем
42	4	Упорное прилежание; <i>ЕфКбЭй</i> — Упорно в прилежании
43	6	се; <i>БВ</i> — сие; <i>Д</i> — сие <i>испр.</i> се
44	8	не зревший; <i>Еф</i> — не зревши
44	9	искусною; <i>ЕфКбЭй</i> — искусного
44	9	глазоврачевателя — <i>АЕфКбЭй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — глазоврачевателя
45	10	воссияет для него; А — узревший незапно
46	13	ее; <i>ЕфКбЭй</i> — его
47	16	во зрении; А — зрети <i>испр.</i> во зрении; <i>Ув</i> — воззрению; <i>Ми</i> — воззрению; <i>ГшВрПд</i> — воззрению; <i>Тх</i> — воззрений
117, 1	16—17	изящности; <i>Еф</i> — изящность
2	18	получивши; <i>КлМи</i> — получивший; <i>Пд</i> — получивши
3	20—21	витий и; <i>ГшМи</i> — витии и; <i>Ув</i> — витии; <i>Вр</i> — витий; <i>Чк</i> — витии и <i>испр.</i> витии
3	21—22	научался; <i>ГтЕфКбЭй</i> — научился
3—4	22	изящности; А — превосходство <i>испр.</i> изящности; <i>ЕфКбЭй</i> — изящность
4	23	научался; <i>КлЕфКбЭй</i> — научился
5	427, 2	научался; <i>КлЕфКбЭй</i> — научился
6	3	тело; <i>ЕфКбЭй</i> — телу
8	8	понятии; <i>КлМиПд</i> — понятия; <i>ГшЭй</i> — понятий
8—9	8—9	преобразовавшись; <i>ВЕфКбЭй</i> — преобразившись; <i>Д</i> — преобразившись <i>испр.</i> преобразовавшись
9	10	явился; <i>ГшТхПд</i> — явился; <i>КлМи</i> — явилося
10	11	родили; <i>БВ</i> — родилися; <i>Гш</i> — родился

Наст. изд.	Печ.	
10	12	уму; <i>ЕфК6Эй</i> — умы
10	12—13	неведомые; <i>КлВр</i> — неведомые; <i>Д</i> — неведомые <i>испр.</i> неведомые
11	13	его; <i>Ми</i> — я его; <i>ЕфК6Эй</i> <i>нет</i>
11	14	звания; <i>ЕфК6Эй</i> — звания
11	14—15	своего училища; <i>А</i> — своего <i>доб. е пробел</i> училища
11—12	15	гонящегося; <i>А</i> — гонящего; <i>В</i> — гонящегося
12	16	казалось; <i>МиЕфК6Эй</i> — казалось
13	17	бывал; <i>Еф</i> — был
14	19	основание; <i>ВВ</i> — основание свое
14	20	к; <i>ЕфК6Эй</i> <i>нет</i>
14	20	слога; <i>МиЕф</i> — слова
16	23	слова — <i>ДЕфК6Эй</i> ; <i>А</i> — письма; <i>Б. . . Пд</i> — слого
18	428, 3	Отряся; <i>ЕфК6Эй</i> — Отлагая
19	5	монашеских; <i>А</i> — киевских <i>испр.</i> монашеских
20	7	во; <i>А</i> — в <i>испр.</i> во
21	9—10	заключении — <i>АЕфК6Эй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — заключения; <i>Д</i> — заключения <i>испр.</i> заключении
23	13—14	к коим; <i>ЕфК6Эй</i> — в коих
24	16	ввели его в; <i>Ми</i> — свели его в; <i>ЕфК6Эй</i> — в сем его
26	19—20	на себя его; <i>Еф</i> — его на себя
27	20	дейтельно; <i>А</i> — деятельные
27—29	22—23	руководствующие. (<i>абзац</i>) Изобилие; <i>А</i> — руководствующие (<i>абзац</i>). Оставив первобытную свою простоту . . . для снискания богатств и сокровищ. Изобилие <i>испр.</i> руководствующие. † Тогда оставив первобытную свою простоту . . . для снискания богатств и сокровищ. † Изобилие (<i>см.</i> 429, 16)
29	23	произведений — <i>ВГшДЕфК6Эй</i> ; <i>Б. . . Тх</i> — произведения; <i>ВрПд</i> — произведения; <i>А</i> — сокровищ
29	24	понудило людей; <i>А</i> — понудило <i>доб.</i> людей; <i>Б. . . Пд</i> — принудило людей
30	429, 2	торговлю; <i>А</i> — торговой многотрудной перевоз товара и <i>испр.</i> торговлю
30	2—3	меновном; <i>А</i> — менном <i>испр.</i> меновном; <i>Б. . . Пд</i> — меновом
31	3	затруднения; <i>ЕфК6Эй</i> — затруднении
31	3—4	побудили; <i>УвКлМи</i> — побудило
31	4	знаках — <i>ЕфК6Эй</i> ; <i>А</i> — законах <i>испр.</i> знака; <i>Б. . . Пд</i> — законах; <i>Д</i> <i>испр.</i> законах <i>испр.</i> знака
32	5	имущество; <i>А</i> — сокровище <i>испр.</i> имущество
32	5—6	представляющих — <i>АВЕфК6Эй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — предоставляющих; <i>Д</i> — предоставляющих <i>испр.</i> представляющих
32	7	и серебро — <i>АЕфК6Эй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> <i>нет</i>
34	10—11	представляющие — <i>АМиЕфК6Эй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — представляющие
35	12	возгорелась — <i>АЕфК6Эй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — возгорелось
36	13—14	и мерзительная; <i>ЕфК6Эй</i> — мерзостная; <i>Д</i> — мерзостная <i>испр.</i> и мерзительная
36	15	вся; <i>УвКлМиВрЕфПд</i> — все
37	16	получая; <i>ЕфК6Эй</i> — получа
37—41	16—23	пищу. Тогда, оставив первобытную свою простоту . . . для снискания богатств и сокровищ. Тогда; <i>А</i> — пищу. Тогда <i>испр.</i> пищу. † † Тогда (<i>знаки переноса сюда фразы, бывшей в начале абзаца</i>)
37	17	оставив; <i>ЕфК6Эй</i> — оставил
38	18	и; <i>А</i> — и яко <i>испр.</i> и

Наст. изд.	Печ.	
38	18—19	земледелие — <i>А МиЕфКбЭй</i> ; <i>БВГшВрПд</i> — земледелии; <i>УеКлЧкТх</i> — земледелия
39	20	презрев — <i>Б. . . Пд</i> ; <i>А</i> — презрив
40	21	претекал; <i>ЕфКбЭй</i> — протекал
40	22	чрез оны; <i>А</i> — оны
40	22	неведомые; <i>ЕфКбЭй</i> — неведомые
41	24	презрев; <i>А</i> — презрив <i>испр.</i> презрев
41	430, 1	нисходил; <i>ЕфКбЭй</i> — нисходит
41	1	и; <i>ЕфКбЭй нет</i>
42	3	подобен; <i>В</i> — на подобие
43	4	свою пищу; <i>А</i> — своей пищи <i>испр.</i> свою пищу;
44	7	своя; <i>А</i> — своей <i>испр.</i> своя
44—45	7—8	жизни на половину; <i>А</i> — жизни <i>доб. в пробел</i> на полови- вину
45	8	питаюсь; <i>Еф</i> — питаюсь
46	11	привычкою — <i>АЕфКбЭй</i> ; <i>Б. . . Пд нет</i>
46	11	бывает необходимою; <i>А</i> — необходимою <i>доб.</i> бывает <i>испр.</i> бывает необходимою
46	12	в; <i>БВ</i> — во
47	13—14	ископателей; <i>БУеКлВрЧкТх</i> — ископатели
117, 47—	14—15	не отвергнуто ради своя смертоносности; <i>ЕфКббЭй нет</i>
118, 1	15	изысканы; <i>А</i> — изыскав <i>испр.</i> изысканы
2	16	образом — <i>АЕфКбЭй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — способом
4	22—23	пришедшего — <i>БВМиЕфКбЭй</i> ; <i>А</i> — пришедша <i>испр.</i> при- шедшего; <i>Уе. . . Пд</i> — предшедшего; <i>Тх</i> — прешедшего
5	431, 1	земных; <i>А</i> — земли <i>испр.</i> земных
5	1	металл; <i>ГшКл</i> — металлов
6	2	освещать; <i>А</i> — освещати
7	3	солнечные; <i>ЕфКбЭй</i> — солнечны
7	4	досязать; <i>А</i> — досязати
7	4—5	Исполнил; <i>А</i> — Исполнив
10	9	своя — <i>АЕфКбЭй</i> ; <i>Б. . . Пд нет</i>
10	10	Что; <i>БВ</i> — Что ты; <i>Д</i> — Что <i>доб.</i> ты и <i>зач.</i>
11	11	снискать; <i>А</i> — снискати
11	12	извлекати; <i>Ми</i> — извлекать; <i>ЕфКбЭй</i> — извлещи
12	13—14	сотворили они; <i>ЕфКбЭй</i> — они сотворили
15	20	сущия — <i>АЕфКбЭй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — сущие; <i>Ми</i> — сущия
15	20	погребаются; <i>А</i> — погребаются. (<i>абзац</i>) Бесчеловечно за- ставляя людей работать на рудоконных заводах добро- вольно, но нет варварства, подобного тому, чтоб застав- лять их работать поневоле. <i>испр.</i> погребаются.* (<i>следу- ющее отчеркнуто как сноски</i>) *Бесчеловечно заставляя . . . работать поневоле <i>испр.</i> погребаются. (<i>оба знака сноски и ее начало зачеркнуты</i>)
16	22—23	живоносное; <i>Кл</i> — живописное
17	23	светило — <i>ЕфКбЭй</i> ; <i>Б. . . Пд нет</i>
18	432, 1	размышлении — <i>ДЕфКбЭй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — размышления
20	5	увеселительною — <i>КлМиЕфКбЭй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — уверитель- ною; <i>Д</i> <i>испр.</i> уверительною <i>испр.</i> увеселительною
20	6	Проходя — <i>ЕфКбЭй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — Преходя
21—22	8—9	несходственным с последующими; <i>ЕфКбЭй</i> — несходству- ющим с последующим
22	9—10	отличающимися — <i>ЕфКбЭй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — и отличающимся; <i>Уе</i> — и отличающимися; <i>Д</i> <i>испр.</i> и отличающимся
22	10	всего; <i>ЕфКбЭй</i> — всякого
22	11	свою — <i>КбЭй</i> ; <i>Еф</i> — своего; <i>Б. . . Пд нет</i> ; <i>Д</i> — своего <i>стерто и снова доб.</i>

Наст. изд.	Печ.	
23	11—12	Заключал, может быть; <i>ЕфКбЭй</i> — заключить может
24	15	прозвонений; <i>УвМиЧкТхПд</i> — прозвонений
27	20—21	вид только; <i>В</i> — только вид
29	23	зрел; <i>Еф</i> — грез
29	24	слоями. <i>В</i> слоях; <i>Ми</i> — слоями и в слоях
30	433, 3	растений — <i>КлГш</i> ; <i>В. . . Пд</i> — растения; <i>ЕфКбЭй</i> — расте- ния
32	6	переселяясь; <i>БВ</i> — преселяясь
32	7	шара — <i>ДЕфКбЭй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> нет
33	9	представляет — <i>ДЕфКбЭй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — предоставляет
34	11	из его зрака — <i>ВрЧк</i> ; <i>БВ</i> — из его; <i>УвТх</i> — из сего; <i>ГшЕфКбЭйПд</i> — из сего зрака; <i>КлМи</i> — из сего мрака; <i>Д</i> — из его зрения <i>испр.</i> из его зрака
34	11	представляло; <i>КлМиВр</i> — представляло
35	12—13	разнородных; <i>В</i> — разновидных
36—37	15—16	противоборствующую — <i>БВГшЕфКбЭй</i> ; <i>Ув</i> — противу- борствующую; <i>ВрЧкТхПд</i> — противоборствующую; <i>КлМи</i> — противоборствующую
37	17	валила — <i>ЕфКбЭй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> нет; <i>Д</i> <i>доб.</i> валила
38	18	<i>ей</i> ; <i>ЕфКбЭй</i> нет
38	19—20	сметав; <i>ЕфКбЭй</i> — сметав
40	23—24	узрел; <i>ЕфКбЭй</i> — узрел
43	434, 5	ненасытности; <i>В</i> — ненасытмости
45	9	показал; <i>БВ</i> — подал
47	13	Псалтирь — <i>БВ</i> ; <i>Ув. . . Пд</i> — Псалтирь
47	13	Симеоном; <i>ВУвКлМиВр</i> — Симионом; <i>ЕфКбЭй</i> — Семи- оном
119, 1	14	открыла о — <i>ВМи</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — открыли о; <i>ЕфКбЭй</i> — от- крыла в
1	15	показала; <i>Гш</i> — показал; <i>ЕфКбЭй</i> — показало
5	23	их; <i>ЕфКбЭй</i> нет
5	23	плавнее; <i>ВрЕфКбЭй</i> — плавнее
7	435, 4	поставив; <i>МиЕф</i> — поставил
10	8	войсками; <i>В</i> — воинами
11	11—12	Необыкновенность; <i>ЕфКбЭй</i> — Необыкновенного
13	15	стремящегося; <i>БВ</i> — стремящегося
15	20	ко; <i>ЕфКбЭй</i> — к
17	22	Сила воображения; <i>А</i> — родных хитростию и лукавством исполненных. Оставив чиновника, возрим на обновителя русского стихотворства и красноречия. Сила вообра- жения <i>сначала</i> <i>зач. до «исполненных»</i> (на поле знак †), <i>затем до «красноречия»</i> , на поле <i>ВВ</i> , в <i>тексте</i> <i>знак</i> <i>абзаца</i> Сила воображения
17	23	разыскания; <i>ЕфКбЭй</i> — разыскание
18	435, 24—436, 1	примеры; <i>ЕфКбЭй</i> — пример
19	436, 2	слога; <i>ЕфКбЭй</i> — слова
20	4	слова; <i>А</i> — слова (<i>испр.</i> слова) и привесть во единую связь
20	4—5	однако же; <i>ЕфКбЭй</i> — однако ж
20	5	первой — <i>АЕфКбЭй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> нет
21	6	в сочетании — <i>А</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — в сочинении; <i>ЕфКбЭй</i> — к со- четанию
21	6—7	пример, и речении из; <i>ЕфКбЭй</i> — и речений и
21	7	речении; <i>Ми</i> — речения; <i>Д</i> — речения <i>испр.</i> речении
21	7	из правила исходящие; <i>А</i> — из правила <i>доб. е</i> <i>пропел</i> <i>исхо-</i> <i>дящие</i>
22	8	становятся; <i>ГшКлМи</i> — становится
22	10	<i>с</i> ; <i>БВГшУв</i> — со

Наст. изд.	Печ.	
23	11	составил; <i>ЕфК6Эй</i> — основал
24	13	он; <i>КлМи</i> — оно
25	15—16	дарования — <i>АВВУеЧк</i> ; <i>Гш. . . Пд</i> — дарования; <i>ЕфК6Эй</i> нет
26	17	Се; <i>ЕфК6Эй</i> — В
26	17—18	общей его; <i>А</i> — общей <i>доб.</i> его
27	18—20	слово представляет мысли; орудие слова есть голос; <i>ЕфК6Эй</i> — слова представляют орудие, слова не есть голос
27	19	орудие — <i>А</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — орудии
28	21—22	изменение; <i>ЕфК6Эй</i> — именование
29	22—23	различие мыслей; <i>КлМиПд</i> — различные мысли
30	437, 2	Поступая; <i>ЕфК6Эй</i> нет
32	4—5	коих изображения; <i>ЕфК6Эй</i> — в коих изображение
32	5	называют; <i>УеВрЕфК6ЭйПд</i> — называет
33	8	различия голоса; <i>А</i> — голоса различия <i>испр.</i> различия голоса; <i>ЕфК6Эй</i> — голоса
35—36	12	знаменательные — <i>АЕфК6Эй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — знаменательные; <i>Д</i> — знаменательные <i>испр.</i> знаменательные
36	13	Сии изображают; <i>ЕфК6Эй</i> — Сие изображает
36	14	деяние; <i>Еф</i> — деяния
36—37	14—15	Изображение словесное вещи называется и м я; изображение; <i>БВ</i> — Изображение
37—38	16	г л а г о л; <i>ЕфК6Эй</i> — глаголы
39	18	их; <i>А</i> нет
43	438, 2—3	вещей положениях; <i>А</i> — вещей <i>доб. е пробел</i> отношениях <i>испр.</i> вещей положениях
43	3	Изображение таковых; <i>ЕфК6Эй</i> — Изображений таковы
43	3—4	положений; <i>УеМиВрЧкТхЕфК6ЭйПд</i> — положения
43	4	отношений — <i>БВГш</i> ; <i>А. . . Пд</i> — отношении; <i>Вр</i> — отношения
44	4—5	именуется падежами; <i>ЕфК6Эй</i> — надежными
44	6	оттуда; <i>КлМи</i> — откуда
45	8	деяния; <i>ЕфК6Эй</i> — деяний
46	8	время; <i>А</i> нет
120, 4	18	начертавший; <i>КлВрЧкПд</i> — начертавшая; <i>ЕфК6Эй</i> — начертанный
5	21	великой муж; <i>А</i> — великая душа; <i>В</i> — великий муж
5	21	сея; <i>ЕфК6Эй</i> — сей
5	21	хвалы — <i>АЕфК6Эй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — похвалы
6	23	славу; <i>А</i> — славу; не чтут тебя они, яко нахмурившегося учителя, преподающего сухие и тощие правила своей речи, издряхлевшего над (<i>испр.</i> ошибочное их) бесплодным разысканием различия падежей <i>далее листа нет</i>
7	439, 1	почитаешься; <i>Б. . . Пд</i> — почитается; <i>Гш</i> — почитается; <i>Д</i> — почитается <i>испр.</i> почитались
8	3	яко; <i>ЕфК6Эй</i> — и яко
8	3	основателем — <i>БВЕфК6Эй</i> ; <i>Уе. . . Пд</i> — основательным; <i>Вр</i> — основательных
9	5	разыскателем — <i>ЕфК6Эй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — разыскатель; <i>Д</i> — разыскатель <i>испр.</i> разыскателем
9	5—6	расположения; <i>БВ</i> — положения; <i>Д</i> — положения <i>испр.</i> расположения
10	7	преддверие — <i>ВДЕфК6Эй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — преддверие
10	8	а та — <i>БВГшТхПд</i> ; <i>Уе. . . Чк</i> — и та
11	8—9	руководительницы — <i>ЕфК6Эй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — руководительница; <i>Д</i> — руководительница <i>испр.</i> руководительницы

Наст. изд.	Печ.	
11	10	творений; <i>УеМиВрЧкТхПд</i> — творении
13	14	Геликона — <i>Б. . . Пд</i> ; <i>Печ.</i> — Гелликона
13	14	показав — <i>ЕфК6Эй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — показал
14	15	начертывая; <i>БВКлМиВрЕфК6Эй</i> — начертывая
15	17	допустила — <i>БВГшЕфК6Эй</i> ; <i>Уе. . . Пд</i> — не допустила
17	21	чувствами; <i>ЕфК6Эй</i> — чувствованиями
18	22	побуждаемый; <i>БВ</i> — побуждаемый и; <i>Ми</i> — и побуждаемый
20	440, 2—3	с нетерпением его произречения; <i>ЕфК6Эй</i> — его с нетерпением; при изречении
20	3	ожидает; <i>ГшЕфК6Эй</i> — ожидают
22	7	<i>Пит</i> — <i>Гш</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — Тит; <i>Д</i> — <i>Пит испр.</i> Тит
23	9—10	почерпаемы в; <i>ЕфК6Эй</i> — почитаемы во
24	11	доводов; <i>ЕфК6Эй</i> — заводит
27	17—18	проложить; <i>ЕфК6Эй</i> — положить
29	20	не замечая; <i>БВ</i> — и замечая
29	20—21	своему воображению; <i>ЕфК6Эй</i> — в своем воображении
29—30	21—22	с древними; <i>ЕфК6Эй</i> — здешними
31	24	душу; <i>В</i> — души
31	24	исполнивший; <i>А</i> — исполнивший <i>испр.</i> исполнявший; <i>ВЕфК6Эй</i> — исполнивший
31	441, 1	он; <i>ЕфК6Эй нет</i>
31	1—2	в сем предприял; <i>ЕфК6Эй</i> — предприял в сем
32	2—3	приводимые; <i>ЕфК6Эй</i> — приведенные
35	9	в; <i>К6Эй</i> — во
36	11	надежнейшие; <i>ЕфК6Эй</i> — надежнейшее
39	16	строке; <i>А</i> — стопе
41	20	столь редкого — <i>А</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — редкого
43	23—24	право неопценное; <i>ЕфК6Эй</i> — неопценное дарование
43—44	441, 24—442, 1	современников; <i>А</i> — сожителей
44	442, 1—2	творения, поверженный в среду; <i>ЕфК6Эй нет</i>
44	3	толщи; <i>А</i> — толпы <i>испр.</i> толщи; <i>Д</i> — толпы; <i>Б. . . Пд</i> — толпищи; <i>ЕфК6Эй</i> — помощи
45	4	но и; <i>А</i> — и <i>испр.</i> но и; <i>ЕфК6Эй</i> — но
45	4	одинаком — <i>А</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — одинаковом
121, 1	9—10	соделывают — <i>Ми</i> ; <i>А</i> — соделывают <i>испр.</i> соделывают; <i>ВВрЕфК6ЭйПд</i> — соделывают; <i>УеКл</i> — соделывает; <i>ГшЧкТх</i> — соделывают
2	13	на познании; <i>ВрТхПд</i> — на познания; <i>ЕфК6Эй</i> — непознаний
2	13	Повлекши его; <i>ЕфК6Эй</i> — Повлекшие
3	14	вослед — <i>ЕфК6Эй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — вслед; <i>Д</i> — вслед <i>испр.</i> вослед
3—4	15	благогласие; <i>ЕфК6Эй</i> — благословие
4	16	не оставил; <i>ЕфК6Эй</i> — не оставим
5	18	в; <i>ЕфК6Эй нет</i>
5	19	мечтаний — <i>КлЕфК6Эй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — мечтании
6	21	воздаяся — <i>Б. . . Пд</i> ; <i>ЕфК6Эй</i> — воздаяся
8	442, 24—443, 1	хвалу всевышнего вослед — <i>ЕфК6Эй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — хвалу; <i>Д испр.</i> хвалу и <i>доб.</i> всевышнего вослед
10	443, 4	предшествуемого; <i>БВ</i> — предшествующего; <i>Ми</i> — предшествуема
10—11	5—7	являя смертным свою существенность, жизнь. Умеряя глас трубы — <i>ДЕфК6Эй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — являя; <i>КлМи</i> — являяся
12	9	понятий — <i>БВЕфК6Эй</i> ; <i>УеГшКлМи</i> — понятии; <i>ВрЧкТх Пд</i> — понятия
13	11	песчинка; <i>Б. . . Пд</i> — песчинка
14	12	не тающем — <i>МиЕфК6Эй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — не тающим

Наст. изд.	Печ.	
16	16	тебя — <i>ДЕФКбЭй</i> ; <i>Б. . . Пд нет</i>
16	16	не сокровет; <i>ЕФКбЭй</i> — не вскроет
18	20	стройным; <i>ВМи</i> — странным
19	23	если бы; <i>ГиЧк</i> — если б
20	444, 1	я то; <i>КлМи</i> — я
21	1	признательныя; <i>В</i> — признательности
22	5	картине; <i>ЕФКбЭй</i> — картины
23	6	сей; <i>ЕФКбЭй</i> — Се
23	7	и; <i>ЕФКбЭй нет</i>
24	8	утешения; <i>ЕФКбЭй</i> — утешение
24	9	и; <i>ЕФКбЭй нет</i>
26	13	удастся; <i>ГиПд</i> — удасяся; <i>МиЧкТх</i> — удася; <i>ЕФКбЭй</i> — удается
30	21	на возглавии; <i>ЕФКбЭй</i> — на (<i>КбЭй</i> — но) возгланности
30	21	се; <i>ЕФКбЭй</i> — ее
30	22	отверзающ; <i>УвКлМиЧк</i> — отверзающи; <i>Вр</i> — отверза. . (<i>так!</i>); <i>Еф</i> — отвращающих; <i>КбЭй</i> — отвращающ
30—31	22—23	к ристалищу, се ты; <i>УвГиЧкТх</i> — к кристалищу, се ты; <i>Кл нет</i> ; <i>Еф</i> — к ристалищу
32	445, 1	всесильному; <i>ЕФКбЭй</i> — всевышнему
32	2	он — <i>ДЕФКбЭй</i> ; <i>Б. . . Пд нет</i>
33	3	других; <i>ЕФКбЭй</i> — всех других
36	9	Вещайте; <i>А</i> — Вещай <i>испр.</i> Вещайте
37	11	между; <i>А</i> — вежду (?) <i>испр.</i> между
38	14	на неосязаемое; <i>А</i> — над неосязаемым
39	16	безвещественностей; <i>А</i> — в безвещественности <i>испр.</i> без- вещественности
40	17	оно; <i>А</i> — есть, то и <i>испр.</i> оно
40	17—18	знаете; <i>А</i> — знайте; довольно для нас и того <i>испр.</i> знаете; <i>Эй</i> — знайте; <i>ЕФКб</i> — знайте
40	18	Но если; <i>АМи</i> — Если
40	18	ведаете; <i>БВГиПд</i> — ведает; <i>ЕФКбЭй</i> — ведаите
40	18	какое; <i>А</i> — коликое
40	18	действие; <i>БВ нет</i>
40	19	разум; <i>БВ</i> — разума
41	20	то ведайте еще; <i>А</i> — ведайте <i>испр.</i> то ведайте еще; <i>В</i> — то ведаите еще; <i>Ми</i> — ведаите то еще; <i>ЕФКбЭй</i> — то ве- даите то
41	21	что великий; <i>ЕФКбЭй</i> — что еще великой
43	24	Сумарокова; <i>УвМиЧкКбЭй</i> — Суморокова
45	446, 3	в; <i>БВ</i> — во
45	4	современников — <i>АБВГиДЕФКбЭй</i> ; <i>Уе. . . Пд</i> — современ- ником
46	6	ударения; <i>А</i> <i>испр.</i> ударения
47	7	в Риме; <i>Ми</i> — Америке; <i>ЕФКбЭй</i> — Риме
47	8	пресажденные — <i>А</i> ; <i>В. . . Пд</i> — пресаженныя
122, 2	11	еще; <i>ЕФКбЭй нет</i>
2	11	во; <i>А</i> — в <i>испр.</i> во; <i>В</i> — в
3	14	возгремит; <i>А</i> — возгремел <i>испр.</i> возгремит
4—5	16—17	время сие, или близко, блудящий; <i>БВ</i> — время сие? близко. Блудящий; <i>Уе. . . Пд</i> — время сие близко, блудящий; <i>ЕФКбЭй</i> — сие время или близко, блудящий
5—6	19	подножия; <i>А</i> — подножия, где <i>испр.</i> подножия
6	20	витейства; <i>ВГи</i> — витейства
7	21—22	действие его; <i>ЕФКбЭй</i> — действия сего
8	23	бесстопной; <i>А</i> — бестопной <i>испр.</i> бесстопной; <i>Ги</i> — бестоп- ной; <i>ЕФКбЭй</i> — бесстопной

Наст. изд.	Печ.	
8	23	было; <i>А</i> — были <i>испр.</i> было
9	447, 1	в витийстве; <i>БГш</i> — в итействе
9	2	общий — <i>АЕфКбЭй</i> ; <i>Б...Пд</i> — общей
11	5	прозы; <i>В</i> — прозбы
12	8	заключении; <i>ВрТхПд</i> — заключений
14	11	слово; <i>БГшПд</i> — слова
14	11	пастве — <i>А...Пд</i> ; <i>Печ.</i> — пастбе; <i>Д</i> — пастбе; <i>Ми</i> — в пастве
14	11	ее учили; <i>А</i> — поучали ее; <i>Ми</i> — его учили; <i>ЕфКбЭй</i> — сие учинили
15—17	12—18	Правда, они были ... Они писали языком славенским; <i>А нет</i>
17	18	славенским; <i>Б...Пд</i> — славянским
17	18	Но; <i>А</i> — <i>А</i>
17	18—19	ты, зревший; <i>А</i> — ты <i>пробел</i> еще <i>испр.</i> ты, зревший еще <i>испр.</i> ты, зревший; <i>ЕфКбЭй</i> — ты, зревши и
18	20	его; <i>ЕфКбЭй</i> — твоих
18	20	поучаяся; <i>А</i> — поучаешься <i>испр.</i> поучаяся
19	21	мною; <i>А</i> — мне <i>испр.</i> мною
19	22	поражая; <i>А</i> — поражало <i>испр.</i> поражая
20	23	чаяние; <i>ЕфКбЭй</i> — чаяния
23	448, 6	плода; <i>А</i> — плод; <i>Д</i> — плоды
23	6	насаждения — <i>АБДЕфКбЭй</i> ; <i>В...Пд</i> — насаждение
24	9	чреде; <i>А</i> — чреде своей; <i>БВЕфКбЭй</i> — среде
25	9—10	казалось всем; <i>А</i> — казалось <i>доб. в пробел</i> всем
26	12	выспею; <i>ЕфКбЭй</i> — вышего
26	12—13	бя и я; <i>ЕфКбЭй</i> — бы я
27	13—14	зри и здесь; <i>ЕфКбЭй</i> — зри здесь
27—28	15	научить; <i>ЕфКбЭй</i> — и учить
28	16	увидит; <i>ЕфКбЭй</i> — удивит
30	18	Чужды — <i>испр.</i> ; <i>Б...Печ.</i> — Чуждый
33	24	истукавом; <i>ВрЧк</i> — истуканам
33—34	449, 2	укоренении — <i>КбЭй</i> ; <i>В...Пд</i> — укорении
34	4	Истина — <i>ЕфКбЭй</i> ; <i>Б...Пд</i> — Истинно
36	8	отвращенно; <i>МиЕфКбЭй</i> — отвращено
37	10—11	дееписателя; <i>ЕфКбЭй</i> — для писателя
38	12	не поставим; <i>БВ</i> — не оставим
39	13	Маркграфа; <i>Ув</i> — Маркррафа; <i>Ми</i> — Наркграфа; <i>ВрЕф</i> — Марграфа
39	14	Ридигера; <i>Б...Пд</i> — Радигера; <i>ЕфКбЭй</i> — Ридитера
39	14	запе; <i>ЕфКбЭй</i> — да не
40	15	наука; <i>ЕфКбЭй</i> — точка
41—42	19	последователя; <i>В</i> — последователей
42	20—21	нечисленном; <i>Б...Пд</i> — неисчисленном; <i>Гш</i> — несчисленным; <i>Д</i> — несчисленном <i>испр.</i> нечисленном
43	22	былинки; <i>ЕфКбЭй</i> — пылинки
43—44	23	лучшие его; <i>ЕфКбЭй</i> — лучше
44	24	он; <i>КбЭй</i> — они
44	24	пружины; <i>КбЭй</i> — прижины
45	450, 1—2	не обнаружили; <i>В</i> — не обнаружила
45	2	предшественники; <i>БВ</i> — предшественная
47	5	низ изображения; <i>В</i> — не из изображения; <i>Ми</i> — ни изображения; <i>ЕфКбЭй</i> — из изображения
123, 1	8	дерзающею; <i>ЕфКбЭй</i> — Дерзающий
1—2	8—9	исторгнувший; <i>ЕфКбЭй</i> — исторгнувши
2	10	скиптр — <i>ЕфКбЭй</i> ; <i>Б...Пд</i> — скипетр

Наст. изд.	Печ.	
5	15	силою — <i>ЕфКбЭй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — силу
5	15	учителя своего — <i>ЕфКбЭй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — учителя; <i>Д</i> — учи- теля <i>доб.</i> своего
5	16	смертно; <i>ВЕфКбЭй</i> — смертию
7	19	в сей; <i>ЕфКбЭй</i> — всей
7	19	зодчий; <i>ВГшПд</i> — зодчии
10	451, 1	не находим — <i>ЕфКбЭй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — находим; <i>Д</i> — находим <i>испр.</i> не находим
10	2	естественныя; <i>А</i> — . . . нья (<i>начало слова оторвано</i>); <i>Б. . . Пд</i> — естественной; <i>Д</i> — естественной <i>испр.</i> есте- ственныя
11	4	найдем; <i>ЕфКбЭй</i> — но найдем
13	7	отдавая; <i>А</i> — отдавая здесь <i>испр.</i> отдавая
13—14	8—9	имя Ломоносова; <i>В</i> — имя Ломоносово
15	12	на что; <i>ЕфКбЭй</i> — за что
16	14	вождемся; <i>А</i> — вождемы <i>испр.</i> вождемся; <i>В</i> — вож- дался
17	15—16	Мы желаем; <i>А</i> — Мы, оставя все то, что до словесности российской ни касается, желаем <i>испр.</i> Мы желаем
17—18	16—17	что в отношении российской словесности тот; <i>А</i> — что тот <i>испр.</i> что ⁺ тот, на поле добавление оторвано, остался конец слова . . . сийской . . .
18	17	тот; <i>ЕфКбЭй</i> — то
18—25	451, 17—452, 9	тот, кто путь . . . в стихах чувствительности; <i>Ми нет</i>
18	18	славы; <i>ЕфКбЭй нет</i>
18	451, 18	проложил — <i>АЕфКбЭй</i> ; <i>В. . . Пд</i> — предложил
19	21	Бакон; <i>Кб</i> — Бэкон; <i>Эй</i> — Боскон
19—20	21	Веруламский — <i>АЕфКбЭй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — Верулямский; <i>Д</i> — Верулямский <i>испр.</i> Веруламский
21	23	размножать; <i>ЕфКбЭй</i> — распложать
21—23	451, 24—452, 4	Не достойны разве признательности . . . оков и пленения? <i>А</i> — Забудем ли Декарта за то, что мог токмо усумниться? Он усумнился, и се рушился оплот предрассуждений схо- ластики и разум устремился поистине быстротечно.
22	452, 2	всесилие — <i>ЕфКбЭй</i> ; <i>Б. . . Пд</i> — веселие; <i>Кл</i> — веселие и; <i>Д</i> <i>испр.</i> веселие <i>испр.</i> всесилие
22—24	3—5	что не могли избавить . . . Ломоносова для того; <i>ЕфКбЭй</i> <i>нет</i>
23	3	человечества; <i>Б. . . Пд</i> — человека; <i>Д</i> <i>испр.</i> человека <i>испр.</i> человечества
24	5—6	что не разумел; <i>А</i> — что мало имел вкуса, не разумел <i>испр.</i> что хотя не разумел <i>испр.</i> что не разумел; <i>БГш</i> — что не- разумен; <i>В</i> — что неразумно
24	6	правил; <i>ЕфКбЭй нет</i>
24	6—7	позорищного стихотворения; <i>А</i> — позорищного стихотвор- ства; <i>В</i> — позорищным стихотворением
25	7	эпопее; <i>ЕфКбЭй</i> — скопей
25	8	был в стихах; <i>А</i> — в стихах был
25	9	что не всегда; <i>А</i> — что не <i>доб.</i> всегда
26	11	вмещал иногда; <i>А</i> — вмещал <i>доб.</i> иногда
26	11	более — <i>АБВВрЕфКбЭй</i> ; <i>Ув. . . Пд нет</i>
28	14	вся — <i>АЕфКбЭй</i> ; <i>В. . . Пд</i> — все
28	14	терялося; <i>ЕфКбЭй</i> — терялася
28	15	все источнику; <i>А</i> — все началу; <i>ЕфКбЭй</i> — всеистенному
29	16	вселенныя; <i>ЕфКбЭй</i> — вселенной
30	18	начала — <i>АБГшЕфКбЭй</i> ; <i>В. . . Пд</i> — и начала

Паст. изд.	Печ.	
30	18—19	рука всемогущая; <i>A</i> — всемогущая рука <i>испр.</i> рука всемогущая
30—31	19	вещественность; <i>ЕфКбЭй</i> — в естественность
32	22	горе; <i>A</i> — где <i>испр.</i> горе
32	23	мах; <i>КлМиВр</i> — шаг; <i>ЧкТхПд</i> — шах
33	453, 1	только; <i>ЕфКбЭй</i> нет
34	2	действие; <i>ВМи</i> — действия
35	5	В стезе — <i>A</i> ; <i>В. . . Пд</i> — В стези; <i>ЕфКбЭй</i> — Во стезе
36	7	первый; <i>A</i> — первый <i>испр.</i> первый ⁺ , на поле доб. + все следуют и <i>зач.</i>
37	8	оно; <i>A</i> — оно всегда <i>испр.</i> оно
38—40	10—15	Но, любезный читатель . . . Ямщик, погоняй; <i>A</i> нет (<i>Ан</i> — <i>см. текст и варианты «Путешествия» ранней редакции</i>)
38	11	закалякался; <i>B</i> — заклался; <i>V</i> — заклался <i>испр.</i> закалякался; <i>Рз</i> — заговорился
38—39	11—12	Всесвятское; <i>ЕфКбЭй</i> — село Всесвятское
40	15	погоняй; <i>БВПд</i> — погоняя; <i>КбЭй</i> — поганяй
42	17	С дозволения Управы Благочиния; <i>V</i> стерт; <i>Ув</i> — С дозволения Управы Благочиния. Конец второй и последней книги.; <i>ДЕфКбЭй</i> — Конец второй и последней части; <i>Рз</i> — Конец

ВАРИАНТЫ И РАЗНОЧТЕНИЯ К «ВОЛЬНОСТИ»

Стро- фа	Стих	
1	5	твоим <i>испр.</i> своим — <i>МгиГим</i> ; своим — <i>БесПогБодМай</i> .
	6	твоих <i>испр.</i> своих — <i>Гим</i> ; своих — <i>БесПогМай</i> ; И сильным мышц твоих — <i>ПраСир</i> .
2	9	Седяй во славе — <i>ВМгиГимБесПогБодМай</i> .
	1	исшед — <i>Г</i> ; и тьмы со мною — <i>БВ</i> .
	2	твоих <i>испр.</i> моих — <i>МгиГим</i> ; моих — <i>БесПогБодМайПраСир</i> .
	6	внемлю, что мне — <i>ПраСир</i> .
3	9	Творю <i>испр.</i> Творя — <i>Гим</i> ; Творя — <i>БесПогБодПраСир</i> ; чивым — <i>Мги</i> ; чтивым <i>испр.</i> чтимым — <i>Гим</i> .
	1	что претит — <i>В</i> ; претит моей <i>испр.</i> моей претит — <i>Гим</i> ; моей претит — <i>БесПогБод</i> .
	2	Желаньям <i>испр.</i> Деяньям — <i>МгиГим</i> ; Деяньям — <i>Бес</i> ; Деяньям <i>испр.</i> Желаньям — <i>ПогБод</i> ; везде в предел — <i>ПраСир</i> .
4	8	свою — <i>ГМгиГимБесПогБодМайЛонПраСир</i> .
	10	Родился — <i>ГАНБВ</i> ; Родился <i>испр.</i> Вот что есть — <i>МгиГим</i> ; Вот что есть на поле <i>доб.</i> вся строка Родился в обществе закон — <i>Пог</i> ; Вот что есть <i>испр.</i> Родился — <i>Бод</i> .
	2	Среди тягченной жатвы — <i>БВ</i> ; Среди тягченной жатвой — <i>Мги</i> ; Средь отягченных жатвой — <i>Лон</i> ; Среди стягченных жатвой — <i>ПраСир</i> ; тягченной <i>испр.</i> тягченных — <i>Гим</i> .
4	4	сенью <i>испр.</i> сению — <i>Мги</i> ; сенью <i>испр.</i> сеньми — <i>Гим</i> ; сению — <i>Май</i> ; Под мирной сению — <i>ЛонПраСир</i> .
	5	мрамора — <i>БВМгиБесМайЛонПраСир</i> ; мрамора <i>испр.</i> мрамора — <i>Гим</i> .
	6	Яснейших — <i>ГАНБВМгиГимБесПогБодМай</i> ; дней <i>испр.</i> дня — <i>Ан</i> ; для <i>испр.</i> дня — <i>Бод</i> ; Лучей яснейша дня — <i>Лон</i> .
5	3	Без слуха зрится хладнокровно — <i>ГБВ</i> ; хладнокровно <i>испр.</i> хладно- кровно — <i>Гим</i> ; хладнокровно — <i>БесПогМайЛон</i> ; хладнокровно <i>испр.</i> хладнокровно — <i>Бод</i> .
	4	Велико божество — <i>ГБВ</i> .
	6	И в ней змеином — <i>МгиГимБесПог</i> .
	2	круг себя — <i>Г</i> .
6	8	<i>стиха нет</i> — <i>Г</i> .
	2	имеяй — <i>ГАН</i> ; имела — <i>БВ</i> .
	3	всечастно — <i>БВМги</i> .
	4	челюстей — <i>Мги</i> .
7	6	достигает — <i>Май</i> ; досягает — <i>ПраСир</i> .
	8	призраки тьмы — <i>В</i> .
	10	нам велит — <i>ГАНБВ</i> .
8	2	всея — <i>Г</i> ; воя — <i>Б</i> ; сея — <i>Лон</i> ; полский — <i>Г</i> ; польский — <i>Мги</i> ; смерт- ный — <i>Лон</i> .

- Стро- Стих
фа
- 4 Чувствительность *испр.* Чувствительно — *Гим*; Чувствительно — *Пог*;
Чувствительно *испр.* Чувствительность — *Бес*.
- 5 ермо — *Г*; ярем — *ПраСир*.
- 6 стих пропущен и *доб. позднее* — *Мги*; Облек в броню — *Бод*; И дав им
броню — *ПраСир*.
- 9 Закон *испр.* Обман — *Мги*; святой *испр.* святой — *Гим*; святой —
БесБодМай; стих пропущен — *Пог*.
- 10 давил *испр.* дивись *доб.* дивить — *Мги*; дивись *испр.* дивить — *Гим*; ди-
вись — *БесМай*; давить *испр.* дивись — *Пог*; дивить *испр.* дивись —
Бод; давить что изобрел — *ПраСир*.
- 9 2 Источник рабства, бед оков — *МгиГимБесПогБодМай*.
4 один — *БодПраСир*.
7 оковал — *БВ*.
- 10 1 Воззрим на — *ЛонПраСир*.
3 всемирны — *МгиПог*; всемирны *испр.* все мирны — *Гим*.
4 В царстве — *ГБВ*.
5 сохраняет — *ПраСир*.
6 вера *испр.* веру — *Мги*.
8 Одно — *БВПеч. Лон*; Один — *ПраСир*.
9 Другое — *БВПеч. Лон*.
- 11 2 не возрастет — *Мги*.
3 умы претит — *В*; претит ума — *МгиГимБесПогБодМайЛонПраСир*.
4 не прозяблет *испр.* не прозябет — *Мги*; не прозябнет — *ПраСир*.
6 несподручны — *БВМайПраСир*.
8 не меркнет *испр.* померкнет — *Мги*.
9 обветшалый — *БВПогМайПраСир*; обветшавый *испр.* обветшавый —
МгиГим; обветшавый *испр.* обветшалый — *Бод*.
- 12 1 Чело ж *испр.* Чело — *Г*; Что — *Б*.
2 Прияв — *ГБВ*; Приняв — *Ан*.
3 огромном — *БВ*; гордом — *МгиМай*; гордом *испр.* громном — *Гим*;
грозном — *ЛонПраСир*; севший — *БВ*.
5 в руках — *В*.
6 рекл — *БВ*.
7 Я жизньию — *Лон*.
8 Коль я смеюсь, то — *ПраСир*; все смеются — *МгиМай*; все смеются
испр. все смеется — *Гим*; все смеется *испр.* все смеются — *ПогБод*.
9 стиха нет — *Г*; Чело нахмурю, все мнутся *испр.* Нахмурюсь грозно,
все смятутся — *Гим*; Чело нахмурю, все мнутся *испр.* Чело нахму-
рюсь, все сметутся — *Мги*; Нахмурюсь грозно, все смятется *испр.*
Нахмурюсь грозно, все смятутся — *Пог*; Нахмурюсь грозно, все смя-
тется *испр.* Чело нахмурю, все смятутся — *Бод*; Чело нахмурю —
все мнутся. — *Май*.
- 10 Живет — *БВБесЛонПраСир*; Живешь *испр.* Живет — *Гим*; И живешь
тогда, велю когда жить — *Пог*; Живет *испр.* Живешь — *Бод*.
- 13 4 ад — *ГБПогПраСир*; ад *испр.* ад — *Гим*.
5 надменно — *БесПраСир*.
6 колена преклоненно — *Бес*; коленопреклоненно — *ПраСир*.
7 трепещи *испр.* трепеща — *Гим*; трепеща — *БесПог*.
8 протекая — *В*.
- 14 1 разь — *Мги*; разь *испр.* рать — *Гим*.
4 всякой — *Мги*; Обмыть — *БесПогБод*.
6 метает — *В*.
- 15 1 сей *испр.* се — *Гим*; сей — *БесБодМай*.
2 Со стреком — *Мги*; можно разодрать *испр.* мощно разодрать — *Мги*;
можно разодрать *испр.* мощно разодрал — *Гим*; можно разодрать —
Бес; Кичливой мощно разодрал — *Пог*.
4 попать — *Мги Бес*; попать *испр.* поправ — *Гим*.

- Стро- Стих
фа
- 5 сторучно — *Пог*; сторучно *испр.* сторучна — *БесБод*.
8 власти данной — *БВ*.
9 мной увенчанный — *ЛонПраСир*.
16 7 лжи — *ГАНБВБесПогБодЛон*; лже *испр.* лжи — *Гим*.
8 награждать — *БесМай*.
9 стиха нет — *Бод*; предупреждать — *БесМай*.
17 2 пристани в брегах — *ГАНПраСир*.
5 чтоб безмерна — *Г*.
6 оранию — *БВ*; ораторю — *МгиПогБод*.
7 мог бы вещать — *Г*.
10 благодетельную *испр.* благоденственную — *Мги*.
19 1 забыл — *МгиМай*; забыл *испр.* забыв — *Гим*.
2 Забыл — *МгиМай*; Забыл *испр.* Забыв — *Гим*.
5 моим — *БВЛон*.
6 Бессильными — *ЛонПраСир*; поверх — *Г*.
7 истины — *ГВВМайЛонПраСир*; истины *испр.* истине — *Ан*.
8 клевете дорогу — *ГАНБВ*.
10 гнушаться — *Мги*.
20 1 доставляя *испр.* доставая — *Гим*.
2 Тот плод, кой в пищу — *Лон*.
3 кроху — *Г*.
6 Но что ж — *МгиПог*; На что ж *испр.* Но что ж — *Гим*; Но что ж *испр.*
На что ж — *БесБод*; Скажи на что — *Лон*; Скажи на что ж — *ПраСир*.
9 чуждающуюся — *БВМайЛон*.
21 3 Злодею — *ГАНБВМгиГимБесПогБодМайПраСир*.
5 Рожденные *испр.* Сооруженные — *Мги*; Сооруженные *испр.* Стружжен-
ные — *Гим*; Сооруженные *испр.* Съоруженные — *Бес*; пробел вместо
слова — *Пог*; Сооруженные — *БодМай*; Сгруженные — *Лон*.
6 ведешь знамениту — *Мги*; ведешь знамениту *испр.* ведешь ли знаме-
ниту — *Гим*.
8 боресся — *Мги*; боресся *испр.* борешься — *Гим*.
10 Герой зевал — *ГВВ*; Герой зевав — *МгиБесПогМайЛонПраСир*; Герой
испр. Ирой — *Гим*.
22 5 скопив — *МгиМай*; скопив *испр.* скопил — *Гим*.
6 не одна пройдет — *Г*; ни едино преидет — *ВПог*; на одна преидет —
МгиБод.
7 сопостат — *ГМгиГимБесПогБод*.
8 дерзнул острить *испр.* острить дерзнул — *МгиГим*; острить дерзнул —
БесПогБод.
9 Едино смерти — *Мги*.
23 3 Един ты в свете оном — *БВ*; Един ты в свете — *МгиГимБесПогБодМай*;
Един ты нам столь — *Лон*; Один ты в мир сей — *ПраСир*.
8 научись — *МгиГимБесПогБодМай*.
9 льстить — *МгиПог*; льстить *испр.* мстить — *Гим*.
24 1 Ниспослал — *Б*; Нисполал — *В*; Ниспослав празрак, мглу — *ПраСир*.
6 своей уж он — *МгиГимБесПогБодМай*.
7 Но в действии — *Г*; Но в действии — *БВ*; Не в действе — *МгиГимБес*
ПогБод; Но в действьи — *ПраСир*; распростер — *Г*.
8 спавшему — *МгиГимБесПог*; спавшему *испр.* спасшему — *Бод*; как
мнимых — *ГВВ*; нас мнимый — *МгиГимПог*; нас мнимый *испр.*
нас мнимых — *БесБод*.
25 2 синих — *ГБес*; тихих *испр.* синих — *МгиГим*; синих *испр.* тихих —
Бод; Прервав спокойство — далее пробел — *Пог*.
3 так возгремели — *БВМгиГимПог*; так возгремели *испр.* возгремели —
Бод; возгремели — *Май*.
4 вechу — *МгиБесПог*; вechу *испр.* вече — *Гим*.

- Стро- Стих
фа
- 5 Престол (*пробел*) разрушает — *Пог*.
6 Сампсон — *Г*; Симеон *испр.* Самсон — *Мги*; потрясает — *БесПогБод Май*; сокрушает — *ЛонПраСир*.
- 8 Закона строят *испр.* Законом строит — *Мги*; Закона строят *испр.* Законом строить — *Гим*; Законом строить *испр.* Законы строить — *Бод*.
- 10 Зиждитель как — *Пог*.
26 5 трезубый — *БГимПогМайПраСир*.
6 священства — *БВ*; священый — *Г*.
7 Проклятей молний — *Г*; Проклятей молнии — *Б*; Проклятья молнии — *Май*; Проклятий молнии — *ПраСир*.
- 8 Сменися — *БВ*; прещенья — *ПраСир*.
8 примирил — *МгиГимБесБодМай*.
27 2 мочь *испр.* мощь — *Гим*; мощь — *БесБодМай*.
5 Пространство — *Мги*; Пространство *испр.* Пространства — *Гим*.
6 И вод *испр.* Исторг — *МгиГим*; И вод — *Май*; Исторг *испр.* И вод — *Бод*.
- 8 покоил — *Г*.
28 4 Поверг — *Б*.
7 творить — *ГимПраСир*.
8 простерши — *Г*.
10 утвердит — *БВ*; дневному — *Г*.
29 1 разваряя — *Г*.
2 Вознесшийся — *МгиГимБесБодМайПраСир*.
3 прометая — *БВ*.
8 Нетрепетно с ним разум мыслит *испр.* С ним разум нетрепетно мыслит — *МгиГим*; С ним разум не трепеща мыслит — *Бес*; Нетрепетно в нем — *ПраСир*.
- 9 собственностью — *ГМай*; числить — *МгиГимБод*.
10 Невежества что развеет — *ГБВ*; Невежества развеет — *МгиГимБес Май*; Невежество развеет прах — *Бод*; Невежества чтоб развеять — *ПраСир*.
- 30 1 упоенный — *БВПраСир*.
4 Воспрянув — *БВМгиГимБод*; Востав — *Май*.
6 с ним он ревностно — *Г*.
7 Но чуждый — *ПраСир*.
- 31 2 востока — *В*; востока *испр.* востока — *МгиБод*; востока *испр.* востока — *Гим*.
5 мачих ко — *Г*; мачих к — *Б*.
6 Исходит видом — *Бес*.
9 вдруг тучнеет — *ПраСир*.
- 32 5 Не господска рука надменна — *В*; надменной — *МгиГимБесБодМай ПраСир*.
6 подаренной — *МгиГимБесБодМайПраСир*.
- 33 3 жизненностью — *ГБВ*.
6 плодом венчают — *Г*; плодом смягчают — *В*; плодов стягают — *МгиГимБесБодМай*.
- 7 Всецедры бога — *Б*; Всецедры боги — *Мги*; Всецедра бога — *Пра Сир*; в простоте — *МгиГимБесБодМайПраСир*.
8 Бесплоды — *БВ*; Безбебно — *МгиГимБесБодМай*.
10 кормит — *БВМгиГимБесБодМайПраСир*.
- 34 2 стерта — *ПраСир*; зверства рать — *ГБПраСир*; зверствовать — *Мги*; зверствовать — *ГимБесБод*; зверство вождь — *Май*.
5 Награда правильно — *МгиГимБесБодМай*.
7 Кончины славой — *ГБВ*.
10 Вашкингтон — *Г*; Вашнигтон — *БВ*; Вашигтон *испр.* Вашингтон — *Мги*.

- | Стро-
фа	Стих	
35	2	Свирепство в нис с себя — Г.
	3	среди нас — <i>ПраСир</i> .
	4	веселья — <i>ПраСир</i> .
	9	Награда ей — <i>ПраСир</i> .
36	2	Различности надменность спев — <i>БВ</i> ; Различности, надменности пав — <i>Мги</i> ; Различности, надменность пав — <i>ГимБесБодМай</i> ; Различия надменность сняв — <i>ПраСир</i> .
	6	Единая — <i>Б</i> .
	9	Опытностию лишь — <i>БВ</i> ; Лишь опытностию — <i>МгиГимБесБодПраСир</i> ; Лишь опытностию — <i>Май</i> .
37	5	себя всегда — <i>Май</i> ; себя когда — <i>ПраСир</i> .
	6	крылах — <i>В</i> .
8—9		Миров до края вознесется И вечности самой коснется — Г; на месте ст. 8 пробел, ст. 9: Миров до края вознесется — <i>БВ</i> ; По всей все-ленной пронесется; Миров до края вознесется — <i>ПраСир</i> .
38	2	стрясут — <i>БПраСир</i> .
	3	вонзит — <i>БМгиГимБесБод</i> .
	6	разрывает — <i>Лон</i> ; разрывают — <i>ПраСир</i> .
	8	Рождаются несыты — <i>Мги</i> ; Рождаются несытна — <i>ГимБес</i> ; Рождаются несытна <i>испр</i> . Рождаются несыты — <i>Бод</i> ; Рождаются несытны — <i>Май</i> .
	9	творящая — <i>МгиБодМай</i> ; творящая <i>испр</i> . зиждущая — <i>Гим</i> .
	10	Чтоб — <i>МгиГимБесБодМайПраСир</i> ; устроить — <i>ГМгиГимБесБодМайПраСир</i> .
39	1	Крутится — <i>БПраСир</i> ; Крутятся — <i>В</i> .
	2	Одевшись — <i>ПраСир</i> .
	4	прикрыв — <i>ГМгиГимБесБодМай</i> .
	5	Заря — <i>БВ</i> ; Зовя — <i>ПраСир</i> .
	6	Иль жизнь — <i>ПраСир</i> ; нисполагая — Г.
	9	облек взор миловидный — <i>ГБесБод</i> ; облек во взор миловидны — <i>БВ</i> ; в взор <i>испр</i> . взор — <i>Гим</i> .
40	1	Силла — <i>МгиБесБодМай</i> ; Сулла <i>испр</i> . Силла — <i>Гим</i> ; возмутивший — <i>Мги</i> .
	2	Спокойствие — Г.
	5	Ругаясь всем, что есть — <i>В</i> ; Ругаясь всем, что в свете — <i>МгиГимБесБод</i> ; Ругался всем, что в свете — <i>Май</i> .
	6	И точно — <i>ГБВ</i> ; отъято — <i>ПраСир</i> .
	7	У римлян он купить — <i>МгиГимБесБодМай</i> .
	9	<i>стих написан позднее</i> — <i>Бод</i> ; убийству — <i>МгиГимБесБодМайПраСир</i> .
	10	нечестие среди чертогов — <i>Мги</i> ; нечестье — <i>ГимБес</i> ; несчастье <i>испр</i> . нечестье — <i>Бод</i> ; нечестия — <i>Май</i> .
41	1	обвил — <i>ПраСир</i> .
	6	править — <i>МгиГимБесБодМай</i> .
	8	Покрыв — <i>МгиГимБесБодМай</i> .
	10	бесстрашен — Г.
42	2	Неизменним — Г; Неизменный — <i>В</i> .
	7	вонзил — Г.
	9	Ехидну — <i>МгиМай</i> ; Ехидну <i>испр</i> . Едину — <i>Гим</i> ; вселясь — <i>БПраСир</i> .
43	1	совершенство — <i>Б</i> ; Дойдет до места — <i>Мги</i> ; Дойдет до места <i>испр</i> . Дойдешь до меты — <i>Гим</i> ; Дойдет <i>испр</i> . Дойдешь — <i>Май</i> ; Дойдет до лести — <i>ПраСир</i> .
	2	проскочив — Г.
	3	найдет — <i>МгиПраСир</i> ; найдет <i>испр</i> . найдешь — <i>ГимМай</i> ; блаженства — <i>В</i> .
	4	Несчастливым — <i>Май ПраСир</i> .
	5	возблистает <i>испр</i> . возблистаетшь — <i>ГимМай</i> .
	6	скончаешь <i>испр</i> . скончает — <i>Мги</i> ; скончает <i>испр</i> . скончаешь — <i>Гим</i> .

- Стро- Стих
фа
- 10 И власть под ярмом упадет — *Мги*; И власть под ярмом упадет *испр.*
И власти под ярмом падет — *Гим*; под ярем падешь — *Май*.
- 44 1 развращенью — *Г*.
4 Некошвенно — *ГБесБодМайПраСир*; Некошвенно *испр.* Некошвенно —
Гим; бежит — *БесМай*.
- 5 Огнь — *Мги*.
7 тленьям — *МгиГимБесБодМай*.
9 *стих* *описан позднее* — *Бод*; В весельи начнеть — *МгиГим*.
- 45 5 хлеб *испр.* хлябь — *Гим*.
7 глотить — *Г*; сглотать — *Бес*.
- 46 3 Стремимся, гнетом — *БВ*; Стремится, гневом — *МгиГимБесБодМай*.
7 месту обнажил — *Мги*.
- 47 2 днем — *МгиБод*.
5 обветшалый — *БВМгиМайПраСир*; обветшалый *испр.* обветшавый —
Гим.
- 48 2 На права — *МгиГимМай*; На право — *Бод*.
3 юг и восток — *ГБВМги*; юг и восток *испр.* юг, восток — *Бод*; юг, вос-
ток — *МайПраСир*.
4 ширишь — *Г*; ширит — *Бод*.
8 Отечество мое драгое — *ПраСир*.
- 49 1 доле — *Мги*; дале *испр.* доле — *Бод*.
4 Всех тяжесть — *ПраСир*.
5 из светила — *Г*.
7 мочь — *МгиБод*; мочь *испр.* мощь — *Гим*.
- 8—9 Но бег его ослабевает, Как путь от центра удаляет *испр.* В ключе хотя-
не угасает, Но бег его ослабевает — *Гим*; И бег его ослабевает, Как
путь от центра удаляет — *МгиБесБод*; Но бег его . . . удаляет — *Май*.
- 10 10 ночь — *МгиБод*; ночь *испр.* ночь — *Гим*.
- 50 1 союсю — *Мги*.
2 мненьи — *БВ*; крепка *испр.* тверда — *Гим*; тверда — *Бес*.
3 законна — *Г*.
6 Когда — *В*.
7 Содрагаясь — *БВ*; Содрогишись — *ПраСир*.
- 51 10 вновь даст — *ПраСир*.
3 темной — *Б*.
8 людей — *Мги*; людей *испр.* ладью — *Гим*; ладью *испр.* людей — *Бод*.
- 52 10 Что чтим — *Б*; То чтит — *Бес*; Что чтил — *ПраСир*.
1 не пришла — *ПраСир*.
5 Встрещат — *БВ*; темной ночи — *ПраСир*.
6 себе мочи — *ГБВ*.
7 Вкатысь горе — *Г*; Вкатысь где — *БВ*; Въ когыся где — *Мги*; Въког-
тыся где *испр.* Вскатысь горе — *Гим*; Вскатысь где *испр.* Вскатысь
где — *Бод*; Вскатысь где — *Май*; Вкатысь где — *ПраСир*.
8 все раздавит — *МгиГимБесБодМайПраСир*.
9 И стражу к словеси *испр.* Ко вздоху стражу да — *Гим*; Ко вздоху стражу
да — *Бес*.
- 53 10 Да будет тамо ей напасть — *МгиГимБесБодМай*.
3 Придет — *ГМги*; Придет *испр.* Приидет — *Бод*.
5 к стези свободой — *ПраСир*.
6 съедина с природой — *МгиБесБодМай*; съедина с *испр.* ополча *Гим*.
8 все сил — *Б*.
9 *стих* *пропущен* — *ГББод*; Немощно на неизложенье — *В*; Приимут
вечно разрушенье — *Мги*; Приимут вечно разрушенье *испр.* Раз-
вееся в одно мгновение — *Гим*; Приимет вечно разрушенье — *Май*;
Приидет во изнеможенье — *ПраСир*.
- 54 3 вечны *испр.* вечна — *Г*.

Стро- Стих
Лфа

- 4 час рожденью — *МгиБодМай*; час рожденью *испр.* миг рожденью — *Гим*; миг рожденья — *БесПраСир*.
- 6 жидитель — *ГБ*; воедине — *ПраСир*.
- 7 Рек — *ГМгиГимБесБодМайПраСир*.
- 9 Сгущенну мглу разогнавши — *В*; Сгущенну мглу собой разгнавши — *МгиБесМай*; Сгущенну мглу собой разгнавши *испр.* Сгущенну мглу разогнавши — *Гим*; *стиха нет* — *Бод*; Сгущенную тьму разогнавши — *ПраСир*.

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ

Сочинение Радищева

(Мой альбом. Книга 7. Н. Г.)

А. М. К.

Любезнейшему другу!

Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, о сочувственный мой! посвящено да будет. Хотя мнения мои о многих вещах различествуют с твоими, но сердце твое бьется согласно моему — и ты — мой друг.

Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои во внутренность мою — и узнал, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он не прямо взирает на окружающие его предметы. Ужели, вещал я сам себе, природа толико скупа была к своим чадам, что от блюдящего невинно скрыла истину навеки? Ужели сия грозная мачиха произвела нас для того, чтобы чувствовали мы одни бедствия, а блаженство никогда? Разум мой вострещал от сей мысли, и сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло. Я человеку нашел утешителя в нем самом. «Отыми завесу с очей природного чувствования — и блажен буду». Сей глас природы раздавался громко в сложении моем. Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание. Я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению и — веселие неизреченное! — я почувствовал, что всякому можно быть соучастником в благодетельствии себе подобным. — Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но если, говорил я сам себе, я найду кого-либо, кто намерение мое одобрит; кто ради благой цели не опорочит неудачное изображение мыслей; кто состраждет со мною над бедствиями собратии своей; кто подкрепит меня в шествии моем, — не сугубой ли плод произойдет от поднятого мною труда? — Почто, почто мне искать кого-либо далеко? Мой друг! ты близ моего сердца живешь — и имя твое да озарит сие начало.

ВЫЕЗД

Отужинав с моими друзьями, я лег в кибитку. Ямщик по обыкновению своему поскакал во всю лошадиную мочь, и в несколько минут я был уже за городом. Расставаться трудно, хотя на малое время с тем, кто нам нужен стал на всякую минуту бытия нашего. Расставаться трудно: но блажен тот, кто может расставаться не улыбаясь; но вспомни о возвращении твоём, и да истекнут слезы твои при сем воображении, яко роса пред лицом солнца. Блажен возрыдавший, надеясь на утешителя; блажен живущий иногда в будущем; блажен живущий в мечтании. Существо его усугубляется, веселия множатся, и спокойствие упреждает нахмуренность грусти, распложая образы радости в зеркалах воображения. Я лежу в кибитке. Звон почтового колокольчика, наскучив моим ушам, призвал наконец благодетельного Морфея. Горесть разлуки моя, преследуя за мною в смертоподобное мое состояние, представила меня воображению моему уединенна. Я зрел себя в пространной долине, потерявшей от солнечного зноя всю приятность и пестроту зелености; не было тут источника на прохлаждение, не было древесной сени на умерение зноя. Един, оставлен, среди природы пустынный! Вострепетав, — Несчастный, — возопил я, — где ты? где девалось все, что тебя прельщало? где то, что жизнь твою делало тебе приятною? Неужели веселости, тобою вкушенные, были сон и мечта? — По счастью моему, случившаяся на дороге рытвина, в которую кибитка моя толкнулась, меня разбудила. Кибитка моя остановилась. Приподнял я голову; вижу: на пустом месте стоит дом в три жилья. — «Что это такое?» — спрашивал я у повозчика моего. — «Почтовый двор». — «Да где мы?» — «В Софии». — И между тем выпрыгал лошадей.

СОФИЯ

Повсюду молчание. Погруженный в размышлениях, не приметил я, что кибитка моя давно уже без лошадей стояла. Привезший меня извозчик извлек меня из задумчивости: — «Барин-батюшка, на водку!» — Сбор сей хотя не законный, но охотно всякий его платит, дабы не ехать по указу. — Двадцать копеек послужили мне в пользу. Кто ездил по почте,

тот знает, что подорожная есть оберегательное письмо, без которого, может быть, всякому кошельку, — генеральской исключая, — будет накладно. Вынув ее из кармана, я шел с нею, как ходят иногда для защиты своей со крестом.

Почтового комиссара нашел я храпящего; легонько взял его за плечо. «Кого чорт давит? Что за манер выезжать из города ночью? Лошадей нет; очень еще рано; взойди, пожалуй, в трактир; выпей чаю или усни». — Сказав сие, господин комиссар отворотился к стене и паки захрапел. Что делать? Потряс я комиссара опять за плечо. «Что за пропашть, я уже сказал, что нет лошадей». — И, обернув голову одеялом, господин комиссар от меня отвернулся. — Если лошади все в разгоне, — размышлял я, — то несправедливо, что я мешаю комиссару спать. А если лошади в конюшне. . . — Я вознамерился узнать, правду ли г. комиссар говорил. Вышел я на двор; сыскал конюшню и нашел в оной лошадей до двадцати; хотя, правду сказать, у них кости были видны, но меня бы дотащили до следующего стана. Из конюшни я опять возвратился к комиссару; потряс его гораздо крепче. Казалось мне, что я имел к тому право, нашел, что комиссар солгал. Он второпях вскочил и, не продрав еще глаз, спрашивал: — «Кто приехал, не. . . — но, опомнившись, увидя меня, сказал мне: — Видно, молодец, ты обык так обходиться с прежними ямщиками. Их бивали палками. . . но ныне не прежняя пора». — Со гневом г. комиссар лег опять в постелю спать. Мне хотелось так же его попотчевать, как прежних ямщиков, когда они приличались в обмане; но моя щедрость, давая городскому повозчику на водку, побудила софийских ямщиков запретить мне скорее лошадей, и в самое то время, когда я намеревался сделать приступ к спине комиссарской, зазвенел на дворе колокольчик. — Я пребыл добрый гражданин. И так, двадцать медных копеек избавили миролюбивого человека от следствия, детей моих от примера невоздержания во гневе, и я узнал, что рассудок есть раб нетерпеливости.

Лошади меня мчат; извозчик мой затянул песню, по обыкновению заунывную. Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее. Все почти голоса таких песен суть тону мягкого. На сем музыкальном расположении народного уха умеи учреждать бразды правления; в них найдешь образование души нашего народа. Посмотри на русского человека: найдешь его задумчива. Если захочет разогнать скуку или, как то он сам называет, захочет повеселиться, то идет в кабак; в веселии своем порывист, отважен, сварлив. Если что-либо случится не по нем, то скоро начинает спор или битву. Бурлак, идущий в кабак повеся голову и возвращающийся обгаренный кровию от оплеух, многое может решить гадательное доселе в истории российской.

Извозчик мой поет. Третий был час пополуночи. Как прежде колокольчик, так теперь его песня произвели во мне сон. О природа! ты, объяв человека в пелены скорби при рождении его, влача его по строгим хребтам боязни, скуки и печали чрез весь его век, дала ему в отраду сон. — Уснул, и все окончилось. — Несносно пробуждение несчастному! Сколь смерть для него приятна! И, если она конец скорби, — Отче всеблагий!

неужели отворишь взоры свои от скончавающего бедственное житие свое мужественно? Тебе, источнику всех благ, приносится сия жертва. Ты един даешь крепость, когда естество трепещет, содрогается. Се глас отчий, взывающий к себе свое чадо. Ты дал мне жизнь, тебе ее и возвращаю: на земли она уже стала бесполезна.

ТОСНА

Поехавши из Петербурга, я воображал себе, что дорога была наилучшая: таковою ее почитали все те, которые ездили по ней вслед государя; таковою она была действительно, — но на малое время. Земля, насыпанная на дороге, сделала ее гладкою в сухое время, но дождями разжиженная, произвела великую грязь среди лета и сделала ее непроходимую. — Обеспокоен дурною дорогою, я встал из кибитки и вошел в почтовую избу, в намерении отдохнуть. В избе нашел я приезжаго, который, сидя за обыкновенным длинным крестьянским столом в переднем углу, разбирал бумаги и просил почтового комиссара, чтобы ему поскорее велел дать лошадей. На вопрос мой: — кто он был? — узнал я, что то был старог покроя стряпчий, едущий в Петербург с великим множеством изодранных бумаг, которые он тогда разбирал. Я немедленно вступил с ним в разговор, и вот моя с ним беседа: «Милостивый государь! Я низжайший ваш слуга, быв регистратором при разрядном архиве, имел случай употребить себе в пользу свое место. Посильными моими трудами я собрал родословную, на ясных доводах утвержденную, многих родов российских. Я докажу княжеское или благородное их происхождение за несколько сот лет. Я восстановлю не редкого в княжеское достоинство, показав от Владимира Мономаха или от самого Рюрика его происхождение. — Милостивый государь! — продолжал он, указывая на свои бумаги, — великороссийское дворянство долженствовало бы купить мой труд, заплатя за него столько, сколько ни за какой товар не платят. Но с дозволения вашего высочородия, благородия или высокоблагородия, не ведаю, как честь ваша, позвольте мне узнать вашу фамилию, ибо оные все расположены в моих записках, по алфавиту. И если вы, милостивый государь, природный дворянин, то можете увидеть, за сколько лет простирается ваше благородство. — Я предлагаю вам мои услуги, располагайте мною». Я, не хотевший нанести даже и блуждающему человечеству оскорбления, и дабы сим удовлетворением поощрить его к дальнейшему объяснению его плана, сказал ему, что фамилия моя РАДИЩЕВ и что предки мои, если список его верен, должны находиться в дворянском его алфавите. Он начал опять перебирать свои бумаги, которые, как видно, только по его мнению были таковыми, каковыми он их представлял; ибо, по прошествии нескольких минут он опять начал свою речь: «Милостивый государь! краткость времени не позволяет мне удовлетворить вашему желанию — но обратимся ко всеобщей цели, о которой все дворяне должны стараться; но они не знают, что им нужно. Известно вам, сколько блаженныя памяти

благоверный царь Феодор Алексеевич обидел российское дворянство, уничтожив местничество. Сие строгое законоположение поставило многие честные княжеские и царские роды наравне с новгородским дворянством. Но благоверный же государь император Петр Великий совсем привел их в затмение, своею табелью о рангах. Он открыл путь чрез службу военную и гражданскую всем к приобретению дворянского титула и древнее дворянство, так сказать, затаптал в грязь. Ныне всемилостивейше царствующая мать наша утвердила прежние указы высочайшим о дворянстве положением, которое было всех наших степенных востревожило, ибо древние роды в дворянской книге поставлено ниже всех. Но слух носится, что в дополнение вскоре издан будет указ и тем родам, которые дворянское происхождение докажут за 200 или 300 лет, приложится титул маркиза или другое знатное, и они пред другими родами будут иметь некоторую отличность. По сей причине, милостивейший государь! труд мой должен быть весьма приятен всему древнему благородному обществу; но всяк имеет своих злодеев.

В Москве завернул я в компанию молодых господчиков, предложил им труд мой, дабы благосклонностию их возвратить хотя истраченную бумагу и чернила; но вместо благоприятства попал в посмеяние и с горя оставил столичный град сей, вдался пути до Питера, где, известно, гораздо более просвещения.

Сказав сие, поклонился мне об руку и, вытянувшись, стоял предо мною с величайшим благоговением. Я понял его мысль, вынул из кошелька — и дав ему советовал, чтобы, приехав в Петербург, он продал свои бумаги на вес разносчикам на обертки. Ибо мнимое маркизство может многим вскружить голову, и он будет причиною возрождения истребленного в России зла, хвастаться древнею породю.

ЛЮБАНЬ

Зимою ли я ехал или летом, для вас, я думаю, все равно. Может быть, и зимою и летом. Нередко то бывает с путешественниками, поедут на санях, а возвращаются в телегах. — Летом. Бревешками вымощенная дорога замучила мои бока; я вышел из кибитки и пошел пешком. Лежа в кибитке, мысли мои обращены были в неизмеримость мира. Отделяясь душевно от земли, казалось мне, что удары кибиточные были для меня легче. Но упражнения духовные не всегда нас от телесности отвлекают; и для сохранения боков моих пошел я пешком. — В нескольких шагах от дороги увидел я пашущего ниву крестьянина; время было жаркое. Посмотрел я на часы: первого 40 минут. Я выехал в субботу. Сегодня праздник. Пашущий крестьянин принадлежит, конечно, помещику, который не берет с него оброку. — Крестьянин пашет с великим тщанием: нива, конечно, не господская. Соху поворачивает с удивительной легкостью. — Бог в помощь! — сказал я, подошед к пахарю, который, не останавливаясь, доканчивал зачатую борозду. — Бог в помощь! —

повторил я. — Спасибо, барин, — говорил мне пахарь, отряхая сошник и переноса соху на новую борозду. — Ты, конечно, раскольник, что пашешь по воскресеньям? — Нет, барин, я прямым крестом крещуся, — сказал он, показывая мне сложенные три перста. — А бог милостив: с голоду умирать не велит, когда есть силы и семья. — Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресению не спускаешь, да еще и в самой жар? — В неделе-то, барин, шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим на барщину; да под вечерок возим оставшееся в лесу сено на барский двор, коли погода хороша; а бабы и девки ходят для прогулки в лес по грибы да по ягоды. Дай бог, — крестясь, — чтобы сегодня под вечер дождик пошел. Барин, коли есть у тебя мужички, так они того же у господа бога молят. — У меня, мой друг, мужиков нет, и потому никто меня не клянет. Велика ли у тебя семья? — Три сына и три дочки. Первинькому-то десятой годок. — Как же ты успеваешь доставать хлеб, коли только праздник имеешь свободным? — Не одни праздники, и ночь ведь наша. Лишь только не ленись наш брат, то с голоду не умрем. Видишь ли, одна лошадь отдыхает; а как эта устанет, возьмусь за другую; дело-то и скоро. — Так ли ты работаешь на господина своего? — Нет, барин, грешно бы было так же работать. У него на пашне сто рук для одного рта, а у меня две для семи ртов; сам ты счет знаешь. Да хоть растянись на барской работе, спасибо не скажут. Барин подушных не заплатит; ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступит. То ли житье нашему брату, как где барин оброк берет с крестьянина, да еще и без приказчика. Правда, что иногда и добрые господа берут более трех рублей с души: но все лучше барщины. Ныне еще поверье заводится, отдавать в аренду деревни. А мы это называем отдавать головой. Голой наемник дерет с мужиков кожу; даже лучшей поры нам не оставляет. Зимой не пускает в извоз, ни в работу в город: все работай на него, для того что он подушные платит за нас. Самая дьявольская выдумка отдавать крестьян своих чужому в работу. На дурного приказчика хотя можно пожаловаться — а на наемника кому? — Друг мой, ты ошибаешься, мучить людей законы запрещают. — Мучить? Правда; небось, барин, не захочешь в мою кожу. — Между тем пахарь запряг другую лошадь в соху и, начав новую борозду, со мною простился.

Разговор сего земледельца возбудил во мне множество мыслей. Первое представилось мне неравенство крестьянского состояния. Сравнил я крестьян казенных с помещичьими. Те и другие живут в деревнях; но одни платят известное, а другие должны быть готовы платить то, что господин захочет. Одни судятся своими равными; а другие в законе мертвы, разве по делам уголовным. — Член общества становится тогда только известен правительству, его охраняющему, когда нарушает союз общественный, когда становится злодей! — Сия мысль всю кровь во мне воспалила. Страшись, помещик жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу твое осуждение. Углубленный в сих размышлениях, я нечаянно обратил взор мой на моего слугу, которой, сидя на облучке качался предо мною из стороны в сторону. Вдруг почувствовал я быстрый мраз, протекающий кровь мою, и, прогоняя жар к вершинам, нудил его распро-

страниться по лицу. Мне так стало во внутренности моей стыдно, что едва я не заплакал. — Ты во гневе своем, — говорил я сам себе, — устремляешься на гордого господина, изнуряющего крестьянина своего на ниве своей; а сам не то ли же или еще хуже того делаешь? Какое преступление сделал твой бедной Петрушка, что ты ему запрещаешь пользоваться услаждением наших бедствий, величайшим даром природы несчастному — сном? Он получает плату, сыт, одет, никогда я его не секу ни плетью, ни батожем (о, умеренный человек!) — и ты думаешь, что за кусок хлеба и лоскут сукна тебе дают право поступать с подобным тебе существом как с кубарем; и тем ты только хвастаешь, что не часто подсекаешь его, в его вертении. Ведаешь ли, что в первенственном уложении, в сердце каждого написано? Если я кого ударю, тот и меня ударить может; вспомни тот день, когда Петрушка был пьян и не поспел тебя одеть; вспомни о его пощечине. О, если бы он тогда, хотя пьяной, опомнился и тебе отвечал бы соразмерно твоему вопросу! — А кто тебе дал власть над ним? — Закон. — Закон? — И ты смеешь поносить сие священное имя, несчастный! . . . Слезы потекли из глаз моих; и в таком положении почтовые клячи дотащили меня до следующего стана.

ЧУДОВО

Не успел я войти в почтовую избу, как услышал на улице звук почтового колокольчика, и чрез несколько времени вошел ко мне приятель мой Ч. . . . Я оставил его в Петербурге, и он не имел даже намерения отсюда выехать так скоро. Особливое происшествие побудило человека права крутого, как то был мой приятель, удалиться из Петербурга — и вот что он мне рассказал: — Ты был уже готов к отъезду, как я отправился в Петергоф. Тут я препроводил праздники столь весело, сколько в шуму и чаду веселиться можно. Но, желая поездку мою обратить в пользу, вознамерился я съездить в Кронштадт и на Систребек, где, сказывали мне, в последнее время сделаны большие перемены. В Кронштадте прожил я два дни с великим удовольствием, насыщаясь зрением множества иностранных кораблей, каменной одежды крепости Кронштадтской и строений, стремительно возвышающихся. Любопытствовал посмотреть нового Кронштадту плана и с удовольствием предусматривал красоту намереваемого строения; словом, второй день пребывания моего кончился весело и приятно. Ночь была тихая, светлая, и воздух благорастворенной вливал в чувства особую нежность, которую лучше ощущать, нежели описать удобно. Я вознамерился употребить в пользу благодати природы и насладиться еще один хотя раз в жизни великолепным зрелищем восхождения солнца, которого на гладком водном горизонте еще видеть мне не удавалось. Я нанял морскую двенадцативесельную шлюбку и отправился на С. . . Версты четыре плыли мы благополучно. Шум весел единозвучностию своею возбудил во мне дремоту, и томное зрение едва воспрядало от мгновенного блеска падающих капель воды с вершины весел.

Стихотворческое воображение преселяло уже меня в прелестные луга Пафоса и Амафонта. Внезапу острый свист возникшего вдали ветра разогнал мой сон, и отягченным взорам моим предстали сгущенная облака, коих черная тяжесть, казалась, стремилась к нам на голову и угрожала падением. Зерцаловидная поверхность вод начала рябеть, и тишина уступила место начинающемуся плесканию валов. Я рад был и сему зрелищу; соглядал величественные черты природы и не в чванство скажу: что других устрашать начинало, то меня веселило. Воскликнул изредка, как Вернет: эх, как хорошо! Но ветер, усиливаясь постепенно, понуждал думать о достижении берега. Небо от густоты мрачных облаков совсем померкло. Сильное стремление валов отнимало у кормила направление, и порывистый ветер, то вознося нас на мокрые хребты, то низвергая в утесистые рытвины водяных зыбей, отнимало у гребущих силу шестственного движения. Следуя поневоле направлению ветра, мы носились наудачу. Тогда и берега начали бояться; тогда и то, что, при благополучном плавании, утешить нас могло, начинало приводить в отчаяние. Природа на сей час казалась нам завистливою, и мы негодовали на нее теперь за то, что не распростирала ужасного своего величества, сверкая в молнии и тревожа слух громовым треском. Но надежда, преследуя человека до крайности, нас укрепляла, и мы, елико возможно было, ободряли друг друга.

Носимые валами, внезапно судно наше остановилось недвижимо. Все наши силы, совокупно употребленные, не были в состоянии совратить его с того места, на котором оно стояло. Упражняясь в сведении нашего судна с мели, как то мы думали, мы не заметили, что ветер почти утих. Небо помалу очистилось от затмевавших синеву его облаков. Но восходящая заря вместо того, чтобы принести нам отраду, явила нам бедственное наше положение. Мы узрели ясно, что шлюбка наша не на мели находилась, но погрязла между двух больших камней и что не было никаких сил для избавления ее оттуда невредима. Вообрази, мой друг, наше положение; все, что я ни скажу, все слабо будет в отношении моего чувства. Да если бы я и мог дать достаточные черты каждому души моего движению, то они еще слабы были бы для произведения в тебе подобного тем чувствованиям, какие в душе моей возникали и теснились тогда. — Судно наше стояло на середине каменной гряды, замыкающей залив, до С. . . . простирающийся. Мы находились от берега на полторы версты. Вода начинала проходить в судно наше со всех сторон и угрожала нам совершенным потоплением. В последний час, когда свет от нас переходит начинает и отверзает вечность, ниспадают тогда все степени, мнением между человеками воздвигнутые. Человек тогда становится просто человек: так, видя приближающуюся кончину, забыли все мы, кто был какого состояния, и помышляли о спасении нашем, отливая воду из шлюбки, как кому споручно было. Но какая была в том польза? Колико воды союзными нашими силами было исчерпаемо, толико во мгновение паки накоплялось. К крайнему сердце наших сокрушению ни вдали, ни вблизи не видно было мимоидущего судна. Да и то, которое было подало нам отраду, являясь взорам нашим, усугубило бы отчаяние наше, удаляясь от нас и

избегая равныя с нами участи. Наконец правитель нашего судна, более нежели другие к опасностям морских происшествий обыкший, взиравший поневоле, может быть, на смерть хладнокровно в разных морских сражениях в прошедшую Турецкую войну в Архипелаге, решился или нас спасти, спасаясь сам, или погибнуть в сем благом намерении; ибо, стоя на одном месте, нам долженствовало бы погибнуть. Он, вышед из судна и перебираясь с камня на камень, направил шествие свое к берегу, сопровождаемый чистосердечнейшими нашими молитвами. Сначала продолжал он шествие свое весьма бодро, прыгая с камня на камень, переходя воду, где она была мелка, переплывая ее, где она глубже становилась. Мы не спускали его с глаз. Наконец увидели, что силы его стали ослабевать, ибо он переходил камни медлительнее, останавливался почасту и садился на камни для отдохновения. Казалось нам, что он находился в размышлении и нерешимости о продолжении пути своего. Сие побудило одного из его товарищей ему преследовать, дабы подать ему помощь, если он увидит его изнемогающа в достижении берега, или достигнуть, если первому будет неудача. Взоры наши стремились вослед то за тем, то за другим, и молитва наша о их сохранении была нелицемерна. Наконец последний из сих подражателей Моисея в прохождении, без чуда, морския пучины своими стопами остановился на камне недвижим, а первого мы совсем потеряли из виду.

Сокровенная доселе внутренняя каждого движения, заклепанная, так сказать, ужасом, начали являться при исчезновении надежды. Вода между тем в судне умножилась, и труд наш, возрастая в отливании оной, приметно утомлял силы наши. Человек ярого и нетерпеливого сложения рвал на себе волосы, кусал персты, проклинал час своего выезда. Человек робкия души и чувствований долго, может быть, тягость удрученных неволи, рыдал, орошая слезами своими скамью, на которой ниц распростерт лежал. Иной, вспоминая дом свой, детей и жену, сидел яко окаменелый, помышляя не о своей, но о их гибели, ибо они питались его трудами. Какое было души моей положение, мой друг, сам отгадывай, ибо ты меня довольно знаешь. Скажу тебе только то, что я прилежно молился богу. Наконец начали мы все предаваться отчаянию, ибо судно наше натекло более половины водою и мы стояли в ней по колено. Нередко помышляли мы выдти из судна и шествовать по каменной гряде к берегу, но пребывание одного из наших сопутников на камне уже несколько часов и скрытие другого из виду представляло нам опасность перехода более, может быть, нежели она была на самом деле. Среди таковых горестных размышлений увидели мы близъ противоположного берега, в расстоянии каком то было, точно определить не могу, два пятна черныя на воде, которые казалось, двигались. Зримое нами нечто черное и движущееся, казалось, помалу увеличивалось; наконец, приближаясь, представило ясно взорам нашим два малыя судна, прямо идущия к тому месту, где мы находились, по среди отчаяния, во сто крат надежду превосходящего. Как в темной храмине, совсем свету неприступной, вдруг отверзается дверь, и луч денный, влетев стремительно в среду мрака, разгоняет оной, распространяется по всей храмине до дальнейших ее пределов, — так,

увидев суда, луч надежды к спасению протек наши души. Отчаяние превратилось в восторг, горечь в восклицание, и опасно было, чтобы радостные телодвижения и плескания не навлекли нам гибели скорее, нежели мы будем исторгнуты из опасности. Но надежда жития, возвращающаяся в сердца, возвратила паки мысли о различии состояний, в опасности уснувшие. Сие послужило, на сей раз, к общей пользе. Я укротил излишнее радование во вред обратиться могущее. По несколько времени увидели мы две большие рыбацьи лодки, к нам приближающиеся, и, при настижении их до нас, увидели в одной из них нашего спасителя, которой, прошед каменною грядою до берега, сыскал сии две лодки для нашего извлечения из явной гибели. Мы не мешкая ни мало, вышли из нашего судна и поплыли в приехавших судах к берегу, не забыв снять с камня сотоварища нашего, которой на оном около семи часов находился. Не прошло более получаса, как судно наше, стоявшее между камней, облегченное от тяжести, всплыло и развалилось совсем. Плывучи к берегу среди радости и восторга спасения, Павел, так назывался спасший нас сопутник, рассказал нам следующее: — Я, оставя вас в предстоящей опасности, спешил по камням к берегу. Желание вас спасти дало мне силы чрезвычайные; но сажень за сто до берега силы мои стали ослабевать, и я начал отчаяваться в вашем спасении и моей жизни. Но полежав с полчаса на камне, вспрынул с новою бодростию и не отдыхая более, дополз, так сказать, до берега. Тут я растянулся на траве и, отдохнув минут десять, встал и побежал вдоль берега к С. . . . что есть мочи. И хотя с немалым истощением сил, но вспоминая о вас, добежал до места. Казалось, что судьба хотела испытать вашу твердость и мое терпение, ибо я не нашел ни вдоль берега, ни в самом С. . . . никакого судна для вашего спасения. Находясь почти в отчаянии, я думал, что нигде мне лучше нельзя искать помощи, как у тамошнего начальника. Я побежал в тот дом, где он жил. Уже был седьмой час. В передней нашел я тамошней команды сержанта. Рассказав ему коротко, зачем я пришел и ваше положение, просил его, чтобы он разбудил Г. . . . , которой тогда еще почивал. Г-н сержант мне сказал: — Друг мой, я не смею. — Как, ты не смеешь? Когда двадцать человек тонут, ты не смеешь разбудить того, кто их спасти может? Но ты, бездельник, лжешь, я сам пойду. . . — Сержант, взяв меня не очень учтиво за плечо, вытолкнул за дверь. С досады чуть я не лопнул. Но помня более о вашей опасности, нежели о моей обиде и о жестокосердии начальника к его подчиненным, я побежал к караульной, которая была версты с две расстоянием от проклятого дома, из которого меня вытолкнули. Я знал, что живущие в ней солдаты содержали лодки, в которых, ездя по заливу, собирали булыжник для продажи на мостовыя; я не ошибся в моей надежде. Нашед сии две небольшие лодки, радость теперь моя несказанна; вы все спасены. Если бы утонули то я бы за вами бросился в воду. — Говоря сие, Павел обливался слезами. Между тем достигли мы берега. Вышед из судна, я пал на колени, возвел руки на небо. — Отче всесильный, — говорил я, — тебе угодно, да живем; ты нас водишь на испытание, да будет воля твоя. — Се есть слабое, мой друг, изображение того, что я чувствовал. Ужас последнего часа пробудил мою душу, я ви-

дел то мгновение, что я существовать престану. Но что я буду? Не знаю. Страшная неизвестность! Теперь чувствую; час бьет — я мертв. Движение, жизнь, чувствие, мысль, — все исчезнет мгновенно. Вообрази себя, мой друг, на краю гроба, не почувствуешь ли ты корчащий мраз, льющийся в твоих жилах и завершенно жизнь пресекающий. О мой друг! — Но я удалился от моего повествования.

Соверша мою молитву, ярость вступила в мое сердце. Возможно ли, говорил я себе, что в наш век, в Европе, подле столицы, в глазах великого государя, совершилось такое бесчеловечие! Я вспомнил о заключении англичан в темнице бенгальского суббаба (*).

Воздохнул я во глубине души. Между тем дошли мы до С. . . Я думал, что начальник, проснувшись, накажет своего сержанта и претерпевшим на воде даст хотя успокоение.

С сею надеждою пошел я прямо к нему в дом. Но поступок его подчиненного столько меня раздражил, что я не мог умерить моих слов. Увидев его, сказал я ему: — Государь мой! Известно ли вам, что за несколько часов пред сим 20 человек находились в опасности потерять живот свой на воде и требовали вашей помощи? Он мне отвечал с величайшею холодною, куря табак: — Мне о том сказали недавно, а тогда я спал. — Тут я задрожал в ярости человечества. — Ты бы велел себя будить молотком по голове, буде крепко спишь, когда люди тонут и требуют от тебя помощи. — Отгадай, мой друг, какой его был ответ? — Я думал, что мне делается удар от того, что я слышал. Он мне сказал: — Не моя то должность. — Я вышел из терпения. — Должность ли твоя людей убивать, скаредной человек? И ты носишь знаки отличности, и ты начальствуешь над другими! . . . — Окончать не мог моей речи, плюнул ему почти в рожу и вышел вон. Я драл на себе волосы с досады. Делал сто расположений, как отмстить сему зверскому начальнику не за себя, но за человечество. Но, опомнясь, убедился воспоминанием многих примеров, что мое мщение будет бесплодно, что я же могу прослыть бешеным или злым человеком: смирился.

* Англичане приняли в свое покровительство ушедшего к ним в Калькуту чиновника бенгальского, подвергнувшего себя казни своим злодейством. Справедливо раздраженный суббаб, собрав войско, приступил к городу и оной взял. Английских военнопленных велел свергнуть в тесную темницу, в коей они в полсутки издохли. Остался от них только 23 человека. Несчастные сии сулили страже великия деньги, да возвестит владыкцу о их положении. Вопль их и стенание возвещало о том народу, о них соболезнующему; но никто не хотел возвестить о том властителю. Почивает он — ответствовано умирающим англичанам; и ни один человек в Бенгале не мнил, что для спасения жизни 150 несчастных должно отъять сон мучителя на мгновение.

Но что ж такое мучитель? Или паче, что ж такое народ, обыкший к игу мучительства? Благоговение ль или боязнь тягчит его согбенна? Если боязнь, то мучитель ужаснее богов, к коим человек воссылает или молитву, или жалобу во время ночи или в часы дневные.

Если благоговение, то возможно ль человека возбудить на почитание содетелей его бедствия? Чудо, возможное единому суеверию! Чему более удивляться, зверству ли спящего набаба или подвластной подлости, не смеющей его разбудить? — Реналь. История о Индиях, том II.

Между тем люди мои сходили к священнику, которой принял нас с великою радостью, согрел нас, накормил, дал отдохновение. Мы пробыли у него сутки, пользуясь его гостеприимством и угощением. На другой день, нашед большую шлюбку, доехали до Ораниенбаума благополучно. В Петербурге я о сем рассказывал то тому, то другому. Все сочувствовали мою опасность, все хулили жестокосердие начальника, но никто не захотел ему о сем напомнить. — Если бы мы потонули, то бы он был нашим убийцею. — Но в должности ему не предписано вас спасать, — сказал некто. Теперь я прощусь с городом навеки. Не въеду никогда в сие жилище тигров. Единое их веселие — грызть друг друга; отрада их — томить слабого до издыхания и раболепствовать власти. И ты хотел, чтоб я поселился в городе: — Нет, мой друг, — говорил мой повествователь, вскочив со стула, — заеду туда, куда люди не ходят, где не знают, что есть человек, где имя его неизвестно. Прости! — сел в кибитку и поскакал.

СПАССКАЯ ПОЛЕСТЬ

Я вслед за моим приятелем скакал так скоро, что настиг его на почтовом стану. Старался его уговорить, чтоб возвратился в Петербург; старался ему доказать, что малыя и частныя неустройства в обществе связи его не разрушат, как дробинки, падающие в пространство моря, не могут возмутить его поверхности. Но он мне сказал наотрез: — Когда бы я, малая дробинка, пошел на дно, то бы, конечно, на Финском заливе бури не сделалось, а я бы пошел жить с тюленями. — И с видом негодования, простясь со мною, лег в свою кибитку и поехал поспешно.

Лошади были уже впряжены; я уже занес ногу, чтоб влезть в кибитку; как пошел вдруг дождь. «Беда невелика, — размышлял я, — закроюсь ценовкою и буду сух» . . . Но едва мысль сия в мозге моем пролетела, то как будто меня окунули в прорубь. Небо, не спросясь со мною, разверзало облако, и дождь лил ведром. С погодою не сладишь: по словице, типе едешь, дале будешь — вылез я из кибитки и убежал в первую избу. Хозяин уже ложился спать, и в избе было темно. Но я и в потемках выпросил позволение обсушиться: снял с себя мокрое платье и, что было посуше положив под голову, на лавке скоро заснул. Но постеля моя была не пуховая: долго нежиться не позволила. Проснувшись, услышал я шепот. Два голоса различить я мог, которые между собой разговаривали. — Ну, муж, расскажи-тка, — говорил женской голос. — Слушай, жена.

— Жил-был. . . — И подлинно на сказку похоже; да как же сказке верить, — сказала жена вполголоса, зевая ото сна. — Поверю ли я, чтобы были Полкан, Вова, Соловей-разбойник.

— Да кто тебя толкает в шею; верь, коли хочешь. Но то правда что в старину силы телесные были в уважении и что силачи употребляли оные во зло. Вот тебе Полкан. А о Соловье-разбойнике читай, мать моя, истолкователей русских древностей. Они тебе скажут, что он назывался Соловьем красноречия своего ради. Не перебивай же моей речи. Итак, жил-был где-то государев наместник. В молодости своей таскался по чу-

жим землям, выучился есть устрицы и был до них великой охотник. Пока своих деньжонок мало было, то он от охоты своей воздерживался, едал по десятку, и то когда бывал в Петербурге. Как скоро полез в чины, то и число устриц на столе его начало прибавляться. А как попал в наместники и когда много у него стало своих денег, тогда он к устрицам стал так лаком, как брюхатая баба. Спит и видит, чтобы устрицы кушать. Как пора их приходит, то нет никому покою. Все подчиненные становятся мучениками; но во что бы то ни стало, а устрицы есть будет. — Посылает в правление приказ, чтобы немедленно наряжен был курьер, которого он имеет отправить в Петербург с важными донесениями. Все знают, что курьер поскакал за устрицами, но как ни вертись, а прогоны выдавай. На казенные денежки дыр много. Гонец, снабженный подорожною, прогонами, совсем готов, в куртке и шароварах явился пред его высокопревосходительство. — Поспешай, мой друг, — вещает ему унизанный орденами, — поспешай, возьми сей пакет, отдай его в Большой Морской. — Кому прикажете? — Прочти адрес. — Его. . . — Его. . . — Не так читаешь. — Государю моему гос. . . — Врешь! г-ну Корзинкину, почтенному лавочнику, в С. Петербурге, в Большой Морской. — Знаю, ваше высокопревосходительство. — Ступай же, мой друг, и как получишь, то возвращайся поспешно и нимало не медля; я тебе скажу не одно спасибо.

И ну-ну-ну, ну-ну-ну! по всем по трем! вплоть до Питера, прямо к Корзинкину на двор. — Добро пожаловать. Куды какой его высокопревосходительство затейник: из-за тысячи верст шлет за какою дрянью. Только барин доброй. Рад ему служить. Вот устрицы: теперь лишь с биржи. Скажи, не меньше ста пятидесяти бочка; уступить нельзя, самим пришли дорого. Да мы с его милостию сочтемся. — Бочку взвалили в кибитку; поворота оглобли, курьер опять уже скачет; успел лишь зайти в кабак и выпить два крючка сивухи.

Тинь, тинь, тинь. . . — Едва у городских ворот услышали звон колокольчика, караульной офицер бежит уже к наместнику — то ли дело, как где все в порядке! — и рапортует ему, что вдали видна кибитка и слышен звон колокольчика. Не успел выговорить, как шась курьер в двери. — Привез, ваше высокопревосходительство! — Очень кстати, — оборотясь к предстоящим: — Право, человек достойной, исправен и не пьяница. Сколько уже лет, по два раза в год, ездит в Петербург; а в Москву сколько раз, уж и упомянуть не могу. Секретарь, пиши представленья. За многочисленные его в посылках труды и за точнейшее оных исполнение удостоиваю его к повышению чином. —

В расходной книге у казначея записано: по предложению его высокопревосходительства дано курьеру N. N., отправленному в С.-Петербург с наинужнейшими донесениями, прогонных денег в оба пути на три лошади из экстраординарной суммы. . . Книга казначейская пошла на ревизию, но устрицами не пахнет.

По представлению господина генерала и проч. приказали: быть сержанту N. N. прапорщиком. — Вот, жена, — говорил мужской голос, — как добиваются в чины, а что мне прибыли, что я служу беспорочно, не подался вперед ни на палец. По указам велено за добропорядочную служ-

бу награждать. Но царь жалует, а псарь не жалует. Так-то наш г. казначей; уже другой раз по его представлению отсылают меня в уголовную палату. Когда бы я был с ним заодно, то бы было не житье, а масляница. — И! . . . полно, Клементьич, пустяки-то молоть. Знаешь ли, за что он тебя не любит? За то, что ты промен берешь со всех, а с ним не делишься. — Потише, Кузминишна, потише; неравно кто подслушает. — Оба голоса умолкли, и я опять заснул.

Поутру узнал я, что в одной избе со мною ночевал присяжной с женою, которые до света отправились в Новгород.

Между тем как в моей повозке запрягали лошадей, приехала еще кибитка, тройкою запряженная. Из нее вышел человек, закутанной в большую епанчу, и шляпа, с распущенными полями, глубоко надетая, препятствовала мне видеть лице его. Он требовал лошадей без дорожной, и как многие повозчики, окружив его, с ним торговались, то он, не дожидаясь конца их торга, сказал одному из них с нетерпением: — Запрягай поскорей, я дам по четыре копейки на версту. — <Ямщик побежал за лошадьми.> Другие, видя, что договариваться уже было не о чем, все от него отошли.

Я находился от него не более как в пяти сажнях. Он, подошел ко мне и, не снимая шляпы, сказал: — Милостивый государь, снабдите чем ни есть человека несчастного! — Меня сие удивило чрезмерно, и я не мог вытерпеть, чтобы ему не сказать, что я удивляюсь просьбе его о вспоможении, когда он не хотел торговаться о прогонах и давал против других вдвое. — Я вижу, — сказал он мне, — что в жизнь вашу поперечного ничего вам не встречалось. — Столь твердой ответ мне очень понравился, и я, ни мало не медля, вынул из кошелька. . . — Не осудите, — сказал, — теперь более служить вам не могу, но если доедем до места, то, может быть, сделаю что-нибудь больше. — Намерение мое при том было то, чтобы сделать его чистосердечным; и я не ошибся. — Я вижу, — сказал он мне, — что вы имеете еще чувствительность, что обращение света и снискание собственной пользы не затворили вход ей в ваше сердце. Позвольте мне сесть на вашей повозке, а служителю вашему прикажите сесть на моей. — Между тем лошади наши были впряжены, я исполнил его желание — и мы едем.

— Ах, государь мой! не могу себе представить, что я несчастлив. Не более недели тому назад я был весел, в удовольствии, недостатка не чувствовал, был любим, или так казалось: ибо дом мой всякой день был полон людьми, заслужившими уже знаки почестей; стол мой был всегда как некое великолепное торжество. Но если тщеславие толикое имело удовлетворение, равно и душа наслаждалась истинным блаженством. По многих сперва бесплодных стараниях, предприятых и неудачах наконец получил я в жену ту, которую желал. Взаимная наша горячность, услаждающая чувства и душу, все представляла нам в ясном виде. Не зрели мы облачного дня. Блаженства нашего достигли мы вершины. Супруга моя была беременна, и приближался час ее разрешения. Все сие блаженство, определила судьба, да рушится одним мгновением.

У меня был обед; и множество так называемых друзей, собравшись,

насыщали праздный голод свой на мой счет. Один из бывших тут, которой внутренно меня не любил, начал говорить с сидевшим подле него, хотя вполголоса, но довольно громко, чтобы говоренное жене моей и многим другим слышно было: — Неужели вы не знаете, что дело нашего хозяина в уголовной палате уже решено? —

Вам покажется мудрено, — говорил спутник мой, обращая ко мне свое слово, — что бы человек неслужащий и в положении, мною описанном, мог подвергнуть себя суду уголовному. И я так думал долго; да и тогда, когда мое дело, прошед нижние суды, дошло до высшего. Вот в чем оно состояло: я был записан в купечестве; пуская капитал мой в обращение, стал участником в частном откупу. Неосновательность моя была причиною, что я доверял лживому человеку, которой, лично попавшись в преступлении, был от откупа отрешен, и, по свидетельству его книг, сделался на нем, по-видимому, большим начет. Он скрылся: я остался в лицах, и начет положено взыскать с меня. Я сделал выправки, какие мог, нашел, что начет у на мне или совсем бы не было, или был бы очень малой, и для того просил, чтобы сделали расчет со мною: ибо я был по нем порукою. Но вместо того, чтобы сделать по моему прошению должное удовлетворение, велено недоимку взыскать с меня. Первое неправосудие. Но к сему присовокупили и другое. В то время как я сделался в откупу порукою, имения за мною никакого не было, но, по обыкновению, послано было запрещение на имение мое в гражданскую палату. Странная вещь — запрещать продавать то, чего не существует в имении! После того купил я дом и другие сделал приобретения. В то же самое время случай допустил меня перейти из купеческого звания в звание дворянское, получа чин. Наблюдая пользу, я нашел случай продать свой дом на выгодных кондициях, совершив купчую в самой той же палате, где существовало запрещение. Сие поставлено мне в преступление: ибо были люди, которых удовольствие помрачалось блаженством моего жития. Стряпчий казенных дел сделал на меня донос, что я, избегая платежа казенной недоимки, дом продал, обманул гражданскую палату, назвавшись тем званием, в коем я был, а не тем, в коем я находился при покупке дома. Тщетно я говорил, что запрещение не может существовать на то, чего нет в имении; тщетно я говорил, что по крайней мере надлежало бы сперва продать оставшееся имение и выручить недоимку сею продажей, а потом предпринимать другие средства; что я звания своего не утаивал, ибо уже в дворянском купил дом. Все сие было отринуто. Продажа дому учинена; меня осудили за ложной мой поступок лишить чинов. — И требуют теперь, — говорил повествователь, — хозяина здешнего в суд, дабы до окончания дела посадить под стражу.

Сие последнее повествуя, рассказывающий возвысил свой голос. — Жена моя, едва сие услышала, обняв меня, вскричала: «Нет, мой друг, и я с тобою!» Более выговорить не могла. Все члены ее ослабели, и она упала бесчувственна в мои объятия. Я, подняв ее со стула, вынес в спальную комнату и не ведаю, как обед окончился.

Пришед чрез несколько времени в себя, она почувствовала муки, близкое рождение плода нашей горячности возвещающие. Но сколь ни жестоки

они были, воображение, что я буду под стражею, столь ее тревожило, что она только и твердила: и я пойду с тобою. Сие несчастное приключение ускорило рождение младенца целым месяцем, и все способы бабки и доктора, для пособия призванных, были тщетны и не могли воспрепятствовать, чтобы жена моя не родила чрез сутки. Движения ее души не токмо с рождением младенца не успокоились, но, усилившись гораздо, сделали ей горячку. Почто распространяться мне в повествовании? Жена моя на третий день после родов своих умерла. Видя ее страдание, можете поверить, что я ее не оставлял ни на минуту. Дело мое и осуждение позабыл совершенно. За день до кончины моей любезной незрелой плод нашей горячности также умер. Болезнь матери его занимала меня совсем, и потеря сия была тогда для меня невелика. — Вообрази, вообрази, — говорил повествователь мой, взяв обеими руками себя за волосы, — вообрази мое положение, когда я видел, что возлюбленная моя <со мною> расставалась <навсегда>. — Навсегда! — вскричал он диким голосом. — Но зачем я бегу? Пускай посадят в темницу; я уже нечувствителен; пускай меня мучат, пускай лишат жизни. О варвары, тигры, змеи лютые, грызите сие сердце, пускайте в него томный ваш яд. Извините мое исступление, я думаю, что я лишусь скоро ума. Как скоро воображу ту минуту, когда любезная моя со мною расставалась, то я все забываю и свет в глазах моих меркнет. Но окончу мою повесть. В толико жестоком отчаянии, лежащу мне над бездыханным телом моей супруги, один из искренних моих друзей, прибежав ко мне, объявил: «Тебя пришли взять под стражу, команда на дворе. Беги отселе, кибитка у задних ворот готова, ступай в Москву или куда хочешь и живи там, доколе можно будет облегчить твою судьбу».

Я не внимал его речам, но он, усилясь надо мною и взяв меня с помощью своих людей, вынес меня и положил в кибитку; но вспомня, что мне надобны деньги, дал мне кошелек, в котором было только 50 рублей. Сам пошел в мой кабинет, чтобы найти там денег и мне вынести; но, нашед уже офицера в моей спальне, успел только прислать мне сказать, чтобы я ехал. Не помню, как меня везли первую станцию. Слуга приятеля моего рассказал все происшедшее, простился со мною, а я теперь еду по пословице: куда глаза глядят.

Повесть сопутника моего тронула меня несказанно. Возможно ли, говорил я сам себе, чтобы в столь мягкосердое правление, каково ныне у нас, толикия производились жестокости? — Возможно ли, чтобы столь безумные были судии, что для насыщения казны (можно действительно так назвать всякое неправильное отнятие имения для удовлетворения казенного требования) отнимали у людей имение, честь, жизнь? — Я размышлял, каким образом могло сие происшествие достигнуть до слуха верховной власти? Ибо справедливо думал, что в самодержавном правлении она одна в отношении других может быть беспристрастна. — Но не могу ли я принять на себя его защиту? Я напишу жалобницу в высшее правительство. Уподроблю все происшествие и представлю неправосудие судивших и невинность страждущего. — Но жалобницы от меня не примут. Спросят, какое я имею на то право? Потребуют от меня на то верующего письма. — Какое имею право? — Страждущее человечество. Чело-

век, лишенный имени, чести, лишенный половины своей жизни, в самовольном изгнании, дабы избегнуть поносительного заточения. И на сие надобно верующее письмо? От кого? Ужели сего мало, что страждет мой согражданин? — Да и в том нет нужды. Он человек: вот мое право, вот верующее письмо! — О богочеловек! Почто писал закон твой для варваров. Они, крестясь во имя твое, кровавые приносят жертвы злобе. Почто ты для них мягкосерд был? Вместо обещания будущия казни, усугубил бы казнь настоящую и, совесть возжигая по мере злодеяния, не дал бы им покоя денноночно, доколь страданием своим не загладят все злое, еже сотворили. Таковыя размышления толико утомили мое тело, что я уснул весьма крепко и не просыпался долго.

Возмущенные соки мыслию стремились мне спящему в голову и, тревожа нежный состав моего мозга, возбудили в нем воображение. <Несчетные> картины представлялись мне во сне, но исчезали, как легкие в воздухе пары. Наконец, как то бывает, некоторое мозговое волокно, тронутое сильно восходящими из внутренних сосудов тела парами, задрожало долее других на несколько времени, и вот что я грезил.

Мне представилось, что я шах, царь, хан, король, бей, набаб, султан или какое-то из сих названий нечто, сидящее во власти на престоле.

Место моего восседания было из чистого злата и хитро искладенными разного цвета дорогими камнями блистало лучезарно. Ничто не могло сравниться с блеском моих одежд. Глава моя украшалась венцом лавровым. Вокруг меня лежали знаки, власть мою изъявляющие. Здесь меч лежал на столпе, из серебра изваянном, на коем изображались морские и сухопутные сражения, взятие городов и прочее сего рода; везде видно было сверху имя мое, носимое Гением Славы, над всеми сими подвигами парящим. Тут виден был скиптр мой, возлежащий на снопах, обильными класами отягченных, изваянных из чистого злата и природе совершенно подражающих. На твердом коромысле возвешенные зрелись весы. В единой из чаш лежала книга с надписью Закон Милосердия; на другой книга же, с надписью Закон Совести. Держава, из единого камня иссеченная, поддерживаема была грудю младенцев, из белого мрамора иссеченных. Венец мой возвышен был паче всего и возлежал на раменах сильного исполина, воскраие же его поддерживаемо было Истиною. Огромной величины змия, из светлыя стали искованная, облежала вокруг седалища при его подножии и, конец хвоста в зеве держаща, изображала Вечность.

Но не единые бездыханные изображали могущество мое и власть. С рабским подобострастием и взоры мои лояящи, стояли вокруг престола моего чины государственные. В некотором отдалении от престола моего толпилось бесчисленное множество народа, коего разные одежды, черты лица, осанка, вид и стан различие их племени возвещали. Трепетное их молчание уверяло меня, что они все воле моей подвластны. По сторонам, на несколько возвышенном месте, стояли женщины в прелестнейших и великолепнейших одеждах. Взоры их изъявляли удовольствие на меня смотреть, и желания их стремились на предупреждение моих, если бы они возродились.

Глубочайшее в собрании сем присутствовало молчание; казалось, что все в ожидании были важного какого происшествия, от коего блаженство и спокойствие целого общества зависело. Обращенный сам в себя и чувствуя глубоко вкоренившуюся скуку в душе моей, от насыщающегося скоро единообразия происходящую, я отдал долг естеству и, рот разинув до ушей, зевнул во всю мочь. Все вняли чувствованию души моей. Внезапу смятение распростерло мрачный покров свой по чертам веселия, улыбка улетела со уст нежности и блеск радования с ланит удовольствия. Искаженные взгляды и озиранья являли нечаянное нашествие ужаса и предстоящие беды. Слышны были вздохи, колющие предтечи скорби; и уже начинало раздаваться задерживаемое присутствием страха стенание. Уже скорыми в сердца всех стопами шествовало отчаяние и смертное содрогание, самая кончина мучительнее. — Тронутый до внутренности сердца толико печальным зрелищем, ланитные мышцы нечувствительно стянулись ко ушам моим и, растягивая губы, произвели в чертах лица моего кривление, улыбке подобное, за коим я чхнул весьма громко. Подобно как в мрачную атмосферу, густым туманом отягченную, проникает полуденный солнца луч, летит от жизненной его жаркости сгущенная парами влага и, разделенная в составе своем, частью, улегчась, стремительно возносится в неизмеримое пространство эфира и частью, удержав в себе одну только тяжесть земных частиц, падает низу стремительно. Мрак, присутствовавший повсюду в небытии светозарного шара, исчезает весь вдруг и, сложив поспешно непроницательный свой покров, улетает на крыльях мгновенности, не оставляя по себе ниже знака своего присутствия. Тако при улыбке моей развеялся вид печали, на лицах всего собрания поселившийся; радость проникла сердца всех быстротечно, и не осталось нигде косога вида неудовольствия. Все начали восклицать: — Да здравствует наш великий государь! да здравствует навеки! — Подобно тихому, полуденному ветру, помавающему листьям дерев и любострастное производящему в дубаве шумление, тако во всем собрании радостное шептание раздавалось. Иной вполголоса говорил: — Он усмирил внешних и внутренних врагов, расширил пределы отечества, покорил тысячи разных народов своей державе. Другой восклицал: — Он обогатил государство, расширил внутреннюю и внешнюю торговлю, он любит науки и художества, поощряет земледелие и рукоделие. Женщины с нежностью вещали: — Он не дал погибнуть тысячам полезных сограждан, избавя их до сосца еще гибельных кончины. Иной с важным видом возглашал: — Он умножил государственные доходы, народ облегчил от податей, доставил ему надежное пропитание.

Юношество, с восторгом простирая руки на небо, рекло: — Он милосерд, правдив, закон его для всех равен; он почитает себя первым его служителем. Он законодатель мудрый, судия правдивый, исполнитель ревностный, он паче всех царей велик, он вольность дарует всем.

Речи таковые, ударяя в тимпан моего уха, громко раздавались в душе моей. Похвалы сии истинными в разуме моем изображались, ибо сопутствуемы были искренности наружными чертами. Таковыми их приемля, душа моя возвышалась над обыкновенным зрением кругом; в существе

своем расширялася и, вся объемя, касалася степеней божественности и премудрости. Но ничто не сравнилось с удовольствием самоодобрения при раздавании моих повелений. Первому военачальнику приказал я итти со многочисленным войском на завоевание земли, целым небесным поясом от меня отделяемой. — Государь! — отвечивал он мне, — единая слава имени твоего победит народы, оную землю населяющие. Страх предшествовать будет оружию твоему, и возвращуся, приносяй дань царей сильных. — Учредитель плавания! — я рек, — да корабли мои, рассеянные по всем морям, соберутся, да узрят их неведомые народы; флаг мой да известен будет на Севере, Востоке, Юге и Западе! — Исполню, государь. — И полетел на исполнение, яко ветер, определенный надувать ветрила корабельные. — Возвести до дальнейших пределов моя области, — рек я хранителю законов, — се день рождения моего, да ознаменуется он в летописях навеки отпущением повсеместным. Да отверзутся темницы, да изыдут преступники и да возвратятся в дома свои, яко заблудшие от истинного пути. — Милосердие твое, государь! есть образ всещедрого существа. Бегу возвестить радость скорбящим отцам по чадах их, супругам по супругах их. — Да воздвигнутся, — рек я первому зодчию, — великолепнейшие здания для убежища муз, да украсятся подражаниями природы разновидными; и да будут они нерушими, яко небесные жительницы, для них же они уготовляются. — О премудрый! — отвечал он мне, — егда велениям твоего гласа стихии повиновалися и, совокупя силы свои, учреждали в пустынях и на дебрях обширные города, превосходящие великолепием славнейшие в древности; колико маловажен был сей труд для ревностных исполнителей твоих велений. Ты рек, и грубые строения «припасы» уже гласу твоему внемлют. — Да отверзется ныне, — рек я, — рука щедроты, да излиются остатки избытка на немоществующих, сокровища ненужные да возвратятся к их источнику. — О всещедрый владыко! всевышним нам дарованный, отец своих чад, обогатитель нищего, да будет воля твоя! — При всяком моем изречении предстоящие восклицали радостно, и плескание рук не токмо сопровождало мое слово, но даже предупреждало мысль. — Единая из всего собрания жена, облегшаяся твердо о столп, испускала вздохи скорби и являла вид презрения и негодования; черты лица ее были суровы, платье на ней было простое. Глава ее покрыта была шляпою, когда все другие стояли с обнаженными главами. — Кто сия? — вопрошал я близ стоящего меня. — Сия есть странница, нам неизвестная, именует себя Прямозоромю и глазами врачем. Но есть волхв опаснейший, носяй яд и отраву, радуется скорби и сокрушению; всегда нахмуренна, всех презирает и поносит; даже не щадит в ругании своем твоя священныя главы. — Почто ж злодейка сия терпима в моей области? Но о ней завтра. Сей день есть день милости и веселия. Приидите, сотрудники мои в ношении твоя кого бремени правления, примите достойное за труды ваши и подвиги воздаяние. Тогда я восстал от места моего, возлагал различные знаки почестей на предстоящих: отсутствующие заботы не были. Но те, кои приятным видом словам моим шли на сретение, имели большую во благодеяниях моих долю.

По сем продолжал я мое слово: — Пойдем, столпы моя державы, опоры моя власти, пойдем усладиться по труде. Достоин бо, да вкусит трудившийся плода трудов своих. Достоин царю вкусити веселия, он же изливает многочисленные всем. Покажи нам путь ко уготованному тобою празднеству, — рек я к учредителю веселий. — Мы тебе последуем. — Пстой, — вещала мне странница от своего места, — пстой и подойди ко мне. Я врач, присланный к тебе и тебе подобным, да очисти зрение твое. — Какие бельма! — сказала она с восклицанием. — Некая невидимая сила нудила меня идти пред нее, хотя все меня окружавшие мне в том препятствовали, делая даже и насилие.

«На обоих глазах бельма, — сказала странница: а ты столь решительно судил о всем. — Потом коснулася обоих моих глаз и сняла с них толстую плену, подобну роговому раствору. — Ты видишь, сказала она мне, что ты был слеп, и слеп совершенно. — Я есмь Истина. Всевышний, подвигнутый на жалость тебе подвластного народа, сниспослал меня с небесных кругов, да отжену темноту, проницанию взора твоего препятствующую. Я сие исполнила. Все вещи представляются тебе днесь в естественном виде. Ты проникнешь во внутренность сердец. Не утаится более от тебя змия, крыющаяся в излучинах душевных. Ты познаешь верных своих подданных, которые вдали от тебя не тебя любят, но любят отечество; которые готовы всегда на твое поражение, если оно отмстит порабощение человека. Но не возмутят они гражданского покоя безвременно и без пользы. Их призови себе в друзей. Изжени сию гордую чернь, тебе предстоящую и прикрывавшую срамоту души своей позлащенными одеждами. Они-то истинные твои злодеи, затмевающие очи твои и воспрещающие мне вход в чертоги твои. Един раз являюся я царям во все время их царствования, да познают меня в моем истинном виде; но я никогда не оставляю жилище смертных. Пребывание мое не есть в чертогах царских. Стража, обсевшая вокруг их и бдящая деннонощно вокруг их стоглазно, воспрещает мне вход в оны. Если когда проникну сию сплоченную толпу, то, подняв бич гонения, все тебя окружающие тщатся меня изгнать из обители твоего; бди убо, да паки не удалюся от тебя. Тогда словеса ласкательства, ядовитые пары издыхающие, бельма твои паки возродят, и кора, светом непроницаемая, покрывает твои очи. Тогда ослепление твое будет сугубо; едва на шаг один взоры твои досягать будут. Все в веселом являться будет тебе виде. Уши твои не возмутятся стенанием, но усладится слух сладкопением ежечасно. Жертвенные курения обыдут на лещь отверстую душу. Осызанию твоему всегда будет подлежать гладкость. Никогда не раздерет благотворная шероховатость в тебе нервов осызательности. Вострепещи теперь за таковое состояние. Туча вознесется над главою твоею, и стрелы карающего грома готовы будут на твое поражение. Но я, вещаю тебе, я поживу в пределах твоего обладания. Егда восхощешь меня видети, егда, осажденная кознями ласкательства, душа твоя взалкает моего взора, воззови меня из твоея отдаленности; где слышен будет твердый мой глас, там меня и обрящешь. Не убойся гласа моего николи. Если из среды народных возникнет муж, порицающий дела твои, ведай, что той есть друг твой искренний. Чуждый надежды мзды, чуждый

рабского трепета, он твердым гласом возвестит меня тебе. Блудись и не дерзай его казнити, яко общего возмутителя. Призови его, угости его, яко странника. Ибо всяк, порицающий царя в самовластии его, есть странник земли, где все пред ним трепещет. Угости его, вещаю, почти его, да возвратившись может он паче и паче глаголати нельстиво. Но таковые твердые сердца бывают редки; едва один в целом столетии явится на светском ристалище. А дабы бдительность твоя не усыплялася негою власти, се кольцо дарую тебе, да возвестит оно тебе твою неправду, когда на нее дерзать станешь. Ибо ведай, что ты первейший в обществе можешь быть убийца, первейший разбойник, первейший предатель, первейший нарушитель общия тишины, враг лютейший, устремляющий злость свою на внутренность слабого. Ты виною будешь, если мать восплачет о сыне своем, убиенном на ратном поле, и жена о муже своем: ибо опасность плена едва может оправдать убийство, войною называемое. Ты виною будешь, если запустеет нива, если птенцы земледельца лишатся жизни, без здоровыя пищи сосца материя. Но обрати теперь взоры свои на себя и на предстоящих тебе, воззри на исполнение твоих велений, и если душа твоя не содрогнется от ужаса при взоре таком, то отыду от тебя, и чертог твой заглядится в памяти моей».

Изречения странницы лице казалось веселым и вещественным сияющее блеском. Воззрение на нее вливало в душу радость. Уже не чувствовал я в ней зыбей тщеславия и надутлости высокомерия. Я ощущал в ней тишину; волнение любочестия и обуревание властолюбия ее не касались. Одежды мои, столь блестящие, казались осквернены кровию и омочены слезами подданных моих. На перстах моих виделись мне остатки мозга человеческого; ноги мои стояли в тине. Вокруг меня стоящие являлись того скареднее. Вся внутренность их казалась черною и сгораемою тусклым огнем ненасытности. Они метали на меня и друг на друга искаженные взоры, в коих господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть. Военачальник мой, посланный на завоевание, утопал в роскоши и веселии. В войсках подчиненности не было; войны мои почитались хуже скота. Не радели ни о их здравии, ни о прокормлении; жизнь их ни во что вменялася; лишались они установленной платы, которая употреблялась на ненужное украшение. Большая половина новых воинов умирали от небрежения начальников или посредством ненужных и безвременных строгостей. Казна, определенная на содержание всеополчения, была в руках учредителя веселостей. Знаки военного достоинства не были уделом храбрости, но подлого раболепия. Я зрел пред собою единого знаменитого по словесам военачальника, коего почтил я отличными знаками благоволения; я зрел ныне ясно, что все его отличное достоинство состояло в том только, что он был пособием в насыщении сладострастия своего начальника; и на оказание мужества ему не было даже и случая, ибо он не видал неприятеля издали. От таких-то воинов я ждал себе новых венцов! Отвратил я взор мой от тысячи бедств, представившихся очам моим.

Корабли мои, назначенные да прейдут дальнейшие моря, видел я плавающими при устье пристанища. Начальник, полетевший для исполнения

моих велений на крылах ветра, простерши на мягкой постеле свои члены, упоялся негою и любовью в объятиях наемной возбудительницы его сладострастия. На изготовленном велением его чертеже совершенного в мечтании плаванья уже видны были во всех частях мира новые острова, климату их свойственными плодами изобилующие. Обширные земли и многочисленные народы возрождались из кисти новых сих путешествователей. Уже при блеске ночных светильников начерталось величественное описание сего путешествия и сделанных приобретений слогом цветущим и великолепным. Уже золотые диски уготовлялись на одежду столь важного сочинения. О Кук! Почто ты жизнь свою провел в трудах и лишениях! Почто скончал ее плачевным образом? Если бы воссел на сии корабли, то, в веселиях начав путешествие и в веселиях его окончивая, столь же бы много сделал открытий, сидя на одном месте (и в моем государстве), толико же бы прославился, ибо ты бы почтен был твоим государем.

Подвиг мой, коим в ослеплении душа моя наиболее гордилась, отпущение казни и прощение преступников едва видны были в обширности гражданских деяний. Веление мое или было совсем нарушено, обращаясь не в ту сторону, или не имело желаемого действия превратным одного толкованием и медлительным исполнением. Милосердие мое сделалось торговлею, и тому, кто давал больше, стучал молот жалости и великодушия. Вместо того чтобы в народе моем чрез отпущение вины прослыть милосердным, я прослыл обманщиком, ханжею и пагубным комедиантом. — Удержи свое милосердие, — вещали тысячи голосов, — не возвещай нам его великолепным словом, если не хочешь его исполнить. Мы спали и были покойны, ты возмутил наш спокойный сон, мы бдеть не желали, ибо не над чем. — В созидаии городов видел я одно расточение государственных казны, нередко омытой кровию и слезами моих подданных. В воздвижении великолепных зданий к расточению нередко присовокуплялося и непонятие о истинном искусстве. Я зрел расположение их внутреннее и внешнее без малейшего вкуса. Виды оных принадлежали веку готфов и вандалов. В жилище, для муз уготованном, не зрел я лиющихся благотворно струев Касталии и Ипокрены; едва пресмыкающееся искусство дерзало возводить свои взоры выше очерченной обычаем округи. Зодчие, согбенные над чертежом здания, не о красоте одного помышляли, но как приобретут себе ею стяжание. Возгнулался я моего пышного тщеславия и отвратил очи мои. — Но паче всего уязвило душу мою изливание моих щедрот. Я мнил в ослеплении моем, что ненужная казна общественная на государственные надобности не может лучше употребиться, как на вспоможение нищего, одеяние нагого, на прокормление алчущего, или на поддержание погибающего противным случаем, или на мзду не радящему о стяжании достоинству и заслуге. Но сколь прискорбно было видеть, что щедроты мои изливались на богатого, на льстеца, на вероломного друга, на убийцу, иногда тайного, на предателя и нарушителя общественной доверенности, на уловившего мое пристрастие, на снисходящего моим слабостям, на жену, кичающуюся своим бесстыдством. Едваедва досызали слабые источники моего щедроты застенчивого достоинства и стыдливыя заслуги. Слезы пролились из очей моих и сокрыли от меня

толь бедственные представления безрассудной моей щедроты. — Теперь ясно я видел, что знаки почестей, мною раздаваемые, всегда доставались в удел недостойным. Достоинство неопытное, пораженное первым блеском сих мнимых блаженств, вступило в единый путь с ласкательством и подлостью духа, на снисkanie почестей, вожделенной смертных мечты; но, влача косвенно стопы свои, всегда на первых степенях изнемогало и довольствоваться было осуждаемо собственным своим ободрением, во увереннии, что почести мирские суть пепл и дым. Видя во всем толикую превратность, от слабости моей и коварства министров моих проистекшую, видя, что нежность моя обращалася на жену, которая в любви моей искала только удовлетворения своего тщеславия и внешность только свою на услаждение мое устроящую, когда сердце ее ощущало ко мне отвращение, — возревел я яростию гнева. — Недостойные преступники, злодеи! вещайте, почто во зло употребили доверенность господа вашего? предстаньте ныне пред судию вашего! Вострепечите в окаменелости злодеяния вашего! Чем можете оправдать дела ваши? Что скажете во извинение ваше? Се он, его же призову из хижины уничижения. — Прииди, — вещал я старцу, коего созерцал в крае обширных моих области, крокущегося под заросшею мхом хижиною, — прииди облегчить мое бремя; прииди и возврати покой томящемуся сердцу и востревоженному уму! — Изрекши сие, обратил я взор мой на мой сан, познал обширность моя обязанности, познал, откуда проистекает мое право и власть. Вострепетал во внутренности моей, убоялся служения моего. Кровь моя пришла в жестокое волнение, и я пробудился. . . — Еще не опомнившись, схватил я себя за палец, но тернового кольца на нем не было. О, если бы оно преbывало хотя на мизинце царей!

Властитель мира! если читая мой сон, ты улыбнешься с насмешкою или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною странница отлетела от тебя далеко и чертогов твоих гнушается!

ПОДБЕРЕЗЬЕ

Насилу очнуться мог я от богатырского сна, в котором я столько грезил. Голова моя была тяжеле свинцовой, хуже, нежели бывает с похмелья у пьяниц, которые по неделе пьют запоем. Не в состоянии я был более продолжать пути и трястися на деревянных дрогах (пружин у кибитки моей не было). Я вынул домашний лечебник; искал, нет ли в нем рецепта от головной дурноты, происходящей от бреда во сне и наяву. Лекарство хотя со мною везде ездило в запасе, но, по пословице: на всякого мудреца довольно простоты — против бреда я себя не предостерег, — и оттого голова моя, приехав на почтовой стан, была хуже болвана.

Вспомнил я, что некогда, блаженной памяти нянюшка моя Клементьевна, по имени Прасковья, нареченная Пятница, охотница была до кофе и говаривала, что помогает он от головной боли. — Как чашек пять выпью, говаривала она, так и свет вижу, а без того умерла бы в три дни.

Я взялся за нянюшкино лекарство, но, не привыкнув вдруг пить пять чашек, попотчевал излишне для меня сваренным молодым человеком, которой сидел на одной со мною лавке, но в другом углу, у окна. — Благодарю усердно, — говорил он, взяв чашку с кофеем. — Приветливый вид, взгляд неробкой, вежливая осанка, казалось, некстати были к серому полукафтанию и к примазаным квасом волосам. — Извини, читатель, в моем заключении, я родился и вырос в столице, и если кто не кудряв и не напудрен, того я ни во что не чту. Если и ты деревенщина и волос не пудришь, то не суди, буде я на тебя не взгляну и пройду мимо.

Слово за слово, я с новым моим знакомцем поладил. Я узнал, что он был из новгородской семинарии и шел пешком в Петербург, повидаться с дядею, которой был секретарем в губернском штате. Но главное его намерение было, чтоб сыскать случай для приобретения науки. — Сколь великой недостаток еще у нас в пособиях просвещения, — говорил он мне. — Одно сведение латинского языка не может удовлетворить разума, алчущего науки. *Виргилия, Горация, Тита Ливия*, даже *Тацита* знаю наизусть, но когда сравню знания семинаристов с тем, что я имел случай, по счастью моему, узнать, то почитаю училище наше принадлежащим к прошедшим столетиям. Классические авторы нам все известны, но мы лучше знаем критические объяснения текстов, нежели то, что их доднесь делает приятными, что вечность для них уготовало. Нас учат философии, проходим мы логику, метафизику, ифику, богословию, но, по словам *Кутейкина* в «Недоросле», дойдем до конца философского учения и возвратимся вспять. Чему дивиться: *Аристотель* и схоластики донныне царствуют в семинариях. Я, по счастью, знаком стал в доме одного из губернских членов в Новгороде, имел случай приобрести в оном знание во французском и немецком языках и пользовался книгами хозяина того дома. Какая разница в просвещении времен, когда один латинской язык был в училищах употребителен, — с нынешним временем! Какое пособие к учению, когда науки не суть таинства, для сведущих латинской язык токмо отверстые, но преподаются на языке народном! — Но для чего, — остановя он свою речь, продолжал, — для чего не заведут у нас высших училищ, в котором бы преподавались науки на языке общественном, на языке российском? Учение всем бы было внятнее; просвещение доходило бы до всех поспешнее, и одним поколением позже за одного латынщика нашлось бы двести человек просвещенных; по крайней мере в каждом суде был бы хотя один член, понимающий, что есть юриспруденция, или законоучение. — Боже мой! — продолжал он с восклицанием, — ежели бы привести примеры из размышлений и разглагольствований судей наших о делах! Что бы сказали *Гроций*, *Монтескью*, *Блекстон*? — Ты читал *Блекстона*? — Читал первые две части, на российский язык переведенные. Не худо бы заставлять судей наших иметь сию книгу вместо святцов, заставлять их чаще в нее заглядывать, нежели в календарь. Как не потужить, — повторил он, — что у нас нет училищ, где бы науки преподавались на языке народном?

Вошедший почталион помешал продолжению нашей беседы. Я успел семинаристу сказать, что скоро желание его исполнится, что уже есть

повеление о учреждении новых университетов, где науки будут преподаваться по его желанию. — Пора, государь мой, пора. . .

Между тем как я платил почталиону прогонные деньги, семинарист вышел вон. Выходя, выронил небольшой пук бумаги. Я поднял упавшее и не отдал ему. Не обличи меня, любезный читатель, в моем воровстве; с таким условием, что я и тебе сообщу, что я подтибрил. Когда же прочтешь, то знаю, что кражи моей наружу не выведешь; ибо не тот один вор, кто крал, но и тот, что принимал, — так писано в законе русском. — Признаюсь, что я на руку нечист; где что немного на рассудительное похожее увижу, то тотчас стяну; смотри, ты не клади мыслей плохо. Читай, что мой семинарист говорит:

«Кто мир нравственной уподобил колесу, тот, сказав великую истину, не иное что, может быть, сказал, как, взглянув на круглой образ земли и других великих в пространстве носящихся тел, изрек только то, что зрел. Поступая в познании естества, откроют, может быть, смертные тайную связь веществ духовных или нравственных с веществами телесными или естественными; что причина всех перемен, превращений, превратностей мира нравственного или духовного зависит, может быть, от кругообразного вида нашего обиталища и других к солнечной системе принадлежащих тел, равно, как и оно, кругообразных и колывающихся. . .» На мартиниста похоже, на ученика Шведенборга. . . Нет, мой друг! Я пью и ем не для того только <чтоб> жить, но для того, что нахожу в том немалое услаждение чувств. И покаюсь тебе, как отцу духовному, что лучше ночь просижу с пригоженькою девочкой и усну упоенный сладострастием в объятиях ее, нежели, зарывшись в еврейские или арабские буквы, в цыфири или египетские иероглифы, потщуся отделить дух мой от тела и рыскать в пространных полях бредоумствования, подобно древним и новым духовным витязям. Когда умру, будет время довольно на неосязательность, и душенька моя набродится досыта.

Оглянись назад, кажется, еще время то за плечами близко, в которое царствовало суеверие и весь его причет: невежество, рабство, инквизиция и многое кое-что. Давно ли то было, как Вольтер кричал против суеверия до безголосицы; давно ли Фридрих неутомимой был его враг не токмо словом своим и деяниями, но, что для него страшнее, державным своим примером. Но в мире сем все приходит на прежнюю свою степень, ибо все в разрушении своем имеет начало. Животное, прозябаемое родится, растет, дабы произвести себе подобных, потом умереть и уступить им свое место. Бродящие народы собираются во грады, основывают царства, мужают, славятся, слабеют, изнемогают, разрушаются. Место пребывания их не видно; даже имена их погибнут. — Христианское общество в начале было смиренно, кротко, скрывалось в пустынях и вертепах, потом усилилось, вознесло главу, устранилось своего пути, вдалось суеверию; в иступлении шло стезею, народам обыкновенною; воздвигло начальника, расширило его власть, и папа стал всемогущий из царей. Лютер начал преобразование, воздвиг раскол, изъялся из-под власти его и много имел последователей. Здание предубеждения о власти папской разрушаться

стало, стало исчезать и суеверие; истина нашла любителей, поправа огромной оплот предрассуждений, но не долго пребывала в сей стезе. Вольность мыслей вдалась необузданности. Не было ничего священного, на все посягали. Дошел до краев возможности, вольномыслие возвратится вспять. — Сия перемена в образе мыслей предстоит нашему времени. Не дошли еще до последнего края беспрепятственного вольномыслия, но многие уже начинают обращаться к суеверию. Разверни новейшие таинственные творения, возмнишь быти во времена схоластики и словопрения, когда о речениях заботился разум человеческий, не мысля о том, был ли в речении смысл; когда задачею любомудрия почиталось и на решение исследователей истины отдавали вопрос: сколько на игольном острии может уместиться душ?

Если потомкам нашим предлежит заблуждение, если, оставя естественность, гоняться будут за мечтаниями, то весьма полезной бы был труд для писателя, показавшего нам из прежних деяний шествие разума человеческого, когда, сотрясший мглу предубеждений, он начал преследовать истину до выпренности ее и когда, утомленный, так сказать, своим бодрствованием, паки начинал растлевать свои силы, томиться и ниспускаться в туманы предрассудков и суеверия. Труд сего писателя бесполезен не будет: ибо, обнажая шествие наших мыслей в истине и заблуждении, устранил хотя некоторых от пагубных стези и заградит полет невежества. Блажен писатель, если творением своим мог просветить хотя единого, блажен, если хотя в едином сердце посеял семя добродетели.

Счастливыми назваться можем мы, ибо не будем свидетели крайнего посрамления разумных твари. Ближние наши потомки еще счастливее нас быть могут. Но пары, в грязи омерзения почившие, уже воздымаются и предопределяются объяти зрения круг. Блаженны, если не узрим нового Магомета, час заблуждения еще не отдалился. Внемли, когда в умствованиях, когда в суждениях о вещах нравственных и духовных начинается ферментация и восстает муж твердый и предприимчивый на истину или на прельщение, тогда последует перемена царств, перемена в исповеданиях.

На лестнице, по которой разум человеческий нисходить долженствует во тьму заблуждений, если покажем что-либо смешное и улыбкою соделаем добро, блаженными наречемся.

Бродя из умствования в умствование, о возлюбленные! блюдитесь, да не вступите на путь следующих исследований.

Вещал Акиба: вошел по стезе Равви Иозуа в сокровенное место, я познал тройственное. Познал первое: не на Восток и не на Запад, но на Север и на Юг обращатися довлеет. Познал второе: не на ногах стоящему, но восседаяд надлежит испражнятися. Познал третье: не десницею, но шуйцею отирать надлежит задняя. На сие возразил Бен Газас: дотоле обесстудил еси чело свое на учителя, да извергающего присматривал? Ответствовал он: сии суть таинства закона; и нужно было, да сотворю сотворенное и их познаю.

Смотри Белев словарь, статью Акиба.

НОВГОРОД

Гордитесь, тщеславные создатели городов, гордитесь, основатели государств; мечтайте, что слава имени вашего будет вечна; столпите камень на камени до самых облаков; иссекайте изображения ваших подвигов и надписи, дела ваши возвещающие. Полагайте твердые основания правления законом непререваемым. Время, с острым рядом зубов, смеется вашему кичению. Где мудрые Солоновы и Ликурговы законы, вольность Афин и Спарты утверждавшие? — В книгах. — А на месте их пребывания пасутся рабы жезлом самовластия. — Где пышная Троя, где Карфаген? — Едва ли видно место, где они так гордо стояли. — Курится ли таинственному существу нетленная жертва во славных храмах древнего Египта? — Великолепные оных остатки служат убежищем блеющему скоту во время полуденного зноя. Не радостными слезами благодарения всевышнему отцу они орошаемы, но смрадными извержениями скотского тела. О гордость! о надменность человеческая! воззри на сие и познай, колико ты ползуща!

В таковых размышлениях подъехал я к Новгороду, смотря на множество монастырей, вокруг него лежащих.

Сказывают, что все сии монастыри, даже и за пятнадцать верст от города находящиеся, заключались в оном. Что из стен его могло выходить до ста тысяч войска. Известно по летописям, что Новгород имел народное правление. Хотя у них были князья, но мало имели власти. Вся сила правления заключалась в посадниках и тысяцких. Народ, в собрании своем на вече, был истинный государь. Область Новгородская простиралась на севере даже за Волгу. Сие вольное государство стояло в Ганзейском союзе. Старинная речь: кто может стать против бога и Новагорода? — служить может доказательством его могущества. Торговля была причиною его возвышения. Внутренние несогласия и хищный сосед совершили его падение.

На мосту вышел я из кибитки моей, дабы насладиться зрелищем течения Волхова. Не можно было, чтобы не пришел мне на память поступок царя Ивана Васильевича, по взятии Новагорода. — Узавленный сопротивлением сея республики, сей гордый, зверский, но умный властитель хотел разорить ее до основания. Мне зрится он с долбнею на мосту стоящ, так иные повествуют, приносяй на жертву ярости своей старейшин и начальников новгородских. Но какое он имел право свирепствовать против них; какое он имел право присвоить Новгород? То ли, что первые великие князья российские жили в сем городе? Или что он писался царем всея России? Или что новгородцы были славенского племени? Но на что право, когда действует сила? Может ли оно существовать, когда решение запечатлеется кровию подданных? Может ли существовать право, когда нет силы на приведение его в действительность? Много было писано о праве народов; нередко имеют на него ссылку; но законоучители не помышляли, может ли быть между народами судия? Когда возникают между ими вражды, когда ненависть или корысть устремляет их друг на друга, судия их есть меч. Кто пал мертв или обезоружен, тот и виновен; повинуется

непрекословно оному решению, и апнеляции на оное нет. — Вот почему Новгород принадлежал царю Ивану Васильевичу. Вот для чего он его разорил и дымящиеся его остатки себе присвоил. — Нужда, желание безопасности и сохранности созидают царства; разрушают их несогласие, сила и ухищрение. — Что ж есть право народное? — Народы, говорят законоучители, находятся один в рассуждении другого в таком же положении, как человек находится в отношении другого в естественном состоянии, — Вопрос: в естественном состоянии человека какие суть его права? — Ответ: взгляни на него. Он наг, алчущ, жаждущ. — Все, что может взять на удовлетворение своих нужд, все присвоает. Если бы что тому воспрепятствовать захотело, он препятствие удалит, разрушит и приобретет желаемое. — Вопрос: если на пути удовлетворения нуждам своим он обращает подобного себе; если, например, двое, чувствуя голод, восхотят насытиться одним куском, — кто из двух больше к приобретению имеет право? — Ответ: тот, кто возьмет этот кусок. — Вопрос: кто же возьмет кусок? — Ответ: кто сильнее. — Неужели сие есть право естественное? неужели се есть основание права народного? — Примеры всех времен свидетельствуют, что право без силы было всегда в исполнении почитаемо пустым словом. — Вопрос: что есть право гражданское? — Ответ: кто едет на почте, тот пустяками не занимается, а думает, как бы лошадей поскорее промыслить.

ИЗ ЛЕТОПИСИ НОВОГОРОДСКОЙ

Новгородцы с великим князем Ярославом Ярославичем вели войну и заключили письменное примирение.

Новгородцы сочинили письмо для защиты своих вольностей и утвердили оное пятидесятью осьмью печатями.

Новгородцы запретили у себя обращение чеканной монеты, введенной татарами в обращение.

Новгород в 1420 году начал бить свою монету.

Новгород стоял в Ганзейском союзе.

В Новгороде был колокол, по звону которого народ собирался на вече для рассуждения о вещах общественных.

Царь Иван письмо и колокол у новгородцев отнял.

Потом: в 1500 году — в 1600 году — в 1700 году — году — году — Новгород стоял на прежнем месте. . . .

Но — не все думать о старине, не все думать о завтрашнем дне. Если беспрестанно буду глядеть на небо, не смотря на то, что под ногами, то скоро споткнусь и упаду в грязь. . . размышлял я. Как ни тужи, а Новгорода по-прежнему не населишь. Что бог даст вперед. — Теперь пора ужинать. Пойду к Карпу Дементьевичу.

— Ба! ба! ба! добро пожаловать, откуда бог принес? — говорил мне приятель мой Карп Дементьевич, прежде сего купец третьей гильдии, а ныне именитый гражданин. По пословице, счастливой к обеду. Милости просим садиться! — Да что за пир у тебя? — Благодетель мой! я вчера женил парня своего. — Благодетель твой! — подумал я, — не без причины он так меня величает. Я ему, как и другие, пособил записаться в именитые граждане. Дед мой будто бы должен был по векселю 1 000 рублей; кому? того не знаю, с 1737

года. Карп Дементьич в 1780 году вексель где-то купил и какой-то приладил ему протест. Явился он ко мне с искусным стряпчим, и в то время взяли они с меня милостиво одни только проценты за 50 лет, а занятой капитал мне весь подарили. — Карп Дементьич человек признательной. — Невестка! водки нечаянному гостю. — Я водки не пью. — Да хоть прикушай. — Здоровья молодых. . . — и сели ужинать.

По одну сторону меня сел сын хозяйский, а по другую Карп Дементьич посадил свою молодую невестку. Прервем речь, читатель. Дай мне карандаш и листочек бумажки; я тебе в удовольствие нарисую всю честную компанию и тем тебя причастным сделаю свадебной пирушке, хотя бы ты на Алеутских островах бобров ловил. Если точных не спишу портретов, то доволен буду их силуэтами. Лафатер и по ним учит узнавать, кто умен и кто глуп.

Карп Дементьич — седая борода, в восемь вершков от нижней губы; нос кляпом, глаза ввалились, брови как смоль, кланяется об руку, бороде гладит, всех величает: благодетель мой! — Аксинья Парфентьевна, любезная его супруга: в 60 лет бела как снег, красна как маков цвет, губки всегда сжимет колечком; ренского не пьет, перед обедом при гостях полчарочки, да в чулане стаканчик водки. — Приказчик мужнин хозяину на счете показывает: по приказанию Аксиньи Парфентьевны куплено годового запаса — «за 3 пуда белил ржевских и 30 фунтов румян листовых». Приказчики мужнины. . . Аксиньины камердинеры. — Алексей Карпович, сосед мой застойной. Ни уса, ни бороды, а нос уже багровой. бровями моргает, в кружок обстрижен, кланяется гусем, отряхая голову и поправляя волосы; в Петербурге был сидельцем. На аршин когда меряет, то спускает на вершок; за то его отец любит, как сам себя. На пятнадцатом году дал матери оплеуху. — Прасковья Денисовна, его новобрачная супруга, бела и румяна. Зубы как уголь; брови в нитку, чернее сажки. В компании сидит потупя глаза, но во весь день от окошка не отходит и пялит глаза на всякого мужчину. Под вечерок стоит у калитки; глаз один подбит. Подарок ее любезного муженька для первого дня; — а у кого догадка есть, тот знает за что.

Но, любезный читатель, ты уже зеваешь. Полно, видно, мне снимать силуэты. Твоя правда: другого не будет, как нос да нос, губы да губы. Я того не понимаю, как ты на силуэтах белилы и румяны распознаешь?

— Карп Дементьич, чем ты ныне торгуешь? В Петербург не ездить, льну не привозишь, ни сахару, ни кофе, ни красок не покупаешь. Мне кажется, что торг твой тебе был не в убыток? — От него-то я было и разорился. Но насилу бог спас. Получив одним годом изрядной барышок, я жене своей купил здесь дом. На следующий год был льну неурожай, и я не мог поставить, что за контрактовался. Вот отчего я торговать перестал. — Помню, Карп Дементьич, что за тридцать тысяч рублей, забранных вперед, ты прислал должникам на раздел тысячу пуд льну. — Ей, больше не можно было: поверь моей совести. — Конечно, и на заморские товары тот год был неурожай. Ты забрал тысяч на 20-ть. . . Да, помню; на них пришла головная боль. — Подлинно, благодетель, у меня так голова болела, что чуть не лопнула. Да чем могут заимодавцы мои на меня

жаловаться? Я им отдал все мое имение. — По три копейки на рубль? — Никак нет-с, по пятнадцати. — А женин дом? — Как мне до него коснуться? Он не мой. — Скажи же, чем ты торгуешь? — Ничем, ей, ничем. С тех пор как я пришел в несостояние, парень мой торгует. Нынешним летом, слава богу, поставил льну на двадцать тысяч. — На будущее, конечно, законтрактует на пятьдесят, возьмет половину денег вперед и молодой жене построит дом. . . Алексей Карпович только что улыбается. — Старинной шутник, благодетель мой. Полно молоть пустяки; возьмемся за дело. — Я не пью, Карп Дементыч, ты знаешь. — Да хоть прикушай.

Прикушай. . . прикушай, — я почувствовал, что у меня щеки начали рдеть, и под конец пира я бы, как и другие, напился пьян. Но, по счастью, век за столом сидеть нельзя, так как всегда быть умным невозможно. И по той самой причине, по которой я иногда дурачусь и брежу, на свадебном пиру я был трезв.

Вышед от приятеля моего Карпа Дементыча, я впал в размышление. Введенное повсюду вексельное право, то есть строгое и скорое по торговым обязательствам взыскание, почитал я доселе охраняющим доверие законоположением; почитал счастливым новых времен изобретением, для усугубления быстрого в торговле обращения, чего древним народам на ум не приходило. Но отчего же, буде нет честности в дающем весельное обязательство, отчего оно тщетная только бумажка?

Если бы строгого взыскания по векселям не существовало, ужели бы торговля исчезла? Не заимодавец ли должен знать, кому он доверяет? О ком законоположение более пещися долженствует, о заимодавце ли или о должнике? Кто более в глазах человечества заслуживает уважения, заимодавец ли, теряющий свой капитал, для того что не знал, кому доверил, или должник в оковах и в темнице? С одной стороны — легковёрность, с другой — почти воровство. Тот поверил, надеясь на строгое законоположение, а сей. . . А если бы взыскание по векселям не было столь строгое? Не было бы места легковерию, не было бы, может быть, плутовства в вексельных делах. — Я начал опять думать, прежняя система пошла к черту — и я лег спать с пустою головою.

БРОННИЦЫ

Между тем как в кибитке моей переменяли лошадей, я захотел посетить высокую гору, близ Бронниц находящуюся, на которой, сказывают, в древние времена, до пришествия еще, думаю, славян, стоял храм, славящийся тогда издаваемыми в оном прорицаниями, для слышания коих многие северные владельцы прихаживали. На том месте, повествуют, где ныне стоит село Бронницы, стоял известный в северной древней истории город Холмоград. Ныне же на месте славного древнего капища построена малая церковь.

Восходя на гору, я воображал себя переселенного в древность и при-

шедшего, да познаю от державного божества грядущее и обрящу спокойствие моей нерешимости. Божественный ужас объемлет мои члены, грудь моя начинает воздыматься, взоры мои тупеют, и свет в них меркнет. Мне слышится глас, грому подобный, вещаяй: — Безумный! почто желаешь познати тайну, которую я сокрыл от смертных непроницаемым покровом неизвестности? О дерзновенный! жаждешь познати то, что едина мысль предвечная постигать может? Ведай, что неизвестность будущего соразмерна бренности твоего сложения. Ведай, что предузнанное блаженство теряет свою цену чрез долговременное ожидание, что прелесть настоящего веселия, нашед утомленные силы, немощна произвести в душе столь приятного дрожания, какое веселие получаешь от нечаянности. Ведай, что предузнанная гибель отнимает безвременно спокойствие, отравляет утеху, ими же наслаждался бы, если бы скончания их не предузнал. Чего ищешь, чадо безрассудное? Премудрость моя все нужное насадила в разуме твоём и сердце. Вопросы их во дни печали и обрящешь утешителей. Вопросы их во дни радости и найдешь обуздателей наглого счастья. — Возвратися в дом свой, возвратися к семье своей; успокой встревоженные мысли; вниди во внутренность свою, там обрящешь мое божество, там услышишь мое вещание. — И треск сильного удара, гремящего во власти Перуна, раздался в долинах далеко. — Я опомнился. — Достиг вершины горы и, узрев церковь, воздел я руки на небо. — Господи, — возопил я, — се храм твой, се храм, вещают, единого истинного бога. На месте сем, на месте твоего ныне пребывания, повествуют, стоял храм заблуждения. Но не могу поверить, о всемогущий! чтобы человек мольбу сердца своего воссылал к другому какому-либо существу, а не к тебе. — Мощная десница твоя, невидимо всюду простертая, и самого отрицателя всемогущия воли твоя нудит признавати природы строителя и содержателя. Если смертный в заблуждении своем странными, непристойными и дерзкими нарицает тебя именованиями, почитание его, однако же, стремится к тебе, предвечному, и он трепещет пред твоим могуществом. Эгова, Юпитер, Брама; бог Авраама, бог Моисея, бог Конфуция, бог Зороастра, бог Сократа, бог Марка Аврелия, бог христиан, о бог мой! ты един повсюду. Если в заблуждении своем смертные, казалось, не тебя чтили единого, но боготворили они твои несравненные силы, твои неуподобляемые дела. Могущество твое, везде и во всем ощущаемо было, везде и во всем поклоняемо. Безбожник, тебя отрицающий, признавая природы закон непременный, тебе же приносит тем хвалу, хваля тебя паче нашего песнопения. Ибо, проникнутый до глубины своею изящностию твоего творения, ему предстоит трепет. Ты ищешь, отец всещедрый, искреннего сердца и души непорочной; они отверсты везде на твое пришествие. Сниди, господи, и воцарися в них. — И пребыл я несколько мгновений, отриновен окрестных мне предметов, нисшед во внутренность мою глубоко. — Возвед потом очи мои, обратив взоры на близстоящие селения: — Се хижины уничижения, — вещал я, — на месте, где некогда град великий гордые возносил стены свои. Ни малейшего даже признака оных не осталось. Рассудок претит иметь веру и самой повести: столь жаждущ он убедительных и чувственных доводов. — И все, что зрим, преидет; все рушится, все

будет прах. Но некий тайный глас вещает мне: пребудет нечто вовеки живо!

С течением времен все звезды помрачатся,
Померкнет солнце блеск; природа, обветшав
Лет дряхлостью, падет.
Но ты во юности бессмертный процветешь,
Незыблемый среди сражения стихиев,
Развалин вещества, миров всех разрушенья.*

ЗАЙЦОВО

В Зайцове на почтовом дворе нашел я давнишнего моего приятеля г-на Крестьянкина. Я с ним знаком был с ребячества. Мы редко бывали в одном городе; но беседы наши, хотя не часты, были, однако же, откровенны. Г. Крестьянкин долго находился в военной службе, и, наскучив жестокостями оной, а особливо во время войны, где великие насилия именем права войны прикрывались, перешел в статскую. По несчастию его, и в статской службе не избегнул того, от чего, оставляя военную, удалиться хотел. Душу он имел очень чувствительную и сердце человеколюбивое. Дознанные его столь превосходные качества доставили ему место председателя уголовной палаты. Сперва не хотел он принять на себя сего звания, но, помыслив несколько, сказал он мне:

— Мой друг! какое обширное поле отверзается мне на удовлетворение любезнейшей склонности моей души! какое упражнение для мягкосердия! Сокрушим скипетр жестокости, которой столь часто тягчит рамена невинности; да опустеют темницы и да не узрит их оплошная слабость, нерадивая неопытность, и случай во злодеяние да не вменится николи. О мой друг! исполнением моей должности источу слезы родителей о чадах, воздыхания супругов; но слезы сии будут слезы обновления во благо. Но иссякнут слезы страждущей невинности и простодушия. Колико мысль сия меня восхищает! Пойдем, ускорим отъезд мой. Может быть, скорое прибытие мое там нужно. Замедля, могу быть убийцею, не предупреждая заключение или обвинение прощением или разрешением уз.

С таковыми мыслями поехал приятель мой к своему месту. Сколь же много удивился я, узнав от него, что он оставил службу и намерен жить всегда в отставке. — Я думал, мой друг, — говорил мне г. Крестьянкин, — что услаждающую рассудок и обильную найду жатву исполнением моей должности. Но вместо того нашел я в оной желчь и терние. Теперь, наскучив оною, не в силах будучи делать добро, оставил место истинно хищному зверю. В короткое время он заслужил похвалу скорым решением залежавшихся дел; а я прослыл копотким. Иные почитали меня мздоимцем за то, что не спешил отягчить жребия несчастных, впадающих в преступление нередко поневоле. До вступления моего в статскую

* Смерть Катанова, трагедия Адиссонова, действие V^e, явление I^o.

службу приобрел я лестное для меня название человеколюбивого начальника. Теперь самое то же качество, коим сердце мое столько гордилось, теперь почитают послаблением и поноровкою. Видел я решения мои осмеянными в том самом, что их изящными делало; видел их оставляемыми без действия. С презрением взирал, что для освобождения действительного злодея и вредного обществу члена или дабы наказать мнимые преступления лишением имения, чести, жизни начальник мой, будучи не в силах преклонить меня на незаконное очищение злодейства или на обвинение невинности, преклонял к тому моих сочленов, и нередко я видел благие мои расположения исчезнувшими, яко дым в пространстве воздуха. Они же, во мзду своего гнусного послушания, получили почести, кои в глазах моих столь были тусклы, сколь их прельщали своим блеском. Нередко в затруднительных случаях, когда уверение в невинности названного преступником меня побуждало на мягкосердие, я прибегал к закону, дабы искать в нем подпору моей нерешимости; но часто в нем находил вместо человеколюбия жестокость, которая имела свое начало не в самом законе, но в его обветшалости. Несоразмерность наказания преступлению часто извлекала у меня слезы. Я видел (да и может ли быть иначе), что закон судит о деяниях, не касаясь причин, от чего оные происходят. И последний случай, к таковым деяниям относящийся, понудил меня оставить службу. Ибо, не возмогши спасти виновных, мощною судьбы рукою в преступление вовлеченных, я не хотел быть участником их казни. Не возмогши облегчить их жребия, омыл руки мои в моей невинности и удалился жестокосердия.

В губернии нашей жил один дворянин, который за несколько лет уже оставил службу. Вот его послужной список. Он начал свою службу при дворе истопником, произведен лакеем, камер-лакеем, потом мундшенком; какие достоинства надобны для прехождения сих степеней придворной службы, мне неизвестно. Но знаю то, что он вино любил до последнего издыхания. Пробыв в мундшенках лет 15-ть, отослан был в герольдию, для определения по его чину. Но он, чувствуя свою неспособность к делам, выпросился в отставку и награжден чином коллежского асессора, с которым он приехал в то место, где родился, то есть в нашу губернию, лет шесть тому назад. Отличная привязанность к своей отчизне нередко имеет основание в тщеславии. Человек низкого состояния, добившийся в знатность, или бедняк, приобретший богатство, сотрясши всю стыдливости застенчивость, последний и слабейший корень добродетели, предпочитает место своего рождения на распространение своей пышности и гордыни. Там скоро асессор нашел [случай] купить деревню, в которой поселился с немалою своею семьею. Если бы у нас родился Гогард, то бы нашел обильное поле на карикатуры в семействе г. асессора. Но я худой живописец; или если бы я мог в чертах лица читать внутренности человека с Лафатеровою проницательностию, то бы и тогда картина семьи асессоровой была примечания достойна. Не имея сих свойств, заставляю вещать их деяния, кои всегда суть истинные черты душевного образования.

Г. асессор, произошед из самого низкого состояния, зрел себя повелителем нескольких сотен себе подобных. Сие вскружило ему голову. Не

один он жаловаться может, что употребление власти вскружает голову. Он себя почел высшего чина, крестьян почитал скотами, данными ему (едва не думал ли он, что власть его над ними от бога проистекает), да употребляет их в работу по произволению. Он был корыстолюбив, кошил деньги, жесток от природы, вспыльчив, [подл], а потому над слабейшими его надменен. Из сего судить можешь, как он обходился с крестьянами. Они у прежнего помещика были на оброке, он их посадил на пашню, отнял у них всю землю, скотину всю у них купил по цене, какую сам определил, заставил всю неделю работать на себя, а дабы они не умирали с голоду, то кормил их на господском дворе, и то по одному разу в день, а иным давал месячину из милости. Если которой казался ему ленив, то сек розгами, плетью, батожем или кошками, смотря по мере лености; за действительные преступления, как то: кражу не у него, но у посторонних, не говорил ни слова. Казалось, будто в деревне своей хотел возобновить нравы древнего Лакедемона или Запорожской сечи. Случилось, что мужики его для пропитания на дороге ограбили проезжего, другого потом убили. Он их в суд за то не отдал, но скрыл их у себя, объявляя правительству, что они бежали; говоря, что ему прибыли не будет, если его крестьянина высекут кнутом и сошлют за злодеяние в работу. Если кто из крестьян украл что-нибудь у него, того он сек как за леность или за дерзкой или остроумной ответ; но сверх того надевал на ноги колодки, кандалы, сажал на стенную [цепь (?)] и на шею колодку. Много бы я мог рассказать тебе мудрых распоряжений, но сего довольно для познания моего ироя. Сожительница его имела полную власть над бабами. Помощниками в исполнении ее велений были ее сыновья и дочери, как то и у ее мужа. Ибо сделали они себе правилом, чтобы ни для какой нужды крестьян от работы не отвлекать. Во дворе людей было: один мальчик, купленной им в Москве, парикмахер дочернин, да повариха-старуха. Кучера у них не было, так же и лошадей; а разъезжали всегда на пахотных. Плетью и кошками секли сами сыновья. По щекам били или за волосы таскали баб и девок дочери. Сыновья в свободное время ходили по деревне или в поле играть и бесчинничать с девками и бабами, и никакая не избегала насилия. Дочери, не имея женихов, вымещали скуку над прядильницами, из которых они многих изувечили. Суди сам, мой друг, какой конец мог быть таковым преступникам. Я заметил из многочисленных примеров, что русской народ очень терпелив и терпит до самой крайности; но когда положит конец своему терпению, то ничто не может сдержать, чтобы не преклонился на жестокость. — Сие самое и случилось с ассессором. Случай к тому подал неистовой и беспутной или, лучше сказать, зверской поступок одного из его сыновей.

В деревне его была крестьянская девка, недурна собою, сговоренная за молодого крестьянина той же деревни. Она понравилась среднему сыну ассессора, который употребил все возможное, чтобы привлечь ее к себе в любовь; но крестьянка верна пребывала в данном жениху ее обещании, что хотя редко в крестьянстве случается, но возможно. — В воскресенье должно быть свадьбе. Отец жениха, по введенному у многих помещиков обычаю, пошел с сыном на господский двор и понес повенеч-

ные два пуда меду своему господину. Сию-то последнюю минуту дворянчик и хотел употребить на удовлетворение своей страсти. Взял с собою обоих своих братьев и, вызвав невесту чрез постороннего мальчика на двор, потащил ее в клеть, зажав ей рот. Не будучи в силах кричать, она сопротивлялась всеми силами зверскому намерению своего молодого господина. Наконец, превозможенная всеми тремя, принуждена была уступить силе; и уже сие скаредное чудовище начинал исполнением умышленное, как жених, возвратившись из господского дома, вошел на двор, и, увидя одного из господчиков у клетки, усумнился о их злом намерении. Кликнув к себе отца своего на помощь, он быстрее молнии полетел ко клетю. Какое зрелище представилося ему! При его приближении затворилася клеть; но совокупные силы двух братьев немощны были удерживать стремление разъяренного жениха. Он схватил близлежащий кол и, вскоча в клеть, ударил им вдоль спины хищника своей невесты. Они было хотели его схватить, но, видя отца женихова, бегущего с колом же на помощь, оставили свою добычу, выскочили из клетки и побежали. Но жених, догнав одного из них, ударил его колом по голове и проломил ее. Сии злодеи, желая отомстить свою обиду, пошли прямо к отцу и сказали ему, что, ходя по деревне, они встретились с невестою и с нею пошутили; что увидя жених ее начал их бить, будучи вспомогаем своим отцом. В доказательство показывали проломленную у одного из братьев голову. Раздраженный до внутренности сердца болезнию своего рождения, отец воскипел гневом ярости. Немедля велел привести пред себя всех трех злодеев — так он называл жениха, невесту и отца женихова. Представшим им пред него первой вопрос его был о том, кто проломил голову его сыну. Жених в сделанном не отперся, рассказывая все происшествие. — Как ты дерзнул, — говорил старой ассессор, — поднять руку на твоего господина? А хотя бы он с твоею невестою и ночь переспал накануне твоей свадьбы, ты ему за то должен быть благодарен. Ты на ней не женишься: она у меня останется в доме, а вы будете наказаны. По таком решении жениха велел он сечь кошками немилосердо, отдав его в волю своих сыновей. Побой вытерпел он мужественно; неробким духом смотрел, как начали над отцом его то же производить истязание. Но не мог вытерпеть, как он увидел, что невесту господские люди хотели вести в дом. Наказание происходило на дворе. В одно мгновение выхватил он из рук, ее похищающих, и освобожденные побежали оба со двора. Сие видя, барские сыновья перестали сечь старика и побежали за ними в погоню. Жених, видя, что они начали его уже наступать, выхватил заборину и стал защищаться. Между тем шум привлек других крестьян ко двору господскому. Они, соболезнуя о участи молодого крестьянина и имея сердце озлобленное против своих господ, его заступили. Видя сие, ассессор, подбежав сам, начал их бранить; первого, кто встретился, ударил своею тростию столь сильно, что упал бесчувственно на землю. Сие было сигналом к общему наступлению. Они окружили всех четверых господ и, коротко сказать, убили их до смерти на том же самом месте. Толико ненавидели они их, что ни один не хотел миновать, чтобы не быть участником в сем убийстве, как они сами после в том призналися. В самое то

время случилось тут ехать исправнику с командою. Он был частью очевидным свидетелем сему происшествию. Взяв виновных под стражу, а виновных было половина деревни, произвел следствие, которое постепенно дошло до уголовной палаты. Дело было выведено очень ясно, и виновные во всем признавались, в оправдание же свое только приводили мучительские поступки своих господ, о которых уже вся губерния была известна. Таковому делу обязан я был по долгу моего звания положить окончательное решение, приговорить виновных к смерти и вместо оной к торговой казни и вечной работе.

Рассматривая сие дело, я не находил достаточной и убедительной причины к обвинению преступников. Крестьяне, убившие господина своего, были смертоубийцы. Но смертоубийство сие не было ли принужденно? Не причиною ли оного сам ассессор? Если в арифметике из двух данных чисел непрекословно, ежели следует третье, то и в сем происшествии следствие было необходимо. — Невинность убийц, для меня по крайней мере, была математическая ясность. . . Если на идущего меня нападет злодей и, вознесши над главою моею кинжал, восхочет меня им пронзить, — убийцею ли я почтуса, если я предупреджу его в его злодеянии и бездыханного к ногам моим повергну? Если нынешнего века скосырь, привлечший должное на себя презрение, восхочет оное на мне отомстить и, встретя со мною в уединенном месте, вынув шпагу, делает на меня нападение, [да] лишит меня жизни или, по крайней мере, уязвит меня, — виновен ли я буду, если я, извлеки мой меч на защищение мое, избавлю общество от тревожащего спокойствие его члена? Можно ли почесть деяние оскорбляющим сохранность члена общественного? — Если я исполню его для моего спасения, если оно предупредит мою пагубу, если без того благосостояние мое будет плачевно навеки?

Исполнен таковыми мыслями, можешь сам вообразить терзание души моей при рассматривании сего дела. С обыкновенною откровенностию сообщил я мысли моим сочленам. Все возопили против меня единым глазом. Милосердие и человеколюбие почитали виновным защищением злодеяний, называли меня поощрителем убийства, называли меня сообщником убийцев. По их мнению, при распространении моих вредных мнений исчезнет домашняя сохранность. Может ли дворянин, говорили они, отныне жить в деревне покоен? Может он видеть веления свои исполняемы? Если ослушники воли господина своего, а паче его убийцы невинными признаваемы будут, то повинование прервется, связь домашняя рушится, будет паки хаос, в начальных обществах обитающий. Земледелие умрет, орудия его сокрушатся, нива запустеет и бесплодным порастет злаком; поселяне, не имея над собою власти, предадутся лени, будут скитаться в тунеядстве и разыдутся. Города почувствуют властодержавную десницу разрушения. Чуждо будет гражданам ремесло, рукоделие скончает свое прилежание, рачительность торговли иссякнет в источнике своем. Богатство уступит место скарёдной нищете, великолепнейшие здания обветшают, законы затмятся и поростут недействительностию. Тогда огромное сложение общества начнет валиться на части и издыхать в отдаленности от целого; тогда престол царский, где ныне опора, крепость и сопря-

жение общества зиждутся, обветшает и сокрушится; тогда владыка народов почтется простым гражданином, и общество узрит свою кончину. Сию достойную адския кисти картину тщилися сотоварищи мои предписать взорам всех, до кого слух о сем деле доходил. — Председателю нашему, — вещали они, — сродно защищать убийство крестьян. — Спросите, какого он происхождения? Если не ошибаемся, он сам в молодости своей изволил ходить за сохою. Всегда новостатейные сии дворянчики странные имеют понятия о природном над крестьянами дворянском праве. Если бы от него зависело, он бы, думаем, всех нас поверстал в однодворцы, дабы тем уравниять с нами свое происхождение. — Таковыми-то словами мнили сотоварищи мои оскорбить меня и ненавистным сделать всему обществу. Но, сим не удовольствовавшись, говорили, что я принял мзду от жены убитого асессора, да не лишится она крестьян своих отсылкою их в работу, и что сия-то была истинная причина странным и вредным моим мнениям, право всего дворянства вообще оскорбляющим. Несмысленные думали, что посмеяние их меня уязвит, что клевета поругает, что лживое представление доброго намерения от оного меня отвлечет! Сердце мое было им неизвестно. Не знали они, что нетрепетен всегда предстою собственному моему суду, что ланиты мои не рдели багровым румянцем совести.

Мздоимство мое они основали на том, что асессорша за мужнину смерть мстить не желала, а, сопровождаема своею корыстию и следуя правилам своего мужа, желала крестьян избавить от наказания, дабы не лишиться своего имени, как то она говорила. С таковою просьбою она приезжала ко мне. На прощение за убиение ее мужа я с нею был согласен; но разствовали мы в побуждениях. Она уверяла меня, что сама довольно их накажет; а я уверял ее, что, оправдывая убийц ее мужа, не надлежало их подвергать более той же крайности, дабы паки не были злодеями, как то их называли несвойственцо.

Скоро наместник известен стал о моем по сему делу мнении; известен, что я старался преклонить сотоварищей моих на мои мысли и что они начинали колебаться в своих рассуждениях, к чему, однако же, не твердость и убедительность моих доводов способствовали, но деньги асессорши. Будучи сам воспитан в правилах неоспоримой над крестьянами власти, с моими рассуждениями он не мог быть согласен и вознегодовал, усмотрев, что они начинали в суждении сего дела преимуществовать, хотя ради различных причин. Посылает он за моими сочленами, увещевает их, представляет гнусность таких мнений, что они оскорбительны для дворянского общества, что оскорбительны для верховной власти, нарушая ее законоположения; обещает награждение исполняющим закон, претя мщением не повинующимся оному; и скоро сих слабых судей, не имеющих ни правил в суждениях, ни крепости духа, преклоняет на прежние их мысли. Не удивлялся я, увидев в них перемену, ибо не дивился и прежде в них воспоследовавшей. Сродно хилым, робким и подлым душам содрогаться от угрозы власти и радоваться ее приветствию.

Наместник наш, превратив мнения моих сотоварищей, вознамерился и ласкал себя, может быть, превратить и мое. Для сего намерения позвал

меня к себе поутру в случившийся тогда праздник. Он принужден был меня позвать, ибо я не хаживал никогда на сии безрассудные поклонения, которые гордость почитает в подчиненных должностями, лесть нужными, а мудрец мерзительными и человечеству пакостными. Он избрал нарочно день торжественный, когда у него много людей было в собрании; избрал нарочно для слова своего публичное собрание, надеясь, что тем разительнее убедит меня. Он надеялся найти во мне или боязнь души, или слабость мыслей. Против того и другого устремил он свое слово. Но я за нужное не нахожу пересказывать тебе все то, чем надменность, ощущение власти и предубеждение к своему прониканию и учености одушевляло его витийство. Надменности его отвечал я равнодушием и спокойствием, власти — непоколебимостью, доводам доводами и долго говорил хладнокровно. Но наконец содрогшееся сердце разлило свое избыточество. Чем более видел я угождения в предстоящих, тем порывистее становился язык мой. Незыблемым гласом и звонким произношением говорил я: — Человек рождается в мир равен во всем другому. Все одинаковые имеем члены; все имеем разум и волю. Следственно, человек без отношения к обществу есть существо, ни от кого не зависящее в своих деяниях. Но он кладет оным преграду, согласуется не во всем своей единой повиноваться воле, становится послушен велениям себе подобного, словом, становится гражданином. Какая же ради вины обуздывает он свои хотения? Почто поставляет над собою власть? Почто, беспределен в исполнении своей воли, послушания чертою оную ограничивает? Для своей пользы, скажет рассудок; для своей пользы, скажет внутреннее чувство; для своей пользы, скажет мудрое законоположение. Следственно, где нет пользы быть гражданином, там он и не гражданин. Следственно, тот, кто захочет его лишить пользы гражданского звания, есть его враг. Против врага своего он мщения и защиты ищет в законе. Если закон или не в силах его заступить, или того не хочет, или власть его не может мгновенное в предстоящей беде дать вспомоществование, тогда пользуется гражданин природным правом защищения, сохранности, благосостояния. Ибо гражданин, становясь гражданином, не перестает быть человеком, коего первая обязанность, из сложения его происходящая, есть собственная сохранность, защита, благосостояние. — Убитой крестьянами ассессор нарушил в них право гражданина своим зверством. В то мгновение, когда он потакал насилию своих сыновей, когда он к болезни сердечной молодых супругов присовокуплял поругание, когда подвигался на казнь, видя сопротивление своему адскому властвованию, — тогда закон, стрегущий гражданина, был в отдаленности, и власть его тогда была неощутительна; тогда возрождался закон природы, и власть обиженного гражданина, не отъемлемая законом положительным в обиде его, приходила в действительность; и крестьяне, убившие ассессора, в законе обвинения не имеют. Сердце мое их оправдывает, опираясь на доводах рассудка, и смерть ассессора, хотя насильственная, есть правильна. Да не возмнит кто-либо искать в благоразумии политики, в общественной тишине довода к осуждению на казнь убийцев в злобе дух испутившего ассессора. Гражданин, в каком бы состоянии судьба ему родиться ни судила, есть

и пребудет всегда человек; а доколе он человек, право природы, яко обильный источник благ, в нем не иссякнет никогда; и тот, кто дерзнет его уязвить в природной и ненарушимой его собственности, тот есть преступник. Горе ему, если закон гражданский его не накажет! Он замечен будет чертою мерзения в своих согражданах, и всяк, имеяй довольно сил, да отмстит на нем обиду, им соделанную.

Умолк. Наместник не говорил мне ни слова; изредка подымал на меня поникшие взоры, где господствовали ярость бессилия и мстящая злоба. Все молчали в ожидании, что, оскорбитель всех прав, я взят буду под стражу. Изредка из уст раболепия слышалось журчание негодования. Все отвращали от меня очи. Казалось, что близ стоящих меня объял ужас. Неприметно удалилися они, как от зараженного смертоносною язвою. Наскучив зрелищем толикого смещения гордыни с нижайшею подлостью, я удалился из сего собрания льстецов.

На нашед способов спасти невинных убийц, в сердце моем оправданных, я не хотел быть ни сообщником их казни, ниже оной свидетелем; подал прошение об отставке и получил ее. Еду теперь оплакивать плачевную судьбу крестьянского состояния и услаждать мою скуку обхождением с друзьями. — Сказав сие, мы расстались и поехали всяк в свою сторону.

Сей день путешествие мое было неудачно: лошади были худы, минутно выпрягались; наконец, спускаясь с небольшой горы, ось у кибитки переломилась, и я далее ехать не мог. — Пешком ходить мне в привычку. — Взяв посошок, отправился я вперед к почтовому стану. Но прогулка по большой дороге не очень приятна для петербургского жителя, не похоже на гулянье в Летнем саду, скоро она меня утомила, и я принужден был сесть.

Между тем как я, сидя на камне, чертил кой-какие фигуры, нередко кривобокие и кривоугольные, думал я и то и се, — скачет мимо меня коляска; сидящий в ней, увидев меня, велел остановиться, — и я в нем узнал моего знакомого. — Что ты тут делаешь? — сказал он мне. — Думу думаю, времени довольно мне на размышление: ось переломилась. Что нового? — Все старая дрянь. Погода по ветру, то слякоть, то ведро. А! Вот новенькое: Дурыдин женился. — Неправда! Ему уже лет восемьдесят. — Точно так. Да вот к тебе письмо. Читай на досуге, а мне нужно поспешать. Прости! — и расстались.

Письмо было от моего приятеля. Охотник до всяких новостей, он обещал меня в отсутствии снабжать оными и сдержал слово. Между тем в кибитке моей подделали новую ось, которая, по счастью, была в запасе. Я сел — поехал — и читал:

П е т е р б у р г . О т . . .

Любезный мой!

На сих днях совершился здесь брак между 78-милетним молодым и 62-хлетнею молодкою. Причину столь престарелому спарению отгадать тебе трудненько, если оной не скажу. Распусти уши, мой друг, и услышишь. Госпожа Ш. . . — витязь в своем роде не последний, 62-х лет,

вдова с 25-тилетнего своего возраста. Была замужем за купцом, неудачно торговавшим; лицом смазлива; оставшись после мужа бедною сиротою и ведая о жестокосердичи собратии своего мужа, не захотела прибегнуть к прошению надменной милости, но заблагорассудила кормиться своими трудами. Доколе цветы юности блистали на лице ее, она во всегдашней была работе и щедрую получала от охотников плату. Но коль скоро приметили, что красота ее начала увядать и любовные заботы уступали место скучливому одиночеству, то взялась она за ум и, не находя больше покупателей на обветшалые свои прелести, начала торговать чужими, которые, если не всегда имели достоинство красоты, имели хотя достоинство новosti. Сим способом нажив себе несколько тысяч, она с честью изъяслась из презрительного общества сводель и начинала уже в рост отдавать свои деньги, нажитые своим и чужим бесстыдством. По времени забыто прежнее ее ремесло; и бывшая сводня стала нужная в обществе мотов тварь. Прожив покойно до 62-х лет, нелегкое надоумило ее собраться замуж. Все ее знакомые тому дивятся. Ближняя ее приятельница N приехала к ней. — Слух носится, — говорит она поседелой невесте, — что ты, душа моя, собралась замуж. Мне кажется, солгано. Какой-нибудь насмешник выдумал эту басню.

Ш. Правда совершенная. Завтра сговор, приезжай пировать с нами.

N. Ты с ума сошла, неужели старая кровь разыгралась; неужели какой молокосос подбил к тебе под крылышко?

Ш. Ах, мать моя! нехстати ты меня наравне с молодыми ветреницами считаешь. Я мужа беру по себе. . .

N. Да то я знаю, что придет по тебе. Но вспомни, что уже нас любить нельзя и не для чего, разве для денег.

Ш. Я такого не возьму, которой бы мне мог изменить. Жених мой меня старше 16-ю годами.

N. Ты шутишь!

Ш. По чести правда: барон Дурындин.

N. Нельзя этому стать!

Ш. Приезжай завтра ввечеру; ты увидишь, что я лгать не люблю.

N. А хотя и так, ведь он не на тебе женится, а на твоих деньгах.

Ш. А кто ему их даст? Я в первую ночь так не обезумею, чтобы отдать ему все мое имение; уже то время давно прошло. Табакерочка золотая, серебряные пряжки и еще кое-какая дрянь, оставшаяся у меня в закладе, которой с рук нельзя было сбыть — вот весь барыш любезного моего женишка. А если он неугомонно спит, то сгоню с постели.

N. Ему хоть табакерочка перепадет, а тебе что в нем проку?

Ш. Как, матка? Сверх того, что в нынешние времена не худо иметь хороший чин, что меня называть будут: ваше высочорodie! а кто по-глушее — ваше превосходительство! но будет-таки кто-нибудь, с кем в долгие зимние вечера можно поиграть хоть в бирюльки. А нынче сиди, сиди, все одна; да и того удовольствия не имею, когда чхну, чтоб кто говорил: здравствуй. А как будет свой-то муж, то какой бы насморк ни был, все слышать буду: здравствуй, мой свет! здравствуй, моя душенька!

N. Прости, матушка!

Ш. Завтра сговор, а через неделю свадьба.

Н. (*Уходит*).

Ш. (*Чхает*). Небось не воротится. То ли дело, как муж свой будет! Не дивись, мой друг! На свете все колесом вертится. Сегодня умное, завтра глупое в моде. Надеюсь, что и ты много увидишь Дурындиных. Если не женитьбою всегда они отличаются, то другим чем-нибудь. А без Дурындиных свет не простоял бы трех дней.

КРЕСТЦЫ

В Крестцах был я свидетелем расставания у отца с детьми, которое меня тем чувствительнее тронуло, что я сам отец и скоро, может быть, с детьми также расставаться должен буду. — Несчастной предрассудок дворянского звания велит им итти на службу. Одно название сие приводит всю кровь в необычайное движение! Тысячу против одного [держать] можно, что изо ста дворянчиков, вступающих в службу, 98 становятся повесами, а два под старость, или, правильное сказать, в дряхлые их, хотя не старые лета, только два становятся добрыми людьми. Прочие происходят в чины, расточают или наживают имение и прочая.

Смотря иногда на большого моего сына и размышляя, что он скоро пойдет в службу или, другими сказать словами, что птичка вылетит из клетки, у меня волосы дыбом становятся. Не для того, чтобы служба сама по себе развращала нравы; но для того, чтобы со зрелыми нравами [надлежало] начинать службу. — Иной скажет: а кто таких молокососов толкает в шею? — Кто! Пример общий. Штаб-офицер в семнадцать лет; полковник в двадцать; генерал двадцати же лет; камергер, сенатор, наместник, начальник войск. И какому отцу не захочется, чтобы дети его, хотя в малолетстве, были в знатных чинах, за которыми идут вслед богатство, честь и разум? — Смотри на сына моего, представляется мне: он начал служить, познакомился с вертопрахами, игроками, щеголями; выучился чистенько наряжаться, играть в карты, картами доставать прокормление, говорить обо всем, ничего не смысла или врать чепуху барыням. Каким-то образом фортуна, вертясь на курьей ножке, приголубила его, и сынок мой, не брея еще бороды, стал знатным боярином. Возмечтал о себе, что умнее всех на свете. Чего доброго ожидать от такого полководца или градоначальника? — Скажи по истине, отец чадолюбивый! скажи, о истинный гражданин! не захочется ли тебе лучше сына твоего удавить, нежели отпустить в службу? Не больно ли сердцу твоему, что сынок твой, знатный боярин, презирает заслуги и достоинства, для того, что их участь пресмыкаться в стезе чинов, гнушаясь пронырства? Не возрыдаешь ли ты, что сынок твой любезной с приятною улыбкою будет отнимать имение, честь, отравлять и резать людей, не всегда своими боярскими руками, но посредством лап своих любимцев?

Крестикой дворянин, казалось мне, был лет пятидесяти. Редкие седины едва пробивались сквозь светло-русые волосы на голове его. Правильные черты лица его знаменовали спокойствие его души, страстям

неприступное. Нежная улыбка безмятежного удовольствия, незлобием рождаемая, изрыла ланиты его ямками, в женщинах столь прельщающими; взоры его, когда я вошел в ту комнату, где он сидел, были устремлены на двух сыновей. Очи его, очи благорастворенного рассудка, казались подернуты легкою пленюю печали; но искры твердости и упования пролетали оную быстротечно. Пред ним стояли два юноши, возраста почти равного; единым годом во времени рождения, но не в шествии разума и сердца разнствовали между собою. Ибо горячность родителя ускоряла во младшем развержение ума, а любовь братняя умеряла успех в науках в старшем. Понятия о вещах были в них равные, правила жизни знали они равно, но остроту разума и движения сердца природа в них насадила различно. В старшем взоры были тверды, черты лица были незыбки, являли начатки души неробкой и непоколебимости в предприятиях. Взоры младшего были остры, черты лица шатки и непостоянны. Но плавное движение оных были необманчивым знаком благих советов отчих. — На отца своего взирали они с несвойственною робостию, от горести предстоящей разлуки происходящей, а не от чувствования над собою власти или начальства. — Редкие капли слез точились из очей их. — Друзья мои! — сказал отец, — сегодня мы расстанемся, — и, обняв их, прижал взрыдавших к перси своей. Я уже несколько минут был свидетелем сего зрелища, стоя у дверей неподвижен, как отец, обратясь ко мне:

— Будь свидетелем, чувствительный путешественник, будь свидетелем мне перед светом, сколь тяжко сердцу моему исполнять державную волю обычая. Я, отлучая детей моих от бдящего родительского ока, единственное имею к тому побуждение, да приобретут опытности, да познают человека из его деяний и, наскучив гремянием мирского жития, да оставят его с радостию; но да имут отишие в гонении и хлеб во скудости. А для сего-то я остаюся на ниве моей. Не даждь, владыко все-сильный! не даждь им скитаться за милостынею вельмож и обретать в них утешителя! Да будет соболезнууй о них — их сердце; да будет им творяй благостыню — их рассудок. . . Садитесь и внимайте моему слову, которое долженствует пребыть во внутренности душ ваших навеки. — Еще повторяю вам: сегодня мы разлучимся. — С неизреченным услаждением зрю слезы ваши, орошающие ланиты вашего лица. Да отнесет сие души вашей зыбление совет мой во святая ея, да восколеблется она при моем воспоминовении и даже в самом отсутствии да буду вам оградю от зол и печалей.

Прияв вас даже от чрева матерня в объятия мои, не восхотел никогда, чтобы кто-либо был рачителем в исполнениях, до вас касающихся. Никогда наемная рачительница не касалася телес ваших; никогда наемной наставник не коснулся сердца и разума вашего. Неусыпное око моя горячности блело над вами денно-нощно, да не приблизится вас оскорбление; и блажен нарицаюся, доведши вас до разлучения со мною! — Но не воображайте себе, чтобы я хотел услышать из уст ваших благодарность за мое о вас попечение или же признание, хотя слабое, ради вас мною соделанного. Руководствуясь собственныя корысти побуждением, приемлемое на вашу пользу имело всегда в виду собственное мое услажде-

ние. Итак, истребите из мыслей ваших, что вы есть под властью моею. Вы мне ничем не обязаны. Не в рассудке, а менее еще в законе хочу искать твердости союза нашего; он оснуется на вашем сердце. Горе вам, если оставите его в забвении! Образ мой, преследуя нарушителя союза нашей дружбы, поженет его в сокровенности его и устроит ему казнь несносную, дондеже не возвратится к союзу. Еще вещаю вам, вы мне ничем не должны. Воззрите на меня, яко на странника и пришельца, и если сердце ваше ощутит ко мне некую нежную склонность, то проживем в дружбе, в наивеличайшем на земле благоденствии. — Если же оно без ощущения пребудет — да забвенны будем друг от друга, подобно бы и существа нашего земля не вмещала на себе. — Даждь, всещедрый! да не узрю сего, милость твоя предварит мя и я отыду спокоен в недра твоя! — Вы не должны мне ни за воскормление, ни за наставление, а всего меньше за рождение. — За рождение? — Участники ли вы были в нем? Вопрошаемы ли были вы да рождены будете? На пользу ли вашу родиться имели или во вред? Известны ли отец и мать, рождая сына своего, блажен ли он будет в житии или злополучен? Кто скажет, что, вступая в супружество, помышлял о наследии и потомках? А если имел сие намерение, то блаженства ли их ради произвести их желал или же на сохранение своего имени? Как желать добра тому, кого не знаю, и что бы это значило? Добром назваться может ли желание неопределенное, сокрытое неизвестностию? — Побуждение к супружеству покажет и вину рождения. Прельщенный паче душевною доброю матери вашей, нежели лепотою лица, я употребил способ верный да наслажуся взаимною горячностью, любовью искреннею. Я получил мать вашу себе в супруги. Но какое было побуждение нашей любви? Взаимное услаждение; услаждение плоти и духа. Вкушая веселие, природой повеленное, мы о вас и не мыслили. Рождение ваше нам было приятно, но не для вас. Произведение самого себя льстило тщеславию; рождение ваше было и новый и чувственный, так сказать, союз, союз сердец подтверждающий. Он есть источник начальной горячности родителей к сынам своим; подкрепляется он привычкою, ощущением своей власти, отражением похвал сыновних ко отцу. Мать ваша равного была со мною мнения о ничтожности должностей ваших, от рождения проистекающих. Не гордилася она пред вами, что носила вас во чреве своем, не требовала признательности, питая вас своею кровию; не хотела почтения за болезни рождения, ни за скуку воскормления сосцами своими. Она тщилася дать вам благую душу, каковую и сама имела; она хотела насадить в ней дружбу, но не обязанность, не должность или рабское повиновение. Не допустил ее рок насладиться зрением насаждения плодов ее. Она оставила нас хотя и с твердостью духа, но кончины еще не желала, зря ваше младенчество и мою горячность. Уподобляясь ей, мы совсем ее не потеряем. Она поживет с нами, доколе и мы к ней не отыдем. Ведайте, что любезнейшая моя с вами беседа есть беседовать о родшей вас. Тогда, мнится, что и ее душа беседует с нами, тогда становится она нам присутственна, тогда в нас она является, тогда она еще жива. — И вещающий отирал капли слез, задержанных в душе своей.

— Так, любезные сердцу моему! Сколь мало обязаны вы мне за рождение, толико же обязаны и за воспитание. Когда я угощаю пришельца, когда даю пищу псу, лижущему мою десницу, — их ли ради сие делаю? Отраду, увеселение или пользу нахожу в том мою собственную? — С таковым же побуждением производят воспитание детей. Родившись в свет, вы стали граждане общества, в коем живете. Мой долг был вас вскормить, ибо если бы допустил я до вас кончину безвременную, был бы я убийца. Если я был рачительнее в воспитании вашем, нежели многие другие, то следовал в том одному чувствованию сердца моего. Власть моя, да пекуся о воспитании вашем или небрегу о нем; да сохраню дни ваши или буду в них расточителем; оставлю ли вас живых или дам умереть завременно — есть ясное доказательство, что вы мне не обязаны в том, что живы. Если бы умерли от моего о вас небрежения, как то многие умирают, мщение закона меня бы не преследовало. — Но скажут: дети обязаны родителям за учение и наставление. Не моей ли я в том искал пользы, да благо вам будет. Похвалы, воздаваемые доброму вашему поведению, рассудку, знаниям, искусству вашему, распростираясь на вас, отражаются на меня, как лучи солнечные от зеркала. Хваля вас — меня хвалят. Что бы я успел, если бы вы вдали пороку, чужды были учения, тупы в рассуждениях, злобны, подлы, чувствительности не имея? — Не только сострадатель был бы я в вашем косвенном хождении, но жертва, может быть, вашего неистовства. — Но ныне спокоен остался, отлучая вас от себя; разум прям, сердце ваше крепко, и я живу в нем. О друзья мои! сыны сердца моего! родив вас, многие имел должности в отношении к вам: но вы мне ничем не должны; я ищу вашей дружбы и любви; если вы мне ее дадите, блажен отыду к началу жизни и не возмущуся при кончине, оставляя вас навеки, ибо поживу в памяти вашей.

Но если я исполнил должность мою в воспитании вашем, обязан сказать ныне вам вину, почто вас так, а не иначе воспитывал и для чего сему, а не другому вас научил; и для того услышите повесть о воспитании вашем и познаете вину всех моих над вами деяний.

Со младенчества вашего принуждения вы не чувствовали. Хотя в деяниях ваших были всегда водимы моею же рукою, не ощущали, однако же, никогда ее направления. Деяния ваши были предузнанны и предваряемы; не хотел я, чтобы робость или послушание повиновения малейшею чертою ознаменовали на вас тяжесть своего перста; и для того дух ваш, не терпящий безрассудного веления, кроток к совету дружества. Но когда еще в младенчестве вашем находил я, что вы каким-нибудь случайным ударением уклонялись от пути, мною назначенного, тогда останавливал я ваше шествие или, лучше сказать, неприметно вводил в прежний путь, яко поток, оплоты прорывающий, искусною рукою возвращается в свои берега.

Робкая нежность не присутствовала во мне, когда, казалось, не рачил об [охранении] вас от неприязненностей стихий и непогоды. Желал лучше, чтобы на мгновение тело ваше оскорбилось преходящею болью, нежели бы излишняя дебелость утучнила вас в совершенном возрасте. И потому почасту ходили вы босы, имея непокровенную главу; в пыли,

в грязи часто отдыхали вы на простой скамье или на камени. Не меньше старался я удалить вас от убийственной пищи и питья. — Труды были наша лучшая приправа в обеде. Вспомните, с каким удовольствием обедали мы в неизвестной нам деревне, не нашед дороги к дому. Сколь вкусен нам казался тогда хлеб ржаной и квас деревенской!

Не ропщите на меня, если будете иногда осмеяны, что не имеете казистого виду, что стоите, как телу вашему покойнее, а не как обычай или мода велит; что одеваетесь не со вкусом, что волосы ваши кудрятся рукою природы, а не чесателя. Не ропщите, если будете небрежны в собраниях, а особливо от женщин, для того что не умеете витийственно хвалить их красоту. — Но вспомните, что вы бегае быстро, что плавае не утомляея, что подымае тяжести без натуги, что умеете водить соху, вскопать гряду, владеете косою и топором, стругом и долотом; умеете ездить верхом, стрелять и все нужные движения обращать в свою пользу. Не опечальтея, что вы не умеете скакать и прыгать, как скоморохи. Ведайте, что лучшее плясание не представляет ничего величественного; и если некогда тронуты будете зрением оногo, то любострастие будет тому корень, все же другое оному постороннее. — Но вы умеете изображать животных и неодушевленных, изображать черты царя природы — человека. В живописи найдете вы истинное услаждение не токмо чувств, но и разума. — Я вас научил музыке, дабы дрожащая струна, согласно вашим нервам, возбуждала дремлющее сердце; ибо музыка, приводя внутренность в движение, делает мягкосердие в нем привычкою. — Научил я вас и варварскому искусству сражаться мечем; но сие искусство да пребудет в вас мертво, доколе собственная сохранность того не потребуе. Она, уповаю, не сделает вас наглými; ибо вы имеете твердой дух и обидою не сочтете, если осел улягнет вас или свинья смрадным своим рылом коснетя до вас. — Не бойтея сказать никому, что вы умеете доить корову, что вы сварите щи и кашу или зажаренной вами кусок мяса будет вкусен. Тот, кто умеет что сам сделать, умеет заставить делать и на погрешности будет снисходителен, зная все трудности в исполнении.

Во младенчестве и отрочестве не отягощал я рассудка вашего готовыми размышлениями или мыслями чужими, не отягощал памяти вашей излишними предметами. — Но, предложив вам пути к познаниям, с тех пор, как вы начали ощущать силы своего разума, сами шестуете по отверстой вами стезе. Познания ваши тем основательнее, что вы приобрели их не твердя, как то говорит пословица: как сорока Якова. Следуя сему правилу, доколе силы разума не были в вас действующи, не предлагал я вам понятия о всевышнем существе и еще менее об откровении. Ибо то, что бы вы познали прежде, нежели были разумны, было бы в вас предрассудком и мешало бы рассуждению. Когда же я увидел, что вы в суждениях ваших вождаетесь рассудком, то предложил вам связь понятий, ведущих к познанию бога; уверен во внутренности сердца моего, что всещедрому отцу приятнее зреть две непорочные души, в коих светильник познаний не предрассудком возжигаетя, но что они сами возноятя к начальному огню на возгорение. Предложил я вам тогда о законе откровения, не скрывая от вас все то, что в опровержение оногo сказано многими.

Ибо желал, чтобы вы могли сами избирать между млеком и желчью, и с радостью видел, что вы неробко восприняли сосуд утешения.

Преподавая вам сведения о науках, не оставил ознакомить вас с различными народами, изучив вас языкам иностранным. Но прежде всего попечение мое было, да познаете ваш собственной, да умеете изъяснять на оном ваши мысли и письменно, и словесно, чтоб изъяснение сие было в вас непринужденно и не производило бы поту на лице. Английской язык, а потом латинской старался я вам сделать известнее других; ибо упругость духа вольности, преходя в изображение речи, приучит и разум к твердым понятиям, столь во всяких правлениях нужным.

Но если рассудку вашему предоставлял я направлять стопы ваши в стезях науки, тем бдительнее старался я быть во нравственности вашей. Старался умерять в вас гнев мгновения, подвергая рассудку гнев продолжительный, мщение производящий. Мщение! . . Душа ваша мерзит его. — Вы из сего природного чувствительныя твари движения оставили только оберегательность — но истребили желание возвращать уязвления к своим началам.

Ныне настало то время, что чувства ваши, дошед до совершенства возбуждения, но не до совершенства еще понятия о возбуждаемом, начинают тревожиться всякою внешностию и опасную производить зыбь во внутренности вашей. Ныне достигли времени, в которое, как то говорят, рассудок становится определителем действия и недействия; а лучше сказать, когда чувства, доселе одержимые плавностию младенчества, начинают ощущать дрожание или когда жизненные соки, исполнив сосуд юности, начинают превышать его воскраия, ища стезю свойственным для них стремлениям. Я сохранил вас доселе неприступными превратным чувств потрясениям, но не сокрыл от вас неведения покровом пагубных следствий совращения от пути умеренности в чувственном услаждении. — Вы были свидетели, сколь гнусно избыточество чувственного насыщения, и возгнушались; свидетели были страшного волнения страстей, превысивших берега своего естественного течения, познали гибельные их опустошения и ужаснулись. Опытность моя, носяся над вами, яко новый Эгид, охраняла вас от неправильных уязвлений. Ныне будете сами себе вожди, и хотя советы мои будут всегда светильником ваших начинаний, ибо сердце и душа ваша мне открыты, но яко свет, отдаляясь от предмета, менее его освещает, тако и вы, отриновенны моего присутствия, слабое ощутите преступление моея дружбы. — Но для того преподам вам правила единожития и общежития, дабы по усмирении страстей не возгнушались деяний, во оных совершенных, и не познали, что есть раскаяние.

Правила единожития, сколько может то касаться до вас самих, должны относиться к телесности вашей и нравственности. — Не забывайте никогда употреблять ваших телесных сил и чувств. Умеренное оных упражнение укрепит их не истощевая и послужит ко здравью вашему и долгой жизни. И для того упражняйтесь в искусствах, художествах и ремеслах, вам известных. — Усовершенствование в оных может иногда быть нужно. — Неизвестно нам грядущее. — Если неприязненное счастье отымет у вас все, что оно дало вам, — пребудете богаты в умеренности ваших

желаний, кормясь делом рук ваших. Но если во дни блаженства всем пренебрегать будете, то поздно уже о том думать во дни печали. Нега, излечение и неумеренное чувств услаждение губит и тело и дух. Ибо, изнуряя тело невоздержностью, изнуряется и крепость духа. Употребление же сил укрепит оные. Если почувствуешь отвращение к яствам и болезнь постучится у дверей, воспрями тогда от одра твоего, на коем нежишь чувства твои, приведи уснувшие члены твои в действие упражнением и почувствуешь мгновенное сил обновление; воздержи себя от пищи, нужной во здравии, и глад сделает пищу твою сладкою, огорчавшую от пресыщения. Помните, что на утоление глада нужен только кусок хлеба и ковш воды. Если благодетельное лишение внешних чувствований, сон, удалится от тебя, тогда беги из чертогов твоих и, утомив движением члены твои, ляг и почиешь сладко, и силы разума и тела опять возобновятся.

Будьте опрятны в одежде вашей; тело содержите в чистоте; ибо чистота служит ко здравью, а неопрятность часто отверзает неприметную стезю к гнусным порокам; но не будьте и в сем неумеренны. Не гнушайтесь пособить, поднимая погрязшую во рву телегу, и тем облегчить упавшего; вымарайте руки, ноги и тело, но просветите сердце. Ходите в хижины уничижения; утешайте томящегося нищетою; вкусите его брашна, и сердце ваше усладится, дав отраду скорбящему.

Ныне достигли вы, повторяю, того страшного времени и часа, когда страсти пробуждаться начинают, но рассудок слаб еще для их обуздания. Ибо чаша рассудка без опытности колеблется на весах воли, и чаша страстей берет перевес над оною. Итак, к равновесию не иначе приблизиться можно, как трудолюбием. Трудитесь телом, и страсти ваши не будут иметь столь сильного волнения; трудитесь сердцем, упражняясь в мягкосердии, чувствительности, соболезновании и щедроте, и страсти ваши направятся ко благому концу; трудитесь разумом, упражняясь в полезном чтении, размышлении, разыскании истины или происшествий, и разум ваш будет управлять вашею волею и страстями. Но не возмните в восторге рассудка, что можете сокрушить вовсе корень страстей, что нужно быть совсем бесстрастну. Корень страстей благ и основан на нашей чувствительности самую природою. Когда чувства наши, внешние и внутренние, ослабевают и притупляются, тогда ослабевают и страсти. Они производят в человеке добрые склонности, приближают его к добродетели: иначе уснул бы он в бездействии. Совершенно бесстрастный человек есть глупец и истукан нелепый, от коего не можно ожидать ни доброго, ни злого. Воздержание от худых помыслов не есть уже тогда достоинство, когда не можешь их привести в действие. Безрукой не может уязвить никого, но не может подать и помощи утопающему, ни удержать на берегу падающего в пучину моря. — Итак, умеренность в страсти есть благо; шествие по стезе средою есть надежно. Чрезвычайность в страсти есть гибель; бесстрастие есть нравственная смерть. Как путешественник, отдаляясь самой среды стези, вдается опасности ввергнуться в тот или другой ров, находящийся по краям пути его, так и шествие во нравственности требует средственного же направления. Но буде страсти ваши

опытностью, рассудком и сердцем направлены к концу благому, скинь с них бразды томного благоразумия и не сокращай их полета: мета их будет всегда величие; на нем едином они остановиться умеют.

Но если я побуждаю вас не быть бесстрастными, паче всего потребна в юности вашей умеренность любовной страсти. Она насаждена природою в сердце нашем к нашему же блаженству. В возрождении своем она никак ошибиться не может, относительно чувствительности — но в своем предмете и неумеренности. Итак, в возрождении своем остерегайтесь ошибиться в предмете любви вашей; не считайте взаимною горячностью одну наружность, одну красоту: наружность может быть лестна, обманчива; соединена с какими-нибудь видами, основанными на выгодах, пользе собственной, единственной, порочной; красота может быть тому завесою, что скрывается гнусного в сердце; но да управляет рассудок сим обольщением, да не приведет оно вас к пагубным следствиям своим и да не учинитесь вы жертвою исступления. Когда же судьба наградит вас достойным предметом любви вашей, когда выбор по сердцу согласится во всем с вашими чувствами, тогда неумеренность страсти сея будет вам неизвестна. — Говоря о любви, естественно бы было говорить и о супружестве, о сем священном союзе общества, коего правила не природа в сердце начертала, но святость коего из начального положения обществ проистекает, и должно основываться также на собственных своих чувствованиях и выборе сердечном, иначе ни время, ни привычка не в состоянии будут утвердить его на согласии и дружелюбном сожитии. О, сколь несчастны те супружества, кои вопреки сему правилу исполняются; они уже не есть то сладкое бремя, которое друг с другом разделяется с приятностью, в коем плоды его рачительно возвращаются — но тяжкое иго, самого низкого рабства жесточайшее, где одна холодность и небрежение занимает место сей священной обязанности. — Разуму вашему, едва начинающему свое шествие в пространстве сего мира, [сие бы было непонятно]; а сердцу, не испытавшему в нем страсть любви, повесть о сем была бы вам неощутительна, а потому и бесполезна. Ежели желаете иметь о супружестве истинное понятие, вспомните о родшей вас. Представьте меня с нею и с вами, возобновите слуху вашему глаголы наши и взаимные лобызания и приложите картину сию к сердцу вашему. Тогда почувствуете в нем приятное некое содрогание. Что оно есть — познаете со временем, а днесь довольны будьте одного ощущением.

Приступим теперь вкратце к правилам общежития. Предписать их не можно с точностью; ибо располагаются они часто по обстоятельствам мгновения. Но, дабы колико возможно менее ошибаться, при всяком начинании спросите ваше сердце; оно есть благо и никогда обмануть вас не может. Что вещает оно, то и творите; следуя ему, даже и в юности, ежели оно благо, — не ошибетесь.

Правила общежития относятся ко исполнению обычаев, нравов народных, или ко исполнению закона, или ко исполнению добродетели. Если в обществе нравы и обычаи не противны закону, если закон не полагает добродетели преткновения в ее шествии, то исполнения правил общежития есть легко. Но где таковое общество существует? Все известные нам

наполнены многими во нравах и обычаях, законах и добродетелях противоречиями. И оттого трудно становится исполнение должности человека и гражданина, ибо нередко они находятся в совершенной противоположности.

Понеже добродетель есть вершина деяний человеческих, то исполнение ее ничем не долженствует быть преинаемо. Небреги обычаев и нравов, небреги закона гражданского и священного, столь святые в обществе предметы, буде исполнение оных отлучает тебя от добродетели. Не дерзай никогда мыслить о [нарушении] ее или прикрывать робостью благоразумия. — Блажен будешь без нее во внешности — но в сердце никогда.

Последуя тому, что налагают на нас обычаи и нравы, мы приобретем благоприятство тех, с кем живем. Исполняя предписание закона, можем приобрести название честного человека. Исполняя же добродетель, приобретем общую доверенность, почтение и удивление, даже и в тех, кто бы не желал их ощущать в душе своей. Коварный афинский сенат, подавая чашу с ядом Сократу, трепетал во внутренности своей пред его добродетелию.

Не дерзай никогда исполнять обычая в предосуждение закона. Как ни худ закон, но он есть связь общества. И если бы сам государь велел тебе нарушить закон, не повинуйся ему, ибо он заблуждает себе и обществу во вред. Да уничтожит закон, как нарушение одного повелевает: тогда повинуйся; ибо в России самодержавный государь есть источник законов.

Но если бы закон или государь или какая-либо на земле власть подвизала тебя на неправду или на нарушение добродетели, пребудь в одной непоколебим. Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезней, ни заточения, ниже самой смерти. Пребудь незыблем в душе своей, яко камень среди бунтующих, но немощных валов. Ярость мучителей твоих раздробится о твердь твою; и если предадут тебя смерти, осмеяны будут, а ты поживешь на памяти благородных душ до скончания веков. Убойся заранее именовать благоразумием слабость в деяниях, сего первого добродетели врага. Сегодня нарушить ее ради какового-либо уважения, а завтра нарушение ее может казаться самою добродетелию; и так порок воцарится в сердце твоём и исказит черты непорочности в душе и на лице твоём.

Добродетели суть частные или общественные. Побуждения к первым суть всегда мягкосердие, кротость, соболезнование, и корень их всегда благ. — Побуждения к добродетелям общественным нередко имеют начало свое в тщеславии и любочестии. Но для того не надлежит останавливаться в исполнении дел. Предлог, над ним же вращаются, придает им важности. Но откуда бы ни проистекало исполнение должностей частных, какого бы рода ни были побуждения к благодеянию, помощи, спасению несчастных, того требующих, — оно всегда имеет вид добродетели, столько же честно, столько же полезно для общества. — Если же побуждения наши к общественным добродетелям начало свое имеют в человеколюбивой твердости души, тогда блеск их будет гораздо больший; тогда прозорливое око даст хвалу им истинную и нелицемерную. В спасшем отечество свое Курции от пагубоносных язвы никто не зрит ни тщеславного, ни отчаянного или наскучившего жизнью — но героя. — Упраж-

найтеся всегда в частных добродетелях, дабы удостоиться исполнения общественных.

Еще преподам вам некоторые исполнительные правила жизни. Старайтеся паче всего во всех деяниях ваших заслужить собственное свое почтение; дабы, обращая во уединении взоры свои во внутрь себя, не только бы не могли вы раскаяваться о сделанном, но взирали бы сами на себя с благоговением.

Следуя сему правилу, со всевозможности удаляйтеся даже вида раболепствования. Вошед в свет, узнаете скоро, что в обществе существует обычай посещать по утрам в праздничные дни знатных особ; обычай скаредный, ничего не значащий, показывающий в посетителях дух робости, а в приемлющих посещения дух надменности и слабый рассудок.

У римлян было похужее сему обыкновению, которое они называли *амбицио*, то есть снискание; а оттуда и любочестие названо *амбициею*, ибо посещениями именитых людей юноши снискивали себе путь к чинам и достоинствам. — То же делается и ныне. Но если у римлян обычай сей введен был для того, чтобы молодые люди обхождением с опытными научались, то сомневаюсь, чтоб цель в обычае сем всегда непорочно сохранялася. В наши же времена, посещая знатных господ, никто не имеет целию своею учения, но снискание их благосклонности, даже и взора единого. Вот до какой степени может унижаться человек пред подобным себе; раболепствовать иногда душе самой подлой, не по рождению, но по деяниям! Знайте, что одно благородство не дает полного права на признательность общественную, ежели оно не бывает сопровождаемо приличными чувствованиями и душа его напоена желчию злобы, лукавства, гордости и ядом адского мщения: в таком случае, благородство есть одна оболочка смрадного тела, не говоря о душе, которая столь же подла; и потому не полагайте, чтобы порода могла наградить то, чего не дала природа, попечение и обязанности прехождения человека от начала его рождения. Вы слышали уже от меня несколько раз, на какие классы общество граждан разделяется. — Но не утверждайтеся, чтоб заслуги, таланты, достоинства истинные, а особливо у нас, в самодержавии, наполняли сии степени. Наша история веков прошедших свидетельствует, что мы [имели] в смысле добрых царей, которые по различным притязательствам, проискам и ухищрениям, восстанавливали многие роды и фамилии в отличительное достоинство. Всякое время, всякое царствование, имело своих любимцов, — любимцы еще любимцов, и так далее; так, что теперь уже трудно распознать, кто в настоящем виде достоин носить на себе сие отличительное титло. Не говорю о заслугах, о трудах и талантах тех, кои по всем правам заслуживают уважение от общества, кои кровию, не куплею, достигли цели, принятой обычаем, и должны быть включены в степени истинного дворянства. И так, да не преступит нога ваша порога, отделяющего раболепство от исполнения должности. Не посещайте никогда передней знатного боярина, разве по долгу звания вашего. Тогда среди толпы презренной и тот, на кого она взирает с подобоострастием, в душе своей тебя хотя с негодованием, но отличит от нее.

Если случится, что смерть пресечет дни мои прежде, нежели укрепитеся

вы во благом пути и страсти восхитят вас, по юности, от стези рассудка, то не [отчаявайтесь], соглядая иногда превратное ваше шествие. В заблуждении вашем, в забвении самих себя, возлюбите добро. Распутное житие, безмерное любочестие, наглость, невежество и все пороки юности оставляют надежду исправления; ибо скользят по поверхности сердца, его не уязвляя. Я лучше желаю, чтобы в молодых годах ваших вы были подвержены порокам, нежели в совершенстве, которое должно обработать все недостатки, оставшиеся в таком виде по легкомыслию юности.

Простите, возлюбленные мои, простите друзья души моей! днесь при попутном ветре отчалите ладью свою от берега, чуждую опытности; стремитесь по волнам жития человеческого, да научитесь управлять сами собою. Блаженни, не претерпев крушения, если достигнете пристанища, коего жаждем. Будьте счастливы во плавании вашем! Вот искреннее мое желание. Естественные силы мои, истощав движением и жизнью, изнемогут и угаснут; оставляю вас навсегда — но и оставляю вам мое завещание. Если ненавистное счастье истощит над вами все стрелы свои; если добродетели вашей не останется на земли убежища; если не будет вам покрова от угнетения: тогда вспомните, что вы люди, вспомните величество ваше и восхитите венец блаженства, коего никто у вас отъять не может. — Умрите. — В наследие оставляю вам слово умирающего Катона. — Но если можете умереть в добродетели, умеете умереть и в пороке, и будьте, так сказать, добродетельны и в самом зле. — Если, забыв мои наставления, будете поспешать на злые дела, то обыкшая душа к добродетели встревожится, и я явлюся вам в мечте. — Воспряните от ложа своего, преследуйте душевно моему видению. — Если тогда источится слеза из очей ваших, то усните паки и пробудитесь на исправление. Но если среди злых своих начинаний, воспоминаю обо мне, душа не поколеблется, око пребудет сухо. . . Се сталь, се отрава. Избавьте меня скорби; избавьте землю поносыя тяжести. — Будьте еще мои чада: умрите в добродетели!

Вещавшу сие старцу, юношеский румянец покрыл ланиты его; взоры его испускали лучи надежного радования; черты лица сияли сверхъестественным веществом. Он облобызал детей своих и, проводив их до повозки, пребыл тверд до последнего расставания. Но едва звон почтового колокольчика возвестил ему, что они начали от него удаляться, упругая сия душа смягчилась; слезы проникли сквозь очей его; грудь его воздымалася; он простирал руки вслед за отъезжающими; казалось, будто желает остановить стремление коней. Юноши, узрев издали родного их в такой печали, възрыдали столь громко, что ветер доносил жалостной стон их до слуха нашего. Они простирали также руки ко отцу своему; и казалось, будто его звали к себе. Не мог старец снести сего зрелища, силы его ослабели, он упал в мои объятия. Между тем пригорок скрыл отъехавших юношей от взоров наших; прешед в себя, старец стал на колени и, возвед руки свои и взоры на небо, вещал: — Господи, молю тебя, да укрепишь их в стезях добродетели; молю, да блаженни будут! Ты веси, яко же николи не утруждал тебя, отец всещедрый, бесполезною молитвою. Уверен в душе моей, яко ты благ еси и правосуден. Любезнейший твой человечеству дар — добродетель; деяния чистого сердца суть наилучшая для тебя жертва. —

Отлучил я ныне от себя сынов моих. — Господи! да будет над ними воля твоя! — Смущен, но тверд в [надеянии] своем отъехал он в свое жилище.

Слово крестницкого дворянина не выходило у меня из головы. Доказательства его о ничтожестве власти родителей над детьми казались мне неоспоримы. Но если в благоустроенном обществе нужно, чтобы юноши почитали старцев, а неопытность — совершенство, то нет, кажется, нужды делать власть родительскую беспредельною. Если союз между отцом и сыном основан не на нежных чувствованиях сердца, то он, конечно, нетверд; и будет нетверд, вопреки всех законоположений. Если отец в сыне своем видит раба и власть свою ищет в законоположении; если сын почитает отца наследия ради, то какое благо из того обществу? Какое благо для собственного семейства? Или еще один невольник в прибавок ко многим другим? Или змея за пазухою? — Отец обязан сына воспитать и научить и должен наказан быть за его проступки, доколе он не войдет в совершеннолетие; а сын должности свои да обрящет в своем сердце. Если он ничего не ощущает, то виновен отец, почто не насадил в нем ничего доброго. Сын вправе требовать от отца вспоможения, доколе он немощен и малолетен; но в совершеннолети естественная сия и природная связь рушится. Птенец пернатых не ищет помощи от произведших его, когда сам начнет находить пищу. Самец и самка забывают о птенцах своих, когда сии возмужают. Се есть закон природы. Если гражданские законы от него удалятся, то производят всегда урода. Ребенок любит всегда своего отца, мать или наставника, доколе привязанность его не обратится к другому предмету. Да не оскорбится сим сердце твое, отец чадолюбивый! Естество того требует. Единое в том тебе утешение да будет воспоминание, и сын сына твоего возлюбит отца до совершенного только возраста. Тогда же от тебя зависеть будет обратить его горячность к тебе. Если ты в том успеешь, блажен и почтения достоин! — В таковых размышлениях доехал я до почтового стана.

ЯЖЕЛБИЦЫ

Сей день назначен мне был судьбою на испытание. Я отец, имею нежное сердце к моим детям. Для того-то слово крестницкого дворянина меня тронуло. Но, потрясши меня до внутренности, излило некое усладительное чувство надежды, что блаженство наше в отношении детей наших зависит много от нас самих. Но в Яжелбицах определено мне было быть зрителем позорища, которое глубокий корень печали оставило в душе моей, и нет надежды на его истребление. О юность! услыши повесть сию; познай свое заблуждение; воздержись от произвольных гибели и пресеки путь к будущему раскаянию!

Я проезжал мимо кладбища. Необыкновенный вопль терзающего на себе власы человека понудил меня остановиться. Приблизясь, увидел я, что там совершалось погребение. Надлежало уже спускать гроб в могилу, но тот, которого я видел издали терзающего на себе власы, повергся на

гроб и, ухватясь за оной весьма крепко, не позволял его спускать в землю. С великим трудом отвлекли его от гроба и, опустя оной в могилу, зарыли поспешно. — Тут страждущий вещал к предстоящим: — Почто вы меня лишили его, почто не погребли меня с ним живого и не скончали моей скорби и раскаяния? Ведайте, ведайте, что я есмь убийца возлюбленного моего сына, коего теперь мертва предали недрам земли. Не дивитесь сему. Я не прекращал жизни его ни мечем, ни отравою. Нет, я более сего сделал: я уготовал ему смерть еще до рождения его, дав жизнь ему отравленную. Я есмь убийца, каковых много; но есть убийца лютейший других; убийца сына моего до рождения его. Я, я один прекратил дни его, изливав томный яд в начало его. Во все время жития своего не наслаждался он здравием ни единого дня; и томящегося в силах своих разверстие яда пресекло течение его жизни. — Никто, никто меня не накажет за мое злодеяние! — Отчаяние ознаменовалось на лице его, и бездыханна почти отнесли его с сего места.

Нечаянный хлад разлился в моих жилах. Я оцепенел. Казалось мне, что я слышал мое осуждение: вспомняв прежние дни юности моея, мне пришли на память все случаи, когда встревоженная чувствами душа гонялася за их услаждениями, почитая мздоимную участницу любовных утех истинным предметом горячности. Вспомняв, что невоздержание в любострастии навлекло телу моему смрадную болезнь. О, если бы не далее она корень свой испускала! О, если бы она с утолением любострастия прерывалась! Прияв отраву сию в веселии, не токмо согреваем ее в недрах наших, сообщаем ее в наследие и потомству нашему. О, друзья мои возлюбленные! о чада души моеей! не ведаете вы, колико я виновен пред вами! Бледное ваше чело есть мое осуждение. Страшусь возвестить вам о болезни, иногда вами ощущаемой. Возненавидите вы, может быть, меня и в ненависти вашей будете справедливы. Кто уверит вас и меня, что вы не носите в крови вашей сокровенного жала, да ускорит дни ваши безвременно? Прияв сей смрадный яд в тело мое уже в совершенном возрасте, затвердость членов моих противилась его распространению и борется с его смертоносностию; но вы, прияв его от рождения вашего, нося его в себе, как нужную часть состава, — как воспротивитесь разрушительному его сожжению? — Все ваши болезни суть следствия сея отравы. О, возлюбленные мои! плачьте о заблуждении моего юношества; призовите на помощь врачебное искусство и, если можете, — не кляните меня.

Но теперь отверзается очам моим все великое пространство любострастного злодеяния. Я виновен сам пред собою, навлекши себе преждевременную старость и дряхлость в юношеских еще летах. Виновен пред вами, отравив ваши жизненные соки до рождения вашего, и тем уготовал вам томное здравие и безвременную, может быть, смерть. Виновен — и сие да будет мне в казнь, виновен в горячности моей, взяв в супружество мать вашу. Кто мне порукою в том, что не я был причиною ее кончины? Смертоносный яд, источаясь в веселии, перелился в чистое тело ее и отравил непорочные ее члены. Тем смертоноснее он был, чем был сокровеннее. Ложная стыдливость воспретила мне в том ее предостережь; она же не остерегалась отравителя своего в горячности своей к нему. Воспаление, ей приключив-

шееся, есть плод, может быть, уделенной ей мною отравы. — О возлюбленные мои! koliko должны вы меня ненавидеть!

Но кто причину, что сия смрадная болезнь во всех государствах делает столь великие опустошения, не токмо пожиная много настоящего поколения, но сокращая дни грядущих? Кто причину, как не правительство? Оно, дозволяя распутство мздоимное, отверзает путь не токмо ко многим порокам, но отравляет жизнь граждан. Публичные женщины находят защитников и в некоторых государствах состоят под покровительством начальства. Если бы, говорят некоторые, запрещено было наемное удовлетворение любовныя страсти, то бы нередко чувствуемы были в обществе сильные потрясения. — Увозы, насилия, убийства нередко бы имели свой источник в любовной страсти. Могли бы они потрясти и самые основания обществ. Но вы желаете лучше тишину и с нею томление и скорь, нежели тревогу и с нею здравие и мужество! Молчите, скаредные учителя; вы есть наемники мучительства; оно, проповедуя всегда мир и тишину, заключает засыпляемых лестию в оковы. Бойтся оно даже посторонния тревоги. Желательно, чтоб везде одинаково с ним мыслили, дабы надежно леляться в величестве и утопать в любострастии. — Я не удивляюсь глаголам вашим. Сродно рабам желание видеть всех в оковах. Одинаковая участь облегчает их жребий, а превосходство чье-либо тягчит из разум и дух.

ВАЛДАИ

Новой сей городок, сказывают, населен при царе Алексее Михайловиче взятymi в плен поляками. Сей городок достопамятен в рассуждении любовного расположения его жителей, а особливо женщин незамужних.

Кто не бывал в Валдаях, кто не знает валдайских баранок и валдайских разурмяненных девок? Всякого проезжающего наглые и стыд потерявшие девки останавливают и стараются в путешественниках возжигать любострастие, воспользоваться его щедростию на счет своего целомудрия. Сравнивая нравы жителей сея в город произведенныя деревни со нравами других российских городов, подумаешь, что она есть наидревнейшая и что развратные нравы суть единые токмо остатки ее древнего построения. Но как немного более ста лет, как она населена, то можно судить, сколь развратны были и первые ее жители.

Бани бывали и ныне бывают местом любовных торжествований. Путешественник, условясь о пробывании своем с услужливою старушкою или парнем, становится на двор, где намерен принести жертву всеобожаемой Ладе. Настала ночь: баня для него готова. Путешественник раздевается, идет в баню, где его встречает или хозяйка, если молода, или дочь ее, или свойственницы ее, или соседки. Отирают его утомленные члены, омывают его нечистоту. Сие производят, совсем раздевшись, возжигают в нем любострастный огонь, и он препровождает тут ночь, теряя деньги, здравие и драгоценное для путешествия время. Бывало, сказывают, что оплошного

и отягченного любовными подвигами и вином путешественника сии любовно-страстные чудовища предавали смерти, дабы воспользоваться его именем. Не ведаю, правда ли это? Но то правда, что наглость валдайских девок гораздо сократилась. Хотя они не откажутся и ныне удовлетворить желаниям путешественника, но прежней наглости в них не видно.

Валдайские озеро, над которым построен сей город, достопамятно останется в повествованиях жертвовавшего жизнью своею монаха ради своей любовницы. В полуторе версте от города, среди озера, на острове находится Иверский монастырь, славным патриархом Никоном построенный. Один из монахов сего монастыря, посещая Валдаи, влюбился в дочь одного валдайского жителя. Скоро любовь их стала взаимною, скоро стремились они к совершению ее. Единожды насладившись ее веселием, не в силах они были противиться ее стремлению. Но состояние их полагало оному преграду. Любовнику нельзя было часто отлучаться из монастыря своего; любовнице нельзя было посещать кельи своего любовника. Но горячность их все преодолела; из любовно-страстного монаха она сделала неустрашимого мужа и дала ему силы почти чрезвычайные. Сей новый Леандр, дабы наслаждаться веселием ежедневно в объятиях своей любовницы, едва ночь покрывала черным покровом все зримое, выходил тихо из своей кельи и, совлекая свои ризы, преплывал озеро до противоположного берега, где воспринимался был в объятия своей любезной. Баня и в ней утехи любви были для него готовы, и он забывал в них опасность и трудность преплывания и боязнь, если бы отлучка его стала известна. За несколько часов до рассвета, к утреннему богослужению, яко непорочный возвращался он в свою келью. Таким образом проводил он долгое время в сих опасных преплываниях, награждая ночным веселием скуку дневного заключения. Но судьба положила конец его любовным подвигам. В одну из ночей, когда сей неустрашимый любовник отправился к своей любезной, внезапно восстает противный ветер, когда он был уже на середине озера. Все силы его немощны были на преодоление разъяренных вод. Тщетно напрягал он свои мышцы; тщетно призывал на помощь в своей опасности. Видя невозможность достигнуть берега, вознамерился он возвратиться к монастырю своему, дабы, имея попутный ветер, тем легче мог его достигнуть. Но едва обратился он назад, как валы, истощив его силы, поглотили в пучине. На утро тело его найдено на отдаленном берегу. Если бы я писал поэму, взяв предметом сие романическое приключение, то бы представил читателю моему любовнику его в отчаянии. Но это было бы здесь излишнее. Всякой знает, что любовнице, хотя на первое мгновение, скорбно узнать о кончине своего любезного. Не ведаю и того, бросилась ли сия новая Геро в озеро или опять в следующую же ночь топила баню для путешественника. Любовная летопись гласит, что валдайские красавицы от любви не умирали — разве в больнице.

Нравы валдайские переселились и в близлежащий почтовой стан, Зимогорье. Тут для путешественника бывает такая же встреча, как и в Валдаях. Прежде всего представляются взорам раззурмяненные девки с баранками. Но как молодые мои лета уже прошли, то я поспешно расстался с маза-ными валдайскими и зимногорскими сиренами.

ЕДРОВО

Доехав до жилья, я вышел из кибитки. Неподалеку от дороги, над водою, стояло много баб и девок. Страсть, господствовавшая во всю жизнь надо мною, но уже угасшая, по обычному ее стремлению направила стопы мои к толпе виденных мною сельских красавиц. Толпа сия состояла более нежели из тридцати женщин. Все они были в праздничной одежде, шея голые, ноги босые, локти наружи, платье [заткнутое] спереди за пояс, рубахи белые, взоры веселые, здоровье на щеках начертанное. Приятности, хотя загрубевшие от зноя и холода, но прелестны без покрова хитрости; красота юности в полном блеске, в устах улыбка или смех сердечный; он показывал ряд зубов белее чистейшей слоновой кости: зубы, которые бы всех щеголих с ума свели. Приезжайте сюда, наши барыньки московские и петербургские, посмотрите на их зубы, учитесь у них, как содержать их в чистоте. Зубного врача у них нет. Не сдирают они каждый день лоску с зубов своих ни щетками, ни порошками; станьте рот со ртом с которой вы хотите из них, дыхание ни одной из них не заразит вашего легкого. А ваше — ваше, может быть, положит в них начало. . . болезни. . . боюсь сказать какой; хотя не покраснеете, но рассердитесь. — Разве я говорю неправду? — Муж одной из вас таскается по всем скверным девкам; получив болезнь, пьет, ест, спит с тобою же; другая же сама изволит иметь годовых, месячных, недельных или, чего боже упаси, ежедневных любовников. — Познакомься сегодня и совершив свое желание, завтра его не знает; да и того иногда не знает, что одним его поцелуем она заразилась. — А ты, голубушка моя, пятнадцатилетняя девушка, ты еще непорочна, может быть; [но] на лбу твоём я вижу, что кровь твоя вся отравлена. Блаженной памяти твоей батюшка из докторских рук не выхаживал; а государыня матушка твоя, направляя тебя на свой благочестивой путь, нашла уже тебе женишка, заслуженного старичка генерала, и спешит выдать тебя замуж для того только, чтобы не сделать с тобою визита воспитательному дому. А за старичком-то жить нехудо, своя воля; только бы быть замужем; дети все его. Ревнив он будет — тем лучше; более удовольствия в украденных утехах; с первой ночи приучить его можно не следовать старой глупой моде спать с женою вместе.

И не приметил, как вы, мои любезные городские сватьяшки, свояченицы, тетушки, сестрицы, племянницы и проч. и проч., меня так долго задержали. Вы, право, того не стоите. У вас на щеках румяна, на сердце румяна, на совести румяна, на искренности. . . сажа. Все равно, румяна или сажа. Я побегу от вас во всю конскую рысь к моим деревенским красавицам. Правда, есть и между ими на вас похожие, но есть такие, каковых в городах слыхом не слыхано, видом не видано. — Посмотрите, как все члены у моих красавиц круглы, рослы, не искривлены, не испорчены. Вам смешно, что у них ступни в пять вершков, а может быть, и в шесть. Ну, любезная моя племянница, с трехвершковой твоею ножкою стань с ними рядом, и бегите взапуски; кто скорее достигнет высокой березы, по конец луга стоящей? — А, а! это не твое дело; тебе бы только пропрыгать экосез, провертеться, обнявшись с мужчиною, условленный и любострастный

вальс: вот к чему напрягаете вы свои силы, а сельские упражнения нимало нам не знакомы. — А ты сестрица моя голубушка, с трехчетвертным твоим станом в охвате, ты изволишь издеваться, что у сельской моей русалки брюшко на воле выросло. Постой, моя голубушка, и я посмеюсь над тобою. Ты уже десятой месяц замужем, и уж трехчетвертной твой стан поиспортился; а как дойдет дело до родов, то запоем другим голосом. Но дай бог, чтобы обошлось все смехом. Дорогой мой зятюшка ходит повеся нос. Уже все твои шнуrowанья бросил в огонь. Кости из всех твоих платьев повыгаскал, но уже поздно: сросшихся твоих накриво составов тем не выпрямит. — Плачь, мой любезной зять, плачь! Мать наша, следуя плачевной и смерти разрешающихся от бремени жен озаменованной моде, уготовала тебе за многие лета печаль, дочери своей болезнь, а детям твоим слабое сложение. Она теперь возносит над главою ее смертоносное острие; и если оно не коснется дней твоя супруга, благодари случай; а если веришь, что провидение божие о том заботилось, то благодари и его, коли хочешь. — Но я еще с городскими боярыньками. — Вот что привычка делает; отвязаться от них не хочется. И, право, не расстался бы с вами, если бы мог довести вас до того, чтоб вы лица своего и искренности не румянили. Теперь прощайте!

Покуда я глядел на моющих платье деревенских нимф, кибитка моя от меня уехала. Я намерялся идти за нею вслед, как одна девка, по виду лет двадцати, а, конечно, не более семнадцати, положила свое мокрое платье на коромысло, пошла одною со мной дорогою. Поровнявшись с нею, начал я разговор: — Не трудно ли тебе нести такую тяжелую ношу, любезная моя, как назвать, не знаю? — Меня зовут Анною, а ноша моя не тяжела; хотя бы и тяжела была, я бы тебя, барин, не попросила мне пособить. — К чему же такая суровость, Аннушка, душа моя, я тебе худого не делаю. — Спасибо, спасибо; часто мы видим таких щелкунов, как ты; пожалуй, проходи своею дорогою. — Анютушка, я, право, не таков, каким тебе кажуся, и не таков, как те, о которых ты говоришь. Те, думаю, так не начинают разговора с деревенскими девками, а всегда поцелуем; но хотя бы и я тебя поцеловал, то точно бы так, как сестру мою родную, и то с твоего согласия. — Не подъезжай, пожалуй; я много слыхала таких рассказов; а коли ты худого не мыслишь, так чего же ты от меня хочешь? — Душа моя, Аннушка, я хотел знать, есть ли у тебя отец и мать, как ты живешь, богато или убого, весело или скучно и есть ли у тебя жених? — А на что это тебе, барин? Отроду в первой раз слышу такие речи. — Ну видишь, Анюта, я не негодяй, не хочу тебя обругать или обесчестить; я люблю женщин для того, что они имеют соответственное сложение моей нежности; а более люблю сельских женщин или крестьянок для того, что они не знают еще притворства, не налагают на себя коварной личины любви; и когда любят, то любят от всего сердца и искренно. — Девка в сие время смотрела на меня, выпяля глаза с удивлением. Да и так быть должно; ибо кто не знает, с какою наглостию дворянская дерзкая рука поползается на непристойные и оскорбительные целомудрию шутки с деревенскими девками? Они в глазах старых и молодых суть твари, созданные на их угождение. Так они и поступают; а особливо с несчастными, подвласт-

ными их велениям. В бывшее Пугачевское возмущение, когда все служители вооружились на своих господ, некакие крестьяне (повесть сия нежлива), связав своего господина, везли его на неизбежную казнь. Какая тому была причина? Он во всем был человек добрый и человеколюбный; но муж не был безопасен в своей жене, отец в дочери. Каждую ночь посланные его приводили к нему на жертву бесчестия ту, которую он того дня назначил. Известно было, что он в деревне омерзил до 60-ти девиц, лишив их непорочности. Наехавшая команда выручила сего варвара из рук на него злобствовавших. Глупые крестьяне, вы искали правосудия в самозванце! Но почто не прибегнули вы к законным судиям вашим? Они бы предали его гражданской смерти, и вы бы невинны остались. А теперь злодей сей спасен — и долженствующее ему наказание обратился на вас. Блаженны, если близкой взор смерти переменял образ мыслей его и дал жизненным сокам его другое течение! — Но крестьянин в законе мертв, сказали мы. — Нет, нет! он жив; он будет жив, если того восхощет.

— Если, барин, ты не шутишь, — сказала мне Анюта, — то вот что я тебе скажу: у меня отца нет, он умер уже года с два; есть матушка да маленькая сестра. Батюшка нам оставил пять лошадей и три коровушки, есть и мелкого скота и птиц довольно. Да нет работника в дому. Меня было сватали в богатой дом за парня десятилетнего, да я не захотела. Что мне в таком ребенке? я его любить не буду. А как он придет в пору, то я составлюсь, и он будет таскаться с чужими. Да сказывают, что свекор сам с молодыми невестками спит, покуда сыновья вырастают. Мне для того-то и не захотелось идти к нему в семью. Я хочу себе ровню. Мужа буду любить, да и он меня любить будет, в том не сомневаюсь. Гулять с молодцами не люблю, а замуж-то, барин, хочется. Да знаешь ли для чего? — говорила Анюта, потупя глаза. — Говори, душа моя Аннушка; все слова в устах невинности непорочны. — Вот что я тебе скажу. Прошлым летом, год тому назад, у нашего соседа женился сын на моей подруге, с которой я хаживала всегда в посиделки. Муж ее любит, а она его столько любит, что на десятом месяце после венчанья родила ему сынка. Всякой вечер она выходит за ворота его пестовать. Она на него не наглядится. Кажется, и паренек-то уж матушку свою любит. Как она ему скажет: агу! агу! он и засмеется. А мне это до слез всякой день; мне бы уж и самой хотелось иметь такого же паренька. — Я не мог тут вытерпеть и, обняв Анюту, поцеловал ее от всего сердца. — Ах, барин, смотри же, какой ты обманщик, ты уж играешь со мною; поди, сударь, прочь от меня и оставь бедную сироту, — сказав сие, Анюта заплакала. — Кабы батюшка жив был и это видел, то даром, что ты господин, нагрел бы тебе шею. — Не оскорбляйся, моя любезная Аннушка, поцелуй мой не осквернит твоей непорочности. Она в глазах моих священна. Поцелуй мой есть знак моего к тебе почтения и был исторгнут восхищением глубоко тронутой души. Не бойся меня, милая Анюта, не подобен я хищному зверю, как многие наши молодые господчики, которые отъятие непорочности ни во что вменяют. Если бы я знал, что поцелуй мой оскорбит тебя, то клянусь тебе богом, что бы того не сделал. — Рассуди сам, барин, как не осердиться за поцелуй, когда

все они уж посулены другому. Они заранее все уж отданы, и я в них не властна. — Ты меня восхищаешь! Ты уже любить умеешь? Ты нашла сердцу своему другое, ему соответствующее? Ты будешь блаженна. Ничто не развратит союза вашего. Не будешь ты окружена соглядателями, в сети пагубы уловить тебя стрегущими. Не будет слух сердечного друга твоего уязвлен прельщающим гласом, на нарушение к тебе его верности призывающим. Но почему же, любезная моя Анюта, лишена ты удовольствия наслаждаться счастьем в объятиях твоего милого друга? — Ах, барин, для того, что его не отдают к нам в дом. Просят сто рублей. А матушка меня не отдает; я у ней одна работница. — Да любит ли он тебя? — Как же не так. Он приходит по вечерам к нашему дому, и мы вместе смотрим на паренька нашей соседки. . . Ему хочется такого же паренька. Грустно мне будет; но быть терпеть. Ванюха мой хочет идти на барках в Питер в работу и не воротится, покуда не выработает ста рублей для своего выкупа. — Не пускай его, любезная Анютушка, не пускай его; он идет на свою гибель. Там научится он пьянствовать, мотать, лакомиться, не любить пашню, а больше всего он и тебя любить перестанет. — Ах, барин, не страшай меня, — сказала Анюта, почти заплакав. — А тем еще скорее, Анютушка, если ему случится служить в дворянском доме. Господской пример заражает верхних слугителей, нижние перенимают у верхних, а от них язва разврата достигает и до деревень. Пример есть истинная чума; кто что видит, тот то и делает. — Да как же быть? Так мне и век не бывать за ним замужем? Ему пора уже жениться; по чужим он не гуляет; меня не отдают к нему в дом; да я и сама лучше не пойду, чем матушку оставить без работницы; а как за него высватают другую, так я, бедная, умру с горя. . . — Сие говорила она, проливая горькие слезы. — Нет, моя любезная Анюта, ты завтра же будешь за ним. Поведи меня к своей матери. — Да вот и наш двор, — сказала она, остановясь. — Проходи мимо; матушка меня увидит и худое подумает. А хотя она меня и не бьет, но одно ее слово мне тяжелее всяких побоев. — Нет, моя Анюта, я пойду с тобою. . . — и, не дожидаясь ее ответа, вошел в ворота и прямо пошел на лестницу в избу. Анюта мне кричала вслед: — Постой, барин, постой! — но я ей не внимал. В избе я нашел Анютину мать, которая месила квашню; подле нее на лавке сидел будущий ее зять. Я без дальних околичностей сказал ей, что я желаю, [чтобы] ее дочь была замужем за Иваном, и для того принес ей то, что нужно для отвлечения препятствия в сем деле. — Спасибо, барин, — сказала старуха, — в этом теперь уж нет надобности. Ванюха, теперь придет, сказывал, что отец уж отпускает его ко мне в дом. И у нас в воскресенье будет свадьба. — Пускай же посуленное от меня будет Анюте в приданое. — И на том спасибо. Бояре девкам приданого даром не дают. Если ты над моей Анютой что сделал и за то даешь ей приданое, то бог тебя накажет за твое беспутство; а денег я не возьму. Если же ты доброй человек и не ругаешься над бедными, то, взяв я от тебя деньги, лихие люди мало ли что подумают? — Я не мог надивиться, нашед толико благородства в образе мыслей у сельских жителей. Анюта между тем вошла в избу и расхвалила меня. Я было еще попытался дать им денег, отдавая их Ивану на заведение дому; но он мне сказал: — У меня, барин, есть две руки, я ими и заведу дом. — При-

метив, что мое присутствие было не очень им приятно, я их оставил и возвратился к моей кибитке.

Во все время дороги, как я ехал из Едрова, Анюта не выходила из мыслей моих. Невинная ее откровенность мне нравилась безмерно. Благородной поступок ее матери пленил меня. Сию почтенную мать, с засученными рукавами, за квашнею или с подойником подле коровы, я сравнивал с городскими матерями. Крестьянка не хотела у меня взять непорочных, благоумышленных ста рублей, которые в соразмерности состояния должны быть для полковницы, советницы, майорши, генеральши пять, десять, пятнадцать тысяч и более; если же госпоже полковнице, советнице, майорше или генеральше, — в соразмерности моего посула едровской ямщичке, — которой дочка лицом недурна или только что непорочна, и того уже довольно, знатной боярин семидесятой или семьдесят второй пробы, чего боже сохрани, [посулит] пять, десять, пятнадцать тысяч рублей или глухо знатное приданое, или сыщут чиновного жениха, или выпросит в [почетные] девицы за минутное услаждение; то я вас вопрошаю, городские матушки, не ёкнет ли у вас сердечко? не захочется ли видеть свою дочку в позлащенной карете, в бриллиантах, едущую четвернею или же и шестернею, если она ходит пешком или таскают ее две заморенные клячи. Я согласен в том с вами, чтобы вы обряд и благочиние сохранили и так бы легко на требуемое [не] сдалися, как театральные девки. Нет, мои голубушки, я вам даю сроку на месяц или на два, но не более. А если заставите вздыхать долее первостатейного бесплодно, то он, будучи занят делами государственными, вас оставит, дабы не терять с вами драгоценнейшего времени, которое он употребит, может быть, лучше на пользу общественную или свою собственную, инде где — и вы принуждены будете лишиться всех предлагаемых и предстоящих выгод, на счет добродетели вашей дочки. — Желаю душевно, чтоб многие из вас подражали едровской ямщичке, и даже за одно подозрение о чести и непорочности, не покушались бы на злато всего мира. — Но я слышу, кажется, что тысячи голосов на меня поднимаются; ругают за мою правду меня всякими мерзкими названиями: мошенник, плут, каналья, бестия, злоязычник, клеветник, дерзкой и прочее. — Голубушки мои, успокойтесь; я вашей чести не поношу. Неужели вы, в самом деле, все таковы? Посмотритесь в сие зеркало: кто из вас в нем себя узнает, то брани меня без всякого милосердия. Жалобницы и на ту я не подам, суда по форме говорить с ней не стану.

Анюта, Анюта, ты мне голову вскружила; для чего я тебя не узнал лет с пятнадцать тому назад; твоя откровенная невинность, любострастному дерзновению неприступная, научила бы меня ходить во стезях целомудрия. Для чего первой мой в жизни поцелуй не был тот, которой я прилепил на щеке твоей в душевном восхищении. Отражение твоея жизненности проникнуло бы во глубину моего сердца, и я бы избегнул скарედностей, исполнивших житие мое. Я бы удалился от смрадных наемниц любострастия, почтил бы ложе супружества, не нарушил бы союза родства моею плотскою несытостью; девственность была бы для меня святая святых, и я не дерзнул бы коснуться до нее. О, моя Анютушка! сиди всегда у околицы и давай наставления твоею незастенчивою невинностью. Уверен, что ты обратишь

на путь добродетели того, кто начал с одного совращаться или отвратишь к тому наклонного. Не востревожься, если закоренелый в развратности, поседевший в объятиях бесстыдства пройдет мимо тебя и тебя презрит; не тщися воспретить пути его сладости твоего разговора; сердце его уже камень; душа его покрылася алмазною корою. Не может благодетельное жало невинных добродетели положить на нем глубокия черты. Конец его скользнет по поверхности гладко затверделого порока. Блюди, да не притупится о нее острие твое. Но не пропусти юношу, облеченного опасными прелестями лепоты; улови его в твои сети. Он горд, надменен, порывист, нагл, дерзновенен, обидящ, уязвляющ кажется: но сердце его уступит твоему впечатлению и отвернется на восприятие твоего благотворного примера. — Анюта! я с тобою не могу расстаться, хотя уже вижу двадцатой столб от тебя!

Но что такое за обыкновение, о котором мне Аня сказала? Ее хотели отдать за десятилетнего ребенка? Кто мог дозволить такой союз? Почто не ополчится рука, законы хранящая, на искоренение толикого злоупотребления? В христианском законе брак есть таинство; в гражданском — соглашение или договор. Какой священнослужитель может благословить неравный брак или вписать его в свой дневник? Где нет соразмерности в летах, там и брака быть не может. Сие запрещают правила естественности, яко вещь бесполезную для человека; сие долженствовал бы запрещать и закон гражданский, яко вредное для общества. Муж и жена в обществе суть два гражданина, делающие договор, в законе утвержденной, которым обещаются прежде всего на взаимное чувств услаждение, обещаются жить вместе, общее иметь стяжание, возвращать плоды своея горячности и, живучи мирно, не уязвлять друг друга. При неравенстве лет можно ли сохранить условие сего соглашения? Если муж десяти лет, а жена двадцати пяти, как то бывает часто в крестьянстве; или если муж пятидесяти, а жена пятнадцати или двадцати лет, как то бывает в дворянстве, — может ли быть взаимное чувств услаждение? Скажите вы мне, мужья старички, но скажите по совести, стоите ли вы названия мужа? Вы можете только возжечь огонь любви, сопровождаемый природою, но не в состоянии утушить его: вы и сами погасли. Неравенством лет нарушается единый из законов природы; то может ли положительный закон быть тверд, если не имеет основания в естественности? — Скажем яснее: он не существует. — Возвращать плоды взаимныя горячности? — Но может ли тут быть взаимность, где с одной стороны пламя, а с другой нечувствительность? Может ли быть тут плод, если насажденное дерево лишается благодетельного дождя и питающия росы? А если плод когда и будет, [будет] он тощ, невзрачен и скорому тлению подвержен. — Не уязвлять друг друга? — Вот правило предвечное, верное, буде счастливою в супругах симпатиею равномерно чувства их услаждаются, то союз брачный будет благополучен; малые домашние волнения скоро утихают при нашествии веселия. И когда хлад старости подернет чувственное веселие непроницаемою корою, то напоминение прежних утех успокоит брюзгливую дряхлость лет. — Одно условие брачного договора может и в неравенстве быть исполняемо: жить вместе. — Но будет ли в том взаимность? Один будет начальник самовластный, имея

в руках силу, другой будет слабый подданный, раб совершенный, исполняющий веления [своего] главы. — Вот, Анюта, благие мысли, тобою мне внушенные. Прости, любезная моя Анютушка, поучения твои будут вечно в сердце моем впечатленны, и сыны сынов моих наследят в них.

Хотилковский ям был уже в виду, а я еще размышлял о едровской девке и в восторге души моей воскликнул: «О Анюта, Анюта!» Дорога была негладка, лошади шли шагом; повозчик мой вслушался в мою речь, и, оглянувшись на меня, говорил мне, улыбаясь и поправляя свою шляпу: — Видно, барин, что ты на Анютку-то нашу призарился? Да уж и девка! Не одному тебе она нос утерла. Всем взяла. На нашем яму много смазливых, но перед ней все плюнь. Какая мастерица плясать! всех за пояс заткнет. А как пойдет в поле жать — загляденье. — Ну, брат Ванька, счастлив! — Иван брат тебе? — Брат двоюродной. Да ведь и парень! Трое вдруг молодцов стали свататься около Анютки: но Иван всех отбоярил. Они и тем и сем, но не тут-то было. А Ванюха тотчас и подцепил. (Мы въезжали уже в околицу.) — То-то, барин! всяк пляшет, да не как скоморох. — И к почтовому двору подъехал.

Всяк пляшет, да не как скоморох, — твердил я, вылезая из кибитки. — Всяк пляшет, да не как скоморох, — повторил я, наклоняясь и, подняв, развертывая - - -

ХОТИЛОВО

Проект в будущем

Время, доведя постепенно любезное отечество наше до цветущего состояния, в котором оно ныне находится; видя науки, художества и рукоделия, возведенные до высочайшей степени совершенства, до коего человеку достигнуть позволяется; видя в областях наших, что разум человеческий, вольно распространяя свое [крылие], беспрепятственно и незаблужденно возносится везде к величию и надежным ныне стал стражею общественных законоположений, — под державным его покровом свободно и сердце его в молитвах, ко всевышнему творцу воссылаемых. С неизреченным радованием сказать можно, что отечество наше есть приятное божеству обиталище; ибо сложение его не на предрассудках и суевериях основано, но на внутреннем нашем чувствовании щедрот отца всех. Неизвестны нам вражды, столь часто людей разделявшие за их исповедания, неизвестно нам в оном принуждение. Родившись среди свободы сей, мы истинно братьями друг друга почитаем, единому принадлежа семейству, единого имея отца — бога.

Светильник науки, носяся над законоположением нашим, отличает ныне его от многих земных законоположений. Равновесие во властях, равенство в имуществах отъемлют корень даже гражданских несогласий. Умеренность в наказаниях, заставляя почитать закон верховных власти яко веления нежных родителей к своим чадам, предупреждает даже и бесхитростные злодеяния. Ясность в положениях о приобретении и со-

хранении именей не позволяет возродиться семейным распрям. Межа, отделяющая гражданина в его владении от другого, глубока, и всеми зрима и всеми свято почитаема. Оскорбления частные между нами редки и дружелюбно примиряются. Воспитание народное пеклося о том, да будем кротки, да будем граждане миролюбивые, но прежде всего да будем человеки.

Наслаждаяся внутреннею тишиною, внешних врагов не имея; доведя общество до высшего блаженства гражданского сожития, неужели толико чужды будем ощущению человечества, чужды движениям жалости, чужды нежности благородных сердец и любви чужды братния, оставим в глазах наших на всегдашнюю нам укоризну, на поношение дальнейшего потомства целую треть общников наших, сограждан нам равных, братий, в естестве возлюбленных, в тяжких узах рабства и неволи? Зверской обычай поработать подобного себе человека, возродившийся в знойных полосах Азии, обычай, диким народам приличный; обычай, знаменующий сердце окаменелое и души отсутствие совершенное, простерся быстро течно на лице земли, широко и далеко. И мы, сыны славы, мы, именем и делами словуты в коленах земнородных, пораженные невежества мраком, восприяли обычай сей; и ко стыду нашему, [ко стыду прошедших веков], ко стыду сего разумного времяточия сохранили его нерушимо даже и до сего дня.

Известно вам из деяний отцов ваших, известно из наших летописей, что мудрые правители нашего народа, подвизаемы истинным человеколюбием, дознав естественную связь общественного союза, старались положить предел сему стоглавному злу. Но державные их подвиги утешились известным тогда гордыми своими преимуществами в государстве нашем чиновосостоянием, но ныне обветшалым и в презрение впадшим, дворянством наследственным. Державные предки наши среди могущества сил скипетра своего немощны были на разрушение оков гражданской неволи. Не токмо они не могли исполнить своих благих намерений, но ухищрением помянутого в государстве чиновосостояния подвигнуты стали на противные рассудку их и сердцу правила. Отцы наши зрели губителей сих, со слезами, может быть, сердечными, сожимающих узы и отягчающих оковы наиболее полезных в обществе сочленов. Земледельцы и поднесь между нами рабы; мы в них не познаем сограждан нам равных, забыли в них человека. О возлюбленные наши сограждане! о истинные сыны отечества! Воззрите окрест вас и познайте ваше заблуждение. Служители божества предвечного, подвизаемые ко благу общества и ко блаженству человека, единомыслием с нами изъясняли вам в поучениях своих во имя всещедрого бога, ими проповедуемого, колико мудрости его и любви противно властвовать над ближним своим самопроизвольно. Старались они доводами, в природе нашей и сердце почерпнутыми, доказать вам жестокость вашу, неправду и грех. Еще глас их торжественно во храмах живого бога вопиет громко: опомнитесь, заблудшие, смягчитесь, жесткосердые; разрушьте оковы братии вашей, отверзите темницу неволи и дайте подобным вам вкусить сладость общежития, к коему всещедрым уготованы так же, как и вы. Они наслаждаются равно с вами бла-

годетельными лучами солнца, одинаковые у них с вами члены, чувства, и право употребления оных должно быть одинаково.

Но если служители божества представили взору вашему неправоту порабощения в отношении человека, за долг наш вменяем мы показать вам вред оной в обществе и неправильность оного в отношении гражданина. Излишним, казалось бы, при возникшем столь уже давно духе любознательности изыскивать или поновлять доводы о существенном человеках, а потому и граждан, равенстве. Возросшему под покровом свободы, исполненному чувствами благородства, а не предрассуждениями доказательства о первенственном равенстве суть движения его сердца обыкновенные. И вот несчастье смертного на земли: заблуждать среди света и не видеть того, что прямо предстоит взорам его.

В училищах, где мужала юность ваша, преподали вам основания права естественного и права гражданского. Право естественное показало вам человека, мысленно вне общества, принявших одинаковое от природы сложение и потому имеющих одинаковые права, следовательно, равных во всем между собою и единые другим не подвластных. Право гражданское показало вам человека, променявших беспредельную свободу на мирное оных употребление. Но если все они положили свободе своей предел и правило деяниям своим, то все равны от чрева материя в природной свободе, равны должны быть и в ограничении оной. Следовательно, и тут один другому не подвластен. Властитель первый в обществе есть закон, ибо он для всех один. Но какое было побуждение вступать в общество и полагать произвольные пределы деяниям? Рассудок скажет: собственное благо; [сердце скажет: собственное благо]; нерастленный гражданский закон скажет: собственное благо. — Мы живем в обществе, уже многие степени усовершенствования протекшем, и потому запомнили мы начальное оного положение. Но воззрите на все новые народы и на все общества естества, если так сказать можно. Во-первых, порабощение есть преступление; во-вторых, един злодей или неприятель испытует тяготу неволи. Соблюдая сии понятия, познаем мы, колико удалились от цели общественной, колико отстоим еще далеко от вершины блаженства общественного. Все сказанное нами есть вам обычно, и правила таковые иссосали вы со млеком матерним. Один предрассудок мгновения, единая корысть (да не уязвитесь нашими изречениями), единая корысть отъесть у нас взор и в темноте уподобляет нас беснующим.

Но кто между нами носит оковы, кто ощущает тяготу неволи? Земледелец! кормилец наша [тощеты], насытител наш глады; тот, кто дает нам здравие, кто продолжает житие наше, не имея права распоряжаться [ни] тем, что обрабатывает, ни тем, что производит. Кто же к ниве ближайшее имеет право, буде не делатель ее? Представим себе мысленно мужей, пришедших в пустыню для сооружения общества. Помышляя о прокормлении своем, они делят равно поросшую лаком землю. Кто жребий на уделе получает? Не тот ли, кто может ее вспахать; не тот ли, кто имеет к тому достаточные силы и желание? Младенцу или старцу расслабленному, немощному и нерадивому удел будет бесполезен. Она пребудет в заустении, и ветр не взвеет на ней тучных класов. Если она беспо-

лезна делателю ее, то бесполезна и обществу; ибо избытка своего делатель обществу не отдаст, не имея сам нужного. Следственно, в начале общества тот, кто может обработать ниву, имел на владение ею право, и обрабатывающий ее пользуется ею исключительно. Но колико удалилися мы от первоначального общественного положения относительно владения. У нас тот, кто имеет к оному естественное право, не токмо от того исключен совершенно, но, работая ниву чуждую, зрит пропитание свое зависящее от власти другого! Просвещенным вашим разумам не могут быть истины сии непонятны; но деяния ваши в исполнении сих истин преминаемы, сказали уже мы, предрассуждением и корыстию. Неужели сердца ваши, любовью человечества полные, предпочтут корысть чувствованиям, сердце услаждающим? Но какая в том корысть ваша? Может ли государство, где две трети граждан лишены гражданского звания и частью в законе, и в том и в другом мертвы, назваться блаженным? Можно ли назвать блаженным гражданское положение крестьянина в России? Один ненасытец крови скажет, что он блажен, ибо не имеет понятия о лучшем состоянии.

Мы постараемся теперь опровергнуть сии зверские властителей правила так, как их опровергали некогда предшественники наши деяниями своими неуспешно.

Блаженство гражданина в различных видах представиться может. Блаженно государство, говорят, если в нем царствуют тишина и устройство. — Блаженно кажется, когда нивы в нем не пустеют и в городах гордые воздымаются здания. Блаженно называют его, когда далеко простирает власть оружия своего и властвует оно вне себя не токмо силою своею, [но] и словом своим над мнениями других. Но все сии блаженства можно назвать внешними, мгновенными, преходящими, частными и мысленными.

Возврим на предлежащую взорам нашим долину. Что видим мы? Пространный воинский стан. Царствует в нем тишина повсюду. Все ратники стоят в своем месте. Наивеличайшее устройство зрится в рядах их. Единое веление, единое руки мановение начальника движет весь стан и движет его стройно. Но можем [ли] назвать воинов блаженными? Превращенные точноию воинского повиновения в куклы, отъемятся даже у них воля движения, толико живым веществам свойственная. Они знают только веление начальника, мыслят, что он хочет, и стремятся, куда направляет. Толико всеислен жезл над могущественнейшею силою государства. Совокупно возможно все; но разделенно и по одиночке пасутся так, как скоты, и так, как пастырь пожелает. — Устройство на счет свободы столь же противно блаженству нашему, как и самые узы. — Сто невольников, пригвожденных к скамьям галеры, веслами двигаемой в пути своем, живут в тишине и устройстве; но загляни в их сердце и душу: терзание, скорбь, отчаяние. Нередко желали бы они променять жизнь на кончину; но и ту им оспаривают. Конец страдания их есть блаженство; а блаженство неволе не сродно, а потому они живы. Итак, да не ослепимся внешним спокойствием государства и его устройством и для сих только причин да не почтем оное блаженным. Смотри всегда на сердца сограждан. Если

в них найдешь спокойствие и мир, тогда можешь сказать: воистину они блаженны.

Европейцы, опустошив Америку, угучнив нивы ее кровию природных ее жителей, положили конец убийствам своим новою корыстию. Загустелые нивы сего обновленного сильными природы потрясениями полукружия почувствовали соху, недра их раздирающую. Злак, на тучных лугах выроставший и иссыхавший бесплодно, почувствовал былые свое остром косы подсекаемо. Валяются на горах гордые деревья, издревле вершины их осенявшие. Леса бесплодные и горькие дебри претворяются в плодоносные нивы и покрываются стовидными произрастениями, единой Америке свойственными или удачно в оную переселенными. Тучные луга потаптываются многочисленными скотами, на яству и работу человека определяемыми. Везде видна строящая рука делателя, везде кажется вид благосостояния и внешний знак устройства. Но кто же столь мощною рукою нудит скупую, ленивую природу давать плоды свои в толиком изобилии? Заклав индейцев одновременно, злобствующие европейцы, проповедники миролюбия во имя бога истинного, учителя кротости и человеколюбия, к корени яростного убийства завоевателей прививают хладнокровное убийство порабощения приобретением невольников куплею. Сии-то несчастные жертвы знойных берегов Нигера и Сенегала, отринутые своих домов и семейств и рассеянные в неведомые им страны, под тяжким жезлом благоустройства вздирают обильные нивы Америки, трудов их гнушающейся. И мы страну опустошенную назовем блаженною для того, что поля ее не поросли тернием и нивы ее обилуют произрастениями златовидными. Назовем блаженною страну, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и хлада укрова? — О, дабы опустеть паки обильным сим странам! дабы терние и волчец, простирая корень свой далеко, истребил все драгоценные Америки произведения! Вострепечите, о возлюбленные мои, да не скажут о вас: «Перемени имя, повесть о тебе вещает!».

Мы дивимся еще и ныне огромности египетских зданий. Неуподобительные пирамиды чрез долгое время доказывать будут смелое в созидании египтян зодчество. Но для чего сии столь нелепые кучи камней были уготованы? На погребение надменных фараонов!

Кичливые сии властители, жадая бессмертия, и по кончине хотели отличаться своею внешностию от народа своего. Итак, огромность зданий, бесполезных обществу, суть явные доказательства его порабощения. В остатках погибших градов, где некогда общее блаженство водворялось, обрящем развалины училищ, больниц, гостиниц, водоводов, позорищ и тому подобных зданий. В городах же, где известнее было Я, а не МЫ, находим остатки великолепных чертогов, пространных конюшен, жилища зверей. Сравните то и другое; выбор наш не будет затруднителен.

Но что обретаем в самой славе завоеваний? — Звук, гремление, надутлость и истощение. Я применю такую славу к шарам, изобретенным в XVIII-м столетии. Из шелковой ткани сложенные, они наполняются мгновенно горячим воздухом и взлетают с быстротою звука до выпрени-

них пределов эфира. Но то, что составляло их силу, беспрестанно истощается малейшими скважинами, и тяжесть, вращавшаяся под небесами, приемлет естественный свой путь и падает долу. И то, что целые месяцы или годы с трудом и иждивением сооружалось, едва несколько часов велит взоры зрителей.

Но вопросы, чего жаждет завоеватель; чего он ищет, опустошая страны населенные или покоряя пустыни своей державе? — Ответ получим мы от яростнейшего их всех, от Александра, Великим названного; но велик поистине не в делах своих, не в силах душевных — но в разорениях. «О афиняне! — вещал он, — колико мне стоит хвалиму быть вами!» Несмысленный! воззри на шествие твое; крутой вихрь твоего полета, преносся чрез твою область, затаскивает в вертение свое и жителей ее; и, влача силу государства в своем стремлении, оставляет за собою пустыню и мертвое пространство. Не рассуждаешь ты, о ярый ветер, что, опустошая землю свою победою, в завоеванной не найдешь ничего, тебя услаждающего. Если приобрел пустыню, то она соделается могилою для твоих сограждан, в коей они сокрываться будут; населяя новую пустыню, превратишь страну обильную в бесплодную. Какая же прибыль, что из пустыни соделал селидбы, если другие населения тем сделал пустыни? Если же приобрел населенную страну, то исчисли убийства твои и ужаснися. Ты долженствуешь все сердца искоренить, тебя в громоносности твоей возненавидевшие; не мни, что можно любить того, кого боятся. По истреблении мужественных граждан останутся и будут подвластны тебе робкие души, иго рабства воспринять готовые; но и в них ненависть к подавляющей твоей победе укоренится глубоко. Плод твоего завоевания будет — не лъсти себе — убийство и ненависть. Мучитель пребудет на памяти потомков; он будет казниться в душе своей, ведая, что мерзят им новые рабы его и желают его кончины.

Но, нисходя к ближайшим о состоянии земледельцев понятиям, колико вредным находим мы его для общества. Вредно оно в размножении произрастений и народа; вредно примером своим и опасно в беспокойствии своем. Человек, в начинаниях своих движимый корыстию, предпринимлет то, что может ему служить на пользу, ближайшую или дальнюю, и удаляется того, в чем он не обретает пользы, ближайшей или дальневидной. Следуя сему естественному побуждению, все начинаемое для себя, все, что делаем без принуждения, делаем с прилежанием, рачением, хорошо. Напротив того, все то, на что несвободно подвизаемся, все то, что не для своей совершаем пользы, делаем оплошно, лениво, криво и косо. Таковых мы находим земледельцев в государстве нашем. Нива у них чуждая, плод ее не принадлежит им. И для того обрабатывают ее лениво и не радеют о том, не запустеет ли среди делания. Сравни сию ниву с данною надменным владельцем на тощее прокормление делателю. Не жалеет сей о трудах своих, ее ради предпринимаемых. Ничто не отвлекает его от делания. Жестокость времени он одолевает бодрственно; часы, на упокоение определенные, проводит он в трудах; во дни, на веселие определенные, оного чуждается. Все сие служит доказательством, что рачит о себе, работает для себя, делает про себя. И так нива его даст ему плод сугубый;

и так все плоды трудов земледельцев мертвеют или паче не возрождаются: они же родились бы и были живы на насыщение граждан, если бы делание нив было рачительно, если бы . . . было свободно.

Но если принужденная работа дает меньше плода, то не достигающие своей цели земные произведения толико же препятствуют размножению народа. Где есть нечего, там хотя бы и было кому есть, не будет: умрут от истощения. Тако нива рабства, давая неполный плод, мертвит граждан, коим определено было природою все избытки ее. Но сим ли одним препятствуется в рабстве многоплодие? К недостатку прокормления и одежды присовокупили работу до изнеможения. Умножь оскорбления надменности и уязвления силы, даже в любезнейших человека чувствованиях; тогда с ужасом увидишь возникшее губительство неволи, которое тем только различествует от побед и завоеваний, что не дает тому родиться, что посекает победа. Но от нее вреда больше. Всяк легко усмотрит, что одна опустошает случайно, мгновенно; другая губит долговременно, всегда; одна, когда пройдет полет ее, скончивает свое свирепство; другая там только начнется, где сия кончится, и прмениться не может, разве опасным всегда потрясением всея внутренности.

Но нет ничего вреднее, как всегдашнее на рабство воззрение. С одной стороны родится надменность, а с другой робость. Тут никакой не можно быть связи, разве насилие.

Но поборники неволи, власть и острое в руках имеющие, сами ключимые во узах, наияростнейшие бывають оной проповедники. Кажется, что дух свободы толико в рабах иссякает, что не токмо не желают скончать своего страдания, но даже тягостно им видеть, что другие свободствуют. Оковы свои возлюбляють, если возможно человеку любить свою пагубу. Мне мнится видеть в них змию, совершившую падение первого человека. — Примеры властвования суть заразительны. Мы сами, признаться должно, мы, ополченные палицею мужества и природы на сокрушение стоголавого чудовища, иссосоающего пищу общественную, уготованную на прокормление граждан, мы поползнули, может быть, сами на действия самовластия, и хотя намерения наши были всегда благи и к блаженству целого стремились, но поступок наш державный полезностию своею оправдаться не может. И так ныне молим вас о отпущении нам нашего неумышленного дерзновения.

[Но] ведаете ли, любезные наши сограждане, коликая нам предстоит гибель, в коликой мы вращаемся опасности. Все загрубелые чувства рабов, и благим свободы мановением в движение не приходящие, тем укрепят и усовершенствуют внутреннее чувствование. Поток, загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противостояние. Прорвав оплот единожды, ничто уже в разлитии его противиться ему не возможет. Таковы суть братия наши, во узах содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет, — и се пагуба зверства разливается быстротечно. Мы узрим окрест нас меч и отраву. Смерть и пожигание нам будут посул за нашу суровость и бесчеловечие. И чем медлительнее и упорнее мы были в разрешении их уз, тем стремительнее они будут во мщении своем. Приведите себе на память прежние повествования: даже оболь-

щение колик яростных сотворило рабов на погубление господ своих! Прельщенные грубым самозванцем, текут ему вослед и ничего столько не желают, как освободиться от ига своих властителей; в невежестве своем другого средства не умыслили, как их умерщвление. Не щадили они ни пола, ни возраста. Они искали, можно сказать, более веселия во мщении, нежели пользу сотрясения уз.

Вот что нам предстоит, вот чего нам ожидать должно. Гибель возносится постепенно на высоту, и опасность уже вращается над головами нашими. Уже время, везущи косу, ждет часа удобства, и первой льстец или любитель человечества, возникши на пробуждение несчастных, ускорит мах его. — Блюдитесь!

Но если ужас гибели и опасность потрясения стяжаний подвигнуть может слабого из вас, неужели не будем мы толико мужественны в побеждении наших предрассудков, в попрании нашего корыстолюбия и не освободим братию нашу из оков рабства и не восстановим природное всех равенство? — Ведаю сердец ваших расположение, приятнее им убедиться доводами, в человеческом сердце почерпнутыми, нежели в исчислениях корыстолюбивого благоразумия, а еще менее в опасности. Идите, возлюбленные мои, идите в жилища братии вашей, возвестите о перемене их жребия. Вещайте с ощущением сердечным: подвигнутые на жалость вашею участию, соболезуя о подобных нам, дознав ваше равенство с нами и убежденные общею пользою, пришли мы, да лобзаем братию нашу. Оставили мы гордое различие, нас толико времени от вас отделявшее, забыли мы существовавшее между нами неравенство; восторжествуем ныне о победе нашей, и сей день, в он же сокрушаются оковы сограждан нам любезных, да будет знаменитейший в летописях наших. Забудьте наше прежнее злодейство против вас, и да возлюбим друг друга отныне искренне.

Се будет глагол ваш; се слышится он уже во внутренности сердец ваших. Не медлите, возлюбленные мои. Время летит; дни наши переходят в недействии. Да не скончаем жизни нашея, возымев только мысль благую и не возмогши исполнить ее. Да не воспользуется тем потомство наше, да не пожнет венца нашего и с презрением о нас да не скажет: Они были.

Вот что я прочел в замаранной грязью бумаге, которую поднял я пред почтовую избою, вылезая из кибитки моей.

Вошел в избу, я спрашивал, кто были проезжие незадолго передо мною. — Последний из проезжающих, — говорил мне почталион, — был человек лет пятидесяти; едет по подорожной в Петербург. Он у нас забыл связку бумаг, которую я теперь за ним вслед посылаю. — Я попросил почталиона посмотреть сии бумаги, развернул их, и узнал, что найденная мною к ним же принадлежала. Уговорил я его, чтобы он бумаги сии отдал мне, дав ему за то награждение. Рассматривая их, я узнал, что они принадлежали искреннему моему другу, а потому и приобретение их не считал кражею. Он никогда их от меня не требовал, а оставил мне на волю, что я из них сделать захочу.

Между тем как перепрягали моих лошадей, я любопытствовал о содержании доставшихся мне бумаг. Множество нашел я подобных той, ко-

торуя читал. Везде я обретал расположение человеколюбивого сердца; везде видел гражданина будущих времен. Более всего видно было, что друг мой поражен был несоразмерностью гражданских чиновостояний. Целая связка бумаг и начертаний законоположений относилась к уничтожению жестокого рабства в России. Но друг мой, ведая, что высшая власть недостаточна в силах своих на претворение мнений мгновенно, начертал путь повременным законоположениям к постепенному освобождению земледельцев в России. Я покажу здесь шествие его мыслей. Первое положение относится к разделению сельского рабства и рабства домашнего. Сие последнее уничтожается прежде всего, и запрещается всех поселян и всех, по деревням в ревизии написанных, брать в дома. Буде помещик возьмет в дом свой земледельца для работы или для услуги, то земледелец становится свободен. Дозволить крестьянам вступать в супружество, не требуя на то согласия своего господина; запретить брать выводные деньги. — Второе положение относится к собственности и защите земледельцев. Удел в земле, ими обрабатываемый, должны иметь собственностию; ибо сами платят подушную подать. Приобретенное имение крестьянином ему принадлежать долженствует; никто его да не лишит оно самопроизвольно. Восстановя земледельца во звание гражданина, надлежит ему быть судиму равными, то есть в расправах, в кои выбирать и из помещичьих крестьян. Дозволить крестьянину приобретать недвижимое имение, то есть покупать землю. Дозволить невозбранное приобретение вольности, платя господину за отпускную известную сумму или по обоюдному соглашению. Запретить произвольное наказание без суда. — Исчезни варварское обыкновение, разрушья власть тигров! — вещает наш законодатель. . . За сим следует совершенное уничтожение рабства.

Между многими постановлениями, относящимися к восстановлению по возможности равенства во гражданах, нашел я табель о рангах. Сколь она была нестати нынешним временам и сколь несоразмерна оным, всякой сам вообразить может. — Но теперь дуга коренной лошади уже звенит в колокольчик и зовет меня к отъезду, и для того я за благо положил лучше рассуждать о том, что выгоднее для едущего на почте, чтобы лошади шли рысью или иноходью, или что выгоднее для почтовой клячи, быть скакуном или иноходцем — нежели заниматься тем, что не существует.

ВЫШНИЙ ВОЛОЧОК

Никогда не проезжал я сего нового города, чтобы не посмотреть здешних шлюзов. Первый, которому пришло на мысль уподобиться природе в ее благодеяниях и сделать реку рукодельную, дабы все концы единыя области в вящее привести сообщение, достоин памятника для дальнейшего потомства. Когда нынешние державы от естественных и нравственных причин распадутся, позлащенные нивы их порастут тернием и в развалинах великолепных чертогов гордых их правителей скрываться будут змеи, ужи и жабы, — любопытный путешественник обрящет глаголющие

остатки величия их в торговле. Римляне строили большие дороги, [водоходы], коих прочности и ныне по справедливости удивляются; но о водных сообщениях, каковы есть в Европе, они и понятия не имели. Дороги, какие бывали у римлян, наши не будут никогда; препятствует тому наша долгая зима и сильные морозы, а каналы и без отделки не скоро заровняются.

Немало было увеселительным для меня зрелищем вышневолоцкой канал, наполненный барками, хлебом и другими товарами нагруженными и приготавливающимися к прохождению сквозь шлюзы для дальнейшего плавания до Петербурга. Тут видно было истинное земли изобилие и избытки земледельца; явен был во всем блеске мощный побудитель человеческих деяний — корыстолюбие. Но если при первом взгляде разум мой усладился видом благосостояния, то при раздроблении мыслей увяло мое радование. Ибо вспомню, что в России многие земледельцы не для себя работают; и так изобилие земли во многих краях России доказывает отягченный жребий ее жителей. Удовольствие мое переменилось в равное негодование с тем, какое ощущаю, [ходя] в летнее время по таможенной пристани, взирая на корабли, привозящие к нам избытки Америки и драгие ее произражения, как-то сахар, кофе, краски и другие, не осушившиеся еще от пота, слез и крови тех, кои омывали их при возделывании и обработке.

— Вообрази себе, — говорил мне некогда мой друг, — что кофе, налитой в твоей чашке, и сахар, распушенной в оном, лишили покоя тебе подобного человека, что они были причиною превосходящих его силы трудов, причиною слез, стенаний, казни и поруганий; дерзай, жестокосердый, усладить гортань твою! — Вид прещения, сопутствовавший сему изречению, поколебал меня до внутренности; рука моя задрожала — и кофе пролился.

А вы, о жители Петербурга! питающиеся избытками изобильных краев отечества вашего, при великолепных пиршествах или на дружеском пиру или наедине, когда рука ваша вознесет первой кусок хлеба, определенный на ваше насыщение, остановитесь и помыслите: не то же ли я могу вам сказать, что друг мой говорил мне о произведениях Америки? Не по́том ли, не слезами ли утучнялися нивы, на которых оной возрос? — Блаженны, если кусок хлеба, вами алкаемый, извлечен из класов, родившихся на ниве, казенною называемой, или, по крайней мере, на ниве, оброк своему помещику платящей! — Но горе вам, если раствор его составлен из зерна, лежавшего в житнице дворянской! На нем почил скорбь и отчаяние; на нем знаменовалось проклятие владельца своего и даже самого всевышнего, егда во гневе и изнурении сил своих рек: проклята земля в делах своих, проклят день, в онъ же родился! — Не относится ли сие ко творцу? Блюдитесь, да не отравлены будете вожделенною вами пищею. Горькая слеза нищего тяжко на ней возлагает. Отриньте ее от уст ваших; постигнет, се истинное и полезное может быть пощение.

Повествование о некотором помещике докажет, что человек ради своей корысти забывает подобных себе человек и что за примером жестоко-

сердия не имеем нужды ходить в дальние страны, ни чудес искать за тридевять земель: в нашем царстве они в очью совершаются.

Некто, не нашед в службе, как то по простоначеричю называют, счастья или не желая искать оного в ней, удалился из столицы, приобрел небольшую деревню, например во сто или в двести душ, определил он себя искать прибытка в земледелии. Не сам же он себя определял к сохе, но вознамерился надежнейшим образом всевозможное [сделать] употребление [естественных] сил своих крестьян, прилагая оные к обработыванию земли. Надежнейшим к сему способом почел он [уподобить] своих крестьян орудиям, ни воли, ни побуждения не имеющим; и уподобил их действительно в некотором отношении нынешнего века воинам, устремляющимся на бою грудю, а в единственности ничего не значащим. Для достижения своей цели он отнял у них малой удел пашни и сенных покосов, которые им на необходимое пропитание дают обыкновенно дворяне, как воздаяние за все принужденные работы, которых они от крестьян требуют. Словом, сей дворянин всех своих крестьян, жен их и детей заставил во все дни года работать на себя. А дабы они не умирали с голода, то выдавал им определенное количество хлеба, под именем месячины известное. Те, которые не имели семейств, месячины не получали, а по обыкновению лакедемонян пировали вместе в господском дворе так, как дворяне, употребляя, для соблюдения желудка, в мясоед пустые щи, а в посты хлеб с квасом. Истинные розговины бывали разве на святой неделе.

Таковым урядникам производилася также приличная и соразмерная их состоянию одежда. Обувь для зимы, то есть лапти, делали они сами; онучи получали от господина своего; а летом ходили босы. Следственно, у таких узников не было ни лошади, ни коровы, ни овцы, ни курочки. Дозволение держать их господин у них не отнимал, но способы к тому. Кто был позажиточнее, кто был умереннее в пище, тот держал несколько птиц, которых иногда господин бирал себе, платя им цену по своей воле.

При таком заведении неудивительно, что земледелие в деревне сего помещика было в цветущем положении. Когда у всех был худой урожай, у него родился хлеб сам-четверг; когда у других родился хорошо, у него приходил сам-десять и более. В недолгом времени к двумстам душам он еще купил двести жертв своему корыстолюбию; и, поступая с ними равно, как и с первыми, год от году умножал свое имение, умножая число стеньящих на его нивах. Теперь он считает их тысячами и славится как знаменитый земледелец.

Варвар! Ты не достоин носить имя гражданина. Какая польза государству, что несколько тысяч четвертей в год более родится хлеба, если те, кои его производят, считаются наравне с волом, определенным вздирать тяжкую бразду? Или блаженство граждан в том почитаем, чтобы были полны хлеба житницы твои, а желудки подвластных тебе человек пусты? чтобы один благословлял правительство по единому корыстолюбию и выгодам, а не тысячи? — Богатство сего кровопийца ему не принадлежит. Оно нажито грабежом и заслуживает в законе строгое наказание: и вот случай, где закон и правительство должны действовать к благоустройству целого и спокойствия общественного; где земская полиция и избранные

блюстители прав дворянских должны предостерегать все их злоупотребления, как в хозяйственном, так и домашнем их быту. Они же, взирая на утучненные нивы сего палача, ставят его в пример усовершенствования земледелия. И вы хотите называться мягкосердыми, и вы носите имена попечителей о благе общем? Вместо вашего поощрения к таковому насилию, которое вы почитаете источником государственного богатства, прострите на сего общественного злодея ваше человеколюбивое мщение. Сокрушите орудия его [земледелия], сожгите его риги, овины, житницы и развейте пепл по нивам, на коих совершалось его мучительство, ознаменуйте его яко общественного татя, дабы всяк не только бы его гнушался, но убегал бы его встречи, дабы не заразиться его примером.

ВЫДРОПУСК

Здесь я опять принялся за бумаги моего друга. В руки мне попало начертание положения о уничтожении придворных чинов.

Проект в будущем

Вводя нарушенное в обществе естественное и гражданское равенство постепенно паки, предки наши не последним способом почли к тому умаление прав дворянства. Полезно будучи государству в начале своем личными заслугами своими, оно ослабело в подвигах своих наследственностию, и, сладкий при насаждении его, корень произвел наконец плод горький. На месте мужества водворилися надменность и самолюбие, на месте благородства души и щедроты посеялися раболепие и самонедоверение, истинные скряги на великое; на место истинных заслуг и достоинств явилося пронырство, лицепрятие и купля; а [место] пронипательности, остроты ума и твердости в характере заменили простота, глупость, невежество и малодушие. — Вот плоды наследственности! Где же Долгорукие, где Пожарские, где бывшие преж сего умы, занимавшие в пространстве своем столь знаменитые части государства? Перешли ли все сии добродетели, все сии таланты, в наследственность их фамилий? — Скажи, беспристрастный гражданин, имеешь ли ты в душе своей истинное уважение ко всем любимцам счастья, окружающим престол царя и властелина твоего? Воззри на самого его, и ты увидишь, что сие замечание может утвердительно относиться и на их наследственность. Пробеги историю своего отечества, и ты увидишь там достойных людей повелевать судьбою человеков, достойных державства; но найдешь и на престоле множество свирепства, убийства, глупости, ханжества, сладострастия и пронырства, на коем иногда и самая слава державствования основывалась. — Но кто знает грядущее; кто может ручаться за безопасность своего состояния и самой жизни? Не может ли цветущее состояние нашего любезного отечества претвориться в пустыню или еще мрачнейшую темницу, в которой мы теперь яко узники пресмыкаемся? — Жительствуя среди

столь тесных душ и подвигаемые на малости ласкательством наследственных достоинств и заслуг, многие государи возмнили, что они боги и вся, его же коснуться, блаженно и пресветло сотворят. Так и быть долженствует в деяннях наших, но только на пользу общую. В такой дремоте величия власти возмечтали цари, что рабы их и прислужники, ежечасно предстоя взорам их, заимствуют их светозарность; что блеск царский, преломляясь, так сказать, в сих новых ответках, многочисленное является и с сильнейшим отражением. На таком блуждении мысли воздвигли цари придворных истуканов, кои повинуются свистку или трещотке, подобно как на театре. Пройдем степени придворных чинов и с улыбкою сожаления отвратим взоры наши от кичащихся служением своим; но возрыдаем, что не собственной их выбор, но единственно власть призывает их к оному. Дворецкий, конюший, даже конюх и кучер, повар, птицелов с подчиненными ему охотниками, камердинер и все горничные прислужники пользуются правом отличия в моем доме, наравне с полезнейшими членами отечества и так же награждаются, так же пресыщаются, как и истинные заслуги, к пользе общественной относящиеся. Какая вам польза в том, что в доме моем господствует чистота и опрятность? Сытее ли вы накормитесь, буде кушанье мое лучше приготовлено и в сосудах моих льется вино изо всех концов вселенныя? Укроется ли в шествии вашем от неприязненности погоды, буде колесница моя позлащена и кони от избытка тучны? Лучший ли даст вам нива плод, луга ваши больше ли позеленеют, буде потопчутся на ловитве зверей в мое увеселение? Вы улыбнетесь с чувствованием жалости. Но нередкой в справедливом негодовании своем скажет нам: тот, кто рачит о устройстве чертогов твоих, тот, кто их нагревает, тот, кто огненную пряность полуденных растений сочетает с холодной вязкостью северных туков для услаждения расслабленного твоего желудка и оцепенелого вкуса; тот, кто воспеняет в сосуде твоём сладкий сок африканского винограда; тот, кто умащает окружие твоей колесницы, кормит и напоет коней твоих; тот, кто во имя твое ведет кровавую битву со зверями дубравными и птицами небесными, — все сии тунейдцы, все сии лелеятели и многие другие твоя надменности чины высатся надо мною, над источившим потоки крови на ратном поле, защищая моею грудью твою грудь и твои чертоги; [над провождающим дни веселий, юности и утех] во сбережении малейшия полушки, да облегчится тем общее бремя налогов; над не рачившим о имении своем, трудяся денно-нощю в снискании средств к достижению блаженств общественных; над попирающим родство, приязнь, союз сердца и крови, вещая на суде правду во имя твое, да возлюблен будеши. Власы белеют в подвигах наших, силы истощаются в подъемлемых нами подвигах, и при воскраии гроба едва возможем удостоиться твоего благоволения; а сии упитанные тельцы соссами нежности и пороков, сии незаконные сыны отечества наследят в стяжании нашем.

Таким образом по справедливости возглаголют и многие имеют причину говорить. Что дадим мы, владыки сил, в ответ? Прикроем бесчувствием уничтожение наше, и видится воспаленная ярость в очах наших [на] тако вещающих. Таковы же бывають нередко ответы наши вещаниям

истины. Но не дивитесь сему, когда наилучший между нами то же делает; он живет с ласкателями, беседует с ласкателями, со всех сторон окружен лестию. Тако лесть и ласкательство соделают его глуха, слепа и неосязательна.

Но да не падет на нас таковая укоризна. Со младенчества нашего возненавидев ласкательства, мы соблюли сердце наше от ядовитой его сладости, даже до сего дня; и ныне новый опыт в любви нашей и преданности да будет явен. — Мы уничтожаем ныне сравнение царедворского служения с военным и гражданским. Истребися на памяти обыкновение, во стыд наш толико лет существовавшее!

Истинные заслуги и достоинства, рачение о пользе общей да получают награды в трудах и едины да отличаются.

Сложив с сердца нашего столь несносное бремя, долговременно нас теснившее, мы явим вам наши побуждения в уничтожение столь оскорбительных для заслуги и достоинства чинов. — Вещают нам, и предки наши тех же были мыслей, что царский престол, коего сила во мнении граждан коренится, долженствует отльчествовать внешним блеском, дабы мнение о его величестве и могуществе было всегда цело и соразмерно наружности. Откуда же почерпнута сия пышная наружность властителя народов? От стада рабов, их окружающих. — Всяк должен согласиться, что тесные умы и малые души могут поражаться сею внешностию; но чем народ просвещеннее, то есть чем более особенников в просвещении, тем менее внешность действовать может. — Нума мог еще грубых римлян уверить, что нимфа Эгерия наставляла его в его законоположениях. Слабые перуанцы охотно верили Манко Канаку, что он сын солнца и что закон его с небеси истекает. Магомет мог прельстить скитающихся аравлян своими бреднями. Все они употребляли внешность, даже Моисей, приняв скрыжали заповедей на горе Синайской, не отрекся от блеску молнии, его окружающей. — Но ныне, буде кто прельстить восхоцет, то не блистательная внешность нужна ему, но внешность доводов, если так сказать можно, но внешность убеждений. — Кто бы восхотел ныне утвердить послание свое свыше, тот употребит более наружность полезности — и тою все тронутся. Мы же, устремляя силы свои на пользу [всех и] каждого, почто нам блеск внешности? Не полезностию ли наших постановлений, ко благу государства текущею, блистает лице наше? Всяк, взирающий на нас, узрит наше благомыслие, узрит в подвиге нашем свою пользу и того ради нам поклонится, не яко во ужасе шествующему, но во благодати сидящему. Если бы древние персы управлялися всегда щедротою, то бы не возмечтали быть Ариману, или началу зла. Но если пышная внешность нам бесполезна, колико могут быть вредны в государстве ее оберегатели. Единственною должностию во служении своем имея угождение нам, колико изыскательны они будут во всем том, что нравиться может. Желание наше будет предупреждено; но не токмо желанию не допустят возродиться в нас, но даже и мысли, ибо удовлетворение ей уже готово. Воззрите со ужасом на действие таковых угождений. Наитвердешая душа во правилах своих поколеблется, приклонит ухо ласкательному сладкопению и уснет. И се сладостные чары обыдут разум и сердце. Го-

речь и обида чуждые едва покажутся нам преходящими недугами; скорбеть о них или почтем неприличным, или же противным и воспретим даже жаловаться о них. Язвительнейшие скорби и раны и самая смерть покажутся нам необходимыми действиями течения вещей и, являясь нам позади непрозрачные завесы, едва возмогут ли произвести в нас мгновенное движение, какое производят в нас театральные представления. — Зане стрела болезни и жало зла не от нас самих происходит, но только разливается на нас: так не должно ли сотрясти с себя сию тягость, сие рабство?

Се слабая картина пагубных следствий пышного царей действия. Не блаженны ли мы, если возмогли укрыться от возмущения благонамерений наших? Не блаженны ли, если и заразе примера положили преграду? Но, будучи надежны в благосердии нашем, надежны не во внешней развратности, надежны во умеренности желаний наших, возблагоденствуем снова и будем примером потомству, како власть со свободою сочетать должно на взаимную пользу.

ТОРЖОК

Здесь, на почтовом дворе, встречен я был человеком, отправляющимся в Петербург на снисkanie прошения. Сие состояло в снискании дозволения завести в сем городе свободное книгопечатание. Я говорил ему, что на сие дозволение не нужно, ибо свобода на то дана всем. Но он хотел свободы в цензуре; и вот его о том размышления.

Типографии у нас всем иметь дозволено, и время то прошло, в которое боялися поступаться оным частным людям; и для того, что в вольных типографиях ложные могут быть печатаны пропуски, удержались от общего добра и полезного постановления. Теперь свободно иметь всякому орудия печатания, но то, что печатать можно, состоит под опекою. Цензура сделана нянькою рассудка, остроумия, воображения, всего великого и изящного. Но где есть няньки, то следует, что есть ребята, ходят на помочах, от чего нередко бывают кривые ноги; где есть опекуны, следует, что есть малолетные, незрелые разумы, которые собою править не могут. Если же всегда пребудут няньки, опекуны, то ребенок долго ходить будет на помочах и совершенный на возрасте будет калека. Недоросль всегда будет Митрофанушка, без няньки не ступит, без опекуна не может править своим наследием. Таковые бывают везде следствия обыкновенной цензуры, и чем она строже, тем следствия ее пагубнее. Послушаем Гердера.

«Наилучший способ поощрять доброе есть непрепятствие, свобода дозволение в помышлениях. Розыск вреден в царстве науки: он сгущает воздух и запирает дыхание. Книга, проходящая десять цензур прежде, нежели достигнет света, не есть книга, но подделка святой инквизиции; часто изуродованной, сеченной батожьем, с кляпом во рту узник и раб всегда. — В областях истины, в царстве мысли и духа не может никогда земная власть давать решений и не должна; не может того правительство,

еще менее цензор, в клобуке ли или с темляком; в царстве истины он не судия, но ответчик, как и сочинитель. Исправление может совершиться только что просвещением; без головы и мозга не шевельнется ни рука, ни нога. . . Чем государство основательнее в своих правилах, чем стройнее, светлее и тверже оно само в себе, тем менее оно может колебаться и трястися от дуновения каждого мнения, от каждой насмешки разъяренного писателя; тем более благоволит оно в свободе мыслей и в свободе писания, от того, конечно, будет последствие — прибыль истине.

Губители бывают подозрительны, тайные злодеи робки; явный муж, творяй правду и твердый в правилах своих, допустит о себе всякой глагол. Клевета устраивает его пользу, вопреки всех злодеев. Откупы в помышлениях вредны. — Правитель государства да будет беспристрастен во мнениях, дабы мог сам объять мнения всех и оные в государстве своем позволять, просвещать и склонять к общему добру: оттого-то истинно великие государи столь редки».

Правительство, дознав полезность книгопечатания, оное дозволило всем; но, паче еще дознав, что запрещение в мыслях утщетит благое намерение вольности книгопечатания, поручило цензуру, или присмотр за изданиями, управе благочиния. Долг же ее в отношении сего может быть только тот, чтобы воспрещать продажу язвительных сочинений. Но и сия цензура есть лишняя. Один несмысленный урядник благочиния может сделать величайший вред в просвещении и установку в шествии разума; запретит полезное изобретение, новую мысль и всех лишит великого. Пример в малости. В управу благочиния принесен для утверждения перевод романа. Переводчик, следуя автору, говоря о любви, назвал ее: лукавым богом. Мундирный цензор, исполненный духа благоговения, сие выражение почернил, говоря: «Неприлично божество называть лукавым». Кто чего не понимает, тот лучше сделает, если ни во что мешаться не станет. Если хочешь благорастворенного воздуха, удали от себя копильню; если хочешь света, удали затмение; если хочешь, чтобы дитя не было застенчиво, удали лозу из училища. В доме, где плети и батожье в моде, там служители пьяницы, воры или и того еще хуже*.

Пускай печатают все, кому что на ум ни взойдет. Кто найдет себя в печати обиженным, [тому] да дастся суд по форме. — Я говорю не смехом. Слова не всегда суть деяния, размышления же не преступление. Но брань на словах и в печати всегда брань. В законе никого бранить не велено, а всякому свобода есть жаловаться. Но если кто про кого скажет правду, бранью ли то почитать, того в законе не сказано; а закон в своей силе равен государю, ибо есть его душа. Какой вред может быть, если книга в печати без клейма полицейского? Не токмо не может быть вреда, но польза: польза от первого до последнего, от малого до великого, от царя до последнего гражданина.

* Такого же рода цензор не позволял, сказывают, печатать те сочинения, где упоминалось о боге, говоря: Я с ним никакого дела не имею. Если в каком-либо сочинении порочили народные нравы того или другого государства, он недозволенным сие почитал, говоря: Россия имеет трактат дружбы с ним. Если упоминалось где о князе или графе, того также не позволял он печатать, говоря: сие есть личность.

Обыкновенные правила цензуры суть: почернить, марать, не дозволить, драть, жечь, словом, все то, что противно естественной религии и откровению; все то, что противно правлению, устройству и тишине общей. Рассмотрим сие подробно. Если безумец в мечтании своем не токмо в сердце, но громким гласом речет: несть бога! — в устах всех безумных же раздается громкое и поспешное эхо: несть бога! несть бога! — Но что ж из того? Эхо — звук; ударит в воздух, поколеблет его и исчезнет. На разуме редко оставит черту, и то слабую; на сердце же никогда. Бог всегда пребудет бог, ощущаем и неверующим в него. Но если думаешь, что хулением всевышний оскорбится, — урядник ли благочиния может быть за него истец? Всесильный звонящему в трещотку или биющему в набат доверия не даст. Возгнушается метатель грома и молнии, ему же все стихии повинуются, возгнушается колеблющий сердца из-за пределов вселенныя дать мстить за себя и самому царю, мечтающему быти его преемником на земли. — Кто ж может быть судиею в обиде отца предвечного? — Тот его обижает, кто мнит, что может судить о его обиде; тот даст ответ пред ним.

Отступники откровенной религии более доселе делали в России вреда, нежели непризнаватели бытия божия — атеисты. Таковых у нас мало: ибо мало еще думают у нас о метафизике. Атеист заблуждает в метафизике, а раскольник в трех пальцах. Раскольниками называем мы всех россиян, отступающих в чем-либо от учения греческой церкви. Их в России много, и для того служение им дозволяется. Но для чего не дозволять всякому заблуждению быть явному? Явнее оно будет, скорее сокрушится. Гонения делали мучеников; жестокость была подпорою самого христианского закона. Действия расколов суть иногда вредны. Воспрети их. Проповедуются они примером. Уничтожь пример. От печатной книги раскольник не бросится в огонь, но от ухищренного примера. Запрещать дурачество есть то же, что его поощрять. Дай ему волю: всяк увидит, что глупо и что умно. Что запрещено, того и хочется. Мы все Еввины дети.

Но, запрещая вольное книгопечатание, робкие правительства не богохуления боятся, но боятся сами иметь порицателей. Кто в часы безумия не шадит бога, тот в часы памяти и рассудка не пощадит незаконной власти. Не бояся громов всеильного, смеется виселице. Для того-то вольность мыслей правительствам страшна. До внутренности потрясенный вольнодумец прострет дерзкую, но мощную и незыбкую руку к истукану власти, сорвет ее личину и покров и обнажит ее состав. Всякой узрит бранные его ноги, всяк возвратит к себе данную им ему подпору; сила возвратится к источнику, и истукан падет. Но если власть не на тумане мнений восседает, если престол ее на искренности и истинной любви общего блага возник, — не утвердится ли паче, когда основание его будет явно; не возлюбит ли любящий искренно? Взаимность есть чувствование природы, и стремление сие почило в естестве. Прочному и твердому зданию довольно его собственного основания; в опорах и контрфорсах ему нужды нет. Если позыблется оно от ветхости, тогда только побочные тверди ему нужны. — Правительство да будет истинно, вожди его нелицемерны; тогда все плевелы, тогда все излияния возвратят

смердность свою на извергателя их; а истина пребудет всегда светла и бело-видна. Кто возмущает словом (назовем так в удобность власти все твердые размышления, на истине основанные и власти противные), есть такой же безумец, как и глаголющий хулу на бога. Бude власть шествует стезею, ей назначенною, то не возмутится от пустого звука клеветы, равно как господь сил не тревожится хулением. Но горе ей, если в жадности своей ломит правду. Тогда и едина мысль твердости ее тревожит, глагол истины ее сокрушит, деяние мужества ее развеет.

Личность, но язвительная личность, есть обида. Личность в истине столь же позволительна, как и самая истина. Если ослепленный судия судит не в правду и защитник невинности [издаст] во свет его коварный приговор, если он покажет ухищрение его и неправду, то будет сие личность, но дозволенная. Если он назовет судиею наемным, ложным, глупым — есть личность, но оную дозволить можно. Если же называть его станет именованиями смердными и поносить бранными словами, как то на рынках употребительно, то сие личность язвительная и недозволенная. Но не правительства дело вступаться за судью, хотя бы он поносился и в правом деле. Не судья да будет в том истец, но оскорбленное лице. Судья же перед светом и пред поставившим его судьею да оправдится единими делами*. Тако долженствует судить о личности. Она наказания достойна, но в печатании устроит больше пользы, а вреда мало. Когда все будет в порядке, когда решения всегда будут в законе, когда закон будет основан на истине и заклеплется удручение, тогда разве, тогда личность может сделать разврат. Скажем нечто о благонравии и сколько слова ему вредят.

Сочинения любострастные, наполненные похотливыми начертаниями, дышащие развратом, коего все листы и строки стрекательною наготою зияют, вредны для юношей и незрелых чувств. Распламеняя пылкость воображения, тревожа спящие и невинные чувства и возбуждая покоящееся сердце, безвременную наводят возмужалость, обманывая юные чувства в твердости их и заготовляя им дряхлость. Таковые сочинения могут быть вредны; но не они разврату корень. Если, читая их, юноши пристрастятся к крайнему услаждению любовной страсти, то бы не могли произвести того в действие, если б не было кокетства и торгующих своею красотою. В России таковых сочинений в печати еще нет, а на каждой улице в обеих столицах видим раскрашенных любовниц. Действие более развратит, нежели слова, а пример паче всего. Скитающиеся любовницы, отдающие сердца свои с публичного торгова наддателю, заразят тысячи юношей язвою гибельною и в будущее потомство; но книга не прививала

* Г. Дикинсон, имевший участие в бывшей в Америке перемене и тем прославившийся, будучи после в Пенсильвании президентом, не возгнушался сражаться с наступавшими на него. Изданы были против него наижесточайшей хулы листы. Первый градоначальник области нисшел в ристалище, издал в печать свое защитное, оправдался, опроверг доводы своих противников и их устыдил. — Вот пример для последования, как мстить должно, когда кто кого обвиняет пред светом печатным сочинением. Если кто свирепствует против печатных строки, тот заставляет мыслить, что печатное истинно, а мстящий таков, как о нем напечатано.

еще никакой болезни. И так цензура да остановится по справедливости на торговых девах; пусть правительство возьмет их в свою протекцию, и урядник благочиния лучше сделает, когда станет ревизовать каждую подобно, как книгу, до которой ему совсем дела нет.

Заключу сим: цензура печатаемого принадлежит обществу, оно дает сочинителю венец или употребит листы на обертки. Равно как одобрение дает публика театральному сочинению, а не директор театра. Так и выпускаемому в мир сочинению цензор ни славы, ни бесславия дать не может. Завеса поднялась; взоры и слух всех устремились к действию; правится — плещут; не нравится — стучат и свищут. Оставь глупое на волю суждения общего; оно найдет тысячу цензоров. Настрожайшая полиция не сможет так запретить дрянных мыслей, как негодующая на них публика. Один раз прослушают их, потом умрут и не воскреснут веки. Но если мы признали бесполезность цензуры или паче ее вред в царстве науки, то познаем обширную и беспредельную пользу вольности печатания.

Доказательства сему, кажется, не нужны. Если свободно всякому мыслить и мысли свои всем объявлять беспрекословно, то явственно, что все, что будет придумано, изобретено, то будет известно; великое будет велико, истина не затмится. Не дерзнут правители народов удаляться от стези правды и убояться; ибо пути их, злость и ухищрение обнажатся. Вострепещет судия, подписывая неправильный приговор, и скорее его раздерет, нежели подвергнет себя ругательству. Устыдится власть имеющий употреблять ее только на удовлетворение своих прихотей. Военноначальствующий не будет украшать знаками отличия одних своих племянников и пролаз, кои весьма далеко были от шума оружий; но даст их тому, кто прямо грудью и с потерей своего здоровья заслужил оные. Тайный грабеж назовется грабежом, прикрытое убийство — убийством; убоятся все злые строгого взора истины. Спокойствие будет действительное, ибо заквасу в нем не будет. Ныне поверхность только гладка, но ил, на дне лежащий, мутится и тмит прозрачность вод.

Прощаясь со мною, порицатель цензуры дал мне небольшую тетрадку. Если, читатель, ты нескучлив, то читай, что лежит пред тобою. — Если же бы случилось, что ты сам принадлежишь к цензурному комитету, то загни лист — и скажи мимо.

КРАТКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЦЕНЗУРЫ

Если мы скажем и утвердим ясными доводами, что цензура с инквизициею принадлежат к одному корню; что учредители инквизиции изобрели цензуру, то есть рассмотрение приказное до издания книг в свет, то мы хотя ничего не скажем нового, но из мрака протекших времен извлечем, вдобавок многим другим, ясное доказательство, что священнослужители были всегда изобретатели оков, которыми в разные времена отягчали разум человеческой, что они подстригали ему крылья, дабы он не мог обраться полет свой к величию, славе и свободе.

Проходя протекшие времена и столетия, мы везде обретаем терзающие черты власти, везде зрим силу, возникающую на истину, иногда суеверие, ополчающееся на суеверие. Народ афинский, священнослужителями возбужденный, запретил писания [Протагорovy], велел все списки оных собрать и сжечь. Не он ли в безумии своем предал смерти, на неизгладимое вовеки себе поношение, вочеловеченную истину — Сократа? В Риме находим мы больше примеров такого свирепствования. Тит Ливий повествует, что найденные во гробе Нумы писания были сожжены повелением сената. В разные времена случалось, что книги гадательные велено было относить к претору. Светоний повествует, что Кесарь Август таких книг велел сжечь до двух тысяч. Еще пример несообразности человеческого разума! Неужели, запрещая суеверные писания, властители сии думали, что суеверие истребится? — Каждому в особенности своей воспрещали прибегать к гаданию, совершаемому нередко на обуздание токмо мгновенное грызущия сердце скорби; оставляли явные государственные гадания авгуров и аруспициев. Но если бы во дни просвещения возмнили книги, учащие гаданию или суеверие проповедывающие, запрещать или жечь, не смешно ли бы было, чтобы истина приняла жезл гонения на суеверие? Чтоб истина искала на поражение заблуждения опоры власти и меча, когда один вид ее есть наижесточайший бич на заблуждение?

Но Кесарь Август не на одни гадания простер свои гонения, он велел сжечь книги Тита Лабиеция. «Злодеи его, — говорит Сенека, — изобрели для него сие нового рода наказание. — Неслыханное дело и необычайное — извлекать казнь из учения! Но по счастью государства сие разумное свирепствование изобретено после Цицерона. Что бы могло быть, если бы троена начальники за благо положили осудить разум Цицерона?» Но мучитель скоро отместил за Лабиеция тому, кто исходатайствовал сожжение его книг. При жизни своей видел он, что и его сочинения преданы были огню*. «Не злomu какому примеру тут следовано, — говорил Сенека, — его собственному**». Дай бог, чтобы зло всегда обращалось на изобретателя его и чтобы воздвигший гонение был сам всегда в поругании! Если мщение когда-нибудь извинительно быть может, то разве в таковом случае, ибо зло обращается только к своему началу.

Во время народного правления в Риме гонения такого рода обращаются только на суеверие, но при императорах простерлось оно на все твердые мысли. Кремуций Корд в истории своей назвал Кассия, дерзнувшего осмеять мучительство Августово, на Лабиеновы сочинения, последним римлянином. Римский сенат, ползая пред Тиверием, велел в угождение ему Кремуциеву книгу сжечь. Но многие с оной остались списки. — «Тем паче, — говорит Тацит, — смеяться можно над попечением тех, кои мечтают, что всемогуществом своим могут истребить воспоминание следующего

* Сочинения Ария Монтана, издавшего в Нидерландах первый реестр запрещенным книгам, вмещены были в тот же реестр.

** Кассий Север, друг Лабиеция, видя писания его в огне, сказал: «Теперь надлежит меня сжечь: ибо я их наизусть знаю». — Сие подало случай при Августе к законоположению о поносительных сочинениях, которое, по природному человечеству обезьянству, принято в Англии и других государствах.

поколения. Хоть власть бешенствует на казнь рассудка, но свирепствованием своим себе устроила стыд и посрамление, а им славу».

Не избавились сожжения книги иудейские при Антиохе Елифане, царе Сирском. Равной с ними подвержены были участи сочинения христиан. Император Диоклитян книги священного писания велел предать сожжению. Но христианский закон, одержав победу над мучительством, покорил самих мучителей, и ныне остается во свидетельство неложное, что гонение на мысли и мнения не токмо не в силах оные истребить, но укрепляет их и распространяет. Арнобий справедливо восстает против такого гонения и мучительства. «Иные вещают, — говорит он, — полезно для государства, чтобы сенат велел истребить писания, в доказательство христианского исповедания служащие, которые важность опровергают древняя религии. Но запрещать писания и обнародованное хотеть истребить не есть защищать богов, но бояться истины свидетельствования». — Но по [распространении] христианского исповедания священнослужители оного толико же стали злобны против писаний, которые были им противны, и не в пользу. Недавно порицали сию строгость в язычниках, недавно почитали ее знаком недоверия к тому, что защищали, но скоро сами ополчились, всемогуществом. Греческие императоры, занимаясь более церковными прениями, нежели делами государственными, а потому управляемые священниками, воздвигли гонение на всех тех, кто деяния и учение Иисусовы понимал с ними различно. Такое гонение простерлося и на произведение рассудка и разума. Уже мучитель Константин, Великим нареченный, следуя решению Никейского собора, предавшему Ариево учение проклятию, запретил его книги, осудил их на сожжение, а того, кто оные книги иметь будет, — на смерть. Император Феодосий II проклятые книги Нестория велел все собрать и предать огню. На Халкедонском соборе то же положено о писаниях Евтихия. В Пандектах Юстиниановых сохранены таковые же решения. Несмысленные! не ведали, что, истребляя превратное или глупое истолкование христианского учения и запрещая разуму трудиться в исследовании каких-либо мнений, они останавливали его шествие; у истины отнимали сильную опору: различие мнений, прения и невозбранное мыслей своих изречение. Кто может за то поручиться, что Несторий, Арий, Евтихий и другие еретики быть бы могли предшественниками Лютера и, если бы вселенские соборы не были созваны, что бы Декарт мог родиться десять столетий прежде: какой шаг сделан был назад ко тьме и невежеству!

По разрушении Римския империи монахи в Европе были хранители учености и науки. Но никто у них не оспаривал свободы писать, что они желали. В 768 году Амвросий Оперт, монах бенедиктинской, посылая толкование свое на Апокалипсис к папе Стефану III и прося [дозволения] о продолжении своего труда и о издании его в свет, говорит, что он первый из писателей просит такового дозволения. «Но да не исчезнет, — продолжает он, — свобода в писании для того, что уничтожение поклонилось непринужденно». — Собор Санский в 1140 году осудил мнения Абельяровы, а папа сочинения его велел сжечь.

Но ни в Греции, ни в Риме, нигде примера не находим, чтобы избран

был судия мысли, чтобы кто дерзнул сказать: у меня просите дозволения, если уста ваши отверзать хотите на велееречие; у нас клеймится разум, науки и просвещение, и все, что без нашего клейма явится в свет, объявляем заранее глупым, мерзким, негодным. Таковое постыдное изобретение предоставлено было христианскому священству, и цензура была современна инквизиции.

Нередко, проходя историю, находим разум суеверию, изобретения наиболее современные грубейшему невежеству. В то время как боязливое недоверие к вещи утверждаемой побудило монахов учредить цензуру и мысль истреблять в ее рождении, в то самое время дерзал Колумб в неизвестность морей на искание Америки; Кеплер предузнавал бытие притяжательной в природе силы, Ньютоном доказанной; в то же время родился Коперник, начертавший в пространстве мира путь небесным телесам. Но к большому сожалению [о жребии] человеческого умствования скажем, что мысль великая рождала иногда невежество. Книгопечатание родило цензуру; разум философической в XVIII столетии произвел иллюминатов.

В 1479 году находим древнейшее доселе известное дозволение на печатание книг. На конце книги под заглавием: «Знай сам себя», печатанной в 1480 году, присоединено следующее: «Мы, Морфей Жирардо, божием милосердием патриарх венецианский, первенствующий в Далмации, по прочтении вышеписанных господ, свидетельствующих о вышеписанном творении, а по таковому же оного заключению и присоединенному доверию также свидетельствуем, что книга сия православна и богобоязлива». — Древнейший монумент цензуры, но не древнейший безумия!

Древнейшее о цензуре узаконение, доселе известное, [находим] в 1486 году, изданное в самом том городе, где изобретено книгопечатание. Предузнавали монашеские правления, что оно будет орудием сокрушения их власти, что оно ускорит развержение общего рассудка и могущество, на мнении, а не на пользе общей основанное, в книгопечатании обрящет свою кончину. Да позволят нам присовокупить здесь памятник, ныне еще существующий на пагубу мысли и на посрамление просвещения.

Указ о неиздании книг греческих, латинских и пр. на народном языке без предварительного ученых удостоения 1486 года*. — «Бертольд, божиею милостию святыя Майнцкия епархии архиепископ, в Германии архиканцлер и курфирст. — Хотя для приобретения человеческого учения чрез божественное печатание искусство возможно с избытком и свободнее получать книги, до разных наук касающиеся, но до сведения нашего дошло, что некоторые люди, [побуждаемые] суетныя славы или желанием богатства, искусство сие употребляют во зло и данное для научения в житии человеческом обращают на пагубу и злоречие.

Мы видели книги, до священных должностей и обрядов исповедания нашего касающиеся, переведенные с латинского на немецкой язык и неблагопристойно для святого закона в руках простого народа обращающиеся; что ж сказать наконец о предписаниях святых правил и законоположений;

* Кодекс дипломатический, изданный Гуденом. Том IV.

хотя они искусными людьми в законоучении, людьми мудрейшими и красноречивейшими писаны разумно и тщательно, но наука сама по себе только затруднительна, что красноречивейшего и разумнейшего человека едва на одну достаточна целая жизнь.

Некоторые глупые, дерзновенные и невежды попускаются переводить на общий язык таковые книги. Многие ученые люди, читая переводы сии, признаются, что ради великой несвойственности и худого употребления слов они непонятнее подлинных. Что же скажем о сочинениях, до других наук касающихся, в которые часто вмешивают ложное, надписывают ложными названиями и тем паче славнейшим писателям приписывают свои вымыслы и бредни, дабы более найти покушчиков.

Пусть скажут таковые переводчики, если любят истину, с каким бы намерением то ни делали, с добрым или с худым, до того нет нужды; пусть скажут: немецкой язык удобен ли к преложению на оной того, что греческие и латинские изящные писатели о вышних размышлениях христианского исповедания и о науках писали точнее и разумнейше? Признаться надлежит, что, скудости своея ради, язык наш на сказанное весьма недостаточен, и нужно для того, чтобы они неизвестные имена вещам в мозгу своем сооружали, или если употребят древние, то испортят истинный смысл; чего наипаче опасаемся в писаниях священных в рассуждении их важности. Ибо грубым и неученым людям и женскому полу, в руки которых попадутся священные книги, кто покажет им истинный смысл? Рассмотрим строки святого Евангелия или послания апостола Павла, всяк разумный признается, что много в них прибавлений и исправлений писцовых.

Сказанное нами довольно известно. Что же помыслим о том, что в писателях католическия церкви находится зависящее от строжайшего рассмотрения? Многое в пример поставить можно, но для сего намерения довольно уже нами сказанного.

Понеже начало сего искусства в славном нашем граде Майнце, скажем истинным словом, божественно явилось и ныне в оном исправлено и обогащено пребывает, то справедливо, чтобы мы в защиту нашу приняли важность сего искусства. Ибо должность наша есть сохранять святыя писания в нерастленной непорочности. Сказав таким образом о заблуждениях и о продерзостях людей наглых и злодеев, желая, елико нам возможно, пособием господним, о котором здесь дело, предупредить и наложить узду всем и каждому, церковным и светским нашей области подданным и вне пределов оных торгующим, какого бы звания и состояния они ни были, — сим каждому повелеваем, чтобы никакое сочинение, в какой бы науке, художестве или знании ни было, с греческого, латинского или другого языка переводимо не было на немецкой язык или уже переведенное, с переменою токмо заглавия или чего другого, не было раздаваемо или продаваемо явно или скрытно, прямо или посторонним образом, если до печатания или после печати до издания в свет не будет иметь отверстого дозволения на печатание или издание в свет от любезных нам и светлейших докторов и магистров университетских, а именно: во граде нашем Майнце от Иоганна Бертрама де Наумбурга в касающемся до богословии,

от Александра Дидриха в законоучении, от Феодорика де Мешедя во врачебной науке, от Андрея Елера в словесности, избранных для сего в городе нашем Ерфурте докторов и магистров. В городе Франкфурте, если таковые на продажу изданные книги не будут рассмотрены и утверждены почтенным и нам любезным одним богословии магистром и одним или двумя докторами и лиценциями, которые от думы одного города на годовых жалованьях содержимы быть имеют.

Если кто сие наше попечительное постановление презрит или против такового нашего указа подаст совет, помощь или благоприятство своим лицом или посторонним, — тем самым подвергает себя осуждению на проклятие; да сверх того лишен быть имеет тех книг и заплатит сто золотых гульденов пени в казну нашу. И сего решения никто без особого повеления да не дерзает нарушить. Дано в замке Св. Мартына, в граде нашем Майнце, с приложением печати нашей. Месяца януария, в 4 день 1486 года».

Его же о предыдущем, каким образом отправлять цензуру. «Лета 1486 Бертольд и прочая. Почтеннейшим учнейшим и любезнейшим нам во Христе И. Бертраму богословии, А. Дидриху законоучения, Ф. де Мешедя врачевания докторам и А. Елеру словесности магистру здравие и к нижеписанному прилежание!

Известившись о соблазнах и подлогах, от некоторых в науках переводчиков и книгопечатников происшедших, и желая оным предварить и заградить путь по возможности, повелеваем: да никто в епархии и области нашей не дерзает переводить книги на немецкой язык, печатать или печатные раздавать, доколе таковые сочинения или книги в городе нашем Майнце не будут рассмотрены вами и касательно до самой вещи, доколе не будут в переводе и для продажи вами утверждены, согласно с вышеобъявленным указом.

Надеясь твердо на ваше благоразумие и осторожность, мы вам поручаем: когда назначенные к переводу, или печатанию, или продаже сочинения или книги к вам принесены будут, то вы рассмотрите их содержание, и если нелегко можно им дать истинный смысл или могут возродить заблуждения и соблазны или оскорбить целомудрие, то оные отвергайте; те, которые вы отпустите свободными, имеете вы подписать своеручно, а именно на конце двое от вас, дабы тем виднее было, что те книги вами рассмотрены и утверждены. Богу нашему и государству любезную и полезную должность отправляйте. Дано в замке Св. Мартына, [10 януария] 1486 года».

Рассматривая сие новое по тогдашнему времени законоположение, находим, что оно клонилось более на запрещение, чтобы мало было печатано книг на немецком языке, или, другими словами, чтобы народ пребывал всегда в невежестве. На сочинения, на латинском языке писанные, кажется, цензура не распространялася. Ибо те, которые были сведущи в языке латинском, казалось, были уже ограждены от заблуждения, ему неприступны, и, понимали все ясно и некриво, что читали*. И так священ-

* Сравнить с ним можно дозволение иметь книги всякого рода иностранные и запрещение таковых же на языке народном.

ники хотели, чтобы одни причастники их власти были просвещены, чтобы народ почитал науку божественного происхождения, превыше его понятия и не смел бы она коснуться. И так изобретенное на заключение истины и просвещения в теснейших пределах, изобретенное недоверяющую властью к своему могуществу, изобретенное на продолжение невежества и мрака, ныне, во дни наук и любомудрия, когда разум отряс несродные ему пути суеверия, когда истина блистает столично паче и паче, когда источник учения протекает до дальнейших отраслей общества, когда старания правительств стремятся на истребление заблуждений и на отверствие беспреткновенных путей рассудку к истине, постыдное монашеское изобретение трепещущей власти принято ныне повсеместно, укоренено и приемлется благою преградою блуждению. Неистовые! осмотритесь, вы стяжаете превратностию дать истине опору, вы заблуждением хотите просвещать народы! Блюдитесь, да не возродится тьма. Какая вам польза, что будете властвовать над невеждами, тем паче загрубелыми, что не от недостатка пособий к просвещению невежи пребыли в невежестве природы или паче в естественной простоте; но, сделав уже шаг к просвещению, остановлены в шестви, обращены вспять и во тьму гонимы? Какая в том вам польза, бороться самим с собою, исторгать то шуйцею, что насадили десницею? Возрите на веселящееся о сем священство. Вы заранее ему уже служите. Прострите тьму и почувствуйте на себе оковы, ежели не всегда оковы священного суеверия, то суеверия политического, не столь хотя смешного, но столь же пагубного.

По счастью, однако же, общества, что не изгнали из областей ваших книгопечатание. Яко древо, во всегдашней весне насажденное, не теряет своей зелени, так орудия книгопечатания остановлены могут быть в действии, но не разрушены.

Папы, уразумев опасность их власти, от свободы печатания родиться могущей, не укоснили законоположить о цензуре, и сие положение пришло силу общего закона на бывшем вскоре соборе в Риме. Священный Тиверий, папа Александр VI, первый из пап законоположил о цензуре в 1507 году. Сам согбенный под всеми злодеяниями, не устыдился пещися о непорочности христианского исповедания. Но когда власть краснела! — Буллу свою начинает он жалобой на дьявола, которой сеет куколь в пшенице, и говорит: «Узнав, что посредством сказанного искусства многие книги и сочинения, в разных частях света, наипаче в Кельне, Майнце, Триере, Магдебурге напечатанные, содержат в себе разные заблуждения, учения пагубные, и ныне еще в некоторых местах печатаемые, желая без отлагательства предварить сей ненавистной язве, всем и каждому сказанного искусства печатникам и к ним принадлежащим и всем, кто в печатном деле обращается в помянутых областях, под наказанием проклятия и денежных пени, определяемой и взыскиваемой почтенными братьями нашими, кельнским, майнцским, триерским и магдебургским архиепископами или их наместниками в областях их, в пользу апостольской камеры, апостольскую властью наистрожайше запрещаем, чтобы не дерзали сочинений, книг или писаний печатать или отдавать в печать без доклада вышесказанным архиепископам или наместникам и без их особого

и точного безденежного испрошенного дозволения; их же совесть обременяем, да прежде, нежели дадут таковое дозволение, назначенное к печатанию прилежно рассмотрят и чрез ученых и православных велят рассмотреть и да прилежно пекутся, чтобы не было печатано противного вере православной, безбожного и соблазн производящего». А дабы прежние книги не соделали более несчастий, то велено было рассмотреть все о книгах реестры и все печатные книги, а которые содержали что-либо противное католическому исповеданию, те сжечь.

О вы! цензуру учреждающие, вспомните, что можете сравниться с папою Александром VI, — и устыдитесь!

В 1515 году Латеранский собор о цензуре положил, чтобы никакая книга не была печатана без утверждения священства.

Из предыдущего видели мы, что цензура изобретена священством и ему была единственно присвоена. Сопровождаемая проклятием и денежным взысканием, справедливо в то время казаться могла ужасною нарушителю изданных о ней законоположений. Но опровержение Лютером власти папской, отделение разных исповеданий от римския церкви, прения различных властей в продолжение тридесятилетней войны произвели много книг, которые явились в свет без обыкновенного клейма цензуры. Везде, однако же, духовенство присвоило себе власть производить цензуру над изданиями; и когда в 1650 году учреждена была во Франции цензура гражданская, то богословской факультет Парижского университета новому противоречил постановлению, ссылаясь, что 200 лет он пользовался сим правом.

Скоро по введении книгопечатания* в Англии учреждена цензура. Звездная палата, не меньше ужасная в свое время в Англии, как в Испании инквизиция или в России Тайная канцелярия, определила число печатников и печатных станков; [учредила освободителя, без дозволения которого ничего печатать не смели]. Жестокости ее против писавших о правительстве [несчетны], и история ее оными наполнена. Итак, если в Англии суеверие духовное не в силах было наложить на разум тяжкую узду цензуры, возложена она суеверием политическим. Но то и другое пеклись, да власть будет всецела, да очи просвещения всегда будут покрыты туманом обаяния и злоба да царствует на счет рассудка.

Со смертью графа Страффорда рушилась Звездная палата; но ни уничтожение сего, ни судебная казнь Карла I-го не могли утвердить в Англии вольности книгопечатания. Долгой парламент возобновил прежние положения, против нее сделанные. При Карле II и при Якове I они паки возобновлены. Даже по совершении перемены в 1692 году узаконение сие подтверждено, но на два только года. Скончавшись в 1694 году, вольность

* Виллиам Какстон, лондонской купец, завел в Англии книгопечатницу при Эдуарде IV, в 1474 году. Первая книга, печатанная на английском языке, была «Рассуждение о шашечной игре», переведенное с французского языка. Вторая — «Собрание речей и слов философов», переведенное лордом Риверсом.

печатания утверждена в Англии совершенно, и цензура, зевнув в последний раз, — издохла*.

Американские правительства приняли свободу печатания между первейшими законоположениями, вольность гражданскую утверждающими. Пенсильванская область в основательном своем законоположении, в главе 1, в предложительном объявлении прав жителей пенсильванских, в 12-й статье говорит: «Народ имеет право говорить, писать и обнародовать свои мнения; следовательно, свобода печатания никогда не долженствует быть затрудняема». В главе 2 о образе правления, в отделении 35: «Печатание да будет свободно для всех, кто хочет исследовать положения законодательного собрания или другой отрасли правления». В проекте о образе правления в Пенсильванском государстве, напечатанном, дабы жители оногo могли сообщать свои примечания, в 1776 году в июле, отделение 35: «Свобода печатания отверста да будет всем, желающим исследовать законодательное правительство, и общее собрание да не коснется оныя никаким образом. Никакой книгопечатник да не потребуетсЯ к суду за то, что издал в свет примечания, ценения, наблюдения о поступках общего собрания, о разных частях правления, о делах общих или о поведении служащих, поколику оное касается до исполнения их должностей». — Делаварское государство в объявлении изъяснительном прав, в 23-й статье говорит: «Свобода печатания да сохраняется будеть ненарушимо». — Мариландское государство в 38-й статье теми же словами объясняется. Виргинское в 14-й статье говорит сими словами: «Свобода печатания есть наивеличайшая защита свободы государственной».

Книгопечатание до перемены 1789 года, во Франции последовавшей, нигде толико стесняемо не было, как в сем государстве. Стоглазный Аргус, сторукий Бриарей, парижская полиция свирепствовала против писаний и писателей. В Вастильских темницах томилися несчастные, дерзнувшие охуждать хищность министров и их распутства. Если бы язык французской не был толико употребителен в Европе, не был бы всеобщим, то Франция, стена под бичом цензуры, не достигла бы до того величия в мыслях, какое явили многие ее писатели. Но общее употребление французского языка побудило завести в Голландии, Англии, Швейцарии и Немецкой земле книгопечатницы, и все, что явиться не дерзало во Франции, свободно обнародовано было в других местах. Так сила, кичащаяся своими мышцами, осмеяна была и не ужасна; тако свирепства пенящиеся челюсти праздно оставалися, и слово твердое ускользало от них непоглощенно.

Но дивись несообразности разума человеческого. Ныне, когда во Франции все твердят о вольности, когда необузданность и безначалие дошли до края возможного, цензура во Франции не уничтожена. И хотя все там ныне печатается невозбранно, но тайным образом. Мы недавно читали, — да восплачут французы о участи своей и с ними человечество! — мы читали недавно, что народное собрание, толико же поступаая

* В Дании вольное книгопечатание было мгновенно. Стихи Вольтеровы на сей случай к датскому королю во свидетельство остались, что похвалою даже самому мудрому законоположению спешить не надлежит.

самодержавно, как доселе их государь, насильственно взяло печатную книгу и сочинителя оной отдало под суд за то, что дерзнул писать против народного собрания. Лафат был исполнителем сего приговора. О Франция! ты еще скитаешься близ Бастильских пропастей!

Размножение книгопечатниц в Немецкой земле, сокрывая от власти орудия оных, отъемлет у нее возможность свирепствовать против рас-судка и просвещения. Малые немецкие правления хотя вольности книго-печатания стараются положить преграду, но безуспешно! Векерлин хотя мстящую властью посажен был под стражу, но «Седое чудовище» осталось у всех в руках. Покойной Фридрих II, король прусский, в землях своих печатание почти сделал свободным; не каким-либо законоположением, но дозволением токмо и образом своих мыслей. Чему удивиться, что он не уничтожил цензуры; он был самодержец, коего любезнейшая страсть была всесилие. Но воздержись от смеха! Он узнал, что указы, им издан-ные, некто намерен был, собрав, напечатать. Он и к оным приставил двух цензоров, или, правильнее сказать, браковщиков. О властвование! о всесилие! ты мышцам своим не доверяешь? Ты боишься собственного своего обвинения? боишься, чтобы язык твой тебя не посрамил, чтобы рука твоя тебя не сокрушила! — Но какое добро сии насильствованные цен-зоры произвести могли? Не добро — но вред. Скрыли ли они от глаз по-томства нелепое какое-либо законоположение, которое на суд будущий власть оставить стыдилась? которое, оставшись явным, было бы, может быть, уздою власти? — Да не дерзает на уродливое. — Император Иосиф II рушил отчасти преграду просвещения, которая в Австрийских наследных владениях в царствование Марии Терезии тяготила рассудок; но не мог он с себя стрясти бремени предрассуждений и предлинное издал о цензуре наставление. Если должно его хвалить за то, что не возбранил опорочивать свои решения, находить в поведении его недостатки и тако-вые порицания издавать в печать, но похулим его за то, что на свободе в изъяснении мыслей он оставил узду. Сколь легко употребить оную можно было во зло!* — Чему удивиться? скажем и теперь, как прежде: он был царь. — Скажи же, в чьей голове может быть больше несообразностей, как не в царской?

В России. . . Что в России с цензурою происходило, узнаете в другое время. — Теперь, не производя цензуры над почтовыми лошадьми, я поспешно отправился в путь.

МЕДНОЕ

«Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла, ой люли, люли, стояла. . .» — Хоровод молодых баб и девок — пляшут — подойдем по-ближе, — говорил я сам себе, развертывая найденные бумаги моего при-

* В новейших известиях читаем, что наследник Иосифа II намерен возобновить цензурную комиссию, предместником его уничтоженную.

ятеля. — Но я читал следующее. Не мог дойти до хоровода. Уши мои задержались печалию, и радостный глас нехитростного веселия до сердца моего не проник. О мой друг! где бы ты ни был, внемли и суди.

Каждую неделю два раза вся Российская империя извещается, что Н. Н. или Б. Б. в несостоянии или не хочет платить того, что занял, или взял, или чего от него требуют. Занятое либо проиграно, проезжено, прожито, проедено, пропито, раздарено, либо пропало в огне или воде; или Н. Н. или Б. Б. другими какими-либо случаями вошел в долг или под взыскание. То и другое наравне в ведомостях приемлется. — Публикуется: «Сего. . . дня пополудни в 10 часов, по определению уездного суда или городского магистрата, будет продаваться с публичного торгу отставного капитана Т. . . недвижимое имение, дом, состоящий в. . . части, под №. . . , и при нем шесть душ мужеска и женска пола; продажа будет при оном доме. Желающие могут осмотреть заблаговременно».

На дешевое охотников всегда много. Наступил день и час продажи. Покупщики съезжаются: в зале, где она производится, стоят неподвижны на продажу [осужденные]. Старик лет в 75, опершись на вязовой дубинке, жаждет угадать, кому судьба его отдаст в руки, кто закроет глаза его. С отцом господина своего он был в Крымском походе, при фельдмаршале Минихе; в Франкфуртскую баталию он раненого своего господина унес на плечах из строя. Возвратясь домой, был дядькою своего молодого барина. Во младенчестве он спас его от утопления, бросаясь за ним в реку, куда сей упал, переезжая на пароме, и с опасностью своей жизни спас его. В юности выкупил его из тюрьмы, куда посажен был за долги в бытность свою в гвардии унтер-офицером. — Старуха 80-ти лет, жена его, была кормилицею матери своего молодого барина; его была нянькою и имела надзирание за домом до самого того часа, как выведена на сие торжище. Во все время службы своя ничего у господ своих не утратила, ничем не покорыстовалась, никогда не лгала, а если иногда им досадила, то разве своим простодушием. — Женщина лет в 40, вдова, кормилица молодого своего барина. И доднесь чувствует она еще [к нему] некоторую нежность. В жилах его льется ее кровь. Она ему вторая мать: он ей более обязан жизнью, нежели природной матери. Сия зачала его в веселии, а о младенчестве его не радела. Кормилица и нянька его были воспитательницами. Они расстаются с ним, как с сыном. — Молодица 18 лет, дочь ее и внучка стариков. Зверь лютой, чудовище, изверг! посмотри на нее, посмотри на румяные ее ланиты, на слезы, лиющиеся из ее прелестных очей. Не ты ли, не возмогли прельщением и обещаниями уловить ее невинности, ни устрашить ее непоколебимости угрозами, наконец употребил обман, обвенчав ее за спутника твоих мерзостей, и в виде его наслаждался веселием, которого она делить с тобою гнушалась. Она узнала обман твой. Венчанной с нею не коснулся более ее ложа, и ты, лишен став утехи, употребил насилие. Четыре злодея, исполнители твоей воли, держа руки ее и ноги. . . но не докончим сего. Она держит младенца. плачевный плод обмана или насилия, но живой слепок прелюбодейного его отца. Родив его, позабыла отцово зверство, и сердце начало чувствовать к нему нежность. Она боится, чтобы не [попасть в руки ему] подоб-

ного. — Младенец. . . твой сын, варвар, твоя кровь. Или думаешь, что, где не было обряда церковного, тут нет и обязанности? Или думаешь, что данное по приказанию твоему благословение наемным извещателем слова божия сочетание их утвердило; или думаешь, что насильственное венчание в храме божием может назваться союзом? Всесильный мерзит принуждением, он услаждается желаниями сердечными; они одни непорочны. О, колик между нами прелюбодейств и растлений совершается во имя отца радостей и утешителя скорбей, при его свидетелях, недостойных своего сана! — Детина лет 25-ти, венчанный ее муж, спутник и наперсник своего господина, теперь раскаивающийся о своих к нему угождениях; в кармане его нож; он его схватил крепко; мысль его отгадать нетрудно. — Бесплодное рвение! — Достанешься другому. Руки господина твоего, посягающие над главою раба своего непрестанно, согнут выю на всякое угождение. Глад, стужа, мучительство, зной — все будет против тебя. Твой разум чужд благородных мыслей. Ты не умеешь умереть. Ты склонишься и будешь раб духом, как и состоянием. А если бы восхотел противиться, умрешь в оковах томною смертью. Судьи между вами нет. Не захочет мучитель твой сам тебя наказывать, он будет твой обвинитель. Отдаст тебя градскому правосудию. — Правосудие! — где обвиняемый не имеет почти власти оправдаться. — Пройдем мимо других несчастных, выведенных на торжище.

Едва ужасоносный молот испустил тупой свой звук и четверо несчастных узнали свою участь, — слезы, рыдание и стон пронзили уши всего собрания. Наитвердейшие были тронуты. Окаменелые сердца! почто бесплодное соболезнование? О квакеры! если бы мы имели вашу душу, мы бы сложились и, купив сих несчастных, даровали бы им свободу. — Жив многие лета в объятиях один другого, несчастные сии к поносной продаже восчувствуют тоску разлуки. Но если закон или, лучше сказать, обычай варварский, ибо в законе того не писано, дозволяет [толикое] человечеству посмеяние, есть ли какое право продавать сего младенца? Он незаконнорожденный: закон его освобождает. Постоите, я буду доноситель; я избавлю его. Если бы с ним мог спасти и других! о счастье! почто ты так обидело меня в твоём разделе? Теперь только начинаю ощущать страсть к богатству. — Сердце мое было столь стеснено, что, выскочив из среды собрания и отдав несчастным последнюю гривну из кошелька, побежал вон. На лестнице встретился мне один чужестранец, мой друг. — Что тебе сделалось? ты плачешь! — Возвратись, — сказал я ему: — не будь свидетелем срамного позорища. Ты проклинал некогда варварский обычай в продаже черных невольников в отдаленных селениях твоего отечества; возвратись, — повторил я, — не будь свидетелем нашего затмения и да не [возвестишь] стыда нашего твоим согражданам, беседа с ними о наших нравах. — Не могу сему я верить, — сказал мне друг мой, — невозможно, чтобы там, где мыслить и верить дозволяется всякому, кто как захочет, столь постыдное существовало обыкновение. — Не дивись, — сказал я ему, — установление свободы в исповедании обидит одних попов и монахов, да и те скорее пожелают приобрести овцу себе, нежели овцу в Христово стадо. — Но свобода сельских жителей

обидит, как то говорят, право собственности. А все те, кто мог бы свободе поборствовать, все великие вотчинники, и свободы не от их совета ожидать должно, но от самой тяжести порабощения.

ТВЕРЬ

— Стихотворство у нас, — говорил товарищ мой трактирного обеда, — в разных смыслах как оно приемлется, далеко еще отстоит величия. Поэзия было прубудилась, но теперь опять задремала, а стихосложение шагнуло один раз — и стало в пень.

Ломоносов, уразумев смешное в польском одеянии стихов, снял с них несродное им полукафтанье. Подав хорошие примеры новых стихов, на последователей своих надел узду великого примера, и никто доселе не дерзнул от него отшатнуться. По несчастью случилось, что Сумароков в то же время был; и был отменной стихотворец. Он употреблял стихи по размеру Ломоносова и ныне все вслед за ними не воображают, чтобы другие стихи быть могли, как ямбы, как такие, какими писали оба сии знаменитые мужи. Хотя оба сии стихотворцы преподавали правила других стихотворений, а Сумароков и во всех родах оставил примеры, но они столько маловажны, что ни от кого подражания не заслужили. Если бы Ломоносов преложил Иова или псалмопевца дактилями или если бы Сумароков «Семиру» или «Димитрия» написал хорейми, то и Херасков вздумал бы, что можно писать другими стихами, кроме ямбов, и более бы приобрел славы в осьмилетнем своем труде, описав взятие Казани собственным эпопеи стихотворением.

Не дивлюсь, что древний треух на Виргилия надет ломоносовским покроем; но желал бы я, чтоб Омир между нами не в ямбах явился, но в стихах, подобных его, — гекзаметрах; и Костров, хотя не стихотворец, а переводчик, сделал бы эпоху в нашем стихосложении, ускорив шестые самой поэзии [целым] поколением.

Но не одни Ломоносов и Сумароков остановили российское стихосложение. Неутомимый возовик Тредьяковской немало тому способствовал своею «Телемахидою». Теперь дать пример нового стихотворения очень трудно, ибо примеры в добром и худом стихосложении пустили глубокой корень. Парнас окружен ямбами, и рифмы везде стоят на карауле. Кто бы ни задумал писать дактилями, тому тотчас приставят дядькою Тредиаковского, и прекраснейшее дитя долго будет казаться уродом, доколе не родится Мильтон, [Шекспир] или Вольтер. Тогда и Тредьяковского вырют из поросшей мхом забвения могилы, в «Телемахиде» найдутся добрые стихи и будут поставлены в пример.

Долго благой перемене в стихосложении будет препятствовать привыкшее ухо к краесловию. Слышав долгое время единоголасное в стихах окончание, безрифмие покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будет, доколе французской язык будет в России больше других языков в употреблении. Чувства наши, как гибкое и молодое дерево, можно

вырастить прямо и криво, по произволению. Сверх же того в стихотворении, так как и во всех вещах, может господствовать мода, и если она хотя несколько имеет в себе естественного, то принята будет без прекословия. Но все модное мгновенно, а особливо в стихотворстве. Блеск наружный может заржаветь, но истинная слава не поблекнет никогда. Омир, Virgiliy, Мильтон, Расин, Вольтер, Шекспир, Тассо и многие другие читаны будут, доколе не истребится род человеческий.

Излишним почитаю я беседовать с вами о разных стихах, российскому языку свойственных. Что такое хорей, ямб, дактиль или анапест, всяк знает, если немного кто разумеет правила стихосложения. Но то бы было не излишнее, если бы мог я дать примеры в разных родах достаточные. Но силы мои и разумение коротки. Если совет мой может что-либо сделать, то я бы сказал, что российское стихотворство, да и сам российской язык обогатились бы гораздо, если бы переводы стихотворных сочинений делали не всегда ямбами. Гораздо бы эпической поэме свойственнее было, если бы перевод «Генриады» не был в ямбах, а ямбы некраесловные хуже прозы.

Все вышесказанное изрек пирной мой товарищ одним духом и с толикою поворотливостию языка, что я не успел ничего ему сказать на возражение, хотя много имел кой-чего на защищение ямбов и всех тех, которые ими писали.

— Я и сам, — продолжил он, — последовал заразительному примеру и сочинял стихи ямбами, но то были оды. Вот остаток одной из них, все прочие сгорели в огне; да и оставшую та же ожидает участь, как и сестер ее постигшая. В Москве не хотели ее напечатать по двум причинам: первая, что смысл в стихах неясен и много стихов упругих и тяжелых; вторая, что предмет стихов несвойственен нашей земле. Я еду теперь в Петербург [просить] о издании ее в свет, ласкаясь, яко нежный отец своего дитяти, что ради последней причины, для коей в Москве печатать не хотели, снисходительно воззрят на первую. Если вам не в тягость будет прочесть некоторые строфы, — сказал он мне, подавая бумагу. — Я ее развернул и читал следующее: Вольность. . . Ода. . . — За одно название отказали мне в издании сих стихов. Но я очень помню, что в Наказе о сочинении нового уложения, говоря о вольности, сказано: «вольностию называться должно то, что все одинаковым повинуются законам». Следовательно, о вольности у нас говорить вместно.

1

О, дар небес благословенный,
 Источник всех великих дел!
 О вольность, вольность, дар бесценный!
 Позволь, чтоб раб тебя воспел.
 Исполни сердце твоим жаром,
 В нем сильных мышц твоим ударом
 Во свет тьму рабства претвори,
 Да Брут и Телль еще проснутся,
 Седяй во власти, да смянутся
 От гласа твоего цари.

Сию строфу обвинили для двух причин: за стих «во свет тьму рабства претвори». Он очень туг и труден на изречение ради часто повторения буквы Т и ради частого соития согласных букв; а на российском языке толико же сладостно можно писать, как и на итальянском. . . Согласен. — Хотя иные почитали <стих> сей удачным, находя в негладкости его изобразительное выражение трудности самого действия. . . Но вот другой: «да смятутся от гласа твоего цари». Желать смятения царю есть то же, что желать ему зла, или низвержения, и потому не полюбился. — Следовательно. . . Но я не хочу вам наскучить всеми примечаниями, на стихи мои сделанными. Многие, признаюсь, из них были справедливы.

Позвольте, чтобы я был вашим чтецом.

2

Я в свет изшел, и ты со мною. . .

Сию строфу пройдем мимо. Вот ее содержание: человек от рождения во всем свободен. . . И сия строфа также, в рассуждении некоторых стихов, которые ложатся на чувства, была опорочена.

3

Но что ж претит моей свободе?
Желаньям зрю везде предел;
Возникла обща власть в народе,
Соборной всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единодушно —
Для пользы общей нет препон.
Во власти всяк свою зря долю,
Творить обязан одну волю:
Вот что есть в обществе закон!

4

В середине злачныя долины,
Среди тягченных жатвой нив,
Где нежны процветают крины,
Средь мирных под сеньми олив,
Пароска мрамора белее,
Яснейша дня лучей светлее
Стоит прозрачный всюду храм.
Там жертва лжива не курится,
Там надпись пламенная зрится:
«Конец невинности бедам».

5

Оливной ветвию венчанно,
На твердом камени седяй,
Безжалостно и хладнонравно
Глухое божество

и проч.; изображается закон в виде божества во храме, коего стражи суть Истина и Правосудие.

6

Возводит строгие зеницы,
 Льет радость, трепет вокруг себя;
 Равно на все взирает лица,
 Ни ненавиздя, ни любя.
 Он лести чужд, лицеприятства,
 Породы, знатности, богатства,
 Гнушаясь жертвенныя тли,
 Родства не знает, ни приязни,
 Равно делит и мзду и казни,
 Он образ божий на земли.

7

И се чудовище ужасно,
 Как гидра, сто имея глав,
 Умильно и в слезах всечасно,
 Но полны челюсти отрав.
 Земные власти попирает,
 Главою неба досязает,
 Его отчизна там — гласит.
 Призраки, тьму повсюду сеет,
 Обманывать и льстить умеет
 И слепо верить всем велит.

8

Покрывши разум темнотою
 И всюду вея ползкий яд. . .

Изображение священного суеверия, отъемлющего у человека чувствительность, влекущего его в ярем порабощения и заблуждения, во броню его облегшего:

Бояться истины велел. . .

Власть называет оное — изветом божества; рассудок — обманом.

9

Возрив мы в области обширны,
 Где рабства тусклый трон стоит. . .

В мире и тишине суеверие священное и политическое, подкрепляя друг друга,

Союзно общество гнетут.
 Одно сковать рассудок тщится,
 Другое волю стерть стремится;
 На пользу общую, — рекут.

10

Покая рабского под сенью
 Плодов златых не возрастет;
 Где все ума претит стремленью, —
 Великость там не прозябет.

И все злые следствия рабства, как-то: беспечность, леность, коварство, голод и прочее.

11

Чело надменное вознеси,
Схватив железный скипетр, царь,
На [громном] троне властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея:
«По воле, — рек, — щажу злодея,
Я властью могу дарить;
Где я смеюсь — там все смеется;
Нахмурюсь грозно — все смятется.
Живешь тогда — велю коль жить».

12

И мы внимаем хладнокровно...

как алчный змий, ругаяся всем, отравляет дни веселия и утех. Но хотя
вокруг твоего престола все стоят преклонше колена, трепещи, се грядет
мститель, прорицай вольность...

13

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уже всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает;
В различных видах смерть летает,
Над гордою главою паря.
Ликуйте, склепанны народы;
Се права мщенье природы
На плаху возвело царя!

14

И нощи се завесу лживой
Со треском мощно разодрав,
Кичливой власти и строптивой
Огромной истукан поправ,
Сковав сторучна исполина,
Влечет его, как гражданина,
К престолу, где народ воссел:
«Преступник власти, мною данной!
Вещай, злодей, мною венчанной;
Против меня восстать как смел?»

15

Тебя облек я во порфиру
Равенство в обществе блюсти,
Вдовицу призирать и сиру,
От бед невинность чтоб спасти,
Отцом ей быть чадолюбивым, —
Но мстителем непримиримым

Пороку, лже и клевете;
Заслуги честью награждать,
Устройством зло предупреждать,
Хранити нравы в чистоте.

16

Покрыл я море кораблями. . .

Дал способ к приобретению богатств и благоденствия. Желал я, чтобы земледelec не был пленником на своей ниве и тебя бы благословлял. . .

17

Своих кровей я без пощады
Гремящую воздвигнул рать;
Я медны изваял громады,
Злодеев внешних чтоб карать.
Тебе велел повиноваться,
С тобою к славе устремляться.
Для пользы всех мне можно все.
Земные недра раздираю,
Металл блестящий извлекаю
На украшение твое.

18

Но ты, забыв мне клятву данну,
Забыв, что я избрал тебя
Себе в утеху быть венчанну,
Возмнил, что ты господь — не я;
Мечем мои расторг уставы;
Безгласными поверг все нравы;
Стыдиться истине велел.
Расчистил мерзостям дорогу,
Взывать стал не ко мне — но к богу,
А мной гнушаться восхотел.

19

Кровавым потом доставляя
Плод, кой я в пищу насадил,
С тобою крохи разделяя,
Своей науги не щадил;
Тебе сокровищей всех мало!
На что ж, скажи, их недостало,
Что рубище с меня сорвал?
Дарить любимца, полна лести,
Жену, чуждающуюся чести!
Иль злато богом ты признал?

20

В отличность знак изобретенный
Ты начал наглости дарить;
В злодея меч мой изощренный
Ты стал невинности сулить;
Сгруженные полки в защиту

На брань ведешь ли знамениту
 За человечество карать?
 В кровавых борешься долинах,
 Дабы, унивнися в Афинах:
 — Ирой! — зевав, могли сказать.

21

Злодей, злодеев всех лютейший. . .
 Ты совокупил все злодеяния и жало свое устремил
 в меня. . .

(Умри!) умри же ты стократ», —

Народ вещал. . .

22

Великий муж, коварства полный,
 Ханжа, и льстец, и святотать!
 Един ты в свет столь благотворный
 Пример великий мог подать.
 Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
 Что, власть в руке своей имея,
 Ты твердь свободы сокрушил.
 Но научил ты в род и роды,
 Как могут мстить себя народы:
 Ты Карла на суде казнил. . .

23

И се глас вольности раздается во все концы. . .

На вече весь течет народ;
 Престол чугунный разрушает,
 Самсон как древле, сотрясает
 Исполненный коварств чертог.
 Законом строит твердь природы.
 Велик, велик ты, дух свободы,
 Зиждителен, как есть сам бог!

24]

В следующих десяти строфах заключается описание царства свободы
 и действия ее, то есть сохранность, спокойствие, благоденствие, вели-
 чие. . .

34

Но страсти, изощря злобу. . .
 превращают спокойствие граждан в пагубу. . .

Отца на сына воздвигают,
 Союзы брачны разрывают. . .

и все следствия безмерного желания властвовать. . .

35, 36, 37

Описание пагубных следствий роскоши, междоусобий; гражданская брань, Марий, Силла, Август. . .

Тревожну вольность усыпил. . .
Чугунный скиптр обвил цветами. . .

Следствие того — порабощение. . .

38, 39

Таков есть закон природы; из мучительства рождается вольность, из вольности рабство. . .

40

На что сему дивиться? и человек родится на то, чтоб умереть. — Следующие восемь строф содержат прорицания о будущем жребии отечества, которое разделится на части, и тем скорее, чем будет пространнее. Но время еще не пришло. Когда же оно наступит, тогда

[Встрещат] заклёпы тяжкой ночи.

Упругая власть при издыхании приставит стражу к слову и соберет все свои силы, дабы последним махом раздавить возникающую вольность, уничтожить право гражданина, ограничить даже самые помышления и наложить самое тягчайшее иго рабства. . .

49

Но человечество возревет в оковах и, направляемое надеждою свободы и неистребимым природы правом, двинется. . . И власть приведена будет в трепет. Тогда сложение всех сил, тогда тяжелая власть

Развеется в одно мгновенье.
О день, избраннейший всех дней!

50

Мне слышится уже глас природы, начальный глас божества. Мрачная твердь поколебалась — и вольность воссияла.

— Вот и конец, — сказал мне новомодной стихотворец. — Я очень тому порадовался и хотел было ему сказать, может быть, неприятное на стихи его возражение, но колокольчик возвестил мне, что в дороге складнее поспешать на почтовых клячах, нежели карабкаться на Пегаса, когда он с норовом.

ГОРОДНЯ

Въезжая в сию деревню, слух мой был ударяем не стихотворческим пением, но пронзающим сердце воплем жен, детей и старцов. Встав из моей кибитки, отпустил я ее к почтовому двору, любопытствуя узнать причину приметного на улице смятения.

Подошед к одной куче, узнал я, что рекрутской набор был причиною рыданий и слез многих толпящихся. Из многих селений казенных и помещичьих сошлись отправляемые на отдачу рекруты.

В одной толпе старуха лет пятидесяти, держа за голову двадцатилетнего парня, вопила: — Любезное мое дитятко, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь дом родительской? Поля наши порастут травой, а мохом — наша хижина. Я, бедная престарелая мать твоя, скитаться должна по миру. Кто согреет мои дряхлые кости от холода, кто укроет их от зноя? Кто накормит и напоит меня? Да все то не так тягостно сердцу моему: кто закроет мои очиньки при издыхании? Кто примет мое родительское благословение? Кто предаст мое тело мать-сырой земле? Кто придет вспомнить меня над могилою; не канет на нее твоя горячая слеза, не будет мне отрады той!

Подле старухи стояла девка уже взрослая. Она также восклицала: — Прости, мой мил сердечной друг, прости, мое красное солнышко! Мне ль, невесте, нареченною твоей, уж не будет больше радости, ни утехи, ни веселия. И завистливы подружнички уж не скажут улыбаючись: Как Параша наша счастлива! Не взойдет уж солнце красное, ни светел месяц для радости. Ты покинул горевать меня, ни вдовою, ни замужнею. Хоть бы вы, бесчеловечные наши головы и старосты, хоть бы дали обвенчаться нам, хоть бы ты, мой мил сердечной друг, переспал со мною ночиньку, близ сердечка, на белой груди; то авось-либ бог помиловал и мне дал бы в утешение паренечка столько ж милого, как отец его любезен мне; тогда б мы не разлучались, жили б вместе все как ласточки! — Парень говорил им: Перестаньте плакать вы, родимые, перестаньте рвать мое сердце. Как зовет нас служба царская, государю слуги надобны. На меня знать выпал жеребий; в этом воля есть всевышнего; ведь не всем-то умирать будет; кому живу быть — останется. Я авось-либо, и к вам приду, с тем полком, где службу царскую, во народе государевом, как велит долг отправлять буду. Может быть, что дослужуся я и до чина наибольшего. Не крушися, моя матушка, не крушися, моя родимая; береги ты мне Прасковьюшку. — Рекрута сего отдавали из экономического селения.

Совсем другого рода слова внял слух мой в близстоящей толпе. Среди оной я увидел человека лет тридцати, среднего роста, стоящего бодро и взирающего весело на окружающих его.

— Услышал господь молитву мою, — говорил он. — Достигли слезы несчастного до утешителя всех. Теперь буду я хоть знать, что жребий мой будет зависеть от доброго или худого моего поведения. Доселе зависел он от своенравия женского. Одна мысль утешает, что без суда батожьем наказан не буду!

Узнав из речей его, что он был господской человек, любопытствовал от него узнать причину необыкновенного его удовольствия. На вопрос мой он отвечал: — Если бы, государь мой, с одной стороны поставлена была виселица, а с другой глубокая река и, стоя между двух гибелей, неминуемо бы должно было идти налево или направо, в петлю или в воду, что бы вы избрали, чего бы заставил желать рассудок и чувствительность? Я думаю, да и всякой другой избрал бы броситься в реку, в надежде, что, преплыв на другой берег, опасность уже минется. Никто не согласился бы испытать своей шеею, тверда ли петля? Таков был мой случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы тем и конец был, но умирать томною смертью, под батошьем, под кошками, в кандалах, в погребе, нагу, босу и голодну, при всегдашнем поругании; государь мой, хотя холопей считаете вы своим именем, но всегда хуже скотов, но, к несчастью их, они не лишены чувствительности. Вам удивительно, вижу я, слышать таковые слова в устах крестьянина; но, слышав их, для чего не удивляетесь жестокосердию своей собратии, дворян?

И поистине не ожидал я сказанного от одетого в смурой кафтан, с бритым лбом. Но желая удовлетворить моему любопытству, я просил его, чтобы он уведомил меня, как, будучи толь низкого состояния, он достиг понятий, недостающих нередко в людях, несвойственно называемых благородными.

— Если вы не поскучаете слышать моей повести, то я вам скажу, что я родился в М*** и есть сын дядьки моего бывшего господина. Сколь восхищаюсь я, что не назовут уже меня Ванькою, ни поносительным именованием, ни позыва не сделают свистом! Старой мой барин, человек добросердечной, разумной и добродетельной, нередко рыдавший над участью своих рабов, хотел за долговременные услуги отца моего отличить и меня, дав мне воспитание наравне с своим сыном. Различия между нами почти не было, разве только то, что он на кафтане носил сукно потоне моего. Чему учили молодого барина, тому учили и меня; наставления во всем были нам одинаковы, и без хвастовства скажу, что я во многом успел лучше своего барина.

«Ванюша, — говорил мне старой барин, — счастье твое зависит совсем от тебя. Ты более к учености и нравственности имеешь побуждения, нежели мой сын. Он по мне будет богат и нужды не узнает, а ты с рождения с нею [познакомился]. Итак, старайся быть достоин моего о тебе попечения».

На семнадцатом году возраста молодого моего барина отправлен был он и я в чужие края с надзирателем, коему предписано было почитать меня сопутником, а не слугою. Отправляя меня, старой мой барин сказал мне: — Надеюсь, что ты возвратишься к утешению моему и своих родителей. Раб ты в пределах сего государства, но вне оных ты свободен. Возвратясь же в оное, уз, наложенных на тебя рождением, ты не почувствуешь более. — Мы отсутствовали были пять лет и возвращались в Россию: молодой мой барин в радости видеть своего родителя, а я, признаюсь, ласкаясь пользоваться сделанным мне обещанием. Сердце трепетало, вступая опять в пределы моего отчества, и поистине предчув-

ствии его было не ложно. В Риге молодой мой господин получил известие о смерти своего отца. Он был тем тронут; а я приведен в отчаяние. Ибо все мои старания приобрести дружбу и доверенность молодого барина всегда были тщетны. Он не только меня не любил, из зависти, может быть, тесным душам свойственной, но и ненавидел.

Приметив мое смятение, известием о смерти его отца произведенное, он мне сказал, что сделанное мне обещание не позабудет, если я того буду достоин. В первый раз он осмелился мне это сказать, ибо, получив свободу смерти своего отца, он в Риге же отпустил своего надзирателя, заплатив ему щедро за его труд. Надлежит отдать справедливость бывшему моему господину: он много имеет хороших качеств, но робость духа и легкомыслие их помрачают.

Через неделю после нашего в Москву приезда бывший мой господин влюбился в изрядную лицом девушку, но которая с красотой телесною скареднейшую душу соединяла, а сердце жестокое и суровое. Воспитанная в надменности своего происхождения, отличности почитала только внешность, знатность, богатство. Через два месяца она стала супругою моего барина и моею повелительницею. До того времени я не чувствовал перемены в моем состоянии, жил в доме господина моего как его сотоварищ. Хотя он редко что мне приказывал, но я предупреждал его иногда желания, чувствуя всю его власть надо мною и мою участь. Едва молодая госпожа переступила порог дома, в котором она определялася начальствовать, как я почувствовал тягость моего жребия. Первый вечер по свадьбе и следующий день, в которой я был представлен ей молодым ее супругом как его сотоварищ, она занята была обыкновенными заботами нового супружества; но ввечеру, когда при довольно многолюдном собрании пришли все к столу и сели за первой ужин у новобрачных, а я, по обыкновению моему, сел на моем месте на нижнем конце, то новая госпожа сказала довольно громко своему мужу: если он хочет, чтобы она сидела за столом с гостями, то бы холопей за оной не сажал. Он взглянул на меня и, движим уже ею, прислал мне сказать, чтобы я из-за стола вышел и ужинал бы в своей горнице. Вообразите, колико чувствительно мне было сие унижение! Я, скрыв, однако же, иступающие из глаз моих слезы, удалился. На другой день не смел я показаться. Не навеваясь обо мне, принесли мне обед и ужин; то же было и в следующие дни. Через неделю после свадьбы в один день после обеда новая госпожа, осматривая дом и распределяя всем служителям должности и жилища, зашла и в мои комнаты. Они были для меня уготованы еще старым моим баринном. — Меня не было дома. Не повторю того, что она говорила, будучи в оных, мне в посмеяние, но, возвратясь домой, мне сказала ее приказ, что мне отведен угол в нижнем этаже, с холостыми официантами, где моя постель, сундук с платьем и бельем уже поставлены; все прочее она оставила в прежних моих комнатах, в коих поместила своих девок.

Что в душе моей происходило, слыша сие, удобнее чувствовать, если кто может, нежели описать. Но дабы не занимать вас излишним, может быть, повествованием, госпожа моя, вступив в управление дома и не находя во мне способности к услуге, поверстала меня в лакеи и надела на меня

ливрею. Малейшее мнимое упущение сея должности влекло за собою пощечины, батожье и кошки. О государь мой, лучше бы мне не родиться! Колюко крат негодовал я на умершего моего благодетеля, что дал мне душу на чувствование! Лучше бы мне было возрасти в невежестве, не думав никогда, что есть человек, всем равный. Давно бы, давно бы избавил себя ненавистной жизни, если бы не удерживало прещение вышнего над всеми судии. Я определил себя сносить жребий мой терпеливо. И сносил не токмо уязвления телесные, но и те, коими она уязвляла мою душу. Но едва не преступил я своего обета и не отъял у себя томные остатки плачевного жития при случившемся новом уязвлении души моей.

Племянник моей барыни, молодец 18-ти лет, сержант гвардии, воспитанный во вкусе московских щегольков, влюбился в горничную девку своей тетушки и, скоро овладев опытною ее горячностью, сделал ее матерью. Сколь он ни решителен был в любовных делах, но при сем происшествии несколько смутился. Ибо тетушка, узнав о сем, запретила вход к себе своей горничной, а племянника побранила слегка. По обыкновению милосердых господ, она намерилась наказать ту, которую жаловала прежде, выдав ее за конюха замуж. Но как все они уже были женаты, а беременной для славы дома надобен был муж, то хуже меня изо всех служителей не нашла. О сем госпожа моя в присутствии своего супруга мне возвестила яко отменную милость. Не мог я более терпеть поругания. — Бесчеловечная женщина! во власти твоей состоит меня мучить и уязвлять мое тело; вы говорите, что законы дают вам на сие право. Я и сему мало верю; но то твердо знаю, что принуждать в брак вступать никто не может. — Слова мои произвели в ней зверское молчание. Обратясь потсм к супругу ее: — Неблагодарный сын человеколюбивого родителя, забыл ты его завещание, забыл и свое изречение; не доводи до отчаяния души, чувствующей сие огорчение в полной мере; страшись! — Более сказать я не мог, ибо по повелению госпожи отведен был на конюшню и сечен нещадно кошками. На другой день, едва я мог встать от побоев с постели, как приведен был опять пред госпожу мою. — Я тебе прощу, — говорила она, — твою вчерашнюю дерзость; женись на моей Маврушке, она тебя просит, и я, любя ее в самом преступлении, хочу это для нее сделать. — Мой ответ, — сказал я ей, — вы слышали вчера, другого не имею. Присовокушлю то только, что просить буду на вас начальство в принуждении меня к тому, к чему не имеее права. — Ну, так пора в солдаты, — вскричала яростно моя госпожа. — Путешественник, потерявший в страшной пустыне свою стезю, меньше обрадуется, сыскав опять оную, нежели обрадован был я, услышавши сии слова; «в солдаты», — повторила она, и на другой день то было исполнено. — Несмысленная! она думала, что так, [как] и поселянам, поступление в солдаты есть наказание. Мне было то отрада; и как скоро мне выбрили лоб, то я почувствовал, что я переродился. Силы мои обновились. Разум и дух начали опять действовать. О, надежда! сладостное несчастному чувство, пребуди во мне! — Слеза тяжкая, но не слеза горести и отчаяния иступила из очей его. — Я прижал его к моему сердцу. Лице его озарилось новым веселием. — Не все еще исчезло; ты вооружаешь

душу мою, — говорил он мне, — против скорби, дав чувствовать мне, что бедствие мое не бесконечно. . .

От сего несчастного я подошел к толпе, среди которой увидел трех скованных человек крепчайшим железом. Удивления достойно, — сказал я сам себе, взирая на сих узников, — теперь унылы, томны, робки, не токмо не желают быть воинами, но нужна даже величайшая жестокость, дабы вместить их в сие состояние; но обыкнув в сем тяжком состоянии звания, становятся бодры, предприимчивы, и даже гнушаются своего прежнего состояния. Я спросил у одного близстоящего, который по одежде своей казался быть приказным служителем: — Конечно, остерегаясь их побегу, заключили их в такие тяжкие оковы? — Вы отгадали. Они принадлежали одному помещику, которому понадобились деньги на новую карету, и, чтоб ее иметь, он продал их для отдачи в рекруты казенным крестьянам.

Я. Ты ошибаешься, мой друг, казенные крестьяне не могут покупать своей братии.

Он. Не продажею оно и делается. Господин сих несчастных, взяв по договору деньги, отпускает их на волю; они, будто по желанию, приписываются в государственные крестьяне в той волости, которая заплатила за них деньги; а волость по мирскому приговору отдает их в солдаты. Их везут теперь с отпускными для приписания в нашу волость.

Вольные люди, не учинившие никакого преступления, заключаются в оковы и продаются как скоты! — О законы! премудрость ваша часто бывает в одном вашем слоге! Не явное ли вам это посмеяние? Но и еще горшее того посмеяние священного имени вольности! О, если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы ваша, главы бесчеловечных своих господ, и кровию вашуею обагрили нивы свои! Что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторглись великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены. — Не мечта сие, но взор проникает густую завесу времени, от очей наших будущее сокрывающую; я зрю сквозь целое столетие. — С негодованием отошел я от толпы.

Но склепанные узники теперь вольны. Если бы хотя немного имели твердости, утщетили бы удручительные помыслы своих тиранов. — Возвратимся. — Друзья мои, — сказал я пленникам в отечестве своем, — ведаете ли вы, что если вы сами не желаете вступить в воинское звание, никто принудить к тому вас теперь не может? — Перестань, барин, шутить над горькими людьми; и без твоей шутки больно было расставаться одному с дряхлым отцом, другому с малолетними сестрами, а третьему с молодой женою. Мы знаем, что господин нас продал для отдачи в рекруты за тысячу рублей. — Если вы до сего времени не ведали, то ведайте, что в рекруты продавать людей запрещается; что крестьяне людей покупать не могут; что вам от барина дана отпускная и что вас покушники ваши хотят приписать в свою волость будто по вашей воле; но вы теперь совершенно свободны и можете располагать собою, как захотите. — О, если так, то спасибо тебе, барин: когда нас поставят в меру, то все

скажем, что в солдаты не хотим и что мы люди вольные. — Прибавьте к тому, что вас продал ваш господин не в указное время* и что отдают вас насильным образом. — Легко себе вообразить можно радость, распростершуюся на лицах сих несчастных. Воспрянув от своего места и бодро потрясая свои оковы, казалось, что испытывают свои силы, как бы их свергнуть. Но разговор сей ввел было меня в великие хлопоты: отдатчики рекрутские, вразумев силу моей речи, воспламенились гневом и, прискочив ко мне, говорили: — Барин, не в свое дело мешаешься, отойди, пока сух, — и, сопротивляющегося, начали меня поталкивать столь сильно, что я с поспешностию принужден был удалиться от этой толпы.

Подходя к почтовому двору, нашел я еще собрание поселян, окружающих человека в изодранном сюртуке, несколько, казалось, пьяного, кривляющегося при предстоящих, которые, глядя на него, хохотали до слез. — Что тут за чудо? — спросил я у одного мальчика, — чему вы смеетесь? — А вот рекрут иноземец, по-русски не умеет пикнуть. — Из редких слов, им изреченных, узнал я, что он француз. Любопытство мое еще более возбудилось; я желал узнать, как иностранец мог отдаваем быть в рекруты крестьянами? — Я спросил его на сродном ему языке: — Мой друг, какими судьбами ты попал сюда?

Француз. Судьбе так захотелось: где хорошо, тут и жить должно.

Я. Но каким образом в рекруты?

Француз. Я люблю воинскую жизнь; мне она уже известна; я сам захотел.

Я. Но как то случилось, что тебя отдают из деревни в рекруты? Из деревень в солдаты берут обыкновенно одних крестьян, и русских; а ты, я вижу, и не мужик и не русской.

Француз. А вот как. Я учился в Париже с малолетства перикмахерству. Выехал в Россию с одним господином. Жил с ним в Петербурге целый год и убирал его волосы. Ему заплатить мне было нечем. Я оставил его; не нашед места, чуть было не умер с голоду. По счастью мог попасть в матрозы на корабль, идущий под российским флагом. Но прежде отправления в море приведен я к присяге как российской подданный и отправился в Любек. На море часто корабельщик бил меня линьком за то, что я был ленив. По неосторожности моей я упал с вантов на палубу и выломил себе три пальца, что меня сделало навсегда неспособным управлять [гребнем]. Приехав в Любек, попался я скоро прусским наборщиком и служил там в разных полках. Нередко за леность и пьянство был бит палками. Заколов пьяной своего товарища, ушел из Мемеля, где я находился в гарнизоне. Вспомнив, что я обязан в России присягою, и как верный сын отечества, отправился я в Ригу с двумя талерами в кармане. Дорогою питался милостынею. В Риге счастье и искусство мне послужили: я выиграл в шинке рублей с двадцать и, купив себе за десять изрядное платье, отправился лакеем с казанским купцом в Казань. Но, проезжая Москву, встретился я на улице с двумя моими земляками, которые советовали мне оставить хозяина и искать в Москве учитель-

* Во время рекрутского набора запрещается совершать купчие.

ского места. Я им сказал, что худо читать умею, а писать и вовсе не горазд. Но они отвечали: — Ты говоришь по-французски, этого и довольно. Хозяин мой не видал, как я на улице от него отдалился и продолжал путь свой, а я остался в Москве. Скоро мне земляки мои нашли учительское место за сто пятьдесят рублей, пуд сахара, пуд кофе, десять фунтов чаю в год, стол, слуга и карета. Но жить надлежало в деревне. Тем лучше. Там целый год не знали, что я писать не умею. Но какой-то сват того господина, у которого я жил, открыл ему мою тайну, и меня свезли в Москву обратно. Не нашед другого подобного сему дурака, не могли отправлять мое ремесло с изломанными пальцами и боясь умереть с голоду, я продал себя за двести рублей. Меня записали в крестьяне и отдают теперь в рекруты. Надеюсь, — говорил он с важным видом, — что козь скоро будет война, то дослужуся до генеральского чина; а не будет войны, то набью карман и, увенчан лаврами, отъеду на покой в мое отечество.

Я пожал не один раз плечами, слушая сего бродягу, и с уязвленным сердцем бросился в кибитку и отправился далее в путь. Долго занимали меня виденные мною сцены; долго сии пагубные злоупотребления, допущенные в любезном моем Отечестве, терзали меня, пока наконец беспоконная дорога ослабила мои справедливые чувствования.

ЗАВИДОВО

Свежие лошади были уже впряжены в мою кибитку, и я приготавлился к отъезду, как вдруг сделался на улице великой шум. Люди начали бегать из края в край по деревне. На улице видел я воина в гранодерской шапке, гордо расхаживающего, которой, держа в руке поднятую толстую нагайку, кричал во все горло:

— Лошадей! скорее лошадей! где староста? Его превосходительство будет здесь чрез минуточку! Подайте сюда старосту! — Староста, сняв шляпу за сто шагов, бежал во всю прыть на сделанной ему позов. — Лошадей скорее! да минтом же, а не то. . . — Тотчас, батюшка; пожалуйста подорожную. — На. Да скорее же поворачивайся! видишь ли? — [говорил он], поднимая нагайку над головою дрожащего старосты. — Сия недоконченная речь столь же была исполнена выражения, как в «Енеиде» у Виргилия речь Эола к ветрам: «Я вас!». . . И, сокращенный видом нагайки властноповелительного гранодера, староста столь же живо ощущал мощь десницы грозящего воина, как бунтующие ветры ощущали над собою власть сильной Эоловой остроги. — Возвращая новому Полкану подорожную, староста говорил: — Его превосходительству с честною его фамилией потребно пятьдесят лошадей, а у нас только тридцать налицо, другие же в разгоне. — Роди, старый черт! А не будет лошадей, то всего тебя изуродую. — Да где же их взять, господин служивой, коли взять негде. — Разговорился еще! А вот лошади у меня будут. . . — и, схватя старика за бороду, начал его валять по плечам нагайкою. — Полно ли с тебя? Да вот три свежие, — говорил строгий судья ямскова стана,

указывая на впряженных в мою повозку. — Выпряги их для нас. — Коли барин-то отдаст. — Как бы он и не отдал! У меня и ему то же достанется. Да кто он таков? — Невесть какой-то и как его величают, не знаю.

Между тем я, вышед на улицу, воспретил храброму предтече его превосходительства исполнить его намерение, чтоб выпрягнуши из моей повозки лошадей, заставить меня ночевать в почтовой избе.

Спор мой с гранодерским Полканом был прерван приездом его превосходительства. Еще издали слышен был крик ямщиков и топот лошадей, скачущих во всю мочь. Частое биение копыт и зрению уже неприметное обращение колес поднимающеюся пылью столько сгустили воздух, что колесница его превосходительства закрыта была непроницаемым облаком от взоров ожидающих его, как громовой тучи, ямщиков. Дон Кишот, конечно, увидел бы тут нечто чудесное: ибо несущееся пыльное облако под знатною его превосходительства особою, вдруг остановясь, разверзлося, и он предстал нам от пыли серовиден, как отродие черных.

От приезда моего на почтовой стан до того времени, как лошади вновь впряжены были в мою повозку, прошло по крайней мере целой час. Но повозки его превосходительства запряжены были не более как в четверть часа. . . и поскакали они на крыльях ветра: а мои клячи хотя лучше казались тех, кои удостоились везти особу его превосходительства, но, не бояся гранодерской нагайки, бежали посредственно рысью.

Блаженни в единовластных правлениях вельможи! Блаженни украшенные чинами и лентами! Вся природа повинуется им. Даже несмысленные скоты угождают их желаниям, и, дабы им в путешествии зевая не соскучилось, скачут они, не жалея ни ног, ни легкого, и нередко от натуги околевают. Блаженни, повторю я, имеющие внешность, к благоговению всех влекущую. Кто ведает из трепещущих от плети, им грозящей, что тот, во имя коего ему грозят, называется в придворной грамматике безгласным; что ему ни А. . . , ни О. . . во всю жизнь сказать не удалось*; что он одолен, и сказать стыдно кому, своим возвышением; что в душе своей он есть скареднейшее существо; что обман, вероломство, предательство, прелюбодеяние, отравление, татьство, грабеж, убийство не больше ему стоят, как выпить стакан воды; что ланиты его никогда не краснели, разве от гнева или пощечины; что он друг всякого придворного истопника и раб едва-едва нечто при дворе значущего. Но властелин и презирающ не ведающих его низости и гнусного ползания. Знатность без истинного достоинства подобна колдунам в наших деревнях. Все крестьяне их почитают и боятся, думая, что они чрезвычайные повелители. Эти обманщики властвуют над ними по своей воле. А как скоро в [боготворящую] их толпу завернется мало кто отчуждавшийся грубейшего их невежества, то обман их обнаруживается, и таковых дальновидцев они не терпят в том месте, где они творят чудеса свои. — Равно берегись и [тот], кто посмеет обнаружить колдовство вельмож!

* Смотри рукописную «Придворную грамматику» Фон-Визина.

Но где мне гнаться за его превосходительством! Он поднял пыль столбом, которая по пролете его исчезла, и я, приехав в Клин, нашел даже память его погибшую с шумом.

КЛИН

— «Как было во городе во Риме, там был да жил Евфимиан князь. . .» — Поющий сию народную песнь, называемую «Алексеем божим человеком», был слепой старик, сидящий у ворот почтового двора, окруженный толпою по большей части ребят и юношей. Сребровидная его глава, замкнутые очи, вид спокойствия на лице его заставляли взирающих на певца предстоять ему с благоговением. — Напев его, хотя и искусственной, но нежностью изречения сопровождаемый, проникал в сердца его слушателей, лучше природе внемлющих, нежели взрощенные в благогласии уши жителей Москвы и Петербурга внемлют кудрявому напеву Габриелли, Маркези и Тоди. Никто из предстоящих не остался без глубокого впечатления, когда клинский певец, дошед до разлуки своего героя, едва прерывающимся гласом изрекал свое повествование. Место, на коем были его очи, исполнилось исступавших из чувствительной его души слез, и потоки оных пролилися по ланитам воспевавшего. — О природа, колико ты властительна! Взирая на плачущего старца, жены возрыдали; со уст юности отлетела спутница ее, улыбка; на лице отрочества явилась робость, неложный знак болезненного, но неизвестного чувствования; даже мужественный возраст, к жестокости толико привыкший, воспринял вид важности. — О! природа, — повторил я снова.

Сколь сладко неязвительное чувство скорби! Колико обновляет она сердце и оною чувствительность. Я рыдал вслед за ямским собранием, и слезы мои были столь же сладостны, как исторгнутые из сердца Вертером. . . О мой друг! мой друг! почто не видал ты этой картины? Ты бы прослезился вместе со мною, и сладость взаимного чувствования была бы гораздо усладительнее.

По окончании песнопения все предстоящие давали старцу как будто бы награду за труд его. Он принимал все денежки и копейки, все куски и [краюшки] хлеба довольно равнодушно, но всегда сопровождая благодарность свою поклоном, крестясь и говоря к подающему: — Дай бог тебе здоровья! — Я не хотел отъехать, не быв сопровождаем молитвою сего, конечно, приятного небу старца. Желал его благословения на совершение пути и моего желания. Казалось мне, да и всегда сие мечтаю, как будто соблагословение чувствительных душ облегчает стезю в шествии и отъемлет терние сомнительности. Подошел к нему, я в дрожавшую его руку столько же дрожащую от боязни, положил ему серебряный рубль. Перекрестясь, не успел он изречи обыкновенного своего желания подающему, как отвлечен был от продолжения необыкновенным ощущением, почувствовав в горсти своей мое подаяние. Это уязвило мое сердце. Ах, сколько приятнее ему, — говорил я сам себе, — подаваемая ему полупушка!

Он чувствует в ней обыкновенное к бедствиям соболезнование человечества; в моем же рубле ощущает, может быть, мою гордость и тщеславие. Он не сопровождается своим благословением. О, колико мал я сам себе тогда казался; колико завидовал подавшим денежку и краюшку хлеба певшему старцу! — Не пятак ли? — сказал он, обращая речь свою неопределенно, так как и всякое свое слово. — Нет, дедушка, рублевик, — сказал близстоящий его мальчик. — Почто такая милостыня? — сказал слепой, опуская места своих очей и ища, казалось, мысленно вообразить себе то, что в горсти его лежало. — Почто она не могущему ею пользоваться? Если бы я не лишен был зрения, сколь бы велика была за оную моя благодарность. Не имея в нем нужды, я мог бы снабдить им неимущего. Ах! если б он был у меня после бывшего здесь пожара, тогда умолк бы хотя на один день вопль алчущих птенцов моего соседа. Но на что он мне теперь? Не вижу, куда его и положить; подаст, может быть, он случай к преступлению. Денежку не много прибыли украсть, но за рублем охотно многие протянут руку. Возьми его назад, доброй господин, и ты и я с твоим рублем можем сделать вора. — О истина, колико ты тяжка чувствительному сердцу, когда ты служишь в укоризну! — Возьми его назад, мне, право, он не надобен, да и я его уже не стою: ибо не служил изображенному на нем государю. Угодно было создателю, чтобы я в бодрых еще моих летах лишен был вождей моих. Терпеливо сношу его прещение. За грехи мои он посетил меня. — Я был воин; бывал на многих битвах с неприятелями Чотечества; сражался всегда неробко. Но воину всегда должно быть по нужде. Ярость исполняла всегда мое сердце при начатии сражения; я не щадил никогда у ног моих лежащего неприятеля и просящего безоруженному помилования не дарил. Вознесенный победою оружия нашего, когда устремлялся на карание и добычу, пал я ниц, лишенный зрения и чувств пролетевшим мимо очей в силе своей пушечным ядром. О! вы, последующие мне, будьте мужественны, но помните человечество. — Возвратил он мне мой рубль и сел опять на место свое покойно.

— Прими свой праздничной пирог, дедушка, — говорила слепому подошедшая женщина лет пятидесяти. — С каким восторгом он принял его обеими руками. — Вот истинное благодеяние, вот истинная милостыня. Тридцать лет сряду ем я сей пирог по праздникам и по воскресеньям. Не забыла ты своего обещания, что ты сделала во младенчестве своем. И стоит ли то, что я сделал для покойного твоего отца, чтобы ты до гроба моего меня не забывала? Я, друзья мои, избавил отца ее от обыкновенных нередко побой крестьянам от проходящих солдат. Солдаты хотели что-то у него отнять; он с ними заспорил. Дело было за гумнами. Солдаты начали мужика бить; я был сержантом той роты, которой были солдаты, прилучился тут; прибежал на крик мужика и его избавил от побой; может быть, чего и больше, но вперед отгадывать нельзя. Вот что вспомнила кормилица моя нынешняя, когда увидела меня здесь в нищенском состоянии. Вот чего не позабывает она каждой день и каждой празд-

¹⁻¹ В рукописи нет листа; текст воспроизводится по Печ.

ник. Дело мое было невеликое, но доброе. А доброе приятно господу; за ним никогда ничто не пропадает.

— Неужели ты меня столько пред всеми обидишь, старичок, — сказал я ему, — и одно мое отвергнешь подавание? Неужели моя милостыня есть милостыня грешника? Да и та бывает ему на пользу, если служит к умягчению его ожесточенного сердца. — Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце естественною казнию, — говорил старец, — не ведал я, что мог тебя обидеть, не приемля на вред послужить могущего подавания; прости мне мой грех, но дай мне, коли хочешь мне что дать, дай, что может мне быть полезно. . . Холодная у нас была весна, у меня болело горло, — платчишка не было чем повязать шеи — бог помиловал, болезнь миновалась. . .]¹ Нет ли старинького у тебя платка? Когда у меня заболит горло, я его повяжу; он согреет мою шею; горло болеть перестанет; я тебя вспоминать буду, если тебе нужно воспоминание нищего. — Я снял платок с моей шеи, повязал на шею слепца — и расстался с ним.

Возвращаясь после чрез Клин, я уже не нашел слепого певца. Он за три дни до моего приезда умер. Но платок мой, сказывала мне та, которая приносила ему пирог по праздникам, заболев, надел пред смертью на шею. И с ним положили его во гроб. — О! если кто чувствует цену сего платка, тот чувствует и то, что во мне происходило, слушав это!

ПЕШКИ

Сколько мне ни хотелось поспешать к окончанию моего путешествия, но, по пословице, голод — не свой брат — принудил меня зайти в избу и, доколе не доберуся опять до рагу, фрикасе, паштетов и прочего французского кушанья, на отраву изобретенного, принудил меня пообедать старым куском жареной говядины, ехавшей со мною в запасе. Пообедав сей раз гораздо хуже, нежели иногда обедают многие полковники — не говорю о генералах — в дальних походах, я, по похвальному общему обыкновению, налил в чашку приготовленного для меня кофею и услаждал прихотливость мою плодами пота несчастных африканских невольников.

Увидев предо мною сахар, месившая квашню хозяйка подслала ко мне маленького мальчика попросить кусочек этого боярского кушанья. — Почему боярского, — сказал я ей, отдавая ребенку остаток моего сахара, — неужели и ты употреблять его не можешь? — Потому и боярское, что нам купить его не на что, а бояре употребляют его для того, что не сами достают деньги. Правда, что и бурмистр наш, когда ездит к Москве, то его покупает, но также на наши слезы. — Разве ты думаешь, что тот, кто употребляет сахар, заставляет вас плакать? — Конечно, все ваши братья, господа дворяне. Не слезы ли ты пьешь крестьян своих, когда заставляешь их есть такой же хлеб, какой мы едим? — Говоря это, показала она мне состав своего хлеба. Оный состоял из трех частей мякины и одной части несеяной муки. — Да и то слава богу при нынешних неурожаях. У многих соседей наших и того хуже.

Что ж вам, бояре, в том прибыли, что вы едите сахар, а мы голодны? Ребята мрут, мрут и взрослые. Но как быть! потужишь, потужишь, а делай то, что господин велит. — И начала сажать хлебы в печь.

Эта укоризна, произнесенная не гневом или негодованием, но глубоким ощущением душевной скорби, исполнила сердце мое грустию. Я обозрел в первый раз внимательно всю утварь крестьянския избы. Первой раз обратил сердце к тому, что доселе на нем скользило. — Четыре стены, до половины покрытые, так, как и весь потолок, сажею; пол ковром и весь в щелях, покрытый на вершок грязью; глиняная битая печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом наполняющий избу; небольшие окошки, в коих вместо стекол натянута говяжий пузырь, от чего и в самый полдень свет в избе изображает сумерки; горшка два или три — счастлив хозяин избы, когда в одном из них всякой день есть пустые щи! — Деревянная чаша и кружки, называемые тарелками; стол топорной, которой по праздникам скоблят косарем, употребляемым и для щепания березовой лучины, горящей вместо свеч; корыто кормить свиней или телят, буде оные есть; к счастью кадка с квасом, на уксус похожим; светец, лоханка и рукомойник. На дворе баня, которая вместе с тем служит и хлевом для скотины. Посконная толстая рубаха; обувь, данная природою, онучки с лычными лаптями для выхода. — Вот в чем почитается по справедливости источник государственного избытка, силы, могущества; но тут же видны слабость, недостатки, злоупотребление законов и их, так сказать, шероховатая сторона. Тут видна алчность дворянства, грабеж, мучительство наше и беззащитное состояние нищеты. — Звери алчные, пиявицы ненасытные, что мы оставляем крестьянину? то, чего отнять у него не можем — воздух. Мы нередко отнимаем у него не токмо дар земли, хлеб и воду, но и самый свет. Закон запрещает отнять у него жизнь: но и в этом одна боязнь останавливает многих; мы не столько боимся закона естественного и суда божия, сколько закона гражданского и Уголовной палаты; хотя подкупы и лихоимство судей явным образом допускаются правительством чрез посредство послабления и невнимательности; и самое верховное судилище не изъято от сего злоупотребления; корысть, фамильные связи, покровительство случайных лиц всюду господствуют, и преступления остаются не наказанными. Таковое пагубное правление не подает ли злым помещикам множества способов притеснять своих подданных и исполнять свое злодейство постепенно? С одной стороны — почти полновластие, с другой — немощь беззащитная. Ибо помещик в отношении своего крестьянина есть законодатель, судия, исполнитель своего решения и, по желанию своему, истец, против которого ответчик ничего сказать не может. Вот жребий заклепанного во узы! Вот жребий заключенного в мрачной темнице! Вот жребий вола во ярме! . .

Жестокосердый помещик! посмотри на детей крестьян, тебе подвластных. Они почти наги. Отчего? Не ты ли родших их в болезни и горести обложил сверх полевых и прочих работ тягостным оброком? Не ты ли не сотканное еще полотно определяешь себе на пользу? На что тебе смрадное рубище, которое рука твоя, к неге привыкшая, поднять гну-

шается? Едва послужит оно на отирание принадлежащего тебе скота. Ты собираешь и то, что тебе не надобно, несмотря на то, что неприкрытая нагота твоих крестьян послужит тебе в укор и обвинение. Если здесь нет на тебя суда, то страшись судии, не ведающего лицепрятия, подавшего и тебе благого путеводителя: совесть, но коего развратный твой рассудок давно изгнал из своего жилища, из сердца твоего. Но не ласкайся безвозмездием. Этот неусыпный страж твоих деяний и помыслов уловит тебя в свое время, и ты ощутишь его убийственные кары. О, если бы они были тебе и подвластным тебе на пользу! — О, если бы человек, входя почасту во внутренность свою, исповедал бы неукротимому судии своему, совести, свои деяния! — Претворенный в столп неподвижный громopodobным ее гласом, не покушался бы он на тайные злодеяния; редки бы тогда стали губительства, тайные злодеяния, опустошения и проч. и проч. . .

ЧЕРНАЯ ГРЯЗЬ

Здесь я видел также опыт самовластия дворянского над крестьянами. Проезжала тут свадьба. Но вместо радостного поезда и слез боязливой невесты, скоро в радость претвориться определенных, зрелись на челе вступающих в супружество печаль и уныние. Они ненавидят друг друга, но властью господина своего влекутся на казнь, к алтарю отца всех благ, подателя нежных чувствований и веселия, зиждителя истинного блаженства, творца вселенныя. И служитель его принял клятву, исторгнутую властью, и утвердил брак! И сие называется союзом божественным! И богохуление остается на пример другим! И неустройство сие в законе пребывает ненаказанным! И злоупотребление власти не ограничивается! И духовные отцы, долженствующие быть твердою опорю невинности, защитою насилия, блюстителями истины, гонителями порока, стражами душевной чистоты своего паства, нелицеприятными, бестрепетными судиями, подобно всем слабым смертным, погружаются в тину беззакония: корысть — их бог, корысть — их алтарь, корысть — их закон, корысть — их природа; после этого каких добродетелей, каких высоких чувствований ожидать от них можно? Это волки, облеченные агнчею личиною! И эти волки есть наши путеводители и решители небесной воли! А вы, тупые и надменные самодержавием властители! войдите подробнее, внимательнее в тягости, нужды, скорби вам подвластных; они имеют равную вам душу, те же чувства, принаровите к себе всякое зло, какое только ваша неограниченность исполнить в состоянии; поставьте себя на месте каждого из сих несчастных, тогда вы познаете, тогда вы поверите, что человечество имеет одинакие свойства в сложении своем и вы не можете ничем возгордиться пред последним из ваших подданных. — В очах всемогущего мы все равны. — Возьмем себя в отношении к будущему, возьмем себя оселком религии, оснуемся на вере, как истинные христиане, и увидим ясно, что это будущее, на коем мы основываемся, что самое преселение и жизнь вечная ничего другого нам не предуготовляет, как Равенство. Всеобщий судия не будет ли судить нас по делам нашим,

но не по званию, не по породе, которыми мы столько здесь гордимся? — Так что ж земное? Злодейство, грабеж, насилие, святотатство! — Но почто удивляться этому? Благословляет брак наемник; градоправитель, определенный для охранения закона, — тот же дворянин. Тот и другой имеет в том свою пользу. Первый ради получения мзды; другой, дабы, истребляя поносительное человечеству насилие, не лишиться самому лестного преимущества самовластно управлять себе подобным. — О! горестная участь многих миллионов! конец твой сокрыт еще от взора и внучат моих! . .

Я позабыл сказать тебе, читатель, что парнасской судия, с которым я в Твери обедал в трактире, сделал мне подарок. Голова его над многим чем испытывала [свои] силы. Сколь же опыты его удачны были, суди сам; а мне скажи на ушко, каково тебе покажется. Если, читая, захочется тебе спать, то сложи книгу и — усни. Береги ее для бессонницы.

[Слово о Ломоносове]^a

Приятность вечера после жаркого летнего дня выгнала меня из моей кельи. Стопы мои направил я за Невской монастырь и долго гулял в роще, позади его лежащей*. Солнце сокрыло уже лицо свое, но легкая завеса ночи едва-едва на синем своде была чувствительна**. Возвращаясь домой, я шел мимо Невского кладбища. Ворота были отворены. Я вошел. — На сем месте вечного молчания, где наитвердешшее чело поморщится, приведя себе на память, что тут долженствует быть конец всех блестящих подвигов; на месте незыблемого спокойствия и неколебимого равнодушия могло ли бы, казалось, совместно быть кичение, тщеславие и надменность? Но великолепные гробницы не есть ли несомненные знаки человеческия гордыни, знаки желания его — жить вечно? Но это ли вечность, которой человек столько жаждет? — Не столп, воздвигнутый над тлением твоим, сохранит память твою в дальнейшем потомстве. Не камень со иссечением твоего имени пренесет славу твою в будущие столетия. Слово твое, живущее присно и вовеки в творениях твоих, слово российского племени, тобою в языке нашем обновленное, пролетит во устах народных за необозримый горизонт столетий. Пускай стихии, свирепствуя сложенно, разверзнут земную хлябь и поглотят сей великолепный град, откуда громкое твое пение раздавалось во все концы обширных России; пускай яростный некий завоеватель истребит даже имя любезного твоего отечества: но доколе слово российское будет ударять в слух, ты жив будешь и не умрешь. Если умолкнет оно, то и слава твоя угаснет. Лестно, лестно так умереть! Но если кто умеет исчислять меру сего продолжения, если перст гадания назначит предел твоему имени, то не се ли вечность? — Сие изрек я в восторге, остановясь пред памятником, воздвигнутым над прахом Ломоносова. — Нет, не хладный ка-

^a Нга — С. . . . Л. . . .

* Озерки.

** Июнь.

мень сей повествует, что ты жил на славу имени российского, не может он сказать, что ты был. Твои творения повествуют нам о том; житие твое скажет нам, почто ты славен так.

Где ты, о возлюбленный мой! где ты? Приди беседовать со мною о великом муже. Прииди, да соплетем венец насадителю российского слова. Пускай другие, раболепствуя власти, превозносят хвалою силу и могущество: мы воспоем песнь заслуге обществу.

Михаил Василиевич Ломоносов родился в Холмогорах. — Рожденный от человека, который не мог дать ему воспитания, дабы посредством одного понятие его изострилось и украсилось полезными и приятными знаниями; определенный по состоянию своему препровождать дни свои между людей, коих окружность мысленная области не далее их ремесла простиралась; сужденный делить время свое между рыбным промыслом и старанием получить мзду своего труда, — разум молодого Ломоносова не мог бы достигнуть той обширности, которую он приобрел, трудясь в испытании природы, ни глас его той сладости, которую он имел от обхождения с чистейшими музами. От воспитания в родительском доме он приобрел только ключ учения — знание читать и писать, а от природы — любопытство. И се, природа, твое торжество! — Алчное любопытство, вселенное тобою в наши души, стремится к познанию вещей; а кипящее сердце славолубием не может терпеть стесняющих пут его. Ревет оно, клокочет, стонет, и, махом прерывая узы, летит стремглав, и нет преткновения к предлогу своему. Забыто все, один предлог в уме; им дышим, им живем.

Не выпуская из очей своих вождя предмета, юноша собирает познание вещей в слабейших ручьях протекшего наук источника до низжайших степеней общества. Чуждый руководства, столь нужного для ускорения в познаниях, он первую силу разума своего — память, острит и украшает тем, что бы рассудок его изощрять долженствовало. — Сия тесная округа сведений, кои он мог приобрести на месте своего рождения, не могла удовлетворить жаждущего духа, но более возгла в юноше непреодолимое стремление к учению. Блажен! что в возрасте, когда волнение страстей изводит нас впервые из нечувствительности, когда приближаемся степени возмужалости, стремление его обратилось к познанию вещей.

Ломоносов, подстрекаемый алчною науки, оставляет дом родительский; течет в престольный град, приходит в обитель иноческих муз и вмещается в число юношей, посвятивших себя учению свободных наук и слову божию.

Преддверие учености есть познание языков; но представляется как поле, тернием насажденное и как гора, острыми камнями усеянная. — Глаз не находит тут приятности расположения, стопы путешественника не обретают спокойного убежища утомленным силам. — Так, учащийся, приступив к неизвестному языку, поражается разными звуками. Гортань его необыкновенным произношением исходящего из нее воздуха утомляется, и язык, принужденный извиваться новообразно, изнемогает. Разум цепенеет; рассудок без действия ослабевает; воображение теряет свои

крылия; единая память бдит и острится и все излучины и отверстия свои наполняет образами неизвестных доселе звуков. При учении языков все отвратительно и тягостно. Если бы не подкрепляла надежда, что, причувствив слух свой к необыкновенности звуков и усвоив чуждые произношения, не откроются потом приятнейшие предметы, то неуповательно, восхотели бы кто вступить в столь строгий путь. Но, превзошед сии трудности, коликократно награждается постоянство в понесенных трудах. Тогда новые представляются виды естества, новая цепь воображений. Познанием чуждого языка становимся мы гражданами той области, где он употребляется, советуем с жившими за многие тысячи лет, усвоаем их понятия; и всех народов и всех веков изобретения и мысли сочетаваем и приводим в единую мысль. — Таковы суть плоды просвещения!

Упорное прилежание в учении языков сделало Ломоносова согражданином Афин и Рима. И се наградилося его [постоянство]! Яко слепец, от чрева материя света не зревший, когда искусною главоврачевателя рукою воссияет для него величество дневного светила, — быстрым взором протекает он все красоты природы, дивится ее разновидности и простоте. Все его пленяет, все поражает. Он живет чувствует все изящности, восхищается и приходит в восторг. Таким образом Ломоносов, получивши сведение латинского и греческого языков, пожирал красоты древних витий и стихотворцев. С ними научился он чувствовать изящности природы; с ними научился познавать все обороты искусства, кроющегося всегда в одушевленных стихотворством видах; с ними научился излагать чувства свои, давать мыслям тело и душу бездыханному.

Если бы силы мои достаточны были, представил бы я, как сей великий муж постепенно водворял в свое понятие чуждые, кои преобразовались в душе его и разуме, явились в новом виде и блеске в его творениях или родили совсем другие, доселе уму человеческому неведомые красоты. Представил бы его, ищущего знания в древних рукописях своего училища и гонящегося за видом учения везде, где казалось быть его хранилище. Часто бывал он обманут в своих ожиданиях; но частым чтением духовных книг он положил основание к изящности своего слога; каковое чтение он предлагает всем желающим приобрести искусство русского слова.

Скоро любопытство его получило щедрое удовлетворение. Он стал учеником славного Вольфа. Отрясая правила схоластики или, лучше сказать, заблуждения, преподаваемого ему в монашеских училищах, он полагал твердые и ясные степени к восхождению во храм любомудрия. Логика научила его рассуждать; математика — делать верные заключения и убеждаться единою очевидностию; метафизика преподавала ему гадательные истины, ведущие часто к заблуждению; физика и химия, к коим, может быть, ради изящности силы воображения, прилежал он отлично, ввели его в жертвенник природы и открыли ему многие таинства; металлургия и минералогия, яко последственницы предыдущих, привлекли на себя его внимание; и герой наш, Ломоносов, хотел деятельно познать правила, в оных науках руководствующие.

Изобилие плодов и произведений понудило людей менять их на такие, в коих был недостаток. Это произвело торговлю. Великие в меновом торгу затруднения побудили мыслить о знаках, всякое богатство и всякое имущество представляющих. Изобретены деньги. Золото и серебро, как драгоценнейшие по своему совершенству металлы и доселе украшением служившие, преобразены стали в знаки, всякое стяжание представляющие. И тогда только, поистине тогда возгорелась в сердце человеческом сия ненасытная и мерзительная страсть к богатствам, которая, как всепожирающий пламень усиливается, получая пищу. Тогда, оставив свою первобытную простоту и природное свое упражнение — земледелие, человек предал живот свой свирепым волнам или, презрев глад и зной пустынный, протекал чрез оныя в неведомые страны для снискания богатств и сокровищ. Тогда, презрев свет солнечный, живой снисходил в могилу и, расторгнув недра земли, прорывал себе нору, подобно земному гаду, ищущему в ночи своей пищи. Тако человек, сокрываясь в пропастях земных, искал блестящих металлов и сокращал пределы своей жизни, питаясь ядовитым дыханием паров, из земли исходящих. Но как и самая отравя, став иногда привычкою, бывает необходимою человеку в употреблении, так и добывание металлов, сокращая дни ископателей, не отвергнуто ради своей [смертоносности], а более изысканы способы, добывать легчайшим образом большее число металлов по возможности.

Сие-то хотел познать Ломоносов деятельно и для исполнения своего намерения отправился в Фрейберг. Мне кажется, что зрю его пришедшего к отверстию, чрез которое истекает исторгнутый из недр земли металл. Примлет томное светило, определенное освещать его в ущелинах, куда солнечные лучи никогда досягать не могут. Исполнив первый шаг, — что делаешь? — вопиет ему рассудок. — Неужели для того только отличила тебя природа своими дарованиями, чтобы ты употреблял их на пагубу своей собратии? Что мыслишь, снисходя в сию пропасть? Желает ли сыскать вящее искусство извлекати серебро и золото? Или не ведаешь, какое они в мире сотворили зло? Или забыл завоевание Америки? — Но нет, снисходи, познай подземные ухищрения человека и, возвратясь в отечество, имей довольно крепости духа [подать совет] зарыть и заровнять сии могилы, где тысячи живых мгновенно погребаются.

Трепещущ снисходит он в отверстие и скоро теряет из виду живоносное светило. Желал бы я последовать ему в подземном его путешествии, собрать его размышления и представить их в той связи и тем же порядком, какими они в разуме его возрождались. Картина его мыслей была бы для нас увеселительна и вместе наставительна. Проходя первый слой земли, источник всякого прозябения, подземный путешественник обрел его несходственным с последующими, отличающимся от других более всего своею плодоносною силою. Заключал, может быть, из того, что земная сия поверхность не из другого чего составлена, как из тления животных и прозябений, что плодородие ее, сила питательная и возобновительная, имеет свое начало в неразрушимых и первенственных частях всяческого бытия, которые, не переменяя своего существа, переменяют только вид свой, из случайного сложения рождающийся. Проходя далее, подземный

путешественник видел землю всегда расположенную слоями. В слоях находил иногда остатки животных, в морях живущих, находил остатки растений и мог заключать, что слоистое расположение земли имеет свое начало в наплавном положении вод и что воды, переселяясь из одного края земного шара к другому, давали земле тот вид, какой она в недрах своих представляет. Сие единовидное слоев расположение, теряясь из его зрака, представляло иногда ему смещения многих разнородных слоев. Он заключил из того, что свирепая стихия — огонь, проникнув в недра земные и встретив себе противоборствующую влагу, ярьась, мутила, трясла, вадила и мешала все, что ей упорствовать тщилось противодействием. Смутив и смешав разнородные, знойным своим дхновением возбудила в первобытностях металлов силу притяжательную и их соединила. Там узрел Ломоносов сии мертвые по себе сокровища в природном их виде, вспомянул жадность и бедствие человеков и с сокрушенным сердцем оставил сие мрачное обиталище людской ненасытности.

Упражняясь в познании природы, он не оставил возлюбленного своего учения — стихотворства. Еще в отечестве своем случай показал ему, что природа назначила его к величию, что в обыкновенной стезе шествия человеческого он скитаться не будет. Псалтирь, Симеоном Полоцким в стихи преложенная, открыла ему таинство природы, показала, что и он стихотворец. Беседуя с Горацием, Вергилием и другими древними поэтами, он давно уже удостоверился, что российское стихотворение весьма было далеко стройности и важности языка нашего. Читая немецких стихотворцев, он находил, что слог их был плавнее российского, что стопы в стихах были расположены по свойству языка их. И так он вознамерился сделать опыт сочинения новообразными стихами, поставив сперва российскому стихотворению правила, на благогласии нашего языка основанные. Сие исполнил он, написав оду на победу, одержанную российскими войсками над турками и татарами и на взятие Хотина, которую из Марбурга он прислал в Академию наук. Необыкновенность слога, сила выражения, изображения, едва не дышащие, изумили читающих сие новое произведение. И сие первородное чадо стремящегося воображения по непроложенному пути в доказательство с другими купно послужило, что когда народ направлен единожды к усовершенствованию, он идет ко славе не одной тропинкою, но многими стезями вдруг.

Сила воображения и живое чувствование не отвергают разыскания подробностей. Ломоносов, давая примеры стройности, знал, что изящность слога основана на правилах, языку свойственных. Восхотел их извлечь из самого слова, не забывая, однако же, что обычай всегда первый подает примеры в сочетании слов и речении, из правил исходящие, становятся обычаем правильным. Раздробляя все части речи и сообразуя их с употреблением их, Ломоносов составил свою грамматику. Но не довольствуясь преподавать правила российского слова, он дает понятие о человеческом слове вообще как благороднейшем по разуму [даровании, данном] человеку для сообщения своих мыслей. Се сокращение общей его грамматики: Слово представляет мысли; орудие слова есть голос; голос изменяется образованием или выговором; различное его изменение изображает

различие мыслей; итак, слово есть изображение наших мыслей посредством образования голоса чрез органы, на то устроенные. Поступая далее от сего основания, Ломоносов определяет неразделимые части слова, коих изображения называют буквами. Сложение нераздельных частей слова производит склады, кои кроме образовательного различия голоса различаются так называемыми ударениями, на чем основывается стихосложение. Сопряжение складов производит речения, или знаменательные части слова. Сии изображают или вещь, или ее деяние. Изображение словесное вещи называется *имя*; изображение деяния — *глагол*; для изображения же сношения вещей между собою и для сокращения их в речи служат другие части слова. Но первые суть необходимы и могут называться главными частями слова, а прочие служебными. Говоря о разных частях слова, Ломоносов находит, что некоторые из них имеют в себе отмены. Вещь может находиться в разных в рассуждении других вещей положениях. Изображение таковых положений и отношений именуется падежами. Всякое деяние располагается по времени; отсюда и глаголы расположены по временам, для изображения деяний, в какое время оные происходят. Наконец, Ломоносов говорит о сложении знаменательных частей слова, что производит речи.

Предположив такое философическое рассуждение о слове вообще, на самом естестве телесного нашего сложения основанном, Ломоносов преподает правила российского слова. И могут ли они быть посредственными, когда начертавший их разум водим был в грамматических терниях светильником остроумия? Не гнушайся, великий муж, сея хвалы. Между согражданами твоими не одна твоя грамматика соорудила тебе славу. Заслуги твои о российском слове суть многообразны; и ты считаешься первым основателем языка нашего на самых истинных правилах. Твоя грамматика есть преддверие чтения твоея риторики, а та и другая есть руководительницы для ощущения красот, изображенных в твоих творениях. Поступая в преподавании правил, Ломоносов вознамерился руководствовать согражданам своим в стезях тернистых Геликона, показав им путь к красноречию, начертывая правила риторики и поэзии. Но краткость его жизни не допустила его из предположенного им труда совершить более одной половины.

Человек, рожденный с нежными чувствами, одаренный сильным воображением, побуждаемый любочестием, исторгается из среды народных. Восходит на лобное место. Все взоры на него стремятся, все ожидают с нетерпением его произречения. Его же ожидает торжественное рукоплескание или посмеяние, горшее самая смерти. Как можно быть ему посредственным? Таков был Демосфен, таков был Цицерон; таков есть ныне Питт, Фокс, Мирабо и другие. Правила их речи почерпаемы были в обстоятельствах, сладость изречения — в их чувствах, сила доводов — в их остроумии. Удивляясь столько отличным в слове мужам и раздробляя их речи, хладнокровные критики думали, что можно начертать правила остроумию и воображению, думали, что путь к прелестям можно проложить томными предписаниями. Это есть начало риторики. Ломоносов, не замечая того, следовал своему воображению, исправившемуся

беседую с древними писателями; думал также, что может сообщить согражданам своим жар, душу его исполнявший. И хотя в отношении сего предпринял он труд, но примеры, приводимые им для подкрепления и объяснения его правил, могут несомненно руководствовать пускающемуся вслед славы, словесными науками стяжаемой.

Но если труд его был тщетен в преподавании правил тому, что более чувствовать должно, нежели твердить, подобно детям, — Ломоносов любящим российское слово оставил самые надежнейшие примеры в своих творениях. В них сладостные уста Цицероновы и Демосфеновы растворяются на велеречие. В них на каждой строке, на каждом препинании, на каждом слоге, почто не могу сказать при каждой букве, слышен стройный и согласный звук столь редкого, столь мало подражаемого, столь свойственного ему благогласия речи.

Прияв от природы неопценное право действовать на своих современников, прияв от нее силу творения, поверженный в среду народных толпы, великий муж действует на оную, но и не в одинаком всегда направлении. [Подобен] силам естественным, действующим от средоточия, которые, простирая действие свое на все точки окружения, деятельность свою везде утверждают. — Так и Ломоносов, действуя на сограждан своих разнообразно, отверзал разнообразные общему уму стези на познания. Повлекши его за собою вслед, расплетая запутанный язык на велеречие, не оставил его при скудном источнике словесности. Воображению вещал: лети в беспредельность мечтаний и возможности, собери яркие цветы всего одушевленного и, вождаяся вкусом, украшай оными самую неосязаемость. И се снова гремевшая на Олимпийских играх Пиндарова труба возгласила хвалу всевышнего вослед псалмопевца. На ней возвестил Ломоносов величие предвечного, восседающего на криле ветренной, предшествуемого громом и молниями и в солнце являя смертным свою существенность, жизнь, прославил ее. Умеряя глас трубы Пиндаровой, на ней же он воспел бренность человека и близкой предел его понятий. В беспредельной бедне миров, как в морских волнах малейшая песчинка, как во льде искра, едва блестящая, как в свирепейшем вихре тончайший прах, — что есть разум человеческий? — Се ты, о Ломоносов. Одежда моя тебя не скроет.

Не завидую тебе, что, следуя общему обычаю ласкать царям, нередко недостойным не токмо похвалы, воспетой стройным гласом, но ниже гудочного бряцания, ты льстил похвалою Елисавете, и если бы можно было без уязвления истины и потомства, я простил бы тебе то ради признательных твоя души ко благодеяниям, ею на тебя излитым. Но не могущий писатель оды позавидует вослед тебе итти; позавидует прелестной картине народного спокойствия и тишины, сей сильной огады градов и сел, царств и царей утешения; позавидует бесчисленным красотам твоего слова; и если удастся когда-либо достигнуть непрерывной твоей в стихах стройности, но доселе еще не удалось никому. И пускай удастся всякому превзойти тебя своим сладкопением, пускай потомкам нашим покажешься ты нестроен в мыслях, избыточен в существенности стихов твоих! — но воззри: в просторном ристалище, коего конца не досязает око,

среди толпящейся многочисленности, на возгавии, впереди всех, кто отверзает врата? се ты, о Ломоносов! Всяк может прославиться подвигами, но ты был первый. Самому сильному нельзя отнять у тебя то, что дал тебе всеильный. Родив тебя прежде других, родил тебя в вожди, и слава твоя есть слава вождя. О вы, доселе бесплодно трудившиеся над познанием существенности души и как сия действует на телесность нашу, се трудная предлежит вам задача на испытание. Вещайте, как душа действует на душу, какая есть связь между умами? Если знаем, как тело действует на тело прикосновением, поведайте, как неосязаемое действует на неосязаемое, производя вещественность; или какое есть между безвещественностей прикосновение? Что оно существует, то знаете. Но если ведаете, какое действие разум великого мужа имеет над общим разумом, то ведайте еще, что великий муж может родить великого мужа; и сей твой победоносный венец, о Ломоносов! Ты произвел Сумарокова.

Но если действие стихов Ломоносова могло сделать размахистый шаг в образовании стихотворческого понятия его современникам, красноречие его чувствительного или явного ударения не сделало. Цветы, собранные им в Афинах и в Риме и столь удачно в словах его пересаженные, сила выражения Демосфенова, сладкоречие Цицероново, бесплодно употребленные, повержены еще во мраке будущего. И кто? — Он же, пресытившись обильным велеречием похвальных твоих слов, возгремит не твоим хотя слогом, но будет твой воспитанник. Далеко ли время сие или близко, блудящий взор, скитаяся в неизвестности грядущего, не находит подножия остановиться. Но если мы непосредственного от витийства Ломоносова не находим отродия, действие его стройности и звонкого препинания бесстопной речи было, однако же, всеобщее. Если не было ему последователя в витийстве гражданском, но на образ общий письма оно распространилось. Сравни то, что было писано до Ломоносова, и то, что писано после его, — действие его прозы будет всем внятно.

Но не заблуждаем ли мы в нашем заключении? Задолго до Ломоносова находим в России красноречивых пастырей церкви, которые, возвещая слово божие пастве своей, ее учили и сами словом своим славились. — Правда: они были; но слог их не был слог ни российской, ни гражданской. Они писали, как можно [было] писать до нашествия татар, до сообщения россиян с народами европейскими. Они писали наречием славянским, языком духовным. Но ты, зревший самого Ломоносова и в творениях его поучаяся, может быть, велеречию, забвен мною не будешь. Когда российское воинство, поражая гордых оттоманов, превысило чайные всех, на подвиги его взирающих оком равнодушным или завистливым, ты, призванный на торжественное благодарение богу браней, богу сил, о! ты, в восторге души твоей к Петру взывавший над гробницею его, да придет зрети насаждение вертограда своего и плода от нас возросшего: «Восстани, Петр, восстани!» — Когда очарованное тобою ухо очаровало по чреде око, когда казалось всем, что, приспевши ко гробу Петрову, воздвигнути его желаешь, силою вышнюю одаренный, тогда бы и я вещал к Ломоносову: зри, и здесь твое насаждение! Но если он в слове

мог тебя научить. . . В Платоне — душа Платона, и да восхитит и да увидит нас, чему учило его сердце.

[Чужды] раболепствования не токмо в том, что благоговение наше возбуждать может, но даже и в люблении нашем, мы, отдавая справедливость великому мужу, не возмним ему быть богом всезидущим, не посвятим его истукана на поклонение обществу и не будем пособниками в укоренении какого-либо предрассуждения или ложного заключения. Истина есть высшее для нас божество, и если бы всеильный восхотел изменить ее образ, являясь не в ней, лице наше от него будет отвращенно.

Следуя истине, не будем искать в Ломоносове великого дееписателя, не сравним его с Тацитом, Реналем или Робертсоном; не поставим его на степени Марграфа или Ридигера; ибо главная его управжние состояло в химии. Если сия наука была ему любезна, если многие дни жития своего провел он в исследовании истин естественности, но шествие его в сем случае было шествием последователя. Он пробивался путями проложенными, и в неисчисленном богатстве природы не нашел он ни малейших былинки, которой бы не зрели лучшие его очи, не соглядал он ниже грубейших пружины в вещественности, которую бы не обнаружили его предшественники.

Ужели поставим его близ удостоившегося наилестнейших надписи, которую человек низ изображения своего зреть может? — Надпись, начертанная не ласкательством, но истиною. Вот она: «Се исторгнувший гром с небеси и скиптр из руки царей!» — За то ли Ломоносова поставим близь его, что, проследовав электрической силе в ее действиях; что не отвращен был от исследования о ней, видя своего учителя силою ее смерти пораженного. Ломоносов умел производить электрическую силу, умел отвращать удары грома, но Франклин в сей науке есть зодчий, а Ломоносов — рукодел.

Но если Ломоносов не достиг великости в испытаниях природы, он описал нам великолепные ее действия слогом чистым и внятным. И хотя мы не находим в творениях его, до естественных науки касающихся, изящного учителя естественности, найдем, однако же, учителя в слове и всегда достойный пример на последование. Можно решительно сказать, что Ломоносов есть творец российского слова.

Итак, отдавая справедливость великому мужу, поставляя имя Ломоносова в достойную его лучезарность, мы не ищем здесь вменить ему и то в достоинство, чего он не сделал или на что не действовал; или только, распложая неистовое [слово], направляемся исступлением и пристрастием. — Цель наша не сия. — Мы желаем показать, что в отношении российской словесности тот, кто проложил путь ко храму славы, есть первый виновник в приобретении славы, хотя бы он не мог войти во храм. Бакон Веруламский не достоин разве наименования, что мог токмо сказать, как можно размножать науки? Разве не достойны признательности мужественные писатели, восстающие на всеилие и губительство; открывающие всякому классу гражданства свое истинное право, коим оно должно воспользоваться; объясняющие средства, коими может избавиться человечество из оков и пленения? — И мы не почтем Ломоносова для того,

что, не разумея правил позорищного стихотворения, томился в эпопеи, что чужд был в стихах чувствительности, не всегда пронизателен в суждениях и что в самых одах своих вмещал иногда более слов, нежели мыслей? — Но внемли: прежде начатия времен, когда не было бытию опоры и все терялося в вечности и неизмеримости, все источнику сил возможно было, вся красота вселенныя существовала в его мысли, но действия не было — не было начала. И се рука всемогущая, толкнув вещественность в пространство, дала ей движение. Солнце воссияло, луна прияла свет, и телеса, крутящиеся горé, образовались. Первый мах в творении всемогущ был; вся чудесность мира, вся его красота суть только следствия. — Вот как понимаю я действие великия души над душами современников или потомков; вот как понимаю действие разума над разумом. — В стезе российской словесности Ломоносов есть первый. — Беги, толпа завистливая, се потомство судит о нем; оно нелицемерно.

Но, любезный читатель! я с тобою закалякался. — Вот уже Всесвятское! — Если я тебе не наскучил, то подожди меня у околицы; мы поведемся на возвратном пути; теперь прощай! — Ямщик, погоняй! — —

МОСКВА! МОСКВА! —

ПРИЛОЖЕНИЯ

В. А. ЗАПАДОВ

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ «ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ» И «ВОЛЬНОСТИ»

I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ИЗДАНИЯ «ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ»

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕКСТОЛОГИИ «ПУТЕШЕСТВИЯ»

1. СПИСКИ И ИЗДАНИЯ «ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ» В КОНЦЕ XVIII—НАЧАЛЕ XX в.

Как известно из следствия по делу А. Н. Радищева, из 640 или 650 напечатанных в его домовой типографии экземпляров «Путешествия из Петербурга в Москву» уцелело около 30¹. Между тем в самых разных кругах русского общества произведение вызвало широчайший интерес. Вполне естественно поэтому, что с книги немедленно стали изготавливаться списки, затем списки со списков, со списков «списочного происхождения» новые списки и т. д. Рукописный способ распространения интересных читателям сочинений для XVIII—начала XIX в. был достаточно обычен (для примера можно назвать многочисленные списки «Поэтики» Феофана Прокоповича, сатир Кантемира — до вольнолюбивых стихотворений Пушкина, «Горя от ума», «Демона»). Однако случай с радищевским «Путешествием» без всяких преувеличений уникален, о чем свидетельствует количество дошедших до нашего времени списков.

К 1935 г. Я. Л. Барсков насчитал в государственных архивохранилищах и у частных лиц 28 списков «Путешествия»². В 1956 г. Л. И. Кулакова выявила уже 64 списка³. Количество учтенных мною на 1985 г. списков дошло до 96.

В Отделе рукописной и редкой книги ГПБ им. Салтыкова-Щедрина сейчас имеется 26 списков «Путешествия» (Я. Л. Барсков насчитал там 12, Л. И. Кулакова — 15 списков), в Отделе рукописей ГБ СССР им. В. И. Ленина — 18 (4 и 12 соответственно), в Отделе письменных источников ГИМ — 10 (2 и 8), в Отделе рукописей Института русской

¹ Подробнее об этом см. раздел III.

² См.: Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. М.; Л., 1935. С. 239—261. В дальнейшем в сносках сокращенно: Материалы. . .

³ Кулакова Л. И. Из истории создания и судьбы великой книги: (Новые материалы о Радищеве) // Учен. зап. ЛГПИ. Факультет языка и лит.-ры. Л., 1956. Вып. 5. С. 6. Правда, здесь названо 65 списков, но, как выяснилось впоследствии, включенная Л. И. Кулаковой в подсчет некая рукопись, якобы сохранный А. И. Аргамаковой, о которой сообщил в 1954 г. Г. П. Шторм, оказалась фикцией.

литературы (Пушкинский Дом) АН СССР — 10 (3 и 9), в ЦГАЛИ — 9 (1⁴ и 7), в библиотеке Музея Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде — 2 (1 и 1⁵), в ЦГАДА — 5 (2 и 2), библиотеке АН СССР — 1 (1 и 1), в ЦГИА — 1, в областных библиотеках и краеведческих музеях — 11 (у Барскова названы «саратовские списки», но в подсчет не включены; у Кулаковой указано 6), в разных коллекциях — 3 (3 и 3).

Увеличение количества списков в государственных архивах идет из четырех основных источников.

Во-первых, новые списки выявляются в составе фондов, ранее не описанных и не обработанных. Так, например, введенный в оборот Г. П. Штормом список Г обнаружился в ОПИ ГИМ в той части Щукинской коллекции, которая еще не была доступна Я. Л. Барскову и Л. И. Кулаковой. Правда, процесс этот, так сказать, «обратимый». Например, подробно описанный Я. Л. Барсковым под № XXIV список из собрания П. И. Щукина (№ 248) в выданной мне при работе в ОПИ ГИМ описи этого фонда отсутствовал. В бумагах Л. И. Кулаковой есть заметки о списке Музейного собрания ОПИ ГИМ (ф. 96, № 2196, бумага 1803—1814 гг.); мне этого списка увидеть не довелось, ибо данный фонд был опечатан и для работы закрыт. Опять-таки в бумагах Л. И. Кулаковой сохранилось описание двух списков из собрания И. Е. Забелина ОПИ ГИМ (ф. 440; один список на бумаге 1804 г., второй — очень поздний, на обратной стороне обложки — приписываемая Державину эпиграмма). В выданной мне описи собрания Забелина ни того, ни другого списка почему-то не оказалось; зато обнаружился третий список — неполный, начала 3-й четверти XIX в. (ф. 440, № 1063/б, без обложки и титульного листа).

Во-вторых, пополняются архивы путем приобретения частных коллекций. Таким образом, например, попали в ГПБ списки из собраний В. А. Десницкого, В. Ф. Груздева, в ГБЛ — Н. П. Смирнова-Сокольского и т. д.

В-третьих, постоянно увеличивается количество списков «Путешествия» за счет отдельных поступлений. Таким путем сформирован фонд А. Н. Радищева (ф. 1719) в ЦГАЛИ (часть списков была предварительно приобретена Гослитмузеем, а затем передана в архив). Аналогичным образом создан фонд А. Н. Радищева (ф. 624) в ГПБ. В 1980 г. очень интересный список (десятый в этом хранилище) приобрел от частного лица Рукописный отдел ИРЛИ — список, послуживший оригиналом для так называемого «шигинского издания» «Путешествия» (первоначальный шифр — Пост. 1980, № 54, новый — р. 1, оп. 24, № 451).

Наконец, четвертый «источник» пополнения списков в том или ином архиве — передача из другого хранилища. Например, хранящийся ныне в ВАН «воронцовский» список передан туда из бывшего Археографиче-

⁴ Имеется в виду список, хранившийся в Гослитмузее, переданный в ЦГЛА при его создании (преобразован в ЦГАЛИ). Точно так же список Библиотеки АН СССР ранее находился в Археографическом институте АН СССР.

⁵ Речь идет об анучинском списке, учтенном Я. Л. Барсковым и Л. И. Кулаковой; его местонахождение до 1968 г. было неизвестно.

ского института АН СССР (Воронцовский же архив в целом остался в ЛОИИ СССР АН СССР). Подаренный А. П. Бахрушиным в 1885 г. Радищевскому музею в Саратове список ныне передан в ЦГАЛИ (ф. 1719, оп. 2, № 4). Иногда следы передачи теряются. Так, у Я. Л. Барскова под № XXVI зарегистрирован «воейковский» список (на бумаге 1819 г.) из отдела документов хранилища Музея Революции СССР в Москве, но мне пока этого списка видеть не довелось: когда я обратился в Музей, мне ответили, что список передан в ГИМ; в ГИМ же, как мне было сказано, список из Музея Революции не поступал (зато в библиотеке ГИМ обнаружился печатный экземпляр «Путешествия», принадлежавший ранее Музею Революции). Рукопись, ранее принадлежавшая Музею Революции, нашлась в ЦГАДА (ф. 188, № 712), но это не «воейковский» экземпляр, а конволют из двух списков: первый из них содержит в себе полный текст «Путешествия», второй — только «Сон» (л. 244, на л. 245 название расширено: «Сон из сочинения под заглавием Путешествия из С : Петербурга в Москву господина Радищева»).

Таким образом, не все виденные Я. Л. Барсковым и Л. И. Кулаковой списки оказались доступными теперь. Однако, поскольку они находились в 1935—1956 гг. в государственных хранилищах (в частных коллекциях их было известно только два), маловероятно их уничтожение. Поэтому в подсчет включены и такие списки, которые хотя не были обследованы в ходе настоящей работы, но описаны названными исследователями.

Точная датировка списков в большинстве случаев невозможна. Конкретные пометы в рукописях встречаются крайне редко, например: «Начата 21 декабря 1805. Кончена 27 марта 1806» (ИРЛИ, р. II, оп. 1, № 331; надпись сделана чернилами в нижней части л. 117, где оканчивается текст; сходная карандашная запись стерта на л. 88: «Начал 21 декабря 1805. Окончил марта 27 дня 1806»). Другой пример — фиксация даты изготовления списка на его титульном листе: «1820 г. Августа 5. Красная горка. Северная звезда» (ГПБ, Q, XV. 62).

В некоторых, также редких, случаях время изготовления списка помогают установить иные материалы. Так, в экспозиции Костромского историко-архитектурного музея-заповедника находится список «Путешествия из Петербурга в Москву Н. Р.» (так! — шифр КОК № 181). Время изготовления списка по его внешнему виду, почерку, бумаге можно обозначить довольно неопределенно: первая четверть XIX в. Но по надписи на нем видно, что принадлежал он Н. Ф. Грамматину, а из писем М. В. Милонова известно, что копия с принадлежавшего ему оригинала снималась для Грамматина в июле—октябре 1810 г.⁶ В ГПБ имеются списки «Путешествия» и «Вольности», принадлежавшие О. М. Бодянскому (Собр. Титова, № 389) и А. А. Майкову (ф. 452, Майков, оп. 1, № 605 и 610). Сами списки можно датировать приблизительно — середина XIX в., однако письма Бодянского к Майкову позволяют предположить,

⁶ См.: Лотман Ю. М. Источники сведений Пушкина о Радищеве (1819—1822) // Пушкин и его время. Л., 1962. Вып. 1. С. 47. О списке идет речь в письмах Милонова от 9 июля, 18 августа, 6 октября 1810 г.

что список Бодянского относится к 40-м гг., а правку в него вносил Майков, одновременно изготавливая для себя копии «Путешествия» и «Вольности», в последней трети 1855 г. (подробнее см. раздел III).

И все же подавляющее большинство списков можно датировать только по филиграммам бумаги, а рукописи после 1830 г. — по характеру почерка, типу бумаги и чернил. Датировка по бумаге, как известно, дает в среднем приближение до трех лет (хотя может быть и очень точной: упоминавшийся уже список декабря 1805—марта 1806 г. изготовлен на бумаге 1801—1806 гг.). Тем не менее даже такая приблизительная датировка весьма существенна. Из 96 учтенных списков удалось уточнить датировку 91. В следующий далее подсчет включены как точно, так и приблизительно (по бумаге и почерку) датируемые списки.

К 1790-м гг. (бумага 1786—1799 гг.) относится 21 список; к 1801—1810 гг. — 27; к 1811—1825 (бумага не позднее 1824 г.) — 27; ко второй половине 1820-х (бумага 1825—1829 гг.) — 1840-м гг. — 9; к середине и концу XIX в. — 7 списков⁷. По разным причинам не удалось датировать 5 списков. Однако степень распространенности радищевского «Путешествия», безусловно, не может исчерпываться 96 учтенными ныне рукописями.

Во-первых, как видно из вышеизложенного, неизменно растет и, конечно, долго еще будет расти количество списков в государственных хранилищах.

Во-вторых, из общего количества 96 списков учтено только два, находившихся в частных руках. Между тем у собирателей-коллекционеров или просто у частных лиц — наследников ныне покойных «книжников» — хранится еще изрядное количество радищевских материалов.

В-третьих, донныне обследовались только те списки, которые имеются в СССР. Однако, вне всякого сомнения, достаточно большое количество их должно находиться за рубежом. Еще в 1809 г. в печати появилось сообщение о проникновении списков в Германию. В книге Г. А. В. фон Гельбига «Русские временщики»⁸ о судьбе книги Радищева, между прочим, сказано: «В России распространились списки ее, несколько экземпляров попало даже за границу. Эндорский Оракул содержит много мест, являющихся выдержками из этой книги». Вообще-то прекрасно известно, что Гельбиг — несусветный сплетник и враль, что содержащимся в его книге сведениям доверять ни в коем случае нельзя. Поэтому не удивительно, что большая часть сообщаемых им о Радищеве «фактов» ложна, что содержание «Путешествия» в его изложении ничего общего не имеет с книгой (ее Гельбиг и в глаза не видел), что, как доказано теперь, неверно и утверждение о публикации «выдержек из этой книги» в «Эндорском Оракуле». Однако сообщение о проникновении списков за границу

Названные здесь цифры расходятся с теми, которые привел с моих слов Н. Я. Эйдельман (см.: О повреждении нравов в России князя Щербатова и Путешествие А. Радищева: Факсимильное издание. М., 1983. С. 50—53). Объясняется это тем, что ему были сообщены в 1981 г. данные о 79 списках.

⁸ В русском переводе 1886 г. книга названа «Русские избранники и случайные люди», в издании 1900 г. — «Русские избранники».

соответствует действительности. В 1793 г. в июньской книжке одного из берлинских журналов появился немецкий перевод начала «Путешествия» — от «Выезда» до первого эпизода «Спасской Полести», озаглавленный «Часть одного путешествия по России. Перевод с русского»⁹. Список «Путешествия» был во Франции, у бывшего воспитателя П. А. Строганова — Жильбера Ромма¹⁰, — причем, несомненно, также список ранний, начала 90-х гг., ибо видный деятель Французской революции, монтаньяр Жильбер Ромм, приговоренный к смертной казни после поражения Прериальского восстания, кончил жизнь самоубийством 17 июня 1795 г. Доныне не введен в научный оборот список А. И. Герцена, служивший оригиналом для лондонского издания «Путешествия» 1858 г. Наконец, функционируют достаточно неопределенные, но настойчивые слухи о радицевских бумагах — документах и списках, оказавшихся за рубежом — во Франции, США и других странах — после Великой Октябрьской социалистической революции.

Впрочем, и то количество списков «Путешествия», которое выявлено в государственных хранилищах в настоящее время, аналогов не имеет. Вместе с тем надо иметь в виду, что, согласно самым осторожным расчетам (основанным на учете соотношения имеющихся и заведомо существовавших, но пока не обнаруженных или пропавших звеньев), на один сохранившийся список следует считать минимум два не дошедших до нас или еще не попавших в архивы либо пока не выявленных. Иначе говоря, самая «осторожная», минимальная суммарная цифра существовавших списков «Путешествия» — не менее 300. А ведь речь идет не о пяти-, десятистраничном стихотворении, а об огромном по объему произведении в 28,5 печатных листа в издании 1790 г. (по нормам нашего времени — свыше 10 печатных листов), занимавшем сотни страниц¹¹, на переписку которого уходило более четырех месяцев¹². Аналогичного примера устойчивого общественного интереса к литературному произведению вся история русской литературы просто не знает¹³.

⁹ См.: *Грасгоф Х., Хексельштейдер Е., Цигенгейст Г.* Первый немецкий перевод «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // Вопросы литературы. 1963. № 7. С. 138—144.

¹⁰ См.: *Орлов Вл.* Радищев и русская литература. Л., 1952. С. 46—47.

¹¹ Например, «келлеровский» список ЦГАЛИ состоит из 365 листов; «ефремовский» ЦГАЛИ — 698 страниц текста и 5 титульных листов; список из собрания Колобова № 407 в ГПБ писан на 178 листах форматом «в большую четверку»; неполный, сокращенный список Смирнова-Сокольского в ГБЛ и тот состоит из 448 страниц. Разумеется, рукописи форматом «в лист» при том же объеме текста занимают меньшее количество листов, например список Ф. А. Толстого в ГПБ — 84 л., список из библиотеки Министерства иностранных дел в ЦГАДА — 120 л. (237 страниц старой пагинации), «тихановский» в ГПБ — 163 л.

¹² Напомню: «Начал 21 декабря 1805. Окончил марта 27 дня 1806». Тот же (если не больший) срок потребовался на изготовление списка Н. Ф. Грамматина.

¹³ В первые десятилетия XIX в. с «Путешествием» отчасти мог «соперничать» «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина, но затем интерес к нему в рукописной традиции резко упал (что, вероятно, надо объяснять в первую очередь снижением интереса к самому жанру классицистической трагедии). Из произведений литературы XIX в. на первом месте, по-видимому, стоит «Горе от ума» А. С. Грибоедова, число

Роль списков, однако, не исчерпывалась только функцией литературного источника для непосредственного читателя. Со списками так или иначе связано большинство изданий «Путешествия» XIX в.

В 1858 г. А. И. Герцен в Лондоне выпустил «Путешествие из Петербурга в Москву» в конволюте с публицистическим трактатом М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России». Язык и стиль радищевского произведения здесь поновлен, причем поновлен в такой степени, что в литературоведении донныне существуют различные точки зрения на вопрос, что лежит в основе лондонского издания — печатный текст книги 1790 года (в дальнейшем — Печ.) или какой-то список.

Я. Л. Барсков не сомневался в том, что «Путешествие» издано в Лондоне по рукописному источнику. «К сожалению, — отмечал исследователь, — он (Герцен. — В. З.) не указывает, по какому списку напечатано „Путешествие“ и кому принадлежат многочисленные изменения в тексте»¹⁴.

Ту же точку зрения, но с оговоркой, высказывал книголюб и библиограф Н. П. Смирнов-Сокольский: «По всей вероятности, Герцен печатал „Путешествие“ по одному из рукописных экземпляров, завезенных кем-нибудь за границу»¹⁵.

Н. Я. Эйдельман допускал ранее два решения проблемы. По его мнению, «Путешествие» Герцену переслал П. В. Анненков, получив книгу или список с нее. После того как текст попал в Лондон, Герцен и Огарев, вероятно, сами произвели некоторое поновление стиля «Путешествия. . .», чтобы сделать его «более доступным для читателей»¹⁶.

Наконец, А. Г. Татаринцев в ряде работ, перечисляя владельцев печатных экземпляров «Путешествия» издания 1790 г., безоговорочно называет в их числе А. И. Герцена, тем самым указывая на книгу как источник лондонского издания¹⁷.

При такой разноголосице в суждениях следует хотя бы кратко сказать об источнике лондонского издания (далее — Л).

Прежде всего надо отметить варианты, которые свидетельствуют о том, что источником Л был какой-то список, а не книга. Так, в главе «Валдай» история любострастного монаха, переплывающего по ночам озеро, чтобы

списков которого доходит до 1000. Здесь, впрочем, следует учитывать «сценическое» происхождение многих списков комедии, а также ее небольшой (по сравнению с «Путешествием») объем.

¹⁴ Материалы. . ., с. 324. Далее Я. Л. Барсков приводит несколько разночтений из глав «Валдай» и «Едрово» по Печ. и изданию 1858 г. (с. 324—325).

¹⁵ Смирнов-Сокольский Н. Рассказы о книгах. Изд. 2-е. М., 1960. С. 109.

¹⁶ Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. М., 1973. С. 107. При подготовке факсимильного издания герценовского конволюта по просьбе Н. Я. Эйдельмана я сообщил ему о своих соображениях, и в его примечаниях появилась уже однозначная формулировка: «Источник публикации Герцена — не печатный текст, а один из списков „Путешествия“» (комментарии в изд.: О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. С. 48).

¹⁷ См., например: Татаринцев А. Г. 1) Пути и судьбы книги А. Н. Радищева // Русская литература. 1977. № 3. С. 79; 2) Сын Отечества: Об изучении жизни и творчества А. Н. Радищева. М., 1981. С. 118.

достичь любовницы, и утонувшего в бурю (его Радищев иронически именуется «Сей новый Леандр»), завершается соответствующим оборотом: «Не ведаю и того, бросилась ли сия новая Геро в озеро; или же в следующую ночь паки топила баню для путешественника». В подавляющем большинстве списков малообразованные писцы, не сведущие в античной мифологии, вместо «Геро» писали «героиня». Более того, есть даже такие списки, в которых первоначально переписанное верно «Геро» правилось кем-то из последующих читателей и владельцев на «Героиня». Это же разночтение находим в Л.

В указе Бертольда, архиепископа Майнцского, запрещается продавать во Франкфурте книги, если они «не будут смотрены и утверждены почтенным и нам любезным одним богословии магистром и одним или двумя докторами и лиценциатами. . .». В ряде случаев переписчики, не знакомые с чуждым России ученым званием, допускали здесь различные искажения: «. . . докторами ценциатами. . .», «. . . докторами или ценциатами. . .», «докторами или ценциантами. . .». В Л напечатано: «. . . докторами или ценциатами».

Уже этих двух примеров достаточно для вывода, что источником Л был список, а не печатный текст: в отличие от российских малообразованных писцов Герцен и Огарев знали, кто такая «Геро» и что значит «лиценциат». Если бы они имели в своем распоряжении книгу, эти и подобные ошибки были бы попросту невозможны. Кроме того, наличие в тексте Л сочетания «или ценциатами» заставляет усомниться в том, что Герцен либо Огарев вообще занимались сплошной правкой радищевского текста: это нелепое словосочетание должно было бы в случае тщательной редакции привлечь их внимание, ошибка для людей европейской культуры здесь совершенно явная.

Хотя сам список, служивший оригиналом издания 1858 г., пока не найден, думается, на основании многих разночтений можно предположить, что он был родствен имеющимся в нашем распоряжении двум спискам: списку из собрания Колобова № 407 и «анучинскому» списку (его принято обозначать буквой Д) в первом его, начальном слое¹⁸.

Вместе с тем многие разночтения Л совпадают с Печ. и расходятся с Кол. 407 и Д. Иначе говоря, рукописный оригинал Л не восходил ни к тому, ни к другому списку, а был копией (или копией с копии) какого-то списка, отчасти близкого названным двум. Однако сколько-нибудь окончательные выводы, по-видимому, невозможны: слишком сильно «поновлен» текст Л. В некоторых случаях это «поновление» очень ухудшает (и даже иногда обесмысливает) текст Радищева, но во многих случаях правка выполнена весьма квалифицированно (конечно, с точки зрения редактора XIX столетия, а не текстолога нашего времени!). Один случай следует отметить особо: в перевод «дозволительной надписи» на издание книги «Знай сам себя» вкралась ошибка, то ли допущенная, то ли не

¹⁸ Как будет показано дальше, «анучинский» список дважды правился очень интенсивно. Поэтому далеко не всегда можно установить, что было в его первом слое, который нас в данном случае интересует.

замеченная Радищевым, которая проходит через все рукописи, печатный текст и соответственно списки: «мы, Морфей Жирардо. . .»; в Л здесь кем-то правильно внесена поправка: «мы, Матфей Жирардо». Все это ведет к заключению, что послуживший оригиналом для лондонского издания список правился минимум двумя очень разными по степени образованности и редакторской квалификации лицами, — но был это именно список, а не печатный текст «Путешествия» Радищева.

В 1868 г. по списку совершенно иного происхождения «Путешествие» было издано в Петербурге книгопродавцем Н. А. Шигиным в типографии В. Головина (об этом издании и шигинском списке речь пойдет далее).

В 1872 г. «Путешествие» вошло в первый том подготовленного П. А. Ефремовым двухтомника «Сочинения Александра Николаевича Радищева». Задумав издание, ученый начал с поисков именно списка. На листе II приобретенной им рукописи отмечено: «Куплена 27 апреля 1866 г. у Бакса за 3 р. П. Ефремов»¹⁹.

Ефремовский список принадлежит к тому же типу, что и колобовский № 407, и анучинский. Все три списка имеют отличное от печатного текста заглавие: «Проницающий гражданин, или Путешествие из Санкт-Петербурга в Москву» (Кол. № 407); «Проницающий гражданин, или Путешествие из С. Петербурга в Москву» (анучинский и ефремовский). По времени изготовления списки отделены друг от друга значительными промежутками. Колобовский изготовлен на бумаге 1804—1805 гг., анучинский — 1828 г., ефремовский относится к началу второй половины XIX в. Здесь следует заметить, что в ГПБ хранится еще один, неполный список с идентичным заглавием «Проницающей гражданин, или Путешествие из Санкт-Петербурга в Москву.» (шифр — О.XV.22). По времени изготовления (бумага 1792 г.) этот список предшествует трем названным выше, но текст его чрезвычайно плох. В нем, например, находим: вместо «утешителя» — «уменьшителя»; вместо «чувствительность» — «чувствование»; вместо «нос кляпом» — «но скляпом» и пр.

Очень плох был и первоначальный текст приобретенного П. А. Ефремовым списка. Поэтому ученый тщательно сверил его с печатным экземпляром издания 1790 г., что зафиксировано записью на том же II листе: «Рукопись исправлена мною в октябре и ноябре 1869 г. по печатному изданию (буквально) 1790-го г., принадлежащему Василию Матвеевичу Лазаревскому. П. Ефремов».

Хотя страницы рукописи испещрены карандашными поправками, все же отдельные разночтения в тексте остались невыправленными, например: «являлися тогда скареднее» вместо «являлися того скареднее». В таком виде список стал оригиналом для набора «Путешествия» в издании 1872 г., о чем свидетельствует заметка на третьем титульном листе этой рукописи: «С загл. листа набрать (*нрзб* — *стерлось*. — В. З.) по этому» (л. IV). О том же говорят и указания П. А. Ефремова наборщикам, сделанные на первой странице текста, содержащей посвящение

¹⁹ ЦГАЛИ, ф. 1296, оп. 2, № 20. На первом, рисованном титульном листе внизу пометка: «Бякс».

А. М. К. Таким образом, и ефремовское издание сочинений Радищева (впрочем, как известно, почти полностью уничтоженное цензурой, — уцелело около 40 экземпляров) не обошлось без списка.

Два следующих издания отпечатаны в Веймаре одно за другим в 1876 г. лейпцигским издательством Э. Л. Каспровича. Текст обоих восходит в конечном счете также к спискам, поскольку оба издания Каспровича воспроизводят лондонское 1858 г.

Новый этап в издании «Путешествия» открыла перепечатка книги Радищева А. С. Сувориным в 1888 г. Здесь впервые издатель с самого начала обратился не к спискам, а к первоначальному тексту 1790 г. Выполненное на самом высоком уровне, суворинское издание, невзирая на чрезвычайную дороговизну (один экземпляр в зависимости от формата и качества «роскошной» бумаги стоил 25, 50 и 60 рублей), разошлось в два дня. К широкому читателю, однако, это издание фактически не попало, ибо при дозволении печатать цензура обязательным условием, кроме высокой цены, поставила ограничение тиража 100 экземплярами. Каждый из ста «роскошных» экземпляров имел свой номер, однако некоторое количество так называемых «обязательных экземпляров», дополнительно отпечатанных на простой бумаге сверх поступивших в продажу, пронумеровано не было.

Еще меньше дали читателю три следующих издания «Путешествия». Два из них, осуществленные в специальных библиографических сборниках А. Е. Бурцева в 1899 и 1901 гг. и к тому же весьма небольшим тиражом, до читателя практически не дошли. Третье, предпринятое П. А. Картавовым, в 1903 г. было почти полностью уничтожено цензурой²⁰. Именно поэтому вплоть до самого конца столетия «Путешествие» вновь и вновь переписывалось от руки (хотя и в меньшем количестве, чем в первую половину века).

Таким образом, на протяжении всего XIX столетия русский читатель имел дело (не считая суворинского издания 1888 г.) почти исключительно со списками первой русской революционной книги — либо непосредственно в рукописном виде, либо в форме изданий Герцена и Каспровича, текст которых был значительно дефектнее и хуже, чем в большинстве списков начала века.

Вместе с тем обилие переизданий «Путешествия» (пусть в большинстве своем неудачных) свидетельствовало об устойчивости общественного интереса к книге Радищева и привело к осознанию необходимости научного издания ее.

За подготовку подобного издания принялся П. Е. Щеголев, по-видимому, вскоре после возвращения из вологодской ссылки. Через посредство Н. П. Павлова-Сильванского, служившего в Государственном архиве Министерства иностранных дел, где хранились материалы Тайной канцелярии (Секретной экспедиции Первого департамента Сената), Щеголев получил доступ к цензурной рукописи «Путешествия», составляющей

²⁰ Подробнее об изданиях А. Е. Бурцева и П. А. Картавова см.: *Смирнов-Сокольский Н.* Рассказы о книгах. С. 120—122.

вторую часть радищевского «дела». Эту рукопись ученый сопоставил с печатным текстом, точнее — с суворинским изданием 1888 г.²¹ Это позволило Щеголеву уточнить некоторые ошибочные места печатного текста, составить выборочный свод вариантов и разночтений к нему по рукописи, выявить ряд «дополнений» (точнее — исключений, не вошедших в книгу 1790 г.).

Издание под редакцией Н. П. Павлова-Сильванского и П. Е. Щеголева появилось в разгар первой русской революции. Текст «Путешествия» предваряли обстоятельные статьи Павлова-Сильванского «Жизнь Радищева» и Щеголева «Рукопись „Путешествия“». После текста произведения следовали свод добавлений и разночтений, примечания, библиография, развернутое — с содержанием глав — оглавление. Выполненная на высоком по тому времени уровне, эта книга (она вышла в Петербурге в 1905 г.) стала первым научным изданием «Путешествия из Петербурга в Москву».

«Книга Радищева 115 лет ждала революции, чтобы пойти в народ, и дождалась. . . — справедливо заметил по этому поводу Я. Л. Барсков. — Плотина была прорвана. . .»²² Действительно, в 1906 г. появилось сразу восемь изданий «Путешествия».

С точки зрения текстологии издания эти демонстрируют основательный разнობой. Так, четыре издания А. С. Суворина воспроизводят текст его издания 1888 г., т. е. первопечатный текст «Путешествия», — «со всеми опечатками подлинника». К суворинскому же изданию 1888 г. восходит текст «Путешествия» в XXXII выпуске «Русской классной библиотеки» под редакцией А. Н. Чудинова (издатель — И. Глазунов), но орфография и пунктуация здесь обновлены.

Наоборот, в выпущенном в качестве приложения к журналу «Всемирный вестник» за 1906 г. издании «Путешествия» текст заимствован из второго издания Э. Л. Каспровича, то есть в конечном счете воспроизводит текст лондонского издания 1858 г.

Издание «Путешествия», выпущенное В. Врублевским, так сказать, «комбинированное»: здесь текст издания Павлова-Сильванского и Щеголева соединен с предисловием Герцена 1858 г.

В 1907 г. отдельных изданий «Путешествия» не зарегистрировано, но одновременно начали выходить три собрания сочинений Радищева, причем «Путешествие» вошло в первый том каждого из них: издание С. Н. Тройницкого (оно на первом томе и прекратилось, хотя планировалось в трех); издание М. И. Акинфиева (в двух томах, под редакцией А. К. Бороздина, И. И. Лапшина и П. Е. Щеголева); издание В. М. Саблина (в двух томах, под редакцией В. В. Каллаша). Во всех трех в основу текста положено издание Павлова-Сильванского и Щеголева, а в первом и третьем частично использованы рукописные варианты, заимствованные оттуда же.

²¹ Ненумерованный «обязательный» экземпляр этого издания, напечатанный на простой бумаге, с пометками, свидетельствующими о сверке с рукописью Радищева, сейчас находится в ГПБ (шифр книги — 18.317.4.57).

²² Материалы. . ., с. 346.

Таким образом, в 1905—1907 гг. было положено начало научному изданию и изучению текста «Путешествия», впервые были опубликованы выборочные варианты из цензурной рукописи, сложилась традиция обращения к первопечатному тексту.

Незадолго до Февральской революции В. Л. Бурцев предпринял попытку изучения списков «Путешествия»²³. Обследовав 7 списков, хранившихся в архивах (по два в Публичной библиотеке, Библиотеке АН СССР, Историческом музее, один в Саратовском музее), и несколько, находившихся в руках частных лиц, Бурцев пришел к пессимистическому выводу, что «научного значения списки не имеют, так как все они сняты с издания 1790 года», «ни в одном из них мы не нашли ни добавлений к первоначальной рукописи, ни позднейших дополнений автора к книге, после его возвращения из Сибири». Вскоре Бурцев описал пушкинский экземпляр издания 1790 г.²⁴

2. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕКСТОЛОГИИ «ПУТЕШЕСТВИЯ» в 1918—1969 гг.

Уже первые послереволюционные годы ознаменовались появлением трудов, имевших большое значение для становления радищевской текстологии.

Серьезным ответом на поверхностные статьи Бурцева явилась работа Д. Н. Анучина «Судьба первого издания „Путешествия“ Радищева», где впервые были собраны воедино сведения о 17 сохранившихся экземплярах издания 1790 г. Возражая Бурцеву, Д. Н. Анучин привел сведения о списке, принадлежавшем ранее М. Н. Анучину, и указал на ряд фрагментов и вариантов, сближающих второй слой этого списка с «цензурной рукописью»²⁵.

Справедливость мнения Д. Н. Анучина о важности изучения списков вскоре получила блестящее подтверждение. В. П. Семенников выявил и подробно описал список, резко отличающийся и от печатного текста, и от цензурной рукописи (поскольку некогда этот список принадлежал М. Н. Лонгинову, в литературоведении за ним закрепилось название «лонгиновского»). Список содержал ряд неизвестных вариантов и прозаических фрагментов (в том числе те, которые были в анучинском списке), а также полный текст оды «Вольность» и вообще неизвестное до того момента «песнословие» (ораторию) «Творение мира». Опубликовав прозаические «дополнения», «Вольность» и «Творение мира», В. П. Семенников

²³ Бурцев В. Об изучении рукописей Радищева // Русские ведомости. 1916. 9 ноября. С. 2; 16 ноября. С. 6.

²⁴ Бурцев В. Пушкинский экземпляр «Путешествия» Радищева с пометками Екатерины II // Биржевые ведомости. 1916. 13 декабря. С. 2. В развитие своих занятий Радищевым (впрочем, вполне дилетантских) уже в эмиграции В. Л. Бурцев издал «перевод» «Путешествия» на современный русский язык: *Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву* (на языке нашего времени). Париж, 1921. В конце книги даны варианты к главам «Завидово» и «Черная грязь», полный текст «Вольности», оглавление с развернутым содержанием.

²⁵ Анучин Д. Н. Судьба первого издания «Путешествия» Радищева. М., 1918.

поставил вопрос о хронологическом соотношении цензурной рукописи, печатного текста и лонгиновского списка. Оставив окончательное разрешение вопроса до детального сравнительного изучения цензурной рукописи и списка, Семенников, однако, высказал предварительное предположение, что лонгиновский список является промежуточной редакцией между цензурной рукописью и печатной книгой²⁶.

Таким образом, в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции началось накопление материалов для научного изучения радищевской текстологии, появлялись, хотя и редко, работы, посвященные интерпретации радищевского творчества и мировоззрения (здесь в первую очередь надо назвать труды В. П. Семенникова, Я. Л. Барскова, А. П. Скафтымова и др.). Однако в издательской практике ситуация сложилась более чем странная: в течение 16 послереволюционных лет не было переиздано ни одного произведения Радищева — писателя, которому Советская власть первому из великих деятелей прошлого воздвигла памятник в 1918 г.

Конечно, во многом это явление объяснялось сложившимся общим предубеждением о «неполноценности» русской литературы XVIII в., широко распространенным невежеством, о чем ядовито и гневно писал Г. А. Гуковский в остро полемичной и резко критической статье «За изучение восемнадцатого века»²⁷. Говоря о конкретных задачах издательской работы, Г. А. Гуковский, в частности, подчеркивал: «Надо наконец дать читателю настоящее полное собрание сочинений Радищева, так как такого еще не существует. Кроме того, необходимо широко распространить его гениальное произведение „Путешествие из Петербурга в Москву“ как целиком, так и в сокращенном, может быть в препарированном виде, — для юношества и т. д.»²⁸

Еще резче было сказано в заметке «От издательства», предваряющей сборник «Материалов к изучению „Путешествия из Петербурга в Москву“» А. Н. Радищева в 1935 г.: «Радищева мы почти забыли. Как это ни странно, за послереволюционный период на наш книжный рынок не пошло ни одного произведения того, кто «нося оковы позлащенные, нам вольность первый пророчил. . .» В руках советского читателя нет даже издания основного произведения Радищева — его знаменитого „Путешествия из Петербурга в Москву“, центрального пункта его творчества и вместе с тем апогея русской общественной мысли XVIII в. Да и одного ли XVIII в.? . . Можно смело сказать, что ни в нелегальной, ни тем паче в подцензурной литературе крепостной России мы не найдем ничего, равного по смелости тому, что Радищев счел возможным выпустить в открытое обращение в 1790 г.»²⁹

²⁶ Семенников В. П. Новый текст «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева. М., 1922. С. 10. Более краткую предварительную публикацию см.: Былое. 1922. № 19. С. 3—29.

²⁷ См.: Литературное наследство. М., 1933. № 9—10. С. 295—326.

²⁸ Там же. С. 324. Последнюю задачу в том же 1933 г. выполнил сам Г. А. Гуковский, выпустивший в серии «Школьная библиотека классиков» отредактированный им и сокращенный текст «Путешествия» (в приложении помещена «Вольность»).

²⁹ Материалы. . . , с. 9—10.

Предпринятое издательством «Academia» фотолитографское воспроизведение первопечатного текста «Путешествия» и восполнило этот пробел. Во второй том, помимо статей Я. Л. Барскова и М. В. Жижки, обстоятельных комментариев к «Путешествию», текста «Вольности» и «Творения мира», были включены обзор изданий «Путешествия» и перечень известных в науке экземпляров издания 1790 г. (частью уже утраченных), сведения о 28 списках, свод вариантов и разночтений по цензурной рукописи и лонгиновскому списку (из анучинского приведены только опубликованные Д. Н. Анучиным варианты, так как список в годы революции исчез из поля зрения исследователей).

Однако, к сожалению, при этом нигде не указано, что варианты даны выборочно, что в издание включено всего 50—60 % разночтений (а местами и меньше) из числа имеющихся в цензурной рукописи и лонгиновском списке (это обстоятельство позднее неоднократно вводило в заблуждение исследователей, полагавших, что в данном издании приведен исчерпывающий свод вариантов и разночтений).

Второй недостаток (в свете будущих исследований с использованием вариантов по изданию 1935 г.), думается, состоит в не совсем верно выбранной системе обозначений. Цензурную рукопись, справедливо определяемую как «основная», Я. Л. Барсков обозначил буквой А, лонгиновский список — буквой Б.

Устанавливая положение текста лонгиновского списка в творческой истории «Путешествия», в 1935 г. Я. Л. Барсков пришел к выводу, что он отражает более раннюю стадию работы Радищева над произведением, чем рукопись А, содержащая поздние варианты. Рассмотрев разные типы вариантов Б, исследователь определил положение текстов в такой последовательности: оригинал (протограф) лонгиновского списка — цензурная рукопись — наборная рукопись — печатный текст. Применяя принятые условные обозначения, получим: ПрБ—А—Нр—Печ. (или короче: Б—А—Нр—Печ.).

Таким образом, уже в схеме, вытекающей из работы самого Я. Л. Барскова, порядок условных обозначений (А, Б) приходит в противоречие с хронологической последовательностью текстов, обозначаемых этими буквами (Б, А). Имея же в виду будущее распространение этого принципа на вновь открываемые рукописи и списки (с обозначением их в последовательности выявления следующими буквами алфавита — В, Г, Д, Е, Ж, З, И и т. д.), нельзя не признать известное неудобство введенной Я. Л. Барсковым системы обозначений. Тем не менее, поскольку эта система стала в науке общепринятой, вряд ли целесообразно «отменять» ее в той части, которая касается уже обследованных списков.

Гораздо хуже обстоит дело с сочетанием А_н, дополнительно введенным Я. Л. Барсковым. В перечне условных обозначений это сформулировано так: «А — основная рукопись, одобренная цензурой к печати; А_н — начальный текст в этой рукописи»³⁰. Как будто бы все ясно и логично, но на деле значительно сложнее. Как показал еще П. Е. Щеголев (и что раз-

³⁰ Там же. С. 264.

вил сам Я. Л. Барсков), рукопись А состоит из кусков, написанных в разное время. Между тем все эти куски у Барскова одинаково обозначаются буквой А, если они не подвергались правке, и сочетанием А_н — если были исправлены, независимо от того, идет ли речь о действительно ранних страницах или фрагментах, введенных в текст «Путешествия» на самых последних стадиях работы. Вот это «формальное», механическое употребление обозначений А и А_н независимо от хронологии текста основательно затемняет картину работы Радищева над произведением и потому нуждается в уточнении и изменении (подробнее об этом будет сказано в своем месте).

Впрочем, отмеченные здесь недостатки относятся скорее к «тонкостям» текстологии. В целом же издание 1935 г. невозможно переоценить, настолько большую роль сыграло оно и играет донныне в радищеведении. Поскольку экземпляров издания 1790 г. уцелело считанное количество и они хранятся в специальных сейфах крупнейших библиотек, фотолитографское воспроизведение 1935 г. по праву выступает для исследователей (литературоведов, лингвистов и т. д.) в качестве полноценного первоисточника. Статьи 2-го тома этого издания уже значительно устарели, однако реальный комментарий Я. Л. Барскова поныне остается для исследователей незаменимым подспорьем. Вообще надо подчеркнуть, что с выходом в свет фотолитографского воспроизведения первопечатного «Путешествия» в сопровождении обстоятельного труда Я. Л. Барскова заметно активизировалось изучение Радищева, сдвинулась с мертвой точки издательская практика. В этом процессе свою роль, конечно, сыграла и упомянутая выше статья Г. А. Гуковского 1933 г.

Крупным событием, знаменовавшим общий сдвиг в отношении к русской литературе XVIII в., стало появление в 1938 г. первого тома академического Полного собрания сочинений Радищева. Значительную часть этого тома занимает «Путешествие», текст которого подготовил А. В. Западов, а варианты и примечания — Я. Л. Барсков. Текст произведения здесь дан по изданию 1790 г. (в воспроизведении 1935 г.) и сохраняет в целом орфографию (за исключением «ятей» и «еров») и пунктуацию Радищева, но некоторые явные опечатки и ошибки исправлены. Варианты, приведенные в академическом издании, в общем повторяют объем и состав разночтений издания 1935 г.³¹, комментарии Я. Л. Барскова представляют собой краткую выборку наиболее существенных сведений из его же «Материалов» 1935 г. Полное собрание сочинений стало заметным явлением в истории радищеведения, поскольку именно оно служило основой для большинства последующих массовых и научно-популярных изданий.

Начало нового этапа в радищевской текстологии и в изучении творческой истории «Путешествия» связано с диссертацией Л. И. Кулаковой.

³¹ Но при этом в заметке «От редакции» ошибочно указано, что свод вариантов содержит будто бы «все различия этих списков (т. е. А и Б. — В. З.) от печатного текста, кроме графических мелочей» (*Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 443).

В принципе тема ее была далека от текстологии: «А. Н. Радищев и вопросы художественного творчества в русской литературе XVIII в. (Из истории русской эстетической мысли)»³². Однако, подойдя к проблеме отражения и судьбы радищевского наследия в последующей литературе, Л. И. Кулакова оказалась перед вопросом о путях распространения идей первого русского революционера и таким образом обратилась к изучению списков. В результате исследовательница не только увеличила выявленное количество списков «Путешествия» более чем в два раза (см. выше), но и прибавила к единственному известному науке списку «Вольности» сразу три новых, а также обнаружила и описала второй список «Путешествия», подобный лонгиновскому.

Продолжая традицию системы обозначений Я. Л. Барскова, Л. И. Кулакова назвала найденную ею рукопись «список В». Сравнивая В, Б, А и Печ., она обнаружила в двух первых фрагменты, вставленные Радищевым в книгу буквально в последние моменты работы, — строки о разгроме квартиры и типографии Марата (сообщение об этом появилось в «Санктпетербургских ведомостях» 19 февраля 1790 г.) и примечание об австрийской цензуре, основанное на заметке «Московских ведомостей» от 20 апреля 1790 г.³³ Многочисленные другие совпадения В и особенно В с Печ. привели исследовательницу первоначально к предположению, что Радищев работал над списками после выхода «Путешествия» в свет. «Поставив перед собой этот вопрос 13 лет назад, — говорила Л. И. Кулакова в 1965 г., — я попыталась детально проследить соотношение списков и печатного текста путем сравнения двух разночтений. Сличение их привело к иному выводу»³⁴.

Сопоставляя редакции и списки между собой, Л. И. Кулакова выдвинула предположение, что текст списка В «является промежуточным звеном между оригиналом списка Б и печатным текстом. . . Более затруднительно ответить на вопрос о хронологической последовательности найденной редакции (т. е. списка В. — В. З.) и цензурной рукописи (А и А_н). Ответа в тексте не найти. . . Вопрос о месте, которое занимает цензурная рукопись в творческой истории «Путешествия», остается открытым. . . Значение нового списка в том и состоит, что он приближает ученых к постановке вопроса об истории создания «Путешествия», а факт находки неизвестной редакции дает возможность надеяться, что тщательные поиски дадут возможность восстановить и другие, ныне утраченные звенья»³⁵.

Спустя два года описание 10 списков, не известных Я. Л. Барскову (но учтенных Л. И. Кулаковой), опубликовал С. М. Бабинцев³⁶. И раньше

³² Автореферат. . . докт. филол. наук. М., 1954.

³³ Последний факт установлен Я. Л. Барсковым в посмертно опубликованной статье. См.: Барсков Я. Л. А. Н. Радищев — «Торжок» // XVIII век. М.; Л., 1940. Сб. 2. С. 72—73. Истолкование первого факта было предложено А. И. Старцевым в том же 1940 г. и принято Л. И. Кулаковой.

³⁴ Русская литература. 1966. № 1. С. 245.

³⁵ Кулакова Л. И. Из истории создания и судьбы великой книги: (Новые материалы о Радищеве) // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1956. Т. XVIII. Вып. 5. С. 13—14.

³⁶ Бабинцев С. М. Новые ранние списки «Путешествия из Петербурга в Москву» // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 540—544.

и позднее в печати (особенно местной) появлялись сведения об отдельных списках ³⁷.

В 1964 г. в «Новом мире» был опубликован журнальный вариант книги Георгия Шторма «Потаенный Радищев. (Вторая жизнь „Путешествия из Петербурга в Москву“). Публикации предпослана вступительная заметка А. В. Западава.

«Писатель Георгий Шторм, — сказано в этой заметке, — сделал крупное открытие в области русской общественной мысли и литературы: он установил, что первый русский революционер, автор «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищев после суда над ним и ссылки продолжил работу над своей книгой и усилил ее литературно-политическое звучание. . .

. . . До сих пор были найдены только два списка с существенными дополнениями к первому изданию, но и с т о р и е й этих дополнений не занимался никто.

Георгий Шторм разыскал т р е т и й такой список и раскрыл тайную историю этого текста. Автор исследования с подлинно научной убедительностью показал, как был создан н о в ы й текст «Путешествия», что было дописано автором и каким образом распространялась „крамольная“ книга» ³⁸.

Основное место в полубеллетристическом сочинении Г. Шторма занимает повествование о нем самом; вторую половину составляют сведения о людях, имевших или не имевших отношения к Радищеву и его «Путешествию», а в связи с этим — предположения писателя о тех, кто изготавливал списки Б и В, ибо «новый текст» «Путешествия», якобы созданный Радищевым в 1799—1800 гг., который будто бы «усилил литературно-политическое звучание» произведения, — это текст списков Б и В. Сам Г. Шторм обнаружил третий список «особого состава», который он обозначил по порядку алфавита литерой Г.

На протяжении всей публикации Г. Шторм буквально «гипнотизирует» читателя, воздействует на него суггестивным путем, внушая ему мысль о «дополнениях» к печатному тексту. Вот несколько примеров.

О списках Б и В: «При большом количестве мелких разночтений объем и содержание дополнений к печатному тексту 1790 года в обоих списках одинаковы» (с. 122 журнала).

О списке В: «Объем дополнений к тексту изданной в 1790 году книги Радищева был в этой рукописи таким же, как и в рукописи Саровской пустыни» (т. е. списка Б, — с. 138).

О списке Г: «При ознакомлении с ним обнаружилось, что в этом списке „Путешествия“ содержатся все о с н о в н ы е д о п о л н е н и я к изданию 1790 года, имеющиеся в списках „лонгиновском“ и „цебриковском“

³⁷ См., например: *Тарасов Н.* Ценная находка: (Рукописная копия «Путешествия» Радищева в Тульском областном госархиве) // Литературная Тула. Тула, 1951. Кн. 4. С. 179—180; *Травников С. Н.* «Путешествие» А. Н. Радищева и русская рукописная книжность конца XVIII—XIX вв. — Проблемы художественного метода и жанра в истории русской литературы XVIII—XIX веков. М., 1978. С. 3—16.

³⁸ Новый мир. 1964. № 11. С. 115. Здесь и далее разрядка авторов.

(т. е. В. — В. З.): четыре дополнительные строфы оды „Вольность“, поэма „Творение мира“ и дополнения к прозаическому тексту ряда глав. . .» (с. 139).

Еще о списке Г: «Этим позднейшим слоем, или редакцией, „Путешествия“ являются дополнения к первопечатному его изданию — те же самые, что и в „лонгиновском“ и „цебриковском“, дополнения, которые не могли быть сделаны автором ни до представления им книги в цензуру, ни в ближайшие после выхода несколько лет» (с. 141).

Общий вывод: «Теперь можно считать доказанным, что промежуточная редакция „Путешествия“, известная по изданию 1790 года, была дополнена Радищевым и превращена им в окончательную после возвращения его из Сибири, скорее всего в 1799 году.

И я думаю, что пора издать полный (окончательный) текст «Путешествия», используя для этого все списки особого состава, и притом издать так, чтобы дополнения к первоначальному тексту были доступны широкому читателю, а не выносились бы — в виде разночтений — в „академическую“, комментарную часть» (с. 160).

Число примеров подобных суггестивных фраз из сочинения Г. Шторма, долженствующих внушить читателю мысль, будто в списках Б, В и Г имеются «дополнения» к печатному тексту 1790 г., можно увеличить. Однако не могло не показаться странным, что, всячески варьируя мысль о «дополнениях» к прозаическому тексту ряда глав (за исключением «Твери»), Г. Шторм не привел в своем сочинении ни одного фрагмента этой «крамольной, острополитической прозы», которая будто бы значительно «усилила» и «расширила революционное звучание» «Путешествия из Петербурга в Москву». Чувствуя, по-видимому, уязвимое место своих построений, Г. Шторм в сноске сделал специальную оговорку:

«Условия журнальной публикации не позволяют уделить много места текстологии „Путешествия“ (это сказано чересчур неточно: текстологии в этом сочинении просто нет. — В. З.). В отдельном издании настоящей работы, выходящем в издательстве „Советский писатель“, текстологические наблюдения будут даны с достаточной полнотой» (сноска на с. 141).

Пока же Г. Шторм декларативно, без аргументов текстологических, утверждал, что списки Б, В и Г — результат «самостоятельного творчества» переписчиков: «Переписчики или сводчики имели под рукой варианты всех редакций книги Радищева, ибо черновики ее не были уничтожены, а если и были, то далеко не все.

И переписчики, создавая эти особые списки, проявляли каждый свой вкус и произвол при отборе и совмещении текста разных редакций» (с. 141).

Поскольку слабость, а во многих случаях и ошибочность историко-литературных рассуждений Г. Шторма, непрофессиональный характер его текстуальных (не текстологических!) сопоставлений и «литературоведческих» интерпретаций для специалистов были совершенно очевидны (разыскания же о «девице Аннушке» — А. И. Аргамаковой и других персонажах вообще никакого отношения к творческой истории «Путешествия» не имели), оставалось ждать обещанных «текстологических наблю-

дений»: возможно, они (тем более, что Г. Шторм обнаружил новый список) дали бы хоть какую-нибудь степень вероятности построения писателя.

Однако Г. П. Макогоненко не дождался отдельного издания и выступил с развернутой рецензией на журнальную публикацию «Потаенного Радищева». Озаглавив свою статью «Романическое литературоведение?»^{38а}, Г. П. Макогоненко дал отрицательный ответ на вопрос, дописывал или не дописывал Радищев «Путешествие» после печати. Он опроверг соображения Г. Шторма и относительно «Вольности», и относительно «Творения мира». Что же касается «дополнений к прозаическому тексту ряда глав», то рецензент на убедительном примере показал: поскольку речь идет о фрагментах, бывших в цензурной рукописи и вычеркнутых Радищевым, «все отличные от печатного текста отрывки (в одну — пять — шесть фраз) являются не дополнением, а исключением из окончательной печатной редакции „Путешествия“».

В ответной статье А. В. Западова «Не „романическое“, а живое. . .» главный предмет спора вдруг был резко ограничен: «В книге Г. Шторма речь идет не об „одной — пяти — шести фразах“ дополнений, а о четырех строфах оды „Вольность“, поэме „Творение мира“ и окружающем эту поэму прозаическом тексте»³⁹. Таким образом, объект рассуждений Г. Шторма оказался сведенным исключительно к главе «Тверь», как будто в его сочинении и речи нет о «дополнениях к прозаическому тексту ряда глав», о «кусках крамольной, острополитической прозы» и т. д. и т. п.

В конце лета 1965 г. отдельное издание «Потаенного Радищева» вышло из печати. При ознакомлении с этой объемистой книгой, в несколько раз превышающей журнальную публикацию по количеству печатных листов (свыше 22), сразу же выяснилось, что книга разбухла за счет подробного изложения чувств и мыслей самого Г. Шторма, многочисленных отрывков «Из записной книжки автора», увеличения генеалогических материалов (к Радищеву имеющих весьма косвенное или нулевое отношение, а к «Путешествию» — никакого), описаний природы, архитектуры и мест архивных занятий автора, сапог «шофера Федора» и т. п. Собственно литературоведческая и историко-литературная аргументация в общем осталась на уровне журнальной публикации, никакой же обещанной «текстологии» в книге вовсе нет.

Однако от первой публикации отдельное издание отличается одной примечательной оговоркой. Поместив, наконец, на с. 227—229 шесть «прозаических отрывков, дополняющих. . . издание „Путешествия“», Г. Шторм пишет: «Очевидно, все эти дополнения находились уже в цензурной рукописи и потом были удалены из нее, когда Радищев, перед арестом, вырывал и подменял листы. Во всяком случае, в тексте цензурного экземпляра сохранились следы почти всех прозаических дополнений»⁴⁰.

Этот фрагмент столь резко контрастирует со всем предыдущим и последующим текстом «Потаенного Радищева» (к примеру, на с. 207 говорится

^{38а} Литературная газета. 1965. 11 февраля.

³⁹ Там же. 11 марта.

⁴⁰ Шторм Г. Потаенный Радищев: Вторая жизнь «Путешествия из Петербурга в Москву». М., 1965. С. 229.

о «дополнениях» — «кусках крамольной, остро политической прозы»; на с. 242 — о «важнейших прозаических дополнениях к печатному тексту 1790 года»), что совершенно очевидно: две фразы вынужденно введены Г. Штормом в корректуру книги — после появления статьи Г. П. Макогоненко (она опубликована 11 февраля 1965 г., а отдельное издание «Потаенного Радищева» подписано к печати 27 апреля). Иначе говоря, если бы Г. П. Макогоненко не поспешил со своей статьей (совершенно верной по содержанию), этой оговорки не оказалось бы в тексте отдельного издания, и все было бы предельно ясно: Г. Шторм писал о «дополнениях» в списках, не заглянув в цензурную рукопись и невнимательно прочитав варианты в академическом издании; основная идея книги — плод научной некомпетентности писателя. Однако введение этой оговорки в первое отдельное издание дало возможность Г. Шторму выпустить и второе, и третье. . .

Между тем прямые доказательства того, что Г. Шторм писал о «дополнениях» в списках Б, В, Г, не учитывая цензурную рукопись, есть в отдельных изданиях книги. Вот характерный, хотя и достаточно смешной пример. Приводя фрагмент из главы «Тосна»: «Е сли бы г. н а м е с т н и к и н е л и ц о м т о л ь к о (т о в а р) * * п р о д а в а т ь х о т е л и . . . м е н я д о т а щ и л и * * *», Г. Шторм пишет в примечании, означенном двумя звездочками: «„Товар“ восстанавливается по рукописи Г», а в примечании ко всему фрагменту: «Разрядкой отмечен текст, не вошедший в издание „Путешествия“ 1790 года и имеющийся только в списках Б, В и Г»⁴¹. После недоуменного вопроса Л. И. Кулаковой, зачем восстанавливать «товар» по Г, если это слово напечатано в вариантах цензурной рукописи, — Г. Шторм исправил в последующих изданиях первое примечание: «„Товар“ восстанавливается по рукописи А», — но следующее оставил в неприкосновенности. В результате в тексте второго издания возникло нелепое противоречие, одно примечание исключает другое: слово «восстанавливается» по рукописи А, хотя этого текста в ней нет, ибо есть он только в списках Б, В и Г. Сохранилась эта нелепица и в третьем издании⁴². Но вернемся к первому.

Немедленно по выходе книги из печати И. Л. Андроников (очевидно, задетый выпадами Г. П. Макогоненко против «романического литературоведения», хотя работу самого Андроникова критик оценил высоко) выступил с горячей пропагандой «Потаенного Радищева» по всем каналам массовой информации — в печати⁴³, по радио, по телевидению. Все это (начиная с журнальной публикации, полемики в «Литературной газете», широко-вещательной издательской аннотации и пр.) привлекло к сочинению Г. Шторма широкое общественное внимание. Поэтому возникла необходимость трезво и спокойно обсудить и оценить научные результаты проделанной писателем работы.

⁴¹ Там же. С. 227.

⁴² См.: Шторм Г. 1) Потаенный Радищев. . . М., 1968. С. 301; 2) Потаенный Радищев. . . М., 1974. С. 265—266.

⁴³ Андроников И. «Для будущих веков дар» // Известия. 1965. 18 сентября.

По предложению Л. И. Кулаковой книга Г. Шторма была обсуждена в ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР 29 октября 1965 г.⁴⁴ Текстологическим проблемам «Путешествия» и «Вольности» особое внимание уделила Л. И. Кулакова. Детально рассмотрев аргументы Г. Шторма, она полностью опровергла их и сделала вывод:

«Итак, внешне убедительные гипотезы рушатся при первой проверке фактов. Доказательства, что „Путешествие“ дописывалось в 1799—1800 годы, несостоятельны. Творческая история великой книги, соотношение списков и печатного текста остаются тайной. Нужны новые материалы, и они, как показывают находки Шторма, могут быть отысканы»⁴⁵.

Докладчики и выступавшие анализировали разные аспекты книги Г. Шторма, но итог был единодушным: открытие не состоялось⁴⁶.

Единственный положительный результат работы Г. Шторма, имеющий значение для радищевской текстологии, — это сам факт находки списка Г (однако все, что сообщается в «Потаенном Радищеве» об этой рукописи, не соответствует действительности).

В 1966 г. из печати вышла монография Д. С. Бабкина. Для радищевской текстологии здесь было существенно введение в широкий оборот двух списков «Вольности» (ранее открытых А. И. Старцевым, о чем подробнее будет сказано далее) и изучение рукописных помет в «чертковском» экземпляре книги 1790 г. Установив путем экспертизы принадлежность помет руке Радищева, Д. С. Бабкин выдвинул предположение, что данный экземпляр, второй из бывших в Тайной экспедиции, в 1801 г. возвратился к автору. Характер этих помет, по мнению Д. С. Бабкина, свидетельствует о намерении Радищева переиздать «Путешествие» с поправками и дополнениями⁴⁷.

В начале следующего года появилась статья А. Г. Татаринцева. Poleмически заостренная против Г. Шторма, эта работа призвана, по замыслу автора, поставить вопрос о действительных (а не мнимых, вроде «девицы Аннушки») единомышленниках, «сочувственниках» и помощниках Радищева в деле создания и издания «Путешествия». Кроме того, А. Г. Татаринцев обратился к анализу поправок Радищева в корректуре книги⁴⁸.

В 1968 г. был вновь открыт анучинский список, ровно на полвека исчезнувший из поля зрения литературоведов. Обнаружился он в экспозиции

⁴⁴ См.: Хроника. Потаенный Радищев // Русская литература. 1966. № 1. С. 244—257. Доклады Л. И. Кулаковой, Г. П. Макогоненко, В. А. Западова даны по сокращенной стенограмме, выступления других участников обсуждения — в кратком изложении.

⁴⁵ Русская литература. 1966. № 1. С. 248—249.

⁴⁶ Кроме того, с критическими статьями по поводу книги Г. Шторма выступили Л. Б. Светлов, Ю. М. Лотман, Е. Г. Плимак и др.; подробно говорится о «Потаенном Радищеве» в книге Д. С. Бабкина. Из литературоведов поддержал Г. Шторма М. Б. Козьмин.

⁴⁷ См.: Бабкин Д. С. А. Н. Радищев: Литературно-общественная деятельность. М.; Л., 1966. С. 266—295.

⁴⁸ Татаринцев А. Г. Вокруг Радищева // Русская литература. 1967. № 1. С. 141. Дальнейшие текстологические труды А. Г. Татаринцева будут рассмотрены в следующих разделах, так как они появились уже после опубликования моей первой статьи о работе Радищева над «Путешествием».

Государственного музея Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде, по порядку алфавита обозначен литерой Д⁴⁹.

В следующем году со специальной статьей о проблемах радищевской текстологии выступил Д. С. Бабкин. Сопоставив 34 списка, восходящих к печатному изданию 1790 г., он обнаружил, что в процессе переписки радищевский текст искажался и модернизировался. Из этого хорошо известного факта Д. С. Бабкин вывел заключение, что и к спискам особого состава (в статье привлечены лонгиновский и анучинский) Радищев вообще отношения не имел, ибо они появились в результате сотворчества «посторонних переписчиков», которые в текст издания 1790 г., вставляли свои мысли и суждения, — и данные «глоссы и интерполяции». . . как бы срослись графически с радищевским печатным текстом⁵⁰. Выдвигая новую гипотезу о происхождении списков особого состава, Д. С. Бабкин совершил ту же ошибку, что и Г. Штурм: сопоставляя эти списки только с печатным текстом и подчеркивая решающую роль переписчиков, он не привлек к анализу цензурную рукопись.

Таким образом, менее чем за два десятилетия — с начала 50-х гг. до конца 60-х — накопление материалов по радищевской текстологии продвинулось весьма значительно. Резко увеличилось количество выявленных в архивах рукописных копий «Путешествия», были обнаружены три новых списка «особого состава» (В, Г, Д). С конца 1940-х гг. «Путешествие» многократно переиздавалось массовыми тиражами — как в полном виде, так и в сокращенном, предназначенном для школьников. Был поставлен вопрос о необходимости разработки творческой истории «Путешествия» (Л. И. Кулакова), предложены две взаимоисключающие гипотезы о соотношении списков «особого состава» с печатным текстом (Г. П. Штурм, Д. С. Бабкин).

Такова была ситуация в радищевской текстологии, когда в 1967—1968 гг. началась работа над предлагаемым изданием.

II. РАБОТА РАДИЩЕВА НАД «ПУТЕШЕСТВИЕМ»

В 1787—1790 гг.

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Когда Радищев задумал «Путешествие», пока не совсем ясно.

Впервые этот вопрос поставил В. П. Семенников в 1916 г. в связи с атрибуцией Радищеву «Отрывка путешествия в *** И *** Т ***»¹. Обосновав авторство Радищева, ученый пришел к выводу: «Принимая это

⁴⁹ Русская литература. 1969. № 2. С. 125—128.

⁵⁰ Бабкин Д. С. Проблемы радищевской текстологии // Русская литература. № 3. С. 95—97.

¹ Семенников В. П. Когда Радищев задумал «Путешествие»? («Отрывок путешествия в *** И *** Т ***» 1772 г. и «Путешествие из Петербурга в Москву» 1790 г.). М., 1916. В доработанном виде под названием: К истории создания «Путешествия из Петербурга в Москву» — см. в кн.: Семенников В. П. Радищев: Очерки и исследования. М.; Пг., 1923. С. 319—364.

решение, придется считать, что „Путешествие“ (хотя бы и не из „Петербурга в Москву“) было задумано Радищевым не позднее 1772 г., когда и была напечатана одна из первоначально написанных автором глав: на „Отрывок“, в таком случае, следовало бы смотреть как на набросок одной главы, хотя и не вошедшей в окончательный текст книги Радищева, но по сюжету, ходу мысли автора и по некоторым отдельным мотивам соответствующей главе „Путешествия“ „Пешки“².

Вполне соглашаясь с Семенниковым в том, что Радищев был автором «Отрывка»³, надо сказать, однако, что «Путешествие» именно как «Путешествие», то есть единое цельное произведение, полностью определяется общественно-политической, философской, эстетической, социальной борьбой второй половины 80-х гг. Более того, подавляющее большинство конкретных реалий, иногда различаемых в произведении сразу, иногда возникающих из глубины текста при построчном комментировании, ближе всего подводит к 1787 г., может быть, — к концу 1786 г.⁴ Когда бы Радищев ни задумал «Путешествие», за работу над ним он принялся в эти годы.

Сам Радищев в показаниях на следствии назвал примерно то же время: он начал писать книгу «в следующие годы» после 1785 г.⁵ Однако из тех же показаний явствует, что отдельные эпизоды, ставшие затем главами или фрагментами глав «Путешествия», писались гораздо раньше как самостоятельные произведения. Если дополнить показания данными, установленными по другим источникам, то получится следующая картина.

Приблизительно в 1779—1782 гг. Радищев работал над ораторией «Творение мира» (она поначалу входила в главу «Тверь» наряду с «Вольностью»), в 1780 г. приступил к «Слову о Ломоносове», около 1783—1784 гг. создал оду «Вольность», в 1785—1786 гг. начал «повесть о проданных с публичного торга» («Медное»), рассказ о происшествии на Финском заливе («Чудово»), рассуждение о цензуре («Торжок», основной текст главы); возможно, как отдельное сочинение писался «Сон» («Спасская Полесь»). Кроме того, есть основания считать, что самостоятельное произведение первоначально составляло описание встречи с Анютой и ее матерью («Едрово»).

Показав на следствии, что книга «готова была в исходе 1788 года», Радищев имел в виду редакцию, отправленную в полицию для цензуры⁶. Но была ли эта редакция произведения первой или ей предшествовала

² Семенников В. П. Радищев. С. 354—355.

³ Вопрос об авторе «Отрывка» — один из наиболее спорных в нашем литературоведении. Полагая, что им безусловно не мог быть Новиков, думаю, что вся сумма самых разнообразных аргументов указывает на авторство Радищева. В последний раз я имел случай писать об этом в примечаниях к кн.: *Радищев А. Н.* Сочинения. М., 1988.

⁴ См. Комментарий в кн.: *Кулакова Л. И., Западов В. А.* А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву»: Комментарий. Л., 1974.

⁵ *Бабкин Д. С.* Процесс А. Н. Радищева. М.; Л., 1952. С. 189.

⁶ Это видно из сопоставления показаний от 1 июля и 15 июля. См.: Там же. С. 167 и 189.

более ранняя? В каком соотношении с цензурной рукописью находятся тексты списков Б, В, Г, Д?

На эти вопросы мы не найдем ответа ни в сочинении Г. П. Шторма, ни в статье Д. С. Бабкина. Усиленно выдвигая на первый план и всячески подчеркивая роль переписчиков «Путешествия» в создании списков особого состава, оба — и писатель, и литературовед — почему-то забыли о самом авторе — А. Н. Радищеве — и даже не поставили главного вопроса, как складывался текст книги до ее напечатания. А только решение этой проблемы может дать научно обоснованный (а не жиждущийся на произвольных домьслах) ответ о соотношении разных списков особого состава, цензурной рукописи и печатного текста, то есть позволит пролить свет на действительную творческую историю «Путешествия».

Ключом, с помощью которого можно распутать клубок текстологических загадок, заданных списками Б, В, Г, Д, является, бесспорно, цензурная рукопись, уже хотя бы потому, что это — единственная известная пока рукопись безусловно «радищевского» происхождения, к тому же в очень сильной мере правленная автором.

Вместе с тем прямое обращение к рукописи А в том виде, какой она приняла после многократной авторской правки, ровным счетом ничего не дает (или дает очень мало) для решения проблемы списков. Именно потому не смогли решить поставленную задачу такие крупные исследователи, как Я. Л. Барсков и Л. И. Кулакова, что они сличали списки в общем-то со всей цензурной рукописью.

Прежде чем сопоставлять списки с рукописью А, следует вычленить в самой цензурной рукописи ту часть текста, с которой можно будет начинать сопоставление. Иначе говоря, текстологический анализ «Путешествия» следует начинать с «расслоения» рукописи А. Дело в том, что различные страницы ее весьма не однородны как по времени создания текста, так и по тому времени, когда отдельные куски вкладывались в рукопись, и по времени, когда разные листы правились автором.

Известно, что цензурная рукопись была единственной, оказавшейся в руках следствия. Внешний вид ее (написанные на разной бумаге и разными почерками куски, отсутствие многих листов, большая авторская правка поверх первоначального текста, путаница в пагинации) навел Шешковского на мысль, что Радищев дополнял и исправлял рукопись после получения ее из цензуры. Поэтому Радищев четырежды спрашивали об изменениях, внесенных в «Путешествие» после подписания рукописи обер-полицеймейстером Никитой Рылеевым. Поначалу писатель отвечал довольно уклончиво, говорил о том, что он некоторые листы «переменил» в связи со стилистической правкой и «не великими прибавлениями». Однако под давлением улик Радищеву пришлось отказаться от первоначальной версии о подмене листов и признаться в том, что он после цензуры внес в рукопись большие дополнения. Последнее, наиболее полное и подробное показание гласит (судя по тому, что Радищев указывает страницы книги, он имел перед глазами экземпляр «Путешествия»):

«Напечатанные без цензуры, если хорошо припомнить могу, суть следующие места:

От стр. 42 до 48 в разговоре присяжного во многих местах.

От стр. 86 до 98, кажется, также многое прибавлено, но точно утвердить не могу.

От стр. 105 до 112 все прибавлено, если не ошибаюсь.

От стр. 148 до 153 также прибавлено.

В повествовании о цензуре знаю, что прибавлено о новейших о ней положениях, но точно что, не упомяну (в другом показании Радищев говорил иначе: «прибавлено окончание о цензуре и древние о ней учреждения», то есть текст главы «Торжок» с середины стр. 305 и все «Краткое повествование о происхождении цензуры». — В. З.).

Переменен конец стр. 418 и стр. 419 почти вся» (из предыдущих же показаний следствие знало, что вместо концовки главы «Черная грязь» Радищев включил «Слово о Ломоносове») ⁷.

Показаниям Радищева полностью соответствуют палеографические данные. Рукопись А состоит из кусков, написанных тремя почерками, и имеет четыре пагинации. Первая из них, сквозная, была сделана к моменту сдачи рукописи в цензуру. Вторую (измененную), которая начинается после 21-го листа первой, очевидно, не успел завершить сам Радищев. Третья — сквозная — архивная (цифры этого ряда отличаются от приведенных в описании Я. Л. Барскова, потому что уже в наше время часть листов рукописи была переложена и перенумерована). Четвертая — особая, четверичная: цифры этой пагинации стоят (с незначительными колебаниями) на каждом четвертом листе, имеющем первоначальную сквозную нумерацию (см. «Пагинации и состояние рукописи А. . .»).

Из материалов следствия известно, что для цензуры рукопись набело переписывал Александр Царевский. Большая часть А написана одной рукой — и это та часть, на которой имеются цифры, обозначающие первоначальную сквозную и четверичную пагинации. Ни одного листа, соответствующего страницам книги, о которых Радищев показал, что они содержали дополнения, написанного этой рукой — рукой Царевского, — в рукописи А нет. Перечисленные Радищевым куски переписаны двумя другими людьми, почерк каждого из которых имеет свои характерные особенности. Все листы, переписанные не Царевским, не имеют ни первоначальной, ни четверичной пагинации.

Вторым почерком написаны следующие эпизоды:

1) рассказ присяжного о наместнике — любителе устерс (первая часть главы «Спасская Полесь»; занимает в книге с. 42—48);

2) рассказ о встрече с Карпом Дементычем (вторая часть главы «Новгород», с. 105—112);

3) «Слово о Ломоносове» (включено в главу «Черная грязь», с. 419—453).

Третьим почерком переписаны:

1) имеющиеся в А отрывки «Подберезья» (с. 86—98);

2) концовка главы «Зайцово» (с. 148—153);

⁷ Там же. С. 186, а также 168 и 173.

3) конец главы «Едрово» (л. 96 архивной пагинации, с. 233—235 книги. Это небольшое, объемом всего в один лист, дополнение не указано Радищевым, вероятно, потому, что его не заметил следователь).

4) «Краткое повествование о происхождении цензуры» (с. 305—340).

Таким образом, в рукописи А в момент ее представления в цензуру (или иначе — в цензурной редакции «Путешествия») не было шести крупных кусков из глав «Спасская Полесь», «Подберезье» (полностью), «Новгород», «Зайцово», «Торжок» и «Черная грязь», а также концовки «Едрова».

Если освободить текст рукописи А от этих дополнений, а на оставшихся листах рукописи (писанных только рукой Царевского) снять позднейшую правку Радищева, то перед нами будет цензурная редакция «Путешествия» в том виде, как она выглядела в момент ее изготовления.

Чтобы при последующем рассмотрении текст цензурной редакции не путался с текстом позднейших дополнений, целесообразно несколько изменить систему обозначений, принятую Я. Л. Барсковым. В дальнейшем обозначения А_н и А будут применяться в таких значениях:

А_н — варианты и разночтения первоначального текста *только* цензурной редакции; в описательно-повествовательном тексте употребляется обозначение А_н как синоним цензурной редакции в целом;

А — варианты и разночтения исправленного текста А_н; в описательно-повествовательном тексте А (или «рукопись А») — синоним цензурной рукописи в целом.

2. НАЧАЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ «ПУТЕШЕСТВИЯ»

Итак, после вычленения А_н из А полученная редакция была сопоставлена со списками так называемого «особого состава». В результате выяснилось, что список Г, с одной стороны, и Б, В, а также Д (во втором слое его) — с другой, представляют собой отнюдь не одну редакцию, а две, притом совершенно различные.

О списке Г Г. Шторм сообщал, что для него характерно «наличие . . . только тех глав, которые в списках В и Б имели дополнения к первому изданию «Путешествия». Ряд глав в списке Г отсутствовал; некоторые же были даны сокращенно и служили как бы «о к р е с т и о с т я м и» дополнений, позволяющими переписчику или сводчику ориентироваться»⁸.

В этом сообщении верно только одно: рукопись Г не содержит полного текста «Путешествия». Она составлена из двух частей: первая (имеет арабскую пагинацию от 1 до 35) состоит из следующих подряд глав от «Выезда» до «Зайцова»; вторая (римская пагинация от I до XXV) начинается с полужаза в главе «Хотиллов» и обрывается на полужазе в главе «Городня». Судя по имеющемуся перед второй частью заголовку «Из 12-й тетради», переписчик получил оригинал неполным. Однако в нем содержатся от-

⁸ Шторм Г. Потаенный Радищев: Вторая жизнь «Путешествия из Петербурга в Москву». М., 1965. С. 191—192.

нюдь не только те главы, которые в Б и В будто бы имели «дополнения» (например, в «Выезде», «Софии», «Любанях», «Выдропуске» вообще нет ни в одной из редакций «дополнительных» фраз). Не приходится говорить и о «сокращениях» ради создания «окрестностей», — не приходится по той простой причине, что структурно-композиционные особенности обеих половин списка Г точно совпадают с соответствующими частями Ан (о двух мнимых исключениях — «Вышнем Волочке» и «Твери» — разговор особый). Все пять крупных послецензурных дополнений, приходящихся на главы «Спасская Полесь», «Подберезье» (полностью), «Новгород», «Зайцово», «Торжок», в Г отсутствуют.

Текст списка Г в основе своей также совпадает с Ан. В пределах данной работы можно привести лишь образцы имеющих различия и вариантов, ибо число их по всем спискам значительно превышает шесть тысяч (не считая «Вольности»). Следует иметь также в виду, что во многих случаях приводимые здесь и включенные в варианты различия не отражены в подготовленных Я. Л. Барсковым сводах вариантов изданий 1935 г. и 1938 г. (опубликовано немногим более двух тысяч, также не считая «Вольности»).

Большое число вариантов списка Г совпадает с имеющимися в Ан или бывшими там до правки и расходится с текстом списков Б, В, исправленным Ан (обозначается А) и печатным, например: неравенство крестьянского состояния между крестьянами казенными и помещичьими (ГАн) — неравенство крестьянского состояния. Сравнил я крестьян казенных с крестьянами помещичьими (БВАПеч. — Люб. 77); все в оной (ГАн) — все в воде (БВАПеч. — Чуд. 143); где имени не знают человека (ГАн) — где не знают, что есть человек, где имя его неизвестно (БВПеч. — Чуд. 294); коротко заключу повесть (ГАн) — коротко сказать (БВПеч. — Зайц. 248) и мн. др.

Столь же велика группа различий, когда варианты ГАнБВ сходятся между собой и отличаются от печатного текста, а также А: гораздо усилились и (ГАнБВ) — усилившись гораздо (АПеч. — СПол. 132); и дело мое и мое осуждение (ГАнБВ) — Дело мое и осуждение (АПеч. — СПол. 138); нечто не знаю что (ГАнБВ) — нечто (АПеч. — Подб. 57); истиною с ее зеркалом (ГАнБВ) — истиною (АПеч. — Подб. 83) и т. д.

Значительно меньшую группу составляют случаи, когда Г совпадает с Ан, но расходится с Б и В, а последние, в свою очередь, отличаются от печатного: Как я находился в таком (ГАн) — Как я находился в толико (БВ) — В толико (АПеч. — СПол. 150); неисчисленное (ГАн) — неисчисляемое (БВ) — бесчисленное (Печ. — Подб. 92); трудивыйся (ГАн) — трудолюбивый (БВ) — трудившийся (Печ. — Подб. 235) и др.

Имеются, наконец, в списке Г варианты, оставшиеся только в нем и не попавшие в другие рукописи: жизнь плачевным столь (Г) — жизнь плачевным (Ан) — ее плачевным (БВПеч. — Подб. 356); сном на едином (Г) — сном на одном (Ан) — сидя на одном (БВПеч. — Подб. 361); многим веретенами выкололи глаза (Г) — многим повывкололи глаза (АнБВ) — они многих изувечали (Печ. — Зайц. 163; «изувечали» — не

опечатка, а воспроизведение ошибки переписчика одной из последних редакций, не замеченной при правке и перешедшей далее).

Так как в списке Г нет ни одного из тех мест, которыми Радищев действительно дополнил текст «Путешествия» после получения рукописи А из цензуры, надо сделать вывод: этот список представляет собой копию двух больших кусков одной из самых ранних редакций связного текста произведения. Судя же как по наличию в тексте Г переработанных во всех других редакциях фраз, так и по отсутствию в нем целой главы «Вышний Волочок», имеющейся уже в той части цензурной рукописи, которая переписана рукой Царевского, перед нами значительная часть начальной редакции, то есть редакции, предшествовавшей цензурной.

Как уже говорилось, вторая половина списка Г (с заголовком «Из 12-й тетради») начинается с полуфразы главы «Хотиллов». Первые слова в Г: «Со ужасом узришь губительство неволи, которая. . .». Эти варианты точно совпадают с АнБВ; для лучшей ориентировки приведу данный фрагмент с несколькими предшествующими словами (но для экономии места тоже не от начала этой длинной фразы): «. . . и тогда отверделым оком со ужасом узришь губительство неволи, которая. . .» (АнБВ). В Печ. здесь другие варианты: «тогда со ужасом узришь возникшее губительство неволи, которое. . .».

Вторая половина рукописи Г и вся она в целом обрывается словами: «И по истине не ожидал. . .» Это — самое начало фразы и абзаца в «Городне»: «И по истине не ожидал я сказанного от одетого в смурой кафтан со бритым лбом». Что является причиной столь резкого обрыва текста, с полной достоверностью сказать, конечно, нельзя. Не исключено, что переписчику просто что-то помешало довести работу до конца. Однако более вероятно другое: радищевский оригинал начальной редакции каким-то образом разделился на части и в дальнейшем попал в разные руки.

Последнее предположение подтвердилось самым неожиданным образом.

Еще в конце 1970 г. появилась статья А. Г. Татаринцева «Неизвестная редакция „Путешествия из Петербурга в Москву“»⁹. Она полностью посвящена одному списку, который незадолго до этого был передан в радищевский фонд в ГПБ (ф. 624, № 7). Изучая этот список, А. Г. Татаринцев обнаружил, что он имеет ряд разночтений с печатным текстом. Приведя примеры разных типов подобных разночтений, исследователь сделал вывод, что список представляет собой неизвестную радищевскую редакцию «Путешествия», и обозначил его — по порядку — литерой Е.

Согласно А. Г. Татаринцеву (правда, он учитывал не все списки), «последовательность появления редакций „Путешествия“ . . . схематически может быть представлена так: Ан — А — ПрБВ — ПрЕ — Кц — Печ. (где: Ан — начальный текст цензурной рукописи, А — окончательный текст той же рукописи, ПрБВ — „протограф“ списка Б и В, совмещающий в себе первые две редакции, ПрЕ — „протограф“ списка Е; Кц — корректурный текст книги; Печ. — печатный текст книги)»¹⁰.

⁹ Русская литература. 1970. № 4. С. 80—94.

¹⁰ Там же. С. 93.

Между тем даже из примеров, приведенных А. Г. Татаринцевым, можно видеть, что разночтения списка Е имеют различный характер и, очевидно, различное происхождение. Значительная часть вариантов текста глав «Крестыцы», «Яжелбицы», «Валдаи», «Едрово» соотносится с рукописями, а следовательно, имеет в основе своей какой-то радищевский источник. Большая же часть разночтений никакого отношения к рукописям не имеет, но явным образом представляет собой типичнейшие ошибки тех классов, которые хорошо известны в текстологии.

Проверка концепции Татаринцева привела к весьма любопытным результатам.

Прежде всего выяснилось: то, что Татаринцев назвал «неизвестной редакцией», в действительности опубликовано более 100 лет назад.

Дело в том, что в 1868 г. вышло в свет издание петербургского книгопродавца Н. А. Шигина «Радищев и его книга „Путешествие из Петербурга в Москву“». Это — первое легальное издание «Путешествия». Чтобы обойти цензуру, Шигин сократил объем книги.

С тех пор — вот уже более 100 лет — Шигина чествуют всякими нехорошими словами на всех перекрестках радищеведения. «„Путешествие“ в издании спекулянта» (Н. Смирнов-Сокольский) — едва ли не самое мягкое из прилагаемых к Шигину ругательств. Ругают его и за то, что он сократил радищевский текст, и за то, что он этот текст «изуродовал». Первый упрек имеет под собой основания (хотя именно благодаря сокращениям Шигину и удалось миновать рогатки предварительной цензуры)¹¹, второй же — нет. Дело в том, что тот текст, который, как считается, «исправлен», «изуродован» Шигиным, — это подлинный радищевский текст, но только рукописный, текст списка. Шигин издал «Путешествие» по списку, который восходит к тому же источнику, что и список Е. Список Е и издание Шигина (в дальнейшем — Ш) взаимно корректируют друг друга, позволяя обнаружить в каждом из них индивидуальные ошибки и опiski, с одной стороны, и определить, где причиной этих ошибок был общий источник — протограф, — с другой.

Правда, сопоставление осложнялось отсутствием в Ш многих оборотов, фраз, эпизодов, даже целых глав. Пример сокращенных оборотов: «Кто ездил на почте, тот знает, что подорожная есть оберегательное письмо, без которого всякому кошельку, генеральской, может быть, исключая, будет накладно» (Соф.) — выброшен оборот «генеральской, может быть, исключая»; «Я в первую ночь так не обезумею» (Зайц.) — сняты слова «в первую ночь». Примеры изъятых фраз: «Бурлак, идущий в кабак повеся голову и возвращающийся обгаренной кровью от оплеух, многое может решить доселе гадательное в истории российской» (Соф.); «А если он неугомонно спит, то сгоню с постели» (Зайц.). Выброшены, например, такие эпизоды, как размышления Путешественника после истории «несчастливого» и «сон» в «Спасской Полести», все, кроме первого абзаца в «Бронницах», рассуждения Крестьянкина об убийстве асессора и

¹¹ См. об этом, например: *Материалы...*, с. 333—334; *Смирнов-Сокольский Н.* Рассказы о книгах. М., 1960. С. 110—112.

его речь перед наместником, история любострастного монаха в «Валдаях», «Вольность» и окружающий ее текст в «Твери», ироническая концовка «Завидова» о вельможах и т. д. Целиком опущены главы «Хотилов», «Выдропуск», «Торжок». Хотя подобные «купуры» сильно затрудняли сопоставление Е и Ш, это не помешало сделать принципиальные выводы о соотношении двух текстов.

Эти выводы полностью подтвердились в 1980 г., когда Рукописный отдел ИРЛИ приобрел список, служивший оригиналом для издания Шигина. Он изготовлен, как и список Е, примерно в 1840-х гг., на нем имеется штамп В. Головина (владельца печатни, выпустившей книгу). По порядку условных литер этот список назван «список Ж». Список не содержит в себе произвольной редактуры и полон (в нем только произведены аккуратные вычерки для издания 1868 г. и вписаны примечания).

Сопоставление Е и Ж с другими рукописными, несомненно радищевскими, материалами (пока, чтобы не перегружать текст различиями, достаточно будет вариантов Ан — А) и Печ. позволяет сделать вывод, что в тех случаях, где Е дает вроде бы «оригинальные» — по сравнению с остальными источниками — варианты, они являются: 1) либо индивидуальными ошибками списка Е (и здесь, в общем, несущественно, сделал ли эти ошибки сам переписчик Е, или часть их восходит к какому-то промежуточному между протографом ЕЖ и Е списку, — если такой список был), 2) либо отсебятиной («редактурой») переписчика Е.

Для ясности возьмем те случаи, которые приводел А. Г. Татаринцев:

1) поскакал во всю лошадиную прыть (Е) — поскакал во всю лошадиную мочь (ЖАнПеч. — Выезд);

2) Я сижу в кибитке (Е) — Я лежу в кибитке (ЖАнПеч. — Выезд);

3) я уже ногу занес в кибитку (Е) — я уже ногу занес, чтобы влезть в кибитку (АнПеч. — СПол.) — я уже ногу занес, чтобы влесть в кибитку (ЖШ);

4) чем ты ныне промышляешь (Е) — чем ты ныне торгуешь (ЖА Печ. — Новг.);

5) упал безчувственно (Е) — упал безчувствен (ЖАнПеч. — Зайц.) и т. д.

Совершенно очевидно, что, несмотря на орфографические ошибки и описки («влесть»), в этих и аналогичных случаях текст Ж совпадает с Печ., а следовательно, к Печ. восходит и протограф ЕЖ, тогда как в Е радищевский текст искажен. Справедливости ради надо заметить, что имеется и множество обратных случаев: когда Е совпадает с Печ., а «оригинальные» варианты (т. е. ошибки) обнаруживаются в списке Ж, а соответственно — в тексте Ш.

Обратимся к примерам другого типа, к добавлениям. Переписав оборот «устремляемы случайным ударением» (Кр.), владелец Е решил «исправить» Радищева и добавил слово «были»: «устремляемы были случайным ударением». Между тем Ж здесь совпадает с Печ. В другом случае, перечитывая фразу: «Я думал, что мне сделается от того», — владелец Е справедливо обнаружил тут пропуск и дополнил текст: «. . . сделается дурно

от того». В Ж фраза опять-таки идентична Печ.: «Я думал, что мне делается удар от того» (Чуд.).

Таким образом, ясно, что эти и подобные «добавления» в текст внесены не в ходе «тщательной сверки с протографом», как заявляет А. Г. Татаринцев¹², а в результате произвольной редактуры, поновлений переписчика — владельца списка Е.

Если же говорить в целом об общем источнике списков Е и Ж, то выводы будут принципиально отличными от гипотезы А. Г. Татаринцева, который, как уже упоминалось, назвал Е радищевской редакцией, занимающей промежуточное место между редакцией БВ и корректурой.

Прежде всего, никаких рукописных вариантов в главах «Выезд» — «Зайцово» просто нет. Есть только ошибки, искажения текста и поновления редактора, а восходят эти главы к печатному изданию. То же относится к главам «Хотилово» — «Черная грязь» (в отношении последней группы глав к этому выводу пришел и А. Г. Татаринцев).

Однако четыре главы — «Крестыцы», «Яжелбицы», «Валдаи», «Едрово» — дают текст не просто допечатный, а ранний. В основе этот текст совпадает с цензурной редакцией Ан, например: движение (ЕЖАн) — движение оных (БВПеч. — Кр. 98); закон гражданский и священный (ЕЖАн) — закона гражданского и священного (БВАПеч. — Кр. 648); им того дня назначенную (ЕЖАн) — ту, которую он того дня назначил (БВПеч. — Едр. 163) и мн. др.

Очень велико также число разночтений, когда Е, Ж, Ан, Б и В совпадают между собой (не считая, разумеется, описок и ошибок, имеющих во всех рукописях) и расходятся с последующими вариантами (здесь не привожу такого рода примеров, чтобы не загромождать ими работу).

Есть, однако, в Е и Ж разночтения, которые отличают эти списки (то есть зафиксированную в них редакцию «Путешествия») от всех остальных, в том числе (в данном случае важно именно это) от Ан, например: руководились (ЕЖ) — ваших вождаетесь (Ан — оба слова вписаны в пробел, оставленный Царевским на месте неразобранного текста; в БВ так и остался пробел) — ваших вождаетесь (Кр. 422); опустить в землю (ЕЖ) — опускать в могилу (АнБВПеч. — Яж. 14); вещает (ЕЖ) — вещал (АнБВПеч. — Яж. 17); почти угасшая (ЕЖ) — угасшая (АнБВПеч. — Едр. 5) и т. д. Хотя эта группа вариантов немногочисленна, она определенно ведет к заключению о редакции, более ранней, чем Ан, — то есть начальной.

Весьма любопытными представляются две, если можно так сказать, группы разночтений ЕЖ, которые (каждая по-своему) проливают дополнительный свет на происхождение и характер реставрируемой начальной редакции.

Первая «группа» состоит из разночтений, в которых постоянно варьируется написание имени героини «Едрова», причем путаница захватывает оба списка. Иногда ошибочное написание содержится в списке Е, тогда как Ж дает верное: Анетушка (Е) — Анютушка (Ж и др. — 121); Анета

¹² Татаринцев А. Г. Неизвестная редакция... С. 82—85.

(Е) — Анюта (Ж и др. — 176) и т. д. Иногда картина обратная — верно в Е, неверно в Ж: Анета (Ж) — Анюта (ЕАн) — Анютушка (БВПеч. — 196); Анету (Ж) — Анюту (Е и др. — 221) и т. д. Иногда ошибочная форма возникает в обоих списках: Анета (ЕЖ) — Анюта (195, 424, 426, 486); Анетушка (ЕЖ) — Анютушка (229, 487); Анета, Анета (ЕЖ) — Анюта, Анюта (380) и др.

Эта характерная только для списков Е и Ж путаница находит объяснение в графике, в особенностях почерка лица, руке которого принадлежал протограф ЕЖ, и тут надо иметь в виду, что Радищев, как и многие его современники, писал строчное «ю» сходно, но по-разному: чаще оно выглядело, как строчное письменное «е» очень большого размера (высоко поднимавшееся над строкой), иногда — как современное нам письменное «в» (отчасти напоминающее также письменное прописное «Е» нашего времени).

В свою очередь, объяснение происхождения разночтений графическими особенностями оригинала (совпадающими с особенностями радищевского почерка) позволяет предположить, что общим протографом списков Е и Ж в исходном моменте был черновой автограф Радищева. Возможно, между этим протографом и анализируемыми списками были какие-то промежуточные звенья, что особенно вероятно в отношении Е из-за множества имеющихся в нем ошибок (Ж в этом отношении гораздо исправнее).

Гипотеза о черновом автографе как первоначальном источнике текста четырех глав списков Е и Ж находит еще более весомое подтверждение во второй упомянутой группе разночтений, имеющих смысловой, содержательный характер. «Группой», конечно, эти разночтения можно назвать только относительно, ибо речь идет всего лишь о двух вариантах в главе «Едрово».

Первый из них находится в известной фразе, которая часто цитируется как пример «дательного самостоятельного»: Едущу мне из Едрова, Анюта из мысли моей не выходила (Печ.). В обоих списках начало фразы выглядит иначе: Едущу из Бронниц, Анюта. . (Е); Едучи из Бронниц, Анета. . . (Ж).

Второй вариант находится в том же абзаце, внутри скобок: в соразмерности моего посула едровской ямщицихе (Печ.). В списках Е и Ж иначе: в соразмерности моего положения к бронницкой ямщицихе (Ж); . . . к бронницкой ямщичке (Е). В последнем слове в Е явная ошибка, но иначе обстоит дело со всем остальным текстом. Каким образом в главе, действие которой происходит в Едрове (да и в самих этих списках глава называется «Едрово»), могли дважды возникнуть в качестве места действия Бронницы? Нет никаких оснований полагать, что существовала некая «редакция „Путешествия“», где встреча с Анютой происходила в Бронницах и описана была в соответствующей главе. Но все объясняется просто, если текст четырех глав восходит к черновому автографу Радищева.

Дело в том, что, работая над начальной редакцией «Путешествия», Радищев, по-видимому, писал преимущественно вновь создаваемый текст,

а те эпизоды, которые у него были готовы ранее как самостоятельные произведения, он вкладывал в соответствующие места рукописи. По крайней мере на материале списка Г этот вывод бесспорен в отношении «Вольности». Очевидно, дойдя до «Едрова», писатель также включил эпизод, созданный первоначально как самостоятельное произведение, отдельная повесть. Поместив эту повесть в главу «Едрово», он не обратил внимания, что в раннем тексте действие разворачивалось в Бронницах. Когда Радищев заметил это расхождение, точно сказать нельзя, ибо в Ан здесь нет двух листов, но начиная с Б и В везде значится «Едрово», «едровской».

Наконец, еще один аргумент, свидетельствующий о том, что текст четырех глав в Е и Ж представляет собой начальную редакцию, — структурно-композиционный. Подобно тому как в Г отсутствуют эпизоды, вставленные Радищевым после цензуры, в тексте ЕЖ нет концовки «Едрова» начиная со слов «Хотиловской ям был уже в виду. . .». И наоборот, в ЕЖ есть обороты и фразы, снятые Радищевым в последних редакциях книги, например концовка первого абзаца «Крестыцов». В Печ. она выглядит так: Не возрыдаешь ли ты, что сынок твой любезной с приятною улыбкою отнимать будет имение, честь; отравлять и резать людей не своими всегда боярскими руками, но посредством лап своих любимцев (см. Кр. 61—69). Не останавливаясь на многих вариантах и разночтениях (как ранних, так и ошибочных) в Е и Ж к первой части фразы, отметим лишь расширенную концовку, имеющуюся только в ЕЖБВ, а также во втором слое Д: . . . лап своих раболощцов (в Е ошибка или описка — раболопных) и, отходя от века сего, даст в наследие внукам твоим село, зовомое село Крови. . . Но послушаем крестецкого (Ж; ЕБВ — крестецкого) дворянина.

Таким образом, текст списков Е и Ж (а также издания Шигина) в целом — это вообще не «неизвестная редакция» «Путешествия», как его назвал А. Г. Татаринцев, а *сводный текст*, составленный помимо Радищева из *двух разных радищевских редакций: печатной* («Выезд» — «Зайцово») и «Хотилов» — «Черная грязь») и *начальной* («Крестыцы» — «Едрово»).

Этот весьма оригинальный гибрид, конечно, в *полном виде* не занимает никакого места в истории создания «Путешествия», поскольку появился он без участия Радищева и после выхода книги в свет (в истории же распространения книги он, наоборот, играет важную роль, поскольку послужил — пусть в сокращенном виде — оригиналом для первого в XIX в. легального издания).

Но для текстологии «Путешествия» часть этого текста — четыре центральные главы — очень существенна, ибо она дает дополнительный материал для текста ранних редакций книги — того текста, которого нет в Г и который частично утрачен в Ан. Именно этим сводный текст представляет немалый интерес.

Теперь можно подвести некоторые итоги всему изложенному выше. Список Г и четыре главы в Е и Ж представляют собой начальную

редакцию «Путешествия». Общий «протограф» ГЕЖ — по всей вероятности, черновой автограф Радищева — каким-то образом разошелся по частям, в разделенном состоянии. Переписчику Г попали в руки два куска: «Выезд» — «Зайцово» и «Хотилово» — «Городня», средняя часть — «Крестыцы» — «Едрово» оказалась у составителя сводного текста ЕЖ. Кому попал и попал ли в руки кусок, содержащий конец рукописи — от «Городни» до «Черной грязи», — пока неизвестно. Но, поскольку отсутствующие в ГЕЖ главы «Путешествия» в рукописи А сохранились преимущественно в первоначальном виде (это касается и первой половины «Хотилова»), постольку можно воссоздать более или менее полную картину начальной и цензурной редакции произведения.

Начальную редакцию книги Радищев завершил, по всей вероятности, в середине или во второй половине 1788 г. Во всяком случае, несколько доработанная цензурная редакция была закончена и сдана в цензуру «в исходе» этого года.

По сравнению с печатным текстом 1790 г. начальная редакция «Путешествия» имела следующие отличия.

1. Произведение начиналось главой «Выезд» (посвящения «А. М. К.» не было).

2. В главе «Чудово» после слов «Я вспомнил о заключенных англичанах в темнице» (в поздних редакциях добавлено: «Бенгальского Субаба») имелась фраза «Чем же мы можем преимуществовать пред непросвещенными Азийскими правлениями?» и сразу следовало: «Между тем дошли мы до Систербека», — но отсутствовало примечание из Рейналя, чрезвычайно озлившее Екатерину II.

3. Глава «Спасская Полесь» состояла лишь из одного эпизода — встречи с «несчастливым» и завершалась его словами «. . . а я теперь еду, по пословице, — куда глаза глядят».

4. Соответственно «Подберезье» начиналось словами: «Повесть спутника моего тронула меня несказанно», и, таким образом, содержание данной главы составлял сон Путешественника.

5. Глава «Новгород» имела сугубо публицистический характер и завершалась рассуждением о расправе царя Ивана Васильевича с новгородцами; эта глава была гораздо короче, поскольку в ней не было еще ни «летописи новгородской» с обрамляющими ее размышлениями Путешественника о «праве силы», ни рассказа о семействе Карпа Дементьича.

6. «Зайцово» кончалось словами «И поехали всяк в свою сторону»; встречи с приятелем и письма о свадьбе барона Дурындина не было.

7. Глава «Едрово» завершалась словами: «. . . сыны сынов моих да наследят в них».

8. В конце «Хотилова» изложение проектов «гражданина будущих времен» было гораздо более сжатым, отсутствовало ироническое заключение Путешественника.

9. Главы «Вышний Волочок» вообще не было.

10. Глава «Торжок» не имела примечания о Дикинсоне и «Краткого повествования о происхождении цензуры» с предваряющим его абзацем.

11. В главе «Медное» на месте первого абзаца («Во поле береза» — «внемли и суди») стояла лишь одна фраза: «Между бумагами моего приятеля нашел я следующее» — и сразу следовали записки «гражданина будущих времен» (автора «проектов») о продаже крепостных.

12. В главу «Тверь» помимо оды «Вольность» входило песнословие «Творение мира». В список Г ода включена полностью, но тут же следует перечень 28 строф, которые должен выписать переписчик при переписке черновика набело (Радищев, — возможно, для того, чтобы не переписывать самому все 280 строк, — просто вложил в черновую рукопись созданный несколькими годами ранее полный текст оды в 54 строфы). Любопытно, однако, что нумерация строф в перечне указана по сокращенной 42-строфной редакции (см. в разделе IV).

13. Если начальная редакция в последних главах (от «Городни» до «Черной грязи») совпадала с цензурной, то в ней иначе начиналось «Завидово».

14. Вся книга кончалась исповедью самоубийцы в «Черной грязи».

Таким образом, черновой автограф «Путешествия» сложился из двух «источников» текста: а) связного сквозного повествования, которое Радищев писал собственноручно от первого до последнего слова произведения, и б) эпизодов, созданных ранее как самостоятельные сочинения, которые писатель вкладывал в соответствующие места формируемой рукописи. Эти фрагменты могли быть и написаны рукой самого Радищева, и переписаны писцом. Последнее особенно касается «Вольности», текст которой имеет множество искажений безусловно писарского, а не авторского происхождения (с несколько меньшей степенью вероятности то же можно утверждать и относительно «Творения мира»). Так были вложены «Вольность», текст «Едрова», а также, вероятно, «Творение мира» и другие эпизоды, о которых Радищев сообщал, что они были написаны раньше «Путешествия» в целом (вошли в главы «Чудово», «Торжок», «Медное» и т. д.).

3. ЦЕНЗУРНАЯ РЕДАКЦИЯ И «РУКОПИСЬ ЦАРЕВСКОГО»

По завершении начальной редакции «Путешествия» Радищев отдал черновой автограф в переписку, причем, как мы увидим далее, изготовлены были две копии. В обеих переписчик допустил, очевидно, одну и ту же ошибку: не разобравшись в авторском указании относительно «Вольности», он переписал как перечень строф, так и полный текст оды в 54 строфы, причем не на нужном месте.

В одну из копий Радищев внес сравнительно небольшое количество стилистических поправок (об этом свидетельствуют разночтения между ГЕЖ и Ан) и отдал ее для новой переписки А. Царевскому, точно объяснив, как надо ввести «Вольность» в текст. Получив от Царевского готовую рукопись, Радищев заметил, что у него «потерялась» одна почтовая станция на дороге Петербург—Москва: Вышний Волочок. Написав новую главу, Радищев отдал ее для переписки тому же Царевскому, чтобы руко-

копись, предназначавшаяся для цензуры, была однородной по почерку и бумаге.

Но если «Вышний Волочок» совпадает по почерку и бумаге с остальной частью Ан, то есть ли основания считать, что глава была дописана позднее? Отправной точкой при выдвижении этой гипотезы является, конечно, отсутствие главы «Вышний Волочок» в начальной редакции, точнее — во второй половине списка Г. Но, может быть, глава была пропущена по ошибке составителя этого списка?

Решающие аргументы содержатся в самой цензурной рукописи, но, чтобы добраться до них, нужно детальнее ее исследовать. Сделать это тем более необходимо, что вся версия Г. Шторма о «дописывании» «Путешествия» в конце века исходит из домысла о «подмене» Радищевым четырех листов данной рукописи.

Этот домысел читатель должен принять на веру как аксиому, ибо никаких доказательств для обоснования его в сочинении Г. Шторма просто нет. Естественно поэтому, что домысел был отвергнут литературоведами, особое же внимание его опровержению уделил А. Г. Татаринцев. Показав, что бумага, цвет чернил, характер почерка якобы «подмененных» листов идентичны предыдущим и последующим сохранившимся листам рукописи, в качестве еще одного серьезного аргумента А. Г. Татаринцев привлек пагинации, которые имеются в А.

Как уже говорилось, в цензурной рукописи имеется четыре пагинации. Одна из них — первоначальная сквозная — имеется только на листах, переписанных Царевским, то есть на листах Ан — той части рукописи А, которая и представлялась в цензуру. Вторая, так называемая измененная, не доведена до конца; появилась она в результате попытки Радищева заново перенумеровать рукопись вместе с вставками и имеется далеко не на всех листах. Третья — современная архивная (эта пагинация имеется не только на лицевых, но и на оборотных сторонах листов; ныне в ряде мест номера листов отличаются от приведенных Я. Л. Барсковым, ибо листы были в наше время переложены в соответствии с текстом). Наконец, еще одна пагинация имеет особый характер: означающие ее цифры помещены в левых углах (остальные пагинации — в правых), но цифры ее стоят лишь на первых листах из каждых четырех, на которых сохранилась первоначальная пагинация (дело в том, что, пытаясь изменить общую пагинацию, Радищев в ряде случаев срезал на листах часть верхнего поля, так что на них в результате нет ни цифр первоначальной сквозной, ни номеров особой, четверичной).

Не желая признать свой домысел о подмене (а следовательно, и всю концепцию) опровергнутым, Г. Шторм во втором издании книги попросту заявил: «На лицевой стороне названных листов, в их верхних левых углах, нет вообще никакой пагинации»¹³.

Поскольку не каждый читатель и даже не каждый исследователь имеет возможность путем обращения к хранящейся в архиве рукописи А. проверить истинность категорического заявления Г. Шторма (к тому же

¹³ Шторм Г. Потаенный Радищев. М., 1968. С. 312.

зачем-то — очевидно, для пущей «убедительности» своей заведомой лжи — сославшегося на директора ЦГАДА В. Н. Шумилова), пришлось в ответ на утверждение, будто «нет вообще никакой пагинации», заметить: «Тем не менее она есть — и в этом, не заглядывая в рукопись, легко может убедиться любой, кто возьмет «Материалы к изучению „Путешествия“» и прочтет, например, на стр. 244: «. . . на поле 84a — „25“; на поле 88a — „26“; . . . 91a — 125n, на поле — „27“ . . .». Вот эти цифры — «25» «26», «27» (Я. Л. Барсков привел не все имеющиеся в рукописи цифры данного ряда) — и есть та четверичная, «протографная» пагинация, которую Г. П. Шторм объявил несуществующей»¹⁴.

Схваченному публично за руку, Г. Шторму пришлось признать, что в левых углах все-таки есть «микроскопические, образующие последовательный ряд цифры». Ни в малой степени не соответствующее действительности прилагательное «микроскопические» Г. Шторм, по-видимому, придумал для самооправдания (раз «микроскопические», то их можно было и не заметить!), но тут же прибег к новой лжи во спасение своей концепции, объявив, что «это — служебная, так называемая охранный нумерация Тайной экспедиции»¹⁵.

Поверить этому может только человек, не знакомый ни с рукописью Радищева, ни с делами Тайной экспедиции. Возьмем, к примеру, «последовательный ряд», как его именует Г. Шторм, начиная с цифры «36» (в скобках указаны листы по архивной пагинации, поскольку именно она зафиксировала то количество листов рукописи, которое было отобрано при аресте писателя): 36 (л. 124), 38 (л. 131), 40 (л. 152), 41 (л. 155), 42 (л. 159), 45 (л. 163).

Спрашивается, куда подевались цифры «последовательного ряда» «охранной нумерации» 37, 39, 43, 44 и что вообще может «охранять» цифра, расставленная как попало (скажем, между листами с цифрами 36 и 38 находится 6 «неохраняемых» листов между 38 и 40 — 20 листов, а между 42 и 45 — всего 3)? Да и, кроме того, в делах Тайной экспедиции подобной «охранной нумерации» ведь просто нет. . .

На самом деле, конечно, цифры четверичной пагинации расставлены отнюдь не «как попало», но, чтобы убедиться в этом, надо обратиться к полному описанию цензурной рукописи (см! «Пагинации и состояние рукописи А. . .»). При анализе этого описания мы можем наблюдать совершенно очевидные закономерности: 1) первоначальная сквозная пагинация есть только на тех листах рукописи, которые были переписаны рукой Царевского для представления в цензуру, т. е. на листах Ан; 2) на первом из каждых четырех листов Ан имеется особый номер; цифры этого ряда прерываются там, где отсутствуют соответствующие листы цензурной рукописи.

Но зачем нужны эти цифры, что они означали? Выше уже приводилось мнение А. Г. Татаринцева, который связывал эти цифры с процессом переписывания с протографа. Но почему нумеруется первый лист из четырех,

¹⁴ Западков В. А. Работа А. Н. Радищева над «Путешествием» // Русская литература. 1970. № 2. С. 163.

¹⁵ Шторм Г. Потаенный Радищев. М., 1974. С. 272.

а не, допустим, из 6 или 8 листов? В одной из позднейших работ А. Г. Татаринцев связал «счетверение листов цензурной рукописи» с радищевским протографом, который мог состоять из «тетрадей», и наборной рукописью, которая, как известно из показаний наборщика Е. Богомолова, представляла собой «тетради, писанные в пол-листа»¹⁶.

Доводы А. Г. Татаринцева сами по себе соответствуют истине, но при этом нельзя не заметить, что мысль исследователя больше направлена на процесс изготовления рукописи. Но что она сама представляла в готовом виде? Не стоит ли за четверичной пагинацией какое-то реальное «содержание» самой рукописи Ан?

Ныне цензурная рукопись состоит из отдельных листов. Но уже при одном только взгляде на колонки цифр, показывающих соотношение первоначальной сквозной пагинации и четверичной, возникает вполне естественное предположение, что сперва рукопись состояла из «тетрадей» по 4 листа, — иначе говоря, каждая тетрадь представляла собой два двойных листа, сложенных пополам. В этом случае первый и четвертый листы составляли внешний двойной лист, а второй и третий — внутренний двойной лист тетради.

Проверка по самой рукописи показала, что дело обстояло именно так. Двойные листы, как выяснилось при обследовании, были Радищевым разрезаны при помощи ножа для бумаги (а не ножниц) или просто разорваны по сгибу. Поэтому на линии разреза (точнее будет назвать ее линией разрыва) во многих случаях сохранились естественные при подобной «операции» шероховатости, неровности, выпуклости, вогнутости, местами куски, напоминающие лезвие пилы, а иногда и очень неровный, не по бывшему сгибу разрыв (на одной половине оставался кусок другой половины, а на той соответственно имеется «нехватка»). Правда, за 200 истекших лет на многих листах эти выпуклости и вогнутости, особенно мелкие, заметно сгладились, а в ряде случаев их выровняла реставрация: на некоторых листах с «нехваткой» из-за кривого разрыва эта «нехватка» наращена, но иногда достаточно ясно просматривается «на просвет».

При обследовании правый край оборота первого листа тетради я прикладывал к левому краю лицевой стороны четвертого, оборот второго — к лицевой третьего. Оказалось, что и теперь прекрасно различимо совпадение по краям — линии разрыва — в тетради «2» — листов 6 об. и 7 (внутренняя пара); «4» — 14 об. и 15 (внутренняя); «7» — 26 об. и 27 (внутренняя); «8» — 30 об. и 31 (внутренняя); «22» — 105 об. и 108 (внешняя); «40» — 181 об. и 184 (внешняя) и т. д. (здесь и далее указываю номера листов по первоначальной сквозной пагинации).

Итак, тетради по четыре листа существовали действительно. Но были ли они тетрадами в момент переписки или Царевский сперва разрезал двой-

¹⁶ См.: Татаринцев А. Г. К вопросу о творческой истории оды «Вольность» Радищева // XVIII век. Сб. 12. А. Н. Радищев и литература его времени. Л., 1977. С. 91. Следует иметь в виду, что трижды упомянутый в примечании на с. 93 «В. А. Западов» — это А. В. Западов.

ные листы, а потом писал на одинарных? Здесь надо иметь в виду, что при изготовлении рукописи он сгибал одинарные листы (или двойные, сложенные в тетрадку) пополам и писал текст на правой половине листа, начиная от сгиба, левая же (поле) оставалась чистой. При таком способе изготовления рукописи, если переписчик работал на двойных листах, он мог случайно «заехать» пером на другую половину развернутого листа. Разумеется, это возможно не везде: на лицевых сторонах всех четырех листов строки располагались от сгиба в середине листа к обрезу. Но, переписывая оборотные стороны, переписчик, если двойной лист лежал перед ним в развернутом виде, мог пером пересечь линию сгиба двойного листа, причем «система» внутри тетради тут такая: с л. 1 об. на поле л. 4, с л. 2 об. на поле л. 3, с л. 3 об. на поле 2, с л. 4 об. на поле л. 1.

При рассмотрении рукописи подтвердилось и это предположение, хотя Царевский как переписчик работал очень аккуратно. Тем не менее во внешней паре листов тетради «14» на л. 53 об. (оборот 1-го листа тетради) знаки переноса в строках сверху 4, 13, 25, 28 и 29 перешли за линию сгиба двойного листа, и их кусочки видны на левой чистой стороне л. 56 (лицевая сторона 4-го листа тетради); в строке 18 у Царевского не «вместился» мягкий знак на переносе слова «свадь//бе», и верхний штрих «еря» «заехал» на л. 56; точно так же в строке 23 на переносе слова «послед-//нююю» на л. 56 попала и большая часть знака переноса, и кусочек нижнего «хвостика» буквы «д»; в строке 19 при переносе слова «введе^н-//ному» и знак переноса, и выносное «н» попали на линию сгиба (разрыва). Во внутренней паре той же тетради «14» куски знака переноса в строках 22 и 26 л. 54 об. (оборот 2-го листа тетради) попали на л. 55 (лицевая сторона 3-го листа).

Во внутренней паре листов тетради («17») ¹⁷ в строке 7 сверху л. 66 об. слово «вельможъ» Царевский написал так, что конечный «ъ» пересек линию сгиба двойного листа и большая часть буквы оказалась на поле л. 67.

Несколько иной случай в тетради «15». По линии разрыва здесь отчетливо видно точное совпадение обеих пар — внешней (л. 57 об. — л. 60) и внутренней (л. 58 об. — 59); кроме того, переписывая текст оборота 4-го листа внешней пары (л. 60 об.), Царевский в конце строк 3—4 сверху посадил кляксу, кусочек которой «заехал» на чистую половину лицевой стороны 1-го листа тетради с цифрой «15» (л. 57).

Еще более интересный случай обнаружился в тетради «9». Тут начало речей монарха в сне Путешественника, обращенных к «учредителю плаванья», выглядело сперва так: «Да корабли мои рассеянные по всем морям узрят неведомые народы». Последнее слово завершает строку 14 сверху л. 33 об. В эту фразу Радищев внес ряд поправок, при помощи цифр обозначил перестановки слов, так что в результате получилось: «Да узрятся

¹⁷ Номер тетради взят в скобки потому, что верх листа 58 архивной пагинации оборван Радищевым, видимо, при попытке подогнать пагинацию вставки о женитьбе Дурындына. В результате исчезли и номер тетради «17», и соответствующий ему номер листа 65 первоначальной сквозной пагинации.

неведомыми народами корабли мои, рассеянные по всем морям». Однако эта редакция фразы писателя не удовлетворила, и он снял правку, вычеркнув и цифры, и написанные окончания слов (данный вариант остался в Ан и в другие редакции не попал; см. Подб. 175, а также Печ.). При этом черта, которой зачеркнут слог «ми» (в бывшем слове «народами»), пересекла линию сгиба внешнего двойного листа тетради. Фрагмент черты на поле, чистой половине л. 36, и ныне еще хорошо виден не только в самой рукописи, но и на микрофильме, и фотографиях.

Со сходным фактом мы встречаемся в тетради «18». При нумерации листов Ан Радищев ошибся на 20 номеров, и после л. 69 тут сразу следуют л. 90, 91, 92. Четко видна совпадающая линия разрыва внутренней пары листов — 90 об. и 91, но, кроме того, весьма существенный факт образовался при правке. На л. 90 об. со строки 23 сверху на 24-ю Царевский перенес прилагательное: «ознаменовала на вас тяж-//каго своего перста». Два перенесенных слога прилагательного Радищев зачеркнул, а к началу слова на той же 23-й строке приписал окончание: «тяжесть» (см. Кр. 307), причем часть верхнего штриха последней буквы «ь» попала за линию сгиба двойного листа и оказалась на левой чистой половине (т. е. на поле) л. 91. Так как Радищев правил рукопись после подписания ее обер-полицеймейстером, то факты правки еще не разрезанных листов свидетельствуют, что рукопись Ан существовала в виде тетрадей какое-то время и после получения ее из цензуры.

Таким образом, вся рукопись Ан состояла из тетрадей, каждая из которых имела по два неразрезанных двойных листа; цифры четверичной пагинации означали номера этих тетрадей.

Из первой половины этого правила есть два идущих подряд исключения. Как видно из описания рукописи А, в тетради «33» было пронумеровано только два листа. И хотя л. 150 Радищев изъял, благодаря списку Г можно с полной уверенностью утверждать, что здесь был лишь один лист, а не три. То есть в данном случае перед нами результат ошибки Царевского, который по недосмотру сделал «тетрадь» из одного двойного листа.

Совершенно иначе обстоит дело с тетрадью «34». Первый лист ее имел номер первоначальной сквозной пагинации 151, последний — 160. Если приложить л. 151 об. к лицевой стороне л. 160, то линия разрыва совпадет точно, причем особенно наглядно в верхней части листов, против первых трех строк текста. То есть перед нами две половины внешнего двояного листа тетради. В этом случае внутреннюю пару листов должны были составлять отсутствующие в Ан листы 152 и 159, на которых могли разместиться по объему только конец «Хотилова» и начало «Выдропуска». Для «Вышнего Волочка» места в тетради «34» просто нет.

А между тем уцелевшие четыре листа «Вышнего Волочка» переписаны на той же бумаге, что и вся рукопись Ан, почерком того же Царевского; эти листы имеют номера, входящие в последовательный ряд первоначальной сквозной пагинации. С другой стороны, цвет чернил листов «Вышнего Волочка» отличается от того, который наблюдается на окружающих их листах 151 и 160 (а также предыдущих и последующих); переписаны эти листы (также по сравнению с окружающими) более убористым, узким

почерком (по-видимому, Царевский хотел «подогнать» данный ему текст главы к определенному числу листов, чего ему сделать не удалось).

Поскольку и в списке Г «Вышнего Волочка» нет, вывод в отношении Ан очевиден: в первоначально переписанном Царевским для цензуры тексте рукописи «Вышнего Волочка» не было. Работая над книгой, Радищев дал в «Хотилове» и «Выдропуске» подряд два проекта «гражданина будущих времен», но, вероятно, просто упустил из виду, что между Хотиловом и Выдропуском на дороге Петербург—Москва есть промежуточная станция Вышний Волочок. Обнаружив свою ошибку, писатель создал новую главу, которую Царевский и переписал.

А вот в какой точно момент новая глава была вставлена в Ан, сказать трудно. Скорее всего Радищев делал первоначальную сквозную пагинацию для цензуры (иначе зачем бы он впоследствии пытался подогнать измененную пагинацию к цензурной, изымая часть листов?). При этом Царевский мог заново переписать и внутренний двойной лист тетради «34», чтобы «Вышний Волочок» начинался сразу после «Хотилова», а «Выдропуск» после окончания «Вышнего Волочка».

Однако против последнего предположения может свидетельствовать изъятие из Ан листов 158 и 159. Сопоставление с Г и с последующими редакциями показывает, что объем изъятых страниц конца «Вышнего Волочка» составляет всего около 7 печатных строк, начала «Выдропуска» — чуть больше одной страницы, что в общей сложности могло занять менее одного листа рукописи. Почему же Радищев вынул два? Конечно, могло быть и так, что на одном листе завершался «Вышний Волочок» и почти полторы страницы остались чистыми, а на другом было «разогнано» начало «Выдропуска». Но более вероятно, что на втором листе (159) находилось окончание «Хотилова» и начало «Выдропуска», то есть «Вышний Волочок» был вставлен в рукопись таким образом, что он вклинивался в текст «Хотилова» (именно так введен ряд позднейших вставок в Ан). Но это означает, что в цензурную рукопись Ан была сдана, во-первых, без «Вышнего Волочка», а во-вторых, с одной только четверичной пагинацией (поскольку первоначальная сквозная делалась уже тогда, когда «Вышний Волочок» находился в рукописи). Если первое возможно, то второе сомнительно.

Впрочем, в любом случае ясно, что глава «Вышний Волочок» по времени переписки чрезвычайно близка к изготовлению Ан: об этом убедительно свидетельствуют одна и та же бумага, один и тот же почерк (Царевского), охват листов «Вышнего Волочка» первоначальной пагинацией. Либо глава была переписана одновременно с Ан (но после изготовления основной части рукописи) и вставлена до отправки рукописи в цензуру; либо переписана тогда, когда рукопись уже находилась в полиции, и введена после получения ее оттуда (правда, в последнем случае не совсем понятно, зачем Радищеву понадобилось нумеровать рукопись, — разве что, занявшись правкой, он решил разрезать тетради на отдельные листы).

Словом, независимо от самого момента введения «Вышнего Волочка» в рукопись эта глава стала органичной частью цензурной редакции, — и органичной в такой мере, что мы бы так и не заподозрили здесь вставку,

если бы не выяснение смысла четверичной пагинации и скрытого за ней факта изготовления и реального существования Ан в виде тетрадей.

Теперь, после установления этого факта, можно обратиться и к основополагающей версии Г. Шторма, на которой построена вся его концепция, — о подмене четырех листов Ан, содержащих начало «Вольности».

Констатировав хорошо известный факт изъятия Радищевым ряда следующих листов (от окончания «Вольности» до начала «Городни»), Г. Шторм так охарактеризовал поставленную перед собой задачу: «А что, если попытаться. . . выяснить, что было написано на нескольких — ныне отсутствующих — побывавших в цензуре листах „Путешествия“? Ведь если бы такая попытка удалась, это было бы почти волшебством! . . .»

Далее в сочинении Г. Шторма и возникает версия, будто бы содержащие начало «Вольности» в А «уцелевшие листы после возвращения рукописи из цензуры п о д м е н е н ы».

Речь идет о листах 186, 186-бис (Радищев по ошибке поставил один и тот же номер на двух листах подряд), 187 и 188. «Подмена этих листов, — рассуждает Г. Шторм, — более чем вероятна, но убедиться в ней можно только одним, очень простым, способом — сделав макет и выяснив, какое общее количество стрóf уместилось на уцелевших и на вырванных листах».

Итак, вместо естественного и необходимого исследования рукописи — конструирование собственного, искусственного и вполне произвольного макета. Ближайший результат этих любительских упражнений в конструировании макетов — находящееся в вопиющем противоречии со всеми текстологическими и палеографическими фактами утверждение, будто бы в цензуру был представлен текст 50 полных стрóf «Вольности». А отсюда конечный вывод, касающийся «Твери»: 4 стрóf «Вольности», «Творение мира» и прозаическая связка между одой и ораторией были дописаны в конце столетия¹⁸.

Используя выражение самого Г. Шторма, Г. П. Макогоненко резонно заметил: «„Почти волшебство“ — трудно точнее определить методологию книги „Потаенный Радищев“. А история литературы — это наука, а не волшебство»¹⁹.

Что же касается собственно макета, то А. Г. Татаринцев тут же представил сконструированный им самим другой вариант макета, из которого явствовало, что листы 186—188 не подменялись, а в цензуру были отданы «Вольность» в 28 стрóf, прозаическая связка и «Творение мира». Возражая против версии о «подмене», А. Г. Татаринцев верно указывал на идентичность бумаги, цвета чернил, характера почерка Царевского якобы «подмененных» и окружающих их листов рукописи. Кроме того, он обратил внимание на имеющийся на л. 188 номер «протографной» пагинации «42»²⁰.

Доводы А. Г. Татаринцева в целом верны, но не исчерпывающи. В свете установления факта сдачи Ан в цензуру в виде тетрадей необхо-

¹⁸ Шторм Г. Потаенный Радищев. . . М., 1965. С. 229—231 и далее.

¹⁹ Русская литература. 1966. № 1. С. 255.

²⁰ Там же. С. 256. Свой расчет макета и аргументы А. Г. Татаринцев неоднократно воспроизводил и расширял в последующих работах.

димо ввести ряд новых аргументов, окончательно перекрывающих даже самую возможность всякого рода спекулятивных измышлений о каких бы то ни было «подменах» (вспомним «ответы» Г. Шторма по поводу четверичной пагинации!).

Итак, вновь обратимся к полному описанию рукописи А, к тем листам, которые занимает глава «Тверь». Пока довольствуемся только констатацией общего количества строф «Вольности» (о том, какие именно это были строфы, пойдет речь далее). Из описания рукописи А видно, что «Тверь» начинается в тетради «40», на лицевой стороне л. 182. Почему Радищев изъясил из рукописи следующий лист (183), вполне понятно: как показывают варианты и разночтения Г, Б, В, Д и других списков, в рассуждениях стихотворца здесь была колоссальная стилистическая правка, а кроме того, вычеркнута целая фраза о Третьяковском и Фенелоновом романе, впервые ставшая известной из работ Д. Н. Анучина и В. П. Семенникова. Но, как и в других случаях, тетрадь «40» являлась именно тетрадью: совпадение линии разрыва между л. 181 об. и 184 убеждает в том, что до разрезки это был один двойной внешний лист.

Еще более ясную картину представляет собой тетрадь «41». Листы 185 об. и 187, составлявшие внешний двойной лист тетради, совпадают по линии разрыва между собой (особенно заметно это совпадение в верхней части листов). Листы 186 об. и 186-бис, являвшиеся внутренним двойным листом тетради, демонстрируют ясное совпадение линии разрыва и в верхней, и в центральной части листов.

Итак, л. 187 (по Г. Шторму, третий из четырех «подмененных») составлял единое целое с л. 185 (согласно самому же Г. Шторму, не подменявшимся). А это значит, что ни о какой «подмене» вообще не может быть и речи. Выявление этого факта окончательно ставит точку в рассуждениях о «подменах», а следовательно, и дописывании четырех строф «Вольности», создании «Творения мира» и прозаической связки якобы в конце столетия. Вся концепция Г. Шторма — результат элементарной методологической ошибки: конструирования «почти волшебного» макета воображаемой рукописи вместо научного исследования реально существующей цензурной рукописи.

Надо, однако, отметить, что рассуждения Г. Шторма о «подменах» оказались заразительными, и поддался им даже такой серьезный исследователь, как А. Г. Татаринцев. Убедительно возражая против идеи Г. Шторма относительно «подмены» листов Ан с началом «Вольности», сам А. Г. Татаринцев, в свою очередь, пишет (хотя и мимоходом, никак не развивая этих положений) о «подмененных» листах в конце Ан²¹.

По Татаринцеву, в тетради «51» два листа — первый и третий — являются «подмененными» или «вновь включенными». Проверка по тетрадному принципу показывает, что это неверно.оборот 1-го листа тетради (л. 223 об.) соответствует по линии разрыва лицевой стороне 4-го (л. 225).оборот 2-го листа тетради (л. 224 об.) точнейшим образом по всей длине

²¹ Татаринцев А. Г. К вопросу о творческой истории оды «Вольность» Радищева. С. 91—92.

линии разрыва совпадает с лицевой стороной 3-го (лист без номера, по архивной пагинации — 184), причем имеющийся в самой верхней части оборота л. 2 выступ очень характерной формы абсолютно совпадает с соответствующей впадиной на л. 3. Кроме того, внутренняя пара листов объединяется и следами письма: линия знака переноса в конце строки 7 сверху л. 224 об. наполовину оказалась на поле лицевой стороны 3-го листа (все это — и выступ, и впадина, и кусок знака переноса на поле великолепно видны даже на микрофильме и фотографиях, не говоря уже о самой рукописи).

Таким образом, все листы тетради «51» прочно связаны попарно друг с другом, и ни о каких «подменах» или «включениях» здесь (как, впрочем, и в остальных указанных А. Г. Татаринцевым случаях) говорить не приходится.

Подводя окончательные итоги несколько затянувшегося рассмотрения проблемы всякого рода «подмен» в цензурной рукописи, надо с полной определенностью сказать следующее. На протяжении длительной (около года) работы с этой рукописью Радищев вложил в нее множество листов, содержащих текст сделанных им вставок; затем большое число листов как из собственно Ан (то есть рукописи, переписанной Царевским), так и из позднейших вставок изъясил. Однако ни одного подмененного листа в Ан нет вообще, — об этом неопровержимо говорят все разнообразие факты, содержащиеся в самой этой рукописи: четверичная пагинация, соответствующая первоначальным тетрадам; совпадение внешних и внутренних пар листов тетрадей по линиям разрыва и следам переписки и правки; первоначальная сквозная пагинация; бумага, характер почерка и цвет чернил; наконец, сам текст Ан, соотносящийся, с одной стороны, со списками Г, Е и Ж, а с другой — с Б и В, а также Д.

Таким образом, первоначальный объем цензурной редакции в Ан составил 52 тетради (в том числе одна из двух листов), то есть 206 листов. Тогда же или несколько позднее в Ан была введена глава «Вышний Волочок» объемом в 6 листов. Следовательно, рукопись, пронумерованная Радищевым, состояла из 212 листов. Между тем последний лист Ан, на поле которого сделана надпись рукой обер-полицеймейстера: «Печатать позволено 22 июля 1789 года. Никита Рылеев», — имеет номер 229.

Это расхождение — результат ряда ошибок, допущенных Радищевым в первоначальной сквозной пагинации. В одном случае он ошибся сразу на 20 единиц и после номера 69 поставил номер 90. Номером 186 он поместил два соседних листа, а два не пронумеровал вообще. Так возникла разница в 17 номеров между первоначальной сквозной пагинацией (229 номеров) и реальным объемом Ан (212 листов).

В дальнейшем Радищев ввел в цензурную рукопись ряд крупных вставок, общий объем которых равен примерно 73 листам. Если при этом учесть, что в А вообще не были введены посвящение А. М. К., примечание из Рейналя в «Чудове», связующий абзац между основным текстом «Горжка» и «Кратким повествованием о происхождении цензуры», связка между основным текстом «Черной грязи» и «Словом о Ломоносове», заключительный абзац книги, а также ряд отдельных фраз в разных ме-

стах произведения, то станет понятно, что, дорабатывая «Путешествие», Радищев увеличил его объем почти на 40 % по сравнению с объемом рукописи, утвержденной цензурой. К этому следует добавить усиленную смысловую и стилистическую правку: во всем «Путешествии» нет буквально ни одной фразы, которая не подвергалась бы многократным исправлениям.

В результате всего этого текст книги 1790 г. очень сильно отличается от цензурной редакции. Чтобы хоть отчасти замаскировать столь резкое расхождение, Радищев изъял из рукописи А листы, текст которых в наибольшей степени отличался от печатного. При этом из позднейших вставок было изъято 31—32 листа, а из текста цензурной редакции 53 листа.

Несмотря на столь значительные лакуны, охватывающие ровно четверть Ан, цензурная редакция может быть реконструирована почти полностью — за исключением центральной части исповеди самоубийцы в «Черной грязи» (здесь изъято два листа, а соответствующий текст начальной редакции пока не найден; начиная же с Б и В эпизод этот вообще заменен). Не могут быть восстановлены мелкие разночтения, отличающие Ан от Г и ЕЖ, которые находились на изъятых листах цензурной редакции, но, как показывает сопоставительный анализ вариантов начальной и цензурной редакций, на этой стадии работы над «Путешествием» Радищев уделял сравнительно мало внимания правке уже готового текста, так что мелких разночтений и в первоначальном слое изъятых листов, очевидно, было немного.

В сравнении с начальной цензурная редакция имеет два крупных структурных отличия. Первое из них, так сказать, действительное — это, как явствует из предыдущего, новая глава «Вышний Волочок». Второе отличие в значительной мере мнимое: «Вольность» включена именно так, как предусмотрено Радищевым в черновом автографе — протографе Г. Сначала идет 1-я строфа оды, затем рассуждение о ней стихотворца и потом подряд, без прозаических перебивок, 27 строф, названных в перечне по сокращенной 42-строфной редакции «Вольности»: 3, 4, 6, 7, 10 (11 по полной — в 54 строфы — редакции), 11 (12), 13 (14), 14 (15), 15 (16), 16 (17), 17 (18), 18 (19), 19 (20), 20 (21), 22 (23), 23 (25 — далее в Ан листов нет, однако теперь установлено точно, какие строфы следовали в рукописи за этим, о чем подробнее сказано в IV разделе), 24 (27), 25 (29), 30 (42), 31 (43), 32 (44), 35 (47), 38 (50), 39 (51), 40 (53), 42 (54). После оды шло продолжение прозаического текста главы «Тверь», затем «песнословие» (оратория) «Творение мира» и концовка главы в том же виде, что в копии Г (а также списках Б и В).

Остальные главы цензурной редакции в структурно-композиционном отношении совпадали с начальной, что подтверждается, помимо текстологического анализа, рядом фактов, которые сохранились в самой цензурной рукописи.

Так, например, в Ан и Г нет посвящения А. М. К.²² Переписанная

²² Строго говоря, при списке Г посвящение имеется, однако оно, равно как и заглавие «Путешествие из Санкт-Петербурга в Москву», переписано в середине XIX в.

Царевским рукопись после заглавия, состоявшего из одного слова — «Путешествие», — начинается сразу главой «Выезд».

Перед сном Путешественника, составляющим ныне последнюю часть «Спасской Полести», стоит заглавие «Подберезье» (это обстоятельство неоднократно приводило в смущение иных исследователей, утверждавших, что сюда данное заглавие «попало по ошибке»), и стоит оно именно между теми фразами, что и в списке Г. Далее, после фразы, заключающей сон, на этом же листе следует название и часть текста главы «Новгород» и лишь затем на вставленных позднее листах — куски текста главы «Подберезье», написанного после цензуры. Оба факта объясняются, как явствует из сказанного выше, тем, что сон Путешественника и составлял в начальной и цензурной редакциях главу «Подберезье».

Аналогично последнему факту, название и начало главы «Крестыцы» следуют после слов «и поехали всяк в свою сторону», потом идут вставленные листы, являющиеся концовкой «Зайцова» в последующих редакциях, и только после них — продолжение «Крестыцов».

Подобным же образом на листе со старой концовкой «Едрова» начинается «Хотилов», а затем на вставленном листе — дописанный после цензуры новый конец «Едрова».

Итак, начальная и цензурная редакции текстуально и композиционно весьма близки между собой, что и дает основание объединить их в одну группу ранних редакций «Путешествия».

4. СВОДНАЯ РЕДАКЦИЯ

Следующая известная нам в настоящее время редакция «Путешествия» представлена списками Б и В, а также значительной частью окончательного текста рукописи А. К этой же редакции восходит второй слой (первая правка) анучинского списка (Д).

В списке Д, изготовленном на бумаге 1828 г., как верно было отмечено еще Д. Н. Ануциным, имеется три разновременных слоя.

Начальный текст списка Д восходит к одной из допечатных («наборных» — см. далее) редакций «Путешествия». В результате неоднократной переписки радищевский текст местами искажен, отчасти модернизирован. Затем начальный текст списка Д был выправлен и дополнен по списку редакции типа БВ. Наконец, этот новый текст снова правился по тексту издания 1790 г. Судя по почеркам, третий слой правки сделан двумя лицами: один вносил поправки карандашом, второй писал чернилами. Иногда последний правщик списка стирал «лишний» текст, иногда просто зачеркивал (особенно во второй части списка), а в одном месте в подтверждение правильности правки даже сделал помету: «В подлиннике нет».

Ряд вариантов, внесенных в список Д при правке по редакции БВ, исчез в результате последней правки. Наиболее существенной потерей является, конечно, утрата окончания «Твери»: с. 149—170 второй части

из другого списка и приложено к рукописи ее тогдашним владельцем А. П. Нордштейном.

списка (конец «Твери» и начало «Городни») писаны на более поздней бумаге и иным почерком, они вклеены вместо вырезанных листов первоначального текста. Совершенно очевидно, что здесь в результате правки по редакции БВ были полны текст «Вольности», «Творение мира» и соответствующие им куски прозаического текста.

Новый лист вставлен также в «Чудово» (с. 33—34 первой части), утрачен и ряд мелких разночтений. Во многих случаях по следам оставшихся после стирания букв, по элементам их начертаний, просматриваемым из-под зачеркивающих штрихов, благодаря сопоставлению с Б и В можно более или менее точно определить характер текста второго слоя, но иногда убежденности в аутентичности восстановленных вариантов нет. Поэтому при анализе этой редакции целесообразно сначала обратиться к полным спискам — Б и В.

Поскольку речь теперь пойдет уже не только о тексте цензурной редакции А_н, но и о тексте дополнений, вложенных в А_н и приложенных к А_н, то возникает необходимость ввести обозначение для текста этих дополнений, которое будет использоваться в дальнейшем: А_д — первоначальный текст вставок в рукописи А, то есть дополнений к А_н. Исправленный текст этих вставок обозначается как А.

Кроме того, надо иметь в виду, что для упрощения буквенной символики обозначение Д без дополнительных словесных пояснений относится ко второму слою анучинской рукописи, тому тексту, какой возник в этом списке после правки по редакции БВ. После этих уточнений вернемся к двум полным спискам рассматриваемой редакции.

Список Б изготовлен на бумаге 1794—1796 гг.; владельческая запись связана с 1800 г. Список В датируется менее определенно: бумага, на которой он написан, может быть отнесена к 1795—1805 гг., вероятно, ближе к последней из дат.

За исключением двух структурно-композиционных элементов (о чем речь впереди), списки Б и В в основных крупных частях совпадают. С одной стороны, в них уже есть все дополнения, сделанные Радищевым в тексте «Путешествия» после получения цензурного разрешения. С другой стороны, списки Б и В еще сохраняют почти все обороты и фразы, имеющиеся в начальной и цензурной редакциях, но опущенные в печатной. В силу двух названных особенностей данная редакция «Путешествия» может быть названа сводной, и является она промежуточной между ранними редакциями и наборным текстом. Но сделаны ли списки Б и В с разных вариантов сводной редакции или они восходят к одному оригиналу, общему протографу?

Анализ вариантов и разночтений показывает, что в основе списков Б и В не только лежит одна редакция, но и восходят они в конечном счете к одному оригиналу. В пользу этого свидетельствует колоссальное число одинаковых ошибок и пропусков в тексте, которые можно объяснить лишь наличием этих ошибок и пропусков в неизвестном нам пока оригинале — протографе БВ.

Но, может быть, общие ошибки Б и В следует объяснить тем, что один из этих списков сделан с другого? Это исключено по той причине, что

в каждом из списков есть индивидуальные ошибки, не воспроизведенные в другом. Оба переписчика к тому же повторяют неисправности и пропуски оригинала. Можно, однако, заметить и некоторую разницу. Переписчик Б воспроизводит протограф со всеми имеющимися в нем ошибками и особенностями. Переписчик В более вдумчив, иной раз он пытается, изменяя форму неверно написанного в оригинале слова или меняя пунктуацию при явном отсутствии согласования, дать осмысленный текст.

Пример из главы «Яжелбицы»: «Казалось мне, я слышал мое осуждение. Воспомню дни распутныя моя юности. Привел на память все случаи. . .» В протографе БВ явно пропущено слово «Воспомню» (в ЕЖАн оно есть). Переписчик Б, не обращая внимания на несурязицу, так и пишет: «. . . я слышал мое осуждение дни распутныя моя юности. Привел на память все случаи. . .» Переписчик В, меняя пунктуацию, получает грамматически верный текст: «. . . я слышал мое осуждение. Дни распутныя моя юности привел на память, все случаи. . .» (Яж. 37).

Последний абзац книги начинается фразой Путешественника: Но, любезной читатель, я с тобою закалякался. . . Оба переписчика воспроизвели ошибку в протографе: . . . я с тобою закаялся (БВ). Но, по-видимому, вдумавшись в смысл, переписчик В догадался об ошибке и исправил ее: закалякался.

Есть, однако, в списках Б и В такого рода разночтения, которые не являются ни ошибками при переписывании, ни воспроизведением погрешностей оригинала.

В первых главах «Путешествия» Б и В очень часто расходятся, причем Б обычно совпадает с ранними редакциями, а В с печатной и поздней правкой в Ан (то есть с А): ни одного источника (ГБ) — источника (АнВПеч. — Выезд, 24); сносно (ГАНБ) — приятно (АВПеч. — 30); приятности (ГАНБ) — веселости (АВПеч. — 31); единое воображение (ГАНБ) — сон и мечта (АВПеч. — 32); рытвина; случившаяся на дороге (ГАНБ) — случившаяся на дороге рытвина (АВПеч. — 33); мне отверзает доселе сокровенное (ГБ; Ан — то же, но: открывает) — может решить доселе гадательное в истории российской (ВПеч. — Соф. 57—58) и т. д. Начиная с «Чудова» подобные случаи встречаются весьма редко, но все же они есть.

Как будто бы эти примеры свидетельствуют в пользу гипотезы о разных протографах списков Б и В, а не одном общем. Дело, однако, обстоит не так просто: на данном этапе исследования можно выдвинуть две примерно равноценные гипотезы.

Обосновать первую из них позволяют несколько типичных образцов контактиации. Один из таких случаев — в главе «Тосна»: вынул из кошелька два рубли и дав (ГАН) — вынул из кошелька и дав (АВПеч. — Тос. 59). Поздние редакции отличаются от ранних многоточием на месте точно названной суммы. В списке Б оба варианта совмещены, что выглядит довольно нелепо: вынул из кошелька 2 рубля и дав.

Аналогичный случай есть в обоих списках: из кошелька империял (Г) — из кошелька (Печ. — СПол. 41) — из кошелька . . . империял (БВ).

Именно такого рода примеры контаминации дают возможность выдвигнуть первую гипотезу о происхождении разночтений между Б и В: в общем протографе БВ над строками начального текста, в основном совпадающего с ранними редакциями, очевидно, рукой самого Радищева была внесена правка. И при изготовлении списков переписчик Б чаще брал нижний (начальный) текст рукописи, а более квалифицированный переписчик В учитывал верхний слой (правку). Изредка тот и другой ошибались и объединяли оба слоя.

Иногда контаминируются даже не слова, а части слов, слоги, например: могут (Г_{Ан}) — могли (ВД_{Печ.} — Тв. 17) — могут ли (Б). Из вариантов подобного происхождения особенно интересны разночтения «Слова о Ломоносове»: толпы (А_Д) — толпищи (БВ) — толщи (с. 442, 443). Вариант Б и В, по-видимому, появился в результате того, что оба переписчика (каждый самостоятельно) соединили слово начального текста со слогом, вписанным при правке. Самое же любопытное — это то, что в данном (крайне редком) случае текст начального слоя оказался в списке Д. Но появление в списке Д варианта, не совпадающего с Б и В, приводит к заключению, что анучинский список правился либо непосредственно по протографу БВ, либо по восходящему к этому протографу третьему списку особого состава, пока нам неизвестному.

К тому же заключению ведут и совпадения вариантов Д в одних случаях с Б, а в других с В, и разночтения из допечатных редакций главы «Тверь», где анучинский список дает наиболее верное чтение, тогда как в других списках — явные ошибки: оставив все скучное и поеме неприличное (Д) — . . . приличное (Г) — . . . неприметное (БВ).

Наконец, состоянием общего протографа можно объяснить варианты «Хотилова», где все списки и Печ. дают разный текст. В начальной редакции было: Но не токмо поборники неволи (Г). Уже Царевский в цензурной рукописи «потерял» два слова: Но поборники неволи (Ан). Эта ошибка перешла в наборную рукопись и в печатный текст (Хот. 347—348). Переписчик протографа БВ допустил еще одну ошибку, и ее повторил переписчик Б, который, как обычно, воспроизвел начальный текст протографа: Но поборника неволи (Б). При правке протографа БВ Радищев, очевидно, вписал пропущенные слова (но забыл перенести их в наборную рукопись), однако не заметил ошибки в соседнем слове. Все точно повторено в анучинском списке: Но не только поборника неволи (Д). Наконец, внимательный переписчик В учел правку и сам исправил незамеченную ошибку: Но не только поборники неволи (В). Именно этот текст, как отметила Л. И. Кулакова, «передает с наибольшей остротой мысль Радищева о разлагающем влиянии рабства»²³. Но так и была выражена Радищевым эта мысль с самого начала (правда, стилистически несколько иначе: токмо — только), о чем с полной определенностью свидетельствует начальная редакция, печатный же вариант явился результатом порчи текста переписчиками.

Итак, первая гипотеза объясняет разночтения в текстах Б и В раз-

²³ Кулакова Л. И. Из истории создания и судьбы великой книги: (Новые материалы о Радищеве) // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1956. Т. XVIII. Вып. 5. С. 17.

личным отношением переписчиков этих списков к особенностям одного общего источника — протографа БВ.

Возможно, однако, и другое объяснение, вторая гипотеза: списки Б, В и Д отличаются друг от друга потому, что у каждого из них был свой особый источник: протограф Б, протограф В и протограф Д (либо копия этого протографа — третий гипотетический список, который можно обозначить как «список Х»).

К такому предположению подводит (помимо факта наличия многих разночтений в первых главах произведения) существование двух крупных текстуальных отличий Б от В.

Первое из них — посвящение «А. М. К.». Как мы уже знаем, этой части произведения не было ни в начальной редакции, ни в цензурной. Нет ее и в первоначальном тексте списка В: к нему заглавие и посвящение, переписанные другим почерком и на позднейшей бумаге, были приложены дополнительно, о чем писала уже Л. И. Кулакова²⁴. В списке Б заглавие точно так же позднейшего происхождения (оно скопировано с какого-то списка рукой М. Н. Лонгинова), посвящение же переписано на той же бумаге и тем же почерком, что и остальной текст списка; оно прочно «увязано» с первой главой: кончается «А. М. К.» в середине л. 2 и сразу же за ним идет «Выезд».

Сам по себе этот факт может быть объяснен по-разному, например наличием между радищевским протографом и списком В промежуточного звена. Однако к этому добавляется второе принципиальное отличие между Б и В в главе «Тверь».

Вопрос о том, как печатать «Вольность», для Радищева в момент сдачи рукописи в цензуру, по-видимому, решен не был. Думал ли он в какое-то время о возможности введения в «Путешествие» оды в полном составе? Полагаю, что вряд ли, хотя об этом косвенно может свидетельствовать тот факт, что при изготовлении протографа БВ (а осуществлялось оно уже после сдачи в цензуру рукописи с сокращенной до 28 строф одой) Радищев предпочел иметь перед глазами полный текст «Вольности», и в протограф БВ ода была переписана — правда, с большим количеством ошибок — в том варианте, который имелся в черновом автографе (протографе ГЕЖ).

В конце концов, Радищев решил (и, конечно, он руководствовался не автоцензурными, а художественными соображениями) включить в состав «Путешествия» 50 строф «Вольности», заменив большую часть стихотворного текста пересказом. В протограф Б он вложил, по-видимому, один или несколько листков с начальным вариантом прозаического изложения ряда строф (далеко еще не полным по сравнению с окончательным — печатным, но уже с той нумерацией строф, которая появилась в книге).

Все бывшее в оригинале (протографе Б) — и полный текст оды, и пересказ отдельных кусков и строф — переписчик Б воспроизвел, как и в про-

²⁴ Там же, с. 10. К этому, однако, надо добавить, что первоначальный текст В начинается с л. 3, а двух первых нет. Что на них было в момент изготовления: заглавие и «А. М. К.» или титульный лист и шмуцтитул (без «А. М. К.»), — сказать, конечно, невозможно.

чих случаях, чисто механически. Не вдумываясь в смысл пересказа, он разместил его в виде примечаний в низу страниц — и разместил неверно. Так, например, на странице с 35-й и 36-й строфами он дал примечание: «К 35. 36. и 37. Описание на пагубных следствии роскоши, междуусоби, гражданская брань. Марии, Сулла, Август» и т. д., — не обращая внимания на то, что этот пересказ никакого отношения к 35—37-й строфам полного текста «Вольности» не имеет, поскольку является изложением 39—41-й строф (и, следовательно, его «законное место» двумя страницами дальше). Точно так же на следующую страницу списка Б переписчик поместил примечание: «К 38 и 39. Таковъ.» (дальнейшего текста начатой фразы и изложения последующих строф в Б нет, — вероятно, их не оказалось в протографе). Но ведь это — начало изложения 38-й и 39-й строф только по счету печатного текста, а в полном тексте «Вольности» оно должно относиться к 42-й и 43-й строфам.

В списке В прозаического изложения нет вообще. Если исходить из второй гипотезы — о существовании самостоятельных оригиналов у каждого из списков, то, очевидно, в протограф В такого изложения и не было вложено. Если же верна первая гипотеза, то отсутствие прозаического пересказа объясняется более высокой квалификацией переписчика В, который, вдумавшись, не без оснований заключил, что при полном тексте оды пересказ некоторых ее частей (да еще с другой нумерацией строф) не нужен, и опустил его.

В предыдущем изложении шла речь о двух разных гипотезах относительно источников текста списков Б и В, а также правки Д. В одном случае выдвигается предположение, что источником списков Б, В и X была одна и та же рукопись — протограф ВВ. В другом — предполагается существование трех разных источников: протографа Б, протографа В, рукописи X. Теперь нужно сказать, что одна из этих гипотез не исключает другую.

Множество вариантов и разночтений, а также (что особенно показательно в данном случае) огромное число общих ошибок и пропусков безусловно свидетельствуют, что в конечном счете текст Б, В, X восходит к одному общему источнику — протографу ВВ. Однако не исключено, что нынешние списки Б и В (а также X — источник правки в Д) сделаны с разных радищевских протографов (восходящих к одному источнику). Но зачем писателю нужны были три копии одного и того же текста? Возможный ответ на этот вопрос прояснится в ходе дальнейшего исследования, пока же нам достаточно установления факта, что списки Б и В восходят к общему протографу сводной редакции (протограф ВВ), к которому, — по-видимому, через посредствующее звено — восходит и правка (второй слой) списка Д.

Как уже было показано, сводная редакция «Путешествия» занимает промежуточное место между двумя ранними редакциями и печатным текстом. Палеографические и текстологические данные, а также имеющиеся в распоряжении исследователя хронологические сведения позволяют конкретизировать эту общую формулировку.

Прежде всего следует сказать, что на основании этих данных можно

сделать вывод: между ранними редакциями и протографом БВ существовала по меньшей мере одна промежуточная редакция, которую условно назовем прапротографом БВ. Ряд совпадений между Б и В, с одной стороны, и Г, Е и Ж — с другой (при расхождении с Аи) заставляет предположить, что первоначальный текст прапротографа БВ восходит в целом не к цензурной редакции, а к черновому автографу (протографу ГЕЖ). Вот почему выше сказано, что с черного автографа было сделано две копии: одна из них стала промежуточным звеном при изготовлении Аи; вторая же, дополненная главой «Вышний Волочок» и частично исправленная по Аи, легла в основу прапротографа БВ. Не исключено, что изготовление прапротографа БВ началось в то время, когда рукопись Аи была еще в полиции у Н. И. Рылеева (то есть в первой половине 1789 г.).

Различие почерков, какими переписаны вкладки в цензурной рукописи, дает возможность предположить, что Радищев перерабатывал ранний текст прапротографа БВ в сводную редакцию минимум в два приема. Сначала были созданы куски, переписанные в цензурной рукописи вторым почерком: первая часть «Спасской Полести» и вторая половина «Новгорода», а также окончено «Слово о Ломоносове». Этот этап работы был завершен скорее всего в июле — августе 1789 г., поскольку цензурное разрешение на печатание «Слова» получено 25 сентября.

Затем Радищев произвел ряд изменений в прапротографе БВ: расширил концовку «Хотилова» и начало «Медного», сократил начало «Завидова» и т. д. После этого прапротограф БВ был отдан в переписку, и так появился протограф БВ в его первичном виде.

На следующем этапе в протограф БВ (и, по-видимому, одновременно — в рукопись А) был вложен новый текст главы «Подберезье», причем ни в протографе БВ, ни в цензурной рукописи Радищев не зачеркнул заглавия на старом месте — перед сном Путешественника. Вот почему в списке Б название «Подберезье» повторяется дважды, а более внимательный переписчик В, уловив ненужность заглавия на прежнем месте, оставил здесь пробел между абзацами. Кроме того, заново были созданы конец «Зайцова», концовка «Едрова», дописан основной текст «Торжка» и к нему присоединено «Краткое повествование о происхождении цензуры».

В списке В находим очевидное доказательство, что новый, последний абзац основного текста «Торжка» («Прощаясь со мною. . . и скажи мимо») вместе с «Кратким повествованием» был именно вложен в протограф: этот абзац-связка вписан мельчайшими буквами (в два раза ниже и уже обычных для данного списка) в пробел между старым концом главы («. . . и тмит прозрачность вод») и заголовком «Краткое повествование о происхождении цензуры». Сам этот заголовок поначалу был написан выше, нормальными для списка В крупными «заголовочными» буквами, затем старательно выскоблен и после введения абзаца-связки вновь вписан, но уже литерами гораздо меньшего размера.

Интерпретируются эти факты однозначно: и абзац-связка, и «Краткое повествование» были вложены в протограф, который служил оригиналом списка В. В тот момент, когда переписчик добрался до «Краткого повествования», листка с абзацем-связкой не оказалось на месте, он попал куда-

то дальше, и переписчик сразу после старого конца основного текста «Торжка» принялся переписывать историю цензуры. Обнаружив позднее листок со связкой, переписчик должен был куда-то его «определить».

Тут надо сказать, что список В изготавливался в виде тетрадей из четырех двойных листов (восемь одинарных, т. е. шестнадцать страниц). Помимо полистной пагинации в правых верхних углах листов, переписчик использовал один из вариантов книжной сигнатуры, расположенной внизу под текстом. Лицевая сторона 1-го листа помечалась очередной литерой алфавита, 2-го листа — той же литерой с цифрой 2, 3-го — с цифрой 3, 4-го — с цифрой 4, соответствующие же этим четырем парные листы оставались без нижней сигнатуры (иногда при литере появлялась цифра 5, например в тетради «Н» — Н5). Сигнатуры переписчик расположил точно, но в полистной пагинации ошибся: в тетради «П» после листа 123 с сигнатурой П3 следует лист 224 с сигнатурой П4 (здесь архивная пагинация начинает расходиться с первоначальной на сто номеров: л. 224 первоначальной имеет номер 124 архивной, л. 225—125 и т. д.).

Место для пропущенного абзаца переписчик нашел правильно, но оно оказалось на лицевой стороне листа 241 (141 архивной пагинации) 5-го листа тетради «С». Очевидно, не желая переписывать заново всю тетрадь, переписчик и решил вставить абзац-связку в пробел, уменьшив при этом размер букв заглавия «Краткого повествования» и пробелов над и под ним.

Тогда же писатель, вынув из протографа ВВ листы с большей частью «Черной грязи», приложил к нему «Слово о Ломоносове» уже в переделанном виде (сравнительно с представленным в цензуру текстом «Слова») с изъятием нескольких абзацев. О том, что «Слово» было именно приложено к основной рукописи ВВ, свидетельствует список В, где между «Черной грязью» и «Словом» переписчик оставил большой пробел в две трети лицевой и оборотной стороны листа.

Как этот пробел, так и пагинация и сигнатуры этой части списка В показывают, что у переписчика и здесь были затруднения в связи со вставкой листов в протографе. Происхождение вставок вполне понятно. «Слово о Ломоносове» писалось гораздо раньше «Путешествия», цензуру оно проходило отдельно как самостоятельное произведение. Решив ввести его в книгу, Радищев должен был определенным образом переработать содержание «Слова»: кое-что убрать (ясно, что изъята, например, резкая характеристика академической деятельности Ломоносова-«чиновника»), кое-что написать заново или дополнить. По отрывку, сохранившемуся в начале 3-го листа «Слова» в рукописи А, можно заключить, что первые два листа занимало вступление, которое было, как и полагалось панегирику по правилам ломоносовской риторики, «цветно и приятно, тропами, фигурами и витиеватыми речьями, как драгоценными камнями, украшено», причем украшено «не просто . . . , но . . . под какую-нибудь фигуру или смешанною аллегориею»²⁵. Именно такой характер имеет концовка вступ-

²⁵ См. ломоносовское «Краткое руководство к риторике, на пользу любителей сладкоречия сочиненное», § 125. Радищев данного труда, конечно, не знал, но он прекрасно изучил слова и речи Ломоносова, где эти правила были реализованы.

ления, сохранившаяся в А (от первого слова в результате переноса есть только два слога): «ника природы на поле ристания, в смрадном рубище сияет его лице пред сынами богатства и власти; стопы его тверды и надежны. Он низлагает гадов, что зависть нищих духом в побеге ему преткновением противустать тщатся; и озаренной ²⁶ лучем славы, далеко всех за собою оставив, венчается».

Вводя «Слово» в «Путешествие», Радищев все витиевато-аллегорическое вступление снял сразу, заменив его тем новым текстом, который без радикальных изменений вошел в Печ. (см. 419,1—421,24). А два первых листа «Слова» он соответственно изъясил из цензурной рукописи и заменил их двумя новыми ²⁷. Очевидно, и в протограф списка В Радищев тоже вложил два новых листа, но старый текст не изъясил, а просто зачеркнул.

Переписчик списка В последнюю фразу основного текста «Черной грязи» («Береги ее для бессонницы») завершил примерно в конце верхней трети лицевой стороны листа 308 первоначальной пагинации (л. 208 архивной) — последнего, 8-го листа тетради «Щ». Тут он увидел, что следующий за заглавием «Слово о Ломоносове» текст зачеркнут, но не был уверен, что два вставленных листа должны быть переписаны именно здесь. Поэтому он оставил на всякий случай чистыми две трети лицевой и две трети оборотной стороны л. 308, лишь в самом низу листа начал писать «Слово о Ломоносове». Этим переписчик закончил тетрадь «Щ» и должен был начать тетрадь «Б», но, не будучи уверен в правильности своего понимания текста, поступил иначе. Новое начало «Слова» и часть незачеркнутого текста он переписал на двух отдельных листах, оставив их вне тетрадей и без сигнатуры, причем на обоих повторил номер первоначальной пагинации 308, так что в рукописи оказалось три листа с этим номером (позднее к двум последним были прибавлены литеры «а» и «б»; листы 308, 308^а, 308^б имеют номера 208, 209, 210 архивной пагинации; далее первоначальная и архивная пагинации расходятся на 98 номеров, а не на 100).

Лишь после этого переписчик начал новую тетрадь, пометив первый лист ее номером 309 и сигнатурой «Б. 1^н.» Это первый случай в рукописи, когда начальный лист тетради помечен не просто литерой, — видимо, переписчик не исключал того, что текст после заглавия введен им неверно и что «Слово» должно начинаться фразами: «Михайло Васильевич Ломоносов родился в Холмогорах. — — Рожденный от человека. . .», — вторая фраза следовала в основном тексте после полностью исключенного вступления. Если бы последнее оказалось верным, то, очевидно, переписчик рассчитывал разместить заглавие и текст от этих фраз (занявший две трети лицевой и оборотную сторону третьего листа с номером 308, причем

²⁶ Два последних слова вписаны Радищевым в пробел, оставленный переписчиком для неразобранных слов, и зачеркнуты.

²⁷ Ср.: *Татаринцев А. Г.* «Слово о Ломоносове» А. Н. Радищева: (К проблеме творческой мысли «Путешествия») // Вопросы русской и зарубежной литературы. Пермь, 1974. С. 18—32. Изложенной здесь концепции не рассматриваю потому, что она построена на ограниченном числе источников (списков).

текст переписан тут с огромными пробелами между абзацами) на оставленной им чистой части последнего листа тетради «Щ»; таким образом, потребовалась бы минимальная переделка, не затрагивающая следующих тетрадей «Б» и «Ы».

Далее до конца рукописи пагинация и сигнатуры идут последовательно и имеют нормальный для списка В характер. Лист 310 помечен сигнатурой «Б2», 311 — «Б3», 312 — «Б4», 313—316-й оставлены, как обычно в тетрадях, без сигнатуры; листы 317—320 имеют сигнатуры «Ы1»—«Ы4», следующие оставлены без нее. Текст «Путешествия» завершается на лицевой стороне л. 322 (л. 224 архивной пагинации).

Думается, что отмеченные особенности списка В, касающиеся «Спасской Полести», «Торжка», «Черной грязи» и связанные с переделками и вставками, которые Радищев осуществлял в протографе, являются достаточно убедительными доказательствами того, что этот список изготовлен непосредственно с радищевского протографа (а не сделанной с него копии). Вернемся, однако, к работе Радищева над «Путешествием».

Добавив после «Слова» заключительный абзац главы, писатель тогда же ввел завершающую произведение фразу «С дозволения Управы Благодичиния», которая в книге играет, по замыслу Радищева, важную идейно-композиционную роль.

Отработать этот завершающий элемент писателю было тем более необходимо, что его размещение на последней странице вместо титульного листа уже само по себе являлось сознательным нарушением установленного порядка, о котором Радищев отлично знал (см. титульный лист «Письма к другу, жительствовавшему в Тобольске»). К тому же и в утвержденной Н. И. Рылеевым к печати рукописи «Путешествия» разрешающая цензурная помета («С позволения Управы Благодичиния») стояла там, где положено, — на первом листе. Не поняв замысла автора, писец В проявил в данном случае излишнюю самостоятельность, стерев первоначально переписанный им завершающий элемент книги.

В таком — лишь частично выправленном, но значительно дополненном — виде протограф БВ был, вероятно, снова отдан переписчику, и результатом переписки явилась наборная редакция «Путешествия». Именно в ней Радищев производил дальнейшую стилистическую правку. В начале работы с наборной редакцией писатель принял окончательное решение относительно «Вольности», изъял «Творение мира», соответственно изменив прозаический текст конца «Твери», и вычеркнул из разных глав «Путешествия» несколько фраз и небольших фрагментов.

Эти сокращения текста «Путешествия» (речь идет о тех самых местах, которые Г. Шторм принял за «дополнения») производились по разным мотивам.

Так, в главе «Тосна» замечание о дурных дорогах продолжалось большим фрагментом о наместниках и государе «в самодержавном правлении». Это остро обличительное рассуждение, бывшее в трех первых редакциях (начальной, цензурной, сводной), писатель вычеркнул, руководствуясь, скорее всего, композиционными соображениями (тема высших властей — наместников и государя — развивается в произведении дальше, начиная

со «Спасской Полести»). А кроме того, в конце 80-х гг. начались работы по благоустройству этой части дороги: «Большая Московская (дорога) на 60 верст, от Петербурга до Тосны и пределов Новгородского наместничества. . . ныне мостится камнями», — отметил Радищев в описании Санктпетербургской губернии²⁸. Вероятно, по сходной причине — преждевременности разговора о «правлениях» — снят риторический вопрос в «Чудове»: «Чем же мы можем преимуществовать пред непросвещенными правлениями?».

Введение «летописи новгородской» с обрамляющими ее размышлениями о «праве силы» и создание великолепной галереи «портретов» современных новгородцев — семейки Карпа Деметьюча — потребовало изъятия нескольких чисто публицистических тезисов, художественной реализацией которых является новый материал «Новгорода».

Включение нового «Подберезья», «Слова о Ломоносове» (имеется в виду прежде всего его концовка), дополнение в тексте «Бронниц» (от «Бог Авраама» до «Бог мой» — Печ., 116, 11—14), по-видимому, повлекли за собой изъятие «Творения мира» и заключительной фразы тех же «Бронниц» («Но что ты, где ты, что ты в нас» и т. д.). Возможно, этот же комплекс идей привел к снятию в «Крестцах» парафраза из Евангелия (относительно «села Крови»).

Расширенное изложение проектов «гражданина будущих времен», относящихся к настоящему времени, заставило снять прямую датировку хотиловского проекта XIX столетием, а это, в свою очередь, обусловило ликвидацию в тексте ссылки на «прошедшее» (т. е. XVIII) столетие и сокращение фразы «Блюдитесь да опять посечены не будете» до печатного «Блюдитесь» и т. д.

Все указанные дополнения и сокращения Радищев произвел на стадии сводной редакции и перехода к наборной. В результате уже в этот момент композиция произведения сложилась окончательно. Однако в языковом отношении (а в конечном счете в художественном плане) работа над книгой была еще далеко не завершена.

III. ДАЛЬНЕЙШАЯ РАБОТА НАД «ПУТЕШЕСТВИЕМ». ИЗДАНИЕ 1790 ГОДА

1. ПЕРВАЯ, ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ НАБОРНЫЕ РЕДАКЦИИ

Текстологический анализ еще в 1970 г. показал, что на пути от сводной редакции к корректурной текст «Путешествия» должен был пройти минимум две стадии правки (на старой генеалогической схеме эти промежуточные звенья условно обозначены «1НР» и «НР»)¹. В общих чертах было ясно даже, что представляют собой эти звенья: в композиционном плане

²⁸ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. III. С. 127.

¹ См.: Западов В. А. Работа А. Н. Радищева над «Путешествием»: (Еще раз о проблемах радищевской текстологии) // Русская литература. 1970. № 2. С. 172.

они должны были в основном совпадать с Печ., в стилистическом же отношении — составлять промежуточные редакции между БВ и корректурой, т. е. последовательно приближаться к Печ.

Из этих предполагаемых особенностей гипотетических редакций следовало, что они могут находиться среди многочисленных списков, хранящихся в архивах. Можно было допустить, что их даже видели Я. Л. Барсков, Л. И. Кулакова, С. М. Бабинцев и другие исследователи, занимавшиеся списками, но не обратили на них внимания из-за отсутствия ярко выраженных структурных отличий от Печ. Отсюда вытекало предположение, что их можно найти путем фронтального изучения списков, имеющих в архивах.

Эти предположения полностью подтвердились, более того — результаты поисков превзошли все ожидания. В различных архивах было обнаружено тринадцать списков, представляющих интерес, причем почти все они описаны исследователями (а некоторые — не раз) как копии с печатного текста.

На самом же деле эти тринадцать списков являются копиями шести последовательных, связанных между собой радищевских редакций «Путешествия», располагающихся между БВ и корректурой.

Здесь надо заметить, что при введении в оборот новых списков решительно невозможно сохранить традиционный принцип обозначения их условными литерами (А, Б и т. д.), поскольку пришлось бы использовать почти две трети алфавита. Поэтому вновь вводимые в радищевскую текстологию списки наборных редакций будут обозначаться сокращенно по фамилии бывшего владельца или названию учреждения, причем двумя буквами, поскольку в ряде случаев первые буквы фамилий владельцев и названий совпадают между собой либо с уже принятыми в науке условными литерами. К тому же в использовании разных систем обозначений есть рациональное зерно: все материалы, отражающие начальную и сводную редакции, обозначаются одной буквой (Г, Е, Ж, а также Ш; Б, В, А, Д; исключение составляет только прочно вошедшее в употребление обозначение цензурной редакции Аи); поздние, наборные редакции — двумя (забегая вперед, стоит здесь сказать, что далее для обозначения послепечатных материалов будут применены трехбуквенные сочетания).

Первая наборная редакция представлена в настоящий момент четырьмя списками — Ув, Гш, Кл, Ми. Списки этой редакции имеют огромное количество вариантов, общих со сводной редакцией (списки Б и В). В трех последующих редакциях число таких разночтений последовательно уменьшается, однако часть из них проходит через все наборные редакции. Гораздо больше число вариантов и разночтений, когда совпадают между собой Б, В и семь списков первой, второй и третьей наборных, тогда как чтение списков четвертой, пятой и шестой наборных редакций совпадает с Печ. (см. варианты).

Однако через восемь списков трех первых и шестой наборных редакций проходит ряд разночтений, не имеющих соответствия в сводной редакции, взятой в целом, например (первое разночтение в паре — Б, В и Печ.; второе — восемь списков наборных редакций): наша — нашей (СПол.

140); право мщенное — право лишенное (Вар. к доп., 363, 1); знак — знать (Вар. к доп., 365, 19) и др.

Больше случаев совпадения между собой семи списков трех первых наборных редакций при отличии от БВ, последующих наборных и Печ.: скружить — вскружить (Гос. 64); прилежно молился — молился прилежно (Чуд. 139); усугубил — изгубил (Подб. 26); по труде — по требе (потребе, — Подб. 233) и т. д.

Значительная часть разночтений этого типа, несомненно, возникла в результате ошибок при переписке, однако в ряде сходных случаев аналогичные варианты обнаруживаются в местах, над которыми работал сам Радищев; иначе говоря, какие-то варианты либо могут иметь непосредственно авторское происхождение, либо появились в результате неверного прочтения правки (а почерк у Радищева, надо сказать, был достаточно неразборчивый, особенно в исправлениях). Наконец, некоторые разночтения соотносятся не с редакцией БВ в целом, а с одним из списков (Б или В) или же вообще имеют соответствия в ранних редакциях. Вот несколько примеров разного характера.

Начальный текст «и увидя» (ГБ) Радищев исправил так, что переписчик В прочитал слово как «увидев», а в семи наборных списках — «увидел»; Печ. — «увидя» (Соф. 30). В начальном тексте «настиг еще его» (ГВ) писатель то ли вычеркнул слово, то ли так неаккуратно изобразил знак перестановки двух последних слов, что переписчики приняли этот знак за вычерк и воспроизвели: «настиг его» (Б), «настиг еще» (семь наборных); Печ. — «настиг его еще» (СПол. 2). В начальное сочетание «ударяя тимпан» (ГБВ) Радищев вставил предлог: «ударяя в тимпан» (исправление в Ан); правил ли он при этом последнее слово, неизвестно, но в семи наборных редакциях значится: «ударяя в тимпане»; Печ. — «ударяя в тимпан» (Подб. 158—159). Вместо «улетала» (АнБВПеч. — Подб. 112) в двенадцати наборных читаем «улетела» — и именно эта форма обнаруживается в Г.

Анализ разночтений четырех списков первой наборной редакции показывает, что они не являются копиями какого-то одного радищевского источника, а восходят к различным протографам. Однако попарно они имеют нечто общее в происхождении.

О родстве между собой Кл и Ми свидетельствуют как ряд общих вариантов, так и — в особенности — ошибки и пропуски, отличающие эти два списка от всех остальных (а в данном случае наиболее существенно отличие Кл и Ми от двух других списков первой наборной редакции — Гш и Ув), например: за шею (КлМи) — за плечо (Соф. 12); дочери (КлМи) — дочки (Люб. 44); требуют об себе (КлМи) — требуют об себе помощи (ГшУв) — требуют помощи (ГБВ) — требуют от тебя помощи (Чуд. 259—260) и др.

Вместе с тем Кл и Ми отнюдь не идентичны. Дело не столько в ошибках прочтения и переписки (хотя в обоих списках индивидуальных ошибок очень много, особенно в Ми, который, пожалуй, является худшим по качеству из всех наборных списков), сколько в многочисленных вариантах

безусловно радищевского происхождения, которые отличают Ми от Кл, а также Гш и Ув.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что источником правки в Ми могут быть предшествующие редакции, а не Печ. (кстати, следует иметь в виду, что под Печ., когда речь идет об исправлениях, я подразумеваю не готовую книгу издания 1790 г., а наиболее близкие к ней тексты печатной редакции — наборной рукописи или корректуры, т. е. допечатные источники, а не текст вышедшей книги). Очень любопытный пример, причем особенно выразительный потому, что перед нами *ошибочное* исправление, находим в «Торжке». Здесь в тексте книги явная ошибка: «то, что печать можно, состоит под опекою». Почти во всех списках текст правильный: «то, что печатать можно. . .» (ГАНВДКлГшУв и др.). Тем не менее текст книги — не опечатка, а очевидное воспроизведение наборной рукописи; туда же «печать» попало из гораздо более ранних источников: впервые ошибка «печать» обнаруживается в списке Б. И хотя в протографах первой наборной редакции текст был верным («печатать» находим не только в Гш и Ув, но и в Кл, который в конечном счете восходит к тому же протографу, что и протограф Ми), но в протографе Ми была сделана поправка, механически восстановившая ошибку: «печать»; этот вариант и воспроизведен в Ми (см. Тор. 19).

Вместе с тем список Ми содержит ряд общих с другими списками наборных редакций вариантов, отличающихся и от ГЕЖ, и от Ан, и от БВ, и от Печ.: к устерсам охотник как (КлМи и три списка второй и третьей наборной; в Ув нет страницы) — к устерсам как (ГшПеч., 44, 3 — см. Вар к доп.); и я пойду с тобою (КлУв и три списка второй и третьей наборных) — я пойду с тобою (Ми) — и я с тобою (ГшПеч.—СПол. 120); сытее вы накормлены будете (КлМиГшУв) — сытее ли вы накормитесь, буде (вторая—шестая наборные, Печ.—Выдр. 46—47), причем этот вариант находится на месте интенсивной правки, где во всех предшествующих редакциях текст различный.

Но есть в Ми и оригинальные варианты, не соответствующие никаким другим спискам (даже Кл): небесных своих (Ми) — небесных (Печ.—Подб. 243); сделать и другаго — сделать (Кр. 403) и т. д. Любопытное дополнение обнаруживаем в начале «Спасской Полести». Переписав сперва текст идентично рукописям и Печ.: «Но он мне сказал на отрез», — переписчик зачеркнул «Но», поставил в тексте звездочку и исправил «он» на «Он», а на поле, повторив звездочку (знак вставки), приписал: «Таки <е> слова мои мало действовали на моего приятеля. —» (СПол. 6).

Эти оригинальные варианты списка Ми можно было бы считать редактурой или поновлениями переписчика, если бы не одно существенное обстоятельство, о котором надо сказать подробнее. В Печ. есть фраза: «гонение на мысли и мнения не токмо не в силах оныя истребить, но укоренят их и распространят» (311, 10 — см. Вар к доп.). Ошибка тут несомненна (подлежащее в единственном числе, а два сказуемых во множественном), но виноват в этом не наборщик. Именно в такой форме фраза зафиксирована в начальном тексте — в Ад. В трех следующих редакциях (сводной, первой и второй наборных) существительное и глаголы согласованы:

«гонение. . . не в силах оныя истребить, но укоренять их и распространять» (БВКлГшУв и др.), но текст плох стилистически. Поэтому Радищев вновь исправил текст, и эта поправка им самим внесена в рукопись А: «укореняет их и распространяет». Однако в третью наборную редакцию, а из нее, очевидно, в наборную рукопись вновь попал неисправленный вариант А, который и набран в книге. Между тем в списке Ми мы находим тот самый вариант, который был собственноручно вписан автором в А: «укореняет их и распространяет». Иначе говоря, в протографе Ми Радищев делал исправления.

А это значит, что и другие добавления и оригинальные варианты Ми (равно как и общие с другими вариантами наборных редакций) могут в большей или меньшей степени оказаться радищевской правкой именно в этом экземпляре рукописи — протографе Ми. Почему часть этой правки не попала в другие рукописи? В известной мере потому, что это был, так сказать, нормальный творческий процесс, не все результаты коего удовлетворяли автора. Однако несомненно и другое: как корректор Радищев был достаточно невнимателен, и в тексте Печ. помимо ошибок явных (вроде приведенной выше) есть изрядное число ошибок скрытых.

Вот характерный пример последнего типа. В «Зайцове» рассказывается о расправе помещика-ассессора над молодым крестьянином, который вступился за честь невесты. Ассессор велел его «сечь кошками немилосердо, отдав его в волю своих сыновей. Побои вытерпел он мужественно; неробким духом смотрел, как начали над отцем его то же производить истязание. Но не мог вытерпеть, как он увидел, что невесту господские дети хотели вести в дом». О каких «господских детях» идет речь, если выше сказано, что истязание производили сыновья, а далее подтверждается то же: «. . . барские сыновья перестали сечь старика»? Объяснение очень простое: это элементарная описка переписчика. В начальной редакции у Радищева значилось: «господские люди» (Г), но уже переписчик протографа Ан вместо «люди» написал «дети», и эта ошибка перешла, с одной стороны, в Ан, а с другой — в сводную редакцию БВ, затем в первую наборную, в трех списках которой написано «дети» (КлГшУв). При работе с протографом Ми Радищев заметил противоречие в тексте и вместо «дети» вписал «дочери» (Ми), но во вторую и третью наборную редакции снова попали «дети». При работе с цензурной рукописью в какой-то момент писатель и здесь заметил ошибку и исправил «дети» на «люди», однако не перенес поправку в другие рукописи, в результате чего бессмысленная описка была закреплена печатным текстом (см. Зайц. 227).

Подобно паре Кл—Ми, списки Гш и Ув несут в себе черты общего происхождения. Протографы этих списков восходят к общему протографу ГшУв — другому, нежели протограф КлМи. О родстве Гш и Ув свидетельствуют общие разночтения (и при этом — отличающиеся от Кл и Ми). Часть подобных разночтений совпадает с какими-то более ранними редакциями и списками, часть таких аналогий не имеет, а может быть объяснена работой Радищева над текстом, иногда — ошибками переписчиков. Вместе с тем, подобно паре Кл и Ми, списки Гш и Ув не идентичны между собой. Протограф Гш правился очень интенсивно, но именно правился, а следов

творческой работы автора в нем почти нет, если не считать общих со всеми другими списками наборных редакций дополнений типа «взглядывал и возглашал». Да и то часть таких разночтений, сохранившаяся в родственном списке Ув, а потому, несомненно, бывшая и в начальном тексте протографа Гш, была вычеркнута; в Гш находим: «и я с тобою» (нет «пойду»); «к устерсам как» (нет «охотник») и пр.

В результате в Гш находим случаи, когда этот список совпадает с Печ. (а также с одним из двух списков третьей) и расходится с другими списками первой, второй и третьей наборных редакций.

Значительно меньше, чем Гш, содержит в себе исправлений список Ув. Таких случаев, когда Ув совпадает с Печ. и отличается от ГшКлМи, немного, и их можно разделить на два типа. В одном случае это авторская работа над текстом, исправление форм, перешедших в первую наборную редакцию из сводной. В другом случае исправляются ошибки, возникшие при переработке сводной редакции в первую наборную: ведь если Кл—Ми и Гш содержат общие варианты, ошибочные по отношению к БВ, а текст Ув совпадает с Печ., то ясно, что перед нами правка, ибо начальный текст протографа Ув был тот же, что и Гш (и соответственно Кл—Ми). Таким образом, Радищев работал над протографами всех четырех списков первой наборной редакции.

Итак, мы снова столкнулись с явлением, о котором шла речь в предыдущем разделе. Однако если вопрос о существовании у Радищева трех списков сводной редакции (протографов соответственно Б, В и Х) был поставлен еще предположительно, то четыре протографа списков первой наборной редакции — уже безусловный факт.

Но зачем Радищеву понадобилось одновременно иметь четыре совершенно одинаковых первоначально, до правки (если не считать, разумеется, тех ошибок переписчиков, которые отличают Кл—Ми от Гш—Ув), списка одной редакции?

Вторая наборная редакция пока представлена одним списком Вр.

Многие варианты Вр роднят этот список со списками первой наборной, но отличают от других редакций (среди этой группы вариантов имеется изрядное число ошибочных). Вместе с тем в ряде глав текст Вр очень близок к Печ. Подобно другим спискам, Вр имеет явные следы правки по печатной редакции. Об этом свидетельствуют совпадения Вр с Печ. в тех случаях, где Б и В, списки первой и третьей наборных редакций содержат разночтения.

Нельзя, однако, не заметить очень любопытного факта: разные главы «Путешествия» в списке Вр находятся в различном соотношении с Печ. Некоторые страницы Вр практически очень близки к печатной редакции, другие, наоборот, очень далеки от нее. В чем причина такой неравномерности текста в списке Вр, помогают понять два списка следующей редакции.

Третья наборная редакция «Путешествия» в настоящий момент представлена двумя выявленными списками — Чк и Тх.

Многие разночтения списков Чк и Тх совпадают, отличаясь при том от пяти списков первой и второй наборных редакций. Однако в очень

многих случаях два списка расходятся между собой. В первых главах Чк чаще совпадает с предшествующими списками (следует при этом помнить, однако, что Гш и Ми, а также Вр включают в себя позднейшую правку по Печ.; то же, но в меньшей степени, относится к Кл и Ув), тогда как Тх дает текст Печ., например (первое разночтение в паре взято из списков БВКлМиГшУвВр и Чк, второе — Тх, последующих редакций и Печ.): взор свой — взоры свои (Соф. 66); когда — коли (Люб. 38); год — годок (Люб. 46); отдавать это головою (Ми ошибочно — стоголовою; отдавать — нет) — это отдавать головой (Люб. 61) и т. д.

Однако ряд глав книги дает обратную картину: Тх совпадает со списками, а Чк — с Печ.: грома — удара (Бр. 36); раздавался — раздался (Бр. 37); четырех — четверых (Зайц. 246); за собою — над собою (Зайц. 315); уверял — уверял ее (Зайц. 362) и мн. др.

В тексте «Путешествия» есть и такие куски, где тексты Чк и Тх в равной мере далеки от Печ. Таковы, например, фрагменты внутри «Спасской Полести» и «Твери».

В чем причина столь резкого расхождения между двумя списками одной редакции на одних страницах и полного совпадения между ними на других? Почему в одних главах текст Тх ближе к Печ., в других — Чк, а в третьих — оба списка далеки от печатной редакции?

Систематическое изучение вариантов Чк и Тх позволяет найти ответы на эти вопросы, а они, в свою очередь, дают возможность пролить свет на неясные проблемы, связанные со списками первой и второй наборных редакций, а также редакции сводной.

При последовательном сопоставлении Чк и Тх со списками и Печ. можно обнаружить определенную систему: она заключается в чередовании в одном и другом списках глав (а в крупных главах — кусков), текст которых сближается с Печ. Поскольку исходный текст обоих списков был одинаков, очевидно, что собственно текст третьей наборной редакции (т. е. ее начальный текст) представлен в тех кусках, которые дальше отстоят от печатной редакции, а близкие к Печ. куски — это исправленный автором текст.

Начальные главы (от «А. М. К.» до «Тосны») исправлены в списке Тх. Концовка «Тосны» и начало «Любаней» не выправлены в обоих списках. Основной текст «Любаней», «Чудова», начало «Спасской Полести» исправлены в Тх; средняя, большая часть этой главы одинаково далека от Печ. в обоих списках, но концовка ее выправлена в Чк; «Подберезье» и начало «Новгорода» — в Тх; основная часть «Новгорода», «Бронницы» — в Чк, и т. д.

Все это вполне естественно ведет к следующему выводу: из-за крайней спешки Радищев имел дело попеременно с несколькими списками одной редакции и правил их поочередно. Выправив кусок текста по одному списку, автор передавал его переписчику; а пока тот готовил беловую рукопись по этому списку, писатель исправлял следующий кусок в другом, и т. д.

Наличие ряда кусков и глав, где и Чк и Тх в равной мере далеки от Печ., закономерно ведет к заключению, что эти куски правилась Радище-

вым в каком-то третьем, пока не обнаруженном списке третьей наборной редакции, который можно обозначить как список Z (не исключено, впрочем, что подобных списков было два).

Таким образом, текст четвертой наборной редакции составлялся из кусков текста, исправленных в трех разных рукописях — протографе Чк, протографе Тх и Z.

Все, что пока было сказано о списках Чк и Тх, относилось к выработке в них текста четвертой наборной редакции. Но как образовались сами эти списки, точнее их ненайденные протографы (следует помнить, что везде речь идет о протографах списков, касается ли это Чк и Тх, или Кл, Ми, Гш, Ув, Вр, В, В и др.; если слово «протограф» опускается, то только для краткости)?

Ряд разночтений (в большинстве своем явных ошибок, которые в данном случае особенно показательны), отличающих эти два списка от всех остальных, свидетельствует о том, что Чк и Тх находятся в безусловном «родстве» между собою: листовых (ЧкТхПеч., см. Вар. к доп., 108, 4) — миртовых (УвГшКлВр; Ми — мартовых); были (ЧкТхПеч. — Кр. 99) — был (УвГшКлМиВр); Ванюшка (ЧкТх) — Ванюха (УвГшКлМиПеч. — Едр. 264) и др.

Совершенно очевидно, что первоначальный текст протографов Чк и Тх был идентичен, причем, по всей вероятности, списки изготовлялись поочередно: сначала был сделан протограф Тх, а с него — протограф Чк. Вполне возможно, что для убыстрения процесса переписки с изготовленных одним писцом листов протографа Тх другой переписчик — а их у Радищева было минимум трое — делал другой список — протограф Чк либо Z (в этом случае Z являлся оригиналом для Чк), или же Z служил «протографом» для Тх, а последний — для Чк. Во всяком случае, ясно одно: Тх был оригиналом для Чк.

Такая последовательность списков объясняет, с одной стороны, почему ошибки Тх («листовых», «были», «Ванюшка» и пр.) воспроизводятся в Чк, а с другой — почему Чк содержит ошибки, отсутствующие в Тх. Так, например, в Тх имеется эпитет «глаза серые», а в Чк его нет. Но так как именно протограф Чк был «оригиналом» для четвертой и следующих редакций при переписке этой части главы «Новгород» (см. выше), то и в Печ. (см. Вар. к доп., 107, 14) эпитет «серые» отсутствует — в отличие от всех известных предшествующих рукописей начиная с Б. Индивидуальная ошибка протографа Чк была закреплена печатным текстом издания 1790 г., поскольку осталась не замеченной автором (равно как и «листовых», «были» и многие другие).

В работе со второй наборной редакцией Радищев пользовался тем же способом попеременной правки списков. Этим и объясняется отмеченная выше «неравномерность» правки в Вр: очевидно, существовал еще минимум один (аналогичный протографу Вр в момент изготовления) список, а возможно, и два, пока не обнаруженных, где правились другие, по сравнению с Вр, главы и куски.

Ряд несомненных ошибок, не замеченных Радищевым при правке списков второй наборной редакции, перешел из нее в третью, о чем свиде-

тельствуют совпадения Вр и одного или обоих списков третьей наборной — Чк и Тх: мешаю (УвГшКлМиТхПеч. — Соф. 18) — мешал (ВрЧк); Вышел (УвГшМиПеч. — Соф. 20; Кл — вышел я) — Вышед (ВрЧкТх) и т. д.

Способ попеременной правки списков Радищев использовал и при переработке первой наборной редакции — вот почему существуют четыре по-разному правленных списка ее. Однако здесь (в отличие от второй и третьей наборных) четкой системы в переходах автора от одного списка к другому выявить не удастся из-за очень сильной последующей правки, внесенной в тот или иной список на гораздо более поздних стадиях работы над текстом произведения в целом. По той же причине неясно, какой из списков в парах Кл—Ми и Гш—Ув был первичен по отношению к другому (как это устанавливается в отношении протографов Тх—Чк): то ли протографы Кл и Ув служили оригиналами соответственно для протографов Ми и Гш, то ли, наоборот, с протографов Ми и Гш делались протографы Кл и Ув.

Тем не менее сам факт формирования текста второй наборной редакции из разных списков первой сомнению не подлежит, ибо доказывается многочисленными разночтениями и ошибками из обеих групп — Гш—Ув и Кл—Ми.

Как явствует из предшествующего анализа, пока не найден ряд бесспорно существовавших вариантов второй и третьей наборных редакций (не говоря уже о протографах обнаруженных списков). Есть, однако, надежда на дальнейшие находки. Очень «подозрителен» в этом отношении список, значащийся в перечне Я. Л. Барскова под № XXVII, который в 1935 г. принадлежал А. С. Нифонтову в Москве. Как отметил Барсков, здесь в главе «Хотилов» вместо «Проект» написано «Просить», а на трех последних страницах без пагинации помещены рескрипты императрицы графу Я. А. Брюсу 13 июля 1790 г. «Просить» и другие мелкие ошибки, по мнению исследователя, «вызваны, по-видимому, тем, что писец пользовался копией „Путешествия“, а не книгой 1790 года». Я. Л. Барсков не заметил, однако, что то же самое «Просить» имеется еще в двух просмотренных им списках — Ми и Гш (№ II и XXII). Эта же ошибка повторена и в остальных списках первой наборной редакции — Кл и Ув, а в нее она попала из сводной редакции БВ. Начало главы «Хотилов» во второй наборной редакции Радищев исправлял в протографе Вр, поэтому здесь уже «Проект», но в другом списке, аналогичном протографу Вр, в котором правились другие главы, должно было остаться неисправленное «Просить». Если же учесть, что ко всем трем спискам второй и третьей наборных редакций приложены рескрипты Брюсу, то вполне естественным будет предположение, что нифонтовский список «Путешествия» — это другой вариант второй наборной редакции. Мне этот список, к сожалению, пока не попадался, но ведь еще в 1935 г. он существовал. . .

Таким образом, вопросы, возникшие в связи с множественностью списков трех наборных редакций и чересполосицей правки в них, имеют общий ответ: все объясняет применявшийся Радищевым в работе над поздними редакциями «Путешествия» способ попеременной правки разных списков одной редакции. А выявление такого метода работы Радищева,

в свою очередь, в какой-то мере ставит под сомнение то объяснение, которое двадцать лет назад я дал происхождению списков Б и В. Не располагая данными, обнаруженными ныне, я доказывал, что эти два списка восходят к одному протографу БВ². В целом это объяснение сохраняет силу и теперь: действительно, списки Б и В первоначально имели общий протограф. Однако не исключено, что нынешние списки Б и В сделаны с разных протографов (восходящих к одному источнику), которые поочередно правил Радищев.

Возвращаясь же к третьей наборной редакции, необходимо отметить, что она, подобно предыдущим — сводной, первой и второй наборным, содержит также явные следы правки позднейшей, частично перенесенной в Чк и Тх уже из наборной рукописи. Кроме того, как и в списках предыдущих редакций, в Чк и Тх есть та правка, которую Радищев вводил в корректуру.

2. ОТ ЧЕТВЕРТОЙ НАБОРНОЙ РЕДАКЦИИ К КОРРЕКТУРЕ

Начиная с четвертой наборной редакции списки дают менее ясную, а вернее — более запутанную картину истории текста книги. При всех отличиях списков Кл и Ми от Ув и Гш или Чк от Тх они представляют собой определенные редакции (первую и третью наборные), причем последовательно переходящие (через посредство второй наборной) одна в другую. Эту «линию» текста завершает список Пд, о котором речь пойдет далее.

Но рядом с этой линией текста появляется особая группа списков, связанная между собой как многими вариантами и разночтениями (значительная часть их, как обычно, первоначально возникла из описок и ошибок переписчиков), так и существенными внешними особенностями.

Предварительно, однако, следует заметить, что выводы по этой группе списков могут быть сделаны только предположительно из-за дефектности материалов, вызванных разными причинами. Прежде всего, лишь два источника из шести — Еф и Кб — представляют собой полные списки произведения.

Большинство вариантов этих двух списков совпадает между собой, но отдельные разночтения позволяют говорить о том, что они восходят не к одному общему протографу, а к разным. Подобная ситуация уже была достаточно подробно рассмотрена на примере первой наборной редакции (списков Кл—Ми и Ув—Гш), поэтому, не вдаваясь в детализацию, отмечу, что протограф Еф, по всей вероятности, послужил источником при изготовлении протографа Кб. Очевидно, к тому же протографу Кб восходит список Эй (поэтому следует уточнить название источника: «протограф КбЭй»), однако он воспроизводит только вторую часть «Путешествия» (от главы «Валдаи»). Таким образом, список Еф, с одной стороны, и Кб и Эй — с другой, являются двумя вариантами одной — четвертой — наборной редакции.

² Там же. С. 165—170.

Пятая наборная редакция, по-видимому, представлена одним списком Ол — тоже неполным, ибо данный список содержит лишь первую часть произведения (до «Яжелбиц» включительно).

Также дефектен список Рг (в нем почему-то опущено «Слово о Ломоносове»), по степени выправленности ошибок и разночтений, очевидно, представляющий последнюю, шестую наборную редакцию в этой группе списков.

Не очень понятно место шестого источника этой группы («линии» текста). Речь идет о первом слое списка Д, который интенсивно правился дважды: сперва по сводной редакции, а потом по печатному тексту (скорее — по списку, восходящему к Печ.). Поскольку в очень многих случаях первоначальный текст совершенно стерт, определить, что в нем было до правок, нельзя. Поэтому можно предположить, что первый слой Д восходил к протографу Ол либо к протографу Рг (впрочем, не исключено, что источником был и какой-то из текстов четвертой наборной редакции — протограф Еф или КбЭй).

Помимо общих разночтений, число которых уменьшается от четвертой к шестой наборной редакции, списки этой группы роднят три общих «внешних» признака.

Первый из них — название книги: «Проницающий гражданин, или Путешествие из Санкт-Петербурга в Москву». Еще более расширено (и одновременно «зашифровано») заглавие в Рг: «. (строка точек). . . или Проницающий гражданин, прождавший жизнь свою в печали и смятении от» (две строки точек). Первый вариант, по всей вероятности, принадлежит самому писателю, который на этой стадии решил было дать произведению расширенное название (напомню, что в цензуру рукопись была сдана с весьма лаконичным заглавием «Путешествие»), что же касается варианта Рг, то столь же определенно утверждать его принадлежность автору труднее: не исключено, что здесь мы имеем дело с «сотворчеством» переписчика Рг, который, заменив рядом точек «криминальную» часть заглавия («Путешествие из С.-Петербурга в Москву»), «для ясности» или по иной причине добавил причастный оборот, завершив его опять-таки рядами точек.

Второй общий признак этой «линии», группы, условно говоря, «Проницающего гражданина», — деление большинства списков на две части, со своим титульным листом каждая (на 2-й части повторен эпиграф из Тредиаковского и выходные данные). При этом после главы «Яжелбицы» в Еф и Кб означено «Конец первой части» (как и эти два списка, Эй начинается с «Валдаев»), в Ол надписи нет. В списке Д аналогичная надпись стоит после «Валдаев» (в этом списке части и переплетены по отдельности).

Соответственно после текста всего произведения в списках Д, Еф, Кб, Эй стоит надпись: «Конец второй и последней части». В Рг деления на части нет, но после слов «Москва!!! Москва!!!» — помета «Конец».

Третий общий признак — отсутствие в пяти списках (в шестом — Ол второй части вообще нет) заключительной «цензурной» надписи: «С дозволения Управы благочиния».

Очевидно, два последних факта связаны между собой. Как уже упоминалось, по сравнению с цензурной редакцией в ходе авторской доработки «Путешествие» увеличилось почти на 40 %. Вероятно, из-за такого расширения объема Радищев, чтобы книга не вышла слишком толстой, и пришел было к решению разделить ее на два тома. В этом случае «дозвоительная» надпись в конце второй части теряла смысл. «Законное» место подобной надписи — на титульном листе. Туда она и помещена в списке Д, где, правда, несколько изменено и все название: «Проницающий гражданин. Путешествие из С. Петербурга в Москву. Часть первая». И далее выходные данные: «В С. Петербурге 1790 года. С дозволения Управы благочиния».

По всей вероятности, именно потому, что рукописный текст трудно было разделить на две равные части, в разных редакциях и списках первая кончается то после «Яжелбиц», то после «Валдаев».

Следы подготовки к изданию «Путешествия» в двух томах есть в списке Ув. Здесь текст разделен на две «книги» (а не «части»), каждая со своим титульным листом и пагинацией. Однако первая завершается главой «Едрово» (кстати, это наиболее точное деление с точки зрения равновеликости объема), а в конце второй после надписи «С дозволения Управы благочиния» стоит помета: «Конец второй и последней книги».

От издания в двух томах Радищев отказался, возможно, уже в ходе печатания «Путешествия», когда стал проясняться реальный объем печатной книги. Уже в Рг, последнем варианте группы «Проницающий гражданин», снято деление на части (остался лишь рудимент заключительной надписи, слово «Конец»). В другом варианте шестой наборной редакции, списке Пд, восстановлены и другие элементы определенно решенного ранее решения. Вычеркнуты были слова «Проницающий гражданин, или» (но как след предыдущего варианта осталась еще форма «из С. Петербурга»), также ликвидировано деление на части, а в конце книги вновь возникла чрезвычайно важная для радищевского идейного замысла «дозвоительная» цензурная помета.

Список Пд — единственная рукопись, время изготовления которой зафиксировано точно: «Начата 21 декабря 1805. Кончена 27 марта 1806». Вместе с тем это последнее полное выявленное донныне звено в допечатной истории текста «Путешествия» (Рг, напомним, неполон).

Однако работа над текстом произведения в протографе Пд отнюдь не была завершена. Есть ряд вариантов, проходящих через семь списков первой—третьей наборных редакций и Пд. При этом надо учесть, что разночтения данного типа встречаются преимущественно в последних главах «Путешествия».

Дело в том, что стилистически произведение обрабатывалось Радищевым неравномерно. Главы до «Торжка» включительно (точнее — до с. 329 книги) в протографе Пд в основном приобрели окончательный вид. Разночтения Пд с Печ. чрезвычайно редки (если иметь в виду варианты, перешедшие в шестую наборную из предшествующих редакций, а не ошибки переписчиков — как переписчика протографа Пд, так и переписчика списка Пд).

Однако с конца «Торжка» картина резко меняется: шестая наборная в Пд почти столь же далека от Печ., как и третья. Если и есть различия, то их можно объяснить не столько новой авторской правкой, сколько сверкой с ранними редакциями или со сводной. Эти случаи наиболее интересны, хотя в «Хотилове» и других главах встречаются случаи, когда Пд совпадает с первой и второй наборными редакциями при расхождении с третьей, которая идентична Печ.

Из вариантов Пд, соотносящихся с разночтениями других списков, наиболее интересные группы представляют совпадения между Пд и Ми (а иногда и Кл), а также между Пд и Гш.

Выше было приведено несколько примеров исправлений, сделанных в том или ином списке (речь, конечно, идет о его протографе!) при сверке с ранними редакциями. Сейчас следует подробнее остановиться на этом вопросе, но сначала приведу несколько примеров с более развернутым комментарием.

Пример из «Чудова»: Иной, вспоминая дом свой, детей и жену, сидел яко окаменелый, помышляя не о своей, но о их гибели, ибо они питались его трудами. Как и в любой другой фразе «Путешествия», здесь на протяжении семи редакций и тринадцати списков было изрядное число различных вариантов, но сейчас нас интересует один. На месте слова «гибели» (как значится от Б до Рг и Печ.) в Ми и Пд стоит «погибели» — что было в Г и Ан. Однако в Ан Радищев собственноручно зачеркнул первый слог. Следовательно, этот вариант мог быть восстановлен при сверке с протографом ГЕЖ или прапротографом БВ (см. Чуд. 136).

Из «Спасской Полести»: . . . малые и частные неустройства в обществе связи его не разрушат. В Пд и Рг — не разрушают; этот вариант есть только в В (СПол. 5).

В той же главе: Вообрази, вообрази, — говорил повествователь мой, взяв обеими руками себя за волосы, — вообрази мое положение. Во всех списках от Г до Рг: Вообрази, — говорил повествователь. . . И лишь в Д, Еф, Кб, Ол и Пд, а затем в Печ. в начале фразы дважды повторено слово «вообрази» (а если взять только прямую речь, то получится трижды подряд). Дело, однако, в том, что этот «вариант» вообще принадлежит не Радищеву, а Царевскому: переписывая Ан, он довольно часто слово, которым кончался лист, повторял в начале следующего (так сказать, рукописный эквивалент книжному кустоду). Именно так в Ан при переходе с листа на лист и образовалось двойное «вообрази». Второе из них Радищев зачеркнул — правда, довольно слабой чертой, — так что справщик мог и не понять, что слово вычеркнуто, а потому и перенес его из Ан в Пд (и в конечном счете оно ошибочно попало в Печ., см. СПол. 141).

Еще пример из «Спасской Полести»: На твердом коромысле возвешенные зрелися весы. Так в Печ. и во всех списках от Ан до Тх. Но в Ми и Пд причастие совпадает с Г: возвышенные (то же — Еф, Кб, Ол, Рг, см. Подб. 75).

Пример уже из «Крестьцов»: Образ мой, преследуя нарушителю союза нашей дружбы. . . — таков текст в Ж, Ан, семи списках наборных редакций и Печ. Однако в Ми и Пд (а также Еф, Кб, Рг) восстановлено ошибоч-

ное чтение БВ: нарушителя (в Е слово сначала было переписано верно, а затем исправлено так же редактором-владельцем, — см. Кр. 181).

Конец книги: Ямщик погоняй. Но в Пд иначе: . . .погоняя. Этот вариант содержится только в Б и В.

Все приведенные здесь случаи интересны тем, что это ошибочные исправления, подобные отмеченному уже ранее «печать» вместо «печатать» и т. п. Очевидно, работу по сверке поздних редакций с ранними и правке предшествующих по последующим Радищев поручил кому-то из своих помощников-переписчиков (я назвал этого помощника «справщиком», чтобы не употреблять слова «корректор»: как известно, корректуру книги держал сам Радищев). Этим и объясняется механическое восстановление некоторых несомненных ошибок и описок, ранее уже исправленных автором. Трудно допустить, что явную бессмыслицу и ошибки возобновлял своей рукой сам писатель, но он вполне мог не заметить восстановленных кем-то другим.

Весьма возможно, что именно при сверке, осуществлявшейся не самим автором, в протографе Пд были вычеркнуты мелкие, в одно слово, дополнения, введенные Радищевым в текст при работе над сводной и первой наборной редакциями, например: . . .отец, обратясь ко мне, *сказал*: — Будь свидетелем, чувствительный путешественник. . . (ВМи; ср. Печ.—Кр. 110); . . .стал он к устерсам *охотник* как брюхатая баба (Ув. . .Тх—Вар. к доп. — 44, 3; ср. Печ.); Иной с важным видом *взглядывал* и возглашал. . . (Ув. . .Чк—Подб. 152; Ми — *взглядывая*, возглашал); . . .которой употребил все возможное *старание*, чтобы ее привлечь к себе в любовь (Ув. . .Тх—Зайц. 179) и т. д.

Здесь стоит отметить, что почти все эти и подобные им мелкие дополнения отсутствуют также и в Гш. В своем месте уже отмечалось, что Гш довольно интенсивно правился по одной из поздних редакций. Теперь, по-видимому, можно конкретизировать: правка эта делалась по шестой наборной редакции.

В чем, однако, заключался смысл сверки редакций поздних (третьей-шестой наборных) с редакциями ранними — начальной, цензурной, а также сводной? Ведь композиционно произведение приняло совершенно новый вид; одни только дополнения составили 40 % текста, да и стилистические изменения были огромны. Зачем же нужна была эта крайне трудоемкая работа, которую пришлось поручить в общем-то достаточно неквалифицированному справщику (или справщикам)?

Отчасти дело было, конечно, в сверке, так сказать, «словесной»: ведь при любой переписке неизбежно допускаются ошибки, описки, пропуски текста и т. п., которые при многократном переписывании накапливаются в громадных количествах. Эту часть работы справщики выполнили, как видно из изложенного выше, плохо, сделав изрядное число ненужных вычерков, восстановив уже исправленные автором ошибки, наконец, просто не заметив многих описок и пропусков, а также поправок, внесенных Радищевым в промежуточные редакции (типа «господские люди», «укореняет их и распространяет» и т. д.).

Главная же причина, обусловившая настоятельную нужду в сверке

с ранними редакциями (а также сводной, ибо значительная часть текста появилась впервые только в ней), — это, на мой взгляд, необходимость упорядочения пунктуации, ее восстановления. Говоря проще, знаки препинания нужно было привести в «человеческий вид».

При изготовлении каждого нового списка (даже внутри одной редакции!) переписчики (а иной раз — один и тот же), внимательно следя за словесным текстом и старательно воспроизводя все ошибки и опiski оригинала, знаки препинания расставляли всякий раз по-новому, по собственному усмотрению, как бог на душу положит. Ситуация усугублялась тем, что Радищев, уделяя большое внимание собственно тексту, слову, практически оставлял без правки ошибки пунктуационные. В результате уже в первой наборной, и особенно во второй, пунктуация «Путешествия» по бессмысленности стала совершенно фантастической.

Возьмем для иллюстрации этого тезиса небольшой фрагмент из середины книги, из «Крестьяцов», — фрагмент, так сказать, «средний», не представлявший для переписчиков никаких трудностей, ибо он почти без правки прошел от начальной редакции до печатной. Обратим внимание только на эволюцию пунктуации.

Начальная редакция: Хваляй вас, меня хвалит. Что успел бы я, естли бы вы вдалися пороку, чужды были учения, тупы в рассуждениях, злобны, подлы, чувствительности не имея. Не токмо сострадаель бы я был, в вашем косвенном хождении, но жертва может быть вашего неистовства. Но ныне спокоен остаюся. . . (реконструкция по ЕЖ «словесно»; пунктуация приведена точно по Ж).

Цензурная редакция по тексту полностью идентична начальной, но при переходе с листа на лист Царевский сделал повтор: Не только // Не токмо; Радищев второе сочетание вычеркнул, и так в наборных редакциях возникло «Не только». В пунктуации же Ан содержит ряд отличий: нет запятых после «вас», перед «если» (в Ж — естли), после «подлы», после «бы я был»; «может быть» взято в запятые с обеих сторон. Членение на фразы с помощью точек в Ж и Ан совпадает.

В списке В пунктуация начала фрагмента точно повторяет Ж, но далее есть изменения: . . . подлы, чувствительности не имея, не токмо сострадаель бы я был, в вашем косвенном хождении; но жертва может быть вашего неистовства. Но ныне спокоен остаюся. . .

Список Кл (перед первым словом нет вообще никакого знака): хваля вас меня хвалят, что успел бы я естли бы вы вдалися пороку, чужды были учению, скупы в рассуждениях, злобны, подлы, чувствительности не имея; не только сострадаель был бы я в вашем косвенном хождении; но жертва может быть вашего несвойства, но ныне спокоен остаюся. . . (в Ми словесные ошибки другие и пятью запятыми меньше).

Список Ув (перед первым словом запятая): хваля вас меня хвалят, что успел бы я ест ли бы вы вдалися пороку, чужды были учения, тупы в рассуждениях злобны подлы чувствительности не имея не только; сострадаель был бы я в вашем косвенном хождении, но жертва может быть вашего неистовства но ныне спокоен остаюся. . . (в Гш во всем этом фрагменте есть только один знак препинания: запятая после «пороку»).

Список Вр: Хваля вас меня хвалят, что успел бы я естли бы вы вда-
лися пороку; чужды были учения, тупы в рассуждениях, злобны, подлы
чувствительности; не имея не только; сострадатель был бы я в вашем
косвенном хождении. Но жертва может быть вашего неистовства; но ныне
спокоен остаюся. . .

Список Чк: Хваля вас, меня хвалят, что успел бы я естли бы вы вда-
лися пороку, чужды были учения, тупы в рассуждениях, злобны, подлы,
чувствительности не имея. Не только сострадатель был бы я в вашем кос-
венном хождении, но жертва может быть вашего неистовства. Но ныне
спокоен остаюся. . .

В Рг и Пд пунктуация еще более приближается к Печ. (это касается
не только данного фрагмента), причем во многих главах знаки препинания
практически уже расставлены так, как в будущей книге.

Наконец, чтобы завершить разговор о пунктуации в рассматриваемом
фрагменте, обратимся к Печ.: Хваля вас, меня хвалят. Что успел бы я
если бы вы вдалися пороку, чужды были учения, тупы в рассуждениях,
злобны, подлы, чувствительности не имея. Не только сострадатель был бы
я в вашем косвенном хождении, но жертва, может быть вашего неистов-
ства. Но ныне спокоен остаюся. . . (166, 8—16).

Таким образом, даже из неполно приведенного материала (я для крат-
кости вообще не привел соответствующих фрагментов из ряда списков,
а часть дал в изложении или описании) картина пунктуационной эволю-
ции текста «Путешествия» вырисовывается очень ясная: от достаточно
четкой пунктуации радищевского автографа — протографа ГЕЖ и не-
сколько иной (что неудивительно, если учитывать вовсе не установив-
шуюся в конце XVIII в. систему русской пунктуации), но еще вполне
грамотной расстановки знаков в Ан — через мало удовлетворительную
пунктуацию сводной редакции — к совершенному безобразию и произволу
(вплоть до полного отсутствия знаков препинания) в первой наборной
и к абсолютной бессмыслице второй наборной — и резкое улучшение
в третьей—шестой наборных редакциях. Эта весьма впечатляющая кар-
тина эволюции тем более выразительна и показательна, что худшие
по пунктуации списки — Ув и Вр — являются лучшими с точки зрения
воспроизведения «словесного» материала, лучшими в том смысле, что эти
списки (как, видимо, и их протографы) особенно бережно сохраняют все
даже буквенные особенности оригиналов — вплоть до явных ошибок и
описок.

Наконец, чтобы завершить разговор о шестой наборной редакции,
следует отметить, что и в ней мы находим исправленными все те места,
которые Радищеву пришлось править в корректуре.

Итак, шестая наборная редакция уже вплотную подводит как в словес-
ном, так и в пунктуационном отношении к наборной рукописи. Правда,
по списку Пд касается это лишь текста до с. 329, т. е. более чем на четверть
(всего в книге 453 страницы) произведение еще не было окончательно отра-
ботано Радищевым, да и в первых трех четвертях его оставались пусть
единичные, но неточности и ошибки. Поэтому — особенно теперь, когда
стало предельно наглядным ярко выраженное стремление писателя к мно-

гократной переписке «Путешествия», — приходится предполагать, что между шестой наборной редакцией и наборной рукописью существовало еще одно, пока не обнаруженное звено — седьмая наборная редакция (ее роль мог выполнять и первоначальный текст наборной рукописи).

Следующий этап в допечатной истории «Путешествия» — наборная рукопись. Изготовлена она была либо с протографа Пд и других списков шестой наборной редакции, либо с рукописи седьмой наборной редакции (если она существовала). Вероятно, она была вычитана автором, а кроме него — еще и справщиком, который заново сверил ее с ранними и сводной редакциями. В пользу последнего предположения безусловно свидетельствует дальнейшая правка пунктуации именно по названным редакциям, а также некоторые особенности корректуры, о которых речь пойдет далее. Сама наборная рукопись не сохранилась, но из показания наборщика Ефима Богомолова мы знаем, что изготовлялась она в виде «тетрадей, писанных в поллиста», то есть была подобна рукописи Ан, сделанной для цензуры Царевским: составлялась тетрадь из нескольких двойных листов (возможно, как Ан, из двух; но не исключено, что из четырех), причем половину каждого одинарного листа занимал текст, половину — поле. Вот, собственно говоря, и все, что известно нам как предположительно, так и достоверно о наборной рукописи.

Несколько больше знаем мы о корректуре, или «корректурных листах», но известные нам данные, которые интерпретировались довольно просто раньше, теперь представляют собой основательную загадку. Поэтому с проблемой корректуры следует разобраться подробнее.

Корректурa «Путешествия» возникла уже в ходе суда над Радищевым. По постановлению об изъятии экземпляров книги, подаренных писателем разным лицам, губернское правление через таможенно обратилось к Царевскому с требованием возврата двух экземпляров — данного ему автором и переданного К. И. Дараганом. Царевский ответил, что обе книги он отдал мещанину Кузовлеву; однако у него обнаружилась третья. «А как во оной многие оказались письменные приписки и приправки», то и книга и сам Царевский были препровождены в Палату уголовного суда.

Суд чрезвычайно заинтересовался «приписками и приправками», ибо одной из главных задач, поставленных императрицей перед следствием и судом, было выяснение имен сообщников Радищева в написании «Путешествия», т. е. его соавторов. Сама Екатерина считала одним из соавторов П. И. Челищева; злые языки называли не то подстрекателями, не то соавторами Радищева А. Р. Воронцова и К. Р. Дашкову; Воронцов пустил слух, что «Путешествие» написано по заказу масонов (создавая эту версию, он безусловно знал от Безбородки мнение императрицы, что автор книги — «мартинист»); назывался в качестве одного из соавторов А. М. Кутузов и т. д. Радищев же категорически утверждал, что книгу сочинил он один и сообщников у него не было. Потому-то суд и ухватился за экземпляр с «приписками и приправками», что он увидел тут возможность выйти на след другого, тщательно, но тщетно искомого «преступника».

22 июля в суде был допрошен Царевский, 24-го — Богомолов и сам Радищев. Царевский и Богомолов отглаголили, что они не знают, кто делал «приписки и приправки», показания же Радищева гласит:

«Корректурой моей книги делана мною действительно вся, и все поправки, которые в оной находятся, делал я своею рукою. Если иные места кажутся отменны, то для того, что писаны рачительнее, дабы наборщик не мог ошибиться и не было бы нужды делать еще поправки.

В чем и подписуюсь Александр Радищев.
Июля 24 дня 1790 года».

Так как словесным показанием писателя судьи не удовлетворились, ему пришлось здесь же для сличения почерка написать на отдельном листе некоторые слова и обрывки слов, соответствующие поправкам в корректуре³. Прежде чем перейти к анализу этих поправок, надо коротко сказать о дальнейшей судьбе корректурного экземпляра «Путешествия».

Из материалов процесса Радищева видно, что фигурировавшие на суде экземпляр «Путешествия» и корректура были отправлены вместе с другими материалами в Сенат, оттуда возвращены в Губернское правление, а затем отосланы Шешковскому «для истребления»⁴. Однако экземпляр книги уничтожен не был: он хранился в Тайной экспедиции, затем оказался в руках Радищева (об этом будет сказано впоследствии), был в библиотеке А. Д. Чертова, в ее составе попал в ГИМ, а ныне находится в библиотеке ИРЛИ.

О корректуре же никаких сведений не было до 1968 г., когда Г. П. Шторм, с помощью историка Р. В. Овчинникова, нашел в одном из реестров Тайной экспедиции такой пункт: «Несколько корректурных листов сочинения книги Путешествие из С.-Петербурга до Москвы». «Как сейчас выясняется, — уточнил впоследствии писатель, — эти корректурные листы в конце царствования Павла I были уничтожены»⁵.

Вернемся теперь к словам и их обрывкам, написанным Радищевым в суде для сличения его почерка с почерком «приписок и приправок» в корректуре. Вот что записано Радищевым:

«таковых
немедля
благородия
чрез службу военную⁶ и гражданскую всем
дают
он
нашел случай
явля того
оного
запоем

³ См.: *Бабкин Д. С.* Процесс А. Н. Радищева. М.; Л., 1952. С. 220—226.

⁴ См. там же, с. 245—247, 258—260, 255—256.

⁵ *Шторм Г.* 1) Потаенный Радищев. . . , М., 1968. С. 345; 2) Потаенный Радищев. . . , М., 1974. С. 302.

⁶ В «Процессе А. Н. Радищева» (с. 226) явная опечатка: военных.

ни во что
 он
 двое
 будто
 что
 женство
 смерть ова дей V явление 1
 или еще один невольник в прибавок ко многим другим или змия за па-
 зухой

Сие писал июля 24 дня в присутствии Палаты уголовного суда коллежской советник Алексапдр Радищев.

Секретарь Петр Попов».

Попробуем разобраться в том, какие места «Путешествия» исправлялись в корректуре и что было здесь в различных рукописях. Конечно, дело это не из легких, поскольку иногда трудно сказать точно, какое именно место имеется в виду (я имею в виду случаи, когда речь идет о таких распространенных словах, как «он», «оного», «что» и т. п.). Хотя полной уверенности нет, но в качестве исходного момента поиска примем тезис, что слова записаны Радищевым в том порядке, как они расположены на страницах корректуры (т. е. книги). Тогда получается примерно следующее:

таковых (см. Соф. 48): . . .означающее. Все почти голоса *таковых* песен суть тону мягкого. — На сем музыкальном расположении народного уха умей учреждать бразды правления. В них (Б. . .Пд) — изъявляющее. В голосах наших простых песен (Г) — в Ан нет листа; текст должен был первоначально совпадать с Г, а вписывая потом новые фразы, автор мог пропустить слово «таковых».

немедля (Тос. 21): Я *немедля* вступил с ним (БВ — с ним вступил) в разговор (Б. . .Пд) — Я *скоро* с ним вступил. . . (Г) — в Ан нет листа.

благородия (Тос. 34): Но с дозволения вашего высокородия, *благородия* или высокоблагородия (Ув. . .Пд) — . . .вашего высокородия или высокоблагородия (ГАНБВ). Чтобы компенсировать большую вставку, через строку Радищев заменил «вашему высокородию» (ГАНБВ) на «вам» (Ув. . .ПдПеч.).

чрез службу военную и гражданскую всем (Тос. 41): Открыл он путь *чрез службу военную и гражданскую всем* к приобретению дворянского титла (В. . .Пд; Ми — пропуск четырех слов) — . . .путь *достоинствам и заслугам* к приобретению *важного* дворянского титла (ГАНБ).

дают (возможно, Люб. 103): тебе *дают* право поступать (В. . .Пд) — тебе право *дали* поступать (ГБ) — в Ан нет листа.

он (возможно, СПол. 17): Он *требовал* (Ув. . .Пд) — *Сей человек* требовал (ГБВ) — в Ан нет листа; количество знаков компенсировано изменениями в последующих строках.

нашел случай (СПол. 103): я *нашел случай* продать (Ув. . .Пд) — я *улучил способ* продать (Г; БВ с ошибкой: *упустил способ*) — в Ан нет листа.

явля того (Подб. 313): Вокруг меня стоящие *являлися того* скарედнее (Ув. . . Пд) — . . . стоящие *казалися мне меня еще* скарעדнее (Г) — . . . стоящие *казалися мне еще* скарעדнее (АнБВ).

оного (Подб. 397): Зодчие . . . не о красоте *оного* помышляли (Ув. . . Пд) — . . . не о красоте *вещи* помышляли (ГАНБВ).

запоем («Подберезье», 86, 7): по неделе пьют *запоем* (Б. . . Пд) — в Ад нет листа — во втором слое Д (источник правки — протограф БВ или список X) здесь было вписано какое-то слово, затем тщательно стертое.

ни во что («Подберезье», 87, 23): если кто не кудряв и не напудрен, того *я ни во что* не чту (Б. . . Пд) — в Ад нет листа.

он (возможно, «Подберезье», Вар. к доп., 96, 13): когда сотрясший мглу предубеждений *он* начал преследовать (Б. . . Пд, с разными ошибками в других словах) — . . . предубеждений начал преследовать (Ад).

двое («Новгород», Вар. к доп., 103, 23): если, например, *двое*, чувствуя голод (УвВрЕфКбОлРг) — если, например, *двоа*, чувствуя голод (Б. . . Пд) — в Ад нет листа.

будто — неясно, к какому месту относится.

что, женство (Бр. 19—20): Ведай, что предузнанное *блаженство* теряет свою сладость долговременным ожиданием, *что* прелестность настоящего веселия (Б. . . Пд) — . . . предузнанное *благополучие* теряет . . . ожиданием *и* прелестность. . . (ГАН).

Смерть ова дей V. явление 1 (Бр. 82): *Смерть Катонова*, трагедия Еддесонова. *Дейс. V. Явлен. 1* (Б. . . Пд, везде с различными ошибками) — в Г сноски нет — в Ан нет листа, — очевидно, здесь сноска была сокращенной: Катон, трагедия Еддесонова.

Или еще один невольник и т. д. (Кр. 870): какое благо из того обществу? *Или еще один невольник в прибавок ко многим другим, или змия за пазухой. . . Отец обязан* (Б. . . Пд, с вариантами в отдельных списках) — . . . обществу? *В первом случае закон дает повод к суровости* (Ж; в Е явная ошибка: здравости), *в другом есть пример разврата*. Отец обязан (ЕЖ) — в Ан нет листа.

Если приглядеться к соотношению радищевских поправок («приписок и приправок») в корректуре со списками, то картина получится весьма любопытная, хотя и не совсем понятная.

В самом деле, из 17 установленных поправок (неясен один случай — «будто») 16 идентичны тому тексту, который есть во всех без исключения шести наборных редакциях — списках от Ув до Пд, — и лишь один вариант «двое» встречается только в шести поздних списках. Мало того: поправки, внесенные Радищевым в корректуру, в 11 случаях оказались в тексте В, в 9 — в Б. Зато ни одна из этих поправок не попала ни в Г (или ЕЖ), ни в Ан (или Ад), — в последнем случае речь, естественно, идет о сохранившихся листах цензурной рукописи. А так как текст Ан в основном совпадает с ГЕЖ, можно смело утверждать, что и на тех листах, которые были изъяты Радищевым из рукописи А (причем это касается и Ан и Ад), корректурных поправок не было. Как объяснить все эти факты?

В ранней работе я полагал, что наличие ряда корректурных вариантов в Б и В объясняется тем, что эти «приписки и приправки» были перенесены

в протограф БВ из корректуры. Обнаружив семь списков трех первых наборных редакций, я в принципе сохранил то же объяснение. Однако обнаружение и детальный анализ новых списков позволяют выдвинуть и другую гипотезу, может быть даже более соответствующую действительности.

Как мы убедились, шестая наборная редакция бесспорно правилась по ранним и сводной редакциям, откуда в текст вновь попали, в частности, уже отброшенные автором варианты. Поэтому вполне естественно возникает предположение, что и наборная рукопись (либо седьмая наборная редакция, если она существовала) аналогичным образом сверялась с начальной, цензурной и сводной, и справщик, опять-таки по ошибке, восстановил в тексте старые, уже отброшенные писателем варианты. Правя корректуру, Радищев часть этих вариантов снова заменил позднейшим текстом.

Иначе говоря, не сводная и наборные редакции правилась по корректуре, а, наоборот, с помощью поздних редакций Радищев снимал в корректуре ранние варианты, ошибочно восстановленные в наборной рукописи справщиком. Заметил он, однако, далеко не все, и потому часть отброшенных вариантов попала в печать.

Конечно, имея в руках только копии, при полном отсутствии поздних собственно радищевских рукописей (точнее — авторизованных списков), безоговорочно утверждать, что верна либо та, либо другая гипотеза, совершенно невозможно. Не исключено, однако, что новые находки помогут убедительно доказать одно из равноправных сейчас предположений. Во всяком случае, ясно: на пути от четвертой наборной редакции к корректуре, как и на других этапах работы, произведение усиленно правилось Радищевым, но не все, вновь созданное им, оказалось в печатном тексте.

3. ИЗДАНИЕ 1790 года

Анализируя «корректуру Царевского», А. Г. Татаринцев счел ее книгой и притом назвал «сигнальным экземпляром», «производственный процесс», по его мнению, был таким: «Радищев вначале отпечатал „сигнальный“ экземпляр с цензурной рукописи, внес в него исправления, а затем уж пустил в печать весь тираж книги»⁷. В дальнейшем исследователь конкретизировал даже сроки «производства» «Путешествия»: «Печатание предназначено для продажи тиража началось с марта 1790 года. С января же до марта Радищев был занят подготовкой рукописи и печатанием корректурного текста». Суммируя свои соображения по этому поводу, А. Г. Татаринцев подчеркивал: «Существование корректурного экземпляра „Путешествия“ — факт бесспорный. То, что он был изготовлен задолго до окончания печатания тиража книги, не вызывает сомнения»⁸.

⁷ Русская литература. 1967. № 1. С. 141.

⁸ Русская литература. 1970. № 4. С. 94.

Наконец, А. Г. Татаринцев сообщил о находке в Киеве «последней корректуры» «Путешествия» и еще более усложнил процесс печатания тиража, который якобы происходил в два приема. Дело тут в следующем.

Еще в 1956 г. в печати появилось описание хранящегося в Киеве дефектного экземпляра «Путешествия». Титульный лист фальшивый, ряд страниц в начале и середине книги набран более мелким, не «радищевским» шрифтом. Кроме того, сличив данный экземпляр с фотолитографским воспроизведением «Путешествия» 1935 г., автор описания С. О. Петров отметил расхождения в наборе двух глав — «Тосна» и «Любани»⁹. Проведя аналогичное сопоставление, А. Г. Татаринцев опубликовал список разночтений. Приведу его с дополнениями, так как исследователь не заметил разночтений 10, 13—14; 10, 21 и 12, 21:

	Воспроизведение 1935 г.	«Киевский экземпляр»
9, 5	ездили по ней	ездили поней
9, 12	не проходимую. . . . (5 точек)	не проходимую. . . . (4 точки)
10, 13—14	родов Российских	родов Россических
10, 19	его происхождения	его происхождение
10, 21	на свои бумагы.	на свои бумаги,
11, 1	за какой товар	закакой товар
11, 12	на равне с Новгородским	наравне с Новгородским
12, 18—19	благосклонностию	благосклонностию
12, 21	блягоприятства	блягоприятства
12, 22	сь горя оставив	сьгоря оставив
13, 11	изстребленнаго	изстребленнго
15, 8	не останавливаясь	не останавливаясь
16, 1	да под вечером	да под вечерок
16, 5	по грибы да по ягоды	по грибы да поягоды
16, 6—7	под вечер, сего дня	под вечер сего дня
16, 24	У него на пашне	Унего на пашне

По мнению А. Г. Татаринцева, «экземпляр библиотеки АН УССР был напечатан раньше. В следующей партии правка отчасти была учтена, что и отразил текст, воспроизведенный фотолитографически. Правда, и в нем почему-то находим ошибки в словах, правильно напечатанных в «киевском» экземпляре. . . Видимо, между ними была еще одна партия книг, в одном из экземпляров которой тоже производилась правка». Всю эту работу Радищев проводил после «правки («сигнального») экземпляра книги, вышедшего значительно раньше основного тиража»¹⁰.

Со всеми расхождениями А. Г. Татаринцева относительно «сигнальных экземпляров», сроков издания, «партий книг» и т. п. невозможно согла-

⁹ Петров С. О. Книги гражданской печати XVIII века. Киев, 1956. С. 193.

¹⁰ Татаринцев А. Г. Последняя корректура «Путешествия из Петербурга в Москву» // Вопросы русской и зарубежной литературы. Пермь, 1974. С. 34 и 33.

ситься прежде всего потому, что он исходит из представления о типографском процессе, свойственном XX столетию, тогда как два века назад процесс набора и печатания книги был принципиально иным, но об этом позже. Для начала же замечу, что разночтения правого столбца — «киевского экземпляра», которые А. Г. Татаринцев считает неизвестными, известны давным-давно: их знал П. А. Ефремов, готовя издание сочинений Радищева 1872 г. (уничтоженное цензурой); все они аккуратнейшим образом воспроизведены в издании Суворина 1888 г., в его же изданиях «Путешествия» 1906 г. и т. д.

А так как Ефремов и Суворин имели дело с разными экземплярами издания 1790 г. (и это заведомо был не «киевский»), то следует разобраться в том, как обстоит дело во всех сохранившихся экземплярах первого издания «Путешествия».

Ситуация, однако, осложняется тем, что в печати встречались достаточно противоречивые указания как на место хранения того или иного экземпляра, так и на общее количество известных и затерявшихся экземпляров радищевской книги. Я. Л. Барсков привел сведения о 19 экземплярах «Путешествия», из коих достоверно существовали 11 (в том числе 2 — за границей)¹¹. Н. П. Смирнов-Сокольский насчитал 21 экземпляр, из которых сохранилось 13 (14-й, указанный Смирновым-Сокольским как существующий, в действительности уже погиб)¹². А. П. Толстяков довел список экземпляров «Путешествия» до 27 — 14 сохранившихся и 13 затерявшихся. При этом А. П. Толстяков отметил, что некоторые экземпляры из второй группы, возможно, совпадают с названными в первой, так как путь книги от одного владельца к другому проследить сложно¹³. С этим положением в принципе согласился А. Г. Татаринцев, но решительно заявил: «О трех из них, по меньшей мере, мы твердо знаем, что они не входят в первую группу, а действительно затерялись: это принадлежавший П. В. Щапову, какому-то полковнику из Полтавы и хранившийся в Одесской библиотеке». Однако самый список А. Г. Татаринцев еще более расширил, дополнив его одним сохранившимся («киевским») экземпляром и еще пятью: оказавшимся в конце XVIII в. в Германии и находившимся у Г. А. Потемкина, неизвестного московского масона — владельца книги «Хризомандер», Н. А. Шигина, А. И. Герцена¹⁴. Таким образом, число экземпляров, которые якобы «находились у разных лиц после уничтожения тиража радищевской книги», было доведено до 30.

Цифра эта, вне всякого сомнения, значительно преувеличена и должна быть сокращена по меньшей мере в полтора раза.

Так, например, вовсе нет оснований для заявления о каких-то будто бы бывших у Н. А. Шигина и А. И. Герцена экземплярах книги, ибо шигинское и лондонское (Герцена) издания «Путешествия» заведомо осуществлены по спискам. Нет реальных доказательств того, что немецкий перевод-

¹¹ Материалы. . . , с. 314—322.

¹² Смирнов-Сокольский Н. Рассказы о книгах. М., 1960. С. 99—101.

¹³ Толстяков А. Веса золота // Книжное обозрение. 1975. 28 февраля. № 9. С. 12.

¹⁴ Татаринцев А. Г. Пути и судьбы книги А. Н. Радищева // Русская литература. 1977. № 3. С. 78—79.

чик XVIII в. и масон — владелец «Хризомандера» имели печатные экземпляры, а не списки. О том, что у Потемкина был экземпляр «Путешествия», известно достаточно хорошо (из показаний В. В. Пассека), но не менее ясно (из письма Потемкина Екатерине), что этот экземпляр бывший фаворит получил от императрицы: очевидно, к нему попал один из экземпляров, добытых полицейским приставом И. Я. Лефебером. Между тем обе книги, купленные Лефебером, А. Г. Татаринцев неизвестно почему объявляет «уничтоженными». А по каким же экземплярам вели следствие Рылеев и Шешковский? Ведь ясно, что один из фигурировавших во время «дела» экземпляров — «пушкинский» — принадлежал самой императрице (по нему она делала заметки для Шешковского), а к ней попал, по всей вероятности, от А. Д. Балашова; другой, «чертковский», — второй экземпляр из тех, что были куплены у Зотова Лефебером для «Никиты Ивановича» — петербургского обер-полицеймейстера Рылеева.

Документально опровергнуто указание А. П. Толстякова, будто в Одессе имелось два экземпляра — М. М. Толстого и Одесской публичной библиотеки, а заодно и гипотеза А. Г. Татаринцева о проникновении экземпляра Одесской публичной библиотеки на юг в 1790 г. с офицерами армии Потемкина. Г. Д. Зленко показал, что, во-первых, речь идет об одном экземпляре (погибший во время Великой Отечественной войны, этот экземпляр ранее принадлежал В. М. Лазаревскому, по смерти которого в 1890 г. через посредство книгопродавца В. И. Ключкова попал к М. М. Толстому; во время гражданской войны Толстой передал его в депозит в Одесскую публичную библиотеку, и он был национализирован после победы советской власти), а, во-вторых, появился этот экземпляр в Одессе лишь в 1890-х гг.¹⁵ Фальшивый титульный лист и ряд поддельных страниц заставляют отождествить «киевский экземпляр» с экземпляром некоего «полковника из Полтавы». Наконец, три экземпляра — сохранившийся ГПБ и два утраченных суворинских (относительно последних А. П. Толстяков заметил, что, возможно, речь идет об одном и том же экземпляре) — в действительности представляют собой один — тот самый экземпляр П. В. Щапова, с которого печаталось издание А. С. Суворина и который Н. П. Смирнов-Сокольский, А. П. Толстяков и А. Г. Татаринцев объявили «погибшим».

Таким образом, даже первая попытка проверить бытующие в печати цифры уцелевших (после сожжения основного тиража самим Радищевым и уничтожения конфискованных полицией книг) экземпляров «Путешествия» приводит к заключению: число этих экземпляров должно быть уменьшено по крайней мере на 9. При этом следует помнить, что и среди этого количества экземпляров могут повторяться одни и те же экземпляры — как принадлежавшие в разные годы различным владельцам¹⁶.

¹⁵ Зленко Г. Экземпляр легендарного «Путешествия...» // Вечерняя Одесса. 1977. 26 октября.

¹⁶ Надо иметь в виду также и следующее обстоятельство. В свое время покойному П. Н. Беркову был предложен экземпляр «Путешествия». Сопоставив книгу с хранящимся в ИРЛИ АН СССР, ученый пришел к выводу, что предложенный ему экземпляр поддельный, и отказался от его приобретения. Как вспоминают работники библиотеки

Нет ясности и в том, сколько экземпляров книг было продано и сколько «истреблено». А. Г. Татаринцев утверждает, что уничтожено было 12 экземпляров. Если исходить из числа 31, рассуждает исследователь, которое якобы фигурировало на следствии (25 проданных Зотовым плюс 6 подаренных Радищевым), то «за минусом 12-ти уничтоженных должно бы остаться всего 19, а сохраниться до нашего времени того меньше»¹⁷.

Дело, однако, заключается в том, что на следствии фигурировали несколько иные цифры (независимо от того, сколько было в действительности продано). Радищев утверждал, что он дал Зотову сначала один, потом 20 и еще 5, а всего 26 экземпляров¹⁸ (все они были проданы).

Конфискации же и уничтожению подверглись только подаренные Радищевым экземпляры. Как свидетельствуют документы, именно за этими книгами и началась «охота». Сразу же были отобраны книги у С. А. Олсуфьева, О. П. Козодавлева, Г. Р. Державина и у И. Вальца — экземпляр, предназначенный для пересылки А. М. Кутузову. К. И. Дараган ответил, что он свой экземпляр отдал А. А. Царевскому (у которого уже был один, данный ему Радищевым). У Царевского книг не нашли, зато обнаружили корректуру «с приписками и приправками» и установили, что два бывших у него экземпляра оказались у И. И. Богдановича и М. К. Овчинникова. У Богдановича книгу отобрали. Идя по следам двух последних экземпляров — подаренного А. Вицману и оказавшегося у Овчинникова, — полиция вышла на П. Н. Трубецкого и И. И. Шувалова. У Трубецкого экземпляр был конфискован, Шувалов же заявил полицейским, что он сам «такую книгу истребил». Явившись к Зотову, полиция «репортовала, что на квартире, в которой он жил, ни его самого, ни таких книг не оказалось». Таким образом, конфисковано было всего 6 экземпляров — у Олсуфьева, Козодавлева, Державина, Вальца, Богдановича, Трубецкого.

Правда, Зотов упомянул еще об одном экземпляре: будто бы купивший его доктор Амбодик говорил ему, Зотову, что книгу «он отдал частному приставу их части, а пристав обер-полицеймейстеру»¹⁹. Надо, однако, заметить, что в данном случае не может быть и речи о конфискации, поскольку конфискация книги началась тогда, когда Радищев и Зотов были уже арестованы. Очевидно, произошло другое: прочитав книгу и узрев в ней крамолу, Амбодик отдал свой экземпляр в полицию до начала следствия. А если это так, то не после ли ознакомления с экземпляром Амбодика обер-полицеймейстер Рылеев отправил Лефёбера в лавку Зотова купить еще два экземпляра и начал секретное расследование? Ведь полиция начала следствие до того, как книга оказалась в руках импера-

ИРЛИ, П. Н. Берков полагал, что ряд поддельных экземпляров первопечатного «Путешествия» ввиду высокого спроса на запрещенную книгу был сфабрикован едва ли не в начале XIX в. Хотя среди проанализированных мною экземпляров есть пять дефектных, но не поддельных, однако нельзя не учитывать предположения П. Н. Беркова. Именно потому я не включил в следующий далее список ташкентский экземпляр «Путешествия» (см.: *Анухтин О.* Печатано при Радищеве // Лит. Россия. 1979. 12 января), что не имел возможности проверить его подлинность.

¹⁷ Татаринцев А. Г. Пути и судьбы книги А. Н. Радищева. С. 78.

¹⁸ Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М.; Л., 1952. С. 168.

¹⁹ Там же. С. 199.

трицы. . . Как бы то ни было, никаких данных об уничтожении экземпляра Амбодика нет.

Откуда же взялась версия о 12 уничтоженных экземплярах? Попробуем в этом разобраться.

А. Г. Татаринцев сообщает: «Экземпляры, находившиеся у Дарагана, Олсуфьева, Царевского (два), Лефёбера (два), Амбодика, Трубецкого, Шувалова, Козодавлева, Державина, Вальца (всего 12), были, судя по документам, уничтожены». Следует ссылка на 209-ю, 255-ю, 280-ю страницы «Процесса А. Н. Радищева». Эта ссылка уже сама по себе неточна, ибо документы, о коих идет речь (а вернее — размножаемый почти в тех же словах под разными названиями один документ), занимают с. 207—209, 253—256, 278—280. Но именно в них-то и сказано, что отобраны экземпляры *только* у Олсуфьева, Козодавлева, Трубецкого, Державина; у квартального Богдановича книга отобрана обер-полицеймейстером, Вальц отдал книгу лично Шешковскому, а Шувалов «объявил», что он «такую книгу истребил». Соответственно 21 августа экземпляры Олсуфьева, Козодавлева, Трубецкого и Державина препровождаются Шешковскому (книги Богдановича и Вальца уже находились у него).

Что же касается экземпляра, будто бы отобранного у Дарагана, то в документах сообщается нечто противоположное: ввиду того что книга у него не оказалось, в губернское правление доставлен он сам. То же и о Царевском: именно потому, что двух книг у него не было, его самого доставили в губернское правление (на других страницах «Процесса А. Н. Радищева» помещены соответствующие показания Дарагана и Царевского). Об уничтожении же экземпляров Амбодика и Лефёбера в этих документах не только ничего не сообщается, но тут нет даже имен этих лиц, да это и понятно: Амбодик — хотел он этого или не хотел — оказался доносчиком и выступил в роли осведомителя полиции, а Лефёбер купил два экземпляра по распоряжению обер-полицеймейстера для следствия.

Иначе говоря, сообщение А. Г. Татаринцева — результат трудно объяснимой ошибки: исследователь выписал из документов только фамилии людей, но не обратил внимания на то, что именно об этих людях говорится ²⁰.

Позднее (уже в октябре) к Шешковскому вернулись из Сената (через Палату уголовного суда и Губернское правление) приобщенные к делу экземпляр книги и корректура, отобранная у Царевского ²¹. Однако ни то ни другое тогда уничтожено не было: фигурировавшая на суде книга «в переплете» (скорее всего чертковский экземпляр) благополучно дожила до наших дней, корректура же, если верить Г. Шторму, погибла в конце царствования Павла.

Таким образом, согласно материалам дела, всего было продано 26 и подарено 7 экземпляров (не считая, разумеется, корректуры), а кон-

²⁰ Этому, в общем-то не столь значительному обстоятельству пришлось уделить большое место потому, что ошибочная версия А. Г. Татаринцева повторена в изданном массовым тиражом пособии для учителей. См.: *Татаринцев А. Г. Сын Отечества*. М., 1981. С. 116—119.

²¹ *Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева*. С. 255—256.

фисковано 6. На руках у разных лиц, следовательно, осталось 27 экземпляров «Путешествия» (или 26, если Шувалов действительно уничтожил свой экземпляр, что очень сомнительно), и с этой «официальной» цифрой вполне согласуются сведения о 21 сохранившемся и затерянном экземпляре. В действительности, однако, уцелело больше 30: с одной стороны, Радищев, конечно, назвал не всех лиц, кому дарил «Путешествие», а с другой — несколько книг осталось во владении семьи (в их число входят экземпляры Саратовского музея и Гослитмузея).

Из этого количества в настоящий момент в библиотеках СССР хранятся 13 экземпляров. Все они были сопоставлены между собой. Оказалось, что они делятся на две группы: меньшую — тип А, соответствующую фотолитографскому воспроизведению издательства «Academia» (разночтения левого столбца), и большую — тип С, соответствующую суворинскому изданию (разночтения правого столбца, «киевского экземпляра»).

К типу С относятся следующие экземпляры (буквы и номера в скобках означают номера по указанным выше работам: Я. Л. Барскова — Б (здесь для удобства пришлось перевести латинские цифры в арабские), Н. П. Смирнова-Сокольского — С, А. П. Толстякова — Т, где можно найти более подробные описания экземпляров и сведения о бывших владельцах):

1. Экземпляр А. С. Пушкина — в ИРЛИ (Б № 1, С № 1, Т № 2).
2. Экземпляр А. Д. Черткова — в ИРЛИ (Б № 5, С № 5, Т № 1).
3. Старый экземпляр ИРЛИ (Б № 7, С № 7, Т № 3).
4. Экземпляр М. Н. Анучина — в ГБЛ (Б № 2, С № 2, Т № 6).
5. Экземпляр К. М. Соловьева — в ГБЛ (Б № 3, С № 3, Т № 5).
6. Экземпляр Н. П. Дурова — в ГБЛ (Б № 17, С № 17, Т № 7).
7. Экземпляр ГИМ (ранее находился в Музее Революции СССР, откуда передан в 1951 г. в библиотеку ГИМ — Б № 8, С № 8, Т № 10).
8. Экземпляр С. Н. Радищева — Гослитмузей в Москве (С № 20, Т № 9).
9. Экземпляр Н. П. и А. П. Боголюбовых — Саратов, библиотека Музея им. А. Н. Радищева (Б № 9, С № 9, Т № 14).
10. Экземпляр ЦНБ АН УССР в Киеве — экземпляр «полковника из Полтавы» (?) (Б № 13, С № 13, Т № 5 в списке затерявшихся экземпляров).
11. Экземпляр П. В. Шапова—А. С. Суворина — в ГПБ (Б № 11, С № 11, Т № 4, а также № 2 и 3 в списке затерявшихся экземпляров)²².

К тому же типу С, помимо одиннадцати сохранившихся, принадлежал двенадцатый — экземпляр В. М. Лазаревского (М. М. Толстого, Одесской

²² Экземпляр попал в ГПБ в составе библиотеки А. С. Суворина. О том, что экземпляр ГПБ идентичен шаповско-суворинскому, свидетельствует также тождество имеющихся дефектов. Из «Нотариального заявления Е. Л. Кочетова П. В. Шапову по поводу утери А. С. Сувориним листа из книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», принадлежащей П. В. Шапову», видно, что Шапов отказался принять восстановленный экземпляр из-за того, что в нем «утерян лист» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. № 2, № 691, л. 1). Как раз вместо одного отсутствующего листа (с. 443—444) в экземпляре ГПБ вшит чистый двойной листок.

библиотеки). Как уже говорилось, список Еф, использованный П. А. Ефремовым для подготовки издания 1872 г., выслан в октябре и ноябре 1869 г. по экземпляру, принадлежавшему В. М. Лазаревскому. Старый, «списочный» текст «Путешествия» исправлен П. А. Ефремовым «буквально», буква в букву, например: вместо «по ней» — «понеи»; «российских» — «россиских»; «не останавливаясь» — «не остонавливаясь» и пр. Таким образом, несмотря на то что экземпляр Лазаревского погиб во время Великой Отечественной войны, можно с абсолютной уверенностью утверждать, что он принадлежал к типу С.

К типу А относятся:

1. Экземпляр П. В. Щапова (полученный им от Суворина вместо поврежденного) — в Государственной публичной исторической библиотеке в Москве (Б № 4, С № 4, Т № 8).

2. Экземпляр Н. П. Смирнова-Сокольского в ГБЛ (Б № 12, С № 12, Т № 12).

Между прочим, местонахождение последнего экземпляра в 1935 г. было неизвестно (в собрание Смирнова-Сокольского он попал в 1946 г.), так что среди виденных Я. Л. Барсковым только один щаповский экземпляр и относился к типу А, отличался от всех без исключения. По иронии судьбы именно этот экземпляр — единственный в своем роде! — Барсков избрал в качестве оригинала для фотолитографского воспроизведения в издательстве «Academia» (правда, тогда он находился в ГИМ, а не в ГПИБ).

Уже из количественного соотношения двух типов — двенадцать против двух — видно, что вывод А. Г. Татаринцева: текст «киевского экземпляра», отличающийся от текста «основной партии» книг, представляет собой «последнюю корректуру „Путешествия“» — является полностью ошибочным.

Но, может быть, к корректурной партии принадлежат экземпляры типа А? Нет, и такое предположение было бы неверным, что выясняется из анализа ошибок обоих типов. В типе С несомненных опечаток четыре («Россиских», «благосклонности», «изстребленго», «не остонавливаясь») в типе А — тоже четыре («пвоизхождение», «бумагъ», «блягоприятства», «да под вечером») ²³. Главное, однако, заключается не в арифметическом равенстве, а в том, что в каждом из типов опечатки появляются в тех строках, которые не должны были бы перебираться, если бы правился другой тип. Иначе говоря, опечатки одного типа не зависят от исправления опечаток другого.

Почему, однако, все разночтения расположены на страницах 9—16, только во второй половине 1-го печатного листа, листа А (напомню, что в XVIII в. сигнатуры, означающие печатный лист, состояли из букв, иногда, внутри листа, дополнительно из букв с добавлением цифр, а не

²³ Разночтения типа «по ней» — «понеи» и «на ровне» — «наравне» не являются в точном значении опечатками, ибо такие дублетные начертания проходят через всю книгу; в них очень сильно отразились орфографические навыки переписчиков и наборщика.

из цифр, как принято в наше время), точнее — во втором полулисте 1-го печатного листа, означенном сигнатурой А2? Потому, что Радищев вообще печатал и брошюровал «Путешествие» тетрадками в $1/2$ печатного листа, по 8 страниц, а не по 16, что составляет нормальный печатный лист. Именно поэтому у Радищева каждый первый в паре, нечетный полулист в 8 страниц имеет обычную сигнатуру из литеры, а каждый второй, четный — дополнительную сигнатуру из той же литеры с цифрой 2: А (с. 1), А2 (9), Б (17), Б2 (25), В (33), В2 (41) . . . Ы (433), Ы2 (441), Ь (449). В последнем полулисте пять страниц занимает текст (с. 449—453), три страницы остались чистыми. Титульный лист и лист с двумя страницами посвящения «А.М.К.», которое Радищев решил ввести в книгу, когда часть ее была уже набрана и опечатана, подклеены к книжному блоку, сброшюрованному из тетрадок по 8 страниц (или 4 листа).

Из этого следует, что расхождения в тексте появились потому, что с одним полулистом, с набором тетрадки А2, что-то произошло. Скорее всего — случайное механическое повреждение, при котором набор или его часть рассыпались. Весь полулист или же часть его пришлось набирать заново: отсюда и мелкие разночтения, и новые опечатки, и исчезновение бывших в наборе до его повреждения. В результате существует *два печатных варианта* «Путешествия из Петербурга в Москву», отличающихся друг от друга деталями набора, что и следует зафиксировать в библиографии так, как это сделано в «Сводном каталоге русской книги XVIII века» в отношении других изданий. Какой из этих вариантов — А или С был первым, а какой вторым по времени изготовления полулиста А2, позволяет определить список Пд. Здесь мы находим уже такие написания, как «пней», «закакой», «да под вечерок», «погоды», «под вечер сего дня», «Унего», — а это значит, что первым печатался вариант С.

Теперь о «сигнальном экземпляре» (он же «корректур Царевского»), «последней корректуре», «промежуточной корректуре», о которых писал А. Г. Татаринов (ход его рассуждений приведен выше), то есть о корректурах в нашем значении этого слова: пробных оттисках всей книги, которые вычитывает автор-корректор; по его пометкам наборщик правит набор, после чего оттискивается следующая корректура и т. п. вплоть до сигнального экземпляра как последнего этапа перед печатанием тиража всей книги. Надо прямо сказать: корректур такого рода, пробных оттисков всего «Путешествия» как единого во времени этапа производства книги, у Радищева не было и быть не могло.

Производственный процесс XVIII в. отличался от типографского процесса нашего времени своей стадильностью. Набор, корректура, правка, вторая корректура, правка, печатание всего тиража осуществлялись по листно, а не по всей книге (имеются в виду большие по объему книги, конечно). Из-за ограниченного количества шрифта и его дороговизны книга набиралась кусками по одному печатному листу, после правки корректуры (иногда двух- и даже трехкратной) печатался весь «завод» (тираж) этого листа; затем набор отмывался от краски, литеры разбирались по кассам и снова шли в дело при наборе следующего листа. Вообще надо сказать, что такую «роскошь», как одновременный, разовый набор объемистой книги

(вроде «Путешествия») в Петербурге могли бы себе позволить разве только типография Академии наук да типография Шнора, но и они работали по той же технологической схеме, как свидетельствуют «репорты» и «доношения» факторов академической типографии.

Так, например, работа над книгой «Подлинное описание жизни французского мошенника Картуша» («завод» — 600 экз., объем — 98 с.) началась в октябре 1771 г., когда были набраны два листа А и Б и отпечатано 1200 л.; в ноябре набран один лист В, отпечатано 600 л.; в декабре — Г и Д, 1200 л.; в январе 1772 г. — $1\frac{1}{4}$ листов Е и Ж, отпечатано 750 л. Более быстрыми темпами издавался «Опыт исторического словаря о российских писателях» Новикова (тираж — 606 экз., объем 13+264 с.): в ноябре—декабре 1771 г. были набраны листы с А по Д, отпечатано 3030 л.; в январе 1772 г. — листы от Е до Л, 4242 л.; в феврале — М—Р, титул, предисловие и погрешности (всего $6\frac{3}{4}$ л.), отпечатано 4090 л. В июне 1773 г., когда началось издание «Размышлений о греческой истории» Мабли в переводе Радищева (тираж — 650 экз., 2+235 с.), был набран только один лист А (отпечатано соответственно 650 л.), зато его же перевода «Офицерских упражнений» Эльсница в том же месяце было набрано четыре листа (А, Б, В, Г), отпечатано 2600 л., и т. д.²⁴

Аналогичным образом, небольшими кусками по полулисту, набиралось и печаталось «Путешествие». Этот вывод не просто умозрительное заключение, основанное на обобщении опыта работы типографий XVIII в. Тот факт, что набор и печать книги Радищева производились полистно, зафиксирован в протоколе допроса наборщика Ефима Богомолова, рассказывавшего о себе и о процессе издания «Путешествия»: «Хаживал по приказанию его, Радищева, в тот покой, в который присылал он, Радищев, через своих людей тетради, писанные в поллиста. . . И по набирании им, Богомоловым, слов, а по отпечатании другим его товарищем досмотрщиком Пугиним, те тетради чрез них же возвращались Радищеву. В таковом набирании он упражнялся месяцев шесть, именно до июня месяца сего года»²⁵.

А это значит: о том, что «корректур Царевского», или, как ее называет А. Г. Татаринцев, «печатный («сигнальный») экземпляр книги», вышла «значительно раньше основного тиража», не может быть и речи.

Здесь заодно можно установить, реален ли был вообще для издания «Путешествия» срок, определяемый А. Г. Татаринцевым, — два месяца (он основывается на словах книгопродавца Г. Зотова, который говорил, что такую большую книгу надо «печатать месяца два»).

Конечно, конкретные даты нам неизвестны, зато известна производительность труда наборщика и печатника при ручном наборе. Хороший наборщик мог набрать до 6000—8000 знаков при десятичасовом рабочем дне. Ефим Богомолов был всего лишь «наборным учеником» в типографии Академии наук, а с 1785 г. служил таможенным досмотрщиком. Так как в «Путешествии» свыше 400 000 знаков, а Богомолов по 10 часов набирать никак не мог из-за службы в таможне, то, приняв за его «норму»

²⁴ Архив АН, ф. 3, оп. 4, № 26/2, 30/1, 33/1.

²⁵ Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. С. 225.

даже 600 знаков в час и определив время набора 4—5 часов в день, получаем 130—160 «чистых» дней, потребных для набора «Путешествия». Если приплюсовать сюда воскресенья, по которым работать не приходилось, то как раз и получаем те полгода, о коих говорил Богомолов на следствии (в этот срок входит и выпуск «Письма к другу, жительствовавшему в Тольском»).

Данный расчет полностью подтверждается возможностями печати. Высококвалифицированный тередорщик (печатник) при ловком и проворном батырщике (рабочем, накатывавшем краску на полосу набора) мог отпечатать за десятичасовой рабочий день примерно 650—700 оттисков. В «Путешествии» 57 полулистов основного текста и титульный лист с посвящением А. М. К. — всего 116 односторонних оттисков или 58 двусторонних. Так как тираж книги, по словам Радищева, был 640—650 экземпляров, то получается, что, работая по 10 часов в день, печатник Пугин и дворовые Радищева, исполнявшие обязанности мочильщика, батырщика, накладчика, приемщика, фальцовщика и т. д., могли отпечатать книгу не менее чем за 116 дней непрерывной работы. Но Пугин, как и Богомолов, — таможенный досмотрщик, и по 10 часов печатать не мог. Конечно, и Радищев не принуждал Пугина и дворовых работать по семь дней в неделю.

Если мы все это примем во внимание, то приходим к выводу, что пять с небольшим месяцев, даже полгода, в течение которых было набрано и отпечатано «Путешествие», срок, пожалуй, удивительно малый по «техническим» возможностям домовой типографии Радищева.

Итак, корректура в целом складывалась из отдельных корректурных оттисков постепенно, на протяжении почти всего того срока, в течение которого печаталась книга. Первый полулист корректуры был отгиснут еще в начале января (если не в декабре). После правки и изготовления пробных оттисков Пугин с помощью «людей» Радищева печатал весь тираж этого полулиста, а Богомолов тем временем набирал следующий. После изготовления всего тиража набор первого полулиста был разобран Богомоловым, и из тех же литер он начал набирать третий полулист, отвлекаясь для того, чтобы внести исправления в набор второго, корректура которого была вычитана автором. Последний же корректурный полулист, составивший конец «корректуры Царевского», вложен в нее где-то в конце мая, за два-три дня до того, как был отпечатан весь «завод» заключительного полулиста. (Именно спецификой производственного процесса и объясняется возможность появления в последней четверти «Путешествия» дополнений, упоминающих о событиях февраля—апреля 1790 г.). После этого оставалось только собрать книжный блок из сфальцованных полулистов и подклеить к ним титульный лист и посвящение А. М. К.

То же самое, но в гораздо более широком объеме можно сказать и о рукописных редакциях: они последовательны как этапы творческой истории текста «Путешествия», но почти синхронны по времени создания. Когда первые главы «Путешествия» существовали минимум в шести наборных редакциях и печатном виде (и даже в двух вариантах — А и С), для следующих завершалась редакция наборной рукописи (седьмой наборной редакцией), средние еще только переписывались в третьей или второй наборной,

а конец книги имел вид лишь первой наборной, а может быть, — и сводной редакции. Именно такой синхронно-параллельной работой над многими редакциями и списками (что было обусловлено чрезвычайной спешкой и сжатостью, «спрессованностью» во времени) объясняются как многочисленные недосмотры в рукописях наборных редакций, неаккуратный и неполный перенос в них новой правки, ошибочное восстановление старых вариантов, так и обилие опечаток и ошибок в готовой книге.

Почти все послепечатные списки «Путешествия» сделаны с двух выявленных вариантов книги. Большая часть поддающихся отождествлению списков соотносится с типом Печ. С (например, ГПБ, Собр. В. Ф. Груздева, 206, 6; ГИМ, ф. 342, Собр. Барятинского, № 70; ГБЛ, ф. 178, Собр. Музейное, № 7048/21 и др.), меньшая — с типом Печ. А (например, ИРЛИ, р. II, оп. 1, № 330; Р. III, оп. 1, № 1750; ГПБ, Собр. Колобова, № 408 и др.). Однако значительная часть списков не отождествляется ни с тем, ни с другим типом, поскольку в конце XVIII — начале XIX в. орфография и пунктуация были достаточно неустойчивы и менялись весьма быстро.

Все эти списки, в свою очередь, по характеру описок, ошибок, пропусков, редакционной правки переписчиков, индивидуальных сокращений могут быть разделены на множество групп. Подобная классификация — при условии полного текстуального изучения всех имеющихся списков — может быть произведена, и она, конечно, представляет интерес и для истории распространения «Путешествия», и для истории восприятия книги и т. п. (т. е. относится скорее к книговедению, чем к истории литературы). Однако в данной работе эти и подобные проблемы рассмотрены быть не могут, потому что почти все группы списков не имеют отношения к творческой истории «Путешествия».

Ограничительная формулировка «почти все» употреблена не случайно. Есть пять списков, которые дают повод для размышлений о работе Радищева над текстом «Путешествия» в начале 1800-х гг.

4. ПРОБЛЕМА ПОСЛЕПЕЧАТНЫХ РЕДАКЦИЙ «ПУТЕШЕСТВИЯ»

Ряд существенных вопросов возникает в связи с анализом уникального списка, принадлежавшего некоему Н. Г., — Нга²⁶.

Внешне этот список на бумаге 1826 г., хранящийся в ГПБ, оформлен очень тщательно. На кожаном корешке золотом вытиснено «Альбом». Внутри — два титульных листа. На первом искусно вырисовано: «Мой альбом. Книга 7. Н. Г.». На втором: «Путешествие из Петербурга в Москву. Сочинение Радищева» (нет ни эшиграфа, ни указания места и года издания). На фронтисписе — портрет Радищева (вырезка из издания 1806 г. в рисованной рамке и с подписью «А. Н. Радищев»). Перед текстом — заставка, выполненная достаточно художественно.

Однако уникальность списка состоит не в тщательном оформлении, а в тексте. Список содержит несколько тысяч мелких разночтений, а главное — крупные добавления и сокращения разного характера.

²⁶ Как было сказано в своем месте, списки послепечатных редакций «Путешествия» обозначаются тремя буквами.

Крупные вставки и переделки находятся в следующих местах «Путешествия»:

- 1) «Тосна» — Печ., 11, 34;
- 2) «Крестьяцы» — 181, 2—4;
- 3) «Крестьяцы» — 181, 11;
- 4) «Крестьяцы» — 186, 6—14;
- 5) «Крестьяцы» — 188, 2—5;
- 6) «Едрово» — 227, 20—21;
- 7) «Вышний Волочок» — 276, 8—10;
- 8) «Выдропуск» — 278, 21;
- 9) «Городня» — 371, 16 — 372, 15;
- 10) «Пешки» — 412, 12 — 414, 7;
- 11) «Черная грязь» — 417, 15—21.

В этих случаях обнаруживаются либо более или менее крупные вставки, либо вставки, сопровождаемые переделкой окружающего текста (№ 4, 10, 11), либо кардинальная переработка (в «Городне» два прозаических монолога переведены в «русский стих»).

Кроме того, в ряде глав произведения имеются сокращения либо мелкие дополнения. Вот пример мелкой вставки из главы «Тверь»:

В Печ.: «Желать смятения царю есть то же, что желать ему зла; следовательно. . .» (357, 12—14).

В списке Н. Г.: «Желать смятения царю есть то же, что желать ему зла, или низвержения, и потому не полюбился. — Следовательно. . .».

Кому принадлежат эти дополнения, равно как и вся правка в целом? Может быть, в роли «редактора» и «соавтора» Радищева выступил владелец-составитель рукописи — «Н. Г.»?

Думается, ответ на этот вопрос позволяет дать дошедшая до нас часть библиотеки Н. Г., обнаруженная в Собрании Бахрушина в ГИМ (ф. 1, № 178—183, 183^a). По оформлению эти рукописи идентичны списку²⁷ «Путешествия», единственное отличие — бумажные переплеты. Здесь имеются: «Мой альбом. Книга 1. Н. Г.» (В. Майков, Янкович де Мириево, Клушин, Державин, Карамзин, Дмитриев, Ломоносов, причем в оглавлении против ломоносовских «Утреннего» и «Вечернего размышления», «Оды, выбранной из Иова» помечено — может быть, позднейшим владельцем — карандашом: «Державин»), «Мой альбом. Книга 5. Н. Г.» (Державин и др.), «Мой альбом. Книга 7. Н. Г.» (почти весь сборник — Державин, а также Дмитриев и Крылов),²⁷ «Мой альбом. Книга 8. Н. Г.» (Державин — стихи и «Пожарский», Крылов, Воейков, Муравьев, Батюшков и др.), «Мой альбом. Книга 9. Н. Г.» (Батюшков, Крылов, Карамзин, Жуковский, Грязев и др.), «Мой альбом. Книга 10. Н. Г.» (поэмы Жуковского, «Бахчисарайский фонтан» и «Кавказский пленник» Пушкина, Карамзин, Грязев и др.), «Мой альбом. Книга 13. Н. Г.» («Эда» Баратынского, «Руслан

²⁷ Полное тождество наименований двух сборников — ГПБ и ГИМ — можно объяснить двояко: либо маскировкой (открыто стояла «Книга 7» со стихами, скрыто — Радищев с тем же обозначением), либо двумя сериями — первая, более ранняя — поэтическая («Книга 7» со стихами написана на бумаге 1811 и других годов), более поздняя — прозаическая (бумага «Путешествия» — 1826 г.).

и Людмила», 4—6-я главы «Евгения Онегина», «Сцены из трагедии „Борис Годунов“» — очевидно, по публикации в «Московском вестнике» 1827 г. — Пушкина, «Думы» и «Войнаровский», под заглавием «К Г. . . А. . . А. . . А. . .» — т. е. «К графу А. А. Аракчееву» — «К временщику» Рылеева).

Как можно видеть по составу и оформлению сборников, их составитель и владелец Н. Г.²⁸ — это страстный библиофил и почитатель литературы, на протяжении двух десятилетий любовно собиравший свою библиотеку. Материалом для его «альбомов» служили как авторские сборники, отдельные издания и журнальные публикации, так и рукописные источники (помимо «Путешествия» об этом ясно свидетельствует заглавие рылеевского стихотворения). Текст в этих сборниках авторский (хотя, конечно, есть изрядное количество «нормальных» ошибок и искажений). Отсюда вполне естественно следует вывод: Н. Г. только копировал в своих сборниках понравившиеся ему произведения, но сам их не редактировал и не дополнял.

А между тем в тексте «Путешествия», переписанном Н. Г., перед нами не просто «дополнения» — перед нами мастерская имитация радищевского стиля, «духа» его произведения, великолепное владение его индивидуальной фразеологией. Применен даже усердно разрабатывавшийся Радищевым двухударный «русский стих» формы 3—7: два монолога в «Городне» переписаны заново этим размером — размером, которым Радищев очень много пользовался в последние годы жизни в «Песни исторической» и «Бове». Так, может быть, дополнения принадлежат самому Радищеву? Обратимся к некоторым фактам.

Двадцать пять лет назад Д. С. Бабкин обратил внимание на принадлежащий ИРЛИ чертковский экземпляр «Путешествия» издания 1790 г. На чистых страницах в конце книги сделаны выписки стилистического характера (что было отмечено еще Я. Л. Барсковым). Почерк этих выписок, как доказывал Д. С. Бабкин и как определила экспертиза в составе самого Бабкина и эксперта-криминалиста Ленинградской научно-исследовательской криминалистической лаборатории М. Г. Любарского, принадлежит А. Н. Радищеву. Среди этих записей одна стоит особняком и сделана для памяти: «NB. Записаны на белые листы 11 приб. к стр. 377»²⁹. Что эта запись значит?

К 377-й странице печатного экземпляра ничего прибавить (а тем более 11 прибавлений) было нельзя, вообще же в книге 453 страницы. А вот внести дополнения на белых, то есть чистых, листах в рукописи «Путешествия», состоящей из 377 страниц, можно.

Для меня по крайней мере связь этой радищевской записи об «11 приб.» и списка Н. Г. несомненна.

Когда Радищев и для чего мог заниматься переработкой «Путешествия»? И это поддается выяснению.

У нас есть определенное, хотя и весьма путаное, свидетельство сына известного типографа Семена Селивановского об обращении Радищева к его отцу с предложением напечатать «Путешествие». Селивановский,

²⁸ Это, конечно, не Н. И. Греч. Что же касается до Н. Ф. Грамматина, то, во-первых, он делал список для себя в 1810 г., во-вторых, его список обнаружен в Костроме.

²⁹ См.: Бабкин Д. С. А. Н. Радищев. С. 275 и 280 (воспроизведение).

испугавшись, отвечал, «что книги печатать не станут»³⁰. Это свидетельство обычно относят к 1780-м гг. (Я. Л. Барсков, Д. С. Бабкин, Г. П. Штурм, Г. П. Макогоненко и др.), хотя в этой датировке явная несуразица: свою типографию Селивановский завел только в 1792 г., причем завел ее в Москве.

А с сентября по декабрь 1801 г. во время коронационных торжеств в Москве находился Радищев. Только к этому времени и может относиться обращение Радищева к Селивановскому.

Из всего этого следует: редакция «Путешествия» 1801 г., или иначе — редакция «11 приб.», известная пока только по списку Н. Г., была, очевидно, подготовлена Радищевым для издания у Селивановского в Москве в 1801 г.

Предположение, что «прибавления» в списке Н. Г. принадлежат самому Радищеву, сразу же проясняет вопрос, почему самая большая переделка (четыре крупных дополнения, ряд мелких вставок, сокращения разного объема) коснулась «Крестьяцов». Дело в том, что именно эта глава давалась писателю наиболее трудно. При том, что в композиционном плане «Крестьяцы» не менялись (в отличие, скажем, от «Спасской Полести» или «Торжка» здесь не было новых эпизодов, крупных вставок и т. п.), до сводной редакции Радищев перекomпоновывал некоторые абзацы, а самый текст главы подвергался весьма интенсивной правке вплоть до корректуры.

Выразительную картину тех усилий, которые вложил Радищев, работая над текстом «Крестьяцов», создают цифры числа вариантов. В книге «Крестьяцы» занимают 43 страницы, и по всем допечатным редакциям на этот объем главы можно насчитать почти 900 вариантов и разночтений. Для сравнения укажу, что на 45 страниц «Спасской Полести» приходится немногим более 700 вариантов и разночтений, примерно столько же на 52 страницы «Торжка» (вместе с историей цензуры), а на 32 страницы «Хотилова» — около 520.

Думается, что чрезвычайная интенсивность правки «Крестьяцов» в допечатных редакциях (отражавшая неудовлетворенность писателя «словесным» выражением содержания, в общем-то неизменного от начальной редакции до Печ.) не только объясняет, почему именно «Крестьяцы» подверглись самой сильной переработке в редакции 1801 г., но и, наоборот, наибольшее количество «прибавлений», приходящихся на «Крестьяцы», является дополнительным свидетельством того, что эти «прибавления» принадлежат самому Радищеву.

Есть, однако, в тексте «прибавлений» два факта, которые, не опровергая прямо гипотезы о принадлежности их Радищеву, требуют, во всяком случае, дополнительных размышлений. Первый из них находится в «Городне», где, как упоминалось, два монолога переведены в «русский стих» формы 3—7. Если само обращение к этой форме легко объясняется тем, что именно ею Радищев написал не одну тысячу строк «Песни исторической» и «Бовы»; если можно понять, почему в «русский стих» (считавшийся в это время эквивалентом народного стиха) переведены причитания крестьянской «девки», то труднее уразуметь, по какой причине стихами за-

³⁰ См.: Библиографические записки. 1858. Ч. 1. № 17, стб. 518.

говорил парень. Наиболее естественное объяснение этого факта — так сказать, творческая «инерция»: переложив «русским стихом» причитания Прасковьюшки, писатель «в запале» передал стихами и ответные речи парня-рекрута.

Второй вызывающий известные сомнения факт — употребление слова «класс», в общем несвойственное ранее Радищеву (пример см. в «прибавлении» к «Крестьядам»). Тут, однако, надо иметь в виду, что сам по себе термин «класс» в данном значении в русский язык вошел еще в 1720-е гг., а с начала 1780-х гг. он часто употреблялся в хорошо известных Радищеву газетах³¹. Кроме того, активизации этого термина могло способствовать и известное повеление Павла I об изъятии из употребления некоторых слов и замене их другими³². Впрочем, не исключено, что слово «класс» возникло в тексте «Путешествия» в результате той редактуры, о которой пойдет речь далее.

Как уже говорилось, кроме добавлений список Н. Г. содержит несколько тысяч мелких разночтений, причем значительная часть их определенно служит «поновлению», модернизации языка и стиля «Путешествия». Изменения этого типа направлены прежде всего на устранение инверсий и архаизмов.

Кому принадлежит эта «поновляющая» правка? В этой связи надо вспомнить о словах и оборотах, записанных рукой Радищева на чистых страницах последнего полулиста чертковского экземпляра³³. В ряде случаев слова даны здесь в иных грамматических формах (именительный падеж вместо одного из косвенных, мужской род вместо женского, прилагательное вместо существительного и т. п.), обороты даны в сокращении, однако источники всех этих выписок ясны. Д. С. Бабкин полагал, что данные заметки имеют редакционный характер и свидетельствуют о подготовке книги ко второму изданию. На мой взгляд, выписки Радищева связаны скорее с каким-то столь обычным для конца XVIII—начала XIX в. лингвистическим спором, разговором о языке книги или литературы вообще.

Поскольку выписки находятся на чистых листах того самого экземпляра «Путешествия», на котором сделана запись об 11 прибавлениях, вполне естественным является вопрос, в какой мере данные выписки — если они действительно связаны с подготовкой книги к переизданию — отразились в редакции «11 приб.», т. е. в списке Н. Г.

Проверка показала, что подавляющее большинство слов и оборотов, выписанных в чертковском экземпляре книги, вошло без всяких изменений в список Н. Г., например: николи (75, 4); надутлости (77, 6 — выписано «надутлый»); не зрел я лиющихся благотворно струев (82, 1—2, — выписано «не зрел лиющихся струев», существительное подчеркнуто); среди сражения стихиев (118, 8—9, — в выписке подчеркнуто окончание последнего слова); оплошлиявая (120, 8—9, — «оплошливый»); копотким (121, 16, — «копоткий»); скосырь (135, 12) и т. д.

³¹ См.: Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Л., 1972. С. 322, 328—330, 369.

³² См.: Русская старина. 1874. Т. 3. С. 531—532.

³³ См.: Бабкин Д. С. А. Н. Радищев. С. 271—275; с. 281 (воспроизведение).

Исправления находим в следующих случаях: вместо «мусс» (81, 24) — «муз»; вместо «хвилым» (141, 13, — выписано «хвилый») — «хилым»; «или в Баба» (147, 23) — в тексте списка нет; вместо «Вождаем собственныя корысти побуждением» (160, 24 — 161, 1, — выписано «Вождаем побуждением») — «Руководствуясь собственныя корысти побуждением»; вместо «предъузматы» (167, 15—16, — выписано «узнатый»³⁴) — «предузнанны»; вместо «хождает в лести» (283, 13, — выписано «хождает») — «окружен лестию».

Говоря об этих исправлениях, надо иметь в виду, что три из шести («муз», «хилым», «предузнанны») достаточно часто встречаются в списках, безусловно восходящих к Печ., это весьма обычные, «нормальные» для списков XIX в. замены. Снятие оборота «или в Баба» также вполне понятно: со смертью А. А. Нарышкина в 1795 г. название его загородной петербургской дачи быстро вышло из употребления и забылось (особенно вне Петербурга). Что же касается двух остальных исправлений («руководствуясь» и «окружен»), то они не выходят за пределы общего «поновления» текста произведения.

То есть ни одно из шести исправлений выписанных Радищевым слов нельзя в списке Н. Г. с полной уверенностью приписать перу автора. Иначе говоря, выписки Радищева никак не соотносятся с текстом списка Н. Г., а следовательно, заметки на чистых листах и в тексте книги не связаны с подготовкой «Путешествия» к переизданию.

Пожалуй, с еще большей уверенностью можно утверждать, что мелкая редактура, направленная на «поновление» языка и стиля, не принадлежит Радищеву. Дело в том, что в ряде случаев «поновление» языка не только ведет к утрате существенных для автора оттенков содержания, но даже противоречит мыслям писателя.

Приведу лишь один, но характерный пример. В «Слове о Ломоносове» Радищев писал так: «Следуя истине, не будем искать в Ломоносове великого деесписателя, не сравним его с Тацитом, Реналем или Робертсоном; не поставим его на степени Маркграфа или Ридигера, зане упражнялся в химии» (449, 9—14).

Мысль Радищева ясна: не поставим Ломоносова вровень с выдающимися химиками только потому, что он упражнялся в химии (далее Радищев резко, но определенно заявляет, что «шествоие» Ломоносова в естественных науках «было шествоие последователя. Он скитался путями проложенными» и т. д.).

В списке Н. Г. читаем: «Следуя истине, не будем искать в Ломоносове великого деесписателя, не сравним его с Тацитом, Реналем или Робертсоном; не поставим его на степени Марграфа или Ридигера; ибо главное его упражнение состояло в химии».

Здесь текст приобрел иной смысл: не будем искать в Ломоносове великого историка. . . и не поставим его на степени Марграфа или Ридигера

³⁴ Д. С. Бабкин прочел это слово как «уз<рев>», причем отметил: «Это слово трудно читается» (с. 273). Однако «узнатый» выписано, по-моему, достаточно четко (см. воспроизведение на с. 281).

(видимо, эти имена уже ничего не говорили редактору радищевского текста, почему он и искажил имя первого — «Марграф»), ибо главное упреждение Ломоносова состояло совсем в другом — в химии.

Совершенно очевидно, что отредактированный текст списка находится в полном противоречии с авторским замыслом. Именно такого рода разночтения приводят к заключению, что «поновляющая» правка (по крайней мере в значительной части) сделана не Радищевым.

Итак, в основе списка Н. Г. (Нга) лежит радищевская редакция 1801 г., редакция «11 приб.», в которой писателю принадлежат крупные дополнения и переделки текста; по-видимому, он же ввел в «Путешествие» ряд мелких дополнений и произвел некоторые сокращения. Но впоследствии, уже помимо автора, язык и стиль произведения были несколько «осовременены», «поновлены». Кроме того, перед нами все-таки не авторизованная рукопись с «11 приб.», а список Н. Г., отделенный более чем 25 годами от оригинала. За это время текст переписывался неоднократно, а при каждой переписке естественно возникали десятки ошибок, опусков, искажений. Сколько их накопилось на те тысячи разночтений, что отличают список Н. Г. от печатного текста, определить невозможно.

Последняя редакция «Путешествия», к которой мог иметь отношение Радищев, представлена группой взаимосвязанных списков. В нее входят четыре обнаруженных списка (причем с полной уверенностью можно говорить, что существовало еще минимум два) — Муз, Бес, Бод и Май.

Текст этих списков, помимо вполне естественных индивидуальных и общих ошибок (хуже всех в этом смысле список Муз), отличается от печатного рядом смысловых стилистических разночтений и вариантов, например (первый вариант в паре — текст Печ., второй — список): Петр Великий (11, 14) — Петр Первый; древнему благородному обществу (12, 13) — древнейшему . . .; столичный сей град (12, 22) — столичный выше-реченный град; насыщали праздною свой голод (51, 14) — насыщали праздные свои желудки; в губернии нашей жил один дворянин (123, 24) — . . . один помещик, и т. д.

Помимо общих разночтений, все списки имеют два общих дополнения (что опять-таки свидетельствует о том, что восходят они к одному протографу).

Первое из них встречается и при других списках «Путешествия», это надпись, приписывавшаяся Державину («Езда твоя в Москву со истинною сходна. . .»).

Второе дополнение оригинальное и есть *только* при списках данного типа: это приложение, состоящее из полного текста «Вольности» в 54 строфы. (Так попутно, между прочим, удалось распутать генеалогию ряда списков «Вольности» — решить загадку, не поддававшуюся решению в 1974—1975 гг., во время издания стихотворений Радищева, — и найти еще один полный список оды).

В самом раннем и худшем по качеству списке Муз оба дополнения даны в извращенном виде (возможно, по литературной безграмотности писца, который плохо понимал, с чем имеет дело, и явно не разбирался в отличии

стихов от прозы). Надпись (в отличие от других списков она помещена не в начале рукописи, а после «Путешествия») потеряла две первые строки, а две последние утратили стихотворный ритм:

Емщик кричит

Вирь, вирь, вирь, вирь, вирь, вирь.

Знать, что ты, русский Мирабо, едишь в Сибирь.

В приложении же вместо сплошного стихотворного текста оды переписчик повторил «Вольность» в том виде, как она дана в «Твери» (стихи и проза). Уловив, что за «Путешествием» должна следовать «Вольность», переписчик то ли не разглядел, что она имеет сплошной стихотворный текст, то ли не успел его переписать из-за необходимости срочно вернуть оригинал и повторил текст «Твери», чтобы сохранить структуру оригинала: «Путешествие» плюс «Вольность».

А текст «Вольности» ниоткуда, кроме как из радищевского источника, исходить не может. Действительно, изучение вариантов оды привело к заключению, что текст «Вольности» списков этой группы восходит к тексту, который готовили к изданию в составе «Собрания оставшихся сочинений» Радищева сыновья писателя (не привожу здесь текстологических аргументов: поскольку они касаются непосредственно «Вольности», о них пойдет речь в IV разделе). Рукопись на бумаге 1804 г., подготовленная сыновьями для издания, хранится ныне в ГИМ (ф. 342, Собр. Барятинского, № 71).

Как давно известно, на этой рукописи помимо пометки «С: Со: 1» (то есть «Собрание сочинений, часть 1») есть надпись: «Стихи к Путешествию в Москву». Очевидно, «Вольность» намечалась сыновьями к публикации как приложение к самому «Путешествию», однако оба произведения не были пропущены цензурою³⁵.

В свое время я показал уже, что значительная часть разночтений «Вольности» в этой рукописи (тогда эти списки обозначались как ГИМ-1 и ГИМ-2) принадлежит не Радищеву, а его сыновьям-редакторам, но часть вариантов, безусловно, восходит к нему самому³⁶.

Отсюда вывод: два ранних списка этой группы — Муз и Бес — происходят от не найденной пока рукописи «Путешествия», подготовленной к изданию 1806 г. Значительная часть правки, как и в случае с одой, очевидно, принадлежит редакторам-сыновьям. Есть ли поправки, принадлежащие автору, — неясно.

Был еще один ранний список данной редакции, возможно Погодинский (дело в том, что в Погодинском собрании сохранилась часть полной «Вольности» в той же редакции, которая прилагается к тексту «Путешествия» этого типа). А у владельца (Погодина?) его взял О. М. Бодянский, в собрании которого уже имелся список «Путешествия». По просьбе Бодянского его список сверил с «редакцией 1806 г.» его ученик и соратник А. А. Май-

³⁵ См.: Бабкин Д. С. А. Н. Радищев. С. 286—287.

³⁶ См.: Радищев А. Н. Стихотворения. Л., 1975. С. 232—233.

ков, который изготовил и для себя копию «Путешествия» (к сожалению, сокращенную) и «Вольности» (в архиве Майковых она хранится отдельно от «Путешествия», см. ф. 452, оп. 1, № 610).

Когда Майков исправлял список Бодянского и снимал копии для себя? Возможно, к этому случаю относится письмо-записка Бодянского Майкову:

«Полагая, что Вы сегодня будете у меня вечером, прошу Вас покорнейше захватить ту рукопись с собою, которую я просил Вас сверить с моею. А если нельзя будет сегодня завернуть Вам ко мне, то потрудитесь завтра утром, к 12-ти, прислать ее в мою обитель. На другой же день можете взять ее обратно для окончания работы над нею.

Весь Ваш

О. Бодянский.

21 октября

1855 г. Пятница в 9 утра»³⁷.

Майков подобные поручения Бодянского выполнял неоднократно, но в письмах и записках сличаемые произведения обычно называются (так, в письме 19 января 1861 г. упомянуто, что Майков сличает для Бодянского «Патерик» Берсенева с рукописью с него). Поэтому в данном случае тщательная шифрованность указания на рукописи позволяет предположить, что речь идет именно о радищевских списках. А если это так, то сверка списка Бодянского и изготовление списка Майкова предположительно могут быть датированы октябрем (точнее — последней третью) 1855 г.

Из всего сказанного о списках «редакции 1806 г.» можно сделать следующий практический вывод: так как принадлежность вариантов этой редакции самому Радищеву не может быть доказана безусловно, а варианты эти немногочисленны и несущественны, то в настоящем издании приводить их список нет необходимости.

5. ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ СХЕМА (СТЕММА) РЕДАКЦИЙ И СПИСКОВ «ПУТЕШЕСТВИЯ»

Таким образом, в ходе данного исследования число материалов, связанных с историей текста «Путешествия», увеличилось весьма значительно. Если к началу работы науке было известно всего лишь 5 списков и печатный текст (в 1970 г. к этому прибавился 6-й список — Е), то сейчас мы располагаем уже 20 радищевскими допечатными источниками текста, 2 вариантами издания 1790 г. и 5 послепечатными списками. Иначе говоря, в количественном отношении число источников радищевской текстологии выросло почти в 5 раз.

Результаты исследования всех выявленных материалов, связанных с историей текста «Путешествия», могут быть представлены на генеалогической схеме. К этой схеме нужно сделать следующие пояснительные замечания.

³⁷ ГПБ, ф. 452, Майковы, оп. 1, № 217, л. 11.

Протографы Кл и Ув как оригиналы протографов Ми и Гш, 1 У как оригинал протографа Вр даны условно.

Расположение протографов и списков четвертой и пятой наборных редакций дано предположительно, ибо три списка из шести, составляющих «линию» «Проницающего гражданина» (Эй, Ол и Рг), неполны, а первоначальный текст четвертого (Д) в очень большой степени затемнен двумя последующими правками.

Текст Печ. С как источник «11 приб.» и Сос взят потому, что к этому типу принадлежат бывший в распоряжении Радищева чертковский экземпляр издания 1790 г. и ведущие происхождение от семейных библиотек экземпляры Боголюбовых и С. Н. Радищева. Печ. С как источник ПрЕЖ и источник правки Д дан условно — из-за значительно большей распространенности экземпляров этого типа и восходящих к ним списков.

По техническим причинам не нашли отражения проанализированные выше правка предыдущих редакций по последующим и корректуре и сверка поздних редакций и корректуры с ранними и сводной.

П о я с н е н и я к г е н е а л о г и ч е с к о й с х е м е

ПрГЕЖ — черновой автограф — протограф ГЕЖ; Г — список Г;

ПрАн — протограф Ан; Ан-2, ПпрБВ — оригинал прапротографа БВ, прапротограф БВ (возможно, одна рукопись на разных стадиях работы);

ВВ, 2, 3 — автографы «Вышнего Волочка», вставок второго почерка (кроме «Слова о Ломоносове») и вставок третьего почерка;

Ан — первоначальный текст цензурной рукописи; Ап — то же со вставками второго почерка; А — цензурная рукопись в целом;

ПрБВ — протограф БВ; ПрБ, ПрВ — протографы сводной редакции; Б, В, X — списки сводной редакции («особого состава»);

ПрКл, ПрМи, ПрУв, ПрГш — протографы (авторизованные списки) первой наборной редакции; Кл, Ми, Ув, Гш — списки первой наборной редакции;

ПрВр, 1 У, 2 У — протографы второй наборной редакции; Вр — список второй наборной редакции;

ПрТх, ПрЧк, Z — протографы третьей наборной редакции; Тх, Чк — списки третьей наборной редакции;

ПпрПд, ПрЕф, ПрКбЭй — протографы четвертой наборной редакции; Еф, Кб, Эй — списки четвертой наборной редакции;

ПрОл — протограф пятой наборной редакции; Ол — список этой редакции;¹

ПрПд, ПрРг — протографы шестой наборной редакции; Пд, Рг — списки шестой наборной редакции;

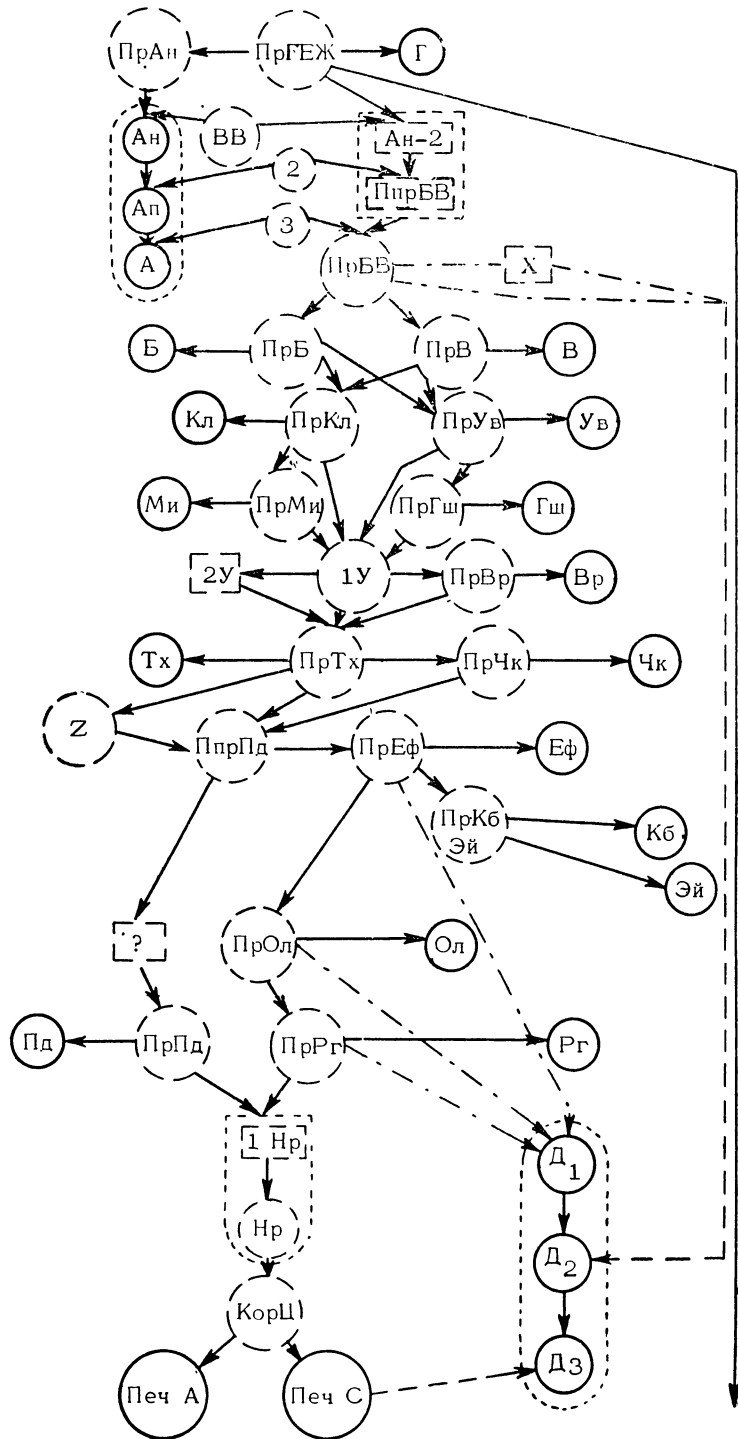
1Нр, Нр — начальный и окончательный текст наборной рукописи;

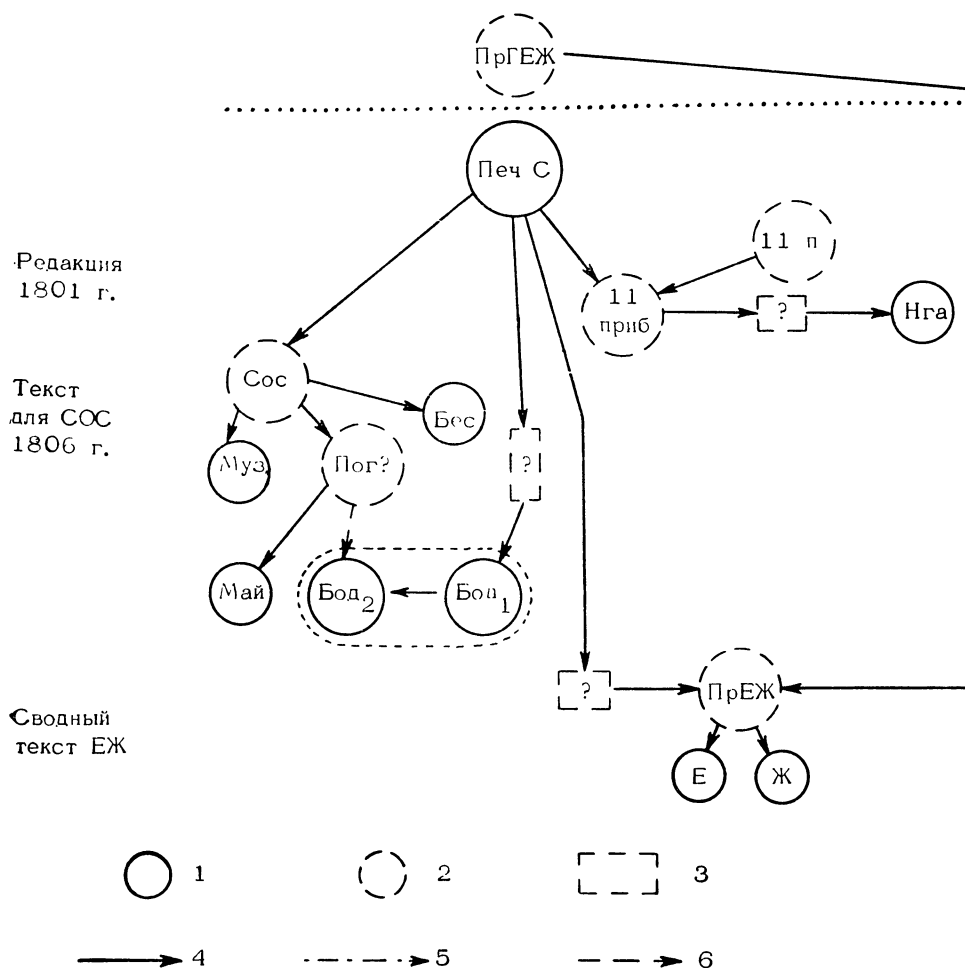
КорЦ — корректура, отобранная у Царевского;

Печ. А, Печ. С — текст издания 1790 г. типа А (фотолитографское воспроизведение 1935 г.) и С (перепечатка Суворина 1888 г.);

Д₁, Д₂, Д₃ — начальный, промежуточный и окончательный текст списка Д;

Начальная
 Цензурная
 Сводная
 Первая наборная
 Вторая наборная
 Третья наборная
 Четвертая наборная
 Пятая наборная
 Шестая наборная
 Наборная рукопись
 Корректурa
 Печатный текст

1 — известные редакции и списки; 2 — недошедшие звенья; 3 — предполагаемые звенья; 4 — происхождение; 5 — возможное происхождение; 6 — правка.

11 п — текст одиннадцати прибавлений; 11 приб. — оригинал редакции 1801 г.; Нга — список редакции 1801 г. (список Н. Г.);

Сос — текст, подготовленный для издания в «Собрании оставшихся сочинений» 1806 г.; Муз, Пог?, Бес, Май — списки этой редакции; Бод₁, Бод₂ — начальный и исправленный текст списка Бод;

ПрЕЖ — протограф ЕЖ; Е, Ж — списки сводного текста ЕЖ;
? — возможные промежуточные списки.

IV. ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОДЫ «ВОЛЬНОСТЬ»

1. СПИСКИ «ВОЛЬНОСТИ» И УСТАНОВЛЕНИЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА ОДЫ

Печатная история оды «Вольность», пожалуй, еще более драматична, чем судьба «Путешествия».

Как известно, Радищев ввел «Вольность» в сокращении и пересказе в главу «Тверь» «Путешествия». Пытался ли он напечатать оду отдельно, неизвестно. Во всяком случае, возникающие время от времени предположения о намерении Радищева опубликовать «Вольность» в 80-х гг. в Москве у Новикова или Селивановского (В. П. Семенников, Я. Л. Барсков, Г. П. Шторм, Д. С. Бабкин и др.) основаны только на интерпретации слов стихотворца в «Твери»: «В Москве не хотели ее напечатать. . .». Думается, однако, что гипотеза об обращении Радищева к Новикову лишена всякого вероятия: слишком противоположны были в 1780-х гг. философско-политические позиции революционера-просветителя Радищева и монархиста-мартиниста Новикова (достаточно вспомнить, с одной стороны, яростные нападки новиковских журналов конца 1770-х—первой половины 1780-х гг. на философию Просвещения и философов-просветителей, а с другой — посвящение А. М. К. и гневную антимасонскую сатиру «Подберезья»; да и в тосненском стряпчем не в последнюю очередь осмеян Новиков!). Что же касается Селивановского, то Радищев мог обратиться к нему с «Путешествием» только в 1801 г.

Вместе с тем косвенным свидетельством желания Радищева видеть «Вольность» полностью опубликованной может служить попытка сыновей писателя ввести оду в виде приложения к «Путешествию» в «Собрание оставшихся сочинений». Эта попытка была пресечена цензурой, и «Вольность» оставалась под запретом дольше, чем даже само «Путешествие».

Вскоре после выхода в свет лондонского издания «Путешествия» лонгиновский список попал в руки П. А. Радищева, и в 1860 г. он отправил список «Вольности» Герцену (видимо, ода не дошла до адресата). Впоследствии П. А. Радищев передал список «Вольности» П. А. Ефремову, однако неоднократные попытки ученого опубликовать оду отдельным изданием либо в «Русской старине» успехом не увенчались. Издание же 1872 г., куда Ефремов включил «Вольность» с многочисленными цензурными сокращениями (впрочем, сохранился корректурный экземпляр издания с полным текстом оды), было уничтожено цензурой.

В 1895 г., через семь лет после выхода полного суворинского издания «Путешествия», «Вольность» впервые была опубликована по предоставленному Ефремовым тексту как самостоятельное произведение в «Русской поэзии» С. А. Венгерова, но с огромными цензурными изъятиями.

В 1906 г. «Вольность» полностью была отпечатана отдельным изданием в издательстве «Сириус» С. Н. Тройницким. В основу текста легли корректурные листы ефремовского издания 1872 г. (т. е. в конечном счете текст «Сириуса», как и предыдущих, восходит к списку Павла Радищева). Однако, несмотря на то что «Путешествие» в 1905—1906 гг. вышло мно-

гими изданиями, «Вольность» снова была запрещена цензурой, и готовая брошюра в продажу не поступила.

Тем не менее по тексту «Сириуса» ода была включена во все три издания сочинений Радищева, которые начали выходить в 1907 г.

Таким образом, на протяжении более чем 60 лет ученые (Ефремов, Семевский, Венгеров, Тройницкий, Щеголев и др.), а затем и читатели имели дело с текстом «Вольности», восходящим к списку Павла Радищева. Ситуация коренным образом изменилась в 1922 г., когда В. П. Семенников ввел в научный оборот лонгиновский список «Путешествия» и опубликовал (правда, с ошибками) содержащийся в этом списке полный текст «Вольности». Сопоставив текст Б с изданием «Сириуса» (в дальнейшем — С), В. П. Семенников пришел к выводу о большей научной авторитетности Б.

К аналогичному заключению пришел и Я. Л. Барсков, который в «Материалах. . .» к фотолитографскому воспроизведению «Путешествия» 1935 г. опубликовал полный текст «Вольности», который представляет собой контаминацию: строки, вошедшие в Печ., дополнены здесь стихами из Б; кроме того, некоторые слова исправлены по С.

В академическом издании Г. А. Гуковский, признав единственно-авторитетным список Б, взял его за основу, внося ряд исправлений (в том числе по С) и приняв некоторые конъектуры Я. Л. Барскова. Тот же текст (с отдельными поправками либо, наоборот, ошибками или опечатками) воспроизводился в последующих изданиях под редакцией Г. А. Гуковского (в том числе 1-м издании Большой серии «Библиотеки поэта» 1940 г., 2-м издании Малой серии 1947 г.), Л. И. Кулаковой (изд-во «Молодая гвардия», 1949), Г. П. Макогоненко (ГИХЛ, 1949 и 1952 гг.), Д. С. Бабкина (Лениздат, 1949), Д. Д. Благого (Детгиз, 1950; текст сокращен), А. В. Кокорева (Учпедгиз, 1952) и др.

Напротив, Я. Л. Барсков (1-е издание Малой серии «Библиотеки поэта», 1936 г.), Г. А. Гуковский (Учпедгиз, 1935 и 1938 гг., в сокращении), Л. Б. Светлов (Госполитиздат, 1952) объединяли Б и Печ., тем самым продолжив традицию издания 1935 г.

Несмотря на различие конкретных текстологических решений, В. П. Семенников, Я. Л. Барсков, Г. А. Гуковский, Л. И. Кулакова, Г. П. Макогоненко (до 1953 г.), Л. Б. Светлов и другие исследователи брали за основу текст Б, единственного известного в 1920—1940-х гг. списка «Вольности» (в составе сводной редакции «Путешествия»). Правда, в 1949 г. А. И. Старцев сообщил о том, что в ГИМ хранится неизвестная рукопись «Вольности»¹, но его статья не попала в поле зрения исследователей. Все они по-прежнему полагали, что допечатную и единственную известную авторитетную редакцию оды отражает лишь Б, тогда как текст «Сириуса» восходит к списку Б, но основательно подновлен и «испорчен».

Однако начиная с 1953 г. Г. П. Макогоненко, а затем Г. П. Штурм и Д. С. Бабкин выдвинули ряд взаимоисключающих гипотез. В результате

¹ Старцев А. И. Рукописное наследие Радищева // Огонек. 1949. № 35. С. 11.

проблема текста «Вольности» стала необычайно запутанной, причем спор велся по трем главным вопросам: 1) какие источники должны быть положены в основу текста; 2) сколько строф должно печататься в составе оды; 3) какова творческая история «Вольности», то есть как хронологически соотносятся разные списки оды (особенно входящие в рукописные редакции «Путешествия») и издание 1790 г. (последний вопрос непосредственно связан и с проблемой датировки оды).

Вопреки мнению всех исследователей (и своим собственным работам до 1952 г. включительно) в 3-м издании Малой серии «Библиотеки поэта» 1953 г. Г. П. Макогоненко попытался доказать, что текст С более авторитетен, чем Б, поскольку в «Сириусе» ода издана на основании «списка сына Радищева», в котором будто бы отразилась предпоследняя стадия работы поэта (последняя представлена в издании 1790 г.). Более подробно свои взгляды Г. П. Макогоненко изложил в работе 1956 г.

Решительно осудив «подготовленный Барсковым компилятивный»² текст оды, еще более гневно Г. П. Макогоненко обрушился на «редакторов академического издания» (то есть на Г. А. Гуковского) за то, что текст оды в академическом издании «представляет собою недопустимую смесь трех различных редакций» — Б, Печ. и С³. Отвергнуть труд предшественников Г. П. Макогоненко понадобилось для того, чтобы доказать «правильность» подготовленного им самим для издания 1953 г. текста. Стоит сразу отметить, что «Вольность» в Малой серии представляет собой точно такую же «недопустимую смесь трех различных редакций» — и притом тех же самых: принятый за основу текст С контаминирован с текстом Печ., а также вариантами из Б (что оговорено не во всех случаях). Отличие, и существенное, состоит в том, что Я. Л. Барсков и Г. А. Гуковский, по-разному контаминируя элементы трех текстов, в равной мере принимали за основу Б — текст заведомо «радищевского» происхождения (поскольку он входит в состав списка допечатной редакции «Путешествия»), тогда как Г. П. Макогоненко взял за основу текст «Сириуса», восходящий (через корректуру ефремовского издания) к списку неясного происхождения (в текстологическом смысле) и неизвестно какого времени. Ведь, категорически отрицая, что список Павла Радищева представляет собой модернизированную копию списка Б, Г. П. Макогоненко ничего не мог сказать даже о времени составления «списка сына Радищева», поскольку самого-то списка он не видел⁴.

² Под «компиляцией» Г. П. Макогоненко, по-видимому, подразумевал контаминацию.

³ *Макогоненко Г. П.* Радищев и его время. М., 1956. С. 399 и 413.

⁴ «...Рукопись оды, принадлежавшая П. А. Радищеву, утрачена...» (*Макогоненко Г. П.* Радищев и его время. С. 415). Впрочем, не видел исследователь даже рукописи А, как явствует из такого сообщения: «Когда уже книга вышла из печати, Радищев, ожидая ареста, наскоро сшил листы расшитого им цензурного экземпляра, по-новому их перенумеровал» (там же, с. 400). По той же причине вполне ошибочные сведения сообщаются также о списке В (там же, с. 411, примечание) и о бессоновском списке (там же, с. 416, примечание).

Вместе с тем Г. П. Макогоненко в издании 1953 г. изъясил из оды четыре строфы, заключив из текста «Путешествия», что «Радищев собирался публиковать оду полностью, но в составе 50 строф»⁵.

Этот вывод был оспорен Л. И. Кулаковой, которая обнаружила и исследовала два новых списка «Вольности» в 54 строфы — В и Вес⁶ и еще один неполный список — Пог, в котором имеются 9-я, 24-я и начало 26-й строфы, исключенные, по мнению Г. П. Макогоненко, из окончательной редакции оды. Предложив ряд текстуальных поправок к тексту «Вольности» академического издания, Л. И. Кулакова указала на необходимость класть в основу текста «Вольности» Б, В, Бес в сочетании с Печ., поскольку текст, изданный «Сириусом», прошел в XIX—XX вв. редактуру минимум трех лиц⁷.

Список Павла Радищева (Пра, ранее обозначался мною как ПР) обнаружил и изучил Г. И. Сенников (нашедший также список оды Май). Он показал, что Пра представляет собой отредактированную копию с Б⁸.

Иную версию выдвинул Д. С. Бабкин, частично описавший найденные А. И. Старцевым списки «Вольности» — Мги и Гим (списки 1806 г., хранившиеся у П. П. Бекетова — издателя «Собрания оставшихся сочинений» Радищева; ему они были переданы, очевидно, сыновьями Радищева для включения в издание в качестве приложения к «Путешествию»; в издании 1975 г. я обозначил эти списки соответственно как ГИМ-1 и ГИМ-2). Отметив, что текст Пра модернизирован редактором (исследователь считает, что им был П. А. Ефремов, а потому именуется список Павла Радищева «ефремовской копией»), Д. С. Бабкин тем не менее утверждает, что «ефремовская копия в основном совпадает с рукописью, подготовленной для бекетовского издания», то есть с Гим, а следовательно, текст «Сириуса» «восходит к рукописи, хранившейся в бумагах П. П. Бекетова»⁹.

Ошибочность этого утверждения с очевидностью выявляется текстологическим анализом указанных списков (далее при разночтениях и вариантах оды первые цифры означают строфу, вторые — стих; при ссылках на издание 1790 г. дается помета «Печ.»).

Во-первых, в списке Пра воспроизведены карандашные исправления, сделанные в Б, по-видимому, П. Радищевым. Так, например, в 36, 2 бывшее в Б «Различности» исправлено на «Различия»; 50, 10 — «нов» на

⁵ Радищев А. Н. Стихотворения. Л., 1953. С. 264.

⁶ Этот список у Л. И. Кулаковой (а затем и у меня в издании стихотворений Радищева 1975 г.) обозначен как «список ГБЛ». Теперь, когда выяснилась принадлежность бессоновского списка к подготовленной для издания 1806 г. рукописной редакции «Путешествия» с приложением «Вольности», пришлось условное обозначение текста оды привести в соответствие с условным обозначением всего списка Бессонова — Бес. По той же причине майковский список, ранее именовавшийся «список ГПБ», обозначается Май, а найденная мною «Вольность» в списке Бодянского — Бод.

⁷ См.: Кулакова Л. И. К вопросу о тексте оды А. Н. Радищева «Вольность» // Известия АН СССР. Отд. лит-ры и языка. 1956. Вып. 2. С. 150—158.

⁸ См.: Сенников Г. И. Проблема текста оды «Вольность» А. Н. Радищева и идейно-художественное своеобразие лирики // Учен. зап. Карагадинского пед. ин-та. 1962. Т. 3, вып. 1. С. 99—130.

⁹ Бабкин Д. С. А. Н. Радищев: Литературно-общественная деятельность. М., Л., 1966. С. 291, 292.

«вновь»; 52, 1 — «приспе» на «пришла» и т. д. Большинство этих исправлений имеется в тексте Пра, что не соответствует тексту списков Мги и Гим, которые в этих случаях совпадают с Г, В, Бес, Бод, Май, а также с не-исправленным текстом Б.

Во-вторых, в Пра воспроизведены индивидуальные ошибки переписчика, изготавливавшего список Б, — ошибки, которые есть только в Б и не имеют аналогий в других списках, даже в В, восходящем к тому же протографу, что и Б. Так, в Пра воспроизведена индивидуальная и притом явная ошибка переписчика Б «бога» (33, 7) вместо «боги», как значится во всех без исключения списках; описка в Б совершенно ясна из конструкции с множественным числом глагола и прилагательного: «стягчают всещедры бога», но П. Радищев не только аккуратно воспроизвел «бога», но еще и сам «исправил» прилагательное, в результате чего текст стал абсолютно бессмысленным: «стягчают всещедре бога». Повторяется в Пра ошибка Б «стрясут» (38, 2) вместо верного «трясут», стоящего во всех списках. Перешла из Б в Пра совершенно обесмысливающая текст описка «вселясь» («Едину власть вселясь раздавит» — 42, 9), тогда как во всех других списках значится «валясь», и т. д.

В-третьих, Пра отличается от остальных списков (в том числе Мги и Гим) множеством вариантов и разночтений, возникших в результате редакторской работы самого Павла Радищева (либо ошибок переписчика Пра): «досягает» вместо «досязает» (7, 6 — в Май: «достигает»); «И дав им» вместо «Облек их в» (8, 6); «что изобрел» вместо «что ты обрел» (8, 10); «Коль я смеюсь, то» вместо «Где я смеюсь, там» (12, 8); «прещенья» вместо «прощенья» (26, 8); «стерта» вместо «стерша» (34, 2) и мн. др.

В-четвертых, от всех списков и издания 1790 г. текст Пра отличается изрядным количеством вариантов, заимствованных из лондонского издания 1858 г., например (в левом столбце — текст А. Н. Радищева по спискам Г, А, Б, В, Мги, Гим, а также Печ.; в правом — текст лондонского издания, списка Пра и «Сириуса»):

4, 4	Средь мирных под сеньми	Под мирной сению
10, 1	Возрим мы в	Возрим на
19, 6	Безгласными	Безсильными

Почему заимствования из издания 1858 г. оказались в списке П. А. Радищева, вполне понятно: лелея мысль о полной публикации «Вольности» в Лондоне, Павел Радищев правил оду в целом и, в частности, подгонял к тому тексту, который был уже напечатан за границей в составе «Путешествия»¹⁰. А поскольку копия, снятая с Б, была выправлена по лондонскому изданию, текст Пра отдалился от Б и приблизился к Печ., что создает иллюзию, будто бы Пра отражает более позднюю, чем Б, стадию

¹⁰ Факт правки по изданию 1858 г. совершенно исключает гипотезу Д. С. Бабкина, будто бы «модернизировал» «Вольность» П. А. Ефремов. Как было показано выше, у Ефремова имелся и экземпляр издания 1790 г., и тщательно выверенная по нему копия. Павел Радищев же располагал только списком «Путешествия», — очевидно, не-исправным, как любой другой, — и в этом вторая причина его обращения к печатному тексту, но только издания 1858 г., а не 1790-го.

работы над одой самого автора — А. Н. Радищева (именно эта иллюзия и привела к появлению ошибочной концепции Г. П. Макогоненко). На самом же деле этот вариант «Вольности» возник лишь в 1860-х гг. в результате произвольной редакции, а потому текст списка Павла Радищева (и соответственно «Сириуса») вообще не может приниматься в расчет при изучении творческой истории текста оды и установлении ее текста.

Однако в раздел «Варианты» разночтения из лондонского издания, списка Павла Радищева и «Сириуса» включаются, поскольку эти разночтения представляют определенный интерес для истории бытования «Вольности» в XIX—XX вв. и для характеристики приемов редакторской работы XIX в. В основной же текст оды эти варианты, как безусловно не принадлежащие А. Н. Радищеву, введены быть не могут.

Значительно сложнее обстоит дело со списками Мги и Гим и восходящими к ним Бес, Бод, Май, а также Пог (неполный список ГБЛ, в котором имеются 25 строф и начальные 5 стихов 26-й строфы).

Оба списка ГИМ поверх первоначального текста имеют значительную правку (особенно Гим). Источники и первоначальных вариантов, и исправлений ясны не всегда. И то и другое иногда соотносится с Г, иногда с Б и В, иногда с Печ., а в иных случаях не имеет соответствий ни со списками, ни с Печ. Судя по некоторым разночтениям, начальный текст списков ГИМ восходит к допечатному, притом раннему варианту оды. Например, в 3, 10 в обоих списках было «Родился» (как в Г, Ан, Б, В), исправленное на «Вот что есть» (так в списках наборных редакций и Печ.); в 4, 6 «Яснейших» совпадает с Г, Ан, Б, В и расходится с наборными редакциями и Печ.: «Яснейша»; в 10, 8—9 «Одна. . . Другая» соответствует только Г, тогда как в Б, В, всех наборных редакциях и Печ. «Одно. . . Другое».

В других случаях и начальный текст, и поправки соответствуют разным спискам. Например, в 25, 2 первоначальное «тихих» (так в Б и В) исправлено в Мги и Гим на «синих» (как в Г); в 11, 9 начальный вариант «обветшалый» (совпадает с Б и В) в обоих списках ГИМ исправлен на «обветшавый» (как в Г и Ан), и т. д. В 10, 4 списки Мги и Гим дают бесспорно верное чтение «В царе», тогда как через Г, Б и В проходит явная ошибка «В царстве». То же в 52, 6: здесь в Г, Б, В стих испорчен — «Собрав себе мочи» (ритм нарушен лишним слогом), а в обоих списках ГИМ находим чтение с сохранением ямба: «Собрав все мочи».

Наоборот, во многих случаях тексты Мги и Гим содержат несомненные ошибки: 5, 6 — «И в ней змеином» вместо «И в неизменном»; 24, 8 — «Не спавшему» вместо «Не спасшему»; 34, 2 — «зверствовать» (Мги), «зверствовать» (Гим) вместо «зверства рать» (Г, Б) или «зверство рать» (В) и т. д.

Иногда начальный текст и правка в двух списках противоречат друг другу. Так, в 8, 10 в Мги начальный текст исправлен на «Народ! дивись» (и потом на «дивить»), а в Гим — «Народ! дивись» — на «Народ давить» (последнее соответствует Г, Б и В).

Наконец, главное, что не позволяет с полным доверием отнестись к спискам ГИМ, — это многочисленные случаи правки редакторского типа (особенно списка Гим, который был предназначен для типографии

и потому правился более интенсивно, чем Мги) — правки, не совпадающей ни с другими рукописями, ни с Печ. Так, например, в Гим в 1, 5 «твоим» исправлено на «своим»; 1, 6 — «твоих» — на «своих»; 3, 1 — «претит моей» — на «моей претит»; 3, 2 — «Желаньям» — на «Деяньям»; 8, 4 — «Чувствительность» на «Чувствительно»; «Желаньям» — на «Деяньям»; 22, 8 — «дерзнул острить» на «острить дерзнул»; 29, 8 — «Нетрепетно с ним разум мыслит» — на «С ним разум нетрепетно мыслит»; 50, 2 — «крепка» — на «тверда»; 52, 9 — «И стражу к словеси приставит» — на «Ю вздоху стражу да приставит», и т. д.

Нет никаких оснований полагать, что все исправления такого типа восстанавливают действительно радищевский — пусть даже ранний — текст, а не введены редактором (будь то кто-то из сыновей Радищева, готовивших оду для издания, либо издатель Бекетов, либо какое-то иное лицо).

Вариативность и правка текста в Мги и Гим нашли явственное отражение в списках Бес, Пог, Бод, Май. Так, в Май попал вариант Мги и неисправленный Гим — «претит моей»; в Бес, Пог, Бод — «моей претит» (3, 1). Исправление в Мги и Гим «Желаньям» на «Деяньям» дало в Бес и Пог «Деяньям», в Май «Желаньям», а в Бод первоначальное «Деяньям» исправлено на «Желаньям» (3, 2). Правка в Мги и Гим «Родился» на «Вот что есть» дала в Бес и Май «Вот что есть», в Пог в тексте переписано «Вот что есть в обществе закон», а на поле приведен полностью вариант «Родился в обществе закон»; в Бод начальное «Вот что есть» исправлено на «Родился» (3, 10).

В стихе 52, 9 поправка в Гим «Ю вздоху стражу да приставит» воспроизведена в Бес; Бод и Май следуют за Мги и первоначальным текстом Гим: «И стражу к словеси приставит». Однако следующий стих (52, 10) во всех пяти списках одинаков: «Да будет тамо ей напасть», — что отличается от известного по Г, Б, В чтения: «Да будет горшая напасть». Известный вариант обнаруживается и в предпоследнем стихе оды (54, 9). В списках Г и Б он читается одинаково: «Сгущенную мглу разогнавши» (Павел Радищев в своем списке заменил «мглу» на «тьму»). Но в Мги, Бес, Май другой вариант: «Сгущенну мглу собой разгнавши»; так же было первоначально и в Гим, но затем строка исправлена следующим образом: «Сгущенну мглу разогнавши». Ошибочность этой поправки несомненна, ибо утрачен ямбический ритм (может быть, поэтому в Бод данный стих вообще отсутствует), однако, пожалуй, самое любопытное заключается в том, что точно то же неверное чтение находим в списке В.

Таким образом, констатируя недостоверность и произвольный характер многих поправок в списках Мги и Гим, нужно отметить, что какая-то часть этих исправлений может соответствовать вариантам неизвестной нам пока рукописи Радищева, отражая работу поэта над отдельными стихами оды (как будет показано далее, такая рукопись у сыновей Радищева была). Поэтому варианты «Вольности» по спискам Мги, Гим, Бес, Бод, Май, Пог необходимо учитывать в текстологической работе, хотя в целом ни один из этих посмертно отредактированных списков не может быть признан более авторитетным, чем списки, восходящие к протографам

прижизненного происхождения, в которых нет никаких следов чужого вмешательства.

Таких полных списков оды в настоящий момент известно три — Г (в составе начальной редакции «Путешествия»), Б и В (в составе сводной редакции; оба списка восходят к одному оригиналу — общему протографу БВ). Каждый из них содержит определенное количество описок и ошибок, в каждом при переписке пропущены те или иные строки, слова. В целом, однако, эти три списка позволяют восстановить более или менее точный (насколько это возможно при отсутствии автографов) текст «Вольности» в ее единственной достоверно радичевской редакции (ибо, хотя ода входит в разные редакции «Путешествия», сама она представляет собой одну редакцию — при наличии стилистических вариантов в отдельных стихах).

Кроме того, в цензурной рукописи «Путешествия» сохранилось 16 из 28 включенных в цензурную редакцию книги строф оды (текст Аи), а в издании 1790 г. процитировано 178 полных и 1 неполный стих «Вольности».

По сравнению с «Вольностью» по спискам Г, Б, В в строках оды, приведенных в Печ., имеются следующие отличия (слева — текст Г, Б, В, справа — Печ.; от строфы 12 до 21-й номер строфы в Печ. меньше на единицу, а 41-я превратилась в 37-ю):

3, 10	Родился	Вот что есть
4, 6	Яснейших дня	Яснейша дня
5, 3—4	Без слуха зрится хладнокровно, Велико божество. . .	Безжалостно и хладноправно, Глухое божество. . .
7, 10	нам велит	всем велит
12, 2	Прияв (Аи — Приняв)	Схватив
16, 7	лжи	лже
19, 7	истины	истине
19, 8	клевете	мерзостям
21, 3	Злодею	В злодея
41, 5	обвив	обвил

В стихе 53, 9 во всех списках — полнейший разнобой, поскольку Радичев, очевидно, долго не мог найти удовлетворявшего его варианта. По всей вероятности, в тексте имелось несколько то ли зачеркнутых, то ли не зачеркнутых «равноправных» вариантов стиха. Поэтому в Г и Б этого стиха просто нет, переписчик В вписал выбранный им вариант «Немощно на изнеможенье». В списке Мги находим на этом месте «Приимут вечно разрушенье» (стих неисправен, ибо множественное число глагола ошибочно; поэтому в Май дано с поправкой — «Приимет», а в Бод стих вообще отсутствует). Начиная с первой наборной редакции здесь появился вариант «Разветется в одно мгновенье», опубликованный и в Печ. (368, 10). В списке Гим начальное «Приимут вечно разрушенье» исправлено на «Разветется в одно мгновенье» (что вошло в Бес). Однако в подавляющем большинстве списков «Путешествия» как наборных, так и послепечатных копий

текст этого стиха слит с прозаическим контекстом. В издании 1858 г. стих просто преобразован в прозу: «Тогда развеется она в одно мгновение». В результате Павел Радищев, не обнаружив стиха ни в Б, ни в лондонском издании, сочинил его сам и вписал карандашом «Приидет во изнеможенье» в список Б, откуда этот вариант попал в Пра, затем в текст «Сириуса». Я. Л. Барсков ввел стих «Развеется в одно мгновенье», однако Г. А. Гукковский в академическом издании предпочел дать в квадратных скобках «Приидет во изнеможенье», откуда этот стих (как теперь установлено, сочиненный П. А. Радищевым) перешел в большинство советских научно-популярных и массовых изданий. В издании 1953 г. Г. П. Макогоненко восстановил «Развеется в одно мгновенье», и в некоторых изданиях недавнего времени печаталось так.

Все стилистические варианты Печ. включены в основной текст, за исключением двух, появившихся в результате согласования стихов с прозаическим пересказом.

В списках Г, а также Мги, Гим, Бес, Пог, Бод, Май стихи «Вольности» 10, 5—9 имеют такой вид:

Власть царска веру охраняет,
Власть царску вера утверждает;
Союзно общество гнетут:
Одна сковать рассудок тщится,
Другая волю стерть стремится. . .

Начиная с первой наборной редакции этим стихам соответствует сочетание прозаического пересказа со стихами. Текст Печ. (361, 1—6):

«В мире и тишине суеверие священное и политическое, подкрепляя друг друга,

Союзно общество гнетут.
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится. . .».

Совершенно очевидно, что появление форм «Одно. . . Другое. . .» вызвано необходимостью согласования стихов со словами среднего рода «суеверие священное и политическое», тогда как в самой оде «Одна. . . Другая. . .» соотносятся с существительными «Власть» и «вера». Ясно, что в данном случае мы имеем дело не со стилистическими вариантами, а с редактурой, подгонкой одного текста к другому, т. е. перед нами действительно «другая редакция». Поэтому в тексте «Вольности» здесь должно быть «Одна. . . Другая. . .», как в Г. Но поскольку подготовку к новому способу введения оды в текст «Твери» Радищев начал уже в протографе БВ, в списках сводной редакции появился вариант, совпадающий с Печ. В результате в подавляющем большинстве изданий (связанных либо с Печ., либо непосредственно с Б) печатается грамматически рассогласованный текст: «Власть. . . вера. . . Одно. . . Другое. . .». Впрочем, не лучше и «редактура» П. А. Радищева, который исправил формы списка Б (с которыми совпадает здесь лондонское издание) на «Один. . . Другая. . .».

Из трех допечатных списков оды в качестве основного источника текста наиболее целесообразно использовать список В, как отражающий более

позднюю, чем Г, стадию работы поэта и содержащий меньшее число индивидуальных ошибок переписчика по сравнению с Б. Помимо разночтений из Печ. в текст В должны быть внесены исправления по Печ. и другим спискам. В немногих случаях ошибки объясняются невнимательностью переписчика В (например, 13, 8 — «протекая» вместо «прорекая» или 42, 2 — «Неизменный» вместо «Неизменяемый»); большинство их содержалось в протографе БВ и было точно воспроизведено по оригиналу переписчиками обоих списков — Б и В (например, 9, 7 — «оковал» вместо «основал»; 17, 6 — «оранию» вместо «оратаю»; 28, 10 — «утвердит» вместо «утвердить»; 39, 5 — «Заря» вместо «Разя» и т. д.).

По Печ. в список В внесены следующие поправки:

Строфа, стих	Список В	Исправлено
1, 9	во славе	во власти
2, 1	и тьмы	и ты
4, 5	мрамора	мрамора
7, 2	имела	имея
7, 3	всечасно	всечасно
11, 3	умы	ума
12, 3	огромном. . . севший	громном. . . севши
12, 6	рекл	рек
12, 10	Живет	Живешь
15, 8	власти данной	власти, мною данной
19, 5	моим	мои
20, 9	чуждающуюся	чуждающуюся
21, 10	Герой зевал	Ирой! — зевав
23, 3	в свете оном	в свет столь
52, 5	Встрещат	Встрещат

По другим спискам в текст В вводятся следующие исправления (в скобках указан основной источник правки):

Строфа, стих	Список В	Исправлено
9, 7	оковал	основал (Г)
10, 4	В царстве	В царе (Гим)
10, 8	Одно	Одна (Г)
10, 9	Другое	Другая (Г)
11, 6	несподручны	неспоручны (А)
11, 9	обветшалый	обветшавый (А)
13, 8	протекая	прорекая (Б)
17, 6	оранию	оратаю (А)
22, 6	едино	едина (Б)
24, 1	Нисполал	Ниспал (Г)
24, 7	действи	действе (Гим)
24, 8	как	нас (Гим)

25, 3	возгремели	взгремели (Г)
26, 6	священства	священный (Гим)
26, 8	Смеялся	Смеяся (Г)
28, 10	утвердит	утвердить (Г)
29, 3	прометая	пролетая (Г)
30, 4	Воспрянув	Вспрянув (Г)
31, 2	востока	востока (Б)
32, 5	господска рука	господа рукой (Б)
33, 3	жизненностью	жизненностию (Гим)
33, 6	смягчают	стягчают (Б)
33, 8	Бесплодны	Безбедны (Г)
33, 10	кормит	корчит (Г)
36, 2	спев	сняв (Г)
36, 9	Опытностию	Опытностью (Г)
37, 6	крылах	крыльях (Б)
37, 9	(стиха нет)	И славой новой обле- чается (Гим)
39, 1	Крутятся	Крутяся (Г)
39, 5	Заря	Разя (Г)
39, 9	во взор	в взор (Мги)
40, 5	Ругаясь	Ругаяся (Б)
40, 6	И точно	И то, что (Гим)
42, 2	Неизменный	Неизменяемый (Б)
46, 3	Стремимся	Стремится (Г)
47, 6	обветшалый	обветшавый (Г)
48, 3	восток	восток (Гим)
50, 2	мненьи	мнений (Г)
50, 6	Когда	Тогда (Г)
50, 7	Содрогаясь	Сдрогаясь (Г)
52, 5	Встрещат	Встрещат (Г)
52, 6	себе	все (Гим)
52, 7	Вкатысь где	Вскатысь горе (Гим)
54, 9	Сгущенну	Сгущенную (Б)

Здесь следует кратко пояснить, что значит указанный в скобках «основной источник правки».

Как видно из предыдущего, между различными списками и иными источниками текста «Вольности» есть известная «иерархия», определяемая степенью их аутентичности. Наибольшей авторитетностью, естественно, отличаются подлинно «радищевские» фрагменты оды, вошедшие в Печ. и сохранившиеся в авторизованной рукописи А. Далее идут изготовленные с достоверно радищевских протографов списки Г, Б, В. Так как основным источником текста избран В, то основным источником правки по отношению к нему является Б, восходящий к общему протографу ВВ. В случае же ошибки и в Б таким источником становится Г. Если несомненная ошибка содержится во всех этих списках, то функция источника правки переходит к списку Гим, а в одном случае и к Мги.

Естественно, восходящие к Мги—Гим списки Бес, Пог, Бод, Май основным источником правки служить не могут, но варианты их учитываются. Что же касается списка Пра и его производных (в том числе «Сириуса»), то они и вовсе не принимаются в расчет при этой работе.

Приведу несколько примеров того, как на практике осуществлялся выбор основного источника правки. Наиболее просто обстоит дело тогда, когда соответствующий текст имеется в А (не считая, конечно, тех случаев, когда есть в Печ.). Так, в 17, 6 «оранию» (общая ошибка Б и В) исправляется всеми остальными списками, но по наибольшей авторитетности А указана именно эта рукопись.

В 26, 8 в В (как и в Б) ошибка — «Сменяся»; все остальные списки дают верный текст — «Смеяся»; в качестве источника правки указан Г. В 26, 6 в В и Б — «священства», а во всех других списках — «священный»; но, так как в Г в этом слове несомненная описка («сященный»), в качестве источника правки назван Гим.

В 48, 3 в Г, Б, В, Мги, начальном тексте Бод в стихе нарушен размер: «На запад, юг и восток державы»; в Май для восстановления ямба союз «и» выброшен: «. . . юг, восток державы» (так же исправлен Бод); верный текст находим в Гим и Бес — «. . . юг и восток», — соответственно Гим и указан как источник правки.

В результате всей проделанной работы по сравнению с предшествующими наиболее авторитетными изданиями Я. Л. Барскова и Г. А. Гуковского в текст «Вольности» удалось внести свыше 30 существенных исправлений (так как тексты оды, подготовленные Я. Л. Барсковым и Г. А. Гуковским, отличаются друг от друга, то, если брать их по отдельности, количество отличий в опубликованном мною тексте будет, естественно, значительно больше).

Вот перечень этих исправлений с указанием основного источника правки:

Строфа, стих	Барсков, Гуковский	Исправления в изд. 1975 г.
2, 2	моих	твоих (В)
4, 5	мрамора	мрамора (Печ.)
10, 8	Одно	Одна (Г)
10, 9	Другое	Другая (Г)
11, 6	несподручны	неспоручны (А)
11, 9	обветшалый	обветшавый (А)
13, 4	ад	яд (В)
13, 6	коленопреклоненно	колена преклоненна (В)
24, 1	Ниспослал призрак	Ниспал призрак, и (Г)
24, 7	действи	действе (Гим)
26, 5	трезубый	трегубый (В)
26, 6	священства	священный (Гим)
26, 7	молньи	молний (В)
26, 8	прещенья	прощенья (В)
33, 7	Всещедра бога, в	Всещедры боги к (В)

Строфа, стих	Барсков, Гуковский	Исправления в изд. 1975 г.
33, 10	кормит	корчит (Г)
34, 2	стерта зверства	стерша зверство (В)
37, 8—9	По всей вселенной про- несется; Миров до края возне- сется	Миров до края возне- сется И славой новой обле- чется (Гим)
38, 2	стрясут	трясут (В)
39, 1	Крутится	Крутяся (Г)
39, 5	Зовя	Разя (Г)
42, 9	вселясь	валясь (В)
43, 1	совершенство	совершенства (В)
47, 6	обветшалый	обветшавый (Г)
48, 3	юг, восток	юг и восток (Гим)
48, 8	Отечество мое драгое	Отечество мое, отечество драгое (В)
50, 2	мненья	мнений (Г)
50, 7	Сдрогились	Сдрогаясь (Г)
50, 10	вновь	нов (В)
51, 3	темной	томной (В)
51, 10	чтил	чит (В)
52, 7	Вкатыся где	Вскатысь горе (Гим)

Итогом явился текст «Вольности», освобожденный от множества скрытых «темных мест» и явной бессмыслицы, первый «членораздельный» текст оды (пожалуй, за исключением одного не вполне ясного места, о чем речь впереди)¹¹.

Как выяснилось в ходе текстологического анализа, причиной появления многих «темных мест» были неисправности списка Б, отчасти возникшие из-за погрешностей протографа БВ, отчасти — из-за ошибок самого переписчика Б. Дальнейшее ухудшение текста и увеличение числа лишенных смысла стихов связано с новациями Павла Радищева. Приходится, к сожалению, констатировать, что Я. Л. Барсков и Г. А. Гуковский (а за ними и многие другие редакторы) предпочли в ряде случаев ясному тексту Александра Радищева весьма сомнительные, а порой и просто бессмысленные новации Павла Радищева (что несколько непонятно, поскольку и Барсков, и Гуковский справедливо выдвигали предположения о редакции П. А. Радищева). Вот для ясности несколько примеров.

Строфа 34 в академическом издании читается следующим образом (равно как и в «Материалах», при некотором отличии орфографии и пунктуации):

Возри на беспредельно поле,
Где стерта зверства рать стоит:
Не скот тут согная поневоле,
Не жребий мужество дарит и т. д.

¹¹ См.: Радищев А. Н. Стихотворения. Л., 1975. С. 56—75.

Внешне все выглядит логично и грамматически правильно. Стоит, однако, вдуматься в содержание строфы, как мы сталкиваемся с необъяснимым противоречием: войско революционного народа, «свободы» именуется «стерта зверства рать» — рать «стертого», уничтоженного деспотизма. Это уже — абсурд, нонсенс. Александр Радищев подобной чепухи написать просто не мог. Проверка по спискам показывает, что он этого и не писал: во всех без исключения списках значится «стерша», то есть уничтожившая деспотизм рать, а не рать «стертого зверства». «Стерша» четко выписано и в списке Б, однако Павел Радищев, перерабатывая текст Б в Пра, то ли сознательно, то ли по ошибке превратил «стерша» в «стерта», сделав тем самым по существу всю строфу бессмысленной. Самое любопытное тут, пожалуй, то, что и Барсков, и Гуковский прекрасно знали, что в списке Б стоит «стерша»: Барсков дал это слово в «Вариантах», а Гуковский — в списке исправлений. Но в основной текст оба ученых включили «вариант» Павла Радищева, и это уже совершенно непонятно.

Несколько иной случай — 50, 10, где во всех списках читаем:

Затускло солнце нов даст свет.

Однако в обоих изданиях напечатано:

Затускло солнце вновь даст свет.

Опять-таки у Барскова «новъ» дано в «Вариантах» (с указанием, что в Б слово исправлено карандашом на «вновь»), а у Гуковского находим в списке исправлений: вместо «новъ» (?) — «вновь». И в этом случае оба ученых ввели в свои тексты правку П. Радищева, хотя она придает стиху иной смысл, вернее, лишает его того смысла, который вложил в него Радищев (на оба эти случая впервые указала Л. И. Кулакова в статье о «Вольности»).

В еще большем числе случаев бессмыслица определяется состоянием списка Б (либо его протографа). Иногда дефекты весьма явны. Так, например, стихи 52, 5—8 в списке Б имеют следующий вид:

Встрещат заклепы тяжкой ночи;
Упруга власть, собрав себе мочи,
Вкаться где потщится пасть,
Да грузным махом вся раздавит.

Обрабатывая эти стихи, Павел Радищев совершенно верно уловил нарушения ямба в первых трех строках и исправил в 5-м стихе «Встрещат» на «Встрещат» (таков текст лондонского издания), в 6-м — «себе» на «все», в 7-м «Вкаться» на «Вкаться» и заодно заменил в 5-м стихе «тяжкой» на «темной», а в 8-м — «вся» на «все». Ошибки 5-го, 6-го и 7-го стихов обусловлены протографом БВ (в списке В все три погрешности воспроизведены точно, как в Б). Сразу надо сказать, что замена «тяжкой» на «темной» совершенно произвольна (даже в лондонском издании напечатано «тяжкой»), а так как этот стих приведен в Печ., то во всех изданиях пе-

чатается «Встрещат заклепы тяжкой ночи» (что идентично всем спискам, кроме Б и В). Вполне произвольна и замена «вся» на «все». Хотя в пяти списках группы Сос — Мги, Гим, Бес, Бод, Май — обнаруживаем «все», но три первых списка — Г, Б, В — дают «вся», и именно этот вариант, безусловно, отражает радищевское стилистическое словоупотребление (ср., например, в «Хотилове»: «Совокупны, возмогут вся. . .» или в оде 37, 7 — «Дух бодр и тверд возможет вся»). Поэтому Г. А. Гуковский справедливо отверг правку П. Радищева и напечатал «вся» (правда, Я. Л. Барсков и Г. П. Мажогоненко предпочли «все»).

Конъектура «все» вместо «себе» принята всеми редакторами, и пять списков группы Сос дали здесь тоже «все» (через Г, Б, В проходит общая ошибка). В этом и нескольких других случаях («оратаю», «в царе», «нас» и т. д.) поправки Павла Радищева совпадают с теми вариантами, которые содержатся в списках ГИМ, хотя в 1860-х гг. этими списками он не располагал. Думаю, что это — не случайные совпадения: вместе с братом Николаем Павел Радищев готовил «Собрание оставшихся сочинений» отца, и какие-то строки оды могли сохраниться в его памяти и 60 лет спустя.

Наиболее сложно, конечно, обстоит дело с 7-м стихом: даже с конъектурой П. Радищева — «Вкатясь где потщится пасть», принятой во всех изданиях до 1975 г., стих остается совершенно бессмысленным, ибо сочетание «Вкатясь где» никакому объяснению не поддается. Разобраться в этом вопросе помогают списки, хотя и не сразу, ибо текст в них различен, и, судя по всему, причиной вариативности была интенсивная радищевская работа.

По-видимому, наиболее ранний текст этой строки представлен Мги: «Въкогтяся где потщится пасть». Тот же текст первоначально был в Гим, но затем исправлен: «Вскогтясь горе, потщится пасть». Последний вариант находим в Бес. В Бод «Вскогтясь где» исправлено: «Вскогтясь где», а в Май вписано без правки «Вскогтясь где». В Г находим «Вкатясь горе», причем «Вкатясь» написано крупными буквами поверх первоначального слова, которое можно прочесть как «Вскогтясь». Наконец, в Б и В находится «Вкатясь где» — соединение второго слова из варианта Мги и первого — из Г. Таким образом, мы располагаем теперь двумя вполне понятными радищевскими словосочетаниями: «Вкатясь горе» (исправленный вариант Г) и «Вскогтясь горе» (исправленный вариант Гим, первоначальный Г, а также Бес). Согласно приоритетной иерархии списков, следовало бы отдать предпочтение Г, однако в данном случае решает дилемму старое словоупотребление. В XVIII—1-й половине XIX в. глаголы «вкатить» и «вскатить» различались по смыслу: карету можно было «вкатить» в сарай, но если следовало втащить ее наверх, «горе», то требовалось употребить при этом глагол «вскатить». Именно поэтому в основной текст введен вариант «Вскатясь горе» (с указанием основного источника правки — Гим — и с уточнением орфографии).

Столь же явную бессмыслицу обнаруживаем в 24, 1, где во всех наших изданиях печаталось:

Ниспослал призрак, мглу густую. . .

Этот стих представляет собой конъектуру Я. Л. Барскова (принятую последующими редакторами), ибо в Б — явная ошибка с разрушением ритма:

Ниспослал призрак, и мглу густую
Светильник истины поправ.

П. А. Радичев исправил стих несколько иначе: «Ниспослав призрак, мглу густую. . .». Однако ни та, ни другая конъектура не придают этим стихам смысла, ибо в обоих случаях, во-первых, неясно, какой «призрак» и зачем мог быть «ниспослан» «светильником истины», а во-вторых, не вполне понятно, почему слово «призрак» здесь имеет ударение на первом слоге, тогда как нормальным было ударение на втором (ср. у самого Радичева, 7, 8: «Призраки, тьму повсюду сеет» — или у Державина: «Черные мраки, Злые призраки. . .»). Не проясняет текста и В, ибо там на месте «Ниспослал» стоит «Нисполал». Зато во всех остальных списках стих предельно четок: «Ниспал призрак, и мглу густую. . .». Смысл совершенно ясен: «ниспал» тот самый «призрак», который вместе с тьмой повсюду сеяло «чудовище ужасно» — религия.

Наряду со столь явными ошибками в «Вольности» имелось изрядное количество скрытых «темных мест». В этих случаях текст на первый взгляд вроде ясен, но лишь до того момента, как нужно объяснить его смысл, прокомментировать. Вот несколько примеров ошибок «скрытых».

В строфе 26 речь идет о Лютере, который «с землю небо помирил», а стих 5 в соответствии с Б во всех наших изданиях выглядел так: «Венец трезубый затмевая. . .». В общем, понятно, что речь идет о католической церкви, но что значит «трезубый венец»? Тот же вариант дают Гим, Пог, Май. Но в Г, В, Мги, Бес, Бод прилагательное отличается всего лишь одной буквой: «Венец трегубый затмевая. . .». Все сразу же становится на свои места: если «венец трезубый» не означает ровным счетом ничего, то «венец трегубый» (т. е. тройной; ср.: «Воздам тебе сугубо и трегубо», «трегубое аллилуйя» и пр.) — это тиара римского папы, представлявшая собой именно «трегубую», тройную корону, тройной венец.

В этой же строфе 26 стих 8 явно испорчен в Б (и В): «Сменися мнимого прощенья». П. Радичев правильно догадался или вспомнил, что «Сменися» надо заменить «Смеяся», но заодно поправил и существительное. В результате во всех наших изданиях читаем: «Смеяся мнимого прещенья». Но о каком «мнимом прещеньи», т. е. запрете, над коим смеялся Лютер, говорится? Объяснить невозможно. Между тем все списки дают здесь «Смеяся мнимого прощенья», а это уже абсолютно ясно: имеются в виду выступления и памфлеты Лютера, направленные против индульгенций — «мнимого прощенья».

В 33-й строфе речь идет о счастливой жизни в «царстве свободы» супругов, которые

дойдут до кончины,
Не зная алчной десятины,
Птенцов что кормит в нагоде.

Такой вид имеет в полном соответствии с Б текст 33, 8—10 во всех наших изданиях. Но как может «алчная десятина» кормить «птенцов», то есть детей? Ситуация осложняется тем, что глагол «кормит» значится почти во всех списках. Однако Г дает другой, причем недвусмысленный текст:

Безбедны дойдут до кончины,
Не зная алчной десятины,
Птенцов что корчит в нагоде.

Разумеется, «алчная десятина» может лишь «корчить» детей «в нагоде», но отнюдь не «кормить» их.

Еще пример скрытой ошибки. Начальные строки 13-й строфы во всех изданиях печатались так:

И мы внимаем хладнокровно,
Как крови нашей алчный гад,
Ругаяся всегда бесспорно,
В веселы дни нам сеет ад.

Текст Пра тут идентичен Б, и никаких сомнений ни у кого эти строки никогда не вызывали. И вдруг в процессе подготовки издания 1975 г. выяснилось, что 13, 4 в списке В дает вариант: «В веселы дни нам сеет яд». При этом похоже, что буква «я» сделана из «а»¹² и имеет очень редкое для списка В начертание (см. воспроизведение на с. 60 этого издания: обычно переписчик пишет «я» сходно с печатной литерой, как здесь в словах «Ругаяся», «края» и мн. др.; значительно реже, — как в слове «протекалая» — 13, 8 — вместо верного «прорекалая»; крайне редко — как в слове «яд»).

Поскольку основным источником текста для издания был в конечном счете избран список В, в основной текст следовало включать «яд». Но, может быть, это одна из многочисленных погрешностей данного списка? Проверка по другим спискам привела к довольно неожиданным результатам. Оказалось, что «ад» имеется в Г, Б, исправленном тексте Гим, а также Пог; напротив, в В, Мги, начальном слове Гим, Бес, Бод, Май значится «яд». Итак, количественно перевешивал вариант «яд», но из трех «приоритетных» списков в двух — Г и Б — был «ад». Сомнения разрешил прозаический пересказ, следующий в Печ. после первого стиха строфы:

«И мы внимаем хладнокровно. . .

Как алчный змий, ругаяся всем, отравляет дни веселия и утех» (Печ., 362, 6—8). Что «гад» означает «змий», было понятно и в контексте оды. Но ежели он «отравляет дни веселия и утех», то в «Вольности» должно быть «В веселы дни нам сеет яд».

Наконец, надо сказать и о том, что в стихе 24, 8 правильность выбора вызывает известные сомнения. Дело в том, что мы располагаем теперь

¹² Очевидно, поэтому написание «яд» не обнаружила Л. И. Кулакова, а за нею и другие исследователи. Да и я разглядел его поздно, в результате чего в спешке в «Вариантах» в издании 1975 г. привел неверные данные об имеющихся здесь в списках разночтениях.

двумя радищевскими вариантами — и оба в равной мере непонятны (это и есть то самое оставшееся в оде «темное место», о котором упоминалось ранее).

В списках Г, Б и В 24, 8—10 читается:

Не спасшему от бед как мнимых,
Отцу предвечному всех зримых
Победную мы песнь поем.

В соответствии со списком Б так напечатано Г. А. Гуковским. Но П. Радищев в 8-м стихе исправил «как» на «нас», и этот вариант принял Я. Л. Барсков: «Не спасшему от бед нас мнимых». С любопытным курьезом мы сталкиваемся в издании 1953 г. В примечании Г. П. Макогоненко, отметив, что «редакция академического издания» (т. е. Г. А. Гуковский) вынуждена была исправлять дефекты лонгиновского списка, продолжает так: «Но и эту работу она не довела до конца. Поэтому в тексте академического издания остались грубейшие ошибки, бессмысленные места. Так, в строфе 24 строка 8 печатается в таком виде: «Не спасшему от бед к а к мнимых», хотя по другим спискам видно, что слово «к а к» — это описка писца и его надо заменить словом «н а с». Но стоит нам обратиться от примечания Г. П. Макогоненко к подготовленному им тексту, как мы обнаружим там: «Не спасшему от бед к а к мнимых»¹³.

Что дело вовсе не так просто, как это рисовалось исследователю, и что «как» отнюдь не «описка писца» лонгиновского списка, свидетельствуют Г и В. В списках же группы Сос этот стих изобилует ошибками. В Мги, Гим, Пог читаем: «Не спавшему от бед нас мнимый» (разрушена рифма). То же чтение первоначально было в Бес и Бод, но в Бес «мнимый» исправлено на «мнимых», а в Бод выправлены обе ошибки: «Не спасшему от бед нас мнимых». Наконец, А. А. Майков в своем списке переписал так: «Но спасшему от бед нас мнимых».

Таким образом, видно, что за вычетом ошибок два варианта отличаются одним словом. Какой из них «правильнее», сказать трудно, ибо в обоих случаях смысл стиха и всей фразы достаточно невятен. Поскольку конструкция с «как» (вариант Г, Б, В) содержит весьма архаичную инверсию, от коих Радищев в принципе старался избавляться, в стих вносится исправление по Гим: «нас». Но правомерность выбора варианта Гим в данном случае, повторю, вызывала и вызывает сомнения.

Однако данный случай — едва ли не единственное «темное место», оставшееся в оде. В целом исследование новонайденных списков (начиная с В) позволило значительно уточнить текст «Вольности», а вместе с изучением списков «Путешествия» решить ряд других спорных вопросов, имеющих отношение к истории создания и составу оды.

¹³ Радищев А. Н. Стихотворения. Л., 1953. С. 257 и 99. Кстати, на какие «другие списки» ссылается Г. П. Макогоненко, совсем непонятно, ибо в 1953 г. ни одного списка, кроме Б, он не знал.

2. ВОПРОС ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ДАТИРОВКЕ «ВОЛЬНОСТИ» И «ТВОРЕНИЯ МИРА»

Вопрос о датировке «Вольности» неразрывно связан с проблемой творческой истории оды. Дореволюционные исследователи русской литературы не сомневались в том, что ода была написана Радищевым под влиянием Французской революции и представляет собой «обвинительный акт против царской власти и косвенное оправдание казни Людовика XVI»¹⁴. Соответственно строфы 45—46, обращенные к «словутой стране», где победила революция, истолковывались как приветствие Великой французской революции 1789 г.

Только В. П. Семенников в 1923 г. обратил внимание на то, что «Путешествие» было отдано в цензуру за полгода до начала революции, и установил, что в 45-й—46-й строфах Радищев перефразировал абзац из книги французского историка и философа-просветителя Г. Рейналя «Американская революция», вышедшей в свет в 1781 г. Из этого факта Семенников сделал вывод, «что „Вольность“ написана или в самый период борьбы за независимость Америки (но не ранее 1781 г., когда Радищеву могла стать известной книга Рейналя), или же в ближайшее к периоду ее окончания (в 1783 г.) время». В пользу второй даты, по мнению Семенникова, свидетельствует и «несомненное литературное соответствие с „Одой на рабство“ Капниста, написанной в 1783 г.». Семенников же обратил внимание на то, что в Печ. нумерация строф расходится с полным текстом оды, и объяснил это стремлением автора удалить темные места¹⁵.

В 1953 г. Г. П. Макогоненко предпринял попытку конкретизировать вопрос об истории создания оды (более подробно его точка зрения изложена в работе 1956 г.). По мнению Г. П. Макогоненко, творческая история «Вольности» распадается на четыре этапа: 1) написание оды в 1781—1783 гг.; «о том, как протекала работа в этот период, нам ничего не известно: рукопись не сохранилась»; 2) подготовка оды для цензурного списка «Путешествия» (текст списка Б); 3) работа над одой после получения цензурного разрешения на печатание «Путешествия» (издание «Сириуса»); 4) тщательная правка в корректуре (результаты этой работы зафиксированы в Печ.). «Главная особенность последней редакции — исключение по идейным мотивам четырех строф и определение окончательного числа строф в оде — 50». Изъяты были, по мнению исследователя, строфы 9, 24, 26 и 27¹⁶.

Иную датировку «Вольности» попытались обосновать в 1964—1966 гг. Г. П. Шторм и в 1966 г. Д. С. Бабкин.

По утверждению Г. П. Шторма, Радищев сдал в цензуру рукопись «Путешествия» с полным текстом 50 строф, причем в ней не было строф 45, 46, 47 и 51, которые «не были еще ни созданы, ни задуманы автором». При этом, правда, Шторм не объяснил читателю, каким образом в печатном

¹⁴ Русская поэзия. СПб., 1895. Т. 1, вып. 5. С. 336 2-й пагинации.

¹⁵ Семенников В. П. Радищев: Очерки и исследования. М.; Пг., 1923. С. 7, 425—427.

¹⁶ См.: Макогоненко Г. П. Радищев и его время. С. 410, 405—408.

тексте Радищев мог пересказать 8 строф (если 4 не были еще даже задуманы) и зачем ему понадобилось вообще дурочить читателя указанием на будто бы не существовавшие еще даже в его воображении строфы, выдавая их за написанные. Таким образом, по Шторму, начав работу над «Вольностью» в 1783 г., Радищев дописал ее только в 1799 г.¹⁷

Согласно Д. С. Бабкину, Радищев работал над одой в середине 1780-х гг., но общий объем ее в момент сдачи рукописи «Путешествия» в цензуру не превышал 28 строф. На втором этапе, совпадающем с периодом издания книги, ода была доведена до 50 строф. Окончил «Вольность» Радищев уже после возвращения из ссылки, возможно, в Немцове, в начале 1798 г., причем на этом этапе он к бывшим ранее 50 дописал строфы 9, 24, 45, 46, 47. «Теперь ода содержала 54 строфы»¹⁸.

Однако, как свидетельствуют данные текстологического анализа списков «Путешествия» и все без исключения рукописи «Вольности», начиная от восходящего к самому раннему оригиналу 1788 г. (в копии Г) и кончая посмертными (списки ГИМ 1806 г. и другие), «Вольность» на всех известных нам этапах своего существования состояла из 54 строф, и разговоры о последующем «дописывании» научных оснований не имеют. А поэтому в силе остается обоснованная Семенниковым и принятая всеми последующими авторами работ о Радищеве датировка оды 1783 г.

При включении же «Вольности» в «Путешествие» писатель многократно менял ее объем и состав. Может быть, сначала он предполагал включить в книгу полный текст 42 строф (косвенным свидетельством существования такого замысла является дошедшее до нас указание на редакцию в составе 42 строф и данный Радищевым в рукописях перечень строф, выбранных именно из 42-строфной редакции).

В первой известной нам начальной редакции книги (список Г) глава «Тверь» открывалась текстом, в общих чертах близким к Печ., но после фразы: «Многие, признаюсь, из них справедливы» — следовало иное продолжение: Путешественник читал подряд, без прозаических вставок, текст 27 строф оды (что вместе с прочитанной ранее 1-й строфой составляло редакцию в 28 строф). Чтобы не переписывать самому 270 стихов из рукописи «Вольности», Радищев в тексте автографа только перечислил номера строф, которые должен был выписать из полного списка «Вольности» переписчик, и приложил полный список в 54 строфы, в котором (видимо, на полях) уже были пронумерованы 42, составившие сокращенную 42-строфную редакцию. Вот перечень строф, которые должен был выписать переписчик: «Строфы 3, 4, 6, 7, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 30, 31, 32, 35, 38, 39, 40, 41, 42», — и далее следовало продолжение прозаического текста главы «Тверь»: «Прочитав, я ему сказал. . .» (см. раннюю редакцию).

Указания, данные Радищевым переписчику в черновом автографе начальной редакции (копией которого является список Г), были реализованы А. Царевским, переписавшим набело рукопись «Путешествия» для пред-

¹⁷ См.: Шторм Г. П. Потаенный Радищев. . . М., 1968. С. 323.

¹⁸ См.: Бабкин Д. С. А. Н. Радищев. С. 100—103.

ставления в цензуру и под наблюдением автора выписавшим из полного текста именно те строфы, которые были указаны в перечне. Сама же полная рукопись оды осталась вложенной в автограф, и писец протографа ВВ, а затем и тот переписчик, который изготовлял список Г, не поняв смысла радищевского перечня, допустили одинаковые ошибки, переписав полный текст «Вольности» вместо указанных 28 строф, причем в обоих случаях ода оказалась не на своем месте, а непосредственно после 1-й строфы, так что анализ этой строфы в рукописях отделен от ее текста 530 стихами. Но благодаря именно этим ошибкам переписчиков мы и располагаем копиями оды, восходящими к подлинно радищевскому тексту, в который не вторгалась рука постороннего редактора.

После сдачи рукописи Ан в цензуру Радищев продолжал работу над «Путешествием» вообще и главой «Тверь» в частности. В конце концов он не дал сплошного стихотворного текста оды и уменьшил общий объем главы, исключив из нее «Творение мира» и ряд заключительных строф оды. Вместе с тем писатель ввел ряд идей, выпавших в сокращенной редакции оды, путем пересказа. В Печ. процитировано всего лишь 178 стихов полностью, но более или менее бегло охарактеризованы 50 строф.

Когда книга была готова, Радищев начал приводить цензурную рукопись в соответствие с печатным текстом: он заменил прежние порядковые номера (шедшие от 1 до 28) на новые, соответствующие печатной нумерации, зачеркнул строфу 11 старой нумерации (16 новой), из которой в Печ. вошел лишь один стих, а на поле против строфы 12 (17), также вычеркнутой, но введенной в Печ. полностью, написал: «NB. Вымарана ошибкою». Однако такого рода правку удалось довести лишь до 16-й (22-й) строфы, ибо дальнейший текст «Твери» в Печ. никак не соответствовал тому, что было в цензурной рукописи. Вместо 120 стихов оды, прозаической связи и «Творения мира» в Печ. было всего лишь 17 стихов и 38 строк прозаического изложения «Вольности». И, дабы замаскировать это резкое расхождение между рукописью, утвержденной цензурой, и печатным текстом, Радищев, как и в других подобных случаях, просто изъял из рукописи листы. Изъятие же этих листов привело к тому, что историки литературы лишились ключа к перечню, который стал известен сначала по списку Б, а затем В и Г, и вместе с тем не было никакой возможности выяснить, какие именно строфы составляли вторую половину цензурной редакции оды, что скрывалось за цифрами 25, 30—32, 35, 38—42. Попытки подставить под эти цифры строфы полной «Вольности», равно как и 50-строфной редакции, неизменно оканчивались неудачей, ибо во всех случаях не получалось связного законченного произведения, какое, несомненно, было создано автором в 28-строфной редакции. И уже совсем невозможно было предположить, что Радищев ввел в рукопись набор случайно надерганных строф, оборвав оду на 42-й строфе. Но теперь ключ найден, и загадка решена.

Начать надо с того, что списки Мги и Гим (и соответственно восходящие к ним Бес, Пог, Бод, Май) не имеют нумерации строф в отличие от Г, Б и В, где каждая строфа имеет порядковый номер от 1 до 54. Очевидно, этих номеров не было в том протографе, с которого сыновья Ради-

щева первоначально изготовляли списки «Вольности» для издания 1806 г. В какой-то момент они обнаружили другой список, где строфы были перенумерованы, и один из редакторов начал переносить номера строф из второго списка в список Гим. На левом поле карандашом он перенумеровал строфы от 1-й до 10-й, но затем, сверив свою нумерацию с тем оригиналом, с которого переносились номера, против 9-й строфы, под цифрой «9» написал: «Нету»; поставленную же ранее против 10-й строфы цифру «10» он зачеркнул и написал «9». Далее соответственно строфы с 11-й по 23-ю имеют номера от «10» до «22». Строфа 24-я оставлена без номера, против 25-й написано «23», 26-я не нумерована, против 27-й — «24», 28-я не нумерована, против 29-й написано «25». Следующие далее восемь строф (30—37) не пронумерованы, а строфы с 38-й по 54-ю помечены цифрами от «26» до «42».

Что эти цифры могут значить? Тут возможны два объяснения. С одной стороны, список, с которого переносились номера, мог содержать в себе, как и все известные полные списки оды, 54 строфы, но с помощью цифр в нем была выделена редакция объемом в 42 строфы. В этом случае помету против 9-й строфы «Нету» следует понимать как «Нет номера».

С другой стороны, этот «нумерованный список» мог вообще состоять из 42 строф, и в таком случае «Нету» означает «Нет строфы». К этому следует добавить, что, как было показано выше, списки Мги и особенно Гим усиленно редактировались и часть правки была перенесена в них с какого-то раннего, скорее всего чернового, списка оды (теперь можно сказать, что с того же, с какого переносилась и нумерация). И в этой связи весьма примечательным представляется то обстоятельство, что в строфах, которые не имеют номеров, радищевских вариантов, перенесенных из другого списка, нет совершенно. Да и вообще редакторская правка этих строф минимальна (хотя ошибок в них, как и в списках Мги и Гим в целом, множество): в Мги 31, 2 «До востока» исправлено на «До востока», а в Гим, наоборот, «До востока» исправлено «До востока»; в Мги 34, 1 — «Вашнигтон» (написание, идентичное Б и В) исправлено на «Вашингтон».

Таким образом, более вероятно, что список, в котором было перенумеровано 42 строфы, и состоял из 42 строф. Но была ли это какая-то неизвестная нам первоначальная редакция, состоявшая из 42 строф, или сокращенный список, в который включено 42 строфы из 54-строфной редакции, — пока неизвестно.

Во всяком случае, перенесенная на поле Гим нумерация представляет чрезвычайный интерес. При сопоставлении этой особой нумерации с перечнем, сохранившимся в списках Г, Б и В, и с уцелевшими листами цензурной рукописи А с полной очевидностью выясняется абсолютное совпадение между ними, а это значит, во-первых, что Радищев при составлении перечня указывал номера по редакции в 42 строфы (которая была выделена, однако, уже не в специальном списке, а в полной редакции оды в 54 строфы: это следует из того, что в списке Г ода переписана в составе 54 строф); во-вторых, теперь можно точно указать состав обеих сокращенных редакций — и в 42, и в 28 строф, то есть можно с полной определенностью сказать, в каком виде «Вольность» была сдана в цензуру; в-третьих,

ныне можно с абсолютной уверенностью назвать те строфы, которые не вошли в прозаический пересказ 50 строф в тексте Печ. Для наглядности и ясности сопоставления данные, извлеченные из разных рукописей и Печ., сведены в таблицу:

Состав и нумерация строф в полной, сокращенной и цензурной редакциях оды и печатном тексте главы «Тверь»

Поли. (54)	Сокр. (42)	Ценз. (23)	Печ. (50)	Строф в Печ.	Поли. (54)	Сокр. (42)	Ценз. (23)	Печ. (50)	Строф в Печ.
1	1	1	1	10	28	—	—	—	—
2	2	—	2	1	29	25	(19)	25	0
3	3	2	3	10	30	—	—	26	0
4	4	3	4	10	31	—	—	27	0
5	5	—	5	3 ^{1/2}	32	—	—	28	0
6	6	4	6	10	33	—	—	29	0
7	7	5	7	10	34	—	—	30	0
8	8	—	8	3	35	—	—	31	0
9	—	—	—	—	36	—	—	32	0
10	9	—	9	6	37	—	—	33	0
11	10	6	10	4	38	26	—	34	3
12	11	7	11	10	39	27	—	35	0
13	12	—	12	1	40	28	—	36	0
14	13	8	13	10	41	29	—	37	2
15	14	9	14	10	42	30	(20)	38	0
16	15	10	15	10	43	31	(21)	39	0
17	16	11	16	1	44	32	(22)	40	0
18	17	12	17	10	45	33	—	41	0
19	18	13	18	10	46	34	—	42	0
20	19	14	19	10	47	35	(23)	43	0
21	20	15	20	10	48	36	—	44	0
22	21	—	21	2	49	37	—	45	0
23	22	16	22	10	50	38	(24)	46	0
24	—	—	—	—	51	39	(25)	47	0
25	23	17	23	7	52	40	(26)	48	1
26	—	—	—	—	53	41	(27)	49	2
27	24	(18)	24	0	54	42	(28)	50	2

Теперь, наконец, мы получаем возможность выяснить, что представляли собой обе сокращенные редакции «Вольности».

Двенадцать строф, которыми отличается полная ода от 42-строфной редакции, отчетливо распадаются на две группы, объединенные общностью тематики. Строфы 30—37 рисуют конкретные картины «царства свободы», это — своего рода социальная утопия. В трех строфах, расположенных в разных местах первой половины оды, речь идет о «пагубе» рассудка — религии, причем как раз в них содержатся наиболее резкие по отношению к церкви формулировки: в 9-й — «Сей был, и есть, и будет вечный Источник лют рабства оков. . .» (в списках ГИМ — «Источник рабства, бед оков. . .»); в 24-й — «Личину, что зовут святою, Рассудок с пагубы сорвал. . .»; в 26-й — «Владычество расторг на части, Что лжей воздвигнуто святой. . .». Строфа 28 имеет отношение к обеим группам. Композиционно

она составляет вторую часть развернутого сравнения, коим предваряется описание «царства свободы». Это сравнение охватывает две строфы: начинается в 27-й («Как сый всегда в начале века. . .») и завершается в 28-й, что отчетливо видно на «стыке» строф: конец 27-й — «И солнцу жизнь давать велел» прямо продолжается начальными стихами 28-й — «И дал превыспренно стремленье Скривленному рассудку лжей. . .». Два последних стиха, опять относящихся к церкви и религии, тематически роднят 28-ю строфу с 9-й, 24-й, 26-й.

Чтобы понять, почему наиболее резкие антицерковные и антирелигиозные строфы, имеющие место во всех списках оды, отсутствуют во всех редакциях «Путешествия», нужно вспомнить о некоторых фактах идейно-политической борьбы второй половины 80-х гг. Я имею в виду резкую активизацию церкви в духовной жизни русского общества — активизацию, прямо инспирированную правительством, прежде всего указом 27 июля 1787 г., коим запрещалось без цензуры Синода печатать и продавать книги, «к священному писанию, вере либо толкованию закона и святости относящиеся».

Поначалу указ этот имел грандиозные, может быть, даже неожиданные для правительства результаты: по всей России — от Архангельска до Орла, от Иркутска до Петербурга были опечатаны сотни тысяч книг¹⁹. Если учесть, что именно в это время Радищев создавал начальную редакцию «Путешествия», то становится легко объяснимым изъятие четырех строф, относящихся как раз к «толкованию закона и святости». Работая над «Путешествием», над «крамольной» книгой, писатель не хотел, чтобы, помимо полицейской цензуры, книга проходила еще и через специальную церковную. Потеряв несколько в богатстве содержания, ода в результате изъятия двенадцати строф не утратила логической и художественной цельности.

Напротив, дальнейшее сокращение оды до 28 строф привело к появлению многих логических перескоков, явных лакун в развитии художественной мысли, местами — к чисто формальной связи между строфами. Уже в самом начале в результате изъятия 2-й строфы (здесь и далее для ясности строфы обозначены их постоянными номерами по редакции в 54 строфы) исчезла важная для автора мысль — «Человек во всем от рождения свободен», хотя этот пробел читателю может быть и незаметен. Зато пропуск 5-й строфы, где возникает «божество» («велико» или «глухое») в «храме Закона», создает недвусмысленную неувязку в тексте, ибо получается, что в следующей строфе «Возводит строгие зеницы. . . Равно делит и мзду и казни» — «Прозрачный всюду храм». Изъятие 8-й и 10-й строф (в дополнение к уже пропущенной 9-й) затемняет строфу 7-ю, ибо непонятно, о каком «ужасном чудовище» речь.

Сокращение 13-й строфы (где говорится о появлении «мстителя» и расширении антисамодержавной «молвы» «от край до края») делает не-

¹⁹ См.: Западов В. А. Краткий очерк истории русской цензуры 60—90-х годов XVIII века // Русская литература и общественно-политическая борьба XVII—XIX веков. Л., 1971. С. 94—135.

подготовленным переход к 14-й: «Возникнет рать повсюду бранна. . .». Пропуск 22-й строфы — смертного приговора царю — не только резко обедняет оду в целом, но и лишает связи строфы 21 и 23 (своего рода тематический «слово»: «Ирой!» — зевая могли сказать) — «Великий муж, коварства полный. . .»). С изъятием строф 38—41 утрачены основания общего закона, сформулированного в 42—44-й строфах. Пропуск 45—46-й строф приводит к тому, что между 44-й и 47-й строфами связь имеет чисто формальный характер, словесное совпадение: «. . . В веселии начнет рожденье На то, чтоб только умирать» — «Но нет! где рок судил родиться, Да будет там и дням предел. . .» Наконец, с изъятием 48-й и 49-й строф последние пять строф оды вообще утрачивают связь с предыдущим текстом.

Конечно, сам Радищев не мог не видеть недостатков и пробелов, образовавшихся в 28-строфной редакции. Очевидно, это заставило писателя уже в начальной редакции «Путешествия» охарактеризовать «Вольность», данную в виде сплошного стихотворного текста (причем, как видно из Ан, строфы были перенумерованы подряд — от «1» до «28»), как «остаток один из них» (ГАНБВ). Вместе с тем 280 строк оды явно разрывали текст книги и тормозили повествование. Поэтому Радищев перерабатывал «Вольность» в «Путешествии» сразу по двум направлениям. С одной стороны, он восстановил отдельные строки ряда строф, дополнив их прозаическим пересказом (строфы 2, 5, 8, 10, 13, 22, 30—41, 45, 46, 48, 49). С другой стороны, он резко сократил число строк во многих строфах, а в некоторых случаях совсем заменил стихи кратким пересказом (строфы 11, 17, 25, 27, 29, 38, 42—44, 47, 50—54). Не восстановил он лишь три «антицерковные» строфы — 9, 24 и 26. Не совсем ясно, что произошло с 28-й: пересказ содержания 27-й (в «Путешествии» — 24-й) — 37-й строф Радищев начал словами: «В следующих одиннадцати строфах. . .», т. е. включил в пересказ 28-ю; но строфу 38 он пометил цифрой «34», а не «35» (так, вопреки его подсчету, получается, что пересказано 10, а не 11 строф), соответственно и кончается ода цифрой «50», а не «51», как следовало бы ожидать. Именно поэтому в приведенной выше таблице строфа 28 указана как опущенная в «Путешествии» (хотя, по-видимому, Радищев имел в виду и ее, когда насчитал «одиннадцать строф»).

В результате, формально «увеличив» число строф с 28 до 50 (или 51), на деле Радищев уменьшил объем оды в «Путешествии» еще более чем на 100 строк, поместив в книге всего лишь 178 с половиной стихов.

Неуклонное сокращение удельного веса текста «Вольности» в структуре книги менее всего объясняется автоцензурными причинами: самые «криминальные» строфы оды, развивавшие идею народной революции, Радищев сохранял во всех редакциях. Прежде всего писатель руководствовался композиционными соображениями: ведь после цензуры он включил в основной текст «Путешествия» ряд «чужих» произведений: «Повествование о происхождении цензуры», «Слово о Ломоносове», письмо о браке барона Дурындина и т. д. Кроме того, Радищев полного текста многих строф дать не мог и не хотел по разным причинам. Иногда текст оды слишком явно дублировал то, что уже было сказано в предыдущих главах.

Так, в речах «поризцателя цензуры» в «Торжке» детально развиты мотивы 9-й строфы, в размышлении Путешественника в «Подберезье» введено содержание 24-й и 26-й, в «Краткое повествование о происхождении цензуры» — снова 26-й и 28-й; в последнем абзаце «Слова о Ломоносове» развивается сравнение, построенное на мотивах 27-й строфы, и т. п. В некоторых случаях взгляды самого Радищева со времени создания «Вольности» изменились настолько, что он уже не мог повторить того, о чем писал раньше. Характерный пример такого рода — строфы 45 и особенно 46, в которых выразилось восторженное отношение Радищева к Америке в начале 1780-х гг., впоследствии сменившееся резко отрицательным (см. «Хотилово» и «Вышний Волочок»). Наконец, в некоторых случаях, по-видимому, Радищеву казалось, что мысль выражена не вполне удачно или слишком длинно. Так, двадцать стихов 42-й и 43-й строф писатель заменил одной фразой, сформулированной предельно кратко и афористически четко: «Таков есть закон природы: из мучительства рождается вольность, из вольности рабство» (368, 9—11). В конечном счете писатель привел в тексте «Твери» полностью 13 строф, 15 пересказал с включением отдельных строк или отрывков, 22 изложил в самом общем виде. Утверждение, что Радищев отказался от четырех строф (9, 24, 26 и 28) по идейным мотивам, не правомерно, так как содержание этих строф полностью перешло в другие главы «Путешествия» (а 26-я использована даже в двух). И вообще надо подчеркнуть, что о редакциях в 28 и 50 строф можно говорить лишь условно, поскольку они связаны только с «Путешествием», а не с «Вольностью» как самостоятельным произведением. По-видимому, то же самое следует сказать и о редакции в 42 строфы. Ода «Вольность» как художественное целое состоит из 54 строф, что подтверждается всеми известными ныне списками.

Теснейшей общностью литературной и историко-литературной судьбы с «Вольностью» связано «Творение мира». Подобно оде, «песнословие» было обнаружено в лонгиновском списке П. А. Радищевым, но увидело свет «Творение мира» значительно позднее. Только в 1922 г. его вторично открыл в том же лонгиновском списке В. П. Семенников и опубликовал (с ошибками) вместе с одой²⁰. В 1935 г. «Творение мира» напечатано повторно с поправками Я. Л. Барскова²¹, затем в академическом издании с новыми поправками к тексту списка Б. Г. А. Гуковского. Наконец, в 1975 г. на основании уже трех списков — Г, Б и В — «Творение мира» было подготовлено для Большой серии «Библиотеки поэта».

В отличие от «Вольности» проблема текста «Творения мира» особых трудностей не представляет. Мы располагаем сейчас в составе списков Г, Б и В тремя текстами «песнословия»; отличаются они друг от друга только незначительными ошибками, причем списки взаимно корректируют друг друга. Так, например, в стихе 4 форма БВ «Первенственные» («Первенственны») уточняется по Г — «Первенственны»; в стихе 6 форма БВ «Времена» исправляется по Г — «Времени» (в этом и некоторых других

²⁰ См.: Былое. 1922. № 19. С. 25—27.

²¹ Материалы. . ., с. 232—236.

случаях подтверждается правильность конъектур к тексту Б, предложенных Гуковским, а также Барсковым). В стихе 22 вместо «божество» (БВ) дано «божества» (Г), но в стихе 23 «себе» (БВ), а не «себя» (Г). В стихе 29 точный текст дает Г — «во царстве покойном», тогда как в Б и В находим общую (идущую от протографа БВ) ошибку, разрушающую размер и рифмовку, — «в покойном царстве». В стихах 50 и 84 дважды повторенное в Г слово «жиздитель» исправлено по В — «зиждитель» (в Б в первом случае «жиздитель», во втором — «зиждитель»), и т. д. Есть, однако, и такие ошибки, которые проходят через все три списка, но и они исправляются довольно легко (например, в стихе 98 вместо «Клубы» в Г, Б и В значится «Клубы»).

Жанр «Творения мира» обозначен Радищевым в подзаголовке: «Песно-словие», что значит «оратория». В первых редакциях «Путешествия» (до сводной включительно) «Творение мира» было включено в главу «Тверь» после «Вольности».

Вопрос о датировке оратории не так давно явился предметом бурной полемики. До 1964 г. общепринятой была точка зрения Г. А. Гуковского, что «Творение мира» относится, «по-видимому, к 80-м годам, скорее к концу десятилетия»²². Однако Г. П. Штурм, обосновывая версию о «дописывании» Радищевым «Путешествия» в 1799—1800 гг., в качестве одного из двух главных аргументов выдвинул тезис о том, что «Творение мира» и его «прозаические окрестности» вообще не могли быть написаны ранее, чем в 1799 году». Доказательства Штурма основаны на истолковании фразы: «. . . сие должноствовало быть для великого поста» — и сводятся к трем основным пунктам: 1) до 22 декабря 1796 г. никаких запрещений на светские спектакли и маскарады во время великого поста не было, а в этот день Павел I «запретил» такого рода увеселения и «разрешил» в течение великого поста 1797 г. исполнять только оратории; 2) оратории вообще стали известны в России в 1790-х гг., но лишь после указа 1796 г. исполнение ораторий в великопостные дни стало распространенной модой; 3) сюжет радищевского «Творения мира» «чрезвычайно близок» к оратории И. Гайдна «Сотворение мира» (либретто Г. Ван-Свитена, который перевел и доработал текст оратории английского композитора Линлея, или Лидли, в свою очередь использовавшего текст 7-й песни «Потерянного рая» Д. Мильтона), а «в ряде случаев» Радищев «прямо заимствует» текст из либретто Ван-Свитена (впрочем, Штурм смог привести лишь один пример такого «заимствования»: у Ван-Свитена — «И вот исчезают пред лучом священным Черной тьмы призрачные тени»; у Радищева — «Вот (на самом деле — «Се». — В. З) исчезает пред взором всезрящим Века не суща еще темнота»); а поскольку либретто «Сотворения мира» было опубликовано в лейпцигской газете 30 января 1799 г., постольку Радищев не мог начать работу раньше февраля этого года²³.

подавляющее большинство специалистов-литературоведов признало доводы Г. П. Штурма о «зависимости» Радищева от Ван-Свитена несо-

²² Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 448.

²³ Штурм Г. Потаенный Радищев. . . М., 1965. С. 245—268.

стоятельными²⁴. Л. Б. Светлов без развернутой аргументации предложил датировать произведение началом 1770-х гг.²⁵ В поддержку версии Шторма выступил только М. Б. Козьмин, вслед за ним повторивший, что «по своим жанровым особенностям «Творение мира» может быть отнесено к исходу XVIII века»²⁶. Однако в последующие годы версия Г. П. Шторма была опровергнута и с фактической стороны.

Текстологическое исследование списков «Путешествия» доказало, что о написании оратории в последние годы столетия не могло быть и речи, поскольку мы находим ее уже в списке Г, сделанном с протографа 1788 г.²⁷

В дальнейшем разыскания Л. И. Кулаковой окончательно вскрыли ошибочность версии Г. П. Шторма по всем пунктам.

Во-первых, напомнила Л. И. Кулакова, светские увеселения на время великого поста запрещены церковью еще в средние века (в России этот запрет действовал до 1917 г.), поэтому на протяжении всего XVIII в. в России и Европе ни спектаклей, ни маскарадов в великопостные дни и не могло быть. Однако по крайней мере при Елизавете Петровне в Петербурге сначала при дворе, а затем и в частных домах устраиваются великопостные духовные концерты (в течение второй—шестой недель великого поста).

Во-вторых, широкое исполнение ораторий во время великого поста во дворце, Музыкальном клубе (членом которого был Радищев) и на открытых публичных концертах начинается с конца 1770-х гг.; рьяным организатором таких концертов был знакомый Радищеву композитор и музыкант Пезибль, живший в доме Рубановских—Радищева (а вообще с жанром оратории Радищев познакомился еще в 1767—1770 гг. в Лейпциге).

В-третьих, черты крайне отдаленного сходства «Творения мира» с либретто оратории Гайдна обусловлены темой, восходящей к Библии и «Потерянному раю» Мильтона²⁸.

Связь Радищева с Пезиблем — пропагандистом ораториального жанра в великопостные сезоны 1779—1780 гг., сходство ряда идей и образов «Творения мира» и «Слова о Ломоносове» (над которым писатель работал в 1780 г.), выход из печати «Потерянного рая» в переводе А. Серебrenникова (М., 1780, — в 1777 г. из печати вышли три первые песни поэмы в переводе В. Петрова), изучение Радищевым в 1780—1781 гг. английского языка и знакомство с поэмой Мильтона в оригинале²⁹ — эти и некоторые другие данные в совокупности свидетельствуют о том, что замысел «Творения мира» можно отнести к 1779—1780 гг.

²⁴ См., например: Русская литература. 1966. № 1. С. 247—248, 252—253, 256.

²⁵ Светлов Л. Б. По поводу работы Г. Шторма «Потаенный Радищев» // *Философские науки*. 1965. № 5. С. 145.

²⁶ Козьмин М. Книги нового жанра // *Вопросы литературы*. 1966. № 5. С. 154.

²⁷ См.: Русская литература. 1970. № 2. С. 164—165.

²⁸ См.: Кулакова Л. И. Композиция «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Л., 1972. С. 43. Конкретное сравнение отдельных мотивов «Творения мира» с разными книгами Библии и «Потерянным раем» см. в примечаниях к изданию стихотворений Радищева 1975 г., с. 228—229.

²⁹ См.: Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. М.; Л., 1959. С. 56.

К этому следует добавить, что в одном из объявлений 1780 г. Пезибль обещал «играть новый концерт своего сочинения с большими хорами и русскими ариями». Так как ранее, в ноябре 1779 г., объявлялось о предстоящем исполнении произведения Пезибля «с большими хорами его сочинения» — и это была именно оратория (исполненная 20 декабря 1779 г.)³⁰, — то закономерно предположить, что в данном случае слова «большие хоры» также говорят об оратории, но уже на русском языке. Кто мог быть автором текста оратории? Единственный писатель и поэт, о знакомстве которого с Пезиблем мы знаем достоверно, — это Радищев. Если же принять во внимание автобиографичность образа поэта в «Тверь», то вполне вероятно, что Радищев предназначал ораторию для великопостных концертов именно Пезибля, и тем «некоторым случаем», из-за которого она осталась незаконченной, было самоубийство Пезибля во время великого поста 1782 г.

Взятые вместе, все эти данные дают возможность предположительно датировать «Творение мира» 1779—1782 гг.

Таким образом, текстологический анализ списков «Путешествия» и «Вольности» вместе с новыми историко-литературными и историко-культурными фактами дал возможность подкрепить датировку оды и уточнить хронологические рамки времени создания оратории.

V. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ «ПУТЕШЕСТВИЯ» В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ ТЕКСТА

В отличие от достаточно ограниченного числа работ, связанных с вопросами текстологии, различным аспектам интерпретации радищевского наследия, и «Путешествия из Петербурга в Москву» в особенности, в советскую эпоху посвящены десятки трудов таких разных исследователей, как В. П. Семенников, Я. Л. Барсков, М. В. Жижка, Г. А. Гуковский, П. Н. Верков, Н. К. Пиксанов, Д. Д. Благой, Л. И. Кулакова, Г. П. Макогоненко, А. И. Старцев, Н. И. Громов, С. Ф. Елеонский, А. Г. Татаринцев, Ф. Я. Прийма, А. В. Западов, Ю. М. Лотман, Ю. Ф. Карякин, Е. Г. Плимак, Л. Б. Светлов, П. А. Орлов, Д. С. Бабкин, Н. Л. Степанов, В. И. Федоров, Ю. К. Бегунов и мн. др. Если к этому прибавить, что без обращения к Радищеву не обходится фактически ни один общий труд по истории литературы, по проблемам методологического и теоретико-литературного характера, то станет понятно: даже краткий обзор существующих (и в том числе взаимоисключающих) точек зрения на различные проблемы, связанные с «Путешествием», в пределах данной работы невозможен по условиям объема. Поэтому более целесообразно ряд проблем, связанных с движением замысла, историей текста «Путешествия», изложить здесь в «положительном» плане, не вступая в конкретную полемику.

³⁰ Подробнее об ораториальных циклах, организованных Пезиблем, см.: *Кулакова Л. И., Салита Е. Г., Западов В. А.* Радищев в Петербурге. Л., 1976. С. 124—126.

«Путешествие из Петербурга в Москву» — книга, прочно сложенная и редкостно цельная, плотно скрепленная авторской художественной мыслью во всех пунктах — от тщательно продуманных элементов титульного листа ¹ до последней строки. Эта целостность, это единство появились не сразу, а в процессе длительной интенсивной работы. Не говоря уже о стилистической правке, одни только дополнения к начальному тексту составили примерно 40 % окончательного объема произведения.

Введение крупных и мелких эпизодов, создание целых глав («Вышний Волочок», новый текст «Подберезья»), перекомпоновка «Спасской Полести» (вставки о наместнике, перенесение «сна» из «Подберезья») и «Твери» (новый способ подачи «Вольности», изъятие «Творения мира»), замена в «Черной грязи» эпизода с самоубийцей «Словом о Ломоносове» — все это уже на стадии перехода от сводной редакции к первой наборной окончательно сформировало композицию самого «Путешествия» и, разумеется, весьма обогатило идейно-содержательную сторону и эмоциональный строй книги.

Все сказанное относится и к посвящению «А. М. К.», но это дополнение (по-видимому, самое последнее по времени создания) играет в «Путешествии» особую роль. Оно в наибольшей степени способствует выявлению двуединой — художественной и публицистической — природы произведения Радищева. Только в нем писатель в первый и последний раз выступает как автор от своего собственного имени, и именно поэтому Радищев счел нужным подчеркнуть отделенность посвящения от основного текста, набрав его другим шрифтом — петитом (к сожалению, не только массовые, но даже академическое издание не выполняют волю автора и разрушают его художественный замысел, печатая посвящение «корпусом» — тем же шрифтом, что и основной текст). Этому же помогает и то обстоятельство, что посвящение «А. М. К.» не включено в общую пагинацию: счет страниц начинается с «Выезда». Хотя, вероятно, Радищев решил ввести посвящение тогда, когда несколько полулистов основного текста было уже отпечатано, но отсутствие пагинации также способствует «особости», отделенности «А. М. К.» от самого «путешествия».

Буквально с первых же строк посвящения «А. М. К.» писатель вступает в идеологический спор с одной из самых влиятельных в Европе (в России, впрочем, тоже) группировок — с масонами.

«Обратил взоры мои во внутренность мою — и узрел, что бедствия человека происходят от человека, а часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы». Уже с этих слов Радищев начинает антимасонскую полемику по самым основным проблемам. Как просветитель-материалист, Радищев полагает, что человек зависит от внешних условий и обстоятельств. Помочь людям познать истину, научить их «взирать прямо» на «окружающие предметы», то есть действительные причины зла, — долг писателя и цель книги Радищева. Эти мысли полемичны по отношению к воззрениям масонов (и в том числе А. М. Кутузова, к ко-

¹ О титульном листе я подробно писал во вступительной статье в кн.: *Радищев А.* Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1981. С. 5—7.

тому обращено посвящение, но о расхождении во взглядах сказано уже в первом абзаце), считавших, что причиной зла, царящего в мире, является эгоистическая природа человеческого характера, а не общественное устройство, не внешние обстоятельства.

А в последних строках посвящения Радищев выступает уже совершенно открыто: «Но если, говорил я сам себе, я найду кого-либо, кто намерение мое одобрит. . . кто состраждет со мною над бедствиями собратии своей, кто в шествии моем меня подкрепит, — не сугубой ли плод произойдет от подъятого мною труда?». Трудно (пожалуй, даже невозможно) было бы яснее заявить об агитационной, открыто пропагандистской, прямо публицистической задаче, которую преследует его книга: привлекать не только «сочувственников», но и единомышленников. В этих строках посвящения писатель раскрыл себя, свой публицистический замысел до предела, — но только здесь, ибо дальше, с главы «Выезд» начинается уже само путешествие в «Путешествии», повествование о котором ведет не автор, а герой-Путешественник.

Тема и цель книги определили жанр: «путешествие», путевые записки позволяли ввести такое количество материала — эпизодов, встреч, образов, рассуждений, — часть которого была бы лишней, попросту обременяла бы произведение с повествовательной фабулой. Отказавшись от фабулы, условно скрепляющей главы, Радищев крепко спаял книгу внутренней логикой, создал произведение поистине с «железной» композицией.

Построение книги, последовательность эпизодов и глав полностью определяются публицистической мыслью писателя, а не, допустим, логикой эволюции художественного характера или развитием какой-то конкретной событийной интриги. Именно развитие публицистической мысли влечет для писателя необходимость постановки данного эпизода в том, а не ином месте книги, и благодаря этому читатель должен повторять все изгибы и извивы авторской мысли, буквально не имея возможности ни на один момент отвлечься от нее. Из-за такой «жесткой» конструкции главные вопросы ставит и главные выводы делает с абсолютной неизбежностью сам читатель. Такая ситуация чрезвычайно важна, ибо именно она выводит произведение Радищева за пределы «чистой» (например, даже философско-политической) публицистики, где ставит вопросы и отвечает на них автор, и делает «Путешествие из Петербурга в Москву» явлением публицистики художественной.

В таком взаимодействии пары «писатель — читатель» заключается главный ответ на вопрос, почему «Путешествие» — выдающийся факт русской художественно-публицистической литературы и не принадлежит ни к «чистой» публицистике, ни к «чистой» беллетристике.

Этот основной, определяющий момент дополняется вторым существенным элементом: постоянными обращениями к читателю, причем двуединая — художественная и публицистическая — природа книги постоянно обуславливает двойную направленность их. В художественной структуре книги эти обращения Путешественник адресует своему другу; в публицистической же ее ткани это автор говорит непосредственно с читателем.

В свете этого понятной становится «условность» инициалов «А. М. К.», поскольку реальный А. М. Кутузов отнюдь не разделял воззрений А. Н. Радищева. А. М. К., «друг мой» в книге — такой же литературный персонаж, как и сам Путешественник, который, отражая общественно-политические воззрения автора, вовсе не является автобиографической копией.

Третий публицистический, но по отношению к главному тоже дополнительный, элемент — это регулярное включение в художественную ткань повествования якобы «чужих произведений», причем произведений, крайне прочно связанных именно с публицистической, риторической традицией: «наставление отца детям» («Крестьяцы»), два «проекта в будущем» — типичные царские манифесты по форме («Хотиллов» и «Выдропуск»), «Краткое повествование (не история! — В. З) о происхождении цензуры» («Торжок»), ода — наиболее яркий стихотворно-публицистический жанр («Тверь»), «Слово о Ломоносове» («Черная грязь»), не говоря уже о многочисленных «речах» (очень распространенный публицистический жанр) — рассказах встречных персонажей и самого Путешественника («Чудово», два в «Спасской Полести», «Новгород», «Подберезье», «Бронницы», «Зайцово», «Вышний Волочок», «Торжок», «Тверь», «Городня»). Наконец, вершина русской сатиры XVIII в. — блистательный «сон» (третья часть «Спасской Полести»), принадлежащий к жанру, весьма популярному в литературе столетия.

Но то обстоятельство, что рассказ ведет не автор-писатель, а Путешественник, человек со своей биографией (пусть, как нам теперь известно, во многом совпадающей, но во многом и расходящейся с реальной жизненной судьбой Радищева), — именно это обстоятельство столь же решительно выводит «Путешествие» из сферы документальной публицистики в царство литературы («поэзии», как любили говорить в XVIII столетии), в царство художественного вымысла, творческой фантазии.

Подобно двойному «адресату» в «Путешествии из Петербурга в Мосту» есть своеобразный двойной «автор»: пишет книгу и ведет мысль Александр Николаевич Радищев, а рассказывает и ведет за собой эмоции читателя безымянный Путешественник.

«Выезд». Раздумья человека, простившегося с близкими. Тяжелый сон. К счастью, рытвина, «случившаяся на дороге», пробудила героя.

Первая станция — София: «Привезший меня извозчик извлек меня из задумчивости. — «Барин-батюшка, на водку». — Сбор сей хотя не законной, но охотно всякой его платит, дабы не ехать по указу. — Двадцать копеек послужили мне в пользу».

Ямщик требует, а Путешественник дает двадцать копеек сверх уплаченных прогонов. Что такое двадцать медных (как подчеркнуто далее) копеек? Мелочь, пустяк, но с этого пустяка в самых обыкновенных человеческих отношениях и в низжайших сферах государственного организма начинается тема, определяющая структуру первых глав «Путешествия» от «Софии» до «Спасской Полести», — тема закона и беззакония.

В «Софии» закон нарушают все: ямщик, незаконно требующий на водку; почтовый комиссар, не желающий выполнять своих законом опре-

деленных обязанностей: принять плату за лошадей, вписать подорожную в книгу, отрядить очередных ямщиков; софийские ямщики, без приказа-ния непосредственного начальника запрягающие лошадей в надежде получить в дальнейшем соответствующую «мзду» от путешественника; наконец, сам Путешественник, незаконно (это прямо сказано в тексте!) дающий мелкую бытовую взятку и столь же незаконно (без приказа-ния почтового комиссара и уплаты прогонов) уезжающий из Софии.

Не менее незаконно готов действовать стряпчий из «Тосны», могущий, как совершенно ясно из текста, любому проходимцу сочинить родословную «от Владимира Мономаха» или «от самого Рюрика». Мелочь? Нет, куда более крупное беззаконие, чем у персонажей «Софии»: ведь в XVIII в. с родовым дворянством связано право владеть крепостными. Не столь уж безобиден этот стряпчий из «Тосны», каким он может показаться читателю XX столетия. И не случайно сразу после этого стряпчего (вкуче с темой дворян, покупающих себе родословные) писатель заводит речь о крепостном праве.

Беззакония творят или «беззаконно» действуют не только отдельные лица — целые общественные сословия живут «вне закона». Именно это творится с крепостными крестьянами. В главе «Любани» Радищев вводит понятие «закон» в его соотношении с основными (с точки зрения просветительской философии) правами человека.

Эти «права», присущие человеку «от природы» и потому неотъемлемые, по мнению Радищева: «личная сохранность» (в том числе, разумеется, самая жизнь человеческая), «личная вольность», «собственность» (см.: Соч., 3, 12—13). В «Любнях» выясняется, что русские законы даже способствуют отъятию у человека и целых сословий «вольности» и «собственности». Что же касается до «личной сохранности» (или, как в другом месте определял Радищев эту «естественную обязанность» человека, — «искати своего сохранения», — см.: Соч., 3, 10), то с ней связан эпизод с Петрушкой и вывод, очень важный для дальнейшего повествования: «Если я кого ударю, тот и меня ударить может».

Понятно, почему именно в конце «Любаней» Путешественник отказывается признать «законом» то, что творится в России: «А кто тебе дал власть над ним? — Закон. — Закон? И ты смеешь поносить сие священное имя?». Эта патетическая тирада вовсе не является доказательством каких бы то ни было «либеральных» заблуждений Путешественника, ибо он отказывается дать «священное имя» естественного закона, «закона природы», гражданским узаконениям, на которых зиждется крепостное право.

В «Чудове» ситуация усугубляется тем, что выясняется: существующие законы государства не обеспечивают «личной сохранности» — элементарного права людей на жизнь. «Но в должности ему не предписано вас спасать», — сказал «некто» (видимо, важная персона) в ответ на жалобы Ч. в адрес систербецкого начальника. И так понятно, что речь идет о законах, но в ранних редакциях книги это было абсолютно ясно: «Но в законе сего не написано».

«Спасская Полесь» — кульминация темы закона и беззакония,

здесь обе ипостаси этой проблемы доведены до предела. В первой части главы показано, что беззаконие охватывает все ступени государственного организма — от мелкого чиновника-«присяжного», рассказчика «сказки», и губернского казначея (должность достаточно большая) до вершителей судеб всех подданных империи — наместников.

Во второй части главы выясняется, что государственные законы не только не способствуют «личной вольности», «собственности», «сохранности», но более того: при помощи «законов» (реальных узаконений Российской империи) можно отнять и собственность, и вольность, и самую жизнь (у «несчастливого» — купца-дворянина отбирают имение, его жена и ребенок умирают, сам он бежит от ареста).

Таким образом, оказывается: с одной стороны, существующие законы нарушают все, в стране царит всеобщее беззаконие, с другой — сами законы Российской империи являются узаконенным беззаконием с точки зрения концепции «естественного права» и «общественного договора».

И сразу же в этой главе Радищев обращается к главному, можно сказать, ключевому пункту просветительской философии — проблеме «просвещенного монарха».

В «сне» сидящий на престоле монарх «милосерд, правдив, закон его для всех равен, он почитает себя первым его служителем. Он законодатель мудрый, судия правдивый, исполнитель ревностный, он паче всех царей велик, он вольность дарует всем». Это — перифраз «Наказа» Екатерины II и ее постоянных заявлений в манифестах и указах. В то же время вместе с предшествующими похвалами самодержцу и последующими его распоряжениями эта фраза рисует облик такого государя, какого просветительская философия XVIII в. именovala «просвещенным монархом» и воцарение которого представлялось им панацеей от социальных бед. Согласно теории «просвещенного абсолютизма», такая монархия равнозначна конституционной или по крайней мере монархии, ограниченной твердыми («непременными») — по терминологии Д. И. Фонвизина) законами, основанными на «естественном праве». Правящий при помощи подобных законов «просвещенный монарх» отличается от самодержца, деспота, тирана, который правит, руководствуясь собственной прихотью, желанием, без законов. Во Франции идею просвещенной монархии отстаивали и пропагандировали Монтескье, Вольтер, Дидро, в России — Ломоносов, Сумароков, Новиков, Фонвизин, Державин и др. О своей приверженности этой идее неоднократно заявляла Екатерина II.

Опираясь действительными фактами царствования Екатерины, Радищев создает образ государя, обладающего всеми основными чертами, которые должен иметь «просвещенный монарх». Тем и отличается «Путешествие» от многочисленных произведений, обличающих дурных государей, царей-тиранов, что в нем на престоле сидит такой монарх, о котором издавна мечтала вся просветительская литература. Тем сильнее звучит разоблачение вопиющих беззаконий во второй части «сна»: раз подобное может твориться при «просвещенном» государе, значит, не годится вся система единодержавного правления, сам принцип монархии. И, разумеется, нет никаких монархических иллюзий у видящего сон Путешествен

ника, ибо он и не сомневается в том, что кольца Истины не «пребывало хотя на мизинце царей!».

То, что «Путешествие» направлено против принципа монархии, а не против личности самодержца, прекрасно поняла самая пристрастная читательница книги (но для нас в этом вопросе и самый важный свидетель) — императрица Екатерина II. «При все том, — писала она в замечаниях, — намерений порочить не могли и принуждены обратиться на исполнение, следовательно, порочат общество, а не доброе сердце либо намерение государя»².

Но это-то и было для русской императрицы самым опасным, самым страшным. Женщина умная и тонкий политик, она демонстративно допускала в литературе критику деспотизма как не относящуюся к России и к ней лично. Весьма показательна в этом отношении история, разыгравшаяся в 1785 г. В Москве с огромным успехом была поставлена трагедия Н. П. Николаева «Сорена и Замир», наполненная крайне резкими антиираническими монологами и тирадами. Московский главнокомандующий граф Я. А. Брюс (в 1790 г. в качестве уже петербургского главнокомандующего он принимал участие в деле Радичева), пересмотрев рукопись, отчеркнул в ней много «криминальных» мест и отправил императрице, требуя запрета трагедии. Екатерина ответила ему: «Удивляюсь, граф Яков Александрович, что вы остановили представление трагедии, как видно, принятой с удовольствием всей публикой. Смысл таких стихов, которые вы заметили, никакого не имеет отношения к вашей государыне. Автор восстает против самовластия тиранов, а Екатерину вы называете матерью».

Но спустя восемь лет, в конце 1793 г., на Александровский площади в Петербурге была публично сожжена рукой палача трагедия Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский». Изображая борьбу непреклонных республиканцев с князем Руриком, драматург рисовал его не злодеем, а героем и хорошим монархом, и это оказалось столь же неприемлемым для Екатерины, как и радищевское «Путешествие». Однако Радичев избавил свое детище от публичной казни, не дав в руки правительству достаточного для позорного «спектакля» числа экземпляров книги.

Итак, первый цикл глав «Путешествия» подвел читателя к непреложному выводу: виновна самодержавно-крепостническая система в целом. Значит, ее нужно изменить. Но каким путем?

Сквозная тема поиска выхода, средств преобразования существующей действительности организует второй цикл глав — от «Подберезья» до «Городни». Радичев поочередно рассматривает то или иное явление, на которое возлагали надежды определенные круги или отдельные деятели России и Европы.

В «Подберезье», полемизируя с Ф. В. Кречетовым, масонами и деятелями типа О. П. Козодавлева, Радичев показывает необоснованность надежд на распространение просвещения как на средство улучшения

² Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радичева. М.; Л., 1952. С. 158.

жизни, резко критикуя и официальную систему образования, и пропагандировавшееся масонами духовно-религиозное просвещение.

В главе «Новгород» Радищев под этим же углом зрения рассматривает проблему торговли и «третьего сословия», с развитием которых связывали свои надежды как русские деятели (М. Д. Чулков, некоторые депутаты Комиссии 1767 г., отчасти Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин и др.), так и европейские мыслители особенно. Что касается российского «третьего сословия» — купечества, по мысли Радищева, — то на карпов-дементьичей, благоденствующих под крылышком самодержавия, всерьез никаких надежд возлагать нельзя. Торговля же вообще, когда-то при «народном правлении» бывшая «причиною возвышения» Новгорода, в настоящее время в самодержавной России — лишь благоприятная почва для личного обогащения всякого рода мошенников.

Полемизируя с теми, кто возлагал надежду на бога, на «второе пришествие» Христа, на установление «рая божьего» на земле, писатель в «Бронницах» заставляет Путешественника в воображении своем услышать голос бога: «Чего ищешь, чадо безрассудное? Премудрость моя все нужное насадила в разуме твоём и сердце». Бог в понимании Радищева-деиста — своего рода «пружина», давшая «первый мах» в творении мира (см. «Слово о Ломоносове»), но в дальнейшем надеяться на его вмешательство в земные дела нечего. «Все нужное» человеку в радости и в горе заключено в нем самом, в его разуме и сердце. Отсюда с полной непреложностью читатель подводится к выводу, что люди сами могут и должны быть творцами своего счастья, что, иначе говоря, надежды на изменение существующего порядка следует возлагать на самих людей.

Многие прогрессивные мыслители, обличая общественную несправедливость, возлагали надежды на личную добродетель судей, шире — на бескорыстно исполняющих свой долг чиновников (А. П. Сумароков, Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин, М. Н. Муравьев, Г. Р. Державин и др.). Уже после выхода «Путешествия» из печати сущность таких воззрений была лаконично сформулирована В. В. Капнистом в комедии «Ябеда»:

. . . законы святы,
Но исполнители — лихие супостаты.

Рассказывая в «Зайцове» историю Крестьянкина, Радищев вступает в полемику с лучшими людьми своего времени. Крестьянкин честен, бескорыстен, справедлив; он безупречно выполняет свой долг, руководствуясь велениями рассудка, души и сердца («Имей душу, имей сердце — и будешь человек во всякое время», — писал Фонвизин в «Недоросле»). Это личность, буквально во всем противостоящая окружающей среде и вступающая с ней в активную борьбу. И тем не менее он терпит крах. Самое большее, что может сделать добродетельный чиновник, оставаясь на позициях законности (которую он связывает с естественными правами человека) и не вступая на путь революционной борьбы, — это «удалиться жестокосердия» и выйти в отставку, не желая быть участником в казни «невинных убийц». Одно бескорыстное исполнение долга, одна личная добродетель Крестьянкина оказываются бессильными, ибо против него выступают и подчинен-

ные ему чиновники, и вышестоящие инстанции, правительство в лице наместника.

В галерее «сочувственников» и единомышленников Путешественника Крестьянкин — один из самых сильных, ибо он не боится вступить в борьбу, по существу, со всем своим классом. Но, сочувственно рисуя Крестьянкина самыми светлыми красками, Радищев подводит читателя к выводу о бессилии индивидуального протеста, бесплодности (но вовсе не бессмысленности!) индивидуальной борьбы. В то же время, одобряя и оправдывая устами Крестьянкина убийство асессора и его сыновей, Радищев недвусмысленно говорит и о бесполезности коллективного стихийного крестьянского «мщения», ибо оно ничего не меняет в самой структуре общества, а на место убитых угнетателей становятся другие, ничем от прежних не отличающиеся.

С первой трагической частью «Зайцова» прямо и непосредственно связан кажущийся вставным комический эпизод — письмо о свадьбе барона Дурындина. Добродетельному и благородному чиновнику Крестьянкину противопоставлены в общественном и моральном плане светская проститутка и сводня госпожа Ш. и старый развратник и мот барон Дурындин. Крестьянкин терпит поражение и вынужден уехать в деревню — госпожа Ш. и Дурындин благоденствуют в столице. Без Крестьянкиных существующее общество отлично обойдется, «а без дурындиных свет не протоял бы трех дней». В результате соотнесения двух частей смысл главы расширяется: в целом Радищев рассматривает в ней проблему личной добродетели и бескорыстия (и как антитезу — личной недобродетели и корыстолюбия) в соотношении с общественной структурой.

Сила воспитания — общее место для мыслителей эпохи Просвещения, и Радищев посвящает ему особую главу — «Крестьяцы». Устами крестецкого дворянина писатель излагает основы своей системы педагогики, которая смело может быть названа системой воспитания гражданина, борца. Но способно ли одно только воспитание преобразовать мир? Как и в предыдущем случае, борец-одиночка окажется бессильным, и самое большее, что он сможет сделать — это кончить жизнь самоубийством. «Се мое вам завещание, — говорит крестецкий дворянин детям. — Если ненавистное счастье истощит над тобою все стрелы свои, если добродетели твоей убежища на земли не останется, если, доведенну до крайности, не будет тебе покрова от угнетения, — тогда вспомни, что ты человек, вспомяни величество твое, восхити венец блаженства, его же отъяти у тебя тщатся. — Умри».

Однако воспитание необходимо, ибо «язва разврата» охватила и высшее сословие («Яжелбицы»), и низшие («Валдаи»). Тем не менее именно в низшем сословии, среди свободных крестьян можно еще найти истинную добродетель («Едрово»).

В последней главе особо занимает Радищева вопрос о действенной силе красоты, который по-разному ставили и решали как русские литераторы (М. Н. Муравьев, Г. Р. Державин, затем Н. М. Карамзин, а много позднее Н. В. Гоголь и др.), так и европейские (например, Шиллер). Революционность Радищева сказалась в решении и этого вопроса: вполне разделяя

убеждение в активной роли прекрасного, он показывает, что в условиях самодержавно-крепостнической России сама красота нуждается в защите.

Может быть, надежды следует возлагать на правительство, на реформы «сверху»? Подобные взгляды были распространены достаточно широко (в значительной мере они связаны с идеей «просвещенной монархии»), и Радищев посвящает этой проблеме три главы — «Хотиллов», «Выдропуск» и «Медное», связанные одним персонажем. Те бумаги, которые читает в этих главах Путешественник, якобы принадлежат перу его друга, «гражданина будущих времен» (как недавно установлено, это выражение, по всей вероятности, взято Радищевым из трагедии Шиллера «Дон Карлос»; это — самохарактеристика маркиза Позы³). Хотилловский «проект» посвящен освобождению крестьян, «проект» в «Выдропуске» — уничтожению придворных чинов, а шире — восстановлению «равенства во гражданах». Оба «проекта в будущем» написаны в форме манифестов от лица некоего монарха, который будет править страной в XIX столетии.

Верил ли сам писатель в возможность реформ «сверху»? Радищев был трезвым мыслителем и не исключал такого исторического поворота в судьбах России. Но эта Россия будущего (в которой только и станут возможными реформы) не имеет ничего общего с самодержавным государством XVIII в. Об этом с полной определенностью свидетельствуют первые же абзацы хотилловского «проекта», из которого ясно, что речь идет именно о новой России. Конкретные черты социального уклада новой, будущей страны перечисляются автором «проекта», и они никак не характерны для российской действительности конца XVIII столетия: в этой новой России науки, искусства и ремесла возведены до высочайшей степени совершенства (ср. суждения Радищева о современном их состоянии в «Спасской Полести»); человеческий разум «возносится везде к величию», не встречая препятствий (см. о цензуре в «Торжке») и не будучи скован заблуждениями (см. «Подберезье»); нет религиозных распрей, существует свобода вероисповедания (см. «Торжок»); законы основаны на разуме и науке (на неразумность существующих законов, путаницу в них, несоответствие основам естественного права Радищев указывал неоднократно: см. «Любани», «Чудово», «Спасскую Полесть», «Новгород», «Зайцово» и мн. др.); граждане равны перед властями, «равенству в имуществах» соответствует «ясность в положениях о приобретении и сохранении имения», частная собственность неприкосновенна и «всеми свято почитаема» (см. «Любани», вторую часть «Спасской Полести» и др.); в этом государстве будущего царит внутренняя тишина (см. «Зайцово», «Едрово» и др.), оно не имеет внешних врагов (а во время завершения и издания «Путешествия» Россия воевала с Турцией и Швецией, очень напряженными были отношения с Пруссией и т. д.).

Иначе говоря, для того чтобы стал возможным путь реформ «сверху», нужны определенные социальные и политические условия, обусловленные историческим развитием страны. В современной Радищеву России этих

³ См.: *Лотман Ю. М.* Из комментариев к «Путешествию из Петербурга в Москву» // XVIII век. Сб. 12. А. Н. Радищев и литература его времени. Л., 1977. С. 33.

условий нет — и это ясно и самому писателю, и «гражданину будущих времен», и Путешественнику. Недаром он замечает, что «проекты» его друга «некстати нынешним временам и оным несоразмерны».

Дабы читатель, воспаряя мыслями к будущему, не слишком уходил от реальности, Радищев разделяет два утопических «проекта» омерзительной картиной настоящего — еще одним аспектом крепостнической эксплуатации, рассказом о «процветающем» за счет самого тяжелого угнетения крепостных хозяйстве «господина некто» («Вышний Волочок»).

Надежды на силу печатного слова, на воздействие литературы разрушаются в «Торжке» обстоятельной критикой существующей русской цензуры, которую дополняет исторический очерк цензуры в мировой литературной практике. Ведущий рассказ в этой главе «порипатель цензуры» на огромном материале показывает, что подлинной свободы слова не было ни в древних республиках и единодержавных правлениях, ни в современных деспотических государствах, ни в «просвещенных монархиях» (России, Пруссии, Дании, Австрии). Возможна она только в странах, прошедших через революцию (Англия, Америка). Другими словами, надежды на воспитующую и преобразующую силу печати иллюзорны, поскольку сама свобода слова — результат революции.

Наконец, в «Медном» автор записок о продаже крестьян — «гражданин будущих времен» (чьи записки читает Путешественник) делает прямой вывод: «Свободы. . . ожидать должно. . . от самой тяжести порабощения». Прочитывая эти слова, Екатерина прокомментировала их: «То есть надежду полагает на бунт от мужиков». Однако еще в «Хотилове» Радищев устами «гражданина будущих времен» отрицательно оценил царистские иллюзии крестьянства и основную слабость восстаний («бунтов») типа Пугачевского видел в том, что пугачевцы «искали паче веселия мщениа, нежели пользу сотрясения уз», то есть стремились к отмщению господам, а не к уничтожению самодержавия и крепостничества, которые в сознании писателя были неразделимы. Отсюда понятно, что конечный вывод «Медного» подводит читателя к мысли о народной революции, а не «мужицком бунте».

Здесь, несколько отвлекаясь от последовательного анализа композиции «Путешествия», следует сказать, что революционный вывод «Медного» в сознании многих литературоведов совершенно не совмещается с хотиловским «проектом». Некоторые исследователи, противопоставляя «либеральный» «Хотилон» «революционному» «Медному», даже не замечали, что «проекты» и «записки» о продаже крепостных принадлежат одному персонажу, приписывали их другим героям — «порипателю цензуры» и даже самому Путешественнику. Другие литературоведы писали об эволюции персонажа, который от «либеральных» иллюзий (о крахе коих будто бы свидетельствует тот факт, что «проект» брошен на станции Хотилон, — хотя остальные бумаги, в том числе и «записки», потеряны там же) пришел к революционному мировоззрению, отразившемуся в «записках». Некоторые исследователи несколько иначе писали об эволюции персонажа, и последнее может быть вполне верно, но важно подчеркнуть сейчас другое: сложность позиции персонажа, сочетающая в себе попытки воздействовать

на верхи с надеждой на народную революцию, изначально заложена в данном образе самим Радищевым. Этот, как выясняется, «искренний друг» Путешественника далеко не случайно назван «гражданин будущих времен» — формулой, которой характеризует себя шиллеровский маркиз Поза («Я гражданин грядущих поколений» — в переводе М. Достоевского; эта формулировка перешла и в перевод В. Левика). Собственно, соотнесенность с героем Шиллера и помогает понять сложность позиции радищевского «гражданина будущих времен»: ведь маркиз Поза, пытаясь в Испании подвигнуть Филиппа II на реформы, одновременно готовит восстание в Нидерландах. Однако радищевский персонаж, ориентированный на героя Шиллера, в то же время и полемичен по отношению к нему: если шиллеровский рыцарь-энтузиаст питает иллюзорную надежду поставить во главе народного движения Дона Карлоса, то радищевский «гражданин будущих времен» трезво-скептически замечает: «. . . все те, кто бы мог свободе поборствовать, все великие отчинники. . .», — то есть возлагает надежды непосредственно на народ, на народную революцию.

«Тверь» — кульминационная глава второго цикла, потому что именно здесь Радищев обосновывает мысль о наиболее реальном пути преобразования действительности — революционном. Неизбежность народной революции — сознательного и целенаправленного действия (а не стихийного восстания) — основная идея оды «Вольность».

Однако, подведя читателя к идее народной революции и обосновав ее неизбежность, Радищев, собственно, не сказал о том, кем и как революция может осуществиться. Сами крестьяне способны лишь на «мщение» («Зайцово») или стихийное восстание типа Пугачевского («Хотилово»). К идее народной революции приходят лучшие люди из дворян — сам Путешественник, автор «проектов» и «записок» в «Медном», автор «Вольности» (и, возможно, «порицатель цензуры» из «Горжка»). Но найдут ли они сами, непосредственно, общий язык с крестьянством? Радищев на этот вопрос отвечает недвусмысленно отрицательно: и в начале, и в середине, и в конце путешествия героя-дворянина не принимают ни крепостные, ни свободные крестьяне. Путешественник не может найти общего языка ни с пахарем в Любанах, ни с семьей Анюты в Едрове, ни с крепостной крестьянкой в Пешках. Но он находит этот язык в разговоре с рекрутом — крепостным интеллигентом в Городне: «Я прижал его к сердцу моему. Лице его новым озарилось веселием. — Не все еще исчезло, ты вооружаешь душу мою, — вещал он мне, — против скорби, дав чувствовать мне, что бедствие мое не бесконечно». Отсюда ясна первостепенная важность этого эпизода и этого персонажа в «Путешествии»: образованные крепостные, осознавшие тяжесть неволи, — вот та прослойка, которая сможет соединить революционную мысль передового дворянства со стихийной реальной мощью крестьянства. Так завершается в «Городне» встреча с крепостным интеллигентом тема поисков путей изменения существующего уклада, начинающаяся с «Подберезья».

Но Радищев отлично сознает, что революция — дело грядущего, и притом очень отдаленного: «Не мечта сие, но взор проникает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столе-

тие». В настоящем же существует самодержавно-крепостническая действительность, и писатель вновь обращается к ее изображению, сознательно повторяя тематику начальных глав: беззаконие и произвол («Городня», «Черная грязь»), «колдовство вельмож» («Завидово»), духовные и душевные свойства народа («Клин»), тяжелое положение крепостного крестьянства («Пешки», «Черная грязь»). Следующие после «Городни» главы охватывают тот же круг тем, что и главы от «Софии» до «Спасской Полести». В ранних редакциях произведения эта кольцевая композиция была абсолютно завершенной: мрачному настроению Путешественника в «Выезде» и мыслям о самоубийстве в «Софии» соответствовали заключительный эпизод книги — разговор с самоубийцей, застрелившимся на глазах героя, и мрачная концовка — «И въезд мой в Москву был скорбен» (Ан).

Трагический характер книги в какой-то мере смягчался мыслью о потенциальных силах русского человека, столь могучих, что они время от времени прорываются даже в сковывающих условиях самодержавно-крепостнического уклада (Анюта, рекрут). Но в конце произведения один трагический эпизод (насильственное венчание) накладывался на другой (самоубийство) — и «Путешествие» в целом (а начиналось оно сразу «Выездом», посвящения не было) имело явно пессимистическую окраску.

Но пока Радищев писал книгу, книга воздействовала на него самого. Осознав, что будущее безнадежно, писатель предварил произведение новым началом — посвящением «А. М. К.» с его оптимистическим утверждением силы печатного слова. Как показатель изменившейся тональности «Путешествия» крайне характерна одна из последних по времени крупных вставок, сделанных Радищевым в тексте произведения, — заключительные абзацы «Едрова», в которых предстает единственный во всей книге образ веселого крестьянина — ямщика, то есть крестьянина не крепостного. А на место эпизода с самоубийцей писатель поставил «Слово о Ломоносове» — подлинный гимн человеческому гению, дерзанию, деянию. Образ Ломоносова говорил о колоссальных возможностях, скрытых в русском народе, о воздействии разума и великой души на разум и души современников или потомков, о признательности «нелицемерного потомства» по отношению к тем, кто стоит в начале трудного пути. Пессимистическое «кольцо» было разорвано.

Предварив мажорное «Слово о Ломоносове» шуткой («. . . Береги ее для бессонницы»), писатель шуткой закончил и всю книгу:

«Но, любезной читатель, я с тобою закалякался. . . Вот уже Всесвятское. . . Если я тебе не наскучил, то подожди меня у околицы, мы повидаемся на возвратном пути. Теперь прости. — Ямщик, погоняй.

МОСКВА! МОСКВА!!!. . .»

Так кончается повествование Путешественника, но не книга, ибо дальше, на той же странице, после двух типографских линеек следуют слова от имени автора-издателя «Путешествия»: «С дозволения Управы благочиния». С одной стороны, помещение цензурного разрешения на последней странице вместо титульного листа входило в авторский идейно-композиционный замысел: только еще взяв «Путешествие» в руки, читатель

сразу должен был ощутить необычный, бесцензурный, противозаконный характер первой русской революционной книги — «Путешествия из Петербурга в Москву». А с другой — эту надпись одновременно можно понимать и как злую насмешку над глупостью власти, которая бессильно «бешенствует на казнь рассудка» («Торжок»): ведь издана-то книга действительно «с дозволения Управы благочиния». Даже можно сказать — с двойного ее разрешения, так как Никита Рылеев собственноручно дважды скрепил ее подписью: сначала он подписал само «Путешествие», а затем отдельно — «Слово о Ломоносове».

Новому настрою книги соответствует и характеристика Путешественника. В ранних редакциях страстные проклятия крепостничеству обрамлялись мыслями о самоубийстве. В окончательном тексте — иное: читатель может явно почувствовать изменение психологического состояния героя, его настроения. Эти перемены в характере Путешественника очевидным образом вызваны эволюцией настроенности самого писателя.

Психологический подъем и оптимистический настрой Радищева начала 1780-х гг. отчетливо выразились в «Письме другу, жителюствующему в Тобольске» и особенно в «Вольности» с ее восторженным приятием победы «свободы» в Америке («Того ж и мы все жаждем; Пример твой мету обнажил. . .»). Однако очень быстро подъем сменился упадком, ибо Радищеву стало ясно, что американская «вольность» зиждется на рабстве: «сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова. О, дабы опустети паки обильным сим странам!». («Хотиллов»). Не способствовали сохранению оптимистической настроенности события внутренней жизни России: активизацию прогрессивных литературных и общественных слоев (выразившуюся, например, в «Недоросле» и публицистике Фонвизина в «Собеседнике», «Властителям и судиям» и «Фелице» Державина, в указе о «вольных типографиях» — вынужденной уступке правительства общественному давлению и т. д.) скоро сменило контрнаступление охранительных сил, ознаменовавшееся раньше всего изгнанием Фонвизина из «Собеседника», а потом и вообще из литературы, устранением из Петербурга Державина, серией указов, направленных формально против масонских изданий, а по существу — против литературы и общественной мысли вообще. Наконец, нельзя забывать о весьма драматических событиях личной жизни Радищева — смерти его жены, «противозаконной» связи со свояченицей — Е. В. Рубановской (глухой намек на это содержится в «Едрове»: «. . . не нарушил бы союза родства моею плотскою несбытостью. . .»), последовавшим вслед за этим разрывом с тещей, которая бросила Петербург и уехала в Онстопель, и т. д. Все эти причины и обстоятельства и обусловили в ранних редакциях «Путешествия» парадоксальное сочетание общего исторического оптимизма (который писатель передал и главному герою) с мрачной тональностью повествования и скорбной концовкой.

С середины 1789 г. Радищев вновь испытывает резкий подъем, и причина ясна: началась революция во Франции. Хотя конкретный ход ее и результаты отнюдь не удовлетворяли писателя ни в начале 1790 г. (см. резкое осуждение разгрома квартиры и типографии Марата нацио-

нальной гвардией с итоговым восклицанием: «О Франция! ты еще хождаешь близ Бастильских пропастей» — «Торжок»), ни в начале 1802 г. (см. «Осьмнадцатое столетие»), но Французская революция в целом явилась для Радищева безусловным доказательством истинности его концепции о неизбежности революций в мировом историческом процессе (а следовательно, и в России). К тому же с начала революции Людовик XVI поневоле шел на уступки восставшему народу, каждый раз вынуждаемый к этому силой, насилием вооруженной «черни». Это и есть тот самый «пример Лудвига XVI», который, по признанию Радищева в самом начале 1790 г., «дал сочинителю другие мысли» (Соч., 1, 151)⁴. Эти-то «другие мысли», подняв оптимистический настрой писателя, сказались в конечном счете на изменении и тонуса всей книги, и образа Путешественника.

Разумеется, происходящие с героем перемены ничего общего не имеют с «прозрением» Путешественника, превращением его из «политического недоросля», «барина, не знающего жизни», в сформировавшегося зрелого революционера.

Путешественник, главное действующее лицо «Путешествия», — тщательно разработанный индивидуализированно-типический характер, «портрет», но портрет по преимуществу психологический. Радищев в прозе сделал то же, что Фонвизин в драматургии, в «Недоросле», — заложил основы русского реализма⁵. Хронологически «Путешествию» предшествует «Житие Федора Васильевича Ушакова», но предшествует только формально: «Путешествие» писалось по крайней мере с 1787 г., хотя издано в 1790 г., а «Житие» создано в 1788-м и напечатано в 1789 г. По-видимому, можно смело сказать, что опыт работы над одной вещью способствовал созданию другой — и наоборот. Коренное же различие двух первых прозаических явлений русского реализма заключается в том, что Ушаков обрисован исключительно «снаружи», увиден глазами друга и воскрешен в его воспоминаниях о прошлом, тогда как Путешественник дан «изнутри» — и только «изнутри» (в том смысле, что о всех его мыслях и действиях мы узнаем от него самого).

О «внешних данных» Путешественника мы знаем немного, хотя сведения эти достаточно определенные. Читателю ясно социальное и материальное положение Путешественника (дворянин, не владеющий крестьянами, — «Любани»; служащий чиновник, имеющий отношение к «таможенной пристани» в Петербурге, — «Вышний Волочок», ранняя редакция «Завидова»; он достаточно скромно ест и пьет, не располагает «лишними» деньгами — «Пешки», «Подберезье», вторая часть «Спасской Полести», и т. д.). Более или менее известны его возраст и семейное положение (немолод — «Едрово»; вдовец, имеющий детей, — «Яжелбицы», «Крестьяцы», «София»; старший сын его скоро должен идти в службу —

⁴ Подробнее рассмотрение этого вопроса (но с разными выводами) см.: *Старцев А. И.* Радищев в годы «Путешествия». М., 1960. С. 174—185; *Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г.* Запретная мысль обретает свободу. М., 1966. С. 127—132.

⁵ Подробнее см.: *Западов В. А.* Проблемы изучения и преподавания русской литературы XVIII века. Статья 2-я. Ранний русский реализм // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1978. С. 69—100.

«Крестьяцы», и т. д.). Мы узнаем о его развратной юности и горестных ее следствиях («Яжелбицы», — тут «данные» Путешественника и Радищева полностью расходятся: мы не располагаем никакими сведениями о венерических болезнях как самого писателя, так и его многочисленных детей; заведомо знаем, что А. В. Радищева скончалась от иной причины и при других обстоятельствах, нежели жена Путешественника; однако в основе «исповеди» Путешественника в «Яжелбицах» лежат реальные впечатления лейпцигской юности писателя: ведь Федор Ушаков скончался в тяжких муках, как сообщает Радищев в «Житии», именно от венерической болезни, то есть от того, от чего умерла жена Путешественника).

Противник самодержавия («Спасская Полесь») и крепостничества, великолепно знающий об особенностях положения и социального бытия различных групп крестьянства, отлично разбирающийся в специфике крестьянского труда (что проявляется уже в «Любанах»), Путешественник — прекрасно образованный человек, свободно оперирующий десятками имен писателей, художников, ученых и т. д., знаток истории, юриспруденции, литературы, философии, военного дела, экономики и пр., а к тому же и вполне светский человек, имеющий в «обществе» самые разнообразные связи и знакомства, блестящий мыслитель, находящийся в курсе споров по самым острым и жгучим вопросам современности и высказывающий при этом самые прогрессивные идеи (см. его размышления о русском национальном характере и российской истории уже в «Софии»⁶). Словом, в политическом, идеологическом, философском, общественном отношении Путешественник — двойник автора.

Роднят Путешественника с Радищевым и многие моральные качества, среди которых в первую очередь надо назвать верность друзьям, любовь к детям, чувствительность. Передал автор герою и такое свойство, как женолюбие. «Радищев. . . — писал его сын Павел, — был пристрастен к женскому полу. Это был его единственный порок, если только это можно назвать пороком»⁷. Любопытно, что именно эту черту в характере героя писатель в ходе работы над книгой постарался несколько смягчить, перевести в прошедшее время.оборот: «Страсть, господствующая во всю жизнь надо мною, но уже почти угасшая. . .» (ЕЖ) — переделан так: «Страсть, господствовавшая во всю жизнь надо мною, но уже угасшая. . .» («Едрово»). А фразу, связанную с «валдайскими девками»: «И я в молодые мои лета парился у них в бане» (Е; Ж — «в молодые в мои»), — Радищев и вовсе изъял.

Однако в одном, и весьма существенном, отношении Путешественник решительно отличается от Радищева — в «поведенческом» плане, во внешних проявлениях. Путешественник крайне вспыльчив — до несдержанности, чувствителен — до экзальтации, эмоционально импульсивен. Любое событие вызывает у него повышенно экспрессивную реакцию.

⁶ Подробнее об этом и аналогичных вопросах см. в моем постраничном комментарии в кн.: Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарий. М.; Л., 1974.

⁷ Семенников В. П. Радищев. М.; Пг., 1923. С. 237.

Иногда эта экспрессивная эмоциональность проявляется в форме весьма патетических размышлений (напомню о таких мысленных, например, буквально «выкриках», как «О богочеловек!..» и др. в «Спасской Полести» или знаменитые тирады из «Городни» — «О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные. . .», из «Пешек» — «Звери алчные, пиявицы ненасытные. . .» или «Черной грязи» — «О! горестная участь многих миллионов!..» и т. п.). Нередко внутренние переживания находят достаточно бурные внешние проявления («Слезы потекли из глаз моих» — «Любани»; «О! природа, — возопил я паки. . . Я рыдал вслед за ямским собранием. . .» — «Клин»; «Рука моя задрожала, и кофе пролился» — «Вышний Волочок»; «я. . . в восторге души моей воскликнул громко: — О Анюта! Анюта. . .» — «Едрово», и пр.)⁸. Иной раз эти внешние проявления доставляют (или могут доставить) Путешественнику неприятности: в Софии он «намерялся сделать преступление на спине комиссарской», в Городне же ему самому едва не намяли бока: «Отдатчики ректутские, вразумев моей речи, воспаленные гневом, прискочив ко мне, говорили: — Барин, не в свое мешаешься дело, отойди пока сух, — и сопротивляющегося начали меня толкать столь сильно, что я с доспешностью принужден был удалиться от сея толпы». Наконец, Путешественник весьма словоохотлив, легко вступает в контакт с любым собеседником, к какому бы сословию, общественному слою тот ни принадлежал, умеет его «разговорить».

О Радищеве-человеке по вполне понятным причинам сохранилось немного воспоминаний, но все, что мы знаем о нем, свидетельствует о полной противоположности его поведенческих проявлений. В отличие от Путешественника, Радищев в жизни был человеком в высшей степени сдержанным, даже скрытным. Блистательный конспиратор, он загодя, исподволь сумел подобрать и собрать в таможне большую группу людей, помогавших ему в переписке и издании «Путешествия», свыше трех лет работал над произведением — и выход книги в свет оказался полной неожиданностью даже для лиц, весьма близко его знавших. Сдержан Радищев был и в речах: «Замечали, что он более отвечал на вопросы, нежели сам начинал говорить, но, когда представлялся случай, он мог воспламениться, говорил сильно и занимательно; впрочем, мало занимаясь тем, что вне его, он был как [бы] сосредоточен в самом себе как человек, занятый предметом, им овладевшим»⁹.

Таким образом, передав своему герою свои мысли и чувства, наделив его многими чертами собственной личности, Радищев вместе с тем в ряде

⁸ Кстати, некоторые исследователи, относя «Путешествие» к числу сентиментальных произведений, в значительной мере основывают свою точку зрения на повышенном эмоциональном восприятии действительности главным героем и на его экспрессивных проявлениях. На мой взгляд, здесь имеет место явление, хорошо известное по работам о литературе XIX в., — смешение типа героя книги с художественным методом писателя. Таким же образом реалистические произведения, в центре которых стоит герой-романтик, иной раз истолковываются как явления романтизма («Горе от ума», «Герой нашего времени» и т. д.).

⁹ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями, с. 98. Стоит заметить, что данная характеристика, принадлежащая П. А. Радищеву, почти дословно совпадает со свидетельством Гельбига.

существенных пунктов (как биографии, так и характера) сделал Путешественника иным человеком, отделил его от себя. В процессе создания произведения образ Путешественника претерпел серьезную эволюцию, причем, как уже говорилось, эволюция героя была обусловлена переменами в состоянии самого писателя.

В ранних редакциях Путешественник от начала до конца оставался человеком «уязвленным», скорбным. С горестных мыслей об одиночестве произведение начиналось («Выезд»), прямо уже о самоубийстве говорилось в «Софии». Личные «скорбь» и «отчаяние» усугублялись многими дорожными встречами, «бедствиями» общественными («Любани», эпизод с «несчастливым», занимавший всю «Спасскую Полесть», и т. д.), развивались в «Яжелбицах» (в «Крестьцах» же им предшествовали развернутые рассуждения крестецкого дворянина о праве человека на самоубийство). Завершалось произведение картинами бедственной жизни крепостных в «Пешках», насильственным венчанием в «Черной грязи», следовавшим тут же мрачным эпизодом с самоубийцей и словами «И въезд мой в Москву был скорбен».

В печатном тексте названные размышления и эпизоды начальных глав, «Крестьцов», «Яжелбиц» сохранены полностью. Резко меняется концовка: место скорбного самоубийцы занял образ Ломоносова, «великого мужа», исторгнутого «из среды народных». «Слово о Ломоносове» завершается оптимистической мыслью о писателях и их судьбе, а затем следует шутка Путешественника в заключительном абзаце книги.

В конце произведения перед читателем изменившийся человек. Из Петербурга выехал революционер — и в Москву приехал революционер; но выехал он в весьма пессимистическом состоянии, а приехал человеком, настроенным оптимистично. Эта психологическая эволюция Путешественника и есть результат многочисленных дорожных встреч и картин, вызванных ими размышлений героя. В начале пути он думал о самоубийстве, собираясь отдать бесполезную жизнь богу («Ты жизнь мне дал, тебе ее и возвращаю, на земли она стала уже бесполезна»), не вполне расстался он с этой мыслью и в «Бронницах». Но даже намек на подобные размышления нет теперь в заключительных главах, несмотря на все страшные встречные картины.

Наоборот, если присмотреться к тексту второй половины книги, то можно увидеть, что в целом остающееся трагическим повествование перемежается шутками; сказывается это прежде всего в концовках большинства глав.

«Валдаи»: «Но как молодые мои лета уже прошли, то я поспешно расстался с мазаными валдайскими и зимногорскими сиренами».

«Едрово»: «Всяк пляшет, да не как скоморох, — повторил я, наклоняясь и, подняв, развертывая. . .»

«Хотилово»: «. . . и для того я за благо положил лучше рассуждать о том, что выгоднее для едущего на почте, чтобы лошади шли рысью или иноходью, или что выгоднее для почтовой клячи, быть иноходцем или скакуном, — нежели заниматься тем, что не существует».

«Торжок»: «А теперь, не производя цензуры над почтовыми лошадьми, я поспешно отправился в путь».

«Тверь»: «...колокольчик возвестил мне, что в дороге складнее поспешать на почтовых клячах, нежели карабкаться на Пегаса, когда он с норовом».

«Завидово»: «Но где мне гнаться за его превосходительством. Он поднял пыль столбом, которая по пролете его исчезла, и я, приехав в Клин, нашел даже память его погибшую с шумом», и т. д.

При этом Путешественник (как и автор) — отнюдь не бездумный оптимист, верующий слепо. Напротив, он знает, что революция еще очень далека, — об этом говорится многократно («Вольности», «Городня», «Черная грязь» и др.). Тем не менее Путешественник к концу книги настроен вполне оптимистично, и не последнюю роль тут играет, как уже неоднократно говорилось, «Слово о Ломоносове». Вводя его в «Путешествие», писатель сохранил восклицание об отдаленности революции («...конец твой сокрыт еще от взора и внучат моих...»), но сразу же смягчил горький характер этой мысли шутливо-ироническим абзацем о «парнасском судье» — авторе «Слова», вернув, таким образом, читателя к воспоминанию о «Вольности».

Но дело не только и не столько в «Слове о Ломоносове», сколько во всей системе переделок и добавлений.

Разоблачительная сатира истории о наместнике — любителе «устерс» тем более язвительна, что рассказчик ее, «присяжный», подает ее ночью в постели жене в качестве назидания, «как добиваются в чины», и тут же усиливается тем, что жена простодушно разоблачает самого «обличителя» («Спасская Полесь»).

Беззлобное подтрунивание Путешественника над собственным состоянием после сна («Голова моя была свинцовой тяжелее, хуже, нежели бывает с похмелья у пьяниц, которые по неделе пьют запоем»), добродушный юмор воспоминаний о «блаженной памяти нянюшке» Клементьевне, «по имени Прасковья, нареченная Пятница», которая «охотница была до кофею» («Как чашек пять выпью, — говаривала она, — так и свет вижу, а без того умерла бы в три дни»), полшутливое описание портрета семинариста и автоирония, направленная против привычки судить о людях по модной внешности («Извини меня, читатель, в моем заключении, я родился и вырос в столице, и, если кто не кудряв и не напудрен, того я ни во что не чту», и т. д.), сменяются саркастическим пафосом рассуждений о возрождении средневековых «туманов предрассудков и суеверия» и оглушительно-уничтожающей насмешкой над бредомумствованиями масонов, познающими такие «тайнства закона», как «не на ногах стоящему, но восседая надлежит испражняться» и что «не десницею, но шуйцею отирать надлежит задняя» («Подберезье»).

Вполне серьезные размышления о «праве народном» и «праве силы» завершаются ироническим ответом на вопрос, «что есть право гражданское?» — «Ответ: Кто едет на почте, тот пустяками не занимается и думает, как бы лошадей поскорее промыслить»; затем следует рассказ о плутнях Жарпа Дементыча, в середину которого включена серия великолепных

сатирических портретов членов купеческой семейки, например: «Аксинья Парфентьевна, любезная его супруга. В шестьдесят лет бела, как снег, и красна, как маков цвет, губки всегда сжимает кольцом; ренского выпьет перед обедом полчарочки при гостях, да в чулане стаканчик водки. . . По приказанию Аксиньи Парфентьевны куплено годового запаса 3 пуда белил ржевских и 30 фунтов румян миртовых. . . Приказчики мужнины — Аксиньины камердинеры» («Новгород»).

Опять-таки автоирония по адресу «петербургского жителя», для которого прогулка по большой дороге «не похожа на гулянье в Летнем саду или в Баба», предваряет саркастический рассказ о прошлом госпожи Ш. и сатирическую сцену ее беседы с приятельницей по поводу свадьбы с бароном Дурындиным, причем за внешней остро сатирической оболочкой этой истории скрыты еще и внутренние, крайне язвительные и весьма злободневные намеки: прототип Дурыдина — обер-шенк А. А. Нарышкин, старой сводни госпожи Ш. — А. Н. Нарышкина, подруга и поверенная личных тайн императрицы. Именно А. Н. Нарышкина в июне 1789 г. свела Екатерину с новым фаворитом П. А. Зубовым¹⁰ («Зайцово»).

Последняя крупная вставка в текст «Путешествия» — заключительные абзацы «Едрова», где, как уже говорилось, возникает образ первого и единственного во всей книге веселого крестьянина — ямщика. Любопытно, что это и единственный эпизод, где Путешественник дан в восприятии другого человека, причем восприятии насмешливом: «Видно, барин, — говорил он мне, улыбаясь и поправляя шляпу, — что ты на Анютку нашу призарился. Да уж и девка! Не одному тебе она нос утерла. . .» («Едрово»).

К этому надо добавить ряд мелких дополнений, связанных с той или иной формой комического (в том числе упоминавшаяся выше концовка «Хотилова»). Наконец, вводя вполне серьезные фрагменты, Радищев предваряет и заключает их шутливо-ироническими замечаниями. Так, «Краткому повествованию о происхождении цензуры» предшествует такой текст: «Если, читатель, ты нескучлив, то читай, что перед тобой лежит. Если же бы случилось, что ты сам принадлежишь к ценсурному комитету, то загни лист и скачи мимо» («Торжок»; о заключительных фразах главы см. выше). О «Слове о Ломоносове» сказано: «Если, читая, тебе захочется спать, то сложи книгу и усни. Береги ее для бессонницы» («Черная грязь»; заключительный абзац главы и книги приведен выше).

Совершенно очевидно, что все эти явления складываются в определенную систему — систему комического разных градаций и форм, настойчиво и последовательно проводимую при переработке произведения.

Здесь надо заметить, что автоирония была свойственна Путешественнику изначально, с первых редакций, поскольку она вообще является характерной особенностью Радищева-художника (это свойство роднит его с Д. И. Фонвизиным, А. С. Пушкиным, Н. Г. Чернышевским, А. Н. Толстым). Автоирония и ирония, присущие манере Радищева, с первых редакций создают в художественной ткани «Путешествия» резкие контраст-

¹⁰ Примечательно, что этот эпизод — единственный в «Путешествии», по поводу которого Екатерина II не проронила ни одного слова.

ные столкновения, «стыки» патетического и бытового, трагического и комического, «высокого» и «низменного».

Стилистически перерабатывался, но с самого начала подобный стык был в «Выезде»: «Несчастной! — возопил я, — где ты? . . . Неужели веселости, тобою вкушенные, были сон и мечта? — По счастью моему случившаяся на дороге рытвина, в которую кибитка моя толкнулась, меня разбудила». Пример из «Софии»: «Кто ездил на почте, тот знает, что подорожная есть оберегательное письмо, без которого всякому кошелек, — генеральской, может быть, исключая, — будет накладно. Вынув ее из кармана, я шел с нею, как ходят иногда для защиты своей со крестом». Из той же главы: «. . . В самое то время, когда я намерялся сделать преступление на спине комиссарской, зазвенел на дворе колокольчик. Я пребыл доброй гражданин».

С иронией, сатирой, сарказмом как в ранних, так и в поздних редакциях сосуществует пафос. Гневно-патетическими тирадами, например, завершается в «Вышнем Волочке» повествование о «г-не некто»: «Варвар! недостойн ты носить имя гражданина. . . Прострите на сего общественного злодея ваше человеколюбивое мщение. Сокрушите орудия его земледелия, сожгите его риги, овины, житницы и развеите пепл по нивам. . .».

Идентичное обличение «жестокосердого помещика» находим в «Пешках». Конец тирады и главы в Печ.: «О! если бы человек, входя почасту во внутренность свою, исповедал бы неукротимому судии своему, совести, свои деяния. Претворенный в столп неподвижный громopodobным ее гласом, не пускался бы он на тайные злодеяния; редки бы тогда стали губительствы, опустошения. . . и пр. и пр. и пр.» (415, 21—416, 6). В ранней, цензурной редакции концовка была иной: «. . . редки бы тогда стали на земли гибели и опустошения, коих причины сокрываются от нас в нощи неведения» (Ан). Уже в сводной редакции Радищев изъял придаточное предложение, имевшее отчетливо пессимистический оттенок, и заменил его ироничным «и пр. и пр. и пр.». В результате весь пафос снят иронией — и это понятно: обращение к совести «варваров», кои чуть выше названы «звери алчные, пиявицы ненасытные», абсолютно бессмысленно. Ясно, что и эта снижающая ирония возникла в результате изменения замысла Радищева и связана с эволюцией Путешественника.

Чтобы помочь читателю разобраться в характере книги и в эволюции героя (а может быть, и предварить его в могущей появиться при чтении первых глав мысли о самоубийстве Путешественника), в самый последний момент Радищев ввел оптимистичнейшее посвящение А. М. К. Ведь, помимо всего прочего (о чем уже говорилось), здесь, по существу, представлены в концентрированном виде суть психологического состояния как автора, так и персонажа — и процесс изменения этого состояния:

а) «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала»;

б) «Я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и — *веселие* неизреченное! — я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благодействии себе подобных».

Вот этот переход от только «уязвленного» состояния к «веселию»

совершился и с самим Радищевым в процессе работы над «Путешествием», и с его героем во время его путешествия из Петербурга в Москву. Собственно, об эволюции Путешественника можно говорить в двух смыслах: об эволюции авторского замысла в разработке персонажа и эволюции настроения героя в ходе путешествия.

Художественный метод автора «Путешествия» — реализм. Зависимость характера от условий среды в широком, социально-философском смысле Радищеву абсолютно ясна. «Человек есть хамелеон, — писал он в «Житии . . . Ушакова», — принимающий на себя цвет предметов, его окружающих: живущий с мусульманами — мусульманин, с куклами — кукла общества, в коем мы обращаемся. Общежитие вселяет в нас род своих мыслей и побуждает нас то называть добрым, что оно добрым почитает. Мы усвоаем помалу страсти, в обществе господствующие» (Соч., I, 200). Наиболее ярко решающая роль среды, которая оказывается сильнее родительского примера, доброго воспитания и хорошего образования, обрисована в истории молодого барина в «Городне».

Сознавая, что характер человека — соединение типичного и индивидуального, Радищев в большинстве случаев все-таки не дал развернутых биографий «сочувственникам» и единомышленникам Путешественника, почти не говорится об индивидуальных отличиях и склонностях помещиков-крепостников. Дело тут вот в чем. Видя в человеке прежде всего члена общества, рассматривая частные случаи как проявления общего, писатель-революционер в индивидуальном поведении человека выделял то, что определялось средой и оказывало, в свою очередь, влияние на жизнь окружающих. Радищев судит о человеке только по его «деяниям». Так созданы образы наместника в «Спасской Полести», семьи асессора в «Зайцове», помещиков в «Медном», «Вышнем Волочке», «Городне». Опуская индивидуальные детали, Радищев писал лишь о том, что характеризовало этих персонажей как типичных представителей сословия угнетателей. А во многих главах (например, «Любанях», «Пешках», «Черной грязи») писатель вовсе не изображает помещиков, заменяя рассказ о их «деяниях» показом их результатов.

Хотя в основу книги легли действительные конкретные факты, Радищев стремится к художественному обобщению и воспроизводит коллективный портрет сословия и самодержавно-крепостнической России, сознательно уходя от проблемы индивидуализации¹¹. Таким образом, в центре внимания Радищева в «Путешествии» не характеры персонажей и их судьбы (хотя в случае необходимости писатель умеет создать яркие типические и вместе с тем индивидуализированные характеры, как, с одной стороны, скажем, образы членов семьи Карпа Дементыча, с другой — Анофы), а типизация общих свойств социальной жизни, выявление и раскрытие характерных черт социальной действительности — действительности самодержавно-крепостнической России XVIII в. Подобный способ типизации явлений и процессов действительности весьма важен и

¹¹ См. также: Кулакова Л. И. О некоторых особенностях творческого метода А. Н. Радищева // Вопросы истории русской литературы. Л., 1961. С. 8—11.

для реалистической литературы XIX в.; он характерен, например, для творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Стремясь воссоздать типичную, так сказать, «заурядную», жестокость помещиков, Радищев вовсе не хотел «напугать» читателей картинами исключительного зверства, хотя русская крепостная действительность давала для этого обильный материал. Дарья Салтыкова, «Салтычиха», погубила 140 крестьян. Супруги фон Клодт, разгневавшись на десятилетнюю девочку за то, что она неумело выполняла обязанности портнихи, сожгли ей пальцы и пришили туго затянутый пояс к телу ребенка. Аналогичных случаев изуверства были десятки, в обществе о них знали, но у Радищева в тексте произведения ничего подобного мы не найдем.

Сделанная оговорка («в тексте произведения») не случайна. По разным редакциям «Путешествия» можно проследить за последовательной работой писателя над «обобщением» при изображении жестокости крепостников. Еще раз сошлюсь на рассказ о семействе асессора, где в печатном тексте читаем: «дочери, не имея женихов, вымещали свою скуку над прядильницами, из которых они многих изувечили» («Зайцово»). Между тем в рукописях концовка фразы была иной. В начальной редакции Радищев писал: «. . . из которых многим веретенами выкололи глаза» (Г); затем эта ужасающая конкретность приняла более общий вид: «. . . из которых многим выкололи глаза» (АнБВ). Наконец, в наборных редакциях писатель пришел к наиболее обобщенной формулировке.

Совершенно очевидно, что Радищев сознательно снял подробности, которые можно было бы истолковать как проявление индивидуальной жестокости, как злоупотребление крепостным правом. Салтычиху, фон Клодтов и подобных им все-таки судили (хотя зачастую и приговаривали к смехотворным наказаниям вроде церковного покаяния сроком на месяц); изображенных же Радищевым помещиков и судить не за что. Это обычные, «нормальные», заурядные типичные крепостники, и тем страшнее изображаемая Радищевым картина крепостничества, что среди «жестокосердых помещиков» «Путешествия» нет ни одного исключительного, патологического злодея.

Особо следует указать на новаторство Радищева-прозаика в области литературного портрета. Характеристика внешности и манер семинариста в «Подберезье», членов семейства Карпа Дементьича в «Новгороде» и др. — первые в русской беллетристике реалистические портреты персонажей, в которых социально-типические черты сочетаются с индивидуальными. Так, в портрете самого Карпа Дементьича такие детали, как «седая борода», «кланяется об руку», «бороду гладит», «всех величает: благодетель мой», — метко схваченные Радищевым типичные для русского купечества черты внешности и поведения. Такие же детали, как «борода в восемь вершков от нижней губы», «нос кляпом», «глаза серые, ввалились», «брови как смоль» (обратим внимание: черные брови при седой бороде!), создают индивидуальный облик этого типичного купца.

Не менее важным было умение схватить мимику, движения, раскрывающие характер в его социально-типической и одновременно индивидуальной сущности. Так, Карп Дементьич «кланяется об руку» — и это понятно:

манера эта сохранилась у него с тех пор, как нынешний «именитый гражданин» был мелким купчишкой, «купцом третьей гильдии». В отличие от отца Алексей Карпович «кланяется гусем», то есть только наклоняет голову. Хотя и был он недавно всего лишь «сидельцем» в Петербурге, но он сын богатейшего человека, «именитого гражданина», — и потому спины не согнет. . .

Радищев завершил и выпустил «Путешествие» «как раз в дни, когда бушевало во Франции революционное пламя». Напомнив об этом в речи на открытии памятника Радищеву в Петрограде 22 сентября 1918 г., А. В. Луначарский подчеркивал: «. . . революция звала его своим гремящим голосом, и — верный сын и ученик ее — он ответил. . . Екатерина была права, когда она всполошилась. Екатерина была права, признав Радищева мятежником. Он был им, и в том его немеркнущая слава. . . В своей яркой книге, которую и сейчас читаешь с волнением, он не только, то бичуя, то рыдая, то издеваясь, рисует нам мрак помещицкой и чиновничьей России, он замахивается выше, он прямо грозит самодержавию, он зовет к борьбе с ним всяким оружием и радуется плахе для царей»¹².

Размышляя над ожидающей его самой судьбой, в момент окончания работы над «Путешествием», когда первые главы уже набирались и печатались, в конце «Слова о Ломоносове» Радищев ввел вопрос: «Не достойны разве признательности мужественные писатели, восстающие на губительство и всеилие, для того, что не могли избавить человечества из оков и пленения?». Отвечая на этот вопрос, он сравнил действие слова и разума с мифом о создании мира: «Первый мах в творении всеилен был: вся чудесность мира, вся его красота суть только следствия. Вот как понимаю я действие великия души над душами современников или потомков; вот как понимаю действие разума над разумом».

«Первым махом» в русском революционном «творении» было слово Радищева — «Вольность» и «Путешествие из Петербурга в Москву», и это четко сформулировал сам писатель, сказав о себе:

Под игом власти, сей, рожденный,
Нося оковы позлащенны,
Нам вольность первый прорицал.

¹² Луначарский А. В. Радищев — пророк и мученик революции. Цит. по кн.: Радищев в русской критике. М., 1952. С. 75.

В. А. ЗАПАДОВ

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ

Выявление новых списков, установление их генеалогии, разделение на редакции, построение стеммы, завершившее историю текста «Путешествия», — все это чрезвычайно важно, но, разумеется, не является самоцелью. Полученные результаты становятся материалом для дальнейшей работы и осмысления, причем в двух основных направлениях.

Одно направление работы связано со старейшей, «исконной» целью текстологии («критики текста») — изданием текста. Первичная задача этой науки (задача «в узком смысле») была четко сформулирована одним из основоположников текстологии Б. В. Томашевским, который писал: «Реальные результаты критики текста — устранение погрешностей документа, а потому в узком смысле критикой текста называют разыскание и установление ошибок документа и восстановление в подлинном виде переданного документом ошибочно»¹.

Устранение погрешностей, восстановление «подлинного» текста иной раз даже возводится в ранг «реконструкции». Г. Пос, например, утверждал: «Вся наука критики текста состоит в том, чтобы из претендующего на подлинность текста реконструировать текст действительный, законный, подлинный»². С подобным определением согласиться трудно. Совершенно справедливо писал по этому поводу Д. С. Лихачев: «Текстологическая работа по внесению исправлений — не реконструкция; это не более, чем опрятность»³.

Развивая этот образ, можно сказать, что первопечатный текст «Путешествия» нуждается в весьма основательной чистке. В издании 1790 г. одних только опечаток (не говоря пока об ошибках) количество такое, которое не поддается никакому исчислению. В самом деле, опечаткой мы обычно называем ошибку в печатном тексте, допущенную при наборе и не исправленную в корректуре. Но можно ли считать опечатками точное воспроизведение наборщиком Богомоловым ошибок наборной рукописи, не замеченных в рукописях и в корректуре Радищевым?

¹ *Томашевский Б. В.* Писатель и книга: Очерк текстологии. Изд. 2-е. М., 1959. С. 162.

² Цит. по кн.: *Лихачев Д. С.* Текстология. Л., 1983. С. 25.

³ *Лихачев Д. С.* Текстология: Краткий очерк. М.; Л., 1964. С. 88.

Так, например, внешне совершенно типичной опечаткой кажется в «Хотилове» слово «опасность» (262, 3). Хотя подавляющее большинство списков дает здесь верное написание «опасность», но в Ан мы встречаем эту опечатку, допущенную Царевским, — «опасность». А, как мы уже убедились, ряд ошибочных написаний был восстановлен справщиком при сверке поздних редакций с ранними, прежде всего цензурной.

Аналогичный пример — «изъуродою» (396, 14). Опять-таки почти во всех списках содержится «изуродою», но в Кл и Чк находим «изуродою», восходящее, по-видимому, также к ошибке Ан (но в Ан здесь нет листа).

В «Крестбах» напечатано: «убийственной» (168, 19). В списке Б здесь находим «убиственной», в В, Еф, Кб — «убивственной», во всех остальных от Е и Ж до Пд — «убийственной», но в Ан — «убийственной». Ошибка Царевского была аккуратно перенесена справщиком при сверке в наборную рукопись и воспроизведена Богомоловым.

Точно так же была перенесена в наборную рукопись и появилась в Печ. элементарная опечатка Царевского в Ан — «жалобницу» (59, 6). Внесение в текст — в нарушение норм русского языка — данной опечатки тем более показательно, что в соседних строках рукописи и Печ. слово дано верно: «жалобницы» (59, 10).

Тем же путем попало из Ан в Печ. характерное для Царевского слово с ошибочно удвоенным «н» — «прелюбодейного» (345, 7).

Не лишено комического оттенка происхождение ошибки в «Клине»: «... на лице отрочества явились робость, неложной знак болезненного, но неизвестного чувствования» (402, 11—14). Согласование «явились робость» ошибочно, но происхождение этой погрешности совершенно ясно. Дело в том, что в Ан Царевский сначала осмыслил и переписал текст так: «... явились робость и сложной знак...», — закономерно предварив множественным числом глагола два подлежащих. Тут же Царевский (или сам Радищев — по двум штрихам с уверенностью сказать нельзя) переправил «и сложной» на «неложной»; в результате подлежащее образовалось одно, а глагол остался во множественном числе. Во всех списках встречаем верное «явилась», но в Печ. вновь возникает ошибка Царевского, очевидно восстановленная справщиком в наборной рукописи.

Конечно, далеко не во всех «опечатках» такого рода виноваты Царевский и рукопись Ан. Многие будущие «опечатки» возникли на гораздо более поздних этапах переписки «Путешествия», причем в ряде случаев они, очевидно, отражают орфографические навыки либо опечатки других переписчиков, помогавших Радищеву. Так, иной раз в Печ. находим форму «ити» (67, 18 и др.), свойственную списку Пд (т. е. переписчику протографа Пд), тогда как в других списках — «итти» (Царевский писал это слово двояко — «итти» и «итьти»). «Гайзейском» (101, 2) возникло только в Пд, тогда как в предшествующих редакциях — «Ганзейском» (правда, в Ан тут нет листа, но в Г, Б и Ув. . . Рг — «Ганзейском», в В с ошибкой — «Газейском»).

В Чк, Тх, Пд вместо верного «изувечили» возникло ошибочное «изувечали», закрепленное Печ. (128, 19—20). В Чк находим неверные напи-

сания, перешедшие в Печ., — «угодать» (342, 21), «Франкфурскую» (343, 1—2) вместо «угадать», «Франкфуртскую» и т. д.

В обороте «яко чувственница увядать станет» в Вр появилось «увядать» (через «ять»), откуда перешло в Ол и Пд (речь, конечно, идет о протографах Вр, Ол, Пд!), а затем в Печ. (190, 11), — тогда как во всех списках, включая Ан, находим верное написание.

Несколько более сложны случаи в «Хотилове». Первый фрагмент: «Младенцу или старцу, расслабленному, немощному и нерадивому *удел* будет бесполезен. Она пребудет в запустении, и ветр класов на ней не взвеет. Если она бесполезна делателю ея, то бесполезна и обществу. . .» (245, 13—19). В этом фрагменте бросается в глаза несогласованность существительного мужского рода «удел» и относящихся к нему шести слов женского рода. В первой фразе явно пропущено какое-то слово. Этой части «Хотилова» в списках Г, Е, Ж нет, но к тому же протографу восходит текст сводной редакции, а во всех трех — Б, В и втором слое Д читаем: «. . . удел *в ниве* будет бесполезен. Она. . .». В Ан двух подчеркнутых слов нет, но совершенно очевидно, что это — элементарный пропуск Царевского, не замеченный Радищевым.

Второй случай из «Хотилова» несколько иного типа: «И се пагуба зверства разливается быстротечно. Мы узрим окрест нас меч и *отраву*. Смерть и пожигание нам будет посул за нашу суровость и бесчеловечие» (260, 21 — 261, 2). В двух последних фразах видны элементы характерного для радищевской поэтики параллелизма. Типичный пример его — в 39-й строфе «Вольности»:

Разя, прельщая, угрожая,
Иль казнь, иль мзду ниспосылая —
Се меч, се злато: избирай. . .

Здесь каждый из трех элементов двучленной параллели четко соотносится друг с другом: «разя — казнь — меч», «прельщая — мзда — злато». Точно так же в двух фразах из «Хотилова» соотносятся два элемента одного члена параллели — «меч — смерть». Но какое отношение «отрава» имеет к «пожиганию»? И как вообще можно узреть отраву «окрест нас»? Тем не менее, идя вспять от шестой наборной редакции к сводной, мы везде находим «отраву». То же слово — в Ан, но здесь Царевский написал «отраву» поверх какого-то стертого слова. Ответ на возникшее сомнение дает список Г, где четко написано: «меч и светочу», т. е. факел. А это уже — точная двучленная параллель: «меч — смерть», «светоча — пожигание». Таким образом, абсолютно ясно, что в Печ. перед нами — порча текста. Однако в Ан мы видим не опisku, не сразу неверно воспроизведенное слово, а слово, написанное по стертому тексту (причем слабые остатки штрихов как будто не складываются в «светочу»), и в Б и В — тот же вариант. Скорее всего, «светоча» была заменена самим Радищевым на какое-то другое слово, соотносившееся с «пожиганием», но переписчики ошибочно прочли его как «отраву», писатель же, как и во многих других случаях, ошибки не заметил. Но какое слово было вписано Радищевым вместо «светочи», сказать, конечно, невозможно. Поэтому приходится

внести в тексте «светочу», дабы восстановить принципиально важный для Радищева художественный прием (параллелизм) и снять явный ляпсус с «отравой», которую якобы можно узреть «окрест нас».

Следует отметить, что многие «опечатки» и ошибки появились в таких местах текста, которые по какой-либо причине подвергались правке. Так, в «Крестцах» читаем: «Да уничтожит закон, яко же нарушение оного повелевет» (184, 18—19). Во всех списках, кроме двух, находим «повелевает», но в Чк и Тх — «повелит». По-видимому, неверно прочитанное исправление в наборной рукописи привело к ошибке наборщика Богомолова.

В «Хотилове»: «С неизреченным радованием сказати может, что отечество наше. . .» (236, 18—20). Во всех, кроме четырех, списках — «можем». Ошибочное «может» появилось только в Еф, Кб, Эй, Пд, но не случайно: в Ан Царевский допустил в этом слове ошибку, которую, по-видимому, сам же и исправил, но при этом написал «м» так, что его при беглом чтении можно принять за «т». Очевидно, поэтому справщик и внес ошибочную поправку в протограф Еф.

От Г до Печ. прошла через все рукописи ошибка в «Чудове»: «Сильное стремление валов отнимало у кормила направление, и порывистый ветер, то вознося нас на мокрые хребты, то низвергая в утесистые рытвины водяных зыбей, отнимало у гребущих силу шестивенного движения» (24, 4—10). Ошибка во второй половине сложносочиненного предложения несомненна: существительное мужского рода «ветр» соединено с глаголом в среднем «отнимало». Возможно, Радищев сам машинально написал так под влиянием первой фразы и существительного среднего рода «стремление»; можно предположить, что при правке Ан он не уловил ошибочности второго «отнимало» по ряду причин: первая и вторая половина предложения оказались на разных страницах рукописи; к тому же Радищеву пришлось в начале фразы исправить две ошибки: «Сильно» на «Сильное» и «оть имало» на «отнимало», — поэтому, увидев на следующей странице «правильное» написание «отнимало», он не обратил внимания на отсутствие согласования.

Если предыдущий случай может быть хоть как-то объяснен с точки зрения психологии творчества, то следующий факт логическому объяснению поддается с большим трудом. В начале «Слова о Ломоносове» читаем: «Пускай стихии, свирепствуя сложенно, разверзнут земную хлябь и поглотят великолепны сей град. . .» (420, 15—17). Форма «великолепны» похожа на несомненную опечатку, допущенную, очевидно, Богомоловым, ибо во всех без исключения рукописях значилось «великолепный». Но почему же в А правильное «великолепный» исправлено на ошибочное «великолепны»? Правда, как упоминалось выше, у Я. Л. Барскова создано впечатление, что Радищев правил цензурную рукопись после печати. Однако правка в А «великолепны» — едва ли вообще не единственный пример такого рода (во всяком случае — исключительно редкий). К тому же если Радищев хотел подогнать А к Печ., то почему он внес в рукопись заведомую опечатку, но не исправил рядом «пускай поглотят» на печатное «и поглотят», а двумя строками ниже не вписал пропущенное пере-

писчиком слово «концы»? Скорее тут произошло нечто иное: линия, которой «зачеркнута» конечная буква «й» (находящаяся на краю листа), вообще является результатом не осознанной правки, а случайного движения пера, может быть, следом диагонального зачеркивания на одной из соседних страниц, нечаянно попавшим на край «чужого» листа и пришедшимся на букву «й». Но справщик (который, как мы уже не раз убеждались, усиленно восстанавливал в поздних рукописях ранние ошибки и опiski) принял этот случайный штрих за исправление и соответственно перенес его в наборную рукопись. А это значит, что «великолепны» не опечатка, допущенная Богомолотовым, а воспроизведение ошибки наборной рукописи, — ошибки, возникшей в результате «осмысления» справщиком случайного штриха.

Здесь, несколько отвлекаясь от темы ошибок-«опечаток», по-видимому, следует несколько слов сказать об этом загадочном «справщике», о котором неоднократно уже упоминалось. Справщик не только механически реставрировал ранние, отброшенные автором варианты, но и восстанавливал несомненные для русского уха и глаза языковые ошибки (такие как «жалобницу» в «Спасской Полести», «убийственной» в «Крестцах», «опасность» в «Хотилове», «то, что печать можно» в «Торжке», «прелюбодейного» в «Медном», «явились» в «Клине», «великолепны» в «Слове о Ломоносове» и т. д.). Именно ошибки против «духа и буквы» русского языка заставляют высказать предположение, что Радищев из-за крайней спешки привлек к сверке текстов какого-то близкого ему немца, опять-таки, скорее всего, из таможни, где он заблаговременно собрал людей, впоследствии принимавших участие в работе над книгой. В этой связи на первый план выступает Иоганн фон Мейснер — выходец из Пруссии, прибывший в Россию примерно в середине 1786 г.⁴ В течение короткого времени Мейснер совместно с купцом Меркуловым торговал книгами «в будке» у Биржи, где, без сомнения, с ним познакомился писатель. Вскоре Радищев сумел добиться определения Мейснера на службу в таможню (подобно Богомолотову, Пугину, Царевскому и другим переписчикам «Путешествия», чьих имен мы пока не знаем). Именно Мейснеру Радищев поручил отнести «Путешествие» в Управу благочиния, не «объявляя» там имени автора, и Мейснер же через полгода доставил рукопись с визой обер-полицмейстера.

Если это предположение верно, если Мейснер (или какой-то другой, близкий Радищеву немец, например Август Видман, что, на мой взгляд, менее вероятно) был справщиком, сверявшим поздние редакции с ранними, то сразу же снимаются многие недоуменные вопросы, становится легко объяснимым и восстановление выправленных автором вариантов, и реставрация элементарных языковых ошибок, и, наконец, обилие орфографических погрешностей в книге. По-видимому, Мейснер достаточно свободно говорил по-русски, но вряд ли за три с небольшим года пребывания

⁴ См.: Татаринцев А. Г. А. Н. Радищев: Архивные разыскания и находки. Ижевск, 1984. С. 93.

в России он хорошо овладел русской грамотой и литературным языком. Вернемся, однако, к мнимым «опечаткам».

В академическом издании сочинений Радищева исправлена лишь небольшая часть ошибок «опечаток» (чтобы не увеличивать числа примеров, возьму приведенные выше случаи). Некоторые из них исправлены без всяких указаний: «жалобницу», «Ганзейском», «Франкфуртскую»; в некоторых словах исправленные буквы взяты в скобки: «опасно(с)ть», «повелев(а)ет», «великолепны(й)». Принцип, согласно которому в одних случаях исправления обозначены в тексте, а в других нет, не оговорен. Почему, например, опечатка «бумагъ» набрана «бумаг(и)», а строкой выше находим «произхождение» без пометы (в Печ. — «пвоизхождение», ср.: Печ., 10, 19 и 21, Соч., I, 231)? Понять это затруднительно.

Однако в подавляющем большинстве случаев «опечатки»-ошибки в тексте академического издания зачем-то аккуратнейшим образом воспроизведены: «изъуродую», «убийственной», «ити», «изувечали», «угодать», «уведать» (уже не через «ять», а через простое «е!»), «может», «явились», «отнимало» и пр. По-видимому, редакция приняла данные формы за особенности авторского «правописания» и сохранила эту «орфографическую непоследовательность» как «характерный факт в плане изучения языка Радищева» (Соч., I, 441).

Однако выявление и исследование списков «Путешествия» приводит к заключению, что все эти и десятки аналогичных «опечаток» и погрешностей представляют собой не «непоследовательность» «языка Радищева», а элементарные ошибки многочисленных переписчиков, справщика, наборщика. «Виновен» Радищев преимущественно в том, что он далеко не все ошибки (особенно восстановленные справщиком) заметил и исправил. Но как раз подобное свойство Радищева-«корректора» и не является для текстологии чем-то странным или необычным.

«Надо помнить, — писал по этому поводу С. А. Рейсер, суммируя наблюдения многих текстологов — что автор, почти, как правило, — плохой корректор своих творений: он читает свой текст не по-корректорски, а обращая преимущественное внимание на творческую сторону, и почти не в состоянии считывать свой текст с оригиналом».⁵ В качестве «плохого корректора» Радищев стоит рядом с А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем Л. Н. Толстым, В. В. Маяковским и многими другими.⁶

Коль скоро установлено, что «автором» многочисленных ошибок, «опечаток» и т. п. является не Радищев, нет никакой необходимости сохранять эти погрешности в радищевском тексте. Поэтому в подготовленное мною для серии «Библиотека русской художественной публицистики» издание «Путешествия» 1981 г.⁷ было введено изрядное количество уточнений и поправок. Не останавливаясь ради экономии места на правке чисто «буквенных» и орфографических погрешностей рукописного про-

⁵ Рейсер С. А. Основы текстологии. Изд. 2-е. Л., 1978. С. 21.

⁶ См.: Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени. М., 1970. С. 133 и др.

⁷ Радищев А. Путешествие из Петербурга в Москву. М.: «Советская Россия» 1981. В приложении помещена ода «Вольность».

псхождения, привожу список наиболее существенных исправлений смыслового характера (о некоторых из них речь шла не только в этой статье, но и в предыдущей), внесенных в настоящее издание.

		Издание 1790 г.	Исправлено
16,	1	под вечером	под вечерок
24,	9	отнимало	отнимал ⁸
25,	1	Носимые	Носимое
35,	4	мое друг	мой друг
56,	14—15	Вообрази, вообрази	Вообрази
57,	12	прибежав	прибежал
107,	14	глаза	глаза серые
107,	21	ренского непьет	ренского выпьет
108,	4	листовых	миртовых
122,	20	получили	получали
132,	19—20	дети	люди
142,	23	угождении	угождения
158,	3	острота	остроту
158,	11	были знак	был знак
162,	24	взаимню	взаимную
180,	7—8	такого... шествия	таково... шествие
190,	12	но мгновенно	не мгновенно
205,	4	его	ее
205,	7—8	пробывании	пребывании
216,	17—19	если... если	есть ли... есть ли
236,	19	может	можем
244,	24	даст	дает
245,	8—9	поросшею	поросшую
245,	15	удел будет	удел в ниве будет
246,	21	блаженными	блаженным
251,	4	Сенагала	Сенегала
257,	23	избытка	избытки
258,	24	неможно	не может
259,	3—4	Но поборники неволи	Но не только побор- ники неволи суть
260,	6	Неведаете ли	Но ведаете ли
260,	23	отраву	светочу
288,	2	ваших	наших
289,	21	печать	печатать
294,	20	тракт	трактат
311,	10	укоренят их и рас- пространят	укореняет их и рас- пространяет
316,	3	Морфей	Матфей
320,	11	писателях	писаниях

⁸ Это и еще несколько исправлений вводились в наши дни в массовые издания под редакцией Д. С. Бабкина, Г. П. Макогоненко и др.

328,	16	в 1507 году	в 1501 году
333,	11	при Якове I	при Якове II
344,	8	воспитанницы	воспитательницы
384,	15	то бы	то было
393,	7	кафе	кофе
402,	12	явились	явилась
418,	20	на ушно	на ушко
420,	17	великолепны	великолепный
432,	11	своего	своею
448,	18	Чуждый	Чужды

Помимо ошибок и мнимых «отпечаток» рукописного происхождения в издании 1790 г. имеется множество опечаток «настоящих» — опечаток, допущенных действительно Богомоловым и не замеченных корректором (Радищевым), например: вместо «которую» — «котрую» (51, 2), вместо «вскричала» — «врскичала» (55, 4), вместо «не токмо» — «немокмо» (70, 1), вместо «государстве» — «государсте» (80, 11), вместо «сочинял» — «сосочинял» (355, 2—3), вместо «науке» — «наукче» (450, 19) и т. д. Думаю, что исправление опечаток такого рода в тексте издания отмечать не следует. Вряд ли целесообразно в этом отношении опираться и на опыт академического издания, в котором исправление опечаток отмечено выборочно, причем принцип этого отбора непонятен. Например, приведенные выше слова здесь напечатаны так: «кот/о/рую», «вскричала», «нетокмо», «государст/в/е», «сочинял», «науке», — т. е. указаны два исправления из шести. Нужна ли кому-нибудь подобная видимость научной строгости?

Наиболее сложен, конечно, вопрос о воспроизведении в научном издании таких написаний, которые расходятся с написаниями нашего времени, и особенно «дублетных», «вариативных» (по разным причинам) форм. Проблема эта многократно дебатировалась, но ее сколь угодно общего принципиального решения нет ни в теоретическом плане, ни в практическом воплощении.

Одна группа текстологов стоит на позициях последовательной «модернизации» орфографии (с сохранением «разнобоя» при воспроизведении стилистически значимых форм).

«Очень разнообразная, в течение долгого времени неупорядоченная или упорядоченная по отличным от сегодняшних правописных норм орфография должна воспроизводиться по нынешним правилам, — пишет С. А. Рейсер. — Нет никакого резона сохранять архаичную орфографию самое по себе, разве что специально для целей стилизации. Впрочем, поскольку все памятники издаются ныне только по нормам современного правописания (1918 г. с поправками 1956 г.), то, что принято у пуристов называть «рисунком» или «стилем» страницы, все равно разрушено, в этих условиях заботиться о воспроизведении каких-то деталей — тщетная и неблагоприятная работа.

Лишь в изданиях документального типа допустимо (даже обязательно) воспроизведение орфографии и пунктуации оригинала.

Академические издания до некоторой степени к ним приближаются; редакторы этих изданий склонны преувеличивать степень этой документальности.⁹

Именно такая позиция представлена редакторами «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина в серии «Литературные памятники» — Ю. М. Лотманом, Н. А. Марченко, Б. А. Успенским. «В настоящем издании, — пишут они, — проводится лишь минимальная модернизация орфографии и пунктуации. . .

Мы стремились сохранить все пунктуационные и графические особенности карамзинского текста».¹⁰

В процессе подготовки этого издания редакторы выступили с «программной» статьей, в которой несколько более подробно обосновали свою позицию.¹¹

В заметке «От редакции», помещенной после статьи, суммированы возражения редакторам «Писем», возникшие в ходе обсуждения подготовленной рукописи книги на заседании редколлегии серии «Литературные памятники». Для проблем радищевского издания, о которых речь пойдет дальше, наиболее существенным представляется пункт 2 возражений.

«Публикация с максимальным сохранением особенностей орфографии какого-либо одного издания, осуществленного при жизни автора в соответствии с традицией данной (отдаленной) эпохи и данного издательского дома (если, конечно, текст не воспроизводится фототипически), неизбежно предполагает определенную реконструкцию, произведенную публикатором. Результат этой реконструкции не является объективной литературной реальностью, объективным фактом литературы — «текстом данного произведения данного писателя»; он неизбежно — «текст данного писателя в свете концепции данного издателя». Такой принцип публикации имеет и другой аспект: он рассчитан на читателя-эрудита (которого, впрочем, в таком случае издатель рассматривает как недостаточно подготовленного для самостоятельной работы с подлинным текстом)».

Не вдаваясь в подробности текстологии подготовленного Ю. М. Лотманом и Б. А. Успенским издания «Писем» Карамзина (это увело бы слишком далеко от темы данной работы), укажу лишь на два возникающих в этой связи сомнения (о коих нет речи ни в статьях редакторов, ни в замечаниях их оппонентов).

Во-первых, подробно говоря о Карамзине как продолжателе «новиковской традиции» в употреблении прописных букв, редакторы не задались вопросом, в какой мере эта традиция именно «новиковская», а не отражение навыков того или иного корректора и наборщика типографии

⁹ Рейсер С. А. Основы текстологии. С. 63.

¹⁰ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 516, 521.

¹¹ См.: Лотман Ю. М., Толстой Н. И., Успенский Б. А. Некоторые вопросы текстологии и публикации русских литературных памятников XVIII века // Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1981. № 4. С. 312—323 (с. 323—324, заметка «От редакции»).

Московского университета. Во всяком случае, сопоставление сумароковского издания «Притч» (кн. 1—3, Спб., 1762—1769) с соответствующими текстами 7-го тома сочинений Сумарокова в изданиях Новикова (М., 1781 и 1787) показало, что большинство разночтений должно быть отнесено именно на счет корректора и наборщиков, редактор же (т. е. Новиков) не исправил даже явных «ляпов» авторского издания (к примеру, типографская ошибка в названии басни «Белка и орех» — «Лисица и орех» — воспроизведена весьма точно).

Во-вторых, как показывает сопоставление разных изданий «Писем» и приводимые самими же редакторами сведения о корректуре, сохраненной Селивановским, орфография и пунктуация в них отчасти менялась от издания к изданию — в связи с изменением и развитием русской орфографии и пунктуации вообще, — и это понятно, поскольку Карамзин хотел, чтобы его произведение читалось новыми поколениями читателей, а не было только «памятником» начала 1790-х гг. Иначе говоря, орфография, графика, пунктуация, даже лексика «Писем» представляли собой не просто определенную индивидуальную систему, но систему развивающуюся, динамичную. Абсолютизируя же орфографию и пунктуацию данного локального момента (издания 1814 г.), редакторы издания 1984 г. превратили эту живую, динамичную систему в систему законсервированную, статичную.

К изданию «Писем» Карамзина 1984 г. пришлось отчасти обратиться потому, что редакторы в качестве положительного примера «осторожного отношения к орфографии памятника» приводят академическое собрание сочинений Радищева.¹²

В заметке «От редакции», помещенной в 1-м томе академического издания, обосновывается различный подход к воспроизведению текстов — в зависимости от степени участия Радищева в том или ином издании. Печатаются «по автографу» повесть о Филарете милостивом («Положив непреоборимую преграду. . .») и отрывок «А теперь увы!. .» (который безусловно не представляет собой радищевского автографа, вопреки утверждению редакции). Источниками «Письма к другу» и «Путешествия» являются издания, вышедшие из домашней типографии Радищева. По журнальному тексту печатается «Беседа о том, что есть сын отечества», по тексту отдельного издания 1789 г. — «Житие Ф. В. Ушакова» (к обоим изданиям «Радищев несомненно стоял близко»).

В академическом издании текст этих шести произведений «точно передает самое правописание и пунктуацию подлинников. Орфография Радищева крайне неустойчива. Одно и то же слово, одну и ту же форму он дает в различных написаниях в одном произведении, нередко на одной странице; мы не сочли возможным производить унификацию его правописания и сохраняем его орфографическую непоследовательность, считая эту самую непоследовательность характерным фактом в плане изучения языка Радищева. Отступления от подлинника допущены только в следующих отношениях:

¹² См.: Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1981. № 4, С. 321—322

а) дореволюционная орфография заменена новой. . . (имеется в виду устранение трех букв, отмененных в 1918 г., и конечного «ъ». — В. З.);

б) устранены, конечно, явные опечатки или описки, искажающие текст Радищева;

в) в некоторых случаях устранены явные несообразности пунктуации, искажающие прямой смысл фразы.

Орфография и пунктуация других произведений, публикуемых по «Собранию оставшихся сочинений» и по спискам, а также написание вариантов «Путешествия», в отличие от первой группы, в значительной степени модернизированы (см.: Соч., I, с. 441—443).

Как мы уже видели, за «орфографическую непоследовательность» Радищева были приняты разные категории ошибок переписчиков «Путешествия». В еще большей степени в верности наблюдения относительной роли переписчиков, справщика, наборщика, корректора в изданиях радищевских сочинений убеждает сопоставление печатного текста «Путешествия» и «Письма к другу» с текстом «Жития Ушакова». Не вдаваясь из-за отсутствия места в подробности, замечу лишь, что «Житие» в целом напечатано значительно грамотнее, чем «Путешествие», даже по неустойчивым орфографическим нормам XVIII в. (это касается, например, раздельного написания предлогов, союзов и частицы «не» с различными частями речи), гораздо обильнее и в иных случаях употребляются прописные буквы (то самое явление, которое Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский применительно к Карамзину определили понятием «новиковская традиция»), наконец, в книге неизмеримо меньше опечаток. Все это, конечно, объясняется иными орфографическими навыками и гораздо более высокой квалификацией корректора и наборщиков типографии Вейтбрехта (одной из лучших в Петербурге, получившей наименование «Императорской»). Напротив, для «Письма к другу» характерны те же орфографические особенности и обилие ошибок, что и для «Путешествия». После этих общих замечаний приступим к анализу различных категорий орфографических особенностей, которые должны быть устранены либо, наоборот, сохранены в научном издании «Путешествия».

Согласно общепринятым нормам во всех случаях заменяются упраздненные в 1918 г. буквы «ять», «фита», «и десятиричное», устраняется конечный «ъ», вместо «щ» пишется «сч» в словах типа «несчастный». В соответствии с современными орфографическими правилами в глаголах 2-го лица единственного числа ставится «ь» (как в формах типа «успеваешь», так и «ошибаешься»); в именительном падеже множественного числа прилагательных вместо окончания «-ья/-ия» печатается «-ые/-ие». Написания типа «разставаться», «изчислить», «растворяются», «рассказ», «исключительно», «порозшей» и т. п. заменяются на «расставаться», «исчислить», «растворяются», «рассказ», «исключительно», «порозшей» (это тем более целесообразно, что ряд подобных написаний появился в результате ошибок переписчиков и наборщика; таким путем из рукописного «исключительно» образовалось в Печ., 246, 1 — «изключительно», из «порозшей» — в 352, 20 — «порозшей» и т. д.).

В соответствии с современной графикой печатается «э» вместо «е»

в словах «эта», «электрической», «эпоху», «поэзии», «в эпопее», «эпопее» (в двух последних случаях исправляются также ошибочные падежные окончания — Печ., 351, 16 — «свойственным эпопеи»; 452, 7 — «томился в эпопеи»). Хотя употребление литеры «э» (например, у Тредиаковского) вызывало возражения Сумарокова и Ломоносова, но уже грамматики Ломоносова и Барсова свидетельствуют, что произношение этих слов в XVIII в. не отличалось от современного нам.¹³ Должна сохраняться графика слова «ексаметрах» (351, 22), несомненно отличавшаяся произношением (ср. дублетные формы «гексаметр», «гексамедр»).

Окончание родительного падежа единственного числа прилагательных и причастий «-аго/-яго» последовательно заменяется на «-ого/-его». Сохраняются в научном издании формы с окончанием «-ова» («худова», «маленькова»). Таких слов в «Путешествии» немного, но они нужны были писателю для воссоздания разговорно-просторечного колорита. Принадлежность их самому Радищеву доказывается его собственноручной правкой в Ан, где он в «Едрове» «приданое» поправил на «приданова» (Печ., 225, 2).

Точно так же должны сохраняться во всех изданиях «разговорные» окончания прилагательных «-ой» («праздной», «ложной» и т. п.), достаточно последовательно проведенные в тексте «Путешествия» наряду с формами на «-ый».

Совершенно иначе, однако, обстоит дело с прилагательными и причастиями с окончаниями «-ей» и «-ий». В принципе определения с этими двумя окончаниями должны были бы употребляться в разных стилистических сферах (подобно паре «-ой» — «-ый»), но в «Путешествии» прилагательные и причастия с различными окончаниями постоянно смешиваются — безотносительно к стилю и содержанию контекста. Вот несколько примеров: «корчущей мраз, лиющийся в твоих жилах и завременно жизнь пресекающий» (35, 14—16); «последней случай, к таковым деяниям относящийся» (123, 13—14); «Человек. . . добившейся в знатность, или бедняк, приобретший богатство» (124, 20—23); «Дворецкой мой, конюшей и . . . крайчий» (280, 2—4); «Первой вечер по свадьбе и на следующий день, в которой. . .» (379, 4—6).

Что это — орфографическая непоследовательность самого Радищева или разнобой, внесенный переписчиками? Проверка по спискам показывает, что в разных списках переписчики в каждой фразе поступают по-своему, но опять-таки непоследовательно. Так, в первом примере в списках Г и В находим три однотипные формы — «корчущей», «лиющейся», «пресекающей», тогда как в Кл — «корчущий», «лиющий», «пресекающий». Во втором же примере не только Г и В, но и Кл дает «последней», «относящейся». В третьем — тот же разнобой, что и в Печ., во всех трех этих списках — «добившейся», «приобретший» (в Кл — с двумя ошибками: «приобредши», — впрочем, переписчики всех списков более или менее часто опускают конечный «й») и т. д.

¹³ См., например: *Сумароков. Стихотворения*. Л., 1935. С. 375—378; *Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 422, 425; Барсов А. А. Российская грамматика. Изд-во МГУ, 1981. С. 46—47.*

Написание трех из этих примеров в Ан соответствует Печ. (в рукописи нет листов, содержащих первый и третий примеры). Радищев, правильной орфографии вообще почти не занимавшийся (по крайней мере в рукописи Ан), оставил здесь текст в неприкосновенности. Однако решить данную проблему помогает именно радищевское написание в аналогичном случае. В «сне» монарха одна из фраз в Ан начиналась так же, как и в Г: «Тут виден был скиптр мой, на снопах, обильными класами отягченных, возложенный. . .» (у Царевского написано «классами», что осталось невыправленным). Слово «возложенный» Радищев в Ан исправил на «возлежащий», а в сводной редакции перестроил конструкцию. В Печ. читаем: «Тут виден был скипетр мой, возлежащей на снопах. . .» (61, 20—21). Таким образом, собственноручно написанное Радищевым «возлежащий» превратилось под пером переписчиков в «возлежащей». По-видимому, в стилистическом отношении формы на «-ий» и «-ей» для писателя были безразличны. А так как в возникновении этих форм в значительной мере виновны переписчики, то, на мой взгляд, незачем сохранять в тексте разноречивой неавторского происхождения. Поэтому в издании 1981 г. окончания прилагательных и причастий «-ей», «-ейся» были заменены на «-ий», «-ийся». Полагаю, что такое же решение следует принять и в данном научном издании.

В тексте Печ. находим громадное количество орфографических «дублетов» слитного и раздельного написания «не», предлогов, союзов⁷ с различными частями речи. В одних случаях, например, «не» с глаголами написано раздельно: «не ехать» (4, 9), «не родила» (55, 23); но на тех же и соседних страницах напечатано слитно: «неведаю» (11, 3—4), «немогли» (55, 22). Часто слитное и раздельное написание перемежается от строки к строке: «не смею. . . несмеешь. . . не смеешь» (33, 22—34, 1). Аналогичный разноречивый — в написании «не» с другими частями речи: «не правосудие. . . и невинность» (59, 8—9, ошибочно первое написание), «неженитьбою» (153, 17), «нетокмо» (55, 24), «необязанность, не должность» (164, 3—4) и т. д.

При сопоставлении с рукописями оказывается, что ошибочные формы Печ. в большинстве случаев написаны в цензурной рукописи правильно, причем это касается и той части рукописи, которую изготавливал Царевский (Ан), и частей, переписанных другими лицами.

Таковы случаи слитного написания «не» с разными глагольными формами: «немешкав» (32, 1—2), «несмеешь» (33, 23), «нелопнул» (34, 6), «неуспокоились» (56, 1), «неизбегала» (128, 16), «неимея» (128, 17), «ненашед» (147, 1), «недаждь. . . недаждь» (159, 14—15), «негордилася» (163, 19), «неопечальтася» (169, 19), «неумеете» (169, 20), «Ненайдете» (190, 3—4), «немните» (190, 6) и мн. др. Во всех этих случаях Царевский в Ан написал «не» раздельно с глаголом и деепричастием. Та же картина в других⁸ частях цензурной рукописи: в формах Печ. «необезумею» (152, 5), «недивись» (153, 13), «неесть» (311, 20) и пр. переписчики дополнительных вставок (Ад) «не» написали раздельно.

Идентичное расхождение между Печ. и рукописью наблюдается в написании «не» с другими частями речи. В словах, слитно набранных в Печ.:

«непричиною» (134, 21—22), «недля того» (155, 3), «необязанность» (164, 3—4), «а некак» (169, 6), «нетокмо» (170, 6; 202, 17), «неприрода» (181, 8—9), «неправительство» (202, 15—16), «неболее» (215, 16), «ненегодяй» (216, 23) и т. п. — у Царевского во всех случаях «не» написано отдельно. Раздельное написание находим во многих случаях и у переписчиков вставок тогда, когда в Печ. напечатано слитно: «непьяница» (46, 15), «недля чего» (151, 13), «нехудо» (152, 17) и пр.

Реже, но тоже многократно предлоги и даже союзы в Печ. напечатаны слитно с последующими словами: «передомною» (13, 3; 264, 4), «унего» (39, 9), «нанем» (52, 18), «иразмышляя» (154, 24), «предомною» (201, 9—10), «отом» (215, 2), «налицах» (389, 5) и др. В Ан во всех приведенных случаях находим раздельное написание. Есть в Печ. и ошибки другого рода — раздельное написание приставок как предлогов: «во ображении» (1, 16), «на бродится» (93, 19), — в рукописи же А находим соответственно «воображении», «набродится».

Серию «дублетов» такого рода видим на страницах полулиста А2, набором которого экземпляры «Путешествия» типа Печ. А отличаются от Печ. С. В соответствии с протографом Пд и, очевидно, наборной рукописью в этом полулисте первоначально было набрано (тип Печ. С.): «понеи» (9, 5), «закакой» (11, 1), «съгоря» (12, 22), «поягоды» (16, 5), «Унего» (16, 24). При вторичном наборе (тип Печ. А) данные сочетания были воспроизведены в соответствии с Ан (правда, не все листы рукописи сохранились): «по ней», «за какой», «съ горя», «по ягоды», «У него». Здесь же находим и пример восстановленной ошибки Царевского: «наравне» заново набрано по Ан — «на ровне» (11, 12). То, что это написание принадлежит именно Царевскому, подтверждает идентичный случай в «Городне»: «на ровне» (Ан) напечатано как «наравне» (375, 15—16). Напротив, переписчик вставки в «Зайцово» писал «наровне» слитно (Печ., 151, 8 — опять-таки «наравне»).

Ответ на вопрос, как — слитно или раздельно — считал нужным печатать «не», предлоги, союзы и т. п. сам Радищев, находим в его поправках в цензурной рукописи. Так, в «Едрове» «переменил и дал» Радищев исправил на «не переменил и не дал», причем оба «не» очень четко написаны отдельно от глаголов (в Печ. текст несколько иной, без «не», — см. 218, 20). В Ан «зевнул во весь рот» писатель изменил на «зевнул во всю мочь». В Печ. набрано: «зевнул во всюмочь» (63, 24). Слова «предупреждать мои» Радищев исправил, очень четко выписав все новые буквы: «на предупреждение моих» (лишний «ъ» остался от Царевского). Тем не менее в трех наборных редакциях переписчики исказили «предупреждение» на «предъупреждения» («предупреждения»); наконец, в шестой наборной редакции и наборной рукописи появилось вовсе ошибочное «предупреждения», откуда справщик перенес конечное «и» в протограф Гш (по-видимому, он же восстановил по Ан принадлежавший Царевскому лишний «ъ»). В результате в Печ. читаем «на предупреждении моих» (63, 11—12) — с ошибкой в окончании существительного, верно написанного рукой Радищева. Впрочем, сейчас для нас важно то обстоятельство, что предлог с существительным был написан им раздельно.

Есть, однако, в цензурной рукописи и неверные написания, например: в Ан — «незахотел» (то же в Печ., 39, 17); в Ад — «угородских» (то же в Печ., 46, 3), «не лязя» (Печ., 151, 13 — слитно). Встречаются в рукописи и «дубликаты» (верное и ошибочное) написания слова или сочетания. Так, из Ан перешли в Печ. написания «со всем» (11, 14; 179, 7) и «совсем» (164, 10). В добавленной концовке «Едро́ва» трижды подряд неверно напечатано «некак» (234, 22; 235, 1 и 3), причем в рукописи в первом случае написано «некак», а в двух других — «не как».

По-видимому, некоторые написания такого рода восходят к радищевским автографам. Однако подобные начертания (а они были без сомнения) объясняются отнюдь не «орфографической непоследовательностью» Радищева, а простой графико́й — навыками «безотрывного» письма, явлением, чрезвычайно широко распространенным в XVIII—начале XIX в. Если мы обратимся к черновым автографам как Радищева, так и, например, Муравьева, Державина, Пушкина, то обнаружим в них великое множество слитных написаний частиц, союзов, предлогов и даже целых слов и, наоборот, отдельных — приставок, частей одного слова и пр. Для иллюстрации приведу лишь несколько примеров из широко доступных печатных источников.

У самого Радищева находим, например, такие ясные «безотрывные» начертания, как «урусских», «недолжно», «ввелов оную», «недошед», «и Руссо», «соседахъсвоих», «невзяв», «доброеправление» (см. репродукции: Соч., 3, 32—33, 46—47).

В автографе неопубликованного стихотворения Державина, который воспроизведен в биографии писателя, в первой же строке видим «о чам» («очам»), в 5-й — «По етому», в 6-й — «такоеж», в 8-й — «до вел», «дочего».¹⁴ Множество подобных написаний можно найти на фоторепродукциях пушкинских автографов, приложенных к книге Б. С. Мейлаха.¹⁵ Так, на фоторепродукции № 1 видим слитно написанное «длялюби», отдельно — «за чем»; на фоторепродукции № 2 — «Нодля», «иглухой»; на фоторепродукции № 14 — «ещебежит», «ятебя», «когдаб» и мн. др. В беловиках же и в печати все эти написания приобретали «нормальный» вид. Поэтому, если по вине Радищева (а «вина» его в том, что он «плохой корректор») какие-то подобные формы из его черновых автографов проникли к печати, сохранять их ни в массовых, ни в научных изданиях нет никакого смысла.

Множество слов в Печ. имеют «лишнюю» букву «ь», например: «рытьвина» (2, 23), «дворянчики» (138, 10), «кладьбища» (197, 20; 419, 10), «венчания» (220, 10), «обманьщик» (220, 21), «незастеньчивою» (229, 5), «церькви» (297, 10; 331, 11), «церьковными» (312, 8), «сверьх того» (323, 2), «обвеньчав» (344, 18—19), «перьява» (355, 9), «надьпись» (358, 21), «приязни» (359, 17) и др. Во всех приведенных и подавляющем большинстве аналогичных случаев и Царевский, и переписчики дополнительных вставок писали слова верно: лишний «ь» возникал, как правило, либо в по-

¹⁴ См.: *Западов В.* Гаврила Романович Державин: Биография. М.; Л., 1965. С. 109.

¹⁵ *Мейлах Б.* Художественное мышление Пушкина как творческий процесс. М.; Л., 1962 (приложение в отдельной папке).

следних рукописных редакциях, либо непосредственно в наборе. Понятно, что и эта категория ошибок должна последовательно устраняться во всех изданиях.

Таковы главные группы, так сказать, «массовых» ошибок, каждая из которых содержит много однотипных примеров. Но в «Путешествии» есть изрядное число ошибок «единичных», на каждую из которых в отдельности приходится лишь несколько случаев, в сумме же они создают весьма пеструю картину все того же разнобоя.

Так, различно набрано «шлюбка» (22, 22), «шлюпка» (25, 15), «шлюпку» (39, 11—12). В Ан Царевский во всех трех словах написал слово через «б». Но, коль скоро в двух последних случаях «б» исправлено на «п», не стоит его сохранять и в первом.

Сходный пример: «поветствую» (55, 1), «поветствователь» (56, 15), «поветствование» (272, 7), а с другой стороны, — «поветствовани» (56, 4), «поветствуют» (101, 20; 115, 19—20). Лишнее «т» едва ли не принадлежит персонально Царевскому; в радищевском тексте сохранять чужую орфографию, думается, не следует.

Весьма последовательно, но ошибочно, в «Торжке» набрано: «созжены» (307, 11), «созжение» (309, 1; 312, 19), «созжения» (310, 22), «созжению» (311, 3—4). У переписчика дополнительно вставленной истории цензуры везде написано верно («сожжены» и пр.). По-видимому, данное написание принадлежит переписчику протографа БВ, ибо в четырех случаях из пяти в списке В находим уже написание через «з». Эта ошибка нерадищевского происхождения прошла через все редакции до Печ., но оставлять ее в тексте «Путешествия» незачем во всех изданиях.

В результате ошибок переписчиков сводной и последующих редакций возникли такие написания, как «ити» (215, 14; 219, 18; 444, 4 и др.) вместо «итти» или «итьти» (Ан), «Неробщите» (169, 3; 169, 10) вместо «Не рощите» (Ан), «протчего» (410, 7) вместо «прочего» (Ан), «сокращая» (430, 13) вместо «сокращая» (Ад) и т. д.

Несколько особняком стоит сравнительно небольшая группа слов, в одной части которых напечатано «ьи», а в другой — «ы», например: «отъиду» (76, 21), «предъидущего» (331, 1), «отъимет» (176, 11), но «обьдут» (74, 11; 287, 3), «отьдем» (164, 12), «отьду» (166, 23). В двух последних случаях в первоначальных формах «отьдем» и «отьиду» сам Радищев заменил «ьи» на «ы». А это дает основание и в других случаях внести аналогичные поправки, ибо, как было отмечено, орфографические исправления в Ан у Радищева имеют редкий, можно даже сказать, достаточно случайный характер.

Иной раз писатель не замечал разнобоя в написании одного и того же слова буквально в пределах двух или нескольких соседних строк (выше приводился пример из «Чудова» с «не смею. . . несмеешь. . .»). Сходный случай — в «Яжелбицах», где на одной странице Ан Царевский по-разному написал, а Радищев не заметил ни в рукописи, ни в Печ. двоякого написания одного слова: «безвременную старость» (201, 10—11) — «безвременную. . . смерть» (201, 15—16). Поскольку абсолютно никакого смыслового либо стилистического различия между этими двумя определениями нет,

по-видимому, резонным является решение в первом случае «я» исправить на «е».

Однако в похожем на первый взгляд примере из «Слова о Ломоносове»: «презрив глад и зной пустынный» (429, 20—21) — «презрев свет солнечный» (429, 24) — в издании 1981 г. написание не было унифицировано — и, очевидно, напрасно: во-первых, переписчик «Слова» в обоих случаях написал «и», Радищев же исправил в Ан только в одном месте; во-вторых, во всех последующих рукописях «презрив» написано как «презрев»; совершенно ясно, что «презрив» восстановил уже в наборной рукописи справщик по Ад. Поэтому в данном научном издании (исходя из радищевской правки) это написание унифицировано.

Любопытная и внешне сходная ситуация в «Торжке», где в большинстве рукописей читаем: «... ребенок . . . будет калека», а в Ан, Чк, Тх, Пд, Печ. — «каляка» (290, 12). Однако, поскольку последний вариант существовал в диалектах (и, что существенно, зафиксирован в калужском), форма Печ. оставлена без правки.

Неоправданно, по-видимому, в издании 1981 г. напечатано «циновкою» вместо «ценовкою» (42, 1). Последнюю форму (она дана в «Словаре» Даля, как и у Радищева, в написании через «ять» и помещена после слова «цыновка») следует восстановить в научном издании.

Как и в издании 1981 г., в научном издании должны сохраняться имеющие стилистический смысл написания типа «лице», «мечем» и пр.

Менее сложную проблему, чем орфография, представляют собой вопросы пунктуации.

Конечно, сохраняются специфические для интерпункции XVIII—начала XIX в. тире после точки внутри абзацев, восклицательный знак в середине фразы и т. д. В целом, однако, пунктуация Печ. модернизирована значительно, что, на мой взгляд, вполне естественно, — и не только потому, что знаки препинания в XVIII в. нередко ставились по отличным от нашего времени правилам (например, занятая между группами подлежащего и сказуемого).

«Понятие об авторской воле в отношении текста, — отмечал С. А. Рейсер, — никак нельзя механически переносить на знаки препинания. Они составляют, конечно, часть текста, но часть все-таки особого рода. Текстологу предстоит в каждом отдельном случае, изучив систему пунктуации конкретного автора, решить вопрос о степени выраженности в данном тексте его воли. . . .»

Там, где будет установлено равнодушие писателя, мы вправе унифицировать систему пунктуации в соответствии с современными нормами, вводя даже те знаки, которых при писателе не было.¹⁶

В этой связи следует напомнить если не о равнодушном, то «спокойном» отношении Радищева к пунктуации, в результате чего в первой и второй наборных редакциях расстановка знаков препинания приняла совершенно безобразный вид. В последующих редакциях кто-то (очевидно, все тот же справщик, плохо владевший русским языком) восстановил относительно

¹⁶ Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени. С. 183—184.

«нормальную» пунктуацию в тексте «Путешествия», но восстанавливал он ее явно по цензурной рукописи. А в этом источнике знаки препинания (равно как и их отсутствие) обусловлены не столько авторской волей, сколько «волей» Царевского и двух других переписчиков.

Однако и после восстановления справщиком знаков препинания в Печ. в очень многих случаях они отсутствуют даже тогда, когда их постановка требовала весьма несовершенная и неустановившаяся система пунктуации конца XVIII в. Более того, нередко знаки препинания отсутствуют там, где их постановка предусмотрена авторским текстом.

Вот характерный пример: «Я врач присланный к тебе и тебе подобным, да очисти зрение твое. — Какия бельма сказала она с восклицанием. — Некая невидимая сила, нудила меня ити пред нее. . .» (71, 20—72, 1). Между «бельма» и «сказала» как минимум должна была стоять запятая (и она есть в других аналогичных конструкциях Печ.), но из контекста ясно, что здесь необходим восклицательный («удивительный») знак. И, как свидетельствуют списки Г и В, Радищев его действительно поставил, — но только после слова «восклицанием». Поэтому вполне естественной является постановка восклицательного знака после слова «бельма», а после него — тире в соответствии с современными нормами. В других местах этого фрагмента вводятся соответствующие знаки, снимается запятая между «сила» и «нудила». Но характерное для Радищева тире после точки (между «твое» и «Какие»), означающее переход от мысли к мысли, своеобразный «полуабзац», сохраняется. В результате текст приобретает следующий вид: «Я — врач, присланный к тебе и тебе подобным, да очисти зрение твое. — Какие бельма! — сказала она с восклицанием. — Некая невидимая сила нудила меня идти пред нее. . .».

Таким образом, модернизация пунктуации Печ. сочетается с сохранением отдельных характерных для Радищева знаков препинания.

В заключение необходимо хотя бы вкратце сказать о некоторых проблемах, связанных уже только с композицией и составом данной книги.

Для издания в серии «Литературные памятники» предусмотрен максимальный свод вариантов и разночтений по всем выявленным спискам допечатных редакций. Однако все они разбиты на две части по отношению к основному тексту. Варианты к главам и фрагментам, введенным в «Путешествие» дополнительно (включая «Вышний Волочок»), выделены в отдельную подборку (подобную сводам вариантов в изданиях 1935 г. и академическом). Варианты же к тексту глав в том объеме, в каком они входили в состав начальной редакции, даются под строкой, в сносках к тексту «ранней редакции». На «раннюю редакцию» и на все разночтения распространены общие для издания орфографические и пунктуационные правила передачи текста, как принято это в советской текстологии.¹⁷

«Ранняя редакция», прилагаемая к основному тексту, представляет собой реконструкцию.¹⁸ Целесообразность и необходимость воссоздания «Путешествия» в его первичном воплощении, отразившем первоначальный

¹⁷ См.: *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 518.

¹⁸ Подробнее о реконструкциях см.: *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 462—478.

замысел Радищева, связаны уже не с первой («исконной») задачей текстологии и соответственно направлением работы — изданием текста, а со второй задачей и вторым направлением — изучением истории текста.

Эта вторая задача текстологии и второе направление работы возникли значительно позднее первых, но важность и необходимость их все более осознается современной наукой. Об изучении истории текста уже на начальных этапах становления советской текстологии писали такие крупные исследователи, как Б. В. Томашевский и С. М. Бонди, в определенных отношениях предшественниками их были В. Н. Перетц и Н. К. Пиксанов. В последние десятилетия наиболее последовательно и решительно выдвигает на первый план мысль об изучении истории текста как важнейшей задаче текстологии Д. С. Лихачев.

«До той поры пока мы знаем памятник только в его последнем варианте и лишены возможности проследить движение текста, соотнести текст с явлениями личного развития автора и историческими фактами в целом — наша интерпретация памятника всегда может быть субъективной, подчиненной автору и нашим собственным способам восприятия. Только изучив текст в его движении (самостоятельном, соотнесенном с развитием автора, редакторов, переписчиков, с движением истории литературы и истории и т. д.), мы получаем объективные данные для суждения о нем, о его замысле, художественных тенденциях, идеологии, отразившейся в нем, и т. д. Без изучения истории текста, истории создания произведения мы не можем даже научно понять „последнюю волю автора“».¹⁹

Первым и необходимейшим этапом в процессе изучения движения текста «Путешествия» и является реконструкция «ранней редакции» (вместе с тем она — уже и определенный результат изучения творческой истории произведения по спискам и редакциям). «Ранняя редакция» — это именно реконструкция, в которой испорченные места и отсутствующие фрагменты «основной» для данного этапа редакции исправляются и дополняются элементами ближайших по времени создания редакций и списков. Целесообразность же самой реконструкции определяется тем, что, испытывая необходимость в воссоздании первоначальной реализации авторского замысла для суждения о последующем его движении и окончательном воплощении, мы не располагаем полным текстом начальной редакции «Путешествия» (равно как и цензурной).

Основу большинства глав реконструкции составил текст списка Г, четыре главы («Крестьяны» — «Едрово») даны по спискам Е и Ж, взаимно корректирующим друг друга. Описки и ошибки, допущенные переписчиками в этих списках, устранялись при помощи текста Аи, а также Б и В. Первая часть «Хотилова», вторая половина «Городни» и последние главы произведения, отсутствующие в Г, Е и Ж, реконструировались уже на основе Аи (с помощью Б и В), а текст тех листов, которые были изъяты Радищевым, брался из Б и В. Таким образом, был получен почти полный текст «ранней редакции», в котором лишь в одном месте пришлось иску-

¹⁹ Там же. С. 33.

ственно заполнить неизбежно образующийся при реконструкции «вакуум текста».²⁰

Дело в том, что Ан отличается от Б и последующих редакций иным началом главы «Завидово». В БВ и далее вплоть до Печ. при незначительных вариантах текст одинаков: «Лошади были уже впряжены в кибитку, и я приготовился к отъезду, как вдруг сделался на улице великий шум». В Ан же начало иное: «Лошади мои почти уже были впряжены, и за сто верст хотя от Москвы, но я помышлял уже. . .» — и далее довольно длинные шутливые размышления Путешественника. Хотя на начале фразы «Но из размышления моего. . .» текст обрывается (следующих двух листов нет), но общий смысл ясен: размышления Путешественника прерваны «великим шумом». Поэтому «вакуум текста» заполнен так: «Но из размышления моего <вывел меня сделавшийся вдруг> на улице великой шум». Взятые в скобки и подчеркнутые четыре слова — искусственный текст (с использованием имеющихся в БВ слов «вдруг сделался») для соединения цензурной редакции Ан с последующими сценами (судя по сопоставлению уцелевших листов Ан с соответствующими местами Б и В, и действие в целом, и самый текст изъятых листов цензурной редакции был идентичен тексту сводной редакции). Впрочем, как уже говорилось, это — единственное место, где пришлось искусственно заполнить образовавшийся «вакуум».

Однако остался в тексте «ранней редакции» пробел: два листа, содержащих центральную часть исповеди самоубийцы в «Черной грязи», были Радищевым из Ан изъятые, в последующих же редакциях этого эпизода нет вообще. Заполнить этот пробел, конечно, невозможно. Но в остальном получена полная реконструкция «ранней редакции» произведения. Исходя из нее и учитывая последовательность дальнейших дополнений и изменений, внесенных Радищевым в произведение, мы получаем возможность гораздо более полной и научно аргументированной интерпретации как вопросов относительно частных (вроде истолкования того или иного образа либо отдельной главы), так и проблем общего характера — соотношение публицистического и художественного начала в произведении, композиция «Путешествия» и т. д.

В раздел «Дополнения» включен также текст «Путешествия» по списку Н. Г. (Нга), содержащий в себе 11 прибавлений, которые Радищев сделал для предполагавшегося издания 1801 г. Хотя этот текст очень поновлен посторонним редактором, он представляет несомненный интерес для истории бытования «Путешествия» в читательской среде. Внесенные в Нга исправления мест, явно обесмысливающих радищевский текст, взяты в скобки.

²⁰ См.: там же, с. 465.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ

Более подробный комментарий можно найти в следующих источниках:

Барсков Я. Л. Примечания к тексту первого издания «Путешествия // Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. М.; Л.: «Academia», 1935. С. 351—511.

Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву»: Комментарий. Л., 1974.

С. 5. *Путешествие из Петербурга в Москву*. . . Титульный лист тщательно отработан Радищевым по всем элементам — как имеющимся на нем, так и отсутствующим. Заглавие определяет жанр и его разновидность — «реальное путешествие»; вынесенный на титульный лист эпиграф — содержание: некое двуединое чудовище; обозначение города и года говорит о современности книги и ее русском происхождении. Но отсутствуют три элемента «нормального» титульного листа: не указаны автор (что было достаточно распространено) и типография, где напечатана книга (что предусматривалось правилами, но не всегда соблюдалось), нет цензурного разрешения издания (что являлось обязательным элементом этого времени). Все это подготавливало читателя к тому, что он встретится в книге с чем-то бесцензурным, «недозволенным», крамольным.

«Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй» . . . *Обло* — круглое, толстое, тучное; *лайй* — лающее. Эпиграф представляет собой измененный стих из поэмы В. К. Тредиаковского (1703—1768) «Тилемахида» (1766). У Тредиаковского он находится в следующем контексте: злым царям в аду показывают зеркало Истины, в котором они видят себя более страшными, чем самые страшные чудовища, в том числе стоглавая Лернейская гидра и охраняющий ад пес Кервер (Цербер) — «Чудище обло, озорно, огромно, с тривной и лайй» (т. е. с тремя пастьми и глоткой). Радищевское «стозевно» объединило оба чудовища в одно. Имя его — русское самодержавие и крепостничество, нераздельно связанные друг с другом, — раскрыто в книге. Метод «двух зеркал» наиболее прямолинейно использован в «Спасской Полести».

С. 6. *А. М. К.* — Алексей Михайлович Кутузов (1749—1797), друг юности Радищева. Оба они в 1762 г. зачислены в Пажеский корпус, с 1766 г. учились в Лейпциге, а по возвращении в Россию в 1771 г. назначены протоколитами в Сенат. Почти одновременно, в мае 1773 г., Радищев, Кутузов и их товарищ по корпусу, университету, Сенату А. К. Рубановский перешли на службу в армию. По утверждению Кутузова, друзей разделила женитьба Радищева на племяннице Рубановского Анне Васильевне. Вернее, однако, другое объяснение: причиной охлаждения было сближение Кутузова с масонами. В течение семи лет (1773—1780) друзья даже не переписывались. Возобновившаяся в 1781 г. по инициативе Радищева переписка имела «философический» характер. Попытка Кутузова склонить друга к религиозно-мистическим исканиям окончилась неудачей, равно как и попытка Радищева воздействовать на друга, напоминая ему о юношеском увлечении просветительскими идеями. Прочитав посвященное ему (как и «Путешествие») «Житие Федора Васильевича Ушакова», Кутузов отметил: «Большую часть его положений касательно религии и государственного правления нашел «я» совершенно противоположно моей системе» (*Барсков Я. Л.* Переписка московских масонов XVIII века. Пг., 1915. С. 65). С масонскими идеями вообще, с Кутузовым в частности, Радищев явно или скрыто полемизирует в ряде глав «Путешествия»

(«Подберезье», «Бронницы», «Зайцово», «Крестыцы», «Торжок» и др.), и прежде всего в тексте посвящения.

С. 6. . . узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы. . . — Как просветитель-материалист, Радищев полагает, что человек зависит от внешних условий и обстоятельств. Помочь людям познать истину, научить их «взирать прямо» на «окружающие предметы», т. е. действительные причины зла, — долг писателя и цель книги Радищева. Эти мысли полемичны по отношению к взглядам масонов, и в том числе Кутузова, который считал, что причиной зла, царящего в мире, является эгоистическая природа человеческого характера, а не общественное устройство, не внешние обстоятельства. «Всякое внешнее зло не есть причина несчастья нашего, но следствие зла, внутри его (человека. — В. З.) самого обитающего» (Магазин свободно-каменщический. 1784. Т. 1. Ч. 2. С. 29).

С. 6. *Ужели сия грозная мачеха произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженство николи?* — Именно это утверждали масоны-розенкрейцеры (с той разницей, что в отличие от Радищева они говорили о боге, а не о природе), например Кутузов: «Хотя бы творец наш поместил нас в раю, блаженства исполненном, то и тогда несчастными мы пребыли; свирепствовал бы ад в сердцах наших, наипрекраснейшие предметы, нас окружающие, напоил бы ядом» (Утренний свет. 1778. Ч. III. С. 305).

С. 7. . . дом в три жилья — в три этажа (или яруса).

С. 7. *София* — уездный город в 22 верстах от Петербурга, заложенный в 1785 г. (ныне — часть города Пушкина). Кроме «Выезда», все главы «Путешествия» носят названия почтовых станций на дороге, в основном совпадающей с нынешним шоссе Ленинград—Москва.

С. 8. *Посмотри на русского человека. . . В веселии своем порывист, отважен, сварлив. — Сварливый* — здесь: склонный к спорам, дракам. В 80-х гг. вопрос о русском национальном характере стоял очень остро. В 1783 г. на страницах журнала «Собеседник любителей российского слова» на вопрос Д. И. Фонвизина: «В чем состоит наш национальный характер?» — Екатерина II ответила: «В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от творца человеку данных» (т. е. в религиозности). Продиктованная с высоты престола точка зрения на русский характер не удовлетворила ни реакционное дворянство, ни прогрессивные круги общества. Представитель реакционно настроенной аристократии князь М. М. Щербатов пронически напомнил о Пугачевском восстании (см.: *Щербатов М. М.* Неизданные сочинения. (М.), 1935. С. 127). Я. Б. Княжнин в конце того же года написал трагедию «Рослав». Главный герой ее — воплощение лучших черт национального характера, среди которых на первый план драматург выдвинул мужество, патриотизм, тираноборческую настроенность, независимость, включающую в себя право не подчиняться государю. Радищев предлагает свою трактовку национального характера, причем предварительная формулировка, данная в «Софии», далее конкретизируется и расширяется (особенно в главах «Зайцово», «Едрово», «Медное» и в «Слове о Ломоносове»).

С. 8. *Бурлак, идущий в кабак, . . . многое может решить доселе гадательное в истории российской.* — Вопрос о роли народа в истории также был предметом острых социально-философских споров. В «Записках касательно российской истории», печатавшихся в «Собеседнике. . .» в 1783—1784 гг., Екатерина II доказывала, что решающую роль в истории России играли самодержцы — князья и цари, от которых зависело и будет зависеть благоденствие государства. Радищев тогда же написал оду «Вольность», в которой решающую роль отвел народу.

С. 9. *Разрядный архив* при Сенате был местом хранения дел о военной службе бояр, дворян, казаков и солдат, списка служивых людей со сведениями о их службе за XVI—XVII вв.

С. 9. *Табель о рангах* — закон о прохождении службы, изданный в 1722 г. Петром I. Основная часть закона состояла из таблицы вводимых в России гражданских, военных, морских чинов, разделенных на XIV классов. С получением соответствующих чинов было связано приобретение дворянства — сначала «личного», а затем и «потомственного» (последнее давало право приобретать земли и крестьян).

С. 9. . . *древние роды поставлены в дворянской книге ниже всех.* — «Жалованной грамотой дворянству», изданной Екатериной II в 1785 г., предписывалось в каждой губернии составить дворянскую родословную книгу. Она делилась на шесть частей,

причем в шестую должны были быть внесены «древние благородные дворянские роды».

С. 10. *В Москве завернулся я в компанию молодых господчиков. . .* — Для большего сатирического эффекта Радищев переиначивает факты: как раз в Москве спрос на родословные книги был особенно велик. Так, в 1787 г. по материалам Разрядного архива, собранным историком Г. Ф. Миллером, Н. И. Новиков нанечатал две части «Родословной книги князей и дворян российских и выезжих. . . изданной по самовернейшим спискам» (ср. у Радищева: «родословную, на ясных доводах утвержденную»). Книга разошлась мгновенно, и в том же году Новиков перепечатал ее вторым изданием.

С. 10. *Оброк.* — По способу отбывания крепостной повинности крестьяне делились на три основные группы: оброчных, барщинных и дворовых. Оброчные крестьяне пользовались всей землей, приписанной данному селению, за что должны были платить помещику-владельцу сумму, назначенную им по своему усмотрению (обычно 3—5 рублей, а в местах близ Петербурга и Москвы — до 10). Барщинные должны были обрабатывать помещичьи поля, а сверх того платить различные натуральные подати, поставляя господину сено, овес, дрова, птицу, масло, баранов и т. д. За это помещик выделял крестьянам часть земли и позволял какое-то время работать на ней. Дворовые обслуживали самого помещика, его дом и двор и к земле отношения не имели.

С. 11. *Подушныя* — особая подать государству, вычисленная делением необходимой на содержание войска суммы на число «душ» мужского пола, подлежащих обложению (в 1725—1794 гг. — 70 коп. в год).

С. 11. *Наемник* — арендатор; обязавшись платить юридическому владельцу крестьян определенную сумму, он получал право беспощадной эксплуатации крепостных в целях собственного обогащения. Снимая имение, арендатор фактически становился временным владельцем крестьян, помещиком. Указом же 22 августа 1767 г. крестьянам было запрещено подавать жалобы на своих помещиков под страхом наказания кнутом и бессрочной ссылки в каторжные работы.

С. 11. . . . *одни платят известное. . .* — Помимо подушной подати и почтового сбора (в размерах, общих для всех крестьян), казенные крестьяне должны были платить государству трехрублевую «оброчную» подать, обеспечивать в установленных размерах деньгами или работниками содержание дорог, солдатский постой и т. д. Размеры же оброка в пользу владельца с помещичьих крестьян, равно как и работа на барщине, поставки «натурой» и т. п., законом не регламентировались. Радищев отмечал: «Оклад крестьянина есть прихоть помещика, а мера оного его корыстолюбие и бескорытность» (Соч., 3, с. 118).

С. 11. *Одни судятся своими равными. . .* — Согласно «Учреждению о губерниях» 1775 г., в предназначенные для казенных крестьян низшие и средние судебные инстанции вводились выборные заседатели. Крепостные крестьяне подлежали вотчинному суду помещика, причем полностью находились в его власти (кроме тех случаев, когда крепостной совершал тяжкое уголовное преступление, например убийство). Гражданских же прав крепостные были вообще лишены.

С. 12. . . . *приятель мой Ч. . .* — «Происшествие, в Чудове описанное, было в самом деле», — утверждал Радищев во время следствия (Бабкин, с. 169). По указанию сына писателя, это происшествие случилось с Петром Ивановичем Челищевым (1745/47—1811), товарищем Радищева по Пажескому корпусу и Лейпцигскому университету. Подобно Ч., «человек праву крутого», Челищев принимал самое активное участие в студенческом «бунте» против Бокума и по приказу императрицы был возвращен в Россию раньше других студентов. Рано выйдя в отставку с военной службы, Челищев бывал наездами в Петербурге и встречался с Радищевым (их дома находились недалеко). В начале следствия после выхода «Путешествия» Екатерина II получила сведения, будто книгу совместно писали и печатали Радищев и Челищев; в связи же с «Письмом к другу, жительствоющему в Tobольске» она назвала Челищева вторым (после Радищева) «подвизателем» в России Французской революции. Мы какими-либо документами пока не располагаем, но фактом является то, что в 1788 г. Радищев — очевидно, по серьезным соображениям — начал тщательно конспирировать своего друга: согласно документам, во всех событиях в Лейпциге деятельную роль играл Челищев, который вел себя «особенно буйно», во его имя в «Житии Ушакова» даже не упомянуто. В печати уже высказывалось предположение, что именно Челищеву Радищев доверил сохранение рукописей «Путешествия» (см., например: Комментарий,

с. 58—59), а теперь возникают основания для гипотезы об участии Челищева в работе над изданием книги.

С. 12. *Пафос и Амафонт* находились на западном и южном берегу Кипра; здесь были храмы, посвященные богине любви и красоты Афродите.

С. 12. *Вернет* — К. Ж. Берне (1714—1789), французский художник-маринист; по преданию, он велел привязать себя к корабельной мачте, чтобы лучше изобразить бурю на полотне.

С. 13. . . . в прошедшую турецкую войну в Архипелаге. . . — В русско-турецкую войну 1768—1774 гг. русский флот под общим командованием А. Г. Орлова одержал ряд блестящих побед над турецким в Греческом архипелаге.

С. 16. *Я вспомню о заключенных агличанах в темнице бенгальского субаба*. . . — Слово «субаб» Радищев употребляет вместо «субадар» — начальник провинции («субы») в Индии. Цитата представляет собой перевод из «Истории обеих Индий» Рейналя (Философская и политическая история о заведении и коммерции европейцев в обеих Индиях. 1770. Т. 1—6). Радищев пользовался вторым, расширенным изданием 1780 г., уничтоженным в 1781 г. по приговору парижского парламента.

С. 17. *Полкан, Бова* — персонажи переводного романа, превратившегося в начале XVIII в. в популярную сказку.

С. 17. *Они тебе скажут, что он Соловьем назван красноречия своего ради*. — В «Истории российской с самых древнейших времен» В. Н. Татищева говорится: «. . . вышний над жрецы славен Богомил, сладкоречия ради наречен Соловей» (М., 1768. Кн. 1. Ч. 1).

С. 17. *Итак, жил-был где-то государев наместник*. — Согласно «Учреждению о губерниях» 1775 г., Россия была разделена на 40 губерний (к 1796 г. число их увеличилось до 51), во главе которых стояли губернаторы. Две-три-четыре губерний объединялись в наместничество, возглавляемое наместником. Он обладал всей полнотой власти, представляя на местах особу государя. Радищев создал типический образ наместника, используя черты реальных лиц. Что-то он взял от Г. А. Потемкина, отправлявшего нарочных (курьеров) с юга России за солеными огурцами или клюквой (но заморским яствам он предпочитал простую русскую еду и не «таскался» в молодости по чужим землям); что-то от наместника Псковского, Новгородского и Тверского Я. Е. Сиверса (в молодости служившего за границей — в Дании, Англии, Пруссии — и известного любовью к «порядку»; у Радищева — «то ли дело, как где все в порядке»), от известного своей любовью к пышности «хозяина» пяти украинских губерний М. Н. Кречетникова, от Т. И. Тутолмина, в руках которого сосредоточился север России (Олонечкая и Архангельская губернии) и которого современники называли «самым пышным» генерал-губернатором. Показывая неограниченность произвола и казнокрадства в среде самых крупных вельмож, Радищев метил в правящую верхушку: когда он писал «Путешествие», в России было 15—17 наместников.

С. 18. *Корзинкин Андрей Федорович* — петербургский купец, торговавший в лавке на Большой Морской (ныне ул. Герцена).

С. 18. *Вот устерсы — теперь лишь с биржи*. — Устрицы ввозились из-за границы и потому поступали к торговцам с биржи. О появлении нового товара Корзинкин помещал объявления в газете, например: «В Большой Морской у Синего моста, в доме купца Попова под № 154 в лавке Санктпетербургского купца Андрея Корзинкина продаются новополученные чрез Ревель свежие устерсы сходной ценой» (Санктпетербургские ведомости, 1790, 8 января).

С. 18. *Уголовная палата* — губернский судебный орган по уголовным делам.

С. 18. *Промен, или лаж* — приплата при обмене дешево ценившихся медных и бумажных денег на золото и серебро. Так как курс бумажных и медных денег менялся, промен предоставлял большие возможности для казнокрадов.

С. 20. *Частный откуп* — особая система взимания косвенных налогов в России XVIII в. Обязавшись уплатить казне договорную сумму, частное лицо или группа лиц получали исключительное право торговать в данной местности водкой («вином»), игральными картами и пр. либо право на поставку казне какого-либо товара. Разница между договорной суммой и суммой, фактически вырученной с потребителей (либо уплаченной мелким поставщикам), составляла прибыль откупщиков; она нередко достигала трехсот процентов и более.

С. 20. *Стряпчий казенных дел* — советник прокурора, истец по казенным делам.

С. 21. *Повесть спутника моего тронула меня несказанно.* — Прототип «несчастливого» — таможенный досмотрщик Степан Андреев, подчиненный Радищева. Кроме участия в откупе, «незаконном» закладе дома, «присвоения» дворянского звания (на самом деле полученного по закону), Андреев был несправедливо обвинен в убийстве и соучастии в краже, которые совершились в его доме (подробнее см.: *Кулакова Л. И., Салита Е. Г., Западов В. А.* Радищев в Петербурге. Л., 1976. С. 158—161). При сопоставлении истории Андреева с историей «несчастливого» можно видеть, что Радищеву «дело» Андреева послужило отправной точкой и взял писатель из него лишь часть. По-своему изменяя, группируя и типизируя реальные факты, Радищев дополнял их вымышленными. Отбросив обвинение в убийстве (за которое Андреев и был приговорен к каторге), писатель сделал «несчастливого» не случайной жертвой неправильно проведенного следствия и последовавшей за этим судебной ошибки, а типическим образом жертвы системы беззакония и неправосудия.

С. 21. *О богочеловек! Почто писал ты закон твой для варваров.* . . — Обращаясь к Иисусу Христу, Путешественник говорит, что христианское учение слишком мягко, ибо обещает воздаяние за злые дела лишь после смерти, а это позволяет даже верующим при жизни творить зло.

С. 22. *Мне представилось, что я царь, шах, хан.* . . — Перечисление единодержавных властителей разных народов означает, что нарисованная далее картина относится к самодержавным правителям вообще. Вместе с тем последующие страницы говорят о России и непосредственно о Екатерине II. Жанр «сна», известный в мировой литературе с античности, в XVIII в. был весьма популярен в Европе и в России. Часто радищевский «сон» сопоставляют со сборником французского просветителя Л.-С. Мерсье «Философические сны» (1768; рус. перевод И. Долгорукова. М., 1780—1781). В пятом «сне» «О монархии и тирании» богиня, олицетворяющая добродетельное правление, избирает героя в наставники молодому правителю; с ее помощью герой показывает принцу картины «разумного» царствования, а затем — деспотического правления. Для Радищева, однако, не менее важной была русская традиция использования жанра аллегорического «сна» для резкой сатиры «на лица» — на конкретные пороки отечественной действительности. Первые образцы таких «снов» дал А. П. Сумароков (в журнале «Грудюлюбивая пчела», 1759, и др.). В рукописном виде распространялся обличительный памфлет Ф. А. Эмина «Сон, виденный в 1765 году, генваря 1-го», за который по личному приказу Екатерины II автор был посажен в Петропавловскую крепость. Радищев в своем «сне» блестяще соединил обе линии, взяв от европейской традиции высокую программность общеполитического и философского характера, а от русской — памфлетную конкретность и резкость сатирического обличения.

С. 22. *Глава моя украшалась венцем лавровым.* . . — Лавровый венец — символ славы. Меч на столпе означает неизбежность воинской славы; скипетр на снопах с обильными колосьями («класами») — изобилие и процветание; весы на твердом коромысле — твердость правосудия; держава, поддерживаемая толпой младеицев, — человеколюбие; корона («венец мой») на плечах сильного исполина, край («воскраиен») которой поддерживает истина, — самодержавная власть, основанная на могуществе и истине. Это перечисление символов выдержано Радищевым в духе эпохи; подобную символику можно найти в пояснениях ко многим произведениям искусства, современным Радищеву. Подобным же образом, например, расшифровывал Д. Г. Левицкий содержание своей картины «Екатерина II — законодательница» (см.: Собеседник любителей российского слова. 1783. Ч. VI. С. 18), П. П. Чекалевский — символику статуи Ф. И. Шубина «Екатерина II — законодательница» (см.: *Чекалевский П.* Рассуждение о свободных художествах с описанием произведений российских художников. СПб., 1792. С. 92—93) и т. д.

С. 23. *Он . . . расширил пределы отечества.* . . — В 1772 г. с Россией была воссоединена часть белорусских земель, в 1774 г. к России отошли Керчь, Азов, степь между Днепром и Бугом и др., в 1783 г. без военных действий присоединен Крым; по просьбе царя Ираклия II «под покровительство» России принята Грузия; в 1784 г. организованы поселения на Аляске, и т. д.

С. 23. *Он обогатил государство, расширил внутреннюю и внешнюю торговлю.* . . — К 1762 г. в стране было 984 мануфактуры, к 1796 г. — 3161. Быстрыми темпами развивалась внутренняя торговля. Обороты внешней торговли составляли в 1763—1765 гг. 12 млн руб. по вывозу и 9,3 млн руб. — по ввозу, в 1781—1785 гг. соответственно

23,7 и 17,9 млн руб., в 1796 г. — 67,7 и 41,9 млн. руб. Всего за время царствования Екатерины положительный баланс составил 103 млн руб. серебром.

С. 23. . . . *он любит науки и художества*. . . — С первых лет царствования Екатерина уделяла значительное внимание развитию наук и искусств, вопросам образования и воспитания. Сначала были реорганизованы Сухопутный и Морской кадетские корпуса, в 1764 г. основан Артиллерийский и инженерный кадетский корпус и при нем — «школа художеств для солдатских детей». В 1764 г. открылся Воспитательный дом в Москве, в 1770 г. — в Петербурге. В 1764 г. в Петербурге образовано первое женское учебное заведение — училище для «благородных девиц» в Смольном монастыре, а вскоре — и для «мещанских девиц». В 1765 г. торжественно открыта реорганизованная Академия художеств. В 1782 г. издан указ об учреждении народных училищ и т. д. В течение многих лет Екатерина вела переписку с европейскими писателями и философами-просветителями (Вольтером, Дидро, Гриммом и др.). Она демонстративно оказывала материальную поддержку русским писателям (Сумарокову, Новикову, Хераскову, Княжнину, Эмину и др.), причем негласно вела с ними же ожесточенную борьбу. Огромные деньги тратились на переводы различных сочинений с иностранных языков, закупку за границей картин, гравюр, рисунков, скульптур и т. п. Кроме того, Екатерина и сама очень много писала (драматические сочинения, фельетоны, исторические труды, сказки и т. д.).

С. 23. . . . *поощряет земледелие и рукоделие*. . . — Эти утверждения также относятся к высказываниям и мероприятиям Екатерины II. Больше всего меры по развитию ремесел и промышленности были на руку дворянству, которое владело землями и рабочей силой — крепостными. Однако значительно развиваются и крестьянские мануфактуры — предприятия крепостных крестьян, из среды которых выходят богатые фабриканты (Мальцевы, Морозов и др.). Меры же по развитию земледелия были малоэффективны из-за крепостнической организации сельского хозяйства, которое все больше отставало от быстро развивающейся промышленности.

С. 23. *Он не дал погибнуть тысячам полезных сограждан, избавя их до конца еще гибельных кончины*. — Речь идет об организации воспитательных домов, имевших целью пресечь массовое убийство «незаконнорожденных» детей, и об оспопрививании; чтобы подать пример подданным, Екатерина провела первые опыты оспопрививания на себе самой и своем сыне Павле; после успеха этого опыта «оспелые дома» были заведены во всех губерниях.

С. 23. *Он умножил государственные доходы*. . . — В 1762 г. государственный доход составлял 15 350 182 руб., в последний год царствования Екатерины — 68 597 459 руб. (т. е. возрос более чем вчетверо).

С. 23. . . . *народ облегчил от податей*. . . — С момента введения подушной подати в 1724 г. неуклонно росла сумма недоимок, т. е. подати, не внесенной в срок. К 1762 г. общая сумма недоимок составляла 800 000 руб. Манифестом от 28 июня 1787 г. все недоимки по 1 января 1776 г. прощены, а остальные позволено разложить на 20 лет. Радищев вообще считал, что большинство податей, взимаемых с городских и сельских жителей, умеренно, но при этом подчеркивал, что говорит только о казенных крестьянах, ибо тяжесть налогов, взыскиваемых с крепостных, исчислить невозможно.

С. 23. *Первый военачальник* — князь Г. А. Потемкин, который возглавлял армию во время второй русско-турецкой войны (1787—1791). Речь идет о планах Екатерины и Потемкина, победив Турцию, освободить Грецию и создать новое государство под эгидой России.

С. 23. *Учредитель плавания* — начальник Адмиралтейской коллегии граф И. Г. Чернышев, на имя которого 17 апреля 1787 г. был дан указ об отправлении морских судов из Балтийского моря в «Восточный Океан».

С. 24. *Хранитель законов* — генерал-прокурор Сената князь А. А. Вяземский. «В России Сенат есть хранилище законов», — писала Екатерина (Наказ, § 26).

С. 24. *Се день рождения моего, да ознаменится он в летописях навеки отпущением повсеместным. Да отверзнутся темницы*. . . — Еще в процессе подготовки к коронации (состоявшейся в Москве 22 сентября 1762 г.) Екатерина направила в Сенат указ от 15 сентября, которым предписывалось ко дню коронации подготовить манифест об амнистии («отпущении»). Затем, если не каждый год, то нередко в связи с годовщиной дня восшествия на престол, коронации, окончанием войн, днями рождения и тевоз-

именитства (именин) самой Екатерины, наследника престола Павла, внуков императрицы Александра и Константина и т. д., издавались указы об амнистии. По случаю открытия памятника Петру I 7 августа 1782 г., приуроченного к столетию дня, когда Петр стал монархом, и одновременно — к двадцатилетию царствования Екатерины, также был издан манифест о частичной амнистии.

С. 24. *Первый зодчий* — вероятно, архитектор И. Е. Старов, фактически возглавлявший «Комиссию каменного строения Санктпетербурга и Москвы». В задачи этой комиссии входила разработка планов обеих столиц, а также провинциальных городов. Старов был автором проектов многих зданий во вновь основанных южных городах — Екатеринославе (Днепропетровске), Николаеве, Херсоне и др.

С. 24. . . *да излиются остатки избытка на немощающих*. . . — Речь идет об устройстве сиротских домов, «народных больниц», богаделен, домов для умалишенных, организации филантропической помощи беднякам.

С. 24. *Учредитель веселий* — скорее всего, кто-то из обер-гофмейстеров или обер-гофмаршалов двора; кто именно — неясно.

С. 25. *Изжени сию гордую чернь*. . . — Чернью обычно именовали простой народ. Называя гордой чернью придворных, Радищев положил начало новому значению слова. Потом оно встретится в послании Г. Р. Державина В. В. Капнисту: «Умей презреть и ты златую, Злословну площадную чернь» — и ляжет в основу стихотворения А. С. Пушкина «Поэт и толпа».

С. 26. *Военачальник мой*. . . *утопал в роскоши и веселии*. — Потемкин отправился на войну со штатом лакеев, музыкантов и любовниц.

С. 26. . . *воины мои почитались хуже скота*. . . — Радищев основывается на фактах, широко известных самым разным кругам общества. Уже в начале войны, в октябре 1787 г., Н. А. Пассек прислала императрице донос на командующих двумя русскими армиями. «Она писала о корыстолюбии графа Румянцева-Задунайского и что князь Потемкин морит солдат» (Дневник А. В. Храповицкого. М., 1901. С. 30). Другой современник засвидетельствовал: «В России существуют две комиссии, учрежденные для снабжения войска: одна провиантом, другая обмундированием. Смееу сказать, что вообще никогда не существовало и нигде не существует более наглых мошенников, чем чиновники этих комиссий» (Русская старина. 1895. Кн. III. С. 150). Подобные факты отмечены и в дневнике Р. М. Цебрикова, записках С. А. Тучкова, Л. Н. Энгельгардта и многих других.

С. 26. *Учредитель веселостей*. — Речь идет о правителе канцелярии и правой руке Потемкина В. С. Попове (с 1786 г. одновременно считался и статс-секретарем императрицы); в его распоряжении была вся казна Потемкина, доходившая до 22 млн руб.

С. 26. . . *знаменитого по словесам военачальника*. . . — По-видимому, имеется в виду генерал П. С. Потемкин. Молва приписывала блестящую административную и военную карьеру П. С. Потемкина тому, что его жена была любовницей князя Г. А. Потемкина.

С. 26. *Корабли мои, назначенные*. . . — По поводу этого эпизода Екатерина заметила: «Не о Чичагове по крайней мере говорит».

С. 27. *Не соплочай* — не соплетай, не соединяй.

С. 27. *Готфы и вандалы* — германские племена, воевавшие с Римской империей в V веке. Здесь Радищев говорит вообще об устарелости архитектурных форм.

С. 27. *Зодчив, согбенные над чертежом здания, не о красоте оного помышляли, но как приобретут его себе стяжание*. — Авторами проекта здания Академии художеств были А. Ф. Кокоринов и Ж. Б. М. Валлен-Деламот. Строительство началось в 1765 г., но затем затянулось из-за нехватки средств. По Петербургу пошли слухи о хищениях со стороны Кокоринова, руководившего строительством. Хотя ревизия хищений не обнаружила, Кокоринов (по-видимому, в припадке душевной болезни) повесился. Строительство самого здания тянулось до 1788 г., отделочные же работы были завершены лишь в 1810 г. Кроме этого конкретного факта, как обычно у Радищева, можно привести ряд аналогичных: затягивались работы и были хищения на строительстве нового здания Академии наук, Большого театра (на месте которого теперь стоит Ленинградская консерватория) и т. д.

С. 27. *Но паче всего уязвило душу мою изливание моих щедрот*. . . — На содержание людей по ведомству общественного призрения отпускались мизерные суммы. Так, на каждую «вдовицу», живущую в богадельне (на содержание, питание, одежду и пр.),

полагалось от 4 до 6 коп. в день. На ребенка в воспитательном доме отпускалось 7 коп. в день, но большая часть этих денег раскрадывалась, и дети умирали от «небрежения» и голода. Например, когда в 1782 г. в московский Воспитательный дом был назначен новый директор, оказалось, что расхищено 170 000 рублей.

С. 28. . . он был из Новгородской семинарии. . . — Реальный прототип семинариста — Федор Васильевич Кречетов, радикальный публицист конца XVIII в., «из церковников» по происхождению, давний знакомый Радищева: с 1771 г. он служил аудитором Тобольского полка Финляндской дивизии, обер-аудитором которой в 1773 г. стал Радищев (в 1775 г. оба уволились в отставку). Человек начитанный в светской, в юридической и церковной литературе, Кречетов очень много писал. Основная мысль Кречетова — необходимость «вольности», под которой он понимал ограничение самодержавной власти. Однако установлению «вольности» должны были предшествовать ликвидация неграмотности, распространение просвещения и установление правосудия. Ему принадлежит ряд планов в области просвещения, которые он тчетно посылал в высшие инстанции: план устройства народных училищ, планы коммерческих и юридических школ, предложение открыть юридические школы при Сенате и т. д. Для своих юридических трудов и проектов Кречетов многое взял из сочинений Гроция, Монтескье и Блэкстона. Однако семинарист отличается от Кречетова возрастом: он молод, а Кречетову было около пятидесяти лет, к тому же он не был масоном. Дело в том, что Радищев слил в образе семинариста черты, заимствованные у Кречетова, с качествами, присущими молодым масонам, воспитанникам московских розенкрейцеров («мартинистов»), с которыми он встречался в петербургском «Обществе друзей словесных наук». Это дало писателю возможность с сочувствием воспроизвести критические высказывания персонажа по поводу официального образования (где использованы доводы именно Кречетова), но саркастически высмеять религиозно-мистические «бредомствования» масонов.

С. 29. *Гроций* — Гуго де Гроот (латинизированная форма фамилии — Гроциус, 1583—1645), голландский юрист и государственный деятель, основатель науки о международном праве, о всеобщем государственном праве и философии права.

С. 29. *Монтескью* — Шарль-Луи де Монтескье (1689—1755), французский философ-просветитель и юрист, основатель теории разделения властей, автор трактата «Дух законов», многие формулировки из которого (разумеется, в соответствующем истолковании) Екатерина II заимствовала для своего «Наказа».

С. 29. *Блэкстон* — Вильям Блэкстон (1723—1780), английский юрист, автор сочинения «Истолкования английских законов», которое в переводе С. Е. Десницкого было напечатано в типографии Московского университета (т. I—III, 1780—1782).

С. 29. . . уже есть повеление о учреждении новых университетов. . . — 29 января 1786 г. «Комиссии о учреждении народных училищ» было предписано составить «План университетов и гимназий, в разных местах империи заводимых». Такой план был составлен приятелем Радищева О. П. Козодавлевым, однако утверждения он не получил.

С. 30. *Кто мир нравственный уподобил колесу*. . . — В этом отрывке из «тетради семинариста» излагаются мысли, отчасти сходные с учением французского мистика Сен-Мартена (1743—1803), на которого опирались русские масоны, особенно «мартинисты» — розенкрейцеры. Последующие возражения Путешественника-Радищева относятся уже не столько к семинаристу Кречетову, сколько к масонам вообще.

С. 30. . . колорацующихся. . . — вращающихся вокруг, около. На этом слове кончаются записи семинариста; дальнейшие рассуждения принадлежат Путешественнику.

С. 30. *Шведенборг* — Эммануил Сведенборг (1688—1772), шведский ученый и государственный деятель, с 1745 г. — мистик и визионер («духовидец»), которому будто бы являлись видения и разные «дикивины» «в мире духов и в небе ангелов».

С. 30. *Нет, мой друг! . . . и душенька моя набродится досыта*. — В этих словах Радищев высмеивает масонов. Мистики-масоны вообще и московские розенкрейцеры в частности (к ним принадлежали Кутузов и Новиков) утверждали, что человек состоит из трех отдельных субстанций — тела, души и духа. Эту теорию и имеет в виду писатель, упоминая все три части, субстанции, в комическом плане («. . . нежели . . . потщуся отделить д у х мой от т е л а . . . Когда умру . . . д у ш е н ь к а моя набродится досыта»). Кроме того, масоны усматривали в египетских иероглифах (тогда еще не рас-

шифрованных), арабских цифрах, еврейских, арабских и т. д. буквах некий сокровенный мистический смысл и неутомимо их истолковывали. Наконец, масонство в целом третирует реальный мир как «мир брюховный», отрицательно относилось к чувственным наслаждениям и т. п.

С. 30. *Оглянься назад, кажется, еще время то за плечами близко. . .* — В этом абзаце Радищев развивает теорию циклического развития общественной мысли, смены идеологических форм, опираясь на материалистическую теорию всеобщего круговорота в природе. Теория циклизма сложилась еще в античности, но там она имела пессимистический оттенок, поскольку история человечества рассматривалась как движущаяся по замкнутому кругу. В новое время иной характер придал теории циклизма итальянский мыслитель Джамбаттиста Вико, автор труда «Основания новой науки об общей природе наций» (1725). Согласно Вико, история человечества подчиняется таким же вечным законам, как и мир природы. Вслед за эпохами восхождения к господству разума следуют эпохи упадка, возвращения к варварству; затем начинается новый цикл развития, но начинается он на более высоком уровне, чем предыдущий. Человек с его страстями и пороками является движущей силой этого в конечном счете прогрессивного развития. Труд самого Вико приобрел известность только в XIX в., поскольку просветители XVIII столетия считали его реакционером. Однако сформулированные Вико законы истории в той или иной форме нашли отражение в трактате Монтескье «Рассуждение о причинах величия и упадка римлян» (1734), в книге шотландского философа и историка Адама Фергюсона «Опыт истории гражданского общества» (1767), в труде немецкого философа-просветителя Иоганна Готфрида Гердера «Идеи к философии истории человечества» (1784—1791), а затем в теориях Кондорсе, Гегеля и т. д. С концепцией Вико в оригинале Радищев вряд ли был знаком, но труды Монтескье, Гердера (а возможно, и Фергюсона) он знал очень хорошо. Теория циклического развития человечества неоднократно привлекала его внимание и в первой половине 80-х гг. (ода «Вольность»), и в 90-х гг. («Песнь историческая»), и в начале XIX в. («Осмынадцатое столетие»).

С. 30. . . *Вольтер кричал против суеверия до безголосицы.* — Франсуа-Мари Аруэ Вольтер (1694—1778) — великий французский писатель, историк, философ-просветитель. Множество его произведений от научных трактатов до поэм и стихов направлено против католической церкви («Раздавите гадину!» — решительно призывал он), религиозных предрассудков и суеверий в защиту веротерпимости и жертв католической церкви (Калас, Сирвен, Лабарр).

С. 30. . . *Фридрих неутомимой его был враг. . .* — Фридрих II (1712—1786) — король Пруссии с 1740 г. Еще до вступления на престол он перешисывался с Вольтером, занимался литературой, философией и историей. По воцелении на престол ввел в Пруссии веротерпимость, отменил пытку, декларировал свою приверженность идее «просвещенного абсолютизма». При дворе Фридриха жил и умер крупнейший философ-материалист Ж.-О. Ламетри, изгнанный из Франции; с 1750 г. здесь находился и Вольтер (в 1753 г. бежавший в Швейцарию в результате разлада с королем).

С. 30. *Вольность мыслей вдалася необузданности. . .* — В середине и второй половине XVIII в. широкое распространение получили атеистические произведения Ламетри, Дидро, Гольбаха, Гельвеция и др. Особенно большой резонанс вызвали антиклерикальные сочинения Вольтера, который, борясь с католической церковью, не пощадил и национальную героиню Франции Жанну д'Арк. Вместе с тем поверхностное «вольномыслие», соединяющееся с цинизмом и развращенностью, сделалось своего рода «модой» в высших кругах Европы и России (об этом и говорит Радищев).

С. 30. *Сия перемена в образе мыслей предстоит нашему времени.* — Резкий поворот к идеализму, фидеизму и мистицизму обозначился в России во второй половине 70-х гг., после подавления Пугачевского восстания. Особенно явственно наблюдается этот процесс в журналах, издававшихся Н. И. Новиковым с 1777 г., и в книжной продукции московских мартинистов. Кроме того, в конце 70-х гг. и особенно в 80-е гг. значительно активизировалась православная церковь, на которую опиралась Екатерина II в борьбе с московскими мартинистами.

С. 31. *Акиба* — бен Иосиф Акиба, один из крупнейших еврейских раввинов I—II вв., автор схоластических комментариев к иудейскому религиозному преданию, в которых бен Акиба подвергал истолкованию не только каждое слово еврейского «закона», но даже особое начертание каждой буквы. Данное место «Путешествия» —

цитата из антиклерикального «Исторического и критического словаря» (1695—1697) французского мыслителя Пьера Бейля (1647—1706). Используя цитату из Бейля, Радищев имеет в виду сложную масонскую обрядность с обязательным учетом при совершении церемоний расположения сторон света. См. описание масонских обрядов в «Войне и мире» Л. Н. Толстого.

С. 32. *В таковых размышлениях подвезжал я к Новгороду. . .* — В XVIII в. древняя русская история служила объектом самого пристального внимания. Непосредственно polemизирует Радищев с «Записками касательно российской истории» Екатерины II.

С. 32. *Известно по летописям, что Новгород имел народное правление.* — Исходным пунктом и важнейшим звеном исторической концепции Екатерины было утверждение, что исконной формой русской государственности являлась княжеская власть, т. е. самодержавие. Против этой концепции одновременно выступили Я. Б. Княжнин (трагедия «Вадим Новгородский», 1788 или начало 1789) и Радищев, утверждавшие, что исконной формой русского государственного правления была республика. Усматривая в вечевых собраниях прообраз народного самоуправления, Княжнин и Радищев идеализировали новгородскую «вольность» и вечевое правление, а от них идеализация «вольного» Новгорода перешла к декабристам.

С. 32. *Царь Иван Васильевич — собирательный образ типичного самодержца, созданный Радищевым из черт и поступков Ивана III и Ивана IV Грозного.* Самый «поступок царя Ивана Васильевича по взятии Новгорода», как его излагает писатель, тоже является собирательным, типическим действием русского самодержавия, потому что, говоря об однократном, единовременном «поступке царя», Радищев соединяет в последовательном перечислении события разновременные. «Взятие» Новгорода и «присвоение» его русским самодержавием относится к 1478 г., полное же «разорение» Новгорода произошло в 1570 г. Следовательно, «уязвлен сопротивлением сея республики» был Иван III, а «хотел разорить ее до основания» Иван IV.

С. 32. *Но на что право, когда действует сила? . . .* — Рассуждения Радищева о «праве» и «силе», резкая критика завоеваний, «права сильного» направлены против теорий Г. Гроция, немецкого юриста С. фон Пуфендорфа и других мыслителей, признававших «право завоевания» и связывавших его с теорией естественного права. Однако непосредственным объектом критики Радищева, по-видимому, была Екатерина II, которая в «Генерал-прокурорском наказе при Комиссии о составлении проекта нового Уложения», перечисляя разные роды законов, назвала и «право завоевания» (Наказ, лист е4). В этой критике «права сильного», которое Радищев не признает правом, он опирается на суждения Ж.-Ж. Руссо в книге «Об общественном договоре» (см.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 154—155).

С. 32. *Народы, говорят законоучители, находятяся . . . как человек находится в отношении другого в естественном состоянии.* — Так полагали Монтескье («О духе законов»), Руссо («Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми») и др. Подобную формулировку Радищев нашел и у Екатерины II, которая писала в «Генерал-прокурорском наказе», что «право народное» «можно почитать гражданским правом всемирным, в таком смысле, что всякий народ особо есть будто бы один гражданин мира» (Наказ, лист е3 оборот).

С. 33. *Вопрос: что есть право гражданское? Ответ: кто едет на почте, тот пустяками не занимается. . .* — В «Генерал-прокурорском наказе» Екатерина определила «гражданское право» как право, «по которому каждый гражданин может защищать свое имение и жизнь от нападков другого гражданина» (Наказ, лист е4). Однако Радищев уже показал, что «примеры всех времен свидетельствуют, что право без силы было всегда в исполнении почитаемо пустым словом», поэтому он и отказывается рассуждать о «пустяках».

С. 33. *Из летописи Новгородской.* — В основу радищевского текста легли его заметки «К русской истории» и выписки из статьи Миллера в «Ежемесячных сочинениях» (см.: Соч. Т. 3. С. 32—33, 36). Обработав их соответствующим образом, писатель придал тексту вид подлинного документа, который с неопровержимой логичностью и документальной достоверностью говорит о гнетущей, мертвящей силе самодержавия.

С. 33. . . *купец третьей гильдии, а ныне именованной гражданин.* — В зависимости от «объявленного» кушом капитала он мог быть вписан в одну из трех гильдий. Для

зачисления в третью гильдию с 1785 г. требовался капитал от 1000 до 5000 руб.; «всякого звания и состояния капиталисты, которые объявят за собой капитала от 50 000 рублей и более», причислялись к «именитым гражданам», для которых устанавливался ряд особых прав и привилегий.

С. 33. *Если точных не пишу портретов, то доволен буду их силуэтами.* — Силуэт — черный портрет в профиль на светлом фоне; чаще вырезался из черной бумаги, реже рисовался тушью. Искусство силуэта распространилось во Франции в середине XVIII в., а во второй половине столетия стало модным и в России.

С. 33. *Лаватер* — Иоганн Каспар Лафатер (1741—1801), немецкий писатель; в его «Физиогномике» (немецкое издание — 1772—1778, французское — 1775—1778) обосновывалась возможность распознать характер человека на основании строения черепа и лица. Радищев к Лафатеру относился иронически.

С. 34. *Зубы как уголь.* — Купеческие модницы специально чернили зубы, что считалось в их среде красивым.

С. 34. *Как мне до него коснуться: он не мой.* — В случае внезапного предъявления векселей или банкротства взыскание не могло коснуться того имущества, которое было записано на имя другого члена семьи. Поэтому большинство купцов оформляло документы на владение частью имущества на имя ближайших родственников, чаще всего — жены. Так, например, в Петербурге владельцами домов числились жены именитого гражданина Трозина, откупщика Логинава, промышленника и торговца Лазарева, именитого гражданина Апайщикова, купцов Корзинкина, Кусовникова, Бармина и др.

С. 35. . . . *я захотел посетить высокую гору, близ Бронниц находящуюся. . . Ныне же на месте славного древнего капища построена малая церковь.* — Первоисточником сведений о языческом храме для Радищева была «История российская» В. Н. Татищева (1768. Кн. I. Ч. 1. С. 33, 45, 46, 271). Кроме того, он пользовался книгой «Путешествие ее императорского величества в полуденный край России, предприемлемое в 1787 году» (СПб., 1786) и «Записками касательно российской истории» Екатерины II. «Малая церковь» Иоанна Предтечи была построена на бронницкой горе по велению Екатерины II.

С. 36. *Егова, Юпитер, Брама. . .* — По-видимому, называя имена иудейского бога Йеговы, римского Юпитера и индийского Брахмы, Радищев имеет в виду три разных типа религии — веру в единого бога (единобожие, монотеизм), многобожие и троебожие. Следующие далее восемь словосочетаний обозначают различное понимание бога у людей близких эпох и народностей, причем соединены попарно: два ветхозаветных бога библейских евреев, два — религий древнего Востока, два — европейской античности, два — современной Европы (бог ортодоксальных христиан и бог действий — «бог мой»).

С. 36. . . . *паче нашего песнопения* — больше, сильнее нашей молитвы.

С. 36. *С течением времен все звезды помрачатся. . .* — монолог из трагедии «Катон» Джозефа Аддисона (1672—1719), английского драматурга, поэта и издателя (совместно с Ричардом Стилем) правоучительных журналов. Классическая трагедия «Катон» (1713), по замыслу Аддисона, должна была возродить в Англии героическую гражданственность Древнего Рима. Стихотворный перевод для «Путешествия» выполнен, по-видимому, самим Радищевым.

С. 37. . . . *нашел я давнишнего моего приятеля г. Крестьянкина. . .* — Возможно, в основу образа Крестьянкина положены некоторые реальные черты личности и деятельности Александра Андреевича Ушакова (род. 1751), брата первой жены Радищева (сына А. П. Рубановской от первого брака).

С. 38. *Мундшенк* — заведующий напитками при дворе.

С. 38. . . . *награжден чином коллежского асессора. . .* — Лицо, получившее в придворной (как и в гражданской) службе чин коллежского асессора, приобретало потомственное дворянство, а также право владеть крепостными.

С. 38. *Отличная привязанность* — т. е. особенная.

С. 38. *Гогард* — Уильям Хогарт (1697—1764), английский художник и гравер, в сатирических картинах и гравюрах беспощадно разоблачавший английский обшество («Карьера проститутки», «Карьера мота», «Модный брак», «Степени жестокости» и др.).

С. 39. . . . *но крестьянка верна пребывала в данном жениху ее обещании, что хотя редко в крестьянстве случается, но возможно.* — Будучи яростным врагом крепостни-

чества и изображая страдания крепостных, Радищев отнюдь не идеализировал крестьянства. Наоборот, в русской литературе он первым в полный голос сказал о страшном развращающем действии крепостного права на самих крестьян, а не только на помещиков (о чем задолго до него писали Кантемир, Сумароков, Новиков, Княжнин, Фонвизин). См. главы «Валдаи», «Едрово», «Хотилово», «Медное», «Городня».

С. 39. *Отцу жениха . . . понес повенечные два пуда меду к своему господину.* — Без разрешения помещика крепостной не мог ни жениться, ни выдать дочь замуж. Если девушка выдавалась «на сторону», выходила замуж за крепостного другого владельца, казенного или свободного крестьянина, помещик, как правило, назначал за нее определенную по своему усмотрению сумму — «выводные деньги» («повенечные»). Однако зачастую «повенечные» взимались помещиком за разрешение на брак и в пределах одной вотчины.

С. 39. *Скарденное чудовище* — здесь: гнусное, омерзительное.

С. 40. . . *я обязан был . . . приговорить виновных к смерти и вместо оной к торговой казни и вечной работе.* — Екатерина II неоднократно выступала против применения смертной казни (см., например, «Наказ», особенно § 209—212), оставляя ее в качестве наказания лишь за «оскорбление величества» и за нарушение присяги. Но, поскольку деятельность Комиссии 1767 г. окончилась безрезультатно и новое Уложение создано не было, судьи в своей практике должны были, руководствуясь старыми законами, изданными при Алексее Михайловиче, Петре I, Анне и т. д., приговаривать виновных в различных преступлениях к смерти, а затем заменять смертный приговор «торговой казнью» (публичное битье кнутом на «торговой площади» с последующим вырезанием ноздрей и клейменем) и «вечной работой» (пожизненной каторгой).

С. 41. . . *защищать убийство крестьян* — т. е. оправдывать убийство, совершенное крестьянами.

С. 43. *Человек родится в мир равен во всем другому. . .* — Крестьянкин излагает в своей речи основы теории «естественного права», более подробно обосновывая те положения, о которых размышлял Путешественник в «Любанях».

С. 43. *Для своей пользы, — скажет рассудок. . .* — Устами своего героя Радищев излагает просветительскую концепцию «общественного договора», согласно которой люди вступали в гражданские отношения, образуя первые общества, ради своей пользы. Концепцию «пользы» в разных направлениях развивали Локк, Юм, Гельвеций, Блэкстон, Юсти и др. «Все рожденные равными и свободными, если отчуждают свою свободу, то лишь для своей пользы» (*Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. С. 153).

С. 43. *Против врага своего он защитит и мщениа ищет в законе . . . тогда пользуется гражданским природным правом защищения, сохранности, благосостояния.* — Обосновывая право крестьян на мщение, Радищев полагал, что мщение — это «древний закон, око за око», который свойствен человеку в «естественном состоянии», людям с «несовершенным еще расположением мыслей» (Соч. Т. 1. С. 170). Потому Радищев и относился критически к стихийному бунту (типа зайцовского) и к крестьянскому восстанию под водительством Пугачева, что восставшие ограничивались мстью, «искали паче веселие мщениа, нежели пользу сотрясения уз» («Хотилово»).

С. 44. *Баба* — т. е. «Ба-ба!» — дача А. А. Нарышкина «Красная мыза» под Петербургом, где бывали гулянья, играла музыка и т. п.

С. 44. *Дурьиндин женился.* — За внешней остросатирической оболочкой следующего далее рассказа скрыты еще и внутренние, крайне язвительные и весьма злободневные намеки. Под именем Дурьиндина в пьесе Екатерины II «За мухой с обухом» (1788) был выведен обер-шенк А. А. Нарышкин. Чтобы дать понять, что и в «Путешествии» под Дурьиндиным подразумевается также Нарышкин, Радищев упомянул выше его дачу. Следовательно, прототип жены Нарышкина, старой сводни госпожи Шо, — А. Н. Нарышкина, статс-дама, подруга и поверенная личных тайн императрицы. Именно А. Н. Нарышкина в июне 1789 г. свела Екатерину с новым фаворитом П. А. Зубовым. Кроме того, возможно, некоторые детали метят и в саму императрицу: в 1790 г. ей исполнилось 62 года (возраст госпожи Ш.), в ряде случаев она решительно отстраняла неудобных фаворитов (ср.: «. . . сложду с постели») и т. п. Показательно, что этот эпизод — единственный в «Путешествии», по поводу которого в своих замечаниях на книгу Екатерина не проронила ни единого слова.

С. 45. . . *на свете все колесом вертится.* — Намек на очередную смену фаворитов при дворе в июне 1789 г.

С. 46. *Понятия о вещах были в них равные . . . но остроту разума и движения сердца природа в них насадила различно. . .* — В «Житии Федора Васильевича Ушакова» Радищев писал, что он и его друзья «мыслить научались» по книге французского философа-просветителя К.-А. Гельвеция «Об уме». Мысль Гельвеция о влиянии среды и обстоятельств на формирование характера развивается и в рассуждениях крестнического дворянина, и в других главах «Путешествия». С некоторыми положениями Радищев не соглашался. Подчеркивая различие темперамента и способностей юношей, писатель возражал против утверждения Гельвеция, что люди от природы совершенно равны и только воспитание и обстоятельства делают их различными. В написанном уже в ссылке философском трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии» Радищев продолжил спор: «Признавая силу воспитания, мы силу природы не отъемлем» (Соч. Т. 2. С. 67). Роль природы и воспитания ясна уже из описания внешности юношей: «Взоры младшего были остры, черты лица шатки и непостоянны. Но плавное движение оных необманчивый был знак благих советов отчих».

С. 47. *Пряле вас даже от чрева матерня. . .* — Исхода из мысли Локка о необходимости воспитания с момента рождения ребенка, отец помогал матери воспитывать детей, но (в отличие от указаний Локка и Руссо) без помощи наемных «рачительниц» и «рачитель», т. е. нянек и учителей. Выдвигая на первый план воспитание в семье, создавая образ идеального воспитателя-отца, Радищев расходился со многими просветителями (Гельвецием, Руссо и др.).

С. 50. *Откровение* — открытие истин духовных, связанных с понятием о боге. Не желая навязывать убеждений, отец знакомит детей как с доказательствами бытия бога, так и с противоположными точками зрения. Именно так построен философский трактат «О человеке. . .», адресованный детям самого Радищева: в двух первых его книгах идея бессмертия опровергается и отвергается, в двух последних развивается и утверждается, причем, как подметил еще А. С. Пушкин, Радищев «охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого афеизма» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 358).

С. 50. *Изучив* — здесь: научив. Рассуждение о необходимости знания родного языка связано с тем, что в дворянских семьях раньше всего обучали детей французскому языку. Предпочтение английского и латинского языков объясняется тем, что в них отражена «упругость духа волюности», которая может приучить разум к «твердым понятиям, столь во всяких правлениях нужным». В «Житии Ушакова» также подчеркнуто особое значение языка римской республики, которая, по мнению писателя, дала образцы гражданских добродетелей, и языка «гордых островитян», свергнувших Карла I и ограничивших власть монарха (см.: Соч. Т. 1. С. 179).

С. 50. . . *чувства ваши, дошед до совершенства возбуждения. . .* — Речь идет о силе чувств и страстей, достигающих в юности полного развития. Когда сыновья были подростками, отец охранял их от изменчивых чувственных потрясений, показывал пагубные последствия, к которым приводит несдержанность, неумеренность страстей. Аналогичную систему предлагал применять А. Д. Кантемир в VII сатире «О воспитании».

С. 51. *Правила единожития* — правила личной жизни: постоянное упражнения тела и развитие нравственных чувств.

С. 54. *Исполнительные правила* — правила, которые следует исполнять.

С. 54. . . *сжатый рассудок* — ограниченный ум.

С. 54—55. *Чувственница* — один из видов мимовы.

С. 55. . . *восхити венец блаженства. — Умри.* — Взгляд на самоубийство как акт гражданского мужества, как форму протеста против насилия характерен для большинства просветителей XVIII в. В России с наибольшей определенностью эту точку зрения выразил Я. Б. Княжнин в трагедиях «Рослав» и «Вадим Новгородский». Церковь и государство категорически осуждали самоубийство.

С. 55. *Доказательства его о ничтожестве власти родителей над детьми. . .* — Несколько раз подчеркнутое в «Крестцах» отрицание обусловленных законами обязанностей детей вызвало негодование Екатерины II. В замечаниях она писала, что эти страницы «служат к разрушению союза между родителями и чад и совсем противны закону божию, десяти заповедям, святому писанию и гражданскому закону», «еще более распространяет сей незаконный толк и суще развратный» и т. д. (см.: Бабкин Д. С. Процесс. . ., с. 160—161). Гнев императрицы объясняется тем, что глава «Крестцы»

многократно опровергает X и XI параграфы утвержденного ею «Устава Управы благочиния, или Полицейского», в которых говорилось: «Родители суть властелины над своими детьми», «Дети долг имеют оказывать родителям чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь». Против узаконенного всевластия родителей, против любви, к которой обязывает детей полиция, и возражал Радищев устами своих персонажей.

С. 58. . . . *оно, проповедуя всегда мир и тишину. . .* — Начиная с 1775 г., с момента подавления восстания Пугачева, в правительственных указах и документах, изданных Сенатом или подписанных самой императрицей, в «Уставе благочиния, или Полицейском» (1782), одним из авторов которого была сама Екатерина (о чем писатель, вероятно, знал), регулярно повторялись фразы о «мире и тишине», воцарившихся в государстве «к общему блаженству подданных». Конкретной направленностью против основополагающих документов самодержавия и объясняется гневный пафос Радищева.

С. 58. *Новой сей городок. . .* — Как село Валдаи упоминаются в летописях с XV в. Указом от 3 апреля 1772 г. Валдаи, Вышний Волочок, Осташковская слобода, Боровичи были, по выражению Радищева, «произведены в города».

С. 58. *Сей городок достопамятен в рассуждении любовного расположения его жителей, а особливо женщин незамужних.* — Валдаи действительно славились в XVIII в. развратом, о чем рассказывается, например, в «Записках» Г. Р. Державина. Само выражение «валдайские девушки» стало нарицательным для обозначения продажных, гулящих женщин (см., например, журнал «Живописец», ч. 2, л. 2).

С. 59. *Сей новый Леандр. . .* — Радищев сатирически переосмыслил античный миф о верной любви юноши Леандра из города Абидоса к Геро, жрице храма Афродиты в городе Сесте, расположенном на противоположном берегу пролива Геллеспонт. Каждую ночь Геро зажигала фонарь на башне, а Леандр переплывал Геллеспонт. Однажды буря погасила огонь маяка, и юноша утонул; Геро в отчаянии бросилась в море и погибла.

С. 60. . . . *в пять вершков. . .* — Вершок — мера длины, $\frac{1}{16}$ аршина, т. е. около 4,4 см (аршин — 71 см).

С. 60. *Трехчетвертной стан* — талия в $\frac{3}{4}$ аршина, около 54 см в обхвате.

С. 62. *Батюшка нам оставил пять лошадей и три коровы. . .* — Анюта — свободная крестьянка, дочь зажиточного ямщика: по закону ямщикам полагалось иметь три лошади. Беда семьи — в отсутствии мужчины-работника, могущего исполнять ямскую повинность.

С. 62. *Меня было сватали . . . за парня десятилетнего. . .* — Браки между 9—10-летним мальчиком и взрослой девушкой были распространены. Обычно они совершались по воле помещика, которому нужна была лишняя «семья», чтобы наложить на нее «тягло» (повинность). Иногда они вызывались потребностью во взрослой работнице в самой крестьянской семье. Против таких браков резко возражал М. В. Ломоносов в статье «О разноможии и сохранении российского народа». Правительственные указы 1775 и 1781 гг. запрещали венчать мальчиков, но указы часто нарушались, особенно в крепостных имениях. В результате распространялось то, о чем идет речь далее, — сожительство свекра с невесткой, снохачество. Анюта могла отказаться от мужа-мальчика потому, что она не крепостная, а дочь ямщика. Ямщики — казенные крестьяне, для которых подушная подать заменялась гоньбой на своих лошадях. Если почтовый ям становился городом, как например Валдаи, ямщики записывались в сословие мещан, а при желании и наличии средств — в купцы.

С. 64. . . . *выпросит в почетные девицы. . .* — т. е. добьется придворного звания фрейлины.

С. 64. . . . *едущую четвернею, если она ходит пешком. . .* — Число лошадей и характер украшения экипажей регулировались специальным законом в зависимости от положения по «Табели о рангах». Особы первых пяти классов могли ездить в соответствующей каждому классу карете на шестерке или четверке лошадей. Лицам шестого—восьмого классов полагалась четверка. Ober-офицеры ездили в коляске, запряженной парой. Нечиновные, какими бы средствами они ни располагали, должны были довольствоваться одной лошадью. Выезд цугом — четверка или шестерка лошадей, запряженных попарно.

С. 64. *Анюта, Анюта. . . Для чего я тебя не узнал лет 15 тому назад. . .* — Мысль об активной силе добра и красоты характерна для многих европейских и русских просветителей.

С. 64. *Но что такое за обыкновение. . . Ее хотели отдать за десятилетнего ребенка. . .* Возвращая Путешественника к мысли о вреде браков неравных по возрасту людей, автор передает свои раздумья. Уже при Павле I, когда ссылка в Сибирь была заменена ссылкой в село Немцово Калужской губернии, Радищев вызвал недовольство крестьян, запретив женить мальчиков, о чем писал А. Р. Воронцову: «Я вызвал недовольствие своих крестьян, запретив им женить малолетних, что является здесь обычаем почти повсеместным и может быть причиною тому, что население совсем не будет возрастать» (Соч. Т. 3. С. 495). Стоит при этом уточнить, что село принадлежало не писателю, лишенному за свою книгу прав и состояния, а его детям от первого брака.

С. 67. . . *словуты в коленах. . .* — прославлены в поколениях.

С. 67. *Известно вам. . . что мудрые правители нашего народа. . . старались положить предел стоголовому сему злу.* — Очевидно, имеются в виду попытки Петра I и Екатерины II ограничить злоупотребления крепостным правом.

С. 67. *Державные предки наши. . .* — При Петре I дворянство получило в наследственную собственность земли с приписанными к ним крестьянами, а затем и исключительное право владеть крепостными. При Екатерине в связи с отменой обязательной службы дворян и другими привилегиями дворянству крепостные потеряли все гражданские права и стали «в законе мертвы».

С. 67. *Служители божества предвечного. . . Старались. . . доказать вам жестокость вашу, неправду и грех. . .* — Ничего подобного духовенство XVIII в. помещикам не доказывало. Здесь, как и в первых абзацах главы, речь идет об отдаленном будущем.

С. 67. . . *юным вам сущим. . .* — когда вы были юными. Речь идет снова о будущем времени, ибо в училищах 80-х гг. «основания права естественного и права гражданского» не преподавались.

С. 68. *Кто же к ниве ближайшее имеет право, буде не делатель ее? . . .* — Здесь и далее устами «гражданина будущих времен» Радищев выдвигает революционное требование: земля должна быть собственностью тех, кто ее обрабатывает, т. е. крестьян. При этом, помимо социальных и этических аргументов, Радищев говорит об экономической невыгодности крепостного труда для общества («избытка своего делатель обществу не отдаст, не имея нужного»).

С. 69. *Европейцы, опустошив Америку. . .* — Колонизация Америки сопровождалась бесчеловечным истреблением коренного населения — индейцев. Однако для разведения крупных плантаций на захваченных землях требовалась дешевая рабочая сила, и в 1619 г. в Северную Америку (Виргиния) была доставлена первая группа рабов-негров. В XVIII в. работорговля, которую вели главным образом англичане, достигла широчайших масштабов: за период с 1680 по 1786 г. в английские колонии было ввезено более 2 000 000 рабов из Африки. В результате длительной войны с Англией (1775—1783) бывшие колонии стали независимой республикой Соединенных Штатов Америки. Радищев в оде «Вольность» (строфы 45—46), написанной около 1783 г., восторженно приветствовал новую республику, завоевавшую вольность в борьбе с английской монархией. Но дальнейший ход событий, за которым писатель внимательно следил, заставил его изменить отношение к Америке. Хотя в северных штатах республика рабство было отменено в результате войны за независимость, в южных оно продолжало существовать и даже значительно расширилось в связи с развитием крупных хлопковых, табачных, сахарных, цитрусовых и других плантаций. Новая конституция США, выработанная в 1787 г. (вступила в действие с 1789 г.) в интересах плантаторов и буржуазии, окончательно утвердила существование рабства в южных штатах, где негры, составлявшие местами большинство населения, были низведены до положения рабочего скота (рабство в США было формально ликвидировано только в результате Гражданской войны 1861—1865 гг.). Именно эти обстоятельства и заставили Радищева выступить в «Хотилове» с проклятием в адрес американской буржуазной «демократии».

С. 70. . . *во градах же, где известнее было «я», а не «мы», находим остатки велико-лепных царских чертогов. . .* — Осуждая «кичливых властителей», строивших огромные здания, бесполезные обществу, Радищев имеет в виду не только Древний Египет, Древний Рим времен империи и т. д., но и современную ему Россию. Екатерина II

тратила громадные деньги на строительство «великолепных чертогов» не только для себя, но и для своих фаворитов. Рядом с Зимним дворцом в 1764—1775 гг. был построен Малый Эрмитаж («Ламоттов павильон»), в 1771—1787 — Старый Эрмитаж, в 1783—1787 — Эрмитажный театр и Лоджии Рафаэля. Многочисленные загородные дворцы строились для императрицы (Чесменский, Царскосельский и др.), наследника престола Павла Петровича (Гатчинский, Павловский, Каменноостровский). На государственные средства в 1768—1785 гг. для графа Г. Г. Орлова возвыснут Мраморный дворец; Аничковский дворец в 1778—1779 гг. значительно перестроен для Г. А. Потемкина, а в 1783—1789 гг. для него же возведен Таврический дворец, и т. д.

С. 70. . . к шарам, в 18-м столетии изобретенным. . . — Первый воздушный шар, сделанный из бумаги (вскоре ее заменили шелком) и наполненный горячим воздухом, был изобретен братьями Монгольфье и запущен 5 июня 1783 г., а 25 августа того же года взлетел изобретенный профессором Шарлем шар, наполненный водородом («горючим воздухом»). В Петербурге первая публичная демонстрация воздушного шара состоялась в ноябре 1783 г.

С. 70. Александр, Великим названный, — Александр Македонский (356—323 до н. э.), великий древнегреческий полководец и государственный деятель. Начав в 334 г. до н. э. поход против Персидской державы, Александр завоевал Малую Азию, Египет, Месопотамию, Персию и в 329 г. двинул войска в Среднюю Азию — Бактрию и Согдиану. Здесь Александр встречал ожесточенное сопротивление и с крайней жестокостью подавлял его, превращая в пустыни цветущие области, разоряя города. Вместе с тем в захваченных местностях Александр основывал новые города (например, Александрию в Египте). Поскольку Россия при Екатерине вела ряд войн, в результате которых были приобретены новые области, спешно заселявшиеся переселенцами, императрица верно усмотрела в этих строках «Путешествия» осуждение своей политики и специально отметила страницы, наполненные «бранию противу побед, побеждений, приобретений и населений» (*Бабкин Д. С. Процесс. . .*, с. 162).

С. 73. Но друг мой, ведая, что высшая власть недостаточна в силах своих на претворение мнений мгновенно, начертал путь повременным законоположениям к постепенному освобождению земледельцев в России. — Говоря о том, что правительство несомненно сразу, одним законом ликвидировать крепостное право, Радищев, вероятно, имеет в виду слова Екатерины II: «Не должно вдруг и через узаконение общее делать великого числа освобожденных» (Наказ, § 260). Проект «гражданина будущих времен» неоднократно вызывал со стороны историков и литературоведов обвинения в либерализме (причем одни исследователи упрекали в этом самого Радищева, другие — «гражданина будущих времен», третьи — Путешественника). Либерализм усматривался и в том, что освобождение, по мысли автора проекта, должно было прийти «сверху», и в том, что предусматривалась именно постепенная ликвидация крепостного права. Достаточно, однако, сравнить проект «гражданина будущих времен» с декабристскими проектами освобождения крестьян, чтобы увидеть его прогрессивность. Согласно «Проекту Конституции» одного из руководителей Северного общества Н. М. Муравьева, в стране устанавливался конституционно-монархический строй; провозглашалась отмена крепостного права, но земля оставалась собственностью помещиков (Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. I. С. 301—302). Руководитель Южного общества П. И. Пестель в «Русской правде» предусматривал освобождение крестьян и наделение их землей. «Но поелику таковое важное предприятие требует зрелого обдумания и весьма большую в государстве произведет перемену, то и не может оно иначе к успешному окончанию приведено быть, как введением постепенным». В освобождении же дворовых людей «Русская правда» предлагала два пути: освобождение за выкуп и «назначение числа годов, кои господину своему прослуживши дворовый человек делается вольным» (там же, т. II, с. 120—121). Общество соединенных славян, стремясь к уничтожению крепостного права, ставило перед собой задачу «прежде всего. . . приготовить народ к новому образу гражданского существования и потом уже дать ему оный». «Народ не иначе может быть свободным, как сделавшись нравственным, просвещенным и промышленным» (там же, т. III, с. 23). Таким образом, следует признать справедливость оценки хотиловского проекта, которую дал Я. Л. Барсков: «В вопросе о крепостном праве Радищев стоит выше всех современных ему, а также и последующих писателей, выступавших до Герцена и Чернышевского;

в этом вопросе он далеко опередил свое время» (Материалы. . . , с. 437). См. также с. 609—611.

С. 74. *Никогда не проезжал я сего нового города, чтобы не посмотреть 'вдешних шлюзов.* — Вышний Волочок, преобразованный в 1772 г. в город, издавна занимал важное положение на торговом пути. В связи с возвращением земель на Ладоге и Неве этот путь стал особенно важен, и 12 января 1703 г. Петр I подписал указ о строительстве в Вышнем Волочке канала, а на канале и реке Цне — шлюзов. Судходство по Вышневолоцкой системе началось в 1709 г. Спустя 10 лет система была передана в частное владение купцу М. И. Сердюкову, который предложил Петру проект ее улучшения путем строительства новых каналов, шлюзов и т. п., а в 1774 г. она была выкуплена за 176 000 рублей и перешла в ведение государства. Из-за маловодья непрерывное судходство было невозможно, поэтому барки с хлебом, овсом, крупой, солью, кирпичом, шкурами и т. д. скапливались в большие караваны (от 750 до 1500 барок). По мере выпуска воды из искусственных водохранилищ караван продвигался по шлюзам, каналам и рекам. Таким образом, в навигацию проходило три каравана: весенний, начинавший движение вслед за вскрытием рек; летний, проводившийся в июне; осенний — в августе.

С. 75. . . . *выдавал он им определенное количество хлеба, под именем месячины известное. . .* — Подобные факты были хорошо известны современникам. «Есть и такие строгие помещики, — свидетельствовал еще в 1770 г. П. И. Рычков, — которые крестьянам своим одного дня на себя работать не дают, а давая всем их семействам месячный провиант, употребляют их на господские работы повседневно» (Труды Вольного экономического общества. 1770. Ч. 16. С. 26—27). Имение одного из таких помещиков В. Н. Зубова находилось в шести верстах от села Верхнее Абязово (Преображенское), которое принадлежало отцу писателя Н. А. Радищеву, и автор «Путешествия» лично знал Зубова. Типичность радищевских персонажей крепостников была неоднократно подтверждена и читателями следующих поколений. Так, в одном из списков «Путешествия» читатель предкеабрской поры на полях «Вышнего Волочка» воскликнул: «Сей 2-й есть истинный Алексин!» Пушкин в статье «Путешествие из Москвы в Петербург» полностью привел «повествование о некотором помещике» и дополнил его своим рассказом о барине — «тиране по системе и убеждению».

С. 75. . . . *по обыкновению лакедемонян, пировали вместе на господском дворе.* — Радищев иронически переосмысляет легенду о спартанском законодателе Ликурге. В переведенной в 1773 г. Радищевым книге Мабли «Размышления о греческой истории» говорилось: «Ликург, желая граждан сделать достойными истинную вкушати вольность, учредил в имени их совершенное равенство. . . Он учредил народные столы, где каждый гражданин принужден был непрестанный подавать пример воздержания и строгости» (Соч. Т. 2. С. 237).

С. 75. — *Мясоед* — период, когда правила православной церкви разрешали употреблять мясную пищу (за исключением постных дней). Осенний мясоед продолжался с 15 августа по 14 ноября, зимний — с 25 декабря до масленицы.

С. 75—76. *Посты и постные дни* — время, когда церковные правила запрещали есть мясную, молочную пищу, яйца и т. д. К числу многодневных постов относились великий пост (длился шесть недель до пасхи), петровский, или апостольский (начало его зависело от пасхи, продолжительность менялась от восьми дней до шести недель), усупенский (с 1 по 14 августа), рождественский (с 14 ноября до 24 декабря). Кроме того, бывали однодневные посты — среда и пятница каждой недели (за исключением святочной, пасхальной и некоторых других недель), а также 5 января, 29 августа и 14 сентября.

С. 76. *Святая неделя*, или пасхальная, — неделя после великого поста, большой церковный праздник.

С. 76. *Таковым урядникам* — т. е. таким образом устроенным людям (от «урядить» — устроить, снабдить).

С. 76. *Проект в будущем.* — «Проект» в «Выдропуске», как и хотилковский, относится к отдаленному будущему. Однако сама идея «восстановления» «равенства во гражданах» была настолько революционной, что Екатерина увидела здесь следование «французскому развратному нынешнему примеру», хотя «Выдропуск» имелся уже в начальной редакции «Путешествия», заверенной почти за год до начала Французской революции. Главная мысль проекта — придворные не приносят обществу пользы, поскольку обслуживают лишь особу монарха, — была воспринята от Радищева декабристами:

§ 104 «Проекта Конституции» Н. М. Муравьева кратко воспроизводит радищевскую аргументацию. Любопытно, однако, что эта идея показалась слишком радикальной другому декабристу, и он высказался против нее.

С. 76. *Вводя нарушенные в обществе естественное и гражданское равенство постепенно паки, предки наши. . .* — Речь идет о борьбе самодержавия со старой феодальной аристократией.

С. 77. *. . . воздвигли цари придворных истуканов, кои, истинные феатральные божки, повинуются свистку или трещотке.* — То есть: воздвигли придворных кумиров, которые подобны выступающим в роли богов театральным актерам, повинующимся сигналам режиссера.

С. 77. *Дворецкой мой, конюший и даже конюх и кучер. . .* — Радищев употребляет русские названия должностей, а не применявшиеся в XVIII в. немецкие названия придворных чинов (очевидно, потому, что русские яснее выражали сущность занятий облачаемых «тунеядцев» и были понятнее далекому от придворной жизни читателю).

С. 78. *Нума Помпилий* — легендарный царь Древнего Рима, которому в его деяниях помогали нимфа Эгерия, передававшая ему волю и советы богов.

С. 78. *Манко Капак* — мифический основатель и первый правитель государства древних инков (на территории Перу, Боливии, части Чили и Эквадора). Он называл себя сыном Солнца.

С. 78. *Моисей* — легендарный вождь и законодатель евреев. По библейским сказаниям, в результате божьего «откровения» Моисей получил скрижали с заповедями, которые легли в основание «истинной религии», носителем коей стал «избранный народ» — евреи.

С. 78. *Ариман* — Анхра-Майнью, олицетворение злого начала в зороастризме, религии древних персов.

С. 79. *Се слабая картина всех пагубных следствий. . .* — Выписав одну за другой все страницы, которые в книге занимает «Выдропуск», Екатерина так сформулировала свое впечатление от главы: «Тут царям достается крупно и кончится сими словами: „как власть со свободой сочетать должно на взаимную пользу“. Сие думать можно, что делит на французский развратный нынешний пример. Сие тем более вероятно становится, что сочинитель везде ищет случай придраться к царю и власти» (*Бабкин Д. С. Процесс. . .*, с. 163).

С. 79. *Торжок.* — В ранних редакциях глава состояла только из рассуждений «прислателя цензуры»; в конце 1789 г. Радищев ввел в нее «Краткое повествование о происхождении цензуры», вносил дополнения вплоть до апреля—начала мая 1790 г. Внимание писателя именно к этой главе не случайно: дело в том, что в конце 80-х гг. вопрос о цензуре стал одним из самых злободневных. До 1762 г. борьба правительства с печатью имела эпизодический характер; Екатерина с самого начала царствования сделала попытку ограничить число книг, выписываемых из-за границы. Поскольку частных типографий до 1776 г. не было, цензурный надзор за изданиями осуществляли те учреждения, при которых состояли типографии (Московский университет, Академия наук и др.). В середине 70-х гг. встал вопрос о реорганизации книжного дела, поскольку казенные типографии работали плохо. Поначалу их стали сдавать в аренду частным предпринимателям (так, с 1779 по 1789 г. «содержателем» типографии Московского университета был Н. И. Новиков), затем Сенат начал выдавать разрешения («привилегии») на право заведения вольной (т. е. частной) типографии одному лицу за другим. Цензура над изданиями этих типографий была установлена тройкая: духовные книги должен был цензуровать Синод, светские — Академия наук, объявления — полиция. Но, поскольку цензор-академик не мог справиться с просмотром рукописей для постановки типографий, «Устав Управы благочиния» 1782 г. предусматривал передачу части цензурских функций полиции. Окончательно эти функции за управы благочиния закрепил указ о вольных типографиях от 15 января 1783 г., которым позволялось «каждому по своей собственной воле заводить оные типографии». Цензура же сочинений духовного содержания, как и раньше, оставалась за Синодом. Однако Академия и университет по-прежнему имели право цензуровать издания находящихся в их ведении типографий, чем и воспользовались московские мартинологи, в распоряжении которых была арендованная Новиковым университетская типография и несколько вольных, организованных в соответствии с указом 1783 г. Новиков развернул широчайшую книгоиздательскую деятельность, причем, наряду с книгами просветительного со-

держания, печатал множество масонских сочинений — и не только религиозно-мистических, но и затрагивавших политические проблемы. Для борьбы с масонством Екатерина поначалу активизировала духовную цензуру, а затем прибегла и к административным мерам: университетскому начальству было предписано не возобновлять с 1789 г. контракта с Новиковым на аренду типографии. В конце 80-х гг. активизировалась и полицейская цензура.

С. 79. *Послушаем Гердера.* — Следующий абзац — цитата из рассуждения немецкого просветителя Иоганна Готфрида Гердера (1744—1803) «О влиянии правительства на науки и наук на правительство» (1780). Радищевский перевод точен, но неполон, поскольку автор «Путешествия» цитирует только тезисы в защиту свободы печати.

С. 80. . . *цензор, в клобуке ли он или с темляком* — т. е. цензор духовный или полицейский (клобук — монашеский головной убор, темляк — тесьма с кистью на шпаге). Этот оборот внесен Радищевым в текст Гердера применительно к особенностям России, где существовали две — духовная и полицейская цензуры.

С. 80. *Откуп в помышлениях* — монополия в мыслях.

С. 80. *Один несмысленный урядник благочиния может величайший в просвещении сделать вред.* . . — Передача цензуры в ведение полиции вызывала протест в передовых кругах общества. Так, например, литератор и вольнодумец Ф. В. Каржавин написал на экземпляре переведенной им книги С. Леклера «О пяти чинах архитектурных» (СПб., 1790), которую цензуровал петербургский полицеймейстер А. Жандр: «Может ли полицеймейстер палашник судить о науках и художествах! А особливо Жандр!» О необразованности и глупости петербургского обер-полицеймейстера Н. Рылеева (который подписал к печати «Путешествие» и отдельно «Слово о Ломоносове») рассказывали анекдоты. Не лучше обстояло дело и в Москве. Московский главнокомандующий князь А. А. Прозоровский, требуя организации специальных цензурных органов, мотивировал это необразованностью высших чинов полиции: «Отправлять полиции цензуру книг весьма неудобно. Бывший обер-полицеймейстер ни одного иностранного языка не знал, полицеймейстер хотя и знает французский язык, но никогда на чтение книг себя не употреблял».

С. 80. *Слова не всегда суть деяния, размышлении же не преступлении. Се правила Наказа о новом уложении.* — Радищев имеет в виду § 480 и 477 «Наказа»: «Слова не вменяются никогда во преступление, разве оные приутоворяют, или соединяются, или последуют действию беззаконному». «Человеку снилось, что он умервил царя; сей царь приказал казнить его смертью, говоря, что не приснилось бы ему сие ночью, если бы он о том днем наяву не думал. Сей поступок был великое тиранство: ибо если бы он то и думал, однако ж на исполнение мыслей своей еще не поступил; законы не обязаны наказывать никаких других, кроме внешних, или наружных действий».

С. 81. *Клеймо полицейское* — соответствующие надписи («С дозволения Управи благочиния», «С указного дозволения» и т. п.), размещавшиеся в 80-х гг. на титульном листе издания.

С. 81. *Если безумец . . . речет: «несть бога» . . .* — парафраз начального стиха псалма 13-го.

С. 81. *Но если думаешь, что зулемем всевышний оскорбится, — урядник ли благочиния может быть за него истец? Всесильный звонящему в трещотку или биющему в набат доверия не даст.* — Высказывание Радищева, возможно, навеяно Мабли. «Бог не Плутарх, — писал Мабли, — он не человек, которого можно оскорбить нашей брабью. . . Бог не нуждается в нас, чтобы отомстить за себя» (Материалы. . . , с. 443). Говоря об «урядниках благочиния», Радищев метит и в полицейскую цензуру (трещотки применялись в случае тревоги полицией), и в духовную («биющему в набат»). Подобное объединение полиции и церкви в одной формуле «урядники благочиния» было возможно потому, что в XVIII в. слово «благочиние» обозначало и полицию, и церковный округ, включающий несколько церквей и приходов: соответственно «благочинным» именовался и священник этого округа, и полицейский.

С. 81. *Отступники откровенной религии.* . . — Речь идет о раскольниках (старобрядцах). В XVII—первой половине XVIII в. они подвергались жестокому репрессиям, но в 60—80-х гг. им были возвращены гражданские права. Однако нелегальные издания раскольников подвергались преследованиям. Радищев и говорит о нелепости такого положения, когда правительство, узаконив сам раскол, запрещает книги раскольников.

С. 82. . . . не бы были торгующие своєю красотою. — В сентябре 1786 г. в журнале «Лекарство от скуки и забот» (ч. I, с. 133) было анонимно напечатано стихотворное «Дружеское наставление торгующим своєю красотою от соболезнующих о их неумении» Я. Б. Княжнина (в его собрание сочинений 1787 г. стихотворение не попало, а в посмертном 1802—1803 гг. появилось под заглавием «Послание прелестницам»). В октябре в том же журнале (ч. I, с. 175) опубликован анонимный «Ответ на дружеское наставление торгующим своєю красотою».

С. 82. *Дикинсон* — Джон Диккинсон (1732—1808), участник конгресса 1776 г. в Филадельфии, на котором было решено начать войну за независимость Американских штатов. С 1782 г. — губернатор штата Пенсильвания, затем президент высшего исполнительного совета.

С. 83. *И так цензура да останется на торговых девок, до произведений же, развратного хотя разума, ей дела нет.* — Радищев опровергает не только «Устав благочиния» и указ о вольных типографиях, но и точку зрения Гердера, который считал в данном плане цензуру необходимой.

С. 83. *Краткое повествование о происхождении цензуры.* — Посвятив предыдущую часть «Горжка» критике правительственных узаконений о цензуре и цензурной практике управы благочиния, во второй части главы Радищев помещает историко-публицистический трактат, направленный главным образом против духовенства. Не имея возможности выступить с развернутой критикой русской церковной цензуры, писатель гневно осуждает действия древних жрецов и католической церкви. Прерывая историческое повествование публицистическими отступлениями, он ясно дает понять читателю, что речь идет об истории ради современности, и прежде всего, конечно, русской. В работе над историческим очерком о цензуре Радищев изучил множество источников и в конечном счете создал такой очерк истории цензуры, который обилием фактического материала превосходит соответствующие статьи «Энциклопедии» Дидро, «Словаря» Бейля и других справочных изданий XVII—XVIII вв.

С. 83. *Протагор* (481—411 до н. э.) — древнегреческий философ-софист; по обвинению в атеизме был приговорен к смертной казни, а его сочинение «О богам» сожжено.

С. 84. *Тит Лабений* — Лабиев (ум. ок. 12 н. э.), римский историк и оратор, сторонник республики, противник императорской власти.

С. 84. *Кремуций Корд* (ум. 34) — римский историк, автор «Анналов», излагавших события от убийства Цезаря до смерти Августа. При императоре Тиберии (правил в 14—37 гг.) ему было предъявлено обвинение в том, что в «Анналах» он воздал хвалу вождю заговора против Цезаря, Бруту, и назвал второго вождя заговора, Гая Кассия Лонгина (а не Кассия Севера, как указывает Радищев), «последним римлянином». Кремуций Корд кончил жизнь самоубийством, а сочинения его сенат постановил уничтожить, но они уцелели, так как тайно были сохранены списки. Тацит рассказывает об этом в «Анналах» (книга IV, главы 34—35). Вводя цитату из Тацита в намеренно заостренном виде, Радищев, по-видимому, не только осуждал прошлое, но и предвидел будущее — судьбу собственной книги.

С. 84. *Ария Монтан*, Бенедикт (1527—1598) — испанский ученый и богослов, составитель списка запрещенных книг в Нидерландах, находившихся под властью Испании. Впоследствии в подобный список попали и его собственные труды.

С. 84. *Кассий Север* (ум. 32) — римский писатель и оратор. За резкие нападки на знатных лиц, близких к императору Августу, он был сослан на Крит, а сочинения его уничтожены.

С. 85. *Антоио IV Епифан* — царь Сирии в 175—164 до н. э.; пытался эллинировать иудеев и распространить среди них греческое многобожие.

С. 85. *Арнобий* (ум. ок. 327) — христианский писатель.

С. 85. *Константин* (ок. 285—337) — римский император с 306 г.; в борьбе за власть жестоко расправлялся со своими соперниками и их сторонниками. При нем были усилены наказания рабов, однако он покровительствовал христианской церкви ради объединения сил господствующего класса, за что и был причислен к лику святых.

С. 85. *Арий* (256—336) — священник из Александрии, родоначальник «арианской ереси». Осужден в 325 г. I Вселенским собором христианской церкви в Никее, на котором председательствовал Константин, высказавшийся против арианства (вскоре, однако, Константин принял сторону ариан и возвратил Ария из ссылки).

С. 85. *Феодосий II* (401—450) — император Восточной Римской империи. Созванный им в 431 г. Вселенский собор в Эфесе осудил как еретическое учение константинопольского патриарха Нестория (ум. 439?), сам Несторий был отправлен в ссылку, а его последователи подверглись жестоким гонениям.

С. 85. *Халкидонский собор* в 451 г. осудил ересь монофизитов, родоначальником которой был константинопольский архимандрит Евтихий.

С. 85. *Пандекты Юстиниановы* (или «Дигесты») — пятидесятитомное собрание выписок из сочинений римских законоведов, составленное в 530—538 гг. по поручению императора Восточной Римской империи Юстиниана (ок. 483—565, правил с 527 г.), часть законодательного труда «Основы гражданского права».

С. 85. *Амвросий Оперт*, или Амброзиус Аутперт (ум. 778) — монах бенедиктинского ордена, аббат монастыря святого Викентия.

С. 85. *Стефан III* — римский папа в 768—772 гг.

С. 85. *Абелард* — Пьер Абеляр (1079—1142) — французский литератор, философ и богослов, выступавший против «слепой веры», некритического восприятия сочинений церковных «авторитетов» и выдвигавший требование «понимать, чтобы верить», т. е. отдававший предпочтение разуму перед верой. Взгляды Абеляра были осуждены на Суассонском соборе в 1121 г., а после второго их осуждения на Санском соборе 1140 г. папа Иннокентий II (1130—1143) повелел уничтожить его сочинения.

С. 86. . . *произвел иллюминатов*. — Под иллюминатами Радищев понимает масонов.

С. 86. . . *в самом том городе, где изобретено книгопечатание*. — Книгопечатание было изобретено около 1445 г. в немецком городе Майнце Иоганном Гутенбергом (1400—1468).

С. 86. *Указ о неиздании книг* переведен Радищевым с латинского языка из сборника «Кодекс дипломатический документов, превосходно иллюстрирующих дела могунтинские, франкские, треверианские, гассиакские и соседних стран и не только германское право и историю Священной Римской империи, том IV. Из мрака вызвал к свету, расположил и снабдил примечаниями Валентин Фердинанд Священной Римской империи барон Гуденус, ассессор имперской камеры» (Франкфурт и Лейпциг, 1758).

С. 88. *Сравнить с ним можно дозволение иметь книги иностранные всякого рода и запрещение таковых же на языке народном*. — По-видимому, это примечание Радищева намекает непосредственно на Россию. В царствование Екатерины во многих частных библиотеках имелись сочинения французских просветителей, которые нельзя было публиковать на русском языке. В числе писателей, чьи произведения могли читать только лица, владевшие французским языком (т. е. в подавляющем большинстве дворяне), были, например, Гольбах, Гельвеций и другие, запрещены были некоторые произведения Руссо («Эмиль») и т. д. В сентябре 1789 г. императрица предписала, чтобы собрание сочинений Вольтера, выходившее в 1784—1789 гг. под редакцией Бомарше, «отнюдь не было печатаемо ни в одной здешней типографии» без духовной цензуры; 22 октября 1789 г. аналогичный указ был издан Синодом. Тем самым на издание собрания сочинений Вольтера на русском языке был фактически наложен запрет, хотя французское издание свободно доставлялось через границу.

С. 89. *Какая в том вам польза бороться самим с собою и исторгать шуйцею, что десницею насадили?* — Обращаясь к современным правительствам, Радищев спрашивает, какую пользу им принесет поддержка взаимоисключающих явлений: с одной стороны, в XVIII в. развивается просвещение, открываются вольные типографии и школы и т. п., с другой — поддерживается цензура, сеющая невежество и предрассудки.

С. 89. . . . *почувствуйте на себе оковы*. . . — Разумев здесь, как и в других местах, под «священным суеверием» религию, под «суеверием политическим» Радищев имеет в виду монархию, деспотизм, самодержавие. Прямо связывая вопрос о свободе слова с проблемами политическими, писатель далее показывает, что цензура особенно свирепствует в абсолютных монархиях (Франция, Англия, Испания). «Просвещенные» государи способны лишь отчасти и ненадолго ослабить цензурный гнет, но отнюдь не уничтожить цензуру (Дания, Пруссия, Австрия). И только в странах, в которых революционным путем установился республиканский или конституционно-монархический строй, цензура уничтожена (Англия, Америка). Неясно, как будет с цензурой во Франции, где только что началась революция.

С. 89. *Священный Тиверий* — то есть церковник — злодей, убийца и тиран (в пер-

воначальном тексте вместо имени римского императора Тиверия стояло «Нерон»). Римский папа в 1492—1503 гг., Александр VI Борджиа прославился своей жестокостью, вероломством и развратом.

С. 90. . . *воспомните, что можете сравниться с папою Александром VI, и устыдитесь*. — Оборот «можете сравниться» объясняется тем, что в России в 70—80-х гг. конфискованные книги опечатывались, но не сжигались. Первым изданием, приговоренным к публичному сожжению рукою палача, было «Путешествие» Радищева; затем та же судьба постигла трагедию Княжнина «Вадим Новгородский».

С. 90. *Звездная палата* была учреждена в Англии в 1488 г. как высший административно-судебный трибунал, заседания которого проходили в зале с потолком, украшенным звездами. Созданная первоначально для обуздания вельмож-феодалов, Звездная палата впоследствии взяла под свой контроль умственную жизнь страны, ее ведению подлежала печать и т. д., причем приговоры отличались особой жестокостью.

С. 90. *Страфорд* — Томас Вэнтворт граф Страффورد (1593—1641), один из ближайших помощников Карла I (1600—1649, правил с 1625 г.), был казнен в начале английской буржуазной революции. Тогда же была упразднена Звездная палата, и вскоре появилось множество произведений, напечатанных без цензуры. Однако в 1643 г. Долгий парламент (существовал с 1640 по 1653 г.) ввел обязательную предварительную цензуру, хотя несколько смягчил цензурный гнет, который существовал и после казни Карла I. Новая волна цензурных гонений поднялась при восстановлении на английский престол королей из династии Стюартов — Карла II (правил в 1660—1685 гг.) и Иакова II (1685—1688). После революции 1688 г. на английский престол возведен Вильгельм III (1688—1702), при котором в 1696 г. цензура была уничтожена.

С. 90. *Вильям Кекстон* — Уильям Кекстон (ок. 1422—1491), первый английский типограф и переводчик. Первой книгой, напечатанной в 1474 г. на английском языке, была переведенная Кекстоном «История Трои» Рауля де Февра; второй — перевод книги «Шахматная игра» Кессолиса, вышедший в свет в 1475 г. По мнению большинства библиографов XIX и XX вв., обе книги были изданы не в Англии, а за границей (в Нидерландах или Германии). Вернувшись в Англию, Кекстон завел типографию в 1476 г., где в 1477 г. было напечатано «Собрание речений и слов философов». Однако данные, приведенные Радищевым, не являются результатом его ошибки, они отражают состояние современной ему библиографической науки. О «Шахматной игре» как первой книге, напечатанной в Англии в 1474 г., пишет и Вальтер Скотт в романе «Антикварий» (заключен в 1816 г.).

С. 90. *В Дании вольное книгопечатание было мгновенно*. . . — Королем Дании с 1766 г. был Христиан VII (1749—1808). Вследствие его слабоумия страной фактически правили другие лица. В 1770 г. главой тайного королевского кабинета стал И. Ф. Струэнзе, попытавшийся осуществить ряд реформ в просветительском духе. Указом 14 сентября 1770 г., изданным от имени короля, в Дании провозглашалась свобода печати. В январе 1771 г. Вольтер приветствовал этот указ стихотворением «Королю Дании, Христиану VII, на свободу печати». Однако реакционные круги воспользовались свободой печати в борьбе с главой правительства, и в 1771 г. цензура была вновь восстановлена; в 1772 г. Струэнзе арестован и вскоре казнен.

С. 91. *Американские правительства приняли свободу печатания*. . . — Материалы об американских законах, касающихся печати, Радищев извлек из французского издания американских конституций, которое вышло в свет во время войны за независимость, в 1778 г.

С. 91. *В Бастильских темницах томился несчастный, дерзнувший оуждать личность министров и их распутство*. — Так, например, в 1717 г. за обличительные стихотворения, направленные против регента — правителя Франции — и близких к нему лиц, в Бастилию был заключен Вольтер; в 1725 г. он попал туда вторично.

С. 91. *Ныне, когда во Франции все твердят о вольности*. . . *цензура во Франции не уничтожена*. — Свобода провозглашена программным документом Французской революции — «Декларацией прав человека и гражданина» (принята 26 августа 1789 г.), однако цензура отменена не была.

С. 91. *Мы недавно читали*. . . *Лафает был исполнителем сего приговора*. — Речь идет о разгроме типографии Марата отрядом Национальной гвардии под командова-

нием маркиза де Лафайета (1757—1834) за памфлет, направленный против правого большинства Учредительного собрания. Эти события широко освещались во французской печати в январе 1790 г., а 19 февраля заметка о них появилась в «Санктпетербургских ведомостях».

С. 92. *Император Иосиф II*. . . — При Марии-Терезии (1717—1780) в Австрии цензура находилась в руках католической церкви, которая жестоко подавляла любую вольную мысль. По смерти матери Иосиф II (1741—1790) издал указ о веротерпимости и новый цензурный устав, которым был уничтожен цензурный комитет, однако сама цензура не отменена. Его преемник Леопольд II (император с 1790 по 1792 г.) вновь даровал ряд привилегий церкви и восстановил цензурный комитет, о чем сообщила «Гамбургская газета» (которую Радищев регулярно читал) в номере от 6 апреля 1790 г.; аналогичное известие появилось в «Московских ведомостях» 20 апреля.

С. 92. *Он был царь. Скажи же, в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в царской?* — Выписав эти слова, Екатерина отметила: «Сочинитель не любит царей, и где может к ним убавить любовь и почтение, тут жадно прицепляется с редкою смелостию» (*Бабкин Д. С.* Процесс. . . , с. 163).

С. 92. *Что в России с ценсурой происходило, узнаете в другое время.* — У Радищева не было нужды снова говорить о русской цензуре, поскольку цензурное законодательство, равно как и практика полицейской и духовной цензуры, было детально проанализировано в первой части главы.

С. 92. *Каждую неделю два раза*. . . — Дважды в неделю выходили обе русские газеты — «Санктпетербургские ведомости» и «Московские ведомости», где печатались объявления о продаже крепостных.

С. 93. *Крымский поход*. — В мае 1736 г. русская армия под командованием генерал-фельдмаршала Х. А. Миниха (1683—1767) вторглась в Крым, однако осенью отошла на Украину.

С. 93. *Франкфуртская баталия* — битва под Кунерсдорфом 1 августа 1759 г. по время Семилетней войны.

С. 93. . . *иль думаешь, что насильственное венчание во храме божием может назваться союзом?* — Согласно закону 1724 г. никто не имел права насильственно принуждать к браку, но на практике этот закон не исполнялся.

С. 94. *О квакеры!* . . . — Имеется в виду эпизод из «Истории обеих Индий» Рейналя, рассказывающий о том, как члены религиозной секты квакеров освободили принадлежавших им негров-рабов.

С. 94. *Он незаконнорожденной. Закон его освобождает.* — По генеральному праву Воспитательного дома все незаконнорожденные питомцы воспитательных домов, а также их будущие дети навсегда остаются вольными; их нельзя обратить в крепостных.

С. 94. . . *один чужестранец*. . . — скорее всего, англичанин или француз, поскольку под «отдаленными селениями», очевидно, подразумеваются английские или французские колонии в Америке, где существует рабство негров.

С. 95. *Ломоносов, уразумев смешное*. . . — Речь идет о реформе стиха, о переходе от силлабической системы стихосложения к силлаботонической.

С. 95. *Ексаметр* — гекзаметр, шестистопный дактиль, в котором часть дактилических стоп заменена хорейческими или спондеическими.

С. 95. *Тогда и Третьяковского вырют из поросшей мхом забвения могилы*. . . — Первую попытку объективной оценки «Тилемахиды» сделал сам Радищев в статье «Памятник дактило-хорейческому витязю» (1801—1802).

С. 96. *«Вольность»*. . . *Ода*. — Комментарии см. в примечаниях к полному тексту произведения.

С. 96. *Он очень туг и труден на изречение*. . . — Разъясняя принципиальные основы своей поэтики, Радищев комментирует так называемый «трудный стих» — один из приемов звуковой и ритмической организации словесного материала в поэзии.

С. 102. . . *рекрутской набор*. . . — способ комплектования армии, введенный в России при Петре I в 1699 г. В зависимости от военной потребности устанавливалось общее число всего набора, а затем вычислялось, сколько человек необходимо взять с определенного количества душ мужского пола, подлежащих рекрутской повинности. Основная тяжесть рекрутчины падала на крестьян внутренних губерний страны.

С. 103. *На меня пал жеребей*. — При объявлении набора власти определяли для

«каждой общины лишь общее число рекрутов (в зависимости от количества душ). В крепостных деревнях отдача в рекруты целиком зависела от помещика, в государственных и казенных определялась жребием.

С. 103. *Экономическое селение* — так назывались деревни, ранее принадлежавшие монастырям, а с 1764 г. ставшие государственными.

С. 103. . . *посредственного роста*. . . — т. е. среднего.

С. 103. *Смурой кафтан* — кафтан крестьянского некрашеного сукна из темной шерсти.

С. 107. . . *когда нас поставят в меру*. . . — По прибытии на сборный пункт рекрутам измеряли рост, ибо в солдаты не брали ниже «указной меры» — 2 аршинов $3\frac{3}{4}$ вершков (около 167,5 см).

С. 108. *Мемель* — город, в XVIII в. принадлежавший Пруссии (ныне — г. Клайпеда).

С. 109. *«Я вас!»* — У Радищева ошибка: не Эол, а Нептун, усмиряя ветры, воскликнул: «Я вас!»

С. 109. *Эолова острога* — трезубец, постоянный атрибут Нептуна.

С. 109. *Полкан* — здесь: всадник-драчун.

С. 109. . . *безгласным в придворной грамматике называется*. . . — Во «Всеобщей придворной грамматике» Д. И. Фонвизина о «безгласных» сказано: «Они у двора точно то, что в азбуке буква „ъ“, то есть сами собою, без помощи других букв, никакого звука не производят».

С. 110. *Габриелли, Маркези или Тоди* — итальянские певцы, знаменитые в Европе. Катерина Габриелли (1730—1796) пела на петербургской сцене в 1774—1775 гг.; Мария Франческа Лючия Тоди (1748—1793) была в России в 1780, а затем в 1784—1787 гг.; Луиджи Маркези, или Маркезини (1755—1829), певец — сопрано (кастрат), приезжал в 1785—1788 гг.

С. 111. *Вертер*. — Имеется в виду роман И. В. Гете «Страдания молодого Вертера» (1774). Произведение пользовалось огромным успехом у русских читателей еще в 70-е гг., когда с ним могли ознакомиться в оригинале, а в 1781 г. оно вышло в русском переводе Ф. Галченкова под названием «Страсти молодого Вертера».

С. 111. *Денежки и полушки* — мелкие медные монеты; две полушки составляли денежку, две денежки — копейку.

С. 113. *Да и то слава богу при нынешних неурожаях*. — Во второй половине 80-х гг. Россия претерпела ряд неурожайных лет.

С. 113. . . *обувь, данная природою*. . . — босые ноги.

С. 114. . . *парнасской судья*. . . — «новомодный стихотворец», автор «Вольности» и «Слова о Ломоносове».

С. 115. *Невской монастырь* — Александро-Невская лавра, основанная Петром I в 1713 г. в память о победе, одержанной Александром Невским над шведами в 1240 г.

С. 115. *Озерки* — так в XVIII в. называлась местность, расположенная за Невским монастырем.

С. 115. *Невское кладбище* — основанное в 1716 г. Лазаревское кладбище, самое старое из расположенных на территории лавры. Здесь в 1765 г. похоронен Ломоносов, в 1783 г. — А. В. Радищева (Рубановская).

С. 115. *Не столп, воздвигнутый над тлением твоим*. . . — Граф М. Л. Воронцов воздвиг на могиле Ломоносова мраморный монумент с надписями на латинском и русском языках с перечислением его заслуг. Обе надписи были напечатаны в 10-м листе журнала «Трутенъ», а в помещенной за ними статье говорилось: «Не можно воздержаться, чтобы не отдать справедливую похвалу покойному его сиятельству графу Воронцову. Монумент, воздвигнутый его тщанием и иждивением в честь имени покойного г. Ломоносова, возвестит позднейшим потомкам состояние словесных наук нашего века». С последней фразой непосредственно и полемизирует Радищев.

С. 116. . . *обитель иноческих мусс*. . . (т. е. монашеских муз) — Славяно-греко-латинская академия (основана в Москве в 1685 г.).

С. 119. . . *ода . . . на взятие Хотина* была прислана не из Марбурга, а уже из Фрейберга.

С. 120. *Таков был Демосфен*. . . — Радищев называет знаменитейших ораторов прошлого и современности: древнего грека Демосфена (384—322 до н. э.), римлянина Цицерона (106—43 до н. э.), англичан Уильяма Питта Старшего (1708—1778), Эдмунда

Берка (Бурка, 1730—1797), Чарльза Джеймса Фокса (1749—1806), француза Оноре Габриеля Рикетти Мирабо (1749—1791).

С. 122. *Но ты, зревший самого Ломоносова. . .* — Радищев обращается к митрополиту московскому Платону Левшину (1737—1812), славившемуся ораторским искусством. Отдавая должное душе и сердцу Платона, писатель сравнивает его с древнегреческим философом Платоном.

С. 122. *Дееписатель* — историк. Радищев весьма низко оценивает исторические труды Ломоносова и отказывается поставить его в один ряд с великим римским историком Тацитом, историками-просветителями Рейналем и Уильямом Робертсоном (1721—1793).

С. 122. *Маркграф* — Андреас Сигизмунд Маргграф (1709—1802), немецкий химик.

С. 122. *Ридигер* — по-видимому, Андреас Рюдигер (1673—1731), немецкий ученый.

С. 122. . . *шествие его было шествие последователя*. — В оценке деятельности Ломоносова-естествоиспытателя Радищев несправедлив. Только наука XX в. смогла в полной мере оценить гениальность научных открытий Ломоносова, и только теперь ясно, насколько Ломоносов в ряде проблем опередил свое время. Однако Радищев руководствовался, по-видимому, отзывами ученых — современников и недругов Ломоносова.

С. 123. *Франклин* Вениамин (1706—1790) — один из крупнейших деятелей американской революции, ученый-физик, изобретатель громоотвода. Приведенная Радищевым надпись под его бюстом взята у Рейналя (причем автор «Путешествия» вместо бывшего в оригинале слова «тиранов» поставил «царей», тем самым превратив тираноборческую тираду в антимонархическую).

С. 123. . . *позорищного стихотворения. . .* — т. е. драматургии. Речь идет о слабых трагедиях Ломоносова.

С. 123. *Всесвятское* — село под Москвой (ныне находится в черте города).

ВОЛЬНОСТЬ

С. 124. *Я в свет исшел, и ты со мною. . .* — Речь идет о человеке в «естественном состоянии».

С. 124. *Но что ж претит моей свободе. . .* — В 3—6-й строфах речь идет о добровольном ограничении людьми своих желаний при объединении на началах «общественного договора», возникновении закона, равно справедливого по отношению к каждому члену общества.

С. 125. *Зерцало* — трехгранная призма, установленная в судах по указу Петра I; на ней было начертано напоминание судьям хранить истину, судить строго по законам. *Меч* — символ неотвратимости наказания, *весы* — символ правосудия.

С. 125. *Гнушаясь жертвенных тли. . .* — т. е. тленных, презренных подношений (презирая подкуп).

С. 126. . . *чудовище ужасно. . .* — религия.

С. 126. *Власть царска веру охраняет. . .* — Утверждая, что религия и самодержавие угнетают общество совместно («союзно»), поддерживая друг друга, Радищев polemизирует с Руссо, который считал, что церковь и светское правительство борются между собой за власть.

С. 128. . . *право мщенье природы. . .* — право мщения, основанное на естественном (природном) законе самосохранения, следствием которого является право на самозащиту и на воздаяние за обиду.

С. 128. *Влечет его как гражданина. . .* — Народ судит монарха как преступника, нарушившего «общественный договор». Изображая суд народа над монархом, Радищев опирается на конкретный исторический пример — суд английского парламента над королем Карлом I. Ряд пунктов речи народа, обращенной в оде к монарху, переключается с обвинительным актом, предъявленным Карлу 20 января 1649 г.

С. 129. *Возмнил, что ты господь. . .* — т. е. господин.

С. 129. *В отличность знак изобретенный. . .* — Речь идет об орденах.

С. 131. *Венец трегубый* (т. е. тройной) — тиара, корона римского папы.

С. 131. *Жезл священный* — посох священнослужителей высших рангов.

С. 131. *Проклятый молний*. . . — т. е. молнии проклятий; когда Лютер в 1520 г. получил папскую грамоту об отлучении его от церкви, он публично сжег ее.

С. 131. *Мнимое прощенье* — индульгенции, грамоты об отпущении грехов, которыми широко торговало католическое духовенство.

С. 131. . . *сый всегда*. . . — вечно существующий, т. е. бог.

С. 133. *Десятина* — налог в пользу церкви.

С. 133. *Двулична бога храм закрылся*. . . — т. е. прекратились войны. Древнеримский бог Янус изображался человеком с двумя лицами; двери его храма в Риме были открыты во время войны и закрывались при заключении мира.

С. 135. *Весы золотые мзды позорной*. . . — Став диктатором Рима в 82 г. до н. э., Сулла составил проскрипции — списки подлежащих уничтожению; тому же, кто умертвит или предаст осужденного, полагалась награда.

С. 135. *Вождаем мягкою душою*. . . — Гай Юлий Цезарь Октавиан (63 до н. э. — 14 н. э.) коварством и кровопролитием достиг верховной власти и стал императором Рима, приняв имя Август; по мнению историков XVIII в., добившись власти, Август стал добрым и щедрым.

С. 135. *Сей был и есть закон природы*. . . — Радищев развивает теорию циклического развития человечества по спирали — «из мучительства рождается воляность, из воляности — рабство».

С. 136. *Всеобщему вослед стремленью*. . . — Радищев связывает законы истории человечества с одним из главных положений материализма XVIII в. — о вечном круговороте материи благодаря движению. При этом Радищев расходится с Руссо, который утверждал, что история человечества является сплошной цепью заблуждений и противоречит законам природы. (См. также «Подберезье»).

С. 136. *К тебе, словутая страна*. . . — Поэт обращается к независимой республике Соединенных Штатов Америки, свергнувшей власть английского короля. Вскоре, однако, это восторженное отношение сменилось резко отрицательным (см. в «Путешествии» главы «Хотилово» и «Вышний Волочок»).

С. 137. *Величеством, что днес я пел* — т. е. воляностью, свободой, революцией.

С. 137. *Отечество мое, отечество драгое*. . . — Чтобы эмоционально выделить этот стих, Радищев сознательно вместо четырехстопного ямба употребил здесь шестистопный.

С. 138. . . *стражу к словеси приставит* — учредит строжайшую цензуру.

С. 138. *Смертность* — здесь: люди, народ.

С. 139. . . *Начальный глас, глас божества*. . . — Поэт вновь (выше см. строфу 27) прибегает к библейскому мифу о творении мира, сопоставляя с первым днем творения крушение монархии и победу революции.

ПУТЕШЕСТВИЕ

(Реконструкция ранней редакции)

С. 155. *Если бы г. наместники . . . до почтового стану меня дотащили*. — Это остро обличительное рассуждение Радищев снял уже в первой наборной редакции, руководствуясь, скорее всего, композиционными соображениями (тема высших властей — наместников и государя — разворачивается дальше, в «Спасской Полести»). А, кроме того, радищевское обличение разошлось с реальностью, переставало соответствовать «правде факта»: в конце 80-х гг. начались работы по благоустройству этой части дороги. «Большая Московская (дорога) на 60 верст, от Петербурга до Тосны и пределов Новгородского наместничества. . . ныне мостится камнями», — отметил Радищев в описании Санкт-петербургской губернии (Соч. Т. III. С. 127).

С. 189. *Фоги*. — «Фе, Фо или Фоге — имя главного китайского бога. Китайцы обожают его яко владыку неба и представляют его окруженного сиянием, имеющего сокрытые руки под одежду, разумея тем самым, что он творит все невидимым образом. . . По правую его сторону стоит Конфуций, а по левую Ланза, или Ланку, начальник другой секты китайского богослужения. Многие ученые думают, что Фе то же, что Ной» (Словарь исторический, или Сокращенная библиотека, заключающая в себе жития и

деяния: патриархов, царей. . . богов и ироев древнего язычества. . . Перевод с французских исторических словарей. . . М., 1795. Ч. XIII. С. 117).

С. 190. *Но что ты, где ты, что ты в нас . . . тебя скрывающую.* — Как установил В. П. Семенников, эта опущенная впоследствии фраза находится в соответствии с фрагментом из сочинения Руссо «Исповедание веры савойского викария»: «Я вижу бога везде в его творениях, я его ощущаю в себе, я его вижу кругом себя; но лишь только я хочу исследовать, где он, что он и в чем его сущность — он от меня исчезает, и мой смущенный ум ничего более не видит» (см.: Семенников В. П. Радищев: Очерки и исследования. М.; Пг., 1923. С. 428).

С. 205. . . *даст в наследие внукам твоим село, зовомое село Крови.* — Радищевское название «село Крови» представляет собой переосмысление славянского топонима «село крове» (что в русском синодальном переводе означает «земля крови»). В Библии этот топоним встречается дважды, причем объясняется по-разному. В Евангелии от Матфея (гл. 27, ст. 5—8) рассказывается, что после того, как Иуда, раскаявшись, вернул 30 сребренников первосвященникам, они на эти деньги купили землю для погребения странников, — и место это стало именоваться «земля крови» («село крове» в славянском тексте). В Деяниях же апостолов (гл. 1, ст. 18—19) сообщается, что «землей крови» называется земля, приобретенная самим Иудой «неправедною мздою», на деньги, полученные за предательство Христа. Радищевский топоним по смыслу ближе ко второй версии и означает: имение, приобретенное неправедным путем.

С. 282. *Творение мира.* — «Песнословие» (т. е. оратория) построена на мотивах библейского ветхозаветного предания о сотворении мира, наиболее полно изложенного в «Первой книге Моисеевой» (гл. 1). Однако предание, взятое из Ветхого завета, Радищев объединил с сюжетом, заимствованным из библейского Нового завета («Евангелие от Иоанна», гл. 1), и переосмыслил под углом зрения деистической философии и революционного мировоззрения (см. также «Вольность», строфы 27—28 и 54).

С. 283. *Времени круга мира когда не измерили.* — В четвертый день творения бог создал светила «для отделения дня от ночи, и для знамений и времен, и дней и годов» (Первая книга Моисеева, гл. 1, ст. 14—19); о множественности миров в Библии, разумеется, не говорится.

С. 283. *Возлюбленное слово. . . Во мне, я ты, ты я.* — «В начале было слово, и слово было у бога, и слово было бог. Оно было в начале у бога» (Евангелие от Иоанна, гл. 1, ст. 1—2).

С. 284. *А я в себе почию, бог.* — «И совершил бог к седьмому дню дела свои. . . и почил в день седьмый от всех дел своих. . .» (Первая книга Моисеева, гл. 2, ст. 2).

С. 285. *Но корень твоего блаженства В тебе нетленен сотворю.* — Мысль, что люди должны не возлагать надежды на вмешательство бога, а быть сами творцами своего счастья, с большей ясностью сформулирована в «Бронницах», где герой слышит в своем воображении голос бога: «Чего ищешь, чадо безрассудное? Премудрость моя все нужное насадила в разуме твоём и сердце. . .»

С. 285. *Да окрепнет в твердь пучина. . .* — «И сказал бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды» (Первая книга Моисеева, гл. 1, ст. 6).

С. 286. *Не мой сей есть совет, но Мармонтелев.* — Ж.-Ф. Мармонтель (1723—1799) — французский писатель-просветитель. Статьи его о литературе печатались в «Энциклопедии»; в 1787 г. Мармонтель собрал их в книге «Основы литературы».

С. 295. . . *в газетах. . . я, будучи не пятиклассной, был бы означен просто цифирью. . .* — После регистрации в управе благочиния в «Московских ведомостях» публиковались имена приехавших в Москву особ первых пяти классов; сведения об остальных приезжих приводились суммарно, с указанием количества лиц по классам. Так же сообщалось в «Санктпетербургских ведомостях» о прибывших в Петербург.

С. 306. *Филипп Орлеанский (1674—1723)* — регент Франции в 1715—1723 гг. Чтобы упорядочить расстроенные финансы, в 1716 г. по предложению авантюриста Джона Ло регент разрешил выпускать бумажные кредитные билеты. За короткий срок было выпущено денег на 3 миллиарда, хотя их золотое обеспечение составило всего 50 миллионов франков. В результате разразилась финансовая катастрофа.

С. 306. . . *покойной султан турецкий. . .* — О ком конкретно идет речь, неясно. К моменту создания цензурной редакции «покойным» был Мустафа III, правивший Турцией в 1757—1774 гг. Возможно, однако, имеется в виду его преемник Абдул-Гамид, султан с 1774 по 1789 г., ошибочно названный «покойным» (и поэтому данное слово в Ан зачеркнуто). Жестокостью отличались оба, и потому не исключено, что сначала Радищев писал о Мустафе, а затем переделывал текст, имея в виду Абдул-Газида.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ	5
ВОЛЬНОСТЬ	124

ДОПОЛНЕНИЯ

Сокращения, принятые в разделах «Дополнения» и «Приложения»	140
Пагинации и состояние рукописи А. Ее состав по почеркам и содержанию	143
Путешествие. (Реконструкция ранней редакции)	152
Варианты и разночтения к дополнительным фрагментам	307
Варианты и разночтения к «Вольности»	344
Путешествие из Петербурга в Москву. Сочинение Радищева. (Мой альбом. Книга 7. Н. Г.)	351

ПРИЛОЖЕНИЯ

История создания «Путешествия из Петербурга в Москву» и «Вольности» (В. А. За- падов)	475
Текстологические принципы издания (В. А. Западое)	624
Примечания	644

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ РАДИЩЕВ

ПУТЕШЕСТВИЕ
ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ.
ВОЛЬНОСТЬ

*Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Литературные памятники»*

Редактор издательства *Н. А. Никитина*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Л. М. Семенова*
Корректоры *О. М. Бобылева, Н. И. Журавлева*
и *Г. И. Суворова*

ИБ № 44270

Сдано в набор 12.02.90. Подписано к печати 04.11.91.
Формат 70 × 90 ¹/₁₆. Бумага типографская № 2.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 49.14+0.14 вкл. Усл. кр.-от. 50.45. Уч.-изд. л. 55.57.
Тираж 20 000. Тип. зак. № 123. Цена 30 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». С.-Петербургское отделение.
199034, Санкт-Петербург, В-34, Менделеевская линия, 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Санкт-Петербург, В-34, 9 линия, 12.